

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slaw 109.50

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

UNDER A VOTE OF THE PRESIDENT AND FELLOWS
OCTOBER 24, 1898

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

44

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1888.

ИЗДАНИЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

- Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Характеристика Державина какъ поэта, Я. К. Грота. — Сношенія П. И. Рычкова съ Академію Наукъ въ XVIII столѣтіи. П. П. Пекарскаго. — Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота. — О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, его же.
- Томъ II. Жизнь и литературная перописка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — Литовскія народныя пѣсни, И. Юшкевича. — Коренное значеніе родства у Славянъ, П. А. Лавровскаго. — Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. П. Пекарскаго. — Труды югославянской академіи наукъ и художествъ, И. И. Срезневскаго. — Литературныя труды П. И. Кениена, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.
- Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.
- Томъ IV. Феофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. — Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.
- Томъ V, вып. I. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полюнова и Саввантова въ письмами къ Городчанину и Анастасевичу. — Перописка Евгенія съ Державинскимъ, Я. К. Грота, съ письмами къ г. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — О словаряхъ Евгенія, А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.
- Томъ V, вып. II. Перописка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — Доходъ. Біогр. извѣстіе о Крыловѣ, его же. — О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи, А. В. Никитенко. — О языкѣ Крылова, И. И. Срезневскаго. — О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки, А. Ѳ. Бычкова. — Сатира Крылова и его Почта Духовъ, Я. К. Грота. — Слово въ день юбилея Крылова, преосв. Макарія. — Пирогъ; Лытый; Кофейница, драматич. сочин. Крылова. — Пиръ басня, его же. — Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова, Я. К. Грота. — О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова, его же. — Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, сост. В. Ѳ. Кеневичемъ. — Матеріалы для біографіи Крылова, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семеновскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.
- Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки», записка И. И. Срезневскаго. — Записка о томъ же, А. Ѳ. Бычкова. — Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтіи, П. П. Пекарскаго. — Толковый словарь В. И. Даля, записка Я. К. Грота. — О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля, записка Л. И. Шренка. — О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — Дополненія и замѣтки къ словарю Даля, Я. К. Грота. — Дополненіе къ областному словарю, Н. Я. Данилевскаго. — Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи, Я. К. Эрбена. — Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Бібліотеки», статья К. И. Невоструева. — О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в., архим. Амфилохія. — Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи, В. Макушева. — Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. —

- Материалы для библиографіи литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева. — Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. — Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ материалы для славянской исторіи. — П. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Барн и Анкона, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. Н. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ биографіею и портретомъ Арсеньева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота. — Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. — Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго. — Повѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова. — Библиографическія находки во Львовѣ, Я. Ф. Головацкаго. — Дополненія къ словарю Даля, П. В. Шейна. — Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота. — Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774), М. Н. Лонгинова. — Дополненіе къ очерку славяно-русской библиографіи В. М. Удольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.
- Томъ XII. Свидѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ. И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, нмѣ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XV. Свидѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго писма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Материалы для исторіи Пугачевского бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, И. Я. Порфирьева. — Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Материалы для библиографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилейѣ Упсальскаго университета, Я. К. Грота. — Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и начатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховскій договоръ. — Присхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова. — На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателей славянской филологіи, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ коммисіи о присужденіи проміи графа Н. А. Кумалева-Безбородки за біографію кандидера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды пресвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова. — Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота. —

- Слово о двѣнадцати скахъ Шахашни, по рукописамъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного анолога Варлаама и Юасава. А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC. И. И. Срезневскій. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій. М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго. С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ Н. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-инженерскій словарь Минской губерніи мѣстечка Семеновъ. — Старобрядческій синодикъ. А. Н. Пылина. — Разысканія въ области духовныхъ стиховъ. А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ. И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Ст. П. Я. К. Грота. — Фриульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю. И. И. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г. составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова. И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V. — Южно-русскія былины. А. Н. Веселовскаго. — Srolaans-sprekens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ. А. Н. Веселовскаго. — О Ксанфій. Греческая Тразекутская былина Византийскаго эпохи. Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. Ф. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.
- Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. Сказки и забавныя дѣтскія. — Кн. II. Листы историческія, календари и буквари. — Кн. III. Притчи и дѣтскія духовныя. — Кн. IV. Примѣчанія и дополненія. — Кн. V. Заключение и алфавитный указатель именъ и предметовъ. — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.
- Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамарлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандѣ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленнымъ подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — Разысканія въ области духовнаго стиха. III—V. А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.
- Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ. Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ. А. Н. Веселовскаго. — Новая свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. Я. К. Грота. — Библиологическій словарь и черновыя къ нему матеріалы. П. М. Стрובה. Изданъ подъ редакціею А. Ф. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.
- Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ. Г. Воскресенскаго. — Письма Погодина къ Максимовичу. С. И. Пономарева. — Исторія Россійской Академіи. Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина. Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ф. Миллера. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ. — Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго. — Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота. Составленъ С. И. Пономаревымъ. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI. А. Н. Веселовскаго. — Письма В. С. Сопикова къ К. Ф. Калайдовичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. — А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII. М. И. Сухомлинова. — Замѣтки по ли-

- тературъ и народной словесности. А. Н. Веселовскаго. I. — Матеріалы для бібліографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883). Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-надеографическихъ статей. И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884). Сообщилъ П. Тихановъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья третья. Я. К. Грота. — Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ. Цѣна 2 р. 50 к.
- Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Д. Дестуниса. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.
- Томъ XXXVI. «Русское правоисаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — Южно-русскія былины. Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г., съ приложеніемъ рецензій профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.
- Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — Странствующій Жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — «Книги законныя», содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ, византийскіе законы земледѣльческіе, уголовныя, брачныя и судебныя. А. Павлова. — Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Графа Д. А. Толстаго. — Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. — Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. — Къ изданію Иллады въ переводѣ Гнѣдича. С. И. Пономарева. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Кошгара въ невременномъ порядкѣ. Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.
- Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ Русское Правоисаніе. Записка Я. К. Грота. — Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. — Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста. Е. В. Пѣтухова. — Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія. Г. А. Воскресенскаго. — Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха. — Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.
- Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. — Бѣлорусскій Сборникъ. П. В. Шейна. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году, составленный А. Ф. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.
- Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужнянскаго. — Народная поэзія. Ф. И. Буслаева. — Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ. Е. Пѣтухова. — Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей Я. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. II, 3 р.
- Томъ XLIII. Отъ второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Ба-

тиошкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — Характеристика Батюшкова какъ поэта, рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — Изъ исторіи русской переводной повѣсти XIII вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, составленный предѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — Исторія Россійской Академіи. Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи. — Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

- Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.
 Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.
 Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.
 Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
 Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.
 Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1874: 2 руб. 50 коп.
 Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.
 Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 3 руб.
 Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ девяти томамъ роскошнаго изданія Сочиненій Державина 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота.

- 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.
 Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 4 руб. — Томъ II. 1869: 4 руб. —
 Томъ III. 1870: 4 руб. — Томъ IV. 1874: 4 руб. — Томъ V. 1876: 4 руб. — Томъ VI.
 1876: 4 руб. — Томъ VII. 1878: 4 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880.

Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же, Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же, Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторы, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делляя въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. Н. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорускаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.

Филологическія Разысканія, Я. Грота. 2 тома. 1885. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

- Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870. Цѣна 8 р. Т. II. Спб. 1878. Цѣна 8 р. 50 к.
- Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1878: 25 к.
- Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.
- Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.
- Воспоминанія о четырехдесятилѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 80 коп.
- Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. 1877: 45 к.
- Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.
- Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнителныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.
- XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.
- Русская историческая библиографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249 Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. № 36,811—44,705. Спб. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. № 44,706—54,692. Спб. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. № 54,693—66,021. Спб. 1886. 3 р.
- Древніе намятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. 1882. 2 рубля.
- Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.
- Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.
- Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.
- Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
- Н. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.
- Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.
- Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.
- Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.
- Маріинское Евангеліе, изд. И. В. Ягичемъ 1885. Ц. 5 р.
- Служебныя миновъ за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.
- Материалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 8 р. — Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р. — Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р. — Т. IV. 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.
- Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.
- Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. 1887. Ц. 1 р. 75 к.
- Народная поэзія. Очерки Ѳ. Буслаева. 1887. Ц. 2 р. 25 к.
- Хронологическая канва для біографіи Пушкина. 1888. Ц. 30 коп. Изданіе 2-е, Я. Грота и С. Пономарева.
- Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева. 1888. Ц. 20 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томъ XI Сборника Отдѣленія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

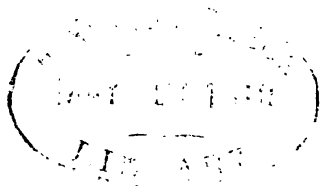
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1888.

~~Soc 8983.18~~

P Slav 109.50

Pierce fund

Напечатано по распоряжению Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева..... № 1.	1— 24
Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева..... № 2.	1— 16 ✓
Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ. А. Н. Веселовскаго..... № 3.	
Славяно-романскія повѣсти.....	1— 24
Южно-славянская повѣсть о Троѣ.....	25—121
Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ въ Познанской рукописи конца XVI вѣка.....	125—350
Поправки и дополненія.....	351—361
Приложенія:	
Повесть о витезахъ с кимъ сѣрбскихъ, а звлца о славномъ рыцери Тристан(е), о Андалоте и о Бове и о мншихъ многихъ витезахъ добри(хъ)...	1—127
Исторія о князати Бгвидоне.....	129—172
Исторія о Атлии короліи угорьскомъ.....	173—236
Слово о некоемъ храбромъ витязе и о славномъ бо- гатыре о Бове Королевиче.....	237—262
Сямбирская молвь. Къ матеріаламъ для изученія областныхъ нарѣчій. А. Мотовилова..... № 4.	1— 34

ПРАВИЛА

О ПРЕМІЯХЪ ПРОФЕССОРА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Вслѣдствіе желанія, заявленнаго Отдѣленію русскаго языка и словесности вдовою покойнаго профессора Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства, учреждены при Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго на всеподданнѣйшій докладъ Министра Народнаго Просвѣщенія, преміи имени Котляревскаго на слѣдующихъ основаніяхъ, утвержденныхъ г. Министромъ 15 Ноября 1883 года:

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 17 марта 1883 года, при Императорской Академіи Наукъ учреждаются преміи имени Котляревскаго, покойнаго профессора университета Св. Владимира, за сочиненія опредѣленнаго ниже въ пунктѣ 7-мъ содержанія.

2. На преміи сіи назначаются проценты съ капитала въ *восемь тысячъ* рублей, пожертвованнаго вдовою Котляревскаго и заключающагося въ облигаціяхъ Восточнаго займа.

3. Этотъ капиталъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ могущею впредь быть причисленною къ нему частію процентовъ въ нижеупомянутыхъ случаяхъ.

4. Премія Котляревскаго состоитъ на первое время изъ *тысячи* рублей и присуждается чрезъ каждые три года изъ суммы процентовъ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

5. За сочиненіе, признанное вполне удовлетворительнымъ, присуждается полная премія въ помянутомъ размѣрѣ; если такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ *пятьсотъ* рублей каждая.

6. Преміи, оставшіяся не присужденными или по какимъ-либо обстоятельствамъ не выданными, присоединяются къ основному капиталу. По мѣрѣ накопленія процентовъ, Академіи предоставляется право: 1, сверхъ одной полной преміи въ 1000 руб., присуждать по усмотрѣнію еще и половинную, и 2, въ видѣ задачъ на премію, объявлять темы трудовъ, подходящихъ подъ одинъ изъ разрядовъ сочиненій, исчисленныхъ вслѣдъ за симъ въ пунктѣ 7-мъ.

7. Премія Котляревскаго назначается за напечатанныя ученыя изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи, именно:

а) За изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, разсматривающія бытъ Славянъ въ географическомъ или культурномъ отношеніи въ самую раннюю эпоху ихъ исторической жизни; подобнаго рода изслѣдованіе можетъ ограничиваться однимъ какимъ-либо славянскимъ племенемъ, но и въ такомъ случаѣ оно должно обнимать географическое распространеніе, характеръ поселенія и внутренней бытъ племени.

б) За изслѣдованія по исторіи славянскихъ литературъ или устной словесности: изслѣдованія по исторіи литературъ могутъ касаться цѣлой эпохи или же представлять обстоятельное критическое разсмотрѣніе отдѣльнаго писателя, занимающаго видное мѣсто въ литературѣ своего народа. Изслѣдованія по исторіи русской словесности могутъ участвовать въ соисканіи преміи только въ такомъ случаѣ, если дѣло идетъ объ отношеніи русской къ какой-либо другой славянской литературѣ.

в) За изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи, вмѣющія предметомъ либо историческую ихъ судьбу, либо особенности живыхъ народныхъ говоровъ; въ послѣднемъ случаѣ, къ изслѣдованію должны быть

приложены образцы того говора, къ которому оно относится. Изъ этого разряда трудовъ не исключаются словари и грамматики, имѣющіе вполне научный характеръ.

8. При равномъ достоинствѣ, сочиненія первой (подъ а) изъ исчисленныхъ въ предыдущемъ пунктѣ категорій предпочитаются сочиненіямъ второй (подъ б), а эти сочиненія третьей (подъ в) категоріи.

9. На соисканіе преміи Котляревскаго могутъ быть представляемы сочиненія, напечатанныя какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но при равномъ достоинствѣ поступившихъ на конкурсъ трудовъ, преимущество отдается сочиненію, написанному по-русски.

10. Премія получается только самимъ авторомъ сочиненія или законными его наслѣдниками, но никакъ не издателемъ чужого труда.

11. Къ соисканію премій Котляревскаго допускаются только сочиненія, появившіяся въ предшествовавшее конкурсу трехлѣтіе; на первый же конкурсъ принимаются труды, напечатанные въ послѣднія шесть лѣтъ передъ этимъ конкурсомъ.

12. Назначаемыя на конкурсъ сочиненія доставляются въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ не позже какъ въ теченіе декабря мѣсяца передъ конкурснымъ годомъ. За три мѣсяца до срока Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи.

13. Конкурсъ на преміи Котляревскаго будетъ происходить въ 1886, 1889, 1892 годахъ и т. д.

14. Премію присуждаетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, которому предоставляется право къ разсмотрѣнію представленныхъ на соисканіе сочиненій приглашать постороннихъ ученыхъ.

15. Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ въ соисканіи преміи участвовать не могутъ.

16. Отчетъ о присужденіи премій Котляревскаго читается

однимъ изъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности въ публичномъ засѣданіи 19-го октября конкурснаго года.

17. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ госпожею Котляревскою пожертвована особая сумма въ *тысячу пять сотъ* рублей.

18. Если бы съ теченіемъ времени, по указанію опыта, представилась надобность въ измѣненіи того или другого изъ выше изложенныхъ правилъ, то Императорская Академія Наукъ, по предложенію Отдѣленія русскаго языка и словесности, испрашиваетъ на то разрѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, при чемъ однакоже самое назначеніе премій не можетъ быть измѣнено.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Томъ XLIV, № 1.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА

ДЛЯ

БЮГРАФІИ ПУШКИНА.

СОСТАВИЛЪ **Я. Гротъ.**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ **С. И. Пономарева.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.

1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Май 1888 года.

Непрѣѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ДЛЯ БИОГРАФІИ ПУШКИНА.

(Я. К. Грота и С. И. Пономарева.)

Цѣль этого перечня — служить пособіемъ не однимъ будущимъ біографамъ Пушкина, но и вообще внимательнымъ читателямъ его, особенно пользующимся такими изданиями, гдѣ сочиненія его расположены не въ повременномъ порядкѣ. Первое изданіе «Хронологической канвы» помѣщено въ XLII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз. и сл.*; теперь оно является съ дополненіями, сдѣланными С. И. Пономаревымъ и отчасти мною. Для ожидаемыхъ впоследствии дальнѣйшихъ прибавленій и поправокъ печатаемъ отдѣльные оттиски этой статьи съ пробѣлами. На общезвѣстные источники болѣе частью не ссылаемся. Изъ сочиненій Пушкина заносимъ въ перечень только важнѣйшія или находящіяся въ связи съ его біографіей. Болѣе подробный хронологическій перечень ихъ см. въ VII томѣ изданія лит. фонда, въ концѣ, стр. III—XIII. Я. Гротъ.

1696. Рожденіе Абрама (Ибрагима) Петр. Ганнибала (по Лонг., *P. A.* 1864, стр. 185; — по А. С. Пушкину, *Соч.* V, 151 ¹⁾), Ган. родился 1688).
1705. Поступленіе Абр. Ганнибала на службу къ Петру В.
1707. Крещеніе Абр. Ганнибала Петромъ В. въ Вильнѣ.
1716. Отправленіе Абр. Ганнибала въ Парижъ на воспитаніе.
1723. Возвращеніе Абр. Ганнибала въ Россію и опредѣленіе его въ бомбардирскую роту преображенскаго полка.

¹⁾ Всѣ ссылки на сочиненія Пушкина дѣлаемъ по изданію литературнаго фонда, означая только томъ и стран., а въ VII томѣ и № письма; но когда для отысканія письма достаточно одной даты его, то другого указанія не прибавляемъ.

1723. Февр. 17. Рожденіе Льва Александр. Пушкина, дѣда поэту (впослѣдствіи полковника артиллеріи), женатаго во второмъ бракѣ на Ольгѣ Вас. Чичериной. (Онъ ум. 1790).
1727. Отправленіе Абр. Ганнибала съ порученіемъ въ Сибирь.
1731. Возвращеніе Абр. Ганнибала изъ Сибири и отправленіе его Мннхомъ въ деревню.
1734. Вторая женитьба Абр. Ганнибала на Христинѣ Шебергъ.
1735. Рожденіе Ивана Абрамовича Ганнибала.
1740. Рожденіе Петра Абрам. Ганнибала.
1742. Рожденіе Осипа Абрамовича Ганнибала (дѣда Пушкина).
— Абрамъ Петр. Ганнибалъ пожалованъ въ генераль-майоры и назначенъ ревельскимъ оберъ-комендантомъ.
1762. Іюня 8. Отставка Абрама Петр. Ганнибала по прошенію.
— При водаревіи Екатерины II Левъ Александр. Пушкинъ (дѣдъ поэта), служившій въ артиллеріи, остается вѣрнъ Петру III.
1765. Сент. 2. Письмо Екатерины II къ Абр. Ганнибалу о доставленіи ей плана канала между Москвой и Петербургомъ (Ав. *Мат.* ¹) 292).
1770. Апр. 27. Рожденіе Василья Львов. Пушкина († 1830).
— Взятіе Наварина Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1771. Во время чумы въ Москвѣ рожденіе Николая Ник. Раевского (впосл. генерала). Мать его — рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова.
— Рожденіе Сергѣя Львовича Пушкина († 1848, 77-и лѣтъ).
1775. Рожденіе Надежды Осиповны Ганнибалъ, матери Пушкина († въ 1836 г., 60-ти лѣтъ).
— Авг. 12. Рожденіе въ Ригѣ Егора Ант. Энгельгардта († 1862).
1779. Построеніе Херсона Иваномъ Абр. Ганнибаломъ.
1781. Смерть Абрама Петр. Ганнибала на 86-мъ году (по Лонг.; — по А. С. Пушкину на 93-мъ).
1790. Смерть Льва Александр. Пушкина (род. 1723).
1796. Ноябрь. Свадьба С. Л. Пушкина съ Над. Ос. Ганнибалъ въ Петербургѣ.
1797. Рожденіе Екат. Никол. Раевской, въ замуж. съ 1821 г. Ордовой. (Барт. *II. въ Южн. Рос.*, стр. 52).
— Авг. 6. Рожденіе барона А. А. Дельвига въ Москвѣ († въ Пб. 1831).
— Сергѣй Львов. Пушкинъ оставляетъ военную службу (гвард. егерскій полкъ, въ который перешелъ изъ измайлов. при имп. Павлѣ).
— Дек. 20. Рожденіе въ Петербургѣ Ольги Серг. Пушкиной (въ замуж. Павлицевой).
1799. Марія Александровна Ганнибалъ, бабушка поэта, продаетъ село Кобрино и приобретаетъ подмосковное село Захарово. Все семейство переехало на жительство въ Москву и съ тѣхъ поръ лѣто проводитъ въ Захаровѣ до 1811 г. По другому показанію, Захарово куплено въ 1806. (*Москвит.* 1852, № 24, отд. IV, стр. 24).

¹) Анненкова *Материалы для біографіи Пушкина* цитуетъ по второму, отдѣльному ихъ изданію.

1799. Мая 26 (день Вознесения). Рождение въ Москвѣ Александра Сергѣевича Пушкина.
1801. Рождение Ник. Ник. Раевского (младшаго).
— Окт. 12. Смерть Ивана Абр. Ганнибала (род. 1735).
1802. Рождение Ник. Серг. Пушкина (ум. 1807) ¹⁾.
1806. Рождение Льва Серг., вполн. женатаго на Елиз. Александр. Загряжской. (Онъ ум. 1852).
— Смерть Осипа Абрам. Ганнибала (род. 1742), дѣда поэту, женат. на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамб. воеводы, двюр. сестрѣ дѣду поэта Льву Александр. (См. 1723).
— Покупка сельца Захарова (*Москвитян.* 1852, № 24, отд. IV, с. 24).
1807. Смерть Николая Серг. Пушкина (род. 1802) и погребеніе его въ Вязѣмахъ.
1810. Авг. 12. Имп. Александръ I утверждаетъ постановленіе о царско-сельскомъ лицѣѣ.
1811. Янв. 11. Обнародовано постановленіе о лицѣѣ.
— Июнь. Первая публикація о приѣмѣ воспитанниковъ въ лицѣѣ.
— Авг. 12. А. С. Пушкинъ сдаетъ экзаменъ для поступленія въ лицѣѣ.
— Сент. 22. Подписана императорская грамота лицѣѣю.
— Окт. 19. Открытіе царскосельскаго лицѣѣ.
— » 23 (понед.) Начало преподаванія въ лицѣѣ.
— Продажа сельца Захарова.
1813. Авг. 27. Рождение Нат. Никол. Гончаровой (см. письма Пушкина, *Соч.* VII, 320, № 348).
1814. Янв. 27. Открытіе въ Софін Лицейскаго Благороднаго пансіона.
— Марта 23. Смерть перваго директора лицѣѣ, Вас. Федор. Малиновскаго.
— Мая 8. За болѣзнію проф. Н. Θ. Кошанскаго, назначеннаго исправлять должность директора, управленіе лицѣѣмъ поручено конференціи.
— Мая 10. Адъютантъ Галичъ временно замѣняетъ больного Кошанскаго (по 1-е іюня 1815 г.).
— Іюля 4 (субб.) Первое напеч. стихотв. Пушкина *Другу стихотворцу* появилось въ № 13 *Вѣстника Европы*.
— Сергѣй Львов. Пушкинъ, вновь поступивъ на службу, состоитъ въ Варшавѣ начальникомъ комиссаріатской комиссіи резервной арміи.
— Сент. 13. Управленіе лицѣѣмъ возлагается на директора лиц. пансіона Гауэншильда, а вслѣдъ за тѣмъ, по увольненіи его, на инспектора Фролова.
— Сент. 28. Гауэншильдъ вступаетъ въ должность директора лицѣѣ.
1815. Янв. 8. Экзаменъ въ лицѣѣ для перехода въ старшій курсъ; Пушкинъ читаетъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, въ присутствіи Державина.

¹⁾ По словамъ Л. Н. Павлищева (*Истор. Вѣстн.* 1888, № 1), у Сергѣя Льва были еще сыновья: Павелъ, Михаилъ, Платонъ и дочь Софья, умершіе въ малолѣтствѣ.

1815. Апрель. Полная подпись имени поэта *Александръ Пушкинъ* является въ первый разъ въ № 4 *Россійскаго Музеума*, подъ стихотв. *Воспоминанія въ Ц. С.*
1816. Янв. 9. Въ лицей членамъ конференціи предписано поочередно управлять заведеніемъ.
- Янв. 27. Указъ о назначеніи директоромъ лицея Ег. Ант. Энгельгардта (род. 12 авг. 1775, ум. 15 янв. 1862). Воспом. о немъ *Р. Арх.* 1872, стр. 1462—1491.
 - Марта 4. Энгельгардтъ вступаетъ въ должность директора лицея (остаётся въ ней по 31 окт. 1823 = 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ).
 - Марта, послѣ 22-го. Посѣщеніе Пушкина въ лицей Карамзиннымъ съ кн. Вяземскимъ и В. Л. Пушкинымъ (см. письмо Кар. отъ 21 марта въ *Неизд. соч.* его).
 - Поступленіе въ лицей П. Е. Гѣоргиевскаго адъютантомъ Кошанскаго.
 - Іюля 9. Смерть Державина.
1817. 10 марта. Стих. *Моему Аристарху* (въ изданіи литературнаго фонда I, 106, ошибочно отнесено къ 1815 году: см. Ефремовское изданіе Пушкина, 1880, I, 528.)
- Іюня 9. Выпускъ Пушкина изъ лицея, 19-мъ воспитанникомъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря (10-го класса).
 - Іюня 10. Отношеніе кн. А. Н. Голицына къ гр. Нессельроде объ удостоеніи чинами выпущенныхъ изъ лицея воспитанниковъ (Пушкина и Юдина 10-мъ классомъ) и объ опредѣленіи Пушкина и Юдина въ коллегію иностр. дѣлъ, съ содерж. по 700 р. въ годъ.
 - Іюня 13. Высочайшій указъ о томъ же.
 - » 15. Служебная присяга Пушкина.
 - Іюля 3. Прошеніе Пушкина на высоч. ния объ отпускѣ его по 15-е сент. въ Псковскую губ. «для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).
 - Іюля 8. Паспортъ Пушкину за подписью Нессельроде на отпускъ въ Псков. губ.
 - Сент. 1. Письмо Пушкина къ кн. Вяземскому о недавнемъ возвращеніи (до срока) въ Петербургъ.
 - Сент. 4. Пушкинъ проводитъ день съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ и сочиняетъ съ ними два экс-пропта. (*Соч. Бат.* I, 255).
 - Сент. 10 (?) Стихотв. *Прощаніе съ Тригорскимъ.*
 - Знакомство съ Грибоѣдовымъ (IV, 431).
1818. Февр. Пушкинъ лежитъ въ горячкѣ (см. его замѣтку о чтеніи Исторіи Карамзина, V, 40).
- Мартъ. Стихи «Noël». (*Сказки* въ изд. Анскаго I, 194).
 - Смерть бабушки Пушкина Марьи Алексѣевны Ганнибалъ (по *Родосл.* кн. Долгорукова; по Барт. 1817; по Ан. 1819).
1819. Іюля 9 ¹⁾. Прошеніе Пушкина на высоч. ния объ отпускѣ въ Пе-

¹⁾ Это число не подтверждается частною перепискою Пушкина: уже 9-го іюля (?) онъ пишетъ А. И. Тургеневу изъ Михайловскаго (VII, 4, № 3).

тербург. губ. на 28 дней «по собственнымъ дѣламъ». (*Р. Стар.* 1887, № 1).

1819. Юля 10. Паспортъ Пушкину, за подписью Нессельроде, на этотъ отпускъ.
1820. Въ мартѣ или апрѣлѣ окончаніе и печатаніе поэмы *Русланъ и Людмила*, начатой еще въ лицей и писанной въ квартирѣ отца, на Фонтанкѣ, между Изм. и Калинк. мостами, близъ Покрова.
- Жуковский даритъ Пушкину свой портретъ съ подписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя» и т. д.
 - П. проигрываетъ Всеволожскому 1000 р. и въ уплату отдаетъ ему рукопись своихъ стихотвореній.
 - Мая 4. Приказъ Нессельроде о выдачѣ Пушкину 1000 р. на проѣздъ въ Екатеринославъ къ генералу Инзову, попечителю колоній южнаго края (род. 1768 г., ум. 1845 г.).
 - Мая 5. Письмо графа Каподистрии, за подписью Нессельроде, къ Инзову въ Одессу объ *отпускѣ* (un semestre) Пушкина и прикомандированіи его къ канцеляріи Инзова сверхъ штата (*Р. Ст.* 1887, № 1).
 - Мая 5. Отъѣздъ Пушкина съ письмомъ Каподистрии къ Инзову въ Екатеринославъ (поэма *Русланъ и Людмила* допечатывалась).
 - Мая 15. Цензурное разрѣшеніе Тимковскаго на напечатаніе *Русл. и Людм.*
 - Мая послѣднія числа. Отъѣздъ Пушкина изъ Екатеринослава на Кавказъ съ семействомъ Раевскихъ, выѣхавшихъ изъ Кіева 19-го мая.
 - Юня 15. Инзовъ временно назначенъ намѣстникомъ Бессарабской обл. на мѣсто уволеннаго въ отпускъ Бахметева, вслѣдствіе чего канцелярія попечительства о колоніяхъ переведена въ Кишиневъ.
 - Юня 26. На Кавказѣ (въ Пятигорскѣ?) окончены эпилогъ къ *Русл. и Людм.*
 - Авг. Начать *Кавказскій Пѣтнникъ*.
 - » первыя числа. Пушкинъ съ Раевскимъ ѣдетъ съ Кавказа въ Крымъ.
 - Авг. 21. Одинъ изъ черновыхъ набросковъ *Кавказскаго Пѣтнника* (Барт. Ю. Р. 38).
 - Сент. Стихотв. «Погагло дневное свѣтило».
 - » Пушкинъ проводитъ Раевскихъ изъ Юрзуфа въ село Каменку, Кіев. губ. Чигир. у.
 - Сент. 21. Пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ изъ Каменки. Ср. ноябрь 1822 г.
 - Сент. 24. Письмо Пушкина къ брату Льву Серг. о двухмѣсячномъ пребываніи на Кавказѣ, переѣздѣ оттуда моремъ въ Керчь и Феодосію и трехнедѣльномъ гощеніи въ Юрзуфѣ.
 - Окт. Стихотв. *Черная шаль* (Липр., *Р. Арх.* 1866, стр. 1247).
 - » 20. Ссора съ М. Ѡ. Орловымъ и А. П. Алексѣевымъ.

1820. Дек. 4. Письмо Пушкина къ Гвѣдичу изъ Каменки, куда онъ вторично поѣхалъ изъ Кишинева.
1821. Зимой. Поѣздка Пушкина въ Кіевъ на свадьбу М. Ѳ. Орлова съ Ек. Ник. Раевской.
- Февр. 8. Стихотв. *Земля и море* написано въ Кіевѣ.
- » 14. Стихотв. *Муза*.
- » 20. Пушкинъ, пріѣхавъ изъ Кіева въ Каменку, оканчиваетъ поэму *Кавказскій Пльнникъ*.
- Февр. 21. Ал-дръ Иисиланти съ двумя своими братьями и съ Георг. Кантакузеномъ прибылъ изъ Кишинева въ Яссы (письмо Пушкина къ А. Н. Раевскому—мартъ 1821 г., VII, 18, № 11).
- Февр. 22. *Элегія* «Я пережили свои желанья».
- » Пушкинъ былъ въ Одессѣ (VII, 19, № 11).
- Марта 5. Начало рѣзни въ Яссахъ.
- » 11. Ал-дръ Иисиланти перешелъ Прутъ и поднялъ знамя возстанія.
- Марта 23. Пушкинъ извѣщаетъ Дельвига объ окончаніи *Кавказскаго Пльнника*.
- Марта 24. Благодарить Гвѣдича за присылку экземпляра *Руслана и Людмилы*.
- Апр. 2—9. Кишиневскій дневникъ (V, 147).
- » 6—20. Посланіе къ *Чаадаеву*.
- » 11. Стихотв. *Къ моему чернильнику*.
- » 13. Запросъ Каподистріи изъ Лайбаха Инзону о поведеніи Пушкина. (*Р. Стар.* 1887, № 1).
- Апр. 28. Одобрительный отвѣтъ Инзова Каподистріи о Пушкинѣ и просьба о высылкѣ поэты содержанія по 700 р. въ годъ (тамъ же).
- Май. Пушкинъ, съ дозволенія Инзова, ѣдетъ въ Одессу, гдѣ и остается около мѣсяца.
- Мая 15. Эпилогъ къ *Кавказскому Пльнику* написанъ въ Одессѣ (Барт. *Ю. Р.* 76).
- Май или іюнь. Стихотв. *Кимжалъ*.
- Іюля 18. Пушкинъ въ Кишиневѣ узнаетъ о смерти Наполеона и вскорѣ создаетъ стихотв. *Наполеонъ*.
- Сент. 21. Предлагаетъ Гречу купить для *Сына Отеч.* отрывокъ *Кавказскаго Пльника*.
- Нояб. 7. Высылка Катенина изъ Петербурга (VII, 49, № 38).
- Дек. 9—23. Пушкинъ сопровождаетъ Липранди въ служебной его поѣздкѣ въ Аккерманъ и Измаилъ (*Р. А.* 1866, стр. 1271).
- Дек. 26. Кончаетъ посланіе къ *Овидію*.
- Около того же вр. *Братья разбойники* (VII, 58, №№ 45 и 46).
- » » » » дуэль съ Зубовымъ изъ-за картъ (Барт. *Ю. Р.* 97).
1822. Янв. 1. Пушкинъ на праздникѣ по поводу открытія устроеннаго М. Ѳ. Орловымъ манежа дивизіи его (Барт. *Ю. Р.* 97).
- Янв. Дуэль Пушкина со Старовымъ (Барт. *Ю. Р.* 93—96. Ср. Липранди, *Р. А.* 1866, стр. 1416—1421).
- Февр. 4. Ссора съ Балшемъ (*Ю. Р.* 95—97).

1822. Марта 1. *Письмо о птицахъ Олетъ.*
 — Мая 13. *Птичка.*
 — Июнь. Гвидичъ покупаетъ у Пушкина право на изданіе *Кавк. Пльнника*, получ. имъ при п. 22 апр. (см. VII, 33, № 25).
 — Июль. Инзову поручено, оставаясь въ Кишиневѣ, исправлять должность начальника Новороссійскаго края, вмѣсто уволеннаго въ отпускъ генераль-губернатора Ланжерона.
 — Послѣ іюня. Пугешествіе Пушкина въ Измаилъ (*Ю. Р.* 110, а по Липр. между февр. и июлемъ, *Р. Арх.* 1866, стр. 1284).
 — Авг. послѣднія числа. Появленіе *Кавказскаго Пльнника*.
 — Осень. Созданіе *Бахчисарайскаго фонтана*.
 — Ноябрь. Послѣдняя поѣздка Пушкина въ Каменку (*Ю. Р.* 113).
1823. Янв. 13. Француз. письмо Пушкина изъ Кишинева къ Нессельроде съ просьбою объ отпускѣ въ Петербургъ (*Р. Стар.* 1887, № 1).
 — Февр. 21. Всеподдан. докладъ (француз.) Нессельроде о просимомъ Пушкинымъ отпускѣ (тамъ же).
 — Марта 27. Письмо Нессельроде къ Инзову объ отказѣ государя на просьбу Пушкина (тамъ же).
 — До лѣта написана имъ *эротическая поэма*, потомъ уничтоженная. (*Пушкинъ*, Автент. 1874, 146).
 — Мая 7. Въ должность Новороссійскаго генераль-губернатора назначенъ графъ Мих. Сем. Воронцовъ.
 — Мая 9. Первое начало *Евг. Онтима* (Поливанова *Соч. Пушкина*, IV, 178: «Когда начать Онтинъ»?).
 — Май. Пушкинъ, находясь съ разрѣшенія Инзова въ Одессѣ, принятъ на службу къ гр. Воронцову.
 — Іюня 13. Письмо къ А. А. Бестужеву изъ Кишинева о присланной Пушкину *Полярной Звѣздѣ*.
 — Іюля первая числа (ранѣе 4-го). Переѣздъ Пушкина на житье въ Одессу (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1480).
 — Іюль—8 декабря. Двѣ первыя главы *Евгенія Онтима*.
 — Авг. 19. Первое письмо Пушкина изъ Одессы къ Вяземскому.
 — » 25. Письмо Пушкина къ брату о переходѣ на службу въ Одессу и о *Бахчис. фонтанѣ*. Жалоба на отца.
 — Сент. 22. Кончена 1 глава *Евгенія Онтима*.
 — Окт. 14. Пушкинъ поручаетъ Вяземскому 2-е изданіе *Русл. и Людмилы* и *Кавказ. Пльн.* (VII, 53, № 42).
 — Окт. ковецъ. Начата II-ая гл. *Евг. Онт.* (VII, 56, № 44).
 — Нояб. 4. Пушкинъ посылаетъ Вяземскому рук. *Бахчис. фонтана* и упоминаетъ объ оконч. 1-й гл. *Евг. Онт.*
 — Дек. 8. Кончена II гл. *Евг. Онт.* въ Одессѣ.
 — Дек. }
 1824. Янв. } Поэма *Цыганы*.
 — » или февраль. Поѣздка Пушкина съ Липранди въ Бендеры (Липр. *Р. Арх.* 1866, 1460).
 — Февр. 8. Начало III-й главы *Евгенія Онтима*.

1824. Марта 23. Письмо гр. Воронцова къ гр. Нессельроде о необходимости удалить Пушкина изъ Одессы.
- 7 (19) апрѣля. Смерть Байрона.
- Мая 19. Стихотв. *Иностранкъ*.
- Юня 29. П. хочеть купить у Всеволожскаго тетрадь стиховъ, которую проигралъ ему передъ своею высылкою изъ Петербурга (VII, 82. № 69).
- Юля 8. Нессельроде сообщаетъ Воронцову высоч. повелѣнiе объ увольненiи Пушкина отъ службы.
- Юля 11. Письмо Нессельроде къ Воронцову о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Псковъ.
- Юль. Стихотворенiе *Къ морю*.
- » 29. Подписка Пушкина, что онъ обязуется ѣхать безостановочно по предписанному маршруту въ Псковъ.
- Юля 29. Одесскiй градоначальникъ доноситъ гр. Воронцову, что Пушкинъ завтра отправляется въ Псковъ по полученному имъ маршруту.
- Юля 30. Пушкинъ выѣзжаетъ изъ Одессы, получивъ 389 руб. прогонныхъ и 150 р. недоданнаго жалованья.
- Авг. 9. Прибытiе Пушкина въ Михайловское, гдѣ онъ застаеть своихъ родителей.
- Авг. 12. Воронцовъ изъ Симферополя увѣдомляетъ Нессельроде о томъ, что Пушкинъ отправленъ въ Псковъ.
- Сент. 26. Стихотв. *Разговоръ съ книгопродавцемъ*.
- Около того же времени. Два посланiя къ цензору.
- Осенью (сент.—окт.). Пушкинъ поручаетъ Плетневу издать 1-ую главу *Евгенiя Онткина* (Соч. Плетн. III, стр. 313; ср. VII, 94, № 82).
- Окт. П. ведетъ записки и записываетъ сказки. Просить у брата истор. извѣстiя о Стенькѣ Разинѣ (VII, 86, № 75).
- Окт. 2. Окончанiе III-й гл. *Евгенiя Онткина*.
- » 10. Окончанiе поэмы *Цыганы*.
- Окт. Пушкинъ вызванъ въ Псковъ, чтобы представиться мѣстному начальству (губернат. Адеркасъ, опочец. предвод. двор. Пещуровъ).
- Окт. 31. Отчаянное письмо Пушкина къ Жуковскому о своемъ положенiи въ семействѣ.
- Ноябрь. Сергѣй Льв. Пушкинъ изъ Петербурга отказывается отъ возложенной на него обязанности наблюдать за поведенiемъ сына.
- Ноябрь. Смерть тетки поэта Анны Львовны Пушкиной (VII, 95. № 82).
- Ноябрь 19. Встрѣча поэта съ дѣдомъ его Петромъ Абр. Ганнибаломъ ¹⁾ (V, 22).

¹⁾ Слѣдовательно Л. Н. Павлицевъ (*Историч. Вѣстн.* 1868, № 1) невѣрно относитъ смерть Петра Абр. къ 1822 г.

1824. Въ половинѣ ноября все семейство Пушкина уѣзжаетъ въ Петербургъ и оставляетъ въ Михайловскомъ его одного.
- Въ концѣ года начата драма *Борисъ Годуновъ*.
- " " " въ Петербургѣ издано въ первый разъ собраніе стихотв. Пушкина. (*Соч. Плетн.* III, 335).
- Дек. 29. Цензоръ Бруковъ подписалъ дозволеніе печатать I-ую гл. *Евг. Он.*
- Декабр. 31. ххш строфа IV-й главы *Евгенія Онтима*.
1825. Января 11. Приѣздъ Нв. Ив. Пущина въ Михайловское.
- " Стихотв. *Андрей Шенъ*.
- " Въ *Свѣ. Пч.* объявлено объ ожидаемомъ выходѣ I-й главы *Евг. Он.*
- Марта 27. Пушкинъ посылаетъ брату новую рукопись своихъ стихотвореній для напечатанія 2-мъ изданіемъ.
- Апр. 7. П. служитъ заупокойную обѣдню по Байронѣ (VII, 123, № 109).
- Апр. 20-ия числа. Приѣздъ Дельвига въ Михайловское. Около того же времени элегія на смерть Анны Львовны Пушкиной (VII, 126, № 112).
- Апр. П. посылаетъ съ Дельвигомъ II-ю главу *Евг. Он.* Вяземскому.
- Юнь. Смерть москов. литератора Алексѣя Мих. Пушкина (VII, 135, № 119).
- Юнь. Пушкину разрѣшено ѣздить въ Псковъ (VII, 135, № 120).
- Юля 19. Стихотв. «Я помню чудное мгновенье» къ Аннѣ Петр. Кернъ.
- Юля 29. Письмо Пушк. къ дру Мойэру съ просьбою не приѣзжать въ Псковъ.
- Авг. 12. Предисловіе Лемонтэ (Lemontey) къ изданію басенъ Крылова во франц. переводѣ (V, 26).
- Авг. Окончаніе IV-й главы *Евгенія Онтима*.
- " 17. П. увѣдомляетъ Жуковскаго объ успѣшномъ ходѣ сочиненія *Бориса Годунова*.
- Сент. По просьбѣ матери Пушкина, ему позволено ѣздить въ Псковъ и даже жить тамъ.
- Сент. 14. Пушкинъ увѣдомляетъ Катенина, что четыре пѣсни *Онтима* готовы.
- Сент. 24. Письмо къ Вяземскому о встрѣчѣ съ кн. Горчаковымъ.
- Въ концѣ сентября поѣздка въ Псковъ и свиданіе тамъ съ губернаторомъ и преем. Евгениемъ Болховитиновымъ (VII, 161 и 163).
- Окт. 19. Лицейская годовщина: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ».
- " 30. Свадьба бар. Дельвига.
- Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I.
- Стихотв. *Зимній вечеръ*.
- Зимой оковчаніе *Бориса Годунова*.
- Окончаніе пьесы: *Графъ Нулинъ*.
- Дек. Пушкинъ сожигаетъ всѣ свои тетради (V, 148).
- Начата IV-ая глава *Евг. Онтима*.

1826. Янв. 3. Кончена IV-я глава *Евг. Онткина*.
- » 4. Начата V-я глава *Евг. Онткина* (III, 323).
- » Появленіе 1-го изданія *Стихотвореній* Пушкина.
- Февр. Въ письмѣ къ Катенину первая мысль объ изданіи трехмѣсячнаго журнала (VII, 175, № 163).
- Апр. 14. Плетневъ собирается приступить къ печатанію *Цыгановъ*.
- Мая 11. Всепод. прошеніе Пушкина о позволеніи ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу (VII, 177, № 166).
- Лѣтомъ. Пріѣздъ Языкова къ Пушкину въ Михайловское.
- Юля 24. До Пушкина доходитъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ 13-го іюля.
- Юля 29. *Элегія* на смерть г-жи Рязничъ († 1825): «Подъ небомъ голубымъ».
- » 30. Всепод. прошеніе Пушкина о снятіи съ него ошала отправлено эстл.-мъ, лифл.-мъ и пск.-мъ ген.-губернаторомъ Паулутчи къ гр. Нессельроде.
- Авг. Плетневъ приступилъ къ печатанію II-й главы *Евг. Он.* (*Соч. П.* III, 345).
- Авг. 28. Высочайшее повелѣніе, объявленное Дибичу, о вызовѣ Пушкина въ Москву (VII, 185, прим. къ № 176).
- Авг. 31. Отношеніе Дибича къ пск. губернатору Адеркасу объ отправленіи Пушкина въ Москву.
- Сент. 3. Письмо губернат. Адеркаса къ Пушкину объ отправленіи его въ Москву.— Стихотв. *Пророкъ* (?).
- Сент. 4 (вечер.). Отъѣздъ Пушкина изъ Пскова въ Москву.
- » 8. Представленіе Пушкина въ Москвѣ императору Николаю.
- » 30. Гр. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину высоч. повелѣніе положить свои мысли о воспитаніи юношества.
- Въ сентябрѣ первое чтеніе *Бориса Годунова* въ Москвѣ у князя П. А. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* X, 266), потомъ у Соболевскаго и наконецъ—
- Октября 12 у Веневитинова.
- Осенью. Знакомство съ Н. Полевымъ и Мицкевичемъ (*Записки Ксен. Полевого*. Спб. 1888, стр. 171, 197).
- Совѣщаніе объ изданіи новаго журнала, *Моск. Вѣстника* (*Р. Арх.* 1865, 100).
- Около ноября 9. Возвращеніе Пушкина изъ Москвы въ Михайловское (VII, 186, № 178).
- Ноября 15. Пушкинъ окончилъ записку о народномъ воспитаніи, составленную имъ по высоч. повелѣнію (см. сент. 30).
- Ноября 20. Вторичный пріѣздъ Пушкина изъ деревни въ Москву.
- » 29. Письмо Пушкина къ гр. Бенкендорфу изъ Пскова съ приложеніемъ рукописи *Бориса Годунова*.
- Ноября 29. П. собирается опять въ Москву.
- Декабря 13. Стихи *И. И. Пушкину*.
- Декабря 22. Стансы: «Въ надеждѣ славы и добра» (въ Москвѣ).
- Левъ Серг. Пушкинъ записавъ въ Нижегород. полкѣ (*Истор. Вѣстн.* 1888, № 1).

1827. Февр. 19. Пушкинъ пишетъ VII главу *Евг. Он.*
- Стихотв. *Талисманъ.*
 - Марта 15. Смерть Д. В. Веневитинова.
 - Май, начало. Пушкину разрѣшено пребываніе въ Пб. (Ан. *Мат.* 167).
 - Весною въ Москвѣ у Полевого и отъѣздъ въ Пбургъ. (*Зап. Ксен. Полевою.* 209—211).
 - Портретъ Пушкина, работы В. Ар. Тропинина (о немъ *Моск. Телегр.* 1827, ч. XV. *Смѣсь*, стр. 33).
 - Июнь. Пушкинъ въ Петербургѣ.
 - Юня 14. Стихи *Языкову*: «Къ тебѣ сбирался я давно».
 - Юля 16. Стихотв. *Арионъ.*
 - » 20. Жалоба Бенкендорфу на Ольдекона (VII, 194, № 191).
 - » 27. Стих. *Три ключа.*
 - Письмо изъ Михайловскаго къ Дельвигу: Пушкинъ пишетъ *Арана Петра В.*
 - Авг. 15. Стихотвор. *Поэтъ.*
 - Около сентября издана III-глава *Евг. Онгина* (реп. въ *Моск. Телеграфѣ*, октябрь, 1-я книжка. По *Сверной Пчелѣ* № 124 еще ближе можно опредѣлить).
 - Окт. 14. Пушкинъ въ Боровичахъ проигрываетъ проѣзжему 1,600 р., а на слѣдующей станціи встрѣчается съ Кюхельбекеромъ (V, 51).
 - Окт. 19. Днищевская годовщина: «Богъ помочь вамъ, друзья мои».
 - Осенью. Записка *О Байронѣ.*
 - Дѣло кандидата Московскаго университета Леопольдова по поводу списка стихотворенія *Андрей Шенье* (I, 343).
 - Конецъ года. Смерть 70-лѣтней няни Арины Родионовны въ домѣ Ольги Серг. Павлицевой (II, 26).
- Въ концѣ 1827 года или въ самомъ началѣ 1828 напечатаны IV и V главы *Онгина* ¹⁾.
1828. Стихотв. *Друзьямъ* («Нѣтъ, я не льстецъ...»).
- Янв. 27. Свадьба О. С. Пушкиной съ Н. И. Павлицевымъ (*Пушкинъ* Бартенева, II, 19).
 - Февр. 12. Предисловіе ко 2-му изданію *Руслана и Людмилы.*
 - Первая встрѣча П-на съ Н. Н. Гончаровой (VII, 219, № 222).
 - Марта 23 вышла VI глава *Онгина* (*Р. Архивъ* 1866, стр. 1716, письмо князя Вяземскаго ²⁾).

¹⁾ Въ первой книжкѣ 1828 года журнала *СПбурскій Зритель* уже встрѣчаемъ рецензію на нихъ, а въ *Сверной Пчелѣ* № 15 (1828 г. и въ *Моск. Телегр.* № 3, стр. 433). Что же касается того, что посвященіе этихъ главъ Плетневу подписано *декабря 29-го 1828 года*, то это, вѣроятно, описка Пушкина, вѣсто 1827 года (*Декабря 29-е* оказалось потомъ—въ 1865 году—днемъ смерти Плетнева).

²⁾ Въ этомъ показаніи князя нѣтъ никакого повода сомнѣваться: во 1-хъ, конецъ письма его говоритъ о пасхальныхъ наградахъ, а въ 1828 году Пасха именно была 25-го марта; во 2-хъ, рецензію на VI-ю главу *Онгина* встрѣчаемъ въ *мартовской* книжкѣ *Москов. Телеграфа* 1828 (№ 5, стр. 77—82). Срав. *Св. Пчелу*, № 40.

1828. Апр. Ссора съ Великопольскимъ, авторомъ «Сатирн на игроковъ» (VII, 201, прим. къ № 200. *Пушкинъ* Бартенева, II, 131).
- Апр. Просьба въ письмѣ къ Бенкендорфу объ опредѣленіи въ дѣйствующую армію противъ турокъ (VII, прим. къ № 201).
- Апр. 21. П. проситъ позволенія ѣхать въ Парижъ.
- » Предисловіе ко 2-му изд. *Кавказскаго Пѣтнника*.
- Весною. Пушкинъ въ гостиницѣ Демута (*Записки Ксен. Полевого*, 1888, стр. 171, 268, 273—275).
- Мая 9. Пушкинъ на пароходѣ провожаетъ знакомаго. Стихи To Dawe Esq.
- Мая 16. Пушкинъ читаетъ *Бориса Годунова* у Лавали (*Пушк. Барт. II*, 39).
- Мая 19. Стихотв. *Воспоминаніе*.
- » 26. (день рожденія П.) Стихотв. «Даръ напрасный».
- Стихотв. *Предчувствіе*: «Снова тучи надо мною».
- Окт. 3—до 20-хъ чиселъ. Созданіе поэмы *Полтава* въ П-бургѣ.
- » 19—20. Въ ночь отъѣздъ Пушкина въ деревню (*Соч. II*, 54).
- » 27 до послѣднихъ чиселъ ноября. Пушкинъ въ Маливникахъ, тверскомъ имѣніи Вульфа, сына Пр. А. Осиповой.
- Нояб. 4. Кончена VII гл. *Евг. Онтима*.
- » 9. Стихотв. *Анчаръ, древо яда*.
- » 10. Стихотв. *Отвѣтъ Катенину*.
- Около 12 дек. Пушкинъ въ Москвѣ, съ своею *Полтавою* (*Пушк. Барт. II*, 40).
- Дек. 29. Посвященіе Плетневу 4-й и 5-й главъ *Евг. Он.* (См. примѣч. къ 1827 г.).
1829. Янв. 30. Пушкинъ посылаетъ Раевскому *Бор. Год.* съ замѣчаніями о трагедіи. Смерть А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ.
- Янв. 31. Предисловіе къ поэмѣ *Полтава*.
- Стихотв. къ *К. II. Кернъ*: «Когда твои младыя лѣта».
- Марта 4. Подорожная, выданная Пушкину на проѣздъ до Тифлиса и обратно (*Ann. Mat.* 208).
- Марта 9. Отъѣздъ Пушкина въ Москву (*P. Стар.* 1874, т. X, 703) и затѣмъ печатаніе въ Пб., подъ надзоромъ Плетнева, *Полтавы* (*Соч. Плет.* III, 348).
- Около 20 марта обѣдъ у Погодина съ Милкевичемъ, С. Аксаковымъ, Верстовскимъ (*P. Арх.* 1878, II, 50; 1882, V, 81).
- Въ апрѣлѣ. Пушкинъ въ моск. театрѣ; слова его о Грибоѣдовѣ (*Моск. Телегр.* 1830, № 12, стр. 515, въ статьѣ В. Ушакова).
- Въ концѣ апрѣля Пушкинъ сватается за Н. Н. Гончарову, пославъ къ матери ея Толстого (американца), а 1 мая пишетъ первое письмо будущей тещѣ (*P. Арх.* 1881, II, 496—497) и уѣзжаетъ въ Грузію.
- Мая 1. Выѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Грузію (IV, 413).
- » 3 или 4 видится въ Орлѣ съ Ермоловымъ.
- » 15. Пушкинъ въ Георгіевскѣ начинаетъ журналъ путешествія въ Арзрумъ.

1829. Мая 22. Во Владикавказѣ онъ продолжаетъ дневникъ путешествія.
- Июнь. Пушкинъ около двухъ недѣль проводитъ въ Тифлисѣ.
 - » 13. Прибытіе Пушкина въ русскій лагерь.
 - » 14. Участіе Пушкина въ перестрѣлкѣ съ турками (*Зап. Ксен. Полевому*, стр. 354).
 - Июнь. 18. Обѣдъ у Паскевича вблизи Арзрума.
 - » 27. П. присутствуетъ при взятіи Арзрума.
 - Юля 19. Выѣздъ Пушкина изъ Арзрума.
 - » 20. Плетневъ представляетъ Бенкендорфу рѣп. *Бориса Год.* (*Р. Стар.* 1874, т. X. 705).
 - Авг. 1. Пушкинъ въ Тифлисѣ на обратномъ пути.
 - » 6. Выѣздъ изъ Тифлиса.
 - » 10. Во Владикавказѣ на обратномъ пути.
 - Сент. 7. Стихотв. *Делмбашъ*.
 - » 8. Пушкинъ на Горячихъ минеральныхъ водахъ.
 - » 16. Смерть генерала Н. Н. Раевского (V, 71).
 - » 20. Стихотв. *Кавказъ*.
 - Около 26 сентября Пушкинъ возвратился въ Москву (*Р. Арх.* 1882, V, 112).
 - Холодный пріемъ у Гончаровыхъ. (VII, 221).
 - Окт. 2. Строфы x—xii къ VIII-ой главѣ *Евг. Онткина*.
 - » 4. Стихотв. *Дорожная жалоба*.
 - » 16. Пушкинъ въ Малинникахъ (VII, 212, № 214).
 - » 29. Стихотв. *Обвалъ*.
 - Нояб. 2. Въ Михайловскомъ стихотв. «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?».
 - Нояб. 3. Стихотв. *Зимнее утро*.
 - » середина. Возвращеніе въ Петербургъ.
 - Дек. 14. Стихотв. *Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ*.
 - » 24. Начало VIII гл. *Евгенія Онткина*.
 - » 26. Стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ».
- Эпиграммы на Каченовскаго и Надеждина,
1830. Сотрудничество въ *Литературной Газетѣ* Дельвига.
- Янв. 7. Пушкинъ чрезъ гр. Бенкендорфа проситъ позволенія ѣхать за границу или сопровождать нашу миссію въ Китай.
 - Янв. 18. Ходатайство чрезъ Бенкендорфа за вдову ген. Раевского.
 - » 19. Стансы митрополиту Филарету: «Въ часы забавъ или праздной скуки».
 - Февраль. Вышла VII-я глава *Евг. Онткина*. (*Съв. Пчела*. Мартъ 1830, №№ 35 и 39).
 - Марта 4. Пушкинъ выѣхалъ изъ Пб. въ Москву (*Пушкинъ Бартевева*, II, 44).
 - Марта 12. Пріѣздъ Пушкина въ Москву (Письмо оттуда къ Вяз. VII, 216, № 219).
 - » О Пушкинѣ въ Москвѣ; слова его (*Р. Архивъ* 1882. VI, 161.)
 - Мартъ. Избраніе Пушкина въ члены Общества люб. рос. словесн.

1830. Марта 30. Бенкендорфъ требуетъ объясненія объ отъздѣ Пушкина въ Москву безъ спроса (VII, 220, прим. къ № 223).
- Апр. 6. Въ Свѣтлый праздникъ Пушкинъ сдѣлалъ предложеніе Н. Н. Гончаровой, которое и принято ¹⁾.
 - Апр. Начало переписки Пушк. съ Н. И. Гончаровой, матерью невѣсты (VII, 220, № 225).
 - Апр. Плетневъ продаетъ Смирдину право на изданіе соч. Пушкина (*Соч. Плетн.* III, 350).
 - Апр. 16. Пушкинъ проситъ чрезъ Бенкенд. разрѣшенія жениться и напечатать *Бориса Годунова* безъ измѣненій.
 - Апр. 28. Бенкендорфъ сообщаетъ Пушкину разрѣшеніе государя на просьбы отъ 16 апр. (VII, 223, прим. къ № 226).
 - Мая 2. Пушкинъ благодаритъ Вяземскаго за поздравленіе и извѣщаетъ его о своемъ намѣреніи издавать литературно-политическую газету.
 - Мая 6. Помолвка Пушкина.
 - » 12—13. Замѣтка: «Участь моя рѣшена: я женюсь». (IV, 346).
 - Во второй половинѣ мая Пушкинъ посѣтилъ имѣніе Гончаровыхъ Плотнянскій Заводъ, Медвнскаго у., въ 16 верстахъ отъ Калуги.
 - Мая 26. Посѣщеніе Пушкина въ Полот. Заводъ двумя калужскими мѣщанами (Барт. *Пушк.* II, 150).
 - Май. Стихотв. *Къ Вельможѣ* (кв. Юсупову).
 - Юнь. Пушкинъ опять въ Москвѣ, откуда онъ переписывается съ дѣдомъ невѣсты о денежныхъ дѣлахъ (VII, 228, №№ 233 и 234).
 - Юля 1. Стихотв. *Позту*.
 - » 9. Стихотв. *Мадонна*.
 - » 20. Въ письмѣ къ невѣстѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, Пушк. рекомендуетъ своего брата.
 - Августа 10. Пушкинъ выѣзжаетъ съ кн. П. А. Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву (*Соч. Вяз.* IX, 137).
 - Авг. 20. Смерть Василя Львовича Пушкина на другой день послѣ свиданія съ племянникомъ, который опять въ Москвѣ и посылаетъ письма къ Гончаровымъ въ Полотн. Заводъ (VII, 223, №№ 239 и 240).
 - Авг. 31. Грустное письмо къ Плетневу и отъздѣ Пушкина изъ Москвы въ Болдино, Нижегород. губ. (выдѣленное ему отцомъ съ 200 душъ), откуда письма идутъ до конца ноября, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ.
 - Сент. 8. Элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье».
 - » 25. Окончаніе VIII гл. *Евгенія Онегина*.
 - Окт. *Повѣсти Вълкина*.
 - » 10. *Домикъ въ Коломнѣ*.
 - » 16. *Моя родословная*.

¹⁾ Въ *Материалахъ* Анненкова, 1873, стр. 271, сказано: 21 апрѣля; это грубая ошибка: самъ же Анненковъ говоритъ далѣе, что отецъ Пушкина отвѣчалъ ему уже 16 апрѣля, да и Пасха въ 1830 г. было именно 6 апрѣля.

1830. Окт. 22. Пушкину разрѣшено напечатать *Бориса Годунова* подъ собственною его отвѣтственностію (*Р. Стар.* 1874, т. X, 705).
- Окт. 23. Драм. сцены: *Скупой рыцарь*.
- » 26. *Моцартъ и Сальери*.
- » 31 — } *Исторія села Горохина*.
- Нояб. 1. } *Исторія села Горохина*.
- » 4. *Каменный Гость*.
- » 27. Стихотв. «Для береговъ отчизны дальней».
- Въ теченіе ноября появленіе въ Петербургѣ *Бориса Годунова*.
- Осень: *Пиръ во время чумы*.
 Романсъ «Я здѣсь, Ивезилья».
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ.
- Дек. 5. Возвращеніе изъ Болдина въ Москву. Отрывокъ изъ записокъ П. В. Нащокина.
- Дек. 12. Стихотв. *Герой*.
- » 17. Пушкинъ въ Остафьевѣ у князя Вяземскаго (*Соч. Вяз.* IX, 152, и I, 51; *Пушк.* Бартен. II, 47).
1831. Прѣздомъ изъ Болдина Пушкинъ остается въ Москвѣ до конца апрѣля.
- Янв. Къ Новому году вышелъ *Борисъ Годуновъ*.
- » 7. Пушкинъ у кн. Вяземскаго (*Соч. Вяз.* IX, 155). Стих. *Красавица* (II, 127).
- Янв. 14. Смерть Дельвига.
- » 16. Смерть А. Е. Измайлова.
- » 18. Пушк. благодаритъ Бенкендорфа за отзывъ государя о *Бор. Годуновѣ*.
- Января 19. Пушкинъ узнаетъ о смерти Дельвига (VII, 257, №№ 269 и 270).
- Повѣдка Пушкина въ Захарово передъ женитьбою.
- Января 31. Письмо Плетнева къ Пушкину о первыхъ трудахъ Гоголя. (*Соч. Пл.* III, 365).
- Февр. 18, въ среду. Свадьба Пушкина въ Москвѣ.
- Марта 26. Планы Пушкина въ письмѣ къ Плетневу.
- Апр. Пушкинъ проситъ Плетнева нанять ему квартиру въ Царскомъ Селѣ (VII, 266, № 282).
- Мая 11. Слова Пушкина въ Москвѣ (*Р. Арх.* 1882, VI, 185).
- Май. Пушкинъ на нѣсколько дней въ Петербургѣ.
- » 25. Переселеніе Пушкина въ Царское Село.
- Июнь. Знакомство съ Гоголемъ ¹⁾
- О жизни Пушкина глѣтомъ (Гоголь V, 139).

¹⁾ Сличу *Сочиненія и Письма Гоголя* (изд. 1857), V, 138; но тамъ это письмо ошибочно помѣчено 27 іюля: оно іюньское, и послѣ него должно слѣдовать письмо, напечатанное выше, на страницахъ 117—118, опять таки ошибочно помѣченное 1830-мъ годомъ: оно несомнѣнно 1831 года: въ 1830-мъ году Гоголь еще не былъ знакомъ съ Пушкинымъ (Сличу *Соч. Плетнева*, III, 366, письмо отъ февраля 1831 года).

1831. Июня 21 умеръ книгопродавецъ Н. С. Пономаревъ, издатель *Бахчисар. Фонтана*, за который онъ заплатилъ 3,000 р. (*Молва*, 1832, стр. 276).
- Июль. Пріѣздъ Двора въ Царское Село. Пушкинъ посылаетъ Плетневу ркп. *Повѣстей Бѣлкина*.
 - Июль. Въ письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ ходатайствуетъ о позволеніи издавать политич. и литературный журналъ и заниматься въ государственныхъ архивахъ (VII, 277, № 296).
 - Июля 22. Пушкинъ извѣщаетъ Плетнева, что государь назначилъ ему жалованье и открылъ доступъ въ архивы для составленія исторіи Петра Великаго.
 - Июля 23. Письмо Бенкендорфа къ Нессельроде объ опредѣленіи Пушкина въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и позволенія ему заниматься въ архивахъ для исторіи Петра В.
 - Авг. 2. Стихотв. *Клеветникамъ Россіи*.
 - Сент. Печатавіе *Повѣстей Бѣлкина*.
 - » 5. Стихотв. *Бородинская годовщина*.
 - » Издавіе брошюры: *Три стихотворенія на взятіе Варшавы*.
 - » *Сказка о попѣ и его работникахъ; о царѣ Салтанѣ*.
 - Окт. 3. Письмо Онѣгина къ Татьянѣ, вошедшее въ VIII-ю главу романа.
 - Окт. 22. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
 - Ноябрь. Пушкинъ хлопочетъ объ изданіи *Свѣ. Цѣтговъ* для братьевъ Дельвига.
 - Ноябрь. 14. Пушкинъ снова зачисленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ жалованьемъ по 5000 р.
 - Дек. 6. Пріѣздъ Пушкина въ Москву по денежнымъ дѣламъ (отпускъ на 28 дней). Живетъ у Нащокина (письмо къ женѣ 16 дек., VII, 297, № 318).
 - Дек. 22. Смерть Н. Ѳ. Кошанскаго.
 - Конецъ дек. Возвращеніе въ Петербургъ.
 - Въ началѣ 1832 г. напечатана VIII глава Онѣгина (*Моск. Телеграфъ* 1832, № 1; *Русск. Инвал.* № 26; *Сѣв. Пчела*, № 50).
1832. Января 7. Напечатаніе *Амчара* безъ разрѣшенія государя и замѣчаніе Бенкендорфа. (Письмо къ графу, VII, 299, № 320).
- Янв. 12. Во всепод. докладной запискѣ Нессельроде, донося, что П. опредѣленъ въ коллегію иностр. дѣлъ съ производствомъ въ тит. сов., спрашиваетъ высоч. повелѣнія о его занятіяхъ въ архивѣ.
 - Съ этого времени Пушкинъ прилежно посѣщаетъ архивы.
 - Февр. 24. Пушкинъ благодаритъ письмомъ къ гр. Бенк. за книгу, получ. отъ государя, и проситъ позволенія рассмотреть бібліотеку Вольтера.
 - Февр. 29. Пушкину разрѣшено рассмотреть бібліотеку Вольтера.
 - Апрѣль. Начата *Русалка*.
 - Мая 2. Смерть А. О. Орловскаго (художника).
 - » 19. Рожденіе Маріи Александровны Пушкиной (въ замуж. Гартуцъ).

1832. Юля 11. Пушкинъ извѣщаетъ Погодина, что получилъ разрѣшеніе издавать политическую газету.
- Сент. 16. Пушкинъ даетъ Тарасенко-Отрѣшкову довѣренность на званіе редактора политич. и литературной газеты.
 - Сент. 17. Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву ¹⁾.
 - Сент. 21 (среда). Приѣздъ Пушкина въ Москву.
 - » 27. Пушкинъ съ Уваровымъ посѣщаютъ Моск. университетъ на лекціи проф. Ц. П. Давыдова. (*Изъ унив. восп. Гончарова. В. Е. 1887, апр., стр. 502*). — VII, 307, № 331; V, 259, слова А. Н. Майкова.
 - Окт. около 15-го. Возвращеніе Пушкина въ Петербургъ.
 - » 20. Оконч. первой части повѣсти *Дубровский* (VII, 311, № 336).
 - Окт. 29. }
 - Ноябрь 2. } Продолженіе повѣсти *Дубровский*.
 - Дек. 29. }
 - Около того же времени начаты *Пѣсни западныхъ Славянъ*.
 - Дек. Смерть «царскосельскаго товарища» А. А. Шиншкова.
1833. Января 1—Февр. Продолженіе *Дубровскаго*.
- » 7. Пушкинъ избранъ въ члены Росс. Академіи.
 - Въ томъ же мѣсяцѣ начата *Капит. дочка* (кончена въ августѣ).
 - Февр. 3. Смерть Н. И. Гвѣдича.
 - Февр. 6. Оконченъ *Дубровский*.
 - » 9. Письмо къ гр. Чернышеву съ просьбою о доставленіи бумагъ относительно Суворова.
 - Февр. Образъ жизни Пушкина. (Гоголь, V, 171, 175).
 - Марта 9. Пушкинъ приглашаетъ Погодина въ сотрудники по историческимъ занятіямъ (VII, 314, № 340).
 - Май. «Пушкинъ почти кончилъ *Историю Пугачева*... Интересу пропасть! Совершенный романъ». (Гоголь, V, 179).
 - Лѣтомъ изданіе *Отчина* вполнѣ.
 - Лѣто на Черной рѣчкѣ.
 - Кончаетъ пѣсни *Западныхъ Славянъ*.
 - Юля 6. Рожденіе Александра Александровича Пушкина (восприемникомъ Нащокинъ).
 - Юля 30. Письмо къ гр. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ѣхать въ нижегор. деревню и посѣтить Казацъ и Оренбургъ для задуманнаго романа.
 - Къ осени готовы матеріалы для *Ист. Пуцъ б.*, вчерпѣ *Капит. дочка*, *Русалка* и *Дубровский* (Ан. Мат. 361).
 - Авг. 12. Пушкину разрѣшенъ просимый отпускъ въ Казань и Оренб.
 - » около 20-го. Отъѣздъ изъ Черной рѣчки въ Москву. (Письмо къ женѣ изъ Торжка 21 авг.).
 - Авг. 25. Приѣздъ Пушкина въ Москву (VII, 319, № 347).

¹⁾ *Русск. Арх.* 1868, стр. 623, письмо князя Вяземскаго къ И. И. Дмитріеву: «Посылаю вамъ живую грамоту — поэта Пушкина и будущаго газетчика... Царь и Пушкинъ у васъ, — политика и литература воцаренныя».

1833. Авг. 29. Отъѣздъ изъ Москвы въ Нижній.
 — Сент. 2. Пушкинъ въ Нижнемъ (VII, 321, № 349).
 — » 5—8. Пребываніе въ Казани (*Каз. Вѣст.* 1844, № 2).
 — » 10—14. Пребываніе въ Симбирскѣ.
 — » 12. Посѣщеніе деревни Языкова.
 — » 18. Пріѣздъ въ Оренбургъ.
 — » 23. Отъѣздъ изъ Уральска. (VII, 327, № 356).
 — Окт. 1. Пріѣздъ въ Болдино, гдѣ П. остается до второй половины ноября (Барт. *Пушк.* II, 150).
 — Окт. 28. Двѣ баллады изъ Мицкевича.
 — » 29. Вступленіе къ *Мѣдному Всаднику*.
 — » 30. Письмо Пушкина къ женѣ, въ которомъ онъ описываетъ свой день въ Болдинѣ.
 — Окт. 30—31. Окончаніе *Мѣдн. Всадника. Родословная моего героя*.
 — Ноябрь. 24. Возвратъ въ П-бургъ, П. начинаетъ свой дневникъ. (V, 200).
 — Дек. 6. Проситъ чрезъ Бенкендорфа разрѣшенія участвовать въ смирдинской *Библиот. для чтенія* подъ обыкновенной цензурой и представить государю рукопись *Исторіи Пуг. бунта*.
 — Дек. Цензура не пропускаетъ *Мѣднаго Всадника*.
 — Дек. 30. Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры (V, 201; VII, 339, № 369).
1834. Марта 6. Пушкину пожаловано 20,000 р. на напечатаніе *Исторіи Пугач. бунта* (V, 203).
 — Марта 16. Пушкинъ у Греча участвуетъ въ совѣщаніи объ изданіи Энциклоп. словаря Плюшара (тамъ же)
 — Апр. 15. Отъѣздъ Натальи Ник. къ роднымъ въ калужскія имѣнія Полоты. Заводъ и Ярополець. (V, 206).
 — Апр. до августа. Переписка П. съ Нат. Ник. изъ Петербурга.
 — » Запрещеніе Полевому издавать *Телеграфъ* (VII, 348, № 380).
 — Июнь. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ въ ссуду 15,000 р. на два года (VII, 358, № 393).
 — Юля 3. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа беретъ назадъ просьбу объ отставкѣ, поданную за нѣсколько дней.
 — Юля 4. Пушкинъ начинаетъ печатать *Исторію Пугач. бунта*.
 — Авг. 10. Стихотв. *Мицкевичъ* («Онъ между нами жилъ».)
 — » 25. Отъѣздъ Пушкина въ Калугу и затѣмъ въ Болдино для устройства своихъ дѣлъ по этому имѣнію. (V, 210).
 — Сент. 13. Пріѣздъ Пушкина въ Болдино (VII, 370, № 410).
 — Окт. 15—18. Возвращеніе въ Петербургъ (VII, 372, № 414; V, 210).
 — Окт. 19. Участвуетъ въ празднованіи лицейской годовщины.
 — » Поступленіе въ продажу *Исторіи Пугач. бунта*.
 — Къ этому же году относятся: повѣсть *Пиковая дама*.
 — » » » *Курджали*.
 — » » » приготовленіе матеріаловъ для исторіи Петра В.

1835. Янв. 26. Просить позволенія чрез Бенкенд. прочесть пугач. дѣло.
 — » Возвращаетъ Вантышъ-Каменскому матеріалы, которыми пользовался (VII, 376, № 418).
 — Февр. 2. Гр. Бенкенд. сообщаетъ министру юстиціи Дашкову о допущеніи Пушкина въ сенатскій архивъ для прочтенія дѣла о пугачевскомъ бунтѣ.
 — Февр. 21. Дашковъ сообщаетъ гр. Нессельроде о допущеніи Пушкина въ Госуд. архивъ для прочтенія пугачевского дѣла.
 — Апр. 7. Стихотв. *Полководецъ*.
 — » 13. Стихотв. *Туча*. (біографич. характера).
 — » 14. Письмо къ Дмитріеву о критикѣ *Исторіи пугач. бунта*.
 — » Изданіе 4-й части *Стихотвореній*.
 — Мая 3—24. Отпускъ въ Москву.
 — » 16. Рожденіе Григорія Александровича Пушкина (VII, 402).
 — Іюня 1. Пушкинъ проситъ позволенія отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню.
 — Іюля 29. Бенкендорфъ увѣдомляетъ, что по просьбѣ Пушкина государь даетъ ему въ ссуду 30,000 руб. съ вычетомъ ихъ изъ его жалованья (VII, 380, № 425).
 — Авг. 15. *Сцены изъ рыцарскихъ временъ*.
 — » 27. Пушкинъ получилъ отпускъ въ Москву до дек. 23 и ѣдетъ въ калужское имѣніе жены, а потомъ въ Болдино, но возвращается въ Пб. уже къ 15 окт. по причинѣ болѣзни матери.
 — Авг. 28. Письмо Пушкина къ В. А. Полѣнову объ указаніи, гдѣ хранится допросъ, снятый съ Пугачева въ Москвѣ.
 — Сент. 7. Отъѣздъ изъ Петерб. въ Михайловское.
 — » 26. Стихотв. «Вновь я посетилъ».
 — » Стихотв. *На выздоровленіе Лукулла*.
 — Осень. *Египетскія ночи* (стихотв. *Клеопатра* начато 1825).
 — Окт. Изъ Парижа полученъ гравированный портретъ Пугачева (VII, 389, № 436).
 — Въ срединѣ октября Пушкинъ въ Петербургъ.
 — Окт. Прошеніе въ цензуры. комитетъ объ опредѣленіи отношеній къ нему Пушкина (VII, 386, № 433).
 — Окт. Пушкинъ рѣшается издавать журналъ (VII, 387, № 434).
 — Ноябрь. 19. Возвративъ бумаги, полученныя изъ воен. мин., проситъ у Клейнмих. книгу съ письмами и донесеніями Билякова (см. VII, 389, № 437).
 — Дек. 29. Объявленіе въ *Спв. Печмъ* о продажѣ *Исторіи Пугач. бунта*.
 — Дек. 31. Пушкинъ чрезъ Бенкендорфа проситъ разрѣшенія издавать трехмѣсячный журналъ.
 Въ концѣ 1835 или въ началѣ 1836 года размолвка съ гр. В. А. Соллогубомъ (*Русск. Арх.* 1865, № 5—6, стр. 748—751).
1836. Февр. Приготовленія къ изд. Современника (Гоголь, V, 252).
 — » Переписка съ Хлюстинимъ по поводу изданія *Восточн. и критики Сенковского* (VII, 392, № 443, и Барт. *Пушкинъ*, II, 73).

1836. Марта 24. Пушкинъ проситъ Жобара не печатать франц. перевода стихотв. *На вызд. Лукулла* (VII, 395, № 448).
- Марта 29 (Свѣтло-Христово Воскресенье). Смерть Надежды Осиповны.
 - Марта 31. Цензурное одобреніе 1-го тома *Современника*.
 - Конецъ марта и начало апр. Переписка съ кн. Одоевскимъ о печатаніи *Современника*.
 - Апр. 3. Статья о Раднщевѣ.
 - » 8, въ среду, Пушкинъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга на погребеніе матери (*Пушкинъ* Бартевева, II, 63).
 - Апр. 11, въ субботу, вышла первая книжка *Современника*. (*Пушкинъ* Бартевева, II, 63).
 - Апр. 14. Письмо Пушкина къ Языкову изъ Михайловскаго послѣ погребенія тѣла матери: проситъ Языкова сотрудничать въ *Современникъ*.
 - Апр. 14. Письмо къ Погодину съ предложеніемъ сотрудничать въ *Соврем.* и отъѣздъ въ Петербургъ. (Такъ онъ предполагалъ, но вѣроятно же, что онъ изъ деревни выѣхалъ позже и отправился прямо въ Москву. *Отъ 19 апрѣля по 23 мая* его не было въ Петербургѣ).
 - Апр. 19 (по репертуару Храповицкаго) или же 22 апрѣля (по Хроникѣ театра, Вольфа) было первое представленіе *Ревизора* въ С.-Петербургѣ, и по словамъ Гоголя, Пушкинъ тогда еще былъ въ деревнѣ (Гоголь, V, 435—436).
 - Мая 2, ночью. Пріѣздъ Пушкина въ Москву для посѣщенія архивовъ и для хлопотъ по *Современнику* (VII, 399, №№ 455 и 456).
 - Мая 11. Посѣщаетъ Московскій архивъ мн. иностр. дѣлъ.
 - » Свиданіе съ графомъ Сологубомъ и примиреніе съ нимъ. (*Р. Арх.* 1865, № 5 и 6, стр. 752).
 - Мая 23. Пріѣздъ Пушкина изъ Москвы въ Петерб. на Кам. остр. За нѣсколько часовъ рожденіе Натальи Александровны Пушкиной (въ замужствѣ Дубельтъ, а во 2-мъ бракѣ графиня Меренбергъ).
 - Іюля 9. Смерть А. А. Перовскаго.
 - Авг. 21. Стихотв. *Памятникъ*.
 - Окт. 5. Смерть О. А. Кипренскаго.
 - » 13. Баронъ М. А. Корфъ сообщаетъ Пушкину списокъ иностранныхъ сочиненій по исторіи Россіи.
 - Окт. 19. Письмо Пушкина къ Чаадаеву о его «философическомъ письмѣ» въ *Телескопъ*.
 - Окт. 19. П. въ послѣдній разъ на празднованіи лицейской годовщины. «Была пора: нашъ праздникъ молодой»....
 - Нояб. 4. Пушкинъ получаетъ три экземпляра оскорбительнаго анонимнаго письма.
 - Нояб. 21. Пушкинъ извѣщаетъ о томъ гр. Бенкендорфа, и тогда же пишетъ Геккерену.
 - Нояб. 25. Пушкинъ посылаетъ свое письмо къ молодому Геккерену; вечеромъ онъ у князя Вяземскаго (*Пушкинъ* Бартевева, II, 67).
 - Дек. 29. Пушкинъ въ торжеств. собраніи Академіи Наукъ.

1837. Янв. 10. Свадьба Дантеса и Ек. Ннк. Говчаровой.
 — » 27. Письмо къ секунданту Дантеса, д'Аршіаку.
 — » — Письмо къ Ишимовой.
 — » — въ среду. Дуэль съ Дантесомъ.
 — » 29, въ пятницу. Копчина Пушкина.
 — » Третье изданіе *Оптына*.
 — Февр. 1, въ понедѣльникъ. Отпѣваніе Пушкина.
 — » 6, въ субботу. Погребеніе его въ Святогорскомъ монастырѣ.
 — » — Гр. Бенкендорфъ проситъ Нессельроде доставить вѣдомость всѣмъ бумагамъ, выданнымъ Пушкину.
 — Мая 25. Некрологъ Пушкина, сост. Мицкевичемъ (въ газ. Globe).
 1844. Наталья Никол. выходитъ за генерала П. П. Ланского.

Засимъ предлагаемъ списокъ умершихъ за полвѣка товарищей и современниковъ Пушкина, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ или о которыхъ упоминалъ въ своихъ произведеніяхъ. Біографу Пушкина или издателямъ его сочиненій этотъ списокъ можетъ пригодиться; читателю любопытно будетъ пробѣжать его. Безъ сомнѣнія, къ нему могутъ быть сдѣланы поправки и дополненія ¹⁾; здѣсь же указываемъ изданія сочиненій Пушкина.

1837. Февр. 23 митроп. кіевск. Евгений; іюня 7 А. А. Бестужевъ (Марлинскій); окт. 3 П. И. Дмитріевъ; окт. 6 А. Д. Иллчевскій.
 1838. Февр. 26 архим. Фотій; апр. 24 гр. Сарра О. Толстая. — *Сочиненія Пушкина, 1-ое посмертное изданіе, томы 1—8*.
 1839. Февр. 11 гр. М. М. Сперанскій; апр. 9 П. П. Свиньинъ; апр. 22 Д. В. Давыдовъ; мая 4 Елиз. М. Хитрово; іюня 16 А. О. Восейковъ; авг. 15 кн. А. И. Одоевскій; ноября 26 Д. В. Дашковъ.
 1840. Янв. 30 И. И. Козловъ; іюля 1 А. П. Купицынъ; окт. 14 кн. П. Б. Козловскій; ноября 26 А. О. Малиновскій.
 1841. Марта 7 Вл. Д. Вольховскій; марта 29 А. С. Шинковъ; іюля 15 М. Ю. Лермонтовъ; дек. 23 И. А. Гуляновъ. — *Сочиненія Пушкина, томы 9—11*.
 1842. Марта 19 М. О. Орловъ; апр. 19 М. Т. Каченовскій; окт. 2 В. Г. Теляковъ; окт. 19 А. В. Кольцовъ.
 1843. Апр. 17 А. Н. Оленинъ. — Окт. 31 Н. И. Кривцовъ. — И. Н. Кайдановъ. — Н. Н. Раевскій (младшій).
 1844. Февр. 13 И. П. Матлевъ; марта 28 С. С. Хлюстивъ; іюня 29 Е. А. Баратынскій; септ. 12 гр. А. Х. Бенкендорфъ; окт. 1 Д. М. Княжевлячъ; ноября 9 И. А. Крыловъ; ноября 21 М. Л. Магницкій; ноября 22 кн. А. Н. Голицынъ.

1) Лица, которыхъ ни день, ни мѣсяцъ смерти намъ неизвѣстенъ, поставлены въ концѣ года.

1845. Марта 30 графъ Н. С. Мордвиновъ; мая 27 И. Н. Инзовъ; ноября 11 Д. И. Языковъ; дек. 3 А. И. Тургеневъ.
1846. Янв. 22 кн. А. А. Шаховской; февр. 22 Н. А. Полевой; июня 5 М. Е. Лобановъ; авг. 11 В. К. Кюхельбекеръ; сент. 8 Н. П. Хмѣльницкій; дек. 26 Н. М. Языковъ. — О. И. Толстой. — В. С. Миклашевича.
1847. Апр. 5 С. Н. Глинка; апр. 11 Эд. И. Губеръ; 10 мая лиц. товарищъ П-на баронъ Пав. О. Гревеницъ.
1848. Мая 22 А. А. Ивановскій; мая 26 В. Г. Бѣлинскій; июня 12 О. Н. Слѣпущкинъ; июль С. Л. Пушкинъ (отъ холеры); сент. 9 А. И. Галичъ; дек. 3 Е. П. Гребенка. — Е. Н. Истомина.
1849. Марта 2 княг. Е. С. Гагарина. — княг. Е. И. Голицына. — Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ.
1850. Янв. 25 Д. Н. Бантышъ-Каменскій.
1851. Июля 21 В. А. Погѣновъ; сент. 1 Ек. А. Карамзина; окт. 21 П. С. Котляревскій.
1852. Февр. 16 кн. П. П. Шаяковъ; февр. 21 Н. В. Гоголь; апр. 12 В. А. Жуковскій; июня 11 К. П. Брюлловъ; июня 23 М. Н. Загоскинъ; въ июлѣ Л. С. Пушкинъ (см. *Смыслъ Отечества* 1852, кн. 8, некрологъ Л. С. Пушкина); окт. 16 П. Е. Георгіевскій. — А. А. Алябьевъ.
1853. Февр. 4 А. А. Фуксъ; мая 23 П. А. Катенинъ; июля 5 О. А. Туманскій. — А. П. Хвостова.
1854. Янв. 8 Е. Я. Сосницкая; июня 13 А. С. Стурдза; ноябра 6 П. В. Нащокинъ.
1855. Февр. 18 Импер. Николай; июля 7 К. Н. Батюшковъ; сент. 4 гр. С. У. Уваровъ; окт. 14 Т. Н. Грановскій; окт. 23 С. Е. Рачъ; ноября 28 Ад. Мицкевичъ. — *Соч. Пушкина, изд. Анненкова, 1—6 т.*
1856. Янв. 11 Н. И. Надеждинъ; янв. 20 кн. И. О. Паскевичъ; марта 20 Ф. Ф. Вигель; апр. 14 П. Я. Чаадаевъ; июня 11 Н. В. Кирѣевскій; авг. 28 гр. М. Ю. Вѣльгорскій; окт. 25 П. В. Кирѣевскій; ноября 6 кн. М. С. Воронцовъ.
1857. Февр. 3 М. Н. Глинка; марта 23 Е. М. Фролова-Багрѣва; мая 2 В. А. Тропининъ; сент. 16 А. Ф. Смирдинъ; ноябра 19 А. И. Красовскій; дек. 8 В. А. Перовскій. — *Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, т. 7-й.*
1858. Марта 4 О. И. Сенковский; июля 12 Вл. С. Филлимоновъ; въ октябрѣ кн. Д. А. Эрнстовъ; ноября 10 А. Д. Чертковъ; дек. 3 графиня Е. П. Ростопчина. — Н. М. Коншинъ.
1859. Апр. 3 И. И. Пущинъ; апр. 30 С. Т. Аксаковъ; сент. 1 О. В. Булгаринъ; окт. 13 Н. О. Арендтъ; ноябра 20 Вл. И. Панаевъ. — П. А. Осипова. — И. Т. Спасскій. — *Сочиненія Пушкина, изд. Исакова, 6 томовъ (1859—60).*
1860. Февр. 23 баронъ Е. О. Розенъ; марта 23 В. И. Туманскій; авг. 14 Е. В. Аладьянъ; авг. 31 С. П. Жихаревъ; сент. 23 А. С. Хомяковъ.
1861. Апр. 12 А. П. Ермоловъ; мая 9 кн. А. О. Орловъ.
1862. Янв. 15 Е. А. Энгельгардтъ; въ февралѣ княг. З. А. Волконская, марта 11 гр. К. В. Нессельроде; ноябра 5 А. Н. Верстовскій.

1863. Марта 5 Н. И. Уткинъ; авг. 11 М. С. Щепкинъ; авг. 24 И. П. Сахаровъ; ноябра 26 Н. Н. Лавская (Пушкина-Гончарова: *День*, № 50; ум. отъ воспаления легких).
1864. Февр. 8 А. Х. Востоковъ; февр. 19 гр. Д. Н. Блудовъ; марта 18 А. П. Зонтагъ; марта 29 Н. Ф. Павловъ; мая 8 С. П. Шевиревъ; мая 23 П. И. Кеппевъ; дек. 4 Н. С. Пименовъ.
1865. Ноября 29 К. П. Арсепьевъ; дек. 29 П. А. Плетневъ. — Д. П. Сѣверинъ.
1866. Марта 23 Н. А. Дурова; сент. 5 М. А. Дмитриевъ; окт. 23 кн. Н. Б. Голицынъ.
1867. Янв. 12 Н. И. Гречъ; февр. 18 Вл. П. Горчаковъ; апр. 9 К. А. Полевой; ноябра 19 Филаретъ митр. моск.
1868. Февр. 7 И. Е. Великопольскій; февр. 24 М. Д. Деларю; авг. 6 кн. П. В. Долгоруковъ; окт. 22 А. Н. Раевскій; дек. 8 Н. В. Кукольникъ; дек. 9 И. М. Снегпревъ. — О. С. Павличева (Пушкина).
1869. Янв. 23 А. С. Норовъ; февр. 27 кн. Вл. Ф. Одоевскій; іюля 26 И. И. Лажечниковъ. — К. К. Данзасъ (1870?).
1870. Янв. 11 А. Ф. Вельтманъ; февр. 3 К. К. Данзасъ; іюня 8 Н. Г. Устряловъ; окт. 9 С. А. Соболевскій; дек. 16 А. Ф. Львовъ. — *Сочин. Пушкина, второе изд. Исакова, 6 томовъ.*
1871. Окт. 29 Н. И. Тургеневъ.
1872. Сент. 16 Ф. Ф. Матюшкинъ; сент. 24 Вл. Ив. Даль; ноябра 14 гр. П. Д. Киселевъ.
1873. Янв. 13 кн. М. А. Оболенскій; янв. 19 А. А. Жандръ; апр. 14 В. Г. Бенедиктовъ; апр. 16 гр. Ф. П. Толстой; іюля 15 Ф. И. Тютчевъ; ноябра 10 М. А. Максимовичъ. — И. В. Малиновскій. — *Погодинъ посвящаетъ памяти Пушкина свою трагедію «Петръ Великій».*
1874. Янв. 18 К. С. Сербиновичъ; авг. 18 А. Н. Муравьевъ; ноябра 1 М. П. Розбергъ.
1875. Апр. 7 Б. М. Фодоровъ; дек. 8 М. П. Погодинъ.
1876. Янв. 2 гр. М. А. Корфъ; янв. 5 П. М. Строевъ.
1877. Въ маѣ смерть П. П. Ланского; іюня 1 Е. П. Елагина; іюля 21 А. В. Някитенко.
1878. Ноябра 10 кн. П. А. Вяземскій.
1879. Янв. 25 Ф. А. Коня; лѣтомъ А. П. Кернъ (1880?); дек. 11 О. А. Пржеславскій; дек. 8 Н. И. Павличевъ.
1880. Февр. 11 Ф. Н. Глинка; марта 7 А. М. Каратыгина; іюня 6 *открытие памятника Пушкину въ Москвѣ*; іюля 8 С. Д. Комовскій. — Княг. Е. Кс. Воронцова. — *Сочин. Пушкина, третье изд. Исакова 6 томовъ.*
1881. Іюня 4 А. О. Ишимова; авг. 9 А. О. Россетъ; *авг. 17 учрежденіе Пушкинской премии*; сент. 4 М. П. Щербининъ (по другимъ ноябра 7).
1882. Іюня 5 гр. В. А. Соллогубъ; іюля 8 кн. И. С. Гагаринъ; въ сентябрѣ А. О. Смирнова. (*Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, М. 7 томовъ.*)

1883. Февр. 28 кн. А. М. Горчаковъ (послѣдній изъ лиценстовъ 1-го курса);
авг. 22 И. С. Тургеневъ; сент. 19 Ф. И. Иорданъ.
1884. Янв. 7 С. Д. Полторацкій.
1885. Янв. 4 А. И. Подолинскій.
1886. Юля 8 княгиня В. Ф. Вяземская.
1887. Янв. 29 *Пятидесятилѣтіе со дня смерти Пушкина. — Сочиненія
Пушкина, изд. Литературнаго фонда, 7 томовъ; Сочиненія Пуш-
кина, изд. Комарова, Павленкова, Суворина, Моск. Общества Люб.
Росс. Словесности и друг.*;
— Марта 8 П. В. Анненковъ.
1888. Марта 4 вдова барона А. А. Дельвига, во 2-мъ бракѣ Баратынская ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ современниковъ Пушкина остались уже очень
немногіе: А. А. Краевскій, Н. И. Куликовъ, В. Любичъ-Романовичъ,
Ф. Г. Солнцевъ, М. В. Юзефовичъ.

Пересматривая современниковъ Пушкина по указателю личныхъ
именъ при VII томѣ, мы не могли опредѣлять, когда скончались слѣ-
дующія лица, или кто изъ нихъ живъ:

Алексѣевъ Н. С.	Нейловъ С. А.
Волковъ М. С.	Полетика П. И.
Волконскій кн. С. Г.	Поповъ М. М.
Всеволожскій Н. В.	Орлова Ек. Н. †
Гальбергъ С. И. †	Раевская М. Н.
Готовцева А. И. †	Сивявинъ И. Г.
Дондуковъ-Корсаковъ князь М. А. †	Смирновъ Н. М.
Есауловъ А. П.	Строгоповъ гр. А. Г.
Загряжская Н. К. †	Тарасенко-Отрѣшковъ Н. И. †
Каверинъ П. П.	Толстой Я. Н.
Казначеевъ А. И.	Щегловъ Н. цензоръ.
Лексъ М. И. †	Энгельгардтъ В. В.
Липранди П. †	Яковлевъ М. Л. †
Ломопосовъ С. Г. †	Якубовичъ Л. А.

¹⁾ Дочь сенатора М. А. Салтыкова, Софья Михайловна (род. 1809 г.), 16-ти
лѣтъ отроду вышла за барона Дельвига, а вскорѣ по смерти его въ 1830 г.
за младшаго изъ четырехъ братьевъ Баратынскихъ Сергѣя Абрамовича,
только что кончившаго блистательно курсъ медицинскихъ наукъ въ Москов-
скомъ университетѣ. Они тогда же поселились въ имѣніи матери Баратын-
скихъ, Тамб. губ., Кирсан. у. села Влжна въ усадьбѣ Марѣ, гдѣ С. М. и скон-
чалась. Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ мужъ ея внигдѣ не служилъ, но
лѣчилъ безвозмездно чуть не всю Тамбовскую и Саратовскую губ. У С. М.
была отъ Дельвига дочь Елизавета, которая осталась въ дѣвцахъ и до сихъ
поръ живеть въ той же деревнѣ, а отъ Баратынскаго четыре дочери, изъ
которыхъ одна, Софья, замужемъ за Влад. Ник. Чичеринымъ, братомъ быв-
шаго профессора. — С. М. сохранила до глубокой старости († 79-ти лѣтъ) живой
умъ и горячее сердце при отличномъ образованіи. (Собщ. Анна Давыд. Ба-
ратынская).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ XLIV, № 2.

ПУШКИНЪ
ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗИИ.

С. И. ПОНОМАРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПУШКИНЪ ВЪ РОДНОЙ ПОЭЗИИ

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

«Гласъ лары — гласъ народа».

Жуковский.

Въ литературѣ нашей есть длинный рядъ произведеній, посвященныхъ Пушкину, это — такъ называемыя *посланія* къ нему современниковъ-поэтовъ. И никто у насъ кромѣ его не былъ осыпанъ такимъ множествомъ посланій; они были писаны не только къ нему лично, но и къ нянѣ его, брату, сестрѣ; была даже эпитафія духовнику его. Въ этихъ посланіяхъ можно видѣть и біографическія черты его, и характеристику его таланта, и поэтическія связи, и сущность значенія его, и степень сочувствія къ нему. Подобныя произведенія являлись много лѣтъ и по кончинѣ его. Съ другой стороны, съ давнихъ поръ и почти до нашего времени, появлялись и эпиграммы и пародіи на него, также не лишеныя историческаго значенія. Такимъ образомъ, всѣ эти произведенія представляютъ собою цѣнный матеріалъ для біографіи поэта, и ихъ давно бы слѣдовало собрать, или по крайней мѣрѣ составить *извлеченіе изъ нихъ всего характеристическаго, существеннаго* ¹⁾. Съ этою цѣлію мы предлагаемъ теперь хронологическій перечень этихъ пьесъ, въ надеждѣ, что

1) Нѣкоторую попытку въ этомъ родѣ представляютъ три статьи въ Кіевлянинѣ 1880 года, №№ 124, 125 и 127.

Александровскій Лицей озаботится составленіемъ и изданіемъ поэтическаго сборника. Само собою разумѣется, что къ подобному сборнику надо будетъ приложить необходимыя историко-литературныя поясненія и притомъ зорко смотрѣть за корректурою стиховъ, чтобы не допустить въ нихъ ни искаженія размѣра, ни опечатокъ (въ родѣ *называлъ*, вмѣсто *изнывалъ*), которыя теперь встрѣчаемъ. Въ этомъ же списокѣ, въ порядкѣ времени, мы назовемъ и тѣ произведенія, которыя были *посвящены* Пушкину. Такъ какъ указатель нашъ имѣеть *временное* значеніе, то мы излагаемъ его сжато.

1815.

1) **Дельвига:** Росс. Музеумъ, ч. III, стр. 260; Сочиненія Дельвига, изд. 1850, стр. 101.

1818.

2) **Дельвига:** Благонамѣренный, ч. II, стр. 13; Современникъ 1854, № 1, критика, статья В. П. Гаевского, стр. 3—4.

3) **Кюхельбекера:** Благонамѣр. ч. III, стр. 136.

4) **Его же:** Сынъ Отеч., ч. 48, стр. 129¹⁾; переиздано, съ вариантами, въ Благонамѣренномъ, ч. III, стр. 133. Въ отношеніи стихотвореній Кюхельбекера, необходимо воспользоваться заграничнымъ изданіемъ его сочиненій, 1880 года: «Избранныя стихотворенія В. К. Кюхельбекера». При нихъ биографическій очеркъ его (написанный Гречемъ). Мѣсто и время изданія обозначены на книжкѣ такъ: «Шо-де-фонъ: Ф. И. Бутурлинъ. 1880 г.» (См. Новое Время 1880 сентября 21, № 1640, фельетонъ Незнакомца). Тамъ указываются: его поэма «Сирота», посвященная Пушкину, и два стихотворенія: «19 октября 1836 г.» и «19 октября 1837 года», намъ неизвѣстныя, въ которыхъ однако говорится о Пушкинѣ.

1) Такъ какъ указанія наши далеко не всѣ взяты изъ *первыя* источниковъ, то въ нихъ неизбѣжно могутъ встрѣтиться повторенія, которыя уясняются только при справкѣ.

1819.

5) Д.: Гораціанская ода. Соревнователь просвѣщ. и благотворенія, ч. VIII, стр. 103.

1820.

6) Глини, Ф. Н. Сынъ Отеч., ч. 64, № 38, стр. 231.

7) Крылова, И. А., Сынъ Отеч., № 38, стр. 283; Сочиненія Крылова 1847, I, LXVII.

1821.

8) Баратынскаго: Пиръ, поэма (собственно — конецъ ея), Соревнователь просвѣщ. № 3; Сочиненія Баратынскаго 1885, стр. 293, въ изданіи же 1869 г., на стр. 344, *приведены и варианты.*

9) Толстого, Я. Н., въ его книгѣ «Мое праздное время», Спб. Сличы Современн. 1856, № 7, Смѣсь, стр. 10.

1822.

10) А. М. (Марлинскаго?): Сынъ Отеч. № 10, мартъ.

11) К. Ш—ва (Шаликова): Новости Литер. № 16, стр. 48.

1823.

12) Дельвига: Труды Общества Люб. Р. Слов., ч. 21, стр. 58, въ посланіи къ Языкову; Сочин. Дельвига, изд. 1850, стр. 62.

13) Раевскаго, В. В., *рукописное*, упоминается въ Русск. Архивѣ 1866, вып. 10, стр. 1450.

14) Кюхельбенера: Русск. Архивъ 1871, стр. 0171.

1824.

15) Плетнева: Труды Общ. Люб. Р. Слов., ч. 26, стр. 201; Сочиненія Плетнева, III, 276.

16) Козлова: «Байронъ», стих. посвящено Пушкину, Новости Литер. декабрь, стр. 85. (Сличы Бѣлинскаго, V, стр. 281).

1825.

17) Туманскаго, Ѳ. А.: Русск. Архивъ 1874, II, 728; Стихотворенія В. И. Туманскаго, 1881, XXXVII.

18) Одоевскаго, кн. А. И., «Чалма», стих. посв. Пушкину, Русск. Арх. 1873, I, XCIX.

19) К. Ш. (Шаликова): А. С. Пушкину (на его отреченіе пѣть женщинъ), Дамскій Журналъ, X, 68.

20) Полежаева: Сашка, поэма, пародія Онѣгина. Отрывки изъ нея въ Р. Арх. 1881, II, 317—336.

1826.

21) Языкова: Русск. Арх. 1867, стр. 722.

22) Языкова: Къ нявѣ Пушкина, Стихотворенія Языкова, 1858, ч. I, 89.

23) Вяземскаго, князя П. А.: Къ сестрѣ поэта, Сѣв. Цвѣты, стр. 3; Сочин. кн. Вяз. III, 405.

1827.

24) Бороздны, И.: Славянинъ, VIII, № 52, стр. 487.

25) Веневитинова, Д.: Стихотворенія, изд. 1862, стр. 101.

26) К. Ш.: на подарокъ поэмою «Цыганы», Дамскій Журн. XVIII, № 11, стр. 261.

27) Одоевскаго, кн. Ал. И.: «Отвѣтъ на посланіе въ Сибирь», Пушкинъ Бартенева, I, 112.

28) Языкова: Тригорское, Моск. Вѣстникъ, № 2, стр. 83; тамъ прямо сказано: *посланіе къ А. С. П.*; но потомъ, вѣроятно, по совѣту Пушкина, «Тригорское» посвящено П. А. Осиповой.

29) Языкова: Соврем. 1837, VI, 374; Стихотворенія его, изд. 1858, II, 156.

30) Муравьева, А. Н.: Отвѣтъ на эпиграмму Пушкина на него, Новое Время 1880, № 1518, въ фельетонѣ.

1828.

31) Катенина: Старая быль, посвящ. Пушкину, Сѣверные Цвѣты на 1829 годъ.

32) **Матенина**: Посланіе къ Пушкину, Сочиненія Катенина, Спб. 1832, I, 98.

33) **Козлова, Ив.**: Къ морю. Посвященіе Пушкину. Стихотв. Козлова, II, 3.

34) **Велинопольскаго**: Отвѣтъ, Пушкинъ Бартенева, II, 134.

1829.

35) **Н. Ш.**: Русскому Байрону. Экспромтъ мечтателя, Дамскій Журн. XXVI, 8.

36) **Н. Ш.**: Къ А. С. Пушкину, сказавшему мнѣ, что онъ ѣдетъ въ мое отечество Грузію, тамъ же.

37) **Н. Ш.**: Пушкину, въ день его рожденія, Дамскій Журн. XXVIII, 27. Слич. Библиограф. Записки 1859, стр. 307—308.

38) **М. Н.**: Отъ классиковъ къ Пушкину, Бабочка, № 24, стр. 94.

39) **Пушкина, В. Л.** Моск. Телегр. XXVI, 129.

40) **Готовцевой, А.** Сѣв. Цвѣты, стр. 180.

41) **Соболевскаго**: Пародія татарской пѣсни въ Бахчисар. Фонтанѣ, *рукописная*, одинъ послѣдній куплетъ въ Р. Арх. 1877, II, 793.

42) Эпиграмма на поэмы Пушкина и Баратынскаго, Дамск. Журн., кн. IV, стр. 56; Современн. 1856, № 8, Смѣсь, стр. 158.

1830.

43) **Филарета, митр. моск.**, отвѣтъ на пьесу «Даръ напрасный, даръ случайный», Звѣздочка 1848, № 10.

44) **Б. Р. (Бестужева-Рюмина)**: по поводу Овѣгина, Сѣв. Меркурій, № 27.

45) **Гулянова, И.**: Москвитян. 1842, № 3, стр. 151.

46) **Языкова**: На смерть няни Пушкина, Сѣв. Цвѣты на 1831 г. Стих. Яз—ва, 1858, II, 2.

47) Пародія эпиграммы Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ», Вѣств. Европы, ч. 170, № 8, стр. 303 (ч. 171, № 9, стр. 64?).

48) **Полевого**: Пародія на ту же эпиграмму, Московск. Те-

легр. 1830, ч. 32, Новый Живописецъ, стр. 135. Странно, что въ томъ же самомъ томъ (стр. 240—241) Полевой отрицалъ, чтобы въ его журналѣ были пародіи на Пушкина. А Погодинъ еще въ мартѣ 1830 г. писалъ Шевыреву, что Московскій Телеграфъ пишетъ пародіи на Пушкина (Р. Архивъ 1882, VI, 161—162).

49) Полевого: Пародія на «Зимній вечеръ», Моск. Телегр. ч. 32, Нов. Живопис. стр. 136.

50) Полевого: Утро въ кабинетѣ знатнаго барина (по поводу пьесы Пушкина «Къ вельможѣ»), Моск. Телегр. 1830, № 10, Нов. Живопис. (Въ отдѣльномъ изданіи Новаго Живописца, 1832, этого «Утра» нѣтъ. Потомъ Полевой передѣлалъ его въ комедію «Полчаса за кулисами» (Сочин. Бѣлинскаго, VII, 467).

51) Полевого: пародія на пьесу «Совѣтъ», Моск. Телегр. 1830, ч. 31, Нов. Живописецъ, стр. 61.

52) Бестужева-Рюмина М.: Сплетница, рассказъ, въ которомъ выведены Дельвигъ, Пушкинъ и друг., Сѣверный Меркурій, №№ 49 и 50.

1831.

53) Шевырева, Денница, стр. 107.

54) Вяземскаго, кн.: переводъ романа Бенжаменъ Констанъ «Адольфъ», посвященіе (Соч. кн. Вяз. X).

55) Сигова, Д.: Литер. Прибавленія къ Р. Инвал. № 86, стр. 679.

56) Полевого: Пародія, Моск. Телегр., ч. 37, Нов. Живописецъ, стр. 30: «Бокаль поэта.»

57) Полевого: о посвященіи главъ Онѣгина Плетневу, ч. 42, Нов. Живопис. 352; въ отдѣльномъ изданіи, Живописца, IV, 195.

58) Эпиграмма на Бориса Годунова (Молва? Телескопъ? эпиграмму читаемъ у Бѣлинскаго, II, 429).

59) Павлова, Н. (невѣстѣ Пушкина?): «Нѣтъ, ты не поняла поэта» — *рукописное*:

1832.

60) . . . я . . . а: Отвѣтъ (на пьесу Павлова), Молва 1832, № 5, стр. 17.

61) Ростопчиной, графини: Отринутому поэту, Стихотв. графини Р—ной, 1857, I, 80. (Послѣднія три пьесы, 59—61, относятся нами къ Пушкину гадательно. Смотри о нихъ Новое Время 1881, янв. 30, № 1769, стр. 5, Вопросы и отвѣты).

62) Гнѣдича: Стихотворенія, изданіе Смирдина, 158.

63) Полевого: пародія «Поэтъ», Моск. Телегр. № 8, Камеръ-Обскура, стр. 153; Отд. изданіе Новаго Живописца, VI, 148; Соврем. 1855, т. 55, въ статьѣ о Пушкинѣ, стр. 6—7.

1834.

64) Фуксъ, А.: на проѣздъ П. чрезъ Казань, Стихотворенія А. Фуксъ, стр. 175.

65) Хвостова, гр. Д.: Стихотворенія, т. VII, 151.

1835.

66) Гребеники: Переводъ «Полтавы» на малороссійскій языкъ, посвященіе Пушкину.

67) Погодина: Исторія въ лицахъ о Дмитріи Самозванцѣ, посвященіе Пушкину.

1837.

68) Лермонтова, изд. 1873, т. I, стр. 43.

69) Губера, изд. 1859, I, 201.

70) Вяземскаго, кн. П. А. Современн. V, 314; Сочиненія кн. Вяземскаго, IV, 207—208.

71) Жуковскаго: «Русскій», газета Погодина, 1867, стр. 169, перифразъ нѣсколькихъ строкъ изъ письма Жуковскаго о смерти Пушкина; см. ихъ въ Сочин. Пушкина, изд. 1882, т. VII, стр. 437, прим.

72) Тютчева: Гражданинъ 1875, № 2, стр. 58; Русскій Архивъ 1879, № 5, стр. 138.

73) Тепловой: Стихотвор. изд. 1860, стр. 22.

74) Креницына: Отеч. Зап. 1865, № 16, августъ, Библиограф. замѣтки, стр. 286.

75) Стромилова: Моск. Наблюд. XIII, августъ, книга 1, стр. 343.

76) Подолинскаго: Современ. 1837, VII, 87; Стихотв. Подол. . . 1860, II, 91.

77) Норова, А. С.: Русск. Архивъ 1871, № 4—5, стр. 0948.

78) Глинки, В. Н.: Воспоминаніе о пѣйтической жизни Пушкина, Библ. для Чтен. XXI, стр. 83. — Отдѣльное изданіе, М. 1837.

79) Мирзы Фахтъ-Али-Ахундова, переводъ его стиховъ на кончину Пушкина, Моск. Наблюдат. 1837, мартъ, кн. 2, стр. 297—304. (Другой переводъ той же пьесы, Марлинскаго, Р. Старица 1874, XI, 76.)

80) Кольцова: Лѣсъ, Стихотв. К., стр. 101, посвященіе Пушкину. (См. также письмо Кольцова Краевскому, въ Древн. и Нов. Россіи, 1879, № 3.)

81) Рахманнаго (Н. Веревкина): Литер. Приб. къ Р. Ивалиду, № ?.

82) Сушкова, Д.: 29 января 1837. Стихотв. Д. С—ва, Спб. 1838.

83) Полежаева: «Часы выздоровленія», М. 1841, стр. 7—22; перепеч. въ газетѣ Р. Курьеръ 1880, № 152.

84) Безъ подписи (Катенина): Современ. V, 174; вѣроятно, то же, что подъ № 32, указано здѣсь.

1838.

85) Стихотвореніе Илья Модест. Бакунина «На погребеніе Пушкина», въ книжкѣ, изданной безъ заглавія, 1838, стр. 115.

(См. о ней Новое Время 1884, февраля 29, и разъясненіе Я. К. Грота, тамъ же, 2-го марта¹⁾).

86) Губера: посвященіе при переводѣ Фауста, Сочин. Губера, 1859, II, стр. V—VI.

87) Ростопчиной, гр.: Стихотворенія 1857, I, 213.

88) Нюхельбекера: Лицейская Годовщина 19 октября 1838 г.; Русск. Старина 1870, изд. 3, I, 570.

89) Гребенки: Сочиненія, 1862, т. V, стр. 111 (девять стиховъ изъ 3-й пьесы).

1839.

90) Вумча: На смерть Пушкина, Галатея, V, 559.

91) Ростопчиной, гр. Современн. XV, № 3, стр. 137; Стихотворенія ея, изд. 1857, I, 235—240. «Двѣ встрѣчи.»

92) Керсновскаго: Опыты въ р. словесности воспитанниковъ гимназій бѣлор. уч. округа. Вильно, стр. 3.

93) Ляховича: тамъ же, стр. 286.

1840.

94) Ленскаго: Куплетъ въ пьесѣ «Въ людяхъ ангель не жена», Рейпертуаръ 1841, № 7—8.

1841.

95) Вяземскаго, кн.: Пушкиной, Н. Н., Сочиненія кн. В. IV, 262 (изд. 1880).

96) Глини, С. Н., въ книгѣ «Очерки жизни Сумарокова», ч. I, (упоминаетъ Бѣлинскій, V, 354).

1842.

97) Баратынскаго: Стихотворенія, 1869, стр. 146, посвященіе.

1) Въ книгѣ Межова Ruschkiniana, подъ № 1273, упоминаются еще стихи Е. М. Хитрово на смерть Пушкина, въ Соврем. Извѣстіяхъ 1880, № 158.

98) Браксаториса (Сладковича): «Поэзія славянъ», изданіе Гербеля. Спб. 1871, стр. 396.

99) Куликова, Н. И.: Пародія «Братъевъ Разбойниковъ». Братья-журналисты, Русск. Старина 1885, № 2, стр. 471—473.

1847.

100) Розена, барона Е.: Могила Пушкина, стих., Сынъ Отец. № 3, отд. III, стр. 1.

1851.

101) Новаго поэта, пародія, Серенада, Современн., мартъ, отд. V, стр. 14.

102) Новаго поэта, двѣ пародіи, перепечатаны въ Москвитян. 1851, т. V, Смѣсь, 274, 281.

103) Алмазова, Б. Н.: двѣ пародіи, Москвит. т. V, Смѣсь, стр. 275, 283.

1852.

104) Бенедиктова: Стихотв. 1856, III, 97—104.

1853.

105) Подолинскаго: Стихотвор. 1860, II, 219.

106) Шевырева: Москвитян. 1853, № 24; стр.

107) Вяземскаго, ии.; Сочиненія, т. XI, стр. 17—21, съ грубыми опечатками: *царящей* (царицей); блестящій, (блестящій); быстроту (быстрину); опозорилъ; (опозорилъ); валь (валь);...

1855.

108) Новаго поэта: Собраніе стихотвореній, пародія, стр. 7.

109) Прокоповича: Журн. для чтенія воспитанн. Военно-Уч. Заведеній, т. CXIV, № 453, 1 мая, стр. 3.

110) Майкова, А.: Отрывокъ изъ поэмы «Земная Комедія», Современн. № 12, Смѣсь, стр. 284; въ изданіи Стихотвор. Майкова, 1872, II, 248 (по поводу отзывовъ о Пушкинѣ Ксенофонта Полевого).

1858.

111) Алухтина: 19 октября 1858, Современн. 1859, ноябрь, стр. 221.

1859.

112) Некрасова: Стихотв., изд. 1879, I, 279.

113) Грота, Я. К.: Царское Село, стих., Русск. Бесѣда, кн. VI, стр. 6. Съ передѣлками въ собраніи статей: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», въ Сборникѣ отдѣленія р. яз. и слов., т. XLII, и въ отдѣльномъ изданіи, стр. 290.

114) А. А.: Пародія, Серенада, Соврем. 1859, № 10, Сви-стокъ, стр. 539.

115) Михайлова, М. Л.: пародія, Искра 1859, № 39.

1861.

116) Грота, Я. К.: Памяти Пушкина, въ день 50-лѣтія Лицея, Р. Вѣстникъ, № 9, стр. 300. Съ передѣлками въ собраніи статей: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», въ Сборникѣ отдѣленія р. яз. и слов., т. XLII, и въ отдѣльномъ изданіи, стр. 292.

1864.

117) Улыбышевой, «Послѣдняя пѣснь лебедя», Спб. (М?) 1864, стр. 27: эпитафія духовнику Пушкина.

1867.

118) Вяземскаго, кн.: Складчина, 1874, стр. 5—7.

1871.

119) *** Памятнику Пушкина, Русск. Старина, III, 700. Отд. изд. 16°, стр. 7.

120) Некрасова: Стих. изд. 1879, II, 394—399.

1873.

121) **Погодина**: «Петръ Великій», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, посвящена Пушкину.

1875.

122) **Лонгинова, А.**: 19 октября 1875, Русск. Вѣстникъ, октябрь, 718.

123) **Мицкевича**: Встрѣча, пер. Н. Берга, Пчела, № 6, стр. 72. (Эту пьесу надо отнести къ тому году, въ который она написана Мицкевичемъ, чего мы опредѣлить не можемъ.)

1876.

124) **Майкова, А.**: Что долженъ выразить памятникъ Пушкину, Кругозоръ, № 1.

1879.

125) **Витевскаго**: изслѣдованіе «Яицкое войско», посвящено Пушкину, Р. Архивъ, № 3, стр. 273.

1880.

Изъ множества стихотвореній этого года нѣкоторыя собраны въ книгѣ **Ө. Б.** «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», именно слѣдующія:

126) **Аверіева**, стр. 314 (на стр. 315, въ строкѣ 11, вм. *называлъ* надо *изнывалъ*).

127) **Гейнце**, стр. 319.

128) **графа Голенищева-Кутузова**, 308.

129—130) **Кондратьева**, двѣ пьесы, 318, 319 (въ первой пьесѣ 5-й стихъ не точенъ; есть пропускъ)¹⁾.

131) **Курочкина, Н.**, 303 (третій стихъ не ясенъ, а на стр. 305 вм. *Созрѣеть* — *Согрѣеть*?)

1) На стр. 319: «*Предъ нимъ мрутъ завистливые взгляды*» — неужели это стихъ?

- 132) Львовой, 310.
 133) М., 315.
 134) Майнова, А., 302.
 135) Миллера, 316.
 136) Минаева, 306 («Вкругъ еще юной головы» — неужели это стихъ? *еще?*).
 137) Плещеева, 305.
 138) Полонскаго, 299.
 139) Гр. Соллогуба, 317.
 140) Яхонтова, 312 (въ 1-й строчкѣ надо: увидѣлъ).
 Слѣдующія за симъ пѣсни приводимъ по указаніямъ Межова въ его книгѣ «Puschkiniana» (№№ 1277—1353, 1408).
 141) Болдырева, Пензенск. Губ. Вѣдом. № 126.
 142) Быкова, Дѣло, № 8, стр. 48.
 143) Вашкова. Будильникъ, № 21.
 144) Голубева, Петерб. Газета, № 107.
 145) Жемчужникова, А., Голось, № 216; Молва, № 216.
 146—147) Завалишина, Самарск. Справ. Листокъ, №№ 106 и 109.
 148) Зеленецкаго, Церк. Вѣстникъ, № 24.
 149) Иваницкаго, Соврем. Извѣстія, № 164.
 150) Иванова-классика, Правда, № 146.
 151) К. А., Соврем. Извѣстія, № 156.
 152) Кирѣевскаго, В., Сиб. Вѣдом. № 155.
 153) Кондратьева, Р. Газета, №№ 1—3.
 154) П. М., Петерб. Газета, № 110.
 155) Марьярона, Правда, № 146.
 156) Минаева, Молва, № 160.
 157) Нила Адмирари, Петерб. Газета, № 115.
 158) Новикова, Нева, № 24.
 159) А. А. П., Петерб. Газета, № 89.
 160) Попова, В., Новое Время, № 15; Всемирная Иллюстрація, № 598.
 161) Ракитина, Газета Гатцука, № 23.

- 162) Румянцева, Лучъ, № 20.
163) Садовникова, Огонекъ, № 30.
164) Слободской, Л., Семейное Чтеніе, № 21.
165) Ш...а, Востокъ, № 46.
166) Безъ подписи: Жив. Обзоръніе, № 21, стр. 388.
167) » Правда, № 146.
168) » Тверской Вѣстникъ, № 37.

1881.

- 169) Верещагина, Заря, № 44.

1887.

- 170) Зотова, въ брошюрѣ «29 января 1887 года. Въ память 50-лѣтія кончины Пушкина.»
-

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIV, № 3.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РОМАНА И ПОВѢСТИ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СЛАВЯНО-РОМАНСКІЙ ОТДѢЛЪ.

—•••••—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СЛАВЯНО-РОМАНСКІЯ ПОВѢСТИ.

Подъ названіемъ «славяно-романскихъ» повѣстей я желалъ бы выдѣлить особую группу южнославянскихъ разсказовъ, объединенную характеромъ ихъ источниковъ и нѣкоторыми особенностями ихъ идеальнаго содержанія. Мѣсто, занимаемое ими въ исторіи развитія славянской повѣсти вообще, со включеніемъ русской, приходится по срединѣ между византійскимъ вліяніемъ, обусловившимъ древній составъ югославянской повѣствовательной литературы, и позднимъ западнымъ, коснувшимся Руси при посредствѣ, главнымъ образомъ, Польши. Этому послѣднему принадлежитъ сохранившаяся въ познанскомъ сборникѣ XVI вѣка «Исторія объ Атилѣ королѣ Угорскомъ», относящаяся къ особому роду историческихъ повѣстей и баснословныхъ хроникъ. Выключая её изъ группы «славяно-романскихъ» сказаній я отнесъ-бы къ нимъ, наоборотъ, греко-сербскую Александрію: она пришла къ южнымъ славянамъ изъ греческаго источника и въ этомъ смыслѣ могла быть включена въ отдѣлъ «византійскій», но ея складъ, стиль и характеръ нѣкоторыхъ подробностей отличаютъ въ ея авторѣ знакомство съ западной романтикой, отводя ей мѣсто въ исторіи литературнаго воздѣйствія запада на византійскій востокъ. Это воздѣйствіе сказывалось переводами и подражаніями и передѣлками древнихъ сюжетовъ, въ которыхъ сентиментализмъ и реализмъ поздняго греческаго романа причудливо смѣшивались съ полупонятыми мотивами рыцарства,

греческіе витязи являлись паладинами и строгія очертанія древнихъ типовъ смягчались въ полусвѣтѣ романтизма. Къ подобному пониманію стараго эпоса приводило уже специально-греческое развитіе: оно переставило центры эпического интереса, выдвинуло на первый планъ легенду о Парисѣ, создало образъ влюбленнаго Ахилла, заставивъ его тосковать по Поликсенѣ, увлечься красавицей Еленой, которую онъ видитъ на стѣнахъ Трои и съ которой Ѡетида сводитъ его въ волшебномъ свидѣніи ¹⁾. Припомнимъ прелестную фантазмагорію Филостратова Геронка ²⁾: Ахиллъ и Елена, никогда не выдавшіе другъ друга при жизни, влюбляются взаимно въ царствѣ тѣсей; и вотъ, по просьбѣ Ѡетиды, Нептунъ создаетъ на Черномъ морѣ, изъ ила Ѡермодонта, Борисоена и Истра, островъ Λευκή, гдѣ влюбленные тѣни живутъ въ идеальной связи, въ лунныя ночи водятъ хороводы по цвѣтущему лугу, а съ береговой стоянки робко прислушивается къ ихъ чудеснымъ пѣснямъ морякъ, не осмѣливающійся проникнуть внутрь острова.

Къ этому романтическому теченію примкнула, не достигая его поэзи, струя западно-рыцарскаго романа: Ахиллъ явился любовникомъ, банально вздыхающимъ по Поликсенѣ (Roman de Troie; Διήγησις Ἀχιλλέως). Образъ Александра въ греко-сербской повѣсти о немъ принадлежитъ тому-же направленію мысли; отличіе этого памятника отъ другихъ «славяно-романскихъ» лишь во внѣшней лингвистической формѣ, въ которой онъ объявился славянамъ, тогда какъ романъ о Тристанѣ и пѣсня о Бовѣ пришли

¹⁾ Объ Ахиллѣ и Еленѣ см. Ἰσχυρίου καὶ Ἰωάννου τοῦ Τζέτζου Σχόλια εἰς Λυκόφρονα, ed. Christ. Gottfr. Müller, къ стих. 143 и 171—173; Lycophronis Alexandra, recensuit, scholia vetera codicis Marciiani addidit God. Kinkel (1880), комментарий къ стих. 143 и 172; Eudociae Augustae Violarium, rec. J. Flach (1880), стр. 265—6 (съ ссылкой на Δούρις ὁ Σάμιος). См. Welcker, Der epische Cyclus, II, стр. 105.

²⁾ Flavii Philostrati Opera, ed. Kayser, v. II, стр. 211 слѣд. См. Итолема Гефестіона у Фотія, Biblioth. с. СХС, β:β. Δ: ὡς Ἑλένης καὶ Ἀχιλλέως ἐν μακάρων νήσοις παῖς πτερωτός γεγονόσι, ἐν δὲ τῆς χώρας εὐτοροῦ Εὐφορίωνα ὠνόμασεν (Westermann, Μυθογράφοι, p. 188).

къ нимъ изъ Италиі, и латинскій-же или романскій подлинникъ слѣдуетъ предположить для древне-славянской притчи о Троѣ.

Изъ сказаннаго выяснилось, что мы понимаемъ подъ «славяно-романскими» повѣстями: сербскую Александрію, Троянскія Дѣянія и сербскіе Тристана и Бову, дошедшіе до насъ въ бѣлорусскомъ пересказѣ. Всѣ эти памятники представляются объединенными и мѣстомъ своего происхожденія: Боснія и сѣверная Далмація, куда, вмѣстѣ съ византійскими, легче всего было доходить и западнымъ вліяніямъ, общественнымъ и литературнымъ. Последнія тѣмъ интереснѣе, что облеченныя въ форму повѣсти, они распространялись и далѣе по славянскому міру, разнося въ той или другой мѣрѣ слѣды, часто искаженные, обусловившаго ихъ западно-рыцарскаго міросозерцанія. Если Тристанъ извѣстенъ пока лишь въ бѣлорусскомъ пересказѣ сербскаго оригинала, то Александрія и Троянская притча имѣли широкое распространеніе, а Бова перешелъ у насъ и въ народную сказку. Какой отпечатокъ западнаго быта и рыцарскаго уклада сохранили они въ своихъ далеко-разошедшихся отраженіяхъ? Дѣло идетъ не о вліяніи одной культурной среды на другую, а о контрастѣ, въ которомъ должны были очутиться идеалы, воспитанные извѣстными отношеніями общества, въ литературѣ, отвѣчавшей другимъ жизненнымъ спросамъ.

Въ славянскую среду наши повѣсти¹⁾ вносили свѣдѣнія о чуждомъ ей обиходѣ рыцарства и его особомъ нравственномъ кодексѣ. Первый усваивался внѣшнимъ образомъ, многое показываетъ, что инныя его черты были неясны и понимались вполнину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его конюшій, «оправца» (Тр.). Бой идетъ сначала на коняхъ: противники такъ стремительно насккиваютъ другъ на друга, что еслибъ не добрая сбруя, они пали-бы мертвыми, а ихъ конья разлетаются въ щепы. Упавъ съ конями

¹⁾ Далѣе онѣ цитуются такимъ образомъ: А (Александрія), ТД (Троянскія Дѣянія), Тр. (Тристанъ), Б (Бова).

на землю, они тотчасъ-же вскакиваютъ на ноги и продолжаютъ биться мечами, иногда расходясь, чтобъ отдохнуть, опершись на щитъ (Тр.). Сл. описаніе боя Ильи Муромца съ сыномъ:

Разъѣхались на копыя востры:
 У нихъ копыя въ рукахъ погибалися,
 На черенья копыя разсыпалися;
 Разъѣхались на палицы боѣвыя:
 У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
 По маковкамъ палицы отломилися;
 Разъѣхались на сабли востры:
 У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
 Пovyщербѣли на латы кольчужныя ¹⁾.

Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ воителя сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ его руки, еще славнѣе — сразить его (Тр. ТД). Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычаи могли идти на встрѣчу народному юначеству, какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага (Тр. А.):

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
 А бить-то мнѣ-ва соннаго что мѣртваго ²⁾.

Но едва-ли вразумителенъ былъ символизмъ другихъ рыцарскихъ обрядовъ, напр. ополсываніе мечемъ (Тр. Б.), и смутными могли слагаться представленія о «ѣзджалыхъ» рыцаряхъ (*chevaliers errants*), ищущихъ «фортуны», о дѣвушкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невестественнымъ порученіемъ (Тр.) и т. п.

Таково усвоеніе вѣшняго обихода рыцарства; посмотримъ, какъ усвоился его идеалъ. Онъ, по существу, западный; главныя требованія отъ рыцаря — это *добротъ* и *дворность*. Добротъ,

¹⁾ Сл. мои Южно-русскія былинны, вып. II, стр. 323.

²⁾ Сл. I. с., стр. 12 и 405—406 и *Servii ad Aen.* I, 487; II, 541.

несомнѣнно, переводъ: proesse, дворность, дословно—*courtoisie*, нерѣдко въ соединеніи: рыцарство и дворность, дворность и преспечность (Тр.). Славянская притча о Троѣ выражаетъ понятіе дворности словами: *честь, почтеніе въ дворѣ, дворщина*: *honneur et courtoisie* ¹⁾, тогда какъ *дворбой* (ТД), *службой* (ТД, Тр.) обозначались отношенія, въ которыя вступалъ юный витязь, являясь ко двору какого-нибудь именитаго властителя, чтобы обучиться рыцарскому дѣлу и служенію дамамъ, «добрымъ господамъ» (ТД) — *belles dames*. Въ этихъ отношеніяхъ развивалась и еще одна существенная сторона рыцарскаго идеала: культъ *любви*, понятіе *милости* (Тр.), какъ всеильнаго чувства, самоопредѣляющагося, не подлежащаго другимъ нравственнымъ критеріямъ.

Такое пониманіе любви плохо согласовалось съ отрицательнымъ взглядомъ на женщину, какъ по существу «злую», сосудъ грѣха: взглядомъ, господствовавшемъ въ средне-вѣковомъ — и славянскомъ обществѣ подъ вліяніемъ церковно-ригористической морали. На западѣ это противорѣчіе было если не замирено, то устранено торжествомъ рыцарскаго идеала, удалившаго враждебный ему въ кружокъ рыцарскихъ блюстителей строгой отеческой старины. Въ нашихъ славяно-романскихъ повѣстяхъ противорѣчіе осталось, наивное и простосердечное, потому что не осмысленное соответствующимъ поворотомъ въ жизни.

Средневѣковая литература полна нападокъ на женщинъ ²⁾.

¹⁾ Сл. Konrad von Würzburg, Der Trojanische Krieg: Парисъ говоритъ Менелая, чему онъ желаетъ отъ него научиться:

20494 ob iuwer reinu lère
mich wiset uf daz rehte
daz hilfet min geslehte
an *êren* iemer unde ouch mich.

20517 biz ich von iu gelernen müge
die *zuht*, die ritters *êren* tüge.

²⁾ Сл. между прочимъ: Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder, стр. 73 слѣд.; Franke, Zur Geschichte der lateinischen Schulpoesie, стр. 71 слѣд.; Haemer, Lateinische Rhythmen des Mittelalters (Wiener Studien VI, стр. 292 слѣд.); Tobler, Proverbia que dicuntur super natura feminarum (Zeitschrift f. rom.

Въ старофранцузскомъ Chastoiement, переводѣ Disciplina Chri-
calis Петра Альфонса (XII в.), отецъ такъ поучаетъ своего сына:
«иди за львомъ и дракономъ, за медвѣдемъ, леопардомъ и скор-
пиономъ, не ходи только за злой женой, какъ-бы тебя не улещали,
и мысленно моли Господа, славнаго и всемогущаго, дабы онъ
спасъ тебя отъ женскихъ ковъ, да и самъ отъ нихъ стерегись».

Beax fils, sui lion et dragon,
Ors, liepart et escorpion,
La male feme ne sui mie
Por losenge que l'en te die.
Prie Dieu molt devotement
Le gloriou omnipotent,
Qu'il te deffende de lor art,
Et tu te garde de ta part ¹⁾.

Такъ злословили и другіе ригористы, и Морольфъ могъ са-
монадѣянно отвѣтить на попытку Соломона защитить жен-
щину — предсказаніемъ, что и самъ онъ будетъ ею обманутъ ²⁾.
Онъ въ самомъ дѣлѣ попалъ въ число многочисленныхъ жертвъ
женской злобы, среди которыхъ авторъ русской «Бесѣды отца
съ сыномъ» помѣщаетъ, Адама и Ноя, Лота, Давида и Соломона,
сильнаго Самсона и храбраго Александра ³⁾. Какъ авторъ Chas-
toiment, такъ и анонимный писатель Бесѣды подтверждаетъ свои
положенія, уже сведенныя въ общій кодексъ Пчелою ⁴⁾ и Поуче-
ніемъ Даніила Заточника ⁵⁾, цѣлымъ рядомъ прикладовъ и раз-
сказовъ, изъ которыхъ вытекаетъ одна и та-же мораль: изъ
за женъ «многія крови проліяшася и царства разоришася и царіе

Philologie IX, 287—331); Novati въ Giornale storico della letteratura italiana VII,
432—442; его-же: Carmina medii aevi, стр. 15 слѣд.

¹⁾ Barbazan et Méon, Fabliaux II, p. 81; сл. Пыпина, Очеркъ, 273.

²⁾ Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 274—5
и прим. 2. Сл. L'Évangile aux femmes у Jubinal, Jongleurs et trouvères, стр. 26
слѣд.; Paul Meyer, Plaidoyer en faveur des femmes, Romania № 24, стр. 499—
500 и изданное имъ стихотвореніе: Du bounté des femmes, Romania № 58—9,
стр. 316 слѣд.

³⁾ Пыпинъ, I. с., стр. 274.

⁴⁾ Безсоновъ, Книга Пчела, стр. XXXI и слѣд.

⁵⁾ Памятники рос. словесности XII в., стр. 237 слѣд.

отъ живота гонзнули» (Пчела стр. XXXIII: О добротѣ бо женстей мнози соблазнишася..... Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ); «горе граду тому в немже владѣтельствуеть жена; горе дому тому, имже владѣетъ жена; зло и мужу тому, иже слушаетъ жены;» «украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу, уды своя связали шолкомъ, лбы своя потягнули жемчугомъ, ушеса своя завѣсили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ почитанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія; «женскій разумъ яко хранина непокровенна и яко вѣтрило на верху горы скорообразно вертящеся...; лутче кунити коня или вола или ризу, нежели злу жену поняти»¹⁾. «Лутче есть во утлѣ корабли плавати, нежели злой женѣ правда повѣдати», говоритъ другое русское Слово: «корабль утелъ товаръ потошляетъ, а злаа жена домъ мужа своего пусть сотворяетъ и самого мужа своего погубить. Немочно челоуѣку пѣшу въ полѣ зайца постичи, а со злою женою спасенія не добыти. Злаа жена отгнаніе ангеломъ, угоженіе діаволе». Эти порицанія жены развиваются наконецъ въ такомъ народно-поэтическомъ климаксѣ: «Егда загорится хранина, чѣмъ ее гасити? Водюю. Что болѣ воды? Вѣтръ. Что болѣ вѣтра? Гора. Что сильнее горы? Челоуѣкъ. Что болѣ можетъ челоуѣка? Хмель: отънимаетъ руки и ноги. Что лютеѣ хмелю? Сонъ. Что лютеѣ сна? Жена зла»²⁾.

Всѣ эти представленія, выработанныя церковной моралью, утверждались въ сознаніи общества аскетическимъ направленіемъ такихъ повѣстей какъ Варлаамъ и Іоасафъ, какъ Синагрипъ, гдѣ въ числѣ поученій Акира сестричу Анадану есть и слѣдующее: «Сыну, уне есть огнемъ болѣти, али трясавичею, negli жити съ злою женою, да не будетъ совѣта въ дому твоємъ, а сердечнаго ей не вѣщай». Это — одинъ изъ совѣтовъ, пристроившихся въ средневѣковой новеллѣ къ имени Соломона: не повѣрять жеѣ тайны, ибо она смертельный врагъ мужу³⁾.

¹⁾ Пыпинъ, I. с., стр. 272.

²⁾ Пыпинъ, I. с., стр. 270.

³⁾ Сл. моя Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 7.

Восточныя повѣсти о женской хитрости и коварствѣ, перешедшія на Западъ, пріютившіяся и въ славянскомъ мірѣ, должны были поддержать сложившуюся уже характеристику «злой жены». Рассказывали о невѣрной супругѣ Соломона, о вѣтренности матроны Эфесской и т. п. Читатели славяно-романскихъ повѣстей обрѣтали въ нихъ тѣ-же знакомые типы: плотски-назойливыхъ дѣвушекъ французской *chanson de geste*, въ родѣ Дружнены и Мальгоріа (Б.) и дочери короля Перемонта (Тр.), податливыхъ, какъ жена Сегурадежа (Тр.), коварныхъ, какъ «пани з Локви» (*la Dame du Lac*), уморившая Мерлина (Тр.), преступныхъ, какъ мать Бовы (Б.) или мачеха Тристана (Тр.). Всѣ зло пошло отъ женъ, читалось въ сербской Александріи: отъ нея погибъ и Адамъ, и крѣпкій Самсонъ и мудрый въ челоуѣцѣхъ Соломонъ, и въ Троѣ многіе витязи и цари погибли изъ-за одной жены Елены, *la fole pesquisesse Heleine*, какъ называетъ её Gower ¹⁾. Много крови прольется изъ-за тебя, говоритъ ей Энона (ТД): ея роковая красота представлялась демонической, но не въ нашемъ значеніи слова, а въ томъ, которая побудила нѣмецкую народную книгу о Фаустѣ представить Елену отродьемъ ада, а болгарскаго сказателя одной троянской повѣсти прозвать её Гилудой: демоническимъ существомъ народнаго повѣрья, похищавшимъ и пожирившимъ новорожденныхъ. Понятно послѣ этого, почему наша троянская притча заставляетъ её умереть насильственной смертью: она понесла заслуженную кару, и средневѣковой вагантъ удивляется, почему она именно избѣжала участи, уготованной ею другимъ:

*Femina digna mori reamatur amore priori
reddita victori deliciisque thori.
Saeva, quid evadis, non tradita cetera tradis?
Cur rea tu cladis non quoque clade cadis? ²⁾*

Внятіе всѣхъ этихъ «злыхъ женъ» долженъ былъ представиться ригористически-настроенному читателю типъ Изотты.

¹⁾ Stengel, John. Gower's Minnesang u. Ehrzuchtbüchlein (Marburg 1886), p. 21, № X.

²⁾ Carmina Burana № CLII, стр. 61.

Съ первой брачной ноги и до конца разсказа она — вѣроломная жена, всецѣло отданная любовнику, который, въ добавокъ, не всегда ей и довѣряетъ. Такъ по крайней мѣрѣ въ бѣлорусскомъ пересказѣ сербскаго текста, въ эпизодахъ, къ которымъ не нашлись западныя параллели. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ глоссою переводчика, вмѣнившаго Тристану правило — не довѣряться женщинѣ? Тристанъ пробѣгаетъ съ Изоттой мимо шатра, въ которомъ столуется Артуръ и его дворъ, и не велитъ ей смотрѣть по сторонамъ: гляди мнѣ, Тристану, между плечъ, а коню своему промежъ ушей, не то я разгнѣваюсь на тебя. О Тристанѣ, отвѣчаетъ она, много я ходила по морю и по суху, а не видала ни одного рыцаря выше тебя. Въ другой разъ когда Жиневра упрекнула ее, почему цѣной невинной лжи она не спасла жизни одному человѣку, она объясняетъ, что не смѣла сказать Тристану неправды — изъ боязни его гнѣва. — Когда послѣ цѣлаго ряда любовныхъ приключеній Тристанъ приводитъ наконецъ Изотту къ ея мужу, и тотъ благодаритъ племянника за его «вѣру и правду» — въ этомъ заключеніи переводчику чуялась не пронія, и не торжество роковой любви надъ связанностью обычая: онъ тѣмъ ближе и безучастнѣе отнесся къ своему подлиннику, чѣмъ менѣе выяснилъ себѣ отношенія своего собственнаго женскаго идеала къ широтѣ рыцарскаго.

Ригористическій взглядъ на женщину обнималъ её всецѣло, во всѣхъ положеніяхъ, не исключая и освященнаго церковью брака. Показаніе русскихъ «Словъ» въ этомъ отношеніи рѣшительно. Есть, разумѣется, и добродѣтельныя жены, и въ семьѣ можно было спастись, не столько женѣ, сколько матери, вдовѣ, отреченной отъ соблазновъ плоти, приписанной уставомъ Владиміра Мономаха къ церковнымъ людям¹⁾, возвеличенной русскимъ былевымъ эносомъ. Иначе и матерьяльнѣе бракъ допускался какъ нужда, какъ спасительное средство отъ другихъ излишествъ. «Брачное съзвукупленіе прощено бысть нужда убо ради,

¹⁾ Макарій, Исторія русской церкви I, 282, 285.

а не иного чего бракъ бысть», говорилъ у насъ преп. Іосифъ Волоцкій: еслибы прародители сохранили заповѣдь Божию, Господь могъ-бы умножать человѣческой родъ инымъ способомъ, какъ и Адамъ и Ева созданы были внѣ «брачнаго сѣвъкупленія». «Лучше человѣку жениться, нежели разжизатися плотію», значитъ въ книгѣ Измографъ гл. 42. Такъ понимаетъ дѣло и авторъ старо-французскаго *Miserere*: Праведенъ путь брака; въ томъ дѣломудріе, коли сунруги безъ страсти творять обоюдный долгъ. Бракъ — кѣтка для дикой птички, чтобы не упорхнула въ лѣсъ; убѣжище противъ бури, ловушка для вѣтренниковъ, чтобы не ходили за чужими женами, сѣнь отъ излишняго жара.

Droite voie est de mariage.
 Chou est castées, se sans rage
 S'aquite cascuns a sen per.
 Noches sont ausi com le cage
 Ou on enclot l'oiseil sauvage
 K'il ne puist au bos rescaper.
 Ne se doit pas chil encouper
 Ki vigne a del autrui craper;
 Noches sont refuis por orage;
 Noches sont por fol atraper
 Ki veut autrui fame haper;
 Noches font por trop caut ombrage ¹⁾.

О любви въ бракѣ нѣтъ и рѣчи, или лучше, любовь дѣликомъ уходила въ чувство долга; прелестный образъ Ярославны и русскихъ женъ, плачущихъ о своихъ ладяхъ, взять въ исключительный моментъ скорбнаго причитанія. Характерно въ этомъ смыслѣ сравненіе древнерусской повѣсти о Девгеніи — либо ея благочестиво-окрашеннаго оригинала — съ греческой поэмой о Дигенисѣ. Послѣдняя воспѣваетъ не только подвиги своего героя, но и любовь, передъ силой которой склоняются слабые смертные; мѣсяцъ май — царь надъ мѣсяцами, краса земли, одѣваю-

¹⁾ Li romans de Carité et Miserere du Renclus de Moliens, ed. van Hamel, t. 2^d (Paris, 1885: Bibl. de l'École des Hautes Études, fasc. 62), строфа СХСVIII.

щейся въ фіалки и розы, которыми она соперничаетъ съ красотою неба; мѣсяць любви, когда всё влечется къ утѣхамъ Афродиты. Дигенисъ самъ отдается обаянію этого чувства, измѣняя женѣ ради амазонки Максимы. Иначе въ русской повѣсти: побѣжденная Максима молитъ Девгенія: многихъ царей и королей я побѣдила, теперь Господь покоришь меня тебѣ; если ты сочетаешься со мной и мы будемъ вмѣстѣ, никто не будетъ въ силахъ противостоятъ намъ. Мудрый Девгеній отказывается отъ союза: онъ досмотрѣлся въ вѣщей книгѣ «о житіи своемъ и о смерти», что если соединится съ Максимой, жить ему шестнадцать лѣтъ, если овладѣетъ прекрасной дочерью Стратига — то тридцать лѣтъ¹⁾.

Жизненная практика могла во многомъ смягчать суровость книжныхъ воззрѣній на женщину, хотя инья изъ нихъ проникли въ народный оборотъ во всей своей черствости. Кто такое: три гнѣвныхъ, три лукавыхъ, три болтливыхъ, трое, назначенныхъ быть битыми? Отвѣчая на эти вопросы англійская пѣсня XV-го в. кончала каждую отвѣдь упоминаніемъ женщины²⁾. Напомнимъ относящіяся сюда пословицы: *Moge, oganj i žena tri najveća zla; Ljubav ženska mreža vgažja; Puški, konju i ženi ne treba vjerovati* и т. п.³⁾ Я съ умысломъ выбралъ именно южнославянскія поговорки, ибо онѣ служатъ къ характеристикѣ среды, въ которой наши славяно-романскія повѣсти объявились впервые, гдѣ на встрѣчу ригористическимъ взглядамъ книжниковъ шѣлъ ригоризмъ народно-бытоваго этикета. Онъ господствовалъ даже въ высшихъ классахъ напр. Дубровника, судя по описанію Фи-

¹⁾ Галяховъ, *Исторія русской словесности* I, стр. 408—9.

²⁾ Herfor and therfor and therfor I came,
And for to preysse this praty woman.
Ther wer III wyly, III wyly ther wer:
A fox, a fryug and a woman.

Далѣе: III angry: A wasp, a weayll and a woman; III cheteryng: A peye, a jaye and a woman; III wold be betyn: A wyll, a stokefysche and a woman. Сл. *Songs and carols of the fifteenth century*, ed. by Th. Wright.

³⁾ Сл. Южно-славянскія пословицы, указанныя Крауссомъ въ *его Sitte und Brauch der Südslaven*, стр. 432 слѣд.

липпа De Diversis¹⁾: бракъ окруженъ былъ торжественнымъ символизмомъ народнаго обряда, заключался отъ рода къ роду, дѣвочекъ сосватывали по одиннадцатому или двѣнадцатому году, молодые люди пребывали въ положеніи *jugati* нѣсколько лѣтъ до свадьбы, и во всё это время женихъ, при посѣщеніи дома невѣсты, рѣдко позволялъ себѣ поднять на неѣ глазъ. Такъ дѣлается у родовитыхъ людей, такъ и въ народѣ, говоритъ de Diversis²⁾. Собственно народная жизнь и здѣсь была свободнѣе: она отводила любви поэтической уголокъ въ преддверіи къ браку, въ любовной пѣснѣ, въ свиданіяхъ на играхъ и посидѣлкахъ, но и здѣсь обрядъ и обычай связывали силу стихійнаго чувства. Его объектъ—незамужняя дѣвушка, цѣль опредѣлялась церковнымъ союзомъ; любовная пѣсня раздается преимущественно въ извѣстныя времена года, какъ-бы обусловленная извѣстнымъ природнымъ спросомъ.

Новое откровеніе любви, какъ особой силы въ нравственномъ мірѣ человѣка, явится со стороны. Она отрѣшена отъ всѣхъ бытовыхъ и юридическихъ условностей, одинаково обращается къ дѣвушкѣ или замужней, лишь-бы къ любимой женщинѣ; признается и въ бракѣ, хотя не обусловлена имъ существенно: Поликсена не хочетъ пережить любимаго ею Ахилла (ТД), какъ Роксана своего мужа Александра; вѣдомо да будетъ вамъ, пишетъ Александръ матери по поводу своего брака, что пока лю-

¹⁾ Philippi de Diversis de Quartigianis Lucensis artium doctoris eximii et oratoris Situs aedificiorum, politiae et laudabilium consuetudinum inclytae civitatis Ragusij. Codice inedito della Biblioteca ginnasiale di Zara pubbl. ed. illustr. da V. Brunelli. Zara 1882, стр. 124 слѣд., pars IV, cc. XVI и XVII.—Часть текста Филиппа de Diversis уже издана была Макушевымъ, Исслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (СПБ. 1867), стр. 358 слѣд.—De Diversis былъ вызванъ въ Рагузу въ качествѣ учителя (латинской) грамматики и реторики въ 1434 году и оставался въ этой должности до 1441 либо 1444 года (сл. Brunelli, l. c., стр. 3—5); его сообщенія служить, стало быть, къ характеристикѣ быта на переходѣ отъ XIV вѣка къ XV-му.

²⁾ l. c. raro sponsus suis oculis sponsam intuetur, tametsi in domo soceri saepius convivatur et illuc adeat. Sic enim moris tam nobiles apud, quam populares, qui eos magistros et dominos imitantur.

бовь къ женщинѣ не обуяла моего сердца, мнѣ никогда не приходила на мысль ни ты, ни домашніе; я сталъ о томъ помышлять лишь съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ женщинѣ угодила мнѣ въ сердце, а дотолѣ одинъ лишь былъ у меня помысль: либо убить кого нибудь, либо быть убиту (А). Это ужъ идеаль, взлелѣянный рыцарствомъ и усерднымъ изученіемъ Овидія. На западѣ, какъ извѣстно¹⁾, имъ зачитывались, онъ нашелъ перескащиковъ и подражателей, казуистовъ средневѣковой любви, подробно разработавшихъ и культъ чувства и ритуальъ нового служенія, усиленно примѣняя къ условіямъ окружающей дѣйствительности шаловливыя заповѣди стараго поэта: гдѣ видѣться съ милой — на турнирахъ, въ церкви (вмѣсто театра, куда женщины Овидія *Spectatum veniunt, veniunt spectentur ut ipsae*); какъ ухаживать за ними, при чемъ овидіевское: «*pede tange pedem*» сопровождается практическимъ совѣтомъ — осмотрѣться, чтобы не наступить невзначай на ногу чловѣка, который, быть можетъ, выпытываетъ такимъ образомъ тайну чужой страсти. Другое наставленіе поэта видоизмѣнено по такимъ-же соображеніямъ: любовнику полезно бываетъ иногда пролить слезы; какъ быть, если слезы не на готовѣ?

*Si lacrimae (nec enim veniunt in tempore semper),
Deficiunt, uda lumina tange manu;*

средневѣковой перескащикъ совѣтовалъ въ такихъ случаяхъ за-
пасться — луковицей:

*Et si tu ne peux avoir lermes,
Tu porras un oignon tenir,
Qui tantost les fera venir.*

Преподается цѣлый рядъ совѣтовъ и готовыхъ возраженій, еслибы замужняя женщина вздумала защититься любовью къ мужу, боязнью за мольву, за прочность высказываемаго къ ней

¹⁾ Сл. G. Paris, *La poésie du moyen âge. Leçons et lectures*, стр. 189 и слѣд.: *Les anciennes versions françaises de l'Art d'aimer et des Remèdes d'Amour d'Ovide*. Сл. изданный Morel-Fatio (*Romania* №№ 58—9) *Liber Faceti*, в. 131—384.

чувства. И женщины и дѣвушки даются указанія, какъ и чѣмъ она можетъ понравиться: пѣніе и умѣніе играть на псалтеріонѣ и другихъ инструментахъ привлекаютъ поклонниковъ, полезны также игры въ шахматы и тавлеи, танецъ мелкими, непринужденными шажками — и рекомендуется громкое чтеніе французскихъ книгъ (romans). Елена славянской повѣсти о Троѣ не только водить хорѣ, но и грамотна, тогда какъ Менелай въ этомъ неискусенъ, какъ вообще въ средніе вѣка на западѣ преимущество грамотности было на сторонѣ женщинъ¹⁾; оттого Елена одна понимаетъ слова, начертанныя Парисомъ краснымъ виномъ на бѣломъ убрусѣ:

Orbe quoque in mensae legi sub nomine nostro
Quod deducta mero litera fecit Amo

(Ov. Her. XVII, 87 слѣд.).

Она прислушивается къ его рѣчамъ: не изъ-за золота и серебра пришелъ онъ служить къ Менелаю, ибо того и другого въ Троѣ вдоволь: ты моя награда, и я предпочту всѣ другія муки — мученію по твоей «лѣпотѣ». Поздиѣе, когда подъ стѣнами Трои Парисъ сраженъ Менелаемъ и спасенъ лишь предстательствомъ Венеры, Елена говоритъ ему словами той-же Героиды (v. 253 слѣд.):

Apta magis Veneri quam sunt tua corpora Marti;
Bella gerant fortes; tu, Pari, semper ama.

Рядомъ съ Парисомъ и Еленой — другая пара, которую также обуяла роковая любовь: та наслана Венерой, эта — волшебнымъ зельемъ. Когда Тристанъ и Изотта отвѣдали его, начали глядѣть другъ на друга и не мыслили ни о комъ, только о себѣ. Оба сидѣли, точно чѣмъ-то устрашенные: Тристанъ думалъ о милой, она о немъ, а о королѣ Маркѣ забыли. Дивно мнѣ, что это такое на меня пашло, чего прежде никогда не бывало! У нихъ является сомнѣніе, но зелье ихъ перемогло. Если

¹⁾ Schulz, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger I, 129.

я люблю Изотту, тому дивитья нечего, разсуждаетъ съ собою Тристанъ: краше ея нѣтъ никого на свѣтѣ, я её вывезу, она моя, а наша любовь можетъ быть утаена. А Изотта помышляла про себя: Не диво, что я люблю Тристана, онъ мнѣ ровня и высокоаго рода, нѣтъ на свѣтѣ витезя больше его. Они не стерпѣли: Я тебя люблю отъ всего сердца, говоритъ ей Тристанъ; Я на всемъ свѣтѣ никого не люблю какъ тебя, я буду любить пока жива, признается Изотта. Тутъ они стали «одной мысли», и нѣтъ рыцаря, который столько-бы претерпѣлъ изъ-за любви, какъ Тристанъ (Тр.). Изотта отвѣчаетъ ему тѣмъ-же: когда онъ бьется съ Галиотомъ, она принимаетъ въ сердце всѣ направленные на него удары, блѣднѣетъ, когда ослабѣваетъ Тристанъ, становится веселой и румяной, когда онъ беретъ верхъ надъ противникомъ (Тр.).

Основой такой любви было возродившееся чувство физической красоты. Древнее христіанство небрегло ею, средніе вѣка считали её дѣломъ грѣховнымъ. «Аще который мужъ смотритъ на красоту женскую, даи Богъ ему трясавицею болѣти», говоритъ Даніилъ Заточникъ, парафразируя слова Сираха: Отврати око твое отъ жены красивыя (гл. IX, 8—9). Старофранцузскій моралистъ XII—XIII в. вторитъ тому: красота опасна и неразумень человекъ, который, зная коварство врага, не желаетъ отступить отъ него (*Mut est perillhose chose de beateit, mut est foz li om qui bien seit que li anemis est fel et si ne soi vult de lui partir*)¹⁾. Если старый книжникъ отворачивался отъ красавицы, какъ отъ бѣсовскаго соблазна, то народный поэтъ приглядывается къ ней, но описываетъ архаистически, по одному и тому же эпическому шаблону, связывающему выраженіе интимнаго впечатлѣнія. У русской красавицы

бѣлое лицо какъ бы бѣлый свѣтъ.

И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,

¹⁾ Poème moral. Altfranzösisches Gedicht hrsg. von E. Cloetta (Romanische Forschungen hrsg. von K. Vollmöller, III B., 1 Heft).

А и черныя брови, какъ соболи,
А и ясныя очи, какъ бы у сокола.

Иначе, но также шаблоннымъ, является идеалъ красоты въ болгарской пѣснѣ у Миладиновыхъ (№ 375, стр. 407):

Бѣлиградо що ми сѣ бѣлентъ?
Имать нещо за тва сѣ бѣлентъ:
Во него к Маро Бѣлогратка,
Лице имать, како ѣсно сжнце,
Очи имать, како цѣрно грозк,
Вежи имать, како пѣвци,
Грло имать како месечина;
За те'а сѣ Бѣлиградъ бѣлентъ.

Столь-же устойчиво-односторонни описанія красавицъ, которыхъ воспѣваютъ рыцарскіе поэты: онѣ непременно бѣлокурыя, чело у нихъ что лилія, очи смѣющіяся, зубы блестящѣе чистаго серебра, грудь бѣлѣе снѣга и цвѣта терновника, руки бѣлыя, съ длинными нѣжными пальчиками. Сл. описаніе *Pops'a de Carduoill*:

*Las vostras belas sauras cris
el vostre fron plus blanc que lis,
los vostres olhs vairs e rizens,
el nas qu'es dreitz e ben sezens,
la fassa fresca de colors,
blanca, vermelha plus que flors,
petita boca, blancas dens,
plus blancas, qu'esmeratz argens,
menton e gola e peitrina
blanca com neus ni flors d'espina,
las vostras belas blancas mas
els vostres detz grailes e plas ¹⁾.*

Таковъ общій поэтической типъ средневѣковой красавицы, какъ-бы ни мѣнялся объектъ поэта; такъ описывается и «бѣло-

¹⁾ Сл. мою замѣтку по поводу книги Renier: *Il tipo estetico della donna nel medio evo*, въ статьѣ: *Новыя книги по народной словесности*, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, февраль, стр. 188 слѣд. и *Rivista critica della letteratura italiana* II, № 5, стр. 132 слѣд.

курая» Елена. Въ средніе вѣка ея имя выражаетъ готовое эстетическое представленіе: красива какъ Елена; новой Еленой зовется Ирина въ поэмѣ о Дигенисѣ, въ обработкѣ Петритца; между тѣмъ и это представленіе — родовое, только усиленное количественно. Развивая краткія указанія Дарета, Benoit de Ste More называетъ Елену.

- 5100 De trestotes bialtez la flor.
 Unques ne nasqui en cest monde
 Dame si bele ne si blonde,
 De totes fu la souveraine.
 Ausi com est colors de greine
 Plus bele de nule altre chose,
 Et tot ausi come la rose
 De bialté tote rien sormonte,
 Ço dit Daires, qui ço recontе,
 Sormontot de bialté Heleine
 Tote rien qui nasqui humeine....
- 5113 Enz el mileu des dous sorciz,
 Qui dougié erent et tretiz,
 Aveit un seing en tel endroit
 Que merveilles li aveneit.
 Li cors de li ert biax et gras,
 Molt par se vesteit bien de dras;
 S'esteit si franche et de bon aire,
 Que nus hom nel saureit retraire.

Когда она показывается среди троянскихъ женъ, смотрящихъ на битву съ городской стѣны, кругомъ нея точно освѣтило, всѣ показываютъ на нее другъ другу:

- 10531 Entor li resclarzist la place
 De la resplendor de sa face.
 Sa fresche chière colorée
 Est lo jor de maint renommée,
 Li uns la mostre à l'autre al dei ¹⁾.

¹⁾ Сл. описаніе Елены у Конрада van Würzburg, Der Trojanische Krieg, ed. A. v. Keller, v. 19908 слѣд.

Надо было личному чувству красоты воспитаться въ само-сознаніи, чтобы прорвать эту толщу эпическихъ формулъ, оживить ихъ реальными штрихами и передъ внѣшними очертаніями образа дать преимущество выраженію произведеннаго имъ впечатлѣнія. Нѣчто подобное чувствуется въ характеристикѣ Елены у одного южно-французскаго ваганта, очевидно тронутаго чтеніемъ классиковъ. Она предстала передъ сонмомъ боговъ, точно Цинтія, выступившая изъ воинъ Тетида, слегка покраснѣвъ и потупивъ голову. Ея волосы частью распущены, частью заплетены и раздѣлены проборомъ; изъ подъ бровей сладострастно выглядываютъ глазки, лице цвѣтущее; будто нектаромъ Венеры увлажнены губки и рука бога холила подбородокъ. Чтобы густыя кудри ничего не скрывали отъ ея красы, она откидываетъ ихъ по обѣ стороны лица, и оно является тогда, точно ликъ Авроры, когда она близится въ розовомъ блескѣ утра. Развеселились всѣ боги: Фебъ разгарается, Марсъ приходитъ въ страстное движеніе, Венера щебецетъ, будто въ объятіяхъ любви.

Partim nexu libera coma spatiat,
 tricatura nexili partim complicatur.
 frontis hec ab apice recte disgregatur,
 frons verenti similis parum inclinatur.
 Sedet supercilium, oculus lascivit,
 pulcore nasus eminet, oris color vivit,
 Suo Venus nectare oscula condivit,
 manu deus propria mentum expolivit.
 Et ne decor lateat coma largiore,
 hanc ad aures removet hinc et hinc ab ore.
 tunc apparet facies similis aurore,
 que ventura mixta est roseo candore.
 Tunc videres superos undique gestire,
 Febum calefieri, Martem lascivire,
 Sicut in amplexibus Venerem gannire ¹⁾.

¹⁾ Wattenbach, Ganymed und Helena, въ Zeitschrift für deutsches Alterthum, XVIII, стр. 129—130.

Это — первая, нѣсколько реалистическая попытка осуществить въ воображеніи впечатлѣнія античной красоты, которая раскроется вполне лишь людямъ Возрожденія, титаническимъ вождѣніямъ Марловскаго Фауста. «Это-ли взоръ, подвигнувшій тысячи кораблей, зажегшій вершины Иліона? Даруй мнѣ безсмертіе поцѣлуемъ, милая Елена! Ея уста высасываютъ у меня душу — вотъ она улетѣла! Приди, о, Елена, отдай мнѣ её назадъ! Здѣсь я останусь, ибо въ этихъ устахъ небо, и прахъ всё то, что не — Елена. Я буду Парисомъ, изъ любви къ тебѣ разрушенъ будетъ, вмѣсто Трои, Виттенбергъ; я вызову на брань хилаго Менелая, твои цвѣта украсятъ мой шпшакъ. Самого Ахилла я поражу въ пятю — и снова къ Еленѣ за поцѣлуемъ! О! ты красивѣе вечерняго неба, одѣтаго прелестью тысячи звѣздъ; блестящѣе Зевса, когда въ огнѣ молній онъ предсталъ несчастной Семелѣ; прекраснѣе, чѣмъ Олимпійскій властитель въ лазуревыхъ объятяхъ игривой Аретузы. Ты, одна ты будешь моею милою!»

Was this the face that launch'd a thousand ships
 And burnt the topless towers of Ilium?
 Sweet Helen, make me immortal with a kiss!
 Her lips suck forth my soul: see, where it flies!
 Come, Helen, come, give me my soul again.
 Here will I dwell, for heaven is in these lips,
 And all is dross, that is not Helena.
 I will be Paris, and for love of thee
 Instead of Troy, shall Wertenberg be sack'd.
 And I will combat with weak Menelaus,
 And wear thy colours on my plumed crest.
 Yea, I will wound Achilles in the heel
 And then return to Helen for a kiss.
 O, thou art fairer than the evening air
 Clad in the beauty of a thousand stars;
 Brighter art thou than flaming Jupiter
 When he appeared to hapless Semele;
 More lovely than the monarch of the sky
 In wanton Arethusa's azur'd arms;
 And none but thou shalt be my paramour!

Елена нашихъ Троянскихъ Дѣяній блѣднѣетъ передъ этой роскошью красокъ; въ сущности мы не знаемъ и ея образа, какъ вообще красавицы славяно-романскихъ повѣстей чаще всего характеризуются однимъ эпитетомъ — красивыхъ. Но важно сознание Елены, что ея красота обязываетъ къ любви вѣдъ всякого нравственнаго мѣрила; когда Парисъ объясняется съ нею, она такъ отвѣчаетъ: о Александръ, я не ставлю тебѣ того въ упрекъ, ибо такъ достойно говорить витязю, узрѣвшему *такую* красоту, — и полюбившему. Сл. Ов. Нер. XVI, 35:

Nec tamen irascor. quis enim succenset amanti?
 Si modo, quem praefers, non simulator amor.
 Нос quoque enim dubito, non quod fiducia desit,
 Aut mea sit facies non bene nota mihi,
 Sed quia credulitas damno solet esse puellis.

Эта одна черта, обобщившая цѣлое культурное теченіе, искупаетъ неясность цѣлаго образа.

Изотга нашихъ повѣстей вышла и того блѣднѣе. Она такая же бѣлокурая, la blonde; дважды она предстаетъ на судъ свѣдущихъ людей, которые должны оцѣнить ея красоту сравнительно съ красотой жены Брунора и Женьевры; оба раза побѣда остается на ея сторонѣ, но намъ предоставлено угадать ея мотивы, ибо никакой обстоятельности нѣтъ. Подлиннику славянскаго пересказчика неизвѣстенъ былъ характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ ¹⁾, который могъ-бы дать поводъ къ такому именно развитію: Тристанъ и Каэрдинъ наблюдаютъ, притаившись, за шествіемъ Изотты и ея свиты въ сценѣ, напоминающей шествіе Дюковой матушки и западные параллели этого мотива ²⁾. Тамъ и здѣсь ожиданіе зрителя настроено: тамъ

¹⁾ Fr. Michel, Tristan, III, 3-й отрывокъ; Eilhard von Oberg (ed. Lichtenstein) v. 6458 слѣд.; Heinrich von Freiberg Tristan (ed. R. Bechstein) v. 4420 слѣд.

²⁾ Сл. мои Южнорусскія былины, вып. II, стр. 160 слѣд.; 203 слѣд.

къ зрѣлищу невиданнаго величія и богатства, здѣсь къ откровенію ненаглядной красоты. Въ началѣ идетъ цѣлый рядъ прислужниковъ, съ гончими псами, конями и охотничьими птицами:

25 Vient garzun, vient vatlet,
 Vient setz, vient brachet
 E li curliu e li veltrier
 E li cuistruns e li bernier
 E mareschals e herberjurs,
 Cils sumiers
 Cils chevaux palefreis [à destre]
 Cils oisels qu'e[n] porte à senestre.

Ни королевы, ни ея приближенной Брангены еще не видно. Далѣе показываются прислужницы, портомойницы, постельницы, швеи.

39 A tant eis-lur les lavenderes,
 Et les foraines chanberreres
 Ki servent del furain mester,
 Del liz aturner, del eshalcer,
 Des draz custre, des chief laver,
 Des altres choses aprester.

Вотъ она, восклицаетъ Каердинс, думая среди прислужницъ узрѣть королеву. Нѣтъ, отвѣчаетъ Тристанъ. Шествіе дѣйствительно продолжается: за chanberlang тѣснится толпа рыцарей и дамъ, съ пѣснями и въ бесѣдахъ о любви:

51 De chevaliers, des dameiseles,
 D'enseignés, de pruz et de beles,
 Chantent bels suns e pastureles.
 Après vient les dameiseles,
 Filles à princes e à baruns,
 Nées de plusurs regiuns,
 Chantent suns e chant del[i]tus;
 Od eles vunt li amerus,
 Li enseigneur e li v[ai][lanz],
 De druerie vunt parla[n]z.

•

Еще разъ кажется Каэрдину, что онъ видитъ Изотту, и опять это была ошибка. Наконецъ она явилась: вотъ она!

Такихъ драстическихъ сценъ сербскій романъ не знаетъ, какъ не знаетъ и знаменитой сцены, завершающей всю эту трагедію любви, миращей съ тѣмъ, что въ ней могло казаться безнравственнымъ, искупающей цѣлую жизнь проступковъ страстнымъ движеніемъ послѣдняго акта. Тристанъ опасно раненъ, вызываетъ къ себѣ изъ-за моря Изотту, искусную лекарку, чтобы она полечила его. Онъ ждетъ не дождется ея, а ея соперница — жена увѣряетъ его, что корабль присталъ, а Изотты нѣтъ. Повѣривъ тому, онъ умираетъ въ тоскѣ, а Изотта является лишь за тѣмъ, чтобы упасть бездыханной на трупъ милаго:

Amis Tristans, quant mort vus vei,
Par raisun vivre puis ne dei,
Mort estes pur la meie amur,
E jo muir, amis, de tendrur ¹⁾.

Психологическое значеніе этой развязки едва-ли могъ оцѣнить славянскій пересказчикъ; не ему-ли принадлежить и мысль замѣнить её новой, необычной? Тристанъ раненъ на турнирѣ, вдали отъ Изотты, отъ которой приходитъ письмо: какъ рыба безъ воды не можетъ жить, такъ и я безъ тебя, пишетъ она ему. Онъ шлетъ къ дядѣ Марку съ просьбою — отпустить къ нему Изотту: пусть его полечитъ. Марко охотно отпускаетъ жену, и она, прибывъ къ Тристану, усердно принимается врачевать его. Умеръ-ли онъ съ тѣхъ ранъ, или выздоровѣлъ — не знаю!

Поэзія любви и красоты отразилась въ славяно-романской повѣсти блѣдными силуэтами; въ длинной вереницѣ приключеній и турнировъ, храбрыхъ рыцарей и влюбленныхъ царевенъ, напоминающей свиту Изотту, мы, безъ помощи западныхъ оригиналовъ, не нашли-бы, на комъ остановить глаза и не сказали бы: вотъ она! Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній: ихъ заслуга

¹⁾ Fr. Michel, l. c.

въ починѣ, не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей.

Ихъ матерьяльное вліяніе на составъ народно-славянскаго, особливо русскаго творчества, былъ незначителенъ: только повѣсть о Бовѣ подарила намъ народной сказкой, рядомъ новыхъ эпическихъ именъ (Бова, Полканъ, царь Задонскій) и «мечемъ кладенцомъ». Тристанъ, сохранившійся въ одной только рукописи и, вѣроятно, не имѣвшій особаго распространенія, не могъ оставить и отголосковъ; эпизодъ старофранцузскаго романа, который я привлекъ къ объясненію былины о Садкѣ¹⁾, не находится въ бѣлорусской повѣсти и самый рассказъ могъ зайти къ намъ не изъ бретонскаго цикла. Къ Троянскимъ Дѣянїямъ на Руси можно было-бы, но, разумѣется, подъ сомнѣніемъ, привязать образъ «Елены прекрасной» нашихъ сказокъ и побывальщинъ. Въ побывальщинахъ объ Алешѣ Поповичѣ она чередуется въ одной роли съ Настасьей царевной²⁾; въ сказкахъ ея *добываетъ* Иванъ царевичъ, противъ котораго злоумышляютъ его старшіе братья³⁾, въ другихъ ея *достаетъ* для царя Никита Колтома⁴⁾, Иванъ или одинъ изъ семи Семіоновъ⁵⁾; либо она сестра или жена Ивана, готовящая на него ковы изъ любви къ другому и въ наказаніе за то размыканная по чистому полю⁶⁾; какой-то старикъ *выкралъ* ея у отца у матери и продаетъ Ивану, которому она помогаетъ своимъ вѣщимъ знаніемъ⁷⁾ — какъ и Ияна румынской сказки не только прекрасна какъ солнце, но и отвѣчаетъ извѣстному типу «мудрой дѣвы»⁸⁾. Вниманіе останавли-

1) Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Декабрь, стр. 251 слѣд.

2) Сл. мой Южнорусскія былины, II стр. 397.

3) Аванасьевъ, Нар. русск. ск. № 102, 104; сл. Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края № 60.

4) Аванасьевъ, № 116 b; сл. № 133.

5) ib. № 84.

6) ib. № 118 a; 120.

7) Сл. мою статью: Мелкія замѣтки къ былинамъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, Ноябрь, стр. 178—9.

8) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Кремницъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., Январь, стр. 217.

вають не столько нѣкоторыя подробности типа (любовь, увозъ), сколько постоянство эпитета: Елена прекрасная, Péna Cosințana, золотокудрая красавица румынскаго повѣрья ¹⁾.

¹⁾ Сл. Arsenie, Noua colectiune de Basme sau istorii populare, 2 ed. стр. 5 слѣд.; Schott, Walachische märchen, № 17: Juliana Kosseschana.

I.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ О ТРОѢ.

Вопросъ объ источникахъ и развитіи троянской саги въ среднѣе вѣка уже создалъ цѣлую литературу. Укажемъ, для общаго обозрѣнія, на трудъ Joly ¹⁾ и въ особенности на монографію Дунгера ²⁾, къ которымъ примыкаетъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій о Даретѣ и Диктисѣ, компендіозные рассказы которыхъ легли въ основу всѣхъ средневѣковыхъ поэмъ о Троѣ. Извѣстно, что по отношенію къ дошедшимъ до насъ латинскимъ текстамъ Дарета и Диктиса мнѣнія расходятся: одни полагаютъ, что они никогда не существовали въ болѣе подробныхъ версіяхъ, другіе заключаютъ о существованіи таковыхъ изъ разбора средневѣковыхъ поэмъ о Троянскихъ дѣяніяхъ, ссылающихся на Дарета и Диктиса и вмѣстѣ съ тѣмъ дающихъ, ссылаясь на нихъ, такія подробности, какихъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ текстахъ. Къ этому разногласію присоединилось и еще одно — въ вопросѣ о греческомъ оригиналѣ латинскаго сказанія, сохранившагося

¹⁾ Joly, Benoit de Ste More et le roman de Troie, ou les Métamorphoses d'Homère et de l'épopée gréco-latine au moyen âge. 2 vv, 1870—1.

²⁾ Dunger, Die Sage vom trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihren antiken Quellen. 1869.

съ именемъ Диктиса, при чемъ одни считали его гипотетически возможнымъ ¹⁾, другіе отрицали его существованіе.

Новая книга Грейфа ²⁾ хочетъ выяснитъ и устранить эти разногласія, являясь въ этомъ смыслѣ новымъ приращеніемъ литературы о Даретѣ и Диктисѣ; но такъ какъ по этому поводу автору пришлось разобрать цѣлый рядъ средневѣковыхъ произведеній, въ которыхъ вліяніе того и другого сохранилось или предполагается, его сочиненіе получило характеръ общаго обзорѣнія Троянскихъ сказаній въ литературахъ запада и Византіи. Согласно первой части задачи книга распадается на двѣ половины: поэты, пользовавшіеся текстомъ Дарета — во главѣ ихъ Benoît de Ste More — и подражатели Диктиса, въ ихъ главѣ Малала. Въ разборѣ каждаго произведенія, каждаго троянскаго сказанія выдѣляется доля заимствованія изъ Дарета и Диктиса и указываются другіе классическіе источники, которыми могъ пользоваться тотъ или другой авторъ: тутъ есть и Pindarus Thebanus, и Героиды и Метаморфозы Овидія, и Виргилій, и Гигинъ и т. п. Получается иногда такое впечатлѣніе, будто средневѣковые поэты работали съ цѣлой литературой въ рукахъ, съ библіотекой извлеченій, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ легче объяснить извѣстную долю классическихъ отголосковъ не изъ непосредственнаго знакомства съ древними авторами, а изъ цѣльныхъ утраченныхъ сказаній, въ которыхъ тѣ отголоски уже имѣли мѣсто. Примѣромъ можетъ служить оригиналъ славянской притчи о Троѣ съ ея частыми отзвуками изъ Овидія. Такое предположеніе кажется мнѣ необходимымъ, равнѣе распредѣляя струю классическаго преданія и не заставляя средневѣковаго поэта работать при помощи экскерптовъ, которые, по мнѣнію автора, простирались и на комментаріи Сервія и на глоссы къ древнимъ авторамъ (сл. стр. 105, 111). Идя такимъ путемъ надо будетъ допустить

¹⁾ Къ этому мнѣнію склонялся и я; см. мою статью: Новый взглядъ на Слово о Полю Игоревѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Августъ, стр. 296.

²⁾ Wilhelm Greif, Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. Ein neuer Beitrag zur Dares- und Dictysfrage. Marburg, 1886.

и гипотезу Бугге, открывающую въ миеологiи скандинавскаго сѣвера слѣды знакомства съ такой-же глоссарной литературой¹⁾.

Въ вопросѣ о Даретѣ и Диктисѣ общій результатъ, къ которому пришелъ изслѣдователь, слѣдующій: болѣе подробныхъ текстовъ приписанныхъ имъ сказаній, чѣмъ дошедшіе до насъ, не существовало, не существовало и греческаго Диктиса. Последнимъ авторъ занимается особо, въ пространной главѣ, посвященной Малалѣ (стр. 173—246), который самъ назвалъ источники своего отдѣла о Троѣ: Сизифа Косскаго, Диктиса и какого-то Домнина. Разбирая у Малалы то, что взято или могло быть взято у Сизифа, авторъ приходитъ къ заключенію, что Диктисъ пользовался тѣмъ-же источникомъ и рядомъ съ нимъ еще и другимъ, который Грейфъ пытается распознать въ текстѣ, выдѣляя въ немъ мѣста, обличающія любовь къ одному стилистическому приему (сл. §§ 197, 200, 207, 210, 222; сл. стр. 241), стоящія въ тѣсной взаимной связи—и въ относительно слабой съ частями, заимствованными изъ Сизифа (= Малалы). Это — отрывки второго источника Диктиса, характеризуемые, какъ цѣлое, еще и выдающеюся ролью, которая дается въ Троянской повѣсти Паламеду. Авторъ выставляетъ гипотезу, что такимъ источникомъ могла быть упоминаемая Свидой Иліада Коринна, ученика Паламедова (сл. стр. 244). Стилистическій приемъ, который имѣетъ въ виду Грейфъ, тотъ, что при разсказѣ о какихъ-нибудь «необычайныхъ событіяхъ дается возможность выбора между той или другой обусловившей его причиной» (стр. 205), напр.: Dict. I, 19: *neque multo post, irane coelesti an ob mutationem aëris corporibus peremptatis lues invadit*; II, 30: *incertum alione casu an, uti omnibus videbatur, ira Apollinis morbus gravissimus exercitum invadit*; II, 34: *taedione an recordatione suorum*; IV, 4: *permoti querelis Rhodiorum an cupidine diripiendarum rerum* и т. д. Трудно представить себѣ, чтобы компендиатору, какимъ былъ псевдо-Диктисъ, пришло на мысль послѣдовательно сохранить въ своемъ латинскомъ сжатомъ пересказѣ излюбленный синтакси-

¹⁾ Сл. мои Разысканія VIII, стр. 353.

ческий оборотъ подлинника; еще труднѣе вмѣнить этотъ оборотъ ученику, или скорѣе, мнимому ученику Паламеда: ему приходилось рассказывать о подвигахъ своего героя, о которыхъ онъ зналъ, или мнилъ себя знающимъ, и къ усвоенному имъ характеру свидѣтели первой руки не пристали такія выраженія сомнѣнія или неувѣренности, какъ *incertum* — *an* и т. п.

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія Грейфъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (стр. 269—278) славянской повѣсти о Троѣ, которой касался, впрочемъ, и раньше (стр. 94—103, 105—6, 125—8, 148—9, 160—1).

Съ тѣхъ поръ какъ на латинскій переводъ славянской повѣсти, сдѣланный Миклошичемъ ¹⁾, обращено было вниманіе Ф. Мейстеромъ при его изданіи Дарета ²⁾, западные ученые занялись этой версіей троянской саги и отыскиали къ ней нѣсколько параллелей въ западной и классическихъ литературахъ (R. Köhler, F. Meister, Dunger, Mussafia), параллелей, которыя Грейфъ умножилъ и привелъ въ порядокъ, такъ что послѣ его свода нѣкоторые вопросы поставились на ново и яснѣе обнаружилось то, что еще остается въ области искомаго. Оказалось, что на извѣстномъ протяженіи рассказа наша славянская повѣсть идетъ параллельно съ цѣлымъ рядомъ западныхъ, число которыхъ увеличилось со времени изслѣдованія Грейфа; что, стало быть, всѣ онѣ почерпали изъ какого-нибудь общаго или сходнаго источника.

Грейфъ пользовался славянской повѣстью въ латинскомъ переводѣ ея текста, помѣщеннаго въ Ватиканскомъ спискѣ хроники Манассія, переведенной на церковнославянскій языкъ по порученію болгарскаго царя Александра (1331—1365). Кромѣ этого списка, изданнаго Миклошичемъ (I. c.), извѣстенъ еще одинъ, также помѣщенный за хроникой Манассія: онъ находится въ рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи = Новгородско-Софійской № 1497, XVI вѣка, описанъ А. Поповымъ ³⁾ и из-

¹⁾ Miklošić, Trojanska priča bugarski i latinski, въ Starine III (1871 г.).

²⁾ De excidio Trojae historia. Lips. 1873.

³⁾ А. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ I, 125.

дается въ первомъ приложеніи къ настоящему очерку. Два хорватскихъ глаголическихъ текста были изданы Ягичемъ: одинъ въ отрывкѣ по ркп. XV-го вѣка¹⁾, другой, полный, по рукописи, съ помѣтками въ ней, позднѣйшей рукою, 1451, 1452 и 1552-хъ годовъ²⁾. На Руси повѣсть наша внесена была въ хронографъ 1-й редакціи³⁾; небольшой отрывокъ (судъ Париса) напечатанъ былъ Буслаевымъ⁴⁾ по рукописи ему принадлежащей; краткій пересказъ, внесенный въ хронографъ особаго состава, помѣщенъ нами въ приложеніи подъ № 2; редакція, изданная Пыпинымъ⁵⁾, съ ея сокращеніями и лишними эпизодами, заимствованными изъ другого источника, не представляетъ большаго подспорья къ возстановленію оригинала. Въ общемъ, во всѣхъ спискахъ текстъ повѣсти тотъ-же, если не считаться съ подновленіями языка, руссизмами русскихъ списковъ и сокращеніями, безъ которыхъ не обошелся и болгарскій текстъ. Въ виду этого полезно было-бы положить его, какъ наиболѣе древній, въ основу критическаго изданія, сближая съ Софійскимъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ рецензіи, и привлекая къ сравненію и другіе извѣстные доселѣ варианты, среди которыхъ хорватскіе тексты Ягича представляютъ особую группу. Это упрочило бы и результаты сравнительно-литературнаго изученія, въ которомъ надлежитъ принять участіе и славянскимъ ученымъ.

Сообщая далѣе результаты, добытые сравненіемъ, я думаю тѣмъ самымъ облегчить ихъ будущую работу⁶⁾.

¹⁾ *Primëri staroherv. jezika* II (1866), стр. 180—4.

²⁾ *Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga*, 1868, стр. 57—72.

³⁾ Сл. А. Поповъ, I. с. I, 220, 124 слѣд.; сл. II, 286—7.

⁴⁾ Историческая хрестоматія церк. слав. и древ. русск. языка, стр. 977—8.

⁵⁾ Очеркъ, стр. 306—316: по румянцевскому хронографу XVII в., № 456, съ вариантами по румянцевскому-же хронографу № 459 и одной рукописи, находящейся въ частномъ владѣніи.

⁶⁾ Текстъ (и латинскій переводъ) Миклошича цитуются далѣе: *Micl.*; *Pril.* = текстъ Ягича въ *Prilozi*; *Prim.* = *Primëri* Ягича; Новгородско-Софійскій текстъ повѣсти (ркп. ПБ. Дух. Академіи № 1497) = Н.Соф.; Пып. = (Пыпинъ).

I.

Повѣсть начинается родословной троянскихъ властителей:
 Пришедъ, Придешъ (Micl.), Пришедъ (Н.Соф.), Придѣшъ (хро-
 нографъ 1-й редакціи), Придешъ (Пып.), Приеш' (Pril.
 Prim.) = Phryx, Phrygius (* Фрижь).

Оилушъ, — а (Micl.), Оилуша (Н.Соф.), Илуш' (Pril.), Илоушъ
 (Prim.) = Ius.

Ламедонъ (Micl.), Ламедонъ (Н.Соф.), Лавмедонъ (Pril. Prim.) =
 Laomedon.

Шарикуша (Micl.), Ашарикуш' (Pril. Prim.) = Assaracus.

Дардануша (Micl., Н.Соф.), Дардануш' (Pril. Prim.) = Dardanus.

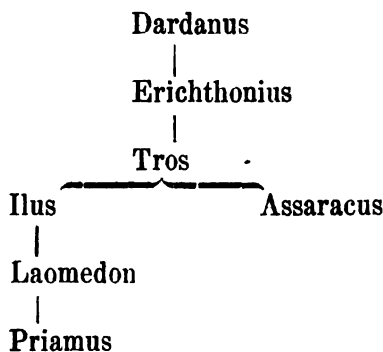
Троилоуша (Micl., Н.Соф.), Троилуш' (Pril. Prim.) = Troilus, Tros.

Прѣймоушъ (Micl., Н.Соф.), Приѣмушъ (Pril. Prim.) = Priamus.

Города, ими послѣдовательно построенные: Прижія (Micl.;
 Н.Соф.: Пружия; Pril.: Приѣиѣ; Prim.: Прѣтиѣ) = Phrygia;
 Илионъ (Micl. Н.Соф., Pril.) = Ilium; Ламедонія (Micl. Н.Соф.;
 Pril.: Лавмедоніѣ); Шарикушіа (Micl.; Pril.: Ашаракіѣ); Дар-
 данія (Micl. Н.Соф., Pril., Prim.); Троя ¹⁾.

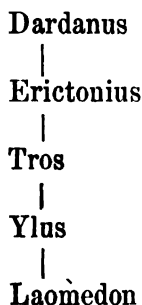
Запутанность этого родословнаго древа бросается въ глаза;
 древняя генеалогія (Apollocl. III, 12) была другая:

¹⁾ Въ Preambulum ad Virgilianam historiam (Cod. Riccard 1233, XV вѣка)
 города, соотвѣствующіе по названіямъ именамъ ихъ основателей и соеди-
 ненные впоследствии въ Трою, слѣдующіе: Dardania, Teucra, Troia, Ilo, Ante-
 norida. Сл. Parodi, I rifacimenti e le traduzioni italiane dell'Eneide di Virgilio
 prima del rinascimento, Studj di filologia romanza, fasc. 5, стр. 197.

(Дарданія, Троя — название областей, *χώρα*; Πίυμ — города). У Диктиса (ed. Meister, IV, 22; I, 9) эта родословная изменена в томъ смыслѣ, что Ассаракъ является не братомъ, а племянникомъ Ила отъ сестры Клеопатры. Въ средневѣковыхъ генеалогическихъ росписяхъ, разнообразія которыхъ я не берусь здѣсь исчерпать, древнія отношенія возстановляются: у Villani (I c. 10—12), Malespini (cc. IV и V), у Franceschino degli Albizzi и Forese dei Donati¹⁾—Ассаракъ и Иль или Илонъ снова братья, Трос названъ Troio (Villani) или *Троиломъ* (Malespini); Дарданъ поселяется во Фригии (Villani; у Malespini: Africa), названной такъ по имени Friga, потомка Яфета (Villani). Сл. генеалогію въ прозаической передѣлкѣ романа Бенуа:

Frigus, — а, строитель города Frige
(сл. Пришедъ, Прижіа)

¹⁾ Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio, стр. 541.

Мы можемъ теперь объяснить родословную путаницу нашей повѣсти. Frigus, — а = Пришедъ привлеченъ въ родъ Дардана по смежности; Ерихтоній опущенъ, какъ и у Диктиса Tros является въ одномъ мѣстѣ не его сыномъ, а сыномъ Дардана¹⁾; Илъ и Ассаракъ были братьями, сыновьями Tros'a — Троила, но въ подлинникѣ нашей родословной были поставлены такъ, что сначала шелъ Илъ съ сыномъ Лаомедонтомъ, а затѣмъ Ассаракъ; эта послѣдовательность въ рукописи могла быть принята за генеалогическую, и Ассаракъ понятъ какъ сынъ — Лаомедонта. Наконецъ Дарданъ съ Троиломъ попали не въ свое мѣсто, можетъ быть, уже въ древнѣйшемъ текстѣ перевода. Въ его оригиналѣ послѣдовательность была такая:

Пришедъ
|
Дарданушъ
|
Троилушъ
|
Оилушъ и Шарикоуша
|
Лаомедонъ
|
Приамушъ

Грейфъ (I. с. стр. 269) полагаетъ, что родословная нашей притчи, записана авторомъ по памяти. Авторомъ чего? Славянскаго текста или его искомаго источника? Грейфъ нерѣдко вмѣняетъ первому, что мы можемъ приписать лишь второму²⁾. Работалъ-ли послѣдній въ данномъ случаѣ по воспоминаніямъ или слѣдуя какому-нибудь подлиннику — этотъ вопросъ я оставляю въ сторонѣ. Тѣми и другимъ можно одинаково объяснить топо-

¹⁾ У Argmanno въ его Fiorita'ѣ Троилъ, отецъ Ассарака, не сынъ, а зять Дардана.

²⁾ См. по этому поводу замѣчаніе Ягича въ его статьѣ: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung, въ Archiv f. slav. Philologie II, стр. 25.

графію мѣстности, гдѣ поставленъ городъ Прижія: съ одной стороны «великое море», съ другой рѣка Ксанѣъ (Micl. Кашантоуша, Н. Соф. Кашандуша; Pril. Шанктуш, Prim. Шанак'тоушь; Пып. и хронографъ 1-й редакціи: Скомандра), съ третьей море, «кое са зовѣше Пелешино море» (Micl. Н. Соф., хронографъ 1-й редакціи; Prim.: рѣка именовъ море Пелешино), съ четвертой «лжгъ, еже са зовѣше Доудома лжгъ» (Micl. Н. Соф. Пып. хроногр. 1-й редакціи; хронографъ южно-русскій у А. Попова, I. с., II, 286: Додома; Prim. лоуг' Лодома; Pril.: луг трд' веле), съ пятой «жиндолъ, на коемъ растѣху цвѣти многоразлични» (Micl. Н. Соф.; Pril. дол инѣин', в' ком' растѣше много племенита цвѣтъ; Prim.: долъ инѣинь, на комъ растеше много чвѣт'и различнихъ; хронографъ 1-й редакціи: юдоль; Пып. 307: удоль). — Какъ Ксанѣъ, такъ и жиндолъ и лѣсъ («лугъ») Дудома и Пелешино море представляются топографическими обозначеніями, которыя приходится разгадывать. Жиндолъ, дол инѣин' — можетъ быть: Идинъ долъ, *Idaea vallis*; въ европейскихъ параллеляхъ къ первой части нашей повѣсти («юность Париса») мѣстомъ дѣйствія является Ида. Интересно различіе Pril. Prim.: долъ *инѣинъ*, невольнo напоминающее *Inde* = Иду у Benoit de Ste More, своеобразно понятое у Guido delle Colonne: in minore *India*. — Лѣсъ Доудома — *Δίδυμον ὄρος*? ¹⁾ — Пелешино море, очевидно, стоитъ въ связи съ Фелешей, Пелешей, встрѣчающейся далѣе въ текстѣ. О ней говорится, что она вила и пророчица, «кая обладаше морскими вълнами и вѣтромъ» (Micl.; Н. Соф.: Фелеша); Пып. 310: «вѣкага жена именовъ Велеша, волхвующи, еяже пророчицу нарицаху, иже обладаше волшвеніемъ морскими волнами»; Pril. ничего не говорятъ объ ея отношеніяхъ къ морю, ограничиваясь упоминаніемъ: «Пелеше госпое», «Палеш' госпа». У нея витязи Агамемнона убили «кошоутъ», она воздымаетъ противъ грековъ бурю и еѣ должны умилостивить принесеніемъ въ жертву «Цвѣтаны» = Ифигеніи (Micl.; Pril. Цвенуажия).

¹⁾ Dunger въ *Jahrbücher f. class. Philologie*, hrsg. von Fleckeisen, XIX Jahrg. (1873), стр. 566, склоненъ видѣть въ Доудома — *Idaeum* (nemus).

Дѣло идетъ, стало быть, объ Артемидѣ-Діанѣ; при общемъ взглядѣ нашей повѣсти на боговъ, какъ на пророковъ и волвовъ, на богинь, какъ на виль, буря, поднимаемая Діаной, была обобщена, и богинѣ вмѣнена особая власть надъ волнами и вѣтромъ. Это объяснило-бы намъ отчасти и названіе моря — Пелешинимъ, если бы самое имя Пелеша, Палеша (Фелеша съ *φ* вмѣсто *п*, какъ Фарижъ у Пып. 307 вмѣсто Парижъ *Micl.*) = Діана было ясно¹). Не было ли смѣшенія съ Палешъ = *Pallas*, являющейся въ эпизодѣ о судѣ Париса? Она приходитъ на свадьбу Пелея = Пелешъ, съ нею Юнаа (*Micl.*; Н.Соф.: млада; *Pril.*: Юношь) и Венуша (*Micl.* Н.Соф. = *Venus*): «три вилы пророчицъ, кож бѣхъ наилѣпшжа въ морскихъ отоцкхъ» (*Micl.*, Н.Соф.). Подъ морскими отоками въ оригиналѣ славянской повѣсти могли разумѣться острова Нерейдъ, куда на свадьбу Пелея явились и три богини; Нерейды отождествились въ славянскомъ народномъ повѣрѣ — съ морскими вилами; переводчику принадлежитъ, быть можетъ, только перенесеніе этого представленія на богинь, пришедшихъ на Пелееву свадьбу, которымъ онъ вмѣнилъ и прозвище «пророчицъ», относившееся первоначально къ Нерейдамъ. Въ подтвержденіе этой гипотезы приведу слѣдующій рассказъ изъ Цвѣтника (*Fiorita*) *Armannino giudice di Bologna*, XIV вѣка (по ркп. *Laur.* 50 *Plut.* 89 *inf.*): Теламонъ и Пелей, сыновья критскаго короля Еака, выселяются: первый въ *Experia magna* (f. 33 a), другой въ Абруццы (f. 33 b). Пелей (f. 35 a) «*udì dire alla gente latina che nelle parti d'Asya maggiore era uno re che Nereo havea nome. Questo havea cinquanta figliuole savie indovine e in ogni arte scientiate per le quali indovinare si puote per alcuna maniera e maggiormente per la igromantia. Queste habitavano in Ysole di mare . . . , ove loro*

¹) *Dunger*, l. c. стр. 566 и 567 объясняютъ *Пелешино море* изъ *Ov. Metam.* XI, 195: *Citra pontum . . . Helles*, а представленіе *Пелеши* владычицей волнъ и вѣтровъ — въ связи съ *Ov. Metam.* XII, 36 слѣд., гдѣ по поводу отплытія дрековъ говорится: *ergo ubi, qua decuit, lenita est caede Diana — Et pariter Phoebes, pariter maris ira recessit.*

arte meglio sopraava». Пелей отправляется на *usole nereite* . . . Queste donne chiamano gli auctori ¹⁾ *nimphe e dee del mare*, però che loro arte per idromantia sopraavano in quello castello». Вилы пророчицы на морскихъ островахъ обобщены, вѣроятно, изъ вѣщихъ (indovine), волхвующихъ Нереидъ, обитавшихъ in usole di mare. Упрекая Париса, Энона говоритъ ему, что еслибъ знала о его вѣроломствѣ, умолила-бы «морскую вилу» воздвигнуть на него бурю, что отвѣчаетъ у Ов. Нер. V, в. 57: *virides Nereïdas*.

За разобраннѣмъ нами генеалогическимъ введеніемъ (Micl. § 1) начинается самая повѣсть. Я разберу особо ея первые эпизоды — юность Париса (Micl. § 2), ибо здѣсь именно можно услѣдить и въ нашемъ текстѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ отраженіе общаго оригинала.

1. У Якупы (Micl. Н.Соф.; Pril., Prim. Ъкоупа; Пып. Якама), жены Пріама (Micl. Прѣамушь, Прѣамъ; Н.Соф. Пріамушь; Pril., Prim. Приѣмоушь), былъ вѣщій сонъ: будто она родила головню, которая, вознесясь на небо, пала въ море, откуда вылетѣли искры, «и падоша на Трои, и погорѣ Троя градъ» (Micl. Н.Соф.; Pril. Prim.: до фундамен'та). Она говоритъ о томъ мужу, который призываетъ «пророки и влхвы (Micl. Н.Соф.; Pril. мештром', Prim. мештре), мѣдрѣца (Micl. Н.Соф.; Pril. властели, Prim. пророки) и нижнаа люди» (Micl.; Н.Соф. болгары и нижнаа люди) и совѣтуется съ ними. «Пророци» (Micl., Н.Соф.; Pril. Prim. мештри) толкуютъ, что у него родится сынъ, отъ котораго погибнетъ Троя (Pril. Prim. прибавляютъ: до фундамента). Пріамъ говоритъ женѣ, что когда родится у нея сынъ, пусть велитъ убить его, но мальчикъ родился столь прекраснымъ, что мать не въ силахъ это сдѣлать: повивъ его въ шелковыя ткани, положила къ нему много золота и серебра и велѣла одному юношѣ (Micl. Н.Соф.; Pril. Prim. юнаку) отнести и покинуть его далеко отъ Трои. Ребенка находятъ пастухъ, у котораго только что родился мальчикъ; онъ от-

¹⁾ На поляхъ пометка: Virgilio, Statio Achilleidos.

носитъ найденьша къ женѣ и называетъ его «Парижъ Пастыревичищъ» (Micl. Н.Соф.); Micl. = Н.Соф., вѣроятно, производитъ собственное имя отъ нарицательнаго (пастыревичищъ); такъ и Pril., только здѣсь этимологія другая: «издѣ му име Паряж', за-ч' растѣше како и париж' (= фарижъ. Сл. въ текстѣ Миклошича = Пып., наоборотъ: Paris = Фарижъ) искружив' шию, а ки син' бѣше влащи, та растѣше како всако дѣте»; сл. Prim.: «изде моу име Парижъ, ер растише искроуживъ шию како фарижъ. А ко си бѣше влащи синь, растише ѣко и дроуго дѣте». — Когда Парису было семь лѣтъ, онъ съ товарищемъ «играахъ около добытка» (Micl., Н.Соф.); «Парижъ сваждааше два волю, и бодѣхъ са, и кои прѣмагааше, тому виаше вѣнецъ ѡтъ цвѣтіа, а кои не прѣмагааше, тому виаше ѡтъ сламы и полагааше имъ на рогу» (Micl. Н.Соф.; Prim. вм. вѣнецъ = кроуницоу, Pril. коруну; Пып.: отъ масличія). Pril. прибавляетъ: И Парижъ дѣлаше куч'му, а други та син' дѣлаше бат'; Prim.: Парижъ дѣлаше коуч'мицу, а други синъ пастиревъ вделаше бациноу. — Micl., Н.Соф. продолжаетъ: «И егда бѣше юноша Парижъ, хождааше съ добрыми витезы и играаше, и прѣмагааше ихъ вьсакой игрѣ, и ту прободе единого витеза за щитъ прѣдъ кралемъ Апридежемъ»; Prim.: однога витеза именовъ Щита предъ Апишемъ кралемъ; въ Pril. то-же: пребори однога витеза, именовъ Щита; имя царя — Приамъ; у Пыпина имени нѣтъ, «прободе за щитомъ единого витязя».

Въ дальнѣйшемъ разказѣ я слѣдую порядку Micl. = Н.Соф.; въ Pril. = Prim. послѣдовательность другая.

Въ это время Фелешъ краль (Micl.; Н.Соф. = Фелешъ; Prim. Пелеоушъ; Pril. Пелешин' = Peleus) женится на Тетишѣ (= Thetis) и зоветъ на свадьбу витязей и юнаковъ, Париса (такъ и у Пып.; въ Prim. нѣтъ) и добрыхъ господъ и трехъ вилъ пророчищъ; только одну госпожу не позвалъ, именовъ «Диевошъкордиа» (Micl. Н.Соф.; Pril. нѣтъ; Prim. Дишекор'ди = Discordia), ибо она, «гдѣ идѣше, все свадъ строаше». Она мститъ за это: «сковала» золотое яблоко и велѣла его забросить въ «овощникъ»

(Micl., Н.Соф.; Pril. Prim.: травникъ) короля Пелеша, а на яблокѣ было написано, что оно назначено красивѣйшей изъ трехъ богинь. Послѣ обѣда (Micl., Н.Соф.: и вземѣхъ оуброусы штъ стола) витязи играютъ на фарижахъ, госпожи идутъ въ садъ; яблоко найдено, три «сестреницы» начинаютъ о нихъ спорить — и переносятъ судъ въ Трою передъ «Тебоха бога» и «Ипитера пророка» (Micl. Н.Соф.; Pril. только: Юп'тера бога, Prim. Юпитера бога). Онъ отказывается отъ суда и отсылаетъ богинь назадъ къ Парису. Pril. = Prim. объясняетъ причину отказа: «за-ч' ми е Юнош' жена, а Палеш' невѣста, а Вѣнуш' сестра»¹⁾. — Парисъ велитъ имъ раздѣться; онѣ предстали передъ нимъ въ однѣхъ «ризахъ» (Micl., Н.Соф.; Pril. кошулах'), и каждая прельщаетъ его: «Юнаа» (Micl.; Н.Соф. млада; Pril. Юнош') обѣщаніемъ богатства, Палешъ — побѣды, Веноуша (Micl., Н.Соф.; Pril. Вѣнуш') — любви: она дастъ ему «добрѣа госпождж Еленѣ», жену царя «Менелаоуша» (Micl. Н.Соф.), красивѣйшую во всѣхъ грекахъ, даетъ новое имя: Александръ и открываетъ, чей онъ сынъ. Парисъ присуждаетъ ей яблоко, обвеселился сердцемъ, идетъ проститься съ своимъ пріемнымъ отцемъ и затѣмъ въ Трою, гдѣ на рѣкѣ Ксанѣ встрѣчаетъ Энону: Оинеоушь, Оинешъ Micl., Венеушь Micl. и Н.Соф., Ионеш' Pril. Онъ говоритъ ей: «Госпожде Венеоушь, люби ма, да та люба. И штъвѣща емоу Оинешъ: ѿ Александрѣ Фарижю, нинѣ ма любишь, нѣ приидеть врѣма, и оставиши ма. И рече еи Александръ: ѿ госпожде Оинеуше, не хоцѣ азъ тебе оставати; егы ли та остава, тогы снази рѣка Кашантоуша въспать да потечетъ. И постави с неа прѣвое любве, и взяа штъ неѣ вѣнецъ» (Micl. Н.Соф.; Pril.: коруну).

Въ связи съ пересказаннымъ эпизодомъ нашей повѣсти о «юности Париса» мы разберемъ его западныя параллели²⁾.

¹⁾ Глаголическій отрывокъ, напечатанный въ Primѣги и, очевидно, принадлежащій къ одной редакціи съ текстомъ Prilozі, на этомъ оканчивается. Последнія слова: «Придите предъ Парижа пастиревища, онъ вамъ соуди».

²⁾ Большая часть изъ нихъ уже была принята въ расчетъ Грейфомъ; итальянскія параллели заимствованы изъ работы Горры: Egidio Gorra, Testi

Основой имъ послужило классическое преданіе, на сколько оно было извѣстно въ средніе вѣка. О вѣщемъ сѣѣ Гекубы (fah) говоритъ Овидій Нер. XVI, 237 слѣд.¹⁾; о его низменной долѣ въ юности (servus, pastor) Нер. V, 12, 79, вся посвященная горестнымъ воспоминаніемъ нимфы Эноны о ея любви къ пастуху Парису: часто они покоились подъ сѣнью дерева, среди стада; она показывала ему чашу, гдѣ водится дичь, разставляла сѣти, водила на привязи его охотничьихъ псовъ, а Парисъ вырѣзалъ въ корѣ деревьевъ имя своей милой, клялся въ вѣчной вѣрности:

29 Cum Paris Oenone poterit spirare relicta,
Ad fontem Xanthi versa recurret aqua.

Послѣ суда надъ богинями и обѣщанія Венеры все измѣнилось, и Парисъ покинулъ Энону для другой красавицы. Развѣ она его не достойна?

85 Digna que sum et cupio fieri matrona potentis:
Sunt mihi, quas possint sceptrā decere, manus.

Правду говорила ей Кассандра:

115 Quid facis, Oenone? Quid harenae semina mandas?
Non profecturis littora bubus oras.

Когда-то любилъ еѣ «conspicius Troiae munitor (139), лишилъ ея дѣвственности и наградилъ чудеснымъ даромъ врачеванія;

149 Me miseram, quod amor non est medicabilis herbis!

inediti di Storia trojana preceduti da uno studio sulla leggenda trojana in Italia. Torino, Triverio 1887.

¹⁾ Иначе у Сервія in Virg. Aen. II, 82: Геленъ, сынъ Приама, вѣщаетъ quadam die nasci ruem, per quem Troia posset everti; когда послѣ того родили въ одно время Гекуба и жена Thyroetae, Приамъ велитъ убить послѣднюю вмѣстѣ съ ея сыномъ, у Аполлодора III, 12, 3 слѣд. сонъ Гекубы толкуетъ сынъ Приама Αἴσχος; мальчикъ, по повелѣнію отца заброшенъ на Идѣ служителемъ Агелаемъ; въ теченіи пяти дней его кормитъ медвѣдица, послѣ чего Агелай находитъ его, воспитываетъ дома, выдавая за сына, и даетъ имя Париса. Имя Александра онъ получилъ « ληστὰς ἀμυρόμενος καὶ τοῖς ποταμίαις ἀλεξήσας, ὅπερ ἐστὶ βοθηήσας καὶ μετ' οὐ πολὺ τοὺς γονεάς ἀνεῦρε.

На возвращеніе Париса въ Трою и на признаніе его братьями намекаетъ Сервій in Verg. Aen. V, 370: sane hic Paris secundum Troica Neronis fortissimus fuit, adeo ut in Troiae agonali certamine superaret omnes, ipsum etiam Hectorem. qui cum iratus in eum stringeret gladium, dixit se esse germanum: quod adlatis crepundiis probavit qui habitu rustici adhuc latebat. Гигинъ (fab. 91: Alexander Paris) указываетъ мѣсто этому эпизоду въ исторіи «юности» Париса: вѣщій сонъ Гекубы (fax), истолкованный волхвами (conjectoribus); ребенка велѣтъ убить; quem satellites misericordia exposuerunt, [eum] pastores pro suo filio repertum expositum educarunt eumque Parim nominaverunt. Is cum ad puberem aetatem pervenisset habuit taurum in deliciis. Quo cum satellites missi a Priamo ut taurum aliquis adduceret venissent, qui in athlo funebri, quod ei fiebat, poneretur, coeperunt Paridis taurum abducere. Qui persecutus est eos et inquisivit quo eum ducerent, illi indicant se eum ad Priamum adducere qui vicisset ludis funebribus Alexandri. Ille amore incensus tauri sui descendit in certamen et omnia vicit, fratres quoque suos superavit. Indignans Deiphobus gladium ad eum strinxit, at ille in aram Iovis Hercei insiluit. Quod cum Cassandra vaticinaretur eum fratrem esse, Priamus eum agnovit regiaque recepit. — У Овидія Her. XV слѣд. самъ Парисъ намекаетъ на этотъ эпизодъ:

357 Paene puer caesis abducta armenta recepi
Hostibus, et *causam nominis inde tuli,*

послѣ чего говорится о его борьбѣ съ братьями, Деифобомъ и Иліонеемъ:

359 Paene puer iuvenes vario certamine vici,
In quibus Iioneus Deiphobusque fuit,

какъ и въ одной глоссѣ къ Her. XV, 360 (Dunger у Greif'a, стр. 105) рассказывается о побѣдоносномъ боѣ Париса съ Гекторомъ. Для насъ важно показаніе Овидія, что Парисъ получилъ свое имя по случаю побѣды надъ врагами (caesis hostibus),

уводившими его быковъ (*abducta armenta*). Вѣроятно, вмѣстѣ въ виду истолковать его имя — Александръ; къ имени Париса толкованіе въ указанной связи подыскать трудно, если не предположить, что уже въ древности знакомъ былъ сюжетъ легенды о судѣ надъ быками, съ которымъ средневѣковые его пересказы обыкновенно соединяють кличку — Париса. Диктисъ (III, 26) его еще не знаетъ; его краткая передача легенды говоритъ о снѣ Гекубы, воспитанія Париса у пастуховъ на Идѣ, съ замѣткой: *eum iam adultum, cum res palam esset, ne hostem quidem quamvis saevissimum ut interficeret pati potuisse: tantae scilicet fuisse eum pulchritudinis atque formae*. Онъ женится на Энонѣ; желаніемъ увидѣть чужія страны мотивируется его отъѣздъ — и похищеніе Елены.

Около 1152 года Simon Capra Aurea (*Chèvre d'or*) написалъ въ двухъ книгахъ свою *Ilias*, извлеченія изъ которой помѣщены были въ *Histoire litt. de la France*, t. XII, стр. 487 слѣд. Отрывокъ другой латинской *Иліады*, напечатанный Leyser'омъ¹⁾ и предположительно приписанный имъ Гильдеберту Турскому, воспроизводитъ первые 153 стиха *Иліады* Симона, за которыми слѣдуетъ, но другимъ метромъ, рассказъ о паденіи Трои и судьбахъ Энея, тождественный съ напечатаннымъ Du Méril'емъ въ его *Poésies latines antérieures au XII siècle*, стр. 400 слѣд. Вторая книга Симона также говоритъ о судьбахъ Энея до смерти Турна, слѣдуя *Виргилію*; первая воспроизводитъ отчасти очертанія нашей повѣсти: сонъ Гекубы; *Пріамъ* велитъ служителямъ отнести новорожденнаго на Иду и тамъ убить его; убійца остановленъ въ своемъ намѣреніи улыбкой малютки и покидаетъ его (27 *sub foliis vivum linquit*). Здѣсь находитъ его пастухъ.

30 Extrahit, adspectat, nutrit, adoptat, habet.
 Qui pastoris oves pastor dum pascit adultus,
 Conveniunt ad eum Juno, Minerva, Venus,

¹⁾ Leyser, *Historia poetarum et poematum medii aevi* (Halle, 1721) p. 399 слѣд.; Troilus, ed. Merzdorf, Lpz. 1875 (въ приложеніи); сл. Parodi, l. c., стр. 350 слѣд.

Judicium Paridis quae sit pulcherrima quaerunt,
 Promittunt etiam munera quaeque sua:
 Juno decus, Pallas vires, Cytherea puellam:
 Sed Veneri tribuit vincere, victus ea.

Царь подозрѣваетъ, что юноша его сынъ: онъ такъ на него похожъ.

Remque probans veram per servos vera fatentes,
 Germanis Paridem reddit honore parem.
 Ductus amore pater, vel matris somnia ducit
 Vana, vel in melius vertere vera studet.

На сходство этого разсказа, внесеннаго частями, въ передѣлки романа Benoit de Ste More¹⁾, съ эпизодомъ въ Стрѣлица Тройана испанца Pedro Nuñez Delgado обратилъ вниманіе уже Муссафия²⁾. Я начну съ испанскихъ версій повѣсти, предпочитая группировку по народностямъ хронологической, которую трудно провести. Что особливо сближаемъ Delgado съ рецензіей Симона, это — подробность о смѣхѣ мальчика-Париса. Испуганный зловѣщимъ сномъ жены царь велитъ конюшему взять и убить ребенка, «mas las parteras que tal hecho conocieron, quando vieron tan apuesta criatura, hablaron con el escudero que non lo matasse, mas que lo diesse a criar secretamente. Maz dize el Virgilio que llevandolo á matar e stando allí donde le avia de matar, echando mano al cuchillo para lo degollar, que el niño se rió con una cara tan alegre que no oviera hombre que no tomara dél manzillo. Y quando el escudero aquello vió, fue muy espantado, ca la natura no otorga a ninguna criatura reyr antes de los quarenta dias, y dixo assi: Pues la natura tanto obro en ti,

¹⁾ Jean Malkaraume (XIII в.) внесъ въ свой пересказъ романа сонъ Гекубы и эпизодъ объ Энонѣ (о немъ см. далѣе); Les livres des histoires du commencement du monde (Ms. 31 Bibl. nat. de Paris) говорятъ о рожденіи и признаніи Париса. См. Joly, l. c. I, стр. 13—14; Greif, l. c., p. 94 прим. *; Gorra, l. c., стр. 330.

²⁾ См. Musafia, Ueber die spanischen Versionen der Historia Trojana, въ Sitzungsberichte d. Wiener Ak. d. W., philol. hist. Cl. 1871, p. 39 слѣд. См. Morel-Fatio, Romania IV, p. 83 слѣд.

á mi demandaran los Dioses á este pecado. Y dexó el niño en una mata allí en el monte, y llamábase aquella montaña de Frigia, y era del rey Tantalos» (l. III, c. 1). Слѣдующая глава говоритъ о бракѣ Париса съ Эноной, señora del monte Pelio, третья — о судѣ Париса надъ богинями¹⁾.

Романсъ Logenzo de Sepulveda²⁾ обработалъ тотъ-же сюжетъ, но съ характерною подробностью, съ которой мы не рѣдко будемъ встрѣчаться: сонъ Гекубы, Приамъ велитъ убить мальчика, но мать тайно отдаетъ его пастухамъ, и онъ пасетъ на Идѣ Приамова стадо:

Quando lidiaban dos toros
Al vencedor de buen grado
Con corona de vitoria
Era por el coronado:
*Dicen que es justo juez,
Paris todos le han nombrado*

Слѣдуетъ его любовь къ Еноме, и ея сѣтованія, когда, признанный царскимъ сыномъ, онъ её покинулъ. По содержанію къ этому романсу примыкаетъ другой, анонимный, отнесенный Дураномъ³⁾ къ началу XVI вѣка. Сюжетъ—Судъ Париса—обработанъ въ рыцарскомъ стилѣ: являются Don Paris и don Héctor; запѣвъ народнаго характера:

Por una linda espesura
De arboleda muy florida
Donde corren muchas fuentes
De agua clara muy lucida,
Un rio caudal la cerca
Que nasce dentro en Turquía
En las tierras del Soldan
Y las del gran can Suria:
Mil y quinientos molinos
Que d'él muelen noche y dia,

¹⁾ Mussafia, l. c., p. 21, 25.

²⁾ Са. Duran, Romancero general I № 468 (изъ Romances nuevamente sacados изд. 1566 и 1580 г.).

³⁾ l. c. № 469.

Quinientos muelen canela
 Y quinientos perlas finas
 Y quinientos muelen trigo
 Para sustentar la vida.
 Todos eran del gran Rey,

отца Париса, который заснулъ въ цвѣтущей чащѣ и видитъ въ грѣзахъ, что къ нему явились три богини и просятъ его рѣшить, кто изъ нихъ прекраснѣе. Яблока раздора нѣтъ; богини обращаются къ юношѣ съ словами:

Pues che sois tal caballero
 Digno en la *sabiduria*,
 Estad con ojos abiertos,
 Derpertad la fantasia.

Парисъ проситъ богинь разоблачиться и отдаетъ первенство Венерѣ. Неясно, въ сновидѣннн или нѣтъ происходитъ судъ Париса; первое отнесло бы насъ къ Дарету; но въ романѣ богини побуждаютъ Париса: открой глаза, разбуди фантазію.

Перейдемъ къ итальянскимъ пересказамъ легенды о юности Париса.

Въ *Chronicon Altinate* (XIII в.) по дрезденскому списку¹⁾ она начинается сномъ Гекубы; узнавъ о его содержаннн Пріамъ велитъ, чтобы ему показали имѣвшаго родиться ребенка, *quia volebat, etiam si lapis esset, terere vento, quam proicere*; но мать тайно отсылаетъ его на воспитаннн своему пастуху (*vacario*), а Пріаму показываетъ другого мальчика (*iuvenem pulcherrimum manutergio involutum presentari fecit Priamo; quem ut vidisset, ventoque sufflavit*). Парисъ вырастаетъ у пастуха, стережетъ его стадо; *grege vero illo custodiente, duodecim latrones insultum fecerunt, ac vitulos necare ceperunt. In quos irruit, eosque prostravit, et spolia eorum presentavit: inde ille gaudens securus, eiusque gregem commisit. Parvo post transacto tempore [quum] quidam vicini sui gregis taurus suo cucurisset in prelium et accidisset ut suus vicisset vicinum: ille nempe recte diiudicans, florum*

¹⁾ Нап. въ *Archivio storico italiano, Appendice, t. V (1847), стр. 37—8.*

coronam victoris imposuit cornibus; victus in properium taurus in longinquis recessit et maioribus arboribus, quas movere nequibat, circa ipsas tam diu pavit, quam usque eas cornibus movere potuit: deinde ad gregem rediit et de victore victoriam habuit. Мохже Paris de capite suo diadema abstulit, et illius fronti constituit. Cuius fama per universa climata divulgata: omnes mirabantur tam *recta consilia*. — Разсказъ переходитъ къ свадьбѣ Прозерпины съ Периеомъ: въ этомъ хроника расходится съ другими версіями разсказа, говорящими о свадьбѣ Пелея. Не позванная на празднество Дискордія бросаетъ среди гостей золотое яблоко съ надписью: *Pulcriori debetur*, вызывая тѣмъ распрю трехъ богинь; онѣ обращаются за судомъ къ Парису, *qui recte diiudicans coronam dedit vincenti tauro*. *Relictis ergo nuptiis, properaverunt favere sententiae iudicis*. Парисъ проситъ ихъ повременить и явиться къ нему на слѣдующій день. *Ceteris illis recedentibus, non post multam oram Venus, prout suis negotiis erat studiosa, se nudam Paridi presentavit: quam ut vidit, in eius amore exarsit, et illam victricem promisit, si satisfaceret eius petitioni*. *Illa terreno homini commisceri (рѣш. commiseri) non esse licitum dixit, et Elenam pulcherrimam, Menelay uxorem, spondit, si tamen litis victoriam obtineret*. Парисъ отдаетъ преимущество красоты Венерѣ; cuius consilio cognitus est a Priamo et ex nemore portatus est in regale palatium.

Нѣкоторыя особенности этого разсказа разобраны будутъ нами по поводу другихъ версій легенды, разнообразящейся въ мелочахъ, развитіемъ либо умолчаніемъ того или другого эпизода. Бокаччо¹⁾ напр. не знаетъ «боя быковъ»; разсказъ (ссылающійся на Цицерона in libro de divinatione) развивается такимъ образомъ: сонъ Гекубы; ребенка Приамъ велитъ убить, слѣдуя оракулу Аполлона. Парисъ воспитывается среди пастуховъ на горѣ Идѣ, гдѣ приживается съ нимфой Эноной двухъ дѣтей; въ Commento они названы: Dafne и Ideo; «e dimorando in abito pastorale in quella

¹⁾ Commento II p. 43—46 (Firenze 1831); Genealogia degli Dei (Venetia 1564), libro VI, p. 105—106; De claris mulieribus c. XXXV.

selva, addivenne un grande e famoso *giudice*, e ogni quistione tra qualunque persona con maravigliosa *equità* decideva. Per la qual cosa perduto quasi il vero nome, cioè Alessandro, era da tutti chiamato Paris, quasi *eguale*. Свадьба Пелея, споръ богинь, которыхъ направляетъ къ Парису Юпитеръ: andate in Ida e quivi à un *giustissimo uomo* chiamato Paris, quegli giudicherà, qual di voi ne sia più degna. Судъ происходитъ въ части гѣса на Идѣ, что зовется Mesaulon. — Бой въ Троѣ разсказанъ по Сервию; молодой пастухъ побѣждаетъ въ состязаніи всѣхъ троянцевъ, тѣмъ вызывая гнѣвъ Гектора, бросающагося на него съ ножомъ. Парисъ спасается восклицаніемъ: Я братъ твой! О своемъ происхожденіи онъ узналъ отъ пастуховъ, убѣждаетъ же въ томъ родныхъ, предъявляя имъ скариндіае, которыя Гекуба положила къ нему, еще ребенку, когда дала его забросить.

Armannino такъ переходитъ къ легендѣ о Парисѣ послѣ приведеннаго выше (стр. 34—35) эпизода о Нерейдахъ:

Пелей сватается за одну изъ дочерей Нерея, Фетиду; свадьба происходитъ въ Тессалии (f. 35 b.): quivi venne Paris figliuolo del re di Troia, el quale sconosciuto era in quel paese per mostrare sua valoria con quella gente al giuoco di cesti, quale s'usava di fare in quel tempo per provare i giovani la loro forza. . . . Or voglio dire come perchè Paris predecto era quivi sconosciuto dalla gente. Слѣдуетъ разсказъ о вѣщемъ снѣ Гекубы, совѣщаніи Приама съ волхвами (indovini); по просьбѣ матери, не рѣшавшейся предать смерти ребенка, двое изъ ея приближенныхъ относятъ его и оставляютъ подъ деревомъ, а сами наблюдаютъ, что будетъ дальше. Двое пастуховъ, проходившихъ мимо, взяли его и отнесли къ своей матери, у которой онъ и воспитывается. Выросши, онъ сталъ пастухомъ, но это дѣло у него не шло (non zarea bene essere all'arte), почему онъ удалился оттуда и прибылъ въ страну d'una donna la quale Oenone per nome si chiamava. Она влюбилась въ красиваго юношу, который по нравамъ и привычкамъ не казался пастухомъ, а общаясь съ сосѣдными баронами научился у нихъ разнымъ играмъ и стрѣлялъ изъ лука

лучше всѣхъ другихъ стрѣлковъ, какіе тогда были. Однажды, когда Парисъ былъ на охотѣ вмѣстѣ съ Пелеемъ и товарищами въ лѣсу, что называется Lyda (= Ида), онъ заснулъ отъ усталости у одного источника. И здѣсь ему былъ странный сонъ; будто ему предстали три богини: l'una dea delle discordie, Pallas di senno e Venus di luxuria (f. 36 b) — Юнона забыта, Меркурій бросилъ посреди нихъ золотое яблоко съ надписью: questo pomo sia dato alla più bella di tucte. Парису казалось, что богини обратились къ нему за разрѣшеніемъ спора, а онъ присудилъ яблоко Венерѣ, возбудивъ этимъ гнѣвъ другихъ богинь противъ него и троянцевъ.

Этимъ ограничивается первый рассказъ Argmannino о юности Париса; что его судъ надъ богинями происходитъ въ сновидѣніи, это обличаетъ вліяніе Дарета (ed. Meister, § VII), которое мы отмѣтимъ, и въ той-же чертѣ, и въ другихъ пересказахъ нашего эпизода.

Argmannino рассказалъ его еще въ другой разъ въ началѣ повѣсти о троянской войнѣ и послѣ перечисленія сыновей Пріама (f. 74 a)¹⁾. Отличія отъ предыдущей версіи слѣдующія: мать называетъ родившагося мальчика Александромъ, ma poi per la potrice fu chiamato Paris. Его уносятъ далеко отъ Трои, но такъ, что мать могла слѣдить за его судьбой (ma non che la madre no sapesse tucto quello che di lui poi adivenne). Мальчика, покинутого у одной мельницы (lungo una valle d'uno grande mulino), находятъ двое пастуховъ и относятъ его къ своей матери. Парисъ становится впоследствии храбрымъ и мудрымъ, отличнымъ стрѣлкомъ изъ лука, sommo maestro del giuoco di cesti. Слѣдуетъ его любовь къ Энонѣ, владительницѣ той области. У Пріама былъ обычай устраивать въ Троѣ военныя игры для упражненія сыновей; къ нимъ явился однажды Парисъ и побѣждаетъ всѣхъ братьевъ, за исключеніемъ Гектора. Желая отмстить за братьевъ, Гекторъ вооружается и вступаетъ въ бой

¹⁾ Сл. Gorra l. c., стр. 538 слѣд.

съ незнакомцемъ, который ему неуступаетъ и узнаетъ матерью въ ту минуту, когда Гекторъ бросается на него, желая нанести ему смертельный ударъ.

Подробнѣе исторію объ Энонѣ мы встрѣчаемъ въ одномъ венеціанскомъ разсказѣ о Троянскихъ дѣяніяхъ¹⁾, основанномъ на текстѣ Guido delle Colonne, но внесшемъ въ него подробности изъ другихъ источниковъ; между прочимъ слѣдующія.

На f. 15 a разсказывается: Como Lida impartorì Chastor e Polus a come Elena fu involada. Это и дало автору поводъ ввести эпизодъ о юности Париса.

(f. 15 b слѣд.). *Unde in questa parte si tocha la istoria delo nascimento de Paris, sicome ello fo pastor ali boschi.*

Dixe la legenda che siando la raina Ecuba gravida de Paris, zoè la moier delo re Priamo, che fo da puo la prima destruzion de Troia, el dito re Priamo se insonia una note che Ecuba soa moier se impartoriva una fiama de fuogo, la qual brusava tuta Troia con tute le persone che iera dentro, e che lui medemo morirave con soa moier solamente per quella fiama. E siando desmesiedado lo re Priamo ave gran paura e dise ala raina questo insunio.

Como lo re Priamo disse ala raina Echuba che li desse quello ch'ela partoriva.

Digandoli: Fa che tu me dagis lo parto del to ventre quando l'averas impartorido, ch'io lo voio olcider, sì ch'io non muora mai per esso, nè mi con la mia zente. La dona silillo improferse de dar[l]ilo, e quando vene al tempo delo impartorir, la dona si fexe uno fiol mascolo alo qual ella messe nome Alesandro. E siando nasudo questo garzon, de presente la raina si lo manda a norigar a zerte femene muier deli pastori e si fexe creer al so signor lo re Priamo che la criatura si era nasuda morta, e lo re sì lo crete.

¹⁾ Gorra l. 184 слѣд.: по Laur. cod. 153 Leop. Med. Pal., конца XV вѣка. За выписку сообщаемого далѣе отрывка приношу мою благодарность г. Горрѣ.

Como Paris cresce ali boschi e inpara a trar l'arco.

Or questo Alesandro si cresie e vene beletissimo zovene. E siando in questo boscho questo Paris, dito Alesandro, ello si ave a far con questa Enone dita de sovra, la qual si era ni[n]fa, zoè dia dele fontane e delle aque; feva chaxe in lo boscho zoè de foie e de chane e si stava la note a dormire sotto quelle; e questa Enone si fo quella che insegnà a cavalchar a Paris e amaestrallo del'arte a trar l'arco. E uno zorno vene una gran moltitudine de zente, li qual tolsse una gran quantitate de bestie de questi pastori e menavalle via a mal grado de loro, e Paris oldando questa novela si li tene driedo per lui sollo e silli messe in fuga e reschose quella impresa per la soa posanza e ardimento. E voio che vui sapie che tuto lo deleto de Paris si era pur sollamente di veder combater. Pluxor fiade Paris toleva do moltoni e do tori, l'uno dixeva ch'era so, l'altro del suo compagno, e fevali una zoia frescha per homo a queste bestie e puo le faxeva combater queste do bestie insembre, e quela che avenzeva, ello li meteva la zoia fresca in chavo e fevali gran festa. Sì che questa iera tutto lo so dileto de Paris; e per zo follo chiamato Paris proter (?per tal?) sentenza che iera ingual le sentenzie ch'ello daxeava.

Come Enone insegna a Paris chi era so pare e so mare.

E stagando Paris con questa Enone iu questa selva, un dì ella disse a Paris: Se tu me vuol imprometer de non me abandonar mai in fin a la morte, io ti dirò chi è to pare, che non lo vedesti mai. E Paris oldando questo sì li lo impromise e si fe' sagramento de non l'abandonar, e per più fermeza scrisse in una schorza de plopa che iera suxo un fiume chiamato Santo e disse: Siame testimonio questo albero ti Enone (sic), l'acqua de questo fiume che chore in zoxo corerà in suxo. E Enone fo molto aliogra credando ale parole de Paris; e in quella fiada disse Enone: Sapi, Paris, co'lo re Priamo de Troia si è to pare e la raina Echuba sì è to mare; sapi ch'elo se fa una gran festa in Troia per amor

to e inperzò ch'eli à sapudo che tu è vivo, crezando elli che tu fossi morto, la qual festa dura molti dì; e per zò vatene a questa festa e date a chognoscer.

Como Paris andò a Troia e desse a chognoser chi lui era.

Oldando Paris queste parolle, de presente ello se partì da Enone e andà in Troia, e andando a quella festa, ello comenza a far de gran prodeze abatando tuti quanti che li avegniva in-chontra; e lo re vegando questo zovene chusì prodomo e somiava ad Etor so primo fiol, silli mese amor adoso e sì li dise: Fiol mio, volesse li domenedei che tu fosi mio fiol ch'io te avcrave ben ccharo! E Paris respoxe de presente: Io son bem vostro fio e la raina Echuba sì è mia mare, e sì li dise la condizion e'l muodo delo so nasimento. Oldando lo re Priamo queste parole, sì fo molto alegro e sì fe' gran festa per Paris so fio e simelmente fe'la raina Echuba.

Como Enone manda forte rampognando Paris che non tornava.

Or siando con lo pare e con la soa zente, ello non curava più de Enone e silla abandona in tuto e non li volsse atender zò che ello li aveva improferto. E vignando Paris in Grezia e prese Elena e mandalla in Troia, e tolsela per moier secondo che se lezerà de qua indriedo in la Troia granda. Enone si lo manda forte rampognando e dixeva: O Paris traditore, tu me as abandonada per Ellena, e sì as fato sperzuro del to sagramento; mo per che me lasestu mi per Ellena? Tu credis aver fato una gran cossa per aver tolta Elena, mo non sastu ch'elo non è, ma sa tempo avanti ch'ela fosse moier di Menelaus, si andò la festa in Grezia che le done se andava a bagnar al fiume in chamixa, e siando le done sovra lo ladi del fiume, e li signori dal'altro ladi, e siando Ellena spoiada, sì se gita in lo fiume per lavarse; e Texeo, lo qual si era so amador, sì se li zita driedo a l'aqua e sì la prexe e menala a [A]tenes, e sì la tene molti zorni, e per li priegi de Chastor et de Epolus suo fradeli sì la rende. Mo pensa, Paris, chomo una zovene beletissima che avesse dormido chon

un so amador in leto, che fose fresco e gaiardo e avesse el so sangue chaldo, chomo ella se poria levar donzella dal so ladi? E non sastu ch'ela iera ben moier de Menelaus e si à abudo una fia de quello? Mo perchè li astu messo tanto amor adosso e mi astu abandonada, sapiando che tu me avesti verzene?

Составъ этого разсказа вызываетъ нѣсколько вопросовъ. По мнѣнію Горры компиляторъ стихотворнаго анонимнаго Трояно¹⁾ имѣлъ передъ собою текстъ, близкій къ венеціанскому, можетъ быть, франко-итальянскій, также восходившій къ Гвидо, но обставившійся многими другими эпизодами, заимствованными изъ классиковъ и мѣстныхъ (сѣверно-итальянскихъ) либо античныхъ легендъ. Для меня ясно, что въ разсказѣ о юности Париса авторъ Трояно (либо его подлинникъ) пользовался двумя рецензіями сказанія, которыя и свель механически. Начало напоминаетъ первую рецензію Fiorita'ы Арманнино: говорится о двухъ братьяхъ, Tellemone и Pelleio (въ canto I строфа 7: Felleo; сл. въ слав. текстѣ: Пелешъ и Фелешъ), изъ которыхъ первый «*Sicilia conquistò detta Tessaglia*» (с. I st. 6), другой царствуетъ въ Романи. Что не Гекубъ, а Приаму снится вѣщій сонъ — относитъ насъ уже къ венеціанской рецензіи; Гекуба поручаетъ ребенка кормилицѣ (*nutrice*), которая и воспитываетъ его въ деревнѣ, гдѣ дружится съ Епоне, *dea de le fontane* (с. V., st. 35), какъ и въ венеціанскомъ текстѣ. По смерти кормилицы, передавшей Энонѣ тайну рожденія Александра, онъ воспитывается у пастуха, и Энона обучаетъ его, между прочимъ, с. V, st. 37:

A tirar l'arco e anco a cavalcare
entro la selva, e di belle canzone.
Il giovinetto incominciò a imparare,

¹⁾ Я пользовался имъ, благодаря Горрѣ, въ слѣдующемъ изданіи: Troiano, il qual tratta la distruzione di Troia per amor di Elena Greca, la qual fu tolta da Paris Troiano al Rè Menelao, e come per tal distruzione fu edificata Roma, Padoa e Verona e molt'altre città in Italia per Enea Troiano, con altre historie da diversi auttori descritti. In Verona e in Bologna per Gioseffo Longhi 1671. Con licenza de'Superiori. Изданія Troiano начинаются съ 1491 г., если не ранѣе.

tutti gli giovani l'amava per ragione
 ch'egli era bello e mostrava di fare,
 de' suoi compagni divenne campione,
 era beato quel che il può obedire,
 come maggior in tutto lui seguira.

38 Legger e scrivere le insegnò la Dea.

Così il giovine vien in bellezze
 e a le braccia ciaschedun vincea,
 e ancor l'arco e ogni prodezze,
 ogni bontà quel giovine havea,
 sì che ciascun l'amava per sue altezze,
 ogni question tra compagni accordava,
 onde per questo Pari lo chiamava.

39 Alessandro Pari era chiamato

E da quel Pari venne Paris.

Последнюю подробность мы уже встрѣтили въ намекѣ у Бокаччо (Paris = equale). Энона отдается Парису и, подь условіемъ его вѣрности, открываетъ ему, кто онъ: пусть пойдетъ въ Трою, гдѣ теперь празднуютъ побѣду Гектора надъ Негул gigante — и объявится. — Таково положеніе и въ венеціанской повѣсти; но рядомъ съ этимъ рассказомъ, гдѣ именно Энона открывала Парису тайну его рожденія и направляла его въ Трою, ходилъ другой: Парисъ въ лѣсу, *заснулъ* усталый съ охоты, когда являются три богини, спорящихъ о яблокѣ, будятъ юношу и просятъ его ихъ разсудить, послѣ чего онъ и отправляется въ Трою. Въ первой редакціи Арманнино этотъ мотивъ поддался влиянію другого, навѣяннаго Даретомъ, вслѣдствіе чего судъ представляется сновидѣніемъ Париса; но въ одномъ рассказѣ, изданномъ Горрой (по ркп. Laur. Gaddiano LXXI и Magliab. Cod. II, IV, 49) подь заглавіемъ: *Istorietta trojana* — онъ совершается на яву: нѣтъ ни сновидѣнія Гекубы, ни рассказа о Парисѣ — найденышѣ, ни Эноны; въ то время, когда Пріамъ по-

слалъ Антенора въ Грецію, чтобы вытребовать у Теламона сестру Гезіону, Парисъ идетъ въ поле и здѣсь присутствуетъ при боѣ своего быка съ чужимъ, захожимъ, котораго, какъ побѣдителя, награждаетъ, возложилъ ему на рога вѣнокъ изъ цвѣтовъ. За этотъ приговоръ онъ и прозванъ былъ правосуднымъ. На другой день, отправившись на охоту, онъ, отдѣлившись отъ товарищей, *заснулъ* у одного источника, тогда какъ у другого, по сосѣдству, сошлись три богини: «*madonna Giuno, madonna Pallas и madonna Venus*». Онѣ бесѣдуютъ, но тотчасъ заспорили, когда среди нихъ упало яблоко (*palla*) съ надписью: *pulchriori detur*. Онѣ идутъ искать кого нибудь, кто-бы разсудилъ ихъ, и находятъ Париса, котораго и выбираютъ судьей, какъ человѣка, проявившаго свое правосудіе въ извѣстномъ рѣшеніи — по поводу состязанія быковъ. Какъ вездѣ, богини тшатся прельстить Париса обѣщаніемъ награды; Венера обѣщаетъ ему «*chettutte le donne chetti vedranno, t'amaranno, e qualunque tue vorrai, sitti darò*». Подобнымъ разсказомъ (напоминающимъ планъ испанскаго романа у Dugan'a I № 469) воспользовался и компиляторъ Тгојано: слѣдуя одному источнику онъ говоритъ объ Энонѣ, объ ея откровеніи Парису: она велитъ ему пойти въ Трою; здѣсь вступалъ въ свои права другой источникъ: Парисъ охотится за ланью, *засыпаетъ* у ручья; по близости расположились три богини, с. V, st. 45:

*in animo di andare a un bel convito
e de la corte di un gran re fiorito.*

Среди нихъ богиня Раздора (*Dea de la Discordia*), оскорбленная тѣмъ, что ея не пригласили на празднество, бросаетъ *un pocho d'ore*. Богини заспорили между собою, обращаются къ Меркурію, а тотъ направляетъ ихъ къ Парису, которому говоритъ с. V, st. 52, почему на него именно палъ выборъ:

*Per la gran fama, che sententii bene
d'ogni question le qual ti vien dinante,
e al tuo detto ciascuno si tiene.*

Обѣты богинь; Парисъ хочетъ видѣть ихъ раздѣтыми (с. V, st. 55) и, отдавъ предпочтеніе Венерѣ, возвращается къ Энонѣ. На другой день, когда онъ снаряжается въ Трою, Энона провожаетъ его до рѣки и клятвенно обязываетъ возвратиться къ ней; с. V, st. 58:

E in un arbor di sua man si scrisse (т. е. Парисъ),
in su la riva del fiume così disse:

59 *O arbor grande sia qui testimonio
 come io prometto a questa cara amica
 di ritornar a lei con viso buono,
 con quella star insieme si replica
 in questa parte, o altrove ch'io sono,
 viver insieme come ragion dica,
 ne mai da me abbandonata sarai
 se non quando quel fiume in su verai.*

Въ Троѣ Парисъ отличается въ военныхъ играхъ, Пріамъ и другіе обращаютъ на него вниманіе, мать признаетъ по сходству съ Гекторомъ и имени — Александра.

Предложенныя сопоставленія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на оригиналъ славянской повѣсти и на ея лакуны. Ясно прежде всего, что ея эпизодъ объ Энонѣ не полонъ и что выпала его первая половина: рассказъ о раннихъ отношеніяхъ Эноны къ Парису. Въ настоящемъ своемъ видѣ текстъ представляетъ такую несообразность: Парисъ судитъ богинь, присуждаетъ яблоко Венерѣ, которая наставляетъ его, кто онъ, и обѣщаетъ наградить его любовью красивѣйшей женщины Греціи; Парисъ идетъ въ Трою и по дорогѣ предлагаетъ свою любовь — Энонѣ, клянется ей въ вѣрности, «и взяа шъ нежъ вѣнецъ», т. е. дѣвическій. Въ оригиналѣ расположеніе было, вѣроятно, такое-же, какъ въ первой рецензіи *Armanno* и отчасти въ *Trojano*: 1) юношеская любовь Париса и Эноны (вза... вѣнецъ); 2) судъ богинь; 3) Парисъ уходитъ въ Трою, а Энона беретъ съ него клятву не покидать ея. Выпаденіе перваго эпизода стоитъ, вѣроятно, въ связи съ страннымъ смѣшеніемъ собственныхъ именъ въ разбираемомъ

отдѣлѣ славянскаго перевода: Венера въ сценѣ суда названа *Вьнуш'*, *Веноуша*; Энона: Ойнеушь, Оинешъ, Ионеш и — *Венеоушъ*. Смѣшеніе этихъ именъ въ непосредственно другъ за другомъ слѣдовавшихъ эпизодахъ, принадлежавшее, быть можетъ, уже оригиналу повѣсти, могло повліять и на запутанность самого изложенія: когда въ славянской притчѣ Венера, а не Энона, открываетъ Парису тайну его происхожденія, мы вправѣ спросить себя: разумѣется-ли здѣсь Вѣноушь = Венера или Венеоушь = Оепоне?

Нѣкоторые результаты, полученные нами изъ предыдущаго обзора, помогутъ намъ при критикѣ легенды о Парисѣ въ *Tróju-tannasaga'*¹⁾ и вызовутъ новые вопросы касательно славянской повѣсти.

Сага начинается также со сновидѣнія Гекубы, которое она сообщаетъ мужу и толкуютъ мудрецы. Пріамъ велитъ забросить (*út berga*) мальчика. Когда онъ родился, ему дали имя Александра; онъ такъ красивъ, что мать не рѣшается привести въ исполненіе приказъ мужа и отдаетъ его на воспитаніе: *fékk hann til fosturs á laun, ok var hann rá kallaðr Paris; en er hann vóx upp, elskaði hann mjök Freyju; en síðan, er hann vissi um aett sína....* Въ рукописи дагѣе, очевидно, кое что пропущено или, скорѣе, обнаруживается неумѣлость компилятора, ибо слѣдующая фраза: *ok hann gerði brullaup sitt til Thetidem* — относится не къ Парису, а къ Пелею: «когда онъ выросъ, онъ сильно любилъ Фрею, а впоследствии, когда узналъ о своемъ родѣ.... (Пелей) устроилъ свою свадьбу съ Ѳетидой». — Фрея въ судѣ богинь отвѣчаетъ Венерѣ; но что означаетъ выраженіе, что Парисъ *любилъ* Венеру? Въ связи съ непосредственно слѣдующей фразой: «а впоследствии, когда онъ узналъ о своемъ родѣ» я полагаю возможнымъ объяснить это загадочное показаніе изъ славянской повѣсти, гдѣ именно Венера открываетъ Парису, кто онъ; лю-

¹⁾ Издана Jon'омъ Sigurdsson'омъ въ *Annaler for nordisk Oldkyndyghed og historie* за 1848 годъ.

бовь къ ней объяснилась-бы изъ сходнаго мотива Альтинской хроники (сл. выше стр. 44). Вѣроятно слѣдующая гипотеза: компиляторъ саги пользовался нѣсколькими пересказами легенды о Парисѣ. Въ одномъ изъ нихъ разпорядокъ былъ такой-же, какъ и въ (возстановленномъ нами) оригиналѣ славянской повѣсти: любовь Париса къ Энонѣ и непосредственно затѣмъ судъ надъ богинями; какъ въ подлинникѣ нашей притчи смѣшаны были Энона = Венеушь и Венера = Венушь, такъ и въ источникѣ саги; въ результатѣ явились смѣшенія: славянскій текстъ заставилъ не Энону, а Венеру, въ сценѣ суда, говорить Парису о его родѣ-племени, сага перенесла на Фрею-Венеру юношескую любовь Париса къ Энонѣ. Объясняется это смѣшеніе тѣмъ, что компиляторъ саги опустилъ судъ богинь, ибо нашелъ его во второмъ своемъ источникѣ, начинавшемся съ свадьбы Пелея и затѣмъ уже переходившемъ къ разсказу о судѣ. Этотъ второй источникъ называетъ Пелея = Peleus и Feleus (сл. въ Trojano: Felleo и въ слав. повѣсти: Пелешъ и Фелешъ), онъ царствуетъ въ Figia = Фѣизъ, далѣе Pisia (сл. въ рукописяхъ Диктиса: Pithia вм. Phthia), приглашаетъ на свадьбу всѣхъ боговъ (rá baud hann rángat öllum guðum). Затѣмъ новый пропускъ: говорилось, что не позвана была богиня Раздора, и что, оскорбленная тѣмъ, hon tók upp eitt gullepli (она взяла золотое яблоко) и бросила его посреди трехъ богинь: millim þeirra Freyu ok Sif ok Gefjon. Фрея, по объясненію издателя (I. с. стр. 20, прим. 1)—Венера, Sif—Юнона, Gefjon, вмѣсто которой далѣе названа Frigg, отвѣчала-бы Аѳинѣ-Палладѣ. Обыкновенно Gefjon является переводомъ Артемиды-Діаны (I. с.)¹⁾; двойственное значеніе Gefjon = Артемида и Аѳина не бросить-ли какого-нибудь свѣта на подобную-же двойственность въ (оригиналѣ) славянской повѣсти: Пелешъ=Паллада въ спорѣ богинь и Пелешъ-Діана въ эпизодѣ о «кошутѣ», котораго въ сагѣ нѣтъ?

¹⁾ Сл. Vigfusson, Dictionary, а. в., гдѣ указывается Gefjon и въ рѣдкомъ значеніи Венеры.

Богини спорятъ между собою о преимуществѣ красоты, идутъ судиться къ Юпитеру (paer gánga fyri Júpiter), который отсылаетъ ихъ къ пастуху Парису, въ лѣсъ Иды (í skóginn Idam). Сага вставляетъ здѣсь разсказъ о судѣ Париса надъ быками; помѣщеніе его въ этомъ мѣстѣ объясняется, вѣроятно, тѣмъ уже извѣстнымъ намъ обстоятельствомъ, что этотъ судъ и создалъ Парису репутацію праведнаго судьи. Разсказъ слѣдующій: ok á þökkurum degi, er hann gaetti féarins, kom til hans gríðungr einn mikill, er hann hafði eigi fyrr sét, ok barðist við einn af hans gríðungum, ok varð sá sigraðr er Alexandr átti, pá setti þórr¹⁾ kórónu af dýrlegum blómum yfir höfuð hans; ok annan dag kom gríðungr, ok fór sem hinn fyrra dag; ok hinn þridja dag kom hinn sami gríðungr ok mátti sá minna fyrst, er Alexandr átti, ok pá batt hann brod einn mikinn í enni honum, ok mátti sá pá ekki við, er til var kominn, ok undi pá Alexandr vel við, ok því setti hann kórónu á höfuð honum, ok tignaði hann pá svá fyri sigr sinn²⁾.

Можно было бы ожидать въ дальнѣйшей послѣдовательности: суда Париса надъ богинями и его удаленіе въ Трою — или на свадьбу Пелея (сл. дальше рецензію Конрада). Но здѣсь компиляторъ саги обратился къ третьему источнику, версіи Дарета, къ которой переходитъ такимъ образомъ: þessi atburðr var sagðr Príamo, ok hér eftir gekk hann við fraendsemi Alexandrs; ok er hann var í aett kominn, tók hann virðing sem aðrir broeðr hans; hann var allra manna kurteisast³⁾. Однажды, заснувъ въ лѣсу

¹⁾ Юпитерь? Такъ переводится въ сагѣ (I. с. стр. 10) это имя.

²⁾ «Однажды, когда онъ пасъ скоть, пришелъ къ нему огромный быкъ, котораго онъ дотолѣ не видалъ, и сталъ биться съ однимъ изъ его быковъ; и побѣдилъ Александръ, и онъ (Юпитерь?) возложилъ на его голову вѣнокъ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ. На другой день пришелъ быкъ, и повторилось то-же; на третій явился тотъ-же быкъ, и сначала сталъ ослабѣвать Александръ; тогда онъ привязалъ къ его лбу роженъ, и пришедшій не могъ устоять. Возрадовался Александръ и возложилъ на голову быка вѣнецъ, такимъ образомъ чествуя его за его побѣду».

³⁾ «Объ этомъ происшествіи разсказали Пріаму, а послѣ того онъ призналъ Александра. Вступивъ въ родъ, Александръ былъ въ такомъ-же почетѣ, какъ и его братья, и былъ рыцарственнѣйшій изъ мужей».

Иды (здѣсь начинается версія Дарета), онъ видитъ во снѣ, что Сатурнъ (у Дарета Меркурій) приводитъ къ нему Sif ok Freyju ok Frigg (вмѣсто Gefjon), съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ красивѣйшая. Фрея общается юношѣ красивѣйшую женщину въ Греции, Sif сулитъ богатство и славу, Frigg мудрость и побѣду въ битвахъ (hon var ogrostu guð); nu kemr Freyja at honum ok maelti: minnstu nú hverja þú hefir mér heitið? (помнишь-ли, что ты мнѣ общалъ?) — очевидная попытка компилятора связать съ редакціей своего третьяго источника Энону = Freyju перваго. Она обнажается (hon beraði líkam sinn), и онъ объявляетъ её красивѣйшею.

Сообщая вслѣдъ за рецензіей саги эпизодъ о юности Париса въ средне-английскомъ Seege (ркп. Н) или Batayle (ркп. L) of Troye¹⁾, я имѣю въ виду указать на такую-же черезполосицу источниковъ, какую мы замѣтили въ сагѣ. Новаго для критики легенды английская версія сообщаетъ мало: Сонъ Гекубы; clerkys (Н), maistres (L) толкуютъ ей сновидѣніе; въ Н она тотчасъ отсылаетъ мальчика къ свинопасу; въ L сохранились въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отзвуки древняго оригинала: въ немъ говорилось, вѣроятно, что красота мальчика побудила мать не предавать его смерти, а отдать пастуху; здѣсь, когда ему минуло семь лѣтъ, онъ начинаетъ играть «около добытка» (= слав. повѣсть). Въ L изъ этого вышло слѣдующее: мальчикъ родился красивымъ, ему даютъ мамокъ; только когда ему минуло семь лѣтъ, мать вздумала о предсказаніи и посылаетъ сына на воспитаніе къ пастуху.

245 When þeo child was born of þat lady,
Fairer mygte no mon seo wif eygte,
Norices feole to him weore sougt,
þe child was gemed fair and softe.

¹⁾ Издана по двумъ рецензіямъ А. Zietsch'емъ въ Herrig's Archiv, В. XXII, р. 11 слѣд. См. его-же диссертацию объ источникахъ и языкѣ этого памятника (Göttingen-Cassel, 1883). По письменному сообщенію Грейфа эпизодъ о юности Париса находится еще въ средне-английской хроникѣ Robert'a de Glouce.

And whan þe child was seove ger old,
 He was fair and of speche bold,
 His modir þougte on hire dremunge
 þat heo mette in hire slepyng
 And þougte he no scholde sle no men
 No þeo cite of Troye make beo slayn,
 And dude make þe child cloþus tygt,
 Curtel and tabard and hod al whyt.
 And made him to þeo feld to gon
 To kepe swyn wip staf and ston.

НЛ продолжают: мать надеется, что въ этомъ положеніи онъ не увидитъ ни оружія, ни битвы, а между тѣмъ мальчикъ проявляетъ свои наклонности, любуясь боемъ быковъ (Н. Beres or bolles; L. bole or borge) и вѣнчая побѣдителя. За его праведныя рѣшенія его и прозвали Парисомъ:

Н. 237 Of alle domes he was wyse,
 Therefore men cleped him Parys.
 L. 275 Of alle dedis þe child was wis,
 Forþy he was called child Parys.

Услышавъ о мудрости своего сына (Н. 240: That his son of the lawe was so wyse; L. 278: How his son was wys of lawe), Приамъ посылаетъ за нимъ самъ — въ отличіе отъ всѣхъ западныхъ редакцій нашей легенды и въ согласіи съ Малалой (Greif, стр. 184), гдѣ Приамъ, по истеченіи двухъ-годичнаго срока, назначеннаго оракуломъ Аполлона, возвращаетъ ко двору сына, отданнаго на воспитаніе крестьянину. Парисъ возвращается въ Трою; Приамъ думаетъ отомстить за смерть отца, укрѣпляетъ городъ; лишь позднѣе, когда онъ снаряжаетъ походъ въ Грецію подъ начальствомъ Гектора, Александръ проситъ послать его — и рассказываетъ о своемъ судѣ надъ богинями. Въ Н онъ происходитъ на яву, богини названы: Juno, Pallas и Venesse; въ L замѣшалась рецензія Дарета: дѣло идетъ о свидѣніи: Парису являются 480 Foure ladies of eluene land, но изъ богинь осталась лишь Venus, рядомъ съ которой выступаютъ Saturnus, Jupiter и Mercurius. Сл. Сатурна Trójumannasaga'и.

Одна подробность послѣдней остановитъ на время наше вниманіе: въ ней Юпитеръ присутствуетъ на свадьбѣ Пелея, Парисъ еще въ полѣ, и заспорившихъ на пиру богинь Юпитеръ отсылаетъ къ нему. Иначе въ славянской повѣсти, гдѣ Парисъ — гость у Пелея, богини, также присутствующія на пиру, идутъ судиться въ Трою къ Юпитеру, который обращаетъ ихъ назадъ, къ Парису¹⁾. Это хожденіе взадъ и впередъ представляется аргіогі неестественнымъ, но для рѣшенія вопроса, какой изъ двухъ плановъ древнѣе, нѣтъ матерьяловъ, или лучше, показанія двоятся. Первая версія Artmanno называетъ Париса въ числѣ позванныхъ на свадьбу, но судъ его относитъ къ эпизоду (сновидѣнію) охоты. Въ Альгинской лѣтописи, на оборотъ, богини отправляются съ брачнаго пира къ Парису, очевидно отсутствовавшему. Такъ еще у Боккаччо и въ одной латинской повѣсти о Троѣ²⁾ гдѣ (f. 53 слѣд.) на свадьбу Пелея позваны были боги: *merito cena deorum appellata est, in qua cena fuerunt, Jupiter et Neptunus, Apollo musarum deus et Mercurius nec non et tres dee, id est Juno, Minerva et Veneus*; позднѣе: *Venus*, но форма *Veneus* интересна: она объясняетъ намъ Венсоушь (Венеру и — Энону) славянскаго текста. *Discordia* бросаетъ въ ихъ среду *malum aureum* съ надписью: *pulcriori dee donum*; спорящія богини *Jovem* петіерунтъ *ut inter eas iudicaret quae earum pulcrior esset. Juppiterque positus in ambiguo, nolens aliquam earum ledere, eis respondit: Ego inter vos iudex esse non possum, sed dabo vobis iudicem qui inter vos iudicet. Quibus sic dixit: Ite ad pastorem, solus inter vos poterit iudicare, quia iudex iustus est. Если кто спроситъ, продолжаетъ авторъ, quare iustus iudex appellatus est, respondendum — слѣдуетъ разсказъ о юности Па-*

¹⁾ Только въ Prim. не говорится о приглашеніи Париса на свадьбу.

²⁾ Она описана Горрой, которому я обязанъ и сообщеніемъ интересовавшаго меня отрывка. Текстъ находится въ сборникѣ Riccard. № 881, XIV в., содержащемъ между прочимъ и Дарета, и написанъ такимъ образомъ: *Sancti spiritus adsit nobis gratia. Incipit liber exitium Troje. О ркп. сл. Parodi, l. c., стр. 182—3.*

риса: сонъ Гекубы: испуганная имъ, она велитъ забросить мальчика, который вырастаетъ у пастуха; далѣе: судъ надъ быками, споръ богинь, рѣшенный въ пользу Венеры; et dum haec geruntur, subito in animo Paridis amor spectaclorum quae apud Troyam gerebantur, quam numquam noverat, introivit et cepit pastori nutritori suo inminari ut ad Troyam ubi pater eius regnabat prae videndis spectaclis descenderet. Nutritor vero eius metuens ne eum perderet, cepit eum ab intentione revocare, tandem cum eodem ad spectaclum circi ad Troyam descendit, гдѣ Парисъ является побѣдителемъ и возбуждаетъ гнѣвъ братьевъ, которые затѣваютъ убить его, когда воспитатель Париса объявляетъ, чей онъ сынъ.

Если Боккаччо и латинская исторія даютъ поддержку сагѣ противъ славянской повѣсти и Арманнино, поминавшихъ Париса въ числѣ Пелеевыхъ гостей, то поэма Конрада Вюрцбургскаго¹⁾ занимаетъ среднее между ними положеніе: Парисъ не позванъ на свадьбу, но богини посылаютъ за нимъ въ поле, когда возникъ между ними споръ, послѣ чего онъ и является на брачный пиръ. Легенда о Парисѣ рассказана такимъ образомъ: Пріамъ, испуганный сновиденіемъ жены, велитъ унести и убить ребенка; его невинный смѣхъ (сл. ту-же черту у Симона Сарга Aurea и Delgado) останавливаетъ убійцъ, и они покидаютъ мальчика въ лѣсу, гдѣ его питаетъ лань²⁾ и находитъ пастухъ, который и воспитываетъ его у себя вмѣстѣ съ своимъ новорожденнымъ ребенкомъ. Пріаму посланные предъявляютъ языкъ, вырѣзанный у собаки, въ удостовѣреніе, что они дѣйствительно убили мальчика. Подросши, найденышъ гоняетъ скотъ въ лѣсъ и поле, играетъ

¹⁾ ed. Adalbert von Keller въ *Bibl. d. litter. Vereins zu Stuttgart*, B. XLIV.

²⁾ То-же въ *Trojumanpasaga'z* и въ особой среднеболгарской версіи Троянской повѣсти, изданной Сырку (*Archiv f. slav. Phil.* VII, стр. 80 слѣд.), гдѣ заброшеннаго Париса питаетъ, какъ у Аполлодора, медвѣдица. — О другомъ спискѣ этой повѣсти, найденномъ въ рукописи покойнаго проф. Григоровича, я узнаю изъ отчета о рефератѣ проф. Кирпичникова на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославѣ. Елена носить здѣсь названіе Гилуды (Егглуда въ текстѣ Сырку), Магдона (у Сырку) = Магдуны.

СЪ МАЛЬЧИКАМИ, ЯВЛЯЯСЯ МЕЖДУ НИМИ СУДЕЙ ВЪ ИХЪ ВОИШТВЕН-
НЫХЪ ИГРАХЪ:

622 Jô was er ein griezwarde,
Und ein guot rihter under in.
Wan swer den sic dô fuorte hin,
Dem sazte er uf sin houbet
Ein schapel wol geloubet.

Слѣдуетъ бой быковъ:

640 Sô vremde pfarren dicke striten
mit den sinen von geschilt,
son liez er sin engelten niht
daz si dô fremde wâren,
er wolte rehtes vâren
und tet in guot gerichte kunt:
swaz dâ gesigte bi der stunt,
ez waere ein ohse, ez waere ein wider,
daz reht enleit er dô niht nider,
wan er im eine crône
sazt uf sin houbet schône....

662 Daz er geheizen Pâris
wart dur sin geltchez reht:
«pâr» and «geltch» sind ebensleht.
und ist an in kein underbint,
wan daz si mit den Worten sint
gesundert und gescheiden.
ein sin lft an in beiden
und ein bezeichnenunge.
dar umbe daz der junge
geliche rihten wolte,
als er von rehte solte
dô wart er Pâris dô genant
und alsô rehte wite erkant,
daz er uf allen velden
und in den wilden welden
wart der jungen hirten voget:
die kâmen alle z'im gezoget,

sô si krieges teten iht,
dur daz vor siner angesiht
ir strît wûrd aller hin geleit.

Затѣмъ идетъ эпизодъ о юношеской любви Париса и «богини» Эноны, Egenoë; она счастлива, но боится, что какая-нибудь другая красавица похититъ у нея сердце милаго, и Парисъ успокоиваетъ её: въ корѣ дерева онъ вырѣзываетъ слово, съ которыми въ славянскомъ текстѣ онъ самъ обращается къ своей милой:

790 Sô Pâris und Egenoë
von ir minne scheident
und beide ein ander leident,
sô muoz diz wazzer wunneclîch
ze berge fliezen hinder sich
und widersinnes riuschen.

Въ славянской повѣсти это говорится о Ксанеѣ согласно съ Ovid. Her. V, 30: Ad fontem Xanthi versa recurret aqua. — Юпитеръ сзываетъ на свадьбу Пелея боговъ и богинь, Приама съ сыновьями, но не пригласилъ одной богини, v. 1254 Discordiâ geheizen = Диевошькордиа Micl., Discordia другихъ легендъ о Парисѣ:

Невидимая, благодаря волшебному кольцу, она бросаетъ въ среду гостей яблоко раздора, Юпитеръ присутствующій на свадьбѣ, не беретъся рѣшить возникшаго спора (1598: Vênus diu was sîn swester — und frô Pallas sîn tohter; 1602 sô was Jûnô sîn selbes wîp — und dar zuo diu swester sîn) и отсылаетъ богинь къ Парису:

1611 Doch seite er in ze maere
ein hübscher knabe waere
dâ bî in einem walde
der scheiden künde balde
swâz verlâzen würde an in....
1622 Ouch seite er in, der selbe kneht
waere ein hirte unmâzen wîs

und hieze dâ von Paris,
 daz an im geltche
 der arme und ouch der rîche
 fûnden starc gerihte grôz

(сл. v. 1745 слѣд., 1810 слѣд.).

За Парисомъ посылають, и онъ является на свадьбу въ грубой одеждѣ пастуха. Юнона общаетъ ему богатство, Паллада мудрость, Венера обладаніе Еленой. — То, что слѣдуетъ далѣе у Конрада, принадлежитъ, по мнѣнію Грейфа (стр. 104), его изобрѣтенію: когда Парисъ присудилъ яблоко Венерѣ, она даритъ ему драгоценныя одежды, въ которыхъ онъ и предсталъ, привлекая общее вниманіе. Кто научилъ тебя творить пастуховъ царями? издѣваются надъ Венерой обиженныя богини. Она отвѣчаетъ, что онъ именитаго рода.

3137 Und eines hôhen kûneges frucht.

3140 Sfn vater eine crône treit.

Влекомый тайной склонностью къ юношѣ — сыну, Пріамъ проситъ Венеру дозволить ему взять его къ двору, но Юнона и Паллада подстрекаютъ Юпитера не отпускать его. Возникаетъ споръ, грозящій перейти въ общую схватку (дѣло Дискордіи); вопросъ предоставлено рѣшить боемъ между Гекторомъ и Пелеемъ, и Парисъ достается Пріаму. Признаніе между ними совершается уже въ Троѣ: Гекторъ и Парисъ тѣшатся военной игрой; первый, раздраженный неловкимъ ударомъ противника, готовится пронзить его мечемъ, когда во время является пастухъ, воспитатель Париса, и обнаруживаетъ, кто онъ.

Я согласенъ съ Грейфомъ, что эпизодъ о Парисѣ на свадьбѣ Пелея и споръ изъ-за его обладанія отзывается какой-то дѣланностью; но едва-ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ лишь изобрѣтеніемъ Конрада. Дѣло объясняется проще, какъ результатъ неловкаго свода: одинъ изъ источниковъ Конрада приводилъ Париса непосредственно изъ поля, послѣ суда надъ богинями, въ Трою, гдѣ онъ, неузнанный, бился съ братьями и узналъ ма-

терью; въ другой рецензіи сказанія, послѣ эпизода юности Париса, говорилось о его появленіи на Пелеевой свадьбѣ. Конрадъ соединилъ оба плана, удержавъ признаніе въ Троѣ, а сцену у Пелея сочинивъ по образцу боя съ братьями, но съ другимъ мотивомъ. Я, можетъ быть, не ошибусь предположивъ, что и оригиналь славянской повѣсти былъ — сводный, чѣмъ и объяснилась-бы указанная выше несообразность: что съ пира, на которомъ присутствовалъ Парисъ, богини идутъ судиться къ Юпитеру въ Трою, а онъ ихъ обращаетъ назадъ къ Парису. И въ славянскомъ текстѣ есть какъ-бы слѣды двухъ различныхъ рецензій, сведенныхъ его подлинникомъ: первая говорила о юности Париса (бой быковъ; можетъ быть: юношеская любовь къ Эвонѣ? см. выше стр. 53) и кончалась его боемъ съ братьями въ Троѣ — и признаніемъ: къ этому эпизоду относится, вѣроятно, черта, что Парисъ однажды поборолъ передъ Пріамомъ какого-то витязя — можетъ быть, одного изъ братьевъ? Черта эта не развита и признаніе не совершается, ибо авторъ непосредственно затѣмъ перешелъ къ другой рецензіи повѣсти, которая рассказывала (послѣ эпизода о юности) о явленіи Париса у Пелея; богинь уже нельзя было посылать въ поле на судъ къ мудрому пастуху, но мотивъ хожденія остался, и компиляторъ заставилъ ихъ ходить — въ Трою.

Я отнесъ къ концу моего обзорѣнія намекъ Girauz de Calanson на легенду о юности Париса, ибо онъ вызываетъ вопросъ объ источникѣ, въ которомъ извѣстна была автору троянское сказаніе. Girauz наставляетъ жонглера Fadet, какіе эпические сюжеты подобають ему знать: онъ долженъ уметь рассказывать.

De Peleas
Com el fetz Troja destruir,
De Daracus
De Dardanus
Qe premier la feron bastir.

Daracus=Assaracus, Шарикоуша нашей притчи. Слѣдуютъ упоминанія другихъ сюжетовъ, между прочимъ:

E de Satan
 Que Salamon saup pres tenir;
 Del rei Seon
 El rei Amon
 Con fes Felip espaoirir.
 Apren del pom
 Per que ni com
 Discordia lo fes legir.
 Del rei Flavis
 E de Paris,
 Com lo saup lo vachier noirir ¹⁾.

Очень можетъ быть, что упоминаніе царя Flavis не относится къ легендѣ о Парисѣ, такъ какъ наставленія не соблюдаютъ послѣдовательности сюжетовъ; иначе можно бы предположить въ Flavis передѣлку Peleus, Фелешъ троянской притчи, Feleus въ Trojumannasaga'ѣ, Felleo въ Trojano. Мы получили-бы тогда такую серію напоминаій: явленіе Дискордіи, свадьба (?) Пелея, воспитаніе Париса.

Такова легенда о его юности, легшая въ основу цѣлаго ряда пересказовъ, какъ западныхъ, такъ и славянскаго, источникъ котораго уже Востоковъ (Опис. Румянц. музея, стр. 386) считалъ латинскимъ; я допустилъ-бы возможность и какого-нибудь романскаго оригинала. Тѣмъ и другимъ можно объяснить такія имена, какъ Юнона, Венера, Гекуба и т. п.; окончанія собственныхъ именъ на ушь = us, ешь = es и т. п. Отмѣтимъ въ Istogietta Trojana (сл. выше стр. 51) собственныя имена: Pelleus, Acilles (слав. Ацилешъ), Giuppiter (Ипитеръ, Юпитеръ), Ulixes (слав. Урекшишь), Patricolus (слав. Патриколоушь) и т. п., и вмѣстѣ предположеніе издателя (Gorra l. c. стр. 165): что Istogietta переведена съ какого-нибудь французскаго оригинала, передѣлки Benoît de Ste More, равно какъ и соединенныя съ нею въ рукописи Эпистолы Овидія и сопровождающій ихъ комментарий ²⁾. На западное происхожденіе источника славянской по-

¹⁾ Bartsch, Denkmäler der provenzalischen Litteratur, стр. 96, 97.

²⁾ Parodi, l. c., стр. 359—60.

Сборникъ II отд. И. А. Н.

вѣсти указываютъ и немногія заимствованія изъ Овидія или параллели къ нему, указанныя Грейфомъ: сонъ Гекубы (Ovid. Her. XVI, 237 слѣд.), требованіе Париса, чтобы богини предстали передъ нимъ раздѣтыми (l. c. v. 115—116), слова Париса къ Энонѣ (Ov. Her. V, 29 слѣд.). Этимологическая игра съ именемъ Париса могла-бы послужить къ болѣе точному лингвистическому опредѣленію источника, если-бы именно здѣсь тексты не расходились между собою и мы могли поручиться, что не имѣемъ дѣла съ подновленіями. *Micl.* = Н.Соф. и *Pril.* подновляетъ каждый по своему: Парисъ = Пастыревичъ и Парисъ = Фарижъ; Seege не этимологизируетъ, но говоритъ, что имя мальчику дано было за его мудрость (wis: *Parys*); такъ и у Конрада (wis: *Pâris*) и въ романсѣ у Duran'a I № 469: *sabiduria*. Иначе въ *Istorietta*: e cìd saputo (т. е. о судѣ Париса надъ быками), *molto nè fue Paris lodato e tenuto a giusto*; сл. испанскій романсъ у Duran'a I № 468: *Dices que es justo juez — Paris todos le hon pombrado*. Къ этой репутаци *справедливости, правосудія* привязываетъ венеціанская повѣсть имя Париса: e per zò follo chiamato Paris, per tal sentenza che iera ingual le sentenzie ch'ello daxeva — т. е. онъ названъ такъ потому, что давалъ равныя рѣшенія въ судѣ. Это повторяетъ и Воссассіо (*Paris = equale*) и Troiano (не знающій, какъ и Воссассіо, суда надъ быками): Парисъ праведно рѣшалъ всякіе споры между товарищами, почему его и назвали *Pari*, откуда позже и имя *Paris'a*. Эту этимологию объясняетъ Конрадъ: *Paris* названъ «*dur sin gelichez recht*», ибо

«*Pâr*» und *gelich* sind ebensleht.

Стало быть: *Paris* отъ *par*, что поддерживается и средневѣковымъ латинскимъ стихотвореніемъ о паденіи Трои: *Est Paris absque pare, quaerit, videt, audet amare, — audet temptare furta, pericla, mare*¹⁾. Сл. II *Cantare dei Cantari*, st. 14, въ крат-

¹⁾ *Carmina Burana* № CLII, стр. 60; сл. у Симона *Capra Aurea*: *Paridem reddit honore parem*.

комъ пересказѣ легенды о юности: Fanol pastore, e po'lo mettono in loia, Come nesun suo pari innamorato ¹⁾). Эту игру созвучіями, которая могла быть удержана въ какомъ-нибудь романскомъ текстѣ, славянскій переводчикъ повѣсти хотѣлъ сохранить, если не по содержанію, то для слуха: отсюда сближеніе *Париса* съ *пастыревичемъ* и *фарижемъ*, при чемъ я не берусь рѣшить вопроса, какая изъ двухъ звуковыхъ этимологій древнѣе.

Образъ мальчика-судьи между товарищами и надъ животными во всякомъ случаѣ напоминаетъ аналогическій образъ въ повѣсти о дѣтствѣ Соломона, знакомый на славянскомъ югѣ ²⁾ и, можетъ быть, не безызвѣстный славянскому пересказчику Троянской повѣсти, обратившему (Аякса) *Теламонича* въ *Соломонича* (Micl.), *Соломоникъ* (Н.Соф.), *Соломониковъ* (Пып.) ³⁾. Другую параллель къ соломоновскимъ сказаніямъ мы встрѣтимъ тотчасъ-же во второй половинѣ нашей повѣсти, отнынѣ расходящейся съ своими западными параллелями, которыя идутъ по слѣдамъ Дарета и Бенуа, тогда какъ въ ней продолжаютъ отзываться мотивы изъ Овидія. Грейфъ склоненъ вѣнчить знакомство съ ними славянскому автору (I. с. стр. 101); на невозможность такого предположенія указано выше, не говоря уже о томъ, что пользованіе одними и тѣми-же источниками въ первой и второй части текста говоритъ скорѣе всего за существованіе одного оригинала. Изъ этого-ли оригинала почерпнули западныя версіи троявской саги эпизодъ о юности Париса, или изъ какого-нибудь обособленнаго разсказа о ней — это остается вопросомъ.

II.

Micl. (Н.Соф. и Пып.) продолжаютъ повѣсть — эпизодомъ о построеніи Трои, который Pril. Prim. помѣстили ранѣе, между

¹⁾ Pio Rajna, Zeitschr. f. roman. Philologie II, стр. 428.

²⁾ Сл. мов Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, гл. II, стр. 51 слѣд.; стр. 67: судъ «о двухъ жеребцахъ и кобылицѣ, о двухъ быкахъ и коровѣ».

³⁾ Замѣтимъ, впрочемъ, что въ *Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως*, ed. Wagner, v. 1765, Аяксъ является царствующемъ въ Саламонѣ: τῆς Σαλαμόνης ὁ κρατῶν, δεσπότης καὶ ῥησέων.

юностью Париса (и ту пребори еднога витеза именем' Щита пред' Приѣмушем' кралем') и Пелеевой свадьбой (И по том' же-наше се Пелешин' краг'). Приамъ (заступившій мѣсто Лаомедонта) обѣщаетъ «три долы злата» (Micl., Н.Соф.) тому, кто поможетъ ему «въ троескомъ дѣлѣ». Являются «два диавола земнаа», Нептенабоушь (Micl., Н.Соф. Пып. = Neptunus, Νεκτέναςος Александри¹⁾); Pril. Нептумуш; Prim. Нектебоушь) и Тебоушь (Micl. Н.Соф. Пып.; Pril. Prim. Пебуш) гусельникъ, и «гждѣше въ гжсли, и зиздаше са Троя кждоу они речахъ» (Micl., Н.Соф.; Pril.: и гудѣше, и гредѣше само каменне). Сл. Ovid. Met. XI, 199 слѣд.; Her. XV, v. 18²⁾.

Постройка кончена, но Приамъ обманываетъ зодчихъ, суля имъ вмѣсто трехъ «долъ злата» — три пригоршни. Разгнѣванные, они говорятъ: мы создали городъ, мы же умыслимъ, какъ его разрушить. Они идутъ къ «пророчицамъ», обиженнымъ судомъ Париса³⁾. — Неправедный судъ Приама напоминаетъ таковой-же Соломона въ русской Палѣ⁴⁾: царь Дарій (Даріанъ, Адаріанъ) посылаетъ Соломону загадку, за разрѣшеніе которой Соломонъ обѣщаетъ отдать разгадчику третью часть серебра, которое пришлетъ ему персидскій царь. Загадку отгадываетъ кривой бѣсъ; когда Дарій прислалъ «три кади сребра» и двѣ кади отсыпаны для царя, онъ велитъ «сбратити кадь врѣху дномъ, и повелѣ насыпати бѣсу верхъ».

Слѣдуетъ эпизодъ о Кассандрѣ (Micl. Н.Соф.: Кашрандра, Pril. Кшан'дра = *Каштандра): она идетъ на «рѣкѣ Шимошеви (Micl. Н.Соф. = Simois; Pril.: поли рѣки Аморишеви) и встрѣ-

¹⁾ Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 448. Сл. Neptanabus = Нектанебъ у Vertan de Paris, строфа 8, v. 3—4, Bartsch, Denkmäler, стр. 87.

²⁾ О построеніи Иліона Аполлономъ и Нептуномъ при Приамѣ говоритъ и Trójumapnasaga, l. c. стр. 34.

³⁾ Въ Pril. и Prim. объ обидѣ пророчицъ нѣтъ рѣчи, ибо судъ Париса слѣдуетъ позже. Въ Prim. Фебъ и Нептунъ идутъ жаловаться «прѣд' Юпитра бога и не могоста его оупрѣти, и придоста к' пророчицамъ».

⁴⁾ Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 91 слѣд.; Сказки объ Иванѣ Грозномъ, Древн. и Нов. Россія 1876 г., № 4, стр. 320—1.

чаетъ Пebuша бога (у Micl. Н.Соф. два раза: «Ипитеръ» про- рокъ, Pril. въ первый разъ: «богъ Юпитѣр'», во второй: «с Пe- бушем' богом'»). Онъ говоритъ ей: «Приди къ мнѣ, да ти повѣмъ вса тайны троискыж, що хочеть быти»; только пусть не хвалится передъ троянскими женами, что бесѣдовала съ нимъ, иначе онъ такъ сдѣлаеть, что ей не будутъ вѣрить (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. инныя подробности: богъ обѣщаетъ раскрыть Кассандрѣ тайны будущаго, если она учинить его «хотѣние», что она и дѣлаеть; запретъ бога касается именно этого: пусть не рассказываетъ, «како си имѣла любов' с Пeбушем' богом'». Она нарушаетъ этотъ запретъ, и ей не вѣрятъ, когда она пророчитъ, что Парисъ похититъ Елену и что вслѣдствіе того погоритъ Троя. (Pril. расшиати до фундамента. Сл. Ов. Нер. XVI, 123: referes incendia tescum у Greif'a, l. c., стр. 270).

Кассандра играетъ роль въ болгарскомъ «Словѣ о ветхомъ Александрѣ», сильно искаженномъ и переименованномъ рассказѣ изъ Троянскихъ Дѣяній, о которомъ говорено было выше¹⁾. Кассандра названа тамъ Магдоной, Магдуной, «рекше сирянскыи прѣмжда», Александръ (Парисъ) будто-бы означаетъ по эллински «обрѣтень». Оба толкованія измышлены; Магдуна, Магдона, вѣроятно = Mygdonia (virgo): по Пазванію (X, 27, 1) мигдонами названы фригійцы по королю Μύγδων; Мигдоніей называлась и фригійскаго Кибела (Val. Flacc. II, 46). — Сонъ о главнѣ видитъ царь, не царица, но такъ какъ первой рождается Магдона, онъ велитъ запереть ее «въ стлѣпъ», чтобъ удалить исполненіе пророчества. Здѣсь она прорицаеть, что сонъ касается ея брата, «иже есть въ атробѣ царицы и хочетса родити». Когда является на свѣтъ Парисъ, царь велитъ отнести его «въ поустыя горы»; «и обрѣте отроча мечка, еже бѣ изгоубила щенца своа ѿ ловець и болѣзноваше ѿ млѣка, и въспита отроча за .г. лѣта, дондеже ловци звѣра оубиша и отроча ашж и приведоша къ царю», который его и признаеть. Интересно

¹⁾ Сл. выше стр. 60, прим. 2 и мой отчетъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. Январь, стр. 76—7.

совпаденіе «мечки» съ сукой (или ланью?) Τρόιυμανναςαγα'и и ланью Конрада; что это не измышленіе болгарскаго слова, доказываетъ легенда Аполлодора (сл. выше стр. 60 прим. 2; ср. также мнѣ объ Аталантѣ). Можетъ быть, въ связи съ какой-нибудь греческой повѣстью о Парисѣ-*Александрѣ* стоитъ и мотивъ заключенія Кассандры (иначе: *Александры*) въ башню. У Малалы (ed. Bonn. стр. 92 слѣд.) Приамъ узнаетъ отъ оракула Аполлона, что имѣющій родиться сынъ, Πάρις, παῖς δούσταρις, когда достигнетъ 30-лѣтняго возраста, будетъ причиной гибели Фригійскаго царства. Вслѣдствіе этого онъ отдаетъ его на воспитаніе къ одному крестьянину ἐν τῷ ἄγρῳ, ποιήσας δὲ τεῖχος ἐν τῷ αὐτῷ ἄγρῳ μέγα ἐκάλεσεν αὐτὸ πόλιν τὸ Πάριον. Отсюда онъ и вызываетъ его по прошествіи указаннаго срока. — Интереснѣе другое совпаденіе Слова съ текстомъ нашей притчи: въ Словѣ царя Сіонъ (= Менелай) и Іогъ (Агамемнонъ) властвуютъ въ Морей или Амореѣ (въ Мореж, въ Аморіи), что я объяснилъ¹⁾ въ связи съ библейскими (кн. Числѣ 21) именами Ога и Сихона, какъ Аморея (Сихонъ царь Аморрейскій), тѣмъ болѣе, что Слово упоминаетъ подъ рядъ «царѣ ханааньскыя и месопотаміискыя». Подобныя тому библейскія воспоминанія въ собственныхъ именахъ являются и въ нашей повѣсти (по тексту Місл., Н.Соф.), можетъ быть, какъ искаженія; сл. рагоуилъстѣи витези, какъ будто отъ Рагуила (кн. Товита), въ Pril. аргулеискіи = argolicus; островъ Абакоумъ (Місл., Н.Соф.), въ Pril. Авлида Ем'броикъ = Euboica. Для Морей, Амореи Слова я допустилъ²⁾ смѣшеніе библейской Амореи съ Мореей, гдѣ по греко-сербской Александріи царитъ Менелай = Сіонъ Слова. Но въ послѣднемъ *Аморемъ* или *Яморемъ* названъ и отецъ Александра, Приамъ; этого имени я объяснить не умѣю, но укажу въ только что разобранномъ эпизодѣ нашей повѣсти на рѣку *Аморшешеву* Pril. = Шиморшева Місл. (Pril. дагѣ: на рѣцѣ Шиморшевъ) = Simois,

¹⁾ Сл. мой отчетъ объ изданіяхъ Сырку, I. с. стр. 77.

²⁾ Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 440.

и въ южно-русскомъ хронографѣ¹⁾, въ нашемъ же текстѣ, на эпитетъ *поморскій*: «былъ въ Елливіхъ царь Поморскій именемъ Придешъ».

Парисъ отпрашивается у отца пойти «на дворбж», «на слоужбж» (Micl. Н.Соф.) къ Менелая, которому говорить, что пришелъ къ нему не изъ-за золота и серебра, «нж да вида, коа ксть чсть на твоємъ дворѣ или коа довольна чсти двора царства тв» (Micl. Н.Соф.; Pril.: «ко е почтен'е в' твоєм' дворѣ и ка двор'щина»). Эта честь при дворѣ, дворщина, «дворность» бѣлорусскаго Тристана, отвѣчаетъ дословно и содержательно франц. *courtoisie*, ит. *cortesia*, какъ названіе троянскихъ и греческихъ женъ — госпожами, добрыми госпожами, выражаетъ, быть можетъ, понятіе, стоявшее уже въ оригиналѣ: *dames, belles dames*. Я не предрѣшаю этимъ лингвистическаго характера подлинника, но указываю на его общественное міросозерцаніе. Въ стилѣ этого міросозерцанія и слѣдующее объясненіе Париса, съ мотивами изъ Овидія, столь популярнаго въ средне-вѣковой любовной казуистикѣ: Менелай, Парисъ и Елена за столомъ, пьютъ «чръвлена вина триглѣна²⁾ изъ единж чашж» (Micl., Н.Соф. Сл. Оу. Нег. XVI, 79 слѣд.); Парисъ пьетъ червленымъ виномъ на бѣломъ убрूसъ: «Елено царице, люби мж, да тж любж» (Оу. ib. 87 слѣд.: *Orbe quoque in mensae legi sub nomine nostro, Quod deducta meo litera fecit Amo*)³⁾; Елена понимаетъ это, Менелай нѣтъ, ибо не «оумѣаше книгж» (Micl. Н.Соф.).

Менелай хвалится въ письмѣ къ Агамемнону новымъ дружинникомъ; тотъ отвѣчаетъ: «блуди са того, да не придется чюждее добро (?) и възметъ нашж чсть, и бждетъ томуу велика

¹⁾ А. Поповъ, I. с. II, стр. 286.

²⁾ «триглѣна» загадочно; едва-ли это эпитетъ вина; можетъ быть, искаженіе: *in triclinio*?

³⁾ Сл. Konrad v. 20770:

«Amð» daz wort er dicke schreip
mit wine lâter unde frisch
für die vil clâren uf den tisch.

чьсть, а нама велика срамота» (Micl. Н.Соф.). Менелай жалуется, что его честь не дорога брату. — Всего этого нѣтъ въ Pgil.; причина опущенія могла быть чисто внѣшняя: предыдущій абзацъ кончался писаніемъ Париса на убрусѣ, слѣдующій повторялъ: «и на всѣкъ днь писааше Алѣξανдръ чръвенѣмъ виномъ на бѣломъ оуброусѣ, а Елена царица мльчаше». — Однажды, призвавъ его къ себѣ, она велитъ ему оставить свою навязчивость, какъ-бы не замѣтилъ того Менелай, который «хочетъ та оуморити злѣ» (Ov. Her. XVI 83: Et saepe, extimui, ne vir meus illa videret). Онъ отвѣчаетъ: «ω госпожде моа Елено, да вѣси, о моей слоужбѣ нѣсть инъ оброкъ, нж ми еси ты оброкъ. (Ov. Her. XV, 19 Praemia magna quidem, sed non indebita posco; XVI, 132: praemia summa tibi; 135: Ergo ego sum virtus, ego sum tibi nobile regnum?) Азъ нѣсмъ пришелъ, да слоужж на златѣ или бисрѣ, зане трояскаа полата едина ваще иматъ злата и сребра нежели гръчьскаа дрѣжава (Ov. Her. XV, 185 sq: Et quotiens dices: Quam pauper Achaïa nostra est! Una domus quaevis urbis habebit opes), и егы бы видѣла трояскыа витезы, не би рекла, витези сжтъ, нж господини и властеле (ib. v. 193—4). Да, госпожде моа Елено, готовъ есмъ прижти мжкы, нежели длго мжчимъ бждж по твоей лѣпотѣ. И рече ему Елена царица: (Ω Алѣξανдре, не оставлѣмъ тебе въ кривинѣ, нж есть подобно рещи таковому витезоу, кои видить селикж лѣпотж и любятъ» (Micl. Н.Соф.; въ Pgil.: за-ч' ки годѣ би витез' видѣл' сикю лѣпоту, достоинно му е тако говорити). Сл. Her. XVI 35 слѣд.

Между тѣмъ Менелай отправляется въ походъ противъ отторгнувшихся отъ него областей; Парисъ не идетъ съ нимъ, сказываясь больнымъ. Названіе области: роусагъ каакійскыи Micl., Н.Соф.; Пып. каякимскіи, каакемъскіи. Далѣе у Micl. Н.Соф. говорится, что Менелай отправился въ «палагійскыи роусагы»; въ Pgil. въ первомъ случаѣ: «се отврже пажиски град' и урсаг' иклаиски», во второмъ: «на Багаржию». Ягичъ читаетъ вм. пажиски = пагажиски, вм. Багаржия = Пагажия, что подтверждается дальнѣйшимъ упоминаніемъ этого имени.

Пагажиа, у Мiсl. далѣе, страна, гдѣ царствуетъ Полимнесторъ (Пыш. всей Погажи). Если исправленіе вѣрно, то палагійскіе роусаги стоятъ вм. пагажійскихъ; но слѣдуетъ замѣтить, что «палагійстiи» витязи не разъ являются въ текстѣ Мiсl. (въ Pгil. нѣтъ), можетъ быть, вм. пелагонійскіе; послѣдніе встрѣчаются въ греко-сербской Александрiи ¹⁾; или пеластгійскіе? (сл. у Овидiя и Pind. Thebanus: Pelasgi = греки). Что до Пагажii Полимнестора, которую я старался объяснить въ связи съ «пажадскимъ» господствомъ сербской Александрiи ²⁾, то въ Pгil. ей отвѣчаетъ «траційскій» отокъ. Пагажiя, Багаржiя — быть можетъ — Прагажiя вм. Фракии? (Сл. Пeбухъ и Тебухъ = Фебъ; Телеспонъ и Фелеспонъ). — Каакійскіе отоки надо будетъ объяснить совмѣстно съ Пагажiей, очевидно лежащей въ томъ-же направленiи похода. Миклошичъ толкуетъ каакiискъ = achaicus; Greif (I. с. стр. 270) цитуетъ Ов. Нег. XV, 299—300:

Non habuit tempus, quo *Cresia* regna videret
Aptius.

Однажды, когда Елена вышла съ греческими «госпожами» «хоро играть» (Мiсl. Н.Соф., Pгil.: играху тан'ца), Парисъ велитъ своимъ отрокамъ (Мiсl.; Pгil. юнаком') привезти ему «бръзжа катръгж» (Мiсl., Н.Соф.; Ovid. Нег. XV, 330: Jam facient celeres gemus et aura vias) и показать ему его «знамение». Когда подняли на копъѣ его золотой шлемъ, Парисъ взялъ «Еленж царицж подъ пазоухж свож» (Мiсl. Н.Соф.) и увлекъ ее на корабль. — Въ Троѣ никто не вышелъ ему на встрѣчу, кромѣ Пріама и Гекубы.

Для слѣдующаго отдѣла (§ 5 Мiсl.) авторъ слѣдовалъ, по мнѣнію Грейфа (стр. 271), XIII-й книгѣ Овидіевыхъ Метаморфозъ. Хитрость Улисса и уловка Паламеда упоминается въ Мет. XIII, 36 слѣд., переодѣтый Ахиллъ тамъ-же в. 162 слѣд., умилостивленіе Діаны Мет. XII, 8 слѣд.; для другихъ подроб-

¹⁾ Сл. мое изслѣдованіе: Изъ Историі романа и повѣсти, вып. I, стр. 169, 203.

²⁾ Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 80.

ностей допускается пользование сколіями, если не комментаріями Сервія къ Аеп. II, 81 и II, 116.

Услышавъ о похищеніи жены Менелайъ возвращается «съ (рпк. *Micl. Н.Соф. вѣ*) каакійскыѣ дръжавы», Pril.: с Пагажие. Къ нему собираются: Агамено[нѣ] царь (*Micl., Н.Соф.; Pril. нѣтъ*), Атакшъ Шоломоничевъ сынъ (*Micl., Н.Соф.: Соломоникевъ; Pril. Аѣкш' Телемонищ'*), Паламидешъ, Придичевъ сынъ (*Micl.; Н.Соф. Придекевъ; Пып.: Паламидъ, Придековъ сынъ; вѣ Pril. здѣсь не упомянутъ*). Былъ тамъ одинъ мудрый чело-вѣкъ «Оурекшешъ именемъ, Лартѣшевичъ сынъ» (*Micl., Н.Соф.; Pril. Урикшеш'*), который, не желая причаститься къ войнѣ, «створи са бѣсенъ и нача пѣськъ орати а соль сѣати» (*Micl. Н.Соф.*). «Паламидежио» (*Micl. Н.Соф.; Pril. Палимидѣж*) угадалъ его уловку и уличаетъ его: цари посылають его и «Атакша Соломонича» (*Micl.; Н.Соф. Соломоника; Pril. Телемоница*) къ Улиссу, Паламидежъ бросаетъ передъ его плугъ его малолѣтняго сына, Улиссъ, не рѣшаясь его переѣхать, останавливаетъ воловъ, и Аяксъ ведетъ его къ царямъ¹⁾. Что и «Ацилешъ»,

¹⁾ За разказомъ о приводѣ Улисса слѣдуетъ въ текстѣ Пыпина (I. с. стр. 310) вставка такого содержанія: «Бяху же и иныи мнози, придоша ко царемъ на помощь ото много островъ, и отъ суша, и отъ воскраи сущихъ моря, отъ Аениъ, и тоземцы, и отъ Феталья и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесиеосъ отъ Аениъ (ex Athenis Menestheus, Dictys I, 14), Несторъ отъ Пиладисевес (e Pylo?), отъ Саламина Ея (вѣроятно: Еякшъ), Идомевесъ отъ Крита (Idomeneus, Dictys I, 13), Тлипелемъ же отъ Рода (Tlepolemus ib. I, 14; сл. Dages с. XIV), вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровеи, мужи храбрїи; евеянїиъ же Ахиллеи сіяше пѣче всѣхъ челоувѣкъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егожъ и проя нарицахоу: сего поставиша цари рати начальника. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей исходятъ убо отъ отечества; посланъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ друзїи, и на острова нападоша, и поплѣниша сушу, и тщахуса напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ кипяше и хотяще отмстити обиду Елены ради. Видѣвше же Трояне толику рать, собравше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони, и Фруги, придруживъ же весь Асїйскїй языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство; въ Тродѣ же устрои вѣще 50000 мужей, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчяхуса на брань, да яко же искусиша Ахиллево стремленіе и храбрость, сѣдяху при стѣнахъ заключившеся». Что мы имѣемъ здѣсь

«Ферелешевъ сынъ», также укрывался отъ рати, одѣвшись въ женское платье и ходя съ «госпождами по градѣхъ», говоритъ здѣсь только Мисл. Н.Соф.

Направляясь подъ Трою греческое войско пристаеъ къ отоку «Абакоумъ» (Мисл. Н.Соф.; Pril.: Авлида Ем'броикъ = Euboica), гдѣ «витязи Агамена» убиваютъ кошуту Фелеша-Велеша (Мисл. Н.Соф. Сл. выше стр. 33—35 и 55). Она поднимаетъ бурю, и корабли не могутъ тронуться. Спрошенный Менелаемъ «попъ Калкашъ» говоритъ, что буря уймется лишь тогда, когда Фелешъ отдадутъ дочь Агамемнона (Pril. для жертвы богинѣ: «докле не... убиемо ю»), Цвѣтану (Мисл. Н.Соф. Пып.; Pril. Цвенуажию). Услышавъ о томъ Агамемнонъ разгнѣвался, но Улиссъ (въ Pril. лишнее: урь традиски) его уговариваетъ. У Мисл. его рѣчь подробнѣе, чѣмъ въ Pril., гдѣ нѣтъ этническихъ именъ: отдай дочь за ту кошуту, «понеже си пошелъ съ братомъ своимъ, да найдешь чѣсть, а срамотж да оставишь, и кой са двигнжле грѣцкыж воеводы и саракинстїи оурове и каакїистїи и палагїистїи и рагоуилъстїи витези, да сие себе сжтъ наишле сьмрѣть, а тебѣ срамотж, и наишло са е много госпождь въ вдовичьство». Съ согласїя Агамемнона Улиссъ отправляется къ его женѣ, Клатомещрици (Мисл. Н.Соф.; Pril. Клитемеша), которой говоритъ, что греки замирились съ троянцами, Елена возвращена, а Цвѣтану хотять выдать за Еленоуша (Мисл. Н.Соф.; Pril. Пebuша = Деифоба?), Приамова сына. Царица отпускаетъ дочь, и буря улеглась; въ ту-же ночь (Pril.: и в ки ю дан' хотѣху убити, ту ноц') богиня явилась Агамемнону, говоритъ, чтобы онъ не бозпокоился о дочери, къ которой общаетъ быть милостивой. Её оставили на островѣ, опивъ виномъ. — Греческіе корабли тронулись, пристають съ «сигиискѣм' брѣгом'» (только въ Pril.; Ovid.: Sigeia... litora), а войско идетъ на Трою.

дѣло съ вставкой, тому свидѣтельствомъ не только форма имени: Ахиллей (Ацилешъ древняго текста), но и неумѣтность эпизода, переносащаго насъ подъ стѣны Трои, когда слѣдующій за тѣмъ разсказъ возвращаетъ насъ къ Велешѣ = Дїанѣ, возбудившей волненїе противъ греческихъ кораблей, направившихся къ Троѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи *Micl.* и *Pril.* нѣсколько разъ расходятся. Отличіе есть и въ перестановкѣ эпизодовъ, и въ приставкѣ и выпаденіи иныхъ, причемъ иногда трудно рѣшить съ какимъ изъ двухъ явленій мы имѣемъ дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такое затрудненіе представляется тотчасъ-же.

Micl. Н.Соф. открывается битвой: со стороны грековъ Ианакша Шоломоничевъ и Урекшеша Лартешевъ сынъ, противъ нихъ Екторъ, Анцидешъ (*Anchises*), Етеноръ (*Антеноръ*) и Е[ле]ношъ (*Helenus?*). Гекторъ одною «стрѣлою гобилотою» топить три греческихъ корабля, а Аяксъ «щитомъ зорѣнымъ»¹⁾ защищаетъ корабли «отъ живого огня Екторова» (сл. *Ov. Met.* XIII, 7 слѣд.; *Pindarus Thebanus* XV, 797 слѣд.)²⁾. Слѣдуетъ

¹⁾ Сл. червленые щиты въ Слово о Полю Игоревѣ.

²⁾ У Пыш., I. с. стр. 311—12, послѣ эпизода съ Цвѣтаной-Ифигеніей, рассказъ о боѣ подъ Троей начинается такимъ-же образомъ: «Изыде противу имъ (т. е. противъ грековъ) Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и иніи мнози бояре, и нача стрѣляти Екторъ стрѣлою со огнемъ, и единѣмъ пущеніемъ погружаше три корабля греческія, и Аякшъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова». Затѣмъ слѣдуетъ такой рассказъ: Менелай идетъ въ Трою, просить отдать Елену; еслибы не Пріамъ, убилъ-бы его Парисъ. — Гекторъ поражаетъ множество греческихъ воиновъ, «и бояшеся гласа Ахиллеева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору царю, и состастася и ястася за руки и не хотѣста ся бити въ той день». — Греки берутъ въ плѣнъ дочь «Рижеуша попа»; богъ Тебугъ насылаетъ недугъ на греческое войско. «Потомъ же трояны дерзостны сотвори Паламидова смерть, притупи Ахиллево стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань: Диснеестъ нисіотенинъ (*Οδυσσεύς ὁ νησιώτης?*) храняше ненависть на Паламида и оболга его къ царемъ, яко трояномъ хоцетъ добра, и побиха Паламида каменіемъ (у Диктиса II, 15 Діомидъ и Улиссъ заманили его въ колодезь, гдѣ будто-бы находился кладъ, и сверху убиваютъ его камнями. Сл. *Ov. Metam.* XIII, 56 и *Serg. Comm. ad Verg. Aen.* II, 81). О горе, какова твориши зависти! Онъ же ничесоже рекъ, точію глаголь сеи: О убогая истина, тебе плачу, ты бо первѣ мене погibe—и тако умре. Ахиллеи же тяжкѣ проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ, и составляетъ на Еллины брань крѣпкоратную, и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убіенъ бысть Патроклѣ, егоже любяше зѣло Ахиллеи, отъ руку крѣпкую Екторову, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллеи на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ

единоборство Еленуша, Приамова сына, съ Тивоурцеромъ (иначе: *Micl.* Тивоуцеръ, Тивоучеръ, *H. Соф.* Тиурцеръ = *Teucer*), Дичевымъ сыномъ (иначе: *Micl.* Дичеушевъ сынъ, *H. Соф.* Дичевъ), который падаетъ съ коня, «ков са зовѣше рогафарижъ, и лежаше въ троескомъ прасѣ *nobilitatez utz смръзтнаго страха*». (*Micl.* *H. Соф.*) Улиссъ не осмѣливается помочь ему, помогаетъ Аяксъ. «И по томъ изыдошж гръчѣстїи витези и воеводы подъ Трои и поставишж чръвены заставы и бѣлыж тенты и сташж под Трож» (*ib.*). Станнымъ остается названіе Тивуцера — Дичеушевымъ сыномъ, когда его братъ Аяксъ — Теламоничъ. Вѣроятно смѣшеніе его съ Диомедомъ, сыномъ *Tudeus*'а: *Дичеуша, *Дѣтеуша.

Вмѣсто всего этого въ *Pril.*: «И изидѣ изъ Трое Тройлуш' Приѣмушевиц' а из грчке воиске Тѣржижев' витѣз' и удриста се сулицема». Тройлъ у *Micl.* не названъ; въ *Pril.* онъ является еще разъ въ эпизодѣ, котораго нѣтъ у *Micl.* и на мѣсто котораго въ послѣдовательности *Pril.* мы укажемъ далѣе. Въ этомъ эпизодѣ снова названъ и *Te[r]житеш' = Thersites*. — Вотъ содержаніе разсказа: Юпитеръ не желаетъ, чтобы Троя была разрушена и, явившись Агамемнону во снѣ, велитъ ему отступить. Агамемнонъ бѣжитъ со своими, но Улиссъ ихъ останавливаетъ, ворочаетъ назадъ, «и тече на *Te[r]житеша* зас'ставника и удри га

полки и побиваетъ первоборца. И паки призываетъ Приамъ на помощь Амазонїи (Сл. о царицѣ Амазонокъ, Пентизилеѣ, у *Dictys* III 15, 16; IV, 2, 3) и паки брань крѣпка, умирають мнози и отъ всѣхъ убо пусть бысть Приамъ; и умоли Тавтія (вар. Тавтанія; *Dictys* IV, 4: *Tithonus*), индѣйскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинство. Индіяне же вси чернообразни, ихъ же видѣвше гречестїи вои во странныхъ зрацѣхъ и убояшася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрашишася, ихъ же Индія кормитъ. Нощю бѣжати мысляху и оставити Трои, но обаче ополчашася къ чернообразнымъ и индѣйскимъ кровни очервишася, Нивія и Скомандровы струя обращахуся кровни. Въ сїихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинстїи, еже есть Гречестїи, и Тройское множество вой воедино смѣшашуся, и никому же содѣяти ничесоже и никтоже смѣяше, праздника ради». (Сл. *Dictys* IV, 10: *Solemne Thymbraei Apollinis incessit et requies bellandi per indutias interposita*?) Слѣдуетъ сонъ Еутропіи = Андромахи и бой Гектора съ Ахилломъ.

по главѣ». Разсказъ этотъ напоминающій Илиаду (пѣснь II и IX), Метаморфозы Овидія XIII, 216 слѣд., и Pindarus Thebanus v. 110 слѣд., продолжается другимъ: Троп[лу]ш Прѣмушевицъ свалилъ съ коня Конштраневтора (=Нестора), который напрасно зоветъ на помощь Улисса; отбилъ его «Палимидежъ Дѣгеошевицъ», т. е. вѣроятно Диомедъ, сынъ Тидея, Tydides; Гекторъ сбиль съ коня Улисса, который лежитъ, «проблѣдъ съ вѣликимъ страхомъ» (сл. выше Мисл. въ эпизодѣ о Тивуцерѣ); Аякъ покрываетъ его щитомъ, а Улиссъ бѣжитъ, оставляя его въ сѣчѣ. Сл. Ovid. Metam. XIII, 63 слѣд. (гдѣ, впрочемъ, нѣтъ Троила):

Qui (sc. Ulixes) licet eloquio fidum quoque Nestora vincat,
 Haud tamen efficiet, desertum ut Nestora crimen
 Esse rear nullum: qui cum imploraret Ulixen
 Vulnere tardus equi fessusque senilibus annis,
 Proditus a socio est. non haec mihi crimina fingi
 Scit bene Tydides, qui nomine saepe vocatum
 Corripuit, trepidoque fugam exprobravit amico.
 Aspiciunt oculis superi mortalia iustis:
 En eget auxilio, qui non tulit; utque reliquit,
 Sic linquendus erat: legem sibi dixerat ipse.
 Conclamat socies, adsum, videoque trementem
 Pallentemque metu et trepidantem morte futura.
 Opposui molem clipei texique iacentem.

Вернемся къ послѣдовательности Мисл.: послѣ битвы Троила съ Терзитомъ Pril. снова сходитъ съ нимъ; вѣроятно, подъ вліяніемъ упоминанія Троила въ предыдущемъ эпизодѣ онъ введенъ въ Pril. въ посольство Улисса и Менелая въ Трою за Еленой¹⁾. Оно разсказано кратко: Пріамъ хочетъ отдать Елену, но вступаются Парисъ, «Анцижешъ и Антиноръ и Онешъ» и чуть не убили пословъ, которые и разсказываютъ о томъ въ греческомъ станѣ.—У Мисл. Н.Соф., гдѣ въ посольствѣ участвуютъ Менелай и Улиссъ, не названы ни Анхизъ, ни Антеноръ, ни загадочный «Онешъ», появле-

¹⁾ Сл. Dictys II, 20 слѣд.: Ulixes, Diomedes и Menelaus идутъ послами.

нѣ котораго текстъ *Micl.* позволить объяснить¹⁾. Послѣ того, какъ *Пріамъ* защитилъ пословъ отъ угрозъ *Париса* (*Ов. Met. XIII, 202—203: At Paris et fratres... vix tenuere manus*), къ послѣднему является *Энона*, «*Донеша*» *Micl.*, *Алинуша*, *Уинешъ Н.Соф.* и упрекаетъ его: «*ω* *Александрѣ*, помѣни този, егда азъ течахъ своимъ босама ногама по морскому остроуму пѣскоу безъ покривала оус твоего плавогривѣстого прусца, и рѣхъ ти: *Александрѣ Фарижоу*, нинѣ ма любишь, а по томъ прїидеть врѣма, како ма хочешь оставити. И ты са мнѣ клѣнѣше: Не щж тебе оставити, егы ли та устава, тогы снази рѣка да потече въспать (*Ов. Нег. V, v. 29 слѣд.*). Тогы възъ *Еленжъ царцж*, а мене еси оставилъ. Да се хочешь са ея ради велико крѣвь пролиати подъ *Трож* (сл. *ib. v. 120*) и мнози погыбнжтъ. А егы ты идѣше въ грѣкы на дворѣж *Менелаоу* царю, тогы са азъ молѣхъ морской вилѣ, да оуставитъ морьскыж вльны (*ib. v. 57: Utque celer venias, virides Nereidas ogo*), да ты идешъ съ веселемъ срьдцемъ; а когы бихъ видѣла, пожлж си *Еленжъ царцж*, идешъ (*Н.Соф.* а къда быхъ знала ере си поглж *Елену* царцю и идешъ, то) то пакы умѣлила бихъ вилж, та бихж твой корабле потонжле». Она идетъ препираться съ *Еленой*, чего у *Овидіи* нѣтъ: «помѣни, егы то ны три сѣдѣхомъ въ морьскомъ отоцѣ и доиде *Тезишъ* витезъ и възъ тебе изъ междж насъ (*Ов. Нег. V, 127 слѣд., XV, 147 слѣд.*), и по томъ та е възалъ *Менелаоушъ* царь, а сези си въ третва постела прѣлюбы сѣтворила, а мене изгнала. Да се хочеть са за тебе великоа крѣвь пролиати». Сл. выше (стр. 49—50) соответствующій эпизодъ въ венеціанской повѣсти о юности *Париса*.

Когда послы вернулись въ греческій станъ, цари допрашиваютъ «попа *Калкаша*», какъ имъ взять *Трою*. Онъ отвѣчаетъ:

¹⁾ Или *Онешъ* — *Еней*? У *Сервія Антеноръ*, *Эней* и *Нелепъ* совѣтуютъ отдать *Елену*; противорѣчитъ *Гекторъ*, *Парисъ* грозитъ убить *Менелая* и *Улисса*, которыхъ спасаетъ *Антеноръ* (in *Virg. Aen. I, 99, 242*). *Dictys II, 23, 24* говоритъ въ эпизодѣ о посольствѣ, что сторону *Париса* держалъ лишь *Антимахъ* = не *Антеноръ* ли нашего текста?

«пръвое трѣбѣ довести Ацилеша Ферлешева¹⁾ сына (Micl., Н.Соф.; Pril.: Пѣлеушевица), и другое трѣбѣ привести Пилоташа Петичева сына [с] стрѣлою габилотож». Послѣдняго Pril. упоминають далѣе, а къ требованію привести Ахилла присоединяють еще слѣдующее: «4 бѣле коне Рижуса (Rhesus) крапа, ки се могу напоити на рѣцѣ Шиморишевѣ, ки су бързи како вѣтр', и кип' Палѣше госпое и пепел' Лавмѣдона вѣликога и Еленуша Приѣмушевица». Micl. Н.Соф. продолжаетъ: «до колѣ стоитъ Дѣло[нѣ] на стражѣ на високомъ кастели (Pril. на високомъ турни Дѣлон' вахтарь) и образъ Минѣрве госпояждж (сл. Pril. выше: кип' Палѣше госпое) и до колѣ стоитъ камень великы надъ враты» (Pril. на ком' е писано како ним' Троѣ стов)—Троя не будетъ взята; Pril. прибавляетъ еще: «докле не придѣ Пилоташ' Пеан'цижисч' (Philoctetes Pœantides) [с'] стрѣлом' и габилот, ка морета еднем' камением' 3 турне расипати». Сл. Ov. Met. XIII, 162 слѣд., 313 слѣд.; Serv. ad. Virg. Aen. II, 13, 241 (novimus integro sepulcro Laomedontis, quod super portam Scaeam fuerat, tuta fuisse fata Trojana); Сл. ib. III, 351 (то-же); II 166 (Helenus . . . captus a Graecis est et indicavit coactus fata Troiana in quibus etiam de Palladio; сл. Dictys IV, 18); III 402 (о Филоктетѣ).

Улиссъ исполняетъ тотчасъ-же нѣкоторые изъ этихъ условій. Micl. упоминаетъ только его передѣлку съ Делономъ и Рендешемъ (Rhesus) и похищеніе образа Минервы. Pril. подробнѣе: Улиссъ «врже рѣмѣн'не лѣствицѣ ва високи туран' и влѣзѣ в Трою и украдѣ Елѣнуша у високомъ турнѣ и кип' Палѣше госпое и пепел' Лавмедона вѣликога, и искаше Дѣлона вах'тара и наиде га стрѣгушч' стражу, и ѣм' га извѣдѣ от негa всю тайну трояску и уби га туд'е. И още идѣ на Ружуша крапа и побил га и дружину его. И ту ноц' уби Дѣлона вахтора, Шарпѣдона, Цера-

¹⁾ Сл. Ферлешъ вм. Фелешъ, Пелешъ не только въ нашемъ текстѣ, но и въ сербской Александрии по спискамъ хронографа 1-й редакціи, въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои: «оружіе Ахиллово, сына Филіреша царя». Сл. А. Поповъ, Хроногр., вып. I, стр. 120.

нона, Пнедона, Алѣктора, Кронуша, Акшандруша, Паркануша, Каропѣна пророка ки части своему господину не откладале. И в'ту нош' уби много част'них витѣзи и вазам' .4. бѣлѣ кони Рижуша крапа (сл. Pind. Thebanus X 733 слѣд.: multo candore nitentes — Thracas equos gariunt; у Micl.: бѣлого Фарижа), и придѣ въ грчки стан' с великим почтением'. Сл. для всего этого эпизода Ovid. Met. XIII, 255 слѣд.: разказавъ объ убіеніи Реза и его дружины и похищеніи коней, Улиссъ продолжаетъ:

255 Quid Lycii referam Sarpedonis agmina ferro
Devastata meo? cum multo sanguine fudi
Coeranon Iphitiden et Alastoraque Chromiumque
Alcandrumque Haliumque Noëmonaque Prytanique,
Exitioque dedi cum Chersidamante Thoona
Et Charopem, fatisque inmitibus Ennomon actum.

(fatis = части?).

Изъ эпизода объ исканіи Ахилла, найденнаго извѣстной уловкой Улисса, приведемъ лишь нѣкоторыя черты. За нимъ посылають Аякса, но онъ не угадалъ среди дочерей царя Коеты (Micl. Н.Соф.; Pgil.: Унетѣ крапа, Уету крапо) на Калкадиновомъ отокѣ (Micl. Н.Соф.; Pgil. Колков'; Миклошичъ толкуеть: Καλυψιδών, Χαλκηδών) переодѣтаго юношу (сл. Ов. Met. XIII, 163 и слѣд.: desererat omnes — In quibus Aiacem), котораго Улиссъ прельщаетъ бѣлымъ фарижемъ (Micl., Н.Соф.: Рендеша крагѣ), оружіемъ и щитомъ, «на коемъ бѣ писано образъ пространнаго свѣта, слънце и мѣсяць и звѣзды и боурѣ и лакомыи мечь Ореша крагѣ, кои всегда жалааше трояскыя крѣве». Грейфъ (стр. 273) сравниваетъ Ов. Met. XIII, 291 и слѣд.:

neque enim clipei caelamina norit,
Oceanum et terras cumque alta sidera caelo,
Pleïadasque, Hyadasque, immunemque aequoris Arcton,
Diversasque urbes, nitidumque Orionis ense.

Ахиллъ смотритъ на коня, какъ соколъ на птицу, хвалить оружіе и щитъ, а Улиссъ говоритъ ему: «*ω божина дѣтище*

(Micl.; Н.Соф. божіе дѣвице; Pril. бож'ѣ хщи), не оустрашая сѣ штъ Трою, ожидаетъ тебе Троя на разореніе». Сл. Оу. Met. XIII, 168 и слѣд.: *Nate dea, dixi, tibi se peritura reservant* — Pergama. *quid dubitas ingentem evertere Troiam?*

Улиссъ уводитъ съ собою Ахилла; на пути въ Трою, они пристають къ «придежскимъ» отокамъ, гдѣ были витизи Гектора, съ ними «соуличникъ Фелеспонъ» (далѣе Телеспонъ, Фелеспонъ). Ахиллъ убиваетъ его, «Жеребона витеза и Скадриона (Н.Соф. Скандриона) и нечѣстиваго Иермона», а дочь Фелеспона, Брижеиду (*Briseis*), «коа бѣше наилѣпа въ троецкихъ странахъ», ведетъ съ собою въ Трою. Когда они прибыли, развеселились оба царя и вельможи, «и вси оурове грѣцтїи и срациньстїи и каакїистїи и рагоуилѣстїи витези. И творѣше брань Иекторъ краль и поражааше множество грѣцкихъ витезѣ на всѣкъ днь, и многыж вельмъже погоублѣаше, и боаше сѣ гласа Ацилешова» (Micl. Н.Соф.).

Въ Pril. редакція этого эпизода нѣсколько другая: Ахиллъ убиваетъ «Телепона» и беретъ его городъ, не сказано гдѣ и ничего о томъ, что онъ витязь Гектора: «И припадша на *перлешки* отокъ и прѣста градъ Желбона витеза и убиста га и .4. синове его. И взе Ацелиш' Брижеиду госпу хщер' Желбону и веде ю подъ Трою в хотнич'ство сѣбѣ. И взеста .6. гради, идуща до Трое, и придоста, ище не бѣхоу ни една врата троецка отворена на рваню. И ондѣ Урикшеш' прво вечере утверди стражами оброве и їздѣ околу их' говораше витезем': Оружите се, и проашаше: О грчка господо, примѣте муку рване веселим' срцем', не бойте се Екторове силе».

Грейфъ (стр. 273) видитъ въ этомъ эпизодѣ слѣды неправильнаго пониманія авторомъ Оу. Metam. XIII, 171 слѣд.:

Ego *Telephon* hasta

Pugnantem domui.....

Quod Thebae cecidere, meum est. me credite Lesbon,
Me Tenedon, Chrysenque et Cillan, Apollinis urbes,
Et Scyrum cepisse.

Telephon = Телепонъ, Фелеспонъ; далѣе названія городовъ (въ косвенныхъ падежахъ), будто-бы поняты, какъ личныя: Lesbos = Жеребонъ, Tenedon = Скадріонъ (!), Scyros = Иермонъ (!), Chryseis = Брижеида. Подобнаго рода ошибки возможны, но здѣсь искаженіе предполагается настолько сильное, что предположеніе тождества является сомнительнымъ. Замѣтимъ относительно Chryseis = Брижеида, что мы ожидали-бы, въ соответствии съ латинской формой имени, Рижейду, которую тотчасъ и встрѣтимъ. *Нерлеускіе* отоки Pril. объясняютъ кое-что въ этомъ эпизодѣ: по классическому преданію Ахиллъ осадилъ городъ *Lyrnessa* и, убивъ Минета, женился на женѣ его Бризейдѣ. См. также Dictys II, 17: Ceterum Achilles, haud contentus eorum, quae gesserat, Cilicas aggrediter, ibique *Lyrnesum* paucis diebus pugnando cepit. interfecto dein Eetione, qui his locis imperitabat, magnis opibus naves replet, abducens Astynomen, Chrysi filiam, quae eo tempore regi denupta erat. propere inde Pedarum expugnare coepit, *Lelegum* urbem, sed eorum rex *Brises* ubi animadvertit in obsidendo saevire nostros, ratus nulla vi prohiberi hostes aut suos satis defendi posse, desperatione effugii salutisque attentis ceteris adversum hostes domum regressus laqueo interiit. neque multo post capta civitas atque interfecti multi mortales et abducta filia regis Hippodamia. — Hippodamia — Брижеида Дарета, *Brises* отвѣчаетъ Желбону, въ имени котораго отразилось, быть можетъ, — *Lelegum* (конъектура издателя вм. *Legeorum*) urbem?

Pril. продолжаютъ рассказъ специально принадлежащимъ этому тексту эпизодомъ: о снѣ Агамемнона, его попыткѣ бѣгства и т. д., о которомъ сказано выше (стр. 77—78); Micl. Н.Соф.—встрѣчей Гектора и Ахилла, которые расходятся, поцѣловавшись и не желая биться (въ Pril. нѣтъ). Дальнѣйшее содержаніе Micl. Н.Соф. располагается по слѣдующимъ главнымъ эпизодамъ: 1) Рижейда (Chryseis); 2) Гекторъ и Аякъ; 3) Парисъ и Менелай; Pril. представляетъ ихъ въ обратномъ порядкѣ; мы соблюдаемъ послѣдовательность Micl.

Греки берутъ въ плѣнъ Рижеудж (Micl. Н.Соф.; Pgil. Крижеиду: Chryseis), дочь попа «Рижеоуша» (Micl.; Pgil. Крижеуш'), служителя «Тебоуха» (Micl. Н.Соф.; Pgil. Пebuша); «и видѣвъ ж Агамень царь лѣпж и краснж велми, и възд а себе». Разгнѣванный богъ насылаетъ на греческое войско великій недугъ. «Калкашь» говоритъ, что недугъ не прекратится, пока Хризеида не будетъ возвращена (Pind. Theb. 55 слѣд.), что Ахиллъ и дѣлаетъ (Micl. Н.Соф.; въ Pgil. Агамемнонь), а Агамемнонь, разсердившись на это, отнимаетъ у него «женж» (Micl. Н.Соф.; Pgil. хот'ницу, т. е. Бризеиду). Ахиллъ обиженъ и не хочетъ болѣе идти на брань (Pgil. прибавляетъ: «и сѣдше у шаторѣ своем' и гудше в гусли»); къ нему посылають Улисса (Micl. Н.Соф.: и Тивоучера), «Брѣжеидж» (Micl. Н.Соф.; Pgil. Брижида, Брижюида; сл. Ов. Нег. III, 85 и слѣд.), но все напрасно.

Слѣдуетъ бой Гектора съ Аяксомъ; у Аякса камень «коего не могжтъ два витеза двигнжти» (Micl. Н.Соф.; Pgil.: 14 юнаки); Pgil. прибавляють о Гекторѣ, что онъ носитъ съ собою «живе огне и образ' Юпитѣра бога, молаше на то како бы могал' пролиѣти крв' грчке воиске и них лад'е умчати». Гекторъ, сброшенный ударомъ Аякса (Pind. Theb. 602 слѣд.), говоритъ: «нѣсть съи оударъ штъ грцкыихъ оударъ, нж есть прикиискыхъ крвѣи». Когда Аяксъ назвалъ себя, онъ повторяетъ: «нѣси ты штъ грчьскыхъ витезъ, нж си ты штъ прикиискыж крѣви, а Ежеона (Hesione) госпожда мнѣ есть сестра» (Micl. Н.Соф.). Въ Pgil. Аяксъ ограничивается замѣчаніемъ: «исто ест' мати моѣ ис Трое». Гекторъ даетъ Аяксу свой золотой поясъ (только въ Pgil.), Аяксъ ему свой золотой мечъ (у Pind. Theb. 630 слѣд.: Гекторъ даритъ Аяксу золотой мечъ; Аяксъ Гектору поясъ. Сл. Tgójmappasaga стр. 60 и прим. 1: рки. В), чтобы, встрѣтившись въ битвѣ, распознать и не убить другъ друга. Къ этому Pgil. прибавляетъ: «От' туд' понесе Аѣкш' .ч. ран' у своем' щите, и ту поби охолога Шарпедонуша и застав' трoйску, и учини .1000. корабл' от' живѣх' огнев' и от'луди силне застави

отъ корабалъ грчкѣхъ». О смерти Сарпедона отъ руки Улисса говоритъ выше (стр. 80) тотъ-же текстъ.

Гекторъ побуждаетъ Париса пойти на бой (въ Pril. нѣтъ), онъ сраженъ Менелаемъ, но Венера спасаетъ его, наведя мглу (Pind. Theb. 308). Елена встрѣчаетъ его словами: «Вѣдѣ говорѣхъ ти, противъж не исходи Менелаоушоу царю, зане бо е похраберъ ѡтъ тебе (Pind. Theb. 327 слѣд.), а ты еси почътенъ господинъ и подобръ игрецъ играти и веселити са съ господжами (Сл. Ovid. Her. XVI, 253 слѣд.: *Arta magis veneri, quam sunt tua corproga marti; Bella gerant fortes; tu, Pari, semper ama*), видѣхъ бо, тако твои жльгѣи власи лежахъ въ тройскѡмъ прасѣ» (Micl. Н.Соф.; сл. Pind. Theb. 323).

«Потриколушь дончикъ, кои бѣше съ нимъ (т. е. Ахилломъ) едино млѣко салъ» (Micl.; Н.Соф. Потриколъшь; Pril. Протоколомъ дончицъ; Пып. Патрокліе; сл. Trójumannasaga I. с. стр. 44, 60: *fóstbróðir hans*), проситъ Ахилла дать ему его оружіе и знаменіе, чтобы пойти противъ Гектора. «И оубоа са и еговъ фарижъ, и нача бѣжати, и пакы вративъ са рече: Нѣсть ми срамота ѡтъ добра витеза оумрѣти» (Micl. Н.Соф.). Гекторъ убиваетъ его (сл. Pind. Theb. XVI) и привязываетъ къ хвосту коня. Въ Pril. подробнѣе: Троянцы бѣгутъ передъ знаменіемъ Ахилла, какъ овцы передъ волкомъ, Гекторъ обращается къ Патроклу: обратись ко мнѣ, я — Гекторъ краль, троянская десница, если меня побьешь, отворены тебѣ будутъ Тройскія врата. «А онъ мысли, како би побѣгалъ, да би [не] погубилъ гласъ Ацѣлишевъ».

Узнавъ о смерти Патрокла, Ахиллъ посылаетъ сказать Гектору (только въ Pril.): «Взнеси се, мнѣлъ си, да си мене убилъ, каи си убилъ мега драгого брата Протоколуша и взялъ си на немъ мое оружје; ти е имаш платити. Вѣшъ ка ста два дѣтища еданъ сасапъ саснула, еста си брата, и още еданъ другого жаловати». Онъ посылаетъ къ «матери своеи Тетиши госпожди въ Елины» съ просьбой прислать ему такое-же оружје, какое дала ему прежде. Она идетъ въ гору къ «Вл'каноушу» (Pril. = *Vulcanus*; Micl. Н.Соф. Калканоушу) ковачу, «под коимъ бѣ .т. малыхъ

дiаволь»¹⁾; онъ изготавляетъ ей оружіе (Pind. Theb. XVIII), которое и послано Ахиллу. Въ ту ночь жена Гектора, Евтропіа (Micl. Н.Соф., далѣе: Андрофіа; Ptil. Андропа; Пып. Еутропіа; Trójumannasaga 62, въ варьянтахъ: Andronia) видѣла страшный сонъ: будто изъ Трои вышла «велика мечка а изъ грѣчскихъ войскъ вепрь», который и сразилъ медвѣдицу. Она говоритъ о своемъ сновидѣніи Пріаму, прося его не пускать на слѣдующій день Гектора на брань. Но его не удержать: его просятъ не ѣхать Іякоупа и Андрофіа и Кашрандра и Поликсена, жена бросаетъ передъ его коня малолѣтняго сына, заступааетъ ему путь одѣтая въ черныя ризы (Micl. Н.Соф.). Въ Ptil. его останавливаетъ Пріамъ, жены простираютъ «крзна своѣ» передъ его конемъ; Андропа облеклась въ «чрно рухо» и простираетъ передъ его фарижемъ «кр'зно бисер'во»; «а Ектор се обрнув' по крз'нѣ и иде на рв'аню». — У Micl. Н.Соф. Ахиллъ и Гекторъ встрѣчаются, но не бьются, отлагая бой до слѣдующаго дня; Гекторъ убиваетъ «з. оуровъ грѣчскихъ», а на другой день убитъ Ахилломъ, который приносить его тѣло въ свой станъ. Въ Ptil. Гекторъ сразилъ семьсотъ человекъ, шесть греческихъ уровъ²⁾; «я бѣше свргал' с кона Деомедежа Дѣтеушѣвица и видѣ на нем' свѣтло оружіе, писано златом', и погнув' се дѣраше га». Убитаго Гектора Ахиллъ привязалъ къ хвосту коня, привлекъ въ станъ и положилъ въ своемъ шатрѣ. — Слѣдуетъ разсказъ о хожденіи Пріама въ станъ Ахилла за трупомъ сына (сл. Pind. Theb.

¹⁾ Сл. сходное представленіе о «fabrica fabrogum», управляемой Вулканомъ, въ Visio Tnugdali, ed. Schade, § 11.

²⁾ Сл. Пып. I. с. стр. 313: «и въ томъ день уби Екторъ 7 уровъ греческихъ, еже есть семь полковъ, и заутра изведе Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ, и наѣха Ахиллеи Ектора и, убивъ, прободе его, и паде мертвъ; и вземъ его Ахиллеи понесе на свои станъ, потомъ-же разбиваетъ и полки, и побиваетъ ратоборца. Убьенну же бывшу Ектору дерзосердому, столпу троискому, мужу тяжку и храброму, въ оружіяхъ воспитанну, язвы носящу на персѣхъ: прежь даже елинии не пришли и составили брань, соплеташеса сеи со юнцы дивини, — видѣвше же сіе троистин велможа и господіе, начаша жалостно плакати, и взя Пріамъ царь на себя нищя и худяя ризы и гусли» и т. д. (слѣдующая далѣе сцена въ шатрѣ близка къ изложенію у Micl.).

XXIV). У *Micl. Н.Соф.* онъ подробнѣе, чѣмъ въ *Pgil.*: Приамъ одѣвается нищимъ и съ гуслими въ рукахъ идетъ по греческому войску, спрашиваетъ, гдѣ шатеръ (*Micl. Н.Соф.* катонъ; *Pgil.* шатор) Ахилла, авось онъ накормитъ его «грѣшнаго и странваго». Передъ шатромъ онъ началъ «гжсти въ гжсли жалостно вельми»; его накормили и приюттили; когда всѣ уснули, онъ принимается искать тѣло сына и видитъ его лежащимъ на постели Ахилла, который слышитъ стонъ пришельца, спрашиваетъ, кто онъ (Въ *Pgil.* Приамъ находитъ тѣло Гектора; «и паки приде к постели Ацѣлишеве и заче гибати Ацѣлишем', глаголе: Ацѣлиш', о Ацѣлишоу господине! Рече Ацѣлиш: Гдо еси ты?»). Узнавъ его имя, онъ говоритъ: «Аще ты еси Прѣямоушь, то азъ ѡтъ страха твоего мрѣтвъ есмъ. И рече Прѣямоушь: не бои са, господине, ѡтъ млада того нѣсмъ створилъ, да спаца витеза погоубла» (сл. *Serv. ad. Aen. I, 487, II, 541*). — *Pgil.* восполняютъ здѣсь очевидный пропускъ *Micl.*: «Пришал' сам', ако ми даш' мега сина на откуп', дам' ти три оноликке стлпе злата»; но Ахиллъ не только отказывается отъ откупа (здѣсь *Micl. Н.Соф.* снова сходятся съ *Pgil.*), но и предлагаетъ отнести тѣло Гектора въ Трою, «по вѣрѣ и клатвѣ Прѣямоушевѣ, да здраво вьнидж и паки изыдж». Въ *Pgil.* Ахиллъ относитъ тѣло и затѣмъ вторично приглашенъ Приамомъ въ Трою, гдѣ и убитъ. У *Micl. Н.Соф.* это сведено въ одинъ рассказъ: Приамъ приглашаетъ Ахилла: «повдѣвѣ въ цркъвъ (*Pgil.* Пѣбуша бога) клати са друогъ друоугоу зло не мыслити, да би сѣма ѡставилъ въ Трои, и да ти выдамъ мож дъщерь Поликшенж (*Pgil.* Проликшену) госпождж». Въ то время, какъ Ахиллъ клянется (*Pgil.* пред' олтаром'), Елѣноушь (*Micl. Н.Соф.*; *Pgil.* Париж') поражаетъ его въ пату ядовитою стрѣлюю, «зане бѣ весь арматосанъ, толико ходила его без' желѣза» (*Micl. Н.Соф.*). Приамъ горюетъ, что его слово нарушено, посылаетъ сказать о томъ греческимъ царямъ, а вмѣстѣ и оружіе Ахилла и, по требованію Грековъ, его пепелъ въ золотомъ сосудѣ. «И видѣвша царѣ и уrove грѣцтїи дивїшж са, глаголюще: ѡ сило и славо Ацилешова, како та не сѣземѣхж вси

градя и отоци, а нинѣ единь златъ крѣчагъ нѣсть та плѣнь» (Micl. Н.Соф.; сл. Ovid. Met. XII, 615 слѣд.). Pril. продолжаетъ: «О Пелеуше, оче нега, ки велику част' имѣше отъ нега, а сада велику жалост'». Еленушь Micl., убійца Ахилла, стоитъ, вѣроятно, по ошибкѣ, вмѣсто Париса Pril., гдѣ опредѣлена и мѣстность: храмъ Феба, какъ у Сервія (in Verg. Aen. III 83 и 321) и Дарета, гдѣ Ахиллъ убитъ Александромъ Парисомъ in fano Apollinis Thymbraei. У Диктиса убійцы: Александръ и Денфобъ¹⁾, какъ и въ греко-славянской Александріи, и говорится о желаніи Пріама выдать за Ахилла Поликсену (III, 27); эпизодъ, давшій поводъ Александріи къ особому развитію²⁾: Александру показываютъ въ Троѣ чудное «кръзно» Поликсены, съ которой обрученъ былъ Ахиллъ, предательски убитый потомъ въ храмѣ Аполлона Парисомъ и Денфобомъ. Въ греческомъ текстѣ Александріи, напечатанномъ мною по вѣнскому списку³⁾, включено въ этотъ эпизодъ краткое упоминаніе о любви Троила къ Бризендѣ по поводу ея *μαυτέλο*, которое показываютъ Александру. Новый

¹⁾ Такъ и у Пып., стр. 314: «и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фарижъ, Пріамовъ сынъ, и Диеовъ, и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою въ пяту, занеже бысть весь вооруженъ, точію плѣснѣ его безъ желѣза, и избѣгоша вонъ: Ахиллеи же падъ на издыханіи послѣднемъ. Ощутіи жь сія Дисевесъ (Одиссей), яздыше бо съ нимъ, и съ нимъ Діогевъ (вар. Дигонъ, Діогенъ: Діомедъ?) и Яв[шъ] Теламонянинъ: вкупѣ же убо въ церковь вскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми обліянна и угасша и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакоста, и нападъ на перси его Ея[кшъ] великіи съ плачемъ ко Ахиллею рече: О ратемъ разрушителю, исполнине крѣпкорукіи, кто погубити тя возможе, двояростнаго? Онъ же едва прогласивъ рече: убиста мя лестію Александръ Фарижъ [и Диеовъ]; сія рекъ издыше» (сл. Dictys IV, 10, 11). Его пепель отданъ Грекамъ. Дальнѣйшій рассказъ идетъ въ такой послѣдовательности: Екама отсылаетъ Полидора къ Полимнещеру (вар. Полиннещеру); эпизодъ о конѣ, взятіе Трои; принесеніе въ жертву Поликсены и убіеніе Полимнещера Екамой; Менелай возвращается съ побѣдой, простоявъ подъ Троею 10 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. «И тако скончася троеское царство. Написа же повѣсть о троескомъ плѣненіи творецъ Омиръ. Ахиллеи же сеи бѣ сынъ царя Каеты, а нидѣ пишетъ Фирелеша».

²⁾ Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 204—5, 207, 446.

³⁾ Сл. I. с. Приложенія, стр. 36.

списокъ греческаго романа, найденный мною во Флоренціи (cod. Laur. 1444, бывший Ashburnam), смѣшавъ Бризеиду съ Поликсеной, говорить, что изъ-за первой убитъ былъ Ахиллъ. Что слѣдуетъ далѣе, привожу по флорентійскому списку, представляющему здѣсь нѣкоторыя отличія (и распространенія) противъ вѣнскаго: «καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα ἀπὸ τοὺς Ἑλληνας, αὐτὴ ἐσφάγη εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως καὶ ἀπέθανεν· καὶ ὡς εἶδεν τὸ ροῦχον ἐκεῖνον ὁ Ἀλέξανδρος, πολλὰ τὸν ἔπομπεν καὶ ἐκαύχησεν τὴν τιμὴν τῆς γυναίκος ἐκείνης, τὸ πῶς καθαρὸν πόσον καὶ ἐνεπιστευμένην ἀγάπην ἐκράτησεν πρὸς τὸν Ἀχιλλέα, ὅπου εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἄλλη μία γυναῖκα οὐδὲν ἐποίησε τέτοιαν ἐμπιστοσύνην, καὶ πολλὰ τὴν ἐπαίνεσαν ὅλοι, ὅτι ὁ Ἀχιλλεὺς ἀπέθανεν καὶ αὐτὴ ὀλονοῦ ἀνθρώπου οὐδὲν ἠθέλησε νὰ γένη γυναῖκα. καὶ εἶπε ἡ Βρυσείδα (= Πολιξена) εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως ὅταν ἐσφάγην ὁ βασιλεὺς Ἀχιλλέα μου καὶ λέοντα, ὅπου οἱ Τρωαδίταις ἀπὸ τὸν φόβον σου ἐτρόμαξαν, πῶς ἐγὼ ἢ ἀθλία νὰ ὑπηγαίνω εἰς ξένον τόπον; ὅπου ἔσαι, αὐθέντη μου λεοντόπαρδε; διατ' ἐμένα ἐχάθης, κάλλιον τὸ αἷμα μου νὰ πέση εἰς τὸ μνήμα σου καὶ ἐγὼ ἀτίμον νὰ πέσω κοντὰ σου περὶ νὰ γένω ζωντανή καὶ νὰ ἐπάρω ἄλλον ἄνδρα». Такъ, въ сущности, и въ славянскомъ переводѣ; вѣнскій текстъ нарушаетъ здѣсь впечатлѣніе цѣлостности и какъ-бы противорѣчить похваламъ, расточаемымъ Александромъ вѣрности Поликсены, прибавляя свѣдѣніе о томъ, какъ она была заклана Пирромъ на гробѣ отца. Изъ какого источника заимствованъ необычный рассказъ Александрии о смерти Поликсены, я не зналъ; теперь я нашелъ его въ Филостратовомъ Житіи Аполлонія Тіанскаго I. IV, с. XVI: она (Поликсена) умерла на моей гробницѣ, говорить Ахиллъ, но не греки заклали еѣ: она сама по собственной волѣ пошла на смерть, бросившись на мечъ, чтобы воздать честь нашей любви»¹⁾).

Улиссъ и Аякъ спорять объ оружіи Ахилла. Pril. открываетъ эту сцену такимъ образомъ: «И слыша то внукъ Тата-

¹⁾ «σφαγῆναι δὲ αὐτὴν οὐχ ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν, ἀλλ' ἐκοῦσαν ἐπὶ τὸ σῆμα ἐλθοῦσαν καὶ τὸν ἐκαυτῆς τε κάκείνου ἔρωτα μεγάλων ἀξιώσαι προσπεσοῦσαν ξίθει ὀρθῶ».

нушев¹⁾), како се хочета она прѣти, и отпуди ихъ, не хотѣ има шкодити, и рече господѣ сести редомъ при своемъ стану и поведи имъ судъ разума. Господа сѣдѣху, а прости люди нижни стаху околу».

У *Micl. Н. Соф.* говоритъ Аяксъ («ω гръчьстїи царие и велмѣже и уроче саракиньстїи и каакнистїи и палагїстїи и рауильстїи витези»), *нѣсколко* разъ чередуясь съ Улиссомъ, при чемъ каждый ссылается на подвиги, имъ совершенные и упомянутые въ предъидущемъ изложенїи. Грейфъ указаль для этого отдѣла двѣ параллели въ *Ovid. Met. XIII*, 24 слѣд. и 386 слѣд.— Въ *Pril.* изложенїе совѣмъ другое: Аяксъ и Улиссъ говорятъ каждый по *одной* рѣчи, похвальбы подвигами почти нѣтъ, или упоминаются не тѣ, что у *Micl. Сл. Ов. Met. XIII*, 1—381.

«И вѣста Аѣкш' Телемуниц' и гледа по господѣ аргульн'ской и рече: Оимѣ, колико тешка имамъ предъ корабли гр'чкѣми! (*Ov. l. c. v. 5—6; agimus, pro Juppiter, inquit, — Ante gates caucsam*). Урикшеш' умѣ лѣпо говорити езикомъ а створомъ ни рукома не море се рвати за корабле грчкѣ, како ѣ, Аѣкш' Телемониц'. Грчка господо, повѣйте право, како ѣ приходъ на вашу помощ' с'. 30. корабли (это напоминанїе есть и у *Micl.*). Господо грчка, не помене дѣл' своихъ прѣм', ви сте е видѣли, предъ вами сам' чинил' (*l. c. v. 13—14: Nec memoranda tamen vobis mea facta, Pelasgi, — Esse reor; vidistis enim*). Господо, р'цѣте, да ѣви Урикшеш' своѣ дѣла, кѣм' су свѣдоци ка е учинил', а в ноци престрѣгал' е страж'ника Делона (*l. c. v. 15: quorum pox conscia sola est*). Господо грчка, судѣте право, дайте ми то оруж'е, поменѣте да ѣ понесох' у моемъ щите .1000. ран' (*l. c. v. 119: Mille patet plagis*). Ище, господо грчка, да би то оруж'е умѣло говорити, не бих' га ѣ просил', да то би мене просило оруж'е (*l. c. v. 97: Atque Aiax armis, non Aiaci arma petuntur*). О грчка господо, ѣ вас' прошу, дайте ми то оружїе, ѣ умѣм' ш нимъ почтено ходити. Грчка господо, ѣ вамъ правлю, хеламъ Ацѣли-

¹⁾ т. е. Танталушевъ: Агамемнонъ сынъ Атрея, внукъ Пелея, правнукъ *Тантала*.

шев', ки е от' пречистого злата, не море стати на Урикшешевѣ плѣшивой главѣ (сл. *Micl.*: не даваите е Оурекшоу на плѣшивѣ главѣ) и неѣа сулица не море стати под лаживу мишцу Урикшеву, ка се е научила често рваню трпѣти (сл. *Ov.* l. c. v. 105—109). Грчка господо, каи смо учинили рѣч'ю, учинимо е и створом', рѣѣта то оружие врѣщи на троиска врата: ки е вземе мѣи нама, тому буди (l. c. v. 121—2: *Arma viri fortis medios mittantur in hostes: Inde iubete peti et referentem ornate relatis*). И рѣше господо: то би право било, ар' би нам' през' грѣха. И Аѣкш' договори свою рѣч'.

И в'ста Урикшеш' на рѣч' свою и поче тихо говорити, обрисав' очи свои и и гледае по госпоѣ, и вздохнув' рече (l. c. v. 125—7: *Astitit, atque oculos paulum tellure moratos — Sustulit ad proceres, exspectatoque resolvit — Ora sono*): Грчко господо, не буди в том' Аѣкшѣ користи, ка е мене псовал' ни манѣ шкодѣ. За-ч' нигдор' не море от свое добротѣ побѣгнути (l. c. v. 139: *bona nec sua quisque recusset*). ако би доброта ва мнѣ била, сумнен' бих небия': оба сва едне племен'щине (l. c. v. 143: *totidemque gradus distamus ab illo, т. е. а Jove*). Да ако ине оп'щине нѣмам' с' Аѣѣлишем', брат ми ест' и братина оружия' прошу. Да ако са Аѣкш' прави свое добротѣ витежаство, а моѣ е доброта мудрост'. Грчка господо, моѣ мудрост' вѣще ест' вам' помогла у ваших' неволах', неѣе Аѣкшево витежаство. Грчка господо, колико век'ша ест' мудрост' от' витежаства, колико е крал' вѣщи от своѣа витеза (l. c. v. 366: *quantoque ratem qui temperat anteit — Remigis officium, quanto dux milite maior, — Tantum ego te supero*). Гдѣ бѣхоте ви охоли витези, гдѣ не смѣхоте цару ни одну рѣч' рѣщи, гдѣ да бѣше от' морске виле срѣда пришла к вашему лицу и имѣхоте погинути у отоцѣ? И пришад' укротих' цара и приведох' неѣа хшер' и откупих' душе, да не буду жене ваше вдовице: то сам' мою мудрост'ю помагал' вам' у ваших' неволах' (это упоминаніе ест' и у *Micl.*, но иначе рассказанное). О грчка господо, посласте Аѣкша искат' Аѣѣлиша, и не море га найти; и поидох' ѣ, направив' мои корабал' рухом' и оружием', и найдох'

Ацѣлиша (есть и у *Micl.*, но въ иномъ текстѣ) и пелах' га на мощнога Телепона сулич'ника, и убисва га и взесва град' его и инѣх 6 (е) взесва до Трое, и жива га приведох' к вам' (сл. *Ov. Met.* XIII, v. 171 слѣд.; сл. выше, стр. 82—83). Грчка господо, хошу да ми дасте жива мега брата Ацѣлиша, да си га жива поставлю гдѣ сам' га взел'. Такъ кончается вся эта сцена и у *Micl.*: «дадите его мнѣ, само да штъведѣ и поставля, гдѣ того смѣ и взалъ». — Царь и воеводы и уrove, сидѣвшіе «въкоупѣ» (*H. Соф.*; *Micl.*: въ коулѣ), рѣшаютъ отдать оружіе Улиссу (*Micl.*); въ *Pril.* они ссылаются при этомъ на его послѣднія слова: «он' га жива приведе к нам', а ере е уб'ен, ми га жива нѣмамо ча дати, а оруж'ѣ су остала».

Аяксъ убиваетъ себя (*Ov. Met.* XIII, v. 386 слѣд.), а Улиссъ успокоиваетъ озлобленныхъ тѣмъ царей обѣщаніемъ — взять Трои хитростью. *Pril.* тотчасъ приступаютъ къ этому разсказу, въ *Micl.* *H. Соф.* говорится передъ тѣмъ, что Якоупа, предвидя паденіе города, отсылаетъ сына своего Полидвороуша (*Polydorus*) къ «Полинешероу кралю», что цариль «по всей Пагажи» (сл. *Ov. Met.* XIII, 430 и слѣд.). Судьба Полидора досказывается впоследствии, уже послѣ взятія Трои; такъ и въ *Pril.*, помѣщаящемъ отправленіе Полидора въ другомъ мѣстѣ. Разсказъ этотъ, стало быть, былъ разбитъ на два эпизода уже въ оригиналѣ повѣсти, къ которому *Micl.* *H. Соф.* здѣсь, вѣроятно, ближе.

«И посла (Улиссъ) по Пилоташа П[е]анцижища, и придѣ носе стрѣлу габѣлову, ку мораше еднем' вдарцем' три тур'не развалити» (*Pril.*; у *Micl.* *H. Соф.* нѣтъ). Слѣдуетъ разсказъ о взятіи Трои хитростью Улисса (по мнѣнію *Greifa*, стр. 276, по *Aep. II*). Конь сдѣланъ изъ мѣди, стекла и воску (*Micl.* *H. Соф.*; *Pril.* изъ чернаго стекла) и оставленъ, тогда какъ греческіе корабли скрылись «въ шимовшевѣхъ брѣзѣхъ» (*Micl.* *H. Соф.*; *Pril.* за сигиски брѣге); чтобы ввести коня въ Трою, надо было «сътльщи камень, иже бѣше надъ враты» (*Micl.* *H. Соф.*; *Pril.* прибавляетъ: «на ком бѣше писано: Докле та камен' стои, нѣ расипаниѣ Трои»). Витязи, заключенные въ конѣ, выходятъ изъ

него, въ это время подступаетъ и греческое войско, «и начашъ сѣщи троискыѣ витезы, а друугыа изметашъ въ море» (Micl. Н.Соф.). Pgil. даеъ лишніа подробности: «и взеше войско турне, а Пилоташ' хиташе стрѣлу габѣлову и разбиѣше по три турне еднем' вдарцем'. И бѣше начинил', како ю опет' вращати. И взѣше Трою Ёлом' и вргоше доле с високога турна Ащина Иѣкаша Екторовища, и ондѣ стое гледаше опа своего, кадѣ хоѣше на рваню¹⁾. Приѣмуш' краг' с едну честию погибѣ, а троиске госпе за власе влачаху». Париса и Елену приводятъ къ Менелаю; она говоритъ мужу: «ω господине царю, ты бысть ваще кривъ, чемоу мене остави съ Александромъ Фарижомъ, да мене своимъ невѣрьствомъ прѣвари»? (Micl. Н.Соф.; Greif. стр. 277 сличаетъ Ov. Arg am. II, 365 слѣд.) Менелай отвѣчаетъ: «ω господине Елено, да вѣси, яко ωтъ сели да сътвори азъ, да инь никто тебе не прѣваритъ ни прѣльститъ» (Micl. Н.Соф.; Pgil: «госное, прѣе си познала Тѣжеуша цара, а сада Парижа Александра; вѣра ти е моѣ, како на то не придеш'). Онъ велитъ обонмъ усѣчь головы²⁾.

Micl. Н.Соф. сообщаетъ за тѣмъ кратко объ усѣченіи Поликсены на гробѣ Ахилла; Гекуба достается на долю Улисса (Ov. Met. XIII, 483 слѣд.), который и увозитъ еѣ. Между тѣмъ, узнавъ о паденіи Трои Полинещерь (Пып. id.) убиваетъ Поли-

¹⁾ Ov. Met. XIII, 415 слѣд.: Mittitur Astyanax illis de turribus, unde — Pugnantem pro se proavitaque regna tuentem—Saepe videre patrem monstratum a matre solebat.

²⁾ Въ испанскомъ романѣ (Wolf у Hofmann, Primavera y Flor de Romances, II, № 109), гдѣ Парисъ увѣкаетъ Елену хитростью, онъ одинъ и наказанъ:

tres pascuas que hay en el año
le sacan á justiciar,
sácanle ambos los ojos
Los ojos de la su faz,
córtanle el pié del estribo,
la mano del gavilan,
treinta quintales de hierro
á sus pies mandan echar,
y el agua hasta la cinta
por que pierda el cabalgar.

дворуша (Пып. Полидворъ), когда пристають греческіе корабли, и Гекуба, выйдя съ ведромъ за водою, находитъ трупъ сына. Короли, вышедшаго къ троянкамъ, чтобы ихъ утѣшить, онѣ убиваютъ ножами и сами побиты камнями. «И възврати са царь Менелаоушь съ всѣми грѣкы съ великож чѣстиа, стоавше подѣ Трож .i. лѣто и .з. мѣсаць».

Въ Pril., послѣ убіенія Париса и Елены, распорядокъ другой: Приамъ (уже убитый, см. выше 93) отсылаетъ Полидворуша Полинештору кралоу, который убиваетъ его. Улиссъ увозитъ Гекубу къ своей матери. «И када придоше, кадѣ бѣше гробъ Адѣлишевъ, и вста Адѣлишъ гневомъ и рече: Ако ми не дастѣ Проликшене госпѣ въ жртву, хощу вамъ мою срдю разбити лодѣ о землю. За-чъ бѣше рѣкалъ: Ако буду живъ, да ми е жена, ако умру, да ми е жртва. И взамше витѣзи Проликшену госпу и пелаше ю на гробъ Адѣлишевъ. И рече Проликшена госпа: Не похитуйте витѣзи за мое тѣло, ни една рука нѣ ка мне похитила развѣ матери моее; ако ли похититѣ, не буде жртва о мне сему витѣзу. А сама свиѣше лежащи околъ себѣ крила, да би не видѣли тѣла ее (Ов. Met. XIII, 447 слѣд.). И убише ю, и присташе корабли къ традискому отоку к граду, кадѣ бѣше Полинешторъ кралъ». Гекуба велитъ дать себѣ ведро, «да си умию слзѣ отъ очию моею», идетъ къ берегу и видитъ сына, «прободѣна в мору, и ине госное взалише гласомъ, а она онемѣ и бѣ подобна к мрамору. И паки наостривши се срдю, поче руги, како лавица, ка бѣше осирѣла ценетѣмъ послѣдующи ловца свога. И придоше под градъ Полинештровъ и изазваше Полинештора крала, и придѣ к нимъ и рече: Госпа Ъкупа, каи си дала схранити своимъ сыномъ, то е схранено, а синъ твой живъ естъ. А она маненоваше о негалжи, како би могла прити к нему. И скочи к нему и заврже руками своима за негалжасе и врже му очи ванъ. А из града пустиша камене и побише те вси госпе. — А Грци придоше домовъ скончавше Трою за .10. лѣтъ и .7. мѣсѣцевъ».

Такъ кончается текстъ Pril.; въ Micl. = Н.Сов. слѣдуетъ еще нравоучительное заключеніе. «И тако сконча са троиское

кравельство прѣжде рождства Христова на тѣ. лѣтъ ендѣктивна .3-го., и тако богъ смѣрѣетъ възносящихъ са и сѣма нечѣстивыхъ потрѣбитъ, ꙗкоже пророкъ провъзвѣсти глагола: Видѣхъ нечѣстиваго прѣвъзносяща са и высаща са и мимо идохъ, и не обрѣте са мѣсто к тому, ꙗко богъ праведенъ и прайдъ възлюби а ꙗкѣ нечѣстивыхъ потрѣби, и своеа мышцеа грѣдымъ противитъ са, а право ходящимъ даеъ благодѣтъ, и не лишитъ добра ходящихъ незлобожъ.

Заключеніе принадлежитъ, быть можетъ, славянскому пересказу, не нашедшему другой оцѣнки для повѣсти, гдѣ говорилось о чести и «дворбѣ», *courtoisie* и подвигахъ. Странно только, что всё это подводится подъ общее понятіе гордыни и нечестія, какъ въ русскомъ Луцидаріи Троя будто-бы пала за — волшебство: «таможъ было превеликое Троянское царство; зломерзскогожъ ради волхвованія разорися попущеніемъ божіа чудодѣйства и въ конечную гибель осуждено, ꙗко отнюдь тамо нѣсть жилища человекомъ, но дивіе звѣріе и змievѣ тамо пожирають»¹⁾. Ближе было-бы развитъ нравоучительный моментъ, не разъ повторяющійся въ текстѣ: о «злой женѣ», изъ-за которой погибли народы и царства.

Это — любимая тема средневѣковыхъ вагантовъ, когда они говорятъ о паденіи Трои.

*Causa rei talis meretrix fuit exicialis
Femina fatalis, femina feta malis,*

поетъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Еленѣ²⁾;

Causa tua pene quid agebas, predo Lacene?

обращался другой къ Парису:

*Fellis erant plene, que placuere gene.
O Venus inmitis, o dira noverca maritis,*

¹⁾ Сл. Галаховъ, *Исторія русской литературы* I, стр. 404. — Иное обвиненіе у Giraldus Cambrensis, *Descriptio Cambriae*, l. II, c. 7: Константиъ Великій «Тројам reaedificare proponens, ibique orientalis imperii caput erigere volens, audivit hanc vocem: Vadis reaedificare Sodomam».

²⁾ Wattenbach, *Ganymed und Helena*, въ *Zs. f. deutsches Alterthum* XVIII, 135.

O radix litis, cur mala tanta sitis?
 O Venus effrenis, permiscens mella venenis,
 Fel latet in venis, melle peruncta venis.
 Hii mores Veneris, hyemem legit emula veris,
 Hic quicumque seris, vomere saxa teris.
 Urbs ita sublimis, ita pregnans rebus opimis,
 Urbs domina in primis, iam sedet orba nimis ¹⁾.

Троя погибла «жены ради иъкыи Югъноуше (вар. Елены), краля лакѣдонскаго (вар. лацедемонскога) Ме[не]леоуша», говорится въ троянскомъ эпизодѣ греко-сербской Александрии; отъ женъ идетъ взе зло: «пръвѣи бо Адамъ женою прельштень бысть и паде, великыи и крѣпкыи Сампсонъ женою погибе и прѣмоудрыи въ чловѣцѣхъ Соломонъ жены ради адъ наслѣди. И въ Трои градѣ мнози храбры витези и царіе за ѣдиною женою погибли». Когда прочель о томъ Александръ въ книгахъ «нѣкоего философа Омира», сказалъ: «О колици силныи падоше се жены ради мързскыи и лоукави!» ²⁾ Такъ и въ болгарскомъ Словѣ о ветхомъ Александрѣ ³⁾: «и видѣ Александръ колико зла сътворишаса ѿ единой женѣ: тогда Иерусалимъ разориша и другыхъ великихъ градохъ .сд., въса воа и хоры опоустѣшж, и оубиша .гт. царей, свѣне писидиискаго царѣ». Увидѣвъ это Александръ-Парисъ отсѣкаетъ Егглюудѣ голову, а самъ бросается въ море.— Егглюудой (= Гилуда текста проф. Григоровича) названа въ этой повѣсти Елена; простое-ли это искаженіе имени, или Егглюода Гилуда = 'Ελένη ή Γυλοῦ? ⁴⁾. Она не только «злая жена» въ

¹⁾ Huemer, Ein Trojanerlied aus dem Mittelalter, въ Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien, 1887, I, стр. 9.

²⁾ Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 203 (на 10-й строкѣ снизу читай: оучрьди се вм. оугрьди се), 205.

³⁾ I. с. стр. 87.

⁴⁾ О Гυλοῦ сл. мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI, стр. 41 слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Іюнь, стр. 288—9. Сл. гилоуда = тагае genus, у Miclosich, Lexicon a. v. съ ссылкой: «еще жены глаголемые гилоуды иссыхающе кровь дѣтемъ оумрыцвляють ихъ» и сблизеніемъ съ русск.: голендуха. — Можетъ быть, сюда-же относится *Аюли* кавказскихъ татаръ, демоническая старуха, питающаяся печенью новорожденнаго (Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ т. I, кн. II, стр. 379).

смыслѣ средневѣковыхъ поученій, но и демоническая; не даромъ говорится, что когда Александръ ввелъ ее въ Трою, «потрасеса весь градъ велми»¹⁾).

Разборъ текста *Micl.* (= Н.Соф.) совмѣстно съ *Pril.* показъ, что послѣдній не лишень значенія для констатированія ихъ общаго оригинала, котораго древнѣйшимъ, по записи, отраженіемъ является *Micl.* Рѣчи Аякса и Улисса, отличныя въ *Pril.* отъ *Micl.*, могутъ быть объяснены позднѣйшей передѣлкой—по Овидію, но напр. въ эпизодѣ о Филоктетѣ = Пилоташѣ *Pril.* сохранилъ, чтò въ *Micl.* можетъ быть объяснено лишь случайнымъ пропускомъ: въ *Micl.* Калхасъ ставитъ однимъ изъ условій взятія Трои—приводъ Филоктета, который далѣе не упомянутъ вовсе, тогда какъ въ *Pril.* онъ приведенъ и дѣйствуетъ. Нѣкоторыя изъ именъ и подробностей *Pril.* (Троилъ, Терзигъ, сонъ Агамемнона и его попытка къ бѣгству; Астіанаксъ и т. п.) могли также находиться въ древнѣйшемъ текстѣ и въ *Pril.* лишь попасть не на свое мѣсто. Лишь сравненіе съ другими, пока не изслѣдованными или еще не открытыми текстами повѣсти можетъ здѣсь привести къ какимъ-нибудь болѣе прочнымъ выводамъ.

Источники или параллели, указанныя для второй части повѣсти, не устанавливають отличія между нею и первой, и это уже дало намъ поводъ къ априорному заключенію, которое мы можемъ повторить: если сравненіе первой части нашей повѣсти съ западными легендами указало ихъ общій оригиналъ въ какомъ-то разсказѣ о юности Париса, то представляется невѣроятнымъ, что вторая составилаь самостоятельно по тѣмъ-же источникамъ, съ такой-же близостью съ Героидамъ и Метаморфозамъ Овидія; тѣмъ невѣроятнѣе, что составителемъ пришлось-бы признать автора славянской редакціи. Эти затрудненія устраняются коль скоро допустимъ, что и для второй своей части онъ пользовался тѣмъ-же оригиналомъ, сохранивъ его, такимъ образомъ, цѣликомъ въ своемъ переложеніи.

¹⁾ Слово, I. с. стр. 85.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Что оригиналъ этотъ былъ латинскій или романскій, какая нибудь компиляція изъ комментированнаго, толковаго Овидія ¹⁾— это заключеніе, высказанное для первой части, поддерживается и впечатлѣніями второй: тотъ-же обликъ собственныхъ именъ; мѣнѣ значенія я склоненъ дать, въ опредѣленіи лингвистическаго характера подлинника, такимъ словамъ какъ *тента*, *кастель*, *габилотъ* (*javelot*, *gavelot*; *gabilotto*) ²⁾, къ которымъ Pril. присоединяетъ еще: *мештри*, *фудоментъ*, *короуна*, *танаизъ*, *турн*, *оиме* (*oime!*), *поньстра* (= *palaestra*), ибо эти слова могли находиться въ словарѣ, не въ подлинникѣ переводчика, точно также какъ и гречизмы (хора, хорѳ; арматось и производныя; пиргось и пиргъ; трапеза, катръга = *κατέργων*, катонъ = *κατοῦνα*), давшіе Миклошичу поводъ къ заключенію, что наша повѣсть могла быть переведена съ греческаго. Такое предположеніе возможно, разумѣется, лишь подъ условіемъ другого: что этотъ греческій оригиналъ былъ въ свою очередь переводомъ или обработкой какого-нибудь западнаго, латинскаго или романскаго, сохранивъ черты его міросозерцанія (сл. выше сказанное о дворьбѣ и госпожѣ, стр. 71) и форму собственныхъ именъ, какъ въ среднегреческой Александріи встрѣчаемъ: *Πολυκρατούσης*, *Βρυνούσης* = серб. Полоукратоушь, Врикноушь и т. п. Что сербско-славянская Александрія стоитъ на одномъ уровнѣ съ нашей притчей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастику, замѣчено было мною уже по другому поводу ³⁾. Остановимся здѣсь лишь на ономастикѣ. Какъ въ Александріи, такъ и въ нашемъ текстѣ *lat. s* въ суффиксахъ *-us*, *-as*, *-es*, *-is* передается черезъ ш, ж: Анцидешъ (*Anchises*), Ацилешъ, Парижъ (сл. въ бѣлорусскомъ Тристанѣ: Самсияжъ = *Lasancis*); Кашантоуша = *Xanthus*, Дицеоуш-евичъ

¹⁾ Въ обѣихъ рукописяхъ *Istorietta Trojana* ей предшествуютъ комментаріи къ Овидію.

²⁾ Pril.: «съ стрѣломъ и габилотомъ, ка морета еднемъ каменемъ ꙗ турве раскипати». Разумѣется какое-то каменетательное орудіе. Сл. въ древне-русскомъ переводѣ Юсіафа Флавія: луки = *πετροβολαι* (Е. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ, I, стр. 225).

³⁾ Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 442—3, 381—2.

(Tideus —), Палешъ. Кромѣ того s между гласными переходитъ въ ж: Брижеида, Рижейда, Ежеона, Тержитезъ = Thersites (сл. въ бѣлорусскомъ Бовѣ: Дружнана = Druziana; въ бѣлор. Тристанѣ: Ижота); s въ томъ же положеніи и въ началѣ словъ — въ ш: Шимоиш(евъ) = Simois, Шарикоуша = Assaracus; st въ щ (шт): Clytemnestra = Клатомещрица (Micl.), Полимнещеръ, Ащинъ (Astyanax), какъ въ бѣлор. Тристанѣ: Іащоръ (Astorge), Трыщанъ (Tristano); Кашандра указываетъ какъ-бы на Kastandra (можно бы ожидать: Кашандра; сл. Шарикоуша); x въ ки: Аикшь, Поликшена, Урикшешъ — но Кашантоуша; chi въ ци: Ацилешъ, Анцидешъ; p въ ф: Peleus = Пелешъ и Фелешъ, Paris = Парижъ и Фарижъ; ph, f въ п, какъ въ сербской Александрии и бѣлорусск. Тристанѣ и Бовѣ: Philoctetes = Пилоташъ, Придежъскъ; Прижиискъ = phrygius, Прижіа = Phrygia, Придешъ = Phryx (?), Пешушъ = Phoebus, но и Тебоушъ (Micl.), какъ Тезишъ, Тетиша, Телеспонъ (и Фелеспонъ). Интересно чередованіе ж и д въ прижиискъ и придежъскъ, Придешъ, какъ Rhesus передается въ Pril.: Рижушъ (Ружушъ), согласно съ обычнымъ s = ж, а у Micl. Райдешъ; Анцидешъ (Micl.) = Анцижеш' (Pril.). — Отмѣтимъ вставное p въ Тивоурцеръ, Кашрандра (Micl.), Шиморишевѣ рѣцѣ (Pril), Проликшена. Въ передѣлкѣ собственныхъ именъ замѣтно нѣкоторое стремленіе къ полногласію: Кашантоуша, Тивоурцеръ, Дѣвошкордіа; въ этомъ стремленіи наша-бы себѣ объясненіе и загадочная Пагажіа (сл. выше стр. 72—73). — Пилоташъ отвѣчаетъ формѣ въ родѣ Philotas или Pilotas; разумѣется, какъ мы видѣли, Филоктеть; кт удержано въ Юкторъ, но здѣсь произошла ассимиляція кт = тт, т, какъ въ ит. Filottete.

Гдѣ сдѣланъ былъ славянскій переводъ повѣсти? Сходство стили и направленія, а также и звуковыя особенности, указанныя тотчасъ, не позволяютъ отдѣлить её отъ сербской Александрии, относимой Ягичемъ¹⁾ къ Босніи и сѣверной Далмаціи, и отъ

¹⁾ Jagić, Ein Beitrag zur serbischen Annalistik, Archiv II, стр. 24—25.

сербскихъ подлинниковъ бѣлорусскихъ Тристана и Бовы. Именно въ указанной мѣстности византійское и западное теченія могли скрещиваться и вызвать литературу переводовъ, распространенныхъ отъ Болгаріи (ср. текстъ Місl.) до Россіи. На сколько эти переводы вѣрно сохранили намъ свои подлинники, объ этомъ судить трудно; подлинника Троянской повѣсти мы не знаемъ, какъ не знаемъ западнаго текста Александріи, который подходилъ бы къ греко-сербскимъ версіямъ этого романа. Бѣлорусскій Тристанъ, если онъ вѣрно передалъ свой оригиналъ, въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, не встрѣтился пока въ этомъ видѣ ни въ одномъ западномъ пересказѣ, и если бѣлорусскій = сербскій Бово часто дословно переведенъ съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвоили, передѣлывая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ.

I.

Троянская притча по ркп. Н.Соч. № 1497, л. 205 об. —
232 об.

Бѣйше в перьвое время еди кра, иже сѧ зовыше ймѧне Прише кра, и бѣша зело бога, и поиде в нѣкой дѣ ло лови, пове драго му бѣше лови, и доиде на мо'скиѣ ѡтоки и ѡбреде еди ѡ ѡтѡ лѣпъ и красѣ вѣми, ѹ коѣ ѡтока ѡ ѣдине страны течаше великоѣ море, а ѡ другїѣ страны течаше река, коѧ йменоваше Кашѧдуша река, а ѡ тре'йеѣ страны течаше того ѡтока море, коѣ сѧ зовешѧ Пелешино море, а ѡ чет'вертые страны того ѡтока стоѧше лугъ, ежѣ зовыше Дудома лугъ, ѡ пятые страны того ѡтока стоѧше жидѡ, на коѣ ростаху цвѣти многора'лини. И видѣ то Прише(ши) кра, гѧко до'ро етъ, и нача зида' гра и созида град до старо'ти своѣѧ и наре' ймѧ граду тому свой ймене, да му е ймѧ Пружий гра. Потѡ Прише кра ѡстарѣ и ро' сѧ своѣ ймене Ойлуша краля и поручи ему зидати гра, а самъ почи ѡ сѣрти своѣѧ. И кой кра ѡйлушъ створи сѧное дѣло, вещь призидѧ ѡца своѣ по сѣрти е, и що паки созида ѡйлуша кра, то йменова своѧ ймене, да му буде ймѧ Илиѡ гра. И потѡ ѡйлу кра ро' сѧ своѣ Ламеѡдона краля великѧ и поручи ему зидат' грады, а самъ почи ѡ сѣрти своѣѧ. И Ламеѡдо кра великѧ и той йменова на своѣ ймѧ грады своѧ Ламедонѧ гра, и по семъ Ламедѡ кра великѧ ѡстарѣ и ро' сѧ своѣ

имене^м Ша[ри]куша кра^я, заповѣда ему зидати град^ы, а самъ почи ѿ смѣрти своеѣ. Пото^м Ша[ри]куша кра^я сотвори сѣно дѣло, вещь призида по смѣрти ѿца своеѣ, и що бѣ зидат^ь [то именована] свои^м имене^м, да му е^{сть} имя Ша[ри]куши^{на} град^а. И пото^м Ша[ри]куши^{на} кра^я ро^м сѣна Да^ндануша кра^я и рече ему зидати град^а, а са^м почи ѿ смѣрти своеѣ. И Да^ндануша кра^я сотвори велико дѣло, вещь призида по смѣрти бычине си и наре^{чь} на свое^е имя Да^нданѣ^{на} град^а. И пото^м Да^ндануша кра^я ро^м сѣна Тройлуша кра^я и рече ему зидати град^а, а са^м почи ѿ смѣрти своеѣ. И пото^м Тройлуша кра^я сотвори велико дѣло, вещь призида ѿ ѿца своеѣ и наре^{чь} Трой град^а. Тройлуша^м ро^м При^амуша кра^я. И При^аму^м имѣ жену имене^м Йякупа госпо^{жи}. Во е^{дину} ноц^ь види сѣнь Йякупа госпо^{жи} и ужасеса и воста ѿ сна своеѣ и про^яви со^б мужу своему При^амушу кра^{лю} и рече ему: Родит^ь гла^вно и зиде на н^{бо} и паки во^звратисѣ^{сь} па^к в море, излеташе и^м морѣ искры, падоша на Трой и погорѣ Трой град^а. Слышѣ то При^аму^м кра^я и мыслаше, что хо^{ще} се быти, и при^{ва} всѣ пр^рчки и в^охвы, мудреца и болгарѣ и н^инига^м лю^ди малі и велики Трой град^а града, да реку^т ему о снѣхъ. И рекоша ему пр^рци е^{сть} снѣ: Г^одне кра^{лю}, родит^ьца ѿ жены твоѣѣ сѣнь, за ко^ю хоташе и^м горѣти Трой град^а и разорити, и не ѿстане^т камѣ на камене. Слышѣ то При^амуша кра^я и иде в полату и рече женѣ своеѣ: ѿ Йякупо^м убо госпо^{же}, егда ро^мши сѣна, не храни е^е, но повели да убью^т е^е. И рече ему Йякупа госпо^{да}: Г^одне кра^{лю}, вѣми рада е^ми сему быти. И пото^м егда ро^м Йякупа госпо^жа сѣна своеѣ и видѣ е^е лѣпа и кра^{на} добрѣ, и смѣлиса м^три своеѣ, не може е^е погубити, но повѣи е^{го} во брачнни и с ни^м мн^о добы^тка сре^бра и злата, и да^ть е^{го} (р^кп. ему) е^{ди}ному юноше и рече ему нѣти и поврещи е^е далече ѿ Трой град^а. И сотвори ѿр^о тако, и ѿбре^те е^е ѿча^р старе^н, ему^м бѣ жена ро^мла сѣна, и несе е^е пасты^рк^а женѣ свое^й и рече е^е: Восхрани ми ѿрока сѣ. И бѣ тако, и рѣташе тако скоро вѣми, и егда сотвори .3. лѣтъ, тогда идяху ѿтрочати ѿба на поле со ѿце^м свои^м и и^граху о^коло добы^тка, и ѿбрѣтѣнѣ ѿрока наре^{чь} Пари^м (пари^м) пѣтыревичищ^ь. Пари^м сви^тадуху два вола и бодяху, и кой премагаше, тому и виаше венець ѿ цвѣт^и,

а кой не преогаше, тому віаше Ѡ сламі и пола[га]ше и на рогу. И ѣгда бѣше юноша Паря, хо^даше з до^брыми витязи и и^граше и преогаше и во всяко^м и^грѣ, и ту прободе ѣдинѣ витяза за щип^к пре^д крале^м Апридѣжемъ. И то время женашѣ Фелешъ кра^м госпо^ддою [Те]тишо^м, и при^ва к себѣ Феле кра^м гдѣ чюеше до^бріе вітезе и юнаки и Парижа пастыревика и до^брые госпо^дде по хорѣ то^м. И увидѣвше то три вили прѣрчице, коѣ бѣху найлѣпшеѣ в мо^рски^х ѡтоце^х, и дойдоша на оно веселіе, ра^вѣ єдину госпо^дду не зва, зане бѣше сва^тліва, имене^м Диевошькордиѣ, гдѣ идяше все сваду стро^иаше, за то не хотяху єѣ звати, да му не буде^т свады ме^ду сватові и богари на веселіи и^х. И ѡна госпо^дда мысляше на ср^дци своемъ, кою бы могла сваду внѣти тамо за оноі незваніе, и йскова злату г^локу и написа на ней кни^нна пѣма, и онаі слова глаголаху: Коіа єть Ѡ ва тре^х госпо^ддѣ и пророчи^на полѣпша, той бу^д прѣрчици сїѣ златаі г^лока. И да^ло ю Ѡроку своему и рѣ ему: Иди и въве^рзи ю во ѡвоцаницы Фелеша кра^м. И взямаху убруси Ѡ стола и идяху добріи вітезиѣ, и^граху на ѡариже^х, а добріе госпо^дде грядяху во ѡвоцнѣи Пелеша кра^м. И грядяху напре^д три вили и прѣрчице и ѡбрѣтоша ту ѡну златую г^локу и прѣтоша на не^ѣ она словеса, иже г^ляху: Коіа є найлѣпше Ѡ ва тре^х сестрениць, той бу^д сїѣ златаі г^лока. И раскарташѣ оноѣ ра^м г^локи и позвашѣ в Трой прѣ[дѣ] Тебоха бога и пре^д Итипера (sic) прѣрка, и сташа пре^д нима и вопросиша и^х и рекоша: Коіа є Ѡ на найлѣпша, той дайте сїю г^локу. И рѣ имъ Тебо^х богъ и Ипитерь прѣркъ: Госпо^дде, не можемъ ва^м ѡ семъ су^мти, но пойдите тамо на ѡпнѣ пре^д Парижа пастыревика, тамѣ є ѡбрѣло и тамо да сѣ ра^ссудѣ. И возвратишѣ Ѡ Трой и дойдоша пре^д Парижа пастыревика и рекоша єму: Г^дне, ѡбрѣтохо^м сїю златую г^локу во ѡвоцнѣице Пелеша кра^м и прѣтохо^м на ней кни^нны^х словѣ, и ѡвако йсказуе^т: Коіа є Ѡ ва лѣпшага, той бу^д сїѣ златаі г^лока, да повѣ^д намъ: коіа є Ѡ на найлѣпшага, той прѣрчици да^д сїю златую г^локу. И рѣ имъ Паря пастыреви: Пойдите, госпо^дде, и^влечетѣ, зане быше на нѣхъ бисеріѣ и злато и драгоѣ каменіе и свинага рѣха. И ѡйдоша в ѡвоцнѣи Пелеша

кралѣ ѿ свѣтшѣ прѣдоша в ризахъ преа нѣ. И нача Млада Парижъ: Присуа мнѣ сию златую габлоку ѿ повѣждь мене наглѣпшую, ѿ ѿблѣтна ѣтъ богатство, да не буде члѣкъ побогатѣи ѿ тебе. И паки втора велаше господа, ѣи ѿ йма Палешъ, рѣ Парижу: Присуа мнѣ златую габлоку ѿ повѣждь мене наглѣпшую, ѿ ѿблѣтна ѣтъ витество, да не буде крабрийшиѣ витезе ѿ тебѣ. И паки третѣя рѣ, ѣи ѿ йма Венуша господа, Парижу патыревику: Присуа мнѣ сию златую габлоку ѿ повѣждь мене наглѣпшую, ѿблѣтна ѣтъ любовию, да ти даа добрую любб, да ти любовию йму добрие господи, ѿ да ти даа добрую господу Елену прѣцу грѣскую, Менелауша прѣ жену, кой ѣ наглѣпѣша во сѣхъ грѣце, како тоу сѣ ѿ первое чю, ѿ да ти даа ново йма, да ти буде йма Алѣсандръ Пари, ѿ да ти повѣ ѿца ѿ матерь: ѿца ти ѣ Прѣаму кра ѿ мати йкупа господа Трой грады, ѿ нѣси ты ѿнѣ стаца снѣ. И слыша то Тари пастыревѣ ѿ присуа Венуши господи златую габлоку ѿ возвесели вѣми всѣмъ срѣце свои. И како чю ѿ йсправи ѿ Венуши госпожи кралѣ снѣ, ѿ поде и зга прощениѣ ѿ стаца ѿца свое, кой тому оцъ би нареклъ, поиде в Трой гра ѿ приближѣ по Трой на реку, нарицаемую Кашатѣша, ѿ ту обрете Венеушь господу на не, ѿ пришеа рѣ к ней: Господо Венеушь, люби ма да ти люлю. ѿвѣща ему ѿйнешъ: ѿ Алѣсandre Тарижу, нне ма любѣ, но прѣиде время ѿ ѿтавиши ма. И рѣ ѣи Алѣсандръ: ѿ господе ѿйнеше, не хошу а тебе ѿстави, ѿко ли ѿталю, тгда сѣа-зи рѣка ваша Кашатѣша вьспать да потече. И потави с ней прѣвое любве и зѣ ѿ неа вене ѿ поиде в Трой. И йзыдоша противу ему тройстѣи витязѣ ѿ трѣскиѣ жены ѿ самъ Прѣамуша кра ѿ йкупа господа трѣска, приата ѣ ѿ ведѣта в полату, ѿ веселяху всѣмъ срѣце ѿ не. Прива же Приаму кра встѣ прѣрки ѿ рачевѣ ѿ ре: Кѣто ми хошеа помогати в трѣско дѣле, а дамъ ему три доли злата. И слышаа то два дѣвола земляна ѿ прѣдоста преа кралѣ ѿ рекѣта ему: Мы хошеа сотвори Трой, да нама дасѣ кѣ наѣ знаѣ. И начаа зидѣ Трой. И Тѣбушь бѣ гусльнѣ ѿ угудаше в гули, ѿ зидашѣ Трой йгдѣ ѿнѣ рѣчѣху, ѿ Нептенабушь ймене йдѣше

в море ѿ ношаше и^а моря ва^а ѿ каменїе прїгони ѿ воду, ѿ зидаху Тройю кудѣ ѿнѣ речаху. И кѣда сове^апшїста все дѣло тро^аское, ѿ прїйдѣта пре^а Прїамуша крала ѿ реко^ата ёму: Да^адѣ на^а на^а ѿвѣтъ ёже на сї рѣль. И слышѣ то^а кра^а показа ѿм^а три (ркп. пи) шюпи рукою ѿ ре^а и^а: Да ви сїе доли насыплю до краѣ, сїе бо ви ѿбѣща^а. И видѣста ѿна, ѿко и^а превари, ѿ ра^агнѣвѣтаста ѿ реко^ата ёму: Мы ёсва сотворїла Тройю гра^а, мы хошева ѿумысли^а како га ѿ рѣсыпати. И по^адѣта [къ] ѿнѣмъ (ркп. -мей) прѣрчица^а, коѣ ра^агнѣваше за ѿнѣ ѿлоку, ѿ начаша прорїцати ѿ злѣмъ дѣле Тройе града, како бы Тройя не стоѣа до време^ане, да сѣ бы разорї в Прїамушево време^а. И по сї^а идѣаше Каштрѣдра госпо^ада на реку Шимѣшеви, ѿ ту приближї к ней Ипїте^а прѣркъ ѿ рѣ ей: Каштрѣдро госпо^аде, прїди ко мнѣ, да ти повѣмъ всѣ та^аны тройскїя, что хоше^а быти, но се ѿ не похвали тро^аски^а госпо^ада^а, како сї бесѣдовала съ Ипїтеро^а прѣрко^а, ѿще ли сѣ похвалї, да хошу ты сотвори^а да ты не верѣю^а. И ѿна прїде [къ] тро^аски^а госпо^ада^а ѿ нача прѣрочествова^а ѿ глїти: Хоше^а пойти мой бра^а Алѣсѣдръ Ѧарї^а в греки на слу^абѣ к Менелаушу прїю ѿ хоше^а ѿну^а доветї Елену прїю гречкую госпо^аду, Менелауша прїа жену, коѣ ё найлѣпла во всѣхъ греце^а, ѿ хоше^а ёѣ ра^а погорѣти Тройю гра^а. И ѿна сїе говорїаше, ѿ ѿнї ей не вѣроваху. И прошашѣ Алѣсѣдръ Ѧарї^а ѿ ѿца своѣ Прїамуша крала на всѣа дѣ глаголе: Пѣти мене во греки на слу^абу к Менелаушу прїю, ѿ наки хошу ѿ ѿнѣду скоро прїйти. А Прїамѣ кра^а не хотѣше ё пѣти^а ѿ не мо^а ёго уде^ажати, но пѣти ё во греки на дворѣбу служити Менелаушу прїю. И направи Алѣксѣдръ Ѧаре^а кора^аль сво^а ѿ взяа многочестнай рухаль ѿ злата ѿ бисерїа ѿ ѿна многа ра^алїнай дарованїа, ѿ ѿнде самъ в кора^аль со ѿроки своїми, ѿ ѿрїну в море ѿ ѿїде во греки ѿ прїта по^а дво^а Менелаушѣ. И ѿвї^а то Менелаѣ прѣ ѿ ѿїде протїву ёму далече ѿ целова ё, ѿ рѣ ёму Алѣксѣдръ Ѧаре^а: ѿ гдне прїю, да ѿвѣсть прѣтво ты, а не прїдо^а служити тебѣ зла[та] ра^а ѿли сре^ара ни на ѿно^а добы^аце, но да видѣ коѣ ётъ чѣ на твоѣмъ дворѣ ѿли коѣ довѣна чѣ двора прѣтва ты. И слышѣ то Менелаѣ прѣ ѿ ѿвеселї срѣце^а ѿ пог^а ё ѿ введе

в полату црскую къ Елене црце, и съдѣше на едино трапезе и пѣяху чевленая вина тригльна и ѣдине чаше Менелау црѣ и Але^{са}дрѣ Фариж и Елена црци. И потомъ ѣгда приимаху убру^с и умывалицу ѡ стола, тогда написоваше Але^{са}дрѣ Фари^с чевленѣмъ вино на бѣло^с убрусе и тако говораше: Елено црце, любя мя да ты люблю. И Елена црца умѣлаше книгу, а Менелае не понаваше ни слова. И пѣти Менелае црѣ брату своему Агамену црю и рѣ ему: Увѣжь, брате мой, како ми е^сть бѣ пособи^с, и хотя^с мога дружина мнѣ служи^т, и бу^дь о сем весе^с. И слыша^с се Агаме^с црѣ и ѡзлоби^с ср^дце^с и рѣ: А^с ѡ семъ весе^с е^смь, ꙗко есва самоде^ржьца, а ѡ семъ нѣсмь весе^с, еже наю дружина служи^т намъ, да блю^дь сѧ то^с, да не прійде^т чю^деѣ до^бро и во^ме^с в[а]шу ч^етъ, и буде^т тому велика чѣтъ, а на^с велика срамота. И пѣти брату своему. Слыша^с се Менелае црѣ и ѡзлоби^с ср^дце^с и рече: Како нѣсть драго моя чѣ брату моему! И на всѧ дѣ писаше че^рвенѣмъ вино на бѣло^с убрусе, а Елена црца мо^чаше. И во едѣ дѣ призва Елена црца Але^{сан}дра в^с полату и рѣ ему тихими бесѣдами: Ѡ Але^{сан}дре Фарижю, ѡтави дрѣзо^стъ свою ѡ мене, аще бо увѣсть г^днѣ мой Менелае црѣ, то хоче^т ты умори^т зле. И рѣ ей Але^{са}дрѣ: Ѡ госпоже моя Елено, да вѣси: ѡ моеѣ слу^бе нѣсть и ѡ^рбѣ, но ми еси ты ѡ^рбѣ. Азъ нѣсмь прише^с да служу на злате или бисере, зане тройская полата едина выще има^с злата и сре^ра нежели гре^ская дръжа[ва], и ꙗко бы видела тро^скиѣ витязи, не бы рекла витези суть, но господа и властели. Да, госпо^де моя Елено, гото^с е^смь приѣти муки нежели до^го мучимъ буду по твоѣй лѣпотѣ. И рѣ ему Елена црца: Ѡ Але^{сан}дре, не ѡта^лме^с тебе въ кривине, но е^сть подо^оно рещи такому витезю, кой види^т ѡволикуй лѣпоту и любви^с. Въ днѣ то^с прійде гла Менелаушу црю ꙗко в^рьже сѧ русагъ ка^лкѣйскѣи, и рѣ Менелае црѣ по гре^се^с си^ну войску собрати и пойти на палагѣйское русаги. Увѣдѣ то Але^{са}дрѣ Фари^с и сотвори^с боле^с и леже во пр^ско^с полате, и та полата бѣше ѡпета рухо^с с^ви^ны^с и злато^с и бисеро^с. И ре^с ему Менелае пойти с^ни на войску, и рѣ ему Але^{са}дрѣ: Ѡ г^дне црю, немоще^с ес^мь до зела, аще

востану, ра^а е^омъ послѣдовати цѣтву ти. И по си^а ѡ^иде Менелаѣ цѣр^ь на войску. И ^ивѣки^и дѣ поведе Елена цѣр^ьца девице хоро и^грати и со грече^кими госпо^дами по граду. Видѣ^т то Але^са^адр^ь Фари^и и ре^т свои^и ѡ^трокомъ: Привезете ми бо^зую катрыгу и да видѣ^т знаме^тѣ моѣ сойда [sic] привезѣте. И прим^ькоша негови ѹнади бо^ззи кора^бль е^го^в и двигнуша злати хо^мь ѣ на копѣ, и видѣв^ъ Але^са^адр^ь взем Елену цѣр^ьцю по^а пазуху свою и ^илѣзе с нею в бо^зы^и кора^бль свой со ѡ^троки своими, и ѡ^тринѹ на море и доплу по^а Трою гра^д, и при^та на Шимо[и]шове брезе. И ѹвидѣ^тше тро^исци^и витези и тро^искиѣ госпо^де, и не хотѣху и^зыти противу ѣму ни ѣдѣ вите^с ни ѣдѣ ѡ^тро^к, зане знаху^т колика^и има^т кро^в проли^т по^а Трое^м за Елену цѣр^ьцю. Изыде противу ѣму ѡ^тецъ е^т Пригаму^ш кра^т и^мти е^гова Иякупа го^спо^да, и гѣтъ Пригаму^ш Але^са^адра за руку, а Иякупа госпожа Елену цѣр^ьцю и^ведоша и^в в полату свою.

И слыша Менелау^ш цѣр^ь ѡ^тко взя^т Але^са^адр^ь Фари^и Елену цѣр^ьцю и ѡ^тринѹ в море и ѡ^иде по^а Троию, и ѡ^злоби^т ср^дце^м ве^сми и во^врати^т въ каакі^ис[киа] др^ьжавы. И ѹвѣдѣ снѣ бра^т его Агамено^с цѣр^ь и собра^т сѣ скоро приде к Менелау^шу цѣр^ью, и жалова^та ве^сми гл^яюще: Колика срамота двигнѹ нама! И со^вра^шу сѣ^ну войску пойти по^а Троию. И приде на пре^д Иякъшъ Соломонике^с снѣ съ .л. ката^тти на помощь Менелау^шу цѣр^ью бе^с запове^с, и пото^м приде Паламиде^с, Придике^с снѣ, съ .л. кара^блі бе^с запове^с. И по си^а бѣше ѣдѣ чл^ккъ мудр^ь Уре^шешъ имене^с, Латигше^с снѣ, и ѹвѣдѣ той створи^т бѣсен и нача песо^в ѡ^трати а со^в сѣ^нати, да снѣ толико не прича^тит^ь тро^иско^в крови. И бѣше другій чл^ккъ мудр^ь имене^с Па[ла]меде^сно, Придике^с снѣ, иже приступи рѣ цѣр^ьма: Во и^тину Уре^шиш^ь му^рь чл^ккъ ѡ^имета^тца таковою хитро^тью да сѣ не прича^тит^ь тро^иско^в крови, да пу^ти да ве^ргутъ снѣ ѣ пре^д ѡ^трало^м, да аще буде^т бѣсен, то пре^брати сѣ ке снѣ, аще ли нѣсть бѣсе^н, то съставити ке волове не ѡ^тра^т. И пу^ти^та ѡ^ба цѣр^ьа Агѣкша Соломоника, и ѹхити му снѣ и пове^рже га пре^д рало^м, и Уре^шиш^ь ѹстави волове не ѡ^трати. И поведе га Иякъши^и (рки. и^ли а^кши^и) пре^д ѡ^ба цѣр^ьа, и ре^т Уре^шиш^ь к цѣр^ье:

Волѣлъ бы^х тѣпати съ бѣны^м п'со^м по свѣту за три лѣта нежели видети тро^{скіе} крови колика хоче^т быти за Елену црѣцю. Бѣше же и^и Ацилеешъ хра^{ры} паче всѣх^х гре^к, Оерелеше^с бнѣ, и^и одѣга^а [въ] же^{ское} рухо и^и поиде съ го[спо]гами по граде^х еда се и^и тако ўтаи^т да^о не прича^{ти} тро^{ской} крови, зане знаша колика се ке кро^в пролиа^{ти} за Елену црѣцю. По се^м изочто^{та} ѡба црѣи во^{ску} кора^{леи} тисуща и^и ро. и^и ѡ^{рину}ше^с в море и^и поидоша по^х Трою, и^и при^{таша} въ еди^н ѡто^с красе^н зело, и^имене^н Абакумъ, и^и то^м ѡтоце бѣша едина лѣпа кошута вили и^и пррчица, и^имене^н Велѣша господжа, ког^д ѡ^{ладаше} мо^{скими} во^{нами} и^и вѣтро^м, и^и ўбиша ѡну кошуту витезе [А]галамена црѣи, поне^м не знаху. И^и увидѣ то и^и Пелеша госпожа и^и ра^{гнѣва} ве^{ми} и^и пути великиѣ во^{ны} на море да погуби^т вса кора^{ли} гре^{скіе} до ко^{ца}, и^и при^{таша} в томъ ѡтоце. И^и ѡзлоби^с Менелае црѣ во^{нами} и^и при^{ва} попа Ка^{ка} каша и^и вопроси ѣ гла^с: Почто бѣи се и^и хоче^н поги^{нути} во ѡтоце семъ? И^и рѣ ѣму по^х Ка^{ка}(та)ша: Ўбили ѣтъ витезе ѡбре^{ше} кошуту вили пррчицу Оелеше госпо^{да}, прогнѣвала^с е на ни^х и^и пу^{тила} ѣ во^{ны} на море да погуби^т все грѣскіе кора^{ли}, а тѣ ви^{зиѣ} суть Агамена црѣи и^иже погубиша кошуту Оелеша госпо^{да}. И^и тако вели^т: Доколе ми не буде^т д'щи Агамена црѣи Цвѣтаны госпоже прелѣпнѣ, не хошу и^и пу^{ти}. И^и слыша то Менелае црѣ и^и сказа брату своѣму Агамену црѣю. И^и ўвѣдѣвъ Агамен^с ѡзлоби^с ве^{ми}, и^и не смѣише ни еди^н приступи^{ти} вите^с к нему, зане бѣ гнѣвенъ. И^и приступи к нему еди^н члѣкъ наймудрѣи во всѣх^х гречехъ, и^именемъ Ўрекшъ и^и рече: Ѡ црѣю г^{дне}, ѡстави гнѣвъ свой и^и пусти за свою дще^р Цвѣтану госпожу, и^и подай ю за ѡнуи кошуту, понеже си пошелъ со братомъ своимъ да найдеши честь а срамоту да ѡставишь, и^и кой се содвигнуле гре^{скіе} воеводы и^и саракѣисцыи ўрове¹) ста по^х дво^р Агамена црѣи.

¹) Въ рукописи пропускъ, для котораго оставлено бѣлое мѣсто. Сл. текстъ Миклошича (стр. 170): «и саракинстѣи оуове и каакѣистѣи и палагѣистѣи и рагоуѣлѣстѣи витези, да сие себѣ сжѣтъ ваншле съмрътъ, а тебѣ срамотѣ, и ваншло сѣ е много госпождѣ въ вдовичѣство, аще толико не пустишь за своѣ дщерь. И слышавъ то Агаменъ царь и ѡстави гнѣвъ и срѣдѣж своѣ и пусти

и дойде Клетомещрици цѣди и ре^т ей: Направи свою дще^р да ю пове^тти по^а Трою. И ре^т цѣди: Како се може^т быти еже пове^тть дще^р мою тамо? И ре^т ей: Ѡ госпоже моя цѣде, да увѣси како умвриши и соѣдинишися троѣни со грѣки. . . .¹⁾ виномъ и успиша ю и ѡставиша ю спашу, и ѡтринуша^с гре^тсци^и кора^бли по^а Трою на рать. И напре^а идѣше Иана^тша снѣ Соломаниче^с и Уре^тшаша Ла^ттешева снѣ, и изы^ао противу и^т премоги вите^с Е^тто^р кра^т и с ни^т тро^тсци^и витези А^тцидешь и Е^тено^р и Е^тно^т, и стреляше Е^тто^р кра^т стрелою габилотою и въ единомъ пущеніи потопляше три кора^бля грече^тки^а, и щипаше Иа^так^тшь Шоломаниче^с снѣ свои^т щито^т зорѣни^т и защи^та зи кора^бле^т гре^тски^т ѡ живаго ѡгна Иекторова. И пото^т изыдоша гре^тсци^и витези на рать, и изы^ао противу и^т Иѣлину^т Приамушо^с снѣ, бра^т Але^тса^тдро^с, и нача^т бити^т под Трою, и у^тва Е^тлену^т Тиу^тцера Дивева снѣ, и лежаше Тиу^тр^тце^р по^а свои^т парижѣ^т, кой сѣ зоваше рогаѡари^т, и лежаше в тро^тско^т прасе поблѣдѣвъ ѡ смртнѣ страха. И бли^с е^т бѣ Уре^тши^т и не смѣ е^го ѡтеги, ну гѣз[н]е^т А^так^тшь Шоломаниче^с снѣ. И пото^т изыдоша гре^тсци^и витези и воѡводы по^а Трою и по^ттавиша че^рвеніи за^ттави и бѣліе те^тти и сташа по^а Трою, и по^тде Менелаѣ цѣ и Уре^тшь на вѣре Приамуша кра^тля врати^т ѡп^та Е^тлену цѣю бе^т рвани, да не за не^т ра^т про^те^тца велика кро^т и мнози витези поги^бну^т, и хотѣше кра^т врати^т ю, и увѣдѣ то Але^тса^тдрѣ^т Ѳари^т и дойде хотѣ погуби^т Ме^тне^тлауша цѣ и Уре^тшиша, аще не бы^т Преаму^т за^ттупи^т. И увѣдѣ то А^тѡйнуша

за своѣ дщере Цвѣтаны господж. и ѡт(ъ)пустиста оба царѣ Оуре[к]шиша, Лартѣшева с(ы)на, и направи Оуреекшишь свои брѣзны корабы, кои пробывше сильныхъ морскихъ влѣны и доплувъ приста подѣ дворѣ.

¹⁾ Въ рукописи бѣлое мѣсто; пропускъ восполняется текстомъ Миклошича, стр. 170: «и повратишъ Еленѣ царицѣ безъ рвани, и хочемъ дати Цвѣтанѣ господжъ нашѣ за Еленуша, Прѣямоушева с(ы)на, въ Троѣ. И слышавъ то царица и обвесели сѣ срѣд(ъ)цемъ велики, и направи своѣ дщере, и даст(ъ) ѡ Оурекшию повести под(ъ) Троѣ. и вѣже д(ъ)нь поведе ѡ, въ тѣи д(ъ)нь прѣсташъ влѣннѣи мору, и въ тѣи ноцѣ прииде Пелеша господжа къ Агамею царю и рече емоу: остави ми безъ боазни своѣ дщере въ сем(ъ) оцѣхъ, азъ бо милостива еи хоцѣ быти и хранити доволнѣ. И егда быст(ъ) за утра, опоишъ ѡ вино.

госпожа и доде на Фарижа Але^са^ндра и нача^с карати с ни^и и ре^с: У^о Але^сан^дре, помини той егда а^з теча^х своимъ босыма ногама по морскому у^от^рому пе^ку бе^з покрывала и^и тво^е плавогривастога про[у]сца и рѣхъ ти: Але^са^ндре Фарижю, съд^а мѣ любиши, а потомъ прѣде^т время како мѣ хоче^ш у^остави^т. И ты сѣ мѣ кленеше: Не кю тебе у^остави^т, ако ли ты у^оставлю, то^д да сѣ река да потече^т во^пнѣ. Паки взя^т е^с Елену црѣю, а мене еси у^остави^т, да сѣ хоче^тца еѣ ради велика кро^в проли^т по^д Трое^и и мнози погн^у. А къда ты идѣше в Греки на дврбу Менелау црѣю, тѣда а^з мога^х морско^и виле, да у^остави^т морскіе во^ны, да ты иде^ш веселы^и срѣце^и, а къда бы^х знала ере си пог^н Елену црѣю и иде^ш, то^д паки да умолила бы^х вилу, тере би твоѣ корабѣ потонули. И у^остави Винешъ госпожа Але^са^ндра и поиде на Елену црѣю карати^с с нею и ре^с еѣ: Помини къда то ны три сидѣхо^и в морско^и у^отоце, и доиде Тезе^и вите^и и ^изи тебе и^и ме^ду на^с, и пото^д те у^зе Менелау^и црѣ, а съда сѣ въ третію по^телю прелюбы сотворила, а мене и^гнала, да сѣ хоче^тца за ты велика кро^в пролити. И слыша^т то Менелае^и црѣ и Уре^шь, и изыдо^та и^о Трои^и и доидо^та въ гре^ски^и ста^и и каза^та всѣмъ, кои^и бѣ смр^ть о^бща о^т Але^са^ндра о^тлучена. Призва^та о^ба црѣи пона Калкаша и нача^та е^с вопроша^т: Повѣ^дь нама, кои^и се зданиа тебе Трой на рваніа, како ли можемъ Трой приа^ти? И ре^с имъ по^д Ка^каш: Перво^е тебе дове^ти Ацилѣша Фе^лешева сѣна, и друго^е тебе приве^ти Пилоташа Петичева сѣна [сѣ] стрелою габилотою, и доколе стои^т Дѣло[нѣ] на стража на высоко^и кацеле и о^бра^и Мина^иве госпо^и, и доколе стои^т каме^и вели^и на^и враты, тако су^т прѣци прорекли, не може^тца Трой приа^ти. И слыша^т то Уре^ше^и и заложи свою главу на срѣщу и сотвори ремение^и сто^бу, заве^рже ю и в^лѣзе ношцію в Трой, [и уби] Дѣлона стража на высоко^и кастеле, и взя^т о^бра^и Мина^иве госпо^и и доиде на тро^ска врата и на ни^х бѣ Рейде^и кра^и, и уби е^и [и изведе бѣлаго фарижа Рейдеша краля]¹⁾ и доиде в гре^скѣи^и ста^и с вели-

¹⁾ Фраза, опущенная въ текстѣ и приписанная тою-же рукою на поляхъ.

кою чѣтїю. И во^ввеселише^с ѡба цѣря и вса воєводы и ўрове гре^ссцїи, и пу^ттиша Йаѡа^кша да ище^т Ацилѣша. И ѡска е^с во многи мѣсте^х и ѡтоце^х и граде^х, и не може е^с найти. Доиде на єди ѡ^то^то лѣпъ и красе^н ве^нми, кой сѣ зоваше Ка^кади^но^то^т, и ^то^то^т ѡтоце бѣше пу^ггъ красенъ и в то^то пѣ^рзе бѣше кра^т имене^н Коєта кра^т, и ў того бѣ краля .ї. д^щере^н и .ѕ. Ациле^н. Возвратї по^т Трою и ѡсповеда и^н, іако ѡска^т е^с по всѣ^х градо^х и не мого^х ѡбре^ти е^с. И ѡ^лоби^та са ѡба цѣря и ^сѣ^т ве^нможе гре^ссци и пу^ттиста и паки Уре^шеша иска^т Ациле^шеша. И направи Уре^шишъ свой кора^бль мно^гче^нны^х бисеро^н и злато^н и рухи златыми и кра^нныє юнаки и повѣдѣ бѣлога ѡарѣжа Рейдеша краля, и преложи на немъ свѣтлоє ѡружіє и [сѣ]щито^н, на кое^н бѣ писано ѡ^бра^т про^т[р]анно^т свѣта, с^лнце и м^цць и звѣзды и буря и лакомия мчъ Уреша краля, кой всегда желаше тройскїє крови. И ѡ^рину^т на море и поиде ѡскати Ацелеша, и приста на то^тже ѡтокъ в немъ^н бѣ Коєта кра^т. И увидѣ Коєта кра^т и ѡзыде противу єму, зане єму бѣ ближнїи, и введе єго в полату, и ѡбедоваху на єдино^н трапезе. И по ѡбѣде ре^ч Уре^шиш^н кралю: Ѡ г^дне, да знаю крале^с(о)тво ти, пу^ттиша мена ѡба цѣря и даша дарови твои^н т^тщере^н, а мой^н сестра^н, да повели и^н да ѡзыду^т на мо^сскїи ѡто^т, да си взимаю^т що є коєи драгоє. И повѣлѣ кра^т ѡзыти всѣмъ госпо^ддамъ в^н двора на море, и начаша взимати что кой люби^т, а Ациле^н стоїаше погладу^т на ѡарѣжа, іако соко^т на птицу, и мину мимо не^га и ре^ч: Сѣи ѡари^н подо^бра^т витеза и снє ѡружіє на не^вѣ ширицїи плещи и сѣи^н щитъ на негову крѣпкою мы^шцу. И слыша^т то Уре^шиш^н и положи єму свой руди на рамѣ е^с и ре^ч ко Ациле^шу: Ѡ бжїе дѣвице, не ѡстраша^сса ѡ Троїа, ѡждає^т тебе Троїа на разоренїє. И ту пре^вари Уре^шеш^н Ациле^шеша и поведе е^с по^т Трою. И дойдоста на приде^сскїє ѡтоки, и ^то^то^т ѡтоце бѣше витези Иектора краля, сули^нни^н Фелеспо^н с нимі, и хотѣху да погубѣ^т Ациле^шеша и Уре^шиша. И поиде противу Ациле^н на бѣло^н ѡарѣжу и ўби Фелеспона сули^нника и єгову дружину, Жеребона витеза и Ска^дриѡна и неч^тиваго Ермона, и взя Ациле^н Фелеспона сули^нника [дщере^н] Бриже^нду госпо^дю, кой баше най-

лѣшла во тройскиѣ странаѣ, и поведе ю по Трою. И дойдоста во грекскій ста с великою чѣтію, и ѡбвеселиста ся ѡба црѣа и вси веѣможиѣ и вси ўрове грекскіи и рагуиѣскіи и витезе. И твораше бра Иектор кра и поражаше множество грекскіи витезеи на всѣ днѣ и многіе веѣможе погубѣаше, и боѣше гласа Ацелеешева. И ѣгда бы в нѣквѣ де, и направѣ Ацилее и поиде по свою аѣматосію и свои знаменіе противу Ёктору кралю, и сташе полюбиаста и ѣстаста за руки, и той де не хотаста сѣ бити. Бѣху пленили грекскіи витези тройскіе страны и привели бѣше Рижеуше попа тѣще Рижеуду госпою (рпк. гѣле), коѣ бѣша найлѣша в тройскиѣ странаѣ. Видѣвъ ю Агамено црѣ лѣпу и крачу, взя ю себѣ, а Рижеушь бѣ по сѣтъ Тебуга бѣга, и увѣдѣ то Тебу бог и разгнѣваста веѣми и пусти свои вошество великїи недугъ въ грекскую войску, и мнози помираху. И вопроси Ацилее Какаша попа: По что рагнѣва на на бо и хоче погнѣити? И ре Калка по: Зане ѣ Агаме црѣ Рижеуша попа тѣще взя, а Рижеу по сѣтъ етъ Тебуха бога, и ре лѣ е Тебу бог: Додеже не повратѣ Рижеуде господе ѡцу ѣга, не хоче сѣ недугъ прѣтати ѡ грекскіи войскіи. Слыше же сѣа Ацилее Рижеуде господе (Місл. емъ за ржкж.... Рижеоудж госпождж) и во врати ю ко ѡцу ѣга. И рагневаже Агаме црѣ взя жену Ацилеешу, и рагнѣва Ацилее и не хоташе ѣзыти на ратъ на Ёктора. И пуѣтиста ѡба црѣа Урешеша и Тивучера ѣти ко Ацилѣешю, и рекоѣта Ацилеешо: Гдне, ѡстави свой гнѣ и воѣми ѡружіе и по противу Ёктору кралю да бы ѡстави грекскіи войски. Ацилее ничто ѡвещеваше. И пуѣтиста ѡба црѣа Ацилеешо Брѣжеду госпожу да раговори е, и нача бесѣдовати к нему: Пуѣтила мѣ ѣта ѡба црѣа да мѣ приме ѡпѣать, и ѡстави гнѣвъ свой, ѣзиди по Трою на бра, да но ѡдолѣ Ёктору кралю. И Ацилее ничто ѡвещѣа. И направѣ Аѣакъшь и поиде на Ёктора, и зѣа Аѣакъшь камень, кое не могу два витеза двигнути, и наѣди и ўдари Ёктора крала, и полеѣну Ёктор и ѣгова ѣарѣа на землю и ѡраць ся ре: Нѣсть сѣй ўда ѡ грекскіи ўда, но етъ ѡ прѣжнѣскіи крови. И вопроси е: Кто е ты? И

ре^е ему: А^а е^емь Иаиа^ашъ. И Е^ето^о ре^е: Право (ре^е) нѣси ты ѿ грече^еки^и вига^а, ну си ти ѿ прижйскіе^е крови, а Еже^еона и гос-
пожа миѣ е^етъ сестра. И да^а е^ему, Е^етору, свое^е златаго меча и
ре^е мо[у]: Упоиши^и си^и златы^и мече^е по ѡружію свое^ему да егда
идеши на р^рваню да а^а ѿ тебе не поги^ину а^а ты ѿ мене. И по^оде
Е^ето^о в Трою и прише^е ре^е брату свое^ему Але^еса^адру Фарижу: Не
тебе ра^а ли при^ио бра^а си^иа на Трою и а^а тебе ра^а кро^о свою про-
лива^а, а ты не хоцещи никогда изыти со мною на рваню. И ре^е
пойти, и кда бы^и заутра и направи^и Але^еса^адръ и поиде на бра^а,
и увиди Менелае^е ц^црь іако Але^еса^адръ Пари^и иде^е на бра^а, и начини
си^и Менелау^ушъ ц^црь и поиде противу е^ему, и наг^гди^ита си, и ур^рва
Менелае^е Але^еса^адра Фарижа, и лежаше в тройскомъ прасе. И
вращъ си^и Менелае^е ц^црь и хотяху е^е погуби^и до ко^оца, и прис-
пѣше Ветуша госпо^ода и сотвори велику м^мглу, и не може е^е
ѿре^ети, но^о убежъ в Трою. И видѣ е^его Елена ц^црца и ре^е е^ему:
Але^еса^адре Фарижу, вѣдѣ говори^и ти, про^ову не іско^о Мене-
лау^ушу ц^црю, зане бо е^е похра^арь ѿ тебе, а ты еси по^оте^е госпо-
ди^и и подо^орь игре^е игра^а и веселити^и з госпо^одами, видѣ^е бо іако
твой же^ети власи лежаху в тройско^о прасе, аще не бы бра^а тво^о
Екте^е кра^а во^обрани^и гре^ескими витезе^е да придеши в Трою. И
абие Екто^о кра^а бигаше гре^ескіе во^о, Ацилее^е же седгаше и гле-
даше. И прииде ѿро^о Ацилее^еше^е имене^е Потрико^ошъ до^очи^и, кой
с ни^и едино млеко с^сса^а, и ре^е е^ему: Г^гдне Ацилее^ешу, приими свое^е
ѡружіе и свой фари^и и пои^и по^о свои^и знамение^е противу Ектору
кряю, аще ли не хоцещи, да пу^ути мене и направи мене в^в тво^о
ѡружіе по^о твои^и знамение^е, да^авно си бы во^оврати^и Екто^о кра^а
ѿ на^а. И пу^ути е^е Ацилее^е. И видѣ Екто^о кра^а знамение^е Ацилее-
шево и убога^а и е^его фари^и и нача бежа^а, и паки во^оврати^и и ре^е:
Нѣ^е ми срамота ѿ добра витезга ум^мрти. И нача^ата^а бити, и уби
Е^ето^о Потроколуша и привяза е^е фарижу е^е ко ѡпаши и повлече
е^е в Трою, и радоваша^а мна іако Ацилее^еша уби. Видѣ то Аци-
лее^е жалоте^е бѣ ве^еми и пу^ути м^мтри своей Тетиши госпо^одѣ в^в
Елли^ини и ре^е ей: До пу^ути ми ѡнокой ѡружіе^е каково то ми бѣше
и пре^еде дадала, аще ли ми не даси, да поне^ети кю мою главу

голу по^а тро^аски зидѣ ѿ к тому мене не видиши. И слыша^аше то Тетиша госпо^а да ѿ поиде в гору [къ] Ка^аканушу ковачю, по^а ко^а бѣ триста малы^а дыво^а, ѿ да^а ему м^ано^а злата ѿ ре^а ему поскоро скова^а всяка ѿру^анаѿ. И скова ѿруж^аиѿ до^ара, ѿ пу^ати Тетиша госпожа Ацилеешу сѣну своему по^а Трою. И ^ако^а де^а принесено бы^а ѿруж^аиѣ се, в^а ту^а но^а видѣ со^а жена Е^атора Евтроп^аиѿ госпож^а ѿ разбу^аста ѿ сѣна свое^а ѿ нача плака^а жалостно ѿ ^ата^аши иде пре^а ло^аницу све^ара свое^а Пре^аимуша краля. И слыша^а то При^аму^а кра^а ѿ ре^а: Кто е^а пре^а мое^а ло^аницею в полунощѣ ѿ толико плаче^а? И ре^а госпож^а: Госпо^ане, ево е^амъ а^а сама ѿ нѣсмь перво прих^ала ни говорила, ѿ съда ти говорю ѿ молю ты: не ѿпуща^а сѣна свое^а во ѿтре^ане^а де^а на р^аванію на Ацилееша, ере га не ке^а ѿпы^а дочека^а. И слыша^а то При^аму^а нача ѿ вопроша^а в^аста^а, ѿ сказа ему со^а еже видѣ: изыде ѿ Тро^а велика ме^акаѿ, ѿз гре^аскиѣ войске (рпк. вой све) ве^арь ѿ нача^ата^а борити, ѿ посече ве^арь ме^аку ѿ лежаше на тро^аиско^а прасе ѿ вовлече е^а въ гре^аски^а ѿко^а, ѿ к тому не видѣхъ камо ^адѣну. Да аще пу^ати^а Е^актора, то не ке^а га видѣти. И слыша^а то Прѣ^аму^а кра^а ѿ нача тѣши^а тихими бесѣдами: ѿ госпоже, не злосе^ад^ае, ми хоке^а створи^а что е^атъ добро. И прово^а въ ло^аницу е^аѿ. И съда бы^а заутра ѿ направ^а Е^ато^а кра^а на бра^а, ѿ изыдоша противу ему тро^аискиѣ госнож^аи, м^ати е^аго Іякупа госпожа ѿ жена е^а А^адрое^ава госпожа ѿ сестры е^а Кашра^адра ѿ Поли^аше^азна, ѿ возбраняху ему да не бы ѿходи^а на бра^а, ѿ ѿ сѣ не хотыше ѿстави^а. И в[р]ѣже жена е^ава сѣна е^аго ѿ мет^ану пре^а ѿар^ажа е^ава, да сѣ бы во[в]рати^а, а о^а сѣ не хотыше во^аврати^а, ѿ ре^а ему жена е^а А^адрое^ава госпожа: ѿ Е^аторе, почека^а мене мало. И ше^аши в ло^аницу свою совлече съ себе сви^аноѣ рухи ѿ ѿлече черныѣ ризы ѿ иде пре^а не^а ѿ ста пре^а ѿар^аже^а е^аго ѿ ре^а: ѿ Е^акторе кралю, да вѣси аще сѣ не врати^а съда, то ѿ ѿвако^аво рухо носи^а по тебѣ. И тако Е^ато^а не врати^а, но поиде противу Ацилеешу. И составиша^а, не биста^а в то^а де^а, но постави^ата ро^а бити^а заутра. И ^ато^а де^а уби Е^ато^а .з. ѿро^а гре^аски^а. И заутра изы^а Е^ато^а кра^а ѿ начаста^а би^а съ Ацилееше^а, ѿ наѣха Ациле^а Е^актора ѿ урва е^а ѿ пробо^а, ѿ м^артвѣ

па^а на зе^алю, и ^азг^а е^а ^ацилее^а и понесе на свой ста^а. И видѣше
тройскіе ве^аможи и госпо^ае и нача^аша жалостно плака^а, и ^азг^а
Прѣаму^а кра^а на себе нищѣй худыѣ ризы и гу^али и по^аде въ
гре^аскую во^аску и нача^а пыта^а ^ацилиѣшева катуна: кога еде^а
бг^а поче^а, да мы напои и напои грѣшна^а и стра^ана^а. И доиде
^ацилеѣше^а кату^а и нача^а гу^ати в гусли жало^атно ве^ами, и даише
ему ѿ вечера свое^а г^асти и пи^а. Кога бы^а по вечери, легоша
спати пы^ани и уснуша и стра^ае, и во^ата Приаму^а и нача^а йска^а
сн^а свое^а Ектора кра^али и ѡбрете е^а на по^атели м^атва съ ^аци-
леѣше^а лежаща, и видѣ е^а Приаму^а м^атва и во^адо^ану ѿ ср^аца
ве^ами. И видѣвъ то ^ацилѣбеш^а и у^астраши и ре^а ему: Кто е^а ты?
И ре^а ѿ^а: А^а е^амь Прѣаму^а кра^а и йшу сн^а свое^а Ектора кра^али.
И ре^а ему ^ацилееш^а: ^аци ты еси Приаму^а, то а^а ѿ страха
твое^а мертв^а е^амь. И ре^а Прѣаму^а: Не бой с^а, гд^ане, ѿ млада то^а
нѣсть сотвори^а да сп^аща витез^а погублю, но прошу сн^а свое^а
Е^атора. И ре^а ему ^ацилѣеш^а: Да а^а то сотворю да а^а понесу
Е^атора на свою плещу в Трою по вѣрѣ (р^акп.— ь) [и] кля^аве
Прѣамушевѣ, да здраво вниду и паки йзыду. И заутра везе
^ацилее^а Е^атора кра^али и поне^а е^а в Трою, и прѣдаша е^а тро^аски^а
госпожа^а, и нача^аша е^а плака^а. И ре^а ему Прѣаму^а: ^ацилеѣшу,
пойдеве въ ц^арк^а кля^ати^а дру^а другу зло не мысля^а, да бы сѣм^а
ѡтави^а в Трою и да ти вдамъ мою т^ащ^а По^акш^ану госпожу,
кога то ѣ найлѣпшиѣ во ^асе^а госпожа^а тройски^а. И пойдота въ
ц^арк^а и кля^а Прѣаму^а првѣиѣ и ѡступи про^а, и поклену ^ацилее^а
кля^ати^а іако не рва^а Трою, и ту и себе скры^а Елену^а Прѣамушо^а
сн^а и удари ^ацелеуша ідовитою стрелою в пату, зане бѣ ве^а
ѡруже^а, толико хо^ала е^а бе^а желѣза. Тогда ^ацилее^а па^а на зем^алю
п^адше. И видѣ то Приаму^а кра^а ѡзлоби^а ве^ами, и совлече с не^а
Приаму^а ѡру^ае все и ѡпусти ѡбѣма ц^арма и сказа йма ка[ко]
ему вѣру йзлomiша, да аще велита, да тѣло е^аго принесу к ва^а.
И плакаша ве^ами видѣше ѡру^ае ^ацилѣешево и поручиста
Прѣамушу кра^алю съжечи тѣло е^а и ^асыпа^а в ко^ача^а, да сотвори^а
гро^а е^аго на дале^ано^а зем^али. Слыша то Приаму^а кра^а и со^аже пло^а
е^а и всыпа во зла^а ко^ачагъ и ѡпусти ѡбѣма ц^арма. И вѣдѣша

ц'ря ѝ ўрове гре'цїи ѝ дивїша° глїше: (Ў) сїло ѝ слава 'Ацїлешева, како тѣ не с'в'яземаху (рпк.:—гу) всї градове ѝ ѡтопы, а седа е'ди' ко'рчагъ зла' нѣсть тѣ пле'!

Ї нача Ўре'ши' просїти ѡружїа е' ѝ не даваше га Їай'ак'шъ, но ре': (Ў) гре'сїи' црїе ѝ ве'можи ѝ ўрове саракїйсїи' ѝ палагї'сїи' ѝ рагуи'сїи' витези, не дава'те Оуре'шешу ѡружїа 'Ацїлеешева, не ўмѣе' бо с нї' ва' работа', но давайте 'Аїакшу кой то га ўмѣ носити, ѝ поманете: кѣда прїидо' съ .л. кора'ли на помощь ва' бе' запо[вѣ]', а Ўре'ши' ста бѣ с'твори' бѣсенъ, тере песо' ѡраше а со' с'б'яше да ста не прича'ти' тройско' крови. Ї паки ѡ'веща Ўре'ши' и ре': Оурове гре'сїи', не давайте 'Ааакшу ѡружїе то, но поманете: ко'да хотѣхо' во ѡтоце ѡно' ѡ' злыа бурѣ погину' за ѡную кошту, ѝ не смѣ поїти 'Аїай'ак'шъ ѡп'а' въ Греки за Цветану госпож'у, но поїдои' а' ѝ прїведо' кѡ, ѝ стаа во'нениа мо'рскаа, ѝ вы поїдете с весе'ем по' Тройю. Да прису'те Ўре'шишу ѡружїе то. Ї ре' 'Аїай'ак'шъ: (Ў) гречесїи' ўрове, не присужа'те Ўрек'шишу ѡружїа то', прїсу'те е' 'Аїай'ак'шу, кой хоче' ва' почтено с нї' работа', ѝ поманете то: е'да доїдохо' по' Тройю на бра' ѝ урва Елену' Прїамушо' с'нъ Тїоуцера Дїцевушева с'на, ѝ бли' не' бѣ Ўре'ши' ѝ не смѣаше е' ѡтети, ѝ ѡте' е'го а' 'Аїай'ак'шъ. Дадите мнѣ то ѡружїе. Ї ре' Ўре'ше': (Ў) гре'сїи' ўрове, поманите: ко'гда а' заложї' свою главу на срѣщю ѝ поїдо' в Тройю нощїю, ѝ с'твори' всл ва' е' на по'зу, ѝ и'ведо' бѣлого ѡарїжа Рейдеша краля, а то' погубїа, доїдо' к ва' с великою ч'тїю. Дайте мнѣ то ѡружїе ѝ не давайте 'Аїай'ак'шу, кой не ўмѣеть лї е'дино' ва' ч'тї с'твори'. Ї ре' 'Аїа'шъ: (Ў) гре'сїи' ўрове, поманите то, е'гда поїдо' противу Ек'тору кралю ѝ взїа' великїи' каме', ког(д)а не мо'даху двїгну' два витеза ѡ' зе'ля, ѝ ўдари' Е'тора краля, ѝ покле'ну Е'то' ѝ негов парї' на зе'лю. Да прису'те мнѣ то ѡружїе, а не дава'те га Ўре'шу на плешивую главу. Ї нача говори' Ўре'ша тихими бесѣдами: (Ў) госпо'на црїа ѝ всї [е]гови ве'можїе ѝ ўрови, да вѣсте, а' нїчего' прошу, но мене пу'тите, да 'Ацїлѣша доведу: ѝ прїведо' е'го к ва', да седа е' прошу ва', да'те е' мнѣ сѣмо, да

ωведу и поставлю, гдѣ тога сѣмь нузе. Тогда прѣ и се воѣводы и уrove гресцій, кой сѣдяху в купе, и начаша поглядати дру на друга и не имѣху что ωвещати Урешишу, и даша ему ωружіе Ацилѣшево да и не бы проси Ацилѣша. И видѣ Аиашь и иза свой малый ме и прободѣ на то мѣстѣ за жалоуток своих. И ωзлоби ω то вся войска греская и ωба прѣта. И видѣ то Урешеш, како ωзлобиѣта ωба прѣта и си болгаре е, и ре Урешиш ωбѣма прѣма: Не ωлобита са, госпоана мои, нѣ да вѣста и вѣстно, а вамъ хошу сотворити како хоше Трою приати легию. И видѣше то Гякупа госпожа троска, яко хоше Трой скоча, и направи сѣна свое меше, кога зовеша Пилидваруш, и пути е на оплъ моря Полинещеру краю, кой кралеваше по сеѣ Пагажи, и много с ни злата и серебра, ѣгда би семя (рпк.—и) ухрани ω Троѣ. И умысли Урешиш и прѣма повеле пути въ греки и донести мѣ и цкльо и воскъ, и сотвори зело крана ѳарижа сѣра, и ибра т. вите храбры и ωружа поса и в немъ. И вогаши войска зашеши скры и корабли потайше в шимо[и]шевы брезе. И изыдоша и Троѣ на ωколища греская и видѣша ѳарижа лѣпа и крана веми, и повѣдаше троски госпожа и рекоша: Аще бы са ѳариш бы в Трой, много бы му лѣпотѣ прибыло. И рекоша тройские госпожи: Приведете е на да га види. И творяша противу е сѣни и повезоша е въ Трой и дойдоша до вра граду, и не може внити ѣдино ухо во врата. И бѣше вели камѣ на враты града и хотяху ωбити ухо ѳарижу, и дадоше тройские госпоже нѣ и рекоша сѣльци камѣ иже бѣше на враты, и паки хоше, ре, зазида подобѣ, а ѳарижа не мозити ωбружити. И растокоша врата и везоша ѳарижа во град. Да ѣгда бы внутри, тогда воини рабиша цкльо чними главами и направо и скочише исекоша множество люде и приеше град, и присѣша морсций корабли и га по суху войски исповнише град и начаша сѣщи троский витези, а другіе и меташе в море. И введоша Алесадра и Елену прѣцю и высоко пига прѣ Менелауша прѣта, и ре ему Елена прѣца: ω госпоане прѣю, ты бы веке кри, чему ми ωтави со Алесадром ѳариже, да мене свои превари невѣр-

ство"? И ѿвѣща ей цѣрь и ре': Ѡ госпоже Елено, да вѣси іако ѿселе да сотворю а', да и' никто тебе не превари ни пре'сти'. И повелѣ ѿбѣма со 'Але'са'дро' главы у'сѣкну'т', и тако ско'ча'. И и'ведоша Іякупу госпожу и 'сѣ тро'скиѣ госпож'и, и посекоша Поли'шену госпожу на 'Ацилешву гробу, іако тоа ра'т' погину. Іякупу м'тръ еѣ дадоша на де'бѣ Уре'шишу, и поведе ю со прочими госпож'ами, и каждо свое' пове'ло. И начаша плака'т' тро'скиѣ госпожи, и тѣшаше и' Іякупа кралица гѣщи: Мо'чите, чада моѣ, не плачите', а' има' тко ке наше слъзи у'толити. И уви'т' то Поли'нщрѣ кра', како ско'ча Троѣ, и повелѣ заклати Полидворуша Приамушева с'на и ре' ме'нути е' в море. И ту при'таша кораби гре'стїи, и 'зга Іякупа ве'ро поче'сти воду и обрете с'на свое' мр'тва и 'зупи' гласо' велик' плачущи'. И слыша то Поли'нщрѣ кра' и и'зы'ло на у'тешениѣ Іякупе и при'ближи' троїски' госпожа' на утешениѣ, тогда тие 'ста'ше на' и ножеви еѣ збодоша, и видѣ'ше то гра'дане и побѣша и' камене'. И во'врати' цѣрь Менелаушь со вѣсьми греки с великою ч'тїю стога'ше по' Трое'. .І. лѣтъ и .з. мѣць.

И тако ско'ча' тро'ское крале'ство пре'де рж'тва х'ва на .тѣ. лѣтъ ѣндектиѣна .з. го. И тако бѣгъ смири'ет во'носащїи'ся и сѣмга неч'твы' потреби', іако' прѣкъ прово'вести гѣлїа: Видѣ'т' неч'тва' прево'носащїи' и выслащася и мимо ідо', и не ѿб'рете мѣсто е' к тому, іако бѣгъ праведен и пра'ду во'люби, а пу'т' неч'твы' потребїи' и своѣю мышцею горды' противл'ца, а право ходл'щи' дае' б'г'одать и не лишї' добра хотл'щи' незлобою, іако тому подобае' всяка слава, ч'ть и поклонїаниѣ, ѿ'цу и с'ну и стому дху нѣе и при'но и во веки веко' аминь.

III.

(У) соз'аніи і о плѣненіи тро'ско' і о конѣнѣ' ра'рѣніи е' бы' при Ёзекіи при іюдѣйствѣ' (по ркп. СПБ. Духовной Академіи № 126 == Нов.Соф. № 1497, XVI вѣка).

Баше в пер'ваа времена прѣ нѣкіи ймене' Придѣ, и бы'шу єму на ловѣ в нѣкое' ѿтоцѣ' мѣско', оу него' ѿ е'ныхъ страны' течаше великое' море, а ѿ дрѣгїа страны' Скоман'ра рѣка, а ѿ г- а страны' Пелѣшино море, а ѿ .д. страны' стоаше лѣ Ду'ма, а ѿ е- а страны' юдо', идѣ' растахо' дрѣвїе и цвѣти ра'лїнїи: видѣ же прѣ добротѣ' мѣста и на з'ати гра' въ йма своѣ и по себѣ повелѣ снѣж своѣмѣ з'ати тако', и прѣчи заповѣдохо' кож'о снѣ' своѣму, и с пре'ни' пре' нача з'ати всѣ' .с. до Троїла прѣ, и вѣще всѣ' дѣло сѣтвори и наре' въ своѣ йма Троа гра'. Трои' ро'а Прїама цара, оу него' прѣца ймене' Гїама. И ро'а два снѣ, Ёктора и Алексан'ра и' и Фари', о не' же оусмотриша влѣсви, нѣко єго ра'а хоще' Троа гра' разорити. Црѣ' рѣ женѣ своѣи: Повели да оубью' єго, ѡна' пощадѣ'ши красоты ра'а єго. И възмо'жа' прїиде к Менелаяу прѣо грѣскому, е' є елї'скомо', служи'а сь многїи' бгѣ'ство' и сь ѿтроки. Црѣ' въ'веселї зѣло, срѣте є далѣ и цѣлова' и, и рѣ ємо' Алѣзан'ръ: Прїидо' а' прѣо служити тебѣ не на златѣ и сребрѣ, но чѣти ра'а твоєа. Црѣ' взе' єго къ Ёленѣ прѣци своѣи в полато', и адѣхо' и пїаху на е'нѣ. Юг'а умыва'

рѣцѣ ѿ оуброу со отирау, Алексанръ писаше на оубрусѣ чръвлѣны вино си: Црца Елена, любѣ ма, ѿко азъ тебѣ. Посла Менелае црѣ къ брату своѣмоу Агамѣну глѣ: Рауй братъ, ѿ мнѣ хотя сложи браа моа црѣ. Сѣписа ему бра е: Блю да не прѣиде чужая доброта ѿ въме нашо чѣтъ, ѿ на боуде велика срамота. И поиди Менела црѣ на войнѣ ѿ повелѣ Алексанру да поиде с нимъ, ѿ же сътвори боле ѿ ле въ црѣко полатѣ, егѣ рѣ зравъ боуду, идо въ слѣ тебѣ. По ошѣтви црѣ изы црѣца съ отрокѣвица прохотѣ по грау, Алексанръ въскѣти ю прѣиде въ Трой гра къ оу си ѿ мѣри. Слыша же Менелай црѣ ѿ бра е Агаме црѣ събраша силу войскѣ велию зѣло. а рѣ корабле, поставиша црѣ Ахилеа фѣанина рѣти начаника ѿ прѣиша по Трой. Тройне оплѣчивше испрѣва добрѣ борахоу с ними, да ѿко искусиша Ахилеѣво стремленѣе ѿ храбрѣ, сѣдахо въ градъ заключише. Пото же нѣкаѣ женѣ влѣхвующѣ поустѣ влѣненѣе на морѣ да погоби вса кораблѣ грѣскаѣ, ѿ дасть ѣи црѣ Агаме дщѣ свою Цвѣтану, ѿ оустави бурю, ѿ рѣтовахо Трой. ѿ изыде противѣ и Ектѣ црѣ Прѣамо сѣъ ѿ на стрѣлати стрѣлою съ ѿгне, ѿ ены пущенѣе погружа три кораблѣ грѣскаѣ. ѿ изы Ахилѣн на бра огне дыхаѣ ѿ рабивае плѣки ѿ побивае прѣвоборѣца ѿ оуби Ектѣра црѣ. И Прѣа црѣ прѣиде вѣспѣю в покъ на спѣща Ахилеа ѿ не поуби е. Ахилѣн взе ѿ Прѣама црѣ слово клатвеноѣ, е к томо не воѣвати, ѿ понесе Ектѣра на своѣно плещѣ ѿ предасть ѿ тролю. И ше Ахилѣн с Прѣамо црѣ в цѣвъ Аполоню съврѣшити клатвѣ, Александрѣ тж оуби Ахилеа. Пото же паки быша моужѣи оубѣнѣа ѿ закла ѿ паки крѣвѣми облиса землѣ трѣйскаѣ, ѿ паки окровавлѣны быша Скоманро струѣ, дѣнде влѣхвы ѿ изрекѣша прѣрѣтво, ѿко нѣ мѣчно рѣтѣю взѣ Трой, но токъмо лѣстѣю. ѿ ѿбѣ сѣдѣаша конѣ дрѣвана велика зѣло ѿ затвориша в не можа храбры, ѿ сѣми ѿити мѣахоу въ своѣси, сѣкрыша бѣ въ ѣстровѣ. Тройне никого видѣши, томо конѣ стоѣща, ѿ внесѣша егѣ въ гра, игра ѿ пѣтѣ себѣ вѣавше ѿ оуснувшѣ глѣбѣки сно, моужѣе изшеше ѿ конѣ загоша храмы ѿ врата грау ѿвѣзѣша, еллини ѿко вода

влишша и взаша гра^а, и сѣкоша вса ве^амѡжа, и зве^аша^а Алексан^ара
и Елено^у црцо^у к Менелаю. О^аже повелѣ и^а оусѣкноу^а, и прочее
раскопаша гра^а и^а основа^а и пусто сътвориша вса. Въ^аврати же
Менелаю цр^ь с побѣ^аю и велико ч^ьтью, сто^а по^а Трѡе .Г. лѣ^а и
.З. мѣ^а. Написа^а о се^а повѣ^а сию творе^а Ом^и. Ахилей^а бѣ сн^ь
цр^а Каѣты, а ин^{дѣ} пише^а Фирелеша.

II.

БѢЛОРУССКІЯ ПОВѢСТИ

О ТРИСТАНѢ, БОВѢ И АТТИЛѢ

ВЪ ПОЗНАНСКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА.

ВЪЛОРУССКІЯ ПОВѢСТИ О ТРИСТАНѢ, БОВѢ И АТТИЛѢ ВЪ ПОЗНАНСКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА.

На эти повѣсти обратила мое вниманіе статья О. М. Бодянскаго: О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., I). Пользуясь небольшими отрывками текста, которые онъ приводитъ, я могъ указать на итальянскій источникъ познанскаго Бовы въ отдѣлѣ, посвященномъ этому роману въ моемъ очеркѣ древне-русской повѣсти въ послѣднемъ изданіи Исторіи русской литературы Галахова (I, стр. 451 и слѣд.¹⁾). На замѣткѣ и извлеченіяхъ Бодянскаго основано и мое указаніе (I. с. стр. 460, § 8) на древне-русскаго Тристана, будто бы переведеннаго съ польскаго²⁾; зна-

¹⁾ См. также мою замѣтку: Zum russischen Bovo d'Antona въ Archiv f. slav. Philologie, VIII, 2-tes Heft. Вторая замѣтка, помѣщенная тамъ же (IX, 2-tes Heft, стр. 310) и подъ тѣмъ же заглавіемъ, основана уже на моемъ знакомствѣ съ цѣлымъ текстомъ повѣсти, напечатанной далѣе въ приложеніи, вмѣстѣ съ другими, списанными для меня изъ познанскаго сборника г. Баранскимъ, благодаря любезному посредничеству С. Л. Пташицкаго. Такъ какъ подлинникъ повѣстей не могъ быть доставленъ въ Петербургъ, то сличеніе моей копій съ оригиналомъ принялъ на себя проф. А. Брюкнеръ (Берлинъ), которому приношу живѣйшую благодарность.

²⁾ См. статью А. Brückner'a: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Graflich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen, въ Archiv f. slav. Philologie IX, 3-tes Heft, стр. 387.

комство съ полнымъ текстомъ романа убѣдило меня, что какъ для Бовы, такъ и для Тристана слѣдуетъ предположить сербскій оригиналъ, на что намекаетъ и общее имъ заглавіе въ познанскомъ сборникѣ: «Починається повесть ѿ витязяхъ с книгъ сѣрбскихъ, а зваща ѿ славномъ рыцѣры Трысчане, ѿ Анцалоте и ѿ Бове и о иныхъ многихъ витезехъ добрыхъ». Это специальное указаніе ставитъ эти повѣсти особо отъ слѣдующей за ними Исторіи объ Аттилѣ, изобилующей полонизмами въ словарѣ и синтаксисѣ. На такое различіе источниковъ повѣстей познанскаго сборника я обратилъ вниманіе въ двухъ моихъ докладахъ въ романо-германскомъ отдѣлѣ филологическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, хотя и не въ состояніи былъ опредѣлить непосредственный оригиналъ Аттилы, нынѣ указанный профессоромъ Брюкнеромъ. Что до сербскихъ книгъ, съ которыхъ переведены были Тристанъ и Бова, то онѣ неизвѣстны или пока не найдены, и лишь оставили слѣдъ въ нѣкоторыхъ сербизмахъ словаря нашихъ повѣстей, на которые указалъ и я въ упомянутомъ выше отчетѣ, а Брюкнеръ сопоставилъ въ своей работѣ. Сюда относятся формы: *градъ, гласъ, злато, глава*; слова: *белегъ* (иначе знаменіе), *нетакъ* = слабый; *зафалено ти буди*; *плема* въ значеніи рода; особенно *племенита* изъ племенита = италіанск. *gentile*, и въ томъ же смыслѣ: *вроженага* (панна); *кружки* рядомъ съ чаще встрѣчающимся *шранки*; *часть* = честь; *ѿсветити* = отмстить; *кошуба*, искаженное изъ *кошута*; *смиль* (*gnaphagium ageragium*), какъ символъ печали, что, можетъ быть, и не сербизмъ; *отокъ* рядомъ съ островомъ: «къ черному ѿстрову ѿтоку» и т. д.¹⁾

Предполагаемые нами сербскіе тексты Тристана и Бовы могли быть переведены съ италіанскаго: за это говорятъ а ргіогі и литературныя отношенія Сербіи, и нѣкоторыя италіанскія слова, перешедшія изъ сербскихъ оригиналовъ въ бѣлорусскій

¹⁾ *Орыл* въ Бовѣ, вм. ит. *Orio*, указываетъ, быть можетъ, на сербск. *Орио*, переданное русскимъ пересказчикомъ по аналогіи: *орао* = орелъ; такъ объясняется, вѣроятно, и *Арменил* = ит. *Arminion* = сербск. *Арменио* (?).

пересказъ; таковы: *митра*, *прыччынъ*, *морнаръ*¹⁾; *древо* въ значеніи *legno* = судно (Bovo ed. Rajna v. 413); *Говорнаръ* восходитъ, вѣроятно, къ италіанской формѣ Governaro. Ошибки переводчика Бово объясняются непониманіемъ именно *италіанскаго* оригинала: *палацъ* = v. 345 *placa*; *полемъ бѣгъ* = v. 1098 *per lo palaco (placa?) sen va*; *по другому мору* = v. 389 *per l'alto (altro) mar*; *и зашол з другого мора и погубилъ всихъ* = v. 751 *E va ferir in rayn d'oltramar (altro mare?)*; *опам* = v. 814 *oltra (altra volta?)*; *храбрениче* = v. 438, 442, 464 *valetto (valente? сл. витазъ = v. 791 valetto)*; *бите юнаци свободно* = v. 710 *feri, franchi baron*; *у сватое крещеніе* = v. 1137 *in santa cristentade* (то-есть, въ христіанскую землю); *въ одномъ уле* = v. 1180 *in un canton*; *мають бѣгати на конехъ воюючи* = v. 1445 *El no è di ch'eli no cora ala cità*; *граженнигъ* = v. 2234 *lo Pitadin* (прочтено = *citadin*); *не хотели больше ирати* = v. 2420 *moto noli sonà*.

Полонизмы, встрѣчающіеся въ Тристанѣ и Бовѣ, хотя въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Аттилѣ, должны быть, такимъ образомъ, объяснены иначе, чѣмъ для послѣдняго памятника: не вліяніемъ оригинала, а литературною и общественною средой, въ которой жилъ переводчикъ.

Языкъ всѣхъ трехъ повѣстей и слѣдующей за ними «Литовской хроники» — бѣлорусскій языкъ XVI вѣка, болѣе свободный отъ вліянія церковно-славянскаго, чѣмъ языкъ какого-либо другаго современнаго памятника русской рѣчи. Это даетъ нашимъ текстамъ особое значеніе для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка, для котораго мы принуждены были еще недавно ограничиваться матеріаломъ, представляемымъ Библией Скорины, Литовскимъ Статутомъ, лютеранскимъ катехизисомъ, хрониками, актами и т. п. Въ послѣднее время число бѣлорусскихъ памятниковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется болѣе и болѣе значеніе бѣлорусской письменности въ общерус-

¹⁾ Brückner, l. c. стр. 374.

скомъ литературномъ развитіи: укажемъ на Дѣи Римскія, на житіе св. Алексѣя и находящіяся въ одномъ съ нимъ сборникѣ Никодимово Евангеліе и Повѣсть о трехъ царяхъ-волхвахъ¹⁾. Познанскія повѣсти стоятъ въ этомъ теченіи. Брюкнеръ даетъ ихъ обстоятельную фонетическую и грамматическую характеристику²⁾, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на ихъ литературную и культурно-историческую стоимость. Познанскій сборникъ, говоритъ онъ, восполняетъ чувствительный пробѣлъ въ литературной исторіи Западной Руси: русскіе романы и повѣсти позднѣйшей поры сохранились главнымъ образомъ въ восточно-русскихъ текстахъ, и оставался открытымъ вопросъ о путяхъ изъ литературнаго перехода. Отвѣтъ даютъ бѣлорусскія повѣсти XVI столѣтія. Фактъ интересный, который и я спѣшу отмѣтить вслѣдъ за Брюкнеромъ, который готовъ былъ-бы обобщить, но съ небольшою оговоркой: что именно для исторіи восточно-русскихъ повѣствовательныхъ текстовъ познанскій сборникъ даетъ, по своему составу, лишь мало указаній, потому что помѣщенный въ немъ Тристанъ, если мы не ошибаемся, не существуетъ въ другихъ отраженіяхъ и, вѣроятно, остался одинокимъ, тогда какъ многочисленныя рукописи нашего восточнаго Бовы принадлежатъ другой редакціи, чѣмъ бѣлорусскій, и не могли пойти отъ него, хотя подобно ему восходятъ къ сербскому источнику. Замѣчу кстатѣ, что въ вопросѣ о послѣднемъ румынскій Бова не можетъ служить намъ подспорьемъ, какъ служила румынская Александрія въ вопросѣ объ Александріи сербской, ибо, по письменному сообщенію мнѣ г. Гастера, румынскій Бова не что

¹⁾ Сл. Владимировъ, Житіе св. Алексѣя человека Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, Октябрь, стр. 250 слѣд.).

²⁾ О книжномъ бѣлорусскомъ языкѣ въ памятникахъ XVI и XVII вв. сл. между прочимъ замѣтки Недешева, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Русск. Филол. Вѣстникъ 1884 г.). См. также Карскаго, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва, 1886); Владимірова, Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ (СПб. 1888), стр. 247 и слѣд.

иное, какъ переводъ (съ намѣренною замѣной собственныхъ именъ другими) соотвѣтствующаго отдѣла изъ еврейскаго *Maasebuch*, откуда какъ эта повѣсть, такъ и нѣкоторыя другія, были извлечены и изданы въ Букурештѣ подъ заманчивымъ заглавіемъ: Тысяча и одинъ день ¹⁾. Вопросъ о источникѣ Бово въ пересказѣ *Maasebuch* насъ здѣсь не касается.

Въ составѣ познанскаго сборника Бова и Тристанъ, переведенные съ «сербскихъ книгъ», стоятъ рядомъ съ Аттилой, переведеннымъ съ польскаго, обличая такимъ образомъ и вкусы составителя-переписчика, и время, въ которое онъ жилъ: время, когда и въ области повѣствовательной литературы совершился переходъ отъ южныхъ (южно-славянскихъ) вѣяній къ западнымъ польскимъ, и послѣднія начинали получать перевѣсъ: на сколько можно судить по рукописнымъ (польскимъ и русскимъ) отмѣткамъ читателей сборника, они болѣе всего интересовались Литовскою хроникой и Аттилой, тогда какъ «сербскія повѣсти» были почти забыты.

Познанская рукопись состоитъ изъ 344 листовъ; повѣсти и хроника, идущія до 291 листа лиц., писаны одной рукой (А), которую въ немногихъ случаяхъ смѣняла вторая = В (сл. *Brückner*, стр. 353); слѣдующіе листы, записанные другими руками, представляютъ разнообразное содержаніе: на лл. 293 — 328 помѣщены два акта 1635 и 1528 гг., русскаго языка и письма; на л. 328 замѣтка объ униі 1569 года; на лл. 333—335 родословная пановъ Трызновъ; далѣе слѣдуютъ фамильныя замѣтки

¹⁾ O mie și una de zile. Cele mai frumoase basme arabe și persane, scrise de Califul Osman. Tradus în limba română de H. S. Bucuresci, 1881. Первая повѣсть: *Istoria lui Baltazar și a frumoasei Repsima* — и есть повѣсть о Бовѣ. Доставленіемъ мнѣ указанной книги я обязанъ любезности г. Гастера. — Что до источника еврейскаго перевода Бовы (ed. *Amsterd.*, f. 8°), то онъ былъ итальянскій. Сл. *Post = pasto*, *Sarwer = servitori* и т. п. Переводчикомъ былъ *Elia Levita*, называвшій себя *Vachur*; онъ обучалъ высшее итальянское духовенство и переписывалъ въ Римѣ для кардинала Эгидія изъ Витербо сочиненія каббалистическаго содержанія. Сл. *Zedner*, *Hebr. Bibliogr.* 1863, стр. 22; *Segareum* 1869, стр. 132, прим. 3; *Archiv f. Litteraturgeschichte*, II, стр. 17—18.

Униховскихъ, въ семьѣ которыхъ наша рукопись обрѣталась въ теченіе почти 80 лѣтъ, свидѣтельствуя о литературныхъ интересахъ мелкаго литовско-русскаго дворянства XVI—XVII вѣка и объ его послѣдовательномъ опольщеніи. Последняя запись Униховскихъ относится къ 1672 г., самая ранняя по времени, принадлежащая Григорію Павловичу Униховскому, первому владѣльцу рукописи, къ 1544 г. Между этимъ годомъ и 1574, годомъ появленія Аттилы Базылика, слѣдуетъ помѣстить и написаніе нашего сборника: приблизительно около 1580 года (I. с. стр. 354 и 345).

Проф. Брюкнеръ (стр. 354) считаетъ почеркъ второго писца повѣстей тождественнымъ съ почеркомъ Григорія Униховскаго, о которомъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній (стр. 352). Дополняю ихъ изъ письма ко мнѣ С. Л. Пташицкаго; оно бросаетъ новый свѣтъ и на мѣсто написанія рукописи и на время, когда она могла попасть въ семью Униховскихъ. «О самомъ Григоріи Униховскомъ у меня почти нѣтъ свѣдѣній, пишетъ мнѣ г. Пташицкій. Имѣю указанія изъ Литовской Метрики, что онъ былъ землевладѣльцемъ Новгородскаго воеводства (нынѣ уѣздъ Минской губерніи), владѣлъ въ Новгородкѣ домомъ, которому 28 Апрѣля 1590 г. король далъ «волности», и эта привилегія записана въ Вильнѣ въ метрикѣ, въ книгѣ записей № 76, документъ 165. 11-го Марта король подтвердилъ Григорію Униховскому запись, которую дала ему татарка новгородскаго повѣта Царевичовая Острынская на имѣніе Колбачевское. Запись внесена въ ту же книгу на стр. 629. Такимъ образомъ первый извѣстный владѣлецъ рукописи — состоятельный земельный и городской владѣлецъ, имѣвшій дѣла въ великокняжеской канцеляріи около 1595 г. Въ тѣ годы (1594—1599) великокняжеская канцелярія (= Метрика) занята была перепиской старыхъ актовыхъ книгъ по распоряженію канцлера Льва Сапеги (сл. мое *Описаніе Литовской Метрики*, стр. 8). Книги переписаны тѣмъ-же *канцелярскимъ* почеркомъ, что и познанская рукопись. Почеркъ записи Униховскаго рѣзко отличается отъ почерка всей рукописи.

Правда, это твердая, опытная рука, но не писарская. Мнѣ думается, что рукопись переписана какимъ-нибудь канцлерскимъ писаремъ (дякомъ), а Григорій Павловичъ купилъ её въ одну изъ поѣздокъ по дѣламъ въ Вильну. Да и самъ Григорій былъ по матери (урожд. Трызна) въ родствѣ, правда далекомъ, съ знаменитымъ канцлеромъ Львомъ Сапегой, который по обязанностямъ слонимскаго старосты нерѣдко бывалъ въ сосѣдствѣ съ Униховскимъ. При тогдашнихъ крѣпкихъ семейныхъ связяхъ сношенія между ними могли быть довольно тѣсныя».

Что касается опредѣленія времени, когда наша рукопись попала къ Григорію Униховскому, то для этого есть слѣдующія данныя: онъ скончался въ 1606 году; послѣдняя хронологическая память въ его записи относится къ женитьбѣ его брата Яроша въ 1598 г. Такъ какъ семейныя замѣтки Григорія Униховскаго не указываютъ своимъ почеркомъ на разновременное происхожденіе, а писаны какъ-бы въ одинъ *присѣтъ*, то 1598-й годъ и будетъ приблизительнымъ *terminus a quo* нашъ сборникъ попалъ въ его руки.

Въ слѣдующихъ далѣе главахъ я попытаюсь уяснить источники бѣлорусскихъ Тристана и Бовы, пока на основаніи пособій, находящихся у меня подъ руками, и, къ сожалѣнію, нѣсколько скудныхъ. — Что до послѣдняго № познанскаго сборника, то я принужденъ ограничить мою работу по его поводу сводомъ и распредѣленіемъ легендъ, окружившихъ имя Аттилы. Къ одному изъ позднѣйшихъ видовъ этихъ легендъ примкнетъ и открытый проф. Брюкнеромъ источникъ соотвѣтствующей познанской повѣсти.

I.

Тристанъ.

Поэтическая легенда о любви Тристана и Изольды принадлежит къ числу наиболѣ любимыхъ и популярныхъ въ средне-вѣковой поэзии западной Европы ¹⁾. Популярность эта объясняется своеобразнымъ содержаніемъ кельтской сказки, легшей въ ея основу ²⁾ и, болѣе того, поэтическими качествами ея древнихъ англофранцузскихъ и французскихъ стихотворныхъ обработокъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о нихъ крайне отрывочны и лишь отчасти восполняются позднѣйшими переработками утраченныхъ или фрагментарно-сохраненныхъ подлинниковъ ³⁾. Такъ англонорманскіе поэмы Béroul (ок. 1150) и Thomas

¹⁾ Сл. Sudre, Les allusions à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge, въ Romania № 60, стр. 534 слѣд.

²⁾ О кельтскихъ мотивахъ въ романахъ Круглаго Стола сл. G. Paris, Les romans en vers du cycle de la Table ronde (extrait du t. XXX de l'Histoire littéraire de la France), въ введении и passim. Это не исключаетъ со стороны кельтскихъ сказочниковъ знакомства съ зажими сюжетами (сл. стр. 192) и даже съ классической мифологіей (сл. стр. 140). По этому поводу позволю себѣ вопросъ: Bédier (La mort de Tristan et d'Iseut, въ Romania № 60, стр. 485), сближая рассказъ о смерти Тристана съ сходнымъ мотивомъ въ легендѣ о Тезеѣ, оговаривается: «les poètes bretons ignoraient Hésiode, Sophocle et tout le cycle gréco-romain», и они и Гезиодъ, «glanaient dans le même fonds de légendes qui avaient amusé, en des temps quasi préhistoriques, les esprits des hommes». G. Paris замѣчаетъ по этому поводу (l. c. стр. 485, прим. 2), что это сближеніе двухъ легендъ, давно предложенное имъ съ кафедры, «me paraît s'appuyer sur divers rapprochements frappants, dont quelques-uns seulement sont indiqués ci-dessus». Интересно было-бы узнать, объясняется-ли онъ это сходство доисторическимъ преданіемъ или классическими воспоминаніями кельтскихъ сказочниковъ? Замѣтимъ кстати, что Sarrazin (Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman, въ Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte, I, стр. 262 и слѣд.) попытался недавно, хотя и не совсѣмъ удачно, указать на германскіе сказочные мотивы въ романѣ о Тристанѣ, кельтскую основу котораго совершенно отрицаетъ Golther, Die Sage von Tristan und Isolde. Studie über ihre Entstehung und Entwicklung im Mittelalter (München, 1887), стр. 10, 100, 107.

³⁾ Сл. общее обозрѣніе вопроса у G. Paris, Les romans, стр. 19—22.

(ок. 1170) ¹⁾ сохранились лишь въ отрывкахъ, а Тристанъ Chrestien de Troies (ок. 1150 г.) ²⁾ вовсе не дошелъ до насъ. Къ тексту, сходному съ Вёгoul'евскимъ, восходитъ поэма Eilhart'a von Oberg (ок. 1195 г.) ³⁾, и подобнымъ же текстомъ пользовался отчасти редакторъ той версиі старофранцузскаго прозаическаго романа, которая легла въ основу его старопечатныхъ изданій. Томасу слѣдовалъ въ своей неоконченной поэмѣ Готфридъ Страсбургскій (ок. 1203 г.), авторы староанглійскаго Sir Tristram и нижненѣмецкаго Tristrant'a, сохранившагося въ отрывкѣ ⁴⁾, и существуетъ норвежскій прозаическій переводъ поэмы, недавно изданный Kōlbing'омъ. Что до утраченнаго оригинала Chrestien de Troies, то о немъ мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, если оправдается мнѣніе G. Paris'a: что французскій прозаическій романъ о Тристанѣ восходитъ къ какой-нибудь передѣлкѣ поэмы Chrestien'a ⁵⁾.

Первоисточникъ познанскаго Тристана относится, очевидно, къ группѣ французскихъ прозаическихъ романовъ, приблизительную генеалогію которыхъ пытался установить Бракельманъ ⁶⁾.

Онъ распредѣляетъ ихъ на три группы:

1) Романъ Luce de Gast съ продолженіемъ Robert'a de Borron. Сюда относятся рукописи Bibliothèque Nationale №№ 756, 757 fol. 1—99; № 1434.

2) Редакція Élie de Borron: Bibl. Nat. №№ 750, 12599, 757 (fol. 89—263), 760, 755 и 104.

¹⁾ Новое изданіе послѣдняго готовитъ Vetter. Сл. его: La légende de Tristan. Marburg i. H. 1882 и Böttiger, Der Tristan des Thomas. Göttingen 1883.— Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Studj di filologia romanza имѣеть появиться статья Novati: Un nuovo e un vecchio frammento del Tristano di Tommaso.

²⁾ G. Paris, Les romans, стр. 14.

³⁾ Сл. Ernest Muret, Eilhart d'Oberg et sa source française въ Romania № 62—64, стр. 288 и слѣд.

⁴⁾ Сл. Lambel въ Germania XXVI, стр. 356: Titz, Zs. f. deutsches Alterthum XXV, стр. 248 слѣд.; Böttiger l. c. стр. 5.

⁵⁾ G. Paris, Note sur les romans relatifs à Tristan, Romania № 60, стр. 602.

⁶⁾ Сл. его статью въ Zeitschrift für deutsche Philologie, 1886 г., № 1, стр. 85 и сл., съ примѣчаніями Suchier.

3) Дальнейшая обработка предыдущей редакции: *Bibl. Nat.* №№ 334, 102, 776, 100.

Это вульгата; къ ней близко примыкаетъ

4) *Bibl. Nat.* № 103, источникъ старопечатнаго романа, первое изданіе котораго явилось въ Руанѣ въ 1489 году; послѣдующія отличаются отъ него лишь опечатками.

G. Paris ¹⁾ заподозриваетъ состоятельность этого распределенія, несомнѣнно подлежащаго провѣркѣ, ибо критической работы надъ рукописями прозаическаго романа пока не сдѣлано. Въ одномъ оба изслѣдователя сходятся: въ обособленіи рукописи № 103, какъ источника старопечатнаго романа. И въ самомъ дѣлѣ: во всѣхъ другихъ прозаическихъ текстахъ рассказывается, въ отличіи отъ древняго преданія, что Тристанъ убитъ былъ королемъ Маркомъ; редакторъ № 103 (а за нимъ и старопечатный романъ) измѣнилъ этотъ эпизодъ согласно съ какой-нибудь древней поэмой о Тристанѣ, типа *Béroul'*евой, ибо въ рассказѣ о кончинѣ своего героя онъ близко сходится съ *Eilhart'*омъ ²⁾.

Изъ италіанскихъ переводовъ французскаго прозаическаго Тристана я могъ пользоваться только изданіемъ *Polidori, La Tavola Rotonda*, которое имѣлъ въ виду и Брюкнеръ. Текстъ *Полидори*, представляемый еще и другою рукописью, имъ не упомянутою: *Laurenziano, Plut. LXIII*, с. 10, значительно отклоняется отъ французскаго старопечатнаго романа; ближе къ нему, по письменному сообщенію мнѣ Райны (отъ 23-го ноября 1886 г.), *Cod. Riccard. 2543*, извлеченія изъ котораго даны были въ *Manuale Nannucci*; къ сожалѣнію, рукопись эта не полна и на половину испорчена до неразборчивости. Ближкимъ къ французскому оригиналу является и *cod. Palatino-Ranciatichiano E. V. 5. 1. 23, f. 150 — 269*, которымъ отвѣчаютъ стр. 348 — 90 *Polidori*, послѣ чего, за большимъ пропускомъ, соотвѣтствіе возобновляется, начиная съ стр. 488 *Polidori*; разказъ кончается

¹⁾ Note sur les romans l. с. стр. 600; *Golther* l. с. стр. 116 и прим. 1.

²⁾ См. объ этомъ подробно въ указанной выше статьѣ *Bédier*.

смертью Тристана и Изольды, отъѣздомъ Segramog'a въ Samellotto и эпилогомъ Hélie de Borgon (Polidori, стр. LXVII). Изъ діалектическихъ обработокъ укажу на венеціанскій текстъ, описанный Муссафией¹⁾. Такъ называемый Ланцелотъ Палатинской рукописи E. 5. 4. 47, по сообщенію Райны, не что иное, какъ Тристанъ, съ внѣшнею сѣверно-италіянскою діалектическою окраской, тогда какъ самый текстъ основанъ на тосканскихъ версіяхъ. Такимъ же полу-діалектическимъ (болонскимъ?) отгѣнкомъ языка отличается и cod. Riccard. 1729, представляющій какъ бы краткій пересказъ италіанской версіи романа, болѣе близкой къ французскому оригиналу.

Съ какой изъ упомянутыхъ выше редакцій французскаго романа переведенъ текстъ Полидори — отвѣтить не могу²⁾, потому что единственнымъ пока ихъ показателемъ является, для незнакомыхъ съ рукописями, старопечатное изданіе, на столько отличающееся отъ текста Полидори; на сколько оно сходно, въ извѣстной мѣрѣ, съ нашимъ. Старопечатнымъ французскимъ романомъ, кратко пересказаннымъ графомъ де-Трессаномъ³⁾, я пользовался по слѣдующему изданію: *Les grandes proesses du tres vaillant, noble et excellent cheualier Tristan, filz du noble roy Meliadus de Lionnoys et cheualier de la Table Ronde. Nouuellement imprimé à Paris l'an mil cinq cents XXXIII* ⁴⁾; нѣкоторыя извлеченія изъ изданій 1489 и 1520 годовъ были доставлены мнѣ Р. О. Ланге. Сличеніе съ нашимъ Тристаномъ показываетъ, что, вопервыхъ, предполагаемый италіанскій оригиналъ

¹⁾ Mussafia, Ueber eine altfranzösische Hs. der königlichen Universitätsbibliothek zu Pavia (Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensch. Philol. hist. Cl. LXIV B., Heft III, Jahrg. 1870, März).

²⁾ G. Paris въ прим. къ статьѣ Bédier (l. c. стр. 496, прим. 1) также не знаетъ источника текста Полидори.

³⁾ *Oeuvres choisies du comte de Tressan*, t. VII (1788).

⁴⁾ Я пользовался экземпляромъ императорской Вѣнской бібліотеки, обязательно доставленнымъ мнѣ И. В. Ягичемъ. Древнѣйшее изданіе романа озаглавлено такъ: *Histoire du tres vaillant noble et excellent cheualier Tristan, fils du roi Meliadus de Leonnois, imprimé a Rouen en l'ostel Jehan le Bourgeois le dernier jour de Septembre mil CCCCLXXX et IX.*

его сербскаго подлинника отличался отъ текста Polidori; что, вовторыхъ, до извѣстнаго предѣла, приблизительно на три четверти всего разказа, нашъ Тристанъ отвѣчаетъ, въ общемъ, распорядку и содержанию, какъ текста Полидора, такъ, и въ большей мѣрѣ, старопечатному французскому, но что въ концѣ русская повѣсть значительно отличается отъ того и другого, представляя новыя подробности, измѣняя обычную катастрофу и производя впечатлѣніе чего-то скомканнаго, сокращеннаго въ торопяхъ или по незнанію. Едва ли подобное изложеніе принадлежало искомому италянскому роману; выборъ остается между сербскимъ переводчикомъ-пересказчикомъ и его бѣлорусскимъ собратомъ. Послѣдній могъ сократить и измѣнить въ указанномъ смыслѣ сербскій подлинникъ, но могъ и сохранить измѣненія, уже совершившіяся въ послѣднемъ. Еслибы второе предположеніе оказалось болѣе вѣроятнымъ, какимъ оно представляется и мнѣ, то въ искомомъ сербскомъ текстѣ мы должны были бы признать не только переводъ, но и элементъ самостоятельной передѣлки, обнаруживающейся, между прочимъ, въ особѣи роли, какая дается Тристану. Во французскомъ романѣ, какъ и у Полидора, главнымъ героемъ разказа является Тристанъ, Ланцелотъ выступаетъ во второй роли и лишь за ними другіе рыцари и противники Круглаго Стола. Сербская книга также обѣщаетъ говорить о «Трычане, ѿ Анцалоте», но первый сознательно господствуетъ надъ всѣмъ дѣйствіемъ, Анцалотъ является у него болѣе «въ товарищахъ», и согласно съ этимъ отсутствуютъ многіе эпизоды о послѣднемъ, посвященные ему въ текстѣ Полидора.

Кстати: откуда имя Анцалотъ или Унцалотъ — въ сравненіи съ Lancelot, Lancialotto, Lanzelet? Едва-ли въ основѣ лежитъ французская форма: Ancelot (въ Ogier de Danemarche у Fr. Michel, Tristan, I, стр. V); скорѣе предположить, что сербскій переводчикъ принялъ начальное *l* имени за членъ (l'Ancialotto), который и удалилъ въ переводѣ, подобно тому какъ сдѣлалъ это при передачѣ другого имени: Lasancis (= lo Sancis),

Lasansisse (въ *Cantare dei Cantari* ed. P. Rajna въ *Zs. f. romanische Philologie* II, стр. 434) — Самсизъ? На оборотъ: Agius, Argius французскаго текста передано: Ленвизъ (= l'Anguis?), ит. Languis. Примѣры подобныхъ недоразумѣннй не рѣдки: въ итальянскомъ эпосѣ Astolfo — англичанинъ, во французскомъ онъ изъ Langres; авторъ *Entrée en Espagne* называетъ его въ началѣ правильно: de Lengres или Lengrois, затѣмъ: de Lengle, Lenglois и наконецъ l'Englois, Englois ¹⁾. Такимъ же образомъ объясняются въ другомъ случаѣ: Labigant = Вассано ²⁾.

Одна фонетическая особенность нашего текста даетъ поводъ для нѣкоторыхъ соображеній относительно мѣстности, гдѣ составлена была сербская передѣлка Тристана и, прибавимъ, переводъ Бовы, или по крайней мѣрѣ относительно той группы памятниковъ, къ которымъ могли бы быть отнесены и оригиналы познанскихъ повѣстей. Въ старосербской Александрии и въ болгарской и хорватской Троянской притчѣ лат. *s* въ окончанiяхъ собственныхъ именъ на — us, — es, — is, — as передается черезъ *ж* и *ш* ³⁾; такъ и въ Тристанѣ: Кандиэшъ = Gandaries, Пелишъ = Felis, Сегурадежъ = Segurades, Самсизъ = Lasancis, но и Ленвизъ = Languis и т. п. Какъ въ троянской притчѣ лат. *s* между гласными переходитъ въ *ж* (Брижеида = Briseis, Ежеона = Hesionè), такъ и въ Тристанѣ (Ижота = Isotta) и Бовѣ (Дружна = Drusiana), тогда какъ Полимнещеръ (Polymestor) Троянской притчи отвѣчаетъ Ящору (Astorre) и Трыщану (Tristano) нашего романа ⁴⁾. Еще одна особенность Александрии и Троянской притчи: смѣна въ именахъ собственныхъ *f* въ *n* ⁵⁾, также извѣстна нашимъ текстамъ: для

¹⁾ Gaspary, *Geschichte der italienischen Literatur* I, стр. 118—119.

²⁾ Pio Rajna, *Un'iscrizione nepesina del 1131*, стр. 50—1.

³⁾ См. мое изслѣдованiе: *Изъ истории романа и повѣсти*, вып. I, стр. 442—443.

⁴⁾ Объ этомъ звуковомъ переходѣ сл. замѣтки Schuchardt'a, *Slawo-deutsches und Slawo-italienisches* (Graz, 1885) и отчетъ Ягича въ *Archiv f. slav. Philologie* VIII, стр. 318—319.

⁵⁾ Сл. *Изъ истории романа и повѣсти*, вып. I, стр. 321.

Бовы отмѣтимъ: Лукаперъ = Luciferro, для Тристана: Пелишь = Felis, Перемонтъ = Feramonte.

Окончу вопросомъ по поводу двухъ собственныхъ именъ: известный Кеух романовъ Круглаго Стола названъ то Кенишь («опека Кенишова»; сл. у Polidori Chieso и Chienso), то Геушь или даже Кажынъ; Женевра — то Жениброй, то — Веливерой! Предположить ли, что пересказчикъ сербской повѣсти оставилъ въ этой двойственности слѣды двухъ рецензій романа, которымъ онъ слѣдовалъ, или онъ былъ начитанъ и наслышанъ въ литературѣ, которою интересовался, и одно изъ двухъ именъ подсказано воспоминаніемъ? Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Въ слѣдующемъ далѣе анализѣ нашего Тристана я сближаю его съ старопечатнымъ французскимъ романомъ и текстомъ Поллидори¹⁾.

1. «Былъ король именемъ Клевдасъ»; у него гостить его другъ, король Аполлонъ, въ жену котораго влюбился сынъ Клевдаса. Не будучи въ состояніи добиться ея взаимности, онъ подстерегаетъ Аполлона на пути домой, убиваетъ его и велитъ бросить въ рѣку, а его жену съ сыномъ приказываетъ запереть въ высокую камору. Сюда онъ снова является къ ней съ предложениемъ любви, но она выбрасывается изъ окна. Между тѣмъ вѣрный хортъ Аполлона вытащилъ его тѣло изъ воды, схоронилъ его въ вырытой имъ ямѣ и самъ слѣлъ сторожить на могилѣ. Видя это выѣхавшій на охоту король Клевдасъ, признаетъ хорту Аполлонова, велитъ выкопать умершаго и предается печали, а затѣмъ кличетъ кличъ, что одаритъ богатыми дарами того, кто укажетъ ему убійцу его друга, а кто знаетъ да не донесетъ, будетъ «коломъ каранъ». Одна дѣвка обѣщаетъ все разказать, если король исполнитъ то, о чемъ она его попроситъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Клевдасъ послалъ за сыномъ Аполлона, котораго велитъ воспитывать у себя, а своего сына сжечь на кострѣ.

¹⁾ Параграфы, на которые далѣе разбито изложеніе, имѣютъ цѣлью облегчить сравненіе внѣшнимъ обособленіемъ эпизодовъ. Начало Тристана въ рукописи пострадало отъ сырости, и нѣкоторыя слова не могли быть прочтены.

Тутъ выступила дѣвка съ своею просьбой, которую Клевдасъ обѣщаль исполнить: она просить у него — его сына; она будетъ имѣть его, но — мертваго, отвѣчаетъ король. Разказъ переходитъ къ сыну Аполлона, Кандиэшу, который воспитывается у Клевдаса; текстъ здѣсь полонъ пропусковъ: («Кандиэшь») былъ добрый витез и великое доброты и за его.... былъ государемъ корновалским и елишносским и вси ѡба... а король Клевдасъ далъ за него дочку свою именемъ.... и у великой милости и ласкъ. Исплодили дѣти.... (стар)шого поставили королемъ корновалскимъ, а молод(шого елишносскимъ), а иные шли по свѣту рыцарскимъ ѡбычаемъ.... а и такъ са были по сторонахъ расплодили, ижъ не.... такіи повиноватыи албо кривныи... далъ королевство корновалское у руки королю Пелишу, ѡнъ.... емъ Марка, што са вродилъ марта мѣсяца, а другогоъ былъ близко смерти, ѡнъ коруноваль сына своего.... на королевство корновальское, король Марко далъ сестру.... за короля Мелиадуша, который былъ велики... у Елишносе».

Слѣдующія извлеченія изъ старопечатнаго французскаго романа¹⁾ укажутъ на степень его близости къ оригиналу русскаго перевода, а вмѣстѣ помогутъ восполнить нѣкоторые пробѣлы послѣдняго.

Король Clovis (Клевдасъ) пригласилъ Аполлона присутствовать при его вѣнчаніи. Еще до поѣздки къ Хлодвигу Аполлонъ, по совѣту и желанію жены своей Глоріанды, сжегъ на кострѣ прелюбодѣйку, бѣжавшую съ любовникомъ, но пойманную и приведенную на судъ ко двору. Хлодвигъ, по совѣту Аполлона, вводитъ у себя такой же законъ, и этотъ законъ продержался во Франціи 200 лѣтъ, пока не вторгся изъ Германіи завоеватель Forles (Froles?) и не уничтожилъ его; Forles впослѣдствіи былъ убитъ Артуромъ, который отдалъ Францію Ланцелоту (I, f. XVIII — XIX). — За этимъ введеніемъ, котораго нѣтъ въ нашемъ текстѣ, идетъ разказъ общій обоимъ, съ нѣкоторыми отли-

¹⁾ По изданію 1533 г.

чіями, а иногда и дословнымъ сходствомъ. Сынъ Хлодвига (Chil-deric) влюбился въ жену Аполлона и, получивъ отъ нея отказъ (f. XIX — Vous estes fol et sachez se plus en parlez ie vous feray honte), подстерегаетъ ея мужа на обратномъ пути въ лѣсу и убиваетъ его, а его жену, сына и хорта велитъ отвести въ одинъ замокъ. Въ русскомъ текстѣ смертельно раненый король говоритъ женѣ (пропуски въ текстѣ): «[Го]ре так са стало и таа шкрутная смерть. [Королеваа был]а велми смутна и жалостлива. И рекла.... тое зло стало са». Французскій текстъ излагаетъ подробности: «Si dist (Apollon): Dame, encores dis ie vray quant ie dis que ie avoyes amene mon ennemy de vous¹⁾, car se ie [ne] vous eusse amenee, encor ne me fust ce mal advenu. Lors fut la royne dolente de ceste adventure» (f. XIX). Когда позднѣе сынъ Хлодвига явился къ ней въ башню, qui bien cuida faire sa vou-lente de la dame, она говоритъ ему: «Vassal, pourquoy me avez vous honnie qui mon seigneur avez naure a mort, lequel par deça vous estoit venu faire si grant honeur.... et encores me cuidez vous plus honnir. Ce ne sera iamais» (f. XIX) = «о лихихъ злыхъ человецехъ, мои господарь прышо[лѣ]... для [т]воеи доброе славы, а ты его о смерть прыправилъ и хотѣл[б]ы еси еще мене посоромотити, але то не може быти». Королева убилась, выбросившись изъ окна, а сынъ Хлодвига восклицаетъ: Наа las, que feray ie? I'ay faict mourir la plus preude femme du monde («а самъ.... м уморылъ такую королевую з сего свѣта такъ цудную.... шпатрностью»). Онъ велитъ осмотрѣть раны Аполлона, заключеннаго имъ въ темницу; врачи признали ихъ смертельными; мерт-

¹⁾ Намекъ на подробность, не имѣющую мѣста въ русскомъ текстѣ ни, вѣроятно, въ его подлинникѣ: однажды за столомъ, на вопросъ Хлодвига, кого онъ привезъ съ собою, Аполлонъ отвѣчалъ: злого врага (жену), скомо-роха-забавника, jongleur (сына) и вѣрнаго друга (хорта); or n'y fault que mon serf (осель) l. c. f. XVIII — XIX. Отвѣтъ этотъ повравился Хлодвигу; когда позднѣе онъ видитъ Аполлонова хорта, ему приходятъ на память слова покойнаго: que c'estoit (то-есть, хортъ) son amy, et sa femme que c'estoit son ennemy (f. XIX). Подобныя отождествленія были популярны въ литературѣ ноландъ. Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 88 слѣд. и прим.

ваго онъ приказываетъ бросить (f. XIX) «en l'eau de Loire». Слѣдуетъ извѣстный эпизодъ о хортѣ; онъ не даромъ воетъ, король самъ хочетъ дознаться «pourquoy ce estoit, car Apollo l'aymoit moult et luy auoit dit que c'estoit son amy et sa femme que c'estoit son ennemy. Lors fut dessus Apollo, et quant le roy le vit et il fut dessevely, si le congneut, lors dist qu'il estoit honny quant si preudhomme estoit mort en sa terre et en son conduit. Lors le fist le roy porter au chasteau ou il deuoit gesir et illec fut mis en terre. Puis fist crier le roy que qui scauroit a dire certaines nouuelles de la mort Appolo, qu'il luy donneroit ce qu'il luy demanderoit. Lors sault une damoyselle auant quant elle ouyt la promesse du roy et dist: Se tu me tiens verité de ta promesse, ie te diray verite de la mort de Appolo; et le roy l'en assure. Et elle luy compte tout ainsi l'achoisson de sa mort si comme vous ay dit deuant et que encor est son filz en la tour ou il fut mis en prison et le nourrit une Damoyselle. Et quant le Roy entend cecy, fust dolent et dist: Mon filz m'a honny, mais ie le honniray. Lors enuoia querre l'enfant et le fist nourrir et garder tant que il fut puis roy de Cornouaille et de Leonnoys. Lors apres fist venir son filz deuant luy et luy dist: Vous me avez honny qui au conduit de moy avez occis le plus preudhomme que ie eusse, et ie vous honniray. Lors commence la damoyselle a plourer et le roy commanda que on en face ung grant feu pour l'ardoir. Et lors fut faict comme il eust commande, si y fut le filz du roy mene, et commanda que il fust gette dedans, car ia n'en seroit espargne. Et la damoyselle vient avant et dist: Sire, donnez moy mon don. Ie vous demande votre filz. Et vous l'aurez, dist le roy, mais il fera penitence de son mesfait. Lors commande que il soit gette au feu, et l'en luy gette. Et quant il le vit en l'ardeur du feu, si dist: Damoyselle, or le prenez, car autrement ne vous sera delivre de par moy. Ainsi destruire fist Clovis son filz ne oncques ne le voulut espargner.

Mais a tant ce taist du leurier et de l'enfant nomme Candace
 («Але то оставмо и вернимо сѧ ку ѿному Аполонѡву дѣтати,

которому има было Кандиешъ»). Когда онъ выросъ, Хлодвигъ отдалъ за него свою дочь Cresille; у нихъ 13 сыновей; старшій, Crises, наслѣдовалъ отцу въ Cornouaille, младшему братья уступили Leonnois, а сами (f. XX) s'en allerent pourchasser en estrange terre. — Последнему эпизоду нашего отдѣла, особливо пострадавшему отъ пропусковъ, отвѣчаетъ въ романѣ слѣдующее мѣсто: «Tant allerent les roys de Cornouaille de hoir en hoir que il en y eust ung appellé Felix qui tant hait gentilz hommes que il en fut mehaigne dedans la grant esglise de Norchoult. Le roy Felix eut deux filz et quatre filles; l'ung des filz fut appelle Marc pource qu'il fut ne au mardy au moys de mars. Le roy Felix fist couronner son filz Marc a roy, quant il gisoit luy et sa femme du mal de la mort, du royaulme de Cornouaille, et puis si fist tant que le roy de Leonnoys print une de ses filles qui estoit appellee Ysabel, et le roy estoit appelle Melyadus».

Всему этому отдѣлу въ изданіи Полидори отвѣчаютъ приблизительно стр. 8—10 перваго тома, но такъ, что при самомъ бѣгломъ сравненіи отличія редакціи бросаются въ глаза. Первымъ королемъ Корновалей изъ рода Соломона (e di suo lignaggio di Bramanza) былъ Codo (вар. Codonas, Condenas, Condones), у него сынъ Anzilere и дочь Trasfilas. Случилось однажды, что Anzilere безъ всякой причины предательски убилъ Аполлона, перваго короля Lionis'a, изъ Александрова рода. Codo велитъ отрубить ему голову и воспитываетъ восьмилѣтняго сына Аполлона, Gandaries'a, ставитъ его рыцаремъ, выдаетъ за него дочь, а по смерти оставляетъ ему свое царство. У Gandaries'a 12 сыновей; старшій, Zersides (вар. Cresides), становится позднѣе королемъ корнуальскимъ, второй, Baralis, властителемъ Lionis'a; остальные братья пускаются въ рыцарскія приключенія по далекимъ странамъ. По смерти Zersides царство переходитъ къ его брату Baralis, у котораго два сына, Feriando и Felissi; по смерти Baralis и Feriando ихъ царства соединяются въ рукахъ Felissi, который умираетъ съ горя вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго ему ирландскимъ королемъ Dilianfer. У Felissi три сына: Ме-

лиадусъ (король Lionis'a), Маркъ корнуальскій (такъ названный потому, что родился въ первый вторникъ мѣсяца марта) и Перна. — Лишь позже (стр. 31 — 32) говорится, что послѣ войны между Артуромъ и Мелиадусомъ и по случаю празднованія мира между ними, первый предлагаетъ второму женить его на Eliabella, дочери царя Andretho и царицы Felice, сестры Артура.

2. У Елиобелы и Мелиадуса долго нѣтъ дѣтей; наконецъ королева забеременила. Въ дальнѣйшемъ изложеніи есть нѣкоторыя пробѣлы: король ѣдетъ на охоту съ многими рыцарями, «и приехалъ къ одной водѣ, при которой умеръ (кто)?...» Туда же является одна дѣвица, давно любившая его, и увлекаетъ предложеніемъ повести его въ такое чудное мѣсто, какого онъ давно не видалъ. Король согласенъ, и оба пускаются въ путь. «И она ехала дорогою... омъ ехала... а потомъ ночь была в... [ви]дели велми... вшы... чили многіе велми весело прынали коня подъ кородем и зброю. А то былъ городъ оное дѣвки; она его повела ув-одну велми хорошую комору, и коли былъ король у ложницы, пременило са королю сэрцэ и мысль и не была ему на вмѣ его королевая а ни бляшное королевство его, ни слуги, толко онаа дѣвка, котораяа его увела до тог[о] города иж былъ дивно зачарован. — Видевшы то королевы витези, иж не было короля колко ден, и ехали его искати и не могли его найти а ни о немъ вѣдомости мѣти. И онаа королеваяа взавшы зъ собою одну дѣвку и сама поехала искати короля Мелиадуша, абы то могла о немъ якую вѣдомост мѣти. И в'ехали у великое добровы и много блудили, ищучы по всехъ сторонахъ короля, и поткали Мерлина пророка, и Мерлинъ поздравилъ кролевою. И она ему на то рекла почесчене и рекла: Добрыи человекче, если будеш слыхалъ албо маеш якую вѣдомост о моемъ пану короли Мелиадушу, которыйи згибъ безъ вѣсти, для бога повѣдай ми, если живъ есть. Мерлинъ рекъ: Госпожо, правду тобѣ повѣдамъ, иж естъ живъ, здоровъ и вельми веселъ такъ, иж николи передъ тымъ такъ веселъ не бывалъ; але ты вже его своими очима не можеш видети. И то рекшы згнулъ отъ нее, и она была вельми жалосна и почала тужити и

плакати, кленучы день рожена своего и годину тую, въ которую са родила; и хто бы тоє видалъ, не был бы так твердого сэрца, штобы на нее смотречи не плакал, и королевои размножила са жалост и не могла далее ехати и зсѣла ис коня». — Сл. соответствующій эпизодъ французскаго романа: долгая неплодность королевы; Мелиадусъ на охотѣ, встрѣча съ дѣвушкой, которая его любила и настигаетъ его (l. c. f. XX) «deuant une fontaine ou le roy estoit illecques descendu pour ung cheualier qu'il auoit illecques trouue occis. Si le salua et luy dist: Roy, moult ay ouy parler de toy en grant bien, mais se tu estoies si hardy comme on dit et tu me osoyes suivre, ie te monstreroy encores ennuit une des plus belles adventures que tu vis oncques». Король соглашается и ѣдетъ съ дѣвушкой (l. c.) «tant qu'ilz vindrent en une roche qui estoit a la damoyselle. Ceulx de leans firent grant ioye et la damoyselle prend le roy et le mena en sa chambre qui moult estoit belle, et si tost comme il y fut entre, il ne luy souvint de riens nulle fors que de la damoyselle qui le avoit leans amene qui devant luy estoit, et en telle maniere demoura le iour avec la damoyselle. Ceulx de son hostel le queroyent par tout, mais oncques n'en sceurent scavoit aucune certainete et cuiderent que aulcuns l'eussent occis par trahyson. Quant la royne Ysabel vit que son seigneur ne revenoit pas, si print une de ses damoyselles et dist que elle mesmes le yroit querir si celement que nul ne le scauroit. Lors monterent elle et sa damoyselle et s'en alla querant parmy le bois le roy Melyadus son seigneur. Ainsi que elle le alloit querant, si encontra Merlins. Cuidant que ce fut ung forestier si luy dist: Dy hau, forestier, me scaurois tu a dire nulles nouvelles du roy Melyadus mon seigneur qui perdu est en ceste forest? — Dame, dist Merlins, on ne peult recouurer ce qui est perdu, mais cestuy sera encores recouure; et sachez que il est sain et haite et ayse, mays iamais ne le verrez. Et quant il eut ce dit, il se esuanouit si que la royne ne sceut que il fust deuenу, et lors commence a faire son deuil de ce que Merlins luy avoit dit si grant que le mal de son ventre luy en print

et que elle ne peut avant aller, si le dist a sa damoyselle, que le mal de son ventre luy est prins. Et la damoyselle en commence a plourer de pitié; et lors commence la royne a crier a haulte voix et a reclamer Dieu et sa mere».

Королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, надъ которымъ жалобно причитаеть: «прышла есми жалосна на сее мѣсто и в жалости есми тебѣ породила», говоритъ она, «а ты са в жалости родиль, и нехай тебѣ будетъ има Жалостъ» (сл. l. c. triste vins icy, triste acouche et en tristeur ie t'ay eu, et la premiere feste que ie t'ay faicte a este en tristesse, et pour toy me mourray triste. Et quant par tristeur es venu en terre, tu auras nom Tristan). Королева умираеть, дѣвушка остается съ ребенкомъ, когда являются два витязя, родственники Мелиадуса. Увидѣвъ, что королева скончалась, они хотятъ сгубить и ребенка, чтобы завладѣть Еліоносомъ, но дѣвушка умолила ихъ пощадить дитя подъ условіемъ—отнести его въ другую землю, такъ что о немъ и вѣсти не будетъ. — Рыцари возвращаются назадъ съ тѣломъ королевы; но она была беременна, куда же дѣвалось дитя? спрашиваютъ горожане, и Мерлинъ является, чтобы обличить злоумышленниковъ и объявить всѣмъ, что черезъ три дня они увидятъ Мелиадуса. Воспитаніе его сына онъ хочетъ поручить Говорнару (Gouvernail) изъ королевства «гулешкаго» (далѣе: изъ Галуша: de Gaule), который сопровождаетъ его до рѣки Брыкини (la fontaine Bargaigue)¹⁾, гдѣ на столбѣ (pergon de marbre) надпись съ именами трехъ наибольшихъ рыцарей, имѣющихъ здѣсь съѣхаться: Галаада (Galaad), Унцалота и Трыщана. Далѣе Мерлинъ ѣдетъ къ дѣвкѣ, воспитывавшей Тристана, и къ той, которая волшебствомъ держала у себя Мелиадуса; первой велеть отнести мальчика въ Эліоносъ, вторую заставляютъ силой выдать плѣнника²⁾. Возвращенію Мелиадуса всѣ рады; когда

¹⁾ Подробности нашего текста, что (беременная) женщина, отвѣдавъ воды изъ нея, не сносила бы ребенка, французскій романъ не знаетъ.

²⁾ Во французскомъ текстѣ послѣдовательность другая: Мерлинъ направляетъ людей Мелиадуса къ дѣвушкѣ, державшей его у себя; она освобож

принесли Тристана, Мерлинъ велить беречь дитя, говорить, на вопросъ короля о его долѣ, что онъ будетъ изъ «трехъ рыцаревъ наибольшыи рыцерь», (f. XXI *ung des trois meilleurs cheualiers du monde*), и совѣтуетъ поручить его Говорнару. Затѣмъ онъ удаляется, не склоняясь на просьбы короля — остаться. Узнавъ отъ дѣвушки, что его сынъ уже крещенъ и ему дано имя, Меліадусъ отдаетъ его въ науку и опеку Говорнару.

Для того, чтобы встрѣтить у Полидори разказъ, соответствующій сообщенному, надо перенестись отъ стр. 11 къ 39 — 48. Я укажу на главные отличія въ содержаніи: о долгой бездѣтности Эліабелы нѣтъ рѣчи; Меліадусъ охотится въ великой пустынѣ di Medilontas (вар. Meliandes), гдѣ у fontana del Dragone встрѣчаетъ дѣвушку, la Savia Donzella, увлекающую его въ Torre dello Incantamento. — Эліабелла идетъ искать его съ дѣвушкой; встрѣча съ Мерлиномъ и рождение Тристана (имя ему Tantri = tant triste, но еслибъ поставитъ tri передъ tano, получилось бы болѣе красивое имя, говоритъ авторъ: Tritan). — Мерлинъ не самъ идетъ за Меліадусомъ, а посылаетъ вооруженную силу къ дѣвушкѣ, державшей его въ плѣну; вмѣстѣ съ Governale lo Pensoso онъ идетъ въ великую пустыню, гдѣ у fontana de Lionne (вар. del Leone) столбъ съ именами трехъ рыцарей (Galeotto = Galaad). Слѣдуетъ аллегорическое толкованіе столба (petrone di Merlino), заимствованное авторомъ изъ книги, на которую онъ часто ссылается, какъ на свой источникъ¹⁾. — Мерлинъ и Говерналь встрѣчаютъ дѣвушку съ Тристаномъ въ пустынѣ и вмѣстѣ возвращаются въ городъ, куда уже прибылъ Меліадусъ. — Дѣвушка награждена, рыцарямъ-предателямъ отрубили головы.

3. «То оставмо и поведaimo ѿ короли Марку короновалскомъ» (l. c. f. XXI: Mais atant laisse le compte a parler de Tristan et

даеть его; Мерлинъ ѣдетъ съ Говерналемъ къ дѣвушкѣ, у которой воспитанъ Тристанъ.

¹⁾ Она принадлежала мессеру «Viero di Guascogna, dello lignaggio di Carlo Magno di Francia; e il detto libro si è al presente di messer Garo o vero Gaddo de' Lanfranchi di Pisa».

du roy Meliadus son pere et parle du roy Marc comment il occist son frere sur la fontaine au Lyon). У короля Марка былъ младшій братъ Перла (f. XXI Perneheu), добрый рыцарь. Послы изъ «Орълэндэи» приходятъ требовать у Марка дани за семь лѣтъ. Онъ смутился; Перла совѣтуетъ дани не давать, «але штоими са мечомъ на поли, занюж если умрешъ шт меча, почесно умрешъ». (f. XXI se vous mourez, ce sera vostre honneur, se vous vivez, ce vous sera gloire et louenge toute vostre vie). Маркъ ссылается на то, что дань давали и прежде; Перла говоритъ: «ак которое перво глупе чынили, такъ я ты хочешъ» (ib. se vostre lignaige folloya, voulez vous pour ce faire follie et le maintenir?). Король съ этимъ не согласенъ, выслушиваетъ попрекъ брата и, зная его за добраго рыцаря, начинаетъ бояться его¹⁾. На охотѣ, когда Перла нагнулся пить къ рѣкѣ (l. c. fontaine au Lyon; о питьѣ нѣтъ рѣчи), Маркъ убиваетъ его. «Тогожь часу Мерлин дал знати Анъцолоту доброму рыцэру; потомъ Анъцолотъ ударыль короля ув-очы: Ты-сь зрадне вбилъ добраго рыцэра брата своего» (l. c. ia ne eust este sceu se ne fust ung escript que Merlin fist en une roche que Gaheriet trouua depuis et le monstra a Lancelot. Ces deux sceurent ceste adventure et puis le reprocha Lancelot du Lac au roy Marc).

Сл. Polidori стр. 10—11: Amorotto (вар. Amoroldo) ирландскій требуетъ обычной дани (которую Felis обѣщался платить Derianfer'у — Dilianfer'у); братъ Марка названъ Perna; онъ убить на охотѣ nel deserto di Liantes, fontana del Leone. О Мерлинѣ и Ланцелотѣ нѣтъ рѣчи.

4. Мелиадусъ женится во второй разъ на королевѣ из *Малое земли* (Франц. романъ, l. c.: la fille au roy Houel de Nantes de la Petite Bretagne), когда Тристану было семь лѣтъ. Мачеха ненавидитъ его, ибо боится, что онъ «подъ ее сыномъ шзметъ панство», и пытается отравить его (и не могла инымъ, толко трутизною = l. c. mais elle ne veoit pas comment, se ce n'estoyt par

¹⁾ Франц. текстъ здѣсь гораздо подробнѣе; вѣроятны сокращенія со стороны переводчика.

venin). Приготовивъ ядовитый напитокъ въ серебряной фляшѣ (l. c. *vaisseau d'argent*), она ставитъ его въ головахъ «в ложки»; не зная о томъ, нянька ея собственнаго ребенка напояла его тѣмъ питьемъ, отчего дитя тотчасъ же умерло. Нянька принялась горько плакать, ее всѣ обвиняютъ, вмѣстѣ съ другими и королева. Она говоритъ: не я его уморила, а тотъ, кто поставилъ здѣсь этотъ ядъ. Спрошенная королемою, она отвѣчаетъ также, и король вѣритъ этому и велитъ ее отпустить, а Говорнаръ говоритъ ему, что та «струтизна» приготовлена была либо ему самому (Меліадусу), либо Тристану. Король втайнѣ совѣщается со своими (l. c. *ung sien privé*), кто бы могъ то учинить, а королева мыслила про себя: «только есмь сына вморила, а чего есмь хотѣла, того не вчинила». Говорнаръ велитъ Тристану не общаться съ мачехой, которая строитъ новыя козни. Однажды, когда Тристанъ пришелъ къ отцу въ ложницу, король велѣлъ дать себѣ пить; Тристанъ «отворилъ одну «лмарею, где стояли добрыя пята, и нашолъ одинъ кубокъ чистое трутизны и взявъшы принесъ королю, а королева прышла в тот час и вбачила в короля кубокъ в руку и закликала: Пана, для Бога не пи того пята» — Почему? — «Не добро то тобѣ пити» (f. XXII *Le boire n'est pas bon pour vous*). Къ чему же ты хранишь такой напитокъ? спрашиваетъ король и гнѣвно задумался. Видитъ это Тристанъ, палъ на колѣна, проситъ у отца «одного дару». Получивъ обѣщаніе, онъ молитъ отпустить гнѣвъ мачехѣ, ибо не подобаетъ «абы моя пани згнула коли ей могу жывот заховати». — «Хто тобѣ сее радил?» спрашиваетъ его король; Тристанъ отвѣчаетъ: «Богъ вѣ, ни с кимъ са есмь не радил, але правда и подобность моя на то ма вела, иж ми са то неподобало абы моя пани згнула коли ей могу жывот заховати» (f. XXII: *Or me dy qui le te conseilla demander? Sire, dist l'enfant, fors que raison et aussi droicture qui mene mon cueur, et ce que ie ne doys pas laisser perir ma dame quant ie la puis bien sauluer*). Тогда король велитъ женѣ выпить тотъ кубокъ; она отказывается и подъ угрозой смерти говоритъ, что тотъ ядъ она при-

готовила Тристану. Ее уводятъ въ темницу, а Мелиадусъ собираетъ совѣтъ по ея дѣлу; судьи приговариваютъ ее къ смерти, хотя сами плачутъ, но король рѣшаетъ, какъ просилъ Тристанъ: «Будь такъ какъ ты хочешь, нехай будетъ тобою вызволена... И королева осталась вдовомъ при королѣ, а король не мѣлъ на нее ласки, а только ненавидѣлъ со всего сѣрца». Однажды, когда Мелиадусъ съ сыномъ и Говорнармомъ были на охотѣ, явились два рыцаря, спрашиваютъ: Кто здѣсь король? Имъ отвѣчаютъ: Здѣсь король съ сыномъ. Говорнармъ спохватился: Нѣтъ здѣсь сына, его оставили дома. Тогда тѣ рыцари приступили къ Мелиадусу и говорятъ: «Ты намъ не чинилъ ничего злого, а некто изъ твоего двора мыслитъ насъ погубити, и теперъ мыслимо збыти того если устоимъ». Они убиваютъ короля и сами убиты. «А они оба были племянники князю изъ Нороту, которые были наибольшее племя отъ Корновали. То имъ была одна ворожбитка поведила: вамъ погинути отъ короля Мелиадуша двора. А въ томъ имъ была рада отъ короля Марка корновальскаго, ижъ онъ боялся са Трыщана, если приидетъ къ лѣтомъ, абы его съ панства не выгналъ, какъ была она ворожбитка рекла, такъ и потомъ, коли Трыщанъ пришолъ къ лѣтомъ, пришолъ изъ своею дружиною и вбилъ князя изъ Норота своею рукою и сказалъ городъ ихъ, ижъ тамъ камень на камени не зосталъ». — Сбивчивость русскаго текста объясняется сравненіемъ съ французскимъ; рыцари говорятъ королю: (l. c.) Roy Melyadus, nous te voulons grant mal et si ne l'as pas desservy, mais toy ou homme de ton lignage le desservira, car nous serons honnis et avillez par toy ou par homme de ton lignage et toute Cornouaille en tremblera de paour, et pour le destourner si nous en prendrons a toy». Они «estoyent hoirs de Morhault et leur avoit dit une damoyselle qu'ilz devoient estre honny par le roy Melyadus, si s'en cuydoient par ce destourner, et sanz faille ilz y estoient venuz par le conseil du roy Marc, qui ne doubtoit homme du monde autant comme il fesoit Tristan. Si advint tout ainsi comme la devineresse luy avoit dit» и т. д.

Тѣло короля отвозятъ въ городъ, Тристанъ и горожане оплакиваютъ его, а Марко «почал много мыслити ѿ том. И пришлогъ к нему ѿдинъ хлопец, который болшея вѣдал нижли иные люди по Мерлину (ib. ung naun qui estoit deuin et scavoit des choses advenir et avoit este longtemps avecques Merlin qui moult lui avoit aprins) и все што маетъ быти». Онъ говоритъ ему объ опасности, которая ожидаетъ его отъ Тристана, когда онъ придетъ въ силу ¹⁾, а Говорнаръ, видя, что мачеха продолжаетъ ненавидѣть Тристана «иж бы са ея тага земля ѿстала», убѣждаетъ его уѣхать во Францію, къ королю Перемонту (l. c. En Gaule au roy Pharamon), гдѣ онъ научится рыцарству; когда ты вернешься въ Елионось, «никто ти не будетъ смѣти рѣчы, штобы тобѣ невдачно» (l. c. ia ne trouerez vous nul si hardy qu'il le vous ose contredire). Перемонту, который принимаетъ ихъ милостиво, они себя не называютъ. «Трыщанъ почалъ рости и глѣпшати и в малыхъ днешъ иж са ему дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы (f. XXIII: ieu des eschetz et des tables) лепшея надъ иныхъ, и всакое его доброты не было ровни, а никто такъ строине не могъ на кони седѣти такъ ѿн». Въ него влюбляется дочь короля (во франц. романѣ: Belinde), долго томится, раздумывая о томъ, какъ дать ему знать о своей любви, и наконецъ открывается въ ней Говорнару: пусть приведетъ его къ ней, иначе «прыправлю его къ великой легкости». Говорнаръ смущенъ: что скажетъ король, если Тристанъ поддастся? Тѣмъ же онъ обѣщаетъ исполнить порученіе. — Французскій романъ рассказываетъ здѣсь (f. XXIII) эпизодъ (= Polidori, стр. 55), неизвѣстный нашему тексту: о посѣщеніи короля Фарамона Morhoul'омъ (въ нашемъ текстѣ: Амуратъ) ирландскимъ; юродивый (fol) предсказываетъ ему смерть отъ руки Тристана, чему тотъ смѣется; позже, во время поединка съ Morhoul, Тристанъ напоминаетъ ему о предсказаніи. — Говорнаръ говоритъ Тристану объ увлеченіи дѣвушки; тотъ на отрѣзъ отказывается, не желая

¹⁾ Въ франц. текстѣ рѣчь карлика подробнѣе.

оскорбить принявшаго его къ себѣ отца («Если ма милует збыточною милостью, я того не вчиню, нехай збыток пры ней»; сл. l. c. se elle me aume de bon amour, elle a droit, car aussi l'aume ie de tout mon cueur a son preu et a son honneur, et s'elle m'aume par folie, garde, car ia ne sera acomplie par moy). Когда Говорнаръ сообщаетъ объ этомъ отвѣтѣ, она сильно опечалилась. (Такъ ли са Трыщан со всимъ ѡт мене ѡтнесл? = l. c. m'a il reffusée). Однажды, когда Тристанъ шелъ мимо ея ложницы, она выбѣжала, обхватила его руками и принялась его цѣловать; онъ, боясь, чтобы кто-нибудь того не примѣтилъ, оттолкнулъ ее отъ себя. Увидѣвъ «иж того мѣти не может чога хотѣла», она принимается голосить и сбѣжавшемуся люду говорить, что Тристанъ хотѣлъ ее изнасиловать (зквалътовати = l. c. honnir). Король веритъ обвиненію и велитъ посадить Тристана въ темницу. Говорнаръ опечаленъ; когда онъ идетъ къ Фарамону, встрѣчающіеся срамятъ его: «Такъ ли еси вывчил Трыщана? (l. c. qu'il auoit mal enseigné Tristan). Королю онъ говоритъ наединѣ о любви его дочери и ея порученіи; но король ему не довѣряетъ и хочеть самъ испытать дочь. Пославъ за нею онъ сообщаетъ ей, что хочеть отомстить за нанесенное ей оскорбленіе. Она отвѣчаетъ: «Государу, справедливе ест, нехай кождым ѡзметъ по своим дѣлам. И рек король: Дочко, если ты въсхочеш, ты будешъ ему жона, а если не въсхочеш, ѡнъ будет мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и позналъ король иж не естъ панна непрыгатель Трыщану» (f. XXIII: Sire, il est droit que chascun compare sa folie. Et le roy dist: Fille, ia de telle mort ne le scaurez iuger, qu'il ne meure, sur vous en sera le iugement. Et elle pense, se le iugement estoit sur elle, que il n'auoit garde comment que elle en fust blasmee apres. Le roy voit bien et appercoyt qu'elle ne hayt pas Tristan tant comme on cuide). Тогда онъ велитъ привести Тристана и Милиенца, двоюроднаго брата («дадковича») дочери (l. c. Meliant son cousin), обвиненнаго въ смертоубійствѣ, и говорить дѣвушкамъ: пусть выбираетъ, кому изъ нихъ умереть, одному онъ проститъ. Та не знаетъ, что ска-

зять, боится попросить за Тристана, просить за Миленца, потомъ за Тристана, когда король замахнулся на него мечемъ. Король настаиваетъ на ея первомъ рѣшеніи, а она говоритъ: пусть лучше ее убьютъ, чѣмъ его; затѣмъ просить у отца мечъ, чтобы самой отмстить Тристану, но когда мечъ у нея въ рукахъ, она объявляетъ отцу: отпусти Тристана, или я сама себя убью. Она сознается, что любитъ его, а король говоритъ ему: «Ты вжэ правъ» (l. c. *delivre*). Когда Тристанъ разсказалъ Говорнару, какъ онъ освободился отъ взведеннаго на него обвиненія, тотъ совѣтуетъ ему бить челомъ королю, чтобъ отпустилъ его: какъ бы панна «чого злого не вчынила» (l. c. *mal puis en rougrait bien venir*); они поѣдутъ въ Еліонось къ дядѣ Марку; ты такъ возмужалъ, что коли захочешь таиться, тебя не узнаютъ; будешь служить, а когда настанетъ время, самъ король опояшетъ тебя мечемъ (l. c. *vous fera chevalier*). Тристанъ идетъ откланяться Перемонту¹⁾; когда королева узнала, что Тристанъ уѣзжаетъ, «она была збытне смутна и послала ему иноходника и выжла однимъ пахолкомъ», котораго Тристанъ обѣщаетъ, по его просьбѣ, поставить рыцаремъ, когда самъ будетъ таковымъ. Еще разъ посылаетъ королева къ Тристану: просить прислать ей его мечъ, чтобы она могла поцѣловать его. Получивъ мечъ, она проколола себя на мѣстѣ. Во французскомъ романѣ (f. XXIII) Тристанъ уже уѣхалъ, когда дѣвушка посылаетъ въ догоню за нимъ своего *escuier*, съ любовнымъ письмомъ, въ которомъ съ нимъ прощалась, такъ какъ рѣшила заколоться мечемъ, которымъ раньше ея отецъ хотѣлъ снести ему голову. Въмѣстѣ съ письмомъ она шлетъ ему своего *brachet*, «ung des meilleurs brachets du monde» (l. c.); объ иноходникѣ нѣтъ рѣчи. Самоубійство происходитъ до отправленія посланнаго за письмомъ; послѣдній остается при Тристанѣ. «Et sachez qu'il fut puis cheualier de grant proesse, compaignon de la table ronde, mais puis l'occist Tristan en la queste du saint Graal par meschanceté,

¹⁾ Въ франц. текстѣ (l. c. f. XXIII) сцена съ королемъ подробнѣе, и Тристанъ открываетъ ему, кто онъ такой.

ainsi comme il s'en alloit après Palamedes le cheualier sarrazin» (I. c.). Тоже говоритъ о немъ нашъ текстъ, по въ другомъ мѣстѣ по поводу перваго турнира въ Ирландіи: «И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцѣромъ, и былъ храбръ и великое доброты и былъ товаришъ съ Округлаго стола великое доброты; и заса с прыгоды забилъ его Трыщанъ своею рукою не знаючи иж онъ стоялъ за Паламидежомъ, который велми миловалъ цудную Ижоту. А тому рыцѣру было има Бербешъ». Французскій романъ (f. XXIX) повторяетъ при этомъ случаѣ то же извѣстіе, въ нѣскольکو иной формѣ, называя на этотъ разъ и рыцаря: *Hebes le genotmé*.

Обращаемся къ тексту Полидори, I. c. стр. 48—63. О томъ, что подробности о второмъ бракѣ Мелиадуса здѣсь другія, сказано было выше.

Неудачныя ковы мачехи разсказаны въ обратномъ порядкѣ: сначала король хочетъ пить изъ кубка, въ которомъ приготовленъ былъ ядъ (лишнее: ядъ испытанъ на собакѣ), а затѣмъ уже говорится объ отравленіи сына мачехи. Смерть Мелиадуса передается коротко, безъ подробностей: на охотѣ его убиваютъ враждебныя ему рыцари; ихъ двѣнадцать; въ послѣдствіи Тристанъ отмстилъ имъ, какъ вы о томъ услышите. Отъѣздъ Тристана къ *re Fieramonte* (вар. *Feramonte*, *Ferramonte*) in *Gaules*; онъ оставляетъ по себѣ правителемъ вѣрнаго человѣка, друга отца, *messer Palmoano* (вар. *Palmiano*, *Palmino*), которому поручаетъ пецись о мачехѣ. У *Fieramonte* (его столица *Parigi*) дочь красавица *Bellices* (вторая умерла), которая ввѣряетъ *Governale*’ю свою любовь къ Тристану. Слѣдуетъ, какъ и во франц. романѣ, пріѣздъ Аморольда Ирландскаго и предсказаніе одного «*folle della corte, lo quale era appellato Rocchetto*». Эпизодъ съ *Bellices* представляетъ такія отличія: Тристанъ фехтуетъ съ другими рыцарями въ большой залъ дворца; *Bellices* любитъся имъ и поджидаетъ его въ проходѣ между двумя покоями. Когда Тристанъ ей не внимааетъ, она кричитъ въ тоскѣ: Помоги, помоги мнѣ, дорогой, прекрасный повелитель! — разумѣя — Бога Любви. Когда

на ея крикъ сбѣжались, она говоритъ: Поглядите на этого негоднаго молодца, не желающаго оказать мнѣ чести и поклоненія (*cortesía*) и заставляющаго меня страдать до смерти. Въ сценѣ суда племянникъ короля названъ *Врано* или *Абрано*; король предлагаетъ Тристану руку дочери, онъ отказывается за юностью: ему еще надо поучиться рыцарскому дѣлу. Въ рассказѣ о смерти *Bellices* есть особенности, соединяющія отличія русскаго и французскаго текстовъ: она посылаетъ Тристану съ конюшнимъ своего коня, *выжлока* (*bracchetta*) и письмо, и причитая о Тристанѣ, бросается на мечъ въ присутствіи посланнаго, дабы онъ могъ быть свидѣтелемъ ея смерти. Изъ письма, которое читаетъ Тристанъ, онъ узнаетъ, что мечъ былъ тотъ самый, которымъ король хотѣлъ отрубить ему голову. О просьбѣ конюшаго поставить его рыцаремъ ничего не говорится.

5. Тристанъ и Говорнаръ являются къ королю Марку, который не признаетъ племянника и нѣкоторое время спустя ставитъ его рыцаремъ. Во французскомъ романѣ, который вообще излагаетъ подробнѣе, это обстоятельство рассказано послѣ прибытія посольства отъ *Morhoul*, но раньше, чѣмъ оно принято въ аудіенціи Маркомъ: узнавъ отъ одного стараго рыцаря о цѣли посольства, Тристанъ проситъ опоясать его мечемъ, чтобы ему можно было биться съ *Morhoul*. — Въ это время явились изъ «Орлендэи» четыре рыцаря отъ Амурата (*Morhoul*) съ требованіемъ запущенной дани, иначе они грозятъ бѣдою: «не «станетъ тутъ пады земли штобы не скажона» (f. XXV: *il ne te donnera plein pied et toute Cornouaille en sera destruite*¹⁾). Марко устрашенъ, а Тристанъ выступилъ впередъ и велитъ сказать Амурату, что обычаю предковъ они слѣдовать не будутъ, «а если вашъ панъ король арлендэискии хотѣлъ бы ее мѣти (то-есть, дань),

¹⁾ Нашъ текстъ сократилъ въ одно двойное упоминаніе *Morhoul* во французскомъ романѣ. Здѣсь послѣдовательность такая: приѣздъ *Morhoul* (съ нимъ его товарищъ *Gaheriet*); требованіе дани и сѣтованіе конюшальцевъ; Тристанъ узнаетъ о томъ и хочетъ биться съ *Morhoul*; его ставятъ рыцаремъ; f. XXV: «ainsi comme ilz faisoient la feste Tristan, vecy venir quatre chevaliers sages et bien parlans de par le Morhoul».

нехай приидет а ѡзметъ черезъ мѣчь на поли, (l. c. ie suis tout prest de me combattre a luy corps a corps), а инакъ ее не можетъ мѣти, а ѡ готовъ ѡтнати ее моею рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? (l. c. Et ce pour vous que ce cheualier a parlé)? И король рекъ: Коли онъ хочеть взати тую битву за корновальскую свободу, говору и ѡ». Когда послы Амурата замѣчаютъ, что онъ будетъ биться лишь съ человѣкомъ «великаго роду» (l. c. de aussi hault lignaige), Тристанъ объявляетъ, кто онъ. Узнавъ объ этомъ, «кто ест, который тую битву взалъ» (l. c. qui la bataille a emprinse) и услышавъ похвалы новоставленному рыцарю, Амуратъ глумится: «онъ будетъ каати са, новыи рыцаръ новую смерть хочетъ взати (f. XXVI: «il fut hier cheualier nouveau et demain luy convient essayer nouvelle mort»). Онъ снова посылаетъ къ Марку узнать о мѣстѣ, назначенномъ для поединка; вмѣстѣ съ другими идетъ Гарнотъ. «И рекъ Гарнотъ: Идъ вамъ вчыню дружбу (то-есть, буду вашимъ товарищемъ), ижъ того рыцаря увижу кого такъ фалать (l. c. et Gahegriet dit qu'il uga aues eulx, si verra celluy Tristan); Маркъ назначаетъ островъ Самсонъ (l'isle Sainet Sanson, l. c.)¹⁾, противники поѣдутъ каждый въ своемъ суднѣ, «и каждый будетъ собѣ морнаръ» (l. c. ayt chascun son batel et son marinier pour luy gouuerner). Гарнотъ доноситъ объ этомъ Амурату, котораго пыгается отговорить отъ битвы съ Тристаномъ: коли ты падешъ, «то великая шкода ув-Орлендѣи будетъ, а коли са ему што станетъ, великая шкода всему свѣту будетъ», но Амуратъ не хочеть ничего слышать и готовится къ бою. Марко и Тристанъ съ рыцарями и всѣ корновальцы идутъ въ церковь; на другой день, сварядившись къ бою, Тристанъ идетъ «у гостилницу» (l. c. au palais; въ оригиналѣ стояло, вѣроятно, hostel, albergo), гдѣ Марко выходитъ къ нему на встрѣчу и упрекаетъ, зачѣмъ онъ таился отъ него? Коли бы онъ зналъ, кто онъ, не далъ бы ему

¹⁾ Такъ и въ Erec et Enide Chrestien'a de Troies:
 La ou Tristanz le fier Morhout
 En l'isle Saint Samson veinqui.

биться, «хота бы са вса Корноваль пороботала» (l. c. en seruage). Узнавъ, что Амурать уже переправился на островъ, Тристанъ вооружается, беретъ съ собою «добраго фреза» (фарижа, l. c. cheval) и переправляется на лодкѣ, которую, приставъ, отпихиваетъ отъ берега. Амурату онъ объясняетъ этотъ поступокъ: «одному з нас проч пойти твоеси лодьи, а другому тут ѡстати». Амурать уговариваетъ его покинуть битву, Тристанъ не согласенъ. Битва идетъ сначала на коняхъ («древа поламали» = glayues l. c.), затѣмъ пѣшая; Амурать начинаетъ страшиться; Тристанъ раненъ «у стегно кроткем ядовитымъ» (l. c. du fer du glayue Morhault qui envenime estoit), а противнику разрубилъ голову до мозга, «и ѡстал ему вломокъ меча в голове». Дружина перевозитъ смертельно раненаго на тот берегъ, а корновальны кличуть врагамъ: «Злаа вам дорога, ѡто вамъ дань!» (l. c. allez vous en sans retournei, malle tempeste vous puisse tous noyer). Тристанъ жалуется на нестерпимую боль въ стегнѣ; никакія мази и лѣкаря не помогали, его страданія вызываютъ общее горе: «Ѡ Трыщане почестныи и добрыи рыщару, чуднаа молодости, кол дорого купилъ еси свободу корновальскую! (l. c. bien nous a fait par sa misericorde grant grace, par la proesse de Tristan est huy Cornouaille deliuree de seruage). Мы ѡставуем весели, а ты вмираеш ѡкрутною-смертью! (l. c. dont les preudhommes en sont moult dolens et dient: Ha, ha Tristan, comment vous auez cher achapte la franchise de Cornouaille! Vous mourrez a douleur de ce nous sommes a ause). Одна женщина совѣтуетъ Тристану поискать излѣченія въ другой странѣ. «Рекъ Трыщан: Я не могу на кони седѣти а ни на носилицахъ нести са» (f. XXVII ie ne pougroye cheuaucher ne ie ne pougroye souffrir a estre porte en litiere). Онъ проситъ дяю: «наради ми доброе судно и поставъ што ми так потреба в немъ, стравы и питьа и ѡдно легкое ведро, которое бы могъ ѡдин человекъ долов спустати, и покрыи ми его добрымъ сукномъ дла дождчу и дла вѣтру: хочу са пустити по морю, кгда ми фортуна принесесть, ачеи ми са гдѣ лѣкар найдеть к тои ране, ѡт которое умираю.... А коли

будет судно готово, вложи ма в него и дай ми мою арфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести легчало» (l. c. Pourvoyez moy d'ung petit vaissel a ung petit vaissel a ung petit voylle bien faict que ie puisse tout par moy monter et avaller quant ie vouldray, et sera par dessus couuert de soye pour le chault et pour la pluye et la me ferez mettre mes viandes dedans dont ie me pourray soustenir une piece de temps et si ferez mettre ma harpe, ma robbe et tous mes instrumens dont ie me deduyrai aucune ffois). Маркъ отпускаетъ его со слезами; черезъ два дня (l. c. quinze iours ou plus) «Фортуна» пригнала его «в Орлендѣю под один город» (l. c.: le chasteau de Hessedoc), гдѣ царствовалъ король Ленвизъ, женатый на сестрѣ Амурата, искусной лѣкаркѣ. — Франц. романъ не называетъ здѣсь короля по имени, но далѣе ему имя Argius f. XXIX (то же въ Le pouveau Tristan 1586 г.), что отвѣчаетъ близко нашему Ленвизъ-Anguis (l'Anguis?) Когда Тристанъ «былъ на край мора перед замком, оны с того былъ велми весел и взял арфу и настроилъ и почалъ играти што напудней могъ». (l. c. si doucement, que nul ne l'ouyt qui volentiers ne l'escoutast). Слышитъ это Ленвизъ, подозвалъ королеву и оба идутъ къ берегу; когда Тристанъ узналъ отъ нихъ, что оны въ Ирландіи, утѣшился, называетъ себя рыцаремъ «изъ Элисноса города а отъ земли обѣфитое», (l. c.: de Leonnoys pres de la cite d'Albime), ищущимъ излѣченія отъ раны. Царь ободряетъ его: у него есть дочь, которая знаетъ въ ранахъ толкъ лучше всѣхъ лѣкарей, она будетъ ходить за нимъ «для бога и для дворности» (l. c. pour dieu et par pitié). Тристана переносятъ въ одну комнату, а Ленвизъ посылаетъ къ нему свою дочь Ижоту; ея зелья сначала не помогаютъ («Болшеи десяти дней панна прыкладала зѣлье» = l. c.: En celle chambre fut Tristant dix iours entiers. La damoysele prenoit garde chascun iour de luy), пока она не догадалась, что рана ядовитая и не употребила соотвѣтствующихъ средствъ. Тогда выздоровленіе пошло быстро, и Тристанъ спѣшитъ ухъать, пока его не узнали, когда явились три рыцаря «отъ округлаго

стола короля Артиуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул» (франц. романъ: *Gaheriet, Keu, Vaudemagne*), на турниръ, который выкликала одна панна: «которые бы рыцар болше мужовал в томъ турнаю, тот ее пойметъ, а если бы ее не хотѣлъ понати, и она ему масть дати дар такъ много, што колко десатъ рыцаров мают»¹⁾). Рыцари видятъ Тристана у Ленвиза, но его не признаетъ даже Гарнотъ (l. c. *Gaheriet*), приходившій съ послами Амурата: такъ онъ измѣнился отъ болѣзни. На вопросъ Гарнота, онъ называетъ себя просто гостемъ (l. c. *estrange home*) и сопровождаетъ Ленвиза на турниръ, хотя отказывается отъ оружія и коня: онъ еще слишкомъ слабъ²⁾). На пути они встрѣтили Гаваона (l. c. *Gauvain*), племянника Артура; за нимъ ѣздитъ, нося его щитъ и сулицу (l. c. *glauue*), тотъ самый юнакъ (l. c. *escuyer*), который привелъ Тристану вноходца и выжлока отъ дочки Перемонта. Онъ узналъ Тристана, который проситъ его не открывать его имени, готовъ исполнить обѣщаніе — поставить его рыцаремъ³⁾ и узнаетъ отъ него, что тотъ, за кѣмъ онъ ѣздитъ, Гаваонъ, о чемъ и сообщаетъ Ленвизу. Вечеромъ встрѣтился имъ рыцаръ съ чернымъ щитомъ и двумя мечами; Гаваонъ объясняетъ Ленвизу, что носить два меча имѣетъ право лишь тотъ, кто отважится биться съ двумя рыцарями; что еслибъ его побѣдилъ рыцаръ не «з Лондреша», то онъ обязанъ былъ бы отбросить одинъ мечъ, и — ходить цѣлый годъ безъ оружія

¹⁾ f. XXVII: Ils estoient venus en Yrlande pource que la dame de Glandos qui se vouloit marier, avoyt fait crier le tournoyement, si y estoient ia venus les barons de (f. XXVIII) maint pays, et auoit este crié en plusieurs royaumes par si que qui mieulx le feroit, auoit la dame en mariage s'il vouloit, et conviendroit que le roy d'Irlande qui tout ce avoit fait crier pour ce que la dame estoit sa cousine germaine, qu'il donnast au mieulx faisant cheualier le fief de dix cheualiers pour estre a celluy tournoyement.

²⁾ Онъ прибавляетъ: «а коли ты въскочеш ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо оружье, иж человекъ не вѣдает, што са ему гдѣ прыгодитъ» = f. XXVIII: non pourtant se vous y voulez aller, ie vous feray volentiers compagnie et par adventure que lors porteray armes et par adventure que non feray.

³⁾ Объ этомъ обѣщаніи во французскомъ текстѣ раньше не говорилось. Теперь конюшій проситъ у Тристана «ung don»...: «Sire, vous me ferez demain cheualier».

«за соромы», еслибы былъ побить рыцаремъ изъ «Лондреша», гдѣ «наибольшые рыцеры»¹⁾. На другой день, поставивъ рыцаремъ юнака Перемонта (сл. выше стр. 153), Тристанъ ѣдетъ къ мѣсту турнира «на одномъ болоте подъ замкомъ» (f. XXVIII: Chateau des Landes). Приѣхали туда король «Ланишъ изъ Локви», «Артиушъ зъ Лондреша» и король надъ Ста рыцарями, служившій «принципу Галиоту». Послѣднихъ двухъ нѣтъ во французскомъ романѣ, а первый названъ: Aguysaulx d'Escosse, и далѣе являющийся въ нашемъ текстѣ подъ именемъ короля Сго(т)скаго. На турнирѣ сторону послѣдняго держатъ рыцари Круглаго стола: Гарнотъ, Иванъ, сынъ короля Урыана, Гавашъ, Гешъ, король Бэндемагул, Дондиель, Согремор, Гвирешъ (франц. романъ: Messire Gauvain, messire Yvain et le filz du roy Brien, Keux le senechal, Gaheriet, Garaches, Baudemagus, Dodineau le Sauvage, Sagremor le Desreé, Guires le petit, Girflet le filz do (sic), f. XXVIII), но рыцарь съ чернымъ щитомъ, который оказывается Паламидежемъ (Palamedes le sarrazin, f. XXIX), отбиваетъ у нихъ побѣду. Видя себя побѣжденнымъ, король надъ Сту рыцарями, любившій всѣмъ сердцемъ «красную Ижоту» (Iseult la belle, f. XXVIII), опечаленъ, хочетъ поправиться на другомъ турнирѣ, которому назначаетъ быть черезъ десять дней. А «Паламидежъ поехалъ ув-Орлендѣю»²⁾, говоречы тотъ турниръ почтене Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлъ на сѣрцы и мыслилъ какъ в томъ другомъ турнирѣ мѣлъ бы са з нимъ росправити... и вступилъ въ храбростъ противъ Паламидежа (en orgueil et en bobant, f. XXIV) и гледѣлъ на него злыми оучыма, иж са ему видело, што онъ чинитъ великий соромъ рыцаромъ...; и такъ са ему видело, иж

1) l. c. s'il trouoit ung meilleur cheualier que luy qui a oultrance le mist qui ne fust pas du royaume de Logres, que en feroit il? Il n'en porteroit que une en signifiante de sa honte.

2) Во французскомъ текстѣ l. c. говорится, что когда Паламедъ возвращался съ турнира, король Шотландскій ѣдетъ за нимъ слѣдомъ, спрашиваетъ—будетъ ли онъ на слѣдующемъ турнирѣ. Далѣе Паламедъ встрѣчается съ королемъ Ирландскимъ, который и приглашаетъ его къ себѣ («ув-Орлендѣю»). Въ русскомъ текстѣ этотъ эпизодъ спутанъ.

он хочет мѣти Ижоту и она его милуетъ со всего сэрца, и почали са з нимъ непрыязннн и немнловатн межы собою Трыщанъ и Паламндежъ». Ижота нн о чемъ не догадывается, догадалась ея прислужннца Брагннн (французскнй романъ: Brangien, f. XXIX), спрашнваетъ госпону: кого бы изъ двухъ она предпочла, еслнбъ онн ее любнлн? Та отвѣчаетъ, что Паламндежа, нбо онъ большнй рыцарь; а «колн бы нашъ такъ рыцэр (то-есть, Трнстанъ) былъ добръ н такого врожена, нкъ по немъ бачымъ (f. XXIX: de sa proesse gentil homme), онъ бы былъ наибольшнн н напуднейшнн рыцэр». Слова этн слышалн Паламндежъ н Трнстанъ, сндѣвшнн въ одной коморѣ; Трнстанъ вышелъ гулять («на едно болото» = XXIX en ung pré) н почалъ мыслнть, нж его млостъ къ Ижоте нуднла. Рекъ самъ къ собѣ: Я не могу прытн на досконалостъ красное Ижоты (l. c.: qu'il ne peut avoir l'amour d'Iseult), еслн не сброню пыхн (l. c.: s'il n'abat l'orgueil de Pallamedes) Паламндежовы, а того не могу вчнннть безъ доброго коня н безъ доброй зброн. Тѣмъ не менѣ онъ отказывается отъ предложеннн Ленвнза поѣхать на второй турниръ н остаетса дома печальный. На вопросъ Брагннн онъ говоритъ, что тужнть потому, что за немнннемъ коня н зброн не можеть ѣхать на турниръ. Почему же не отправнлся ты съ королемъ?—Чтобы меня не позналн. Тогда Брагннн даетъ ему добраго коня н зброю безъ знаменнн (f. XXIX: armes et couvertures toutes blanches) н своихъ двухъ братьевъ, чтобы ему служнлн (l. c. Permis et Mathanael). Брагннн онъ проснтъ нкому нчего не говорнть объ этомъ дѣлѣ. На турнирѣ появленн Паламндежа вызываеть общнн ожданнн; онъ бьетса, н поле остаетса за нмъ; всѣ крнчатъ: «с чорнымъ щытомъ н з двема мечы другнн разъ добылъ турнаа». (l. c.: tout vainquera le chevalier a l'escu noir, tout vainquera celluy aux deux espees). Когда Трнстанъ распозналъ его, поѣхалъ на него н вызываеть на бой: дважды¹⁾ свергаетъ его съ коня, гоннть, дѣлая ему «соромъ» н для того, чтобы онъ не смѣлъ показываться на глаза

¹⁾ Между первымъ н вторымъ боемъ съ Паламедомъ французскнй романъ помѣщаетъ бой Трнстана съ рыцарями Круглаго стола.

Ижотѣ. Паламидежъ узнаеть его, не зная его имени, по вызову: «Рыцѣру, верни са, да видимъ, который з насъ годнейшыи до-броты рыцѣрское, и который з насъ годнейшыи миловати крас-ную Ижоту».

Сваливъ Паламидежа, Тристанъ ѣдетъ, и слѣдуетъ эпизодъ о его встрѣчѣ съ дѣвушкой, посломъ короля Артиуша, ѣхавшею искать рыцаря, что «взал Болачу стражу» (*La douloureuse garde*, f. XXX); она видитъ далѣе опечаленнаго Паламидежа, который говоритъ ей о своемъ поражени, и встрѣчаетъ Гаваона, также искавшаго побѣдителя Болячей стражи; «а то былъ Аньцолот з Локвев» (f. XXX: *du Lac*). Вмѣстѣ съ Гаваономъ она ѣдетъ далѣе въ Лондрешъ (l. c. *Logres*).

Между тѣмъ Тристанъ вернулся домой ночью и на вопросъ Брагини, кто побѣдилъ на турнирѣ, говоритъ только, что Пала-мидежъ чести не добылъ, а «та есми доконал свое вымышленне жаль есми хотѣл». Когда онъ всталъ на другое утро, «было ему видене затекло и посинело ѡт многих вдаров». Всѣ говорятъ о бѣломъ рыцарѣ, побѣдителѣ турнира, а Тристанъ «ѡ том сты-дил са, бо не рад бы штоб его познали» (f. XXX: у Тристана опухло лицо, и о немъ говорятъ, *qu'il auoit este en feste. Et quant il ouyt que on disoit telles parolles, si en auoit grant honte*). Говорятъ о бѣломъ рыцарѣ и король и Гарнотъ и Бандэмагул пан и Уванъ (последняго имени нѣтъ во французскомъ романѣ); предполагають, что то былъ Ланцелотъ, но Брагиня догады-вается, что то былъ рыцарь, котораго она вооружила. Она от-крываетъ это Ленвизу, показываетъ ему сброю и щить, которые признаны за бывшіе на побѣдителѣ. Король идетъ къ Тристану, журить его (та мамъ на та жаль = XXXI *de vous ie me plains a vous*), зачѣмъ онъ отъ него тайся, просить сказать свое имя. Тристанъ сознается, что онъ былъ на турнирѣ, но имени своего не говоритъ, и король даруетъ ему свою пріязнь. «По том (Ainsi, l. XXXI) Трыщаново рыцѣрство было значно ув-Орленгдѣи, и былъ велии честован ѡт корола и ѡт всех добрых людей, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворе, которага бы

не была рада *миловать его (от всего сердца, если бы он хотѣлъ. Внимали, што Ижота милуетъ его потан, але она мѣла цютливое сердце, (l. c.: fors seullement Yseult, celle n'y entend pas). Французскій текстъ пересказываетъ здѣсь (f. XXXI — XXXII) вкратцѣ эпизодъ о боѣ Тристана со змѣемъ, извѣстный изъ другихъ редакцій романа¹⁾; русскій текстъ его не знаетъ. Однажды, когда Тристанъ мылся въ ваннѣ, а Ижота и иныя дѣвушки ему прислуживали, «одинъ человекъ, на имя Кушынъ (во французскомъ романѣ безъ имени: ung varlet parent a la coupe, f. XXXII; не стояло ли въ италианскомъ оригиналѣ cugino, что могло быть принято за имя собственное = Кужинъ?), подоиди къ постели Тристана, залюбовался его мечемъ и, взявъ его, понесъ показать королевѣ. Та замѣтила въ немъ щербину (l'osche l. c.), вынула изъ скрыни (l. c. escrin) обломокъ меча, который она извлекла изъ головы брата своего Амурата, и догадалась, что рыцарь, скрывающій свое имя, есть Тристанъ. Съ мечемъ въ рукѣ она спѣшитъ въ комнату, гдѣ онъ мылся, замахнулась, хочетъ убить его, обвиняетъ его въ убійствѣ брата. «Трыщан скрылъ са у кадь» (l. c. et Tristan ne se remue ne ne fist semblant de raour); одинъ пахолокъ (escuier, l. c.) останавливаетъ королеву, «а Ижота покинувши соромъ, бо ее милость Трыщанова тиснула, и заштыла его рукою велми милосердно»²⁾. Король, прибѣжавшій на крикъ, говоритъ женѣ: «Тихо, (l. c. Taisez vous), пани, даи тую помсту на мене, га хочу вчынити гакъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль». Тристанъ защищается, что онъ не предательски убилъ Амурата; «Ты еси мертвъ» (l. c. vous estes mort), говоритъ ему король, велитъ ему одѣться и прійдти къ нему во дворець. Всѣ жалѣють Тристана: «Бог вѣ,*

¹⁾ См. фрагментъ Bérout'я у Fr. Michel, Tristan I, стр. 26; ib. II, стр. 109.—Eilhart von Oberge, ed. Lichtenstein, въ Quellen und Forschungen Heft XIX, стр. 4: Altes Gedicht, Bruchstück III—IV, стр. 90 (сл. Muret, l. c., стр. 306—307); Tristan und Isolde въ Bibl. d. litterarischen Vereins, Bd. 152, стр. 26—40; Kölbinger, Die nordische Tristansage, стр. 35—42; Sarrazin, l. c., стр. 263—4; Golther, l. c., стр. 15.

²⁾ Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

на свѣте нѣтъ такого рыцѣра, и великин бы грѣх абы за того его забити, который са вже не може вернути» (l. c.: *ce soit trop grand dommaige se si bel cheualier et si bon comme il est receuoit mort pour chose qui ne peult estre recouurée*). Королева поддерживаетъ обвиненіе, но король рѣшаетъ отпустить Тристана потому вопервыхъ, что «прынал есми тебе у мой дом немоцного и бѣдного, дал есми тобѣ здорове; другое: Ты еси таковъ рыцѣр, а тобѣ ровни не знаю на свѣте¹⁾; третее: Не зраднѣ еси убилъ моего шурына Амурата, убил еси его рыцѣрскимъ обычаемъ. Только пусть скорѣе удаляется изъ его земли. Самъ король снаряжаетъ его, Брагиня даетъ ему въ услуженіе своихъ двухъ братьевъ, тайкомъ отъ королевы, гнѣвавшейся на Тристана²⁾, «а Ижота и иные дѣвѣки говорыли: Лепей то ест, што Трыщан прост ѿт смерти за ѿного, который са не мает вернути»³⁾. Тристанъ возвращается въ Корноваль.

У Polidori, стр. 64—90, разсказъ, въ сущности, тотъ же, но есть отличія въ подробностяхъ и нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ и, какъ вообще въ этомъ текстѣ, стиль болѣе многословный. Посвященіе Тристана въ рыцари дядей сходно съ французскимъ романомъ; нѣтъ Гарнота = *Gaheriet* во второмъ послѣствѣ Аморольда, такъ глумящагося надъ Тристаномъ: *Sed egli è novello cavaliere, io novellamente lo farò morire* (сл. русск. и франц. тексты). Онъ посылаетъ въ даръ Тристану свой мечъ, расчитывая, что онъ будетъ ему не подъ силу и обременить его въ поединкѣ; Тристанъ отдаривается мечемъ отца и выжлокомъ Ферамонтовой дочери, а поединку назначаетъ быть на *isola Senza Avventura*. Какъ во французскомъ романѣ, онъ намекаетъ противнику, что видѣлъ его при дворѣ Ферамонта. Раненаго въ голову Аморольда онъ самъ кладетъ въ ладью и отталкиваетъ ее

¹⁾ l. c.: *ie vous laisseray viure pour deux raisons: l'une est pour la bonté de cheualerie qui est en vous, l'autre si est pource que vous avez loge en mon hostel* и т. д.

²⁾ l. c.: *Brangienne luy bailla ses deux frères qui le servirent si coyement que nul ne s'en apperceut*.

³⁾ Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

отъ берега, чтобы его люди могли его принять; уже изъ ладьи ранилъ его Аморольдъ стрѣлою въ правое бедро. Страдая отъ раны, Тристанъ удаляется въ palagio di Riano, на берегъ моря, куда беретъ свою арфу и altri storgenti da diletto. Онъ нѣсколько разъ готовъ бросится въ море, такъ сильны боли. Снаряженіе корабля другое, но есть арфа, и Тристану сопутствуетъ Говерналь. Пристаютъ они къ замку Languis'a, близко отъ города Londres; на игру и вопли Тристана выходитъ король съ четырьмя конюшими и находитъ Тристана почти умирающимъ на одрѣ. Isotta la Bionda тотчасъ же признаетъ рану отравленною; когда черезъ 30 дней больной почти выздоровѣлъ, она велитъ ему скакнуть, дабы испытать, зажила ли рана. Тристанъ скачетъ на 22 фута, и рана раскрылась; тогда Изотта снова принимается за лѣченіе; Тристанъ скачетъ на 30 футовъ и оказывается здоровымъ. Lo re di Scozia объявляетъ турниръ противъ lo re di Cento cavalieri; Тристанъ является зрителемъ, Galvano (Гаваонъ русск. т.) только упомянуть, а о конюшемъ Bellices, дочери Fegamonte, сказано лишь то, что Тристанъ поставилъ его рыцаремъ и назвалъ его Amadore del trasportamento. Благодаря появленію Palamides lo pagano, сторона короля Ста рыцарей побѣдила; на ней находились и двѣнадцать странствующихъ рыцарей (именъ нѣтъ). Изотта прислуживаетъ за столомъ Лангвиса, Паламидесъ и Тристанъ засматриваются на нее; отсюда ихъ вражда. На второй турниръ Languis беретъ съ собою Изотту, а Brandina снаряжаетъ Тристана (armadure... con insegne bianche), который становится на сторону короля Ста витязей, остается побѣдителемъ и сражаетъ Паламидеса. Эпизода о дѣвухкѣ, искавшей Анцелота, нѣтъ. Вернувшись, Тристанъ спрашиваетъ Лангвиса о турнирѣ, а самъ онъ такъ изцарапанъ, что это побуждаетъ короля обратиться къ нему съ вопросомъ: не бы ли тамъ и онъ. Боя съ змѣемъ нѣтъ. Мечъ Тристана приноситъ королевѣ неназванный scudiere; на ея крикъ явился король; онъ не прочь былъ бы осудить Тристана на смерть, чтобы удовлетворить королеву, но всѣ этимъ возмущены, сѣтуетъ и

Изогта, которой Аморольдъ, умирая, говорилъ, что Тристанъ бился съ нимъ въ честномъ бою. Она просить у отца дара: освобожденя Тристана, и тотъ отпускаетъ его по тремъ причинамъ: первая и вторая сходны съ русскимъ текстомъ, третья — ради моей дочери Изогты. Ея вѣжнее разставаніе съ Тристаномъ, ибо «они любили другъ друга вѣрной любовью». На обратномъ пути въ Корнуаль буря заноситъ Тристана въ Leonis, гдѣ онъ мститъ убійцамъ отца.

6. Тристанъ возвращается въ Корноваль, гдѣ встрѣченъ радостно: «такъ какъ бы имъ пришелъ отецъ» (f. XXXII: *comme se dieu fust illec descendu*); онъ рассказываетъ о своихъ похожденияхъ, о красотѣ Ижоты, но только не о побѣдѣ надъ Паламидежомъ (*mais il ne luy compta pas comment il auoit vaincu l'assemblee et comme Yseult la Bloye la plus belle damoyselle du monde et qui plus scauoit de chirurgie l'auoit gary, l. c.*). Была тогда въ Корновали одна красавица, «какъ цвѣтъ и роза», жена одного рыцаря изъ Лондреша (*Logres, l. c.*), Сегурадежа (*Segurades, f. XXXIII*), за которой безуспѣшно ухаживалъ Маркъ. При его дворѣ она видитъ Тристана, и оба влюбляются другъ въ друга; «Трыщанъ забылъ Ижоту» (*l. c.: il ne souvient plus a Tristan de Yseult*). Прощаясь съ Тристаномъ, она открывается ему въ любви (онъ отвѣчаетъ ей: «Велика ласка, пани» = *l. c. grant merci*), и вернувшись «до господы» (*l. c. manoir*), посылаетъ къ нему хлопца (*l. c. paup*), чтобъ онъ явился къ ней въ сумеркахъ (*l. c.: quant il sera auuyté*), но вооруженный, ибо чело-вѣкъ не знаетъ, что съ нимъ можетъ приключиться. Король видѣлъ, какъ Тристанъ говорилъ съ хлопцемъ (далѣе хлопецъ магушъ), у котораго выпытываетъ подъ страхомъ смерти тайну порученія¹⁾. «Дивно ми твоеи панеи», говоритъ онъ, «какъ са такъ борздо розмиловала Трыщана (f. XXXIII: *il me tourne a*

¹⁾ Магушъ говоритъ Марку: «пане, я того не могу поведати, отпусти ми, але дамъ ти знати иж тот твои сестренець ни студено, а ни тепло» = *l. c.: n'ep voyez iamais desirant, car ce n'appartient pas a vous, ne ce n'est chose ou vous doyez auoir dommage.*

grant vieulté que la dame se est habandonnée à Tristan), который еще детина, а я знаю лучшего рыцера нѣжели Трыстана, а панъ ест великий пѣкъ а самъ, который хотѣлъ велии миловати ее, она са шмовила шт него (l. c. l'escondit). Рекъ магуш: Господару, не вѣдаете-ль вы того, што часто са прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии шбереть собѣ меншую и пушую, а могла бы ему быт два крот лѣпшаа; такъ же и невѣста не всочет доброго рыцера або великаго пана ¹⁾. И рек король: Я сам ее досыт (l. c. plusieurs foys) искал, а она са шмовила шт мене, и дла ее глупости хочю ее уморыти и домъ ее погубити. Зная короля за «наизрадливого человека (l. c. moult felon), магушъ входитъ въ его планы ²⁾: Маркъ выѣдетъ вооруженный съ однимъ пахолкомъ (l. c. tout seul, но далѣе является escuier) и «буду ждати пры студни (l. c. au gué de l'Espine) куды вамъ ехати»; онъ сразитъ Тристана, и тогда магушъ поведетъ его, вмѣсто Тристана, къ красавицѣ. Магушъ совѣтуетъ ему не битися съ племянникомъ, но Маркъ настаиваетъ: неужели думаешь ты, что онъ сильнѣе меня? — Слѣдуетъ ночная встрѣча Тристана съ королемъ, котораго онъ сбрасываетъ съ коня и ѣдетъ далѣе, не признавъ его; а король того и боится, чтобъ его не узнали. — Далѣе въ русскомъ текстѣ опущены слѣдующи подробности французскаго: приѣздъ Марка домой; врачу, который лѣчитъ его рану, онъ не велитъ сказывать, что рана получена въ бою; Тристанъ въ объятяхъ жены Сегурадежа, котораго въ то время не было дома; вернувшись и узнавъ о посѣщеніи Тристана по крови отъ ранъ, оставленной имъ на постелѣ, онъ нагоняетъ его и ранитъ въ бою, но и самъ раненъ и падаетъ съ коня. На другой день Маркъ спрашиваетъ Тристана

¹⁾ l. c.: «pour ce ne devez vous pas blâmer ma dame, quant vous voyez maintenant que ma dame aime ung pource cheualier qui n'est si beau ne si vaillant comme est ce sire, et ung riche roy qui aime bien une pource dame qui n'est si vaillant comme sa femme. Amours ne choisist pas».

²⁾ «А лепей бы паней загинути нѣжели тое вчынити: потомъ бы Трыстанъ мыслить королю што злого вчынити» = l. c.: que sa dame fust sauvée et si pourroit bien estre que a Tristan en seroit de mieulx.

о его здоровьи; тотъ отвѣчаетъ, что раненъ и намѣренъ отмстить за это. Онъ разумѣлъ Сегурадеса, а Маркъ принимаетъ это на свой собственный счетъ (ff. XXXIII—XXXIII).—Русскій текстъ продолжаетъ: при дворѣ Марка праздникъ; когда онъ сидѣлъ за столомъ «у великомъ паладу» съ панами и паннами, явился рыцарь Блерыжъ, родственникъ короля Бана изъ Банока (i'au à post Bliomberis du parenté au roy Ban de Benoic, f. XXXIII), и просить у Марка дара, въ которомъ тотъ и не отказывается. Тогда онъ подходитъ къ женѣ Сегурадежа «поставилъ передъ собою» (на коня; сл. l. c.: la mist sur le col de son destrier) и увозитъ ее. Сегурадежъ гонится за нимъ, бьется, но сбитъ на землю¹⁾.

Въ это время проѣзжали два «еждчалые рыцары», которые позднѣе названы Довдиалемъ (фр. ром. Dodineaux le sauivage l. c.) и Согреморомъ (Sagremors le desgréé l. c.). Маркъ былъ бы очень радъ довѣдаться отъ нихъ вѣстей объ Артіушѣ и рыцарѣ, добывшемъ Болячую стражу. Аудретъ (Andret, l. c.), другой племянникъ короля, завидовавшій Тристану, вызывается поѣхать за ними и привести ихъ. Пока онъ ѣдетъ, является ко двору дѣвушка, ни съ кѣмъ не здоровается и только смотритъ на всѣхъ; рыцари смѣются надъ ея глупостью (l. c. en fut tenue pour folle et nice): «што са тебе ѡ насъ видить?» (l. c. que vous semble il de nous?), спрашиваетъ ее Марко, а она начинаетъ срамить Тристана: «Трыщане, злыи и худыи рыцару и страшливыи (couard, f. XXXV) пуцее всихъ, што носиш зброю, а не бачышъ своее негодности (l. c. mauvaistie), и дивлю са якъ смеешъ ѡбцовати з людми добрыми (l. c. preudhommes)... и коли бы та ѡни знали такого костю (l. c.: congnoissoient aussi bien ta mauvaistie), ѡни бы са тобою соромсли, бо ѡни тобою зганбени (l. c. empirez). А то тобѣ говору перед королемъ Маркомъ и перед добрыми людми, а ѡни нехай знают твою негодност, а рекла ти есми на што-м была прышла». Тристанъ

¹⁾ Французскій текстъ объясняетъ, почему Тристанъ не отправился въ поговю за Bliomberis, f. XXXIII: pour la doute de son oncle.

пораженъ (сталъ какъ забылъ са = l. c. esbahy) эти неожиданными рѣчами и, вернувшись «до господы» (l. c. hostel) и вооружившись, вмѣстѣ съ Говорнаромъ ѣдетъ за удалившеюся дѣвушкой, встрѣчаетъ Аудрета, возвращавшагося изъ неудачной поѣздки: онъ былъ сбитъ Согреморомъ («добылъ меча и вдарылъ его плазомъ по голове» — grant coup du plat de l'espee, l. c.), и Тристанъ мститъ за него, сбивъ и Согремора, и его товарища, и ѣдетъ далѣе. У одного «хлопца» (f. XXXV: escuyer) онъ спрашиваетъ, не видалъ ли онъ той дѣвушки; тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ и ее, и одного рыцаря съ панной (Блeryжа съ женой Сегурадежа). Переночевавъ у одной «вдовицы земанки» (f. XXXVI: une dame) сынъ которой призналъ въ Тристанѣ побѣдителя турнира въ Ирландіи, онъ продолжаетъ свою погоню за Блeryжемъ, съ которымъ бьется. Узнавъ имя противника, Блeryжъ говоритъ: «та са тобѣ даю, мѣи тую битву за добытую» (l. c.: ie me rendz outré de ceste bataille et vous donne l'honneur). Рѣшили: прѣдоставить самой паннѣ выбрать, съ кѣмъ изъ нихъ она захочетъ пойти. Упрекнувъ Тристана, что онъ допустилъ ее увести другому рыцарю, она идетъ за Блeryжемъ, а Тристанъ возвращается домой¹⁾.

У Polidori, стр. 90—95, красавица, которую увлекается Маркъ, названа: la donzella ebrea dell'Aigua della Spina; ея мужъ Lambergus; сходенъ съ французскимъ романомъ эпизодъ о Тристанѣ у жены послѣдняго и т. д., опущенный въ нашемъ текстѣ. — Маркъ велитъ разбить шатры на морскомъ берегу, на угѣху баронамъ и дамамъ; вмѣстѣ съ другими являются Тристанъ и la donzella dell'Aigua della Spina. — Тристанъ задумался при видѣ трехъ капель крови отъ убитой птицы на сѣбгу: таковъ цвѣтъ лица Изотты, говоритъ онъ дядѣ. — Вмѣсто Блeryжа названъ Вгупого; Тристанъ отправляется за нимъ въ погоню по просьбѣ Марка; послѣ боя красавица, хотя и не годуетъ на Тристана, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ за нимъ. — Какъ

¹⁾ См. параллели къ этому эпизоду у Gaston Paris, Les romans и т. д., l. c. стр. 60—65.

видно, недостаетъ эпизода объ Аудретѣ, Сагреморѣ и Dodineaux, и дѣвушкѣ, позорившей Тристана.

7. Разсказъ Аудрета о храбрости Тристана наводитъ на Марка страхъ, еще болѣе разсказъ самого Тристана о своихъ прежнихъ подвигахъ, на который вызвалъ его дядя. Всѣ дивуются, говорятъ: «Теперь Корновал не бои са докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ!»; король вторитъ этому, а втайнѣ смущенъ и начинаетъ помышлять, какъ бы ему уморить Тристана. И вотъ онъ надумался: однажды, когда нѣкоторые дворяне пристали къ нему съ просьбой, чтобъ онъ женился, что тогда и вся «Корновала болшей была бы важона ѡт ѡколичныхъ сусѣдъ», онъ обратился къ Тристану со словами: Одинъ ты можешь меня оженить, и никто другой (f. XXXVI: quant il vous plaira ie l'auray). Тристанъ клянется, что исполнить это, «хота ми на то горло втратити» (l. c. mieulx aume a mourir) и, простирая руку къ сосѣдней церкви (l. c. chapelle), добавилъ: «Такъ ми бог помози и его моц, ꙗ хочу вчынити мою моц» (f. XXXVI: et iura se dieu luu ayst et les saintz — f. XXXVII: qu'i[1] en fera son pouoir). Тогда Маркъ объявляетъ, что его женой можетъ быть лишь «королевна орлендѣискаа краснаа Ижота» (f. XXXII: Yseult la bloye, fille du roys Argius d'Irlande), и проситъ Тристана снарядиться въ путь. «Трыщан рад бы са былъ ѡтмовилъ ѡт тое дорогъ» (l. c.: se retrait volentiers de ceste chose), но связанъ обѣщаніемъ, выбралъ «сорок панатъ молодыхъ» (l. c. quarante cheualiers) въ спутники; они также неохотно ѣдутъ въ неприятельскую землю, а Говорнаръ говоритъ Тристану: «Можеш позвати ꙗкъ тебе твои дадко ненавидить, а то ѡн вымыслилъ болшей для твоеи смерти, ниж для Ижоты. Рекъ Трыщан: Мистре, не бои са, хота ѡн мыслитъ зло, а коли ꙗ ему вгожу в томъ и в другомъ, муситъ ми добро мыслити и чынити (l. c.: Or pouez vous veoir comment vostre oncle vous aume. Ceste chose a il pourensée pour vostre mort, non pas pour la damoyselle auoir. Beau maistre, dist Tristan, or ne vous esmavez, se mon oncle me hayt, ie feray tant, se Dieu playst, que par ma bonté il me

vouldra grant bien). На пути моремъ «была межы ними игра и куншты такъ то межы рыцеры и молодыми людьми¹⁾, а коли упоменули куды идут, тогда не вмѣли што речы, але Трыщан ихъ тѣшыль и клалъ то у смѣхъ, и они са тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцэрство и говорыли: Мы съ Трыщаном не приимемъ лиха». Буря, длившаяся сутки, принесла ихъ къ мѣсту, «которое звано Домолот» (f. XXXVII: en la grant Bretagne a une lieue de Kamalot), столичное мѣсто Артиуша короля, который въ то время былъ въ «Каръдуели» (l. c. Cardueil en Galles²⁾). Они вышли на берегъ, разбили шатры, вынесли щиты и сброю; профѣзжаютъ два рыцаря, «которые были знали са на дорозе не знаючи одинъ другого» (l. c.: qui s'entreestoient acompaignez ne ilz ne se congnoissoient point encores), Марганоръ (l. c. Marganon) и Ящоръ, братъ Андалота (l. c.: Hector des Mares filz du roy Van de Benoic de bas et frere à Lancelot du Lac). Ящоръ былъ поставленъ рыцаремъ «якобы чотыри недѣли» (l. c.: pas plus d'ung mo), а уже «поехал фортуны искати» (l. c. adventures) и былъ «шт добрыхъ кольцовъ» (l. c. iousteur). Они говорятъ: «То сут еждчалые рыцэры (l. c. aventureux), стоятъ в холоде, а щиты поклали «бычаемъ лонъдрешскимъ (выше l. c.: la coustume de la grant Bretagne), которые кольвек едут мимо абы са з ними коштовали. И хто бы ихъ минулъ не покусившы са, то бы ему соромъ». Они изготовляются къ бою; одинъ рыцарь Тристана, ѣздившій по землѣ Артиуша, зналъ этотъ обычай, о чемъ и предупреждаетъ Тристана, который въ слѣдующихъ за тѣмъ поединкахъ сбиваетъ обоихъ противниковъ. Узнавъ, что онъ сбить рыцаремъ изъ Корноваля, Ящоръ такъ опечаленъ, что бросаетъ оружiе и коня и удаляется пѣшій. — На другое утро судно пристааетъ къ берегу, на немъ король Ленвизъ; довѣдавшися, что дружина, стоявшая тамъ, изъ Корноваля и что съ нею Тристанъ, онъ велитъ сказать ему свое имя: онъ будетъ радъ увидѣться со

¹⁾ Цѣтъ во французскомъ текстѣ.

²⁾ На вопросъ Тристана «морнары» (mariniers) отвѣчаютъ: «Мы есмо у великой земли» (l. c.: en la grant Bretagne).

мною. Они встрѣчаются радостно; король говорить, что рассчитываетъ на помощь Тристана, тотъ отвѣчаетъ, что сдѣлаетъ все возможное, «одно бы без моее ганбы» (f. XXXVIII: *se grant honte ne m'en devoit venir*). Ленвизъ благодарить («Велика ласка» = *Grant mercy*, l. c.) и принимается рассказывать: на одинъ изъ турнировъ, бывшихъ по отъѣздѣ Тристана, явились четыре рыцаря, родственники («уроженые а кривные» = l. c. *du parenté*) «Бана баноцкаго» (l. c.: *du roy Van de Benoic*). Ленвизъ попросилъ ихъ остановиться у него, но одинъ изъ нихъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ, а Бланоръ (l. c. *Blaanor*), его товарищъ, заподозрилъ въ убійствѣ хозяина и обвинилъ передъ королемъ Артіушемъ, который и вызвалъ его на судъ и бой съ обвинителемъ, чтобы «отвести са неправде» (l. c.: *my deffendre de la trayson*). Ленвизъ просить Тристана постоять за него; Тристанъ готовъ; «уже-жь буду мѣти Ижоту, по што есми прышол», говорить онъ про себя, а Ленвиза побуждаетъ обѣщать ему при всѣхъ исполнить то, о чемъ онъ его попросить, а его имени не открывать. — Ирландцы весело сходятся съ корноваллянами; «и пры том весельи прыехала у шатер одна дѣвка носечы щитъ щитъ хорошыи, а был без иного белега, не так, какъ иные щиты (l. c.: *ung escu d'autre maniere que nul escu qui fust pieça veu*): на немъ была написана одна пани, и щитъ росщеплен по середине, и не могли его никакъ стиснути, а щитъ росщеплен былъ межы усты витезовыми и пани» (l. s.: *il y auoit pourtrait un cheualier et une damoyelle qui s'entrebaisoient, se sembloit l'escu tout desioinct de la pointe de dessoubz jusques dessus a la boucle en hault et ioignoit la ou la bouche de la dame ioignoit a la bouche du cheualier*). Узнавъ имя Тристана и по его желанію, дѣвушка объясняетъ эмблему щита: «У сси земли щитъ витезъ такъ великии, иж над него ни близко ни далеко нѣтъ, а милует одну панию велии высоку у сси земли, так ю впрѣиме милуетъ, лепѣи ивжили сам себе, а пани его также, але еще са не познали телесне, одно са цаловали (l. s.: *mais encore n'a eu de la dame que*

ung seul baiser). Из шное милости тот щыт учыненъ ест, такъ его видиш, и не может са жаднымъ шбычаемъ зъступити, доку са шни злучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогда са тот щыть зъступитъ». Она говоритъ Тристану, что Артіушь уѣхалъ въ Кардуэль (l. c. Cardueil), «а шоставилъ корола Кардоса (f. XXXIX: le roy Karados briefz bras) и корола изъ Сгоцея (l. c. le roy d'Escosse) шмотрети тое битвы, котораяа маетъ быти королю шрлендэискому зъ Бланоромъ». Она сама отправляется въ Кардуэль, «бо тамъ надевала са знати кого искала; а таа дѣвка была шдное паней зъ Локве (l. c. la dame du Lac), котораяа была великаа зеленница, чаровница большей нишли шные вѣдьмы (l. c.: scaçoit de charmes et de enchantemens a merueilles), а того была навчыла са шт Мерлина пророка (l. c. devin), который много зналъ ш приидучыхъ речахъ (l. c.: les choses a aduenir), але са в томъ не вмѣлъ мудро заховати, абы его не вморыла таа, которую миловалъ зо всего сердца, и звѣрнулъ са еи всего, а шна его вморыла руками его животъ (l. c.: le mist a mort par les enchantemens mesmes qu'il luy auoit apprins), затворыла у гробе подъ землею, зачаровавши такъ, иж шнъ не былъ собою волен (l. c.: que oncques ne se peut mouuoir). А шт того велико са зло стало, што такаа мудростъ пала передъ шную жену. И таа пани зъ Локве, о которой вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы (l. c. affaires), которые были межы королевою Веливерою (l. c. Genievre) и Анцалотомъ, шна хотела ведати ихъ справу (l. c.: et pource que elle vouloit que la royne cogneust que elle scauait bien de son estre, luy enuoyoit elle cest escu), для того послала королевон тую дѣвку и щыт и поручыла еи такіе рѣчы, абы королеваа знала, што тотъ щыт, и гледѣла на него и дѣвку тѣ-жъ задержала в себе, паки са злучить зъ Анцалотомъ, хочечы видети, чы ступитъ са тогда щыть вмѣстѣ. То шоставмо. А Шнцалот в тотъ часъ былъ в прынципа Галишта, который ведемн миловалъ Анцалота, волѣлъ бы вмерети, нишли бы не мѣти его въ товарышестве. А если бы Анцалот вмер, шнъ и вси рыцѣры силно бы его жаловали, бо не было такъ силное руки и такъ высокоаго сердца». Сл.

Французскій романъ, I. с.: Ланцелотъ былъ «en royaume de Soreloy avec Galehaut, le seigneur des Loingtains Ysles, lequel auma tant Lancelot qu'il en mourut en la fin. Dont ce fut grant dommage de sa mort, car c'estoit le plus vaillant prince du monde et le plus eueux de terre conquerre, car celluy Galehaut estoit filz a la belle Geande des Loingtains Ysles».

Узнавъ о прїѣздѣ Бланора, Тристанъ идетъ къ королю, и они хотятъ поспѣшить къ бою, когда снова является та дѣвица, вся въ слезахъ: оказывается, что у нея отнялъ щитъ рыцарь Бреусъ (I. с. Brehus), за которымъ Тристанъ отправляется въ погоню и отнимаетъ добычу¹⁾. Слѣдуетъ сваряженіе къ поединку; Тристанъ и Ленвизъ отправляются въ Дамалотъ (I. с. Kamalot); племя Бана обвиняетъ Ленвиза передъ двумя королями (оставленными Артуромъ въ качествѣ судей), Бланоръ кладетъ «рукавицу» (I. с. son gaige) въ знакъ вызова, Тристанъ беретъ ее (I. с.: lors tend le pan de son haulbert). Ленвизъ ободряетъ Тристана, Блерижъ (I. с. Blomberis) напоминаетъ Бланору честь ихъ рода. Оба противника изумляются силѣ и храбрости другъ друга; среди битвы они отдыхаютъ; Бланоръ начинаетъ страшиться Тристана, желаетъ знать его имя, «нехай быхъ зналъ ѡт чьей руки умру, або кого добываю». Узнавъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ повеселѣлъ: «Иа есми слыхал ѡ тобѣ великую славу по свѣту, а если ма добудешъ, мои близкие не будутъ мѣти сорама, але коли пакъ дастъ богъ тебѣ добуду, великое чести добуду». Бой начинается снова, уже Бланоръ не въ состояніи «меча подынести»; когда ударъ Тристана повалилъ его на землю, онъ молитъ отрубить ему голову: «нехай моему сорому будетъ конецъ. Трыщанъ то видель, ижъ ѡнъ ѡтъ великого сердца не хочеть подати са и волишь умерети, нижъ мовити: Побить есми; а коли его пуцу а не дастъ ми меча, моя битва мало помочна, а ни добыта;

¹⁾ Бреусъ называетъ себя: «рекъ Трыщанъ: Чы по милости есть Бреусъ? ѡнъ рекъ: Такъ ма люди зовуть». Сл. I. с.: На, faict Tristan, Brehus sans pitie. Во французскомъ текстѣ Тристанъ отсылаетъ побѣжденнаго Бреуса къ Gauvain.

а коли его убью, то эле учиню: убилъ такова витезя. И пошол до королевъ и рекъ: Папове, мы есмо са так били, такъ вы сами видели, але ѿдин з насъ не хочет дати меча и мовити не хоче: Побит есми, и вольт умерети, нижли мовити то своимъ языкомъ. А што-бы тому за ганба, што ему на тот час фортуна не послужыла? А если са вамъ видит, уложите миръ межы нами, а неханъ король арлендэйский будет волен ѿт потвары»¹⁾. Королямъ заблагоразсудилось «иж бы перестала битва, а Бланор не вмереть, коли есть на то Трыщанова доброта и милосердые» (f. XL, но въ другомъ мѣстѣ: *la courtoisie et la debonnaireté*); Тристану велеть «розобрати са» (l. c.: *or pouez oster voz armes*), а Ленвиза освобождаютъ «ѿт поклепу Бланорова». Тристанъ вложилъ мечъ «у пошвы» (l. c. *fourreau*), вскочилъ на коня, словно не былъ раненъ. Ленвизъ ѣдетъ за нимъ, напередъ объявивъ имя своего защитника. «А было первей слышано Трыщанова рыцэрство у лондрешскомъ кролевстве у краля Артиушовомъ дворѣ. И коли поведали королю Артиушу гакъ Трыщанъ ѿтпустилъ смерть Бланору збившы его, а ѿнъ не хотелъ ему дати меч, рекъ король: То есть наибольшаа рыцэрскаа штука (l. c. *une des plus grandes franchises*), чога есми ни гдѣ не видел, и весь свѣтъ ѿ томъ эго хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великой славе, коли ѿнъ в тыхъ лѣтахъ, будучы молодъ, а умѣлъ показати такую доброту».

Polidori, стр. 96—111: Храбрость Тристана наводитъ на Марка страхъ: собравъ своихъ бароновъ, онъ въ присутствіи всѣхъ превозноситъ племянника и проситъ его поѣхать въ Ирландію и достать Изотту хитростью или силой. Тристанъ беретъ съ собою 60 юношей; буря; черезъ семь дней они пристають къ *reame de Longres*, у города *Sammellotto*. Самъ Тристанъ велитъ вывѣсити щиты на шатрахъ, чтобы вызвать поединщиковъ; пріѣзжаютъ *Lionello* и *Agravano*; старый корнуальскій рыцарь,

¹⁾ Бой Тристана съ Бланоромъ вообще рассказанъ сходно съ французскимъ текстомъ, но сходство не столь дословное, какъ въ другихъ эпизодахъ романа.

пытавшійся удержать Тристана отъ боя, слышитъ отъ него упрекъ корнуальской трусости¹⁾. Поединокъ разсказанъ коротко (нѣтъ подробностей, отвѣчающихъ эпизоду объ Ящорѣ); причина обвиненія Langnis'a разсказана дважды, сначала авторомъ, потомъ отъ лица обвиняемаго; рыцарь, вызвавшій короля, названъ *Bruno lo Vermiglio*²⁾. Дѣвушка съ символическимъ щитомъ направлялась къ Артуру, Жиневрѣ и Ланцелоту, которыхъ не нашла, ибо они уѣхали *nello reame di Gaules a mostrare doglienza dello re Pellinoro, che è stato morto*. Толкованіе эмблемы имѣеть въ виду другія лица: рыцаря болѣе храбраго и вѣрнаго въ любви, чѣмъ Ланцелотъ, даму болѣе прекрасную, чѣмъ Жиневра; обращаясь къ одному изъ своихъ источниковъ, извѣстной намъ книгѣ *di messer Vago o vero Gaddo de' Lanfranchi di Pisa*, авторъ объясняетъ, что это — Тристанъ и Изотта. Короли-судьи: *Agalone* и *Allielle*. *Breus* носитъ кличку *Sanza Pietà, il Disamorato* (сл. русск. «по милости»). Послѣ сцены вызова Брунора поединокъ отложенъ на три дни; Брунора сопровождаютъ *Astore di Mare, Lionello, Bordo*, ободряетъ *Briobris*. Сраженный Тристаномъ Бруноръ прямо признаетъ себя побѣжденнымъ; короли-судьи пишутъ Артуру пространное письмо объ исходѣ поединка.

8. Вернувшись съ побѣдой къ своей «дружинѣ» и полѣчившись отъ ранъ, Тристанъ напоминаетъ Ленвизу обѣщаніе исполнить его просьбу и просить руки Ижоты для Марка. Ирландцы съ корновальцами смѣнили вражду на дружбу, веселятся; «Трыщан всю тую ноч працовал, а король мало спалъ; и назавтрее король позвалъ одного мудрого чоловѣка и поведал ему сонъ свои, што видѣлъ». Содержаніе сна не сообщается; мудрый чоловѣкъ отсвѣтываетъ королю отдавать дочь за Марка, ибо это грозитъ ей бѣдою, но тотъ рѣшился сдержать данное слово. Слѣдуетъ возвращеніе всѣхъ въ Ирландію и снаряженіе въ путь Изотты.

¹⁾ На этотъ эпизодъ намекаетъ позднѣе и русскій текстъ; сл. § 8.

²⁾ Въ нашемъ текстѣ § 8, въ спелѣ подъ яблонею и слѣдующемъ за тѣмъ объясненіи Изотты съ Маркомъ, Бланоръ названъ «огненнымъ».

Во французскомъ романѣ распорядокъ другой: послѣ поединка Тристанъ напоминаетъ королю объ ихъ уговорѣ, который тотъ и подтверждаетъ. Затѣмъ всѣ возвращаются въ Ирландію, гдѣ ихъ принимаютъ съ восторгомъ. Король рассказываетъ о подвигѣ Тристана, который теперь въ большомъ почетѣ у ирландцевъ, чувствуетъ искушеніе добыть Изольду самому себѣ, но страшится нарушить обѣщаніе, данное дядѣ. Онъ требуетъ Изольду въ жены Марку, какъ даръ, заранѣе ему обѣщанный; король долго уговариваетъ его взять ее за себя, обѣщая вмѣстѣ и ирландское наслѣдье. Тристанъ остается твердъ. Послѣ того уже король видитъ сонъ: будто его дочь сидитъ въ чудесномъ дворцѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, и всѣ предъ нею преклоняются, когда явился Тристанъ, сбросилъ съ Изольды вѣнецъ, раздѣлъ ее до гола «et la menoit hors du palais, et tout le peuple voyoit la desloyaulté de Tristan et ne disoit mot. Mais touteffois emmenoit Yseult si honteuse et si dolente que nul ne la voyoit que il ne dist: Dieu, quel dommage de Yseult, et le roy Marc son oncle en appelloit Tristan traistre et desloyal» (f. XLI). За объясненіемъ видѣнія царь обращается а un greudhomme.

Снаряжая Ижоту, мать ея отозвала Говорнара и Брагиню и вручила имъ «флашу сребреную полную питья» (l. c.: *vaisseau d'argent plain d'ung merueilleux boire*); они должны хранить его и дать напитокъ Марку и Ижотѣ, когда они «будутъ на постели»; они будутъ любиться до смерти; а остатокъ напитка пусть выльютъ, «бо если бы са хто иньи того пита напил, много бы са зла могло стати, иж са то именуетъ милостное пите (l. c. *le boire amougeux*).

Для слѣдующей знаменитой сцены, какъ любовь внезапно охватила Тристана и Ижоту, я приведу *in extenso* соответствующій отрывокъ старопечатнаго романа¹⁾. И здѣсь отношенія нашего текста остаются тѣ же, какія мы могли наблюдать до сихъ поръ: онъ сходенъ, хотя не вездѣ тождественъ съ француз-

¹⁾ См. тотъ же эпизодъ по рукописи Британскаго музея у Estlander, *Pièces inédites du roman de Tristan*. Helsingfors. 1866, стр. 22—24.

скимъ, тогда какъ совпаденія съ Polidori ограничиваются частностями. Путники «напали парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни ѿдин не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, ѿдно правое доброе почстене. Идучи ѿни по мору, коли был третии день, Трыщан зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане злотоглавоваа жупица и шата, а на Ижоте зеленого ѿksamиту саганъ, а было то лѣте и былъ великий зной. Рек Трыщан: Треба са намъ напити. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флашы милостного пиття, забывшы са, бо в коморе было много всаких судов, и далъ Трыщану, а другии далъ Ижоте». Какъ напились, «почали гледѣти ѿдинъ на другого и не мыслили ни ѿ комъ, толко ѿ себе. И сѣли тако-бы злакшы са, Трыщан мыслил до Ижоты, а Ижота до него, а корола Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую са, ѿткуль ми прышло то так прудко, а перvei ми того не было?... Если та милую Ижоту, то не дивно: ѿна есть намильшага речъ на свете, лѣпшое бых не могъ найти». У Ижоты являются такія же мысли. Когда Говорнаръ спохватился, что онъ сдѣлалъ, «ѿн са злакъ и сталъ такъ забывшы са и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота его». Онъ передаетъ свои опасенія Брагинѣ, и оба смущены. «А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: Я тебе милую из сердца. ѿна ѿ том была велии весела и рекла Трыщану: Я не милую ни ѿдное рѣчы на свѣте такъ тебе, а ни даи Богъ поки буду жыва. Видечы то ижъ ест Ижота с нимъ ѿдное мысли, не ѿткладаючи даlei того, шли у комору и спольнили свою волю; ѿттоле на вѣки не ѿтменила са их милость и ѿт тое милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцѣра, который бы подналъ толко муки для милости, колко Трыщанъ». Говорить Говорнаръ Брагинѣ: «Што ти са ѿ том видит? Види ми са, што Трыщан узал паненство Ижоте, та еsmи их видель уместе. ѿна рекла Говорнару: Мы еsmо погубили, коли ee найдеть король Марко не в паненствѣ, ѿн мусить погубити всих насъ». Говорнаръ беретса помочь дѣлу. «А ѿ том Трыщанъ и Ижота не знали ничего, што ѿни то вѣдают, и не

мыслил Трыщан ничего, толко ѿ Ижоте, а Ижота ѿ Трыщане... И такъ вросла ихъ милость, ижъ не знали какъ-бы са въздержали ѿдин ѿтъ другого».

Предлагаемъ параллельныя мѣста Французскаго романа.

(f. XLI) A tant, se departent Tristan et sa compaignie, si se mettent en mer et s'en vont a grant ioye. Troys iours eurent bon vent et au quart se iouait Tristan et Yseult aux eschetz et faisoit si grant chault que trop eust Tristan soif. Si demande le vin a Gouvernail et a Brangien; ilz vont pour le apporter. Si trouvent le boire amoureux entre les autres vaisseaux d'argent dont il y auoit grant plante, par quoy ilz en furent deceuz, car ilz ne s'en prenoient garde. Brangien print la couppe doree et Gouvernail verse du boire en la couppe, qui cler estoit comme vin, et vin estoit ce voirement, mais il y auoit avecques autres choses meslees. Tristan beut toute plaine la couppe et puis commande que on en donne a Yseult, et on luy donne, et Yseult boyt. Haа Dieu, or sont en tribulation que iamais ne leur faudra iour de vie, car ilz ont beu leur destruction et leur mort. Ce boire leur a semble bien doux, mais oncques douceur ne fut si cherement achaptee comme ceste sera. Leurs cueurs leur changent et leurs viaires. Si tost comme (f. XLII) ilz eurent beu, l'ung regarde l'autre tout esbahy, car or pensent autre chose qu'ilz ne faisoient deuant. Tristan pense a Yseult et elle a Tristan et oublie le roy Marc. Tristan ne pense fors auoir l'amour Yseult et Yseult ne pense que auoir l'amour Tristan. A ce se accordent leurs courages qu'ily se aymerent toutes leurs vies, et se Tristan l'ayme, ce veult elle, car a plus bel ne a meilleur ne pourroit mieulx s'amour auoir assise. Et se Yseult ayme Tristan, se veult il, car en plus belle ne pourroit auoir mys son cueur: il est tres beau et elle tres belle, il est gentil homme, et elle est extraicte de hault lignaige. Bien se peuvent concorder ensemble par beaulte et par lignaige. Or quiere le roy Marc une autre royne, car ceste veult auoir Tristan et Tristan elle. Tant s'entre-regarderent que chascun sent la voulente l'ung de l'autre. Tri-

stan scait bien que Yseult l'ayme de tout son cueur, et Yseult scait bien que Tristan ne la hait pas, molt est ioyeuse de ceste aenture et il est tant ioyeux qu'il dist qu'il est le plus bienheure chevalier, qui oncques fust quant il est ayme de la plus belle damoysselle qui soit au monde. Quant ilz eurent beu le boire amoureux, Gouuernail qui recongneut le vaissel, fut tout esbahy, si est si dolent qu'il voudroit estre mort, car or scait il bien qu'ilz en seront en coulpe luy et Brangien. Lors appelle Brangien et luy dist qu'ilz ont este deceuz par malle congnoissance. Comment? faict Brangien. Par ma foy nous auons donne a boire a Tristan et a Yseult du boire amoureux, si convient a force qu'ilz s'entreyment. Lors luy monstre le vaissel. Et quant Brangien voit que c'est verite, si dist: Mal auez exploicte, de ceste chose ne peult venir si non mal. Or nous souffrons, dist Gouuernail, si verrons a quelle fin ceste chose viendra. Brangien et Gouuernail sont en tristesse, mais ceulx qui ont beu orendroit le boire amoureux sont en lysesse. Tristan regarde Yseult si durement qu'il ne desire fors qu'elle, et Yseult ne desire fors que Tristan. Tristan luy descouure son couraige et luy dist qu'il l'ayme plus que riens, et Yseult luy redit, que aussi fait elle. Que vous diray ie? Tristan voit que Yseult accorde a sa volente faire et ilz sont touz deux seul a seul, qu'ilz n'ont nul destourbier ne paour ne d'ung ne d'autre. Il fait d'elle ce qu'il veut et luy tolle le nom de pucelle. En tel lieu comme ie vous compte cheut Tristant en l'amour de Yseult, si que oncques puis nul iour ne s'en departist ne autre n'ayma ne autre ne congneut. Et par ce boire qu'il beut eust il puis tant de trauail et peines, que puis ne deuant ne fut cheualier qui tant souffrist de pouretez pour amour de femme comme Tristan fist pour l'amour d'elle. Gouuernail parle Brangien et luy demande qu'il luy semble de Tristan et de Yseult, et il luy dist qu'il luy sembloyt qu'ilz eussent eu affaire ensemble et que Tristan a Yseult depucelee sans doute, ie les veiz gesir ensemble. Le roy Marc le honnira quant il ne la trouuera telle comme elle deust estre, il se (le?) fera

destruire et nous (vous?) avec qui la deussiez garder. Or ne vous esmavez, dist Gouuernail, puis que ainsi est, je vous en cheuiray bien, laissez m'en convenir, car sachez que ie feray tant que ia n'en serons blasmez. Dieu le vueille, dist Brangien».

Буря заноситъ Тристана къ одному изъ Дольнихъ острововъ (les Loingtaines Ysles), «а пан ихъ ест Галиот прычпыпъ, а то была его отчызна, иные земли и панства побрал своею добротю; а тогда был Анцолот в одной земли, которая са зоветъ Соренлоисъ» (f. XLII: et en estoit sire Galehaut le filz a la belle Geande, mais il n'estoit a l'heure en ce pays et estoit au royaulme de Soreloys auccques mon seigneur Lancelot du Lac). Узнавъ отъ морнаровъ (l. c. mariniere), что городъ на томъ островѣ — Плачевный (далѣе Плачный) городъ (l. c. le chasteau de Plour), Тристанъ не желалъ бы приставать къ нему, ибо знаетъ его злой обычай (l. c. mauuaises coustumes). Въ это время подошли къ берегу шесть вооруженныхъ человекъ, объявляютъ приѣзжихъ своими плѣнниками и велятъ идти въ городъ. Тристанъ совѣтуется съ дружиной, спрашиваетъ Изотту: что дѣлать, уступить или защищаться? Дѣлай, какъ хочешь, отвѣчаетъ она, и Тристанъ рѣшается на первое. Ихъ привели въ домъ съ множествомъ «коморокъ» (l. c. a ung trop beau pre entre deux tours et si y auoit de molt belles chambres), обведенный твердою стѣной, гдѣ уже были другіе плѣнники. Всѣ печальны; на другой день Тристанъ узнаетъ отъ одного изъ пришедшихъ къ нимъ шести рыцарей, что изъ этой темницы никто не выходитъ, провозжая «в слезахъ вси дни свои, и для того са зоветъ Плачный город.... але коли бы нашол са витезь велми высокаго сердца и рыцэрства (l. c. de tres haute proesse et qu'il fust bon cheualier oultre mesure), а пани крашеи наше пание, а прыехали бы оба посполе, то бы были нам господамы, а тые бы мусили померети, которым мы служыли». Тристанъ обрадованъ этою вѣстью, вызывается выдержать испытаніе; рыцарь идетъ оповѣстить объ этомъ властителя острова, а авторъ объясняетъ намъ, почему тотъ городъ названъ былъ Плачный: «бо поставленъ злыми за-

коны в тые лета, коли Иосифъ пошел у великие краины (en la grant Bretagne, f. XLIII) прыказанем Господа нашего Иисуса Христа и обратил был множество люду на хрестанскую вѣру. А коли слышалъ, иж тые Долние ѡстрова полны людства, Иосифъ послал там набожныхъ людей (во фр. текстѣ идетъ самъ Иосифъ) ѡбращати къ богу народ, и обратили вся тые ѡстрова крома одного ѡстрова, который са зоветъ Орашы (isle au Geant). И тамъ мало было иныхъ людей, толко орашы (ib. pource qu'il n'y habitoit sinon geans), а пан ихъ былъ орашец, и мѣл дванадцать сынов, и вся были орашцы (ib. geans). Коли хрестане прышли в тот ѡстров, тогда был государь тому ѡстрову именовъ Давлитесь (l. c. Dyaethes), и былъ нѣкакъ ранен ѡт медведа дикого (l. c. une beste sauuaige) и тутъ ѡткнул са ѡт Иосифа крещениа». — Французскій романъ до-сказываетъ пропуски русскаго: Dyaethes, раздосадованный проповѣдью Иосифа, обратившаго въ хрестіанство его сыновеи, предаетъ смерти и ихъ, и всѣхъ его послѣдователей; на костяхъ хрестіанъ построень этотъ замокъ и введенъ злой обычай: что всякій пріѣзжій рыцарь обязанъ битися съ хозяиномъ замка и, коли побѣдитъ его, отрубить ему голову, водвориться на его мѣстѣ и то же дѣлать относительно всякаго новаго пришельца; если явится дама и захочетъ вступить въ состязаніе въ красотѣ съ женою властителя и окажется красивѣе ея, исходъ тотъ же; не желающіе состязаться на вѣкъ осуждены томиться въ заключеніи. — Когда Brunor le pere Gallehault прибылъ изъ Ирландіи и завоевалъ этотъ островъ, «trouua leans une geande la plus belle dame du monde qui n'auoit pas plus de douze ans. Il geut avec la dame et l'engendra (то-есть, Gallehault), qui toutes terres conquist et mist en sa subgection. Celluy s'en partit du chasteau de Plour, car il n'y voulut oncques demourer quant il vit qu'il luy conuiendroit maintenir les mauuaises coustumes apres la mort de son pere et demourer illec toute sa vie en seruaige. Si luy aduint si bien qu'il fut loue et prise sur tous princes apres le roy Artus». (f. XLIII).

Когда рыцарь донесъ Брунору о корновальскихъ витязѣ и дамѣ, желающихъ состязаться съ нимъ и его женою, онъ велитъ позвать «тыхъ, которые мають судити и смотрѣти». Тристана выпустили, своего имени онъ не говоритъ, красота Изотты возбуждаетъ общее удивленіе — и сожалѣніе объ участи, предстоящей хозяйкѣ острова. Явившись къ мѣсту поединка, Бруноръ и его жена, при видѣ Изотты, смущены, судьи съ великимъ плачемъ объявляютъ ее побѣдительницей въ красотѣ, предупреждая, что ей можетъ предстоять та же участь, если явится красивѣйшая ея. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Бруноръ сраженъ, но не хочетъ отдать Тристану свой мечъ — ни сказать: «Побит есмь. Рекъ Бруноръ: То быхъ былъ злыи чоловѣкъ, коли быхъ рекъ то своимъ езыкомъ, што-бъ было зъ моею легкостью; не дай того богъ до моее смерти, котораа естъ близко мене (f. XLIV: a oultre ie ne me tenrois pour rien, car si ie disoye que ie fusse oultre, ie mentiroye. Celluy est oultre, qui par sa mauuaistie dit chose qui a honte luy tourne, mais celluy qui iusques a la mort se combat et qui en mourant garde son honneur, celluy est cheualier et doist estre tenu pour preudhomme, et en telle maniere ie mourray, car i'ay tant souffert contre toy, qui es le meilleur cheualier que ie trouuasse, que ie sens la mort au cueur). Рекъ Трыщанъ: Чуеш ли са на томъ, што можешъ живъ быти? Рекъ Бруноръ: Твои ми мечъ ни одного продлуженія не далъ, вже есть конецъ близко; если ми не верышъ, тепер же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу». По требованію обычая, Тристанъ еще обязанъ отрубить голову «Бруноровицѣ»; онъ дѣлаетъ это съ отвращеніемъ, но ему говорятъ: «Не тобѣ то ганба, але тым, которые тотъ законъ учынили». Тристанъ съ Изотою вступаютъ во владѣніе островомъ, законъ котораго клянутся блюсти впредь¹⁾. Между тѣмъ сестра Галиота (Delice), опечаленная смертью отца и матери, положила ихъ головы (l. c. le corps de son pere et le

¹⁾ Во французскомъ романѣ Тристану объявляютъ, что по закону онъ не можетъ выходить изъ замка, гдѣ его помѣстили, развѣ для боя съ пріѣзжимъ рыцаремъ.

chef de sa mere) въ одну «судину» (l. c. nef.) и отправляется искать брата. — Слѣдуетъ во французскомъ романѣ длинный эпизодъ (f. XLV), опущенный русскимъ: о плѣнѣ Ланцелота у Морганы, которая его ненавидитъ за любовь къ нему Жиневры, Фея плѣнитъ его, подмѣниваетъ его кольцо, полученное имъ отъ Жиневры, другимъ, а то отсылаетъ къ Артуру какъ обличеніе преступной связи его жены съ Ланцелотомъ: послѣдній будто бы умеръ и на смертномъ одрѣ во всемъ сознался. Разсказъ посланной не вызвалъ довѣрія; рыцари сомнѣваются въ его правдивости и отправляются на поиски за Ланцелотомъ; въ числѣ ихъ Galehaut — Галиотъ, съ которымъ и встрѣчается его сестра.

Здѣсь снова примыкаетъ русская повѣсть: встрѣтивъ Галиота, сестра говоритъ ему о бѣдѣ, постигшей ихъ семью отъ руки Тристана. Галиотъ знаетъ, что вина не Тристана, а тѣхъ «злыхъ законовъ» (l. c. maussaise coustume), но обѣщаетъ отмстить. Пока они поѣдутъ въ Сорелонсъ (l. c. Soreloys), гдѣ похоронять тѣла отца и матери. Прибывъ къ шному граду, у которомъ былъ король из Стома витези, (французскій романъ: оный градъ — chasteau l'enchanteur, гдѣ le roy des cent cheualiers... seiournoit pour une playe l. c.), Галиотъ рассказываетъ, какая «великая легкость и жалость» (l. c. il m'est durement mescheu) съ нимъ сталась, хочеть одинъ, съ однимъ рыцаремъ и двумя нахолками» (escuyers f. XLVI) отправиться на бой съ Тристаномъ, а королю велитъ пойти по морю съ военною силою (пять сотъ тысячъ воиска—l. c. cinq cens que cheualiers que sergens) подъ Плачный городъ, «хочу сказити тые злые законы». Король напрасно старается отговорить его отъ опаснаго боя съ Тристаномъ¹⁾; похоронивъ головы отца и матери въ одномъ «кляшторѣ», снаря-

¹⁾ Въ рѣчи короля оригиналъ (= французскій текстъ) не былъ понятъ. Король говоритъ: «оставъ тую битву с Трышаномъ, а коли его найдешъ *ласкою*, шнъ, видевъ такую твою *жалост*, шнъ самъ приметъ на себе тую *помсту*; а если вы два будете на поли, если та шн не преможе, сотни ми главу»—f. XLVI: *que vous icelluy monseigneur Lancelot du Lac, car ie scauy bien que si tost comme il scaura vostre courroux, il emprendra pour vous ceste bataille. Et s'il ne vous venge de Tristan, ie vueil que vous me destruisiez moy et mon lignaige*».

дившись и взявъ сброю «велии добрую и мѣчь, который был Аньцолот дал», Галиотъ лишь угрозой смерти побуждаетъ «морнаровъ» (l. c. mariniers) отвезти его въ Плачный городъ, гдѣ тотчасъ же объявляетъ, что пріѣхалъ биться, сдержать законъ страны. «А Трыщанъ был у вышнемъ замку (l. c. Roche au Geant) со Ижотою и з Говорнарном и з Брагиною у великом веселю» (l. c. maine glorieuse vie). Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничего, видно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тое имъ нецтво было велии сладко и мешкали тако-бы в бога (l. c. Yseult... ne demande autre soulas ne autre paradis ne Tristan aussi), а не поменули ѿ королю Марку а ни ѿ Корновали». Когда рыцарь приходитъ объявить ему о предстоящемъ поединкѣ, Тристанъ готовъ, думаетъ, что то пріѣхалъ Ланцелотъ; Говорнару пришла та же мысль, и онъ отговариваетъ Тристана биться, но тотъ радъ «покуситься съ нимъ»; «для смерти не треба ся болати, вѣдаеш ты сам, мистре, иж мы завжды на томъ» (f. XLVI car a mourir auons nous tous). Онъ успокоиваетъ Ижоту¹⁾; ночью приходитъ вѣсть о нападеніи короля «над Сту витези», которые побили Тристановыхъ людей, «и мы перед ними не могли терпети и дали са есмо у их руки. И мы есмо, пане, у их руках, и ѿни сут из Коръелона (выше: Сорейлоисъ — f. XLVI Sorelois), люди Галиота прынчыпа».

Когда на слѣдующее утро на мѣстѣ поединка Тристанъ узнаетъ отъ Галиота, съ кѣмъ онъ будетъ биться, онъ воздаетъ хвалу Богу, что его противникомъ будетъ «наболшыи витезь ѿ света», «цвѣт добротам и храбрѣством (f. XLVII: la fleur de toute cheualerie), паном пан»²⁾. Въ битвѣ оба сознають обоюдную силу; «ѿни са оба свилили указуючы ѿдин другому свое витезь-

¹⁾ «И в томъ страху стоили, а Галиотъ ѿ томъ ничего не вѣдалъ — f. XLVI: et s'ilz sceussent que ce fust Gallehaut, ils demenassent ioye.

²⁾ Къ переводу: Тристанъ радъ, что съ нимъ будетъ биться Галиотъ, «могучи поставити сто тысячъ воиска на поля збронныхъ зъ сулицами. *Конечныхъ ртчей пустилъ са ѿдин къ другому.* Сл. f. XLVII: bien pert que il a bon cueur quant luy qui a plus de cent mille hommes dessoubz luy ne daigne mettre contre moy fors que son corps. *A tant laissent courre l'ung vers l'autre.*

ство, а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшъ, ниж сама себе; коли онъ принималъ таковыя ударцы, она была блѣда и дала-бъ весь светъ, абы онъ былъ здоровъ и простъ отъ тое битвы; коли Галиотъ билъ Трыщана, тогда онъ на коленахъ падалъ, а Ижота принимала ударцы въ сэрце свое и была блѣда, якъ папуга, а коли Трыщанъ Галиота билъ и поле ему бралъ, а Ижота была велими весела и румана¹⁾. — Галиотъ начинаетъ изнемогать, когда показывается король надъ Сту витезями. Увидѣвъ его, Галиотъ кричитъ Тристану: ты погибъ, теперь я отомщу тебѣ за отца и мать. Тристанъ не вѣритъ, чтобы его противникъ прибѣгнулъ противъ него къ чужой помощи, говоритъ, что невиновенъ въ смерти его родныхъ; «а даю ти сюю битву за добытую, и пусти ма з моею дружиною свободне. Зле-мъ вчынилъ, иже-мъ добылъ меча противъ тебе, напротивъ большого пана и небольшого витеза, а то богъ вѣ, же того не мовлю дла страху абыхъ са богаи смерти. И прыступилъ, далъ ему мечъ». Галиотъ не только прощаетъ ему свой гнѣвъ, но и принимаетъ въ пріязнь: ты «вitez еси большыи, нижли га, и нѣтъ тобѣ друга на свете», говоритъ онъ и останавливаетъ нападеніе короля надъ Сту витязями, которому превозноситъ храбрость Тристана: вотъ еслибъ имѣть его съ собою вмѣстѣ съ Ланцелотомъ! — Всѣ отправляются въ замокъ Урашъ, гдѣ Галиотъ и Тристанъ лѣчатся отъ ранъ, тогда какъ люди короля надъ Сту витязями²⁾ бьются съ жителями острова, искореняя законъ, который тѣ защищали. Отпуская Тристана, Галиотъ выражаетъ ему желаніе видѣть его у себя: пусть отвезетъ

¹⁾ I. c. Yseult n'est pas aise, car elle voit souvent que Galehaut surmonte Tristan. Le cuer luy fault et tous les membres et pert bien qu'elle ayme Tristan. Quand elle voit que Galehaut fiert sur Tristan, elle tremble tout de paour. Mais au dernier elle se rassure, car elle vit que Galehaut en auoit le pire. Cf. f. L (битва Тристана съ Паламедомъ): Quand elle (то-есть, Yseult) voit Palamedes ferir sur Tristan, si luy est bien aduis qu'elle recoive les coups.

²⁾ Въ текстѣ, очевидно, по ошибкѣ, король названъ Артишемъ. Выше (стр. 159) въ описаніи перваго турнира въ Ирландіи, мы удалили такую же ошибку, объяснивъ ее пропускомъ: «король Ганишъ изъ Локви, а другіи король Артишъ а Лоцдреша, [а третій король], которыи мѣлъ въ себѣ сто рыцаров».

невѣсту дядѣ, а затѣмъ приѣдетъ къ нему «у королевство сире-
лоисское» (f. XLVII: en la grant Bretagne), «а я ти обещаю са-
какъ витезь, бо есмь не король, тыз панства и земли мое, што
есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абых мѣлз з вами двема товарыш-
ство, а вы со мною; я быхъ большого богатества не хотелъ». Тристанъ
обѣщается и сильно опечаленъ, когда вскорѣ послѣ
того ему принесли вѣсть о смерти Галиота. Пока Галиотъ пи-
шетъ королевѣ Веливерѣ (Genievre) письмо, въ которомъ сооб-
щаетъ ей о «попсованьи злыхъ законовъ» и о храбрости Ланце-
лота и Тристана; кто изъ нихъ большій рыцарь — онъ не знаетъ
(f. XLVII: que en ce monde ne auoit que deux cheualiers et deux
dames: Lancelot et Tristan, la royne Genieure et Yseult). «Коли
Веливера тот лист прочла, было ей велии вѣчно и рекла: Мило
бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут
было ѿ Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ час былъ ѿнъ
з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогда, коли Ми-
лиенец корола Бана и Бендемагулъ приехали у двор корола
Артиуша и добыл королевую Веливеру въ опецѣ Кенишевои
столника и повел ее у Лондрешъ». Сл. f. XLVII: a ce point estoit
Lancelot du Lac hors du sens et ce fust deux ans deuant que
Meleagant emmenast la royne Genievre quant il la conquist contre
Keux le seneschal, et puis alla Lancelot apres et la conquist et
la ramena ¹⁾).

Во французскомъ романѣ Тристанъ привозитъ Изольду въ
Корнуаль, и Маркъ втайнѣ не радъ его приѣзду, котораго никакъ
не ожидалъ. Въ русскомъ текстѣ всѣ въ радости и веселіи; на-
ступаетъ брачная ночь, Ижота смущена, проситъ Брагнью за-
нять ее мѣсто на ложѣ ²⁾. Въ брачный покой являются, кромѣ
молодыхъ, Говорнаръ и Брагния, Трыщанъ тушитъ свѣчи: та-
ковъ обычай въ Ирландіи, объясняетъ онъ королю: «коли хочет

¹⁾ Аллюзия на увозъ Жиневры, ѣхавшей въ сопровожденіи Keu, Me-
leagant'омъ (сл. Chretien de Troyes, Conte de la Charete).

²⁾ Во французскомъ текстѣ самъ Тристанъ проситъ Gouvernail'я и Bran-
gien помочь дѣлу, а Gouvernail указываетъ Brangien, какъ поступить.

великий панъ на першую ночь лечы с панною, свѣчы угашают, абы са панна не стыдила. И мене мати ее заклела и гз са еи такъ обещагъ». Въ это время Брагиня заняла мѣсто Ижоты, которая смѣняетъ ее позже. На другое утро Марко благодарить Тристана, «казал прывести всакіе гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы... Видечы панны такое веселье, танцовали горотинскіи танец за доброт пану Трыщану»¹⁾. Онъ смотритъ на Ижоту, она на него, и кромѣ Говорнара и Брагини никто не зналъ, что между ними было²⁾.

Однажды приходитъ къ Марку витезь, доноситъ ему, что «мигустъ Трыщан Ижоту телеснымъ учынкомъ», и что они общались другъ другу сойдтись «у первую сторожу ночи у городец за сѣнни». Марко, желая о томъ довѣдаться, уѣзжаетъ, велѣвъ Тристану остаться, но тотчасъ же вернулся, «ушол у городець и възлѣзъ на габлонь. А тогды была ночь месечна и для того не могъ скрыти тению своего». Тристанъ видитъ ее, даетъ понять Ижотѣ; ставъ передъ нею на колѣни, онъ проситъ ее отвести отъ него гнѣвъ короля Марка, которому донесли будто бы онъ, Тристанъ, любитъ Изоту; онъ хочетъ удалиться, «мышлю поити по мору и по суху». Изота отвѣчаетъ ему въ томъ же стилѣ и общается убѣдить Марка въ несправедливости навѣта. Они расходятся, Маркъ успокоился, увѣренъ, что на племянника наклепалъ ему рыцарь, оскорбленный Тристаномъ, когда хотѣлъ воздержать его отъ поединка съ Ящоромъ и Марганоромъ³⁾. На

¹⁾ Во французскомъ текстѣ нѣтъ описанія празднествъ.

²⁾ Слѣдующихъ далѣ эпизодовъ: о свиданіи Тристана и Изольды подъ деревомъ и о снѣ Марка нѣтъ во французскомъ текстѣ, прямо переходящемъ къ разсказу, какъ Изотта задумала извести Брагиню. Сл. эпизодъ подъ деревомъ въ версіи Bégou'я (Franc. Michel, Tristan, t. I, стр. 3 и слѣд.), у Eilhardt'a v. 3831—3764; въ отрывкахъ Томаса (Fr. Michel, l. c., t. II, стр. 126, v. 775 и слѣд.), въ Tristamsaga'ѣ с. LIV—V (стр. 68, 20—70, 4), Sir Tristram v. 2014—2167 и у Готфрида Страсбургскаго v. 14224—15051.

³⁾ Сл. выше стр. 170. Въ слѣдующемъ далѣ краткомъ упоминаніи эпизода о сватовствѣ есть новыя подробности противъ предыдущаго разсказа: Тристанъ присталъ «под замокъ Дамолотъ в лондрышскомъ кролевствѣ въ державню короля Демагула (?), когда въ Дамалотѣ (Samalot) царитъ Артіушъ. Городъ Ленвиза названъ Біанъ.

другой день Изота объясняется съ мужемъ, но тотъ говорить, что навѣтамъ на Тристана не вѣрить и рассказываетъ ей свой сонъ: «Было ѡдно панство велми хороше, и на немъ была выросла ѡдна рожка велми пекна, а на ней были цвѣты велми красны; и говорыли витези: То будет панство доброе для тое красное рожы. И говорыль пан того панства: Панство мое, але рожка не мога; хтоколвек ѡзмет цвѣт ѡт рожы, будетъ ему рожка. И многіе рыцѣры прыеждчали у тое панство, и каждыи рыцѣр хотѣлъ того цвѣта ѡт тое рожы, и ниhto не могъ взати цвѣта ѡт рожы; и прышоль ѡдин витезь и простер руку к той рожы и ѡтналъ ѡдин цвѣтъ ѡт рожы. И рекли ѡныи витези: То ест диво, якъ долго не могъ ниhto ѡтнати цвѣта ѡт тое рожы, а сесь рыцѣр скоро прышол и взалъ цвѣт ее. А тот витезь был велми весель ѡ той рожы, а коли еще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не могъ большъ уфатити. И в тот час прочутилъ са есми ѡт сна. Ижота рекла: Пана, мнѣ са видит, которыи витезь взалъ цвѣтъ ѡт тое рожы, его будетъ и рожка». Между тѣмъ у нея явилось подозрѣніе, не съ умысломъ ли рассказалъ ей свой сонъ король Маркъ и не проговорила ли ему Брагиня? Она хочеть извести ее: когда Тристанъ былъ въ отъѣздѣ, посылаетъ ее въ лѣсъ собрать зелей для ранъ, а двумъ хлопамъ, ее сопровождавшимъ, велитъ убить ее. Когда пріѣхали они «в чыстыи дубровы», хлопы раздумались: «Таа панна много послужыла пану Трыщану у граде Бигану у Орлендѣи, ѡна ест мудра и хитра; споведаймо мы то ей, чога для поехали есмо, может-ли то ѡна вчинити, яко быхмо были просты ѡт карности и ѡна ѡт смерти?» Они открываються ей, а она велитъ привязать себя къ одному дереву на распутіи: тамъ всегда много лютыхъ зверей, пусть они разорвуть ее; «а для того рекла, иж мало того, штобы не былъ витезь пры том дереву». Хлопы поступають по ея приказанію; въ это время проѣзжаетъ «красный Паламидежь Ануплитичъ», узнаеть Брагиню; вѣрно Тристана нѣтъ въ живыхъ, что такая участь ее постигла, говоритъ онъ; она проситъ отвязать ее отъ дерева и объясняетъ иносказательно, чѣмъ она проступилась

передъ Изотой: «пошла есми зъ своею госпожею зъ одного королевства у другое, она понесла свои одинъ цвѣтъ, а тѣ мои други цвѣтъ, и ходили есмо морем и сухом; идучы по мору пани мога утопила свои цвѣтъ, а тѣ свои не втопила, и она поставила мои цвѣтъ, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми са тое зло стало». Паламидежъ просить ее послужить ему, какъ она служила Тристану; они ѣдутъ въ Корноваль, гдѣ останавливаются на «господѣ» рыцарской; Паламидежъ не велить пока сказывать своего имени и очень обрадованъ, когда узналъ, что Тристана нѣтъ дома. Три прохожія дѣвушки говорятъ между собою, что Маркъ велѣлъ всѣмъ рыцарямъ и дѣвушкамъ собраться во дворецъ. Это онъ обо мнѣ будетъ спрашивать, говоритъ Брагиня и указываетъ Паламидежу часъ и время, когда идти ко двору. Маркъ объявляетъ: «Хто бы могъ вѣдати какою смертью згигла дѣвка Брагиня, тѣ быхъ его даровалъ велмы много, а хто-бы ее сповѣдал живую, за што бы его рука сагнула, то бы са ему не заборонило». Паламидежъ играетъ съ королемъ въ шахматы на условіи: «которые з насъ выиграет, по што са его рука хватит, нехай собѣ ѡзмет». Паламидежъ выигралъ, напоминаетъ королю о его обѣщаніяхъ; когда онъ подтвердилъ ихъ, Паламидежъ велить привести Брагиню, а себѣ просить въ даръ Ижоту. Маркъ велить ей снаряжаться, чтобъ ѣхать съ Паламидежемъ; она одѣвается тихо, поджидая Тристана. Паламидежу она говоритъ: «Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновальского, он велел мене тобѣ дати, ты самъ ведаешъ, што еси служыл у моего ѡтца тры годы для мене, не могъ еси мене выслужити, але коли ма еси досталъ так борздо у короля Марка, подмо ув-ѡную цѣрков и кленим са богом, абы не ѡставил ѡдин другого до смерти». Изота входитъ въ церковь первая, «а были в той цѣркви реманые лѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тых лѣствицахъ до ѡкна верхнего, и коли была у ѡкне, узвоклала лѣстницу к себе». Когда вошелъ Паламидежъ и просить ее сойдти, она совѣтуетъ ему удалиться, чтобъ не застали его рыцари Марка, «которые поехали у ловы». Паламидежъ не

хочетъ объ этомъ слышать, а Ижота уже завидѣла Тристана; у него былъ обычай, куда бы ни ѣхалъ, всегда заѣзжать въ церковь. Снова говоритъ Изота Паламидежу: Поѣзжай съ богомъ, витязь на тебя ѣдетъ; нѣсколько разъ напоминаетъ она ему о томъ, а тотъ отвѣчаетъ: будь одинъ витязь, будь ихъ три, десять, я безъ тебя не уѣду. «Не тры, не два, одинъ Трыщан едетъ», кричитъ Изота, и Паламидежь пускается бѣжать; Тристанъ не поспѣлъ за нимъ на усталомъ конѣ, входитъ въ церковь, «виделъ цудную Ижоту и розгнѣвал са велми, а не хотѣлъ для Паламидежа пытати, одно рек: Всадъ, пани, на кона и едно до корола Марка». Тутъ онъ узнаетъ, что самъ Маркъ отдалъ ее Паламидежу. «А по тыхъ речах поехал ѡт цѣркви пан Трыщанъ со Ижотою»....

Во французскомъ романѣ эпизодъ о Брагинѣ слѣдуетъ непосредственно за свадьбою Марка; Изольда просто боится, чтобы Brangien «ne la descoupre» (f. XLVII). Иносказательный апологъ о цвѣткѣ¹⁾ рассказываетъ Brangien не Паламеду, а «хлопамъ», которые, привязавъ ее, уходятъ, послѣ чего Паламедъ является на крикъ Brangien. Способъ, какимъ онъ выманилъ Изольду у Марка, иной: Изольда крайне жалѣетъ о смерти Brangien, о которой ей донесли: «elle voudroit auoir donné tout ce qu'elle a au monde et elle ne fust point morte» (f. XLVIII). Однажды она проѣзжаетъ мимо кустовъ (broces l. c.), въ которыхъ спрятался Паламедъ, и горько плачетъ объ уtratѣ Brangien; когда тотъ предлагаетъ ей привести къ ней послѣднюю, она говоритъ: «il n'est rien que ie ne vous donnasse pour auoir Brangien» (l. c.). Паламедъ ѣдетъ въ монастырь (abbaye), гдѣ пріютились Brangien, привозитъ его ко двору, а Маркъ заставляетъ Изольду

¹⁾ У Эйльгарта и въ той редакціи преданія, на которую намекаетъ *Vaimbaut d'Orange* (у *Sudre'a*, l. c., стр. 546; сл. *Muret*, l. c., стр. 309) въ апологѣ Брагienesъ вмѣсто цвѣтка является сорочка: будто-бы мать Изольды дала ей и Брагienesъ передъ отъѣздомъ по сорочкѣ, съ наказомъ дочери — надѣть ее въ первую брачную ночь; сорочка Изольды оказалась разорванной и испортой, и она попросила Брагienesу ссудить ей свою.

исполнить обѣщаніе, данное рыцарю. «Don» состоитъ — въ самой Изольдѣ, которую огорченный царь и принужденъ уступить Паламеду. Тристанъ былъ въ то время на охотѣ; никто изъ рыцарей не рѣшается пуститься въ погоню за похитителемъ, кромѣ Lambegues, *perveu du roy Farien* (f. XLIX), приѣхавшаго къ Изольдѣ лѣчиться отъ ранъ; Паламедъ сбрасываетъ его съ коня, но пока бьется съ нимъ, Изольда бѣжитъ, хочетъ утопиться; проѣзжій рыцарь везетъ ее къ одной башнѣ, гдѣ она будетъ въ безопасности, а самъ ѣдетъ предупредить Тристана. Узнавъ отъ рыцаря, что Изольда спрятана, Паламедъ убиваетъ его и ѣдетъ къ башнѣ; Изольда кричитъ ему изъ окна: Пусть убирается, не то вернется Тристанъ и будетъ у него съ нимъ передѣлка. Вернувшись ко двору, Тристанъ узнаетъ объ увозѣ Изольды, вмѣстѣ съ Говерналемъ ѣдетъ слѣдомъ за похитителемъ, о которомъ узнаетъ отъ раненаго Lambegues, и бьется съ Паламедомъ подъ стѣнами замка, гдѣ скрылась Изольда. Она разнимаетъ ихъ, а Тристанъ возвращается съ нею къ Марку.

Пространному эпизоду, нами пересказанному, отвѣчаютъ у Polidori стр. 113—154. Сватовство Тристана, сонъ короля и его объясненіе, какъ во французскомъ текстѣ (на стр. 115—116 помѣщено, по извѣстной книгѣ di messer Gaddo, иносказательное толкованіе видѣнія). Любовный напитокъ хранится въ *uno piccolo bottaccino d'argento* (сл. русскій текстъ). Лишнее: мать Изотты, Lotta, велитъ для себя устроить изображеніе дочери, на память о ней. На пятый день плаванія Тристанъ и Изотта играютъ въ шахматы (описанія костюма нѣтъ); относительно дѣйствія любовнаго напитка прибавлено: Идонія, собачка Изотты, подлизавшая вылитые остатки напитка, не только не покидала никогда Тристана и Изотту, но и околѣла на ихъ гробѣ, а Говерналь и Брандина, только ощутивъ его запахъ, никогда не измѣняли своей привязанности къ нимъ. Сцена между Тристаномъ и Изоттой на кораблѣ рассказана иначе, чѣмъ въ предыдущихъ текстахъ. Островъ названъ della Malvagia Uzanza (*var. delli Gioganti*), Castello del

Proro (= Plogo)¹); какъ во французскомъ романѣ рассказъ о происхожденіи злого обычая вложенъ въ уста одного рыцаря и представляетъ тѣ же подробности (Dialantes = Dialethes) съ нѣкоторыми отличіями: Bruoro lo Bruoro, отецъ Galeotto, занесенъ былъ бурей на островъ, e combattè a messer Mago conte, nipote di Dialantes, che era a quel tempe sire di quest' isola, e a lui e a sua dama egli tagliò la testa; e appresso tagliò la testa a un altro cavaliere che ci arrivò, ch'era di Gaules, e sposò sua dama per la più bella che quella di messer Mago; ей имя Bagotta. Во время поединка Изотта молится; ея молитва (напечатанная какъ стихи) — воззваніе къ Иисусу Христу, дѣянія котораго пересказываются въ порядкѣ времени. Жители обязываютъ Тристана, въ силу обычая, не только отрубить голову Баготтѣ, но и жениться на Изоттѣ; онъ говоритъ, что она назначена въ жены другому; ты обязанъ былъ бы жениться на ней, еслибъ она была твоею дочерью, говорятъ они ему: «poi voi apresso siete savio: farete quello che ve ne piacerà di fare». Дочь Брунора — Dalis; она встрѣчаетъ Galeotto около Castello delle Incantatrici (нѣтъ эпизода французскаго романа: о Ланцелотѣ въ плѣну у Морганы и т. п.); головы отца и матери они похоронили nella badia di Lanogio (вар. Lanerio). Бой Галеотто съ Тристаномъ представляетъ отличія: нѣтъ подробности, что Изотта «принимаетъ удары въ сердце»; отпуская Тристана, Галеотто не зазываетъ его къ себѣ; узнавъ, что онъ везетъ Изотту въ жены Марку, онъ говоритъ ему: E tanto vi dico, che se voi la menate, se in prima non sapete s'ella sente d'amore, io v' appello cavaliere Perdiventura; Артуру онъ пишетъ о всемъ, совершившемся на островѣ Гигантовъ, съ похвалами Тристану, что внушаетъ Ланцелоту желаніе

¹) См. старониталианскій Conto de Bruno e di Galeoto suo filio (см. Conti di antichi cavalieri, ed. Pasquale Papa, въ Giorn. storico della letteratura italiana, fasc. 8, 1884, p. 216—217), вѣроятно, извлеченный изъ какого-нибудь текста романа о Тристанѣ: Castello de Plog. Какъ и въ русскомъ текстѣ, мать и сестра Галеотто не названы; отпуская Тристана, онъ беретъ съ него слово, что, отвезя Изотту, онъ вернется къ нему въ «Sorlois, perchè esso volea lui e Lan-celoto insieme avere».

познакомиться съ нимъ, отправившись въ Корнуаль. Возвращеніемъ Тристана Маркъ недоволенъ; слѣдуетъ сцена брачной ночи. Нѣтъ ни эпизода съ яблоней, ни сновидѣнія Марка; онъ такъ часто бесѣдуетъ съ Брандиной о нравахъ и обычаяхъ Ирландіи, что у Изотты является подозрѣніе противъ нея, и она рѣшается ее погубить. Дальнѣйшее, какъ во французскомъ текстѣ; его Lambegues'у отвѣчаетъ Sagris, безыменному рыцарю — Guirlandot. Тристанъ отвозитъ Изотту къ мужу.

9. Въ послѣдней своей части русской текстъ романа, какъ уже было замѣчено нами, радикально расходится какъ съ французскимъ, такъ и съ рецензіей Полидори. Разница ощущается и въ планѣ, и въ подробностяхъ. Обыкновенно разсказывается, что, освободивъ Изотту отъ Паламидеса, Тристанъ везетъ ее къ Марку; слѣдуютъ тайныя свиданія любовниковъ, подозрѣнія и открытія Марка, удаленіе Тристана, изгнаніе его вмѣстѣ съ Изоттой и возвращеніе, все это переплетенное цѣлымъ рядомъ другихъ приключеній; наконецъ женитьба Тристана на второй Изоттѣ. Любовь къ первой съ этимъ не угасла, раненый смертельно Тристанъ умираетъ, вмѣстѣ съ нимъ и Изотта, жена Марка. Въ русской повѣсти порядокъ почти обратный: Тристанъ тотчасъ удаляется съ Изоттой, освобожденной отъ Паламидежа, и лишь въ самомъ концѣ романа возвращается съ нею къ мужу; о женитьбѣ на второй Изоттѣ ничего не сказано, а только о турнирѣ, ею созванномъ, на которомъ бьется и раненъ Тристанъ. Онъ проситъ Марка прислать къ нему жену, полечить его, что тотъ и дѣлаетъ. «И не вѣм, если с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль ѿ нем писано».

Чѣмъ вызванъ былъ такой распорядокъ содержанія, устранившій цѣлый рядъ популярнѣйшихъ и иногда поэтическихъ разсказовъ о тайныхъ свиданіяхъ Тристана съ Изольдой и о козняхъ Марка — можно бы объяснить особою постановкой эпизода о Паламидесѣ. Въ западныхъ текстахъ, разобранныхъ нами, сама Изотта, необдуманнѣмъ обѣщаніемъ дара, вызвала свой увозъ, Маркъ принужденъ отпустить ее, но опечаленъ необходимостью;

въ этой постановкѣ легче представить себѣ ея непосредственное возвращеніе, чѣмъ въ планѣ русскаго разсказа, гдѣ самъ Маркъ проигралъ жену, хотя и незная того, и Изотта имѣетъ право сказать Тристану: «Не годит ми са ехати икъ королю, ижъ ме ѡтдал Паламидежу». Вслѣдствіе этого и ея возвращеніе къ мужу могло быть удалено; стоило только обратить въ дѣйствительность, что во французскомъ текстѣ явилось предположеніемъ. Сл. f. LI: освободивъ Изотту, Тристанъ говоритъ ей: Dame, vous savez bien que nous ne pouons departir l'ung de l'autre; se le roy Marc le scait, il nous fera honnir, si conseilleroye que nous nous en aillissions en l'hostel du roy Artus ou en autre lieu. La ne aurons nous garde de luy si userons nostre vie en ioye. Но Изотта отвергаетъ этотъ планъ; въ русскомъ текстѣ онъ ей принадлежитъ и приводится въ исполненіе: они ѣдутъ къ Артуру, какъ предлагалъ Тристанъ во французскомъ романѣ, Тристанъ мѣряется храбростью съ Ланцелотомъ, Изотта красотою съ Жиневрой. И это предусмотрѣно въ романѣ f. L—LI: разнимая противниковъ, Тристана и Паламеда, Изотта велитъ послѣднему поѣхать ко двору Артура et me saluez la royne Genieure de par moy et luy dictez qu'il n'y a au monde que deux cheualiers et deux dames, moy et elle, et son amy et le mien, et se le mien eust repaire en la grant Bretagne, il fust bien autant prise d'armes comme le sien, et se nous estions ensemble elle et moy, ie feroye aux dames iuger de noz deux beaultez et des bontez de noz deux amys.

Принадлежитъ ли такое измѣненіе плана сербскому (русскому) пересказчику, или его оригиналу — мы попытаемся отвѣтить на это далѣе; въ связи съ нимъ стоитъ распределеніе вины между дѣйствующими лицами: она тѣмъ сильнѣе на сторонѣ Марка, что вслѣдствіе перетасовки плана любовныя шашни Тристана и Изольды отпали сами собою и впечатлѣніе ихъ виновности не усиливается повтореніемъ ихъ тайныхъ свиданій и любовныхъ ухищреній. Вслѣдствіе этого ихъ любовь, во внѣшнемъ нравственномъ смыслѣ, является какъ будто чище, роковая страсть Тристана нераздѣльнѣе, ибо вторая Изотта ему не жена.

Такъ или иначе объяснить себѣ новый распорядокъ разсказа, вѣрно то, что онъ долженъ былъ повліять и на распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ границахъ измѣнившагося плана. Почти все эпизоды послѣдней части русской повѣсти находятся и въ ея источникѣ, но размѣщеніе другое и много смѣшеній.

Далѣе мы пересказываемъ содержаніе остальной части французскаго романа и версіи Polidori, останавливаясь подробнѣе лишь на эпизодахъ, важныхъ для нашего текста, которые отмѣчаемъ буквами въ виду слѣдующихъ сближеній.

Audret доноситъ Марку о связи Тристана съ Изольдой; Маркъ застаегъ ихъ вмѣстѣ, хочетъ убить Тристана, но промахнулся; Тристанъ наноситъ ему ударъ мечемъ плашмя, отчего тотъ падаетъ, а самъ удаляется съ нѣкоторыми рыцарями въ лѣсъ. Очнувшись, Маркъ идетъ съ вооруженною силою къ дому Тристана, желая отомстить ему; узнавъ, что онъ въ лѣсу, пугается: теперь не будетъ выхода изъ города ни ему, ни кому другому. Audret обѣщаетъ Марку залучить Тристана: по его совѣту король пишетъ ему извинительное письмо и проситъ вернуться. Brangien, посланная съ письмомъ, предупреждаетъ Тристана, чтобъ онъ не слишкомъ довѣрялся. — Lamogal de Galles посылаетъ ко двору Марка зачарованный рогъ, испытующій вѣрность женъ¹⁾. — Уловка Audret'а уличить Тристана (лезвья, *des faulx*, поставленныя въ спальнѣ Изольды, которыми долженъ былъ порѣзаться Тристанъ) не удается. — Маркъ запрещаетъ, по совѣту Audret, входить кому бы то ни было изъ мужчинъ въ покои Изольды; дѣвушка (по имени Basille), любовь которой отвергнута Тристаномъ, говоритъ Audret'у, что Тристанъ можетъ проникнуть къ Изольдѣ изъ сада черезъ окно; Audret вмѣстѣ съ нѣкоторыми рыцарями даетъ ему пройти къ своей милой и поджидаетъ его; Тристанъ, предупрежденный Brangien, расправляется съ засадой и успѣваетъ уйти. — Маркъ запираетъ жену въ башню, гдѣ Тристанъ посѣщаетъ ее, переодѣтый женщиной;

¹⁾ Объ этомъ мотивѣ см. Golther, l. c., стр. 20.

онѣ схвачены и обречены на наказаніе, но бѣгутъ и вмѣстѣ съ Говерналемъ и *damoysselle* Изольды, qui avoit nom Lamide (f. LVIII), поселяются въ *ung riche manoir qui fut a la sage damoysselle* (l. c.), а рыцарей, какіе при нихъ были, отсылаютъ къ Артуру съ поклономъ Ланселоту и Lamogal. Въ отсутствіи Тристана Маркъ увозитъ жену; Тристанъ возвращается домой, раненый ядовитою стрѣлой, не найдя Изольды, предается горю. Его рана опасна; узнавъ о томъ, Brangien совѣтуетъ ему ѣхать *en la petite Bretagne*¹⁾

а) къ королю Houel, дочь котораго, Yseult aux blanches mains, выльчила его рану. Онъ женится на ней, но брака не совершаетъ: его мысли у «красной Изольды» (*la bloye*), жены Марка; тайну своей страсти онъ повѣряетъ пріятелю, брату жены, Kahedin (Polidori: Ghedino, Gheldino), который предлагаетъ сопутствовать ему въ Корнуаль. Итальянскій текстъ представляетъ, что по рассказамъ Тристана Ghedino заочно влюбился въ его милую²⁾; французскій — помѣщаетъ передъ отъѣздомъ

¹⁾ Отличія текста Polidori, стр. 154 слѣд.: Тристанъ и Изотта у Марка; одна *donzella* Изотты, отвергнутая Тристаномъ, сообщаетъ Adrette свои подозрѣнія относительно связи Тристана съ королевой. Неудачная уловка Adrette (лезвья въ спальнѣ Изотты); эпизодъ съ *Amorotto di Gaules*; заставъ Тристана у жены, Маркъ запираетъ ее въ башню. Далѣе рассказа тотъ же до похищенія жены Марка. Раненаго ядовитою стрѣлою Тристана Брандина лѣчитъ, съ дозволенія короля, въ замкѣ *di Cognazim*. Однажды, задумавшись объ Изоттѣ, Тристанъ не отвѣтилъ на привѣтствіе проѣзжаго рыцаря и принужденъ вступить съ нимъ въ бой, который оканчивается признаніемъ: то былъ Ланцелотъ, впрочемъ пріѣхавшій, чтобы познакомиться съ Тристаномъ. Ланцелотъ миритъ его съ королею, тѣмъ не менѣе Маркъ продолжаетъ злоумышлять противъ племянника, подсылаетъ къ нему убійцу, но успокоивается, увидѣвъ однажды, что, предупрежденный Брандиной о его посѣщеніи, Тристанъ спитъ не съ Изоттой, а съ Ланцелотомъ. Рассказъ переходитъ на время къ послѣднему, котораго въ *Gioiosa Guardia* осадилъ Артуръ, заставшій его вдвоемъ съ Жиневрой; Тристанъ явился на помощь Ланцелоту, устраиваетъ его примиреніе съ королею и, вернувшись въ Корнуаль, ѣдетъ, по совѣту Брандины, въ *Petitta Bretagna*.

²⁾ Во французскомъ текстѣ, f. LXXXII, онъ влюбляется въ нее, когда видитъ ее при дворѣ Марка: *et tout incontinent que Kahedin veit Yseult, si l'auma si durement que oncques puis son cueur n'en partit deuant la mort.*

нѣсколько эпизодовъ, недостающихъ у Polidori; я остановлюсь на одномъ изъ нихъ.

б) Тристанъ, Изольда и Kahedin катаются по морю; буря заноситъ ихъ къ «*raus du seruage*», гдѣ великанъ Nabon le noir держалъ въ рабствѣ всѣхъ, кто приставалъ къ скалистому берегу. Тристанъ находитъ здѣсь Lamoral'я, Segurades'a и другихъ людей изъ Logres. Великанъ хочетъ отпраздновать военными играми посвященіе своего сына въ рыцари: бой палицами (*bastons*) при щитахъ. Lamoral побѣждаетъ одного норгальца, но самъ побѣжденъ великаномъ, вызывающимъ новаго противника. Вызывается Тристанъ, который и объявляетъ свое имя (f. LXV—LXVI): Certes, dit Nabon, or suis ie plus ioyeux que devant quant ie te tiens en ma prison: ce ieu n'est pas ieu de l'espee, plus te doubtasse que ie ne feray, si te vueil monstrier que aussi comme Tristan est le meilleur cheualier du monde, aussi est Nabon le noir le meilleur escremisseur du monde. Or te garde meshuy, car ie te ferray se ie puis nom pas iusques a la mort. Mais hardiement m'occiez de cest ieu se vous pouez, fait Tristan, que vous en scauez tant, car ie vous dis bien que ie vous feray se ie puis. Et Nabon dit que de ce se gardera il bien. A tant commence l'escremye Tristan et ne monstre pas qu'il en sache tant pource qu'il veult que le geant s'abandonne a luy. Et le geant s'abandonne a luy qui ne s'apperçoit pas comme Tristan se va faignant et cuide que Tristan ne saiche riens ainsi comme il luy est aduis. Tristan s'en va destournant une heure ça une heure la, si que le geant le fiert ung petit, mais il ne luy fist nul mal. Et puis dit Tristan: Or sachez que ie te eusse bien blece se i'eusse voulu. Ce sçay ie bien, dist Tristan, or me garderay ie mieulx une autrefois. Lors recommencent a gecter et Tristan dit: Nabon, garde toy mieulx que tu n'as fait, car saches que ie te feray se ie puis. Et Nabon dist qu'il se garderoit bien et qu'il ne fait que geter petis coups pour monstrier au peuple quelle courtoisie il faisoit a Tristan, combien qu'il scaoit de l'escremye plus que luy. Tristan si voit bien qu'il est temps de mener a fin

ce qu'il pensoit, si haulce le baston et fiert le geant parmi la teste, si qu'il chet a terre tout estourdy et ne scet s'il est iour ou nuyt. Alors gecte ung grant plaint et dist: Haa, Tristan, tu m'as occis. Se m'aïst Dieu, dist Tristan, vous mourrez se Dieu plaist, ainçois que vous m'eschappez. Lors recouure et luy donne uug si grant coup qu'il l'occist. Всѣ, находившіеся въ рабствѣ у великана, освобождены. Назначивъ властителемъ области Segurades'a, Тристанъ возвращается въ Малую Британію. — Слѣдуютъ во французскомъ текстѣ приключенія Lamogal'я, затѣмъ рыцаря à la cotte mal taillée; лишь послѣ этого разсказъ переходитъ къ Тристану — и къ согласію съ италіанскимъ текстомъ: Brangien приноситъ Тристану письмо отъ Изольды, приглашающее его вернуться; онъ ѣдетъ съ Kahedin, будто бы вызванный по дѣлу въ Leonnoys; буря заноситъ ихъ «pres de la forest Darnantes» (ит. Dernantes, Andernantes), ou la damoyselle du lac avoit emprisonne Merlin» (f. LXXVI), гдѣ какая-то дѣвушка (въ италіанскомъ текстѣ: Elergia) держитъ въ волшебномъ плѣну Артура, котораго безуспѣшно ищутъ рыцари его двора. Въ этомъ мѣсту происходитъ рядъ приключеній: Тристанъ бьется, между прочимъ, съ Keux le seneschal (ит. Chieso), который, не зная Тристана, глумится надъ корнуальскими рыцарями, но сбивъ Тристаномъ (позднѣе въ италіанскомъ текстѣ Ланцелотъ сбѣтается надъ Chieso: Ты думалъ, что Тристанъ испугается твоихъ словъ?). — Тристанъ освобождаетъ Артура.

За возвращеніемъ Тристана къ Марку слѣдуетъ въ италіанскомъ текстѣ эпизодъ съ «яблоней» (ит. ripo), помѣщенный нашимъ текстомъ ранѣе. Новая хитрость Марка: между постелью своей жены и Тристановой, онъ велитъ посыпать полъ мукою, чтобы можно было по слѣдамъ узнать не прошеннаго посѣтителя. Тристанъ скачетъ со своего мѣста на ложе Изотты, при этомъ у него лопнули отъ натуги жилы на рукѣ, кровь осталась на полу и на постели. Маркъ хочеть сжечь жену, но напередъ подвергаетъ ее испытанію Божьимъ судомъ; слѣдуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ эпизодовъ Тристановой легенды: Тристанъ, пере-

одѣтый юродивымъ, обнимаетъ Изотту, а она клянется, что никто, кромѣ этого юродиваго, ея не касался¹⁾. Одинъ навѣтчикъ совѣтуетъ Марку изгнать Тристана и Изотту изъ царства, чтобы заразъ освободиться отъ печали; они поселяются въ одномъ замкѣ и спятъ, положивъ промежъ себя обнаженный мечъ. Дѣлали они это потому, что то мѣсто было не безопасное; Маркъ, застающій ихъ спящими, толкуетъ мечъ, какъ знаменіе чистоты ихъ отношеній и съ честью возвращаетъ ихъ къ себѣ²⁾.

Всего этого нѣтъ во французскомъ романѣ въ указанной связи: освободивъ Артура, Тристанъ ѣдетъ въ Корнуаль, и слѣдуетъ эпизодъ любви Kahedin'a (ит. Ghedino) къ Изольдѣ, параллельно съ соответствующимъ рассказомъ у Полидора. Я сообщаю его лишь въ общихъ очертаніяхъ: Kahedin пишетъ Изольдѣ любовное письмо; она отвѣчаетъ ему уклончиво и мягко, какъ будто обнадеживая, но лишь затѣмъ, чтобы не опечалить его. Письмо это попадаетъ въ руки Тристану, который, убѣжденный въ невѣрности Изольды, удаляется въ пустынный лѣсъ, одичалъ, живетъ какъ юродивый, изступивъ изъ ума. Здѣсь находятъ его Маркъ и ведетъ въ городъ, не узнаннаго; Изольда ухаживаетъ за нимъ, но когда онъ выздоровѣлъ, Маркъ высылаетъ его изъ Корнуаля.

Далѣе содержаніе французскаго и италіанскаго романовъ снова расходятся. Первый рассказываетъ объ отъѣздѣ Тристана въ Logges, гдѣ онъ, вибѣстѣ съ Dinadans, бьется противъ тридцати рыцарей, которыхъ Morgain поставила въ засадѣ, чтобы

¹⁾ Сл. мои Славянскія Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 23—25 и прим. 1 на стр. 25; Lutoslawski, Les folies de Tristan, въ Romania № 60; Golther, l. c., стр. 13—15, 86 слѣд., 99; H. von Wlislocki, Die Episode des Gottesgerichtes in «Tristan und Isolde» unter den transilvanischen Zeltzigeunern und Rumänen, въ Zeitschrift f. vergl. Litteraturgeschichte I, стр. 457 и слѣд.

²⁾ Мотивъ меча, положеннаго между спящими на постели, знакомый Béroul'ю и Eilhart'у (сл. Muret, l. c., стр. 337—8; Golther, l. c., стр. 24, 118), Sargazin (l. c. стр. 263, 270) считаетъ почему-то германскимъ. Онъ столь мало германскій, что встрѣчается напр. и у кабардинцевъ. Сл. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, VI, стр. 99.

убить Ланцелота. Слѣдуютъ подвиги Тристана на турнирѣ при Chateau aux Pucelles. Не узнаанный никѣмъ, онъ скрывается; рыцари Артура ѣдутъ искать его, находятъ Ланцелота. Маркъ отправляется въ Logres съ цѣлью убить Тристана; Артуръ миритъ ихъ и обязываетъ Марка не злоумышлять противъ племянника по приѣздѣ въ Корнуаль, куда оба и отправляются. Тристанъ побѣдоносно отражаетъ нападеніе Sesnes, но Маркъ заключилъ его въ темницу, изъ которой его освобождаютъ Percival и жители Leonnois, а въ темницу посаженъ самъ Маркъ.

Вмѣсто всего этого италіанскій текстъ даетъ такія подробности:

с) При гossa del Dianfer Тристанъ бьется съ исполиномъ Lucano lo Grande; первымъ выѣзжаетъ противъ исполина, вооруженнаго палицей, спутникъ Тристана, Dinadano; тотъ «si lo prende per lo nasale del'elmo e lievalo di sul suo cavallo e leggiermente lo ne porta in verso la gossa».

д) Послѣ нѣкоторыхъ другихъ приключеній Тристанъ приѣзжаетъ въ замокъ Медей (Medeas); всякій, желавшій обладать ею, обязанъ былъ биться съ тѣмъ, кто въ то время пользовался ея любовью, и лишь убивъ его, вступалъ въ его права. Медей и ея сестры (Lavina, Agnena, Bresenda и Pulizena) были самыя распутныя женщины въ свѣтѣ, дочери «della bella suora d'Amore, la quale discese de la gentile reina Calistra (вар. Talistre), la quale fue reina dello regno Femminoro, capo e membro di lussuria» (Thalestris Александровыхъ романовъ) ¹⁾.

Слѣдуютъ новыя приключенія и эпизодъ

е) объ одной дамѣ, волшебницѣ (la quale molto sapeva delle sette arti), по имени Escorducarla (вар. Ascherducola, Eschonducola); узнавъ, что одинъ изъ рыцарей Артура убилъ ея че-

¹⁾ См. сходный эпизодъ въ Méraugis de Portleguez у G. Paris, Les romans, стр. 226—7, и въ одномъ прозаическомъ текстѣ старофранцузскаго Мерлина, изданномъ обществомъ des anciens textes français (Merlin, roman en prose du XIII-e siècle publ. par G. Paris et Jacob Ulrich, Paris 1887), t. II, стр. 44—57. См. G. Paris, l. c., стр. 237 и 172—3 (эпизодъ изъ Guinglain).

тырехъ сыновей, а самъ король отрубилъ голову ея дочери Elergia'и (сл. выше, стр. 198), она пишетъ своему брату Lasancis (вар. Lancisse, Asancis, Lasencis, Asencis), «il quale dimorava nella rocca della Ancisa de l'Isola Riposta nello mare Uziano», поручая ему свою мечь. Тотъ отказывается за старостью, но она даетъ ему зачарованное оружіе, которое не беретъ никакого другое; копье, которое не погнетъ, если даже будетъ въ употребленіи въ теченіи цѣлаго года, съ такимъ остриемъ, что стоитъ только коснуться имъ противника, и онъ будетъ сбитъ. Такъ онъ сразить всѣхъ рыцарей Артура, запретъ ихъ во дворецъ и сожжетъ, а жителей Камелота предастъ смерти. Lasancis отправляется; рыцари (Артуръ, Ланцелотъ и др.) сражены одинъ за другимъ и заперты; Жиневра въ сообществѣ четырехъ дѣвушекъ ѣдетъ искать Тристана въ Tintoille, встрѣчаетъ его на границѣ Гасконн ал castello di Barfonalle, не узнаетъ его (онъ мѣнялъ свои insegne), спрашиваетъ о немъ его самого, и когда онъ открылся ей, говоритъ о своемъ горѣ. Они отправляются вмѣстѣ; на пути отшельникъ сообщаетъ Тристану тайну вооруженія Lasancis'а и не велитъ биться съ нимъ на копьяхъ. Прибывъ въ Камелотъ, Тристанъ распоряжается, чтобъ убрали всѣ копья и дротики, какіе находились въ городѣ и, явившись на поединокъ съ желѣзной палицей въ рукахъ, говоритъ о себѣ Lasancis'у, что онъ юный рыцарь, не привыкшій къ турниру, къ тому же копья ему негдѣ взять, и онъ проситъ биться съ нимъ на мечахъ или палицами. Lasancis гордо снисходитъ къ его просьбѣ, дивится ударамъ противника, которые оружіе его выдерживаетъ, соглашается повторить бой на утро, но забываетъ на мѣстѣ свое копье. Когда онъ хватился его, было уже поздно; въ слѣдующемъ поединкѣ онъ сбитъ Тристаномъ и говоритъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Тристанъ запираетъ его на всю жизнь, а волшебное оружіе велитъ проклясть въ огнѣ, чтобы оно не попало въ руки кому-нибудь другому.

Послѣ этого Тристанъ возвращается въ Корноваль, посылаетъ Изотту подъ видомъ священника; ихъ застаютъ вмѣстѣ

и заключаютъ порознь. Является Prezzivalle, бьется съ Маркомъ, который въ свою очередь посаженъ въ тюрьму.

Сойдись снова, оба текста

f) заставляютъ Тристана и Изольду ѣхать въ Logres. Во французскомъ романѣ (I. II, f. LXIII) Тристанъ наѣзжаетъ подъ Joyeuse Garde на шатры Артура и его рыцарей, сбиваетъ многихъ изъ нихъ, но узнавъ лишь однимъ Ланцелотомъ, который приглашаетъ ихъ къ себѣ въ Joyeuse Garde. Желая увидѣть Тристана и Изольду, Артуръ назначаетъ турниръ devant le chateau de Louseph. — Итальянскій текстъ здѣсь подробнѣе: Тристанъ ѣдетъ съ Изоттой въ Gioiosa Guardia къ Ланцелоту, одѣтый монахомъ; Ланцелотъ выѣхавшій искать его, ибо до него дошли слухи, что Тристанъ въ заключеніи, не признавъ его въ монахѣ, на спутницу котораго заглядывается. Она краше Изотты и Жиневры, онъ удивляется, что монахъ водить ее съ собою, когда у него можетъ отнять ее любой рыцарь; навязывается къ нимъ въ спутники, гонитъ монаха прочь, желая завладѣть его дамой. Слѣдующій за тѣмъ бой кончается признаніемъ противниковъ, которые ѣдутъ вмѣстѣ; Тристанъ не велитъ о себѣ говорить. Ланцелотъ проѣзжаетъ впередъ, находитъ Артура и его дворъ въ шатрахъ передъ городомъ; затѣмъ является и Тристанъ, требуя поединка, сбиваетъ Galvano, Mordarette, Aggavano и другихъ; всѣ ждутъ, что Ланцелотъ отмститъ за поражение товарищей, а онъ подѣзжаетъ къ Тристану и вмѣстѣ съ нимъ и Изоттой отправляется въ Gioiosa Guardia. — Позднѣе, узнавъ, что то были Тристанъ и Изотта, и желая ихъ видѣть, Артуръ сзываетъ турниръ al bel ciastel del Verzerpe.

Послѣ турнира, гдѣ Тристанъ показалъ чудеса храбрости, лишь итальянскій текстъ говорить, что

g) Ланцелотъ поѣхалъ искать своего сына, рожденного отъ дочери dello re Pilles Pescaor.

Слѣдуетъ тамъ и здѣсь бой Ланцелота съ Brunor le Noir (Brunor lo Bruno), которому Тристанъ ссудилъ свое оружіе, вслѣдствіе чего Бруноръ за него и принять. Въ слѣдующей за-

тѣмъ войнѣ между ирландцами и норгальцами Тристанъ и Ланцелотъ находятся на разныхъ сторонахъ; Артуръ мирить ихъ.

Дальнѣйшія приключенія Тристана я сообщаю уже въ порядкѣ италіанскаго текста; Французскій представляетъ здѣсь другую редакцію и лишь небольшое количество параллелей.

h) Оставивъ Изотту въ Камелотѣ, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ; встрѣча съ древнимъ рыцаремъ: ему болѣе 170 лѣтъ; онъ оказывается della Tavola Vecchia, по имени Sigurans lo Bruno,... cavaliere Agragone (вар. Agrone), lo più forte combattitore che avesse lo re Uterpandragone in sua corte. Тристанъ хочетъ съ нимъ помѣриться, и тотъ, узнавъ его имя, согласенъ. Оба падаютъ съ коней и сознаются, что никогда не испытали такого удара, а Ланцелота Sigurans сбиваетъ съ коня. Онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ, но они ѣдутъ далѣе; впоследствии они узнаютъ о его смерти отъ паденія съ лошади.

Дама Озера залучила въ волшебный дворецъ Тристана и Изотту, Ланцелота и Жиневру. Освободившись оттуда и вернувшись въ Камелотъ, Тристанъ отсылаетъ Изотту въ Gioiosa Guardia въ сопровожденіи Аморольда и Паламидеса; позднѣе ему доносятъ, что Паламидесъ остался у Изотты, хотя онъ пробылъ въ Gioiosa Guardia всего одинъ вечеръ. Тристанъ смертельно ревнуетъ къ нему.

i) Разсказывается о рожденіи сына Ланцелотова, Galeazzo или Galasso, о появленіи его при дворѣ Артура, который, провидя грядущее заустѣніе Круглаго Стола, когда всѣ витязи увлекутся поисками за Святымъ Гралемъ, сзываетъ, въ воспоминаніе древняго рыцарства, турниръ, на которомъ Galasso сбиваетъ, между прочимъ, и Ланцелота. — Вскорѣ затѣмъ на турнирѣ al Castello di Ferelois, онъ снова сбиваетъ Тристана и Ланцелота и удаляется тайкомъ; они ѣдутъ искать его.

j) Въ боѣ съ великанами Ланцелотъ раненъ и остается въ одномъ аббатствѣ, а Тристанъ ѣдетъ далѣе, встрѣчаетъ въ Valle Ombrosa Паламидеса, которому не отвѣчаетъ на поклонъ. Тотъ смущенъ, и предупреждая вызовъ, самъ вызываетъ Три-

стана: ему лучше смерть, чѣмъ жизнь въ постоянномъ страхѣ; поединку быть на утро у *petrone di Merlino*. Тристанъ явился, Паламедеса нѣтъ; вмѣсто него прїѣзжаетъ Ланцелотъ, искавшій Тристана. Тотъ вызываетъ его на бой, принявъ за врага. Признаніе совершается во-время. — Во французскомъ романѣ этому эпизоду отвѣчаютъ два: изъ нихъ одинъ рассказанъ раньше (I. II, f. XX слѣд.): Тристанъ освобождаетъ Паламеда отъ нападенія десяти рыцарей, сбравшихся убить его, но узнавъ кто онъ, вызываетъ его на поединокъ «au petron Merlin»; Паламедъ не могъ явиться въ назначенное время «car il fut emprisonne dedans le terme» (f. XXI); вмѣсто него противникомъ Тристана является Ланцелотъ; бой происходитъ въ присутствіи Гверналя. — Другой сходный эпизодъ слѣдуетъ за войной между ирландцами и норгалъцами и миромъ, устроеннымъ между Тристаномъ и Ланцелотомъ. Тристанъ отправляется въ *Joyeuse Garde* вмѣстѣ съ Паламедомъ; въ лѣсу онъ подслушиваетъ *lau*, который Паламедъ сложилъ и пѣлъ про Изольду, и вызываетъ его на бой. Паламедъ не вооруженъ и назначаетъ поединокъ черезъ недѣлю, *deuant la fontaine du pin*, но на этотъ разъ Тристанъ не могъ явиться потому что былъ раненъ (I. II, f. CXVI слѣд.)¹⁾.

к) Ланцелотъ и Тристанъ ѣдутъ далѣе; у входа въ *Valle Scura* надпись на столбѣ запрещаетъ идти далѣе иначе, какъ не вооруженными и ведя коней въ поводьяхъ: въ замкѣ *Derudicano* (вар. *Derundighano*) властвуетъ *lo cavalier Fellone*, магъ, у котораго силъ было въ пять разъ больше, чѣмъ у всякаго, сражающагося съ нимъ. Онъ сбиваетъ Тристана съ коня, а Ланцелота беретъ въ плѣнъ; очнувшись, Тристанъ рѣшается во

¹⁾ Анонимный авторъ «*Cantare quando Tristano e Lancielotto combatetero al petrone Merlino*», изданнаго проф. Райной (*Scelta di curiosità letterarie* № CXXXV), слѣдовалъ, по его мнѣнію, не тексту *Tavola Ritonda*, а компіляціи *Rusticien de Pise* (сл. стр. L и слѣд. введенія), либо ея итальянскому переводу (ib. стр. LVI), одинъ текстъ котораго былъ напечатанъ Tassi, *Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa* (Firenze, 1856). Сл. у. Tassi стр. 55 и слѣд.

что бы то ни стало освободить товарища; дама верхомъ на конѣ предупреждаетъ его о волшебной силѣ Fellone: пусть пойдетъ въ такую-то часовню и поклонится передъ распятіемъ никогда болѣе не грѣшить съ Изоттой, а при всякомъ ударѣ противника говорить: Христе распятый, помози мнѣ; всякій разъ у мага убудеть сила одного человѣка. Тристанъ побѣждаетъ Fellone, но головы ему не срубаетъ, ибо тотъ говоритъ, что только онъ одинъ можетъ освободить своихъ узниковъ. За то Тристанъ не выпускаетъ его изъ рукъ: когда невидимая рука приноситъ ему обѣдъ, онъ садится на Fellone и ѣсть, ложась спать кладетъ его себѣ въ изголовье. Онъ слышитъ голосъ Брандины и Изотты, зовущей его къ себѣ, забывшись бѣжитъ къ другой постели, стоявшей въ покоѣ; въ это время раздается громъ, постель охвачена пламенемъ, Fellone, притворившійся мертвымъ, хватаетъ Тристана, но тотъ призвавъ имя Распятаго, отрубаетъ ему правую руку и велитъ поклониться, что онъ крестится, отпустить всѣхъ узниковъ и станеть держать замокъ отъ имени короля Артура ¹⁾.

1) Тристанъ и Ланцелотъ приѣзжаютъ al castello di Cologia. гдѣ видятъ много рыцарей-сарацинъ; графъ Sebio (вар. Sabio, Sabbio) объявилъ турниръ: который рыцарь при одномъ лишь оруженосцѣ побѣдитъ его и его сто рыцарей, тому онъ даетъ руку своей дочери и замокъ. Никто изъ людей замка не пригласилъ къ себѣ приѣзжихъ, только одинъ старый, бѣдный рыцарь позвалъ ихъ къ себѣ; его сынъ и дочь прислуживаютъ имъ. Ночью Тристанъ надумался, какъ бы наградить гостепріимнаго хозяина, и рѣшаетъ выйти на турниръ, чтобы добыть руку дочери графа для сына рыцаря. Ланцелотъ съ этимъ согласенъ; онъ выступитъ въ качествѣ рыцаря, Тристанъ въ роли его оруженосца. Ланцелотъ бьется съ графомъ и убиваетъ его; глянулъ, а Тристанъ отдыхаетъ. Что это ты дѣлаешь? спрашиваетъ онъ его; а тотъ уже успѣлъ расправиться съ своими противни-

¹⁾ См. у G. Paris, Les romans, I. c., стр. 80, эпизодъ объ Escanor'ѣ (= Decadicanoro?) въ Le cimetière périlleux.

ками, другихъ запугать, такъ что они его не беспокоятъ. Тристанъ и Ланцелотъ женятъ хозяйскаго сына (которому дали имя: Sire Ricevi Ventura) на дочери графа, а сына графа (котораго прозвали: Sire Dona Avventura) на дочери хозяина.

m) Ланцелотъ и Тристанъ уѣзжаютъ и разъѣзжаются, первый въ поиски за Святымъ Гралемъ, Тристанъ къ Изоттѣ. По дорогѣ, вызванный на поединокъ, онъ убиваетъ Лусаного и далѣе, не зная того, останавливается въ замкѣ его отца, которому одинъ конюшій говоритъ, что его гость и есть убійца его сына. У Тристана похищаютъ мечъ, связываютъ его и обрекаютъ на смерть; когда его вывели на казнь, проѣзжаетъ Паламидесъ; въ началѣ онъ радъ Тристановой невзгодѣ, но слова Тристана его образумили: не честь ему будетъ, если онъ не поможетъ рыцарю въ бѣдѣ. И вотъ онъ проситъ хозяина замка отпустить Тристана, и когда тотъ не соглашается, нападаетъ на него и убиваетъ; Тристанъ также освобождается отъ узъ и бѣдетъ на сторонѣ Паламидеса, который говоритъ ему: Еслибы я явился къ *petrone di Merlino*, ты бы теперь погибъ; онъ объясняетъ ему неосновательность его подозрѣній, они дружатся, и Тристанъ ѣдетъ въ *Gioiosa Guardia*.

Слѣдуютъ: приключенія *Prezzivalle*, *Bordo* и *Galasso* въ поискахъ за Святымъ Гралемъ; Маркъ осаждаетъ Артура въ Камелотѣ, но отбить; онъ похищаетъ Изотту и отправляетъ ее въ Корноваль; услышавъ о томъ, Тристанъ падаетъ какъ мертвый, сѣтуетъ и ѣдетъ совершенно забывшись, не слышитъ вызова *messer Chienso* и падаетъ съ коня отъ его удара; узнавъ, что это Тристанъ, *Chienso* опечаленъ; Тристанъ прощаетъ ему. — Поединокъ Тристана съ *Astore di Mare*; встрѣча съ дѣвушкой, съ которою *fata Morgana* посылала Марку отравленное копье — на смерть звѣрю, то-есть, Тристану. Подъѣзжаетъ *Breus*, спрашиваетъ Тристана, подъ его ли охраной та дѣвушка; получивъ утвердительный отвѣтъ, вызываетъ его на бой и, побѣжденный, проситъ Тристана и подѣхавшаго *Astore* захватить въ его замокъ.

n) У Бреуса дама Галиена, которую изъ ревности онъ никому

не показываетъ, почему въ свой замокъ не пускалъ рыцарей, а всѣхъ дамъ считалъ распутными. Приѣхавъ къ себѣ съ гостями, онъ не велитъ говорить, что у него есть дама, спрашиваетъ приѣзжихъ объ ихъ имена; Astore не называетъ Тристана, но въ немъ самомъ Бреусъ призналъ своего врага, о чемъ и говоритъ племянницѣ: не будь другого рыцаря, онъ съ нимъ бы теперь расправился. Дѣвушка идетъ къ гостямъ и забавляетъ ихъ игрой на арфѣ; Тристанъ беретъ у нея арфу, играетъ еще лучше и затѣмъ исполняетъ sonetto, сложенный имъ, когда онъ узналъ объ увозѣ Изотты изъ Gioiosa Guardia. По игрѣ дѣвушка признаетъ въ немъ Тристана¹⁾, въ чемъ тотъ не сознается; узнавъ о томъ Бреусъ, допрашиваетъ Тристана, но онъ обѣщаетъ назвать себя лишь при разставаніи. На другой день, когда гости выѣхали изъ замка, Бреусъ поднимаетъ мостъ и задвигаетъ входъ, ибо, объявляетъ онъ, всякій влюбленный рыцарь ему врагъ и онъ такому не довѣряетъ.

Слѣдуетъ рядъ приключеній, въ которыхъ выступаетъ Тристанъ и Ланцелотъ, Astore и Breus; Тристанъ въ Корновалѣ, посѣщаетъ Изотту переодѣтый дѣвушкой. Она и Тристанъ видятъ сонъ, предвѣщающій ихъ смерть. Они играютъ въ шахматы и поютъ сонетъ, сложенный Изоттой; Adrette слышитъ это и доноситъ Марку, который черезъ окно бросаетъ въ Тристана копьемъ Морганы. Простившись съ Изоттой, Тристанъ ѣдетъ al castello Dinasso; всѣ средства противъ раны тщетны, Изотта горюетъ, Маркъ доволенъ, но зная, что Тристану не избѣжать смерти, онъ разжалобился и по просьбѣ племянника дозволяетъ ему свидѣться съ его милой. Онъ обнимаетъ ее, и они умираютъ вмѣстѣ. Маркъ опечаленъ; когда любовниковъ похоронили, изъ гробницы выросла виноградная лоза: одинъ ея корень въ сердцѣ Тристана, другой въ сердцѣ Изольды²⁾. Сагреморъ

¹⁾ Сл. сходную сцену французскаго романа (I. II, f. СIII): дѣвушка играетъ и поетъ *lais* въ присутствіи Тристана; затѣмъ играетъ онъ самъ; она узнаетъ его по игрѣ.

²⁾ Сл. объ этомъ мотивѣ Golther, l. c., стр. 27—29; 71, 119, и замѣтки Gaidoz'a и Psichari въ *Mélusine* IV, стр. 12 и 60—62.

приносить вѣсть объ ихъ смерти въ Камелотъ; Маркъ наказанъ тѣмъ, что его сажаютъ въ башню возлѣ Тристановой гробницы, гдѣ онъ и умираетъ. Романъ (стр. 524 слѣд.) кончается разсказомъ о томъ, какъ разрушенъ былъ Круглый Столъ.

Разсказъ редакціи Polidori о смерти Тристана отъ руки Марка свойственъ французскому прозаическому роману за исключеніемъ ркп. № 103 и ея старопечатнаго отраженія ¹⁾. Здѣсь за эпизодомъ о не состоявшемся поединкѣ Паламеда съ Тристаномъ говорится (l. II, f. CXVII): *En ce temps que Tristan et Yseult estoient en la Joyeuse Garde fut entreprinse la queste du Saint Graal. Tristan se mist en la queste et en fut compaignon, et par ce eut le roy Marc Yseult et en fist le roy Artus la paix et fut le roy Marc deliure de prison* ²⁾. Тристанъ отправляется въ Малую Британію, гдѣ Kahedin, братъ Тристановой жены, уже умеръ отъ безнадежной любви къ Изольдѣ, а другому, Rivalen'у (№ 103: Rivalen; изд. 1520 г.: Runalen), Тристанъ помогаетъ проникнуть къ любимой имъ Gorgeolain (№ 103: Gargeolain), женѣ Bedalys'a. Разсказъ объ этомъ прерывается двумя другими: о войнѣ Тристана съ графомъ Нантскимъ и о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ Корнуаль и въ образѣ юродиваго (sot) видѣлся тамъ съ Изоттой. Послѣдній мотивъ, сохраненный, какъ мы видѣли, италіанскимъ текстомъ, здѣсь полузабытъ и, очевидно, не у мѣста, хотя онъ находится въ той-же связи уже у Эйльгардта ³⁾, находился, стало быть и въ общемъ источникѣ послѣдняго и № 103 = прозаическаго романа ⁴⁾. Слѣдующія за тѣмъ слова Изольды, вѣроятно, присочинены, ибо ихъ нѣтъ у Эйльгардта ⁵⁾: Изольда говоритъ Тристану на прощаньи: «*Beau doulx amy, ie vous demande que s'il aduient que*

¹⁾ См. выше, стр. 184 и Golther, l. c., стр. 99.

²⁾ Слѣдующій далѣе эпизодъ напечатанъ былъ Bédier (l. c. стр. 496 слѣд.) по ркп. № 103 съ варьянтами изданія романа 1520 года.

³⁾ v. 8646—8941; см. Ulrich von Türheim v. 2471—2704; Heinrich von Freiberg, v. 5015—5497.

⁴⁾ См. Bédier, l. c., стр. 482; Lutoslawski, l. c., стр. 525—6.

⁵⁾ См. Bédier, l. c., стр. 486.

uouz mourez auant moy ou que uous auez mal de mort ains que moy, que vous vous facez mettre en une nef et vous faictes ça apporter, et gardez que la moitie du voille qui en la nef sera soit blanche et l'autre noire; et se vous estes mort ou que ce soit mal de mort, que le noir soit mys deuant, et se uous n'estes mort et que uous soyez en plaine sante, si soit mis le blanc deuant et le noir derriere». Вмѣстѣ съ Ruualem Тристанъ посѣщаетъ жену Bedalis'a, который, преслѣдуя не прошенныхъ гостей, сильно ранить Тристана. Онъ посылаетъ въ Корнуаль къ Изольдѣ, чтобъ она приѣхала полѣчить его, а посланному наказываетъ (I. II p. CXXI): «se elle uient avec uous, gardez que la voille de uostre nef soit blanche, et se uous ne l'amenez, qu'il soit noir». Изольда ѣдетъ, но жена Тристана узнала тайну его условнаго знака и въ порывѣ ревности говорить мужу, что парусъ виднѣется черный. Услышавъ это, Тристанъ кончается, а надъ нимъ умираетъ и прибывшая между тѣмъ жена Марка.

Прослѣдимъ отличія этого эпизода по другимъ текстамъ.

У Eilhart von Oberge (ed. Lichtenstein), Тристана ранить отравленнымъ копьемъ (v. 9219) Nampetênis¹⁾, за женой котораго ухаживалъ братъ Тристановой жены, Kehenis (Kahedin проз. романа; Kaherdin Томаса). Тристанъ выписываетъ себѣ первую Изольду; далѣе рассказъ тотъ же, что и во французскомъ романѣ. Тѣ же подробности и имена, что у Eilhart'a, повторяются у Генриха Фрейбергскаго и въ нѣмецкомъ прозаическомъ романѣ XV вѣка²⁾. — До сихъ поръ мы въ преданіи Béroul'я. Перейдемъ къ версіи Томаса: у него (Fr. Michel, Tristan II,

¹⁾ Bédier, I. c., стр. 484—485, на основаніи одного указанія въ редакціи Томаса, дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Nampetênis не что иное, какъ непонятое: pain Bedenis = Bedalis № 103 и прозаическаго романа; за его то женой ухаживалъ Kaherdin. Томасъ зналъ, стало быть, редакцію рассказа о смерти Тристана, сходную съ Béroul'евой, но устранилъ её въ пользу другой.

²⁾ Heinrichs von Freiberg Tristan, hrsg. von R. Bechstein, v. 5719 слѣд. (Nampotênis, Kâedin); Tristrant und Isolde, Prozaroman des XV Jahrhunderts hrsg. von Fr. Pfaff (Bibl. des litt. Vereins in Stuttg. t. CLII): Nampetenis, Caynis

стр. 37 слѣд.) и въ сѣверномъ пересказѣ его поэмы¹⁾ Тристанъ и Kaherdin (сѣв. Кердинъ) являются неузнанные на турниръ къ королю Марку, при чемъ Kaherdin убиваетъ Kariado li beals (въ сарѣ, по смѣшенію: Mariadok) ухаживавшаго за Изольдой; послѣ того Тристанъ съ товарищемъ помогаютъ рыцарю, Тристану—карлику (Tristran le Nain), у котораго Estult l'Orgillius del Castel-Fer похитилъ жену; одинъ изъ враговъ ранить Тристана отравленнымъ мечемъ; конецъ тотъ же. Въ *Sig Tristrem*²⁾ Тристанъ и Ganhardin ѣдутъ къ Изольдѣ, женѣ Марка, за которою тщетно ухаживаетъ Canados constable (строфа CCLXXV); на турнирѣ, созванномъ по просьбѣ Тристана (строфа CCXCIV), онъ убиваетъ Canados'а и возвращается въ Бретань, гдѣ рыцарь «Tristrem» (строфа CCC) проситъ его помочь ему достать похищенную жену, а о Тристанѣ говорится (CCCV и послѣдняя строфа):

As an aruwe oway he bare
In his old wounde.

Обратимся теперь ко второй части русской повѣсти, указывая на ея соотвѣтствія съ эпизодами пересказанныхъ выше текстовъ.

Послѣ передѣлки съ Паламидежемъ Тристанъ съ Ижотой направляется къ Домолоту. Одна дѣвушка предупреждаетъ его: на передѣ стоитъ Артіушъ съ Жениброю и рыцарями, узрятъ они у тебя «нацуднейшую панну, усхотат ю у тебе ѡтнати мощною битвою» Тристанъ не слушается и ѣдетъ; подѣзжая къ шатрамъ Артура, говоритъ Ижотѣ: шатры распяты близко дороги, прямо поѣхать — будетъ битва, а поѣхать стороною, скажутъ: «ѡно ведетъ страшливыи витез нацуднѣишую панну»; онъ ѣдетъ прямо, наказавъ Ижотѣ никуда не смотрѣть, «нижъ мѣѣ Трыщану межы плеч, а коню своему межы ушь»; зацѣпивъ проѣзжая за «поврозы» шатра, такъ что онъ встряхнулся. Ко-

¹⁾ Kōlbing, Die nordische und die englische Version der Tristansage, v. I.

²⁾ l. c. v. II.

роль съ королевой сидѣли въ то время за столомъ; витязи дивятся дерзости проѣзжаго, выскочили посмотрѣть на него; Ланцелотъ, не узнавшій Тристана, «што былъ въ зброи» (но по нашему тексту онъ его раньше и не видалъ!), хвалитъ его посадку, а «подчашныи именовъ Геушъ», имѣвшій «великую храброст, але мало силы», напоминаетъ Артіушу его обѣщаніе: «быхъ та виделъ нацуднейшую панну, тую ми еси мѣлъ дати». Онъ указываетъ на Ижоту, обѣщаясь привести и Тристана. Ланцелотъ его останавливаетъ: скорѣе увидишь ты твоего коня, наступающаго на поводья, чѣмъ того рыцаря у своего стремени. Ижота видитъ ѣдущаго за ними Геуша; какъ онъ ѣдетъ? спрашиваетъ Тристанъ; «што наборзденъ колко конь можетъ», отвѣчаетъ Ижота; это новоставленный рыцарь, говоритъ Тристанъ, съ нимъ легко будетъ справиться. Онъ не только сбросилъ Геуша, но и велитъ ему вернуться пѣшимъ, ведя коня въ поводяхъ и неся на себѣ свою сброю, которую обязанъ принести въ даръ своему господину. Увидѣвъ возвращавшагося Геуша, рыцари Артіуша думаютъ, что онъ убилъ проѣзжаго рыцаря и его даму и нагрузился добытою сброю; но Ланцелотъ ихъ разувѣряетъ: то нашъ витязь свою же сброю несетъ. Артіушъ опечаленъ его пораженіемъ, велитъ Женибрѣ попросить Анцалота выступить противъ того рыцаря. Она молитъ его: «Наивышшій витезю Анцэлоте, для бога соими з нашего пана корола Артыуша терновъ венецъ и узложы смилного, приведи к намъ того витезю, а тебе будетъ онага панна. Анцэлотъ рѣкъ: Почтеная пани, чога для мене шлешъ за тымъ витеземъ, за прыкрою моею смертью?» Тѣмъ не менѣе онъ вооружается и ѣдетъ за Тристаномъ, который, узнавъ отъ Ижоты, что рыцарь ѣдетъ за ними «тихо ступою», рѣшаетъ, что «то естъ витезъ старыхъ витезеи, та не вѣмъ, если ты будешъ его, або мога». Онъ остановился отдохнуть въ тѣни церкви, снялъ шлемъ; Ланцелотъ узнаетъ его, они привѣтствуютъ другъ друга и возвращаются къ Артіушу, гдѣ каждый изъ нихъ спѣшитъ отдать другому преимущество: Тристанъ говоритъ, что Ланцелотъ большій чѣмъ онъ витязь и его самого привелъ, «какъ елена за горло», Ланцелотъ,

что Тристанъ не хотѣлъ его погубить, а привелъ, «такъ дитя бичомъ, на стан короля Артыуша»¹⁾). Рыцари Артыуша рѣшаютъ, что оба они ровны, а въ то же время судьи сравниваютъ красоту Женибры и Ижоты и отдаютъ преимущество послѣдней. Женибра этимъ разгнѣвана, хочетъ чѣмъ-нибудь «поганбити» Тристана, проситъ Гаваона выѣхать противъ него. Тристанъ его сбиваетъ, бьется въ теченіи трехъ дней противъ всѣхъ рыцарей Артыуша, и когда королева снова направила на него Ланцелота, говоритъ ему, что эта битва ему не по сердцу, «нижли бачылъ еси, ꙗкова ми была мощная битва за тые тры дни? Дая ми ровъ той битве ѡдинъ день». Ланцелотъ даетъ ему пятнадцать дней.

Для всего этого отдѣла сл. §§ f и b (бой съ Кеух) романа въ нашемъ пересказѣ.

Тристанъ уѣзжаетъ, вмѣстѣ съ нимъ хочетъ ѣхать и Ланцелотъ, но королева удерживаетъ его: «чули есмо, иж маетъ прытти король Самъсижъ ѡт Чорного Острова на двор короля Артыуша. Является Самсижъ, вызываетъ на бой всѣхъ рыцарей Артыуша: кого онъ свалитъ, тотъ будетъ въ его власти. Онъ сбиваетъ одиннадцать человекъ, Ланцелота и Артыуша, и уводитъ ихъ въ плѣнъ. По просьбѣ Ланцелота Женибра идетъ искать Тристана: одинъ онъ можетъ ихъ освободить. Одна дѣвушка говоритъ ей, гдѣ его найти: «Вѣдаеш первое прыстанище, а в того прыстанища много судья, и перво вбачышъ судню пана Трыпаново въкрашно перлы и дорогимъ каменемъ; а если его в томъ судне не будетъ, и ты его тамъ пытай, на которомъ стану красу и веселье наболшое узрыш, бо то ѡнъ любитъ». Женибра входитъ въ шатеръ Тристана, который лежалъ раненый, сообщаетъ ему о своемъ несчастіи; какъ услышалъ онъ о томъ, «взвалъ мѣчь в головахъ и стреснулъ такъ прудко, ажъ з ранъ кровь по постели потекла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королевата корунованага, ꙗкъ еси ты прышла къ наболшому витезю с печальными

¹⁾ Въ Chevalier au Lion Gauvain и Ivain бьются другъ съ другомъ въ теченіи цѣлаго дня, не признавая одинъ другого; когда признаніе совершилось, каждый изъ нихъ спѣшитъ объявить себя побѣжденнымъ.

речми? Тобѣ было прійти тихо и сотворити маккие уста на тихие беседы¹⁾, нехан бы са витезю серца на храброст обротило. Королева рекла: Пани Ижота, такъ наша мысль розна! Ты нацуднейшага пани на свѣте, а маешъ водле себе своего пана, у ком надею маешъ, ты его можеш учинити здорова наболеи до десяти дней, а га видела, гдѣ поведен мой панъ король Артиушъ и его витези. И погланул панъ Трыщан сердито на Ижоту дла речей королевое Женибры. Вѣдаючи Ижота обычаи Трыщановъ, ижъ ему мило веселе, и похватила королевую за руку и почала играти горатанскии танецъ велми пекне, и дла того почало са серца пану Трыщану на храброст оброчати, и рече Говорнару: Дан ми лютною. И почаль играти велми цудне, и обема паням и пану Трыщану исполнило са серца веселем слушаючи лютною. Онъ садитса на корабль съ Ижотою, Жениброю и Говорнаромъ и ѣдетъ; во время бури, которой боится Женибра, онъ развлекаетъ всѣхъ своею игрой, такъ что всѣ забыли объ опасности.

Эпизодъ о Самсижѣ прерывается двумя другими.

Тристанъ и его спутники пристають къ острову «валашенныхъ» (эвнуховъ); тамъ царила панна, не знавшая мужа и всѣмъ пристававшимъ къ тому острову предлагавшая либо быть лишенными мужской силы, либо вѣчно томиться въ темницѣ, куда попадаетъ и Тристанъ. Онъ находитъ тамъ товарищей своего несчастья; между тѣмъ младшій братъ той панны заглядѣлся на Ижоту (ее и Женибру Тристанъ выдалъ за сестерь) и говоритъ, что если она пойдетъ за него, онъ освободитъ ея брата, а пока даетъ возможность увидѣть его. Ижота успѣваетъ забросить Тристану въ темницу его мечъ, который носила «подъ сукнею». При помощи его и другихъ узниковъ Тристанъ освобождается изъ заключенія, спѣшитъ къ той паннѣ; а у нея былъ такой обычай, «иж ни противъ одного витеза не рушыла са з мѣстца, коли ей чоломъ вдарыль. А кгда ей споведали ѿ Трыщану, а она на

¹⁾ Сл. Троянскую притчу: Приамъ успокоиваетъ Андромаху «тихими бесѣдами».

золотом узголовю посмыкала са так змига на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла velmi прудко, стретила его насеред палацу, а вода по ногам текла, и поклакынула перед Трыщаномъ». Онъ срубилъ ей голову, спрашиваетъ Ижоту: который изъ братьевъ присватался къ ней, и съ нимъ поступаетъ также. «Женибра рече: Пани, чому то еси учынила? Ижота рече: Почстенам пани, та вижу тепер натуру пана Трыщана, коли быхъ ему правды не поведала, не вѣмъ што бы са з нами учынило». Тристанъ отпустилъ и одарилъ всѣхъ плѣнниковъ; они хотять слѣдовать за нимъ, но онъ велитъ имъ идти по домамъ, «а который з вас усхочетъ назвати са пану Анцолоту слугою, а мною Трыщаномъ данъ, хочу того вчынити тому замку и тому прыстанищу паномъ». Вызывается на это витязь Амодоръ¹⁾. — Сходнаго эпизода нѣтъ ни во французскомъ, ни въ италіанскомъ текстахъ (сл. впрочемъ § d).

То же слѣдуетъ сказать и о слѣдующемъ приключеніи Тристана на пути къ Самсигу: Тристанъ пристаеъ къ одному городу, гдѣ все хорошо, былъ только тамъ «одинъ зрадливыи крыжнатъ (?), тотъ былъ много добылъ зрадою и былъ виненъ ганбою витеземъ и паннамъ, а таковыи обычаи мѣлъ: кождаго госта зраднѣ забивалъ и статки его бралъ». Всѣ дивуются Тристану и его чудесной игрѣ на лютнѣ, а «крыжнатъ» затѣваетъ убить его, подстерегаетъ утромъ, когда онъ идетъ къ обѣднѣ, но Ижота увидѣла его во время, и Тристанъ быстро съ нимъ расправился. Раздавъ награбленныя имъ богатства, Тристанъ ѣдетъ далѣе — и продолжается эпизодъ о Самсигѣ.

Подѣзжая къ Черному острову, Тристанъ велѣлъ себѣ и Говорнару скроить «латынские шаты», учинился латынникомъ — купцомъ, а Ижоту и Женибру одѣлъ монахинями и зоветъ ихъ своими сестрами. У Самсига былъ такой обычаи, что рыцари его брали у заѣзжихъ купцовъ, что имъ вздумается, а король платилъ за всѣхъ; Тристанъ опасается, чтобъ у него не отняли

¹⁾ У Polidori (сл. выше, стр. 164) такъ названъ конюшій дочери Перемонта, поставленный Тристаномъ въ рыцари.

Ижоту и Женибру, а Говорнаръ просить, чтобъ имъ дозволено было торговать свободно, безъ опасенія насилія, что и обѣщано. Одинъ рыцарь призналъ было въ «латынникѣ» — Тристана, побѣдителя ирландскаго турнира, но тотъ отпѣкивается. Самсизу говорятъ, что у пріѣзжаго купца двѣ сестры-красавицы; ты могъ бы ихъ купить. Король идетъ къ берегу: «Здоров, латынине! Трыщан потек к нему и поздоровил его, и дивили са кролевы витезы, так мистерне тот латыненин до крола кинул; з нас бы того нихто такъ не вчынил». Король застаеть въ шатрѣ обѣихъ дамъ въ игрѣ за «крышталовыми» шахматами; что они стоятъ? спрашиваетъ онъ. — «Не можеш ми залатити. И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, та бых тобѣ дал за кождаго пѣшка еждчалого витеза, а за корола того крола Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што са не продает, того не можеш купити». Тогда Самсизъ просить продать ему Ижоту: онъ отпѣритъ золотомъ «тры крот», а серебромъ сколько хочеш, и затѣмъ предлагаетъ играть въ шахматы о нее и о третью часть королевства. Но Тристанъ не умѣетъ играть; «та поставлю попа въ старшомъ местцу, а иншыи шахи гдѣ маем поставити? Рек король: Правыи есть латыненин, у нихъ поп начеснейшыи». Тогда король предлагаетъ Тристану битися съ нимъ о ту панну и о поль-королевства, или и о все королевство; коли не захочеш, я и даромъ возьму. Тристанъ говоритъ, что не знаетъ, какъ и на коня сѣсть и въ сброю убратся, «бо есми не видал большое битвы, одно кали са почнут бити играючы латынские дѣти текучы по улицах древнаными мечыками; так ли и мы маемъ? Король рече: Так, латынъниче, але мы будем железными; добре еси учынилъ, што ми еси тую чудную панну прывелъ». Тристанъ снаряжается къ бою, но дѣлаеть все на выворотъ; велить отвести сброю Самсизу, «яж не може прыстати свѣтлаа зброа на латынские плечы». Онъ надѣваетъ свои собственыя доспѣхи, велить приготовить снадобья для ранъ, ибо готовится пойдти «къ наболшому витезю сего свѣта», и съ Ижотой и Жениброй выѣзжаетъ на мѣсто поединка. Онъ знаетъ, что ему предстоитъ смерть, говоритъ онъ

Самсизу, «а коли маю вмерети, волѣлъ бых тайтъ, гдѣ видать болшъ смерть мою». Онъ просить вывести Артиуша и плѣнныхъ рыцарей на мѣсто поединка, тотъ соглашается; Анцолоть и его товарищи признали Тристана и смѣются, ожидая освобожденія.

«Король Самсиз приступил и рече Трыщану: Би са, латыниче. Трыщан рече: Пане, навчы ма. Король вынал мечъ и почал бразкати по зброи его говоречи: Так тѣни, а так са уккрыи, и заса рече: Хочеш ли, латынине, оставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыл добре, яко пан великии, але коли бых са мог уложыти ѡт твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И ѡн рече: Если можеш, уккрыван са, але не узможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? Корол рече: Тни. Трыщан рече: Кролю, научыл ма еси, варуи са-ж ма». Начинается бой; Тристанъ такъ ударилъ короля, что «отпали ему руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметай са королю, абых ти рукъ не ѡкрывавилъ, але болшъ того не умѣю. И ухватилъ мѣчь свои за конец и понес Самсизу говоречи: Чого для еси покинул мѣчь твой? Если тажок, на-жъ ти мой мечъ, а тот дай мне. И позирел кроль Самсиз на Трыщана гнѣвным ѡбычаем. Рече Трыщан: Чому на ма так сердито смотришь? Што еси тебе победил хитре и мистѣрне, инак еси не вмелъ с тобою поити, ено такъ. Король рек: Почтеныи витезю Трыщане, по шырмеръству еси тебѣ позналъ и просил еси бога, абыхъ не вмер наглою смертью ѡт жестоких вдарцовъ твоих и ѡт ѡстрога меча твоего. Ия тобѣ говору вѣроу витезскою, бы ми еси того послал хто бы ми ѡ тебе поведал, и бых тобѣ пустил корола Артиуша и его витези». Настаетъ общее веселье; «пан Трыщан казал принести тое веселе, которым са Самсиз веселил, трубы, дуды, лютни, арфы, органы, шахи, варцабы велми чудне украшено ѡбычаемъ господским, и почали веселити са». Ижота представляеть Ланцелолу рыцаря Амодара.

Для всего эпизода о Самсизѣ ел. наши извлеченія §§ е (Lancis) и b (Nabon le Noir).

Нѣтъ ни во французскомъ романѣ, ни у Polidori непосред-

ственно слѣдующаго: витязь изъ Франціи «цт корола Перемонта» хочетъ перевѣдаться съ Тристаномъ и сраженъ имъ; другіе, прибывшіе за тѣмъ же, отказываются отъ своего намѣренія. Тристанъ разстался съ Артуромъ; Ланцелотъ желалъ бы сопутствовать Тристану, но Артуръ обѣщаетъ отпустить его лишь по возвращеніи домой.

Затѣмъ пріѣхали къ Тристану (куда?) семь витязей, жалятся на «Смердодуга поганина», ласково принимающаго въ своемъ пристанищѣ всѣхъ рыцарей, но затѣмъ подвергающаго ихъ мукамъ. Тристанъ хочетъ наказать его, самъ присталъ «у пристанищу Смердодуга поганина», который встрѣчаетъ его привѣтливо, помѣстилъ въ «чорный палацъ», куда посылаетъ свою дочь — развлечъ гостей игрой на лютнѣ, пока настанетъ время «вкинути их на муку». Она играетъ; Тристанъ попросилъ у нея лютни, играетъ такъ, что его заслушались. По игрѣ дѣвушка его узнала, о чемъ и докладываетъ отцу: Тристанъ не дастъ себя осрамить. Самъ Смердодугій идетъ бесѣдовать съ нимъ, оставляетъ его въ покоѣ, а на другой день, когда выпустилъ его изъ воротъ, заперъ ихъ и говоритъ его товарищамъ, что спасеніемъ своимъ они обязаны лишь Тристану. Затѣмъ Смердодугій, одумался, хочетъ «осромотить» Тристана, нагналъ его, обѣщаетъ назваться его слугой, ѣздитъ съ нимъ по свѣту, а пока проситъ вернуться въ его замокъ. Тристанъ соглашается; когда онъ прибылъ, у него отобрали оружіе, а одинъ витезь «з далека» говорить ему, что его затѣваютъ убить. Его ведутъ на казнь; въ это время пробѣжалъ «витезь Паламидеж Ануплитич..., наибольший неприязтель Трыщановъ», говорить, что не годится доброму рыцарю безъ битвы голову снимать. Они глумятся надъ нимъ: «Мы видали, што тать за тата вступаетса». Оскорбленный этимъ, Паламидежъ отдаетъ Тристану одинъ изъ своихъ мечей, и оба начинаютъ рубить на право и на лѣво. Смердодугій спасся тѣмъ, что скрылся въ церковь; Тристанъ благодаритъ Паламидежа за помощь, тотъ проситъ у него дара. — Все, чего ни попросишь, кромѣ Ижоты, отвѣчаетъ Тристанъ. А Паламидежъ того и же-

лаеть и объявляетъ себя еще бѣльшимъ непріателемъ Тристана, чѣмъ былъ прежде. Они вступаютъ въ бой, который прерванъ Тристаномъ: онъ усталъ въ битвѣ съ людьми Смердодуга, Паламидежу не будетъ хвалы, если онъ побѣдитъ его; отложимъ битву на пятнадцать дней; быть ей у этой церкви. — Паламидежь согласенъ, ѣдетъ ко двору Артіуша, говоритъ, что Тристанъ во власти Смердодуга, съ которымъ и онъ самъ бился, но долженъ былъ прекратить бой, потому что былъ раненъ. Онъ обязался, будто-бы, явиться ко второму поединку туда-то, черезъ пятнадцать дней, но если къ тому времени не выздоровѣетъ, пусть перевѣдается съ поганиномъ кто-нибудь другой. Вызывается ѣхать Ланцелотъ; у церкви онъ встрѣчаетъ Тристана съ Ижотой и Говорнаромъ; принимая Тристана за Смердодугаго, онъ бьется съ нимъ; «Говорнаръ Трыщановъ» изумляется ударамъ Ланцелота: такъ можетъ биться только Ланцелотъ, говоритъ онъ, а Говорнаръ (?) Ланцелота дивится доблести его противника: никто не постоитъ противъ моего пана, развѣ Тристанъ. Услышавъ это, Ижота проситъ обоихъ рыцарей: «О добрые витези, разберыте са, абы того вамъ не было жаль». Они сняли шлемы и опознали другъ друга и начали цаловаться; у нихъ является охота снова начать бой, чтобъ испытать обоюдныя силы, но Ижота проситъ отложить его на пятнадцать дней. — Всѣ ѣдутъ, видятъ: везутъ мертваго Паламидежа; онъ обѣщаль Трыщану явиться въ условленный срокъ, но не посмѣлъ живымъ; «але нехай мертваго витеза реч права будетъ», говоритъ его «шправца». — Сл. въ моемъ пересказѣ §§ к + п, т и j.

Тристанъ и Ланцелотъ встрѣчаютъ дѣвушку, которая говоритъ имъ о турнирѣ, объявленномъ у короля Перемонта: «хто хочетъ свою сестру або дочку королевую поставити, поедъ безъ мешкана». Они ѣдутъ и прибыли въ одно село, гдѣ никто не пригласилъ ихъ на ночлегъ, позвала одна бѣдная панна, «прынесла имъ ести двѣ птицы, одну печоную, а другую вароную (далѣе объясняется, что это—«два скока»), вина а хлѣбецъ; и конемъ дано ести. И рече имъ: Витези, честуйте са, занюж вамъ

мыслити ѿбо мнѣ и ѿ собѣ». Оказалось, что ихъ хозяйка — дочь короля, у котораго Перемонтъ отобралъ землю; она одна осталась при отцѣ и кормила его, чѣмъ могла: «што убила на ѿбѣдѣ, того бывало и на вечеру, а што къ вечеру, того и на снѣдане». Тристанъ говоритъ, что напрасно она на нихъ исхарчилась, но ей не жалко было убить «два скока двум соколом». И она повторяетъ: «Витези, вам мыслить ѿ мене и ѿ собѣ». Тристанъ рѣшается наградить ее: выступить на турнирѣ, чтобы поставить ее королевой. Ланцелотъ согласенъ, онъ будетъ оправцей (оруженосцемъ) Тристана, Тристанъ его паномъ; панна надѣла на голову «венецъ чудного цвѣту цыприсова, который принесен ѿ двора короля Артиушова». На пути они встрѣчаютъ Амодора, ѣхавшаго съ сестрой, также съ цѣлью поставить ее королевой; онъ отказывается отъ своего намѣренія, а богатые шаты сестры уступаетъ дамѣ Тристана и Ланцелота. Когда они прибыли къ турниру, коловоротъ былъ уже затворенъ; Ланцелотъ перескочилъ черезъ него и отворилъ, такъ что Тристанъ могъ вѣхатъ съ панною, которую сажаетъ на высшемъ мѣстѣ. «А коли виделъ сын короля Перемонтовъ Трыщана и рекъ: Ия бымъ зычылъ, коли бы того витеза панна королевою была. А кгда видела дочка королева ѿную паннуну, не зычыла, абы ее витез турнаа добылъ; и дивуючы са мовили: То витез есть упрамый, прыехалъ в турнаа ѿпосле и свою панну вышей всех посадил». По просьбѣ Тристана дѣвушка надѣваетъ ему на голову свой вѣнецъ, съ тѣмъ чтобы онъ, оборонивши ее, вернулъ его. «А иные панны мовечы смѣли са ея: Ѡ глупага дѣвка, какъ може не ѿборонившы вернути тотъ чудный венецъ! А коли ѿн всадетъ на конь, его блѣдое лицо и свѣтлыи гелмъ маюгъ нашы витези змешати с прохотъ». — Противъ Тристана выѣзжаетъ Дивданъ (во французскомъ и итальянскомъ романахъ Dinadans, Dinadano является у Тристана въ товарищахъ), «а былъ болшеи вдачон дѣвкамъ, нижели рыцѣромъ»; Тристанъ сбиваетъ его, затѣмъ другихъ, «а Анцелотъ беручы и металъ за шпронокъ, а мовилъ великимъ голосомъ: Витези, мои пан по турнаа свободне ездит. И рекли судьи: Тотъ витезь

турнаа добывает, с кимъ ходит добрый шправца. И был тут один король от многих лѣтъ и рече: Не тот, але шныи витез добываетъ, которые свободно по турнаи ездит. А тогда свободно по турнаи ездилъ Ющор Мадерым (Astore di Mare!), брат Анцолотов, сынъ Домолота корола Локвенскаго. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тут и павет». Еще разъ повторяють судьи и король свое рѣшеніе, а дѣвушка виъ на это: «Ухъ мой боже, добрый шбычай у нашей стороне, не дадут скомороху добрые люди зъ собою размовлати, дадут ему дуду, нехай их веселитъ». Тристанъ вызываетъ Ящора, сбилъ его и узнаеть, что то братъ Ланцелота; Ящоръ пристаеть къ нему и Тристану, рыцари от нихъ сторонятся. «Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцѣрским: Доколь конь не падет, не хочу зъсести для того, ачеи будет рыцѣр издалека ехал, а не прыспель, хочю его дождати. Анцолот виделъ одного травника, а шн траву несеть и рече: Рыцѣру, шно едет рыцѣр рыцѣрскимъ шбычаем, трещит ему конь копытомъ, а твой конь спрацовалъ са. И шн (то-есть, Ланцелотъ) шбротил так мощно, аж ему конь пал; а для того то Анцолот вчинилъ, абы са рыцѣрское слово спольнило». — Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ § 1.

Поставивъ свою панну королевой и выдавъ ее за сына Перемонта, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ и прибыли въ Кесарію, отчину трехъ братьевъ рыцарей, «што перед тым были на земли наймоцнейшыя рыцѣры». Имена имъ: Либрунъ, Игрунъ (у Polidori: *Sigurans lo Bruno, cavaliere Agrone*), Марко; двое изъ нихъ умерло, а Либрунъ «было сорок лѣтъ такъ коня шпустил для старости, а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом шбросла. А была в него жона велми хороша, има еи было Цвытажиа»¹⁾). Ставъ подъ городомъ, витязи посылають ей сказати, чтобъ она вышла, «маемъ одинъ зъ нас с тобою мѣти любовъ». Два раза просить ихъ Либрунъ удалиться съ Богомъ;

¹⁾ Florette, Florence? Сл. выше (стр. 75) въ троянской притчѣ *Цытану* (въ текстѣ Миклошича), *Цвенуажію* (у Ягича въ Prilozi) = *Ανδροῦσα*, тамъ и здѣсь отвѣчающія Ифигенія.

на третій велить дать себѣ сулицу и коня; «коли сулицу взяли, аж ѿна мхом поросла, и ѿбвили ее ручниками». Тристанъ и Ланцелотъ спорять, кому изъ нихъ выѣхать противъ него; онъ хочетъ сражаться съ обоими вмѣстѣ, «бо га первыхъ витезеи витез». Сулицы Тристана и Ланцелота разщепились отъ удара, «а Либрун схватилъ ихъ с конемъ ѿднаго ѿдною рукою, а иного иною рукою и положылъ ихъ митусъ передъ собою на кони и потрепалъ ихъ кождою рукою по челюсти и рекъ: Съдте з богомъ, вы есте ѿба добрые витези». Сл. въ нашемъ пересказѣ § h и § c. и начало романа о Мелиадусѣ Rusticien'a de Pise. Онъ начинается такимъ образомъ ¹⁾: Ci commence le livre du Roy Meliadus de Leonnois qui fu pere au bon chevalier Tristan neveu au Roy Marc de Cornoaille; et premierement de *Braunor (Branor) le brun* qui avoit VI vins ans d'aage. Et comment il vint a la court le Roy Artus et amena une noble damoiselle avecques lui. Et comment il abati de coup de lance XII Roys et tous les chevaliers de la table ronde ne oncques ne le porent remuer de selle.... Et sachiez qu'il estoit si corsus que pou s'en failloit que il n'estoit jaïans». Онъ является ко двору Артура съ прелестной дѣвушкой, которая оказывается впоследствии его племянницей, сестрой *Segurades le brun*, вызываетъ всѣхъ помѣряться съ нимъ: кто его собьетъ, si aura gaignie la terre et la dame qui est bien une des plus vaillans dames du monde. Онъ сбиваетъ всѣхъ рыцарей, начиная съ *Palamedes (filz Esclabor le mecongneuz)* до Тристана, Ланцелота и самого Артура, но отказывается повѣдать, кто онъ. Лишь позже мы узнаемъ, что онъ изъ рыцарей короля Утерпендрагона, отца Артура, по имени *Branor le Brun, le chevalier au dragon* (сл. въ ит. текстѣ *Girone: Branor Bruni, cavaliere d'Andragon; у Polidori: cavaliere Agrone, Agragone = a dragone*), двоюродный братъ *Hector le Brun*; ему болѣе 120 лѣтъ и онъ 40 лѣтъ,

¹⁾ Сл. соответствующій отрывокъ, напечатанный у Bartoli, Storia della letteratura italiana III, Appendice I. Сл. *Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa ed. Francesco Tassi (Ferenze, 1855), стр. 1 слѣд.; сл. 14, 18—19, 38, 53—55.*

какъ не брался за оружіе, но, говорить онъ Артуру, «je avoie grant desirier d'esprouver vos chevaliers avant que je trespasasse, pour ce que il ont grant renommee de chevalerie, pour ce avoie je talent d'esprouver les chevaliers de cest pays pour savoir combien ilz avoient de pouvoir, et pour savoir li quel estoient meilleur chevalier ou li ancien ou li nouvel. Esprouve l'ay la Dien mercis. Si vous di que je vi jadis tels deux chevaliers qui trespassez sont, que tous les chevaliers qui sont en vostre hostel pour qu'il fussent jusque .II. cens, ilz les aroient moult tost mis a la terre les uns apres les autres, si vous nommeray li quel furent cil: li uns fu monseigneur Hector le brun, cestui fu li ainsnez (= Игрунь?), cestui fu bien parfait chevalier et puissant le plus qui fust a son temps; et l'autres fu Galehot le brun (Марко?), voirement fu cestui le meilleur chevalier du siecle a son temps».

Эпизодомъ о Branor le brun открывается романъ Rusticien'a, переведенный (пересказанный) имъ «du livre monseigneur Edouart le Roy d'Engleterre», говорящій далѣе и о Ланцелотѣ и о Тристанѣ и объ ихъ подвигахъ, ensi que l'on trouvera escript en tous les autres livres. Et pour ce que le maistre les trouva escripts en livre d'Engletere, si metra une grant aventure tout premierement qui advint a Kamalot en la court le Roy Artus le Sire de Bretaigne», т. е. рассказъ о Брунорѣ. Въ объясненіе этого распорядка служить другое, вѣсколько темное мѣсто: Et sachiez que ceste nouvelle aventure (о Брунорѣ) veult regarder le temps et les aventures qui avindrent par le temps, ceste ne seroit pas de mettre en escript en chief de cestui livre, pour ce que telz nouvelles sont escriptes en cestui livre apres ceste qui furent assez devant, mais pour ce que maistre Rusticiens le trouva ou livre au Roy d'Engleterre tout premierement et tout devant, en fist il chief de son livre, pour ce qu'elle est la plus belle aventure et la plus merveilleuse qui soit escritte entre tous les rommans du monde». И такъ эпизодъ о Брунорѣ предполагаетъ совершившіяся многія событія романа, о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди; помѣщая этотъ эпизодъ въ началѣ своего пересказа, ав-

торъ подчинился (случайному?) распоряжку книги короля Эдуарда. Оригиналъ бѣлорусской повѣсти его не зналъ и стоялъ на болѣе древней точкѣ зрѣнія; его рассказъ о Либрунѣ тѣмъ интереснѣе, что не находя себѣ близкаго соотвѣтствія ни въ старопечатномъ французскомъ, ни въ итальянскомъ текстахъ, онъ бросаетъ свѣтъ на одинъ изъ источниковъ Rusticien'a.

Слѣдуетъ въ русской повѣсти встрѣча съ Галецомъ Анцелотовичемъ. Тристанъ и Ланцелотъ вызываютъ его на бой; онъ говоритъ, что не умѣетъ сражаться, но когда у него хотятъ отнять сброю и коня, бьется и свергаетъ Ланцелота и Тристана. Узнавъ, кого онъ сбиль, онъ опечалился, «я ѡт такъ великое жалости пострыг са въ мнихи, а ѡпосле не слышали есмо ѡ немъ жадное повести, если жыв або вмер». Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ §§ i и g.

Тристанъ съ Ланцелотомъ возвращаются къ Артиушу. Тристанъ прощается съ нимъ и ѣдетъ съ Ижотою въ Корноваль, гдѣ, передавая ее Марку, говоритъ ему: «Королю, маешь ми за нее даковати, што есми тебе ее другии разъ мечомъ добыл». Маркъ обрадованъ, даетъ ему «ключи своего королевства», а Ижота увѣрилась въ правдѣ Брагини, которую принимаетъ въ бѣольшую; чѣмъ прежде, любовь.

Въ то время разнеслась вѣсть, что собирается турниръ «у Пазаранской земли подъ городомъ Барохомъ. Волала его ѡдна панна на имя Ижота зъ белыми руками, ѡдного короля дочка». Тристанъ ѣдетъ туда, сбиваетъ рыцаря «Львова знамена», Климъберка» и убиваетъ Ёрдина, брата «Ижоты, «што зъ белыми руками». Раненый, онъ ѣдетъ «в опатию. А в тотъ часъ прышолъ ему лист ѡтъ красное Ижоты говоречы: Пане, такъ рыба безъ воды не може быти жыва, такъ я безъ тебе не могу жыва быти. И Трыцан ѡтъ великого смутку и ѡтъ ран сомлѣлъ, занюжь было дивно, такъ могъ терпети таковыя раны, бо кровъ с него велми шла. И ѡтправилъ до короля Марка с тымъ: Пане дадко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ ма несли; если-мъ вамъ добре послужылъ, еще може мене вамъ потреба быти, пошли ми кролевуо

Ижоту, ачеи бы ма злечыла, иж она лѣкарство добре умѣет, а та лежу в Пазарейской земли под градом Барохом. Корол Марко отпустилъ Ижоту вдалче, и она пошла велии звеселымъ сердцем, а прышодшы почала его лечыти, што могучы. И не вѣм, если с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль ѿ нем писано».

Эрдинъ приведеннаго эпизода, которымъ заключается наша повѣсть, несомнѣнно отвѣчаетъ Ghedino, Gheldino у Полидори (франц. Kahedin, Кердинъ сѣверной саги; сл. у насъ § а), какъ названъ тамъ братъ бѣлорукой Изотты; остался и моментъ вражды къ нему Тристана, но вся обстановка другая; турниръ напоминаетъ такой же, созванный Изоттой (но — женой Марка), по просьбѣ Тристана, въ Sir Tristrem.

Соотвѣтствіе послѣдней части нашего текста, тамъ, гдѣ его планъ отклоняется отъ распорядка французскаго и италіанскаго романовъ, легче всего выразить послѣдовательностью, въ какой являются въ первомъ отдѣльные эпизоды послѣднихъ: f (b), e (b; сл. d?), k — n, m, j, l; h (c), i (g), a.

Гдѣ сложилась такая именно послѣдовательность? Въ сербскомъ текстѣ, подлинникѣ нашего, или въ италіанскомъ оригиналѣ перваго? Не имѣя возможности прямо отвѣтить на этотъ вопросъ, ограничимся нѣсколькими соображеніями. Разбирая составъ русской повѣсти, мы замѣтити его двойственность: первая $\frac{3}{4}$ ея содержанія представились намъ довольно близкимъ переводомъ какого-то, вѣроятно, италіанскаго романа; послѣдняя, по отношенію къ своему плану, не услѣдима ни въ одномъ изъ извѣстныхъ западныхъ оригиналовъ и, особливо къ концу, обнаруживаетъ приемы спѣшнаго, сокращающаго пересказа. Эта двойственность поддерживается соотвѣтствующею двойственностью нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: въ первой части Кеих названъ: *Кенишг* (можетъ быть: *Кенишъ*?) *стольникъ* или *Геашъ*, *Сепіевге* — *Веливера*; во второй — первый: *Геушъ подчасій*, вторая — *Женибра*. У автора сербской повѣсти было, стало быть, подъ руками два италіанскихъ оригинала романа, или два ихъ перевода, отвѣчающихъ двумъ намѣченнымъ нами частямъ его

компиляціи. Онъ ихъ соединилъ, и не ему ли слѣдуетъ вмѣнить особенности плана, въ которомъ является у него содержаніе его второй части? Что этотъ планъ оставилъ въ его текстѣ слѣды древняго распорядка, находившагося въ его источникахъ, тому свидѣтельствомъ *первая*, по нашей повѣсти, встрѣча Тристана съ Ланцелотомъ, при чемъ оказывается, что они уже *знаютъ* другъ друга. Кое-чего авторъ могъ не дознаться въ своихъ источникахъ; я имѣю въ виду сказанное о Галецѣ: «не слышали есмо ѿ немъ жадное повести», о смерти Тристана: «потуль ѿ немъ писано»; иное онъ могъ привлечь изъ неизвѣстныхъ мнѣ рассказовъ: въ эпизодѣ о послѣднемъ турнирѣ Тристана рыцарь Львова знамени (*Yvain?*) и Климберкъ не могутъ принадлежать его личному изобрѣтенію¹⁾. Болѣе свободному отношенію къ послѣдовательности рассказа отвѣчаетъ и болѣе свобода въ стилистической обработкѣ второй части: я указываю въ примѣрѣ на сцены боя съ Самсиджемъ, на турниръ у Перемонта, на эпизодъ о Либрунѣ — въ сравненіи съ соответствующими у Polidori и въ передѣлкѣ Rusticien'a. Во всемъ этомъ болѣе народныхъ красокъ, чѣмъ въ первой части повѣсти, хотя во всемъ текстѣ чувствуется рука сербскаго пересказчика и неравнымъ образомъ распределенное стремленіе осербить италіанскій романъ. Сюда относятся такія формы, какъ *Бруноровица*, *Ланцелотовичъ* (обѣ формы во второй части повѣсти); загадочное (Паламидежъ) *Анаплитичъ* (въ обѣихъ частяхъ), относящее насъ къ классическимъ воспоминаніямъ о Nauplias, отцѣ греческаго Паламеда: (*Ануплитичу* отвѣчаетъ Naupliades, сынъ Навлія. Какъ попало сюда это классическое обозначеніе — не знаю; во французскомъ романѣ I. I f. XXX Паламедъ «filz a Clebor mescongneux; ib. f. CV: «Esclabor le mescongneux». Къ сербизмамъ относятся еще *юнаки и баны*; въ первой части escuier передается словами:

1) Имя Марка, брата Либруна и Игруна, старыхъ славныхъ витязей, едва ли принадлежитъ какому-нибудь литературному источнику, а скорѣе пѣсенному преданію — о Маркѣ Кралевичѣ. Въ основѣ могло лежать какое-нибудь созвучное собственное имя.

* Сборникъ II Отд. II. А. Н.

юнакъ, хлопецъ, пахолокъ, во второй является вмѣсто нвухъ: оправца. Можетъ быть, и банъ *Банокскій* (Ban de Benoic) напомнилъ сербскому редактору знакомый ему титулъ *банатскаго бана*. *Горотинскій танецъ*, который исполняютъ корновальскія панны въ честь Тристана, *горотанскій танецъ*, который играетъ (то-есть, пляшетъ, взявши за руку Женибру) Изотта, чтобы развлечь его, едва ли не восходитъ къ сербскому *оро* (= *хоро*). Сл. въ троянской притчѣ: «Въ нѣкый днь поведе Елена царица дѣвица *хоро играти*» (текстъ Миклошича); «ти си боли в Трои танца играти с госпами», говоритъ Елена Парису (Prilozi). Слово *gigante* переведено было и даже понято въ смыслѣ собственнаго имени словомъ *врашъ* = сербск. оријаш. Слово это, пишутъ мнѣ И. В. Ягичъ, — по видимому, болѣе распространено по сѣвернымъ областямъ языка, у хорватовъ, въ особенности кайкавцевъ, чѣмъ далѣе на югъ. У Бука оно не приводится, но у Поповича есть, равно какъ у Бѣлостѣнца и Ямбрешича, двухъ кайкавскихъ лексикографовъ. У словенцевъ (въ словарѣ Гутсманна и Янежича) пишутъ *orjak* вм. *orjaš*. Миклошичъ считаетъ это слово заимствованнымъ изъ мадыарскаго *óriás* (оріашъ; сл. окончанія въ *grabancijaš*, *birtaš* = шинкаръ, изъ *Wirthshaus*), а послѣднее сближаетъ съ италіанскимъ *orso*, исп. *ogro*, *huero*, франц. *ogre*, тогда какъ Чихакъ (*Cihac*, *Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Éléments slaves, magyars etc.*, а. v. *uriás*) едва ли правдоподобно производитъ его отъ древне-нѣмецкаго *unhiug*, *ungahiugi* = *Ungeheuer*. Ягичъ спрашиваетъ: не есть ли мадыарское *óriás* передѣлка сербскаго орјатин, въ свою очередь заимствованнаго изъ среднегреческаго *ῥωριάτης* = *rustico*, *gros-solano*, *incivile*? Правда, Вукъ объясняетъ орјатин = *Halunke*, но едвали точно. Замѣчу отъ себя, что если *врашъ* = оријаш, то первое слово можетъ быть объяснено искаженіемъ, принадлежащимъ бѣлорусскому переводчику или переписчику. Что въ италіанскомъ подлинникѣ могло стоять *orso* или *ogro* вмѣсто *gigante* — предполагать нѣтъ необходимости.

Въ эпизодѣ о Самсизѣ Тристанъ переодѣтъ купцомъ-латин-

никомъ или латинникомъ, то-есть, не столько романцемъ, сколько католикомъ. Отказываясь отъ игры въ шахматы, за неумѣниемъ, онъ говоритъ Симсижу: «я поставлю попа в старшомъ мѣстцѣ, а иные шахи гдѣ насѣм поставити»? *Sacerdos, presbyter, episcopus* были обозначеніемъ пѣшекъ въ средневѣковой шахматной игрѣ¹⁾; въ чешскомъ трактатѣ о ней ея изобрѣтателемъ является Ксерксъ Филометоръ, давшій пѣшкамъ и ихъ названія: «krále, královú, kmeti zemské, jímž ty popi říekáme²⁾, rytieře kralovu» и т. д.; «popu nazýváme v šachové hře to kamenie, jímž onen mudřec kmeti zemské mienil, múdré, staré, rozonné v práviech, ješto dávným obyčejem a príhodami zkusili rozličných věcí a čtli kronyka a psaná práva, a k tomu smysl majíce přirozený hodni sú a hotovi k statečné radě, jsúc chvalných obyčejón a šlechtného úmysla, jímž čest a pravda milá. — Первое мѣсто отъ короля и королевы занимають попы. Nemienit knězi tu popi, ale starce múdré, urozené, bývalé v príhodách, rozonné v práviech. Takovif vše mají býti při králi, aby měl král při sebě vždy statečnú radu. Второе мѣсто предоставлену рыцарю и т. д.³⁾»

Тристанъ готовъ поставить попа на первое мѣсто, очевидно затѣмъ, чтобы авторъ могъ въ лицѣ Самсижа обличить его мнимое незнаніе: «справии естѣ латынинин», говоритъ онъ ему, у них поп начеснейшии!» Едва ли эта отвѣдь принадлежитъ италіан-

¹⁾ Сл. W. Wackernagel, Kleinere Schriften I: Das Schachspiel im Mittelalter, стр. 110. Къ литературѣ шахматной игры въ среднія вѣка сл. нѣмецкія передѣлки Якова de Cessole (*Solatum ludii scaccorum*, иначе: *Liber de moribus hominum*, нап. ок. 1290 года) Конрадомъ von Ammenhausen (1337), Яковомъ Manuel (изданы F. Vetter'омъ: *Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen, Mönchs und Leutpriesters zu Stein am Rhein. Nebst den Schachzabelbüchern des Jacob von Cessole und des Jakob Manuel. Bibliothek älterer Schriftwerke der deutschen Schweiz*, hrsg. von J. Baechtold u. F. Vetter. Ergänzungsband), авторомъ *Mittelhochdeutsches Schachbuch* (ed. Sievers въ *Zeitschrift f. deutsches Alterthum*, XVII) и мастеромъ Ingold'омъ, *Das guldin Spil*. Сл. Zeller, *Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karlsepos*. Marburg 1885, стр. 59 слѣд.

²⁾ По нѣмецки означенные пѣшки назывались «die Alten» (Wackernagel, l. c.); въ словарѣ Яна Роскоханого: *pop = arippus*.

³⁾ Сл. *Knižky o hře šachové, k tisku upravil F. Menčík* (V Praze, 1880), стр. 5, 8, 28, 43.

скому оригиналу и не обличаетъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія сербскаго переводчика — не «латинника».

Остановимся наконецъ на эпизодѣ о Смердодугѣ «поганинѣ». Имя напоминаетъ мнѣ мѣстныя дубровницкія легенды, смѣшанныя съ мотивами итальянскаго романа и занесенныя въ одну дубровницкую лѣтопись XV вѣка¹⁾. Подъ 783 годомъ тамъ разсказывается: «Furono fatte due statue a Raguxa per un signor Francese Rolando, qual fo victorioso qui appreno Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia, over (ov'era?) preso uno Corsaro delli Saragini per nome *Saragino Spuzentè*. Qual statua fece Orlando de tutti duo: le que statue feze fare dove fo ponto, per lo qual si passava a Raguxa. Perchè li feze a quel loco? Perchè in colpo non si poteva abitar per saxon sua, e lui si fece al ponto perchè fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de *Swardo-duxzi* (puzzolente) Saragin fo fata ale porte de nostro Arsenal per saxon, perchè li Raguxei an ajutato Orlando con la galia e con due fuste; qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando». — *Swardo-duxzi* я объяснилъ, на основаніи параллельнаго: *Saragino spuzentè* и глоссы *puzzolente*, искаженіемъ изъ *Smardoduxzi*, какъ въ русскомъ эпосѣ татары, нехристи, являются не только погаными («поганинѣ»), но и смердящими: Самородовичами (= Смородовичами), Смарадоновичами. Предположенному *Smardoduxzi* отвѣчаетъ *Смердодугій* нашей, то-есть, сербской повѣсти; тотъ — корсарь, этотъ лаской залучаетъ къ себѣ приѣзжихъ, чтобы предавать ихъ истязаніямъ; того наказываетъ Роландъ, этого Тристанъ; тамъ и здѣсь одинаково соединеніе мѣстныхъ памятей съ героями и именами литературнаго, итальянскаго преданія. Можетъ ли все это оправдать предположеніе, что оригинала бѣлорусской повѣсти надо искать въ Рагузѣ или ея области?

¹⁾ См. мою замѣтку: Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Гнѣвномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1879 г., Январь, стр. 9—10; Die Rolandsage in Ragusa въ Archiv f. slav. Philologie, V, стр. 468—469; Южно-русскія былины, вып. II, стр. 74, прим. 1.

II.

Б о в о.

Старо-французская *Chanson de geste* о *Bueves d'Hanstone*¹⁾, къ которой восходитъ, при посредствѣ италіанскихъ версій, наша сказка о Бовѣ королевичѣ, еще не издана въ первичномъ текстѣ, какъ не издана и ея передѣлка въ прозѣ, встрѣчающаяся въ рукописяхъ, и не опредѣлено ея отношеніе къ тексту, напечатанному Michel Lenoir'омъ (*Le livre de Beufves de Hantonne et de la belle Josianne*. Paris, 1502). Пересказъ древней поэмы помѣщенъ въ *Histoire littéraire de la France*, t. XVIII, p. 748—51, и въ книгѣ Райны²⁾, лучшемъ пока изслѣдованіи различныхъ редакцій французской эпической пѣсни, которой суждено было стать у насъ народною книгой.

Первоначальное мѣсто дѣйствія первой помѣщалось, по предположенію Райны (стр. 123), гдѣ-нибудь на границѣ Франціи и

¹⁾ О рукописяхъ см. замѣтку Р. Meyer'а въ предисловіи къ Daurel et Beton (въ изданіи *Société des anciens textes*, 1880 г.), стр. XXI, прим. 1. Издатель относитъ этотъ романъ, рассказывающій о сынѣ Bueve'a, съ явнымъ подражаніемъ роману о послѣднемъ, ко времени около 1200 года или къ концу XII вѣка (см. стр. XXIX). Если такъ, то *chanson de geste* о Bueve'ѣ онъ считаетъ болѣе древней; Р. Paris (*Hist. litt. de la France*, t. XVIII, стр. 701, прим. 1) приурочивалъ еѣ къ половинѣ XIII вѣка. — Отрывокъ Bueve'a по ватиканской рукописи напечатанъ былъ А. v. Keller'омъ въ его *Romvart*, стр. 403—411.

²⁾ *I Reali di Francia. Ricerche intorno ai Reali di Francia per Pio Rajna seguite dal Libro delle storie di Fioravante e dal cantare di Bovo d'Antona*. Bologna. 1872.

Германіи; лишь позже ее приурочили къ Англии, вѣроятно, англо-норманскіе пѣвцы; отсюда въ ней упоминаніе Londres, имя Вильгельма и отъявленная вражда къ ирландцамъ.

Содержаніе ея слѣдующее: По уговору Brandorie, Doon de Maïence, ея любовникъ, убиваетъ ея мужа Guion de Hanstone и водворяется въ его городѣ. Vueves, малолѣтній сынъ Guion'a, остается нѣкоторое время при дворѣ, но затѣмъ мать поручаетъ двумъ своимъ приближеннымъ удалить его, и они продаютъ его купцамъ, которые въ свою очередь везутъ его въ Aubefort, въ Армянское царство, и тамъ продаютъ царю Hermin. Дочь послѣдняго, Josiane, влюбляется въ Vueves, онъ въ нее; между тѣмъ на Hermin идетъ войною, въ союзѣ съ Braidamont, царемъ Дамаска, Персидскій царь Danebus, которому отказано было въ рукѣ Josiane'ы. Hermin взять въ плѣнъ, но Vueves является на выручку: верхомъ на Agondel онъ побиваетъ враговъ. Hermin освобожденъ, но два предателя доносятъ ему о взаимной склонности двухъ молодыхъ людей, и онъ платитъ Vueves'у черною неблагодарностью: посылаетъ его къ Braidamont'у съ письмомъ, въ которомъ наказываетъ ему убить посланнаго. Vueves идетъ, заключенъ въ темницу, откуда спасается по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ африканскомъ городѣ Monbrant онъ находитъ Josiane'у супругой короля Yvorin'a — только по имени. Влюбленные спознались и бѣгутъ; Yvorin носылетъ за ними въ погоню великана Achopart, который, будучи побѣжденъ Vueve'омъ, соглашается, по просьбѣ Josiane, креститься и пристать къ нимъ. вмѣстѣ они отправляются въ Кѣльнъ (Cologne), гдѣ Vueves женится на Josiane, послѣ чего, оставивъ ея на попеченіи дяди-епископа, онъ ѣдетъ въ Hanstone, въ замокъ своего дядьки Soibaut¹⁾. Здѣсь по нѣкоторомъ времени онъ открывается своимъ друзьямъ и вмѣстѣ съ Soibaut и его сыномъ отправляется въ Кѣльнъ, откуда привозитъ жену. Вернувшись въ Англию, онъ принимается воевать противъ Doon, который, не зная, что въ

¹⁾ Въ ватиканскомъ спискѣ у А. в. Keller'a, l. c.: Seiber.

числѣ его враговъ находится и законный наслѣдникъ Guion'a, идетъ въ Лондонъ жаловаться на Soibaut королю Вильгельму. Король приказываетъ обвиняемому предстать передъ него, и тотъ является въ сообществѣ съ Vueves, который говоритъ, кто онъ, и въ свою очередь обвиняетъ Doon'a въ предательскомъ убійствѣ отца. Назначенъ Божій судъ, на которомъ Vueves убиваетъ Doon'a, а затѣмъ возвращается въ Hanstone, гдѣ по его приказанію мать-измѣнница заключена въ темницу. Пока Vueves побѣдоносно бьется съ ирландцами, вліяніе Doon'овой родни растетъ при дворѣ, и они помышляютъ, какъ бы отмстить Vueves. Случай представляется самъ собою. Vueves приглашенъ въ Лондонъ на праздникъ посвященія въ рыцари сына короля, Hugues; въ скачкѣ въ запуски конь Бовы, Agondel, далеко оставляетъ за собой другихъ; Hugue'у онъ приглянулся, онъ проситъ Vueve'a уступить ему его, но тотъ не хочетъ разстаться съ подаркомъ Josiane'ы. Когда по наущенію родичей Doon'a юноша пытается похитить коня, тотъ убиваетъ его; король хочетъ предать Vueve'a смерти, но замѣняетъ еѣ изгнаніемъ; съ нимъ вмѣстѣ отправляется и Josiane. Буря заноситъ ихъ по близости Monbrant'a, гдѣ въ лѣсу Josiane родитъ двухъ сыновей и послѣ разныхъ приключеній попадаетъ вмѣстѣ съ дѣтьми во власть Yvopin'a, тогда какъ Vueves и Teris, сынъ Soibaut, спаслись и прибыли въ Sivele. Здѣсь Vueves оказываетъ королевѣ значительныя услуги на войнѣ, принужденъ жениться на ней, но съ ней не живетъ и на постели между ними всегда лежитъ мечъ¹⁾. — Черезъ нѣсколько лѣтъ Soibaut отправляется искать своего господина; буря приноситъ его къ Monbrant'у, гдѣ онъ освобождаетъ Josiane'у и дѣтей и вмѣстѣ съ ними возвращается въ Hanstone. Между тѣмъ охладѣлъ и гнѣвъ Вильгельма, и онъ не только креститъ сыновей Бово, но одного изъ нихъ, какъ будущаго наслѣдника своего престола, называетъ

¹⁾ См. ту же подробность въ романѣ о Тристанѣ, выше, стр. 199, прим. 2; Cosquin, Contes populaires de Lorraine I, стр. 79.

своимъ именемъ. Онъ прощаетъ и отцу, и Josiane съ Soibant отправляются искать его; первая переодѣта скоморошкой. Прибывъ въ Sivele, она распѣваетъ на площади о своихъ приключеніяхъ и узнана Bouve'омъ, который уѣзжаетъ съ нею къ себѣ, а королеву убѣдилъ выйти за Teris'a. Послѣ новаго ирландскаго похода Bueves отправляется на востокъ, повидаться съ королемъ Hermin, помогаетъ ему отбиться отъ Yvopin'a, убиваетъ въ поединкѣ предателей, когда-то донесшихъ на него и Josian'у, и жестоко мститъ Braidamont'у. Въ Іерусалимѣ, гдѣ его вѣнчаютъ царемъ Святаго Города, онъ получаетъ вѣсть, что Вильгельмъ намѣренъ оставить престолъ своему крестнику; второй сынъ Bueve'a, Herminet, будетъ наслѣдникомъ Hermin; когда изъ Арменіи Bueves вернулся въ Ангю, смерть шотландскаго короля освободила престолъ еще и третьему сыну Bueve'a, Guion'у. — Кончина Bueve'a не рассказана (въ неполной) рукописи библіотеки св. Марка, которой пользовался Райна; по старопечатному французскому роману въ прозѣ онъ умираетъ отшельникомъ.

Сходенъ съ пересказаннымъ текстомъ былъ французскій оригиналъ Bevers-saga'и, недавно изданный Cederschiöld'омъ¹⁾. Дѣйствующія лица: Guion, ярль Hamtun'a, Нѣмецкій императоръ, отвѣчающій Doon'у de Maience; Bevers = Bueves; его мать — дочь шотландскаго короля. Она посылаетъ сказать императору, чтобъ онъ явился съ рыцарями въ лѣсъ подъ Hamtun'омъ и убилъ бы Guion'a, котораго она вышлетъ туда безоружнаго. Представившись больной, она проситъ мужа выѣхать на охоту и достать ей кабаньяго мяса; отъ этого ей полегчаетъ. Guion ѣдетъ безъ шлема и панцыря, только съ тремя спутниками; императоръ убиваетъ его и посылаетъ его голову женѣ, которая проситъ его явиться и на другой же день сыграть свадьбу. Когда услышалъ объ этомъ Bevers, упрекаетъ мать,

¹⁾ Fornsógur Suðrlanda, utgífna af Gustaf Cederschiöld. Lund. 1884, стр. 209 слѣд.; сл. стр. CCXVI слѣд.

грозится отмстить, когда выростетъ; въ гнѣвѣ она такъ сильно его ударила, что мальчикъ упалъ; старый рыцарь Sabaoth, его дядька, поднялъ его, хочетъ отнести къ себѣ, мать обѣщаетъ наградить его, если онъ убьетъ ея сына. Тотъ обѣщается, но вмѣсто того велитъ убить свинью, и замаравъ ея кровью платье Bevers'a, показываетъ его матери. Bevers'a онъ посылаетъ пасти своихъ овецъ; черезъ недѣлю онъ проводитъ его дальше. Но мальчикъ не выдержалъ: услышавъ на полѣ гулъ брачнаго веселья, онъ врывается во дворецъ, бранитъ императора: ты убилъ моего отца, овладѣлъ любовью моей матери безъ моего позволенія, захватилъ мое наслѣдье. Онъ наноситъ ему три удара своей палицей, но схваченъ по приказанію матери; узнавъ въ немъ Bevers'a, рыцари даютъ ему бѣжать — къ Sabaoth'у, который прячетъ его у себя, а разгнѣванной королевѣ, явившейся къ нему, говоритъ, что утопилъ его. Она не вѣритъ, грозитъ сжечь Sabaoth'a, тогда Bevers выходитъ изъ своего убѣжища и беретъ всю вину на себя. По порученію матери два рыцаря ведутъ его къ морскому берегу и продаютъ купцамъ, которые везутъ его въ Египетъ и тамъ дарятъ королю Erminrik'у. Bevers сразу открываетъ ему, кто онъ, дѣлается его чашикомъ — любимцемъ, вызывая тѣмъ зависть другихъ рыцарей. Однажды Bevers отправляется на подвигъ, который не разъ напрасно предпринимали другіе: сражаетъ вепря, опустошавшаго страну, и на обратномъ пути принужденъ обороняться отъ одиннадцати рыцарей — завистниковъ, преградившихъ ему путь. Все это видитъ, стоя на башнѣ Iosvena, дочь Erminrik'a, и влюбляется въ юношу.

Слѣдуетъ нападеніе Brandamon'a, царя Дамаска, требующаго руки Iosven'ы. По ея совѣту, Bevers'у поручено начальство надъ войскомъ. Эрминрикъ ставитъ его рыцаремъ, опоясываетъ мечемъ Murgklei, а Iosvena даритъ ему коня Agundele, на которомъ могъ сидѣть лишь храбрый, родовитый витязь. Brandamon побѣжденъ и Bevers отпускаетъ его подъ условіемъ признать себя ленникомъ Эрминрика.

Послѣ побѣды обрадованный король поручаетъ дочери учествовать Bevers'a. Она ведетъ его въ свои покои, разоблачаетъ, прислуживаетъ ему за столомъ и объясняется съ нимъ въ любви. Онъ говоритъ, что онъ бѣдный чужеземецъ и ея недостойнъ, къ тому же другой вѣры; она разсердилась, обзываетъ его неучтивымъ мужикомъ, бродягой. Плохо ты платишь мнѣ за мои услуги, говоритъ Bevers, — хочеть удалиться, вернувъ ей ея подарокъ — Agundele; только мечъ Mугklei онъ удержитъ, ибо заслужилъ его. Онъ удаляется изъ дворца и переселяется къ одному горожанину. Въ то время, какъ онъ отдыхаетъ, является дѣвушка, проситъ простить ей обиду, готова обратиться въ христіанство. Вотъ это мнѣ любо, говоритъ Bevers, цалуетъ еѣ; дурного между ними ничего не было, но двое рыцарей доносятъ Эрминрику, что они въ связи, и совѣтуютъ ему, какъ отдѣлаться отъ Bevers'a: онъ пошлетъ его съ письмомъ къ Брандамону, пусть устроитъ такъ, чтобъ Bevers никогда не вернулся въ Египеть. Bevers хочеть ѣхать на Agundele и взять съ собою Mугklei. Mугklei слишкомъ тяжелъ, говоритъ король, — я дамъ тебѣ другой мечъ, а поѣзжай ты на иноходцѣ (gangari). На пути онъ встрѣчается съ пилигримомъ (pilgrim, palmar), съ которымъ раздѣляетъ его трапезу; онъ оказался Terri, сыномъ Sabaoth'a, который послалъ его на поиски Bevers'a. Bevers не открываетъ ему своего имени и направляется далѣе къ Дамаску, гдѣ Брандомонъ, прочтя письмо Эрминрика, садитъ его въ тюрьму, глубиною въ 30 аршинъ, полную змѣй и жабъ.

Между тѣмъ за Iosvena'у, которой Эрминрикъ разсказалъ, что Bevers тайно уѣхалъ въ Англію, сватается король Ivogius af Munbrak. Эрминрикъ согласенъ, но Iosvena сохраняетъ свою дѣвственность въ бракѣ при помощи чудеснаго пояса, ею сдѣланнаго: пока онъ на ней, никто не въ силахъ лишить ея дѣвственности¹⁾. Она беретъ съ собою Agundele, котораго держитъ

¹⁾ См. такой же поясъ Сабры въ The renowned history of the seven champions of Christendom, въ моихъ Розысканіяхъ, II, стр. 110; сл. Warncke, Die Lais de Marie de France, прим. R. Köhler къ Lai de Guigemar, стр. LX — LXI;

на желѣзныхъ цѣпяхъ: никто не смѣетъ къ нему подступиться, а Иворина онъ однажды такъ ударилъ, что его надо было унести.

Семь лѣтъ томиться Bevers въ темницѣ, молится вслухъ: пусть Господь освободитъ его, или пошлетъ скорую смерть. Сегодня же ты будешь повѣшенъ, кричатъ ему два сторожа, услышавъ его. Одинъ изъ нихъ спускается по веревкѣ въ темницу, Bevers убиваетъ его и кричитъ другому, чтобы и тотъ спустился, ибо одному поднять его не по силамъ. Убивъ и этого и взявъ оружіе убитыхъ, онъ выбирается наружу по веревкѣ, находитъ коня и пускается въ бѣгство. Не найдя его въ темницѣ, Брандамонъ и его племянникъ Grandier гонятся за нимъ; сразивъ ихъ, а на пути и Брандамонова брата-великана, онъ добирается до Іерусалима, гдѣ патріархъ снабжаетъ его муломъ и даетъ 24 золотыхъ. Какой-то челоуѣкъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ у Эрминрика, говоритъ ему о бракѣ Iosven'аы и указываетъ путь въ Munbrak.

Къ Iosven'ѣ онъ является въ видѣ паломника, когда Ivogius былъ на охотѣ; говоритъ, что родомъ изъ Англіи, знаетъ Bevers'a, который недавно женился. Услышавъ это, она падаетъ въ обморокъ; не будь Bevers въ Англіи, говоритъ она очнувшись, я признала бы его въ тебѣ; только у тебя шрамъ на лбу, котораго я у него не видѣла. Bevers отнѣживается, хочетъ посмотреть ея чудеснаго коня, о которомъ слышалъ; это не возможно, отвѣчаетъ она: съ тѣхъ поръ, какъ я утратила Bevers'a, никто не осмѣливается приблизиться къ коню. Въ это время входитъ служитель (skuiagi) Iosven'ы, Bonifrey; она спрашиваетъ его: на кого похожъ паломникъ? — Да это Bevers, говоритъ онъ. А въ это время конь сорвался съ пути, бѣгаетъ по двору и ржетъ; увидѣвъ Bevers'a, онъ остановился, даетъ ему сѣсть на себя, идетъ и пляшетъ (leikandi) къ Iosvena'ѣ. Она признала Bevers'a, хочетъ бѣжать съ нимъ; онъ говоритъ ей о

Нурор, Storia dell' epopea francese, trad. da Eg. Gorra, стр. 76, прим. 1, и 212 (перстни, охраняющіе дѣвственность).

вѣроломствѣ ея отца и о томъ, что она — жена другаго и болѣе не дѣвушка. Iosvena увѣряетъ, что о предательствѣ отца она ничего не знала и еще дѣвушка.

Въ это время является съ охоты Ivogius; по совѣту Bonifrey Bevers говоритъ ему, что пришелъ къ нему съ вѣстью: его братъ Bibilant осажденъ въ замкѣ Abilant. Ivogius тотчасъ же снаряжается въ походъ, оставивъ блюсти царство и жену короля Garsich. Его и его людей Bonifrey опаиваетъ соннымъ зельемъ, послѣ чего бѣжитъ съ Bevers'омъ и его милой. Проснувшись на другой день, Garsich узнаетъ при помощи волшебнаго камня въ своемъ перстнѣ о бѣгствѣ Iosvena'ы, но преслѣдованіе не удается, потому что Bonifrey укрывается съ товарищами въ пещеру.

На пути Iosvena почувствовала голодь; пока Bevers охотится, чтобы раздобыть лань (hind), Bonifrey, оставшійся при дѣвушкѣ, убить двумя львами, которые уносятъ Iosvena'у на гору. Bevers возвращается, освобождаетъ ее и снова пускается въ путь, когда настигнутъ великаномъ Eskopart, посланнымъ королемъ Ivogius'омъ. Высота его пятнадцать футовъ, онъ вооруженъ мечемъ и палицей, которой не поднять десяти человѣкамъ; промежъ глазъ уложится три фута, кожа черная, какъ уголь, носъ некрасивый, спереди загнутый крючкомъ. Ноги у него большія и длинныя, въ быстротѣ онъ переспоритъ птицу; голосъ — что лай десяти собакъ; волосы длинною съ конскій хвостъ, глаза большіе и черные какъ дно котла, зубы — что у кабана. Копье Bevers'а ломается о грудь великана, палица котораго, направленная на противника, разщепляется о дерево; Eskopart беретъ за мечъ, но Arundele свалилъ его съ ногъ, Bevers готовится убить его, а Iosvena совѣтуетъ пощадить: онъ крестится и будетъ ему слугой. Eskopart согласенъ, и они втроемъ ѣдутъ далѣе. На морскомъ берегу видятъ судно язычниковъ, собиравшихся на войну съ христіанами; Eskopart проситъ принять ихъ на корабль; за ихъ отказомъ, вскакиваетъ на палубу и всѣхъ перебиваетъ. Третья погоня Ivogius'а за ними столь же неуспѣшна, какъ и предыдущая. Бѣглецы добираются на ко-

рабѣ до Кельна (Colonia), архіепископъ котораго, дядя Bevers'a, крестить Iosven'a и Eskorart'a и сообщаетъ вѣсти о Sabaoth'ѣ. Къ нему стремится Bevers. Оставивъ въ Кельнѣ Iosvena'у подъ охраной Eskorart'a, онъ ѣдетъ въ Англію, пристаётъ къ Ham-tun'у, гдѣ на берегу встрѣчаетъ императора, которому называетъ себя Geigarðr af Franz. Императоръ говоритъ ему, что его тревожатъ набѣгами изъ своего замка Sabaoth; Bevers-Geigarðr вызывается послужить ему, если его людямъ дадутъ одежду и оружіе. Тотъ согласенъ; Bevers отправляется къ замку своего стараго дядки, гдѣ и открывається ему.

Между тѣмъ одинъ ярлъ въ Кельнѣ, по имени Miles, соблазвившись красотою Iosvena'ы, хитростью залучаетъ Escorart'a въ замокъ на островѣ, гдѣ его запираетъ, и силой женится на красавицѣ, которая ночью задушила его своимъ поясомъ. На другой день, когда это открылось, ее осуждаютъ къ смерти на кострѣ, но во время является Escorart, вырвавшійся изъ заключенія, и Bevers, которому донесли о насильственномъ бракѣ Iosvena'ы. Они освобождаютъ ее, и Bevers везетъ ее въ замокъ Sabaoth'a. Императору онъ посылаетъ сказать, что онъ не Geigarðr, а Bevers, и вскорѣ его повѣсить. Въ слѣдующей далѣ войнѣ императоръ взятъ въ плѣнъ и казненъ, а жена его, мать Bevers'a, при этой вѣсти бросается съ башни. Вступивъ снова въ отцовское наслѣдіе, Bevers женится на Iosvena'ѣ; онъ въ чести у англійскаго короля, его Agundele выигралъ призъ въ 200 марокъ, потому что оказался быстрѣе всѣхъ другихъ коней. Сынъ короля проситъ Bevers'a уступить его ему; получивъ отказъ, пытается завладѣть имъ, пока Bevers сидѣлъ за столомъ, но Agundele положилъ его на мѣстѣ ударомъ въ лобъ. Услышавъ о томъ, король хочетъ повѣсить Bevers'a; пріатели послѣдняго убѣждаютъ короля отпустить его, удержавъ коня; но Bevers не хочетъ съ нимъ разстаться и осужденъ на изгнаніе; его земля отдана Soibaut; Iosvena и Terri слѣдуютъ за Bevers'омъ, а Escorart, котораго онъ наградила леномъ, долженъ остаться на защитѣ Sabaoth'a. Недовольный этимъ, ибо онъ предпочелъ бы

отправиться съ Bevers'омъ, онъ ѣдетъ къ Ivogius'у, которому говорить, что искалъ все время Iosvena'у; онъ знаетъ ея похитителя и, такъ какъ ему всѣ дороги свѣдомы, найдетъ бѣглецовъ, если Ivogius дастъ ему людей. Тотъ соглашается.

Между тѣмъ Bevers, Iosvena и Terri странствуютъ моремъ и сушей; чувствуя приближеніе родовъ, Iosvena проситъ спутниковъ отойти въ сторону и рождаетъ двухъ мальчиковъ. Въ это время является Escorart и похищаетъ ее; Bevers и Terri, вернувшись, находятъ лишь дѣтей; напрасно проискавъ Iosvena'у въ лѣсу, они ѣдутъ далѣе, по дорогѣ въ Грецію.

Sabaoth'у снится, будто на Bevers'a напало сто львовъ и уже разорвали его коня, и что ему слѣдуетъ идти помолится св. Юлію въ Орлеанѣ. Тамъ онъ случайно встрѣчаетъ Iosvena'у, которая говоритъ ему, что Escorart ведетъ ее къ Ivogius'у. Sabaoth съ горожанами убиваетъ Escorart'a и его язычниковъ и ѣдетъ съ Iosvena'ой далѣе, на поиски Bevers'a. Въ Abbarport'ѣ онъ заболѣлъ; Iosvena за нимъ ухаживаетъ.

Продолжая путь съ Terri, Bevers отдаетъ двухъ своихъ сыновей на воспитаніе: Guion'a лѣснику, Miles'a рыбаку. Они прибыли въ городъ Civile, отъ котораго отбиваютъ непріятеля; дѣвушка, владѣтельница города, предлагаетъ Bevers'у жениться на ней; тотъ отказывается, говорить, что женатъ; дѣвушка грозитъ ему смертью, и онъ соглашается на условіи — жениться на ней черезъ четыре года, если не найдетъ своей жены, а если найдетъ — дать ей въ мужья Terri. Пока онъ остается на защиту ея страны и отражаетъ враговъ, осадившихъ Civile. По прошествіи срока, положеннаго Bevers'омъ, дѣвушка соглашается ждать еще три года. Въ это время являются въ Civile Sabaoth съ Iosvena'ой и открываются Terri и Bevers'у; супруги свидѣлись, Bevers велитъ привести своихъ сыновей, воспитателей которыхъ щедро награждаетъ, а Terri женится на владѣтельницѣ города.

Bevers узнаетъ, что Ivogius, обвиняющій Эрминрика въ ухаживаніи своей жены, собирается противъ него войною. У Bevers'a родя-

лась между тѣмъ дочь Beatrix, у Terri — сынъ, по имени Bevers. Когда Bevers явился на помощь къ Эрминрику, тотъ винится передъ нимъ и выдаетъ головою предателей (Gilstinn и Fures), научившихъ его послать Bevers'а къ Брандамону. Предатели казнены, разбитый Ivogius бѣжить; когда дошли слухи, что онъ снова грозитъ войною, Эрминрикъ, Bevers и Terri предупреждаютъ его подъ Munbrak'омъ и берутъ въ плѣнъ, изъ котораго онъ освобождается дорогою цѣною.

Вскорѣ послѣ того умираетъ Эрминрикъ, оставивъ Guion'у двѣ трети своего царства и королевскій титулъ, Miles'у остальную треть съ титуломъ герцога. Sabaoth возвращается въ Англію къ женѣ (Herinborg) и сыну (Rodbert).

Ivogius хочетъ отмстить Bevers'у; по его наущенію, воръ Jupiter похитилъ у него Arundele. Sabaoth'у снится, что Bevers сломалъ себѣ бедро; онъ чувствуетъ что-то недоброе и, отправившись въ одеждѣ пилигрима въ Abbarott, узнаетъ отъ Josven'ы въ чемъ дѣло. Онъ хочетъ ему помочь: ѣдетъ въ Munbrak, и когда однажды Arundele вела на водоной, проситъ Юпитера дозволить ему осмотрѣть чудеснаго коня, вскочилъ на него и былъ таковъ. За нимъ гонятся, нагналъ его вблизи Abbarott'а Fabur, верхомъ на жеребенкѣ отъ Arundele, столько же быстромъ, какъ она. Въ послѣдовавшей схваткѣ, въ которой принимаетъ участіе и Bevers съ сыновьями, преслѣдователи разбиты.

Слѣдуетъ еще война противъ Ivogius'а и помощныхъ ему королей. Побѣда на сторонѣ Bevers'а; папа, вызванный въ Munbrak, вѣнчаетъ его и Josvena'у на царство и креститъ язычниковъ.

Вскорѣ послѣ того Bevers получилъ извѣстіе, что англійскій король отнялъ у Sabaoth'а его земли. Онъ переправляется въ Англію съ войскомъ; узнавъ о его прибытіи, король объявляетъ своимъ вельможамъ, что по старости и болѣзни не въ силахъ противостоятъ Беверсу, съ которымъ и замиряется, предложивъ его сыну руку своей дочери и вѣнецъ по своей смерти. Черезъ три дня онъ умираетъ, Miles вѣнчается на царство, а Bevers,

вернувшись (черезъ Фландрію, Римъ и Іерусалимъ) въ Munbrak, находитъ тамъ свою жену при смерти, Arundele околѣвшей. Онъ молится, чтобы Господь сподобилъ его умереть вмѣстѣ съ женою. Они умираютъ, обнявшись, похоронены въ церкви св. Лаврентія, а въ Munbrak'ѣ воцаряется Guion.

Таковъ разсказъ саги, сохранившейся въ нѣсколькихъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна¹⁾ носитъ слѣды личной переработки пересказчика. Къ сагѣ восходятъ исландскія *Béfus* — *rimur* и фарейскія *Bevussar taettir*²⁾, какъ любимая въ Англіи народная книга о *Bevis* къ старо-англійской поэмѣ о *Sir Bevis of Hampton*³⁾, пересказу одной рецензіи старофранцузскаго стихотворнаго текста⁴⁾.

Французскій текстъ поэмы по ркп. импер. вѣнской библиотеки № 3429, съ содержаніемъ котораго я познакомился изъ сообщеній *Singer*'а⁵⁾, къ сожалѣнію слишкомъ краткихъ, относится, по мнѣнію изслѣдователя, къ одной редакціи съ оригиналомъ саги, хотя нѣкоторыя черты заставляютъ въ этомъ усомниться. Такъ напр. *Doon* не казнень (какъ отвѣчающій ему императоръ саги), а убитъ *Bueve*'омъ въ поединкѣ, какъ въ пересказанной выше французской поэмѣ. Замѣна *Doon*'а нѣмецкимъ императоромъ еще не совершилась; изъ именъ отмѣтимъ: *Ermins*, *Josiane*, *Bonnefoi* (= *Bonifrey* саги, *Bonefas* въ *Bevis of Hampton*), рядомъ съ которымъ является еще въ услуженіи *Josiane*'ы какая-то *Pietris*, дочь турскаго короля; *Yvoire de Montbrant*; *Sambault* и его сынъ *Thierry*; *Brademant*. Пересказъ *Singer*'а, мало полезный для критики текстовъ Бовы и сдѣланный не въ виду этой цѣли, раскрываетъ другую любопытную подробность: что французскій оригиналъ старонѣмецкой поэмы о графѣ *Рудольфѣ* представлялъ сплоченіе какого-нибудь разсказа изъ собы-

¹⁾ Сл. *Cederschiöld*, стр. CCXXXIX, № 7.

²⁾ I. с. стр. CCXLVI, CCXLVII—VIII.

³⁾ Объ англійскихъ версіяхъ сл. *ib.* стр. CCXVI.

⁴⁾ *MS. Didot*. Сл. *P. Meyer*, I. с., стр. XXI, прим. 1.

⁵⁾ *S. Singer*, *Graf Rudolph*, въ *Zeitschr. f. deutsches Alterthum* B. XXX, стр. 379 и слѣд.

тій крестовыхъ походовъ (можетъ быть, похода графа Hugo de Puiset) съ мотивами *Beuve*. Оригиналъ этотъ извѣстенъ былъ въ устной передачѣ и *Berthold'u von Holle* который воспользовался имъ въ своей *Crane* (стр. 389). Не касаясь здѣсь послѣдняго вопроса, замѣчу, что мотивы Бово позволяютъ очень удачно возстановить связь между фрагментами графа Рудольфа, и что въ иныхъ эпизодахъ той и другой поэмы есть дѣйствительное сходство. Доказательнѣе всего собственныя имена: *Bonifrey'u*, *Bonnefoy*, *Bonefas* отвѣчаетъ въ сходной роли *Bonifait*, а милая Бово, отвѣчающая *Josiane'ѣ*, получаетъ въ крещеніи имя *Irmen-gard*, что несомнѣнно указываетъ на отца *Josiane'ы*, *Ermin*, *Hermin*, хотя въ нѣмецкой поэмѣ стоитъ другое имя: *Gilot*, король Иерусалима. Въ провансальской поэмѣ: *Daurel et Beton* (ed. P. Meyer) жена *Beuve'a* также названа *Ermenjart*, а его сынъ любитъ язычницу *Erimene* (стр. 388).

Сложность и запутанность плана и обиліе подробностей, поражающихъ въ пересказанныхъ нами поэмѣ и сагѣ, говорятъ за позднюю редакцію ихъ оригинала. Въ болѣе древней и простой та же французская поэма была занесена въ Италію, гдѣ между 1250 и 1330 гг. отразилась въ двухъ текстахъ: одномъ франко-итальянскомъ (*S. Marco XIII*), другомъ венеціанскомъ, сохранившемся въ рукописи лауренціанской библіотеки. Оба, по прежнему мнѣнію Райны (I. с. стр. 144), восходятъ къ одному оригиналу, но не списаны съ него, а записаны по памяти, при чемъ одинъ пересказчикъ могъ вѣрнѣе запомнить одно, другой другое, а авторъ франко-венеціанской версіи кромѣ того позаимствовалъ конецъ своего разсказа изъ редакціи пространнаго французскаго типа. Три отрывка изъ другой также венеціанской поэмы о Бово, недавно открытые въ *Udine* и изданные Райной¹⁾, позволили ему точнѣе опредѣлить генеалогію лауренціанскаго текста: они оказываются принадлежащими къ одной съ нимъ редакціи, вышли изъ общаго франко-итальянскаго подлинника,

¹⁾ *Zeitschrift f. rom. Philologie*, V. XI, N. 2, стр. 153 слѣд.: *Frammenti di redazioni italiane del Buovo d'Antona. I. Nuovi frammenti franco-italiani.*

къ которому удинскіе фрагменты стоятъ ближе по количеству сохранившихся въ нихъ гибридныхъ французскихъ элементовъ, отличающихъ вообще старую эпическую литературу Тревизской Марки, тогда какъ въ лауренціанской поэмѣ начало мѣстнаго говора уже взяло перевѣсъ.

Такъ захожая сага пустила корни въ сѣверной Италіи и отсюда перенесена была въ Тоскану, гдѣ уже Villani свидѣтельствуеъ объ ея популярности: сообщая древнее названіе Вольтерры — Antonia, онъ прибавляетъ: «e secondo che si leggono i romanzi indi fu il buono Buono d'Antona». Тосканскихъ пересказа его исторіи Райна отмѣчаетъ три. Первый по времени *Bovo in 8-a rima*, въ 22 пѣсняхъ и 1400 станцахъ: онъ всего ближе къ венеціанскому тексту, хотя его оригиналъ былъ развитѣ послѣдняго, а нѣкоторыя подробности относятъ насъ къ версіи франко-итальянской. Согласіе съ венеціанскимъ текстомъ простирается, собственно, лишь на первыя XIV пѣсень, слѣдующія VIII принадлежатъ, по мнѣнію Райны, фантазіи тосканскаго пересказчика, за исключеніемъ впрочемъ послѣднихъ 28 станцъ, которыя первоначально могли непосредственно примыкать къ концу XIV пѣсни. Эти станцы рассказываютъ: о бракѣ и воцареніи Terigi (Tigis франц. *chanson*), о возвращеніи Бовы въ Антону, гдѣ вскорѣ умираетъ *Drusiana*, а онъ самъ убить предателемъ, подосланнымъ сыномъ Додона, *Gualtieri*. Услышавъ о томъ сынъ Бовы, *Guidone*, наслѣдовавшій дѣду въ Арменіи, идетъ съ большимъ войскомъ на *Maganza'u* и разрушаетъ городъ. Древнее содержаніе поэмы, пересказанной авторомъ *Bovo in 8-a rima*, отвѣчало бы: XIV пѣснямъ + 28 станцамъ XXII-й. Повѣрки этому предположенію потому нельзя было сдѣлать, что въ венеціанскомъ текстѣ, принадлежавшемъ, какъ мы видѣли, къ одной редакціи съ оригиналомъ *Bovo in 8-a rima*, не достаеъ конца: онъ обрывается именно на воцареніи и женитьбѣ *Teris-Terigi*. Нашъ бѣлорусскій Тристанъ, воспроизводящій венеціанскій текстъ, является здѣсь на выручку — устраняя гипотезу Райны. Къ этому прибавимъ еще слѣдующій вопросъ: Райна

говорить объ одномъ текстѣ *Bovo* in 8-a rima, имѣвшемъ, какъ извѣстно, множество изданій; слѣдующая выдержка изъ изданій 1491 (*Venezia*) и 1537 (*Venezia*) годовъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ двумя текстами:

ed. 1491.

st. 105. *Alora don Alberico al primo trato*
Con bella compagnia cavalcava
Verso Antona quanto potea ratto;
Gionto ala torre al palazzo smonta,
Vane a Brandonia e conta tutto il fato
Ciò che Dudon dicendo gli mandava,
La visione e tutte l'altre cose,
Unde Brandonia così li respone:

«Indietro torna e di' al tuo signore
 Che no li dia alcuna melinconia,
 Ch'io li prometto per lo mio honore
 Ossa ne carne di Buove no sia.
 Io lo farò morir cum gran dolore
 Mai più non udirà che se ne sia,
 Voglio far morir secretamente
 Per nostro honor, che nol sapia la gente

Tornati in dretò, a lui debiati dire». *Dono Alberico alor tolse comiato,*
De la sua gente il fece seguire,
Trovano alhora el signor beato.
Alberico disse al suo fratello e sire,
El fato aponto aponto gli a contato
Come Brandonia ad esso referia
Che Buovo la sua vita finiria.

ed. 1537.

st. 54: *Partisse lui con molti in compagnia,*
Ad Antona al palazzo dismantava,
Trovò Brandonia, il fatto li dicia
Come Dudone per Buovo mandava
Perchè li vol dar la morteria,

16*

Perchè in insonio Dudone amazava,
Unde Dudone fu disposto al tutto
Dar morte a Buovo e vederlo destrutto

Disse Brandonia: «Alberigo soprano,
Io son contenta di Buovo amazare,
Per nostro honor far coperto debbiamo.
Vanne Alberigo e debbi ritornare,
Di' a Dudone che l'abbia per certano
Che non lo sentirà mai nominare,
Che morte li darò, che dove el sia,
Non si saprà, te giuro in fede mia».

Dono Alberigo al campo ritornava.
A Dudon contava tal trattato.

Второй тосканский пересказ поэмы о Бовѣ представляют *Reali di Francia*. Райна полагаетъ, что источниками для компилятора, въ отдѣлѣ о Бово, были англонорманнская, франко-италианская и венеціанская версія пѣсни; что поэму in 8-a rima онъ могъ слышать и кое-что позаимствовать изъ нея по наслышкѣ; что кромѣ того у него могъ быть и еще одинъ источникъ (сл. стр. 204 и 209), а конецъ разсказа, начиная съ 65 главы, принадлежитъ его собственному воображенію. Къ этимъ источникамъ *Reali* я могу присоединить и еще одинъ, благодаря проф. Райнѣ, предоставившему мнѣ пользованіе текстомъ, имъ открытымъ: тосканскимъ переводомъ (половины XIV вѣка; рукопись половины XV) франко-италианскаго Бовы, сохраненнаго (безъ начала) въ cod. S. Marc. XIII. Къ сожалѣнію, переводъ въ рукописи обрывается задолго до конца, на сценѣ, когда *Drusiana* проситъ Бову дать ей вѣнокъ съ головы.

Въ половинѣ XV вѣка какой-то *Ghegado*, вѣроятно народный поэтъ, еще разъ пересказалъ дѣянія Бово въ пространной поэмѣ, въ которой сплотилъ то, что о его героѣ передавали старыя пѣсни французской и италианской семьи.

На распространеніи нашего романа въ другихъ европейскихъ литературахъ отчасти указано выше. Я упомянулъ старо-

печатный французскій романъ въ прозѣ; къ нему слѣдуетъ присоединить стихотворную передѣлку *Pierre du Ris*; для Англии отмѣтимъ, кромѣ старой поэмы о *Sir Bevis of Hampton*, еще и прозаическій романъ того же названія; для Нидерландовъ народную книгу XVI вѣка, заимствованную изъ французскаго прозаическаго романа. Еврейскій переводъ былъ упомянутъ выше (стр. 129, прим. 1).

Особая популярность досталась на долю Бовѣ на Руси, гдѣ судя по спискамъ XVII вѣка и упоминанію въ 1693 году потѣшной книги, въ лицахъ, о Бовѣ королевичѣ въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича ¹⁾, «сказаніе» или «гисторія», «слово» о Бовѣ объявилось довольно рано. Подъ «сказаніемъ» или «гисторіей» я разумѣю ту извѣстную форму повѣсти, которая легла въ основу нашихъ лубочныхъ передѣлокъ, обнародовала до степени другихъ русскихъ сказокъ, къ героямъ которыхъ присосѣживаетъ и своихъ, иноземныхъ. Правда, «*Бова, королевичъ сынъ*» въ сказкѣ о Голѣ Воянскомъ, встрѣчается лишь въ сборникѣ Броницына (Русск. нар. сказки, стр. 27—43) ²⁾; *Луконеръ* и *Полканъ* въ сказкѣ объ «Иванѣ богатырѣ крестьянскомъ сынѣ» — только въ лубкахъ ³⁾, но Полканъ попалъ и въ стихъ объ Аникѣ воинѣ въ числѣ богатырей, скошенныхъ смертью ⁴⁾, Чудище *Пожанище*, *Полканъ Полкановичъ* въ народныя сказки объ Ильѣ, гдѣ онъ замѣнилъ былиннаго Идолища ⁵⁾; кое-гдѣ встрѣчаются имена *Додона* ⁶⁾ и (Василисы) *Кирбитьевны* ⁷⁾, тогда какъ въ бѣлорусской вертепной драмѣ Максимьянъ оказывается царящимъ въ городѣ *Антонъ*, гдѣ Аника-воинъ защищаетъ его отъ нападенія «Змѣя-Улана» и «Арапа». — Собственно въ былины не

¹⁾ Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 248.

²⁾ Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, IV, Приложенія стр. СЛII.

³⁾ Л. с. стр. СLXXXV, СLXXXIX.

⁴⁾ См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Поэма о Дигенисѣ, Вѣстникъ Европы, апрѣль 1875 г., стр. 771.

⁵⁾ Кирѣевскій, I. с., I, Приложенія стр. XXXIV. Сл. Ровинскій, Русскія Народныя картинки I, стр. 146—7, прим. 4.

⁶⁾ Аванасьевъ, Нар. русск. сказки № 158, с.

⁷⁾ I. с. № 93, с.

проникъ, если не ошибаемся, ни одинъ изъ героевъ захожей италіанской повѣсти: всѣ они опоздали своимъ пріѣздомъ на Русь. Для исторіи русскаго эпоса это *terminus ad quem*, если точно опредѣлить время перехода повѣсти, успѣвшей обратиться въ русскую сказку, подарившей насъ въ XVII вѣкѣ даже личнымъ именемъ Бовы¹⁾, но поступившейся передъ цѣльностью законченнаго эпического цвкла.

Откуда явилось къ намъ *Сказаніе* или *Гисторія*? Косвенный отвѣтъ на это можетъ дать повѣсть о Бовѣ, или «Исторыя о княжати Кгвидоне» познанскаго сборника. Подобно Тристану она переведена съ сербскаго и за сербизмами, оставшимися въ бѣлорусскомъ пересказѣ, сохранила и нѣсколько италіанизмовъ— слѣды оригинала, надъ которымъ работалъ южнославянскій переводчикъ. Этотъ оригиналъ, или весьма близкій къ нему текстъ, мы и теперь еще можемъ признать по венеціанской поэмѣ, изданной Райной. Сербскій подлинникъ бѣлорусской повѣсти не найденъ; романическая исторія Бовы проникла къ южнымъ славянамъ, сколько пока извѣстно, лишь въ хорватскомъ (пока не изданномъ) переводѣ соотвѣтствующаго отдѣла *Reali di Francia*. Слѣдовъ особой популярности Бовы на славянскомъ югѣ также не замѣтно, но ея нечего и предполагать въ объясненіе его русской популярности. Повѣсть почему-то понравилась, пошла въ оборотъ; объясненіе лежитъ въ случайностяхъ народнаго вкуса, или въ томъ, что намъ представляется случайностью.

Исторія о Гвидонѣ», какъ мы будемъ называть ее далѣе, не принадлежитъ къ одной редакціи съ *Сказаніемъ* о Бовѣ; передъ нами, очевидно, два отраженія одного перевода. Если я позволилъ себѣ заключить, что и *Сказаніе* прошло къ намъ тѣми-же путями, по какимъ слѣдовала *Исторія*, то я спѣшу добавить, что основаній для такого предположенія, вѣроятнаго а priori, у меня не много. *Сказаніе* такъ часто пересказывалось и переписывалось, что приняло и русскій стилистическій колоритъ, въ которомъ нельзя и ожидать встрѣтить сербизмовъ *Исторіи*;

¹⁾ Пыпинъ, I. с. стр. 248.

исключеніе составляютъ развѣ юнаки = юноки, клубукъ = клубукъ бѣлорусской повѣсти. Важно, какъ указаніе, имя Лукопера, въ которомъ видѣли признакъ русской передѣлки и народнаго усвоенія *Lusafetto*, тогда какъ выше уже было замѣчено, что смѣна лат. италіанск. *f* въ слав. и въ именахъ собственныхъ составляетъ признакъ известной группы древнихъ южно-славянскихъ памятниковъ. Съ этой точки зрѣнія объясняется и имя Дружнены: ит. *Druşiana*; сл. тотъ-же переходъ *s* въ *ж* въ Тристанѣ: Ижота, Самсижъ; дѣйствіе народной этимологіи ограничивается развѣ формой: Дружневна, упрочивающей въ позднихъ спискахъ Сказанія, уже на русской почвѣ. Ясно, что имена повѣсти о Бовѣ не подверглись на южно-славянской почвѣ тому народному усвоенію, которое обратило, напримѣръ, въ Троянской притчѣ *Ulixes* въ Оурикшешъ (по связи съ оуръ), Юнону въ Юнаа; въ Тристанѣ: (*Lancelot du Lac* въ: *з Локве* (въ Черногоріи *локва* — природное или искусственное скопленіе воды, въ родѣ большой лужи). Хронологическій ли это признакъ или показатель большаго или меньшаго интереса къ той или другой повѣсти?

Перейдемъ къ анализу Исторіи въ связи съ венеціанскою поэмой о *Вово* по списку Лауренціаны и удинскимъ отрывкамъ, восполняющимъ отчасти его пробѣлы¹⁾. Въ лауренціанской поэмѣ недостаетъ начала, которое такъ восполняется русскимъ текстомъ:

«Яко писмо говорыт: Добрыи мужу, бог ти будь на помоч и вховаи та ѡт смерти и ѡт злое прыгоды! Хочу вам поведати добрую повесть ѡ Кгвидоне Антонскомъ княжати и ѡ его сыне, ѡ великом и славномъ рыцери Бове. Тотъ Кгвидонъ храбрыи конникъ былъ, але ѡдну речъ зле вчинилъ, иж в час жоны не поналъ, але коли вже старъ былъ, тогда понал жону з великого племени, и ѡна его не мела ни за ѡдин пѣвез. И в первую ночь коли с нимъ спала, почала ѡт него сына. А коли вышли мѣсецы дней, и ѡна родила сына цудного створена, а коли его крестили, дали имя ему Вово. И якъ почалъ рости, и ѡн его поручыл

¹⁾ Послѣ 307, 479, 1154 и 1252 стиховъ. Сл. *Rajna* въ *Zeitschrift f. rom. Philologie* I. с. стр. 154.

одному служебнику своему Симбалду, и онъ его ховал болшен
нижли семъ годъ. И оное дита за тую семъ годъ възросло не-
мало, а был велии пекное шобы, парсуна ему была какъ рожка,
а волосы мѣлъ жолты какъ злото, и лепшое дита над него не
могло са знати.

Туть вернимо са, поведеймо шпат какъ жона Кгвидонова
згубила пана своего доброго Кгвидона, а еи было има меретрысь.

Онага пани одного часу по рану вставшы и убрала са у
добрые шаты и умыла са водкою рожанкою и погледѣла са въ зер-
кало и рече». Отсюда начинается венецианскій текстъ; приво-
димъ отрывокъ его en regard съ русскимъ въ доказательство
ихъ близости:

1. «Mal' abia mio pare e'l mio pa-
rentà
Che assè vechio marito m' à donà,
Che nonn-à far la mia voluntà;
No m' ay Dio se no men averè ven-
dichà'»

Un suo segreto ella apellà
Lo qual Rizado fo chiamà
Chi era suo homo e de son masnà.
«Rizado», disse la donna, «intendè lo
mi' parlà:

Alla zità di Maganza ti convien
andar;

Dirai a Dudon che t'avi a parlar;
Da mia parte l'averè a salutar,
E di che l'amo plu che pare nè
mar;

C'allui me volsi voluntera mari-
tar;
Non vol' mio padre nèl mio pa-
rentà.

Questo sì ve digo ch'ell' è la ve-
rità,

Dill che con sua zente elo si deba
armà,

Беда ми, што мои штец и мои
род покннули ма, иже ма за того
старого мужа дали, иже он не
может ми ку воли вчынити. И
призвала одного своего служеб-
ника, которому было има Рычар-
до, и рече ему: Поедь къ городу
Маганцу до княжати Додона, до
моего шлого, и поздрови его шт
мене, бо ми ест велии милъ не
нущеи штица и матери; и хотѣла
всми за него поити, але не хотель
мои штец и мои род. Але ти го-
вору: послужы ми в томъ справаго
серца и мовъ ему: нехай зберет
своих людей пятнадцать тысячей
доброго люду зброиного, а нехай
приидуть взати Антон град, а
стали бы въ лузе шт Склоравена,
а та в тот час пошлю Кгвидона
в лов; онъ не взмет зъ собою
жадное зброи и слугъ не взметъ
болши двадцати юнаковъ, а тамъ
может штица своего смерть пом-
стити; и взмеш град своими

*Chon. XV. milia chavalieri presà: лодми и все мое панство тобъ
Si vengha a prendere Antonia la будет, а мене собъ ѡзмет за
città. жону.*

*In lo boscho de Sclaravena se debia
indoschà:*

*Io manderò lo dux Guidon a cazar,
E chon si nonn-averrà arme a por-
tar;*

*Venti zoveni basaler l'averà con-
pangnar,*

*Della morte del suo pare se porà
vendicar,*

*Po' averà colla zente la città con-
quistar;*

*Della contrada farà la suo vo-
luntà,*

Po'sì m'averà per moyer a spozzar».

Ричардо отказывается: «Не помози ми богъ если бых там поехал» (29 *Nè m'au Di', diss'ello, sili averò andar*), но жена Гвидона грозить донести на него мужу, что онъ хотѣлъ еѣ изнасиловать, и Гвидонъ «та велит ѡбесит за горло» (35 *per la ghola arichar*)¹⁾. Ричардо соглашается (пани, могу га вчинити на твою

¹⁾ Для сравненія приведу отрывокъ тосканскаго текста (переведеннаго съ франко-италианскаго оригинала = Marc. XIII), найденнаго Райной: «Quando tutti si sono partiti ell'alba chiarita e'l sole levato, la reina Brandoria sissi levò del suo letto addorno e vestissi e calzossi; e calzata e vestita sissene fu ita a uno specchio e pose mente a suo figura. E veggiendosi così bella figura incominciò forte mente a pensare e con gran doglia incominciò addire: In che mal'ora fu io nata ad essere maritata assi vecchio! Chemmi vale città e castella, o oro o argento, o priete di gran valuta, quando non posso contentare le voglie mie! Ben è il mio padre di gran possa, che per ricchezza mi potea con suo tenere. E così ragionando frassè stessi sen'andò ad una finestra sopra la marina cherriguardava inn'ogni parte sopr' alla terra dov'ella à signoreggiare; e così riguardando sentì usignuoli e altri uccielletti inn'un giardino a piè del palagio cantare; dov'ella molto addolorata cominciò addire: «Ogni animale si rallegra ed io mi contristo!» diciendo di ciò farne vendetta, «Lassa a me tapina, che mai fu io nata, chissono stata data a un vecchio che non mi può sollazzare nella notte nè il die». E così dolendosi sissi rammenta di Duodo di Maganza, che «Ora t'avessi io in mia balia! Io farei la tua voglia e tu faresti la mia!» E così diciendo e diliberata di man-

волю = 37 madona io farò vostra volontà), садится на «иноходника» (= 39 palafren), «приехал на двор Додоновъ и вшоль у палацъ» (= 44 vene ala plaça, sul palaço montà), сообщаетъ Додону поручение своей госпожи. Рѣчь Ричардо въ венеціанскомъ текстѣ болѣе развита, чѣмъ въ русскомъ, но въ отповѣди Додона оба сходятся: «Курвыи сыну, бог дай тебе лихо (68 Dio te dia mal afar), Кгвдон есть добрыи рыцар на кони у зброи, коли он убил отца моего, и мнѣ тое-ж может учинити. Он тебе послал на лазучестве (71 Elo per quel tradimento sì v'а qui mandar); не поможи ми богъ, если та не велю «обѣсят» (72 Non m'au Dio s'io no-ve faço aricar). Ричардо просить его довѣриться ему, а пока не довѣдается, что онъ говоритъ правду, посадить его въ темницу. «*Вере* так мушу вчынити» (83 *Per la mia fè, cossi te farò far*¹⁾); сл. 518 Si m'au Dio, io no ve la voio donar = *веро-ть* его не дам.

Додонъ ѣдетъ къ городу Антону съ войскомъ; вскочилъ на коня, даже «за стрыма се не прыналъ» (88 streve non ave piar); «гэтманом Дан Албрыго, брат Додонов муж удалын» (91 Dan Albrigo lo confalon portà — Fradelo era de Dodon lo genegà). Они остановились въ указанномъ мѣстѣ, въ лугу «от Скларавена», куда жена посылаетъ Гвидона: она беременна, ей захо-

dargli inbasciata, ed escie fuori della camera e va giù per le scale ed escie fuori del palagio e scontrossi in un suo scudiere molto suo segreto, e dolciemente lo prese a salutare: «Ben ne venga il mio Sire!» Ed erispose: «Dio vi dia il buon die e vo' ben vegniate, Madonna. Chevi piacie? A ogni vostra ubbidienza sono comandate mi ciò che vi piacie». Ella donna rispose: «Ben te lo dirò. E'ti converrà giurare di servirmi e tenermelo segreto; ed io t'inprometto renderti buon merito». Ello scudiere rispose: «A ogni vostro comandamento prometto di servirvi di cosa chemmi sia in possibile, insin da mettere la vita. E giuro alle sante Dio vangielle di fare vostra volontà». Когда онъ узнаетъ, что ему слѣдуетъ отправиться къ Дуодо, онъ говоритъ: «Madonna, io non vi voglio andare, altro che male nonn'è vostro pensato, e per male volete vada. Duodo di Maganza è nemico del mio signiore. Per tanto pensate d'altro messaggiere». Она грозитъ, что пожалуется мужу, будто онъ хотѣлъ ее изнасиловать; Antonio (= Rizardo другихъ текстовъ) сдается, и Brandonia садится писать письмо къ Дуодо.

¹⁾ Въ Nuovo in 8 гима Ричардо не посаженъ въ темницу, а возвращается къ женѣ Гвидона, Brandonia.

тѣлось «зверынного маса» (103 *salvadexine*, далѣе: зверыны = 105 *id*), не достанетъ-ли шнѣ? Гвидонъ ѣдетъ на охоту съ десятию юнаками (108 *vinti çoveni*; 113: XX *nobeli infant*); видить его Додонъ, говоритъ: «Кгвидоне Антонскки, тобѣ прышол нине последний ден (122 *finimant*). Кгвидон почувшы почал плакати и вдарыл са пастю в груди мощно (124 *Leva la pugno per lo peti serand*) и рече: Бѣдныи Кгвидон и злочастен, то естъ учынила моя жона Бландоа» (126 *Blondoa*; vv. 127—9: слѣдуетъ молитва о судьбѣ Бово, которой нѣтъ въ русскомъ текстѣ). Гвидонъ убитъ, Додонъ ѣдетъ къ Антону, гдѣ находитъ «узвод» (*li pont*) опущеннымъ; «а курва жона Кгвидонова (140 *la ruitana*) против ему вышла и рече ему: Добре еси прышол, воиниче (142 *combatant*), погубил ли еси Кгвидона, который мнѣ не мил был а ни вдачон? Он рече: Убил есми его, пани. — За то хочу дат на девет десат молитов (144 *Mile marçè ve gand*). И она его узала за руку и вела его у шдву комору» (= 145 *E la meltris per la man lo grand, In una samara lo menà a tant*).

Люди Гвидоновы хотять удалиться изъ города, Додонъ ихъ удерживаетъ. Скрылся и Бово; его дядька Симбальдо (*Sinibaldo*) всюду его ищетъ, сокрушается: «О беда мнѣ, штец мертвъ, а сына нѣтъ» (158 *tristo, mal agurà, Morto è lo pare, lo fiol ò mal guardà*). Онъ находитъ его въ конюшнѣ подъ яслями, говоритъ объ обійствѣ отца, спрашиваетъ, можетъ ли онъ доѣхать верхомъ до «сватога Симисна града» (*San Simon*), тридцать лѣтъ тому назадъ подареннаго ему Гвидономъ; еслибъ добратся до него, онъ сталъ бы воевать съ Додономъ. Бово согласенъ; Симбальдо тайно выѣзжаетъ съ нимъ, сыномъ Терызомъ (*Teris*) и шестидесятью конными, добрыми юнаками (182 *LX chavalieri arapià*). Одинъ изъ его спутниковъ, далѣе названный Рычардо (*Riçardo*), вернулся съ пути, чтобы донести обо всемъ Додону, который пускается въ погоню за бѣглецами, тогда какъ Рычардо нагоняетъ своихъ, вызывается разузнать, что за люди ихъ преслѣдуютъ (Симбальдо говоритъ ему по этому поводу: Поедь, богу та полецам — бо не знал, што на зраде ходил = 219 *A Dio*

t'acomant, ch'elo no savea del tradimant), но вмѣсто того, вернувшись къ Додону, велитъ ему поспѣшить, а затѣмъ снова ѣдетъ къ Симбальду. Видитъ его издали Терызь, говоритъ: «Утче, то ми са видит лазука, поеду ја, вчыню его мертва» = 232 Pare, diss'elo, quel me par tradiment, Lassème andar, sil farò dolent). Онъ убиваетъ его.

«Тутъ «са имъ нефортуна (esmeneventura) стала»: Бово упалъ съ коня, а Додонъ подхватилъ его. «О Боже великий, такаа болестъ наша са!» (245 Dio, que dol, che Synibaldo no sen' adà!). Симбальдо кричитъ Додону: «Юначе (251 baron), верни его шпят, хочэмъ его ѡткупити, ѡзми за него што хочеш, а если не всхочеш, Додоне, подъ божю прысагою (252 Per quel apostolo chi pelegrin va quirant) первей хочэм помрѣти, ніжъ его дати на срамоту». Онъ ѣдетъ за Додономъ до воротъ Антона, но своего не добился. Собралъ войско (261 Quatro cento soldadi; позднѣе русскій текстъ даетъ ему 10 тысячъ), онъ каждый день воюетъ подъ Антономъ, «и не смели люди из города выходить къ църкви помолити са богу, пока третая часть дня выидетъ» (263 Queli dentro no-se ossa acorlar S'el no-è ben terça passa'). Отношенія нашего текста къ эпическимъ амплификаціямъ венеціанской пѣсни легко усмотрѣть изъ слѣдующаго сопоставленія: «И ѡднаго часу таю курва маретрыс рече Додону: Пане, доколе будем такъ без покоа жыти? бо покуль тот злодеи старын буде жыв, не можемъ ѡт него впокоа мѣти. Онъ привель зъ собою десеть тисечей войска под Антонию, а в тебе в городе ест трыдъцат тисеч. И подобала са ему ее речъ, и тотъ часъ велель у рогъ трубити, и собрала са ихъ трыдцать тисечъ конных и добрыхъ зброинныхъ. И с тыми людьми ехалъ просто до сватого Семиѡна и прытагнулъ там, послалъ до Симбальда посла и добывалъ города. А Симбальдо з города боронилъ са, и тамъ было мертвыхъ на ѡбе стороне много».

265 Dela meltris eo ve voio contar.

Ben per tempo ela fo leva',
De richi drapi ela s'adoba',

Vene a Dodon, silo domandà:
 «Meser, diss'ela, or entendi ça.
 Nu-no poremo viver dentro da-sta cità
 Infin che'l traditor morto no serà.
 XV milia chavalieri con vu avì menà,
 Ben altrettanti ne trovarì in la cità:
 Fe sonar lo corno, si li fe adobar;
 Eli serà ben. XXX. milia chavalieri aparià,
 Suli destreri ben armà,
 Fin a San Symon no-ve astala',
 Prenderi lo gloton sil farì apicar».
 Dodon l'intende, sì prexe a parlar:
 «Madona, diss'elo, ben m'avì consià.
 In piè se leva, fè lo corno sonar,
 Eli fo ben. XXX. milia chavalieri armà;
 Dan Albrigo lo confalon portà.
 Esse d'Antona, plu no demorà,
 Inver San Symon tosto cavalcà,
 Infin al castelo Dodon no se arrestà
 E l'asedio a Sinibaldo messo à,
 E gran bataia al castelo donà.
 Eli se defende e molti morti n'à.

Въ первую ночь Додонъ «Маганецкій» (de Magança) видитъ сонъ, будто Бово прокололъ «ему серцэ иутробу» (293: lo cor e lo figà), и посылаетъ Данъ Албрыго къ Бландойѣ, чтобъ онъ разсказалъ ей его сонъ (разсказъ о снѣ повторяется въ русск. и венец. текстахъ), а она прислала бы ему Бова, котораго онъ хочетъ погубить. Данъ Альбрыго отправляется съ ста юнаками (307 chavalieri) — слѣдуетъ въ венеціанскомъ текстѣ пропускъ въ одинъ листъ, восполняемый удинскимъ фрагментомъ: «и нашодшы панию Бландою и поздравилъ ее Додоновымъ поздравеніемъ и мовилъ ей въ речы Додоновой. Она рекла: Дла ласки шца Бовова не пошлю его къ Додону, але хочу его тутъ штрутити заште (Ud. v. 10 слѣд.: E la meltris dama comença a parlar: «Don Albrigo, or ve torné arier E diré a mo sire ch'io non lo vo' mander. Per amor de son pier lo voio atuer). И Данъ Ал-

брыго с тым поехалъ къ Додону, а пани велела Бова замкнуги в ѿдну комору (Ud. v. 16 *canbra*). И был тамъ Бово пять дней (Ud. v. 17 *ben .V. di*) не еда а ни пиѣ, и почалъ крычати: *О мати, маеш великий грѣхъ иж ма хочеш такою смертью уморыти* (Ud. v. 19—20 *Ai, mia mier, tu fa torto e peçié, Che a cotal morte tu me fa transuer*). И ѿна тое учувшы, не могла стерпѣти и позвала ѿдну дѣвку и дала ей велми злую трутизну и рече: *Замеси у тесте, испечы ѿдин хлѣбець* (Ud. v. 29—30 *E del plu malvasio tosego che se posa trover Tuto lo pan avrì ipenpreger*) и понеси моему сыну Бову и мов ему: *Поздоровлаеть та matka и велела тобѣ мовити: За жалост, которую маю со смерти твоего ѿтца, забыла есми тебе, и коли доростеш, дам ти твоего ѿтца зброю и конь* (Ud. v. 33 слѣд. *E diséli che de la morte de son pier son fost desconsolé, Che io de luy non m'ò arecordé. Quando le serà cresuto e fato civaler, Le raxon de son pier averè a doner, E da mia parte l'averè a saluder*).

Далѣе венеціанскій и русскій тексты снова идутъ рядомъ: взявъ въ «ѿбрусѣ» (*toaia* 308; Ud. v. 38 *tovaia*) два хлѣба съ «трутизною» (310 *tosego*; Ud. v. 40 *id.*)¹⁾ дѣвка идетъ въ комору (311 *camara*; Ud. v. 41 *canbra*) къ Бовѣ, за нею двое голодныхъ щенятъ (*cani* 312; Ud. v. 42 *livrer*); она повторяетъ слова матери, даетъ Бовѣ хлѣбъ (не два хлѣба), пошла, но одумалась: ей жаль мальчика; вернувшись, она велитъ ему не ѣсть отравленнаго хлѣба. «Дам ми скибу» (*Lo pan me dona' 334*; Ud. v. 65 *vianda*), говоритъ ей Бово, *разрѣзалъ одинъ хлѣбъ пополамъ и даетъ двумъ «выжламъ»* (въ венец. и удинскомъ текстѣ опытъ сдѣланъ лишь съ однимъ *livrer*)²⁾, у которыхъ отъ того «ѿчы выскакали». — Бѣгство Бовы; переводчикъ принялъ *placa* за *palaco* и перевелъ: «вышелъ с коморы у пани, а с палацу побѣгъ из замку» = 344 *Vene ala sala, de fora scanpà — E in la*

¹⁾ Въ тосканскомъ текстѣ (= франко-италианскомъ), найденномъ Райной: *uno ravone atossicato e una schiacciata e uno bottaggio di vino*.

²⁾ Въ тосканскомъ (= франко-италианскомъ) текстѣ Райны: *una segugia*.

*plaza algun poi contrastà*¹⁾. Онъ скитається въ теченіи трехъ дней въ великомъ «лугѣ» = 349 *gran bosco* (Ud. v. 81 id.); «я увиделъ одно пристанище у моря и пошелъ къ тому *пристанищу* на берегъ моря» = 354 *è conto su la riva del mar* (Ud. v. 86 *rivaço*) какъ и въ Тристанѣ *riva* часто переводится пристанищемъ. Бово молится: «Боже дай мнѣ милостъ (358 *O Dio, deme graçia*; Ud. v. 90 *iutorio*) абыхъ утекъ зъ моимъ жывотомъ и мстилъ быхъ смерти отца своего. И смотрѣлъ на море и увиделъ одно судно на моры и не могъ са докликати ихъ» (иначе 361 *E vete una nave che no po plu avanti andar*; Ud. v. 92 *che non po avanti alier*) И увидѣлъ его одинъ «морнаръ» (362 *Un de li marineri*); сорокъ (366: *XXX ani*; Ud. v. 97 id.) лѣтъ ходилъ онъ этими мѣстами, никого не видѣлъ «кромъ одно двое скота а одного лва» (368 *Se no bestie salvaxe e lion afamà*; Ud. v. 99 *bestie salvaxe e lion abrevé*); посмотримъ, что то за дитя: «если будетъ хрестанин, можемъ его взати, а коли поганинъ (372 *saraxin*; Ud. v. 103 id.; сл. далѣе венец. 378: *E' tu cristian, saraxin o pagan* = хрестанинъ або ли поганинъ; Ud. v. 109 *se-vu cristian o pagan d'oltra mier*), мы не берымо». Бово говоритъ, что онъ хрестанинъ, отецъ его «млынаръ» (382 *pestrinar*; Ud. v. 111 *pestriner*), а мать кормится тѣмъ, что моетъ на богатыхъ людей кошули; восемь дней какъ онъ заблудился, ничего не ѣлъ и не пилъ (383 *L'altro di con ley me sogosa', Ven è VIII çorni no bevì nè mança'*; сл. Ud. v. 114—115)²⁾. Морнары берутъ его съ собою и ашли

¹⁾ Ud. v. 75: *E de for dela canbra Bovo si sen vien, E vient a le plaza li nobel bacalier, E non trova chi li fese destorbier*; въ тосканскомъ (= франко-итальянскомъ) текстѣ Райны: *escie dalla torre.... E dipoi guarda per lo palagio e non vide persona; partisi e venne giù del palagio; e smontato ch'ene, vassene per la cittade.*

²⁾ Сл. тосканскій (= франко-итальянскій) текстъ Райны: «*Messere, io mi fo chiamare Agostino. Mio padre fu fornaio [e] mia madre lavava panni a prezzo. E sono della valle di Pinzona, [e] mio padre mi fue morto, [e] mia madre mi volle avelenare. E fummi morto mio padre, ed io era piccolino. Io mi fuggi'.*» Въ другомъ мѣстѣ объ отцѣ онъ говоритъ: *si guardava un mulino e faceva pane a vendere; въ третьемъ мѣстѣ онъ названъ: pistoriere; въ четвертомъ: mugnoia [e] fornaio.*

по другому мору» (389 l'alto mar, Ud. v. 120 alto mer, какъ будто: l'altro); Бово похорошѣлъ, «лѣпшое дѣла не могло быти на вѣки». Сл. v. 393:

Lo fant' è plu belo de roxa de pra.
 Elo à li caveli plu beli d'or filà,
 Le braçe grosse, lo pugno quarà,
 Granda l'inforcadura per in destrer ben star.
 Plu bel fante no se poria trovar.

(Ud. v. 124: Li fant vien plu belo de rosa de pre, Li cavés abondi, quant oro smeré, Li braç grosser e li pugno inquaré, La forcadura grande, ben staria in destrier: Li plu bel fant che may nasé de mier). «Служы мнѣ за страву» (399: al mançar; Ud. v. 130 mançier; далѣ «пры ѿбыде»), говорить ему одинъ морнаръ; служи мнѣ, говорить другой, я первый тебя увидѣлъ. Они готовы поссориться и подраться, но Бово заявляетъ, что раздѣлить между ними свою службу; «добре мовитъ» (407 El' à ben parlà; Ud. v. 140: parlé), говорятъ они. — Судно пристае къ Арменіи (Armenia; Ud. v. 142 Arminia), гдѣ царствуетъ король Арменіи, здѣсь не названный въ венеціанск. текстѣ; сл. далѣ 564 Arminion (Ud. v. 172 Arminion) и въ 8-а rima: Un re che Erminio si facea chiamare. Его появленія на берегу и торгъ съ морнарѣми, у которыхъ онъ покупаетъ Бово за «двадцать литръ злота» (435 Trenta marche d'oro = Ud. v. 170; въ 8-а rima: cento bisanti) разсказаны въ обѣихъ текстахъ съ небольшими отличіями; переводчикъ передалъ nave 413 = Ud. v. 147 словомъ «древо» (ит. legno), proda 412, 415, Ud. v. 150 nive = судно, la nave armicà 421, Ud. v. 156 = «судно къ берегу прытагнули»; король спрашиваетъ у морнарѣвъ о Бовѣ: «чы з вашого города?» (429 del vostro parentà; Ud. v. 164 de vostro barné), а къ нему обращается съ словами: Храбрыниче, храбрэниче = 438, 442 (сл. 464) valetto, очевидно по смѣшенію съ valente (Ud. v. 173 Fant; сл. v. 177). Король дивится красотѣ Бово: «O святата Марыа, бы ты был з моими дворенни або з моими

хлопаты!» — 418 Santa Maria, lo Re si parlà, Mo fos'tu mio scudero e de mia fameia (сл. Ud. v. 153—4). «А коли было такъ, такъ писмо говорить, был Бово чотыры годы у конюшни служечы машталеромъ» = 445 *S'el' è cossi vero como dixè lo cantar*, Ben .III. ani stete Bovo in Armenia la cità (сл. Ud. v. 180—2). Всѣ говорятъ о его красотѣ, хочеть видѣть его и дочь короля Друзиана.

452 La çentil dona un dixenar à ordenà;
 A ben. LX. done ela à fato apariar.
 E Druхiana su per la sala andà;
 Baroni e cavalieri per ley se driçà,
 Medeximo so pare in piè se levà.
 «Fiola, diss'elo, que te plax comandà?
 'El no è toa uxança de vegnir qua».
 «Pare, disse Druхiana, eo vel voio contar.
 A done ben. LX. e' don dixenar.
 Ele son bele, servidor mester li fa»
 «Fia, disse lo Re, to'ne a toa voluntà».
 La dona andè da Bovo, sì lo domandà:
 «Valeto, deli altri fanti con ti menera'
 De fin a. XX., sì m'averi servir e apariar».
 Bovo respoхе: «A vostra voluntà».
 «Fanti, disse Druхiana, vu me servirì al mançar».
 «Ma-dona, disse Bovo, sì come vu comanda'».
 Po' li diè del'aqua, ele se asentà.
 La dona no po niente mançar,
 De guardar Bovo no se po saçiar.
 In le soe man un pane ave piar
 E un cortelo ch'è ben afillà:
 Per grand' ira del pan volea taiar.
 E lo cortelo de man in terra andà,
 Soto la tola ello rodolà.
 Allora Bovo si se plegà
 Soto la tola per lo cortelo piar.
 S'el è cossi vero come dixè lo cantar (сл. Ud. v. 187—214).

Русскій и удинскій тексты восполняютъ слѣдующую лакуну:
 «племенада Друженна» (Ud. v. 215 la çentil dona) нагнулась
 подъ столъ и поцѣловала Бово. Вся эта сцена разсказана почти

также, какъ въ италіанскомъ, за вычетомъ нѣкоторыхъ эпическихъ повтореній. Не переведено 469 (какъ и 1491): Po' li diè del' aqua, потому ли, что переводчику непонятенъ или неизвѣстенъ былъ этотъ застольный обычай, общее мѣсто всякаго эпическаго описанія западнаго обѣда? Вѣрно, по крайней мѣрѣ, что встрѣчая общее выраженіе «*dar dell'acqua alle mani*», онъ его обходилъ, тогда какъ подробное описаніе обычая (v. 2430 слѣд.) онъ перевелъ точно ¹⁾. Съ *племендой Друженной* мы встрѣчаемся въ первый разъ; объясненіе даетъ далѣе «*племенда панна*» = 535 *La gentil dona*; племенда — испорченное сербское *племенита*.

Послѣ обѣда Друженна идетъ въ свою ложницу (Ud. v. 225 *vol alier a la çanbra ponsier*) и посылаетъ за Бово; пытается его о его родѣ-племені; онъ говоритъ о себѣ, что говорилъ и королю; она не вѣритъ, «*бо парсуна твоя того не вказуетъ*» (Ud. v. 244 *Fiç a putan, dit ela, vu non di verité, Che non te loda lo servir ni l'afer*). Онъ просится у нея поѣхать въ поле, по траву конямъ; возвращаясь оттуда съ вѣнкомъ изъ травъ на головѣ (Ud. v. 253 *çirlanda*), видитъ подъ городомъ войско Маркобруна (Ud. v. 258 *Marchabrun che Polonia mantien*), приѣхавшаго свататься за королеву (Ud. v. 261 *Ch'è vegnù per Drusiana per muier*)²⁾; сама «*племенда Друженна*» смотритъ на турниръ, на которомъ бьется Маркобрунъ³⁾. Захотѣлось поѣхать туда и Бово: онъ проситъ у одного витязя его щитъ, «*хочу людемъ чынити смехъ*» (Ud. v. 274 *tarçe*; v. 272 *E de quela çostrà l'oit gran volonté*; сл. v. 276), вмѣсто копья беретъ въ руки жердь (Ud.

¹⁾ Объ этомъ обычаѣ сл. Zeller, *Die täglichen Lebensgewohnheiten im alt-französischen Karls-Epos. Marburg 1886*, стр. 38 и слѣд.

²⁾ Сл. тосканскій (= франко-италіанскій) текстъ Райны: *Questi sono signiori, ciò i rè Marcabruno che viene d'Apollonia per volere bigordare, che al tutto vuole Drusiana per moglie*.

³⁾ Сл. Ud. v. 264 слѣд. *E la çostrà è fata per ordenamento tiel, Che Drusiana ali balcon diè ster A veder la çostrà deli baron civaler. E quand la jentil dama non vorà plu garder, Ela si diè far un corno soner, E li baron si diè tuti quanti desarmer*. Сл. прим. Райны.

v. 281 stanga; здѣсь снова начинается венеціанскій текстъ), выбилъ изъ сѣдла нѣсколько конныхъ пахолковъ и заѣхавъ «у великии турнай» (487 in la maçor pressa = Ud. v. 289; сл. вен. 590 En la pressa = у бой) сбрасываетъ самого Маркобруна, но снова сажаетъ на коня. Маркобрунъ опечаленъ¹⁾; рыцари «розобрали са» (499 se desarmà), а Бово, отдавъ щитъ его хозяину и прислонивъ жердь къ воротамъ, откуда ее взялъ, идетъ, все въ томъ же вѣнкѣ, въ конюшню отдохнуть; «а парсуна его была лепшеняжли «дин цвѣтъ» (512 fior de pra; Ud. v. 316 rosa de gre). Къ нему приходитъ Дружна, проситъ дать ей вѣнокъ «абых его ствоее ласки носила; и рече Бово: Панно, не добре мовиш и велик грѣхъ маеш (516 vu di' torto e viltà; сл. Ud. v. 320), коли ты сакни венец хочеш «т мене носити». Она бранитъ его (курвыи сыну = 523 Fiol de putana), грозитъ пожаловаться отцу, что онъ хотѣлъ учинить ей насиліе; Бово бросаетъ вѣнокъ (не могъ инакъ учинити = 530 el non po altro far). Она этимъ недовольна: «Дан ти богъ зло, курвинь сыну» (538 Dio te dia mal, fiol de puta gadal; Ud. v. 342 Fiç a putan, Dio te dun ingonbrer), говоритъ она и повторяетъ прежнюю угрозу, если онъ не возложитъ ей вѣнокъ на голову. Бово это дѣлаетъ, «не могъ инакъ учинити» (541 po po altro far); она его цѣлуетъ.

Въ это время пришли изъ-за моря сарадины, съ ними Лукаперъ, «великого солдана сын» (549 El soldan di Sadonia e Lucafer soa rità; 559: Lucafer de Boldras; въ Nuovo in 8-a rima ss. III—IV: Boldrace, но въ с. XXII: Sandonia), проситъ за себя Дружны. Армениль отказываетъ и вмѣстѣ съ Маркобруномъ бьется съ нимъ. Въ поединкѣ съ Лукаперомъ онъ «страфлялъ его под щит и не мог ему зашкодити, бо щит был добръ, але гвоздь выпадало, а копє са зламало» (570 So scu è sì bon, non

¹⁾ Сл. Ud. v. 295 слѣд. E Marchabrun si fe soa çant clamer, E fe adober ben .c. civaler. E un conseio oit fato clamer: «E al ferir dele lançe si l'avrì atuer, E çascun me le faça trabuçer del destier, O morto o vivo me le façe alier». E la bela Drusiana ali balcon est aruçé E vit li conseio de Marchabrun l'inperer; Amantimente fi le corno soner. In quella fià si parte l'inperer e Bovo li ber.

po falsar niant, L'asta è rota, lo torson vola al canp). Тоже случилось и съ Маркобруномъ, который ударилъ Лукапера «у щыгъ позлоцон (583 ad or smerà; сл. 705) и не могъ его пробить, а копье зламал» (585 L'asta se ronpe, lo torson vola al pra). Армениль и Маркобрунъ взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Бово, услышавъ конское ржаніе, взошелъ на «одинъ кганокъ (595 A una fenestra Bovo se va ароçant), увидѣлъ «гѣрбъ» (insegna) сарадинскій и армянскій; взошелъ на «стену бронную» (598regon) и узнаетъ отъ одного хлопца (599 damixelo), что случилось съ Армениломъ и Маркобруномъ (таки-съ добрыи Маркобрун = 604 Marcabrun l'amirant). Бово идетъ въ конюшню, находитъ тамъ Дружнену, которой говоритъ, что ея отецъ и «паницъ» (608 chi ve dovea srexar) взяты въ плѣнъ. Мы затворимъ городъ, «ты будеш панства сего корону носить» (612 De tute ste contrade corona averi portar), говоритъ она ему. «И ѡн рече: Иѣкъ то може чоловікъ учинити, коли его пан за пѣнези купил на роботу? Але ѡдначе мушу там быти» (неясность русскаго текста восполняетъ италіанскій: 614 Madonna, disse Bovo, que se po l'omo arpxiari, Quando lo so signor lo conpra per dinar, Se ale behogne noi va aydar?), пойду съ оружіемъ, или захвативъ вмѣсто него «одно великое древо» (619 un gran baston quarado), пѣшій или конный. «Ты пѣшъ не поидешъ», говоритъ ему Дружнена, — «хочу тобѣ дати зброю (и доброго коня) Гальца, и дам ти добрыи мечъ кглядэнцью, который былъ доброго Аливера, и хочу ти дати доброго коня, которого лепшыи не можетъ быти: ѡн былъ ѡдин ѡт чотырох, и не могла на немъ жаднага душа ехати».

622. Ela disse: Tu non andarè desarmado:
 Dele arme delo Re Galaço tu serè armado,
 Si te darò Chiarenza, lo bon brand amolado,
 — Po' fo Alteclera d'Oliver l'aprexiado —
 Si ve darò Rondelo, lo bon destrer asortado,
 Mior de lu no fo mai trovado:
 El fo de li. III. l'un chi fo afadado.

Lo cavalo è sì fato e sì norigado,
 Ch'el nol po cavalcar hon nado,
 S'elo no è chavalier e fiol de Re incoronado.

Многія подробности и намеки этихъ стиховъ, могли быть не поняты переводчикомъ, который довольно близко, за опущеніемъ одной черты, передалъ описаніе вооруженія Бово:

634 Alora Bovo veste l'usbergo, le ganbere calçà,
 Alaçà l'elmo e in gran arçon montà;
 La bona spada al colo se çità,
 Lo forte scudo elo inbraçà,
 La grossa lança elo inpugnà.

«И убрал са Бово у зброю и взложилъ гелмъ на главу, а добрыи мѣчь ущепилъ на шыю, и взялъ щытъ на плечо и копье в руки». На вопросъ Дружныны, почему онъ «са мечомъ не ѡпасалъ», онъ говоритъ, что еще юнакъ, а не витязь. Тогда она велитъ ему слѣзть съ коня: она — дочь «короля коронованого, а у венцы есми корунскомъ» (646 Eo son fiola de Re e de Raina incorona'), можетъ поставить его «вitezемъ», но для того ей нужно знать его «родину» (651 parentà). Бово говоритъ, что онъ сынъ короля (653 dux honora), который «держалъ добрыи городъ Антонию» (654 mantene.... la mirabel città). Она рада, что онъ не худородный, даетъ ему «заушницу» (661 una gran golta'), опоясала мечомъ и говоритъ: «Не ѡбцуи же з лихими и зрадливыми» (663 Tradimento ni felonia no uxar). Она «ѡблапила» его (664 Braço al colo li città), а въ это время входитъ Игулинъ (въ другомъ мѣстѣ: Агулинъ = Ugolin), что носилъ «хоруговъ» (592 confalon) Арменила, упрекаетъ дѣвушку: «Курво, дай ти богъ зло (670 Putana,.... Dio te dia mal afar), што чы чыниш, а твои ѡтецъ пойман и Маркобрунъ, который та хотѣлъ понати.... Але коли ѡни с темницы втекутъ, и ѡни та сотнуть» (675 te farò bruxar). Разгнѣвался Бово, ударилъ его въ «стегно» (677 lo costà), такъ что тотъ упалъ съ коня, и разорвалъ ему одинъ рукавъ (679 E un de li braçi li fè scaveçar).

Дружна велить 400-мъ коннымъ ѣхать за Бово, «штыбы инакъ не было» (682 *Eli ne va, ch'eli no po altro far*), наѣхалъ на сарацинъ; Лукаперъ велить ему ѣхать назадъ: Дружна не твоя, дай мнѣ Арменію безъ кровопролитія и увѣруй въ «Магомета» (695 *Mason*). «Мысль та заводить» (697 *lo penser te falà*), говоритъ ему Бово; «заболъ коня» (700 *broçà*), пробилъ щитъ Лукапера, «бенди ѡпали» (706 *lo usbergo li desmaia*), копье прошло въ сердце. «Бийте юнацы свободно» (710 *feri, franchi baron*), кричитъ онъ своимъ и съ помощью людей, высланныхъ Дружною изъ города, побиваетъ всю сарацинскую рать. Убѣжалъ лишь одинъ старый сарацинъ, «Бог дай ему лихо» (721 *Dio li dia mal afar*), что «тры копа у хрыбте» (723 *in lo cogro*) ѡтнесъ. Прибѣжавъ къ «солъдану», онъ сообщаетъ ему о смерти сына. Султанъ бѣжить на кораблѣ, «а другіе сарацѣни почали бѣгати гдѣ хто могъ» (741 *in galia intrà, Coli rayn se messe a scaupar*). Бова нагналъ ихъ на «прыстанищѣ» (744 *riva del mar*), убилъ (745 *fè anegar*) болѣе 20-ти тысячъ, затѣмъ, вернувшись, освободилъ Арменила и Маркобруна. «И кроль Арменила пошел за сарацѣны, абы са помстилъ, и зашел з другого мора и погубилъ всихъ, которые были на прыстаницы» (750 *Lo re d'Armenia se vol vendegar, E va a ferir in rayn d'oltramarg. Morti fo ray'afoga quelli chi in la nave intrà*). Арменилу Бово говоритъ, что тотъ купилъ его за тридцать литръ злота (758 *trenta marche d'oro*), а онъ возвращаетъ ему на каждую литру сто (759 *plu de mile*).

Побѣдители возвращаются, Дружна смотреть на нихъ «стоечы на кганку» (764 *ali balconi*), выходитъ на встрѣчу отцу, говоритъ ему, чтò узнала о Бово, какъ поставила его рыцаремъ; «Мои ласкавыи ѡтче» (778 *Bel pare*), дай ми его за мужа». Король и самъ о томъ думалъ; но является Агулинъ и говоритъ: «Кролю пане дадку» (781 *Barba*), и мене Бово ударылъ у стегно и нагавицу ми раздрал (782 *un braço me scaveçà*), *тз хочу с ним умрети и мовлю то, абы ѡн не былъ витеземъ*; отдай дочь за Маркобруна, а за Бово мою сестру; *з витезем Бовом тз хочу*

бити са, але не вемъ, если он похочеть». Сравненіе съ италянскимъ текстомъ показываетъ, что сербскій переводчикъ точно передалъ его, бѣлорусскій невѣрно прочелъ одно его слово, что повело его къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ по смыслу. Ст. 783 *Con lui si me voria acordar. Io nol digo perch'elo no sia chavalier aprixia....* 791 *Colo valetto Bovo me voio acordar, Eo no so s'elo lo voia far. De Bovo tradimento à pensà*. Въ сербск. текстѣ могло стоять; я хочу с ним *умирити* (сл. 1431 *Eli si acordà de saminar*, гдѣ *acordar* понято въ смыслѣ помириться: «*змиришы* Бово. Ст. 1525 *acordà = зъеднать*) и не мовлю то» и т. д. Бѣлорусскій пересказчикъ прочелъ вм. *умирити* — *умрѣти*, и согласно съ этимъ замѣнилъ въ ст. 791 *acordar* словомъ *битиса*: сдѣлать это онъ могъ тѣмъ легче, что ст. 793, въ которомъ готовность къ примиренію является предательской, могъ и не быть переданъ сербскимъ переводчикомъ.

Всѣ витазы разбѣхались каждый до своей «господы» (795 *oster*), Бово ушелъ спать въ комору (797 *самага*), а Агулинъ собралъ 60 юнаковъ и «запрысегалъ ихъ на эвангелии» (803 *fè curar e sagramento far*), чтобъ они убили соннаго витязя. Они пришли къ нему, онъ лежалъ прикрывшись «колдрю» (въ соотвѣтствующемъ итальянск. стихѣ этого слова нѣтъ, но въ 798 *contre de cendado*; 811, 821: *coltra*), при немъ мечъ и сбоя. Агулинъ «скрылъ» (811 *levà*) съ него колдру, говоритъ юнакамъ: «Верните са шпат, можем его потом убить» (814 *Vegnì oltra, signori, sil'averemo taiar. Oltra* понятно какъ *altra volta*, откуда и непонятно *потомъ*), но они боятся къ нему приступить, и Агулинъ оиять его «шпрунулъ» (821 *la coltra adosso li ritornà*) и возвращается въ палацъ. Одинъ старикъ говоритъ ему: «Я есмь твой человекъ» (825 *Eo son vostro hon*), могу тебѣ помочь: «я велии парсуною къ королю трафил са» (826 *Co lo Re eo son d'un teprogal*); лягу въ коморѣ, будто король, а ты вели послать мнѣ Бову и «справ лист (837 *breve*) до солдана», съ которымъ я и пошлю Бово; а султану напиши «поздровлене и прыазнь» (838 *salù e amistà*) и чтобы съ послан-

нымъ онъ сдѣлалъ, что хочетъ, ибо это Бово, убійца Лукапера. Бово идетъ на аудіенцію къ мнимому королю, который велитъ «поздоровить» (854 *saludar*) султана; пусть проститъ ему смерть сына, какъ онъ прощаетъ ему гибель своихъ людей. «Могу-ль понести зброю зъ собою?» спрашиваетъ Бово. «Не треба, поедь на иноходнику (864 *No andi vu, a palafren andar?*). О боже небескии, и того Бово ничего не познал, а панна Друженна ни корол того не вѣдали! И Бово поехал. А коли такъ было, тѣкъ писмо говорить (867 *S'el' è cossì vero como dixè lo cantar*), ехал витезь Бово тры дни ни еда ни пиа, кром зѣльа и корена што по земли ростет (869 *per li grà*). О боже сватаа Мариа, matka божя, прыими Бова иж велми у злую дорогу входит! (870 *Au Dio, disse Bovo, Santa Maria mar — Quando io camino, mal trovo da mançar*). Видить, подъ дубомъ (873 *oliver*) стоитъ «богородникъ» (873 *palmer*), передъ нимъ «бохон хлѣба и вино» (874 *rap e vin e carne assa'*). Бово проситъ у «пельгрыма» (879 *palmer*) раздѣлить его трапезу; тотъ соглашается, но подаетъ ему «збанокъ» (881 *botaçò*), въ которомъ было вино, смѣшанное съ зельемъ (886 *арохона*). Выпивъ его, Бово спитъ непробудно въ теченіи пяти дней, а богородникъ уноситъ его мечъ, сѣлъ на его коня, а ему оставилъ своего «подъездка» (893 *mul*). Когда Бово проснулся, началъ сѣтовать: «то есми у злыйи час рожон!» (900 *mal passì de mar*), подъездокъ не можетъ поднять его, и «небог Бово» (905 *li ber Bovo*) идетъ пѣшкомъ «день и другии» (907 *D'un çorno in altro*) и дошелъ до города Задоніи (908 *Sadonia*), «увидел солъданъ на кранку (912 *ali balconi*) стоечы и бороду скубучы (913 *E con le man la barba se tirà*), велми плачучы» о своемъ недавнемъ пораженіи. Бово привѣтствуетъ его: «Ваш панъ Махомет ховаетъ великихъ и малых, которые суть в том городе, а звлаща цара солъдана» (922 *Macometo, ch'è vostro signor princìpal, Salve e garde picòli e grandi de-sta cità, E sovra tuti li altri lo signor Soldan*). Онъ говоритъ ему о своемъ порученіи, подаетъ письмо; услышавъ его содержаніе, султанъ «почал смотрети у виденэ (941 *el vixo*) Бову: та та мало

могу любить (942 poco te posso amar), што ты моего сына Лукапера убил; а хто тебе сюда послал, не маеть та ни за щдин пѣвезь» (944 dinar). Онъ велить своимъ юнакамъ (945 baron) схватить его, Бово убиваетъ кулакомъ одного сарацина, но ему завязали назадъ руки, глаза повязали «хустой» (950 una peça) и велятъ 400-мъ сарацинамъ (954 plu de mile) вести его «до шыбеницы» (953 ale forche). Дочь султана, Малгарыа (955 Malgaria), говоритъ отцу, что Бово добрый витезь, лучше его не убивать, а склонить къ магометовой вѣрѣ, будетъ кому по смерти султана держать его царство. Она сама идетъ, чтобы вернуть его: «и щни вернули, инакъ не смели учынити» (975 non olsa altro far). Самъ султанъ предлагаетъ Бово измѣнить вѣрѣ, жениться на дочери и быть его наслѣдникомъ, государемъ «болшь тридцати городов» (983 de XXXII città). Бово отказывается: онъ не хочеть «Господа Бога щоставити и панну взати, которая у твоєи земли росла» (988 Ni ch'io tolesse dona a sto mondo na, — Per amor de Druxiana, ch'io posso tanto amar). Султанъ снова хочеть повѣсить Бово, но дочь просить отдать его ей, она посадить его въ свою «турму» (1000 tore) и обратить его къ Магомету; «а таа турма была болшеи сорока ступеневъ въ шырки» (1001 Plu de XL. piè è la tore fondà), въ ней ящерицы и змѣи (1003 bisse e serpenti). Черезъ пять дней царевна понесла Бову бѣть и пить, «и видел Бово у турми щдну змею, и просветила таа; щн щзрѣв са и увидель ув-угле мѣчь, которые тутъ щт давнихъ дней стоимль, и взалъ тотъ мечъ» (1013 Quela spada per antigo tempo li sta; Quando la tore vegnia ben guarda', De cristiani fo tuta plena ça). Онъ замышляетъ убить Малгарію, но та говоритъ, что пришла спасти его, и спустившись къ нему внизъ (черта, исчезнувшая въ нашемъ переводѣ, ибо глубина башни замѣнена въ ней шириною), снова принимается уговаривать его взять её за себя: «щуднейшее панъны над мене не знаидешъ» (1031 Plu bela dona de mi no po'trovar. Ve'como io so blancha como flor de pra). Отказъ Бово такъ разгнѣвалъ дѣвушку, что она «за малымъ не поведала щтцу» (1042 Poco de men nolo disse a so par), но

одумалась: «Если повѣмъ, они велить его обесити, и не буду его мѣти у своєї коморе. И пошла от него». Переводчикъ не понимая итальянской фразы, перенесъ и знакъ препинанія: 1045 *Po'nolo porò may rescatar. Ala soa camara ela indrio tornà*. По венеціанскому тексту Бово сидитъ въ тюрьмѣ годъ и три мѣсяца, послѣ чего султанъ велитъ снова привести его къ себѣ, чтобъ допросить. Въ переводѣ это рассказывается (вслѣдствіе пропуска; сл. далѣе), какъ совершившееся тотчасъ по посѣщеніи Малгарин: двадцать сарацинъ посланы за Бово, зовутъ его: «Гдѣ ты темничнику?» (1060 *grixoner*). Семь человекъ спускаются къ нему, за ними другіе семь; онъ ихъ перебилъ, «всѣлъ на коловоротъ» (1082 *monta su la tola*), когда оставшіеся сарацины его вытянули, убиваетъ и ихъ, кромѣ одного, который ушелъ и «почалъ верещати» (1088 *cridar*) о бѣгствѣ Бово. За нимъ пускаются въ погоню два «дадковичы» султана (сл. далѣе 1104 *nevo del Soldan*), «братеники» Транкацын и Абрам (1095 *Troncatin e Abraun, intranbi era fra; Bovo in 8-a rima c. V, st. 17: Abraino, Turcino*). Бово бѣжитъ «подемъ» (1098 *per lo palazo sen va; A salto a salto esse fora dela città*), Абрам за нимъ; Бово убиваетъ его, вскочилъ на его коня, а далѣе расправляется съ Транкацыномъ, желавшимъ «осветити (1119 *vendegar*) смерть брата своего».

Добѣжавъ до морского берега, Бово проситъ торговцевъ, которые уже собирались «удопъхнути са», взять его къ себѣ: онъ христіанинъ, годъ и три мѣсяца просидѣвшій въ темницѣ у султана; «хочу поити у святое крещеніе» (1137 *in santa cristen-tade voio andar*). Они берутъ его, но въ это время прибыли къ морю сарацины, требуютъ султанскаго плѣнника. Купцы хотятъ его выдать, но Бово отрубилъ одному изъ нихъ голову, другіе просятъ его: «Пане, не чыни зла» = 1154 *Meser, diss'eli, no ne fa algun mal* (слѣдуетъ въ венеціанскомъ текстѣ лакуна въ три листа), они повезутъ его, куда онъ хочетъ. Онъ велитъ идти въ Арменію, но вѣтеръ ихъ не пустилъ. На другой день Бово узнаетъ отъ одного рыбака (сл. во 2-мъ изъ удинскихъ отрывковъ ч. 348: *Pescier de bon aira, dist Bovo li ber, Che tera è*

questa?), что они вблизи города Монбрада (Ud. v. 351 Monbrando), въ которомъ царить Маркобрунъ и въ этотъ день будетъ праздновать свою свадьбу съ дочерью Арменила, Дружне-ной. «А коли она тутъ с нимъ приехала, она просила его, абы не спал с нею до году; для того она учинила, покул Бова забудет (Ud. v. 357 E quando li rois Marcabrun la oit mené, Ela lo fe plevir e çurer Dechia un ano conpli e pasé Ch'elo non l'averia a toçer, Per amor de Bovo che la po tanto amer). Крол на томъ еи шлюбил, а то вже от того дна до нынешнего, дна годъ». Бово просить рыбака отвезти его на тотъ пиръ, «бо не можетъ лепшого скомороха над мене быти» (Ud. v. 367: Mior çupler de mi non se po trover; Buovo in 8-a rima, c. V, st. 38 Io so dir folle per ogni ragione), велить купцамъ дать рыбаку двадцать литръ золотомъ за рыбу (Ud. v. 371: XXX marche d'or clieg), и самъ даетъ, что было въ «калитѣ», «пять болванцовъ золотыхъ» (Ud. v. 376: V besanti d'oro; въ 8-a rima c. V, st. 40 cinque bisanti). Но какъ войти въ Монбрадъ въ «золотыхъ шатахъ»? Его узнаютъ. Онъ просить у одного богорадника, стоявшаго подъ дубомъ (Ud. v. 393 E sot un rin vit çasir un palmier), помѣняться съ нимъ платьемъ; когда тотъ отказалъ, онъ «възвернулъ ему гуню на голову» и увидѣлъ подъ нею свой мечъ «кгларенцью», узналъ и въ пилигримѣ того, кто опонялъ его. Онъ хочетъ съ нимъ расправиться, ударилъ его «больдицою и тым ударомъ пробилъ ему тры ребра» (вен. 1155 Che .II. de le coste in corpo li spreçà. Снова возстановляется соотвѣтствіе съ венец. текстомъ). Тотъ просить: «Пане, для бога не вчини ми зла, дам ти одно зѣлье бѣло какъ снѣгъ (1159 radixe, 1161 lo plu blanco che se possa trovar), а хто бы са имъ умылъ (1162 fregar), будет чорный какъ уголь (1163 çun' agrament stenprà); и еще ти дамъ другое зѣлье: хто бы его размешавши з вином хотя мало укусилъ, три дни (1167: V. di) не пробужал са будет спал». Взявъ зелья и разодраныя «свиты» (1173 drapi) пилигрима, Бово подпоясалъ мечъ подъ «гуню» (1175 sclavina), натерся зельемъ и сдѣлался чер-

нымъ (1177 *Plu negro de mora*). Трое горожанъ, стоявшихъ въ «одномъ угле» (1180 *canton*), дивуются росту пилигрима, который говоритъ, что онъ изъ Франціи, спасся отъ кораблекрушенія (пропускъ 1-го листа въ венец. текстѣ) и проситъ дать ему что нибудь «за милость доброго витеза Бова». Одинъ изъ горожанъ ударилъ его за это: Развѣ не знаешь ты здѣшняго «обычай» (далѣе 1216 *обычай = bando*), то-есть приказа, не поминать имени Бово? Онъ рассказываетъ о предстоящей свадьбѣ Маркобруна и Дружнены и велитъ идти въ «палацъ», куда всѣ званы къ обѣду и всѣ подадутъ ему. Бово идетъ на кухню и снова проситъ «за милость доброго витеза Бова». Одинъ «кухарь» ударилъ его за то горячей головнею, Бово убилъ его, ударилъ и другого, остальные разбѣжались (снова продолжается венец. текстъ). Онъ идетъ на палацъ (1191 *per me'la sala*), одинъ дворянинъ (1192 *un de quelli dela corte*) упрекаетъ его въ убійствѣ кухаря: «Данъ ти Богъ зло» (1193 *Dio mal te darà*). «Не менъ ми за зло» (1198 *no'abiè per mal*), отвѣчаетъ Бово, объясняя, какъ было дѣло. Дворянинъ совѣтуетъ ему пойдти въ комнату, гдѣ сидитъ Дружнена съ паннами, и попроситъ у нихъ «про богъ» (1203 *si domanda carità*). И здѣсь, склонившись на «посохъ» (1208 *bordon; Ud. v. 399 id.*), Бово проситъ той же формулой. Какъ услышала то Дружнена, подошла къ пилигриму, спрашиваетъ, гдѣ онъ видѣлъ Бово. Онъ отвѣчаетъ, что сидѣлъ съ нимъ въ темницѣ у султана. Въ это время конь Бово узналъ по голосу своего хозяина, чуть не сорвался съ семи цѣпей и заржалъ сильно, «мало са весь градъ не рострасъ» (нѣтъ въ ит. текстѣ); «онъ былъ съ чотырохъ наболшыхъ, которые у граде хованы» (1226 *El fo de li .III. l'un chi fo afadà; Ud. v. 418 El fo de li .III. l'un che da Dio for fadé*). На вопросъ Бовы Дружнена рассказываетъ ему о немъ самомъ, между прочимъ о томъ, какъ она, «злочастица» (1241 *topina; Ud. v. 433 id.*), поставила его рыцаремъ, какъ онъ бился съ Лукаперомъ «поганимъ» (1243 *lo genegà*) и затѣмъ исчезъ не извѣстно куда. Того коня, котораго она подарила Бово, она привела съ собою; принесла также и его

сброю (1231 прибавляетъ: *Afora Chiagença, lo bon brand amolà; Sl. Ud. v. 423 Ceto Clagença, li bon brando d'acel*); что она за Маркобруномъ, на то воля отца, не ея, по Бовѣ она до сихъ поръ неутѣшна (слѣдуетъ въ венец. текстѣ лакуна въ 3 листа) и тотчасъ бы пошла съ нимъ, еслибъ онъ явился: для того я взяла съ собою его сброю и коня, который не даетъ себя повести ни одному чоловѣку, кромѣ нея, и уже убилъ семнадцать юнаковъ, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ въ этой «стаини».

«Вроженала (*gentile* = племенита, племенида) панна то говорить, а сама плачетъ». Входитъ Маркобрунъ, спрашиваетъ её о причинѣ слёзъ; она говоритъ, что пилигримъ принесъ ей вѣсть о смерти матери. А конь продолжаетъ ржать, и Бово объявляетъ себя лекаремъ, вызывается укротить того коня. Маркобрунъ согласенъ, обѣщаетъ наградить Бово; вмѣстѣ съ нимъ и Дружненой онъ идетъ въ конюшню, гдѣ падаетъ, слышавъ конское ржаніе, и удаляется. «И што то вчынил конь добрый? И всталъ на задние ноги, а передние ноги положыл Бову на плечи и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорить, рекъ бы ему: Добре еси прышол, пане. И шпат са шпустил на землю». Ты очаровалъ его, говоритъ Дружнена пилигриму, который заявляетъ, что онъ и есть Бово; въ доказательство онъ показываетъ изъ подъ гунн «меч кгларенцью»; она проситъ его снять «клобукъ» и указать знакъ, «што есми лечыла тебе увѣтца своего, коли еси был с ѡдное скалы спал». Тутъ они спознались, рѣшаются бѣжать; вернувшись къ мужу Дружнена говоритъ ему, что пилигримъ проведетъ ночь въ конюшнѣ, дабы укротить коня, и ему надо послать туда постель, а въ постель увязала Бовову сброю. Подавъ Маркобруну «чашу забытнаго пьтѣа» (1253 *una gran sora de roxon aghà*¹⁾). Снова начинается венеціанскій текстъ), она идетъ въ конюшню, гдѣ Бово уже вооружился «в зуполной зброи и гелмъ на голову прыправил и мечом са шпасал, шыт взложыл на руку и взал толъстое копье

¹⁾ Въ *Nuovo in 8^a grina*, с. VI, st. 26, самъ Бово даетъ Друзианѣ соннаго зелья для Маркобруна.

под паху и скочыл на кона и за стрыма са не прынал и не розминул са бы с тысачою витезеи (1259 *Elo à vestù l'usbergo, le ganbere calçà, Çenta à la spada, l'elmo alaçà, Salta sovra Rondelo, che streve no pià, Inpugna la lança, lo scu inbraçà, Per mile chavalieri no se renderà ça*). Вмѣстѣ съ Друженной, которая сѣла на «прудца»¹⁾ (1264 *palafren*), они выѣзжаютъ изъ города; проѣхавъ двадцать миль, Друженна устала, они остановились у «студенца», гдѣ Бово соединяется съ ней; «и на том месте почала Друженна два сыны, тако писмо говорить: ѡднн хочеть быти кроль, а другии княже» (1284... *come dixè lo cantar; L'un fè Sinibaldo clamar, E l'altro Guidon l'aprexia; Lun fo Re, l'altro dux honorà*).

Пока Бово отдыхаетъ, Маркобрунъ проснулся, не нашель жены ни подле себя, ни въ конюшнѣ, «зменила са ему парсуна» (1293 *se smari*), онъ «сѣлъ у великом *палачу* (вм. палацу или *попалачу*²⁾), *сѣлъ* изъ другого стиха 1295... *in palaço tornà, Sovra un drapo de seda elo se asentà*), а велел у рог трубити». Онъ рассказываетъ своимъ людямъ, что случилось, хочеть послать войско въ погоню за бѣглецами, но мудрыи Мамродо (1305 *Morando*; въ *Bovo* in 8-а гима, с. VI, st. 45: *Un vechio cortegian*) говорить ему, что войску ихъ не догнать, «а в тебе ест ѡдннъ чоловікъ, именемъ Пулкан (*Pulican*), такіи са чоловікъ не можеть найти над него: ѡн можеть на трыдцат тисечей конных ударыти. Маеть ѡобразъ човечьи и руки и перси шыроки, до поеса чоловікъ, ано ниже як пес, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест (эта подробность стоять въ ит. текстѣ далѣе), а николи на кона не вседал, завжды нѣшъ хожывал, и нѣт на свете кона, которого бы ѡн не втекъ... а ѡн естъ твой чоловікъ, а ты его даруи ѡт твоего имени (1321 *sil'averi afrancar, Del vostro aver*

1) Вм. прусца. Сл. въ Троянской притчѣ: проусць = *gradarius* (Міс! VI).

2) Сл. Троянскую притчу у Ягича, *Prilozi k historiji književnosti*, стр. 61: «Менелауш... веде га (Париса) в *попалачу* к жене своей; «в'едной *попалачи* троянскои».

li averi donar) ¹⁾, онъ ти можетъ привести Бова и Друженну». — Маркобрунъ призываетъ Пулкана, обѣщаетъ ему свободу и щедрую награду, и онъ отправляется, захвативъ съ собою, по своему обычаю, «тры жерди» (1343 dardi); «и третьего дня (1348 avanti che fosse terça) почал догонати Бово»: «его звукъ за двѣ мили было чуть». Дружена предупреждаетъ Бово, что это Пулканъ, «ѡт пса и ѡт жоны рожон ест и много конниковъ погубил» (1355 D'una femena e d'un mastin inçenerà). Она проситъ его: «улезмо у тотъ лугъ» (1352 bosco); Бово отвѣчаетъ: «Не помози ему богъ и светаа Марыа matka божа, если та мамъ ѡт ѡдного чоловіка погинути» (1260 Nol voia Dio ni santa Maria mar, Che per un mastin io debia scaprar). Онъ ждетъ нападенія съ щитомъ и «сулицей» (1363 lança) въ рукахъ и на угрозы Пулкана отвѣчаетъ: «мысль та заводить (1369 lo rep-sar te falà), перво са дамъ розсечы, ниж быс ма повел». Пулканъ бросаетъ въ него жердь, Бово «заложи са» щитомъ, «а з другое стороны богъ ест защытилъ, што его не вдарылъ» (1374 L'altro dardo lo malvaxio çità, Dio guarì Bovo, ch'elo nol tochà), и рече: То ест ѡдин дьяволъ, што с пекла выгнанъ (1376 Questo è un diavolo d'inferno saçà). И почали са бити копьями (1377 Alora cola lança ferir sel cuità. Elo salta in alto, ferir nol po ça); Пулканъ вдары Бова по гелму, гелмъ былъ моцон, пробити не могъ, а Бово прыгнулъ са на седельный лукъ» (1381 sul colo del cavalo se plegà). Бово опечаленъ, что не можетъ ударить Пулкана, бросилъ копье, соскочилъ съ коня, нападаетъ на противника съ мечемъ въ рукахъ, но Пулканъ скакнулъ черезъ мечъ, который забился въ землю, «Бово мало не здох ѡт жалости» (1396 per roso no ravià).

¹⁾ Переводчикъ не точно передалъ выраженіе *masnà* въ в. 1310: чоловікъ; надо бы: *твой* чоловікъ, въ смыслѣ: крѣпостной, сервъ Маркобруна, который и обѣщаетъ ему свободу (сл. выше в. 7. de son masnà = служебникъ). Въ позднѣйшихъ италіанскихъ передѣлкахъ непониманіе термина, вышедшаго изъ употребленія вмѣстѣ съ институтомъ, отразилось иначе: Пулканъ является плѣнникомъ Маркобруна. Сл. Rajna, I Reali, стр. 145—6.

Новая лакупа въ (въ 1 листь) въ венеціанскомъ текстѣ: конь Бово помогаетъ своему хозяину, ударилъ Пулкана, и когда тотъ вскочилъ на него, унесъ его «у наигущий луг» (*bosco?*), гдѣ «содралъ ему всю парсуну». Пространная молитва Друженны, въ общемъ стилѣ *chansons de geste*, съ священными воспомина- ніями отъ Адама до Иисуса Христа.

«А добрыи конь идетъ противъ своему пану» (1397); Друженна напоминаетъ Пулкану, какъ она «ховала» его, «коли тебе Маркобрун привель зъ собою у дворъ отца моего» (1403 *No te ricorda in corte de mio par, Che Marcabrun con si te dovea menar?*); пусть не платитъ ей за добро зломъ и помирится съ Бово. Пулканъ согласенъ: если бы Бово захотѣлъ, «та быхъ пошелъ с нимъ, иж такихъ двухъ друзей (1416 *Mior conragni*) не може быти». Они замирились, «вложили шлюб (1427 *la fé*) межы собою» (въ *Vuovo in 8-a rima*, с. VII st. 22 Пулканъ предлагаетъ Бовѣ быть его *fratel giurato*) и отправляются вмѣстѣ. «И прышли ку одной горе и убачыли на ней замокъ одного великого княжати; има тому городу Костель, а княжати има Орыл». Сл. 1437 *E vete un castelo d'un dux honorà. Pulican, de chi è sto castelo? Bovo dito li à.* Въ русск. текстѣ Костель = *castello* сталъ собственнымъ именемъ (Сл. далѣе 1493 *castel* = замокъ; городъ, *passim*; 1579: *castelo* = городъ Костел); Орыл = 1441 *Orio*; онъ отнялъ тотъ городъ у Маркобруна «и на кождый денъ они мають бѣгати на конехъ воюючи Маркобруна» (1445 *El no è di ch'eli no cora ala cità*). «У тотъ городъ добро намъ поити» (1449 *è bon andar*), говоритъ Бово, а Друженна прибавляетъ: «То естъ моя отчизна» (1452 *Una mia cuxina li çaxe dallà*). «Воротныи» не хочетъ имъ отворить ворота, но Пулканъ перескочилъ черезъ нихъ и отворилъ, и они въѣхали. Орылъ стоитъ съ женою «на кранку» (1467 *ali balcon*); «коли княже виделъ Пулкана (въ русскомъ текстѣ вѣроятенъ пропускъ: 1469 *Quando lo dux Pulican veçudo à, Lasso, diss'elo, fato è tradimant, Per la via eo veço vegnir Pulicant. La moier resproxe de prexant*), и рекла ему жона»: говоритъ, что то, вѣроятно, Бово, увезшій

жену короля Маркобруна (1477 al' amirant). Она идетъ къ Друженѣ, спрашиваетъ: «Родичко (1483 sikhina), што са тебе поткало?» Та рассказываетъ. Онѣ сѣли за столъ, а въ это время подошелъ подъ замокъ Маркобрунъ съ войскомъ, выѣзжаетъ одинъ, безъ сбоя и въ плащѣ (1498 maltelo d'armin), велитъ «воротному» вызвать Орыла. «И всталъ Орыл, рече витезю Бову: Што велиш? Мов. Як са бога боиш, поиди, але вѣдаю, чоґо онъ прышолю» (1511 Per Dio, disse Bovo, vu li devè andar, E savegeto qu'el' à in cor de far). Маркобрунъ говоритъ Орылу: «Брате (1517 frag), то добре вѣдаеш, иж то городъ мой, а ты ми его держышь квалтом (1519 per força); але мнѣ он не стоить ни за пenez» (не понято; сл. 1520 E no men de valissant un dinar; E say ben che men solivi dar Quando lo castelo te avi donar) .. и та бых са стобюю хотелъ зъеднать» (опущено; сл. 1525 Si che con ti me voio acordà, Lo castelo quito e delivro te voio lassar, E ogni ano .XXX. marche d'or te voio donar), если онъ выдасть ему Пулкана и Бово и Дружену (1529 E Druhani, quella meltris gadal). Орылъ отказываетъ, грозитъ: «Велю та слонами убитъ» (1532 ve farò dele piere çitar). Вернувшись онъ обо всемъ рассказываетъ Бово, который, оставивъ Пулкана стечерь Дружену, выѣзжаетъ противъ Маркобрунова войска: «хочу са ѿ короля покусити» = 1549 Cola çente del re me voio provar. Lo dux. V. milia çavaleri li delivrà. Последнимъ стихомъ нашъ текстъ воспользовался далѣе.

Онъ встрѣтилъ «воеводу» (1553 confaloner) короля, «щитъ ему ѿбилъ (1555 fende) и зброю ему пробилъ (ib. l'usbergo li desmaià), а воевода палъ мертвъ на землю (1556 Del destre morto el trabuchà. «Ferri, franchi çavaleri, Monçoià», crida. Çascun abate lo so morto al prà) и копи поломали на много урушков» (1559 A. XV. colpi Bovo sua lança spreçà). Бово совершаетъ чудеса храбрости, Орылъ вывелъ изъ города пять тысячь войска, Маркобрунъ беретъ его въ плѣнъ, приказалъ трубить въ рогъ «и пошелъ своею дорогою изъ своимъ войскомъ» (1572 l'olifant sonà; Inver de Apolonia con soa çente sen va). «И коли витез

Бово войско побилъ и поле взялъ, а того не вѣдалъ, што король княже ухватилъ» (1575 Dio, que mal, che Bovo polo sa! La moier del dux ben veçudo l'à; Ela grexe a plançer, fort se lamentà. El canpo Bovo recolto à). У воротъ города онъ узнаеть отъ жены князя и Дружнены плачущихъ, что Орыль взять; хочеть отправиться на его выручку, но онѣ уговариваютъ его лучше защищать городъ. Между тѣмъ Орыль посаженъ въ темницу и Маркобрунъ чинить съ нимъ «умову» (1593 pato): отпустить его завтра (1597 questa sera) и давать ежегодно по десяти литръ (1595 .XXX. marche), если онъ выдастъ бѣглецовъ. Орыль въ началѣ отказывается, но потомъ, подъ страхомъ смерти, соглашается; Маркобрунъ велитъ ему собрать тысячу молодцовъ (далѣе, по забвенію, сто), пусть на постели убьютъ Пулкана и Бову; Орыль оставить ему въ «закладѣ» (1622 per ostadi) своихъ двухъ сыновей, а Маркобрунъ будетъ ждать въ засадѣ, въ лугу (1613 inboscar). Орыль возвращается въ городъ, собранные имъ юнаки идутъ въ палацъ, готовясь убить Бова и Пулкана; Пулканъ слышитъ ихъ шаги, слышитъ у дверей ложницы, какъ Орыль рассказывалъ женѣ о задуманномъ имъ предательствѣ, какъ она противилась тому и онъ её ударилъ такъ, что «кровь ея линула са з носа» (1655 Lo vermeio sangue in terra fè andar). Онъ «мѣлъ смертную жалость» (1656 dolor mortal); ворвавшись въ покой, онъ убиваетъ князя («вдарыл его трыкротъ ножомъ» = 1661 tanti colpi li da), разогналъ убійцъ, оповѣщаетъ Бова и Дружнену, и всѣ вмѣстѣ выгѣзжаютъ изъ «города Костела» (1672 fuoga del castelo). Пулканъ велитъ Бово ѣхать съ беременной Дружненой (ибо онъ самъ «в той земли был не свѣдом», поясняетъ русскій текстъ, говорящій однако далѣе, что Бово поѣхалъ по дорогѣ, указанной Пулканомъ, сл. v. 1692), а самъ бросается на войско Маркобруна («хочу поити тое войско пробити» = 1678 sbaratar). «И розбилъ войско на двѣ части и обернулъ са ку ѡдной стороне (1685 Dal'altro savo), и стретилъ его ѡдин полкъ короля Маркобруна, и побилъ ихъ и повезалъ ихъ, коня погналъ передъ собою» (1686 In le some del re se incontrà;

Davanti da si sele саѣа). Догнавъ Бово, онъ говоритъ ему: «Мы есмо добре дошли в тои земли (1690 nu avemo ben guadagnà). Пулкан велми са здобыл (?1692 savea ben la contra'); и рече Бово: Подмо тамъ, гдѣ еси гуфъ побил» (1694 Le some se vol desligar).

Въ лѣсу Дружнаена родить двоихъ сыновей: Симбалдо и Гвидона; Пулканъ ухаживаетъ за ней, «иж онъ былъ тут усюды свѣдомъ усюды ходечы».

Между тѣмъ Армениль услышалъ, что Бово увезъ Дружену, велить «десеть голей направити» (1711 fe .X. galee armar), собралъ войско и всѣмъ заказалъ искать Бова и Дружену. Поручивъ еѣ и дѣтей Пулкану, Бово идетъ къ морю, «ачеи приидеть крол Армениль з воцском на прыстанище з мора, та быхъ войско розогнал (?), и пошли быхмо у Армению» (сл. 1719 Eo so ben che Arminion lo sa Che a Marcabrun Druхiana n'ò menà. Io son certo ch'el' à fato navilio armar, Per tute part ne farà cercar. S'io podesse de quele nave trovar, In Armenia averèssemo andar). Въ то время, какъ Пулканъ спалъ подъ дубомъ (1734 olivier), пробѣгаетъ «кошута» (въ рукп. кошуба = 1735 cerva), за ней два льва. Испуганная за дѣтей, Дружнаена зоветъ Пулкана, который проснувшись, убиваетъ обоихъ львовъ, но погибаетъ и самъ. «Якое зло учинила пани, иж закрычала; а коли бы молъчала, лвы ничого не чынили». Итальянскій текстъ поясняетъ: 1742 Per ch'eli era fioli de Rauna incorona'.

Оставшись одна, Дружнаена съ дѣтьми идетъ дорогою, что вела къ морю, искать Бово, ищучи его «по свету и по городех». Русскій текстъ ничего не знаетъ объ эпизодѣ ит. 1763 — 1784: Друзіана пришла къ берегу, узнаетъ отцовскіе корабли, на которыхъ и возвращается къ Арминіону. Лишь позже говорится, что она «прышла ув-Ормению и живетъ у дворе шца своего корола Арменила».

Не найдя ничего у берега, Бово возвращается къ шатрамъ, видитъ убитыхъ Пулкана и львовъ, думаетъ, что они съѣли жену и дѣтей, и похоронивъ Пулкана въ «шднои шпати» (1800 soto

la tera), ѣдетъ «ко светому Семичну и уехал ув-один город, а нашол в городе сто конников збронных, которыхъ собралъ один витез, готуючы са некуды прочъ. И Бово не смѣлъ своего коня отыйти и привезалъ его велми коротко, абы иных коней не бил. Таковыи был конь у Бова; жадному не дал к собѣ прыступити, толко самому Бову; и привезал коня, вшоль у палацъ городови, а в нем было много добрых людей. И видел са им Бово велми добрыи рыцер, и вся против его встали». Русскій переводъ, вообще сокращающій къ концу разсказа, опустил здѣсь нѣкоторыя подробности:

1805. Alora Bovo in lo camin intrà,
 E duramente si se lamentà,
 Ch'elo no sa qu'elo se debia far.
 Davanti da si Bovo riguarda;
 Una gran tore veçudo elo à.
 Infìn ala tore Bovo andà,
 E andè ala plaça, e li se sta,
 Che algun niente dito li à.
 A tanto Gutifer oster per la plaça andà;
 Vene a Bovo, si lo domandà:
 «Meser, disse Gutifer, ve plaxe albergar?»
 — Per Dio, disse Bovo, si che mester me fa.
 «Messer, disse Gutifer, se vu no avi dinar,
 Quando n'averì, si me n'averì dar».
 «Dio, disse Bovo, si farò in verità».
 Alor Bovo con Gutifer andà.
 En la stala Bovo lo destrer menà,
 Ch'elo no se vol ad algun lassar tochar,
 Si che medesimo Bovo lo convene ligar.
 In su la sala Bovo sen'anda;
 Ben. C. soldadi in sula sala sta,
 Che un chavaler li avea asoldà.
 Quando Bovo fo su la sala, tuti in piè levà,
 Per che da vilan elo no par ça;
 De sovra da li altri el'è un pe mesurà.

Одинъ «чоловѣкъ добрыи Рычардо» (Ricardo) спрашиваетъ его объ имени (онъ называетъ себя Ангосъ = 1836 Angossoxo),

предлагаетъ пойти къ нему на службу, быть «гетманомъ (1839 *savo*; сл. далѣе 1855 = воевода) над сто конниками», рассказываетъ объ убійствѣ Гвидона и о томъ, что Симбальдо послалъ его разыскивать Бово: онъ хочетъ отомстить за смерть Гвидона, воевать подъ Антоніей. Бово согласенъ («То ест на твоеи воли = 1857 *A vostra voluntà*), и они отправляются (въ рассказѣ объ этомъ в. 1858 слѣд. венеціанскій текстъ снова касается норова Бовова коня). Прибывъ «ко сватому Семишну» Ричардо говоритъ Симбальду, что Бова не нашель, а привель сто конниковъ и одного витезя, «великое пади большъ иныхъ людей», на котораго особенно надѣется. «Мусиш ты бити добрый витез, и парсуна твоя такъ указуетъ», говоритъ Бову Симбальдо. «И Ричардо рече: Не стоить пеназа. Коли тое Бово услышалъ, рече ему: За што, брате, ганиш? та с тобою не хочу турнага коштовати, а ни в битве на поли» (1891 *In campo ni in bataia con vu no me prova*). Когда тотъ вызываетъ его, онъ соглашается на такомъ условіи: «если та тебе с коня зобю, нехай мое юнацы твоимъ наплюють» (1897 *Li mie' conpragni li vostri averà gobar*), и наоборотъ. Побѣда остается на сторонѣ Бова; «и рекли Бововы конники Ричардовымъ: Видите, што умееть чынити нашъ витез?» (1908 *E Sinibaldo a Riccardo va, Sì li disse: Que ve par del nostro soldà?*). Ричардо вызываетъ Бово помѣряться на мечяхъ, но тотъ говоритъ ему, что отвѣдаетъ его раньше, чѣмъ отвѣдетъ отъ города.

Равно утромъ Бово и Терызыъ идутъ подъ городъ; Бово «быль свѣдомъ шного Антониа въ каждомъ месте» (1925 *Ch'elo sa ben lo vegnir e l'andar*) и отбиваетъ городское стадо. Узнавъ объ этомъ, Додонъ выѣхалъ съ войскомъ; гетманомъ у него Дан Албриго (1938 *dun Albrigo lo confalon portà*).

Въ слѣдующемъ далѣе эпизодѣ русскій текстъ представляетъ наибольшее и не случайное отклоненіе отъ италіанскаго. Въ последнемъ признаніе Бова Симбальдомъ совершается, при особыхъ обстоятельствахъ, послѣ битвы съ Додономъ; въ русскомъ этотъ рассказъ опущенъ и замѣненъ такимъ образомъ: передъ битвой Бова «споведал сѣ Терызу, призывалъ его к себе и рече:

И еси, брате, витез Бово, вкажи ми, если познаешъ у воиску, хто загубил нашего пана. И сталъ с того Терыз вельми веселъ», указываетъ на Додона: «оно што перед всеми едетъ» (въ италианскомъ текстѣ v. 1946 лишнее: *El'è quel a quel falcon dorà*), советуетъ вернуться, ибо неприятелей много. Но Бово непременно хочетъ попробовать свой мечъ «на Додоновомъ воиску зрадцы злого» (1952 *Sovra la çente le trait desliat*), «древо взял под паху» (1955 *Bassa la lança*) и прокололъ Додонову сброку «такъ былъ кпротокъ долгъ» (1960 *Co' l'asta è longa a tera lo roversa, E le budele defora li andà*). Додона уносятъ его люди, а Бово взялъ свой «добрыи мечъ кларенцью» (1964 *Clarença*) и убиваетъ Дан Албрыго.

«Видѣлъ тое Терыз и вельми его похвалилъ; и тое воиско витез Бово прогнал и пошол ко сватому Семисну». Тутъ и (v. 1969 сл.) начинается въ италианскомъ текстѣ эпизодъ признанія, опущенный нашимъ переводчикомъ — не потому ли, что ему непонятенъ былъ западный обычай, по которому дамы прислуживали рыцарямъ, мывшимся въ ваннѣ?¹⁾ Бово съ Терисомъ возвращаются въ замокъ Синибальдо, Терисъ рассказываетъ отцу о подвигахъ новаго витязя, и у него является сомнѣние: не Бово ли это? Такіе удары давалъ его отецъ Гвидонъ. Синибальдо спрашиваетъ жену, бывшую кормилицу Бово, узнала ли бы она его? Та говоритъ, что у него на правомъ плечѣ была родинка въ видѣ креста; услышавъ подозрѣние мужа, она советуетъ ему изготовить ванну для себя и для приѣзжаго витязя, она войдетъ со свѣчею и узнаетъ, точно ли это Бово. Такъ совершается признаніе, и поэма снова совпадаетъ съ нашимъ переводомъ: 2061 *De Dodon de Maganza ve voio contar, Che per tute part mesaçer mandà, O'che se podesse un medego trovar, Chi sавesse soe plaghe sanar, Tanto li darà oro como saverà domandar* = «А Додон былъ вельми немощен ѿт раны на смерть и почал говорить: Хто ми можетъ помочы ѿт тое раны, дам ему злота колко сам

¹⁾ Сл. соответствующій эпизодъ въ Тристанѣ, выше, стр. 162.

ускочеть». — Бово и Терызь хотять выдать себя врачами и пойти лечить Додона; помазались зельемъ и стали «чорней угольа (2079 *agrement destenprà*), такъ что ихъ не призналъ и Симбальдо, которому Бово велить быть на готовѣ и явиться на помощь по призывному рогу. Симбальдо даетъ Бову письмо къ «воротному» города, своему брату Глиберту (2090 *Çilberto*); одѣвшись «пелгрымами», подпоясавъ мечъ «подъ гуню» (*le sclavine* 2094), они идутъ, а Глибертъ, прочтя письмо брата, приютилъ ихъ въ своемъ домѣ. Скоро разнеслась по городу вѣсть, что пришли «знаменитые лѣкары» (2122 *medexi natural*), и Додонъ посылаетъ за ними. Онъ сидитъ на постели, блѣдный «такъ пупава» (2129 *come senere lavà*); измѣнился въ лицѣ и Бово, завидѣвъ мать, объясняетъ это встрѣчей съ женщиной: лекари, идущіе къ больному, этого не любятъ. Вернувшись на другой день (завтра; непосредственно далѣе сказано по ошибкѣ, что они вернулись на осьмой), они говорятъ, что изъ города Момбрада (2148 *Monbrand*), и Додонъ обѣщаетъ: «Если можете злечыти, хочю са вамъ злотом штважыти (2151 *A fin ogo ve farò pexar. Alora Bovo sì lo desligà, E como medego ben lo cerchà, Po' al suo albergo sen tornà. Que ve dov' e' plu le parole perlongar? Ben .IX. dì Bovo lo medegà. Quando fo li .IX. dì conpli e passà, Bovo e Teris al palaço sen'andà, E vete la plaga chi era molto fondà*). И сыны шгледавшы рану, рекли: Послухай, Додоне, тот витез, который ти тую рану дал, мыслить тебе загубити». Они сбросили гуни, открываются Додону, но Бово не хочетъ его убить, «занюж мати моя тебе навела забити штца моего», а велить выѣхать изъ города, къ которому подошелъ Симбальдо съ войскомъ. Свою мать Бово затѣваетъ сжечь (русскій текстъ прибавляетъ: «або коньми волочыти»), но по совѣту Симбальдо приказываетъ замуровать между двухъ стѣнъ, «нехай са своихъ греховъ касть (лишнее противъ италіанскаго: «нехай на нее всака мокрота и студен надаеть, а нехай са ее похоть гасить) И Бово такъ вчынил, какъ Симбальдо велель (2186 *Bovo fè como Sinibaldo lo consià. Un ano e .III. mesi là dentro demorà*) и ве-

лель еи давати на ден по тры еицы (= опхе... de ran 2188) и хлѣба и по малу воды въ уста пускати».

Между тѣмъ Додонъ ушелъ во Францію, жалуется королю Пипину (2193 *Perin*) на Бово, выгнавшего его изъ его царства. вмѣстѣ съ Пипиномъ онъ подошелъ подъ Антонію, разбилъ шатры (2205 *raion*), выжегъ все предмѣстье (2206 *tuti li borghi*). Бово выѣзжаетъ изъ города, за нимъ все войско (въ итальянскомъ текстѣ нѣтъ 1-го листа); убиваетъ Додона и беретъ въ плѣнъ Пипина, котораго везетъ въ Антонію (соотвѣтствіе съ итальянскимъ текстомъ восстанавливается: 2214 *Fè avrir le porte e li ponti abassar, Intrà in Antona, lo Re per prixoner menà*) и упрекаетъ за учиненное имъ зло. Тотъ сознается, что былъ не правъ, присягаетъ «на эвангелии» (2223 *per sagrament*), что никогда не станетъ воевать противъ него, и обѣщаетъ дать въ заложенники сына (229 *Mio fio Karlo*). Сынъ находился при войскѣ, и за нимъ посылаютъ: «и пошелъ его посол, а с нимъ одинъ гражданинъ (2234 *Drogo lo Pitadin sil'aconpagnà*. Переводчикъ, очевидно, прочелъ: *Citadin*); «а при немъ были два человека знаменитые, одинъ Солумон, который его ховал, а други Кгвидон, который его учыл» (2235 *Salamon le ardi e Guidon l'insenà*). Пипинъ передаетъ сына Бову, взявъ у него «прощене» (2237 *comiado domanda*), а своему войску «почал поведати» (2238 *bando cridar*), что замирился съ Бовомъ.

Начало слѣдующаго абзаца въ русскомъ переводѣ, очевидно, принадлежитъ недоразумѣнію: «И послышал (то-есть, Бово), што Друженяна прышла ув-Ормению и живеть у дворе отца своего корола Арменила». Вѣрно непосредственно слѣдующее, согласное съ итальянскимъ текстомъ: что Друженена узнала о возвращеніи Бова въ Антонію (въ итальянскомъ текстѣ 2246 *Spesse fiade à oldù contar — A nobeli cantadori e bufon e a çublar*) «и не мѣла своего живота, если не найдетъ своего пана Бова» (2250 *S'ela nol trova, viver non vol ça*). Натершись однимъ зельемъ, отчего она стала черна «какъ уголь» (2253 *plu negra de mora*), взявъ съ собою гусли (2254 *agra*) и учинившись

«скоморошницею» (2258 *sublaga*), она вмѣстѣ съ сыновьями ходитъ повсюду, разыскивая мужа. Непонятъ переводчикомъ поводъ къ такому превращенію: потому онъ такъ преобразилась, говоритъ италіанскій текстъ, что она была красива и ей пришлось пройти многія царства, прежде чѣмъ нашла Бово (2265 *Per ço lo fè Druхiana ch'ela avea lo vixo smerà, Per che molti riani li conviene cercar, Avanti ch'ela podesse Bovo trovar*). Сл. переводъ: «Племенида Друженна видела са людемъ доброе цсобы про то, што мѣла твар хорошу; а то для того чынила, занюж ей стоало за великое королевство, коли бы Бова нашла» (?).

Бово игралъ въ шахматы съ однимъ витяземъ и веселилъ свое сердце (2275 *so cog confortar*), когда является посоль отъ Малгаріи, говоритъ, что ея отецъ умеръ, а ее осадилъ король угорскій (2284 *Lo re Passamont d'Ongaria*), хочетъ насильно взять ее за себя. Малгарія напоминала Бову «великую добротъ» (2288 *servixio*), которую она ему чынила, просила помощи, обѣщала креститься и предлагала свою руку. — Бово собираетъ войско (у него гетманомъ Терызъ: 2306 *L'insegna de Bovo Teris la portà*) и идетъ къ Задоніи. Битва подъ нею разсказана въ нашемъ текстѣ въ двухъ словахъ: «И видел Бово на поли войско и пошелъ к нимъ. Тое войско видевшы, што не могутъ терпѣти противъ Бова, и побѣгли». Въ оригиналѣ нашего перевода, очевидно, былъ пропускъ, если не вмѣнить его разсѣянности переводчика. Въ италіанской поэмѣ подробно описывается походъ Бово моремъ, прибытіе подъ Садонію; не велѣвъ своему войску трогаться, онъ выѣзжаетъ одинъ и вызываетъ на бой Пассамонта. Между тѣмъ Друженна съ сыновьями какъ разъ подошла къ Садоніи, усѣлась на горѣ, видитъ сражающихся и по знамени узнаетъ въ одномъ изъ нихъ Бово, которого и показываетъ дѣтямъ. Онъ поразилъ Пассамонта, непріатели «побѣгли. Витез Бово гонилъ за ними» (2386 *Bovo cola soa çente li incalçà*) и вступаетъ въ Задонію. Соотвѣтствіе текстовъ снова возобновляется.

Велѣвъ «стати добрымъ людемъ у великии кругъ» (нѣтъ въ италянскомъ текстѣ) и позвавъ «бискупа» (2395 *arcivescovo*), Бово просить его окрестить Малгарію, «и для ея цудности не хотѣлъ ей имени сѣмейити и велелъ ее Малгорэтою звати» (2398 *Lo nome è belo, nol volse canbiar, Malgaria li messe nome, cossì la fè clamar*)¹⁾. Онъ готовится къ свадьбѣ, а въ это время явилась въ городъ Друженна съ сыновьями, видитъ Бова и Малгорету, стоящихъ «на шдномъ кганку» (2403 *ali balconi*), начала на гусяхъ играть, сыновья танцуютъ, а она припѣваетъ «ш Друженне цудной, такъ ее Бово втратилъ близко мора на пристанищы» = 2406 *Chavaleri e baron or intendi ça D'un novo sonar del regno de França, De Bovo d'Antona e de la bela Dru-xiana, Como elo la perdì sula riva del mar*.

Слышитъ это Бово, сѣтуеъ, что «скоморошка ходечы по городомъ прыневаеъ ш мне и ш Друженне», призываетъ ее къ себѣ, чтобы ея одарить, но она «не хотѣла болшеи играть» (2420 *moto poli sonà* = не проронила слова), идетъ къ себѣ на «станъ» (2426 *albergo*), обонхъ сыновей убрала «в шаты» (2429 *Lo savo li petenà, lo vixo li lavà, Sili vestì d'un palio гохà*), велитъ идти ко двору: а коли отецъ захочетъ умывать руки, одинъ пусть подасть ему воду, другой ручникъ (последняго въ ит. текстѣ нѣтъ); коли сядетъ за столъ, стойте передъ нимъ и на вопросъ, кто ихъ отецъ, отвѣчайте: никогда не видѣли его, ищемъ его по чужимъ землямъ, а мать наша здѣсь, можешъ спросить ее. Въ ит. текстѣ 2443 слѣд. она велитъ имъ назвать себя и Бова по имени. — За столомъ дѣти обращаютъ на себя вниманіе Бова; Симбальдо о нихъ ничего не знаетъ, они говорятъ, какъ научила ихъ мать, называя Бова и Друженну. Какъ услышалъ это Бово, скочилъ черезъ столъ къ дѣтямъ, началъ ихъ цѣловать «и шт великое милости сомлѣлъ» (2471 *strangossà*). Онъ открываеъся имъ, велитъ повести себя къ матери, а она сидитъ «чорна шкъ уголь» (2481 *carbon amorçà*). — Вотъ наша мать, говорятъ

¹⁾ Сл. въ 8-а rima: *Malgarita* (им. *Malgaria*) = Малгорэта.

дѣти. «Бово рече: Нешлахэтницы, вы мною кунштуете!» (2486 *Ai, fel gloto', me voli vu beffar!*) Но тѣ успокоиваютъ его: ихъ мать въ другомъ домѣ (2490 *in questa samaga*). Удалившись въ другой покой, Дружна умылась «водкою чудною» (2493 *aqua goxada*), одѣлась въ «велики коштвное платье у злотоглав, и взложыла на голову венец велики чудныи, и вчынила са так красна, гакъ ни однаг рѣчь на свете» (2495 *Po'de richi drapi ela se adornà, Con un fil d'or ben se conçà, Çoia e ghirlanda in soa testa fermà; Ela è plu bela de fada ni d'ayguanà*). Тутъ Бово признаетъ ее, цѣлуетъ, идетъ въ палацъ. По городу пошла вѣсть, что Дружна вернулась; Малгарія привѣтствуетъ ее, а Бова проситъ и ей найти мужа, который могъ-бы «рыцарство носить» и держать ея царство. Бово даетъ ей Терыза; «Витез Терыз принал ее велики вдачно и сталъ господаремъ всеи еа державе» = 2524 *Amantimente la dona sprohà; El fo signor de tute quele contra'*.

На этомъ стихѣ обрывается въ венеціанской поэмѣ рассказъ, который нашъ переводъ досказываетъ въ нѣсколькихъ строкахъ: Бово съ Дружной и сыновьями возвращаются въ Антонию, юнаки Бова по домамъ, Терызъ остался въ «сарацынской земли». Бово ставитъ обоихъ сыновей витязями, одного изъ нихъ, Гвидона, еще при жизни нарекъ королемъ, другаго, Симбальдо, великимъ княземъ (*dux*?). А у Терыза родился сынъ Гвидонъ, у котораго еще былъ сынъ, «има ему было дѣдово, Терыз, а matka его была Спэрра. А такъ са докончыло писанье ѿ Бове».

Мой анализъ познанской повѣсти о Бовѣ въ связи съ венеціанскимъ текстомъ, можетъ быть, грѣшитъ нѣкоторою подробностью; но съ одной стороны, дѣло идетъ о древнѣйшемъ, пока извѣстномъ, текстѣ одной изъ популярнѣйшихъ народныхъ книгъ, съ другой — манила задача, рѣдко такъ обставленная, какъ для нашего памятника, прослѣдить по этапамъ исторію его перевода, передѣлокъ и искаженій. Сербскій переводчикъ довольно близко, часто дословно передаетъ подлинникъ; что онъ тождественъ съ венеціанскимъ текстомъ или былъ къ нему чрезвычайно близокъ,

въ этомъ мы могли убѣдиться изъ сравненія. Опущены лишь два эпизода: разсказъ о единоборствѣ Бовы съ угорскимъ королемъ подъ Задоніей и эпизодъ признанія Бова въ банѣ; возможность послѣдняго опущенія сербскимъ переводчикомъ мы объяснили себѣ незнакомствомъ съ соотвѣтствующимъ обычаемъ, хотя здѣсь дѣло не въ простомъ пропускѣ, а, въ извѣстномъ смыслѣ, и въ передѣлкѣ, ибо признаніе Бово Терызомъ разсказано иначе. Можетъ быть, такая версія существовала уже въ подлинникѣ переводчика, отличномъ въ этой чертѣ отъ венеціанскаго текста? Это потому вѣроятно, что иныхъ слѣдовъ собственно *rifacimento* нашъ текстъ не представляетъ. Что въ венеціанской поэмѣ Бово готовится сжечь мать-измѣнницу, а въ русской повѣсти, кромѣ того, и размыкать конями — можетъ быть объяснено приставкой переводчика, но могло находиться и въ его оригиналѣ. Выраженія: черень (черна) какъ чернило, какъ шелковичный плодъ, какъ уголь — переданы всегда послѣднимъ сравненіемъ; это дѣло личнаго вкуса; юнаку отвѣчаетъ: *bazeleg*, *baron*, *cavalier*; гетманъ (носящій знамя, хоругвь) и великій князь (*dux*) принадлежать, вѣроятно, русскому списку, лугъ въ значеніи *bosco* и пристанище = *riva*, можетъ быть, сербскому переводу: напомнимъ кстати, что и въ Тристанѣ встрѣчается послѣднее, необычное отождествленіе, перваго я не замѣтилъ, но это чистый сербизмъ и ближе далматизмъ: лугъ въ значеніи рощи сплошь рядомъ встрѣчается у дубровницко-далматинскихъ поэтовъ; *Della Bella* переводитъ *bosco*: *dubrava*, *lug*, *gaj*; у хорватовъ лугаръ = лѣсникъ. Сл. въ Троянской Притчѣ (*Mikl. I*): Доудома лжгъ = *Dudoma nemus*; лоугъ = чаща, дубрава въ книгѣ бытія неба и земли, изданной А. Н. Поповымъ (Чтенія, 1881, I, стр. 168). — Интересно обращеніе нѣкоторыхъ нарицательныхъ именъ въ собственные, и наоборотъ: эпитетъ при Блондофъ — *meltris*, то-есть, *meretrix* (сл. въ этомъ значеніи въ *Recueil d'exemples en ancien italien*, изданныхъ Ulrich'омъ въ *Romania* № 49 р. 58, *Glossaire: Meltrise = meretrice; meltrix* у *Bonvesin da Riva*), понято какъ собственное имя: «а ей было имя *мере-*

трысъ»; сл. далѣ «курва жона Кгвидонова», «таа курва маретрысъ», рядомъ съ Блондоей; въ позднѣйшихъ русскихъ текстахъ Блондоя совсѣмъ исчезла, вмѣсто нея *Мидитриса*, что ближе къ *meltris* венеціанскаго текста, чѣмъ къ *меретрысъ* познанскаго, которое можетъ быть и этимологическимъ подновленіемъ. Для генеалогіи текста Бовы это отличіе важно. — Подобную передѣлку представляетъ и *castello*, гдѣ властвуетъ Орыль: онъ очутился городомъ *Костеломъ*, но рядомъ стоитъ еще и *замокъ*; позднѣйшіе тексты удержали первое. — *Chiarenza*, названіе меча Oliver'a (= Аливера), перешедшаго въ руки Бовы, является въ формѣ *кларенца* и *кладенца*; отсюда мечъ *кладенецъ* великорусскихъ списковъ, обобщившійся въ сказкахъ въ имя нарицательное. *Sadonia*'и легко было перейти въ *Задонію*, откуда въ позднѣйшей версіи повѣсти эпитетъ *задонскій*, перенесенный съ султана на Маркобруна и, быть можетъ, отразившійся въ «задонской» землѣ или ордѣ нашихъ былинъ.

Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ познанскій текстъ повѣсти о Бовѣ къ ея версіи, распространенной въ великорусскихъ спискахъ и лубочныхъ изданіяхъ — на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣтить обстоятельнѣе, когда первые будутъ приведены въ извѣстность и установлена генеалогія текста, ими представляемаго. Лубочной сказки я далѣе не касаюсь; изданія ея дѣлятся на двѣ категоріи: одна представляетъ «полную» исторію Бовы, на 32 листахъ: «Сказка полная о славномъ, силномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекраснѣйшей супруге его королевне Дружневнѣ»; другая, сокращенная впослѣдствіи, помѣщается на 8 листахъ подъ заглавіемъ: «Гистория о храбромъ и о славномъ витезе Бове королевиче и о смѣрти отца его»¹⁾. Полная редакція лубочной сказки ведетъ свое начало отъ одной изъ двухъ группъ, на которыя распадаются русскіе списки²⁾.

¹⁾ Сл. Пыпинъ I. с. стр. 249; Ровинскій. Русскія народныя картинки т. I, стр. 77 слѣд. (краткій текстъ), 84 слѣд. (полный текстъ).

²⁾ Предлагаемое далѣе распредѣленіе приблизительное, не рѣшающее, а вызывающее вопросъ. Такъ олонецкій списокъ, которымъ я пользуюсь далѣе, принадлежитъ по началу къ типу b, но далѣе даетъ варианты къ a.

Одна (b) представляется скорописнымъ сборникомъ Императ. Публичной библиотеки, конца XVII вѣка (Толст. 2,215, Публ. библ. XVII, Q, 27), по которому наша повѣсть была напечатана въ Памятникахъ древней письменности (вып. I-й 1879 г.): Сказанія про храбраго витеза про Бову Каралевича. Нач. «Нѣ в коемъ было царствѣ в великомъ государствѣ в славномъ граде во Антонѣ жилъ былъ славный король Видонъ і провѣдагъ в славномъ граде Ідементяне у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь прекрасную королеву Милитрису. І призва к себѣ любимаго слугу іменем Личарду і почель говорит». Онъ велить ему ѣхать свататься за Милитрису, слѣдуетъ описаніе сватовства; Милитриса заявляетъ отцу о своемъ нежеланіи выйти за Гвидона и о своей любви къ Додону, но отецъ стоитъ на своемъ.— Ко второй группѣ текстовъ (a) принадлежитъ повѣсть Истоминскаго сборника XVII вѣка (въ Румянцовскомъ музеѣ), напечатанная въ приложеніи къ этому изслѣдованію¹⁾. Нач. «Бысть нѣкіи корол Гвидон в славномъ граде Онтоне. Коли он был млад і в добре поре, тогда к собѣ избирал во двор храбрых витязей в златокowanychъ доспѣсѣхъ и на быстрыхъ коняхъ и охоч был с ними ѣздит в чистое поле тешитца на ловлю, с соколы и с ястрепы на птицы и с выжлоки на звѣри. И какъ бысть в болшомъ возрасте и тогда рече корол витяземъ своим, гдѣ-б ему прискали невѣсту от велика племяни; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича ест тщер прекрасная Милитриса». Онъ шлетъ за нее свататься своего «конюшего» Личарду; подробности сватовства кратче, чѣмъ въ предыдущемъ текстѣ.

Судя по началу, къ этой группѣ относится и Погод. № 1773, сборникъ XVII—XVIII вѣка: «Сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича зѣло послушати дивно». Нач. «Бысть нѣкіи король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антонове, младъ юноша великъ и храбръ, и збираетъ себѣ во градѣ храбрыхъ витязей во златыхъ поясѣхъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ тѣ-

¹⁾ За доставленіе мнѣ копій съ этого текста приношу мою искреннюю благодарность А. С. Усовой.

шпитца съ соколы и ястребы и съ выжлоцы»¹⁾. — Сватовство рассказано подробнѣе.

Въ обѣихъ рецензіяхъ а и в *Милитриса* очутилась собственнымъ именемъ, имя Blondin исчезло, вмѣсто *Бово* — *Бова*; *Пулканъ* — *Полканъ*; *Дружна* — *Дружна* (а), *Дружна* (b); св. *Семионъ* — *Суминъ* (ab). Явились новыя имена: отецъ Милитрисы *Кирбичъ* (а), *Кирбитъ Верзауловичъ*, царствующій въ *Дементіанъ* градѣ (b; въ лубочной сказкѣ полного состава: *Димихтіанъ*; въ а нѣтъ); вмѣсто Арменила *Зинзовой Андоровичъ* (а; Зензевей Адаровичъ b; въ лубочной сказкѣ: Зензевей Андроновичъ, Зензевій Андоровичъ). Одному b свойственно ошибочное перенесеніе титула Зодонскаго (отъ Задоніи-Sadonia) съ Султана на Маркобруна, тогда какъ первый воцаренъ въ *Раслейскомъ* царствѣ. Царедворецъ, разыгравшій роль Арменила, названъ *Орлопомъ*, Арлопомъ (а; въ b нѣтъ имени); Малгарія = *Мамирія* (а), Минчитрія, Миличитрія (b), Мельчигрія (лубочная сказка полного состава); племянники султана, преслѣдующіе Бову — *Аханъ* и *Онбанъ* (а; въ погод. сп.: Арам, Аврамъ; въ b нѣтъ самого эпизода); Орыль = *Урыль* (а), Орель (b), въ лубочной сказкѣ *Урыль*; *Костелъ* остался всюду; Симбальду Бово, еще не открывшійся ему, говоритъ, что онъ изъ «*Празни града*» (а); прозвищу Ангось (Angossoxo), которое онъ даетъ себѣ, въ а ничего не отвѣчаетъ, въ b *Агустъ*, въ лубочной книгѣ полного состава *Амусей*, но этимъ именемъ онъ зовется и раньше²⁾. Терызь = *Терезъ* (а), *Тервизъ* (лубочн. сказка полного состава), *Дмитрей* (b); въ а является кромѣ того братъ Симбальда, *Агенъ*, погод. сп.: Аггенъ.

Общее у а и b съ познанскимъ текстомъ — опущеніе сцены

¹⁾ См. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 248. Нѣкоторыми извлеченіями и варьянтами этого текста я обязанъ Ф. М. Истомину, сообщившему мнѣ также различія рукописнаго Бовы, найденнаго имъ въ Олонецкой губерніи, но къ сожалѣнію не полного.

²⁾ Сл. тосканскую (= франко-венеціанскую) версію, недавно открытую Райной: въ ней Бова называетъ себя Agostino уже купцамъ, принявшимъ его на судно послѣ бѣгства отъ матери.

признанія Бовы въ банѣ и эпизода битвы подъ Задоніей; оба опускаютъ эпизодъ о Пипинѣ; каждый изъ нихъ въ отдѣльности представляетъ отличія отъ познанскаго текста, сокращенія и развитія; послѣднія, если они стилистическаго характера, принадлежатъ, главнымъ образомъ, *b*; этотъ текстъ многословнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ народнѣе *a*; тамъ, гдѣ онъ отличается отъ *a*, послѣдній нерѣдко воспроизводитъ букву познанскаго текста. Въ генеалогіи текстовъ русскаго Бовы *b* стоитъ на столько дальше отъ оригинала, на сколько ближе къ лубочной сказкѣ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторыя его разногласія съ *a*, стилистическія и содержательныя, легко было бы объяснить русской передѣлкой. Слѣдуетъ ли и на *a* перенести то же опредѣленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ расходится съ познанскимъ текстомъ, — на это отвѣтить труднѣе: рядомъ съ отличіями есть дословныя совпаденія. Приведу примѣры.

Милитриса не любитъ Гвидона, «не имѣя его не за единъ *пеняс*» (олон. сп.: не на единой пепезь) = познанск. т.: «она его не мела ни за одинъ *пънез*» (въ *b* нѣтъ) — У Бовы «власы *желты* аки шелкъ, а лицо румяно *аки злато*» (въ погод. сп.: лице румяно, власы желты аки злато; въ олон. сп.: власы у него какъ прекрасное злато, лице у него какъ бѣлый снегъ, а ягоды румяны какъ маковъ цветъ) = позн. т.: «волосы мѣлъ *жолты* таке *злато*» (въ *b* нѣтъ). Только *a* удержалъ и названіе города *Маганца*; гдѣ царитъ Додонъ: *Моган'скъ* (погод. сп.: Моганъ, Моганетъ; олонец. сп.: Маганецъ), что объясняетъ несомнѣнно и слѣдующихъ далѣе «*могальцевъ*»: Милитриса поручаетъ сказать Додону, чтобъ онъ «погубилъ мужа моего с *могалцы* добраго короля Гвидона»; далѣе она узнаетъ, что Додонъ «добраго короля Гвидона с *могалцы* погубилъ» (пог. сп.: со штроки). Первоначально стояло, вѣроятно: Додонъ съ *Маганца* и далѣе, по недоразумѣнію, съ *Могальцы* (въ *b* нѣтъ). — Мѣсто убійства помѣщается «въ лугу в Скьяринѣ» (далѣе: Скьярян; пог. сп.: Скьяринъ, в луга во скьярянскія; олон. сп.: лугу в цыкляреве) = позн. т. лугъ «шт *Склоравена*», «лугъ» = bosco, какъ въ познан-

скомъ текстѣ; в: «в королевскомъ лугу». Додонъ выѣзжаетъ на охоту верхомъ на ослѣ (ав, позн. т. конѣ; такъ и въ олон. сп.), съ нимъ «*ѣ юнокковъ*» (а) = позн. т. «десет юнаковъ (пог. сп.: отроковъ; олон. сп.: юношей; въ в нѣтъ). — Симбальдо, взявъ съ собою «*ѣ юнокковъ*» (позн. т. «шестдесать.... юнаков; олон. сп.: 60 человекъ юншъ»; в: «тридцать юношей») бѣжитъ съ Бовой въ градъ Суминъ; переметчикъ докладываетъ о томъ Додону: «о королю Додоне, *твердо спиши*» и т. д. = позн. т. «Додоне з Маганца, велии *твердо спиши* (олон. сп.: то же; въ в нѣтъ). — Ни въ а, ни в нѣтъ сцены на пути, когда предатель торопитъ Додона и убить Терызомъ: Бово падаетъ съ коня, подхваченъ Додономъ; в, вслѣдствіе пропуска, неудачно выполненнаго позже, опускаетъ: преслѣдованіе Додона Симбальдомъ, набѣгъ послѣдняго на Антонъ-градъ, тотчасъ переходя къ осадѣ Додономъ Сумина; а ближе держится познанскаго текста: когда Симбальдо тревожитъ набѣгами «градъ Антонъ», Милитриса говоритъ мужу: «о королю Додоне, что то нам *си злодеи не дадут упокою?*» = позн. т. *покуль тот злодеи старын буде живъ, не можем ѡт него упокоа мѣти.* — Сонъ Додона: «кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен, а носит в руде своеи щит и копіе и мечь кладенец (?) и прободает ему *сердце* и *утробу*» (такъ и въ олон. сп.) = познанскій текстъ «такъ бы Бово у зброн проколол ему *серцѣ* и *утробу* (в: *утробу* и *сердце*). — Братъ Додона въ а: Амбругустимъ, в Обросимъ = познанскій текстъ Дан-Албрыго; Додонъ велитъ ему ѣхать къ Милитрисѣ съ требованіемъ — выдать Бову. Онъ приѣзжаетъ, «*поздравствоваше великолѣпное здравие*» = позн. т. *поздровилъ ее Додоновымъ поздровениемъ* (в *поздравити*); она говоритъ, что «за *любовь* государя своего добраго короля Додона» и сама готова уморить сына (позн. т.: для *ласки* ѡтца Бовова; въ в нѣтъ) — Непосредственно за этимъ в восполняетъ указанный выше пропускъ¹⁾. Въ раз-

¹⁾ См. въ изданіи Общ. люб. древн. русск. писм., стр. 49, строка 6-я сверху (И король Додонъ)—19 (Затворися накрѣпко). То же въ лубочной сказкѣ полнаго состава.

сказѣ о попыткѣ матери отравить Бову а и в опредѣляютъ «трутизну» познанскаго текста, какъ змѣнный ядъ (в змѣнное сало). Завидѣвъ Бову «корабленицы» (в корабельщики) посылають «человѣка в плаволоке ко берегу» (в: «тарышковъ в под'ѣстке»; пог. сп.: паузокъ) узнать, кто тамъ кричить: «крестьянские вѣры» или «татарченокъ» (в: «хрестиянска ли ты роду или татарскова»; позн. т.: «хрестанин або ли поганинъ»). Бово отвѣчаетъ, что онъ пономаревъ сынъ (ав; позн. т.: сынъ «млынара»; пог. сп.: млатаревъ), а мать его мыла платье «на добрыхъ людехъ» (в «на добрыхъ женъ»; позн. т. «богатымъ жонам кошули»). — «Бова-ж у них (у корабельщиковъ)... *аки цвет цветет*, лице его возсияет яко солнечная луча» (в «не видали такова отрока, велии *мпообразенъ*; позн. т. «*мпиное дитя* не могло быти на вѣкъ»; сл. венеціанскій т. v. 393: *plu belo de roxa de prà*). — Ни въ а, ни въ в нѣтъ ошибки познанскаго текста: *другое* море вмѣсто *alto mare*; «бѣжали по морю» (в), «плавал с ними на море» (а). — Споръ корабельщиковъ изъ-за Бовы (в): они «промежъ собою хотятъ *сменяшые чаши пити*» (можетъ быть: ся мечи шибити или бити?) = (а) «мечи ся сѣчь» (позн. т. добыли мечовъ, хотели са рубати; сл. олон. сп.: промежъ себя сещися, но въ погод. сп.: *смертнующашу* пити). — Въ сценѣ, когда Зензевей (= Армениль позн. текста) приходитъ къ кораблю и видитъ Бову, а и в доскасывають подробности, вѣроятно, сокращенныя въ познанскомъ текстѣ, образуя съ нимъ одну версію, въ отличіе отъ венеціанской. Въ послѣдней говорится: король гуляетъ по берегу, купцы говорятъ другъ другу: вонъ король! а онъ обращается къ своимъ баронамъ: смотрите, этотъ корабль только-что прибылъ. Онъ любитъ красотою Бовы: Вотъ было бы хорошо, еслибъ онъ былъ моимъ конюшимъ или изъ моихъ людей! Онъ проходить мимо, въ городъ; корабельщики притягиваютъ судно къ берегу, и король снова къ нему возвращается. — Въ познанскомъ текстѣ Армениль, увидѣвъ судно, посылаетъ слугъ довѣдаться о немъ; «и какъ слуги к нимъ прышли, почали ихъ купцы пытать, есть ли тутъ король арменейскій. И король самъ до нихъ пры-

шолъ». Не достаесть отвѣди слугъ королю; а досказываетъ: «и послаша провѣдывать .к. юноков; юноки-ж приѣхали ко берегу и хотя воспрашати, которого царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на корабле отрока велми глѣпообразна, и зря на неизмѣрную красоту лица его, и смутися во умѣ своем и забы воспрашати. И сам говорит таково слово: *У гости корабленицы*» и т. д. Сл., для дополненія, версію в: «Они жъ (то-есть юноши) ему ничего не сказаша, только сказали, что видели на корабли юнова. И король Зензевей скоро повелѣ. осла подвести и поѣхалъ х короблю». Зензевей покупаетъ Бову за «.л. литръ злата» (то же въ олон. сп.; въ в и погод. сп.: .т. литръ»; позн. т.: двадцать литръ); Дружневна идетъ «с плачем к отцу своему»: въ подлинникѣ а стояло, вѣроятно, *съ полаца или въ полацъ*, сл. позн. т.: «на гору у палацъ»; в: «въ королевские *полаты*». Въ ав она сама указываетъ отцу на Бову, какъ на желаемаго ею служителя; сцена за столомъ (недостающая въ венеціанскомъ текстѣ), какъ въ познанскомъ, только краски наложены гуще, и слѣдуетъ непосредственно (съ опущеніемъ бесѣды Бовы и Дружневны въ ложницѣ) отъѣздъ Бовы въ поле по траву и далѣе, въ обратномъ порядкѣ противъ познанскаго текста, сцена съ вѣнкомъ въ конюшнѣ — и приѣздъ Маркобруна. Въ первой встрѣчается одна подробность, на которую какъ будто указываетъ и познанскій текстъ въ рассказѣ о призваніи Дружневны и Бова въ конюшнѣ Маркобруна: она проситъ Бова показать ей тотъ знакъ, «што есми лечыла тебе ув-отца своего, коли еси был с ѿдное скалы спал» (сл. выше стр. 269). Венеціанскаго текста нѣтъ ни для этого эпизода, ни для эпизода съ вѣнкомъ; для втораго сл. а: Бова бросаетъ вѣнокъ на землю и бѣжитъ, «и шибѣ дверми полаты тоя, полата-ж оттова потрясеса, и упаде камен полаты тои и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружневна нача рану Бове сама лечитъ» (сходно, но въ другомъ изложеніи, въ в). Позже, въ сценѣ признанія, Бова снимаетъ «клубукъ (позн. т. тоже) и показываетъ ей «язву, кою яз (Дружневна) у тебя сама лечила» (то же и въ в).

Маркобрунъ (а: «ис поморья», в: «из задонскаго царства») является сватать за себя Дружнелу, съ угрозою, которой Зензевею приходится уступить; а: «аще не даш тищери своеи, царство твое все поплению»; в: «головнею покачу»; лишь послѣ того, какъ его предложеніе принято, слѣдуетъ его потѣха въ поле (позн. текстъ: турнай). Въ а Бова просится у Зензевея посмотрѣть, какъ «корол Маркобрун з дворяны своими на поле тешитца», послѣ чего слѣдуетъ разсказъ о подвигахъ Бовы безъ всякихъ подробностей о его необычномъ вооруженіи; въ в Дружневна будить его (моментъ, можетъ быть, перенесенный сюда изъ слѣдующаго эпизода: о нашествіи султана) разсказомъ о насильномъ сватовствѣ Маркобруна; онъ просить у ней коня и меча кладенца — она отказывается, ибо «еще ты дѣтище мало, только отъ роду семь лѣтъ»; тогда онъ идетъ вооружившись метлой (= жердь позн. текста). Только въ а осталась древняя черта, что Бова скинулъ съ коня самого Маркобруна; въ а и в бой прекращенъ по просьбѣ Дружневны ¹⁾).

Бова ложится спать, а между тѣмъ «приде из Задония града царь Салтан Салтанович, да с нимъ сынъ его Лукапер... вышину имѣя .Г-хъ. сажен, промеж очима пядь» (позн. т.: межы шчюю велика пади); въ в онъ изъ Рахленскаго царства; у Лукопера голова «аки пивной котель, а промежъ очми добра мужа пядь, а промежъ ушми колена стрѣла ляжетъ, а промежъ плечми мѣрная сажень». Въ познанскомъ текстѣ эта вѣсть застаегъ Бову во время бесѣды съ Дружневной въ конюшнѣ; въ ав, вслѣдствіе указанной выше перестановки эпизодовъ, Бова приходитъ къ Дружневнѣ и узнаетъ о вражескомъ нашествіи. Бой Лукопера

¹⁾ Такъ и въ отрывкахъ удинскаго текста, чч. 264 слѣд., 301 слѣд. и въ тосканской (= франко-итальянской) версіи, недавно открытой Райной: Маркобрунъ сбить Бовой, разгнѣванъ, велитъ двумъ своимъ рыцарямъ: *Fate che qui davante amè voi l'abbiate a ferire e zrezzaghe*. Друзіана видать съ балкона, что противъ Бовы что-то затѣвается, и велитъ затрубить въ рогъ: «e in quella terra è in usanza, che quando si suona il corno di Drusiana, chiunque ene a cavallo, si disciende di sella, e chi è armato, sissi disarmà. Così fa Marcobruno e sua brigata».

съ Зензевеемъ и Маркобруномъ описанъ кратко; отмѣтимъ въ *b*, что Лукоперъ отсылаетъ плѣнныхъ къ своему отцу на «морское пристанище», понятое, очевидно, въ знакомомъ намъ употребленіи познанскаго текста (*giva*). Услышавъ разсказъ Дружневны, Бова хочеть тотчасъ же ѣхать на выручку, царевна его останавливаетъ, но только въ *b* сохранилась отвѣдь Бовы, даже болѣе близкая къ венеціанскому тексту (*v. 614 слѣд.*), чѣмъ соотвѣтствующая въ познанскомъ: «который государь купить холопа добраго, а холопъ хочеть выслужитца, да не на чемъ». Дружневна даетъ ему въ *a* «мечъ кладенець» (позн. т. кладынецю), кольчугу «добраго короля Молганскаго» (позн. т. Гальца, то-есть, *Galaso*; смѣшеніе съ Молганскъ = Маганца, сл. выше стр. 288); конь забыть, *b* описываетъ его въ сказочномъ стилѣ: «есть у государя моего батюшки добрыи конь богатырскій, стоять на .ѵі. цепяхъ, по колени в землю вкопанъ і за .ѵі. дверми».

Въ сценѣ, когда Бова на прощаньи открывається Дружневнѣ, рыцарскій элементъ исчезъ: въ позн. текстѣ царевна желаетъ напередъ узнать «родину» Бовы и тогда уже ставитъ его рыцаремъ, опоясывая мечемъ. Въ *b* отъ всего этого остался лишь послѣдній актъ, но ему никакого особаго смысла не дается. Не понятно мнѣ выраженіе *b*: Бова разсказалъ Дружневнѣ о своемъ родѣ-племени, «і Бова досталъ Дружневне песку, к сердцу присыпалъ» (?) То же и далѣе: когда рыболовъ разсказалъ Бовѣ о предстоящеи свадьбѣ Маркобруна и Дружневны, онъ «Бовѣ песку къ сердцу присыпалъ».

Агулину позн. текста отвѣчаетъ въ *a* и *b* безымянный дворецкій (въ погод. сп. Ангубинъ, въ олон. Анбугинъ). Въ описаніи боя съ Лукоперомъ общія мѣста заслонили древній текстъ: старому сарацину, съ тремя копьями въ хребтѣ (позн. т.), который приноситъ султану вѣсть о пораженіи, отвѣчаетъ въ *a* какой-то «богатыр Кухаз... а на немъ бысть д̄раны мечевых да е̄ранъ копѣиных» (въ *b*, вмѣсто него, «не великіе люди); султанъ бѣжить, Бово является въ *b* «на морское пристанище» (позн. т. «на прыстанищю»; *a*: «к шатру»). — Похвальбѣ Бовы на обрат-

номъ пути (позн. т.: «Королю, ты мене купилъ за двадцать литръ злата» и т. д.) данъ другой оборотъ: а «нѣкій господинъ купилъ собѣ холопа и далъ за него .л. литръ злата, а ныне ему холопъ такую службу сслужилъ, избавилъ его отъ смерти; и ныне бы ево государь пожаловалъ, освободилъ на волю» (сходно въ b).

Слова, которыми Дружневна встрѣчаетъ возвращающаго отца, удержаны лишь въ а; ни а, ни b не знаютъ слѣдующаго заявленія Агулина (=дворецкаго) и прямо переходятъ къ его попыткѣ убить соннаго Бову при помощи «юноковъ» (а; позн. т. юнаковъ; b юношей), при чемъ b ближе къ позн. тексту: «если есмо его теперь не згубили, а шпосле онъ насъ всехъ побьетъ, занюжъ Бово велими добрыи витезъ на кони» (позн. т.) = b «то[л]ко мы не можемъ Бовы соннаго убить, а Бова пробудитца, что намъ будетъ? Бова храбрыи витезъ»; а: «не похвала намъ будетъ такова славнаго и силнаго богатыря соннова убитъ» — Старику, играющему въ позн. т. роль короля, отвѣчаетъ въ а «постелникъ, имянемъ Арлопъ», въ b дворецкій безъ имени. — Посылая Бова къ султану, мнимый король говоритъ ему въ позн. т., чтобы онъ сброи не бралъ съ собою, а поѣхалъ-бы на *иноходникъ* (palafren); такъ и въ b: «не оседлалъ добраго коня богатырскаго, оседлалъ Бова *иноходца*»; въ а: «оседлалъ себѣ добраго коня надежнаго». Дѣлая такое измѣненіе и представляя себѣ подъ надежнымъ конемъ извѣстнаго коня, подареннаго Бовѣ Дружневной (ит. Rondello), редакторъ а увлеченъ былъ и къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ: всюду иноходника у Бовы уводитъ пилигримъ, а его коня, оставшагося дома, Дружневна беретъ съ собою, отправляясь къ Маркобруну. Въ пересказѣ а это оказалось невозможнымъ, ибо коня (=иноходца) увелъ пилигримъ, и надо было изобрѣсти новый мотивъ, чтобы онъ могъ очутиться позднѣе у Дружневны: конь сорвался у пилигрима и прибѣжалъ въ «поморье», то-есть къ Маркобруну. Для того, чтобы послѣднее указаніе было понятно, такъ какъ свадьба Маркобруна еще впереди, а въ нѣсколькихъ словахъ рассказываетъ о его сватовствѣ тотчасъ послѣ отъѣзда Бовы.

Пилигрима (а, далѣе: калагир = калугеръ), черноризца (b) Бова встрѣчаетъ подъ дубомъ (позн. т. дуб = oliver); онъ сидитъ и вкушаетъ «укругу» (а; позн. т. бохон хлѣба), что b по- нялъ какъ напитокъ: «пью укруха», «чашу укруги». — Обобран- ный Бова принужденъ идти пѣшкомъ (позн. т. дастъ ему подѣ- ѣзка = shul), а заставляетъ его положить въ кюбукъ камень, чтобы было чѣмъ оборониться отъ враговъ. Султана онъ нахо- дитъ у обѣдни (а; b: царские палаты; позн. т.: на кганку); слова, съ которыми султанъ обращается къ Бовѣ: «*мало ты перед со- бою могу видѣти*», отзываются передѣлкой фразы познанскаго текста, въ свою очередь переведенной съ итальянскаго: «*ю та мало могу любить*» = 942 *posso te posso amare*. — Бова убиваетъ (вмѣсто одного сарацина позн. текстѣ) 30 (а) или 60 молодцовъ (b); b присоединяетъ къ этому и неудачную его попытку выр- ваться и убѣжать. За Бову проситъ прекрасная Малгирія (а; пог. сп. Малгорія; олон. сп. Маргарея; b Минчтрия; позн. т. Малгарыа), общающаяся отцу обратить Бову къ вѣрѣ «Бахмета» (позн. т. Махомета; b Ахмета), но узника не приводятъ болѣе передъ султана, а уговариваетъ его Малгирія и, послѣ его от- каза, сажаетъ его въ темницу. Въ b она описана въ былинномъ стилѣ, и рассказъ о бѣгствѣ сильно измѣненъ противъ а и позн. текста: Минчтрия является въ темницу къ Бовѣ, уговариваетъ его снова и затѣмъ идетъ оповѣстить отца о своемъ неуспѣхѣ. Тотъ посылаетъ за Бовой 30 юношей, которыхъ Бова убиваетъ, по мѣрѣ того, какъ они спускаются одинъ за другимъ, найден- нымъ имъ въ тюрьмѣ мечемъ-кладенцемъ; онъ кладетъ ихъ лѣст- ницей; когда султанъ, раздосадованный на медленность послан- ныхъ, шлетъ новыхъ, также поступаетъ и съ ними и бѣжитъ. «Царь Салтанъ Салтановичъ повѣлъ в рогъ трубити и собра войска, да погнася за Бовою». Слѣдуетъ эпизодъ о кораблѣ.

Ближе къ позн. тексту рассказъ а: Бова находитъ мечъ: «и приде Бова в угол, ажно в углу *просветился мало* (позн. т.: видел.... змею, и *просветила* таа). И приде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, *кабы от многих лѣтъ*

положен тутъ (позн. т. которые тутъ *от давныхъ дней стогагъ*). Убѣжденія Малгиріи не дѣйствуютъ, она говоритъ о томъ отцу (согласно съ *b* противъ позн. текста), и тотъ посылаетъ за Бовой «т. юноков; Бова-жъ тѣхъ всѣхъ побил, и подмостяс мертвыми людьми (сл. въ *b*: лѣстницу, противъ позн. текста: коловоротъ = *cola*) и выде вонъ ис темницы и приде на царев дворъ», что напоминаетъ въ позн. т. «*тодемъ бѣгъ*» = v. 1098 *per lo palaco sen va*; въ оригиналѣ обоихъ текстовъ могло быть общее *placa*. — Бова многихъ убиваетъ и бѣжитъ «на луки морские». За нимъ гонятся два «брата родные, богатыри Ахан да Онбанъ» (пог. сл. Арам, Аврамъ), общающіе султану: «Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .б. насъ». Это — «братеники» Транкацынъ и Абрамъ познанскаго текста, но подробности разсказа въ *a* иныя.

Бова принять на корабль; когда «гости корабленицы» хотять выдать его султану, онъ убиваетъ нѣсколькихъ (*b*.; позн. т.: одного), другіе ѣдутъ съ нимъ, «подбѣжали подъ задонское царство», но ихъ отнесло непогодою; подробность ненужная, оставшаяся изъ древняго (= познанскаго) текста, гдѣ Бова велитъ ѣхать въ Арменію, но великая «фортувина» относитъ ихъ къ Момбраду, гдѣ живетъ Маркобрунъ, т. е., по географіи *b*, къ задонскому царству. — Въ *a* Бова убиваетъ всѣхъ корабельщиковъ и остается на кораблѣ одинъ. — Отъ рыболова онъ узнаетъ, что онъ въ царствѣ Маркобруна и что скоро быть свадьбѣ послѣдняго съ Дружневной (какъ въ позн. текстѣ). Въ *b* Бова проситъ рыболова продать ему рыбы, за которую щедро платитъ, а себя велитъ перевезти на берегъ; въ *a*, оставившемъ Бову одного на кораблѣ, нѣтъ купли рыбы; Бова садится въ лодку, а въ это время поднимается буря, погибаетъ и корабль и лодка и рыбаки и мечъ-кладенецъ.

Встрѣча съ пилигримомъ подъ дубомъ; въ позн. текстѣ онъ даетъ Бовѣ два зелья: отъ одного онъ будетъ черенъ какъ уголь, другое — усыпляющее; въ *a* тоже два: отъ одного «будешъ аки уголъ чернъ, а другимъ умоешъся зелиемъ, и ты аки цвѣтъ процветешъ а лице твое просияетъ аки солнечная луча»; *b*: «трое

зелье: усыпаяющее да зелье бѣлое, а третье черное». Въ а забыть обменъ платья съ пилигримомъ, также и въ в, но здѣсь мотивъ подновленъ: непосредственно за встрѣчей съ пилигримомъ Бова видитъ старика, гребущаго щепы, и насильно мѣняется съ нимъ платьемъ.

Слѣдуетъ встрѣча съ тремя юношами, «ниже баше при *единой странѣ*» = позн. т. трое гражданъ, стоящихъ «в *одномъ углу*» (въ в нѣтъ); съ поваромъ (ав; позн. т. кухаръ) и дворецкимъ (ав; позн. т. дворянинъ), который велитъ Бовѣ пойдти «под комору», гдѣ сидитъ Дружневна (позн. т.: «в комору»; в: «на задней дворъ»). Конь узналъ голосъ Бовы, началъ «велими ржати, и кои тут звездочетцы сами говорятъ промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышитъ кон государя своего Бову королевича»; когда позже Бова входитъ къ нему, онъ, будучи «привязан на *б-ми чепяхъ*, и то все оборвал». Сл. в: конь «почелъ на конюшне ржать, і от конскаго ржания *градъ трясахуся*»; «збился зъ *бѣ. цепей*»; позн. текстъ: конь «почалъ рззати такъ мощно, мало са *весь градъ не рострасъ*; «ланцухи покрышил»; въ венеціанскомъ текстѣ нѣтъ сотрясенія города, конь едва не порвалъ *семи цпней*. — Въ а, какъ и въ позн. текстѣ, Маркобрунъ, услышавъ, что пилигримъ принесъ Дружневнѣ вѣсть о смерти ея матери, велитъ его накормить (позн. т.: дай ему ести; а: вели, госпоже, ему датъ поестъ; въ в нѣтъ), только въ позн. текстѣ Дружневна плачетъ, рассказавъ пилигриму о своихъ отношеніяхъ къ Бову, въ а и в узнавъ отъ пилигрима, что онъ былъ товарищемъ Бовы по заключенію. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ на конюшнѣ в сокращаетъ, а близокъ къ позн. тексту, на примѣръ: конь «скокнул Бове на горло, а *перезжие копыта положилъ ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а такобъ конъ имелъ у себя языкъ, и онъ такъ рекъ: Откуда еси пришолъ и гдѣ еси былъ?*» = позн. т. «*передние ноги положилъ Бову на плечи и поцаловалъ усты Бова; а коли бы тотъ конъ умелъ говорить, рекъ бы ему: Добре еси пришолъ, пане!*» — Въ сценѣ признанія ав заставляютъ Дружневну усумниться, не унесъ-ли пилигримъ у Бовы его мечъ; она признаетъ

его по ранѣ на головѣ (сл. выше, стр. 269 и 291); лишнее противъ позн. т. (въ венеціанскомъ здѣсь пропускъ), что Бова третей бѣлымъ зельемъ и къ нему возвращается прежняя красота; въ вусыпляющее зелье для Маркобруна даетъ Дружневнѣ Бова. — Дружневна выѣзжаетъ на «иноходцѣ» (b; а: конѣ; позн. т.: прудцѣ = *ralafren*). — Слова Маркобруна, когда онъ проснулся и готовитъ погоню, напоминаютъ одинъ изъ итальянизмовъ познанскаго текста: «могу Бову повѣсити». — Какъ въ позднѣйшихъ итальянскихъ версіяхъ, Полканъ представляется плѣнникомъ Маркобруна (а: в погребѣ; b: в темницѣ); о его происхожденіи отъ жены и пса ничего не говорится; Маркобруну на него указываютъ «юноки» (а; b: юноши; позн. т. Мамродъ). — Бой съ Бовой рассказывается такимъ образомъ: мечъ Бовы уходитъ въ землю, Полканъ ударилъ его вырванной имъ съ корнемъ дубиной (а; b: палицей), такъ что тотъ свалился, а Полкана Бовинъ конь мыкаетъ по лѣсу (позн. т.: лугъ); Дружневна миритъ богатырей, а и b поняли это какъ братанье: «яз рад з Бовою братство воспрятъ» (а); Полканъ называетъ Бову «болшимъ братомъ» (b). Сл. *Vuovo* in 8-a rima.

Слѣдуютъ приключенія въ «Костелѣ», гдѣ княжить Урилъ(а), или «мужикъ посацкой, а има ему Орелъ» (b), который принимаетъ пріѣзжихъ съ честью. Дальнѣйшій рассказъ а сокращаетъ: Маркобрунъ подходитъ подъ Костель, беретъ въ плѣнъ Урила съ сыновьями, отпускаетъ перваго въ городъ, оставляя послѣднихъ въ залогъ; сцена въ ложницѣ, какъ и въ познанскомъ текстѣ, и непосредственно за нею выѣздъ Бовы и Полкана противъ Маркобрунова войска: Маркобрунъ бѣжитъ, Уриловы сыновья отбиты и посажены властвовать въ своей «отчинѣ». — Въ b посацкій мужикъ Орелъ вызвалъ и соответствующую народную обработку рассказа: Маркобрунъ шлетъ ему «грамоты»: пусть выдастъ бѣглецовъ, не то «яз ваш град Костель огнемъ пожгу і головнею покачу. І мужикъ посацкой велѣлъ мужикомъ собрата в земскую ізбу, и мужики собралися. И посадникъ мужикъ Орелъ пришлоъ в земскую ізбу и мужикамъ грамоту про-

челъ і почелъ говорит мужикамъ: Пойдемъ мы противъ короля Маркобруна, и яз сам пойду і двухъ сыновъ с собою возму. И мужики собрались да и выехали противъ короля Маркобруна. И король Маркобрунъ мужика посадника и з детьми полонилъ а дву сыновей взялъ в закладе, а велѣлъ здать з города Бову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну. І мужикъ припогъ въ городъ і велѣлъ збиратца мужикамъ в земскую ізбу, і скоро мужики собрались, да сталъ за мужиковъ і мужикъ посадникъ, почелъ говорить: Здать-ли намъ з города выѣзжихъ людей или не здавать? І выступала Орлова жена и почела говорить: Выезжихъ людей з города не здавать, а уже дѣтямъ своимъ намъ не пособить. І мужикъ Орелъ почелъ говорить: У всякие жены волосы долги да умъ коротокъ. И присовѣтовали мужики, что Бову з города здать. И пошелъ Полканъ къ Бовѣ: Брате Бова, долго спишь, ничего не вѣдаешъ, хотят насъ мужики з города здать. И рече Бова: Злодѣи мужики, что они про думу не гораздо удумали, не гораздо и имъ будетъ. И скочилъ Бова скоро с кровати и опахнулъ на себя шубу одевальную и взялъ под пазуху мечъ-кладенець и пошелъ в земскую ізбу, і почелъ мужиковъ рубить, от дверей і до куту мужиковъ порубилъ да и вон пометалъ. А Орлова жена побѣжала с коника к печи і почела говорить: Государъ храбры витез, не моги меня горкне вдовы погубить. И рече Бова: Матушка государыня, не бойся, дай мнѣ до утра сроку, я і дете твоихъ от полону» (то-есть: освобожу). И здѣсь дѣло кончается тѣмъ, что Бова Орловыхъ дѣтей «учредилъ».

Въ познанскомъ текстѣ, послѣ рожденія дѣтей (Симбалдо и Кввидонъ; в: Симбалда и Личарда; въ а именъ нѣтъ), Бова, оставивъ Полкана при семьѣ, ѣдетъ къ морю, не найдетъ ли тамъ кораблей Арменила; въ это время на Полкана и нападаютъ львы.— Въ а Бова отправляется на охоту и заблудился; въ б Полканъ приводитъ Бовѣ «языковъ» отъ войска Додона, отъ которыхъ узнаютъ, что они посланы въ армянское царство, чтобы схватить тамъ Бову, послѣ чего самъ Бова отправляется туда на

«дело ратное». Такъ объясняется въ а и в отсутствіе Бовы въ то время какъ Полканъ погибаетъ, отбиваясь отъ львовъ.

Конецъ повѣсти поражаетъ въ познанскомъ текстѣ краткостью изложенія: переводчикъ какъ будто спѣшилъ, и здѣсь а и в наиболѣе расходятся съ его оригиналомъ, но въ тоже время и между собою; не потому ли, что каждый восполнялъ по-своему краткое изложеніе и своего подлинника? При такомъ взаимномъ отношеніи текстовъ нельзя и ожидать между ними тѣхъ дословныхъ совпаденій, какія до сихъ поръ встрѣчались.

Обратимъ вниманіе на послѣдовательность, въ которой всѣ три текста излагаютъ послѣднія событія повѣсти.

Познанскій текстъ. По смерти Пулкана Дружнена идетъ искать Бова; онъ возвращается, погребаетъ Пулкана; Рычарда приглашаетъ Бова, назвавшагося Ангосомъ, на службу къ Симбалду. Бой Рычарда съ Бовомъ. Походъ на Антонію; *Бово открывається Терызу передъ началомъ битвы.* Бово и Терызь лекарями у Додона; его удаляютъ изъ города; Блондоя замурована. [Эпизодъ войны съ Пипиномъ и вернувшимся Додономъ, неизвѣстный а и в]. — Дружнена въ Арменіи у отца. — Послы Малгаріи, у которой умеръ отецъ, просятъ Бова оборонить еѣ отъ короля угорскаго и жениться на ней. — Бова въ Задоніи, куда является и Дружнена; признаніе; Терызь женится на Малгаріи, у него сынъ Гвидонъ и внукъ Терызь.

Текстъ а. Дружнена, по смерти Полкана, идетъ искать Бову и заблудилась; Бова возвращается, находитъ Полкана убитымъ; Личарда принимаетъ Бову (имени Ангоса нѣтъ) на службу къ Симбалду; бой Бовы съ Личардой (кончающійся смертью послѣдняго). — Бова «потеря бѣлымъ зелиемъ» и *узнанъ Симбалдой.* Походъ на Антонію; Бова и Терызь идутъ лекарями къ Додону, котораго и *убиваютъ*; Милитрису приказано «*обковат в бочку дубову*». — Бова посылаетъ *свататься за Малмирю*, которой отецъ не умеръ и приглашаетъ Бову самого пріѣхать за дочерью. — Дружнена прибудилась въ Арменію, гдѣ царствовалъ «отца ея короля Зинзовея постелникъ, имянемъ Арлопъ, а отца

ея короля Зинзовея в животе нѣтъ»; она потихоньку выспрашиваетъ путь «ко граду Онтону». Свиданіе ея съ Бовой происходитъ здѣсь, не въ Задоніи; о Малгирѣ далѣе нѣтъ рѣчи, и повѣсть кончается тѣмъ, что Бова снова пожаловалъ Симбалду Суминомъ градомъ, Арлопъ, когда-то измѣннически пославшій Бову къ султану, посаженъ въ городѣ Арменѣ и повѣшенъ, а на его мѣсто поставленъ братъ Симбалды, Огень.

Текстъ в. Потуживъ о Полканѣ, Дружневна ѣдетъ въ Арменское царство, оттуда въ «Рахленское». — Бова, похоронивъ «Полкановы плесны», также отправляется въ Арменское царство, «чтобы ему *дворецкаго убить*, которой дворецкой послалъ ево на смерть». Это какъ будто указываетъ на эпизодъ а объ Арлопѣ, но далѣе о наказаніи дворецкаго мы ничего не узнаемъ. — Зензевею Бова незнакомъ, ибо король спрашиваетъ его объ его имени: тотъ называетъ себя *Августомъ*; очевидно, Зензевей по ошибкѣ поставленъ вмѣсто Симбалда, которому въ познанскомъ текстѣ Бова назвался Ангосомъ. — Зензевей проситъ Августа послужить ему; между тѣмъ пришли изъ Рахленскаго царства послы провѣдывать Бову: царевна Минчитрія хочетъ за него замужъ идти. Августъ велитъ имъ вернуться; «а Бова будетъ у васъ». Онъ является къ Минчитрії, креститъ ее, положили быть свадьбѣ; а «у Дружневны дѣти уже на разумѣ, Симбалда играетъ в гусли, а Личадра в домъру». — Признаніе совершается; Минчитрія Бова обѣщаетъ не дать ея никому въ обиду, а самъ ѣдетъ, подъ тѣмъ-же именемъ Августа, къ Симбалдѣ, который жалуется ему на Додона, убившаго Гвидона и отгоняющаго ихъ «животину». Бова и сынъ Симбалды, Дмитрій, идутъ подъ градъ Антонъ, въ свою очередь отгоняютъ животину (подробность, забытая въ а, но извѣстная познанскому тексту), а Бова ранитъ и Додона. Три дня ходитъ Бова плакать на могилу отца, Дмитрій говоритъ о томъ Симбалдѣ: «Не государь ли нашъ храбрый витез Бова Королевичъ?». Умывшись бѣлымъ зельемъ Бова снова сталъ «велии лѣпообразенъ», его *признають*. — Слѣдуетъ извѣстное леченіе Додона, голову котораго, прикрытую на блюдѣ ши-

ринкой, Бова подноситъ матери; «і велѣлъ Бова гроб здѣлать, мать свою живу во гроб, и одевал гроб камками і бархаты, погреб Бова мать свою живу в землю». Повѣсть кончается тѣмъ, что онъ освобождаетъ изъ темницы и выдаетъ за князя дѣвку, которая не дала Бовѣ отвѣдать отравленныхъ хлѣбовъ, посланныхъ ему матерью; съ тѣхъ поръ она томилась въ тюрьмѣ, «ажно у дѣвки власы до пят отросли». Дмитрія Бова женить на Минчитрии; «и почелъ Бова жить на старинѣ з Дружневною да и з дѣтми своими, лиха избывати а добра наживати. И Бовѣ слава не минетца отнынѣ и до вѣка».

Я далъ нѣсколько подробныхъ выписокъ изъ рецензіи в, чтобъ охарактеризовать ту череду въ развитіи народной книги, когда она готовится перейти въ сказку, охватывается ея стилемъ, тянетъ къ почвѣ, какъ на примѣръ, въ той сценѣ, гдѣ герцогъ Оріо обратился въ посадскаго мужика Орла, средневѣковой замокъ — въ земскую избу; или когда описывается посольство, и всякій разъ посолъ кладетъ на столъ грамоту и т. п. Въ духѣ того же народнаго приуроченія нѣкоторыя былинныя выраженія (на примѣръ: «головней покачу»; сл. Гильф. № 207: Хотуть Кіевъ градъ головней катить), любовь къ повтореніямъ: о конѣ Бовы дважды въ разныхъ мѣстахъ говорится, что онъ стоитъ привязанный на столькихъ-то цѣпяхъ, за столькими-то дверями, и уже до послѣдней добирается; дважды посылаетъ Дружневна своихъ сыновей къ Бовѣ, чтобы дать ему возможность дважды явиться къ ней и увидѣть ее то въ измѣненномъ, то въ своемъ образѣ. Къ сказочнымъ приемамъ принадлежитъ и особое предрасположеніе къ эпической справедливости. Враги и измѣнники должны быть наказаны: въ познанской повѣсти (и въ венеціанской поэмѣ) Бова бьется съ Ричардо, но не убиваетъ его, при чемъ, очевидно, этотъ Ричардо не одно лицо съ приверженцемъ Додона въ началѣ повѣсти, ибо тотъ убитъ Терызомъ. Въ а и в послѣдняго эпизода, какъ мы видѣли, нѣтъ; Ричарда, съ которымъ бьется Бова въ а, дѣйствительно, предатель, сторонникъ Додона, и Бова его наказываетъ. Къ этому а и в присоединяютъ

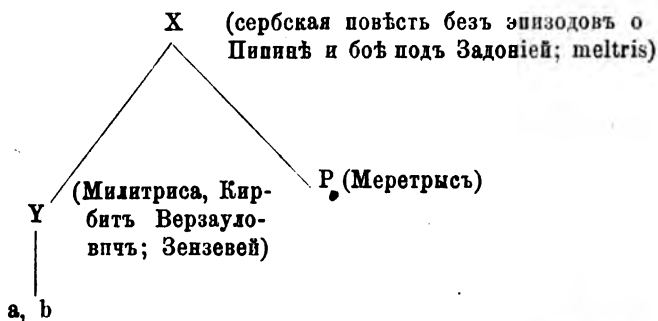
наказаніе еще и другаго предателя: дворецкаго, пославшаго Бову на вѣрную смерть къ султану¹⁾. На оборотъ, но въ духѣ той же эпической справедливости, награда, которой въ *b* удостоивается дѣвушка, спасаая Бову.

Въ а подобныхъ передѣлокъ и особенностей, характеризующихъ *b*, вообще меньше; на значительномъ протяженіи онъ довольно близко отвѣчаетъ содержанію и плану познанской повѣсти, воспроизводя отчасти и ея фразу, но такъ, что въ иныхъ случаяхъ бѣльшая близость оказывается на сторонѣ *b*. Тамъ и здѣсь а и *b* удержали, стало быть, букву своего подлинника, близкаго къ подлиннику познанскаго списка. Что этотъ оригиналъ былъ сербскій, на это указываютъ удержавшіеся, не смотря на полную великорусскую переработку, сербизмы въ родѣ: юнокъ, клобукъ, лугъ въ значеніи *bosco*, оставшіеся всюду, гдѣ тому не перечилъ смыслъ и замѣненный лѣсомъ лишь тамъ, гдѣ по смыслу безъ него нельзя было обойтись (въ сценѣ, когда конь Бовы ободралъ Полкана, нося его по лѣсу). — Что не бѣлорусскій текстъ познанскаго списка былъ исходною точкой великорусскихъ версій, доказательство тому я вижу не столько въ отсутствіи въ послѣднихъ какихъ-бы то ни было слѣдовъ діалектическихъ особенностей перваго (въ великорусскомъ пересказѣ имъ легко было стереться), сколько въ имени *Милитрисы* вм. позн. *Меретрисъ*. Если меретрисъ, какъ мы предположили, есть этимологическое подновленіе бѣлорусскаго переводчика, вм. мелетрисъ = *meltris*, то наша Милитриса привязывается не къ подновленной, а къ древней формѣ имени, стоявшей въ оригиналѣ а и *b*. Въ этомъ оригиналѣ не было ни эпизода о Пипияѣ, ни сцены боя подъ Задоніей, которыхъ не знаетъ и познанскій текстъ. Изъ этого источника (= х) пошелъ, съ одной стороны, познанскій текстъ (= р), съ другой — подлинникъ а и *b*. Что ведетъ насъ къ его обособленію, это новыя имена, согласно являющіяся въ а

¹⁾ См., впрочемъ выше, стр. 232, сходный эпизодъ въ старо-французскомъ романѣ.

и b (Кирбить Верзауловичъ, отецъ Милитрисы¹⁾; Зензевей Андоровичъ = Армениль), либо являющіяся въ одномъ a (Аханъ, Онбанъ, Арлопъ²⁾, городъ Празнь; Огень), можетъ быть, лишь опущенныя въ b (?). Этотъ непосредственный источникъ a и b (= y) могъ быть сербскимъ, но его амплификации могли принадлежать и русскому пересказчику, хотя первое представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

Всѣ эти выводы, а вмѣстѣ и предположенія, ожидающія проверки, могутъ быть выражены въ слѣдующей генеалогической схемѣ:

При такомъ предположеніи Бова явился у насъ въ двухъ переводахъ съ сербскаго; сходство нѣкоторыхъ фразъ между p и ab объяснилось бы не изъ взаимной ихъ зависимости, а изъ стилистическаго сходства источниковъ; p осталось въ рукописи, отраженія у (ab) завладѣли народною фантазіей и пошли гулять по лицу русской земли. Лугъ = bosco заставляеть подозрѣвать и для сербскаго Бова то же далматинское происхожденіе, какое мы сочли возможнымъ допустить, на основаніи другихъ соображеній, и для источника познанскаго Тристана. Замѣтимъ кстати,

¹⁾ Въ *Vuovo* in 8-a rima, c. I, st. 9, отецъ Брандоніи названъ *Duca Borgognon* (въ *Maasebuch*, изд. Amsterdam, 1661: *Brandania* изъ *Burgundia*); въ *Reali di Francia: Ottono di Guascogna*; въ отрывкахъ тосканской версии, найденной Райной (= франко-италианской), *Ugo di Guascogna*.

²⁾ Въ *Vovo* in 8-a rima, c. IV, st. 24, старикъ, отвѣчающій Арлопу, не названъ.

что въ Зарѣ, у Piazza dei Cinque Pozzi, находится древняя башня, когда то носившая названіе: Lucerna di Sinella, впоследствии прозванная: Torre di Buovo d'Antona. Sinella указываетъ не на венеціанскаго Бово и его отраженія, а на Reali di Francia, извѣстные въ старомъ хорватскомъ переводѣ (сл. выше, стр. 246): здѣсь Sinella, отвѣчающая Садоніи, Сидоніи венеціанскаго и франко-итальянскаго, Sivele, Civile (= Севилья) французскихъ текстовъ¹⁾ — помѣщена именно въ Далмаціи (Schiavonia). Описка Sinele вм. Sivele, Suyelle и т. п. повела и къ новой, случайной локализациі — и къ мѣстному прозвищу: Lucerna di Sinella.

¹⁾ Сл. выше стр. 232, 238 и P. Rajna, I Reali di Francia, стр. 206—7.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

III.

А Т Т И Л А.

I.

Историческая дѣятельность Аттила нашла себѣ народную оцѣнку въ цѣломъ рядѣ легендъ и сказаній, разнообразную смотря по средѣ, въ которой они слагались¹⁾. Для латинскаго запада Аттила былъ главнымъ образомъ разрушитель; тѣ народности, которыя, какъ готы, слѣдовали за нимъ въ его побѣдоносныхъ набѣгахъ, болѣе какъ союзники, чѣмъ какъ побѣжденные, сохранили о немъ память, какъ о могучемъ и славномъ властителѣ, впервые объединившемъ и обрушившемъ на христіанскій западъ соединенныя силы степныхъ и германскихъ ордъ. Такъ сложились два эпическихъ теченія, латинско-христіанское и гуннско-германское или ближе гуннско-готское; ни то, ни другое не дошло въ своемъ развитіи до организаціи пѣсеннаго цикла и цѣльности поэмы, но оба пережили обычные въ жизни эпоса процессы дегенерациі и осложненія, несчитающагося съ хронологіей. Какъ въ латинско-христіанской традиціи Аттила является смѣшаннымъ

¹⁾ Онѣ были разобраны Am. Thierry, *Histoire d'Attila et de ses successeurs* 1874, t. II p. 221 слѣд. и D'Ancona'ой: *La leggenda d'Attila Flagellum Dei in Italia*, въ *Studi di critica e storia letteraria* (Bologna, Zanichelli, 1880) p. 363 слѣд. и въ *Antichi poemetti popolari italiani* (тамже, 1886 г.), стр. 169 слѣд.; на это изданіе мы далѣе и ссылаемся.

съ Тотилой и вмѣстѣ мучителемъ (въ 451 г.) св. Урсулы и ея спутницъ, выѣхавшихъ изъ Бретани въ 383 году, такъ въ нѣмецкомъ эпосѣ онъ представляется современникомъ Эрманариха, Теодориха и Одоакра. Въ первомъ случаѣ циклизация произошла подъ впечатлѣніемъ христіанской легенды: для нея Аттила былъ «бичемъ божіимъ», на него естественно переносились всѣ ужасы преслѣдованій и мученическихъ казней; во второмъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ ходячихъ промаховъ эпической памяти: за Аттилой нѣмецкихъ поэмъ необходимо предположить древнее, готско-гуннское пѣсенное преданіе, въ которомъ Аттила являлся *дѣятельнымъ* центромъ; это положеніе осталось за нимъ и впоследствии, но когда историческое содержаніе преданія изсякло и новыя имена и разсказы явились на смѣну старыхъ, Аттила спустился къ значенію центра *собирательнаго*: вокругъ него разыгрывается трагедія Нибелунговъ, къ нему примыкаетъ и отъ него исходитъ дѣйствіе поэмъ о Дитрихѣ-Теодорихѣ готскомъ, о Битерольфѣ, Вальтерѣ Аквитанскомъ. Параллельно съ этимъ идетъ и детеріорація его типа, напоминающая ту, которая въ старо-французскомъ эпосѣ постигла Карла Великаго: онъ слишкомъ благодушенъ и слабъ для героя, и богатыри, столующіе у него, переросли его головою. Таковъ онъ въ *Etzels Hofhaltung*.

Подобное измѣненіе типа, но въ обратномъ смыслѣ, совершилось на почвѣ латинско-христіанской легенды. Аттила явился въ ней въ началѣ представителемъ жестокаго язычества въ его противоположности къ христіанству; божьей кары, насланной на христіанъ за ихъ прегрѣшенія: *flagellum Dei*. Этотъ библейскій эпитетъ, сложившійся въ приложеніи къ Аттилѣ въ V—VIII вѣкѣ, у насъ примѣнявшійся къ Половцамъ¹⁾, обращается позднѣе въ кличку Атиллы, которую онъ носитъ сознательно. Такъ въ разсказѣ у *Thwrosz'a* I, 15, несомнѣнно болѣе древнемъ въ своей основѣ, чѣмъ его записъ: наканунѣ каталаунской битвы гунны

¹⁾ «И се попусти Богъ казнь на ны..... се бо есть *батоуъ Ею*, да подвижемся отъ злаго пути».

схватили въ лѣсу подь городомъ отшельника, слышшаго за пророка. На вопросъ Аттилы, за кѣмъ останется побѣда, онъ отвѣчаетъ: *Tu es flagellum Dei... accipiet tamen hunc gladium a te dum voluerit et illum alteri tradet.* Аттилу это вѣщаніе приводитъ въ восторгъ и онъ восклицаетъ въ реторическомъ самознаніи:

Stella cadit, tellus fremit, en ego malleus orbis.

Когда позднѣе онъ подѣзжаетъ къ стѣнамъ Труа и требуетъ, чтобъ ему отворили городскія ворота, епископъ св. Лупъ спрашиваетъ его: *Tu quis es qui terram dissipas et conculcas? Cui Attila: Ego sum Attila, rex Hunnorum, flagellum Dei* (ib. I, 16). *Vene venerit flagellum Domini mei!* (ib.), отвѣчаетъ епископъ, велитъ отворить ворота и, схвативъ подь узды коня Аттилы, вводитъ его въ городъ. За нимъ идетъ все гуннское войско, но они ничего не видятъ, пораженные слѣпотою, и прозрѣваютъ лишь выступивъ изъ другихъ городскихъ воротъ. Подобныя рассказы о чудесномъ ослѣпленіи привязались съ именемъ Аттилы къ другимъ мѣстностямъ Франціи (Metz, Dieuze и др.), по легендѣ о св. Лупѣ сложилась сходная о св. Геминьянѣ, епископѣ моденскомъ (Thierry I. с. 244), какъ, наоборотъ, легенда о св. Германѣ Оксеррскомъ отразила главныя черты римской: о папѣ Львѣ (D'Ancona I. с. стр. 199 прим. 1). Мѣстный эпосъ разрастался по направленію нѣкоторыхъ излюбленныхъ рассказовъ, передававшихся изъ одной среды въ другую: положеніе и мотивы оставались, приуроченія ограничивались часто собственными именами.

Демоническое самознаніе Аттилы въ пересказѣ Thwrocъ'a едва-ли не позднѣйшая черта; она напоминаетъ извѣстный монологъ Ezzelino da Romano въ Eccerinis Albertino Mussato; но орудію Божія гнѣва естественно было быть служителемъ дьявола: въ житіи св. Никазія самъ сатана открываетъ Аттилѣ врата Реймса, побуждая его къ избіенію и насилію. Въ этой связи стоитъ, въ извѣстной мѣрѣ, и развитіе иконографическаго типа Аттилы въ Италіи, гдѣ его любятъ представлять съ песьей головой. Уже Іорданъ рассказывалъ о готскихъ колдуньяхъ, из-

гнанныхъ при королѣ Филимерѣ въ Скиѳію, гдѣ отъ ихъ сожительства съ нечистыми духами произошли предки гунновъ; въ IX вѣкѣ Корвейскій грамматикъ отождествляетъ ихъ съ Гогомъ и Магогомъ, заключенными Александромъ В. за горами сѣвера¹⁾ — въ числѣ другихъ нечистыхъ народовъ, которыхъ древнерусская иконографія любитъ изображать песиглавцами²⁾. Прибавимъ къ этому страшный, необычный видъ гунновъ, ихъ непонятную рѣчь; слово *xanz*, Кап, сближенное съ *capis* — и мы объяснимъ себѣ, какимъ образомъ Аттила, показатель гуннской расы, могъ представиться кинокефаломъ. Такимъ изображаютъ его народныя итальянскія картинки: съ палкой-скипетромъ въ рукѣ, съ собачьими ушами, выступающими изъ-за вѣнца, съ клыками собаки, придавленнымъ носомъ и бородой (D'Ancona l. c. 254). Подобный портретъ Аттилы, принесенный изъ Польши Алозіемъ Липоманомъ, епископомъ Вероны и папскимъ легатомъ, видѣлъ въ Венеціи Marzari (Historia di Vicenza, 1604, p. 44); другія изображенія, также итальянскаго происхожденія, замѣняютъ уши — рогами (D'Ancona l. c., стр. 254—5, прим. 3). Отъ такого представленія недалеко было и до другого, смежнаго и сравнительно популярнаго въ Италиі. Въ поэмахъ и повѣстяхъ о Вою D'Antona о чудовищѣ Pulicane (русск. Полканѣ) рассказывалось, что онъ рожденъ отъ женщины и пса; въ Fiorita's Armannino, giudice di Bologna, говорилось, что Резъ (Reso re di Thirpoia) послалъ въ даръ Гектору «Pellicane, mezzo cane e mezzo uomo, valentissimo arciere e leggerissimo nella corsa». И вотъ въ поэмѣ болонца Niccolò da Casola (XIV в.) и, вѣроятно, въ его франкоитальянскомъ источникѣ рассказывалось объ одномъ венгерскомъ королѣ, задумавшемъ выдать свою дочь за наследника византійскаго престола и заключившемъ ее пока въ башню, дабы уберечь ее отъ опасностей, грозившихъ ея красотѣ. Случилось, чего онъ не ожидалъ: царевна забеременела отъ своей собачки и родился — Аттила. — Эту версію легенды,

¹⁾ См. мон. Южно-русскія былинны, вып. II, стр. 178, прим. 1.

²⁾ Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 455.

удержанную, хотя съ оговоркой (*però comunque sia, V'ha chi la crede e chi l'ha per bugia*) авторомъ итальянской народной поэмы (D'Ancona стр. 282), но умолчанной въ *Maggio* объ Аттилѣ (ib. стр. 285), D'Ancona сближаетъ съ карачайскимъ преданіемъ, слышаннымъ на Кубани однимъ венгерскимъ путешественникомъ¹⁾. Мѣсто дѣйствія другое, но завязка та-же: одинъ константинопольскій императоръ такъ бережетъ честь своего имени и рода, что заключаетъ на одномъ островѣ Пропонтиды свою единородную дочь-красавицу *Allemely*; при ней старуха-мамка и пятнадцать дѣвушекъ, данныхъ ей въ услуженіе; къ острову запрещено приближаться кому-бы то ни было подѣ страхомъ смерти. Въ этомъ одиночествѣ вырастаетъ *Allemely*; ея красота растетъ, и кто-бы не увидалъ ее, всѣ въ нее влюбляются, вѣтеръ ласкаетъ ее своимъ дуновеніемъ, морскія волны лобзаютъ ея ноги, когда она идетъ берегомъ; однажды, когда она заснула, лучъ солнца проникнулъ къ ней въ окно и оплодотворилъ её. Когда отецъ узналъ о ея беремености, онъ послѣшилъ скрыть свой стыдъ: посадилъ дочь и ея свиту на корабль, нагруженный золотомъ и алмазами, и пустилъ въ открытое море. Вѣтеръ бережно пронесъ его въ Босфоръ и Черное море, и оно, обыкновенно грозное для всякаго, пытающагося плыть его водами, тихо довело его до кавказскаго побережья, къ области, гдѣ въ то время властвовали мадьяры. Молодой вождь ихъ былъ въ то время на охотѣ, видитъ богато убранное судно, женщинъ, молившихъ о помощи; онъ ловко пускаетъ стрѣлу, къ концу которой прикрѣплена была длинная шелковая веревка; стрѣла упала на корабль, никого не ранивъ, дѣвушки, спутницы *Allemely*, привязываютъ веревку къ мачтѣ, а люди хана притягиваютъ судно къ берегу. Красавица рассказываетъ о своихъ приключеніяхъ и, разрѣшившись отъ бремени сыномъ солнца, выходитъ замужъ за хана, котораго также подарила сыномъ. Выросши молодые люди ненавидятъ другъ друга; отецъ пытается

¹⁾ Cf. Thierry l. c. p. 419 слѣд., по: *Voyage en Crimée au Caucase etc., fait en 1830, pour servir à l'histoire de Hongrie.* Paris. 1838.

помирить ихъ, умирая надѣется предотвратить будущія разногласія, упорядочивъ права наслѣдства; но напрасно: по его смерти усобица сыновей раздѣлила и народъ на двѣ партіи, боровшіяся другъ съ другомъ; вторженіе иноземцевъ довершило остальное: мадьяры побѣждены, разсѣяны, утратили свое имя; такъ кончилось ихъ народное существованіе.

Сличите съ этимъ сказаніемъ слѣдующее: о происхожденіи киргизовъ¹⁾. У хана Altyn Bel'я сынъ Kaischyly Кап и дочка, родившаяся такой красавицей, что отецъ велѣлъ стеречь её подъ землею, дабы её не увидѣлъ человѣческій глазъ. Узнавъ отъ приставленной къ ней старухи, что есть еще и другой свѣтлый міръ, она упросила её показать его ей; только что вышла она изъ подземелья, какъ Божій взоръ упалъ на неё и она забеременела. Догадавшись объ этомъ, старуха винится матери, та открываетъ происшедшее мужу, который велитъ умертвить дочь или вообще удалить её съ глазъ. Мать положила её въ золотой сундукъ, дала съ собою пищи и пустила въ море, привязавъ снаружи ключъ отъ замка. Съ берега, гдѣ они охотились, Domdagul Sokur и Toktagul Mergän видятъ сундукъ, рѣшили достать его и, чтобы впослѣдствіи не спорить о дѣлѣжѣ, подѣлили напередъ: Toktagul Mergän возьметъ, что внутри, Domdagul Sokur что снаружи. Первый выстрѣлилъ въ сундукъ стрѣлою, къ которой былъ прикрѣпленъ шелковый шнурокъ, и такъ притянулъ его къ берегу. Оба поражены красотой дѣвушкѣ, которая говоритъ, кто она, и согласна выйти замужъ за Toktagul-Mergän, когда сама разрѣшится отъ бремени. По нѣкоторомъ времени она родила мальчика, красивѣе ее самой, по имени Schyngys'a²⁾;

¹⁾ Radloff, Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, III, стр. 80 слѣд. Легенды о Чингисѣ сл. у Потанина, Очерки сѣверо-западной Монголіи IV, стр. 801 слѣд.

²⁾ Въ бурятской сказкѣ о Шингисѣ разсказывается иначе: у одного хана было двѣ жены; у младшей родился ребенокъ; у старшей не было. Младшая написала мужу, находившемуся въ походѣ, письмо; старшая подмѣнила письмо и написала: родился ни ребенокъ, ни звѣрь. Царь отвѣтилъ: Оставить до моего приѣзда. Старшая жена опять подмѣнила письмо и написала; Заложить въ смо-

въ городѣ, гдѣ они жили, умеръ какъ разъ властитель, и Schungys'a выбрали ему преемникомъ: онъ былъ справедливъ, никого не обижалъ, народъ жилъ въ мирѣ, не было въ немъ ни лжи, ни воровства. Между тѣмъ мать Schungys'a вышла замужъ за Toktagul-Mergän'a и прижила съ нимъ трехъ сыновей, которые начинаютъ враждовать съ безроднымъ Schungys'омъ изъ-за наслѣдства и власти. Опасаясь за свою жизнь, онъ говоритъ матери, что хочетъ удалиться къ источнику той воды, по которой она приплыла, къ мѣсту, гдѣ живетъ его отецъ; она будетъ знать о его пребываніи по птичьимъ перьямъ, которыя принесетъ къ ней теченіе. Онъ удаляется, а правленіе его своднаго брата Börgöltöi заставляетъ всѣхъ пожалѣть о Schungys'ѣ: узнавъ у его матери о направленіи, въ которомъ его слѣдовало искать, 25 лучшихъ людей изъ народа идутъ и приводятъ его назадъ. Споръ между нимъ и братьями порѣшенъ матерью: кому удастся повѣсить свой лукъ на солнечномъ лучѣ, тотъ пусть и будетъ властителемъ. Это удастся лишь Schungys'у, ибо онъ сынъ солнца. Его царствованіе столь славно, что жители Рума, Крыма и народъ Калифа просятъ его дать имъ властителемъ одного изъ сыновей, а русскимъ досталась властительницей его дочь Ак Вібә¹⁾.

Тождество киргизскаго сказанія о Чингисѣ съ кавказскимъ внѣ сомнѣнія, только развязка и этническое приуроченіе другое. Если «мадьяры» послѣдняго принадлежать дѣйствительно ему самому²⁾, не соображеніямъ и фантазіи мадьярскаго путешествен-

ланую бочку и бросить въ море. Носило бочку по морю и прибило къ берегу. Шингысъ, заключенный въ бочкѣ, топнулъ ногою и бочка разлетѣлась. Онъ вышелъ изъ бочки; въ это время жаворонокъ пропѣлъ: «Шинъ, шинъ! За это и дали ему имя Шингысъ. Сл. Потанинъ I. с. IV, стр. 281—282

¹⁾ Потанинъ I. с. IV, стр. 324—5 (дочь Чингиса-русскій царь). Иначе ib. II, стр. 149: Акъ-падша (русскій царь)—сынъ Чингиса.

²⁾ Въ доступныхъ мнѣ сборникахъ кавказскихъ преданій я соотвѣтствующаго разсказа не встрѣтилъ. Для начала сл. чеченское сказаніе о Лялъ-Султа (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ IV, отд. II: Ахріева, Изъ чеченскихъ сказаній, стр. 8—15): У одного царя единственная дочь-красавица, ко-

ника, то сходство его начальнаго эпизода съ соответствующимъ итальянскаго преданія объ Аттилѣ въ самомъ дѣлѣ интересно: оно явилось-бы поддержкой старой гипотезы о родствѣ мадьяръ, народа уральско-финско-тюркской помѣси, съ загадочными въ этнографическомъ смыслѣ гуннами. Но гипотеза эта оказывается лишенной всякой научной подкладки: отождествленіе двухъ народностей явилось продуктомъ невольнаго смѣшенія, обусловленнаго сходствомъ ихъ исторической роли, тождествомъ осѣдлости и условій быта. Такъ уже у лѣтописцевъ, повѣстствующихъ о мадьярскомъ погромѣ; въ XI вѣкѣ тождество гунновъ и мадьяръ уже возведено было въ Венгріи въ значеніе оффиціальнаго вѣрованія¹⁾; въ Италиі, гдѣ набѣги мадьяръ распространились отъ фриульскихъ Альпъ до границъ неаполитанской области, ихъ нашествіе могло не только обновить память о гуннскомъ погромѣ, содержаніе сложившихся о немъ легендъ, но ввести и новыя. Именно мадьяры могли рассказывать о сверхъ-естественномъ происхожденіи своего родового вождя Аттилы; итальянцы переняли

торую онъ съ рожденія держитъ въ заперти; она не видитъ ни людей, ни солнца; однажды солнечный лучъ проникнулъ случайно въ ея покой, и она увидѣла на дворѣ молодыхъ людей, игравшихъ въ снѣжки. Одинъ изъ нихъ предлагаетъ другому найти что-нибудь на свѣтѣ бѣлѣе снѣга; тотъ говоритъ, что таковъ Ляль-Султа; при этомъ имени въ воображеніи царицы стала рисоваться образъ красиваго юноши; она поклялась выйти за него за-мужъ, стала задумчива и угрюма. Служанка рассказала обо всемъ царю, который велитъ посадить свою дочь въ бочку съ желѣзными обручами и пустить по рѣкѣ. Позже она выходитъ за Ляль-Султа.

По указанію Ногмова, очевидно навѣянному его литературными, не народными воспоминаніями, черкесскія пѣсни будто-бы сохранили память объ Аттилѣ-Adil; въ одной онъ названъ «бичемъ божіимъ» (?): «Господь сжалится надъ нами, горы и доли — наши, бичъ божій счастливо миновалъ ихъ»; «наша избранныя конница, охотники (?), отправилась къ Аттилѣ; когда ночь будетъ, пойдемъ и мы»; «вдоль высокихъ горъ, точно блестящія звѣзды, собираются къ Аттилѣ наши воины, ихъ удары точно удары грома». Вместе съ тѣмъ говорится, что сказаній объ Аттилѣ никакихъ не сохранилось. Сл. Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volkes, gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet u. mit einer Vorrede versehen von A. Bergé. Leipzig 1866, стр. 34.

¹⁾ Mařezali, Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin 1882 стр. 55.

этотъ разсказъ не дали ему другое освѣщеніе: Аттила былъ имъ врагомъ демоническимъ; его чудесное происхожденіе было удержано, но въ божественнаго и сверхъестественнаго оно стало противуестественнымъ: онъ уже не сынъ солнца, а отродье пса.

Такъ объясняетъ себѣ D'Ансона (I. с. 230) взаимныя отношенія кавказской и итальянской легендъ въ эпизодѣ о рожденіи и въ пониманіи типа Аттилы. Что итальянское преданіе представляетъ детеріорацію его типа, съ этимъ нельзя не согласиться; всё дѣло въ томъ, какъ понять его и какъ опредѣлить ея границы. Итальянскому перескащику происхожденіе отъ пса могло представиться позорнымъ и онъ съ умысломъ вмѣнилъ его Аттилѣ, мадьярскому сыну солнца; но ничто не мѣшаетъ предположить, что уже въ мадьярской легендѣ онъ нашелъ основныя очертанія своей, но безъ ея ухудшающаго освѣщенія. Монгольскія роды ведутъ свое происхожденіе отъ лисицы, волка, медвѣдя и т. п., и эта генеалогія, не идущая въ укоръ, принадлежитъ древней традиціи; Айно говорятъ о себѣ, что произошли отъ смѣшенія женщины съ собакой и т. п. Итальянская версія могла удержать сходныя данныя гуннско-мадьярскаго разсказа; ея детеріорація ограничилась въ такомъ случаѣ лишь тѣмъ, что она вмѣнила въ зазоръ, что первоначально было безразлично либо считалось и почетнымъ.

Рядомъ съ измѣненіемъ типа Аттилы идетъ въ латинско-христіанскомъ преданіи огрубѣніе его христіанскаго содержанія. Въ началѣ оно понято было идеально, но общей схемѣ древнихъ мученическихъ житій: Аттила, носитель грубой языческой силы, поступаетъ передъ силой христіанскаго убѣжденія, засвидѣтельствованной словомъ и дѣломъ. Этимъ идеальнымъ элементомъ чуда не удовлетворились послѣдующіе перескащики легендъ и внесли въ него мотивы грубаго, вещественнаго чудеснаго. Въ житіи св. Лупа, написанномъ, какъ полагаютъ его ученикомъ, Аттила поспѣшно отступаетъ отъ Орлеана къ Шалону, предсѣдуемый по пятамъ Аэціемъ, и переходитъ Сену выше Труа. Разрушенный въ предыдущіе гуннскіе набѣги, безъ стѣнъ

и войска, городъ этотъ не могъ противостоять гуннамъ; тогда св. Лупъ отправляется къ Аттилѣ и склоняетъ его своими мольбами пощадить городъ. Между тѣмъ его жители, не довѣряясь гуннамъ, разбрелись по лѣсамъ, и когда св. Лупъ вернулся отъ Аттилы, удержавшаго его въ качествѣ заложника, онъ нашель свою митрополию пустынной. Таковъ рассказъ древней исторической легенды (Thierry I. с. 241); мы видѣли, какою она стала въ позднѣйшемъ пересказѣ: сила убѣжденія замѣнена чудомъ внезапнаго ослѣпленія. Еще далѣе и глубже былъ процессъ огрубѣнія, постигшій извѣстный, грандіозный въ своей простотѣ рассказъ о папѣ Львѣ, остановившемъ Аттилу на берегахъ Мінціо могучею силою своего слова. Въ среднія вѣка эта сцена уступила мѣсто другой: за папой, бесѣдующимъ съ Аттилой, явился, видимый ему одному, образъ ап. Петра, облаченный въ папскія ризы и съ мечемъ въ рукѣ. Когда вожди Аттилы упрекали его за его уступчивость безоружному старнику, онъ отвѣчаетъ: не этотъ священникъ понудилъ меня вернуться, а другой, стоявшій позади его и вооруженный мечемъ, сулившій мнѣ смерть, если я не исполню его велѣнія. Эта версія легенды, напоминающая рассказъ Іосифа Флавія и греческихъ Александрій о пришествіи Александра В. въ Іерусалимъ, осложнилась въ свою очередь: на ряду съ ап. Петромъ предсталъ и ап. Павелъ; такова версія Павла Діакона (VIII в.), освященная кистью Рафаэля (Thierry I. с. 236—7). Еще далѣе, и легенда о свиданіи Аттилы съ папой Львомъ уступила мѣсто другой: въ рассказѣ Дамасція¹⁾ Аттила, никогда не доходившій до Рима, стоитъ подъ его стѣнами; происходитъ жаркая битва, въ которой съ той и съ другой стороны пали всѣ, кромѣ вождей; но еще въ теченіи трехъ дней и ночей души павшихъ продолжаютъ бороться съ прежнимъ ожесточеніемъ. Эта легенда, сложившаяся быть можетъ въ Азіи

¹⁾ См. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 285—6. Къ приведенному у меня (стр. 286 прим. 1) рассказу Дамасція о Валимерѣ, тѣло котораго издавало искры, присоединю и свидѣтельство Евставія (Λεξικόν): Βαλιμῆρ Γότθος σπινθηροβολήσας ποτὲ ἐκ τοῦ ἰδίου σώματος

(Thierry I. с. 253) или Греціи (D'Ancona I. с. 195), перешла въ Италію и полюбилась — въ самомъ Римѣ: стали показывать врата, у которыхъ происходила битва духовъ — и свиданіе папы Льва съ Аттилой перенеслось съ береговъ Mincio на берега Тибра.

Такъ сложилась *римская* легенда объ Аттилѣ, и она манила къ подраженію. Аттила никогда не осаждалъ Равенны, но Равенна желала быть имъ осажденной (Thierry I. с. 246 слѣд.); фигурировать въ легендарной исторіи Аттилы было своего рода отличіемъ, и городъ, соперничавшій въ политическомъ и церковномъ отношеніи съ Римомъ, не желалъ отставать отъ него. Въ IX-мъ вѣкѣ Agnellus рассказываетъ намъ о появленіи подъ Равенной гуннскихъ полчищъ: ихъ такъ много, что подъ ними не видно земли, какъ песчаная долина исчезаетъ подъ тучей саранчи, её облегшей. Впереди всѣхъ Аттила на богато-убранномъ конѣ, закованный въ золотые латы, съ щитомъ въ рукѣ, съ блестящимъ султаномъ на шлемѣ. Испуганный епископъ города, Іоаннъ, молится объ отвращеніи опасности и, слѣдѣя бывшему ему видѣнію, выходитъ на зарѣ во главѣ духовенства, одѣтаго въ бѣлыя ризы, съ крестомъ, хоругвями и кадилами и при пѣніи псалмовъ направляется къ стану Аттилы. Онъ въ то время держалъ военный совѣтъ въ своемъ шатрѣ; пѣніе поразило его, небывалое зрѣлище вызвало вопросъ: кто эти бѣлые люди, куда идутъ и чего отъ меня хотятъ? Кто-то изъ его окруженія, болѣе другихъ знакомый съ обычаями и фразеологіей христіанъ, отвѣчаетъ: это епископъ, являющійся, чтобы умолить тебя за своихъ дѣтей, жителей Равенны. Аттила недоумѣваетъ, разгнѣванъ неумѣстной шуткой, за которую шутникъ заплатитъ: можетъ-ли у одного человѣка быть такое множество дѣтей? Ему объясняютъ, что это дѣти — по благодати, и Аттила успокоился; когда епископъ явился, склоняется къ его просьбѣ — пощадить городъ. Но вы хитры на выдумки (*ingeniosi et solertissimi*), говоритъ онъ епископу: станете рассказывать, что провели меня и прогнали; въ сосѣднихъ городахъ повѣрятъ, что я васъ испугался, а это

повредило-бы мнѣ и моему войску. Сдѣлайте такъ: послѣдите назадъ, снимите съ крюковъ всѣ городскія ворота и повалите ихъ на землю; когда отъ вашей ограды останутся однѣ лишь стѣны, я вступлю въ городъ и пройду черезъ него, не сдѣлавъ вамъ никакого зла.

Равенскій епископъ представляется въ нашей легендѣ блюстителемъ православія: онъ держитъ къ Аттилѣ рѣчь о единственности Отца и Сына и тѣмъ склоняетъ его къ милосердію. Римъ не могъ оставить за Равенной этой славы — и мы присутствуемъ при новой метаморфозѣ легенды, внушенной церковными антипатіями: епископъ Іоаннъ не только схизматикъ, но и аріанинъ; пытающійся своею проповѣдью обратить Аттилу къ ереси; когда онъ наставилъ его, очернивъ въ глазахъ завоевателя вѣроисповѣданіе и характеръ папы Льва, онъ предлагаетъ сдать Аттилѣ Равенну и императорскую казну, если онъ пойдетъ на Римъ и изгонитъ оттуда папу-еретика. Аттила отправляется, но по дорогѣ встрѣченъ св. Львомъ, который въ свою очередь обращается къ нему съ поученіемъ и раскрываетъ ему невѣріе и коварство равеннского ересіарха. Открывъ обманъ, разгнѣванный Аттила возвращается вспять, беретъ Равенну приступомъ и объявляетъ: что такъ будетъ поступать со всякимъ, отвергающимъ правовѣріе папъ и главенство римскаго престола.

Какъ равенская и послѣдняя римская легенда объ Аттилѣ одолжены своимъ происхожденіемъ церковной распрѣ, будто-бы имъ разрѣшенной, такъ въ другомъ случаѣ его имя внесено было въ исторію древняго политическаго соперничества тосканскихъ городовъ между собою, служа къ его объясненію — и сложились извѣстныя легенды о Флоренціи и Фьезоле. У Malispini¹⁾ раз-

¹⁾ Извѣстно, что Scheffer-Boichorst, развивая сомнѣніе, высказанное старыми итальянскими критиками, въ сильной мѣрѣ заподозрилъ подлинность лѣтописи Ricordano Malispini, которую объявляетъ подложной передѣлкой хроники Виллани. Такъ какъ текстъ послѣдней еще не изданъ критически, то рѣшеніе вопроса, крайне вѣроятное, судя по сопоставленіямъ Scheffer-Boichorst'a, не можетъ еще быть признано окончательнымъ. Говорю это въ объ-

сказывается, что 500 лѣтъ спустя по смерти Катилины, именитый и могущественный мужъ, по имени Аттила *flagellum Dei*, пришелъ съ 200-тысячнымъ войскомъ обновить городъ Fiesole и разрушить Флоренцію въ наказаніе за поношеніе, учиненное тамъ Катилинѣ. Войдя въ городъ хитростью, онъ велъ большую дружбу съ флорентійцами, одаряя ихъ и приглашая на пиры; однажды, позвавъ къ себѣ самыхъ родовитыхъ изъ нихъ, онъ велѣлъ срубить имъ голову, по мѣрѣ того, какъ они являлись одинъ за другимъ, а трупы бросать въ рукавъ Арно, отведенный къ его дворцу и лишь за городомъ снова впадавшій въ главное русло¹⁾. Совершивъ это, Аттила принялся убивать всѣхъ безъ разбора, стараго и малаго, поджегъ городъ съ семи концовъ, а самъ удалился на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ городъ Fiesole, который обстраиваетъ на ново, чтобы досадить римлянамъ и ихъ городу Флоренціи, который они обновили лишь по смерти Аттилы. Выступивъ изъ Фьезоле онъ отправился въ Маремму, гдѣ и умеръ. У него была лысая голова и собачьи уши; назывался онъ Bello, былъ царемъ di Valdel, родился въ Готіи (nella provincia di Gozia), а властвовалъ надъ Швеціей, Панноніей, Венгріей и Дачіей. А было это при папѣ св. Львѣ въ 450 году по Р. Х.

Смѣшеніе въ этомъ разсказѣ Аттилы съ Тотилой несомнѣнно (D'Ancona стр. 188); въ самомъ дѣлѣ: не Аттила, а военачальники Тотилы осаждали Флоренцію въ 542 г.; прозвище Bello приписывается нѣкоторыми лѣтописцами Тотилѣ, не Аттилѣ, и лишь о первомъ извѣстно, что онъ скончался въ Мареммѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Malispini имя Тотилы стоитъ вмѣсто Аттилы; въ одной читается такъ: *Attile overo Totile*.

То-же смѣшеніе находитъ и у Виллани²⁾. Разсказавъ о томъ,

ясненіе послѣдовательности, въ которой является у меня разказы Malispini и Villani. Сл. D'Ancona I. с. стр. 185 слѣд.

¹⁾ Сл. сходный мотивъ въ болгарской повѣсти объ императорѣ Фокѣ. Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXXXI, Январь, стр. 79.

²⁾ Оно обычно и у другихъ писателей его времени. По разказу Artmanno (Florita, Conto XXXIII) Perugia и другія города были разрушены «al tempo di

какъ *Bela*, по прозванію *Totile*, король вандаловъ и готовъ, убилъ своего брата, лѣтописецъ ведетъ его къ осадѣ Аквилея, говоритъ о городахъ, взятыхъ имъ въ долину По; только Модена спаслась чудомъ св. Гемьяна. Замучивъ въ Болоннѣ епископа, св. Прокола, Атиллѣ направляется къ Флоренціи; мотивъ мести за Катиллину замѣненъ здѣсь другимъ: мщеніемъ за смерть готскаго короля Радагайса, предшественника Атиллы, убитаго въ той области. Дальнѣйшій рассказъ о Флоренціи и *Fiesole* тотъ-же, что и у Малиспини; слѣдуетъ перечень другихъ городовъ, раззоренныхъ Атиллой, встрѣча съ напою Львомъ, видѣніе двухъ чудесныхъ старцевъ, за нимъ стоявшихъ, рассказъ о разрушенной аркѣ, представившейся въ видѣніи императору Маркіану въ ночь, въ которую умеръ Атиллѣ. Его кончина тоже приурочена къ Мареммѣ, но иные говорятъ, прибавляетъ лѣтописецъ, что онъ вернулся въ Паннонію, гдѣ и скончался внезапно. Смѣшеніе Атиллы съ Тотилою продолжается и далѣе, ибо вслѣдъ за Тотилою въ исторіи нашествій на Италію названъ — Теодорихъ Великій.

Едва-ли можно сомнѣваться, что въ смѣшеніи Атиллы съ Тотилою точку отправленія представилъ первый, имя послѣдняго явилось случайно связью съ воспоминаніемъ объ осадѣ Флоренціи въ 542 году. Вѣроятно, отъ Атиллы на Тотилу перенесено было и прозвище *Bello*; *D'Ancona* устранилъ мнѣніе *Thierry*, видѣвшаго въ немъ нарицательное *bello*, несогласимое съ итальянскимъ представленіемъ объ Атиллѣ; но что такое *Bello*, *Belo*, *Bela*? Если это венгерское *Bela*, неизвѣстно какимъ образомъ прикнувшее къ имени Атиллы, то итальянская легенда о немъ сохранила какъ въ этой подробности, такъ и въ созвучіи разсказа о его рожденіи съ кавказской сказкой, черты захожаго,

Totyle, lo quale, chome io dissi, veramente fu flagello di Dio». Впоследствии *Perugia* была отстроена при императорѣ Юстиніанѣ его плѣнниками: *re di Persia* и *re di Rossia*; отъ ихъ именъ, будто-бы, пошло названіе города, до тѣхъ поръ называвшагося *Tuberia*. — Замѣтимъ, что *Agmannino* помѣщаетъ Атиллу = Тотилу до Константина Великаго.

вѣроятно венгерскаго преданія. Можетъ быть и Павлимиръ, по прозвищу Bello, въ хроникѣ Дуклянца, такой-же — Bela: «Paulimirus jam juvenis effectus coepit esse valde robustus et fortis bellator, ita ut in civitate Romana nullus ei esset similis, unde parentes ejus, nec non alii Romani coeperunt illum valde diligere immutaveruntque nomen ejus et imposuerunt ei nomen *Bello*, eo quod *bellum* facere valde delectabatur». За этой, очевидно, поздней этимологіей, замѣненной впоследствии другой (bello: глѣпый у Качича), стояло первоначально созвучное, захожее имя, встрѣченное, быть можетъ, дуклянскимъ пресвитеромъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ: libellus Gothorum¹⁾.

Особенную симпатію встрѣтила легенда объ Аттілѣ въ сѣверной Италіи: венгерскіе набѣги обновили здѣсь воспоминаніе о страшномъ завоевателѣ, съ именемъ котораго соединилось преданіе объ основаніи Венеціи жителями разрушенныхъ Аттілою городовъ. Аквилейцы будто бы явились сюда съ своимъ епископомъ во главѣ и мощами св. Ермагора и Фортуната и осѣлись въ Градо; Саорле (Caprula) основана бѣглецами изъ Конкордіи и Oderzo (Opitergium), Eraclea выходцами изъ Feltre и Oderzo, принесшими съ собою и тѣло св. Стефана; падуанскіе консулы Simeone dei Glauconi и Antonio Calvo da Limiana положили основаніе городу Rialto и т. п. «Венеція представлялась такимъ образомъ возросшей изъ жалкихъ остатковъ святого римскаго сѣмени, и родовитые люди и народъ могли одинаково кичиться, что въ ихъ жилахъ чистая латинская кровь не смѣшалась съ варварскою» (D'Ancona I. с. стр. 257—61). Такова въ сущности, идея разнообразныхъ легендъ объ Аттілѣ, характерныхъ для сѣверной Италіи: противоположеніе языческаго и христіанскаго моментовъ, существенное, какъ видѣли, для всего этого цикла сказаній, получило въ Италіи другую, національную окраску и ощущается, какъ противоположеніе народно-латинскаго начала всему варварскому.

¹⁾ См. мои Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣбномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССІ, Январь, стр. 97, 99, 100.

Въ сѣверной Италіи и, тѣснѣе, въ венеціанской области слѣдуетъ искать и начала литературной обработки мѣстныхъ легендъ объ Аттилѣ. Исторія этой обработки еще не выяснена въ частностяхъ (D'Ancona, l. c. стр. 263 слѣд.); въ общихъ чертахъ она представляется слѣдующей: въ основѣ лежитъ составленный, вѣроятно, еще во франко-итальянскій періодъ литературнаго развитія сѣверной Италіи, древній сводъ легендъ, авторомъ котораго былъ какой-нибудь народный пѣвецъ изъ Падум или Тревизской марки. Въ одной рукописи библіотеки св. Марка, XIV вѣка (cl. X cod. XCVI), еще сохранилась, подъ заглавіемъ *Histoire de Atila*, французская прозаическая повѣсть, пока ближе не разобранная. Изъ стараго французскаго оригинала пошелъ латинскій пересказъ, *Historia Atilas*, находящійся въ рукописи Амвросіанской библіотеки, XV вѣка, № 0,73 Sup. Съ латинскаго текста переведена была итальянская народная книга объ Аттилѣ, древнѣйшее изданіе которой восходитъ къ 1472 году: *Incomincia il libro di Attila el qual fu inzenegato da uno cane: Et poi domentre la matre se marido a uno barone, Atila nascete: come el destrusse Altin e molte altre città e in quel tempo fu principiata Venesia. Opera impressa per maestro Gabriele de Piero e maestro Phylippo suo compagno in Venecia Adi XX Zenaro M.CCCC.LXX.II.* Въ концѣ этого изданія читаются слова: *Finisse la historia d'Attila flagellum Dei translacta de lingua francesca in latina de parola in parola l'anno della incarnation del nostro Signor m. Iesu Cristo MCCCCLXXI.* — Къ концу XVI-го вѣка относится стихотворная парафраза этой повѣсти, извѣстный итальянской роетто, устранившій изъ народнаго обращенія свой источникъ и имѣвшій цѣлый рядъ сѣверно- и среднеитальянскихъ изданій, начиная съ перваго, Venezia, 1583. Роетто послужилъ съ своей стороны оригиналомъ народно-драматической пьесы, *raggio*, объ Аттилѣ.

Такова народная, или скорѣе, полународная струя въ литературной исторіи итальянской легенды объ Аттилѣ. Она дала поводъ къ особому, школьно-придворному развитію; ему подле-

жала въ особенности та сторона итальянскихъ легендъ, которая возвеличивала значеніе народно-латинскаго элемента въ борьбѣ съ иноплеменниками, а въ ней память о томъ или другомъ мѣстномъ героѣ, родоначальникѣ какого-нибудь мѣстно-чтимаго рода. Эти памяти можно было развить и приумножить — въ услуженіи придворно-династической цѣли; такъ сдѣлалъ Nicolao da Casola въ пространной французской поэмѣ объ Аттилѣ, начатой имъ въ 1358 году и пока не изданной. Матеріаломъ ему послужилъ старофранцузскій текстъ легенды, но въ ней онъ внесъ и новые эпизоды, назначенные прославить родъ Эсте и его родоначальника Foresto, одного изъ противниковъ Аттилы. На сколько онъ руководился при этомъ дѣйствительно легендарными мотивами, не попавшими въ древній сводъ легенды, на сколько просто сочинялъ въ угоду свои цѣли — рѣшить трудно. Его герой Foresto, выведенный имъ рядомъ съ Giano народной традиціи, такъ и остался принадлежностью традиціи литературной:

Il buon Foresto, dell' Italia Ettore,

какъ поетъ о немъ Tacco. Histoire de Atila сравниваетъ съ Гекторомъ своего Gilius'a = Giano, но въ рѣчи, которой послѣдній ободряетъ своихъ соратниковъ, уже выступаетъ будущій ореолъ Эсте: He prince d'Est et nos seignor uillant!

Обратимъ вниманіе на нѣкоторые эпизоды сѣверно-итальянской саги объ Аттилѣ.

Pietro Alighieri приурочиваетъ его смерть къ Римини; другой комментаторъ Божественной комедіи, Iacopo della Lana, рассказываетъ о немъ, что онъ прокрался въ городъ тайкомъ и переодѣтый и вошелъ въ лоджію, гдѣ играли въ шахматы; одинъ изъ игроковъ призвалъ его и положилъ на мѣстѣ ударомъ шахматной доски. Это преданіе, извѣстное по Histoire de Atila, повторенное и другими толкователями Данте, рассказывалось еще въ XVII вѣкѣ въ Rimini съ цѣлымъ рядомъ топографическихъ подробностей: Аттила прокрадывается въ городъ съ цѣлью осмотрѣть его; подходит къ аркѣ della Madonna del Giglio, гдѣ въ то время нѣсколько военачальниковъ играли въ

шахматы; удачный ходъ одного изъ игроковъ заставилъ его забыть о своемъ *incognito* и онъ провѣщился—песымъ голосомъ, узнавъ и обезглавленъ на высокомъ окнѣ палатко, прежде принадлежавшаго Сципіону Тинголи, нынѣ Помпею di Giulio Cesare изъ того-же рода (D'Ancona стр. 199—200 и прим.). — Rimini еще разъ встрѣтится намъ въ легендѣ, рассказывающей о цѣломъ рядѣ городовъ, либо построенныхъ бѣглецами, спасавшимися отъ гунновъ (какъ Ferrara), либо разрушенныхъ ими, какъ Миланъ, Тичино, Павія, Бергамо, Брешия, Пьяченца, Кремона, Вегра (I. с. стр. 201—204). О разрушеніи Аттилой Милана говоритъ Иорданъ; сохранились молитвы для отвращенія вражьего нашествія — и анекдотъ Свиды: будто увидѣвъ въ Миланѣ картину, изображавшую скивоовъ у ногъ римскихъ императоровъ, Аттила позвалъ живописца и велѣлъ написать себя на престолѣ, а цесарей, идущихъ къ нему съ мѣшками на плечахъ, полными золота.

Тогда какъ другіе итальянскіе города, являющіеся въ его легендѣ, кичились своимъ латинскимъ происхожденіемъ, объ Udine, какъ и о Fiesole, рассказывали, наоборотъ, что онъ построенъ самимъ Аттилой: занятый осадой Аквилей онъ выбралъ по сосѣдству долину, гдѣ нынѣ стоитъ Udine, чтобы построить тамъ крѣпость на зимовку своему войску, и желая возвести её на высокомъ мѣстѣ, въ три дни насыпалъ холмъ изъ земли и камней, принесенныхъ его воинами въ щитахъ и шлемахъ. Преданіе это долго сохранялось — въ названіе одной древней, вѣроятно, римской башни: Torre di Attila, и ему-же приписанъ былъ шлемъ, найденный въ XVI-мъ вѣкѣ въ насыпи, будто бы имъ сооруженный (I. с. стр. 205—7).

Однимъ изъ первыхъ городовъ, испытанныхъ ужасы гуннскаго нашествія, была Аквилея, когда-то «caput Italiae», ключъ къ ея восточнымъ областямъ и значительное торговое мѣсто, нынѣ бѣдная рыбацкая деревушка (I. с. стр. 207 слѣд.). Она такъ долго сопротивлялась Аттилѣ, осадившему её въ 452 году, что онъ уже помышлялъ объ отступленіи, чтобы не попасться между войсками императора Маркіана и Аэція. Легенда помѣщаетъ здѣсь анекдотъ, передающійся также и объ осадѣ Al-

тино: Аттила замѣтилъ однажды журавлей, вылетающихъ изъ города, и объяснилъ своимъ, что птицы эти покидаютъ свои гнѣзда лишь понужденныя къ тому голодомъ. Это ободрило гунновъ: съ изморенными жителями легко будетъ справиться; городъ дѣйствительно взятъ приступомъ и разрушенъ до основанія.

Этотъ рассказъ объ аквилейскомъ сидѣннiи испыталъ рядъ наслоеній: рассказывается о нѣкоей женѣ Degna, бросившейся съ высоты башни въ рѣку Natisone, дабы спасти свою честь (Hist. miscella); о томъ, какъ въ одну изъ своихъ ночныхъ развѣдокъ въ городѣ Аттила чуть не попалъ въ руки враговъ: прислонившись къ стѣнѣ, съ лукомъ въ рукѣ, мечемъ въ зубахъ, сверкая глазами, онъ отбивается отъ нападающихъ, въ рукахъ которыхъ оставилъ свой шлемъ. — Позднѣйшіе рассказы сдѣлали изъ осады Аквилей общетальянское дѣло: къ ея властителю, Менарро, къ его брату Antioso (либо: Ogioco, Ogico, въ имени котораго D'Ancona видитъ Ergo, фриульскаго герцога, стр. 214, прим. 1; въ Histoire de Atila: Menapus, Atriochus) приходятъ на помощь представители другихъ итальянскихъ областей: Rimini посылаетъ во главѣ отряда Gualtieri, Анкона Raffaello, Фано-Bertologi; въ именитыхъ семьяхъ Фриули и венеціанской области могли держаться горделивыя преданія, что ихъ предки бились съ Атиллой, и если Casola называетъ ихъ по именамъ, въ его измышленія придется удѣлить мѣсто и родовымъ, хотя бы и фантастическимъ воспоминаніямъ. Менарро съ братомъ долгое время держатся; однажды Менарро чуть не убилъ Аттилу, котораго спасли подоспѣвшіе гунны; убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивленіе невысказано, защитники города тайно удаляются на корабляхъ, направляясь къ Градо, а на покинутыхъ стѣнахъ поставили деревянные куклы, въ шлемѣ и доспѣхахъ, которыхъ враги принимаютъ за часовыхъ — пока охотничій соколъ, сорвавшійся съ перчатки одного гунна, не опустился на голову одного изъ мнимыхъ воиновъ. Аквилей взята, грабежъ и пожаръ длятся десять дней; по одному мѣстному преданію, державшемуся еще недавно, аквилейцы, прежде

чѣмъ удалиться, схоронили всѣ свои драгоценности въ нарочно для того вырытомъ колодцѣ, который потомъ засыпали. Еще въ началѣ нашего столѣтія въ нотаріальныхъ актахъ Аквилей при куплѣ и продажѣ земли продавецъ выговаривалъ себѣ обладаніе тѣмъ колодцемъ — если бы паче чаянія онъ былъ найденъ.

Уже въ повѣсти объ осадѣ Аквилей выступаетъ на сцену лицо, вокругъ котораго эпически соединились воспоминанія объ итальянскомъ народномъ подъемѣ въ пору борьбы съ Аттилой: это властитель, царь Падуи Aegidius, Gilius, иначе Ianusius, Genusius, Jano, Giano¹⁾. Scardeone (*De Antiquit. urbis Patavii* l. 3, cl. XIII) называетъ его «Rutenum principem»; «legitur hunc Genusium natum esse anno salutis quadringentesimo decimosexto ex progenie Vitaliani et patre Valerio ex matre Lavina, dicuntque in ejus ortu nova in coelo prodigia apparuisse, atque eadem nocte e stabulo patris equum fugisse qui numquam amplius potuit reperiri» (*D'Ancona* l. c. стр. 218—219 прим. 1). При осадѣ Конкордіи (*ib.* стр. 218 слѣд.), которую легендарная исторія Аттилы помѣщаетъ за взятіемъ Аквилей, Аттила видитъ во снѣ вѣнчаннаго, опоясаннаго мечомъ мужа, который наступаетъ на него и смертельно ранитъ въ мѣстности, опустошенной и выжженной до тла. Это — Giano. Судьба Конкордіи та-же, что и Аквилей; жители спасаются моремъ, а Аттила, послѣ нѣсколькихъ другихъ побѣдъ и опустошеній, доходитъ до Altino, гдѣ встрѣчается лицомъ къ лицу съ представителемъ латинской расы: Аттила бьется съ Giano на копьяхъ и мечахъ и такъ поражаетъ противника, что того спасаетъ лишь быстрота его коня, а Аттила успокоивается на счетъ бывшаго ему пророческаго видѣнія. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь жители Altino бѣгутъ на корабляхъ; городъ разрушенъ и выжженъ (l. c. 221—222); Аттила обращается къ осадѣ Падуи, на помощь которой

¹⁾ Giano, очевидно, Janus, древне-итальянскихъ легендарныхъ генеалогій. О царѣ эпиротовъ Янѣ, спасшемъ своимъ самопожертвованіемъ Римъ, осажденный варварами, рассказываетъ Беда, *De divisionibus temporum* и его подражатели Сл. G. Paris, *Le récit Roma dans les Sept Sages, Romania*, т. IV, p. 125 слѣд.

пришли руководимые Almerigo павійцы (*Histoire de Atilé: cuens de Paue, Naimeris li lombars*) и побѣдоносный Giano: онъ сражаетъ Аттилу, который, одолженный своимъ спасеніемъ своему коню и помощи трехъ тысячъ гуннскихъ всадниковъ, вызываетъ на другой день своего противника на поединокъ. Giano выбиваетъ его изъ сѣдла, отрѣзалъ ухо, хочетъ снять голову, но ему на выручку являются 500 гунновъ. Giano взять въ плѣнъ, но Аттила не только поступаетъ съ нимъ по рыцарски, отпустивъ его на свободу, но и велитъ повѣсить гунновъ, нарушившихъ своимъ вмѣшательствомъ законы о поединкѣ.

Развязка этого эпизода напоминаетъ предыдущія — одно изъ общихъ мѣстъ итальянской легенды объ Аттилѣ: отчаявшись въ спасеніе города, Giano сначала высылаетъ изъ города падуанскихъ женъ подъ начальствомъ жены своей, царицы Адрианы, а затѣмъ удаляется и самъ въ Rimini (I. с. 222—223), куда на помощь ему являются представители Равенны, Виченцы, Фельтре, Анконы и др. Цвѣтъ итальянскихъ именитыхъ родовъ собирается для послѣдней битвы съ Аттилой. И здѣсь легенда не обошлась безъ видѣнія, сохранившагося въ особой латинской статьѣ: *Visio Egidii regis Pataviae* (I. с. стр. 227, прим. 1): въ то время какъ Giano предается горю, помышляя объ участи Падуи, ангелъ является ему, пророчить объ основаніи приморскаго города, *que nunquam in servitute posita erit*, и даетъ ему книгу, въ которой предсказаны были будущія судьбы Падуи и Тревизской марки — въ эпоху Ezzelino и Can della Scala.

Аттила пытается подкупить Giano дарами и обѣщаніями; не успѣвъ въ этомъ, прокрадывается въ городъ въ одеждѣ французскаго паломника съ отравленнымъ ножомъ, спрятаннымъ подъ гуней. Онъ хочетъ убить Giano, котораго находитъ играющимъ въ шахматы съ *cavaliere d'Almonte* (*Histoire de Atilé: Asmont*); наблюдаетъ за игрой, улучая удобную минуту, но нечаянно выдаетъ себя: войдя въ городъ онъ говоритъ по французски, на этотъ разъ провѣщился по варварски; смѣется и показываетъ свои собачьи клыки; Giano узнаетъ его по отрѣзанному уху;

напрасны его обѣщанія — очистить Италію, принять христіанство; онъ казненъ, и его голову отсылають гуннамъ, поспѣшно отступающимъ подъ начальствомъ Paudaoco (*Histoire de Atila: Pauduccus*). Итальянцы преслѣдуютъ ихъ, во Фриули они настигнуты и почти уничтожены греческимъ войскомъ; немногіе оставшіеся крестились; Италія свободна, христіанство торжествуетъ (I. с. 225—229).

Такова итальянская легенда объ Аттилѣ, проникнутая итальянской народной идеей, сотканная изъ историческихъ и мѣстныхъ воспоминаній, переполненная эпическими *chévilles*, среди которыхъ выдаются своимъ особымъ характеромъ нѣсколько рассказовъ, которые позволено привязать если не къ гуннской, то къ мадьярской традиціи: легенда о сверхъестественномъ зачатіи Аттилы и его прозвище *Bela*. «Археологическая» популярность Аттилы и рассказы о его вещественныхъ памятяхъ по всей вѣроятности ведутъ свое начало не изъ древняго народнаго преданія, предварившаго появленіе народной книги и *roemetto*, а отчасти обусловлены широкимъ распространеніемъ послѣднихъ. О мѣстныхъ воспоминаніяхъ *Udine* мы уже говорили; въ Тревизо добровольная сдача этого города Аттилѣ изображена была на *Porta Attilia* или *Altinia* живописцемъ *Pomponio Amalteo*; въ *Rai*, бѣдной деревушкѣ около *Oderzo*, существуетъ разрушенная башня Аттилы (*Torre d'Attila*), огоньки, виднѣющіеся тамъ по ночамъ — души жителей, убитыхъ гуннами; въ *Torcello* показываютъ сѣдалище Аттилы (*sedia d'Attila*), возлѣ *Duino* — его дворецъ, у *Lagugnana*'ы, на высотѣ близъ морского берега, его бастионъ; въ сосѣдствѣ съ *S. Pietro al Natisone* — гротъ, куда будто-бы скрылась при нашествіи гунновъ владѣтельница замка *Antro*; чтобы увѣрить враговъ, что осажденные не въ крайности, она выбросила мѣшокъ проса: сколько въ немъ зеренъ, столько у нихъ и мѣшковъ (*D'Ancona*, стр. 287—288). Въ одной итальянской реляціи 1688 года говорится о гробницѣ Аттилы и закопанной казнѣ, найденныхъ въ окрестностяхъ *Липпы*, тогда какъ по другимъ свѣдѣніямъ гробница Аттилы нашлась

въ округѣ Stuhlweissenburg'a, на границахъ волостей Zamor, Kaldo, Jordans и Tarnoke (I. с. стр. 289—290 прим. 1). Къ этимъ свѣдѣнiямъ я присоединяю и еще одно, изъ Штиріи: «Atila . . . на Kaciani pri kapeli zvun Radgone tabor imel. Na Kaciani je bukovje, gradiše imenovano; v njem je okrogli brežčen z' dvojim globokim jačkom obdan.» Здѣсь былъ городъ (grad) Аттилы; на камнѣ надпись: Ad. kapellam. In Eremito Kacian Attila Kastrum metatus est CCCXXXII; тутъ находили человѣческія и звѣриныя кости, похороненъ и Аттила и съ нимъ кладъ; похороненъ онъ въ 3-хъ гробахъ; желѣзномъ, серебряномъ и золотомъ; гдѣ прошли гуннскіе кони, тамъ не зеленѣла трава. «U Celja se kaže na zidu velika butasta glava z rogi» — это портретъ Аттилы (Сл. Rajek, Črtice iz duševnega žitka štajerskih Slavencev, стр. 1). Голова съ рогами, видоизмѣненіе песьяго облика, очевидно указываетъ на итальянскую легенду объ Аттилѣ.

II.

На особенности нѣмецкой, или какъ я её называлъ, гуннско-готской, указано было выше. Ея идеалъ Аттилы — положительный, отзвукъ древне-гуннскаго пѣсеннаго преданiя, воспринятаго готами. Представленіе могучаго царя народовъ, властителя 12-и либо 30-и вѣнцовъ, окруженнаго невиданнымъ блескомъ (сл. напр. описаніе приема Кримгильды въ поэмѣ о Нибелунгахъ) — несомнѣнно древнее, которое могло сложиться только въ гуннско-готскую пору, какъ, наоборотъ, позднѣйшей эпохѣ развитiя эпоса, уже въ специально нѣмецкой средѣ, принадлежитъ образъ Аттилы трусливаго, выкреста и ренегата. Готы, сражавшіеся въ его войскѣ, могли воспѣвать и своихъ древнихъ царей, но и эти народныя пѣсни потянули къ одному эпическому центру, ставшему въ извѣстный историческій моментъ и центромъ готской исторiи — къ Аттилѣ. Такъ получилась схема древняго эпоса: готскіе короли воспѣвались при Аттилѣ какъ его соратники и пособники; содержанiя этихъ пѣсенъ, въ которыхъ, вѣроятно, поминались и

жена Аттилы, Керка (у Приска = *Helche* Нибелунговъ), и братъ *Bleda* (*Blödelin* Нибелунговъ), мы не знаемъ, но существованіе ихъ слѣдуетъ предположить и такой именно составъ эпического цикла, иначе мы не объяснимъ себѣ его послѣдующія измѣненія. Когда блестящая историческая дѣятельность Теодориха Великаго сдѣлала его въ свою очередь героемъ народныхъ былинъ, онъ прошелъ въ готовый циклическій эпосъ, смѣнивъ въ немъ своихъ предшественниковъ, и очутился современникомъ и пособникомъ Аттилы: къ нему онъ бѣжитъ, спасаясь отъ козней дяди (съ исторической точки зрѣнія мы подсказали-бы: византійскаго императора), съ его помощью пытается снова водвориться въ свое итальянское наслѣдье, помогаетъ ему въ войнахъ, между прочимъ противъ Владимира русскаго и т. п. Народное пѣсенное а впоследствии и фантастическое содержаніе этихъ повѣстей о Теодорихѣ постепенно заслоняло интересъ къ лицу, къ которому онѣ примкнули по закону эпической циклизации: образъ Аттилы поблѣднѣлъ на своемъ престолѣ, но престолъ по прежнему остается въ средоточіи пѣсеннаго цикла.

Появленіе Аттилы въ составѣ франко-бургундскаго эпоса совершилось инымъ путемъ. Паденіе бургундскаго царства подъ ударами гунновъ должно было оставитъ отзвукъ въ народномъ преданіи, которое и перенесло въ него имя Аттилы, какъ представителя гуннской мощи; *Ildico*, убившая его по историческому сказанію, отождествилась съ *Krimhild'*ой — Гудруной франко-бургундской саги, также убивающей *Atli* въ сѣверныхъ версіяхъ саги о *Нифлунгахъ* (*Atlakviða in groenlenzka*; *Atlamáll in groenlenzko*). Если въ трагической ея развязкѣ нѣкоторые пересказы выводятъ рядомъ съ Аттилой и Теодориха — Дитриха Бернскаго, то, очевидно, на основаніи пѣсеннаго сближенія, поводъ къ которому указанъ былъ выше.

Нѣсколько собственныхъ (Аттила, Бледа, Керка) и этническихъ именъ (готы, бургунды), память о нѣкоторыхъ международныхъ отношеніяхъ, образъ Аттилы-владителя и рассказъ о его смерти — вотъ въ сущности всё, что германскія преданія

сохранили фактическаго изъ древней легенды о немъ; остальное было забыто подъ наплывомъ германскихъ эпическихъ сюжетовъ. Венгерскія преданія, поднявшія, какъ мы видѣли, въ Италиі память объ Аттилѣ, не восполняютъ эту лауну: въ этомъ убѣждаетъ разборъ мадьярскихъ лѣтописей времени Арпадовъ, недавно предпринятый Marczali (l. c.). По его разысканіямъ отдѣлъ о гуннахъ, занимающій ихъ первыя страницы, отличается отъ народнаго стиля остальнаго разсказа своимъ полуученымъ характеромъ и, не принадлежа къ его составу, введенъ былъ въ него со стороны. Этой «исторіей гунновъ», воспользовались для своихъ хроникъ Анонимный нотарій (ок. 1278), Simon Kéza (1282) и составитель древней Будинской миноритской хроники (1330), сохранившейся въ нѣсколькихъ отраженіяхъ: въ Будинской лѣтописи и ея производныхъ (Пресбургская, Grosswardein'ская, Загребская хроники, лѣтопись Muglen'a ок. 1360 года и составленная по ней риёмованная хроника), въ Дубницкой и Лицевой (1358) лѣтописи, изданной, съ прибавленіями, Іоанномъ de Thurócъ (1464). См. генеалогическую таблицу у Marczali (стр. 118), представившемъ (стр. 54 слѣд.) и краткій анализъ источниковъ «гуннской исторіи». Для своего введенія ея авторъ воспользовался родословной книги Бытія по бл. Іерониму и Исидору Севильскому: родоначальникомъ мадьяръ, являющихся потомками Яфета, названъ библейскій Немвродъ; вслѣдствіе вавилонскаго смѣшенія языковъ Hunor и Moger, родоначальники гунновъ и мадьяръ, отдѣлились отъ отца своего Немврода и поселились у Азовскаго моря. Фактическая исторія Аттилы разсказана согласно съ Іорданомъ и Historia Miscella, свѣдѣніями которыхъ авторъ пользовался, вѣроятно, изъ вторыхъ рукъ, можетъ быть, по лѣтописямъ Ekkehard'a von Aura, Sigebert'a de Gembloux или саксонскаго лѣтописца. Аттила сталъ въ центрѣ мадьярскихъ интересовъ: битва при Шалонѣ, въ которой, въ противорѣчій съ исторіей, гунны остаются побѣдителями, понята какъ національное дѣло; звуковое сближеніе каталаунскихъ полей съ Каталоніей дало поводъ къ легендѣ: Аттила посылаетъ войско про-

тивъ Miramammona (вѣроятно, изъ Emir и Emunin); «ex his etiam Hunis plures erant capitanei statuti qui eorum lingua *Spani* vocabantur, ex quibus quidem nominibus *Hispania* tota nomen assumpsit».

Третьимъ источникомъ «гуннской» исторіи была нѣмецкая сага объ Аттилѣ: описаніе его двора напоминаетъ поэму о Нибелунгахъ (ed. Lachmann z. 1275); какъ и тамъ Буда названа Echulburg, Etzelburg; великая гибельная битва гунновъ — *prelium Crumheld*; у Кезы, въ Будинской лѣтописи, какъ и у Олая, имя Кримгильды носить вторая жена Аттилы, первая — дочь императора Гонорія (Кеза, Буд. лѣт.), у Олая — Herriche, т. е. Helche, Керка; отъ первой у него сынъ Aladarius, отъ второй Chaba. — Особливо характерно для нѣмецкихъ источниковъ мадьярской саги о гуннахъ — появленіе Теодориха = *Detricus*, *Dietrich*, какъ современника, но вмѣстѣ и противника Аттилы: Кеза зоветъ его *Detricum Veronensem*, Будинская лѣтопись *Detricum de Verona*; въ первой-же битвѣ съ гуннами онъ раненъ въ лобъ стрѣлою; *letaliter* Кезы нельзя принять дословно, ибо въ послѣднемъ побойщѣ сыновей Аттилы Детрикъ снова является на сценѣ. Интересно развитіе, какое получилъ этотъ эпизодъ о ранѣ и вообще весь образъ Теодориха въ одной передѣлкѣ лѣтописи Кезы (Сл. Grimm, *Heldensage*, 2 Ausg., стр. 166): римляне обращаются къ Теодориху за помощью противъ гунновъ, «quamobrem *Detricus*, congregato ingenti germanico italicoque acaliarum permixtarum gentium exercitu descendit in Pannoniam. Происходятъ три битвы, въ третьей побѣда остается на сторонѣ гунновъ; римскій полководецъ убитъ, Детрикъ раненъ стрѣлою въ лобъ. *Cujus tandem sagittae truncum ipse Detricus urbem ad Romanam dignitatis imperatoriae in curiam pro documento certaminis per ipsum cum Hunis commissi in fronte detulisse et propter hoc immortalitatis nomen usurpasse narratur, Hungarorumque in idiomate halhatalam* (т. е. *halhatatlam* = святой) *Detreh dici meruit, praesentem usque in diem. Hunc Detricum galeam quandam habuisse et illam, quanto magis deferebat,*

tanto majori claritate refulsisse fabulantur. Этотъ разсказъ повторилъ позднѣе и Олай (Vita Attilae с. 2 р. 864): *Detricus in fronte sagitta gravi vulneratus vix evasit, ex quo vulnere aegre tandem convaluit. Ob quod vulnus acceptum cognomen Detrico ab Hunnis inditum Immortalis, quem in hunc diem Hungari in suis cantationibus, more greco historiam continentibus, Detricum immortalem nominant*.

Нѣмецкія преданія не знаютъ разсказа о стрѣлѣ, но представленіе безсмертнаго Детриха имъ знакомо въ особой церковной формѣ: демоническій конь занесъ его

in die wust Rumeneu:
mit wurmen mus er streiden
pis uns der jungtag wont pey

(Etzels Hofh. 132¹).

Представленіе «злаго Детрика» нашей новгородской лѣтописи принадлежитъ той-же церковной оцѣнкѣ его дѣятельности; въ этомъ отношеніи мадьярское сказаніе стоитъ на болѣе народной и древней точкѣ зрѣнія, еще не тронутой религіозной распрей. Интересно при этомъ свѣдѣніе о мадьярскихъ пѣсняхъ, воспѣвавшихъ Детриха: это могли быть, въ основѣ, нѣмецкія пѣсни болѣе древняго состава, чѣмъ дошедшія до насъ поэмы готскаго цикла, пѣсни, приноровленные къ мадьярскому народному преданію и занявшія у него нѣкоторыя черты — можетъ быть, легенду о стрѣлѣ? Подобное перенесеніе эпическихъ мотивовъ и героев изъ нѣмецкой среды въ мадьярскую представляютъ преданія послѣдней о витязѣ Ботондѣ (Magzali I. с. стр. 86 слѣд.). Altaich'skie анналы и Lambert von Hersfeld разсказываютъ о подвигахъ графа Boto и его вѣрнаго сподвижника маркграфа Вильгельма; Ekkehard von Aura говорятъ о немъ подъ 1101 годомъ: *Boto comes cognomento fortis.... jam plenus dierum non lunge a Ratisbona defunctus est. Botonem sicuti corporis proceriorem atque famosorem totius pene Germaniae atque Italiae testatur populus. Pannonia vero talem illum et tantum se fatetur*

¹) Сл. мои Разысканія V, стр. 118.

aliquando sensisse, ut is vel de gygantibus antiquis unus apud illos credatur fuisse. De quo plura referre copia, si compendiosi operis hujus propositum non vetaret. О немъ мадьярскіе лѣтописцы рассказываютъ, что польскіе о Болеславѣ Храбромъ (и позднѣе о Болеславѣ II), разрубившемъ своимъ мечемъ кіевскія золотыя врата¹⁾; только вмѣсто Кіева названъ Царьградъ. Кѣза упоминаетъ о немъ по случаю осады Константинополя, гдѣ онъ «ut dicitur, arrepto dolabro, quem ferre consueverat, super portam urbis, que erea erat, praecurreret, tantamque fissuram in ea fecisse dicitur cum dolabro uno ictu, ut Greci propter monstrum portam resarcire noluerunt». При этомъ онъ сразилъ одного греческаго великана, который и умираетъ отъ послѣдствій удара. По Будинской хроникѣ Botond, слѣдуя приказанію вождя, пробиваетъ въ мѣдныхъ вратахъ Царьграда такое отверстіе, что пятилѣтній ребенокъ могъ свободно проходить въ него. — У Анонимнаго нотаріуса Botond является уже чисто-мадьярскимъ героемъ и по поводу его подвига подъ Константинополемъ говорится: «*credite garulis cantibus joculotorum*».

Остановимся, въ связи съ вопросомъ о германскомъ вліяніи на гуннскій эпизодъ мадьярскихъ лѣтописей, на замѣткѣ Magczali (I. с. стр. 68 слѣд.) о хроникѣ Іоанна de Thurgocz: въ основѣ ея лежитъ «лицевая хроника», но гуннскій эпизодъ развитъ по другимъ источникамъ, и Magczali отмѣчаетъ въ немъ слѣды эпохи св. Елисаветы. Такъ о Нунор'ѣ и Магуар'ѣ говорится, что они отличаются другъ отъ друга по языку, какъ саксонцы отъ тюрингенцевъ; Аттила держитъ дворъ въ Эйзенахѣ, въ мѣстности, гдѣ Вартбургъ еще сохранилъ преданіе о блестящемъ времени св. Елисаветы и Людвига. Всѣ это указываетъ, по мнѣнію Magczali, на автора, интересовавшагося саксонцами и тюрингенцами, и онъ полагаетъ себя въ правѣ спросить: не принадлежитъ-ли гуннскій эпизодъ какому-нибудь нѣмецкому составителю? Это

¹⁾ Сл. въ нашей лѣтописи (подъ 1151 годомъ) похвальбу половчанина Се-венча Боняковича: «хочу сѣчи въ Золотыя ворота, яко же и отецъ мой».

объяснило-бы его отношенія къ Нибелунгамъ; другія сказочныя элементы могли быть внесены позднѣе мадьярскими лѣтописцами.

Послѣдній источникъ, которымъ они пользовались для своего отдѣла о гуннахъ и Аттилѣ, были западно-латинскія легенды, возникновеніе и развитіе которыхъ мы прослѣдили выше въ общихъ чертахъ. Выдѣлить ихъ изъ состава лѣтописи легче, чѣмъ прослѣдить въ ней специально-мадьярскіе мотивы. Пересказывая далѣе въ связи гуннскій эпизодъ мадьярскихъ хроникъ, мы не будемъ передавать подробно тѣ ея рассказы, содержанія которыхъ уже коснулись въ предыдущемъ изложеніи¹⁾.

Племя Moger, размножившееся какъ песокъ морской, высылаетъ часть свою для пріисканія новыхъ осѣдлостей; во главѣ выселяющихся стоятъ шесть вождей, трое изъ семьи Zemein'a: Bela, Kewe и Kadicha, трое изъ семьи Erd'a: Аттила и его братья Buda (= Bleda) и Rewa. Обогнувъ Черное море, гунны дошли до Дуная; на другомъ его берегу властвовали тогда ломбардецъ Макринъ, тетрархъ Панноніи, Далмаціи, Македоніи, Памфіліи и Фригіи, въ зависимости отъ Теодориха Веронскаго, котораго римляне назначили королемъ Италіи. Призванный Микриномъ, Теодорихъ является къ нему на помощь подъ стѣны Потенціаны; въ то время какъ оба вождя обсуждаютъ планъ нападенія, гунны переплываютъ ночью Дунай на надутыхъ мѣхахъ и разбиваютъ римскій аррьергардъ. Теодорихъ отступилъ, но въ свою очередь завлекши гунновъ въ долину Тарнока, нанесъ имъ сильное пораженіе: со стороны непріятелей пало 125 тысячъ человѣкъ, но и у Теодориха легло 200 тысячъ. Убитъ былъ также одинъ изъ гуннскихъ вождей, Kewe; узнавъ о томъ, гунны, уже обратившіеся въ бѣгство, возвращаются, чтобы разыскать тѣло убитаго, котораго хоронятъ при большой дорогѣ, а на томъ мѣстѣ поставили, по скиѣскому обычаю, каменный столбъ (statua?). Съ тѣхъ поръ то мѣсто названо было Kewe-

¹⁾ Для дальнѣйшаго сл. Thierry I. с., II, стр. 364 слѣд.

Наза, т. е. домъ Кевы. — Преслѣдуя побѣдоноснаго непріятеля, гунны настѣгаютъ его неподалеку отъ Вѣны, и въ Сезинтауг'ѣ происходитъ жестокая битва, продолжающаяся съ разсвѣта до девятаго часа. Римско-германское войско разбито на голову: Макринъ убитъ, Теодориха угодила въ лобъ стрѣла (сл. выше рассказъ, почему онъ прозванъ «безсмертнымъ»); со стороны гунновъ пали Вела, Kadicha и Rewa; Аттила, провозглашенный царемъ, предоставляетъ своему брату Будѣ всѣ области на востокъ отъ Тиссы, а самъ избираетъ себя столицей Сикамбрію, которой даетъ свое имя. Германскіе короли, вмѣстѣ съ ними и Теодорихъ, объявляютъ себя его вассалами, а Теодорихъ, подъ видомъ дружбы, хитро направляетъ его на новое предпріятіе — завоеваніе всей Европы, въ надеждѣ, что онъ найдетъ тамъ свою гибель. Аттила возгордился: къ титуламъ короля гунновъ и правнука Немврода онъ присоединилъ и другіе: *flagellum Dei*, *malleus orbis*. Темнокожій, небольшого роста, съ широкой грудью, онъ держитъ голову назадъ и носить длинную бороду. У него парадный шатеръ изъ золотыхъ полосъ, складывавшихся и развертывавшихся какъ вѣеръ; его держатъ золотые чеканные столбы, украшенные драгоценными камнями. Его походная кровать — чудо искусства; столъ и вся посуда золотыя, конюшни обтянуты пурпуромъ и шелкомъ, на кровныхъ коняхъ седла и весь приборъ изъ золота, въ которое вдѣланы брилліанты. Въ гербѣ у него, на щитѣ и на знамени былъ вѣичанный ястребъ.

Слѣдуя совѣту Теодориха Аттила, переправившись черезъ Рейнъ, вступаетъ въ Галлію. Слѣдуетъ рядъ рассказовъ, уже освященныхъ латинско-церковной легендой; битва на каталаунскихъ поляхъ происходитъ въ Каталоніи; оттуда Аттила направляетъ часть своего войска въ Испанію и Марокко, тогда какъ другая, опустошивъ Галлію, пройдя землю фризовъ, Данію, Швецію, Литву и Турингію возвращается къ берегамъ Дуная. Вернувшись въ Сикамбрію Аттила узнаетъ, что братъ его Буда не только перешелъ границы, положенныя его власти, но и осмѣлился назвать Сикамбрію своимъ именемъ: *Budavar*, т. е. горо-

домъ или крѣпостью Буды. Возмущенный этими поступками Аттила убиваетъ брата; а нѣмцы успѣли прозвать Сикамбрию — *Etzelburg*, и лишь гунны придержались названія Буды.

Овладевъ большою частью Европы, Аттила занялся внутреннимъ устройствомъ своихъ владѣній: цѣпь сторожевыхъ постовъ и дозоровъ шла отъ Сикамбрии во всѣ четыре части свѣта и доносила въ столицу, что дѣлалось на окраинахъ гуннскаго царства.

Оставалась непокоренной одна Италия. Аттила направляется туда черезъ Истрію и Далмацію, разрушаетъ до основанія великолѣпные дворцы въ Салонѣ, тогда какъ одинъ изъ его вождей, *Zoard*, спускается по адриатическому побережью до Апуліи и Калабрии, опустошилъ *Terra di Lavoro* и выжегъ монастырь *Montecassino*. То, что рассказываетъ объ итальянскомъ походѣ Аттилы, повторяетъ извѣстныя намъ итальянскія легенды; нѣтъ только ихъ родовыхъ воспоминаній и представителя латинской расы — падуанскаго *Giano*; римско-равеннское преданіе передается согласно съ его позднѣйшимъ церковнымъ типомъ.

Аттила возвращается въ Паннонію; ему 124 года; отъ Гоноріи (Геррихи Олая) у него сынъ *Chaba*, отъ Кримгильды, дочери баварскаго герцога, Аладарій; когда царь Бактріи прислалъ ему въ жены свою дочь, красавицу *Micol't'u*, онъ справляетъ свадьбу съ невиданнымъ великолѣпіемъ. Но общее веселье перемежается зловѣщими знаменіями: его любимый конь издохъ въ день брака; когда молодая готовилась вступить въ брачный покой, она такъ сильно зашибла ногу о порогъ, что принуждена была сѣсть, чтобъ утолить боль, *auditaque est ejus vox dicentis: Si tempus est, veniam. Quibus verbis mortem in dolore compellasse credidere*¹⁾. На другой день Аттилу нашли на его ложѣ бездыханнымъ и въ крови: его поразила геморрагія. Онъ похороненъ былъ въ Кеведазѣ, гдѣ положены были тѣла

¹⁾ Сл. *Philippi Callimachi Experientis Athile Vita*. Trevigi, Gerardo de Lisa, 1489 (также въ *Bonfinii Reg. hungaricarum etc. Colonia 1690*), въ концѣ. Итальянецъ *Filippo Bonaccorsi*, по прозванію Каллимахъ, жилъ при дворѣ Матвѣя Корвина.

Кевы, Ревы, Кадыка и Бель; тотчасъ по его смерти между его сыновьями началась усобица: за Аладарія, сына Кримгильды, стоитъ Теодорихъ, гунны поддерживаютъ Хабу; подъ Сикамбріей-Будой происходитъ страшная битва, которую нѣмцы прозвали «*prelium Crimheld*»; столько тамъ пролито было крови, пишетъ Симонъ Кеца (I. I, с. 4 § 5), что еслибъ нѣмцы не упорствовали въ своей тщеславной лжи, они сознались бы, что въ теченіи нѣсколькихъ дней ни люди, ни животныя не могли пить воды изъ Дуная между Потенціаной и Сикамбріей, ибо въ рѣкѣ было больше крови, чѣмъ воды.

Побѣжденный Хаба удался съ остатками своего войска въ Грецію, къ дѣду своему императору Гонорію, а оттуда въ Азію, въ страну Moger, гдѣ еще живъ былъ его прадѣдъ Бендекузь. Хаба помогаетъ ему въ управленіи, но оскорбляетъ народъ, кляча своимъ происхожденіемъ отъ императорской крови: гуннскія дѣвушки отворачиваются отъ него, и онъ «*uxorem de Corosmenia traduxit de consilio Bendecus avi sui. Ex ista quidem uxore genuit Edemen et Ed... Edemen in secundo reditu Hungarorum in Pannoniam per se cum maxima multitudine ex cognatione patris et matris introivit. Ed autem remansit in Scythia*» (Будинская хроника у Marczali стр. 91).

Говорятъ, что не всѣ гунны вышли изъ Панноніи съ Хабой, а осталось три тысячи человѣкъ, укрывшихся отъ послѣдняго пораженія въ горы Erdelen, т. е. Трансильваніи, и принявшихъ названіе секлеровъ (Szekelyek, Siculi). Обороняя свою національность отъ нѣмцевъ, славянъ и валаховъ онѣ жили тамъ долго, питая надежду на возвращеніе Хабы; *unde vulgus adhuc loquitur in communi: Tunc redire debeas, dicunt recedenti, quando Chaba de Graecia revertetur* (Sim. Keza I. I, с. 4, § 6; Thwrosz, I, с. 24). Съ именемъ Хабы соединилось въ мадыарскомъ преданіи и еще одно повѣрье: посвященный въ тайны природы Хаба исцѣлилъ себя и своихъ ратниковъ отъ ранъ, полученныхъ въ *prelium Crimheld*, травой, которая и носить названіе Chaba-Ire, hoc est Chabae implastrum = *pimpinella saxifraga*.

Такъ разсказываетъ Олай въ своей жизни Аттилы. Упомянувъ его, мы коснулись уже «ученой» мадьярской исторіографіи, черпавшей изъ древнихъ народныхъ хроникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшейся и другими источниками и мнившей себя «критической» и болѣе достоверной. Первымъ въ ряду этихъ исторіографовъ является Юлій Цесарь Каланъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ тождественъ съ епископомъ Cinque Chiese въ Далмаціи, 1197 года (D'Ancona I. с. стр. 263 прим. 2). Его жизнеописаніе Аттилы явилось впервые въ печати въ 1502 году; о подобномъ-же трудѣ Калимаха упомянуто было выше¹⁾; третьимъ явился Сабелликъ въ его Декадахъ Венеціанской исторіи; наконецъ примать Венгріи Ник. Олай²⁾, нашедшій польскаго переводчика въ Киприанѣ Базилікѣ: *Historia spraw Atyle, Krolá Węgierskiego. Z Łacińskiego języka na Polski przełożona przez Cyrjana Bazyliká. Cum Gratia et Privilegio. W Krákwie. Drukował Maciej Wirzbięta* и т. д. 1574 г. По указанію проф. Брюкнера — это и есть оригиналъ бѣлорусской повѣсти объ Аттилѣ, сохранившейся въ познанскомъ сборникѣ. Ту-ли же повѣсть («объ Атылѣ королѣ угорскомъ») имѣлъ въ виду Снегиревъ — сказать трудно. Единственное русское болѣе древнее упоминаніе объ Аттилѣ сохранилось въ эллинскомъ лѣтописцѣ, какъ вставка въ Малалу (ed. Bonn., p. 359, 1—7); ея источникъ мнѣ неизвѣстенъ: какъ у Дамасція, битва, но и смерть Аттилы, перенесены подъ Римъ; упоминаніе Приска относится, быть можетъ, лишь къ эпизоду смерти: «тѣ бо Атылѣ король приде штъ сѣврськихъ странъ и прии грады румыскыя в силѣ тащѣ, и ѡбстояше градъ Роумъ. И баше тогда княжна дѣвица прекрасна придалася къ костелѣ .І. лѣтъ соуца. Тогда король Атыла, слышавъ ей велии бывши краснѣ, въпроси ея глагола: аще ми ея не дасте, то разорю

¹⁾ См. выше, стр. 337, прим. 1.

²⁾ Изданъ Самбукомъ во 2-мъ изданіи Antonii Bonfinii *Rerum ungaricarum decades quatuor cum dimidia. Basileae, ex officina oprariniana 1568* (въ 7-й книгѣ) и Franc. Kollar'омъ, *Nicolai Olahi metropolitae Strigoniensis Hungaria et Atila sive de originibus gentis regni Hungariae, situ etc. Vindobonae 1768.*

градъ вашъ Римъ. Тогда же идоша вса старейшины съ шпаты своими къ дѣвици и оумолиша ю, глаголюще: изыди к' королевѣ скоро Атылж, да не зыгѣ погоубить града нашего Рима, да не погибнетъ градъ нашъ. Сѣдаши же еи оу ногъ его и шному възлежашу, поустиса емоу кровь носомъ, и штъ того оумре. Она же вземше корозно его иде и повѣда гражданомъ, яко умерлѣсть естъ король Атыла; вои же его вземши и тѣло его, несли сквозѣ волохы и нѣмци и положиша в земли оугорстѣй. Штъ ней-же дѣвицы рѣчи списа преоудрый Прискосъ Фракѣннѣъ. Малала упоминаетъ только о смерти Аттилы вслѣдствіе кровотечения изъ носа и о слухѣ, что въ его смерти заподозрили его гуннскую наложницу; *peri ou poleμου συνεγράφато о σοφώτατος Пріскос о Фраѣξ.* — Дѣвица этой легенды — явное смѣшеніе *Idico-Micol't*'ы съ какой-нибудь героиней мученицей западно-церковной легенды объ Аттилѣ, точно также какъ и рассказъ о его смерти какъ-бы пытается соединить паннонское преданіе съ итальянскимъ, пріурочивающимъ кончину завоевателя къ итальянской мѣстности.

III.

Еще одну память объ Аттилѣ и о его погромѣ въ шалонской битвѣ мы могли-бы занести на страницы его легенды, если вѣрно толкованіе, предложенное Гейнцелемъ одного эпизода *Hervararsaga*'и ¹⁾.

Гейдрекъ царитъ въ *Reiðgotaland*'ѣ, южной Руси, съ столицей *Damrag staðir*, т. е. градъ Днѣпра. У него два сына: Ангантиръ и незаконнорожденный *Hlōðr*, воспитывающійся у дѣда своего, гуннскаго короля *Hunli*. Отрывокъ древней пѣсни, которую зналъ составитель саги, начинается въ совершенно былинномъ стилѣ:

*Hlōðr var þar borinn
í Húnalandi,
saxi ok með sverti,*

¹⁾ Richard Heinzel, Ueber die *Hervararsaga*, Wien 1887.

síðri brunnju,
 hjálmi bringreifðum,
 hvössum maeki,
 mari vel tómmum,
 á mörk inni helgu.

«Ніббг родился въ Гуналандѣ, съ ножомъ и мечемъ, въ длинной бронѣ, украшенной кольцами, съ острымъ булатомъ и снаряженнымъ конемъ; родился въ священной области». Узнавъ, что по смерти отца Ангантиръ захватилъ въ руки власть, Ніббг требуетъ у него уступки половины отцовскихъ владѣній. Тотъ отвѣчаетъ отказомъ, предлагая въ замѣнъ дары и третью часть готскаго царства; воспитатель Ангантира, Гизуръ Grytingaliði, говоритъ, что для незаконнорожденнаго брата и этого будетъ довольно. Ніббг удаляется, разгнѣванный, и снаряжается, вмѣстѣ съ дѣдомъ, къ войнѣ противъ брата. Они собираютъ громадное войско и доходятъ до лѣса Мугквідг, до замка, гдѣ жила съ своимъ воспитателемъ, Отмар'омъ, сестра Ангантира, Невдг. Она назначаетъ, черезъ посредство Отмар'а, мѣсто для битвы, въ которой гунны остаются побѣдителями; Невдг убита, а Осмаръ бѣжитъ къ Ангантиру съ горестною вѣстью. Тогда Ангантиръ поручилъ Гизуру вызвать Нібб'а и гунновъ на бой въ Dylgja, на Dúnheiði, подъ горами Jösur. Вслѣдствіе надменнаго вызова Гизура, Ніббг велитъ схватить его, но Humli его защищаетъ, и онъ идетъ сообщить Ангантиру о превосходствѣ непріятельскаго войска. Происходитъ жестокая битва, длящаяся восемь дней, ибо готы сражаются за свободу и отечество. Ангантиръ бьется съ Тирфингомъ въ рукахъ, роковымъ мечемъ, который нельзя было обнажить, не причинивъ смерти, и убиваетъ Нібб'а и Humli; гунны обращаются въ бѣгство; рѣки выступаютъ изъ береговъ, долины переполнены трупами, и Ангантиръ плачется надъ участію, слѣвавшей его убійцей брата.

Какая битва готовъ съ гуннами имѣется здѣсь въ виду? Гейнцель указалъ на нѣкоторыя германскія параллели къ разсказу саги. Въ датскихъ историческихъ памятникахъ нерѣдко

встрѣчаются имена Humblus = Humli и Lotherus = Hlōðr; такъ у Саксона Грамматика (I. I, с. 22, ed. Müller), гдѣ они являются сыновьями Дана и Гримы и внуками перваго Humblus, родоначальника первой датской династіи. Humblus второй ведетъ войну противъ Лотера, лишаетъ его царства и становится тираномъ. Если въ этомъ разсказѣ Саксона интересующему насъ эпизоду саги отвѣчаютъ лишь собственныя имена, не содержаніе событій, то слѣдующій (I. I, с. 232 слѣд.) представляетъ и содержательное соотвѣтствіе. Дѣло идетъ о войнѣ между датчанами и гуннами, Frotho III-мъ и королемъ Hun'омъ, его тестемъ. Оскорбленный тѣмъ, что Frotho прогналъ свою жену, Hun въ союзѣ съ Olimagus'омъ, королемъ восточныхъ (orientales) людей или рутеновъ (Rutheni I 234 слѣд.), идетъ на датчанъ войною, при чемъ Olimagus начальствуетъ надъ морскими, Hun надъ сухопутными силами. Эрикъ идетъ соглядатаемъ къ флоту, затѣмъ къ гунской рать, рано утромъ видитъ ея аванпосты, тогда какъ ея аррьергардъ проходитъ мимо него лишь вечеромъ. Эрика узнали и хотятъ взять въ плѣнъ, но онъ спасаетъ себя изреченіемъ: *non desere unum a pluribus abripere* и, вернувшись къ Фротону, говоритъ ему о численности непріятельскаго войска. Frotho побѣждаетъ Олимара, поступающаго къ нему на службу, но удаляется передъ гуннами, погибающими отъ собственной многочисленности; его покидаетъ и Uggerus vates, «*vir aetatis incognitae et supra humanum terminum prolixae; qui Frothonem transfugae titulo petens, quidquid ab Hunis parabatur, edocuit*». Гунны собираютъ новое войско, которое Фротонъ разбиваетъ въ семидневной битвѣ (I, 240). «*Cujus (pugnae) prima dies tanta interfectorum strage recrudit, ut praecipui tres Rusciae fluvii, cadaveribus velut ponte constrati, pervii ac meabiles fierent. Praeterea quantum quis itineris per triduum equo conficere posset, tantum locorum humanis cadaveribus completum videret. — Itaque praelio septem dies extracto, cecidit rex Hun. Cujus frater eodem nomine, inclinatam Hunorum aciem conspiciens, cum sua se cohorte dedere conctatus non est. Eo bello septuaginta*

ac centum reges, qui aut ex Hunis essent aut inter Hunos militaverant, submisere se regi.... Igitur Frotho vocatis in concionem regibus sub uno eodemque jure degendi normam imponit. Praefecit autem Olimarum Holmgardiae, Onevum Cönogardiae, Hun vero captivo Saxoniam tribuens Revillum Orcadibus donat. Provincias Helsingorum, Jarnberorum et Jamtorum cum utraque Lappia Dimaro cuidam procurandas attribuit; Dago Hestiae regimen erogavit. Itaque Frothonis regnum Rusciam ab ortu complectens ad occasum Rheno flumine limitatum est».

Уже въ Antiquités russes I, 113 было указано на сходство роли, какую играетъ Эрикъ въ этомъ описаніи гуннской сѣчи, съ ролью Гизура въ гуннской-же битвѣ Hervararsaga'и. Frotho и Hun отвѣтили бы Ангантиру и Humli (вмѣстѣ съ Hlöd'омъ).

Chronicon Erici regis (Langebeck, Script. I, 153) пользовался, вѣроятно, тѣми-же источниками, что и Саксонъ, въ разсказѣ о готско-гуннскомъ побойщѣ, о которомъ знала, быть можетъ, и древняя сага о Скъбльдунгахъ (Heinzel, 49) и англосаксонскій Widsið, упоминающій Hliðe = Hlöd'a и Incgenþéow'a = Ангантира, Wyrnhere = Ormar'a Hervararsaga'и и побѣдоносную битву готовъ съ гуннами:

121

full opt þær wlg ne alaeg,

þonne Hraeða here heardum sweordum

ymb Wistlawudu wergan sceoldon

ealdne épelstól Aetlan léodum

(«рѣдко тамъ обходилось безъ битвы, когда рать готовъ должна была крѣпкими мечами защищать у лѣса на Вислѣ древнія населя отъ людей Аттилы»)

Эту битву готовъ съ гуннами, упоминаемую сѣверными источниками, проф. Гейнцель склоненъ отождествить съ извѣстнымъ разгромомъ Аттилы при Шалонѣ въ 451 г. Предложенное имъ сравненіе лѣтописныхъ данныхъ о послѣднемъ съ описаніями саги и Саксона грамматика не всегда убѣдительно, когда касается мелочей и орудуетъ дублетами, въ предположеніи, что въ одномъ лицѣ саги могли отразиться двѣ различныя исто-

рические личности. Теоретически — обобщения саги, народного предания должны идти именно этим путем, отвлекая от исторических фактов их суть, сводя в одно, что представлялось аналогичным, нагромождая на одно лицо сказанное о многих. Фактически доказать такой именно путь обобщения трудно и частности всегда могут возбудить сомнение. Так и в нашем случае: там и здесь роковая битва готовъ съ гуннами, длящаяся нѣсколько дней, вначалѣ счастливая для гунновъ, имѣющая для готовъ особое значеніе, ибо дѣло идетъ для нихъ о защитѣ свободы и родины. Остановимся на частностяхъ сравненія: въ 439 году соперникъ Аэція, римскій полководецъ Литорій, нападаетъ съ гунской помощью на тулузскихъ вестготовъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ либо убитъ; въ 450 г. младшій сынъ одного франкского короля ищетъ покровительства Аэція и усыновленъ имъ, тогда какъ старшій обращается къ Атилѣ, получившему такимъ образомъ поводъ къ вторженію въ Галлію. Аэцію перваго свидѣтельства и младшему царевичу второго отвѣчаетъ въ сагѣ одинъ и тотъ-же Ангантиръ; противникъ послѣдняго, Humlí — историческому Атилѣ; Hlōð'у, воюющему въ союзѣ съ Humlí, Литорій и вмѣстѣ одинъ изъ франкскихъ принцевъ, тотъ и другой опиравшіеся на помощь гунновъ. Можетъ быть, и въ Гизурѣ саги сохранилась память о Генсимундѣ, воспитателѣ молодого остготского короля, и о вандальскомъ королѣ Гейзерихѣ (Gizericus, Guzericus у Иордана), пособникъ и наущателѣ Атилѣ, тогда какъ Мугквіѳг отразилъ въ себѣ — герцинскій лѣсъ, лежавшій на пути Атиллы въ Галлію.

Сближенію готско-гуннской битвы Нервагасага'и съ фактами шалонской перечать повидимому два обстоятельства: перенесеніе мѣста дѣйствія и забвеніе главнаго дѣйствующаго лица, долженствовавшего быть памятнымъ именно готскому преданію: Теодориха вестготского. Шалонскія поля забыты, готы саги являются не тулузскими вестготами, а обитателями Reibgotaland'a, отдѣленнаго лѣсомъ Мугквіѳг отъ Hupaland'a, лежащаго отъ него къ югу или востоку. Въ сѣверныхъ памятникахъ на-

званіемъ *Reiðgotaland*'а обозначались, различныя мѣстности: Ютландія, Померанія, Швеція, но также и Россія. *Haukr Erlendsson* († 1334) перечисляетъ страны, лежащія у *Garðaríki*, между нами *Rúnláland* или *Rólena*; «а на востокъ отъ Поляннн лежитъ *Reiðgotaland*, а далѣе *Húnland*» (*En austr frá Rólena er Reiðgotaland ok rá Húnland*). Такъ и по Скальгольтской книгѣ, гдѣ въ *Garðaríki* помѣщены города *Pallteskja* ok *Koenugarðar* (Полоцкъ и Кіевъ). По этому представленію *Húnland* лежитъ въ южной и восточной Россіи, что отвѣчаетъ воззрѣніямъ саги *af Eigli einhenda* (*FAS.* 3,364: *Hertryggr hefir konungr heitit, hann ræð fyrir austr í Russía. þat er mikit land ok fjölbyggt, ok liggir milli Húnalands ok Garðaríkis* = Гертриггомъ звали конунга, властвовавшего на востокѣ, въ Россіи. Это великая и населенная страна, лежащая между *Húnaland*'омъ и Гардарики) и, очевидно, нашей *Hervararsaga*'и, помѣщающей столицу Ангантира въ области Двѣпра (і *Agheimum*?), и именно въ градѣ Двѣпра = *Daþrag staðir*, знающей въ странѣ готовъ славный «дремучій лѣсъ» и «священную могилу»¹⁾). Если послѣднія описательныя указанія могутъ быть приблизительно истолкованы въ связи съ южно-русской мѣстностью саги, то другія труднѣе поддаются толкованію. Когда, отправляясь къ гуннамъ, Гизуръ спрашиваетъ Ангантира, въ какомъ мѣстѣ объявить имъ бой, тотъ отвѣчаетъ:

Kendu at Dylgju
ok á Dúnheiði
ok á þeim öllum
Jösurfjöllum!
þar opt Gotar
gunni háðu
ok fagran sigr
fraegir vágu.

«Назначъ имъ (мѣсто) на Дильгъ (вар. *Dyngja*) и на равнинѣ

¹⁾ См. мою замѣтку: Кіевъ — градъ Двѣпра въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., Іюнь и въ Зап. романо-герм. отдѣла Филолог. общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, вып. 1-й (1888 г.). См. *Heinzel*, I. с. стр. 57 слѣд.

Dún'a и у всѣхъ горъ Jösur. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блестящую побѣду». Dylgja = Dungja не опредѣлима; въ первой части Dúnheiði могли отразиться, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 70), названія Двины, Дона, скорѣе всего Дуная — можетъ быть, въ связи съ русскими походами на Дунай въ X-мъ вѣкѣ. Горы Jösur остаются загадочными — если это не горы Ясовъ, т. е. Алановъ, Осетинъ. Яскія горы упоминаются въ Крыму въ XIV-мъ вѣкѣ; одинъ памятникъ XV-го столѣтія говоритъ объ аланскихъ или гуннскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ. Cl. Amm. Marcellinus 31, 2, 13: hoc (Tanai sc.) transito in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cognominati.

Память о царствѣ Эрманариха въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи могла пережить его историческое существованіе, варяги — слышать о немъ преданія и пѣсни отъ крымскихъ готовъ, съ которыми они приходили въ общеніе, въ которыхъ находили своихъ родичей: *ömoro öntes* (т. е. готы) *ÿdeset tois êxel tã parã sfwñ autwñ oix äpodiaférontes*, говоритъ о варягахъ въ X-мъ вѣкѣ письмо готскаго монарха (Heinzel 72). Такъ могло сложиться представленіе Инглингасага с. 20 о прибытіи боговъ, Асовъ, въ Скандинавію съ сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ великой Швеціи, *Svírjod hin mikla*, иначе *Godheimar*, т. е. страны боговъ, вмѣсто: *Got-heimar*, страны готовъ (I. с. 75—6). Можетъ быть, отъ крымскихъ готовъ варяги слышали и какой-нибудь пѣсенный рассказъ объ эпизодахъ битвы 451 года (I. с. 72). Такъ опредѣлился-бы источникъ варяжскаго т. е. сѣвернаго преданія о ней, при чемъ ея локализацию на югѣ пришлось-бы отнести на счетъ представленія сѣверныхъ людей о мѣстоположеніи древняго *Gotheimar*. Но, очевидно, не крымскіе горы были проводниками преданія, прошедшаго на сѣверъ неопредѣленными путями (I. с. 105) и въ редакціи, народный характеръ которой Гейнцель попытался опредѣлить.

Выше было обращено вниманіе на странное, въ народномъ готскомъ преданіи, забвеніе имени Теодориха вестготскаго въ

разскажѣ о шалонской битвѣ. Объяснить это можно попыткой народнаго, мѣстнаго усвоенія громкаго, историческаго факта, иногда — забвеніемъ лѣтописца. Такъ *Chronicon raschale* (ed. Bonn. I 587 слѣд.) переноситъ на Алариха слухъ, сообщаемый Иорданомъ (с. 40): будто Теодорихъ вестготскій убитъ былъ стрѣлою, и притомъ въ битвѣ на Дунаѣ, отвѣчающей шалонской. Когда Аттила грозитъ войною, «*Ἀέτιος ἀπήλθε πρὸς Ἀλλάριχον εἰς τὰς Γαλλίας, ὄντα ἐχθρὸν Ῥώμης διὰ Ὀνώριον, καὶ προετρέψατο αὐτὸν ἅμα αὐτῷ κατὰ Ἀττίλα, ἐπειδὴ ἀπώλεσεν πόλεις πολλὰς τῆς Ῥώμης· καὶ ἐξαίφνης ἐπιρίψαντες αὐτῷ, ὡς ἔστιν ἠπληκτεμένους πλησίον τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ, ἔκοψαν αὐτοῦ χιλιάδας πολλὰς. εἰς δὲ τὴν συμβουλήν ὁ Ἀλλάριχος πληγὴν λαβὼν ἀπὸ σαγίττας τελευτᾷ*». Детрихъ мадыарскихъ лѣтописей, раненый въ лобъ стрѣлою, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 104), несомнѣнно вестготскій Иорданова преданія; но уже у Кезы онъ названъ веронскимъ, а въ одной передѣлкѣ его лѣтописи онъ являетъ черты, рано окружившія въ легендѣ его остготскаго соименника. Онъ бьется въ союзѣ съ Макриномъ противъ Аттилы на Дунаѣ (Кеза) или при *Tarnok velgy* (*Chronicon Budense* ed. Podhraszky 1838, стр. 15), и Гейнцель считаетъ (стр. 104) вѣроятнымъ, что и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду — шалонская битва, хотя будинская лѣтопись рассказываетъ о послѣдней далѣе и особо, выводя въ ней на мѣсто Теодориха — готскаго короля *Aldagicus* (*Chron. Bud.* 21). Еще и въ третьей и послѣдней битвѣ сыновей Аттилы, Аларія (Алариха?) и Хабы, Гейнцель усматриваетъ «ясную связь съ воспоминаніями о побойцѣ 451 года, какъ онѣ сохранились въ сѣверномъ преданіи» (I. с. 105).

Эта замѣна историческаго Теодориха вестготскаго Аларихомъ (и, прибавимъ: Теодорихомъ остготскимъ) приготовляетъ насъ къ толкованію проф. Гейнцелемъ первоисточника сѣверной саги. Она не забыла Теодориха, а замѣнила его другимъ лицомъ. Центръ аргументаціи лежитъ въ толкованіи собственныхъ именъ: *Hlobg* и *Angantyr* (сл. стр. 77, 80—2) — это франкъ *Chlodio*, побѣжденный въ 428 году *Aeciemz* (стр. 51): *Aiecius*, *Agetius*,

Agatius, что дало-бы германское Hagthér, въ которомъ сѣверные люди нашли знакомое имъ имя: Anganper'a, Angantyr'a. Аэций былъ женатъ на варварской, можетъ быть, готской царевнѣ, усыновилъ Франкскаго принца, и это могло повести къ представленію его самого германцемъ, особливо среди Франковъ, надъ которыми римляне Сиагрій и Эгидій властвовали съ почти королевскою властью. Въ побѣдоносной битвѣ противъ Chlodio-Hlōð'a его братъ и противникъ Аэція-Angantyr заступилъ мѣсто Теодориха вестготскаго; послѣдній, какъ извѣстно, палъ въ битвѣ, Ангантиръ остается въ живыхъ — по требованіямъ *франкскаго* преданія, внесшаго въ рассказъ о битвѣ народныя имена, но оставившаго своихъ царевичей готами, ибо историческая память о роли готовъ въ шалонской побѣдѣ стояла слишкомъ крѣпко, и изъ нея трудно было сдѣлать — Франкскую, съ Франкскимъ героемъ во главѣ (Heinzel стр. 77).

Если такъ, то въ сѣверную сагу преданіе о шалонскомъ побоищѣ должно было проникнуть въ Франкской версіи, съ именами Chlodio-Hlōð'a и Аэція-Ангантира, и сѣвернымъ людямъ принадлежитъ лишь ея южное приуроченіе, навѣянное знакомствомъ съ Gotheimar. Но и оно оказывается не новымъ, если вѣрно предположеніе Гейнца, что Dunheidi, гдѣ Angantyr предлагаетъ бой гуннамъ, отвѣчаетъ долину Дуная, ибо на Дунаѣ помѣщаетъ бой Алариха (= Теодориха) съ гуннами и Пасхальная хроника, битву Теодориха съ Атиллой тамъ-же мадыарскія лѣтописи. Эта согласная локализациа въ памятникахъ, взаимно независимыхъ (я особенно имѣю въ виду Негвагасага'у), едва-ли указываетъ на шалонскую битву и на Атиллу, а на какое-нибудь болѣе древнее столкновеніе готовъ съ гуннами и готскихъ влaстителей, враждовавшихъ другъ съ другомъ на болѣе древнихъ поселеньяхъ. Я не дѣлаю попытки обстоятельнаго сближенія, потому что для таковаго нѣтъ матеріаловъ. Замѣчу только, что въ Негвагасага'ѣ нѣтъ имени Атиллы, а названъ гунскій король Hunli, можетъ быть, не историческое, а эпическое имя, въ которомъ нѣтъ нужды видѣть поздній субститутъ имени Атиллы

(сл. 1. с. 79). Если въ Widsið'ѣ, гдѣ готы бьются съ гуннами «въ лѣсу Вислы» (= Дакія, по мнѣнію Гейнцеля стр. 103), Аттила названъ рядомъ съ Hlire = Hlöd'омъ и Incegnreow'омъ = Ангантиромъ, то развѣ его имя не можетъ быть подновленіемъ, почерпнутымъ изъ памяти о лицѣ, ставшемъ гѣсеннымъ показателемъ гунновъ?

Присоединяю къ этому и другое возможное соображеніе. Готы назначаютъ гуннамъ битву á Dunheiði — ok á reim öllum Jösurfjöllum. Dunheiði, можетъ быть, долина не Дуная, а Дона, что согласовалось-бы съ Jösurfjöllum = горами Оссовъ или Ясовъ, т. е. Аланъ, жившихъ на обширной сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югѣ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западѣ до Мэотиды и нижняго теченія Дона¹⁾. На Дону или за Дономъ бьются съ ними русскіе князья по свидѣтельству нашихъ лѣтописей²⁾, знающихъ и «горы высокія, яскія и черкаскія, близъ воротъ желѣзныхъ», т. е. кавказскія, въ которыхъ Аноллинарій Сидоній помѣщаетъ saucasigenas alanos³⁾. Ихъ западной границей было теченіе Дона, которому они дали и названіе: осет. дон = вода, рѣка⁴⁾. У Яскихъ горъ (Jösurfjöllum) и въ Dunheiði — долину Дона и могли происходить битвы готовъ съ гуннами. Сл. Ammian. Marcell. XXXI, 3, 1: въ 375 году «гунны прошли черезъ земли алановъ..., убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣнія Эрменриха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы — вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости»⁵⁾. Это опредѣлило-бы и мѣсто дѣйствія и историческія воспоминанія

¹⁾ В.с. Миллеръ, Осетинскіе этюды, часть III, стр. 10, 11, 23, 30, 32, 35, прил. 1, 43, 44, 45, 58, 71, 75, 97.

²⁾ 1. с. стр. 66 слѣд.

³⁾ 1. с. стр. 75.

⁴⁾ 1. с. стр. 7—8.

⁵⁾ 1. с. стр. 42—53.

саги въ эпизодѣ о готско-гуннскомъ побоищѣ. Если оно является побѣдоноснымъ для готовъ на переکورъ исторіи, то это лишь характеризуетъ народный источникъ, изъ котораго историческій фактъ дошелъ до сѣвернаго сказителя. Народная гордость идеализуетъ поражение, обращая его въ побѣду; нѣчто подобное предположилъ и Гейнцель, объясняя, почему Ангантиръ не сраженъ, какъ его предполагаемый прототипъ — Теодорихъ вестготскій.

Воспоминаніе объ Аттилѣ исключаются нашимъ соображеніемъ, но получается взамѣнъ просвѣтъ на древнія отношенія южной Руси, на битвы и подвиги, забытые исторіи, переименованные сагой, но, можетъ быть, присутствующіе неузнаваемыми нынѣ чертами въ народной метаморфозѣ русской былины.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 7 прим. 2. Сл. Сказаниѣ ѿ злоноръивныхъ женахъ, напечатанное Ягичемъ по болгарскому сборнику берлинской библиотеки въ *Starine V*, стр. 63 и слѣд., и тамъ-же введеііе и примѣчанія къ тексту.

Къ стр. 21 внизу: въ послѣднемъ стихотворномъ отрывкѣ слѣдуетъ такъ исправить чтеніе рукописнаго текста: ст. 51 *dameisels*; ст. 52 *bels*; ст. 55: *Filles à princes, à baguns*.

Къ стр. 29 прим. 5. Сходный текстъ находится въ ркп. Московскаго Чудова монастыря № 57—359 (XVII в.), л. 40 и слѣд. Сл. описаніе этой рукописи Хр. Лопаревымъ въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886 г. (Смѣсь), стр. 11.

Къ стр. 133. Къ вопросу объ отношеніи Готфрида Страсбургскаго къ Томасу и поэтической самостоятельности перваго отмѣтимъ для полноты библиографическаго обзорѣнія статью О. Glöde (*Der nordische Tristanroman und die aesthetische Würdigung Gottfrieds von Strassburg*, въ *Germania XXXIII*, стр. 17 и слѣд.), въ сущности мало доказательную.

Къ стр. 140 прим. 1. Сл. *Archiv f. slav. Philol.* I, стр. 285 (*Aus dem südslavischen Märchenschatz*, № 11) и въ фрагментахъ Beroul'я, стр. 35 — 36: *Salemon dit que droicturiers — Que ses amis c'est ses levriers.*

Къ стр. 322. Лишь по окончаніи моеѣ работы я могъ познакомиться въ Венеціи съ *Histoire de Atilé*, содержащейся въ ркп. библиотеки св. Марка, сл. X, cod. XCVI, л. 19 лиц. и слѣд. Я сообщи еѣ въ краткомъ анализѣ, кое-гдѣ приводя и отрывки текста.

Разсказъ начинается введеніемъ общаго характера.

Après ce que nostre Seigneur Iesu Crist nasqui e fu penez e mort, apostre furent mout esgare. Mais après ce que il fut resuscitez, se reconforterent il mout que il le uirent e parlerent a lui maintes foiz. Mes li iors de la pentecoste donoit nostre sire a ses apostre sa grace e sa beneizonz e li saint esperit donoit il a zascunz que il l'auoient veu aler ou cielz le iors de l'ascension. E de lors en auant prist cascunz sa voie e s'en alerent parmi le monde preechant le noms de Iesu Crist e de tout ce qu'il uirent e oirent de luy.

Слѣдуетъ разсказъ о проповѣди и кончинѣ апостоловъ и ихъ учениковъ и перечень папъ начиная отъ ап. Петра до Сильвестра; онъ исцѣляетъ и креститъ Константина Великаго, который, предоставивъ ему и его наслѣдникамъ царскую власть, удаляется въ Грецію; f. 20 лиц. об.: *Il fu sire e empereour en Grece. Il s'en aloit en en Bisance et illec s'arestoit, illec il fist une citez la plus belle e la greignor e la plus riche que de lors en auant fust faite ou secle. Il l'apeloit de son non Constantinople. Que vos diro-ge? Illec fist il son empire et le tint de part l'apostaille de Rome, e fu le pais apelle Romanie por ce que li romains i remestrent.*

Далѣе говорится о находженіи св. Еленой честнаго креста; объ Іосифѣ Аримаейскомъ и разрушеніи Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ въ наказаніе евреямъ за смерть Спасителя. Іосифъ

Армаосейскій найденъ при этомъ случаѣ въ башнѣ, гдѣ его въ теченіи сорока лѣтъ поддерживалъ его чудесный сосудъ, f. 22 об.: *sa precieuse escuelle que li Bretons appellerent le Saint Graal.* Съ нимъ онъ отправляется въ Британнію, проповѣдуя Христову вѣру.

Такъ распространилось христіанство; авторъ хочетъ особо разсказать (f. 21 об. и слѣд.) *de cels que se cristienèrent parmi Ytaire par le preechement de mon seignor saint Marc que preechoit en Aquilee e par le preechement des saint homes que apres mon seignor saint Marc preechons en Aquilee e parmi Ytaire.* Первымъ былъ св. Маркъ: *apres ce que mon seignor saint Piere s'en alloit de Antioche en Rome et enuoia son desciple li euangelistre mon seignor saint Marc en Aquilee, e de Aquilee s'en retornoit celui euangelistre en Rome e mesire saint Piere l'enuoia en Alexandre ou il reçut mort.* Св. Маркъ крестилъ въ Аквилеѣ ея царя и многихъ другихъ; вмѣсто него поставленъ былъ въ городѣ другой патриархъ; *e por le saint batisme preechier en fu occis li autres que estoit patriarche en Aquilee, que l'en apelloit saint Hermachore, e maint autres prudomes, pulceles e ueue dames e mariees, por ce que il auoient receuz le saint batisme.* Mes apres lor mort fu la cristine loi moult esaucie *que en Aquilee que en la Marche Ioiose por le preechement de mesire saint Prodocime que fu euesques de Patauie, la maistre cite de la Marche Ioiose, que il conuerti le buen roi Uitalianz, piere saint Justine, e tote la Marche Amorose que estoit en la subiecions de celui roi Uitalianz e que apres sa mort fu en la subiecions de madame saint Justine que fu pois morte por Maximiens empereres de Rome por ce q'ele ne uoust lasier la loi cristiene.* Et adunc fist Dex maint miracles *par li que en Lombardie por les prechement des saint homes e por les miracles que nostres Seignor Iesu Crist fesoit por lor proieres.* Mes lors quant li paiens d'Ongrie e des autres contrees uirent ce e que le saint batisme estoit multipliee en Ytaire, si distrent *que il les destruiront touz.* Il auoit en Ongrie un rois *que l'en apelloit Ostrubalz, celui rois auoit une file mout belle*

damoiselle de sa feme. La mere a la damoiselle estoit morte, qe neez fu dou lignage des Longobarz, e la damoiselle uenoit en aage de marierz, si l'amoit moult filz a baronz. La damoiselle estoit moult enparlant e comenzoit a amer por bmpr (amor)¹⁾ et estoit mout ioliue e la lxxxrlif (luxurie) la enchaucoit de iors en iors. Et li rois Ostrubalz la baoit a doner a fame Auradianz li filz li empereres de Constantinople. E ce fu qe Justiniens estoit empereres de Constantinople.

Quant li rois Ostrubalz d'Ongrie uit qe sa file estoit ioliue e si enparlant, si fist fermer une tor e la mist dedenz e li donoit maint damoiselles por li seruir, e fist fermer la tor sainz nul huis qe nul peust entrer dedenz ne oisir hors, fors a une corde li donoit l'em sa despense. Lors quant la damoiselle entra en la tor, son pere li donoit un petit liurier e li dist: Belle file, cest liurier voil ge qe tu nouris tant qe il soit d'aler en cace. Celle prist li liurier qe son pere li donoit, que mout estoit biaus e blanc come noif, si le nourit la damoiselle tant qe il fu grenet e uint en saut. Celui liurier couchoit souent ou lit de la damoiselle. Il auint une nuit que la damoiselle estoit toute nue en son lit e li liurier estoit deieste li. La damoiselle estoit escaufee de la lxxxrf (luxure), si adreçoit son nentre (свєрху: uentre) en uers le liurier, e li liurier sentiz la cholor de la damoiselle, s'adrfcokt (s'adreçoit) vers li, e pors le pechiez dou monde il cpnxkt (conuit) la dbmpksflf (damoiselle) cbrnffmf[n]t (carnelement). Grant fu li pechiez e doloreus le domage, qe la dbmpksflf (damoiselle) fu fncfnktf (enceinte) df[n]fbnt (d'enfant). Molt furent a malase les damoiselles qe auec li estoient, quant elles uirent crpistrf (croistre) li

¹⁾ Въ слѣдующемъ далѣе эпизодѣ переписчикъ, или скорѣе, его оригиналь, старался сдѣлать неразборчивыми слова, которыя считалъ соблазнительными. На л. 22 об. и 23 лиц. об. надъ нѣкоторыми изъ такихъ словъ другая рука вписала ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и это выяснило мнѣ приемъ, съ помощью котораго ихъ дѣлали невразумительными: согласныя не мѣнялись, гласныя замѣщались буквами, непосредственно имъ предшествовавшими въ порядкѣ алфавита, напр.: fncfnktf = enceinte, dbmpksflf = damoiselle; непослѣдовательно: nentre (сверху написано: uentre).

ufntrf (uentre) a la file dou roi, e bien se perciurent au semblant dou liurier qe il auoit gfx (geu) a li, si le bouterent hors de la tor en li fousez ou il se noia. La damoiselle estoit tant iree e tant corocce que ne le baoit autre cause fors que a soi ocire, mes le damoiselles qe avec li estoient ne la leisoient pas ne peu ne grant seule, e lors en parlerent au roi. E quant il oï cest fet, il fu corociez a desmesure, e neporquant il dist que la colpe estoit toute soe. Lors la fist hoster de la tor et la donoit a fame a uns barons d'Ongrie qui moult en fut liez. Les noces furent grant e plenières, que celui estoit moult rices hom e de haut lignaie. Si conuit sa feme, c'a l'enfanter tint l'enfant per suen, qe il le cuidoit vraiment auoir engendre. Mes quant l'enfant nasqui, il estoit demi a la semblance d'ome e demi a la semblance de chienz. Si en fu la douleur mout grant e mort eurent la damoiselle a tout l'enfant, se ne fust par trois chouses: l'une por la peur dou roi, l'autre porce qe li rois n'auoit nul heir, si estoit le roiaume de la damoiselle apres la mort de son pere; la tierce por ce que uns jueis qe mout estoit saie home de la loi et estoit de lui moult acointe, li dist qe celui enfant poit bien auoir prise la semblance dou liurier qe la damoiselle auoit nouriz en la tor, quant son mari estoit avec li e la conosoit carnelement, se la damoiselle baoit a celui point au liurier de tout son cuer. E lors le traist auant l'estoire de Jacob quant il aloit a seruir Laban son oncle por ses files auoir a feme e qe il fist la couenance de auoir toutes les bestes uaires, e son oncles deuoit auoir les autre toutes. E li contoit l'enging que Jacob en fist, qe il escorçoit verges de maintes mainieres e les gitoit en l'eue ou les bestes beuoient, e li mascles les bsbkllgfont (asaillloient) illec et au nestre de bestes uenoient toutes uaires. Tant dist li jueis de Jacob e des autres ensembles, qe il firent culpes e firent nourir l'enfant mout richement. E ensi fu Atile nez e non autrement. Mes celui jueis sauoit bien le estoire dou Menotaur qe auoit este nez en Cret d'un taure e d'une feme, dont il n'en descourri pas l'estoire a celui point ne a cele foiz.

Выросши и воцарившись, Аттила наводитъ на всѣхъ страхъ своею храбростью и ненавистью, которую питаетъ къ христіанамъ. Его первый подвижъ — осада Аквилей (города, построеннаго троянскими бѣглецами), гдѣ царитъ царь Менарус. Онъ выѣзжаетъ изъ города, и его люди бьются съ осаждающими (f. 24 лиц.: Cumanz, Blach, Ongre e Bolgre); въ поединкѣ съ Менапомъ Аттила сбитъ съ коня, но его люди его подняли. Менапъ и его братъ Агиосхус, раненый въ бою, возвращаются послѣ вылазки въ городъ, а Аттила разгнѣванъ и выражаетъ своему коннетаблю Асинасусу опасеніе, какъ-бы непрітели не учинили чего ночью. Но имъ не до того; Менапъ отослалъ раненыхъ въ Грацъ (Grado), а когда на другой день Аттила возобновилъ обстрѣливаніе города, и самъ туда бѣжитъ съ своими рыцарями и простымъ народомъ, напередъ обманувъ осаждающихъ извѣстной выдумкой: деревянными куклами, которыя и приняты за настоящихъ воиновъ. Обманъ узнавъ по соколу, безпрепятственно усѣвшемуся на одну изъ чучель; Аквилея взята, ограблена и выжжена.

Дальнѣйшій разсказъ переноситъ насъ подъ стѣны Corde, une uile mout belle e mout defensable que l'en apelle Concordie (f. 25 об.); f. 26 лиц.: тамъ si s'estoit ia mis un prudome, rois coronez estoit e nouvellement cristienez il et sa fame, e son pere auoit este rois et estoit apelez Galayphe, dou linaie Uitalians li rois de Patauie, li pere saint Justine. Mout aidoit celui preudome les cristiens de tant com il pooit e de son cors e de sa ien. Il auoit une fame moult belle dame e cortoise et amoit molt la cristiennes. Celui rois auoit non Gilius et la dame Adriane... Il estoit rois de Patauie que l'en apelle orendroit Padue. Il dist a la reine lors quant il se partoit de Peue (Павія? Падуя?) que en uers la mer s'en alast e amenast auec els ses grant tresors, ses filz et ses files. Она высаживается на морскомъ островѣ, гдѣ построила часовню и назвала еѣ les angelus Raphael. Жители Конкордіи также высылаютъ изъ города женщинъ и дѣтей en l'isle dou mer, s'apelerent li leus Caurol (Caorle = Caprula). — Gilius, li reis de

Reue (f. 26 обор.; надо-бы: de Patauie), запершійся въ Конкордіи вмѣстѣ съ Cordes li rois de Concordie, выходитъ на встрѣчу Аттилѣ, которому былъ ночью вѣщій сонъ: между прочимъ онъ видитъ *uns home qui li trençoit la teste*. Значеніе этого сна объясняетъ ему какой-то *sortier*: Аттила побѣдитъ и на этотъ разъ, но будетъ убитъ впоследствии мужемъ, представившемся ему въ видѣніи. *Sortier* указываетъ его — въ *Gilius'*ѣ, предводителѣ перваго непріятельскаго полка. Аттила хочетъ отвратить исполненіе своего сна.

Битва подъ Конкордіей; въ числѣ ея защитниковъ *uns suens de Reue, Regon*, противъ котораго выступаетъ *Agmanas, uns Cumanas*. Король Конкордіи взять въ плѣнъ, но отбить однимъ рыцаремъ, *Sontarel'*емъ. — Побѣда на сторонѣ защитниковъ города, но они видятъ, что имъ долго не продержаться, и ночью удаляются на корабляхъ. Участь города та-же, что и Аквилеи; жители и *Gilius* удаляются въ *Anthenoride*, городъ, названный впоследствии *Atilie*, e l'en l'apelle orendroit *Altin* (f. 28 об.).

Всюду, куда пи показывается Аттила, жители напередъ бѣгутъ къ морю, гдѣ селятся и строятся на островахъ. Такъ онъ никого не нашель въ *Feltre, Belun* и въ одномъ замкѣ f. 29 об.: *li casteaux auoit nom Ansul et Oudherz (Oderzo) de gastail e Treuis la cite Amoreuse*. — Подъ Атилиєю происходитъ битва и поединокъ *Gilius'*а съ Атилой; и здѣсь жители удаляются (f. 29 об. — 30 лиц. перечислены ихъ новые поселки), городъ выжженъ и никогда не былъ съ тѣхъ поръ возобновленъ.

Gilius отправляется къ себѣ въ *Patauie*, клянется, что встрѣтится съ Атилой и будетъ биться съ нимъ на смерть (женщины, дѣти и старики выселены; перечислены поселенія). — Аттила подъ Падуей, куда собралось, на защиту города, много ломбардцевъ; ихъ предводитель *suens de Pauie, Naimeris li lombars* (f. 30 лиц. об.). *Gilius* ободряетъ своихъ (*He prince d'Est et uos seignor caillant!*), а самъ онъ походитъ на *Hector li ardiz qui devant Troie per son cors seulement trespesoit les greignors batailles*. Ударъ *Gilius'*а ошеломилъ Аттилу, его ратники его за-

щитили. На другой день онъ посылаетъ Gilius'у вызовъ: пусть помѣряется съ нимъ одинъ на одного. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Gilius повергаетъ противника на землю, хочетъ снять голову, но явились сидѣвшіе въ засадѣ угры и отбили Аттилу, который велитъ повѣсить ихъ и ихъ коней: зачѣмъ они вмѣшались въ дѣло, положенное между нимъ и Gilius'омъ? Онъ защитился бы и самъ. — Аттила стоитъ подъ Падуей семь лѣтъ; не будучи въ состояніи дольше держаться, Gilius удаляется въ Rimans, куда за нимъ слѣдуетъ и Аттила (графъ Римини Asmonç; со стороны Аттилы упоминается военачальникъ Valgrus, f. 33 лнц.). — Въ битвахъ подъ Римини побѣда на сторонѣ Gilius'a; Аттилу снова посѣтило его вѣщее сновидѣніе, а Gilius'a извѣщаютъ о близкой помощи Acharins princes d'Est, Alfans cuens Visentinz et Marcells cuens de Feutre (f. 34 лнц.). Въ тотъ-же день является изъ Константинополя dux capitel, capitels li dux Daire, бывшій правитель Равенны; когда городъ отдался Аттилѣ, Daire отправился въ Константинополь къ императору Egradianz — и теперь явился съ обѣщаніемъ греческой помощи.

Приготовленія къ битвѣ; въ числѣ защитниковъ города упоминаются: Varnerins li marins, иначе: li marchis Varnerins de Fan.... par sa noblecez fu apele la Marche — Marche de Guagner; li cuens Asmont (выше Asmonç, графъ Римини); cuenz Asmodee (или Asmonde) d'Ancone; Matolsels de Rimanz li noble catains; со стороны Аттилы: Luculus, начальникъ куманъ; li rois Bougris Libamgratis или Gratis Libans (li bans?); Malducas li Blac. — Битва состоитъ изъ ряда поединковъ; и на этотъ разъ побѣда остается за христіанами.

Аттила посылаетъ къ Gilius'у рыцаря Artabius съ предложеніемъ f. 38 лнц.: que il (т. е. Аттила) le metra en saisine de ta uille se tu voi leisier la loi qe tu as prise. Gilius отказывается. Тогда Аттила зазываетъ къ себѣ въ шатеръ пилигрима, мѣняется съ нимъ платьемъ и въ образѣ паломника изъ Святой земли проникаетъ въ Римини. Онъ говоритъ на lange francische; около дворца Asmont'a онъ видитъ двухъ рыцарей, играющихъ

въ шахматы: Gilius'a и Asmont'a; присматривается къ игрѣ, выжидая время, чтобы поразить Gilius'a отравленнымъ кинжаломъ — и необдуманно провѣщилъ *en langage de Ongrie*, который Gilius понималъ, ибо въ Падуѣ у него былъ *drugumans* (f. 39 лиц.). Gilius узналъ его, Аттила принужденъ сказать, съ какою цѣлью пришелъ, и Gilius сносить ему голову. F. 40 лиц.: *In telz mainiere com ge uos di fu ocis Atile li flagelzs Diex por la mains dou rois Gilius li bon rois Candians, si ensi de lui li Candiens qui se herbergere avec sa mere en Uenise.*

Голову Аттилы показываютъ его войску; оно начинаетъ отступление подъ начальствомъ *Panduccus'a* (другія имена угрскихъ вождей: *Gorsipels, Arieuels, Marieltes, Aribacels, Ascubelins, Alcucharis, Galulus*). — Битвы по пути: на угровъ нападаютъ итальянцы и греческое войско подъ начальствомъ *Egadius li filz l'empereour Constantinople* (упоминается: *Alexandre li nies l'empereres Justinus* и др.). Угры поражены, *Panduccus*, котораго *Gorsipels* покинулъ, тайно уйдя съ своимъ отрядомъ въ Венгрію, проситъ перемирія, но и самъ удаляется тайкомъ. Избѣжавъ смерти отъ руки христіанъ, онъ напелъ ее на родинѣ, отъ руки *Gorsipel'a*. F. 44 лиц.: *De ce furent Ongres moult corociez, mes il ne le porent amendier. — Deo gracias.*

Corociez — amendier въ концѣ разсказа отзываются прямой; въ самомъ изложеніи замѣтны эпическія общія мѣста: слѣды стихотворнаго оригинала — или знакомства автора съ стилемъ франко-итальянскихъ *chansons de geste*?

Въ заключеніи предложу нѣсколько поправокъ къ слѣдующему далѣе тексту познанскихъ повѣстей. Онъ былъ напечатанъ прежде, чѣмъ я могъ ознакомиться съ соотвѣтствующими западными версіями. Онѣ-то и указали мнѣ на нѣкоторыя исправленія, частью которыхъ я могъ воспользоваться при напечатаніи моего введенія.

Далѣ ссылки сдѣланы на страницы Приложенія.

Стр. 7, строка 4 сверху: чит. гулешскаго вм. сулешскаго.

Стр. 22, строка 3 снизу: чит. а ни вм. аки.

Стр. 25, строка 19 слѣд. Слѣдуетъ такъ разставить знаки препинанія: «Трыщанъ рекъ: О боже, коли бы то могло быти, быхъ и былъ здоровъ, не просилъ быхъ бога! Болшеи десети дней панъна прыкладала зѣлье».

Стр. 39, строка 15 снизу: Потом, чит.: По том = во франц. романѣ ainsi.

Стр. 44, строка 8 снизу: едет Трыщан с одним пахолкомъ и з магушем. Чит.: съ одним пахолкомъ из (= съ) магушем, во франц. текстѣ: Tristan et le paup. Сл. стр. 43, строка 14 снизу: рек магушу хлопцу.

Стр. 76, строка 15 сверху: Сорелонсъ, чит.: Сорелонсъ.

Стр. 81, строки 7—8 сверху. Надо такъ расположить текстъ: «съ сулицами (*Битва Трыщанова зъ Гаммѣтомъ*). Конец тых рѣчей пустиль са одинъ» и т. д.

Стр. 83, строка 14 снизу: сирелонское, чит. сирелонское.

Стр. 94, строка 14 снизу: Долота, чит. До[мо]лота.

Стр. 124, строки 6—7 сверху: чит. «Андолот видель одного травника, а он траву несеть и рече: Рыцѣру, оно едетъ рыцѣр» и т. д.

Стр. 122, 1 строка сверху: имаэт, чит. и маэт.

Стр. 129, строки 10—11 снизу: надо начать абзацъ со словъ: «Туть вернимо са, поведатию».

Стр. 131, строка 7 снизу. Чит.: «Убил есми его, пани. — За то хочю» и т. д.

Стр. 140, строка 9 снизу: гальца, читай: Гальца (ит. Galasso).

Стр. 160, строки 7—8 снизу: чит. поехал.

Стр. 171, 1 строка снизу: его, чит. еа.

Стр. 173, 2—3 строки сверху: чит. Кадыком.

— строка 8 сверху: Матрынусь, чит. Макрынусь (?)

Стр. 181, строка 14 сверху: Мартыян, чит. Маркитанъ (?)

Стр. 232, 3 строка снизу: вм. Кэму чит. Рэву.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Починається повесть ѿ витезах с книгъ сѣрбських,
а звлаща ѿ славномъ рыцѣры Трысчан[е], ѿ Анцалоте и
ѿ Бове и о иныхъ многихъ витезах добры[хъ].

Былъ король имен[емъ К]левдасъ, ѿнъ мѣлъ [вел]икую любов
с ко[ролемъ] Аполономъ, и дла ихъ великое любви мешкал
ѿдинъ у другого. прыехавшы со всеми слугами и двором
своимъ. И прыѣхал коро[ль] Аполонъ з двором своимъ до корола
Клевдаса и мешкалъ в него до году. И была у корола Аполона
королеваа velmi хоро[ша], а корола Клевдаса сынъ былъ velmi
добрыи юнак и витезь velmi добрыи, и розмиловаал са королевое
Аполоное великою милостю, и вже болшь не мог терпѣти и мо-
вилъ си ѿ своей великой ку неи милости, але ѿна ни которым
ѿбычаемъ на то не хотела позволить, и рекла ему: тако ты мнѣ ѿ
том не вѣстыдиш са мовити? Видевшы ѿнъ иж не могъ к тому
прыити, ждал коли са розѣдутъ корол Аполонъ ѿт корола
Клевдаса до своего королевства, и тогды сын корола Клевда-
сов направилса и взялъ зъ собою добрыхъ юнаков в товариш-
ство, и засѣл в дубровахъ ѿдних близко дороге, и коли са [къ]
нему прыближил король Аполонъ, а ѿни са направившы ждали
корола Аполона и вдарыли на него и его самого поймавши
ѿкрутне зранили, с которых ран жив быти не мог, и [всю]
дружину его побии. И рекъ король Аполонъ своей королевой. .
. ре так са стало и таа ѿкрутнаа смерть.
а velmi смутна и жалостлива И рекла.
тоа зло стало са. И коли са сы[нъ].

ѡнъ увошол ув-однокомору високу. [короле-]
 ваа уведена хотечы сполнити сво.
 Королеваа то видела иж дла нее много [рекла]
 ему: ѡ лихих злых чловече, мой господаръ прышо[лъ]
 (стр. 2) дла [т]воеи доброе славы, а ты его ѡ смерть прыправиль и
 хотѣл [б]ы еси еще мене посоромотити, але то не може быти. [И то]
 рекшы ѡтступила ѡт него и скочыла ув-окно вельми з вы[сокого]
 палацу и забиласа на смерть. Коли ѡнъ повѣдал и рек: га самъ. .
 м уморылъ такую королевую з сего свѣта так цудную.
 ѡпатрѣнностью. И ѡн плакавшы и казалъ ее погresti, послал [къ]
 королю Аполону ран гледѣти, и поведали ему ижъ жив не может
 быти, и ѡн его казал пустити. И коли умер король Аполонъ,
 ѡтказалъ тѣло его в реку вкинувшы утопити. И коли вкинули
 в реку, был у него ѡдинъ хортъ, который ѡт него николи нигде
 не ѡтступовал, але за паном своим шолъ у реку плавом ищучы
 в рецѣ пана своего, и нашолъ его велми у глубоком виру, и
 навшы его за руку и выволоч на берег зубами своими, и выко-
 павшы га му ногами своими и положыл в ней пана своего и зако-
 пал песком, штобы его не нашолъ ни ѡдин звѣръ, и сѣлъ на
 ѡной могиле, штобы мог видети.

И поѣхалъ король Клевдасъ в ловы и ехал ѡдним узречѣм
 и много звѣру половилъ и ехал [ку] ѡдному городу, и прибли-
 жылъ са ку ѡному хорту Аполонуву. Хортъ увидевшы люди и
 почалъ выть велми высокимъ голосом; коли король видель хор-
 та, и послал видѣти што ест. Они поехали и видевшы пове-
 дали королю мовечы: Нам са видит гакобы чловѣкъ ново уко-
 пан, а хорт стоит на гробе а нигдѣ не идеть зъ гроба. А ко-
 роль был велми мудръ и поехал сам видеть ѡного [хорта].
 И реклъ: То ест хорт корола Аполонувъ, который
 а то ест мой наболшый прыятель
 [и]сказалъ могилу, штобы видалъ мертвеца,
 лъ иж былъ король Аполонъ, и вда-
 [рылъ са] сом, говорѣчы: Вже-ж еси загибъ
 и наибольшый мой прыатель умер

. было ему быти уховану. И зсѣлъ и и ско
 чылъ и с плачемъ, со слезами, и казал его понести
 которыи былъ недалеко оттуль, и вбравшы
 (стр. 3) тѣло корола Аполона якъ ест потребно, положиы его въ
 кошт. А потомъ королъ Клевдасъ казалъ кликати по всемъ
 мѣстамъ [абы са до]вѣдати, хто вморыи корола Аполона, хо-
 течы того вел[ми великиими] даръми даровати если бы ѿ томъ
 хто што пѣви[ого ведалъ, а если же] бы хто ведал, а не хотѣлъ
 правды споведати, такой мает быти коломъ каранъ. И коли
 вышла ѿтъ корола зап[овѣдь. . . дѣвка Аполонова] рекла: Го-
 судару королю, если бы еси былъ ѿ . . . вѣдаю ѿ королю Апо-
 лоне, якою ѿн смертью [умерь, и могу ти все] споведати; во-
 длугъ твоего шлюбу прошу тебе. ласки. Рекъ король:
 ѿ што мене будешь просити. дам ти. И дѣвка все
 споведала по раду, такъ са его [сынъ розми]ловалъ королевое
 Аполоное и не могъ ее инак ув-одной дуброве и
 вбилъ мужа ее корола Аполон[а. и всю дру]жыну его по-
 бил, и такъ са королевая убила зъ жа[лости по королю и по-
 томъ] што са чынило по раду ему споведала. И рекъ король Клев-
 дасъ: Сынъ мой и мене загубилъ и Аполон. И послалъ по сына Апо-
 лонова. вати пока бы мѣлъ лѣта. И потомъ по-
 слалъ по своего сына, и коли ѿнъ передъ него прышолъ, погле-
 дѣлъ на него велми серд[ито и рекъ: Над]зъныи чловѣче, уморыи
 еси ѿдного ѿтъ добр. [наболъ]шого прыятела у
 моимъ дому, а мене еси Але такъ хочу вчыни-
 ти, ижъ ѿзмешъ заплату. злого прыстоит. А коли
 ѿнъ вид. вое злое воли противъ себе, и завола: Государу,
 король не порушыи са ни ѿднымъ милосръдьемъ.
 казалъ ѿгонъ класти и сына своего в него вкинути.
 Тамъ дѣвка, которая то споведала, и поклекнувшы . . . : Государу
 королю, деръжыи ми свой шлюбъ такъ ми еси ѿбецалъ. [И король]
 рекъ: Дѣвко, говори. И дѣвка рекла: Прошу тебе твоего сына.
 И король рекъ: Готовъ ти ест, але маетъ прынати смерть. И ка-
 залъ его вскинути ув-огонь. ѿнъ вмер. И рекъ король

дѣвцѣ: ѡзми. собѣ. та вола таковое немилосрдѣ.
 его и п[огрести].

(Стр. 4) [Але то] ѡставмо и верномо са ку ѡному Аполонову дитати, которому има было Кандиешъ, который у доброй ѡпецѣ у корола Клевдаса покул был добрыи витез и великое доброты и за его. был государемъ корновалским и елиѡносским и вси ѡба а король Клевдасъ дал за него дочку свою именем. и у великой милости и ласцѣ. И сплодили дѣти. [стар]шого поставили королем корновалскимъ, а молод[шого елиѡносскимъ], а иные шли по свѣту рыцѣрскимъ ѡбычаем а и так са были по сторонах расплодили, иж не такіи повиноватыи албо кривныи. дал королевство корновалское у руки королю Пелишу, ѡнъ. ем Марка, што са вродилъ марта мѣсяца, а другого. бь былъ близко смерти, ѡн коруновалъ сына своего. на королевство корновальское, король Марко далъ сестру. за корола Мелиадуша, который былъ великии. у Елиѡносе. Елиобела королеваа была великии. и собою у великой милости жыли и дивне са назбыт. а королева жыла за ним много лѣт, а детей не мѣла, а потом. животе плод носила, и все королевство. узрадовало са жадаючы мѣти потом. на. И поехал корол у ловы з мно[гими рыцѣры], и прыехал къ ѡдной воде, пры которой умеръ. А прыехала ѡдва дѣвка, которага его [великии любила болшъ] нижли сама себе ѡт многих лѣтъ, для [тоє милости ѡна сама его] могла нанти и рекла: Много говорить. бых та такую доброт познала, та быхъ тебе привела у таковое мѣсто, гдѣ бы ты пры вечере видел пудную рѣч, таковое еси давно не видалъ. Корол будучы великии добрыи рыцѣр жадал видети тую реч. Она рекла: та тебе поведу там. И король сѣл на конь и рекъ дѣвцѣ: Вседаи, поеду за тобою. И ѡна ехала дорогою. ѡмъ ехала. а потом ночь была в. [вид]ели великии. вшы. чили (стр. 5) многие великии весело прынагли коня под королем и зброю. А то был город ѡное дѣвки; ѡна его повела ув-одну великии хорошую комору, и коли был король у ложницы, преме-

нило са королю сэрца и мысль и не была ему на вмѣ его королеваа а ни Блишнос королевство его ни слуги, толко онаа дѣвка, котораа его увела до тог[о] города иж был дивно зачарован.

Видевшы то королевы витези, иж не было корола колко ден, и ехали его искати и не могли его найти а ни ѿ немъ вѣдомости мѣти. И онаа королеваа взавшы зъ собою ѿдну дѣвку и сама поехала искати корола Мелиадуша, абы то могла ѿ немъ якую вѣдомост мѣти. И вехали у великое добровы и много блудили, ишучы по всих сторононах корола, и поткали Мерлина пророка, и Мерлинъ поздравил кролевою. И она ему на то рекла почестене и рекла: Добрыи человекче, если будеш слыхал албо маеш якую вѣдомост ѿ моемъ пану королю Мелиадушу, которыи згибъ без вѣсти, для бога повѣдай ми, если живъ есть. Мерлинъ рекъ: Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж ест живъ, здоров и вельми весел такъ, иж николи перед тым так весел не бывал; але ты вже его своими ѿчима не можеш видети. И то рекшы згинул ѿт нее, и она была вельми жалосна и почала тужити и плакати, кленучы день рожена своего и годину тую, в которую са родила; и хто бы тое видалъ не был бы такъ твердого сэрца, штобы на нее смотречы не плакал, и королевою розмножыла са жалост и не могла далей ехати и зсѣла ис кона. И прышло з оное туги часъ пороженъа и почала просити Бога мовечы: Господи боже ѿтпус[ти]. мое и прыими в ласку душу мою. И рекла ей дѣвка: Государине, какъ са чуешь? Рекла королеваа: Тут вже мой конец, толко бы ма Богъ простилъ ѿтъ беремени, што бых могла породити, а надо ми[ою] нехай его сватое милости будеть вола. И рекла: Государине, чы. . . . усѣсти на конь, а бых ти помогла, ехали быхмо. . . . мѣ. . . . гдѣ бы могли мети огонь. Рекла [королеваа]. . . (стр. 6) не може быти, тут мой конец, проси Бога за мене. И дѣвка почала вельми грозно плакати и не вѣдала, што мѣла вчинити ѿт жалости. И тую всю ноч мучыла са, иж ее государина въ великой болести была, а рано на свитаньи породила доброго витеза, а сама са приближала къ смерти. И рекла дѣвца, котораа держала дита: Дай ми мое дита. И дѣвка ей подала, и

видевшы королевая дѣта наипуднейшее, которого перед тым николи так пудного не видала своими очыма, и рекла: Сыну мой, велии еси тебе ждала видети, але коли та вижу з ласки божое наипуднейшее дѣта, которого-м нигде николи не видала от жоны роженаго, да твоа краса мне ничего добраго вчинити не может, толко смерть дла великое муки, которую пры пороженю твоємъ маю. Прышла еси жалосна на сее мѣсто и в жалости еси тебе породила, але ми таа жалост у веселе са обернула дла твоего пороженя, и хоче быти вже мой конец. А ты са в жалости родилъ, и нехай тобѣ будет има Жалост. А коли бы пан бог животъ твой в веселе и в радость обернулъ и его провадил! И то рекшы подала дѣта дѣвца и сама Богу душу дала.

И в тотъ са часъ родилъ добрый витез Трыщан, которого чудные дѣла и доброе витезѣство и пудные рѣчы хочу вамъ споведати и так его девка везла. И коли девка видала свою государнию умерлую, она почала плакати и драти лицѣ свое и было ее чути велии далеко, и на голос тое дѣвки прыехали два витези, они были кривные и близкие королю Мелиадушу. Коли они видели дѣвку и дѣта прыкрыто кролевое плащомъ [и королевая мертву, они рекли: Коли король Мелиадуш сгибъ [и королевая мертва, убимо мы тое дѣта а будемо [гос]подары Елианосу. И то чувшы дѣвка прыступила к нимъ и рекла им: Витези, не грешите передъ Богомъ душею и вмомъ, [не] вбивайте того дѣтати, а та вам прысагаю вѣрою и душею, [шт]о его хочу понести ув-ыную землю, гдѣ ѡ немъ николи вѣсти не [будеть]. Оные витези дали дѣта дѣвца и взяли короле[вую] . . . [не]сли ее у городъ. И люди почали говорити: Королеваа были бремѣнаа, гдѣ са подѣло дѣта? И они са отмовляли иж не вѣдают дѣтати, ижли не могли са отмовити о томъ.

И прышлогъ Мерлинъ пророк и рекъ им: Вы есте нашли королевую и дѣта и хотели есте дѣта забити, ижли его дѣвка отпросила, а то есте хотели дла того учинити, абы са вам таа земля ѡстала. И еще рек Мерлин: Панове, та вам повѣмъ вашого короля Мелиадуша, которын забыи самъ себе и своего коро-

левства и вас всихъ слуг своихъ. Они почали говорити Мерлину: Просимъ та, пробогъ, повѣдь намъ нашего пана корола Мелиадуша. Рекъ Мерлинъ: До трехъ денъ его увидите. И вбачылъ Мерлинъ одного младенца, которыйи былъ кролевства сулешского, именемъ Говорнаръ, которыйи былъ побегъ зъ дому болячыи са шца своего и брата, а былъ велми добрыйи и мудрыйи. И рекъ: Пане Говорнаре, шьми сына королева и ховаи его а вчы мудрости и рыцарьству, ижъ шнь къ таковой доброты хоче прийти и к рыцарьству, хотя не хочеш, имъ са шпекаш. И шн штказалъ: Яъ тебе не знаю, шднакожъ его шзму на мою волю и на мою науку и в шпеку, а его хочу ховати и опекати са якъ наболей буду могъ. А Мерлинъ рекъ: а тобѣ ето давамъ. И потомъ поехали шба вмѣстѣ и другого дна прыехали к одной речѣ, которойи има Брыкина. С тое реки еслибы котораа жона пила, не зносила бы дитати до часу. И подле тое реки былъ столпъ мурованыи и на немъ слова были вырыты здавна, которые говорылы: У сее воды хотатъ са собрати наибольшыи тры рыцары. Мерлинъ указалъ писмо, рекъ: Што то ест? Рекъ Говорнаръ: а чту слова а не вѣмъ, которые то вите[зи]. Рекъ Мерлинъ: То мають быти наибольшыи рыцары на свѣте, Гал. . . . а Шнцалотъ и Трыщанъ, которого (sic) мають быти высокаго сарца и рыцарства, ижъ свѣтъ маеть мѣти ш нихъ великую речъ и великую добротъ, и шдин з нихъ маеть быти королевичъ всего королевства. Але са варуй абы не погубъ твоимъ шпеканемъ. Рекъ Говорнаръ: Моимъ шпеканемъ не маеть погинути поки а буду могъ. И коли поехалъ шттуль и прыехалъ къ дѣвцѣ, котораа ховала (стр. 8) дита, а вже была его крестила и дала ему има якъ королеваа нарекла. Рекъ Мерлинъ девцѣ: Понеси дита у городъ, бо негодно естъ тутъ деръжати, може тамъ найти шца своего. Дѣвка понесла его у Елишнос, а Мерлинъ поехалъ с панамыи гдѣ была шнаа панна корола Мелиадуша зачаровала, и тамъ ее зымали и рекли ей: Забьемъ та ели намъ не споведаешъ корола Мелиадуша. И шна много хитровала якъ бы его не дала, што его велми миловала болшь ніжъли сама себе; и шни ее грозно працовали, и шна рекла: Поидити, дамъ вамъ

вашего пана корола Мелиадуша. И велики са възрадовали, з великим веселемъ прышли у Ёливнос, тут со всемъ народомъ вчынили великое веселе. За тымъ прыехала дѣвка з дѣтемъ у Ёливнос, подала его королю ѡтцу его, а король былъ велики жалостен по королеви, коли видалъ дитя потешыль са, ѡ которомъ внималъ абы дитя з нею погубло. Коли панове видели Трыщана и рекли: Все есмо нинешнии день весели, и рекли на Мерлина: Пророкъ тотъ тобѣ много добраго вчынилъ. И рекль Мерлинъ: Тое добро, которое есмо вамъ вчынилъ, вчынилъ есмо болшѣ для иныхъ нижели для васъ. А теперъ вамъ говорю: Мѣйте ѡпеку ѡ томъ дитати, бо ѡнъ маетъ прыйти на великое добро челоувѣчество и на славу сего свѣта.

Король то бачечы велики са дивилъ и, ѡтведъ Мерлина, просилъ его абы ему споведалъ, што ест ѡнъ. Мерлинъ рекль: Могу ти споведати, але ты ма никому не повѣданъ. Король са ему обещалъ; ѡнъ рече: га есмо Мерлинъ пророкъ, га прышолъ вынимати тебе съ поманга, у которомъ тебе была панна зачаровала, а то есмо тобѣ вчынилъ милуючы твоего сына. Рекль король: Пане Мерлине, повѣдь ми, што ти са видитъ ѡ моемъ сыну? Рекъ Мерлинъ: Маеть быти трехъ рыцѣровъ наибольшыи рыцѣрь велики твердого живота и многимъ будетъ потребенъ, и не дай его в ѡпеку никому толко Говорнару изъ Галиуша, то ест челоувѣкъ велики добрыи и верныи, тотъ са имъ маеть добре ѡпекати. Рекъ король: Будь такъ гакъ ты велишъ. Потомъ Мерлинъ ѡттоле прочъ пошолъ [и] на жадныи прозбы не хотѣлъ са унати. И потомъ король шолъ къ дѣвцѣ и къ своему сыну и пыталъ (стр. 9): Вжѣ ли крещено дитя? Рекла дѣвка: Уже. Рекъ король: гакъ ему има? Рекла дѣвка: Пане, има ему ест Трыщанъ, такъ ему matka его дала има умираючы. Потомъ позвалъ король Говорнара и рекъ ему: ѡзми сына моего на свою науку и ховай его и ѡпекай са имъ такъ вѣрно и мудро, гакъ бы еси у соромѣ не былъ, и прыставъ к нему мамку гакъ ест панати годно.

То ѡставмо и поведанмо ѡ короли Марку корновалскомъ.

Король Марку мѣлъ в себе брата молодшого именовъ Парлу,

доброто рыцѣра. Въ тот часъ коли са Трыщан родил, прышли послы изъ Орьлендѣи у Корновал просити дани, которую были должни отъ семи лѣтъ. Кгды то споведали королю Марку, онъ былъ велики смутен; и видал то братъ его Перла, што са королъ застрашилъ, а было много людей у гостилницы. Рекъ: Прыступи каждый слухай. И рекъ: Не лекаи са, королю Марку, не давай дани, але штойми са мечомъ на поли, занюж если умрешъ отъ меча, почесно умреш. Рекъ король: Которую дань давали первѣи, и теперь того не могу штнати са. И рекъ Перла: такъ которое перво глупе чынили, такъ и ты хочешъ.

Король зналъ брата своего велики доброто рыцѣра и смѣла и милована отъ добрыхъ людей и вымыслилъ забити его, абы ему панѣства не взалъ, и не былъ того долго. Поехали шба в ловы и спрацовали са и прыехали к одной рецѣ. Король са напил, а Перло прыгнулся пити, король выналъ мечъ и талъ брата Перлу по голове велики мощно, и Перло тогдыжъ умеръ. Королъ зраднѣе вбилъ брата Перлу по голове велики мощнымъ ударомъ и скоро са то стало, тогочъ часу Мерлин далъ знати Анъцолоту доброто рыцѣру; потомъ Анъцолотъ ударылъ короля ув-очы: Ты-сь зраднѣе вбилъ доброто рыцѣра брата своего.

То шставмо и вернимо са до Трыщана, которото Говорнаръ взал на свою шпеку отъ корола Мелиадуша.

Который король Мелиадуш былъ великии часъ не женивши са после королевое Елишбелы. Потомъ взалъ королевну з Малое земли за себе; онага пани была досытъ цудна. (стр. 10) А коли она была прышла, в тотъ часъ было Трыщану сем лѣтъ. А былъ такъ цудныи, иж на свѣте не было ему ровни, только Анцалот. А былъ у мачохи его сынъ, и она коли видѣла Трыщана такъ хорошого и борздо ростучи, боечы са, ижъ подъ ее сыномъ шзметъ панство, а сыну ее былъ шдин годъ, и вымысливши рекла: Хота ми умерети, а мушу Трыщана вморит. И не могла нымъ, только трутизною. Потомъ направила трутизну у фляшу серебряную в питье и поставила у головахъ в ложи, и она пани носила королевича сына ее, ушла в ложницу, а дѣта почало

плакати. И видѣвши дѣвка вино у флашы свѣтло, взявши напоила дита, а и кгда дита напоила, тогож часу умерло. И дѣвка видѣвши закрычала плачем великим, и збѣгло са множество люден и вбачыли дита вмерлое, говорыли дѣвцѣ: Ты-сь смерти заслужыла иж королевича уморыла. Кгда королевагы прышла на шныи гук и видѣла сына своего мертва, пала на землю и сомлѣла, и коли прышла къ памети и мовила шной дѣвцѣ: Што-м тобѣ злого вчынила иже-с ми сына вморыла? И девка отказала: га его не морыла, але уморыль его тот, которыйи трутизну тую поставил. Дѣвку инали и привели перед корола. А король былъ велии смутенъ и рек дѣвцѣ: Ты-сь винѣна. Она мовила: Тот виненъ, хто тую трутизну нарадилъ. Рек король: Пустите ее, она тое трутизны не радила, лечь хто злыи ненавидечы того дитати то удѣлагъ. А Говорнаръ, которыйи былъ велии мудръ, рекъ: Пане, рач вѣдати, там трутизна направлена тобѣ або твоему сыну, тепер будь шпатрен а умѣи са стеречы. Трыщанъ, которыйи естъ у моеи шпецѣ, дай его на мене, дали богъ будет добре шпекан. И корол добре позналъ иж там трутизна справлена на когоколве з нихъ, имѣлъ раду съ своими паны потаи, гж бы мѣлъ найти хто то учынилъ. Они ему отказали: Треба са тобѣ и Трыщану стеречы. А королевагы была вельми жалостна уморывши сына злою справою и нешпатрностью своею и волела бы сама умерети и мыслила на своемъ сэрцу: Толко есми сына вморыла (стр. 11), а чого есми хотѣла того не вчынила. И почала са старати на кождыи день. А Говорнаръ, которыйи мѣлъ в себе мудрост, бачылъ кожного дня ее рѣчы и погледы и почал са домышлати, иж она мыслит ш смерти Трыщану, што она была нарадила тую трутизну на Трыщтана, и мовилъ ему: Если ты шбцовати будеш з мачохою, добудеш смерти; чсти ее и вгожай ей, але варуи са ести и пити шт нее, ижли што га тобѣ дамъ, тое ежъ и пи. И рекъ Трыщан: га не впушу жадного розказанья твоего.

И было одного дня гѣте, седѣлъ король шдин в ложницы, и хотѣло са ему пити; прышолъ к нему Трыщанъ, король рек:

Сыну, принеси ми пити. И отворыл одну олмарею где стояли добрые питья, и нашолъ одинъ кубокъ чистое трутизны и взявъшы прынесь королю, а королеваа прышла в тот час и вбачила в корола кубок в рупѣ и закликала: Пане, для Бога не пи того питя. Король рек: Пани, што то ест? И она не смела ему поведати, ижъ то трутизна, и мовила: Не добро то тобѣ пити. Рек король: Для чого его ховаешъ? Она вмокла, а король мѣлъ болшое розмышлене а гнѣвъ.

Трыщанъ прышолъ и пал на колѣне своемъ и на королевы поклонилъ са в великою покорою просечы в него одного дару. А король его миловал большъ нижли сам себе, и не домыслилъ са абы мѣл о королевои просити. И король рек: Не проси, але сам взми, ничего ти мною не заборонено. Трыщан тое чулъ и велии покорне и вдачне подаковалъ отцу своему и рекъ: Пане, ты-с ми далъ королевое жывот, покорне та прошу абысь еи отпустил гневъ, который маешъ на нее, не радъ бых то видалъ абы мога мачоха и мога пани умерла тымъ убчыаем. Король былъ велии мудръ и не бачыл зрады ни от кого толко от нее, и не рад бы еи отпустилъ. И рекъ: Сыну, хто тобѣ сее радил? Трыщанъ рек: Бог вѣ, ни с кимъ са есми не радил, але правда и подобность мога на то ма вела, иж ми са то неподобало абы мога пани згинаула коли еи могу жывот заховати. Рек корол королевой: Выпи тот кубок: Рекла она: Не буду. И король мовилъ: Тобѣ естъ погинути што еси хотела Трыщана або мене уморити. И рек еи: Поведан борздо, (стр. 12) на кого еси тую трутизну нарадила? Она рекла: Не на тебе. Рекъ король: Але для кого? годно ти погинути! Королеваа почала крычати: Королю, для Бога буд ми милостив! Рек король: Поведан борздо, и взялъ мечъ и рек: Поведан, або теперь умрешъ. И коли са она видела пры смерти, рекла: Й-мъ то вчынила на Трыщана. Рекъ король: На мою вѣру собѣ еси смерть нарадила, иж тобѣ Трыщанъ невинен былъ ничымъ. И казалъ ее повести у везане и собралъ пановъ и положылъ тую речъ перед ними и мовилъ имъ: На мою вѣру еслибы есте правдиве

судити не хотели, то вамъ будетъ смерть. Они рекли: Годно еи ест умрѣт, а инакъ не може быти дла того, што хотѣла сына твоего уморыти. И король рекъ: Тот суд вашъ не будетъ рушон. И коли то пание увѣдали, почали велми плакати и чынити великую жалость, што ихъ паней королевою вмерети, и не рекли ничего; а король рек: Сыну мои Трыщане, ты еи мыслил вѣрую доброту, а она зло и зраду, и хотела та вморыти, але горшен са еи стало нижли заслужыла. Будь такъ якъ ты хочешъ, нехай будет тобою вызволена. Он за то покорне подаковалъ шцу и збавилъ мачоху шт смерти. И былъ Трыщанъ фален шт всихъ людей добрыхъ въ Елишноссе и вси говорыли: Коли приидеть к лѣтомъ, не хыбит великое доброты. И королеваа шстала вов-покои пры короли, але король не мѣл на нее ласки, лч толко ненавидал со всего сэрца.

Потомъ немного минувшы король поехал в ловы з доброю дружиною а с нимъ Трыщанъ и Говорнаръ абы са учыл лову, и ехали по дуброве, али приехали два рыцэры у зброи и со всею бронею, и спытали: кое тут естъ король? Они рекли: што король и з сыномъ. Рекъ Говорнаръ: Што говориш? Нѣтъ тутъ его сына, шоставилъ дома. И прыступили тые рыцэры, рекли королю: Ты намъ не чынилъ ничего злого, але нехто иньи с твоего двора мыслит насъ погубити и тепер мыслимо збыти того если узожемъ. И вынавшы мечы ниhto не могъ того оборонити абы король не был раненъ смертною раною у голове. А ихъ шбѣыхъ тутъ же забито. А они шбадва были плема (стр. 13) князю из Нороту, которые были наибольшое плема шт Корновали. То имъ была шднаа ворожбитка поведила: вам погинути шт корола Мелиадуша двора. А в том имъ была рада шт корола Марка корновальского, иж шнѣ был са Трыщана, если приидет к лѣтомъ, абы его с панства не выгналь, якъ была онаа ворожбитка рекла, иакож и потомъ, коли Трыщанъ прышолъ к лѣтомъ, прышолъ изъ своею дружиною и вбилъ княза изъ Норота своею рукою и сказалъ город ихъ, ижъ там камень на камени не зостал.

А когда короля боляре видели мертва, они не ведали чтобы мѣли учинити, рекли межы собою: Ни одинъ панъ не есть такъ зле въстерожонъ отъ своихъ какъ нашъ отъ насъ. И Трыщанъ плакалъ много со всеми людьми своими, и приправили носило на два коня и повесили короля. А коли были близко города, и люди зъ города учинили великий плачъ и жалостъ по немъ и погребли почестно какъ слышатъ на такового пана.

И коли то увиделъ король Марко, почалъ много мыслити о томъ. И пришолъ къ нему одинъ хлопецъ, который болшеи ведалъ ниже иныя люди по Мерлину и все што маетъ быти, и для того его король болшеи любилъ. Рекъ королю: Мысль борздо, хочетъ твой сестронецъ Трыщанъ учинити тебе велики жалостна. Рекъ король: какъ то може быти абы Трыщанъ къ тому рыцарству пришолъ? Рекъ хлопецъ: Маеть на то прыити ижъ на свѣте не будетъ рыцѣра надъ него. И король умолкъ. И Говорнаръ, который былъ велики мудрыи, бачыи, што мачоха его еще ненавидитъ ижъ бы са ей таа земля остана, и отведъшы его прочъ и рекъ: Мои добрыи прыятелю и сыну, твоа мачоха тебе велики ненавидитъ и мыслитъ тебе вморыти, поедмо у Францью потаи икъ королю Перемонту, тамъ са навчышъ мужству и будешъ человекъ знаменитыи, а коли розвѣдаютъ твою добротъ, прыидешъ на рыцарство, тогда поедешъ у Блионос на свою отчизну, никто ти не будетъ смѣти рѣчы штобы тобѣ невдачно. Рекъ Трыщанъ: Мистре, гдѣ ми ты узвелишъ, тамъ я хочу поехати, занюжъ не нахожу болшеи прыизни ни ув-одномъ человекѣ како в тобѣ. Рекъ Говорнаръ: Нарадимо са, поедмо завтра по зоры. Заказалъ (стр. 14) Трыщану, и наладили са какъ было имъ потреба и взяли з собою золота и серебра досыт и ехали тыи день до Францѣи икъ королю Перемонту. Говорнаръ заказалъ Трыщану же бы са не поведалъ хто а откуль есть. И Трыщанъ мовилъ: я радъ тебе слухати. А когда прыехали до короля Перемонта, король его вдачне прыналъ и казалъ ему дати добрую господу. Трыщанъ почалъ рости и гѣпъшати и в малыхъ днехъ ижъ са ему дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы лепшеи надъ иныхъ, и всакое

его доброты не было ровни, а никто такъ строине не мог на кони седѣти такъ онъ.

И коли ему было дванадцат лѣтъ онъ былъ великое доброты и мудрости во всаком его речы, пание и панны и кождыи человекъ дивовали са ему которые его видели, и кождага была пани и панна рада тому абы их Трыщанъ миловалъ.

Трыщанъ онъ тѣж служылъ дворно и почесно королю Перемонту, а король иныхъ панатъ на дворе своемъ не ставилъ ни за што напротивку ему, а никто тѣж не зналъ его хто а откуль ест. И мѣлъ тот король одну дочку панну велми пекную, тага са розмиловала Трыщана и мовила: Человѣчее око не видало такъ цудного младенца такъ Трыщанъ естъ; и коли его гдѣ видела, очи ее и мысль не была инде, толко при немъ. Такъ его миловала такъ сама себе и не могла са домыслити, такъ бы мѣла к ласцаго его и къ милости прыити и с нимъ пополнити волю свою, и мыслила о томъ: Если ему дати знатъ, онъ к тому не призволитъ, еще молод, не сквапитъ са ку такой милости. Але коли бы ми са оубедалъ миловати мене, та быхъ ждала до его часу, и волѣла быхъ его ждати нижли быти королевою наибольшою наибольшого королевства. Але бою са иж не всхочетъ для молодости и несмѣти будетъ [для] отца моего того вчинити.

И нѣкоторого два она седела на впокои в одной коморе и казала къ собѣ [позв]ати Говорнара и рекла ему: Пане Говорнаре, та милую твоего Трыщана большеи нижли себе, прошу васъ за то, приведи его на то абы онъ мене миловалъ. (Стр. 15) Если бы онъ того вчинити не хотѣлъ, прыправлю его къ великой легкости. И Говорнаръ то слышалъ и засмутилъ са и не вѣдалъ штобы мѣлъ с тымъ вчинити, и мыслилъ не малую филю: если бы Трыщанъ мѣлъ то вчинити, а король бы са того довѣдалъ, каралъ бы его непочестне. И отказалъ ей: Добре милостиваа королевна, для вашей милости то вчиню, буду то ему мовити иж бы онъ твою волю пополгилъ, але онъ естъ молодъ, если са такъ борздо не станетъ, не меи на него гнѣву. И она ему подаковала велми вдачно, и за тымъ Говорнаръ шолъ до господы и былъ смутенъ

и почалъ мыслити: Если Трыщанъ то вчынить, то зле, а не вчыннвышы тѣж недобре. И мовилъ Трыщану: Што мыслишь вчынити? Королевна тебе назбыт милует, еслибъ еси ее миловати не хотѣлъ, она хочет сама себе уморыти. И Трыщанъ ему отказалъ: Если ма милует збыточною милостью, та того не вчыню, нехай збыток пры ней, бо та зрадкою пану своему быти не хочу за тую его ласку и почешност, которую он мне чынить, а не знаючи мене, хто а шткуль есми. Кгды то Говорнаръ слышалъ шт Трыщана, велми са тому дивовалъ иж в таковой молодости бачылъ на таковую почешност, бо шного часу только было ему трынадат лѣтъ. И еще его Говорнаръ большеи коштовалъ в том и рекъ ему: Dla чого не хочеш такъ цудное панны миловати? Трыщанъ ему рекъ: Цудност ее не может мене привести ку зраде, а если бых к тому призволилъ, як ты мнѣ в томъ раду додагъ, але тобѣ было мене штводити шт того. И на завтреи королевна призвала Говорнара и рекъла ему: До ведал ли са еси шт Трыщана? Он рекъ: Трыщанъ вас милует дворною милостью, ижли того не хоча вчынити што бы было ку зраде штцу твоему. И рекла королевна: Такъ ли са Трыщан со всимъ шт мене штнесл? И пошла велми смутна, кленучы ден тот, в который са родила, и увошла в ложницу и плакала велми грозно. И шдного дна была она в ложницы в розъмышленю ш милости Трыщанове, а тая ложница была темна, в которой была она. Трыщанъ шол мимо в другую комору, не вѣдаючи што она там естъ. И она его убачывшы выскочыла а вѣхватила его за горло шбѣма руками и почала цаловати и миловати, а онъ, боечы са (стр. 16) же бы его хто не вбачыл, и почал ее штъ себе штпихати шбѣма руками. Она то шбывавшы, иж того мѣти не может чого хотѣла, закликала великим голосомъ. И почувшы рыцѣры королевы и король не познал, что его дочка, и побегли тамъ рыцѣры королевы и застали, а она за горло Трыщана держытъ и почала жаловати са: Панове, Трыщан ма хотѣлъ згвалътовати. И они понимали его и привели до корола, поведали, что видели и

слышали от панъны. Король засмутилъ са велии и рек: га тебѣ честую гажу ест гавно всимъ людемъ, а ты приводишь мнѣ гажбу а тым собѣ смерть дѣлаешъ. И казалъ его вкинути в темницу. А Говорнаръ в тот час был на госпде и доведаль са, што Трыщанъ ест в темницы, и был ѿ том велии жалостен, рек самъ к себе: га есми загиб, нигдѣ не мам весела, а ѿ собѣ не вѣм што ми будет.

И шолъ Говорнар до корола, и которые его стречали, тые его соромотили говоречы: Так ли еси вывчил Трыщана? ѿн тепер впал въ зло. А Говорнар шол молчъкомъ и пришол перед корола и приклекънулъ на колене, рек: Пане, дла Бога змилиу са, выслухай речы моее! И корол мовилъ: Говоры. И Говорнаръ рек: Пане, буд тое почестно заховано, навпоком хочу вамъ поведати. Король шолъ в одну комору, а Говорнаръ за нимъ и казал ему все по раду, гакъ ест королева розмиловала са Трыщана и мовила ему въ своей речы посылаючы до Трыщана, и гакъ еи Трыщанъ ѿказалъ.

Король то слышалъ и не почал великого сэрца мѣти на Трыщана, нижли еще в том во всем Говорнару не доверал, и рек: га того хочу скоро доведати са; если буде правда, тогды будет прост, а если будетъ виненъ, хочу ему вчинити гажо винному.

И пошолъ Говорнаръ ѿтъ корола. А корол послалъ по дочку свою и рек еи: Дочко мога милага, што мыслишь с Трыщаном? га ему хочу зло вчинити, а твоеи легкости помстити. И королева много не смѣла речы, лех мовила: Государу, справедливе ест, нехай кождый ѿзметъ по своим дѣлам. И рек король: Дочко, если ты въскочеш, ты будешъ ему жона, а если не въскочешъ, ѿнъ будет мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и позналъ король иж не ест панна неприятель Трыщану, и казал прывести Трыщана (стр. 17) и Миленца дадковича ее, который недавно человекъ забилъ. А кгда прыведены перед корола, король взял мѣчь, рек: Дочко, видишь тых двухъ млденцов, которые мают померети, але ѿдного хочу пустити; которого ты

ускочеш, и ты пусти кого твоя воля ест, а други нехай умерт. Она не вмѣла што вчинити, и мыслила сама в себе: Если пуцу Трыщана, будетъ королю жаль Миленца, если пуцу Миленца, тогда моему наиближнему Трыщану вмерети. И замолчала, и король познавъ иж она милуетъ Трыщана, и еще ее большъ прыстрашыл и рекъ: Дочко, взми кого воля твоя будет. Она бочы са отца рекла: Пусти моего брата Миленца. Рек король: Тогда ест Трыщану вмерети. И взал Трыщана за верхъ головы и замахнул мечом, рекъ: Маю тати. И она тое видевшы не могла втерпети и рекла: Государу отче, пусти ми Трыщана а з Миленцомъ чини, што хочэшъ. И король реклъ: Узала еси Миленца, а Трыщанъ мусить умерети. Она рекла: Пане, каю са, волю Трыщана, а з Миленцомъ чини, што хочэшъ. Реклъ король: Взала еси Миленца, а Трыщан мусить умерети, который естъ велми виновен. И замахнулъ мечомъ, ижкобы голову ему стати; и она прыскочывши и защитила его рукою и рекла: Пане, не заби Трыщана, але заби мене. И реклъ король: Инакъ не можэ быти, одно Трыщана мушу стати. И королевна рекла: Пане, дай мнѣ мѣчь, нехай га его убью. И король ей далъ мѣчь, она посмотрѣвши на Трыщана рекла: Пане, албо пусти Трыщана, албо хочу сама себе убити тымъ мечомъ. И реклъ ей король: Чому ты так милуетъ Трыщана? Она рекла: Большеи его милую нижли сама себе, а коли ты его убьешъ, га хочу сама себе убити. И король реклъ: Дочко, ты мѣи Трыщана. А затымъ реклъ Трыщану: Ты вжэ правъ. А Трыщан подаковал королю и королевне велми покорно (стр. 18) и пошол у великии палац. Коли Говорнаръ увидялъ Трыщана, он былъ велми весел и пытал его: ижъ та корол пустилъ? Трыщан ему поведил все по раду ижъ са што чинило. Рек Говорнаръ: Колиж еси простъ, би чоломъ королю абы та отпустилъ, иж коли не вчиниш на волю панны абы ти чого злого не вчинила. Трыщанъ рек: Учителю, ижъ са тобѣ видит гдѣ быхмо мѣли ехати? Рекъ Говорнар: Болеи ми са видит абыхмо ехали у дворъ короля Марка дадка твоего, а если са ускочешъ тайти, не может та никто познати,

и ж еси много прырость от тых часовъ, такъ есмо изъ Бливно-носа выехали, и можеш тамъ служити до коле ти са будет час пасати на рыцарство, а коли усхочешъ пасати са, король та своею рукою пашеть. И рекъ Трыщанъ: Будь якъ ты велишь. И назавтреи прышол Трыщан перед корола и вдарыль чоломъ и рек: Хочу поехати у свою землю. И покорно подаковаль королю и добрымъ людамъ на ласцѣ, и король ему подаковаль на его верной службе и обещаалъ ему свою прыизнь. А коли увидела королевна, што Трыщанъ едет проч, она была збытне смутна и послала ему иноходника и выжла однимъ пахолкомъ. Трыщанъ обещаалъ даръ оному пахолку, чого будетъ просити. Онъ рекъ: Пане, хочу коли будешъ рыцаромъ, абыс ма пасаль. И еще королевна послала ку ему просечы: Пане, даи ми свои мечъ, абыхъ его помиловала. И Трыщанъ ей мѣчь послаль, и она рекла: Волю умерети после меча Трыщанова нижли быти наибольшою королевою. И проколола са на томъ мѣстцу. А Трыщанъ поехалъ съ Францѣи къ королю Марку изъ Говорнаркомъ и вдарыли ему чоломъ, и рекъ Говорнар: Милостивыи королю, то естъ пане прыехалъ тобѣ служити абыс его пасалъ своею рукою на рыцарство. Король его прыналь весело, обещаалъ са его пасати коли онъ усхочетъ, а не позналъ его. Трыщанъ служылъ дворно и цютливе, и хто его виделъ, кождыи са дивоваль што ест за пане. А цотомъ Трыщанъ велель себе пасати, и король казалъ прыправити што потреба рыцару, и прыправили велми почестно. Трыщанъ былъ у церкви, а на завтреи его король пасалъ: и тутъ было много людей добрыхъ, хто его виделъ, кождыи мовиль: Не видали есмо лепшого рыцара. Будучы ему на томъ весельи, (стр. 19) прышли чотыри рыцары изъ Орълендѣи къ королю Марку и почали мовити безъ поклона: Королю, к тобѣ насъ послалъ добрый рыцаръ Амуратъ изъ Орълендѣи говоречы: Даи дань, которую твое прудки даивали моимъ прудкомъ ис Корновали ув-Орълендѣю, абы была готова дни до десети. Если дасте, мы прынемъ миръ, а если не хочешъ дати, вѣданъ тое и ж у малыхъ днехъ не останеть тутъ падъ земли штобы не скажона.

Слышалъ то король Марко и пристрашыл са назбыт и не вѣдал што отказать. А Трыштан выступилъ и стал передъ королемъ и рек посломъ: Ходите сюды, которые есте такъ zufалое посѣлство прынесли, поведайте вашему пану: ачколвек наши продки з немудрости своее до вашего королевства дань давали, але тепер ее вже не ѡзьмешъ, а если вашъ панъ король арленъдѣиский хотѣлъ бы ее мѣти, нехай прындет а ѡзметъ через мѣчъ на поли, а инак ее не может мѣти, а га готовъ ѡтнати ее моею рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? И король рек: Коли он хочеть взати тую битву за корновальскую свободу, говору и га. Рекли послы Трыштану: Кто естъ ты? А онъ рекъ: га естъ гость, а има мое Трыштанъ. И они рекли: ѡтпусти намъ, Амурат не будет са съ тобою бити если не будешъ великого роду чоловѣкъ. А Трыштанъ рек: Дла того тага битва не ростанеть: хотя он ест королевичъ, а га сын короля Мелигадуша елиѡносского, а племенник есми короля Марка. Таил са есми досель, тепер са тайти не могу. И послы ехали проч борздо и споведали королю Амурату што им ѡтказал, и онъ рекъ: Кто ест, которыеи тую битву взал? Они рекли: Сын естъ короля Мелигадуша, племѣнник естъ короля Марка, он ново постановленъ рыцѣром, але есмо не видали так цудного рыцѣра, иж он самъ взалъ битву безъ намовенья. И рекъ Амурат: Онъ будет каати са, новын рыцѣр новую смерть хочет взати. Нарадили есте тои битве где быти? Они рекли: Нѣ; онъ рекъ: Повидите ѡпаты и направъте, того не хочу ѡткладати. И рек Гарнот: га вамъ вчыню дружбу, иж того рыцѣра (стр. 20) увижу кого такъ фалать. И они ехали морем и сухом и прышли в Корноваль ик королю Марку и поведали речы короля Амурата. Рекъ король Марко: Лепѣи нехай будетъ битва таа ув-острове Самсоне, они два поедуть кождыи у своемъ судне, и кождыи будет собѣ морнаръ. И нарадили битву за две недѣли.

И послы прышли къ Амурату и поведали ему иж нарадили битву ув-острове Самсоне. Рекъ Амурат: То ми ест мило.

И рекъ Гарноту: Видель ли ты того рыцѣра? Он рек: Видел, и коли быс хотѣлъ моее рады слухати, ты быс остави тую битву а вчинилъ быс мир межы вами, бо коли са вы два соимете на той битве, не може быти без великое печали, иж коли тобѣ што будет, то великаѣ шкода ув-Орленъдэн будет, а коли са ему што станет, великаѣ шкода всему свѣту будет, иж он не будетъ такии штобы дома мешкалъ. А у мое дни не видель есми лепшого рыцѣра, а коли доидет лѣтъ, будет великое доброты. И рекъ ему Амурат: Мир не може быти если ми не доидеть дань готова. И почалъ са направлати.

А король Марко и Трыщан и вси рыцѣры, панны и панне корновальские ходечы у цѣрковъ молили са богу, абы имъ бог помогъ и збавилъ ихъ ѿт Амурата.

Трыщанъ направилъ са што было ему потребно, а на завтраи Трыщан мѣшы слухал и шол у гостилницу у блахахъ и во всен зброи, и вси панове шли против его.

И король Марко рекъ: Сыну мой милии, чому-с са так ѿт мене таялъ? Коли быхъ та зналъ, хотя бы са вса Корноваль пороботала, не дагъ быхъ ти бити са, иж если тобѣ што са станет, та николи не мам веселья. Трыщан рекъ: Пане, не страшы са, ачеи нас бог не забудет своею ласкою, и надею са иж намъ даст бог почстенье и свою помоч. Тогда прышла вѣсть што вже Амурат ув-острове Самсоне; Трыщан рекъ: Дайте ми гелмъ. И дали ему добрыи гелмъ, (стр. 21) и самъ корол повезал ему и поправил всю зброю и ѿгледал и потвердилъ, и привели ему доброго фреза. Трыщан шол въ лодию и борздо стал ув-острове. Амурат его бачылъ, дивовалъ за такъ смѣлъ взати битву противъ него, а Трыщанъ коли прыстал, одопѣхнул свою лодью на воду. И пыталъ его Амурат: Чому еси одопѣхнул лодью? Рек Трыщан: ѿдному з нас проч поити у твоен лодьи, а другому тут ѿстати. И Амуратъ тую речъ прынал за мужство и волѣлъ бы его не пытати, што ему мудре ѿтказал. И рекъ Амурат: Покинь тую битву, бо не рад быхъ та загубилъ, хочу та держати такъ моего то-

варыша, а миловати тако брата. И рекъ Трыщанъ: та битву покину коли дань отпустишь корновальскую, а если не хочешь, ты са би. Рек Амурат: Готуй же са къ битве. И Трыщан рекъ: На то есми пришол.

(Битва Трыщанова зъ Амуратэмъ) И всѣли оба на кони и вдарыли са так мощно, абы их добраа зброа не одержала, саба бы были мертвы, и древа поламали и саба пали с конми на землю и в тотъ час саба скочыли на ноги ранены. Трыщан былъ ранен у стегно кроткем ядовитым, Амурат был раненъ бэзъ яду. И взяли мечы и почали са рубати велми мощно велик часъ ударама один другого, и ранили са на много мѣстъ, и познали один другого иж есть велми добрые рыцэры. Амурат внимал о собѣ, што он большыи есть на свѣте, а коли виделъ Трыщана, он мѣлъ страх отъ него и саба са втомили, што инакъ не могло быти нижли одному тут встати, и для того каждый са змогал на вдарцы, и вси которые ихъ видели, дивили са великимъ дивомъ. И бившы са отступилъ одинъ от другого уклонившы са на щыты.

Амуратъ рекъ: Если Трыщан у другое приедеть у такой мощи, та не могу от него стерпѣти, иж бачыл его наибольшого рыцэра. И коли они спочыли, Трыщан скочыл и почал рубати велми з висока мечом и почалъ покрывати са щытомъ и мечом. Амурат вже не могъ, и видел то Трыщан, розсерьдился са и вдарыл его мощно поверхъ гелма колко могъ и роставъ ему гелмъ и голову до моззгу, и встал ему вломокъ меча в голове. Амурат чул са раненъ смертною раною и покинувшы щыт и мѣчь и побегъ до лодьи и приедеть (стр. 22) къ своему великому судну и къ дружыне, которые его ждали. Слуги его прынали велми смутно и вложили его в судно. И рекъ: Идѣте борздо; и почали са отпихати плачучы. А корновальцы, которые того гледѣли, почали кликати: Знаа вам дорога, што вамъ дань. Рекъ король Марко и иные корновальцы: Бог дал нам почестность и Трыщанова добротъ. Видевшы его одного ув-острове пустили са к нему много людей, нашли Трыщана

велики ранена и велики слаба ѿт крови, што его кров сошла и не мог на ногах стогати; але иные ему раны не так шкодили як таа, што въ стегнѣ, што был раненъ кроткем ядовитымъ. И ѡны его повезли на край.

Король приступил и прыналь Трыщана, почал цаловати и миловати и рекъ ему: якъ са чувствуеш? Трыщан рекъ: Велики ест ранен есми, а коли даст богъ, могу быти здоровъ. И король его повел въ църков дати фалу богу, а потом его повел на палац з великим веселемъ и играми, иж были ѡсвобождени Трыщаном ѿт работы.

И потомъ Трыщан прышолъ до господы, разболѣлъ са ѿт раны ядовитое так силно, ижъ ледве стерпелъ; и прышли лекары и прыложили мастей што налепшыхъ, и скоро былъ здоров ѿто всих ран крома тое, котораа была ядовитаа, тое не могли злечыти, и што коли прыкладали къ ѡной ране, то все ничего не помагало, и не разумѣли, што прыкладати к той ране, котораа его велики мучыла. Ѡдное ноцы Трыщан велики са мучыл вразившы са в оную рану, и никто прыступити к нему не смѣлъ, толко Говорнаръ, тотъ николи не ѡтступал ѿт него никуды и плакалъ видечы пана своего пры смерти, иж не было челѡвѣка, хто его первей видел, абы его мог познати. И король почал плакати велики грозно и люди добрые вси плакали якобы имъ мѣлъ сын або братъ умирати: Ѡ Трыщане почестныи и добрыи рыцѣру, цуднаа молодости, кол дорого купишь еси свободу коръновальскую! Мы ѡставуем весели, а ты вмираеш ѡкрутною смертыю!

И будучи Трыщан на своей постели самъ а пры немъ ѡдна невѣста, котораа прышла гледѣти якъ ест немощенъ, и почала плакати велики жалостно и рекла: ѡ Трыщане, га са тобѣ дивую якъ ты (стр. 23) не мыслиш самъ о собѣ, якъ быс могъ найти такое лѣкарство в-ыншой земли! Ведь еси коштовал во всей Корновали доброго лѣкара нѣтъ! Рекъ Трыщан: га не могу на кони седѣти аки на носилицахъ нести са. Ѡна рекла: га тебе не могу порадити, навчыть тебѣ тот, которыи небо и землю сотворыи. И Трыщан рекъ Говорнару: Узнеси ма на палацъ, съ которого

на море видно. И Трыщан гледѣлъ великий час и рекъ Говорна-ру: Позови ми корола Марка. И король прышол и рекъ: Сыну, чога ма еси звалъ? И рекъ Трыщан: Прошу та, пане, дай ми ѡдну реч, которага тобѣ немного важыти будетъ. Рекъ король Марко: Хота бы и много важыла, тогда га на твою волю вчыню, и нѣт того чога бых га для тебе не вчынилъ. И Трыщан ему за то покорне подаковалъ: га, пане, лекара у сеи земли не могу наити, тепер есми терпел много и вижу добре, што са моя смерть прыближыла. Хочу пойти ув-ыншую землю по свѣту, наради ми доброе судно и поставъ што ми такъ потреба в немъ, стравы и питья и ѡдно легкое ведро, которое бы могъ ѡдин человекъ долов спускати, и покрьи ми его добрым сукномъ для дождчу и для вѣтру: хочу са пустити по мору, кгда ми фортуна прынесеть, ачеи ми са гдѣ лѣкар найдеть к той ране, ѡт которое умираю; если пакъ са не найдеть, тогда га мертвъ. Рекъ король: Сыну, якъ хочеш пойти будучы так немощен? И рекъ Трыщанъ: И хота пакъ умру тамъ, ѡднакож и тут умру, а коли будетъ божья вола, ино ма море и вѣтръ къ фортуне прынесеть. А коли будет судно готово, вложы ма в него и дай ми мою арфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести легъчало.

И король Марко то слышал, почал плакати велми смутно, и не мог ему долъго ѡтказати за слезами. Ѳтрезвевшы рекъ: Сыну Трыщане, пак ли ма хочеш ѡставить со всемъ? И Трыщан рекъ: Пане, инак тепер не может быти, а кгда найду лѣкара и буду-л здоров, ѡбецую ти са вернути засе у Корновалъ. И коли король видел, што инакъ не може быти, ѡн ему казал направити судно почестно, якъ самъ Трыщанъ росказал, и поставилъ въ неи што было потреба Трыщану всего досытъ, и коли было готово, велѣлъ его увести у судно велми немощного. И видевшы то корновалене почали плакати (стр. 24) велми жалостно, а король со всеми велможами своими плакали безъ перестаны. И коли Трыщан тое видел, и было ему велми жалъ и штопѣхнул са ѡт краю боръздо, и напали парусы, и былъ имъ

вѣтр вправный а шли боръздо, а не ведали куды идут. И так шли два дни, и прыгнала его фортуна в Орлендэю подь судни город, въ которомъ былъ король Ленъвизъ. Тот мѣлъ в себе жону сестру корола Амурата, котораго убилъ Трыщанъ, и мѣлъ в себе дочку на пня Ижоту. Она пана велми знала лекарство от ран, и не было тое раны, которое бы не могла злѣчыти. И коли Трыщан былъ на край моря перед замком, онъ с того былъ велми весел и взял арфу и настроилъ и почалъ играти што напудней могъ.

Король Ленъвиз виделъ с палацу и приступил ближе и слушал великии часть, и было ему видет велми дивно иж так чудне и жалостне играл, а судно коштовно покрыто злотоглавом. И прызвалъ къ собѣ королевую, и она видела судно и слышала арфу и дивила са много.

И рекъла королю: Прошу тебѣ, идѣмо видети онога дива. И пошли надолъ къ мору самидва и слухали арфы поки перестал.

А коли Трыщан пересталъ играти, почал плакати и кричати от болести, которую мѣлъ. Приступил корол и королева къ судну и видели Трыщана и поздравили его, и он имъ вернулъ поздравлене. И пыталъ Трыщан корола, незнаючи, што король: Прошу та, пане, котораа то земля, гдѣ есмо пристали? Рекъ король: Вы есте в Орлендэи. Коли Трыщан тое чулъ, он большъ былъ немощонъ отъ раны нижли первей, што са боил, если его познають, то он загибъ для Амурата.

Король спыталъ его: Прошу тебе, рыцэру, поведи ми, откуль еси? Трыщан рек: Пане, та еси изъ Блишноса города а от земли обѣфитое, прышол еси немощонъ отъ раны, не могъ еси найти лѣкара, терпелъ еси такие муки и болести, бы на мою волю, давно бых рад умер, але коли пан бог не хочет, мушу терпѣти, а волея бых смерть нижли такия животь.

Коли король слышалъ от Трыщана такъ говоречы, он над нимъ (стр. 25) мѣлъ милосердые и вѣрылъ ему иж правду поведает. И рек король: если-с рыцэр? Рекъ Трыщан: Естэмъ. Рек король: Недбаи рыцэру, ты еси прышол в таковое мѣстцо,

где даст богъ будешь здоровъ. Ест в мене дочка, што са всяком ране домыслить гѣпшен всех лекарей, а та вѣмъ, будеть са она рада тобою печаловати для бога и для дворности. Трыщан ему подаковалъ велии дворно и покорне.

И король с королевою пошел до палацу, и нарадили ему госпуду в одной ложницы и велелъ его прынести на гору в комору, гдѣ было наражено ему мѣстцо, и положили его тамъ. А потомъ король послал по дочку свою Ижоту, и коли прышла рек ей: Милая дочко, поиди со мною, погледи одного рыцѣра госта, который ест велии немоцион штъ раны, и печалуи са имъ для бога и для мене и для доброе славы, такъ бы былъ борздо здоровъ. Она рекла: та, государу, рада твоего расказанія пополнити и буду са працовати такъ могучы. А так шла до Трыщана, а коли она видела рану, прыложила одно зѣлье, што са годило до раны. Тогда Трыщанъ въздыхнувши штъ сѣрца и штъ болести, которую мѣлъ, а королевна, которала са не стерегла а ни са домышлала абы былъ тад в ране, почала его тѣшыти и рекла: Не страшы са, рыцѣру, если будеть божя помоч та тебе хочу вчинити борздо здорова. Трыщан рекъ: О боже, коли бы то могло быти, быхъ та былъ здоровъ, не просилъ бых бога болшен десети дней. Панѣна прыкладала зѣлье, которое знала, а ему все на погоръшене шло; и почала Ижота клести сама себе и рекла: та не знаю што чинити, што бы ми потребно ку той ране. И почала рану розгледати, и прышло ей на умъ, што есть рана ядовита, и рекла сама къ собѣ: Если не будет рана ядовита, мушу его покинути, иж ему не могу помочы. И велѣла Трыщана понести на слонцѣ и почала съ пилностью рану розгледати. Рана са почала скварыти, и рекла Ижота: Пане, та вижу добре, што ти рану казило, и што еси не могъ гѣкарства наити: желѣзо, которыми еси былъ ранен, тое было ядовито, а того са никто не домыслилъ, а теперь коли есми тое розбачыла, ты з божею помочю будешь здоров. Трыщан ш том былъ весел, а панна почала вабити ад из раны и почала знову гѣкарство прыкладати к ране, и у малых днех (стр. 26) познал Трыщан на

собѣ полепшане, а не было его болшеи, толко кожа да кости. И до двухъ месецѣи былъ Трыщан здоров, так хорош и легок, как перед тымъ былъ. И прышло ему на умъ абы ехалъ до Корновали што наборздеи, бо са богал абы его не познали, и былъ у розмышлении.

И в тые дни прыехали три рыцѣры отъ Округлого стола корола Артиуша, именовъ Гарноть, Кажынъ и Бандемагул, и сныи три рыцѣры были великое доброты и великое славы; Кажынъ былъ меншого рыцѣрства нижли тые два рыцѣры, але былъ гордын и мовный, и прышли ув-Орленъдыю для сной панъны, котораи мѣла замуж ити и для того велела кликати на турнаи. И прышло много добрыхъ рыцѣровъ: которыи бы рыцѣр болшъ мужовал в томъ турнаю, тот ее пойметъ, а если бы ее не хотѣлъ понати, и она ему маеть дати дар такъ много, што колко десать рыцѣров мают. И для того тые три рыцѣры прышли ув-Орленъдаю. А зналъ ихъ король Ленвиз и радъ ихъ видель и веселил са ѿ них, и сели за стол, король и рыцѣры. Коли видѣли Трыщана, ни хто з нихъ его не позналъ; Гарноть его передъ тымъ видель, але са рушилъ Трыщанъ немощю, и для того его не позналъ, але не было межы ними ни сдного, которыи бы такъ цудныи былъ какъ Трыщанъ. А Трыщанъ позналъ Гарнота, скоро его успоменулъ, што ѿн прыходил у Корноваль с послы короля Амурата, и для того болшеи са богал, абы его не познали. А ѿни на него пилне гледели, што са ѿн видель гость, и пытали ѿ немъ корола, и король имъ поведал все по раду, какимъ умысломъ прышолъ изъ Сливноса, и вѣт на свете человекъ, хто бы его видель такъ немощного, штобы не жаловал; але милостью божию и прадою дочки моеи Ижоты ѿн есть здоров. И тут ѿ немъ много говорыли и пилне на него смотрѣли. А Гарноть прыступилъ къ Трыщану и отвѣдъшы его проч, пыталъ его: Прошу та, рыцѣру, поведай ми, если рачыш, хто еси а откуль? Рекъ Трыщанъ: азъ есмь сдин гость, болшеи са ѿ мене не доведаетъ; прошу та, не мѣи ми за злѣ. И на томъ его Гарноть ѿставилъ.

И рекъ король: Хочу пойти на тот турнаи, але бы ма там не познали, прошу вас, не кажыте ма если хто васъ будеть пытати. Потомъ король спыталъ Трыщана: Рыцэру, якъ са чуюшь? Трыщан рекъ: Добре по милости божей. Дла чого ма пытаешъ? Рекъ (стр. 27) король: Если тобѣ треба зброи и кона, а тобѣ дам и млоденцов, хто бы тобѣ служыл. Трыщан рекъ: Пане, не естэм у моцы моеи, не смѣю много працовати са, а коли ты вѣсхочеш ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо оружье, иж чоловікъ не вѣдает, што са ему гдѣ прыгодит. Рекъ король: Будь то на твою волю якъ ты велиш, але ми са вельми хочет абы ты ехал со мною. Трыщан ему шбецал, а на завтраи поехал къ турнаю, и стрѣтил их Гавашн, племѣньник корола Артиуша, а за нимъ шдинѣ юнак, который ему носил щыт и сулицу, а то был тот юнакъ, который даровал находника и выжла шт дочки корола Перемонта. И тот виделъ Трыщана, позналъ его, прыступилъ, почал Трыщану ноги цаловати. И Трыщану былъ сграхъ, што его млоденець шткрыеть. И рек ему Трыщанъ: Поити хочу, не поведати ма жадной жывои души. Шн рекъ: Пане, ш том не дѣбай, але прошу та, дай шдинѣ дар с твоее ласки. Трыщан рек: Готов ти ест, если такова речъ, котора са може дати. Рек юнакъ: Пане, велика ласка, вѣдаешъ ли што ми еси шбецалъ, дай ми. Рек Трыщан: Не вѣмъ. — Рекъ ма еси поставити рыцэром коли есми тебе даровал инаходникомъ и выжломъ шт Перемонта корола дочки. Але, пане, хотѣл бых, штобы ма еси завтра пасал. Рек Трыщан: Будет такъ, якъ есми тобѣ шбецалъ. Потомъ Трыщанъ спыталъ: Хто ест шныи рыцэр, которого ты шруже носишь? Рек юнакъ: То ест панъ Гавашн, племѣньникъ корола Артиуша, шн ма шбецал поставити рыцэром коли та усхочу, да коли есми видел твою милость, та волю быти рыцэр шт твоее руки. Рек Трыщанъ: якъ ты хочешъ, да прошу та, пойди опят къ пану Гавашну и понеси ему древо и зброю, што можеш, дла его кашталанства и дворности, рыцэрства а заса дла твоеи дворности. Рек юнак: Нехай, пане, так будеть якъ ты велишь. И взял шн в него зброю и поехал за

ним. И спытал его Гавашн: Што то за рыцэръ, кому са ты такъ умилно поклонил? Рек гнак: То ест шдинъ гость, але велии храбръ. Рек Гавашн: гкъ ему има? Рѣк гнак: Пане, тепер са того не можешъ довѣдати. Гавашн оставил тую реч.

Король поехалъ з малою дружиною и ни кто его не позналъ, (стр. 28) и Гавашн его не позналъ иж и перед тымъ его не видал.

И спыталъ король Трыщана: Вѣдаеш ли што то за рыцэр, который сам шдин едетъ? Рекъ Трыщанъ: То ест Гавашн, племѣнникъ корола Артиуша. Рек король: я слышал ш немъ, шн естъ дворен панам и паннамъ. И ехали посполе в товаришстве, корол са не далъ знати Гавашну. Коли было ближеи къ вечеру, стрѣтилъ ихъ рыцэр, который носилъ чорныйи щытъ безъ знамени и с нимъ были пахолки два; рыцэр ехалъ велии строино и дворно и носил два мечы. Коли прыехалъ ближеи, рекъ Гавашн: Видите-ль вы того доброго рыцэра? Король рекъ ему: гкъ ты его доброт знаеш? Гавашнъ рек: Ни шдинъ добрыйи рыцэр не смѣет носити двух мечов, если бы са не билъ зъ двема рыцэры; по том познати доброго рыцэра, иж за их великую смѣлость шни носить два мечы. Рек король: На мою вѣру великую рѣчь взалъ тот рыцэр на себе; да прошу тебе, коли бы са нашол рыцэр самъ собою же бы его добылъ, што бы вчынил ш томъ? Рекъ Гавашн: Пане, если бы са нашолъ рыцэр самъ собою, который бы не был изъ Лондреша, шн бы терпелъ не носить оружа цалый год за соромы, а коли бы его побил рыцэр изъ Лондреша або который великийи рыцэр, шн бы шткинул шдинъ мечъ, а другой бы носилъ, иж сут з Лондреша наибольшые рыцэры. Коли король то слышалъ, рек: Тепер быхъ не оставил за великую рѣчь, абых не ведел тот турнай и того доброго рыцэра. И тую ночь стоимъ близко турнаи десет миль ув-одномъ замку. И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцэром, и былъ храбръ и великое доброты и был товариш шт (Округлого стола великое доброты; и заса с прыгоды забилъ его Трыщанъ своею рукою не знаючы иж шн стоимъ за Паламидежом, который велии миловалъ пудную Ижоту. А тому рыцэру было

има Бербешъ. И назавтреи рано пришло король къ турнаю; Трыщанъ много юнака поставившы рыцаремъ, дал ему конь и зброю и поехали къ турнаю, который са былъ собралъ на одномъ болоте подъ замкомъ. А тот турнай былъ посполитый.

Приехали тут два короли, король Іанишъ из Локви, а други король (стр. 29) Артиуш з Лондреша, [а третій король], который мѣлъ в себе сто рыцаров. И тот служылъ принципу Галишту а держалъ западные штровы. И коли былъ тот турнай в Орлендѣи, того лѣта Анѣцалот поставил са рыцаромъ.

И коли са злучили обе стороне вмѣсто и тут указали шдны другимъ сулицы, и была битва велии густа и велии мощна, и тут рыцары падали с коней на землю. А было десет рыцаровъ шт Округлого стола, тые держали шдну руку против корола Іаниша из Локви и чынили они великое чудо, прогнали много рыцаров. Гарнотъ а Иванъ, сынъ корола Урыяна, а Гавашн, Геешъ и король Бандемагул, Дондиелъ, Согремор, Гвирешъ, тые рыцары были велии добрые. И коли са они пустили в тотъ турнай, они чынили великое чудо в малом часу, и вси не могли против ихъ стривати и держати поле, а были бы побиты, коли бы не было доброго рыцера з двема мечы и с чорнымъ щытомъ. Коли он вдарыл з другое стороны турнаи и почал чынити великое чудо, если бы человекъ не виделъ, не могъ бы тому вѣрыти: он почалъ здирати гелмы з рыцаровъ и метати с коней по земли, и вси, которые его видели, мовили, што онъ добыл сего турнаи; и для его рыцарства вси зякли са и не могли стривати против его. Гавашн былъ ранен двема ранами, а Гарнотъ мѣлъ тры раны, а Иван также, и все мѣли раны тажкие и звалены были с коней. И коли король изъ стома витезии видел себе побитого, он былъ такъ жалостень, што мало не встек са, бо онъ миловал красную Ижоту всимъ сэрцемъ и боал са абы она того не довѣдала са, и мыслил ш томъ какъ бы са мѣстил. Для того послал волати по всим сторонамъ, нехай будет опать турнай до десатого дня, бо мыслилъ приехати шпатрно и на радно лепшеи ніжли перво.

И коли был волаи турнаи и было слышати усим, и розъехали са вси [и] король Ленвизъ, абы са справили къ другому турнаю. И коли видел король [С]госкии, што с чорнымъ щытомъ рыцэр тотъ турнаи добыл, онъ его прынял у великую любов. Поломидеж поехал ув-Орлендэю говоречы тот турнаи почстене Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлѣ на сэрцы и мыслил гакъ в том другом турнаи мѣлѣ бы са з нимъ росправити с тым рыцэром с чорнымъ щытомъ и з двема мечы. (стр. 30) И вступил въ храброст против Поламидежа и гледѣл на него злыми шчыма, иж са ему видело, што он чынить великии сором рыцэромъ; для того Трыщанъ на него мѣлѣ гневливое сэрца и мыслил ему зло на сэрцу, што видел его так красного рыцэра и годного по всему добру. И такъ са ему видело, ижъ он хочет мѣти Ижоту и она его милует со всего сэрца, и почали са з нимъ неприязнито и немиловати межы собою Трыщанъ и Паламидежъ. А в том Ижота не знала а ни са не домыслила жебы они ее миловали. И была в нее служебница именемъ Брагина, красна и мудра, она са домыслила иж они шба милуютъ Ижоту. И некоторого дня Брагина рекъла Ижоте здворки: Господарыне, будь то за кунштъ, если бы тебе миловали тые два рыцэры, которого з них бы ты хотѣла миловати, Паламидежа албо нашего рыцэра, занюж они шба тебе милуют? Ижота розсмегав са рекла: ꙗ им милости заборонити не могу коли са мое сэрца к нимъ не шбернетъ; а коли бы на тое прышло, волѣла бых прыстати къ Паламидежу, бо он ест большии рыцэр. Коли бы нашъ так рыцэр былъ добръ и такого врожена гакъ по нем бачым, он бы былъ наибольшыи и наицуднейшыи рыцэр. И все тое говорене слышали они шба, Паламидежъ и Трыщан, седѣли в одной коморе. И коли они вышли вон, Трыщанъ пошолъ на шдно болото гулати и почал мыслити, иж его милост къ Ижоте нудила. Рек самъ къ собѣ: ꙗ не могу прыити на досконалост красное Ижоты если не шбороню пыхи Паламидежовы, а того не могу вчыинити без доброго коиа и без доброй зброн и безъ великое трудности и працы, кгдаж естъ Паламидеж

штъ добрыхъ рыцѣровъ. И такъ въ жестокомъ сэрцы пребывалъ Трыщанъ ажъ до турнага.

И коли король хотѣлъ поехати в турнаи и спыталъ Трыщана: Хочеш ли ты поехати в тот турнаи в нашо товаришество? И онъ ему рекъ: Ёще са, государу, в силе не чую. Король ему увѣрылъ и на томъ его оставилъ; а то такъ для того отказалъ, хотечы поехати по турнаи такъ бы его не познали. И в третии ден король поехалъ къ турнаю з малою дружиною, а Трыщанъ сталъ велими печален, ижъ не вѣдалъ такъ бы могъ пополънити што мыслил.

(Стр. 31) Будучы онъ в той мысли, прышла к нему Брагинна, которая его велимилю била, а рекла: Пане, што мыслишь? Трыщанъ рекъ: Панъно, коли быхъ вѣдалъ ижъ ми можешъ помочы в томъ моемъ мышленью, я быхъ вамъ поведалъ. Она са ему обещава: Што буду могла. Онъ рекъ: Панъно, я быхъ поехалъ к тому турнаю, бы ми былъ конь и зброа. Она рекла: Чему-сь посполь с королемъ не ехалъ? Рекъ Трыщанъ: Хотелъ быхъ поехати по-таи такъ бы ма не познали. И рекла дѣвка: А зась для того оставъ? Трыщанъ рекъ: Зайсте для того. Она рекла: Не тужы конемъ и зброею, для того не останешъ што бысь не былъ в турнаю. Трыщанъ ей подаковалъ велими ласкаве, а потомъ рекъ: Мои милага панно, печалуи са мною, я быхъ не хотѣлъ мешкати. Она нашла доброго коня и добрую зброю безъ другого знамени, и дала ему свои два браты, абы ему служыли. Трыщанъ поехалъ, а Брагинни просилъ, абы его никому не поведала, и поехалъ скровно, и засталъ много рыцѣровъ штъ многихъ сторонъ в турнаи.

И коли тамъ вбачыли Трыщана, вси хвалили, которые са на то гараздъ знали, ижъ строине на кони седѣлъ. Сталъ на одной стороне противъ всехъ рыцѣровъ гледечы што са будетъ чынити. И тогда прыехалъ Паламидежъ в той зброи и в томъ знамени, в которомъ перво былъ, велими пышно. Коли его виделъ Гава-онъ, погледевшы на великие рыцѣры, и рекъ: Теперъ маете што видети, што будетъ чынити добрый рыцѣр, и варуи са каждыи вдарцу его.

Гарнот рекъ: Еще есми не видел ровни ему на свете. И он почал таковое чудо чынити, што не было рыцѣра в том турнаи, который бы не мѣлъ страху ѿ него, и збилъ много рыцѣровъ, поехал по турною на лѣво и на право великое чудо чынечы, и не нашолъ са рыцѣр, который бы смѣлъ дождати его. Король Ленвиз и король из стома рыцѣры и вси великие рыцѣры, которые перво поле держывали велми добре рыцѣрскимъ ѿбчыаем, и наконецъ прышло им ѿставити поле, хотя и не хочы, перед Паламидежом. И Паламидеж стал у томъ почтеныи, а вси почали кликати: С чорнымъ щытом и з двема мечы другии раз добыл турнаа.

(стр. 32) И коли Трыщан тое чулъ и видел, рекъ: То ест Паламидеж. Познал его знаме и рек: Дайте ми гелмъ, з добрымъ рыцѣром хотѣлъ бых са на поли видети. И рыцѣры вси к нему кинули са, и каждый з нихъ давал ему свои гелмъ. И кгда Трыщан гелмъ узложыл, и они ему повезали и потвердили якъ ест цотреба напротивъ другому рыцѣру, и взал сулицу и справилъ са противъ Паламидежу.

И коли са увидели ѿдин другого, Трыщан рекъ: Рыцѣру, потреба ми та ест. И онъ са направилъ к нему; и онъ рекъ: Едь сюда, да видишь.

(Битва Трыщанова съ Паламидежомъ) И такъ са пустили ѿдин къ другому и вдарыли велми мощно, и Паламидеж зламал сулицу, а Трыщан вдарылъ его так мощно, што он пал на землю с конем, и ѿ того вдару забил са велми и не вмѣлъ што вчынити, и дивилъ са тому, што са ему так прыгодило, и усѣлъ на коня и хотѣлъ поехати на стан и не смотрѣлъ ѿчыма а ни сам а ни там. А Трыщанъ, который са на него велми гѣвал, виделъ его бегучы, ехалъ за нимъ и погонил его, и мало на том мѣлъ, што ему в том скиненью ѿдин соромъ вчынилъ, и мыслилъ его на то привести, штобы николи не смѣлъ прыити къ Ижоте на ѿчы. И догонил Паламидежа, рек голосом: Рыцѣру, верни са, да видимъ, который з насъ годнейшыи доброты рыцѣрское и который з насъ годнейшыи миловати красную Ижоту.

Коли Паламидеж тую речъ чулъ, онъ са домыслил, што есть Трыщанъ, и пристрашыи са велми, ижъ не вѣрылъ абы он так добрый былъ доколе не виделъ ѡт него того удару, и вернул са к нему и взалъ мѣчь и виделъ, што не може ѡтсехати без раны. Трыщан прышол велми прудко и взал мѣчь, почали са мощно рубати. Трыщан прыступилъ и талъ его великим ударом по гелму; он са не могъ на кони ѡдержати и пал на землю розбит и лежалъ великую филю не знаючы если ден або ночь. И коли Трыщан тоє виделъ, он был ѡ том велми весол, што са. ему добре стало, и виделъ то, што сполнилъ свою волю чого наиболее жедал. И коли добыл доброго рыцѣра Паламидежа, которого велми ненавиделъ, и поставилъ его у такой ганбе, и поехалъ (стр. 33) ѡт того турнаи до господы. И ехал пан Трыщан по дуброве, и стрѣтила его ѡдна дѣвка з двема пахолки и домыслила са, што он былъ в турнаи, иж видела в него зброю столкану ѡт великих ударов, и ставшы поздравила его велми умилно. Онъ си вернулъ поздоровене велми дворно, и рекла дѣвка: Пане, вы едете с турнаи? Рек Трыщан: Ѡ чомъ ма пытаешъ? Она рекла: Пане, хотѣла бых абыс ми поведал, хто добыл турнаи. Рек Трыщан: Панъно, если на то твоя воля, я ти повею: сесь турнаи добыла ѡдна панна красная, которую есми ув-очы виделъ сего дня. Она стоала великую филю у розмышленю и рекла: Рыцѣру, диво ми поведаеш, прошу та поведай ми има тоє панъны, нехай бых умѣла поведати гдѣ буду питана. Рек Трыщан: Тепер са имени того ѡт мене не довѣдаеш. Рекла дѣвка: Прошу та, пане, соими гелмъ з головы, нехай быхъ парсуну твою видела, а вамъ почесност вчинила, бо есми посол Артуша корола. Трыщан знал гелмъ з головы и рек: Панно, смотри себе на мене колко хочешъ. Она рекла: Пане, вижу та велми весела, тепер са могу пофалити, што есми видела гѣпшого рыцѣра надо вси рыцѣры. Але прошу та, пане, споведай ми има свое. И рекъ Трыщанъ: Моего имени тепер не можеш знати, бо его трудно поведати. Дѣвка рекла: Ехала есми много земль для твоего имени, шкода-ж моеє працы, коли есми васъ видела а имени

вашого не вѣмъ. Рекъ Трыщанъ: Ведай заисте, иж не тотъ га, кого ты ищешъ. Рекла дѣвка: Прошу та дла бога, чы не ты взял Болачую стражу и выкоренил злыи обычай, которыи трывал в томъ городе, где много людеи добрых померло за безъзаконье тое проклатое уставы? Рек Трыщан: Панна, заисте не быи есми въ том городе, а ни ведал его; да прошу та, панно, если взата Болача стража? Рекла панна: га есми видела, коли влѣзъ тотъ рыцѣр въ оныи город и с ним неколко добрых рыцѣров, а ницъ одинъ такъ не вчынилъ своею рукою, такъ тотъ рыцѣръ. Рекъ Трыщан: Прошу та, панно, если ты его видела без зброи? Видела-мъ, онъ ест всеи красы и всихъ лѣтъ, такъ ты, и дла того заисте внимала-м есми абы онъ рыцѣр, але в том есми хбила штъ моее (стр. 34) мысли. И конецъ тыхъ речей розехали са.

Трыщанъ прыехал къ Брагини, которага ему много послу-жыла, и дѣвка поехала штъ Трыщана велии смутна, што са штъ немъ не довѣдала. Прыехала в турнаи и вбачыла Паламидежа, поехала к нему, а онъ плачетъ велии грозно и кленеть день, в которыи са родилъ, и час, которыи на кона уседалъ, а дѣвка плакала, што турнаа не зостала, которого жедала потребнен усега видети. И прыехавшы к нему поздравила его, а не знала, хто онъ естъ, и нашла его велии смутна: онъ тужыл о своес пригоде и клал того дна, в которыи са народил, и час, в которыи на конь усѣлъ. И прышедшы к нему дѣвка рекла: Рыцѣру, боже та потѣшъ. Онъ ей штъказалъ: Дай ти богъ свою ласку. И рек Паламидеж: Дла бога, панно, стретила-ль еси рыцѣра в бѣлой зброи? Она рекла: Пане, га его стрѣтила и с нимъ гово-рыла неколко рѣчей, онъ едетъ одинъ самъ дубровою. Рекъ Паламидеж: Если вѣдаешъ штъ него што говоречы, дла бога по-ведай ми. Она рекла: Не вѣмъ, иж есми перед тымъ его не ви-дела и не могла имени доведати са, бо онъ ни штъ Круглого стола ни штъ двора Артуша корола. Рекъ Паламидежъ: Если то прав-да? Она рекла: Заисте такъ. Онъ рекъ: Шхъ мои боже, то есми горей еще зъсоромочон и жалостен, нижли первей; и почал велии тужыти и плакати и штъкинулъ гелмъ и шоба мечы и штът кинулъ

на дорогу, и всѣлъ на своего коня без зброи, и ехал с плачемъ и з великою жалостю; и видевшы то девка жаловала его велики любезно: Дла бога, рыцару, поведь ми, чому са так смутиш? Онъ ей поведал все по раду:

Былъ мене богъ почстилъ у первомъ турнаю, а в другом, вышеш всихъ будучы та в том почстенъи, прышол некоторый рыцаръ, такъ силно и жестоко збил ма напервей сулицою и потомъ мечомъ и вчинилъ ма до конца у великой ганбе перед таким народом и перед такими людьми добрыми. Дла того не могу носити оружа цѣлыи годъ, а коли быхъ хотѣлъ носити, та бых са печаловалъ якъ бы ему мѣстилъ, (стр. 35) а тепер есми загиб и волѣлъ бых умерети нижли живъ быти. Рекла дѣвка: Пане, поведай ми има свое. И он рекъ: та эсми Паламидеж. И то рекшы поехалъ ѡт нее велики борздо, и она поехала своею дорогою искати того, который взал Болачу стражу; а то былъ Анъдолот з Локвей, который поехал искати себе ровни и рыцарства по королевствам. Былъ послан Гаваон искати его также, и ехалъ всюды, гдѣ слышал соимы рыцарские.

И едучы дѣвка по турнаи стрѣтила пана Гаваона едучы велики борздо и поздравили са. Рекъ Гаваонъ: Прошу та, панно, поведай ми якую повесть ѡ рыцары, который носит знаме бѣло и зброю без другого знамени, што недавно ѡт нас ѡтѣхалъ. Рекла девка: та ти повѣмъ если ми споведаешъ того, кого та ищю. Рекъ Гаваон: Которого ты ищешъ? Она рекла: та ищю повести о рыцару, который добыл Болачую стражу. Рекъ Гаваонъ: То внимаю за правду, што то ест тотъ, которого ты стрѣтила, и та тѣ-ж ѡ немъ са пытамъ. И рекла девка: Заисте не тотъ, бо тот там николи не был, але ест онъ тому подобен поставою и мужством. Рек Гаваон: Если же не тот, та вжэ еду изъ земли гетое у Лондреш, ачеи бых мог чути ѡ нем дла кого есми много працювал. Рекла девка: Еду та с тобою. И поехали ѡба вмѣсте и прыехали к тому мѣсту, гдѣ был Паламидеж покинул зброю. Позналъ ее Гаваон и рекъ: То зброа ѡдного рыцара велики доброго; и взал щыт и повесилъ его на дереве. Рекла панна: Коли

быс ведалъ того, который тую зброю покинулъ, такъ тужы и плакалъ, ты бы са тому велми дивовал. И поведала ему все по раду, што видела и слышала ѿ него. Гаваѡн рекъ: Можеш ли знати има его? Она рекла: Не хотѣлъ ми поведати. Рекъ Гаваѡн: Радъ бых вѣдалъ всю истоту ѡ нем, абых умѣл поведати королю Артиушу и у иных королевских дворех. Потомъ поехали к королю и ввошли у великий корабль.

То ѡставмо, вернимо са къ пану Трыщану. Коли Трыщан ѡтѣхал ѿ дѣвки, и ехал прудко и прыехал в город на господо ко Ижоте и къ Брагине и прышол ночью таа са. (стр. 36) А Брагина стрѣтила, которая была рада вѣдати истоту ѡ турнаю, и коли она видела, пошла к нему, поздравившы пытала его: Мои добрыи а почестныи пане, такъ са еси мѣлъ у своей речы? Поведан ми ѡ турнаю, хто ѿ него чест мѣлъ? Рек Трыщан: Мои милага панно, не могу ти того часу поведати. Рекла Брагина: Пане, поведан ми о Паламидежу; он ли добыл турнал? Рекъ Трыщан: Не могу ти ѡ нем поведати, лех добре то вѣм, што он есть ѿ добрых рыцѣров, которые по свѣту слывут, але так са ему тепер прыгодило, иж не добылъ чсти в томъ турнаи. Она рекла усмехнувши са: А ты, наш рыцѣру, такъ са еси мѣлъ? Рек Трыщан: га есми доконал свое вмышление такъ есми хотѣл, а прошу та болшей ма не пытай. Она его на томъ ѡставила, иж са была домыслила, што он не хочет ѡ своей легкости а ни ѡ добромъ поведати, и она ему дала добрую постелю, и он легъ спати, што был велми трудень и ѡпхнулъ велми ѿ вдару. А коли ѡпочынул до своей воли, и на завтреп было ему видене затекло и посинело ѿ многих вдаров. А коли почали люди говорыти ѡ рыцѣры, который был в бѣлой зброи, а Трыщан ѡ том стыдил са, бо не рад бы штоб его познали. И третего дня прыехал король Ленвизъ из своею дружиною у свой двор, а с нимъ прыехали великие рыцѣры Гарноть, Бандэмагул пан и ѡван, и не мовили инога ничого, толко ѡ турнаи и ѡ бѣломъ рыцѣру а ѡ Паламидежу, и дивили са, што бѣлыи рыцѣр безъ вести ехал. И рек Бандэмагулъ Гар-

ногу: Мнѣ са видять иж то ест ѡныи рыцэр, которыи добыи Болачую стражу, тот рыцэр везде са таил. Рече король: Прошу вас, што ест за рыцэр, ѡ комъ вы говорыте? И рек Гарнот: Пане, мы мовим ѡ томъ, которого недавно пасал мой ѡтец король Артнуш, и тот вчынил таковое рыцэрство своею рукою, якъ человекъ не видел а ни слышал, и нѣтъ чоловіка, которыи бы има его знал, (стр. 37) або хто ест ѡнъ. Рек король: Коли ѡн добыи битву, а има свое тайт и не хочет штобы его знали, тот велми ест добрыи. И вси тые рѣчы его Трыщан передъ себе брал. А Брагина была велми мудра и бачна, вси тые рѣчы на сэрпы своем мѣла, и прышло си на ум: Ачеи будет то рыцэръ, кому та дала кона и зброю и щыт? И почала пытати ѡдного и другого ѡ бѣлом рыцэры и довѣдала са истотне, што ест Трыщанъ почстенъ в турнаи, и была ѡ томъ велми весела, и мысляла як бы могла вѣдати има его, ѡткул естъ. И в тот вечор прышла ик королю Ленвизу и рекла: Господару королю, рач вѣдати ѡ бѣломъ рыцэры кого жедаешъ, которыи добыи сесь турнаи. Рек король: Девко, та того велми жедамъ, бо есми видел велику добротъ его моима ѡчыма. И рекла Брагина: Нѣ тужы, та та хочу на дорогу навести. Рек король: Если ми правду споведаешъ, буду тому велми вдачон. И на завтрее Брагина рекла королю: Повиди со мною у палац. И ѡн пошлъ, и вказала ему тую зброю и щытъ и рекла: Можеш ли ее знать, если еси видел в томъ турнаи? Рек король: Заисте таа зброа и тот щытъ былъ на томъ рыцэры, которыи добыи турнаа. Але для бога, девко, поведай ми, если што ведаешъ ѡ немъ. Рекла Брагина: Пане, коли еси ѡ том весел, не хочу тайти перед тобою: то был ѡныи рыцэр, которыи у твоем дому тепер, которого ты прыналъ ранного и болного, которого твоа дочка злечыла.

Король то слышал, задивилъ са, не вѣрыи тому же-бы ѡн так добрыи был, и почал пытати: Которым ѡбычаем то знаеш по нем? Она ему поведала все по раду, якъ ему кона и зброю дала и якъ тѣ-ж ѡпатъ прыехал к ней. И король призывалъ там неколко людей, которые были з ним на турнаю, и рекъ им: Мо-

жете ли познати тую зброю и тот шытъ? Они рекли: Заправду тага зброа добыла сего турнага. И потом король былъ весель.

И пошолъ до Трыщана и рек ему: Мои почтеныи рыцэру, га мамъ на та жалъ, што са еси толко тайлъ шт мене для своего почтеныа. (стр. 38) Если твога вола, поведая ми има свое. Коли Трыщан то чулъ, злакъ са велми, што будетъ познан, бо вѣдалъ иж ему тут наибольшое зло мыслат, и отказал королю: Пане, для мене еси много вчынилъ, чого га никому не повинен так много чынити якъ тобѣ, буду поки жыв, хочу ти отдавати мойми службами коли гдѣ мене будетъ потреба. Рек король: га много тепер не потребуу, удно абыс ми споведалъ има свое. Рек Трыщан: Моя пане, тепер то быти не можетъ абых ти споведал. Рек король: Поведая же ми, ты ли носилъ бѣлую зброю на семь турнаг, которую ти дала Брагина? И рекъ Трыщанъ: га носилъ тую зброю, да того ми жалъ, што вы тое вѣдасте. Рекъ король: Рыцэру, ты можэшъ того не жаловати и дати мнѣ знати свою речъ, што ми еси вчынилъ великое почъстене, ижъ з моего дому рыцэр добыл турнага; для твоего рыцэрства и для твоее приязни и доброты дарую ти свою приязнь. Трыщан подаковал велми умилно. Потом Трыщаново рыцэрство было значно ув - Орленгдэи, и былъ велми честован шт корола и што всех добрых людей, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворе, которага бы не была рада миловати его шт всего сэрца, если бы он хотѣлъ. Внимали, што Ижота милуетъ его потаи, але она мѣла цнотливое сэрце, и король былъ рад штобы она его миловала, а он ее, и штобы ее взал за себе, бо знал тое иж она не можетъ за лепшого пойти рыцэра над него, але ш том велми жаловалъ, што не вѣдалъ имени его, и не смѣлъ ему докучати ни пытати.

И удного дна Трыщан мыл са у ванне ув-одной коморе, и служыла ему Ижота и иные многие дѣвки, и каждага мела то собѣ за великий дар, што ему послужыла. И туды ходечы один чоловікъ, на има Кушынь, прыступил къ постели Трыщановой и взал мѣчь, и вынавшы его почал гледѣти, и видевъ са ему

хорошъ и остръ, и не насытилъ са гладчы на него и прынесъ его до королевое. Она его почала огледати и убачыла (стр. 39) в него щербину и рекла Кушыну: Поведан ми, чьи то меч? И он еи споведал. И она рекла: Понеси его за мною; и он понесъ и влез за нею у ее комору; она вынела изъ скрыни уломок меча и прыложыла его къ мечу, и он прыстал, и она видеда, што тот мѣчь, который убил брата ее Амурата, и вдарыла са по лицу и рекла: Ох мои боже, мои непрытатель ест у нашем дому, который убил моего брата корола Амурата доброго рыцѣра! То ест Трыщан, дла того са тайлъ, а то ест тотъ мечъ, который учинилъ всихъ нас жалостных и понизилъ и уменьшилъ всю Орлендыю. И розгнѣвала са велии, узавшы меч и пошла на Трыщана велии прудко, и прышодшы к нему замахнула тати его; Трыщан скрылъ са у кадь. И рекла: Трыщане, ты еси тут мертвъ от сего меча, которымъ еси убил моего брата корола Амурата; тепер еси мертвъ отъ моеи руки. Трыщан никакъ са не сполохал, а пахолокъ прыступилъ, рекъ: Пани, варуй са, не вбивай рыцѣра своеи рукою, не слышитъ тобѣ такой корунованои паней королевоеи окривавити свое руки в крови рыцѣрской. Если естъ виненъ, дай тую помсту на корола, он может учинити, што будетъ слушно ему и годно твою жалост мстити. А пани предъ са не ввела са, наступила тати Трыщана, а пахолокъ ее уфатилъ за руку, не далъ тати, а Ижота покинувши соромъ, бо ее милость Трыщанова тиснула, и защытила его рукою велии милосердно. И рекла королевоеа: Моя милаа дочко Ижота, што чыниш? То ест Трыщан, который убилъ твоего дядка Амурата.

И на тот крикъ прышолъ король и рекъ: Пани, чому са так гнѣваеш? Она рекла: Господару, какъ са не гнѣвати? нашла еси наиболшого непрытателя своего Трыщана, который вбил брата моего Амурата, тым са тайлъ в нашем дворе; або его ты вби, або не. То естъ тот мѣчь, который Амурата вбил, а он нехан от того-ж меча умрет. Король то чувшы и помыслилъ, бо былъ велии мудрыи, и рекъ: Тихо, пани, дай тую помсту на

мене, ꙗ хочу вчинити ꙗкъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль. И взалъ ѡт нее мѣчь и рек: Пойди тепер вонъ. И ѡна пошла, (стр. 40) а король пытал Трыщана. И рек Трыщану: Милыи прыпателью, ты-с вбилъ Амурата? Рек Трыщан: Тавити са болшей не могу, ꙗ еси его вбилъ, ниhto ми не може прыганити, иж такъ годило са мнѣ его вбити, або ему мене, инак не могло быти. Рек король: Ты еси мертвъ; и засе ему рекъ: Опрани са и прыди ко мнѣ до великого паладу. А пры Трыщане ѡстави тры пахолки поки са вбереть. Трыщанъ са убралъ цудне и почестно и прышол до великого паладу у великой жалости, а наиболше и дла того, иж пры нем не было меча его. А палацъ былъ полонъ добрыхъ людей, паней и панень, и коли ѡни видели его, гледели на него велми пилно дла его цудности и великое доброты и рыцарства и дивовали са великой цудности его и цудныхъ умысловъ въ преспечности и дворности. И мовили панны до Ижоты: Еслибъ Трыщан мѣлъ смерть, которыи цуднейшыи всех на свѣте, было бы его жаль всимъ людем. .

А такъ вси добрые люди и рыцары мовили: Богъ вѣ, на свѣте нѣтъ такого рыцаря, и великий бы грѣхъ абы за то[го] его забити, которыи са вже не може вернути. Потомъ прышла королеваа и почала королю докучати со плачом мовечы: Пане, то естъ мой непрыпатель, мсти над нимъ поки ест у твоеи моцы, але коли ты его вступиш, не будет на твою волю.

Король миловал королевую и не ведал самъ, што мѣлъ учинити, и молъчал много ничего не мовечы, а наконецъ мовил всимъ у слышание: Трыщане, ты ми еси велми винен, але хота ми вси люди будут мети за зле, што та хочу пустити с покоем, ѡсвободити ѡт смерти, которую еси мѣлъ поднати, але прыналъ еси тебе у мой дом немоцного и бѣдного, дал еси тобѣ здорове; другое: Ты еси таковъ рыцар, ꙗ тобѣ ровни не знаю на свѣте; третее: Не зрадне еси убилъ моего шурына Амурата, убил еси его рыцарскимъ обычаем. За то трое ѡтпускаю ти смерть, але такъ вчини, ꙗкъ а тобѣ повем: коли са то такъ стало, тогды што можешъ наборздеи бежи (стр. 41) з моеи земли, нигдаѣ

не мешкая, абых та болшеи того нигдѣ не знашол, бо та пѣвне мушу забити если буду мог.

Слышавшы тоє Трыщан, подаковалъ велими умилно первеи богу и королю и взал отпущенье от корола и от всихъ людей, которые тут были. Король его отпразил почестне и дал ему коня и зброю, и Брагина дала ему свои два браты, абы ему служыли, и велими была жалостна, але не дала са знати королевою, бо королеваа гнѣвала са для Трыщана, што ему король отпустил смерть. А Ижота и иные дѣвѣкы говорыли: Лепей то ест, што Трыщан прост от смерти за оного, который са не мает вернути. А Трыщан поехал къ пристанищу из своєю дружиною, а люди говорыли и дивили са его доброты и дворности. А коли ехал в судне, был имъ добрый вѣтр на ихъ волю, прыгналъ ихъ боръздо у Корновалъ; и был тому Трыщанъ велими весел и въздалъ фалу богу со всего сѣрца, и тут опочынули одинъ день пытаючы са с короли Марку и оныхъ панохъ. И назавтреи поехал гдѣ ему поведали корола Марка.

А коли Трыщанъ прыехалъ у двор корола Марка, король его велими вдачно привиталъ, и тутъ было великое веселе, которе чынил король и панове, такъ такъ бы имъ прышол отец, и миловали его панове, такъ свое сѣрце. Пыталъ король Трыщана, такъ са ему што прыгодило от того часу, такъ от нихъ поехалъ на море немодон. Трыщанъ ему поведал все по раду, такъ его фортуна прынесла ув-Орлендѣю, и такъ его король прыналъ у свои двор и ласкав до него был, и такъ его дал лечыти дочца своєї Ижоте, которая вмела от раны вышей иныхъ лѣкаровъ. И опат поведалъ с ее красе, и такъ его познали для меча, и такъ его король збавилъ от смерти и пустил его добре почестне; а не поведалъ ему такъ збил Паламидежа и добыл турнага. И былъ Трыщан в Корновали от людей у великомъ почъстенъи такъ самъ король Марко. А королевѣство корновалское все было имъ свободно и многие стороны богали са его.

И в тые часы была одна пани дочка одного княза, пудненшам над усю Корновалю, и недавно за себе поналъ ее одинъ

рыцэр изъ Лонъ (стр. 42) дреша, именовъ Сегурадеж, дла ея красы, бо она была тако цвѣт и рожка. И король Марко розмиловал са ея так силно, што нѣтъ на свете речы, чога бы дла нея не вчынил, толко бы ея по своей воли мѣлъ. И она прихожала часто въ королев двор на игру. И одного дня пришла у дворъ на веселе, и король былъ велики веселъ ѿ ея приходу. А коли ея видел Трыщан, почал на нея велики гледети, бо са ему видела наипуднейшаа реч по Ижоте, и пристало к нему ея сэрцэ и погледалъ хитро, такъ бы того никто не бачыл. Коли она видела Трыщана наипуднейшого и наибольшого рыцэра, и прииде ея на умъ, коли бы хотѣлъ миловати ея, она бы большого не хотела, бо знала его доброт и мѣла всю свою мысль пры Трыщане и если бы могла без своея ганбы миловати его, а ѿко ея не было инде, толко пры Трыщане. И забыла всех людей пры Трыщане, а Трыщанъ забылъ Ижоту; они погледали ѿдин на другого велики умилно, и домыслилъ са ѿдин, што в другого на вмѣ. И коли было къ вечеру, пани узала прощане ѿт короля и приступила велики вдачно къ Трыщану, мудро рекла: Пани, гдеси твоа, если ты хочешъ. Рек Трыщанъ: Велика ласка, пани, гд та принимаю велики вдачно, тако твои рыцэр. ѿдно тое рекшы межы собою, пани пошла до господы, а Трыщана понесла в серцы, и прышедшы на господу, послала хлопъца до Трыщана, которому са велики звѣрыла, и рекла: Поиди скровно къ Трыщану и мов ему потаемене, нехай приидет ко мнѣ на змерканьи и мовит со мною, и приидет наражон со всимъ ѿружьемъ, бо не вѣдает челоувѣкъ, што са ему где прыгодит; и прыедьте ѿба на болото конец мора. И хлопец рекъ: Пани, гд готовъ справити твою волю. И пошолъ къ Трыщану и ѿтведъ его на ѿсобъ и поведал ему посалство своея панее. Трыщан рекъ: а радъ вчынити на ея волю, а ты не ходи никуды з двора, поедьмо ѿба посполе. И прызвалъ ѿдного пахолка и рекъ: Держы ми конь ѿседлан и зброю на первомъ змеркани (стр. 43), да не поведай никому. А король Марко видел Трыщана, ѿдин на ѿдине с хлопъцом мовившы, и пошолъ ѿт пановъ у комору и велелъ всимъ выйти, и рекъ

хлопцу: Што еси с Трыщаномъ говорылъ з моимъ сестренцомъ? И магуш рекъ: Пане, га того не могу поведати, отпусти ми, але дамъ ти знати иж тот твой сестренець ни стюдено а ни тепло. Рек король: Хочу абыс ми поведалъ хота и не по воли. Рек хлопец: Не годит са мнѣ таемницъ поведати, а то бых зрадца былъ. Рек король: Мусиш поведати, албо маеш тепер же умерети. Хлопец злак са велии и рекъ: Господару, га ти повѣмъ, да дла бога не поведай никому. И король са ему обецал, и он споведалъ все, гакъ его пани послала къ Трыщану и гакъ онъ хочет поехати къ ней.

И услышал то король, былъ ѡ томъ велии жалостен, бо он ее хотѣлъ мѣти по своей воли, а она са ѡт него ѡтмовила и не призволила ему жаднымъ ѡбычаем. И седѣлъ много мыслечы и рекъ самъ к собѣ: Бачъ на того, она са ѡт мене ѡтмовила такъ великому пану, а могъ бых еи зло и добро вчинити, и дала са тому, который не может еи ничего вчинити и не ест рыцѣр такъ добрый гакъ а; по правде она бѣзумнаа невѣста и дла того будетъ мѣти великую жалость. Але не дал знати магушу мысли своей и ставил са лѣпшимъ рыцѣромъ, нижли Трыщан, и мыслил великий час и рек магушу хлопцу: Дивно ми твоеи паней, гакъ са такъ борздо розмиловала Трыщана, который еще детина, а га знаю лепшого рыцѣра нижли Трыщана, а панъ ест великий гакъ а самъ, который хотѣлъ велии миловати ее, она са ѡтмовила ѡт него. Рекъ магуш: Господару, не вѣдаете-ль вы того, што часто са прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии ѡбереть собѣ меншую и пуцую, а могла бы ему быт два крот лѣпшала; такъ же и невѣста не всочет доброго рыцѣра або великого пана. И рек король: га сам ее досыт искал, а она са ѡтмовила ѡт мене, и дла ее глупости хочу ее уморыти и домъ ее погубити. Коли магушъ то чулъ, злак са, бо знал корола найзрадлившого чоловека, и домыслилъ са тому (стр. 44) иж король маст ехати вмѣсто Трыщана, абы мѣлъ ее по своей воли. А лепей бы паней загинути нижли тое вчинити: потомъ бы Тры-

щанъ мыслилъ королю што злого вчинити. Рек король магушу: Што мыслишь? И онъ ему споведалъ всю правду.

И коли король позналъ, што онъ свою панию зычытъ ему большъ нижели Трыщану, былъ тому велми рад: И ты ми можешъ добра много вчинити, ижъ я маю твою панию на мысли, бо коли бы ма мѣла разъ в себе, потомъ бы ма завжды рада мѣти. Рек магуш: Пане, я рад што буду могъ вчинити, але с Трыщаномъ што мыслиш? А я рекъ поити з нимъ, а если ему зольгу, эле ми са станет. — Дла того недбайничого, я хочу поехати с однимъ пахолкомъ въ зброю, а вас буду ждати пры студни куды вамъ ехати, и там хочу почостовати Трыщана, што забудетъ твоее панее милости. А коли его отбуду, тогды поеду с тобою, а ты ма поведешъ вмѣсто Трыщана, а тобѣ будетъ за то велми добро. И магуш рекъ: я рад вчинити на твою волю, але дла бога поведай ми, какъ мыслишъ отбыти Трыщана велми доброго и мощного рыцѣра. Дла бога не пускай са на такую прыгоду, бо онъ хочеть поехати в зброю. Рек король магушу: Подобно са тобѣ видить, штобы Трыщанъ мощней мене былъ? Не страши са, хочу его вчинити ганбена. И вышол король з магушомъ с коморы. И Трыщанъ его видевшы и рекъ: я готовъ ехати. Рек магуш: Нехай будетъ час. Король призвалъ одного пахолка: Наготуй ми конь и зброю ку змерканю, а не поведай никому. И вбрал са въ зброю и всѣлъ на конь и поехалъ с тымъ пахолкомъ к тому мѣсту, а пахолкъ понесъ его щытъ и сулицу. И прыехали к той водѣ; король зѣселъ с коня и рекъ: Намъ тутъ потреба ждати того, кого тутъ прохали. И спочываючы они вбачыли, ажъ едетъ Трыщанъ с однимъ пахолкомъ и з магушемъ. Король всѣлъ на конь и рекъ пахолку: Дай ми щытъ и сулицу. Рекъ пахолкъ: Што хочешъ, пане, чинити? (стр. 45) И король рекъ: Тотъ едетъ, кого я ненавижу и не могу веселъ быти покулъ не вкорочу живота его. Рекъ пахолкъ: Пане, отпусти ми, то ми са не видитъ добре, бо коли онъ есть у твоемъ дому, можешъ его у други поганъбити а вчинити на свою волю, а хитро са ему не можешъ помстити, а если ти винен, не вдавай са на такую пры-

году, на смерть або на живот. Рек король: ѡдно ты смотри. И коли былъ Трыщанъ близко, король крикнулъ: Трыщане рыцѣру, варуй са мене. Трыщан задивил са ѡ том, видел рыцѣра што его ждетъ, ѡн взалъ щыт и сулицу и вдарыли са мощно.

(Битва короля Марка съ Трыщаномъ) Король зламалъ сулицу на много штукъ, а Трыщан его вдарылъ у самыя перьсы, и палъ король на землю велми розбитъ, а Трыщан поехалъ мимо его. И коли са король виделъ збит, былъ велми смутен и волѣлъ бы собѣ смерть нижли животъ, а пахолок скочылъ с кона и рек: Господару, можеш ли жыв быти? Король рекъ: А што по моемъ животе, коли в сороме еси зостал до моее смерти и моее жалости конца не маю? Дай ми конь и поедмо до дому скромно. И куды поехал Трыщанъ? — Пахолок рекъ: Не вѣмъ, прогналъ мимо. — То еще горей, если ма будет позналъ. — Рекъ юнакъ: гакъ может познати? ты в зуполной зброи, а ночь темна. И король поехал и рекъ самъ к собѣ: Охъ мой боже, коли бы ма зброя не удеръжала, та бых былъ мертвъ. А коли видел магуш, што са учынило межы королем и Трыщаномъ, ѡнъ былъ с одное стороны весел, а з другое смутен.

И на завтрее король Марко седелъ у великомъ паладу за столом зъ своими паны и паниами и паннами, и была полъзна всакого украшениа. И прышол ѡдин рыцѣр у великий палад велми дворно и преспечно и поздоровил короля и всихъ панов и рыцѣров и мовилъ королю Марку: Дай ми ѡдин дар ствоее ласки, которого буду просити: та еси хожалый рыцѣр ѡт Округлого стола, если ми ѡтмовиш, не будешъ мѣти доброе славы. И король ему ѡбецал и спытал его: гакъ тобѣ има? А ѡн рекъ: Има ест ми Блерьж, кривный еси короля (стр. 46) Бана изъ Банана, а по рыцѣрству ма многие знают, бо еси поставленъ недавно рыцѣромъ. Ты-с ми ѡбецал дар, которого в тебе буду просити. Король рек: ібецалъ еси, - хотя ми и много шкоды будет. ін рекъ: Ты-с ми дал панию албо панну, которую та усхочу. Рек король: То ест велика реч, але инакъ не може быти. інъ ему еще подаковалъ и прыступил гдѣ седѣлъ рыцѣр Сегурадеж,

а з нимъ седѣла его пани, и поклонил са и взалъ ее за руку и поставил передъ собою, и рек Сегурадижу: Рыцѣру, ты тое панее не маешъ, если ее мечом не добудешъ. Сегурадеж скочыи и рек: Блерыже, если ее мечом не добудеш, не будешъ ее мѣти. И вбралъ са въ зброю и всѣлъ на конь и поехал зъ ним и догонил его, и почал кликати: Блерыжу, варуи са мене, або ѡтдай тую панню.

(Битва Сегурадежа зъ Блерыжомъ) И вдарыл ѡдин ѡдного такъ сильно, сулицы поламали. Сегурадежъ палъ на землю ранен у ребра и забилъ са велми, што былъ чоловѣкъ велми тажок, а Блерыж поехал с панею, а ѡна велми плакала по своем пану.

И седѣлъ король Марко перед своим шатром в холоде из своим паны, и проехали два еждчалые рыцѣры. Король рек: Радъ бых абы ми поведали ѡ короли Артиушу и ѡ рыцѣры, которыи добыи Болачую стражу. И рекъ Аудрет, племенник корола Марка а Трыщану зъ другое сестры братъ, котораа была дана ув-Орѣлендѣю первое дани Амурату королю: ѡн былъ недавно поставленъ рыцѣром. Ѡнъ завиделъ Трыщану за его доброту, рек королю: Если велишъ, поеду а и прыведу их к тобѣ, нехан говорят с тобою. И король рекъ: Поедъ же борздѣи, роспыталъ бы их ѡ тамошнихъ справах. Ѡнъ поехал без зброи. А в тотъ часъ прыехала ѡдна девка передъ корола и почала смотрѣти по людех, не рекшы ничего а ни поздоровившы корола. Почали рыцѣры усмехати са и погледали ѡдинъ на другого ѡ ее глупости. Король рекъ: Дѣвко, досыт еси смотрѣла на нас и не мовившы ничего; што са тебе ѡ насъ видить?

(стр. 47) И ѡна рекла: Пане, ничего ми са злого не видѣт, леч добре, рада бых видела ѡдного рыцѣра. Рек король: гакъ ему има? Ѡна рекла: Трыщанъ. И король позвати его велелъ, а ѡн в шахы игралъ. И коли ѡн прышол, и дѣвка почала говорити: Трыщане, злыи и худыи рыцѣру и страшливыи пуцейи всихъ, што носиш зброю, а не бачышъ своее негодности, и дивлю са гакъ смеешъ ѡбцовати з людьми добрыми, бо еси не годеи з рыцѣры

шбѣцовати, и коли бы та они знали такого костью, они бы са тобою соромели, бо они тобою зганбени. А то тобѣ говору перед королемъ Маркомъ и перед добрыми людьми, а они нехаи знают твою негодност, а рекла ти есми на што-м была прышла. Трыщан сталъ гакъ забылъ са и не вѣдал што отказать. Корол рекъ: Дѣвка, прошу та, поведи ми, гдѣ так Трыщан проступилъ? Она рекла: Не хочу, штобы са он повышыл. И то рекшы поехала съ них проч. А Трыщан мыслилъ не малыи часть соромеючы са ш тыхъ речахъ, и шол до господы велми сердить и почал вбирати са в зброю велми борздо. И прышол Говорнаръ и пытал его: Чому са убираш? И онъ ему все по раду поведи, што ему дѣвка говорила перед многими добрыми людьми: Хочу са доведати за што ма так соромотила и которага то моя негодност, а зброю беру не для дѣвки, але чоловікъ не вѣдаеть, што са ему гдѣ прыгодит. Рек Говорнаръ: Хотѣлъ быхъ и га ехати с тобою; а Трыщанъ рекъ: Можешъ. И поехали борздо за девокою, и коли былъ на поли, стретилъ их Аудретъ едучы от тых рыцѣров. Он ихъ был догони и поздоровил: Панове, откуль едете? Они рекли: От корола Артиуша двора, ездимо ищучы розличныхъ прыгод гак-ж еждчалые рыцѣры. И онъ рекъ: Вѣдаете-ль што тут есть король Марко, а мене послалъ ажъ бы есте ехали до него для вашего почестности? Они поведили: Ради быхмо вчинили на его волю, але маем иншыые потреби и просим та, вымов насъ от того гакъ надворней вѣдаешъ. Рекъ Аудрет: Не вчините-ль того, то государу королю ганьбу (стр. 48) вчините, гак бысте его ни за што не мѣли, а за то бы вам много злого прыити могло. Они рекли: То ничого што ты говориш, а там мы не едемъ. Рек Аудрет: га васъ хочу повести без вашего фалы, коли не хочете поехать. И вхвати шдного за узду, которому было има Согреморъ, што он, бачечы иж он так афалыи, хоче его силою повести, росмегл са и рек: Рыцѣру, не видишь ми са мудръ, што ма хочешъ силою повести. Онъ рекъ: Понехаи узрышь. Согремор добылъ меча и вдарылъ его плазом по голове такъ мощно, ижъ он палъ на землю и памети

отбыл, а кров текла з уст. И коли са распаметовалъ, вѣстал велики смутно и ледве всѣлъ на конь, а мало отъехавшы стрѣтил Трыщана. И кгда Трыщан видел Аудрета кривава, было ему велики жалъ, иж его миловалъ большеи нижи Аудрет его, и рекъ: Кто та такъ поразилъ? И онъ ему споведалъ всю правду. Рекъ Говорнаръ: И ты не велики вежливъ, што хочеш силою двухъ рыцѣров повести. Трыщан рекъ: Твоее ганьбы мнѣ велики жалъ, што буду мог хочу са мстити; поведати ми, куды поехали.—Онъ рекъ: И та са верну с тобою. Коли Говорнаръ то чулъ, рекъ Трыщану: А и ты такии мудрецъ, што хочеш з двема рыцѣры бити са, которые з лондрешьского королевства? Внимаш, што они так корновальские рыцѣры? Прошу та, тому дай покои, то суть выбранные рыцѣры и великое доброты, по чужым землям ищут своего дѣла гдѣколвекъ чуютъ рыцѣровъ. Дла бога не пускаи са на тое мѣщене. Рек Трыщанъ: Мистре, если сут они выбранные, то лѣпей, иж не будутъ оба вмѣстѣ бити са дла сорому, а по одному; если бог похочет, не надеваю са дойти сорому. Рекъ Говорнаръ: так твои вола. И догони ихъ Трыщанъ и закликал: Рыцѣры, варуйте са мене. И они стояли. Согремор рекъ: Хотѣлъ быхъ его прынати, а Дондиэль рекъ: Нехай его та прыиму.

(Битва Трыщанова зъ Дондиэлемъ) И обернули са к собѣ, и вдарыль одинъ другого так мощно, иж Дондиэль с конем палъ на землю, и от того падени забил са велики. И виделъ Согремор Дондиэля збита и рекъ: Ты будешъ (стр. 49) тепер же за него помщон коли та буду мог.

(Битва Трыщанова зъ Согреморемъ) И справил са къ Трыщану, што конь може скочыти. Трыщанъ его вдарыль, и онъ палъ с конемъ на землю, и ранилъ его в левый бокъ. И коли Трыщанъ оба рыцѣры збилъ, рекъ Аудрету: Ты вже помщон и можешъ ехати до корола и мов: Тые рыцѣры не хотѣли са вернути, але онъ нашой кольбе неповедати, бо ти не потреба. Онъ рекъ: Нехай такъ какъ ты велиш. И дивилъ са Аудрет Трыщану, што мужовалъ противъ двухъ рыцѣровъ, бо онъ

не надевалъ са, абы Трыщан таковыи рыцэр былъ. И Согремор видел себе збита, рек Трыщану: Прошу та дла бога, поведан ми, ис которое еси земли? Онъ рекъ: С Корновали. И рекъ Согремор: Не могу верыти. Рекъ Трыщанъ: И ты ми не вѣрь, але есть такъ гакъ ти поведилъ. Коли Согремор то чулъ, он почалъ велми тужыти и плакати; Трыщан его спытал: Чому такъ тужыш? Онъ рекъ: га не жалую, што есми збитъ, нижли жалую, што ма збилъ одинъ рыцэр с Корновали, гдѣ николи не было доброго рыцэра. Дла того га шбецую са богу дотуль не носити оружья, докуль не вижу другихъ рыцэровъ шсоромочныхъ шт Круглого стола шт худыхъ рыцэровъ с Корновали. И шткинул шт себе щыт и сулицу и всю зброю свою и почалъ плакати велми жалостно ш прыгоде и ш соромоте своети. Трыщан са тому дивовал и рекъ: Дла чого ты не хочеш носити оружа, што есми вас збил? Онъ рек: Повѣм ти дла чого: если быхъ га прыехал, а того бы са в насъ довели, што есми збит шт шдного посполитого рыцэра ис Корновали, шни бы ма шсудили што есми негоденъ носити оружа, бо в Корновали сут навбожшыи рыцэры. Дла того его волю сам покинути а сам са шсудити, нижли бы ма шсудили. И тому са дивил Трыщан; велми большеи бы з нимъ говорыл, да поспешал са за дѣвкою велми, а вечер са прыближал. И шоставилъ ихъ и поехал за дѣвкою велми борздо, и стрѣтилъ шдного хлопа и рекъ: Видел-ли еси шдну дѣвку едучы на инаходнику? Не вѣм, маеть ли дружыну або не маеть, але га ее шдну видел у дворе. И онъ рекъ: Видел есми ее едучы с однимъ рыцэромъ (стр. 50) а пахолком, а с нимъ ест пани великое доброты и велми красна. Слышалъ то Трыщан, был велми весолъ и рек: То ест шнаа пани, котораи поведена з двора королевского, тепер хочу мѣти чого ждаю. И поехал за нимъ угонати тую панню и Блерыжа, котории ее велъ, увиделъ ихъ близко шдного города входечы у ворта. И видечы то Трыщан, што их не може догонити перед городомъ, а шни тую ночь мають ночовати в томъ городе, рекъ Говорнару: Мистре, што есмо хотели, то есмо нашли, шную девку,

котораа ми псовала, и ѡную панию и того рыцэра, который ее ведеть, для которе мене мои дада ненавидит. Але поч насъ споткала, и коли бых ихъ на поли застал, або было ему тую панию пустити, або бых са бил з ним поки быхъ не мог ударыти мечом; а тепер не вѣм што быхмо учинили. Рек Говорнаръ: Чы хочешъ ты бити са с тым рыцэромъ? Прысегам богу, если са хочешъ бити с каждымъ рыцэромъ, которые прыеждчают у Корновалою, много хочешъ тажкости мѣти, а ты вѣдаешъ иж тот рыцэр тобѣ не вилен, ты са з ним бити не можешъ коли ѡн не всочет. И рек Трыщан: Мистре, и велии могу, бо-сь ты много кротъ слышал ѡ тых рыцэрах, што в них такии обычаи, иж ѡдин другою может битвою зачепити, а ѡни ему не мають за соромъ; то ѡни нарадили чту, сут еждчалые и выбраные рыцэры таковое доброты, такъ са кошгуют со всакими рыцэрами, абы была знакомиа их добротъ; для того могу мѣти с ним битву и могу быти почтены. Мистре, коли га са не буду бити з добрыми рыцэры, га не буду такъ знакомит ижъ есми добръ, и если ми са в том противиш, то знаю иж ма не любиш. Говорнар то чувшы и рекъ: Коли са хочешъ бити з Блерижком, га га не внимаю, але прошу га, буд дворен. Рек Трыщан: Добре мовиш. И ѡную поч стогал ѡн на мѣсте в одное старое вдовицы земанки, гага мѣла ѡдного сына молода и храбра; ѡнъ почаль нильно смотрѣти на Трыщана того вечора: Пане, не жалуй што ти хочу речы. Рек Трыщан: Мовъ што хочеш. ѡнъ рекъ: Ёсли-сь былъ ув-Орленгдѣи? Рек Трыщан: Для чого ма пытаешъ? И ѡн рек: Видиш ми са тот рыцэр, который добыл двух турнаев ув-Орленгдѣи, которому рыцэрству вса ѡнага земля дивовавала са. Рекъ Трыщан: Брате, много ест людей што ѡдин другому подобен, и га бых рад абых такъ (стр. 51) добръ был. И назавтреи Трыщан слухал мѣшы и потом убрал са у зброю и поехал за рыцэромъ и догонил его на поли и закликал: Рыцэру, варуй са мене. Блериж са ѡбернулъ и взял щыт и сулицу, тые ѡба были великое доброты.

(Битва Трыщанова зъ Блерыжемъ) И скочыи один к другому вказати свое рыцарство, и вдарыи са так мощно иж оба с коньми пали на землю, и почали са мечы рубати по гелмах, и видели иж оба не звышать один над другимъ, какъ два львы по полю говаючи са, и в малои филе оба ранили са и оббили на собѣ зброи от мощныхъ вдаровъ, и обадва внимали иж один от другого приметъ ганбу албо смерть, и обама было потреба шпочынути. Блерыж отступил и положи шчыт и мѣчь абы отпочынулъ, почаль дивити са и рекъ: Не ест иншыи, леч Аньцалот з Локве; а Трыщан также шпочивал. Блерыж рек: Рыцэру, я знаю што ты первый от добрыхъ рыцэров, прошу та, поведати ми има свое. Не говору ти для того, абых ти што напред дал, леч абых вѣдалъ кого есми добылъ, або хто мене добылъ. И Трыщанъ рек: Коли жодаеш вѣдати има мое, я есми Трыщан изъ Елишвоса, сынъ корола Мелиадуша. Коли Блерыж то чулъ, рекъ: Во има боже я с тобою бити са не хочу, бо есми слышалъ ш тобѣ много добра, але я са тобѣ даю: мѣя тую битву за добытую. И подал ему меч. Рек Трыщан: Ш пане, того почстени не заслужыгъ я а ни естъ есми годен, бо также и мѣ ест потреба шпочынути, а коли хочеш шоставити битву, я рад, але маеш штдати тую панию, бо ни для чога иного не ехалъ если шдно для нее. И рек Блерыж: Пане, не могу того вчинити иж ты вѣдаеш, ижъ я ее добыл есми сулицою; але если всхочеш, вчинимо так: даймо на ее волю, с ким она полюбит поити, нехай того она будет. Рек Трыщан: Добре. И поставили панию межы собою и рекли ей: Тага битва тебѣ дѣла, злюби кого хочеш, нехай перестанет битва. Она им подаковала и рекла такъ: Трыщане, велии есми тебе рада видела (стр. 52) и миловала, але коли-с так лихия што ма еси допустил шдному рыцэру чужому повести з двора твоего дадка, для того николи тебе не буду миловати. И шбернувши са пошла к Блерыжу. Коли Трыщан тое виделъ, был велии смутен, если бы его збито, не былъ бы так смутенъ, иж он миловалъ тую панию со всего сердца, и от великое жа-

лости не мог ни слова промовити. И пошолъ до кона и прыехал у двор корола Марка.

Король Марко былъ слышалъ ѡт Аудрета какъ Трыщанъ збилъ тыхъ двухъ рыцаревъ, и король мѣлъ великъ страхъ ижъ Трыщанъ приидеть на великую доброту и ѡблакомившы сѧ абы ему не взалъ земли. И рекъ Трыщану въ слышане всехъ людей: Милыи мой сестренче, та много слышалъ ѡ тобѣ чому та могу вѣрыти; дла того, абыхъ ѡ томъ не мыслил, прошу та абыс ми присагнулъ, што ми споведаешъ и не затаишь ѡ чомъ та буду пыгати, а тобѣ с того сорому не будет. Трыщанъ не хотѣлъ зневѣрыти сѧ дадку, и Говорнаръ ему мовилъ абы ему што мога ужожалъ во всем. И рекъ: Пане, готовъ есми поведати все в чомъ ми ганбы не будет. И рекъ король: Присагни-жъ ми. Трыщанъ присагнулъ, и король рекъ: Прошу та, споведай ми все по раду рыцарство твое, што ти сѧ пригодило ѡт того часу, какъ есми тебе пасалъ на рыцарство. Рекъ Трыщанъ: Што есть вола твоя, а мнѣ того не трудно. И почалъ ему поведати по раду и прышолъ к тому, што былъ вчинилъ ув-Орленъдѧи, и тут его слухали з великимъ дивомъ и стогаи вси гакъ забывъ сѧ, и споведалъ имъ до Блерыжа. И король и Аудретъ были велми смутны, а иные вси веселы, и рекъ Трыщанъ: Пане, большеи того есми ничего не вчинилъ, але, пане, забудьте тогъ, та то мамъ ни за што. И король рекъ: Не хотѣлъ быхъ забыти жаднымъ ѡбычаемъ, а коли тобѣ Богъ даст, можешъ быти большыи рыцаръ на свѣте, и ѡт сее фили вжо есми в доброй надѣи и лепей веселъ ни жили перво. А панове рекли: Теперъ Корновалъ не бои сѧ докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ. И еще король рекъ (стр. 53): Боже ему дай здорове; а не ѡбавилъ король никому своее мысли, што былъ велми смутенъ, и почалъ бояти сѧ Трыщана, и не было на свѣте рѣчы, которую бы волѣлъ, только уморыти Трыщана нѣкакъ хитро, штобы сѧ не довѣдали. И почалъ мыслити гакъ бы могло быти: бо ему не могу во всемъ угодити, а если хиблю, то есми загиб, а коли бы его не было на свѣте, та быхъ николи никого не боалъ сѧ.

И будучы ѡнъ в той печали прышла ему на умъ ѡдна реч, ѡт чого бы могъ веселъ быти и збыти Трыщана.

Одного дня было неколко з нимъ дворан и мовили ему: Милостивыи королю, немудре чынишь иж жоны не маєш. И Трыщан рек: Пане, велии слушне штобы са ты оженил, и вса бы Корновала большеи была бы важона ѡт ѡколичныхъ сусѣдъ. И король рекъ: Сестренчэ мой, коли ты въсхочеш, ја буду собѣ мѣти жону, а иныи мене не может оженити, ѡдно ты, и на тобѣ то залежит: если въсхочеш, ты можеш найти мнѣ красную жону и добрую јакую бых ја хотѣлъ. Рек Трыщан: Если то на мене залежыт, будеш ю мѣти, хотя ми на то горло втратити. И простер руку противъ ѡдное цѣрки, которую близко видель, и рек: Такъ ми бог помози и его моц, ја хочу вчынити мою моц. Король рек: Уже јако бых ю мѣлъ в мене, ја тобѣ повѣмъ тую, которую бых мѣти хотѣлъ. Ты вѣдаешъ, што ми еси поведалъ ѡдну панну и фалилъ еси ее, што-ж ее красе нѣт ровни на свѣте — таа ми нехай будет жона, а иная жадная не будет, а то ест королевна орленгдэйская красная Ижота. И не мешкаи, прынеси ми ю, а ѡзми што тобѣ будет потреба, јакъ дворан много и всего што вам надобеть. Коли Трыщан тое слышал, позналъ што его дадко ненавидитъ и шлет его на смерть ув-Орленгдэю. И ачъколвѣк ма быти зъ его недобрымъ, ѡднако-жъ на то призволилъ, јако са ему ѡбецалъ. И рек король: Милыи мои сестренчэ, ѡбецаи ми са пополнити с правого сердца. И рекъ Трыщанъ: Пане, хотя ми умерети (стр. 54), а ты ее будеш мѣти. И король ему подаковал и рек: Будьте готовы и справте са порадне, јакъ бы есте тую реч повели почестне; але мое серцэ не ѡтпочинеть докуль са ты не вернешъ а Ижота будеть у моемъ дому. И Трыщан рад бы са былъ ѡтмовилъ ѡт тое дороги, иж знал што его шлет тамъ, гдѣ ему нагоршыи неприатели дла Амурата, и кагалъ са ѡ том, але ѡднак са не ѡтмовилъ. И выбрал сорок панать молодых абы ехали с ним, ѡни были велии смутны, бо не надевали са такъ мѣти ганбу јако в наибольшыхъ неприателехъ, але хотя не хотели, мусели са направлати на дорогу. Судно было готово и ѡни были готовы, Говорнаръ плакалъ велии и рек Трыщану: Можеш

познати якъ тебе твои дадко ненавидить, а то онъ вымыслилъ
 большеи для твоеи смерти ниж для Ижоты. Рекъ Трыщан:
 Мистре, не бои са, хотя онъ мыслитъ зло, а коли га ему вгожу в
 томъ и в другомъ, мусить ми добро мыслити и чынити. Рекъ
 Говорнаръ: Боже ти дай добро. Панъ Трыщан отправилъ са
 у судне на море изъ своею дружиною велми достаточне и бо-
 гато. И коли ехали, была межы ними игра и куншты якъ то
 межы рыцеры и молодыми людьми, а коли успоменули куды идутъ,
 тогды не вмѣли што речы, але Трыщан ихъ тѣшылъ и клалъ
 то у смѣхъ, и они са тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцѣр-
 ство и говорыли: Мы съ Трыщаномъ не примемъ лиха. И былъ
 имъ супротивный вѣтръ, и морнары лажли са и змогали са много
 и не могли ити, а пустили судно куды вѣтръ понесеть, и почали
 Бога просити: Боже, змилиу са и збавъ насъ отъ смерти. Тривала
 тамъ година день и ноч, а на завтреи вѣтръ пересталъ и море
 утихло, и они нашли са близко одного мѣста, которое звано До-
 молот, столичное мѣсто Артиуша корола, бо было роскошно и
 богато над вси городы выбрано, а было пры моры. И коли са
 тут познали, не было тутъ короля Артиуша, поехалъ былъ у
 Каръдуель з невеликою дружиною. И спыталъ Трыщанъ морна-
 ровъ (стр. 55): Гдѣ есмо? И они рекли: Мы есмо у великой земли.
 Рекъ Трыщан: Вже не боимо са и вздаимо фалу богу, што есмо
 на край, и узмемъ себе тутъ покой и вчастность, фалечы Бога,
 што насъ здоровыхъ принесъ на край. И такъ вчынили, рос-
 пали шестъ шатровъ великихъ и вынесли щыты и зброи и вывели
 кони и стоали на томъ местцу в-ыгре и у веселью. И в тотъ часъ
 выехали два рыцѣры еждчалыхъ, которые были знали са на до-
 розе не знаючы одниъ другого, а з ними по пахолку, а имена
 одному Ищор, братъ Анчалотов, а другому Марганоръ; Ищоръ
 былъ поставленъ недавно рыцѣромъ якобы чотыри недели, але
 не мешкалъ у дворе ни тыдна, поехалъ фортуны искати, и стало са
 ему много добра иж онъ былъ отъ добрыхъ кольцовъ и велми вы-
 сокаго сердца. А Марганоръ былъ старшымъ лѣтъ а николи не
 былъ збитъ, але не былъ такого сердца якъ Ищоръ.

Коли они приехали ближе къ шатром и увидели щыты и гельмы, и рекли: То сут еждчалые рыцэры, стоиат в холоде, а щыты покляли обычаемъ лонгдрешскимъ, которые кольвек едут мимо абы са з ними коштовали. И хто бы их минулъ не покусившы са, то бы ему соромъ. Рекъ Марганор: Мы маем кольбу, а тые нас ждут або иных, але если са не будем с ними колоти, то есмо в сороме. И рек Ицор: Ну-жъ во имя боже! И направили са якъ потреба. А с Трыщаномъ был один рыцэр, што ведал обычаи тотъ, бо ездилъ по корола Артиуша земли, рекъ: Трыщан, видиш тые два рыцэры готують са якъ кольбе, што не могут пройти не бившы са, видечы наши щыты перед шатры. Рекъ Трыщан: Так ли ест обычаи ихъ? Он рекъ: Так. Рекъ Трыщанъ: Благословени тые, которые тотъ обычаи постановили! И мы того не шпускаймо, дайте ми зброю. И рекли другие: Чому? Рек Трыщанъ: Видите-ль тыхъ двухъ рыцэров, што хочут бити са з нами? И они рекли: А коли мы не хотимъ? Рекъ Трыщанъ: Коли мы са маемъ бога (стр. 56) тыхъ двухъ рыцэров, тогда не шземъ Ижоты из Орлендэи, где иначе ее не добудем.

(Битва Трыщанова з Марганоромъ) И коли былъ шправленъ, всѣлъ на конь и штехал мало шт шатров. Рек Марганоръ: Рыцэр естъ готов, если хочеш едьмо к нему. Ицоръ, будучы молодшым, не хотѣлъ перед ним попередити, и онъ ехалъ и вдарыл Трыщана в щыт велими мощно. Сулица пошла ему на трѣски, а Трыщан са ни мало не рушыл и вдарыл Марганора велими мощно, и он палъ на одну сторону, а конь на другую, нижи не раненъ, и велими са збил шт паденыа.

(Битва Трыщанова зъ Ицоромъ) Трыщанъ збил одного и ехалъ къ другому, и Ицоръ къ нему и вдарылъ Трыщана, аж са ему сулица на трески спадала. А шт того вдару пробилъ ему щыгъ и зброю и ранилъ его в лѣвыи бокъ немного, а Трыщан его вдарылъ так мощно, аж Ицор на землю пал, и видечы са сколотъ, скочылъ и взял мечъ и рекъ: Рыцэру, почстил са еси сулицою, би са еще мечом доколе добудеть один другого. Рек Трыщан: я того не хочу, иж ми ни ш што не идетъ, а кололи са

есмо для обычаю, а бити са не хочу. Рекъ Гящор: Побиймо са немного. Трыщан рекъ: Не хочу. Гящоръ былъ велии смутен, рекъ: Так ти богъ помози, хто еси, што такъ боишь са мечного удару? Рекъ Трыщанъ: ꙗ есми с Корновали. Гящоръ рекъ: Чы властныи еси рыцарь корола Марка? Рекъ Трыщанъ: Естѣм и вси тые, которыхъ бачышь. Гящор рекъ: Въ злыи час вы пришли есте в сюю землю, коли ꙗ зганбенъ. Рекъ Трыщанъ: Для чого? Он рекъ: Хтоколькокъ почует, што ꙗ збоденъ ѡт тебе, каждыи ма будет мѣти за худого рыцара, и негоден есми ѡружа носити. И ѡткнулъ ѡт себе щытъ и мечъ и почалъ плакати и клести себе. Рекъ Трыщан: Што то чыниш, прощу тебе? Гящор рекъ: Не хочу того носити ѡружа, а ни ехати на том кони, на которомъ есми таковую ганбу прынал ѡт ѡдного рыцара, бы ми пѣшу пойти. (стр. 57) И пустиа кона у поле. И тому са Трыщан насмеалъ и рекъ: Рыцару, сором мнѣ естъ пустити та пѣша, коли не хочеш того кона и зброи, ѡзми мою зброю и конь. Рекъ Гящор: Не дай того богъ, то бых еще горей зганбен, бых са ѡболокъ въ зброю корновальскую. И пошолъ пешъ, ѡставилъ того кона и зброю на поли, а с ним поехал Марганор велии жалостен. Трыщан вернулъ са до дружыны и поведал имъ Гящоровы речы и почали дивити са. И на завтреи стоечы ѡни там, узрели судно велико идеть к нимъ до прыстанища. Ѳни прыстали, а в томъ судне былъ самъ король Ленвизъ ѡрлендѣиский. И прыстали ѡдален судна из стрельбищъ и вышли на край, и поставили шатерь, вывели кони, и король усѣлъ на конь и поехал къ Трыщановым шатром. И коли бых у шатров, спытал: Ѳткуль ест там дружына? Ѳни рекли: Ис Корновали. Рекъ король: Которама потреба вас сюда загнала? Ѳни рекли: Зла година. Король спыталъ: Естъ ли тут Трыщанъ? Ѳни рекли: Ест, ѡно ѡтпочываеть у шатре. Але вы ѡткула, што пытаете Трыщана? Король рекъ: ꙗ есми ѡдин рыцарь из Ѳрлендѣи, велии есми ест радъ видети. Надевамъ са иж ѡн будет рад видети са со мною. И ѡни рекли: какъ тебе естъ има, быхъмо ему умѣли поведати? Он рекъ: Има мое ест Ленвизъ, поведайте ему. Коли чул Тры-

щан менуючы Ленвиза, шнѣ спочыл и рек: Где есть? Они рекли: Тамъ та ждеть. Онѣ пошолъ боръздо и видель корола перед шатромъ и бѣгъ к нему велми весело, и шблapiли са велми мило и пытали са, какъ са кому прыгодяло шт того часу коли са разлучыли. Рекъ король: Велми есми весел, што есми тебе нашолъ. Рекъ Трыщан: Пане, а такаа мене ест тобѣ потреба? а есми много мѣлъ почесности у твоємъ дворѣ, а то недавно избавил ма еси смерти, а та тобѣ шбецалъ што нетъ рѣчы на свѣте, чога бых дла тебе не вчынилъ, шдно бы без моее ганбы. Рек король: Велика ласка, повѣм ти, дла чога есми прыехалъ тутъ у кролевство лондрешское. Были ув-Орлендѣя после тебе частые турнаи, (стр. 58) на которыхъ прыездчали много добрыхъ рыцѣров из Лондреша, из Галиуша и шт иныхъ сторонъ, и было неколико турнаевъ под шнымъ городомъ, где ты збилъ Паламидежа. И прыехали чотыри рыцѣры уроженые а кривные короля Бана баноцкого, и тые добыли тотъ турнай, и просилъ есми ихъ абы стояли у моемъ дому, и они прыехали, и иныхъ досыт у тот город, у которомъ ты стоял. Будучы они тамъ, нашло са по грехом, чога-ж та не свѣдомъ, иж шдинъ з нихъ убить у моемъ дому, чога затаить не могу. Але то богъ вѣ, ижъ есми в томъ невинен. И жаловалъ есми того велми, такъ ми бог помози, волеъ бых утратити шдин добрый замок, нишли бы са тое злое у моемъ дому стало. И видевшы то тые тры рыцѣры, которые были з нимъ, гневали са на мене да не могли ми ничего учынити у моемъ дому, и шдинъ з нихъ, именемъ Бланор, рекъ: Королю Ленвизе, мы есмо прыехали у твой домъ званые ико къ прынатею, а ты намъ учынилъ ижъ неприятель, забил еси нашего брата у своемъ дому шрадне. Тутъ с тобою не можемъ ничего почати, але са расправиш со мною на дворе корола Артиуша битвою. И то рекшы поехал, также и другие рыцѣры, которые тамъ были, говорыли, бо всимъ того было жалъ. И недавно ми прынесли листы шт корола Артиуша, позываючы мене и даючы рок, абыхъ сталъ передъ ними бити са и штвести са неправде, которую Бланор на мене положыл дла смерти своего

кревного. А дает ми вѣдати, если бых не стал, то мам згинутн
 ѣко зрадца; на которыи позовъ мушу стати, бо ест король Ар-
 тнушь так силенъ, иж может ма згубити, а во всех моих
 людех нѣтъ чоловѣка, которыи бы могъ бити са зъ Бланоромъ,
 а ни са сам таков чую, бых са могъ ѡт его потвары ѡтвести,
 иж ѡдин ѡнъ ѡт добрых рыцѣров, которые слывут по свѣту.
 Дла того есми у великой печали и не вѣмъ, што бых учинилъ.
 Але за мою доброт, которую еси мѣлъ у моемъ дому, смѣю та
 просити, абы еси за мене з Бланоромъ билъ са, и надѣю са
 на твою ласку. (стр. 59) Коли Трыщан то выслушал, был велики
 весел и рек самъ к собѣ: Уже-жъ буду мѣти Ижоту, по што
 есми прышол; и ѡтказалъ ему: Пане, ты дла мене много
 чынилъ, а я готов дла тебе чынити. Але умовмо са: Коли
 даст богъ тое справлю, даи ми ѡдинъ дар, которого буду у
 тебе просити. Король ему велики радъ ѡбецалъ, и Говорнар и
 вси панове корновальские и ѡрлендѣнские почали мовити, абы
 чули ѡбе стороне, которые тутъ стоали: Трыщан естъ готов
 бити са з Бланором за правду. А король ему ѡбецал дар, ко-
 торого будет Трыщанъ просити, коли тую реч сполнитъ. И
 рекли: Такъ ли естъ? Рек король: Такъ; и Трыщанъ: Такъ
 естъ. И тут ударили у бубны и у трубы трубити с обу сто-
 рон, и было великое веселье, ижъ ѡрлендѣне знали Трыщана
 велики доброго рыцѣра и рекли: Уже-жъ Бланор збитъ коли на
 тую потребу знашли Трыщана. А корновалене мовили: А мы
 маемъ то, што хочемъ. Трыщан рекъ тым и другимъ: Если
 ма милуете, не поведайте ма а ни ѡткуль есми я, а ни ѡ том,
 што мам тую битву прынати. ѡни рекли: Пане, будь на твою
 волю. И злучили ѡа вмѣсто ѡрлендѣне с корновалены. И пры
 том весельи прыехала у шатер ѡдна дѣвка носечы ѡдин щыт
 хорошыи, а был без иног белега, не так, такъ иные щыты:
 на нем была написана ѡдна пани, и ѡдин рыцѣр цаловал панию,
 а щытъ был росъщеплен по середине, и не могли его никакъ стис-
 нути, а ѡн щыт росщеплен былъ межы усты витезевыми и па-
 нее. Трыщанъ и иные почали дивити са и пытати дѣвки: ѡт-

куль еси ты? И она рекла: Я есмь гост с чужого панства, а послана есмь от одное паней до другое болшее. Рек Трыщан: Прошу поведати ми, если рачышь, чому тотъ щыт рощепил са? Чы может са стиснути которымъ обычаемъ? Рекла дѣвка: А хто еси што ма пытаешъ? Рек Трыщанъ (стр. 60): Я есмь гост с чужое стороны. Рекла дѣвка: Если хочеш нешто ведати от мене, поведати ми има свое. Он рекъ: Има ми есть Трыщан, сестренец корола Марка корновалского. Она рекла: Пани, слышала есмь много доброго о тобѣ от многихъ людей, для того ти повѣмъ. У сей земли один витезь такъ великий, иж надъ него ни близко ни далеко нѣтъ, а милует одну панию велими высоко у сей земли, так ю впрѣиме милуетъ, лепѣи нижли сам себе, а пани его также, але еще са не познали телесне, одно са цаловали. Из оное милости тотъ щыт учыненъ ест, такъ его видиш, и не может са жаднымъ обычаемъ зъстунити, докул са они звучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогда са тотъ щытъ зъступит. Рек Трыщанъ: Поведати ми, дѣвко, има того рыцѣра. Она рекла: Того ти не повѣмъ ни якожѣ. Рекъ Трыщан: Дѣвко, ест-ли корол Артиушь у Дамолоте? Она рекла: Неть, але есть у Кардуела, а оставил корола Кардоса и корола из [С]гоцѣи смотрети тое битвы, котораа мает бити королю шрлендѣйскому з Бланором. У дворе тепер много добрыхъ рыцѣров племени корола Бана баноцкого, которые прыехали для тое битвы. Трыщан рекъ: Яков тотъ витезь с ким са королю бити? Рекла дѣвка: Велими витежства доброго. За тым девка поехала до Кардуела, бо там надевала са знати кого искала; а таа дѣвка была одное паней з Локве, котораа была великаа зеленница, чаровница болшей нижли иные вѣдьмы, а того была навчыла са от Мерлина пророка, который много знал о приудучыхъ речях, але са в томъ не вмѣлъ мудро захвати, абы его не вморыла таа, которую миловалъ зо всего сердца, и звѣрылъ са ей всего, а она его вморыла руками его живот, затворыла у гробе подъ землею, зачаровавши такъ, иж онъ не был (стр. 61) собою волен. А от того велико са зло стало, што такаа мудрост

пала перед ѡную жону. И таа пани з Локве, ѡ которой вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы, которые были межы королевою Белливерою и Андалотом, ѡна хотѣла ведати ихъ справу, для того послала королевою тую дѣвку и щыт и норучыла ей такне рѣчы, абы королеваа знала, што тотъ щыт, и гледѣла на него и дѣвку тѣ-ж задержала в себе, поки са тут злучытъ з Ондалотомъ, хочечы видети, чѣи ступит са тогды щытъ вмѣсто. То ѡставмо. А Ондалот в тотъ часъ былъ в прынчыпа Галиста, который велии миловал Андалота, волѣлъ бы вмерети, нижли бы не мѣти его въ товаришстве. А если бы Андалот вмер, ѡнъ и вси рыпѣры силно бы его жаловали, бо не было так силное руки и так высококого сердца.

Трыщан ѡпат пошол до корола и поведал ему все, што чул ѡт девки, и ѡ Бланоре, якъ прыехал у дворъ корола Артиушов, и якъ король Артиушъ ѡставилъ два короли смотрети бытвы. Треба се вам поспешыти, рек король: так намъ бог помози и дай почстене, якъ есми правъ. Говоречы ѡни такъ, аж ѡпатъ едетъ девка плачучы; Трыщан сталъ якъ забыв са и ѡставил корола и шолъ борздо къ девцѣ и рекъ: Што са тебе стало? Она рекла: Пане, щытъ, который есми носила, ѡтналъ ми его ѡдин витезъ; га есми загибла и не вѣм, што чынити, и мало ма не вбилъ, што есми не хотѣла щыта дати. Тепер са не смѣю вернути ни на перед поити куды-мъ шла. Трыщан был злое воли и рекъ: Щытъ може быти у тебе; поведай ми, куды поехал? Она рекла: Простую дорогою. И Трыщан са убралъ у зброю борздо и поехал за нимъ, а с нимъ ѡдин пахолокъ, и борздо его догонилъ. И с тымъ витезем были два пахолъки; коли его видел Трыщанъ, кликнулъ витезю: Верни щытъ девцѣ (стр. 62), або са варуй мене.

(Битва Трыщанова зъ Бреусом) И ѡн забол к нему и вдарыл его всею моцю и зломалъ сулицу, а Трыщан его вдарылъ, аж сулица прошла плечо правое, а ѡн пал на землю. А коли Трыщанъ выналъ сулицу, и ѡнъ сомлѣлъ ѡт болести; Трыщанъ, хочечы вѣдати хто ест ѡн, зъселъ с коня и сналъ ему гелмъ з голы и рекъ ему: Ты еси мертвъ, если са не ѡбедаеш, што ти

вело! И он видел голову свою голу и мѣлъ страх смертныи и выналь меч свои и подал Трыщану и обещаал ему учинити што велить. Рек Трыщан: Всадь на конь, а едь за мною вземшы щыт. И он всель и поехал; и коли были близко шатров, онъ вернул щыт девца, рек: Готов есми справити, што тобѣ жал. Рекла девка: Не хочу от тебе болшен, толко щыта. Трыщан рекъ: Кто еси ты? Онъ рек: Бреусъ. Рек Трыщан: Чы по милости есть Бреусъ? Онъ рекъ: Такъ ма люди зовут. Рек Трыщан: Я слышал от людей говоречы зло о тобѣ, але коли бых та такъ не пустил, и быхъ метилъ на тобѣ за твою злост и зраду. Але иди съ покоем. А дѣвка подаковала Трыщану велии умилно и поехала своею дорогою. Трыщанъ приехалъ до корола, и король рек Трыщану: Едмо там, гдѣ насъ ждуть. Рекъ Трыщан: Будь такъ; и нарадившы са почестне поехали и приехали в Дамалот и ехали мимо королевский двор, а перед дворомъ седѣло люди добрых досыт. Трыщан ехал изъ своею дружиною господскимъ обычаемъ, а ехаль в гелму, бо не хотѣлъ абы его познали, один витезь несъ сулицу, а другии ему несъ щыт. А тогда были у дворе вси добрые витези кривные корола Бана баноцкого, и были оные два короли, которых оставил корол Артиушъ видети тую битву. Коли оные плема видели корола орлендзского, што пришлоъ нарядно отвести са от зрады, которую на него Бланор зложыл, и видели, што есть готов юнак и нараден, пытали са о нем и не могли довѣдати са.

Король Ленвизъ пришел къ онымъ двум королям и рек: Панове, и готовъ о тую правду от зрады, которая на мене (стр. 63) положона от другого, отвести са. И приступившы плема корола Бана, рекли: Так ти хочем указати, какъ еси уморылъ нашего племенника зраднє у своем дворе. Рек Бланор: Которыи ест один з нихъ наилучшыи рыцер? и ти хочу мечом указати, если богъ ми даст. И положылъ рукавицу на знакъ битвы. Трыщан приступил къ королямъ двум и рекъ: Панове, и отнимаю корола орлендзского, иж он у той смерти невиненъ, которыи

убить у его дому. И взял рукавицу. Рекли короли: Едте-ж без мешканы и конецъ тыхъ рѣчей.

Бланор шоль убрати са и убралъ са у наибольшую зброю, и огледовали его, и дали ему великого коня и доброго, который был прыгчыпа Галиста короля, Блерыж ему щыт понесъ, а други витез сулицу.

И ехали перед городъ з великою дружиною, а не былъ никто з нихъ у зброн, толко Бланоръ. А коли были на поля, король Ленвиз вывел Трыщана и рек плачучы: Прошу та для Бога, мѣи са самъ к собѣ и не лекай са. Рек Трыщанъ: Если бог похочет, который живет у правде, та тебе хочю тепер избавити от Бланора. И взял щытъ и сулицу и сталъ на поля храбро. Рекъ Блерыжъ Бланору: Оно рыцаръ с ким ти са бити, але знат по немъ, иж добрыи по седеню и на ношенью оружа. Помысль на то, што ни одинъ витез з нашего роду не был такий злыи, гдѣ бы чсти не добыи, и намъ дал богъ тую ласку свою, а тепер варуи са, абыхмо не были тобою пони-жоны. Он рекъ: Брате, не отчай са.

(Битва Трыщанова з Бланоромъ) И такъ ехали на поле; коли са оба видели на поля, и пустили са один къ другому и вдарыли са, и оба поломали сулицы, а пали с коньми на землю, и оба са ранили и розбили. А скочыли велми храбро и почали са рубати по гельмах велми мощно, не уступаа один другому; и которые пры том были, вси са дивовали, што они чынили. Кордосъ король рек: Милыи боже, велико бы зло если бы тые два пали, та вижу иж оные легкие и мощные. А витези са рубали без престанья, и в малом часу на нихъ (стр. 64) зброи ослабели и в щытовъ бэнди отпадали, и ранили са на много мѣст. И дивилъ са Трыщанъ Бланору а Бланор тэ-ж. Рекъ: Сего чуда ни чоловѣкъ не видалъ; и оба боги са смерти, або ганбы. Трыщан позналъ Бланора, что ест добрыи витез, такого не видѣлъ у свои дни, и бачылъ што са силит зъ своей мощы а наперед не маеть в чом трывати, и почал Трыщан ему брати поле, и тут была битва сильна, и вси говорили: Тые витези от доб-

рыхъ витезей. Блерыж рек своеи братъи: ꙗ вижу, што тотъ витезь не маеть ровни на свете, и Анцолотъ не ест таковъ, ꙗ знаю по вдаряхъ, и видите Бланора иж шнъ не будет мочи стрывати до конца.

Король шрлендеский, видечы храбрость Бланорову, иж са деръжытъ противъ Трыщану, мѣлъ великий страхъ. И рубаючы са они, ослабели имъ вдарцы. Трыщанъ рек: ꙗ хочу видети докуль ты можешъ стерпети. И была имъ потреба шпочынути; Бланор не могъ болшеи и положыл щытъ и мѣтъ и възлегъ на землю, мѣлъ страхъ шт смерти, а Трыщан такъже. Коли почынули добрый часъ, Бланоръ, который са видел на погибели, мыслилъ: Если онъ другии разъ не утомит са, ꙗ не могу шт него стерпѣти. И рекъ: Витезю, знам, што еси наибольшыи витез сего свѣта, для того жадаю вѣдати имя твое, и за то ти не хочу ни шдного добра вчынити, леч наибольшое зло, але нехай бых зналъ шт чьеи руки умру, або кого добываю. Рекъ Трыщан: Если ми зло мыслишъ, ꙗ знамъ по вдарцахъ твоего меча; ꙗ тебе фалю, але не мыслишъ о собе иж не можешъ иного добыти, шдно смерти. Але вѣдай шт кого умрешъ: ꙗ еси Трыщанъ, сестренецъ Короля Марка корновальскаго. Коли Бланор тое чулъ, шнъ былъ велии весель и рек: ꙗ еси слышалъ ш тобѣ великую славу по свѣту, а если ма добудешъ, мои близкие не будут мѣти сороба, але коли пак дастъ богъ ꙗ тебе добуду, великое чсти добуду. И взалъ щытъ и мечъ и рекъ: Бачышъ, на твою ганбу прышолъ еси сюда, если моя правица здорова будетъ. Трыщанъ штказалъ: (стр. 65) Моею ганбою не будешъ са фалити, теперъ познаешъ с кимъ еси кружки делилъ. И скочылъ к нему и почала са битва велии мощна, и вси почали говорыти: Если быхмо не видели, то быхмо не вѣрыи. И такъ они ходили беручы шдин другому поле и рубали са великую фялю. Бланор болшъ не могъ меча подънести; видевшы то Трыщанъ рек: Борони са, потреба ти ест, або мысль ш собе. И онъ не могъ ничего штказати. Виделъ Трыщанъ, што са стыдитъ, удары его по гелюму такъ мощно, иж не могъ на ногахъ стоати, и

64
 палъ на землю, не рушылъ ни рукою ни ногою и рекъ Трыщану: *Сними ми главу, прошу та, нехай моему сорому будетъ конецъ.* Трыщанъ то видель, иж ѡнъ ѡт великого сердца не хочеть подати са и воить умерети, ниж мовити: *Побить есмь; а коли его пуцу а не дасть ми меча, моя битва мало помочна, а ни добытъ; а коли его убью, то зле учиню: Убилъ такова витеза. И пошол до королевъ и рекъ: Панове, мы есмо са так били, гакъ вы сами видели, але ѡдин з насъ не хочетъ дати меча и мовити не хоче: Побит есмь, и воить умерети, нижли мовити то своимъ езыхомъ. А што-бы тому за ганба што ему на тот часъ фортуна не послужыла? А если са вамъ видитъ, уложыте миръ межы нами, а нехай король арлендэйский будетъ воленъ ѡт потвары, а коли будетъ еще битва, муси быти еще горей, то вже хто з насъ мусеть животъ дати на той битве.*

Короли розумели иж Бланор воить умерети, нижли то мовити, и видели Трыщанову доброту, иж не радъ убити Бланора а маючы его по своей воли и могучы надъ нимъ што хота чыинити, и радили са што-бы мѣли с тымъ чыинити. А такъ са имъ видело иж бы перестала битва, а Бланор не вмеръ, коли есть на то Трыщанова доброта и милосердые. И рекли Трыщану: Рыцэру, дакуемъ ти на твои дворности, што ѡтпущаешъ смерть Бланору, ты вже можешъ розобрати са, если рачышъ. Мы то прынмуемъ, иж король арлендэйский правъ ѡт поклепу Бланорова. Трыщанъ имъ пода коваль; рекъ король арлендэйский: *Можемъ ли пойти свободне, гакъ правые, куды хочемъ? Они рекли: Можете, (стр. 66) куды ваша воля.* Трыщан уложыл мѣчъ у пошвы, а щыт на плечы, и пошолъ до коня и всѣлъ велми легко, гакъ-бы не раненъ, и вси са дивили, гакъ могъ на кони седѣти; а Трыщан такъ скочы храбро, гакъ-бы не ударенъ. — Видечы племя Бланорово, што Бланор палъ, шли к нему, внимаючы, штобы мертвъ. А король Ленвизъ виделъ едучы Трыщана, рекъ двумъ королевемъ: *Панове, пустите ма за моимъ витеземъ бы ми не уехалъ, абыхъ его не потерялъ.* Рекли ѡни: *Споведай намъ има того витеза, а потомъ поедешъ з богомъ.* Рекъ ѡнъ: *Не могу вамъ споведати безъ хыбы,*

бо хочу ехати, абых его не потерялъ: то есть Трыщан, сестрениць короля Марка корновальскаго, витезь большыи на свете. То рекшы, вселъ на конь и прыболъ за ним борздо из своими дворены. А было первей слышано Трыщаново рыцарство у лондрешском королевстве у крола Артиушовомъ дворе. И коли поведали королю Артиушу якъ Трыщан отпустил смерть Бланору збившы его, а онъ не хотел ему дати меч, рекъ король: То ест наибольшаа рыцарская штука, чого есми нигдѣ не видел, и весь свѣтъ от томъ его хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великой славе, коли онъ в тыхъ лѣтах, будучи молодъ, а умѣлъ показати такую доброту.

А коли Трыщанъ приехал къ дружине къ шатром своимъ на берегъ, шли противъ его з великимъ весельемъ и пытали его якъ са ему стало. Онъ рекъ: По милости Божей избавил есми короля от Бланора и от печали. И они пофалили Бога и рекли ему: Пане, не велими-ль еси зраненъ? Рекъ Трыщан: Не зстѣм без ранъ, але недбаю того; коли есмо не посоромочени, то есмо весели иж достали чого хотели. И приехал король Ленвизъ из своею дружиною и зъседшы с коня прышолъ къ Трыщану и почал цаловати его говоречы: Трыщане, нашолъ ма еси мечом, га есми твой и все што мамъ, але жадаю ведати, не велими-ль еси зранен? Рекъ Трыщанъ: Если будетъ добрый лѣкаръ, не бою са смерти от ран. Рекъ король: Лѣкара добудем коли мы просты от печали. Король (стр. 67) позвал лѣкары, и огледали ему ран и вдѣлали што потребно. Рекъ Трыщан: Королю, ты вѣдаешъ нашу умову? Рекъ король: Вѣмъ, мамъ ти дати, чого ты хочешъ. Трыщан ему подаковалъ велими покорно и рекъ: Я прошу твоее дочки Ижоты моему дадку королю Марку. А потом его пыталъ: Пане, куды хочемо отселя? Рекъ король: Не хочу ити отселя, поки тебе увижу здороваго, а потомъ поедемъ ув-Орлендѣю што можемъ наборъзден, але прошу тебе дла твоеи дворности, поедьмо со мною поспол, а змешкаэм тут покуль тобѣ потреба. И было тут великое веселье и прыазнь орлендееномъ с корновалены, которые были перво в наибольшой неприязни межы со-

бою. Трыщан всю тую ноч працювалъ, а король мало спалъ; и назаутрее король позвалъ одного мудрого чоловіка и поведал ему сонъ свой, што видѣлъ. Онъ рекъ: Пане, та бых вамъ радилъ, не дай ты дочки своее Трыщану, бо коли она поидеть в Корновалу, мусить мѣти велики нужныя рѣчы, чого ни одна дѣвка не мѣла. Король рек: Того не могу вчинити, та ее далъ за такового витеза, який есть Трыщан, которий так много вчинил для мене; коли бых ее не далъ, то бых былъ зрадца, бо есмо умовилъ с нимъ якгды-мъ его потребовалъ на мою великую потребу; а а дочку велики милую, але ми са не годит для нее втратити честь. Нехай са станеть вола божа, не могу ее не дати. А пан Трыщанъ отпочынулъ и велелъ морнаромъ справити корабль и шолъ ув-Орлендю. Тутъ была честь и великое веселье въ дворе королевомъ, тут было витезен, паней и панен досыт, которые смотрѣли славного витязя пана Трыщана, которий ихъ избавилъ от печали Бланоровы. И тутъ веселивши са отправили са от короля и от королевое на море з великимъ весельемъ, а з собою ведучи красную Ижоту а с нею много добрых паней и паненъ коштовно убранныхъ якъ есть слышно таковои паней. И з милости плакали король и королевая и вси люди добрые, а королевая, отозвавши Говорнара и Брагиню и рекла им: (Взмите тую флашу сребреную полную питъа и заховайте ее, а коли король Марко изъ Ижотою будут на постели, дайте им напить са (стр. 68) того питъа, напервей королю, а потомъ Ижоте; а коли са они оба напьютъ, проли останок, бо если бы са хто иный того питъа напил, много бы са зла могло стати, иж са то именуетъ милостное пите. А коли са оба напьютъ, велики са будутъ милovati, до ихъ живота никто не можетъ зла вкинути межы них. Они са обедали то вчинити и потомъ взяли прощене от короля и от королевое, и напали парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни одинъ не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, одно правое доброе почтене. Идучи они по мору, коли былъ третий день, Трыщанъ зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане зотоглавова жупица и шата, а на

Ижоте зеленого оксамиту саганъ, а было то лѣте и былъ великин зной. Рек Трыщан: Треба са намъ напитки. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флашы милостного пива, забывшы са, бо в коморе было много всаких судов, и далъ Трыщану, а други далъ Ижоте. И скоро са напили того пива, и еще не допившы кубьков впали межы собою у великую милость, аж и до живота своего один другого не оставилъ. И почали гледѣти одинъ на другого и не мыслили ни о комъ, толко о себе. И сѣли гакъ-бы злакшы са, Трыщан мыслил до Ижоты, а Ижота до него, а корола Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую са, откуда ми прышло то так прудко, а первей ми того не было? И мыслилъ одинъ къ другому, и мовили сами собѣ: Мысль наша естъ невѣрна; але пиво их перемогло. Рек Трыщанъ: Если га милую Ижоту, то не дивно: она естъ намильшала речъ на свете, лѣпшое бых не могъ найти, а га есмь ее вывелъ и мнѣ естъ дана, а милость наша скрыта може быти. А Ижота мыслила: Если га милую Трыщана, то естъ не дивно: он естъ мога ровна и такъ высокаго роду гакъ и га, и витеза большаго на свѣте нѣтъ. И тую мысль обачили иж оба са милуют со всего сердца; Ижота са о том веселила и рекла: Коли ма милуетъ наибольшыи витезъ, чому мнѣ большаго добра? А Трыщан рекъ: Га нам великую fortuna на свѣте, иж ма напуднейшала панъна милуетъ, (стр. 69) а га ей того не заслужыл. Коли Говорнаръ упоменул, што имъ далъ любовное пиво, он са злакъ и сталъ гакъ забывшы са и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота его. И рек Брагина: Мы есмо винни, што дали пить оное пиво не знаючы. Рекла Брагина: Мы есмо злую дорогу нашли и погнули, а Трыщана и Ижоту погубили есмо. Он указал флашу, в которой было пиво, и рекъ: Знаешъ-ли, што естъ тое? Она рекла: То естъ пиво милостное. Онъ рекъ: Зле есмо порученое намъ острегли, того есмо дали напитки са Трыщану и Ижоте, што-ж са милуют. Брагина почала плакати и рекла: Зло есмо великое учынили, не може быти абы с того не пошло много злого; тепер намъ годить са быти велми мудрыми, а мы есмо велми

смутны ѡ том; але их жалость была велми искрыта, што бы са ныне не довѣдали. А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: ѿ тебе милую из серца. Она ѡ том была велми весела и рекла Трыщану: ѿ не милую ни ѡдное рѣчы на свѣте ѿкъ тебе, а ни даи богъ поки буду жыва. Видечы то ижъ ест Ижота с нимъ ѡдное мысли, не ѡткладаючы далей того, шли у комору и спольняли свою волю; ѡттоле на вѣки не ѡтменила са ихъ милость и ѡт тое милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцѣра, которыи бы подналъ толко муки для милости, колко Трыщанъ.

А такъ была велика шкода, иж у тые часы не было большого витеза над него: ѡнъ был третии витез на свете. Рекъ Говорнар Брагина: Што ти са ѡ том видит? Види ми са, што Трыщан узал паненство Ижоте, ѿ есми их видель уместе. Она рекла Говорнару: Мы есмо погибли, коли ее наидеть король Марко не в паненствѣ, ѡн мусить погубити всих насъ. Рекъ Говорнаръ: Не бои са, коли-ж уже такъ са стало по наших грехах, треба са намъ печаловати ѡ тои речы, абы нихто не вѣдал. Рекла Брагина: ѿкъ то може быти? Рекъ Говорнаръ: Даи то на мене, ѿ то вчыню. (стр. 70). И она рекла: Тѣ бы то добре, бы то бог дал! А ѡ том Трыщанъ и Ижота не знали ничего, што ѡни то вѣдают, и не мыслили Трыщан ничего, толко ѡ Ижоте, а Ижота ѡ Трыщане, и не было в них иное на вмѣ, толко ѿко-бы в рай были, и миловали ѡдин другого болшей ніж самъ себе. И такъ вросла ихъ милость, ижъ не знали ѿкъ-бы са въздержали ѡдин ѡтъ другого; а шли до Корновала безъ мешкана.

И была имъ ѡдна переказа: в одинъ день година са ѡтменила, а море надуло са, вѣтръ повсталъ и погнал ихъ игвалтомъ тую ночь куды не хотѣли и назавтреи подъ некоторым градом великимъ и моцнымъ, которыи былъ на ѡдном ѡстрове на моры, ѡколо его было много ѡстрововъ великихъ; а тые ѡстровы полны добрых людей и всакого добра, которых то зовуть Долние ѡстровы. А пан ихъ ест Галиѡт прынчышъ, а то была его ѡтчызна, иные земли и панства побрал своею

добротю; а тогда былъ Анцолот в одной земли, которая са зоветъ Соренловъ. Рекъ Трыщанъ: Вѣдаете-ль вы, морнары, гдѣ есть тотъ Плачевный городъ? Рекли они: Не вѣмы, але он ест прынчыпа Галишта городъ. Рекъ Трыщан: га быхъ по воли не хотѣл са в нем найти, иж ми повѣдали, што в немъ злыи обычаи. Говоречы они о томъ, аж идуць шесть человеков зброинныхъ. Коли видели, што они с кораблемъ не могутъ никуды, они имъ рекли: Откуль есте вы, што есте пристали у наше пристанище без нашего дозволеня? Рек Трыщанъ: Мы есмо с Корновали, послы корола Марка, а идемъ из Орлендэи, а то нас зла година загнала, а вам есмо не винни а ни шкодимъ вамъ ничего. И они рекли: Откуль есте вы? За нашу вмову вы вазни наши, вылезте вон штоколвекъ ест вас тут, и поидите у городъ и увидите закон наш. Трыщан рек дружыне своей: какъ хочемо? Если ихъ послушаемъ, то в руках есмо, могутъ намъ зло вчинити. Они рекли: Не вѣмы, што они мыслать, а лепей намъ тут боронити са што могучы, хота и побити са; а иные рекли: Наше отнимае непомочно ничего, иж есмо у ихъ (стр. 71) руках, могут насъ из судном потопити, albo з города камѣнем побити, але лепей даймо са у ихъ руки. Рек Трыщанъ: Панове, варуйте са што чинити, тотъ городъ так злого закону, коли са дадимъ у ихъ руки, они насъ могутъ погубити, або в темницы вкинути, тут не будет от насъ наша послуга имъ вдачна, а и ласка ихъ намъ ничемна. Я бых рекъ: Лепей боронимо са што могучы, лепей намъ вмерети, нижли въ ихъ ласкѣ быти, бо ихъ ласка не ест намъ пожыточна. Рек Трыщан Ижоте: А ты што мыслиш о томъ? Она са была престрашыла и рекла плачучи: Трыщане, га не вмею о том мовити, га тебе дана в твой руки и в опеку, ты мене вывелъ з моее земли, а если мнѣ приидеть ганба albo смерть, то ми от тебе будет. Коли Трыщан то слышал, почал клесть тот день, в которыи са родилъ, и рекъ: Панно, чы хочешъ абых са в сем судне, докуль ма забъют, або подмо на гору в замокъ и даймо са имъ в руки? Она рекла: Нехай такъ будет, какъ ты хочеш. Рек Трыщанъ: Поидимо на гору к ним и терпѣмо, што

намъ придется от них, коли не можемъ съ нимъ оборонити. И к кому приступили вси и вылезли вонъ з судна и пошли на гору у город, нашли в замку досыт добрыхъ людей, витезев и пахолковъ и невѣст и слугъ. И привели ихъ ув-одинъ великий домъ, в которомъ было много коморок, а в нихъ были вазни, которыхъ имывали, а дворъ былъ огороженъ велми твердымъ муром, иж ни одинъ вазен не може втечы. И пустившы ихъ внутрь, ворота замъкнули. И рекъ Трыщанъ: Панове, мы есмо вазни да есмо погигбли, иж тые сут такъ злого закону и такъ невѣрни, иж мы не выидемъ оудъ нихъ безъ наше смерти если богъ нас не вызволить. И почали вси плакати и тужыти велми грозно молчком, бо не хотѣли абы ихъ иные слышали. А такъ былъ Трыщанъ з дружыною своею тотъ день и ночь у везеню, и никто ихъ не видел. И назавтреи прышли к нимъ шесть чоловѣковъ безъ оружя и рекли имъ: какъ са маете? Рекъ Трыщанъ: какъ в той прыгоде, которую намъ богъ далъ, але прошу васъ панове, такъ вамъ богъ помози, тут ли маемъ остати в семъ везени, споведайте намъ? Рекъ одинъ витезъ: (стр. 72) Тое нетство, с которого николи никто не выходит, то такъ справлено всимъ, которыхъ тут сажають, и николи вже не выидутъ с того плачу и в слезахъ вси дни свои, и для того са зоветъ Плачныи город. Рекъ Трыщанъ: Охъ мой милый боже, если то правда если бы ни одинъ не былъ жыв, которыхъ сезде влѣзетъ? И онъ рекъ: Запсте ни одинъ отъ того часу, какъ тотъ законъ поставленъ, але коли бы нашолъ са витезъ велми высокого сердца и рыцарства, а пани крашеи наше пание, а прыехали бы оба посполе, то бы были намъ господары, а тые бы мусили померети, которымъ мы служыли. Коли Трыщанъ то чулъ, велми са обвеселилъ в рече: Коли быхмо были справедливе сужоны, были быс мы просты отъ везени, иж Ижота наицуднейшаа реч на свѣте, а о рыцары што богъ даст. И рече витезю: Поведан ми, прошу та, коли-бы тут нашолъ са рыцаръ болшь вашого рыцара, а пани цуднейшаа ваше пание, чы могли быхмо выйти з нетства? Онъ рече: Вышли-б есте, але са то тут не може найти, бо нашъ рыцаръ естъ пани вроженыи и стоитъ в той твердости а таковыи естъ рыцаръ, што

не мает друга на свете. Рек Трыщан: Коли-бы са нашолъ рыцаръ большыи на свете и большеи Анцолота?—И такому мы дадим ровню.—А коли вашего витеза добудет, будем ми прости от везены? И онъ рекъ: Будете, коли-б з нимъ посполъ прышла пани. Рекъ Трыщан: ꙗ тобѣ мовлю, мы есмо свободни, если нам кривды не вчините, то бых рек и на дворе корола Артушовомъ, иж тот витез, которого вы поведаете, не ест болшъ нашего, ни онаа пани не цуднейшаа надъ нашу. И оныи витез сталъ ꙗкъ забывшы са и рек: Гдѣ естъ тотъ, которого вы такъ жалите? Рек Трыщан: Если намъ право будет учинено, а вышли быхмо на поле, а держати-ль будете нам ваш закон и правду? И выведите вашу панию и вашего рыцара и дайте нас на правыи судъ: если будетъ наша пани лепшаа и витез наш лепшыи, нехай будем свободни, а коли са так не найдет, нехай ми главу сотнуть. Рек оныи рыцар: Досыт еси мовилъ, ꙗ хочу поити и поведати тамъ где са годет. И так он пошолъ съ тыми, которые с нимъ прышли. А повѣмъ вамъ, дла чого са зовет тот город Плачныи, бо поставленъ злыми законы в тые лета, коли (стр. 73) Исифъ пошол у великие краины приказанем Господа нашего Иуса Хрыста и обратил был множество люду на Хрестанскую вѣру. А коли слышалъ, ижъ тые Долние островы полны людства, Исифъ послал там набожныхъ людеи обратати къ богу народ, и обратили вси тые островы крома одного острова, который са зоветъ Урашы. И тамъ мало было иныхъ людеи, толко Урашы, а пан ихъ былъ урапец, и мѣлъ дванадцать сынов и вси были урашцы.

Коли хрестане прышли в тот остров, тогда был государъ тому острову именемъ Давлитесь, и былъ нѣкакъ раненъ от медведа дикого, и тутъ откинул са от Исифа крещенина.

Коли оныи витез прышолъ къ Брунору и к его паней и рече: Пане, поняли есмо молодыхъ людеи корновален и поведели есмо им закон наш сего города, и один витезъ зъ их товариства поведал са быти лепшей тебе и панию лепшую нижли наша пани, и дла того есмо прышли дати вѣдати вам, бо мы не можемъ опу-

стити закону нашего, што нам вставили предкове наши: для того поведайте, што маете чынити. Рекъ Брунор: Не га его вѣстави, а ни га его могу опустити; зовите тыхъ, которые мають судити и смотрѣти; которага пани пуднейшаа, тага вам останет панею, а другага мусить умерети. И справуйте тую битву, а а готов. Они рекли: Инакъ быти не может. И прышли къ Трыщану и мовили ему: Коли вы маете витеза того какъ есте рекли, и вамъ може са добре стати, будьте готовы, бо завтра будете бити са. И выпустили ихъ тот день и ноч и давали Трыщану што была потреба, и прыходьлю много рыцаров пытаючы имени его, а не могли са довѣдати, и гледели на Ижоту, а она са таила и не могла са утаити, и тые, которые видели, говорыли межы собою: Згубили есмо панюю нашу господарыню, бо ест (стр. 74) тага лепшага. И назавтреи Трыщан убрал са, и давали ему инны мѣчь, и он рекъ: Дайте ми мой меч, и они ему дали. Усѣлъ на конь велми добрый, а Говорнаръ несъ ему щытъ и сулицу, а Ижота убрала са велми в коштовное одѣнье и всѣла на инаходника, а Брагина и другие дѣвки з нею. И прыехали къ шатром и нашли тыхъ, которые мают судити их красу у шатрох, а тые шатры были полны добрых людей и витезен и паней, которые прышли гледѣти тое битвы. И прыехалъ Трыщан з дружиною и, зседшы с коней и сели, бо еще Брунор былъ не прыехал; и тут затрубил человекъ у рогъ, которого рогу далеко было чуть, и усѣлъ Бруноръ на добрый конь и выехал з города велми убран, а с нимъ прышло нѣколко витезен и пани его, мати Галистова. Коли Брунор прыехалъ къ шатром, рек: Гдѣ ест таа невѣста, которага ровна естъ нашой паней красую? И они ему указали Ижоту, и онъ виделъ Ижоту и престрашыла са велми и рече: У мои дни не виделъ есми лучшее невѣсты, га са бою утратити наимилейшую реч для тое паней красы. И прышла мати Галистова, котораа была великое красы, а коли она видела Ижоту, она са престрашыла, иж ей за ее красу умерети, бо са она ей видела наипуднейшаа речъ на свете.

Виделъ Трыщанъ оную панию, кивнул Ижоте и прыступилъ

к судамъ и почал мовити: Панове и пание, которые маете судити красу тыхъ пание, гледите, што они стоать посполъ; судите право. И они молчали, бо видели што Ижота далеко цуднейшеи тое пание. И Трыщанъ мовиль повторе: Я вас прошу, держыте ма на правде у вашом законе. Они отказали жалостны: Мы маем такъ учынити, але вельми намъ жаль. Обротившы са ко Ижоте и рекли: Пани, ты-сь лепшаа и твоя краса смерти та избавила, и для твоее красы тебе хочемо держати за нашу господарыню; але коли лепшеи тебе, котораа приидет, будь певна, ижъ мушиш умерети, якъ и таа, котораа такъ долго была межы нами, (стр. 75) которую есмо у великои почестности мѣли, а тепер есть усужона на смерть. А намъ того вельми жаль, але инак не може быти, бо есмо присагнули тот закон держати. Тотъ будь проклатъ, хто тот законъ напервей поставил! Коли то выказали, вси закрычали великимъ голосомъ, плачучы с такою жалостью, иж не было такого чоловіка, который видел, штобы не жаловал.

Рекъ Трыщанъ: Панове, велика ласка, гдѣ ест тот, с которымъ са мнѣ бити? Они рекли: Што тот властныи, и вказали на Брунора. И онъ рекъ: Варуй са мене, иж я не хочу року откладати.

(Битва Трыщанова зъ Бруноромъ) И взялъ щытъ и сулицу и скочылъ к нему, а онъ к нему, и вдарыли один другого такъ мощно и прыкро, аж оружые и щытъ имъ выпадали з рук, и ранили са оба и пали с коней. Трыщан былъ раненъ не глубоко у бок, а Брунор былъ раненъ у перси вельми глубоко, и сулицы поламали, и вынемшы мечы почали са рубати вельми мощно. Брунор позналъ по вдарцахъ, иж Трыщан один от добрыхъ витезев, и почал са силити, и рубал один другого вельми мощно и вельми часто, кождый рубалъ саберучъ, бо имъ сабема са горло шло. И познал Бруноръ, иж Трыщанъ большыи надъ него витез, для того са покрывалъ мечом, абы са Трыщан упрощалъ, але то не могло быти, и трафлял Трыщана тати в голое мѣсто, але Трыщан на то былъ добрый мистръ, вмѣлъ са стереч. И рубали са великий час и были оба ранены и вмордовали

са, иж потреба имъ было отъпочынути; и отступилъ одинъ отъ другого, и стали възлегшы на щыты и на мечы, гледчы одинъ на другого, и стояли великою филю. Рекъ Трыщанъ: Пане Бруноре, иа тебе мамъ велии за доброго рыцѣра и велии вмѣлого, и для того тебе прыаю, то богъ вѣ, не рад бых, абысь мель загнунти; але прошу тебе, если можешъ оставити тую битву з мимъ почстенемъ и з вызволенемъ тое дружыны, иа рад оставлю, абы ты не вмер. Рекъ Бруноръ: Мы есмо на томъ местцу, либо ты мене забешъ, або (стр. 76) иа тебе, або оба будемъ мертвы, инак не може быти. Рекъ Трыщанъ: Гдѣ естъ ненавист, там милости нѣтъ, и коли-ж такъ, варуи са мене. И почали са рубати, и вси са имъ дивовали. И наконецъ Брунор не могъ стерпети, пустилъ щыт и меч и самъ на землю палъ. Рекъ Трыщанъ: Або вже большъ не можешъ? И Брунор рекъ: Рыцѣру, такъ ти отпускаю тую битву, не мей ми за зле, ижъ не чыню по воли, бо не могу. Рекъ Трыщанъ: Иа та хочу пожаловати, дай ми свои мѣтъ и мовъ: Побит есми. Рекъ Бруноръ: То быхъ былъ злыи чоловѣкъ, коли быхъ рекъ то своимъ езыкомъ, што-б было з моею легкостю; не дай того бог до моее смерти, котораа естъ близко мене! Рекъ Трыщанъ: Чуеш ли са на томъ, што можешъ жыв быти? Рекъ Бруноръ: Твои ми мѣтъ ни одного продлужены не дагъ, вже естъ конецъ близко; если ми не верышъ, тепер же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу.

Видалъ Трыщанъ ижъ вмер, и сналъ ему гелмъ з головы и кинулъ отъ него далеко. А позвалъ тых, которые его были прывели, рекъ имъ: Панове, если иа досытъ вчынилъ за моее свобожение и моее дружыны? Они рекли: Досытъ еси вчынилъ, добыи еси сесь градъ и сесь островъ и намъ еси всимъ господар, а таа панъна, которую еси прывел, естъ наша господарына; але еще маешъ прынати реч. Рекъ Трыщанъ: Которую? Они рекли: Тои нашои паней Бруноровицы вѣтти главу мечомъ. Трыщанъ са огленулъ на нее, а она плачетъ велии грозно, и было ему ее велии жалъ и рекъ: Иакъ а маю вбити жону? И они рекли: Инакъ не можетъ быти. Трыщанъ былъ велии сердитъ и почалъ много мы-

слити. Рекъ Трыщанъ: Проклатъ тотъ, который тотъ законъ поставилъ, и тые, которые тотъ законъ держатъ; га мушу учинити такую речъ, што не буду николи весель, коли то упомену. И пошол, стагъ ей голову и рекъ имъ: Вы мене привели къ ганбе, иж кождый добрый чоловѣкъ, который то увѣдаетъ, поставитъ ми то за ганбу. Рекли они: Не тобѣ то ганба, але тымъ, которые тотъ (стр. 77) законъ учинили. Пойдимо-ж на гору у городъ и там намъ присагнешъ у городе держати законъ того города, какъ сутъ чинили первые, которые были перво тебе. Панъ Трыщанъ не радъ былъ тому панству, але инакъ не могло быти, и пошолъ с ними у замокъ. Рекли: Трыщане, тутъ намъ присагни. Трыщанъ не радъ былъ присагнути, але инакъ не могло быти, присагнулъ имъ; они ему велели стати у томъ мѣсте со Ижотою, в которомъ стоилъ панъ Бруноръ зъ своею панею. Они тутъ мешкали у такой милости, Трыщану не было иного на вмѣ, толко Ижота, а Ижоте Трыщанъ. А коли видела бѣднаа сестра Галиштова своего шца и матеръ мертвыхъ, и она девка была наисмутнейшая на всемъ свѣте. Будучы она у томъ жалости, и учинила одну судину и взяла шцову голову и матерыню и приправила на конь и поехала зъ малою дружиною у Долные штровы искати Галишта, и кудыкозвекъ ехала, стречала рыцѣры а юнаки, у каждого пытала ш Галиште прычыпе, и кождый ей поведалъ правую дорогу, гдѣ естъ панъ Галиштъ. Бдучы она и стретила одного рыцѣра велими доброго, высокаго рыцѣрства, у зуполной зброи едучы зъ малою дружиною. Она его поздравила, шнъ ей вернулъ поздравленье велими дворно. И рекла панна: Рыцѣру, дай ми са спытати какъ пана и для твоеи дворности, если еси слышалъ какіе слухи ш Галиште прычыпе? Рекли они: Ты еси стрела кого ищеш. И она на него смотрела долго великую филью, а не познала его, што былъ у зброи, а коли его познала и кинула са к нему на горло плачучы и не могучы говорить. Коли узмогла говорить, рекла: Николи есми не слыхала такъ великому пану бы са такаа жалостъ стала, какъ тобѣ, которую ти хочу поведати, бѣднаа твоя сестра. И шткрывшы судцы, у которыхъ были тые кости, и рекла: То ест

кости того, хто тебе родил, а то голова того, которага тебе у чреве носила; ѡбѣюхъ ихъ убил своєю (стр. 78) рѹкою Трыщанъ сестренец корола Марка корновалского, и для того есми поехала тебе искати, абыс ѡ том ведал, што бысь мѣлъ с тымъ чынити, бо ты можеш учынити што хочеш, тако сильныи человекъ. Рекъ Галиѡт: Икъ са то стало? Она ему споведала все по раду, и Галиѡт порозумѣл, иж Трыщан в том невиненъ, не мѣлъ на него жестокого сердца и з великое жалости прослезил са и рекъ: Милага моя сестро, намъ стало такъ великое зло за мои грехи. Коли бых са надевал, га бых давно сказали тые злые законы, которые у том ѡстрове. Але теперь понду и скажу тые злые законы, а Трыщану учыню такъ ему слушать, а для того не могу са ѡслушати, абыхъ са не мстилъ, то бых для вчынил. И поки буду живъ тѣлом моимъ, буду са мстити. Вернимо са у Сорелонсъ и там положимъ тѣло ѡтца моего и матки у ѡдной ѡпятии и там порадимо са, такъ быхмо прыти мели на помщене. И поехали вси велии жалостни, и не зналъ жаден человекъ штобы то Галиѡт, бо ехал з малою дружиною. И прѣехали к ѡному граду, у которомъ былъ король из стома витези. Коли ѡнъ виделъ Галиѡта, былъ велии рад для того, што Галиѡт прѣехалъ, да не вдачно ему было, што прѣехалъ зъ малою дружиною, и рек: То вже не дармо. И коли Галиѡт розъобралъ са зъ зброи, король прѣшел и рек ему: Пане, такъ са маешъ? Чому еси так не весел? Для Бога поведати ми, што са стало? Рекъ Галиѡт: Не дивно, што есми не веселъ, же ми са стала великага легкост и жалост. И почал поведати, такъ ему Трыщан убил ѡтца и матеръ. Рече король: То ест, господару, великага жалост; да што с тымъ мыслишь? Рекъ Галиѡт: Хочу поехать у тот ѡстров с однимъ рыцѣромъ и з двема пахолками и з добрымъ конемъ и з зброєю, такъ штобы ма ни ѡдин человекъ не позналъ, иж хочу прыти гостемъ, хочу са бити с Трыщаномъ. Если ма убѣеть, то ми жалости конец, а коли га его убью, никто ми того не поставит за ганбу, лех за рыцѣрство. А тобѣ прыкажую, абыс ми собралъ пать сотъ тисечъ войска добрыхъ людей

(стр. 79), и поиди по мору у тот остров, под Плачнын город, хочу сказати тые злые законы, што имати гостей и держати в темницы. И ты погуби их всех и вози у болото и нехан не остане са и один человек ни жона; а которые гости найдеш, тех всех пусти свободне. Рекъ кроль над сту витези: Пана, што велиш мнѣ, то все будет мною готово, коли не умру. Але какъ ты мыслиш бити са с Трыщаном, который ест наибольший рыцарь, какъ не ест ни Анъдолот локвенский, и не має друга на свѣте рыцарством по всех чотырох сторонах по мору и по суку? Не пускам са на такую прыгоду и погибель, на то га тебе не ражу. И рекъ: Пана, далъ ти ест Богъ панство и такую моць, што са не годит тобѣ мстити ни класти са ѿ такую реч легко, бо если са тебе зло станеть, або смерть, все твое панство зле упало, а если га осоромит, то ти будет великаа легкость. Пана, га тебе завжды мам за доброго, га тебе ражу: оставъ тую битву с Трыщаномъ, а коли его найдешъ ласкою, ѿн, видевъ такую твою жалост, ѿнъ самъ примет на себе тую помсту; а если вы два будете на поли, если га ѿн не преможе, сотни ми главу. Рекъ Галишт: Знаю што ми говорыш правду, и га в тебе велими дуфам, але коли бых га ему мстил Анъцалотомъ або иными рыцеры, то бых горей учынилъ; але, какъ еси тебе росказал, такъ учыни; хотя ми будет умерети, мушу то вчынити, што еси вымыслил, то и вчыню, бо не буду вов-покою доколе не вижу Трыщана. И король был у великомъ страху, што са боил, иж Галишт не может терпети против Трыщану, и был велими смутен, иж миловалъ своего пана Галишта зо всего сердца. По тых речах Галишт велелъ понести ѿца своего в одинъ клаштор и положить в коштовнын гроб и голову матерыну з великим плачом, и потомъ оставил сестру у томъ граде велими почестно, а сам поехал къ мору с одним рыцером и з двема служебники и с конемъ, на которого коня велими надевалъ са, и зброю взялъ велими добрую и мѣчь, который был Анъцалот дал.

Коли приехал къ мору из своєю дружиною, никто его не позналъ, бо не еждывал з малою дружиною. Стоал тамъ ден, и

нашел са ему корабль направлен, а година добра, и пошел по мору. И коли былъ далекъ отъ края, рек морнаром: Добывайте са под Плачный город. Они рекли: Не дай того Богъ намъ, што быхмо там были, лепѣи (стр. 80) бы намъ смерть нижли там пойти. Рекъ Галишт: Не можетъ быти инак, мусите там пойти. Коли морнары слышали отъ Галишта, не ведали што-бы вчынити, иж если бы там пошли, то погибли, а не пошедьшы, Галишт велии сердить, а мает дружину и зброю, может насъ погубити. И онъ другии раз реклъ: Ходите, не бойте са, без боазни можете тамъ быти. Рекли они: Панае, если може то быти абыхмо са не боали, змылуи са дла бога, не хочечи наше и своее смерти, бо вѣдаеш сам, иж ни один там не останет, што-бы не былъ мертвъ; тамъ насъ не веди. Рекъ Галишт: Або не хотите ити, гдѣ я велю, тепер есте мертвы на томъ мѣсте. И выналь меч, замахнулъ, яко-бы тать. Они са перестрашыли и рекли: Панае, коли инакъ не може быти, мы вси въ твоихъ руках, што велииш, то вчыним, толко не погуби нас. И онъ рекъ: Не бойте са, не будетъ вамъ ничего. И они овернули къ острову, а другого дня прышли ув-островъ къ пристанищу под Плачный городъ. И прышли к нимъ люди з вышнего замку и рекли: Поимани есте. Галишт рекъ: Хота есмо пристали у вашу землю, але не годит са насъ имать, занюж есми готов тот ваш законъ деръжати. И они рекли: Тогда хочешъ бити са с Трыщаномъ, который естъ наболшыи витезь на свѣте. Рекъ Галишт: Хота-бъ большыи нижли ест, але на иное не прышел, меч с нимъ бити са. Они рекли: Выидите вон. Они вышли, и граждане морнаров в темницу повели. Рекъ Галишт: Пустите ми тые два юнаки и витеза, нехан ми помагаютъ товаришства до того мѣста, гдѣ будетъ битва. И пытали его: какъ тебе естъ има? Рекъ Галишт: У моемъ имени тепер не можете вѣдати, поведете ма, гдѣ маемъ бити са. Они рекли: Тым са не печалуйте, скоро будетъ битва. И всѣло ихъ на кони петнадцат конниковъ и Галишт з дружиною ехал к тому мѣсту, гдѣ маетъ быти битва. А Трыщанъ былъ у вышнемъ замку со Ижотою и з Говорнаромъ и з Брагинею у ве-

ликом веселю. Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничего, одно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тое имъ нецство было велии сладко, и мешкали яко-бы в бога, а не поменули ѡ королю Марку а ни ѡ Корновали, жыли тут у том веселю два месецы. И на концы третего месеца прышол один витез передъ Трыщана и рече ему: Пане, ты са можешъ веселити ныне со Ижотою, а завтра маеш са бити (стр. 81) с однимъ витеземъ, который для того прышол з двора корола Артиуша бити са с тобою; мы есмо его поставили на месте, гдѣ са маете бити. Рек Трыщан: Вѣдаете-ль, што за витез на има? Рек: Не вѣдаемъ, не хотелъ намъ ѡ себе поведати. И Трыщан помыслилъ, абы то не Анцолотъ, рекъ: Я знаю, который то витезь; чы нарядили есте битву? Коли он на то прышолъ, онъ будет мети, да хотя онъ на мое зло прышол, однако-ж поздоровте его ѡт мене, бо я внимам, иж он ест великий витез. И он с тым ѡдышол ѡт него, а прышолъ къ Галиоту и рек: Завтра са маете бити, а Трыщан та поздоровляет. Рек Галиот: Поздоровлаеть ма Трыщан якъ неприятель, а я его также поздоровлаю якъ неприятеля. И говорыли межы собою досыт, а не познали его хто ест. Говорнаръ слышалъ, иж онын рыцар ѡ битве говорытъ, рек: То ест конечно Анцолот, поехал з двора Артиуша корола ищучы розличных и жестоких прыгодъ. И велии са его Говорнар богалъ и прыступил къ Трыщану и рекъ: Завтра маеш бити са. Рек Трыщан: Вѣдаеш ли с ким? Онъ рекъ: Не вемъ, але надевам са иж Анцолот умыслне на то прыехал бити са с тобою, але онъ естъ большын витез на свѣте.—Я радъ с нимъ покусити са, занюж коли прыидет на вдарцы, а коли мнѣ богъ похочеть зычыти а будемъ ли ровни, то бых не хотѣлъ большое славы, а если ма убьеть, волю быти ѡт него побить, нижъ ѡт пяти иных. Говорнаръ са еще большеи престрашыи и рек: Так ест, якъ ты говорыш, але тут велик страх и велика погибель. Рекъ Трыщан: Для смерти не треба са боати, вѣдаеш ты сам, мистре, ижъ мы завжды на том.

Слышавши то Ижота, почала плакати и тужыти говоречы: Тажко моему сердцу, якъ то ест злая прыгода, и в злын часъ

есми родила са на сесь свѣтъ! Ёще ми не вышли тры месецы моеи фортуне и моему веселю, и вже ми са находит мука и скороченье моему жывоту, и если бы ми са прыгодила великаа рана або смерть, то бы ми сладко и лѣпшъ было.

Трыщанъ ее тѣшыл говоречы: На мою вѣру не будет он над мене мѣти наперед ничего. Рече Ижота: га не прошу от бога болшъ, одно бы ми ты здоров был, а не был осоромочен от тое битвы, занюж са га ни одного витеза не бою, толко Анцолота. И в том страху стояли, а Галишт о томъ ничего не вѣдал.

(Стр. 82) И коли была ночь, придет один витез у зброн, которые были пры Галишту, и рекъ: Повѣмъ вамъ, прышолъ король над сту витези, а с нимъ войско, пристали у пристанище зброини на конех. Мы рекли абы вышли вон, хочечы учинити нашъ закон; коли есмо хотели ихъ поймати, они пофатили оружье и побили наших людей, немало порубали и покололи, и мы перед ними не могли терпети и дали са есмо у их руки. И мы есмо, пане, у их руках и они сут из Коръелона, люди Галишта прычпыа.

Коли то они слышали именуочы Галишта, побѣгли вси по своих потребах, а Галишт стоялъ до ютра в шатре. А на свитани убъралъ са Трыщан у великое оружье и слухавшы мѣшы поехалъ з города, а с нимъ Ижота и Говорнар и Брагина и чотыры пахолки. Коли был близко шатров, Галишт был на кони и видел Трыщана близко, взял сулицу и щыт. Трыщан виделъ, иж он естъ готов, и рекъ Говорнару: Поедь къ оному витезю и доведая са: Если ест Анцолот, волѣлъ бых с нимъ товаришество мѣти. Говорнар поехалъ и поздоровилъ Галишта, и он ему вернулъ поздоровлене. Говорнар рекъ: Рыцѣру, то естъ Трыщанъ с кимъ са ты маешъ бити, але онъ тебе просит дла твоее дворности, споведай ему, хто еси ты. Вже вѣдаеш с кимъ са бѣшеш, нехай бы тѣжъ и онъ вѣдалъ, с кимъ са бѣет. Рекъ Галишт: Коли он Трыщанъ, а га его непрыпатель смертныи, а по правде, што ми убилъ отца и матку, и прышол есми мстити са на немъ моим тѣломъ если буду могъ; а има ми ест Галишт з Дольних островов, досыт далеко слышать има мое.

Чулъ то Говорнаръ ѡт Галиѡта вѣдаючи, иж Галиѡт большыи господар на свѣте, пристрашыи сѧ и поведалъ Трыщану. Чулъ то Трыщан и рек: Божэ, хвала ти буд, иж наболшыи пан и наболшыи витезь ѡт света берет сѧ против мене бити сѧ со мною на поли, а то ест цвѣт добротам и храбрѣством, паном пан прышол бити сѧ со мною, могучы поставити сто тисеч вонска на поли збройныхъ зъ сулицами. Конецъ тыхъ рѣчен.

(Битва Трыщанова зъ Галиѡтом) Пустилъ сѧ ѡдинъ къ другому, гакъ могли кони скочыти, и ударыи ѡдинъ другого такъ мощно, ажъ сѧ сулицы имъ поломали, и вдарыи сѧ такъ мощно, иж ѡба пали с конми на землю, и ѡт того удару (стр. 83) были ранни и ѡба ускочыи такъ гакъ тые, которые были великое доброты и великого сердца, и пофатыи мечы и почали сѧ рубати. И Трыщан былъ у страху, и ѡни ѡба были великие челоувѣки, и били сѧ такъ силно, не было чолоувѣка, которыйи видел, абы страху не мѣл. Трыщан билъ мощно, а Галиѡт также, указывалъ ѡдинъ другому свое неприятелство. Трыщан позналъ своего неприятеля, а Галиѡт рек: То естъ большыи витезь, которыйи по свѣте слывет, тут ми прынати смерть, або быти добрымъ чоловеком. ѡни сѧ ѡба силили указуючы ѡдинъ другому свое витезьство, а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшѣ нижъ сама себе; коли ѡнъ принималъ таковыи ударцы, ѡна была блѣда и дала-бъ весь светъ, абы ѡнъ былъ здоровъ и простъ ѡт тое битвы; коли Галиѡт билъ Трыщана, тогда ѡнъ на коленахъ падалъ, а Ижота принимала ударцы в сѣрце свое и была блѣда, гакъ папуга, а коли Трыщан Галиѡта билъ и поле ему брал, а Ижота была велии весела и румана. ѡни били сѧ, а Ижота брала ударцы у свое сѣрце и была пѣвна, же Трыщан маеть добрую битву, занюжъ ѡнъ гонилъ Галиѡта по полю куды хота. А Галиѡт былъ велии раненъ а кровю сходил, Трыщан не велии былъ раненъ, а Галиѡт сѧ силилъ противъ Трыщану, што наболей могъ, и мовилъ: Нехай вижу, колко могу с нимъ трывати. Будучы Галиѡт у своей тѣськности и говорыл: Я не могу збыти смерти ѡт Трыщана. Ажъ вышолъ королъ надъ сту витезми зъ людьми збройными на

помоч Галицѹ, а шли прудко, бо король видель, што его Трыщанъ змагал. Коли Галицѹ позналъ свою хоругв, тогда рекъ Трыщане, ты мертвъ, видиш то сут мои люди, а ты ми убилъ ѡтца и матку, если бых са тебе не мстил, вес свет бы ми за зле мѣлъ. Рекъ Трыщан: Не може то быти, пане, штоб ты мене людемъ застрашилъ, га тебе знаю такъ доброго, не ехал бы ты ко мнѣ, если бы еси мѣлъ мнѣ инымъ мѣстити. Я са иного не бою, а ни са стерегу, толко тебе, а богъ вѣ, же-м ти невиненъ въ смерти ѡтца и матеры твоеи, и сам то добре вѣдаешъ. А даю ти сюю битву за добытую и пусти ма з моею дружиною свободно. Зле-мъ вчинилъ, иже-мъ добыи меча противъ тебе, напротивъ болшого пана и наболшого витеза, а то богъ вѣ, же того не мовлю для страху абых са (стр. 84) бога смерти. И приступилъ, далъ ему мечъ. Галицѹтъ взялъ мечъ и рекъ: Ты-с ми только вчинилъ, што быхъ тебе мѣлъ ненавиdit со всего сердца, але не чиню того для твоее доброты, иж еси наболшыи витез на свете. Не естъ годно тебе погубити и ѡбедую тебе свою прыказнь. А Трыщанъ поклекнулъ передъ нимъ на колени свое и подаковалъ ему дворне за его ласку. Галицѹтъ его узвелъ подъ руки а рекъ: То са не годитъ, ачкѹлвекъ га великии пан, а ты также великии чоловѣкъ и вроженныи, яковъ и га, а витез еси болшыи, нижли га, и нѣтъ тобѣ друга на свете.

А король надъ стома витезми к нимъ приближаетъ са изъ сулицами на Трыщана. И Галицѹтъ закликалъ на него што могучы: Стои, верни са ѡт Трыщана, если ти животъ треба. Король тое чувшы сталъ и вернулъ войско и поехалъ самъ до Галицѹта и пыталъ его рекучы: Пане, какъ са еси мѣлъ? Рекъ Галицѹтъ: Добре з ласки божое, але не велими. Рекъ король: Я вамъ перво ѡ томъ поведилъ. И Галицѹтъ рекъ: Коли есми изъ животомъ с тое битвы, але велими ми са хотѣло з нимъ бити и весел есми ѡ томъ, што са з нимъ позналъ; если бы са могло стати, хотѣлъ быхъ мѣти ихъ изъ Аньцѹлотомъ посполъ, бо тые витези такъ храбрые такъ дворные и всакое доброты полны. Рекъ король: А што теперъ мыслишь? Галицѹтъ рекъ: Поедьмо вси до дому Трыщанова с нимъ и тамъ ѡпочыну покулъ буду здоров. И вселъ Галицѹтъ и Трыщанъ и

Ижота и вса их дружина велми прудко, и коли прыехали на гору и в замок, который са зовет Ураш, огледали ран Галиота и Трыщану, и были в Галиота великие раны и кровю был надышол. Лѣкары приложили зѣлье къ ранамъ и дивили са какъ ест живъ, и не мог рушыти тѣломъ цалыи месец. А Трыщан лежал пятнадцат дни, а товаришы его были пры немъ, а которые были у темницы, тые са вси собрали къ Трыщану. А тые люди прышли из Артиушом королем, который надъ сту витезми, и вшли у Плачевный город; и выступили вазни а град зажгли, бо граждане били са з ними ш тот закон Иосифов, который деръжали много лѣт. А Галиот прыказал, абы никто Трыщановых не гнѣвал а ня его госта, а не дал шт себе Трыщану штходить поки шба выздоровели. Рек Галиот Трыщану: Я былъ прышол у тот шстровъ на твою смерть, помстити смерть штца (стр. 85) моего и матки моее, але вѣдаю иж ты вбл ихъ по неволи для твоего рыцэрства; штпускаю тебе тое. А поведал ми еси, иж несеш тую панну за своего дадка, какъ са еси ему шбецалъ; га та пускаю з нею, але велми ми жалъ того, што не можешъ ехати зо мною, иж есми не видел жадное мильшое рѣчы, коли бых вас виделъ с паномъ Анцолотом уместе. Ты можешъ взати штпущение у своего дадка и прыедъ ко мнѣ у королевство сирелонское або гдѣколвек буду, успомени тую дворность, што еси мелъ шт мене и штпущени гневу моего, прыед ко мнѣ што наборздеи можеш, а га ти шбецую са какъ витезь, бо есми не король, тыэ панства и земли мое, што есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абых мѣлъ з вами двема товаришство, а вы со мною; га быхъ большого богатества не хотелъ. Рек Трыщанъ: Пане, велика милост, ты-сь такъ много для мене учынилъ, га тобѣ того не могу заслужыти, але коли бог даст животь, га тебе хочу ускоре видети гдѣколве будешъ. То ти говору зъ своею дружиною. И было ему море тихо, и Галиот его провадилъ до мора и просил его, абы инакъ не вчынилъ, и так бы учынилъ, како са прышбецал.

Але потом мало помешкавши прышла ему вѣст, што Галиот преставил са, и ш том Трыщан былъ велми жалостень..

И коли са розлучыл Галишт с Трыщаном, писал Галишт лист своею рукою и послалъ до королевое Веливеры, поведаячы ей тое попованье злых законовъ по смерти ѡтца и матки своее, и такъ нѣтъ болшых на свете ѡт двух витезей; и межы ихъ не знам, которые болшыи, если Анцолот з Локве, чы-ли Трыщан зъ Блисноса, сестренец корола Марка.

Коли Веливера тот лист прочла, было ей велии вдачно и рекла: Мило бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут было ѡ Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ час былъ ѡнъ з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогды, коли Миленец корола Бана и Бендемагуль прыехали у двор корола Артуша и добыи королеву Веливеру в опецъ Ке-нишовои столника и повел ее у Лондрешъ.

И коли прыехал пан Трыщан у Корноваль со Ижотою ик королю Марку из своею дружиною, и тут было великое веселье, такъ молодый, так и старый вси са веселили, играли. И в том веселью коли вже была ночь, а былъ часъ Ижоте с королем Марком пойти до лобы, а Ижота была у великои печали, ижъ не могла забыти того (стр. 86) кого миловала. Рекла сама к собѣ: Ёще бых волела ув-острове Урашову быти, гдѣ еси мѣла Трыщана по своей воли. И в той мысли легла на постели; для утраченья паненства своего упростила Брагиню, абы вмѣсто ей с королем на лобы была туо первую ноч. И король Марко мешкавши прышел до нее у ложницу, а в ложницы ни кого не было, ѡдно Трыщан и Говорнар а Брагина. Скоро са король розобрал, Трыщан погасил свѣчы, и рек король: Чому-сь то вчынил? Рекъ Трыщан: Ђбычай тот естъ ув-Орлендѣи, коли хочет великий панъ на першую ночь лечы с панною, свѣчы угашают, абы са панна не стыдила. И мене мати ее заклела и та са ей такъ ѡбещалъ. Рек король: Добрѣ еси учынилъ. И затым вышли вон из ложницы Трыщан, Ижота и Говорнаръ. А Брагина легла на постели вмѣсто Ижоты, а Ижота была на тот часъ устала на-против корола, коли король увошел у ложницу, и стоала Ижота у закрете, поки к ней вышла с коморы Брагина.

Коли король спольнил з Брагиною, не позналъ штобы не Ижота; и скоро по спаню вышла Брагина, а Ижота ушедшы легла с королемъ. И коли было на завтреи, рек король Марко Трыщану: Трыщане угодниче мой, сыну мой нероженый, принесть ми еси чистое злато. И былъ Трыщан ѿ томъ велми весел. И на той радости велѣлъ король Марко витеземъ исполнити серцо весельем, а говорыл: Привель ми Трыщан чистое золото; и казал привести всакые гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы; того дѣла учынилъ такое веселье, абы са рыцеры ку храбрности мѣли. Видечы панны такое веселье, танцовали горотинский танец за доброт пану Трыщану, говоречы: Привель намъ пан Трыщан у чомъ намъ ест пѣти играти до конца дней наших. И позирала руса Ижота своими ясными очыма на ѿсобу пана Трыщана, а Трыщан таке-ж на Ижоту позирал, ниhto того со всихъ витезеи и паней и панен не зналъ, толко Трыщан а Ижота и Говорнаръ и Брагина. И пребывал король Марко у весели зъ своими витезми.

И ѿдного часу пришол ѿдин витез корола Марка и рек ему: Велможный королю, нехай то будет угаено што ти хочю поведати. И позрѣвъ король на витеза, рек: Говоры, што хочешъ. Рек витез: Ты пан мощныи, а мнѣ невдачна твои легкость; аз ти повѣмъ: милуетъ Трыщан Ижоту телеснымъ учынкомъ. Король рекъ (стр. 87): Можетъ-ль того довести? Он рекъ: Пане, заисте есми чул иж мают сыйти са у первую сторожу нocy у городец за сѣнями. И король Марко, хочечы того доведати са, рекъ рыцаромъ: Маемъ ехати. Рек Трыщан: Кому велишь зъ собою? Рек Трыщану: Ѿ почстеныи рыцѣру Трыщане, не едь тепер со мною, жди мене тут завтра. И ѿтехалъ король далеко ѿ двора и вернулъ рыцѣров ѿт себе, а самъ вернулъ са ѿпять до двора и ушол у городецъ и възлѣзъ на яблонь. А тогды была ноч месечна и дла того не могъ скрыти теню своего. А пан Трыщан змовил был со Ижотою, абы вышла у городец; она вышла и стала близко тое яблони велми весела ѿ милости Трыщановой; а пришол Трыщан ко Ижоте близко и убачылъ тѣнь чоловѣчьи

на яблони и погледѣлъ ку верху и поклекнулъ на колѣно, рек Ижоте: Ѡ велебная пани всимъ панямъ коруна, дла того есми тебе просилъ, абы еси вышла у сесь ѡгородець, та бых сказал мысль мою. Мышлю понти по мору и по суху, бо есми чул, што рекъ король Марко: Позирает Трыщан на Ижоту милостнымъ ѡбываемъ. Ино дла бога, поведаи королю мою службу, такъ есми бил са с огненнымъ Бланоромъ, з наибольшымъ витеземъ, дла его быхъ ему тебе досталъ; нехай бы са король на мене не гневалъ. Ижота была вельми мудра и ко всакой речы хитра, познала, ижъ Трыщан нешто видит, и посмотрела по ѡгородду и ѡбачыла тѣнь чоловѣчыи на земли, и не возревшы на дерево и рекла: Ѡ велебный витезю, всимъ витеземъ коруно, который мигуешъ панство короля Марка, бо ведает король твою великую послугу, што еси ѡсвободилъ всю Корновалу ѡт мала и до велика, и вси ѡколные стреснули са дла великого витезства твоего. То бы мѣлъ быти великий дивъ, же-бы король забылъ твоее доброты, а мѣлъ вѣрыти ѡдному витезю; буду та ѡ тобѣ мовити государу королю, наведеи са, ижъ король мне, малъжонце своеи, будетъ верыти. А коли еси вмыслилъ ходити по мору и сухомъ, еще понехавъ, покуль прыидет король Марко. Пан Трыщан въздалъ фалу богу и подаковалъ за то красной Ижоте и поклонилъ са, шол ув-обецный палацъ, а Ижота до ложницы. И злѣз король Марко из дерева и рекъ самъ къ собѣ: Нѣтъ тут Трыщановы вины, если бы то была правда, ино то бы теперь было. Прышло на мысль ему, ижъ тотъ витезь гнѣвъ маст на Трыщана, ижъ с Трыщаномъ ходилъ ув-Орлендѣю по Ижоту; а коли прыстали под замокъ Дамолоть в лонгъ-дрышпъскомъ кролевствѣ (стр. 88) в держанью короля Демагула, а такъ к нимъ прыехали были два витези, Гящоръ и Маргоноръ ровни собѣ пытаючы, а Трыщанъ вельми хотелъ з ними коштовати са, и тотъ витезь внималъ его мовечи: Трыщане, не пошли есмо с тыми витезми битъ са, але пошли есмо прынести Ижоту из города Биана из Ѡрлендѣи, дочку короля Ленвиза, нашому пану королю Марку. Тогда ему рекъ Трыщан: Если ты боишь са колоти у Лондрешы, тогда не-иди с нами ув-Ѡрлендѣю, занюжъ

там найдем много добрыхъ витезев, а не дадут намъ Ижоты без мощное битвы. И за тое тот витез гневаль са на Трыщана; и прышол тот гневъ королю на умъ и не вѣрыль ему.

Прышол корол Марко у палац и прышла к нему Ижота и рекла ему: Велебный пане, повѣмъ ти одну реч. Коли еси ште-хал из своими витези до другого двора, а тут оставилъ Трыщана, шнѣ захотѣл поехать по свету, и на его пытала: Чого дела едеш? И шн ми рекъ: Позналь есми; што король на ма позираеть гнѣвными очыма; и на его унела, доколе са по тобѣ доведемъ. Прошу та, государу, для того позирана, вѣдаешъ сам, како Корновала была понижона шли-жъ ее Трыщанъ освободил, убилъ наибольшого рыцѣра Амурата шрлендэйского ув-острове Самсоне, освободил Корновалу шт великого и до малого, а то чынил для того, абы ты пановал; а еще побилъ наибольшого витеза шгненого Бланора, и то чынил для тебе, мене тобѣ доставаячы. И еще который бы колвек рыцѣр прыехал шткул на твои двор ровни пытати, а еслиб вѣдал, што Трыщан у вас ест, не мѣти будет с нимъ битвы, а если са будет бити, ты будеш повышон Трыщаном; бо коли прыездчали рыцѣры на штца моего двор, тогды са не мог найти ни шдин витез, который бы са противил Паламидежу; и коли са зѣехал с Трыщаномъ, ино Трыщан с кона его скинулъ. Для того, пане, не дай ему шт себе проч пойти. И король Марко послушал ее шудныхъ рѣчей и рек еи: Поведано ми на Трыщана, але самъ знаю вѣрна его к собѣ и милую его серцамъ яко сам себе.

(Сонъ королевский) А потомъ рек король Марко красной Ижоте: Видель есми сонъ: было шдно панство велми хороше, и на немъ была выросла шдна рожка велми пекна, а на ней были цвѣты велми красны; и говорыли витези: то будет панство доброе для тое красное рожы. И говорылъ пан того панства (стр. 89): Панство мое, але рожка не моя; хтоколвек шзмет цвѣт шт рожы, будетъ ему рожка. И многие рыцѣры прыездчали у тое панство, а каждый рыцѣр хотѣл того цвѣта шт тое рожы, и ни-кто не мог взати цвѣта шт рожы; и прышолъ шдин витезъ и

простер руку к той рожы и шталъ шдин цвѣтъ шт рожы. И рекли шныя витези: То ест диво, гакъ долго не могъ ништо штнати цвѣта шт тое рожы, а сесь рыцар скоро прышоу и взалъ цвѣт ее. А тот витез былъ велми весель ш той рожы, а коли еще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не мог болшь уфатити. И в тот час прочутилъ са есми шт сна. Ижота рекла: Пана, мнѣ са видит, который витез взал цвѣт шт тое рожы, его будеть и рожа. Корол внимал штобы са того ништо не домыслилъ, а Ижота была велми мудра и домыслила са для чого то корол мовил, и внимала же-бы ему Брагина поведала ее миловане съ Трыщаном. И была Ижота велми сердита на Брагину и мыслила гак-бы она не была жыва.

И поехал пан Трыщан в чыстыя дубровы искати битвы, бо шт неколку дней жедаль того, а Ижота рекла Брагини: Поехал пан Трыщан битвы искати и там мусит несколько ран мѣти, а того былиа мало, чым раны лечыти; а такъ поехати мнѣ або тобѣ зѣльа того искати. Рекла Брагина: Ш почтенаа пани, не слышит тобѣ мимо мене ехати, а хотя бы ми и далеко морем и сухом ехати, га поеду не толко до чыстых дубров и далее прынести зѣлье пану Трыщану. Але прошу тебе, пошли со мною двух витезей, абы ми которого прыслова не было. Ижота казала позвати дву хлопов и велела имъ вбрати са у зброю, а кды са они убрали, рекла имъ: Поедьте с тою девкою и тамъ загубите ее на смерть, а га за то вам упрошу короля, абы васъ поставил витезми. А коли прыехали в чыстыя дубровы и мыслили много говоречы: Таа панна много послужыла пану Трыщану у граде Битану у Шрлендан, она ест мудра и хитра; споведаймо мы то ей, чого для поехали есмо, может-ли то она вчынити, гак быхмо были просты шт карности и она шт смерти? И они рекли: Вѣдаеш ли, панно, што маеш шт нас смерть? Она рекла: Не могу ничего з вами мовити, докул не вижу парсун ваших. И они знали гелмы и указали ей парсуны, и она познала их Брагина, што они поехали (стр. 90) для ее смерти, и рекла: Не смѣйте иного вчынити, шдно што вамъ казано; а коли хочете, можете быт про-

сты ѡт греха и учинити приказане пана нашего. Ѡни рекли: Ѡ добрага панно, дла того есмо тобѣ споведали, што быхмо просты ѡт греха, а ты ѡт смерти. Девка рекла: Поведете ма на распутие чыстых дубровъ, есть ѡно древо велми красно, гдѣ завжды много лютых звѣрей, к тому ма древу прыважыте, нехан ѡт звѣрей уму. А дла того рекла, иж мало того, штобы не былъ витез пры том дереву. И тые хлопы прывели ее и прывезали к тому дереву и позирали на вси стороны, ѡткуль тые звѣры прыдут, и вбачыли иж едет красныи Паламидежъ Ануплитичъ, а за нимъ его слуги. Исполнила Брагиня сердца весела, ижъ познала красного Паламидежа; и взрѣлъ Паламидеж и рекъ своимъ: Не стало ми са на мою мысль, га былъ дла того поехалъ, абых ѡт руки пана Трыщановы вмер, ажъ его самого смерть поткала, бо коли бы былъ панъ Трыщан жыв, не стало бы са то Брагини. Рек еи: Помилуй тебѣ бог, панно, такую смертью пан Трыщан згибъ? Бо если бы ѡн был жыв, не стала бы са тобѣ такаа легкост. И ѡна рекла: Рыцѣру, га та знамъ, иж ты храбрыи рыцѣр Паламидеж, сын короля Ануплита, набольшыи неприятель пану Трыщану. Такъ бых не погибла ѡт лютых звѣрей, гакъ есми не видела весельшого пана Трыщана гак вчора был, и поехалъ в чыстые дубровы битвы искати з добрыми витезми, иж того давно жедал. Рекъ Паламидеж: Што за выступъ твой предъ красною Ижотою, иж еси в таковой муцѣ? И ѡна рекла: Ѡпрости ма ѡт древа, га вам повем. Паламидеж ѡтвезал ее ѡт древа и рек: Поведай, панно. Ѡна рекла: Дла того ми са то стало: пошла есми зъ своею госпожею з ѡдного кролевства у другое, ѡна понесла свои ѡдинъ цвѣт, а га мои другии цвѣт, и ходили есмо морем и сухом; идучы по мору пани мои утопила свои цвѣт, а га свои не втопила, и ѡна поставила мои цвѣт, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми са тое зло стало. Паламидеж рек: Вѣдает ли то пан Трыщан? И ѡна рекла: Не вѣдает. И ѡн рек: Ѡ добрага панно, ты много послужыла пану Трыщану, а мнѣ еси много выступила, а коли есми тебе ѡпрости ѡт смерти, послужы ми. И ѡна рекла: Кождыи рыцѣр го-

ден чсти зычыти витезем и паннам. Паламидеж рек: Поедмо с нами в Корноваль и поведая ми обычай вашого пана короля Марка. И она (стр. 91) рекла: Добрыи ест обычай нашого пана: коли приидут витези на господу а поведать королю Марку, ижъ приехали витези з-ыное стороны битвы искати, повинен имъ каждому король послати конь и зброю, если будут свое кони потрудили, нехай са на свѣжых збодают. Паламидеж рекль: От чого таковыи обычай вставлен, занюж тотъ обычай есть короля Артуша, который есть всимъ королем коруна по всим чотыром сторонамъ? И она рекла: Тотъ обычай вѣставленъ коли пришол пан Трыщан из Урлендѣи в Корновалю. А за тым поехал Паламидеж в Корноваль. Паламидеж рекъ: Панно, хотѣл бых я, абы ма не вѣдали, хто есми и откуда до часу. И коли приехали на господу рыцарскую, тогда ему привели коня и зброю принесли и рекли: Вы есте витези, пришли есте битвы искати? Паламидеж рекъ: авне; ест ли тут панъ Трыщан? Они рекли: Поехал в ловы. Паламидежъ рекъ: А мнѣ его поведали у дубровах. Они рекли: Поехал был битвы искати з великими рыцары и добыл тых рыцаров. И пытал Паламидеж: Не раненъ ли велми? Они рекли: Ранен, але не велми. Пытал ихъ Паламидеж: Борздо ли мает приехать пан Трыщан? Они рекли: Не вѣдаем, если бы са ему там битва нашла, и он бы змешкал, иж он есть всимъ витезем коруна, которые милуют нашого пана короля Марка. Паламидеж был о томъ велми веселъ, што ему тут не споведали Трыщана, и вышел перед господу и видел тры панъны, а они идут по улицы, говоречы: Велит король витезамъ и дѣвкам к собе прыити увобецныи палацъ. Рек Паламидеж Брагине: Што ти са о томъ видит? Она рекла: Видить ми са, што государъ король хочет о мнѣ пытати. И онъ рек: Коли мнѣ час вдарыти чолом королю? И она рекла: Коли са соидут витези до короля увобецныи палац. Онъ рек: Милая панно, пилнуи того. А потом рекла Брагина Паламидежу: Чась тобѣ чолом вдарыти королю Марку. И он пошол, а с ним его витези. А так пришол красныи Паламидеж з двема мечы, с чорным щытомъ у обецныи палац икъ ко-

ролю Марку и поклонил са; король его привитал велми пудне, а потом рекъ король: Кто-бы мог вѣдати такою смертью згбла дѣвка Брагина, а быхъ его даровалъ велми много, а хто-бы ее сповѣдал живую, за што бы его рука сагнула, (стр. 92) то бы са ему не заборонило. Паламидеж почал ему поведати ѿ короли Артиушы. Король Марко исполнилъ серцо веселемъ и велелъ прынести шахы, рекъ Паламидежу, абы игралъ с ним. А коли сѣли играти, рекъ король Паламидежу: Так ти а говору, рыцѣру, што ниhto са мнѣ не противит в шахы играти. Рек Паламидежъ: Я вѣм королю, што еси пан хитрый, але коли хочешъ играти ѿ тое, который з насъ выиграет, по што са его рука хватит, нехай собѣ ѿзмет. И на то ѿба призволили, и выиграл ѿ тое Паламидеж и рек: Королю Марко корновалский, ты-с рек: Кто бы вам поведалъ о животе дѣвки Брагина, по што бы того рука сагнула, то нехай ѿзмет; а еще еси рекъ, хто бы з нас кого в шахы поигралъ, за што са рука его хвтит, нехай ѿзметъ. А большаа ест речъ вѣра королева, нижли королевство его. Дай ты мнѣ красную Ижоту, а а тобѣ дамъ дѣвку Брагиню. Король рекъ: Гдѣ естъ? Онъ рекъ: На моеи господе. И рекъ Паламидеж своѣму витезю: Приведи Брагиню. И витез ее привел; а коли видел ее король Марко, велми был весел и рек ѿдной дѣвцѣ: Пойди, мов Ижоте: Нарезай са, поехати маешъ с Паламидежомъ. А краснаа Ижота радила са велми тихо, ѿжыдаючы штобы прыспел панъ Трыщанъ, не смелъ бы Паламидежъ ѿ том ни поменути. А такъ прышла пуднаа Ижота пред корола, и рек корол Марко: Рыцѣру, што-ж ти пани. Паламидежъ исполнилъ серца веселемъ и vzdалъ фалу Богу и подяковал королю Марку за Ижоту. Пудная Ижота рекла: Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновалского, он велел мене тобѣ дати, ты самъ ведаешъ, што еси служыл у моего ѿца тры годы для мене, не могъ еси мене выслужыти, але коли ма еси досталъ так борздо у корола Марка, подмо ув-ѿную цѣрков и кленим са богом, абы не ѿставил ѿдин другого до смерти. ѿ том был Паламидеж велми гнѣвешъ и рекъ: Подмо пани. И прыехали къ

цѣркви, Ижота зъсѣдъшы и ушла в цѣрков первей Паламидежа; а были в той цѣркви реманые гѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тыхъ гѣствицахъ до окна верхънего, и коли была у окне, узвокла гѣствицу к себе; а за тымъ вшол витез Паламидежъ (стр. 93) Анулитич у цѣрковъ велми весел. А коли Ижоту свою видел у окне цѣрковном, был велми смутен и рек: (У почстенаа пани, чога дла то чынишь? Згѣзь доловъ и кленимо са ѡдин другому богом, абы не ѡставил одинъ другого до смерти, а сама еси то рекла, пани, та тобѣ говору вѣрою витезскою: коли мнѣ тебе дал король Марко, не хочу поехати без тебе. И рекла Ижота витезю: Поедь з Богом, ижъ естъ витези у корола Марка, которые поехали у ловы, а коли та найдут пры ихъ цѣркви, будеш мѣти мощную битву. Паламидеж рек: (У почстенаа пани, та не бою са ни ѡдного витеза, коли ми та дал король Марко. Тогда погледела Ижота куды поехали витези, и вбачыла аж едеть къ цѣркви панъ Трыщанъ; бо тот ѡбычай мѣл Трыщан: коли ехал до двора, або з двора, завжды заездчал к той цѣркви. Ижота рекла Паламидежу: Витезю, едь з богом, едеть на та витез. Паламидеж рекъ: Пани, што ма страшыш витезем? Не будь ѡдин, нехай будут два! Пани, сонди доловъ, поехати тебе со мною. Ижота рекла: Витезю, поедь з богом, витезь едет к цѣркви витезьским ѡбычаем, стережы са вдару ѡного витеза. Паламидеж рекъ: Не будь ѡдин, нехай будут тры, пани; злез долов, и кленимо са так есмо рекли. Рекла Ижота: Витезю, поедь ѡт цѣркви, дойдеш сорому ѡт вдару другого витеза, бо вже витез близко цѣркви, которы на та едеть. Паламидеж рекъ: Не буд ѡдин, будь их десеть, принимаа вѣрою витезскою ждати тебе тры дни и тры ночи, а не хочу ехати без тебе. Рекла Ижота Паламидежу: Не тры, не два, ѡдинъ Трыщан едеть. А Паламидеж вѣскочыль на кона и побѣгъ што наборъздеи мог, бо вѣдает ижъ умѣет Трыщан с копемъ на кони. И видел Трыщанъ гдѣ побегъ витезь ѡт цѣркви, и позналъ по знамени и скочылъ што наборъздеи мог и не догониа, вернулъ са, бо ему конь был спрацован у ловах. А коли прыехал панъ Трыщан до цѣркви и ви-

делъ цудную Ижоту и розгнѣвал са велми, а не хотѣлъ дла Паламидежа пытати, ѡдно рек: Всадъ, пани, на кона и едмо до корола Марка. Ижота рекла: Не годит ми са ехати вкъ королю, ижъ ме ѡтдал Паламидежу. Трыщан рекъ: Ѡ почстенага пани, якъ то може быт, штобы тебе далъ Паламидежу, (стр. 94) ижъ король Марко любит всякое розличное веселе? Ижота рекла: Трыщане, коли бы ему мило веселе, якъ бы мене дал еждчалому рыщѣру?

А по тыхъ речахъ поехал ѡт цѣрки пан Трыщанъ со Ижотою по свѣту ездити и ехали ѡт Корновали къ Домолоту, и стрѣтила их ѡдна дѣвка и рекла: Рыщѣру, га не знаю хто еси, але бачу та доброго витеза; мнѣ жаль твоее легкости, занюж коли поедешъ тою дорогою, не можешъ быти без легкости. Пан Трыщан рекъ: Панно, даковано ти будь ѡт всех витезев, што еси рада ѡстеречы витеза ѡт легкости; прощу та, панно, чого дела мене унимаешъ ѡт тое дороги? И ѡна рекла: Добрыи рыщѣру, на переду тобѣ стоит корол Артиушъ из своею королевою Жѣниброю, а так есть много добрыхъ рыщѣров, занюж кождыи добрый рыщѣр милует панство корола Артиуша, а тые рыщѣры, коли узрат с тобою нацуднейшую панию, усхотат ю у тебе ѡтнати мощною битву. Рыщѣру, не будет тамъ ѡдин або два, але там много витезев добрыхъ, будетъ кому ламати сулицы, и сам собою ее ѡтдати мусишъ. Панъ Трыщан рекъ: Панно, зафалено ти буди всеми витези и паннами, што еси рада ѡтвести витеза ѡт легкости, але рачы то вѣдати, хто бы ма колвек не ѡтвернул копъемъ на кони, ништо ма не можѣ ѡтнати ѡт тое дороги. А за тым са ростал панъ Трыщан с тою девкою. И коли виделъ шатры корола Артиуша, и там са надевалъ битвы; и были велми цудне украшоны. Того дла рек пан Трыщан красной Ижоте: Почстенага пани, видиш шатер корола Артиуша якъ близко дороги роспят? А га вѣмъ, што тут много добрых витезев, а если мы поедем правою дорогою на шатер корола Артиуша, будет на ма мощна битва, а коли поедем стороною ѡколо корола Артиуша, и так са надевам битвы, узмовать: ѡно ведет страшливыи витез нацуднѣи-

шую панну. Для того, пани, мушу поити правым путемъ къ шатру корола Артиуша. Але тобѣ мовлю вѣроу витезскою: если инуды посмотришъ нижъ мнѣ Трыщану межы плеч, а коню своему межы уши, буду са на та велии гнѣвати. И рекла Ижота: О почтеныи рыцѣру Трыщане, коли быхъ та много ходила по мору и сухомъ, не видала быхъ ни одного рыцѣра большого, толко тебе, а которые суть наибольшыи витези отъ двора корола Артиуша, (стр. 95) тыхъ та всехъ видала у дворе отца моего у Орлендѣи. А такъ прыехалъ Трыщанъ къ шатру корола Артиуша, бо такъ близко былъ шатеръ дороги распатъ, ижъ поврозы черезъ дорогу переходили. Трыщанъ поехалъ дорогою по поврозехъ и зачепилъ конемъ поврозовъ и страснулъ всимъ шатромъ; а в тотъ часъ король седелъ за столомъ исъ королевою своею Жѣниброю и зъ своими витези. И видевшы то витези скакали черезъ столы гледети того, говоречы: Кто естъ такъ пышный и нашому пану королю Артиушу, который естъ всимъ королемъ коруна? Красная Ижота и Говорнаръ, чувшы звукъ сосудовъ в шатрахъ, што витезы скачучы черезъ столы розбивали сосуды, и велии са злалки боячы са ганбы. А коли были за нимъ зъ шатра вышли, видели его наибольшого витеза и с нимъ панюю; а былъ тутъ с ними и Анъцолотъ сынъ Долота корола зъ Локви, намилишныи товаришъ Трыщановъ; але не позналъ Трыщана, што былъ въ збронѣ, и видель са ему велии добрыи рыцѣръ, рече: Много есми ходилъ моремъ и сухомъ, а ни одного рыцѣра не виделъ, который бы такъ мощно на кони седелъ, або такъ хорошо ногу в стрымени держалъ, крома одного, а ни одного панны не виделъ есми такъ цудное, крома одное. И былъ в корола Артиуша подчашныи именемъ Геушъ ново поставленъ витеземъ, а мѣлъ великую храбростъ, але мало силы; тотъ подчашныи виделъ науднейшую панию Ижоту, исполнилъ сердца веселемъ и vzdalъ хвалу богу, прышелъ в шатеръ икъ королю Артиушу и поклакнулъ мовечы: Пренаможнейшыи кролю всимъ королемъ коруно, твоему панству ровни нѣтъ далеко а ни близко, ты мнѣ рекъ, быхъ та виделъ науднейшую панну, тую ми еси мѣлъ дати; про то, пане, коли быхъ та много лѣтъ ездилъ моремъ и сухомъ, не

мог быхъ такъ нанти цудное дѣвки, какъ тага з онымъ витезем, который минул мимо твои шатеръ, не вдарылъ вам чолом. Нехай ему отвоиму тую панну, а его к тобѣ приведу. Король рекъ: Витезю, если ми того витеза приведеш, не толко онаа девка, але чого всхочеш, то взмеш. Оныи подчашыи подаковалъ велии смѣло, какъ бы вже въ своихъ рукахъ мѣлъ, и почалъ са убирати въ зброю, велии борздо поспешаючы са за Ижотою. И Анцолотъ ему рекъ: Геушу, не квап са ехати за тым витезем, бо га знаю (стр. 96) какъ он на кони сидит и как-ли ногу в стрѣмени держит; перво хочэ дати твои кон видение нам на поводы наступаючы, нижли бы ты его привел пры своем слабом стрѣмени. Иа тобе повем справедливе: не могъ бы страшливыи витез так цудное панны водити, и перво нас бы в него отняли. Геушъ рече: Не слышит ни одному витезю другого витеза отводить от его почестности, а га тобѣ повемъ верою витезскою: коли га с нимъ соимем, мало з нимъ мышлю мистерства простирати. Панъ Анцолотъ рече: Пане подчашыи, га тое надѣи, коли са соимете, мало мистерства будете простирати. А так поехалъ подчашыи за паном Трыщаном што наборздеи могъ у великой безпечности. А коли его увидели Ижота и его Говорнаръ, и рекла Ижота Трыщану: Витез за тобою едет. Рече Трыщанъ: Иакъ едетъ? Ижота рекла: Што наборздеи колко конь может. Рек Трыщан: Тот витезь ново поставлен, а мыслит со мною мало мистерства простирати, а га съ ним. Аж кличе Геушъ подчашыи великим голосомъ: Рыцэру, што водишь нацуднейшую панну, почекаи ма, нехай увидиш, который з насъ будет годнейшыи миловати ее. Пан Трыщан перво копье взял подъ пахи, ниж са обернулъ, и рече: Едь да видишь.

(Битва Трыщанова з Геушомъ) Коли снали са копыи вместо, Геушъ полетелъ на одну сторону, а конь его на другую сторону, а Ижота и Говорнаръ гледели што са межы ними учынять, и они не могли познати, штобы са Трыщану нога у стрѣмени рушыла, не толко штобы са у седла показило для зуфалое рѣчы того витеза. Скочыл с кона пан Трыщан и скинулъ Геушу

гелмъ з головы и хотель его души избавити, и он его просилъ ѿ животъ. И рече ему пан Трыщанъ: Уччини-ж так, што га тобѣ велю, а га тебе вызволю ѿ жестокое смерти и ѿ острого меча моего. Оный витезь рече: О пане, хотя бы ма еси послал далеко морем и сухом, если ма живота не збавиш. Рече Трыщан: Рыцери, розберы са из своее зброи и даруй тую зброю своему пану, который га послалъ. Обернулъ са к нему плечыма; и злюбил на том тотъ витез и пошел пѣшъ, несучы свою зброю. Аж идетъ кроль Артиушъ из своими витезми и кролева Женибра с паннами, и увидели витези, што идет конь наступага на поводы, а за ним иде витез нагнув са, и тые витези, што были товаришы подъячашого, говорыли королю Артиушу: Пане, такъ храбрыи твои под (стр. 97) чашыи а наш товариш Геушъ, надеваем са, што убил оного витеза зъ оною панною, а зброю его несет, што николи есмо первей не видали такъ чудное зброи, такъ была на том рыцэры. Пан Анцалот рече: О мои боже, такъ нестале поведаете нашому пану королю Артиушу, бо коли бы нашъ витез того витеза добыл, для чого бы своего коня упустил? А га вамъ говору вѣроу витезскою: наш витез свою зброю носит. А по тыхъ речахъ прышол подчашый, несучы зброю свою на беремени, и прыступилъ къ королю, рэчъ: Пане, воли ма жива, ниж мертва, волел есми то учинити, нижли голову утратити; а га тебе поведам, ижъ нет витеза, который бы са ему противил. И был корол ѿ то велми жалостенъ, што его витезю стала са легъкость. И позвал корол свою королевую Женибру и рэчъ: Пани, поиди с паннами а проси Анцалота, абы привелъ того витеза, занюж он набольшый витез межы нами, всим витезем коруна, который любат панство мое. Королева просила Анцалота такъ говорэчи: Найвышшыи витезю Анцэлоте, для бога соими з нашего пана корола Артыуша терновъ венец и узложы смилного, приведи к нам того витеза, а тебе будет онага панна. Анцэлот рэчъ: Почтенна пани, чого для мене шлеш за тым витезем, за прыкрою моею смертъю? Але коли ты велишь, га мушу ехати. А за тым убрал се в зброю и всел на конь и поехалъ за Трыщаномъ

такъ тихо ступою, бо ведал, што можэ его догонити, говоречы: Не бежить тот витез, которыи водить такъ цудную панну из собою. А коли был близко Анцэлот, увидели ёго Ижота и Говорнаръ, и рэкла Ижота: Пане Трыщане, еде за тобою витез витезскимъ обычаемъ. Пан Трыщан рэк: Пани, какъ еде тот витез? Она рэкла: Витез ест цудное особы, а еде тихо ступою. И Трыщан погледѣлъ далеко предъ себе и увиделъ велми хорошую цэрковъ, а перед нею пекнаа сѣнь; рече Трыщан: Поедмо к той цэркви под шную сѣнь; и поехали тамъ. И рекъ Ижоте: Пани, то ест витезъ старыхъ витезеи, ꙗ (стр. 98) не вѣмъ, если ты будеш его, або мога. А за тымъ прыехали къ цэркви, и сѣлъ под шною сѣнью в холоду и звалъ гелмъ з головы, бо ему была голова ушотѣла. Виделъ его Анцэлот и скочылъ велми борздо, ижъ позналъ што панъ Трыщан, и ѡ познанию его был велми веселъ. И видевши его пан Трыщан, възложилъ гелмъ на голову и вскочылъ на конь, а был готов. И видел его пан Анцэлот на кони, кинул гелмъ свой, и Трыщан его позналъ, скочылъ с коня, и привитали са велми ласкаво и пытали ѡдинъ другого: Рыцэру, такую еси прыгоду мѣлъ ѡт тыхъ часовъ какъ есмо са росли? Хвалилъ са ему пан Трыщанъ такъ говоречы: Которые колвекъ витези што ездечы ровни ищут, плема корола Бана ѡт Банока або корола Перемонта французского, некоторые са не противили ударцу моему. Пан Анцэлот рече: Которыи колве витези любятъ корола Артиуша, ꙗ тымъ витеземъ всимъ коруна. И за тымъ мовилъ къ пану Трыщану: Вели коня готовати и едмо у твою дорогу, занюж не верну са до корола Артиуша. Рече Трыщан: Дла чого не маешъ ехати икъ королю? И ѡн рече: Дла того што есми им мертвъ, толко есми тобою живъ. Трыщан рек: какъ то може быти, рыцэру? И ѡн рэкъ: Послали были маза тобою, абых та привел, а того бы не вчинил ни ѡдин витез. Речэ Трыщанъ: Хочэмо поехати икъ королю Артиушу, а буду ему мовити, иж ты болшыи витез надъ мене. Анцэлот рэкль: Чого бог не хочеть, нихто не можэт учинити: не ест ꙗ болшыи витезъ над тебе, ты всимъ витеземъ коруна. И заса рэкли: Што узмовит Ижота, то

учынимо. Руса Ижота рэчэ: Вы есте шба добрыи витези, бог вѣ, которыи з васъ болшыи, але коли есте рекли то, што з реку, тогды поедмо къ королю Артиушу. Много витезев говорятъ, ижъ ест кролева Жэнибра лепша над мене, а гз сама по собе вѣдаю, што есми лепшага, але хочэм ведати красу паней и доброту витезев. А за тым поехал пан Трыщан из своим наимилшым товарышомъ Анцэлотом къ королю Артиушу. Видевшы их витези были велми весели, (стр. 99) мнимаючы што Анцэлотъ ведет того витеза, а коли были близко шатра, тогды видели ажъ шные витези милують са велми пудне межы собою. И такъ увошли у шатер къ королю Артиушу, а тот корол миловалъ витези болшы, ниж што иного. И пан Трыщан палъ на колена и речэ: Пане, нехай вѣдает твое панство, иж естъ болшыи витез Анцэлот, привел ма якъ елена за горло пред вашу велебност. И то рекъшы всталъ. Тогды палъ на ногу Анцэлотъ и vzdalъ фалу Богу и рече королю и кролевои: Панове, дякуите пану Трыщану за мой жывоть, иж мене не хотел погубити, шдно ма привель, якъ дитя бячом, на стан корола Артыуша. Рачте вѣдати, иж Трыщанъ естъ всим витезем коруна по всим сторонам чотыремъ, морем и сухом. И вси витези рэкли: Вы есте шба добрыи витези, помилуй васъ бог якъ са есте пудне рыцэрством поставили, вашему рыцэрству нет ровни ни близко ни далеко. То вшо есмо вашу доброту видели, нехай ещэ видим красу паней вашей. А королева Жэнибра [и] Ижота шбе са вкрасили што наболел могли; и вышли витези и суди крола Артиушовой гладечы красы их, и шдин изъ судей рекъ: Мы есмо поставлены, абыхмо судили справедливе на шбе стороне, але мнѣ са видить якъ естъ лепшыи злото штъ срэбра, такъ лепшага того витеза пани шт наше кролевое. А вам што се видит? Шни рэкли: якъ еси судилъ, и нам са такъ видить, иж нѣт витеза добротой подобно пану Трыщану, а ни паней, котораа бы са противила паней Ижоте. Кролева Жэнибра за то была велми гнѣвна на тые судьи, нижли не могла тому ничего вчынити и много мыслила, чым бы могла поганбити Трыщана, и просила Гавашна, сестренца крола Артиу-

шова, рекучы: (стр. 100) Рыцэру, збодай са с Трыщаномъ, и если его добудеш, велику честь будеш мѣти иж добыль набольшого рыцэра, а коли он тебе добудет, ганбы тобѣ с того нѣт, а же та добыл наибольшыи рыцэр. Гавашн рече Трыщану: Рыцэру, вели готовати собѣ конь, хочемо са покоштовати. Трыщанъ рече: Добрыи рыцэру, добре еси рек, та нѣт ѿт колко днии жедал фортуны покусити. А такъ выехал Гавашнъ у зуполной зброи.

(Битва Трыщанова зъ Гавашномъ) И коли са видели тые витези межы собою, коли бы могъ Гавашн, роскинул бы тую битву, такъ са ему виделъ Трыщан хорош и добръ у зброи. И рече Гавашнъ: Витезю, варуи са ударцу моего. А такъ са ѿба ударыли, древа скрушыли на много уломъков и треснули са плечыма и шытаи. Гавашн пал на ѿдну сторону, а конь его на другую. Женибра з дѣвками гледѣла, што са межы ними учынить, але не познала, штобы са Трыщану нога у стрымени рушыла, не толко штобы са ему у седла што зказило. Красная Ижота въздала фалу госпуду богу и рече: Помилуи бог пана Трыщана. Видевшы то кролева Женибра Гавашана на земли, и велии сердита была, не жаловала спадениа Гавашнова, колко жаловала рѣчей Ижотиных. Королеваа шла у ѿбецныи палацку кувитезем и рече им: Почтованые витези нашего корола Артиуша, за часть божию и ку воли всим витеземъ и паннамъ збодайте са с Трыщаном, а коли хто з вас добудет Трыщана, он повышыт весь двор корола Артиуша, а если он васъ добудет, в том вамъ не будет жадное ганбы, бо онъ есть всим витеземъ коруна. И в тотъ час вси са убрали и всѣли на кони и волали къ пану Трыщану: Варуи са вдарцу моего.

(Битва Трыщанова зъ витезми корола Артиуша) И которыи колвекъ прышол на вдарецъ пана Трыщанов, кождыи падалъ за конь, и там битва трывала тры дни. А кгда видела кролеваа, што нѣтъ ни ѿдного витеза у дворе кролевом, которыи бы збил Трыщана, толко са сподевала на Анъцэлота и просила его говоречы: Добрыи рыцэру Анцэлоте, сбодай са с Трыщаномъ,

ачеи быхмо были тобою повышоны. Анцолот рекъ: Чому ма плешь к лютой смерти вдарцу Трыщанову? Іа то мушу вчынити. А за тымъ рекъ Трыщану (стр. 101): Рыцэру, кажы кони готовати собѣ, а вбираи са въ зброю, хочемо са коштовати. И ѡн рекъ: Рыцэру, нѣт ни ѡднаго рыцэра с ким бых са так рад коштовал, гакъ с тобою, занюж если ма добудешъ, то ма добыл намлиейшыи товариш и набольшыи витезь, а коли га тебе добуду, то есми добыл намлиейшого товариша и наболшого витеза. Нижли бачымъ еси, гаква ми была моцнага битва за тые тры дни? Даи ми рокъ той битве ѡдин день. Анцолот рече: Не годно тобѣ ѡт мене року просити дна, ѡзми собѣ рокъ патнадцат днии, будеш со мною мѣти моцную битву, ниж со всеми тыми витези. А дла того такии рок положили, иж вѣдалъ Анцолот иж до того року усхочет Трыщан бити са. И часъ был поехати Трыщану до своего стану, и поклонившы са королю и королевои и витеземъ, и хотѣл с ним поити Анцолот, и упростила его королевага говоречи: Рыцэру добрыи, не види тепер, чули есмо иж мает прыити король Самъсияжъ ѡт Чорного ѡстрова на двор корола Артиуша. А за тымъ прыехалъ король Самсияжъ и рече: Вѣмъ, королю, иж еси всимъ королемъ коруна, дла того есми прыехал, иж вемъ у тебе набольших витезей; а вы витези, которые милуете панство крола Артиуша, нехай которого га вась добуду, нехай га надъ ним воленъ, а если которыи з вась мене добудет, нехай будетъ волен надо мною. И витези ѡ томъ были велми веселы и убрали са у зброю, и кождыи з них жедалъ первей прынати битву ѡдин перед другимъ съ Самсияжомъ ку воли королю Артиушу.

(Битва Самсияжа корола зъ рыцэры Артиуша корола)
А за тымъ король Самсияж уфружылъ са и всѣлъ на конь и бил са з витезми королевыми, и которыи колве прышол на ударец Самсияжов, нашол са за конем. И збил король Самсияжъ ѡдиннадцат витезев. А захотѣло са Анцолоту поити против Самсияжу. И коли са поткали, древа поломали на много штукъ и вдарыли са плечыма, аж под ѡбема кони пали. Анцолот спалъ с кона, а кроль Самсияжъ повис на кони и не достал са с конемъ. И говорыли ви-

тези крола Артиушovy: Не ест понижена битва нашымъ витеземъ, бо ѡба с коней спали. Король Артиушъ рече: Не мо(стр. 102) жемо побитое битвы на ногах поставити, тот витез битву добыл, который са с конем не ростал. А былъ король Артиушъ милъ витеземъ, а витези ему; и рече кроль: Волю поити з моими витезми в Чорный ѡстровъ в темницу крола Самсижа, нижли тут ѡстат ѡт нихъ. И оружыи са кроль Артиушъ и всѣлъ на конь и рече королю Самсижу: Варуй са вдару моего.

(Битва корола Артиуша зъ Самсижомъ) И потъкали са короли на вдарец, и королю Самсижу латвейшаа была битва из Артиушом, нижли з наименшым витеземъ с тых его ѡдннадцати витезеи. И палъ Артиушъ кроль далеко ѡт коня, а потом кроль Самсиж повель корола Артиуша и его витези, а тые витези его были велми смутни, кождый был блѣдъ ѡтъ смутку.

Рече Анцолот королю: Пανε, мысльмо, гак быхмо были просты ѡт руки Самсижовы; если не будемо просты Трыщаном, а иным витезем не будем просты. И призывали к собѣ Женибру королеву и рече Анцолот: Пани, поиди найди пана Трыщана и поведати ему, што са надъ нами учынило, и ѡт мене ему мов: Просил та Анцолот твои намилшыи товарыш: Рыцѣру, если не будемо тобою прости ѡт Чорного ѡстрова темницы корола Самсижа, тогды нам умерети у его темницы. А королева шла велми поспешно и стрѣтила ѡдну дѣвку и рекла ей: Дѣвко, можеш ли ми што поведати ѡ пану Трыщане? Онага девка рече: Пани, ѡ ком пытаешъ? Тому витезю всегда ест дома, а господа его на кони. Кролеваа поехала ѡт тое дѣвки велми смутна и стрѣтила другую дѣвку и рече: Дѣвко, можеш ли што поведати ѡ пану Трыщане? И она рекла: Пани, та тебе не знаю, што еси за пани и ѡткуль еси и гакъ тебе има, але вижу та добрую паню, але смутну. Коли ма пытаешъ ѡ пану Трыщану, для его доброты та ти хочю поведати. Вѣдаеш первое прыстанище, а в того прыстанища много судья, и перво вбачыш судью пана Трыщаново въкрашно пѣрлы и дорогим каменемъ; а если его в томъ судне не будетъ, и ты его тамъ пытаи, на котором стану

красу и веселье набольшое узрыш, бо то ѿн любит. Женибра королевата поехала ѿтъ тое дѣвки весела и скоро увидела (стр. 103) тое пристанище, познала судно пана Трыщаново по повести ѿное дѣвки и была велми рада. И близко того судна много станов витезскихъ было; тага пани видела перед ѿнымъ станом дѣвку и пошла к ней и рече: Прошу та, дѣвко, кое стан Трыщанов? И ѿна рекла: Которого пытаешъ, перед тым станом стоиш. И королевата безъ вѣсти влѣзла в станъ а скоро почала говорыти пану Трыщану, гакъ повель корол Самсизж корола Артиуша з его рыцэры. И еще рекла: Рыцэру, мовиль тобе Анцолот твои намильшыи товаришъ: если не будем высвобождены тобою ѿ темницы Самсизжа крола, то мусимо там помрети. А в тот часъ панъ Трыщан почывалъ, иж вчораишыи день бил са з великими витезми и добыл дванадцат рыцэров и мѣл раны не великие, и дла того лежал.

А коли слышал речы королевое, взалъ мѣчь в головах и стреснул такъ прудко, аж з ранъ кровъ по постели потекла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королевата корунованага, гакъ еси ты прышла къ набольшому витезю с печальными речми? Тобѣ было прыити тихо и ѿтворыти маккие уста на тихие беседы, нехан бы са витезю серцэ на храброст ѿбротило. Королевата рекла: Пани Ижота, гакъ наша мысль розна! Ты нацуднейшага пани на свѣте а маешъ водле себе своего пана, у ком надею маешъ, ты его можеш учынити здорова наболеи до десети дней, а га видела, гдѣ поведен мой панъ король Артиушъ и его витези. И поглянул панъ Трыщан сердито на Ижоту дла речей королевое Женибры.

Вѣдаючы Ижота ѿбычаи Трыщановъ, ижъ ему мило веселе, и похватила королевую за руку и почала играти горатанскии танецъ велми пекне, и дла того почало са серцэ пану Трыщану на храброст ѿбрати, и рече Говорнару: Даи ми лютню. И почаль играти велми цудне, и ѿбема паням и пану Трыщану исполнило са серцэ веселем слушаючы лютни. Потом пан Трыщанъ рече Ижоте: Направ ми судно и положи ми у нем хлѣба и вина;

принимамъ тобѣ верою рыцерскою, або ми оцтати с королемъ Артиушом у темницы Самъсижовой, або ми вызволити корола Артиуша и его витези. (стр. 104) Ижота рече: Пане, можеш повти коли будеш здоров. Рече Трыщанъ: Могу лечыт са идучы гкъ и лежечы, ижъ которые равы подъ зброею упаре, тымъ лѣкара не треба. Видевшы Ижота, што не можетъ его унати, рече: Пане, твое судно ест украшено, готово, а легко можно уставити стравы и вина. Тогда ушол Трыщан у судно и Ижота и Говорнаръ и кролева Женибра; и коли са штопхнули от берега, вѣтръ усталъ, а море са надуло, и не знали, гдѣ пристали. Просила Женибра Ижоту говоречы: Пани, ты са не учыла по мору ходити, проси пана Трыщана, абы велел указати пристанище, а мы быхмо уздали хвалу Богу, который нас избавитъ морское смерти. Видечы Трыщан, што на волънахъ морскихъ, взял лютно и почалъ играти, и коли играл немало, ни одна пани не дбала о пристаницы, так имъ было мило слухати. Тогда рек Трыщан морнаромъ: Приставте насъ къ пристанищу, да вздадимъ фалу господу богу, што нас избавилъ морское смерти и от греха. И приставили морнаре подъ один замокъ, где было доброе пристанище, але злыи обычай. Тут прынали Трыщана ласкаве и пытали его: Витезю, што тобѣ тые панны? И он рекъ: Сестры ми ест; указал Женибру, рече: то ми сестра старшага, и указал Ижоту: а то ми ест молодшага. И они рекли: Помилуй васъ богъ, але нигдѣ есмо такъ одностаяного роду не видали. Пан Трыщан рече: Витезю, не рачте за зле мѣти о што вас спытам, бо в нашої земли за то не диват: бо если бы вѣдал, тѣды бы не пытал. Они рекли: Витезю, тут обычай добрый, пытай што ти треба. Рече Трыщан: О томъ васъ пытамъ, вижу вас особы красны, але чому есте так блѣды? Они ему рекли: Чы не вѣдаешъ тутошнего обычаю? Тому замку ест панъ одна панна, которая мужа не знает, а таковыи обычай мает: хтоколвек у тое пристанище пристанет, ништо си не смѣетъ чоломъ ударыти, если не будет валапан; а ты рыцѣру, если-с ест валапан, удар си чолом. Рече

Трыщанъ: Много есми ходилъ морем и сухом, а не видел есми такъ злого обычаю; тажко вамъ што его терпите, а намъ (стр. 105) може быти, што бог даст. Дайте ми коня и зброю, и поеду, отколе есмо прыехали. Они рекли: Рыцэру, могли бы са того домыслити и иньшыя рыцэры, абы са то могло стати. И поимали Трыщана и вкинули в темницу, а в той темницы было дванадцат витезеи от семи лѣтъ, и тые змовляли са: Даймо са звалашати, лепѣи намъ умерети на свете, нижъ у темницы. И один от нихъ рече: О боже мой, а то в насъ пан Трыщан! А другии витезь рече: Чому са узрадовал найбільшого витеза легкости, а нашоя погибели? Он рече: Не радую са га тому, што ты говорыш, але радую са нашому шпрощенію, а его почтенью, бо га вѣмъ, што умѣет учынити пан Трыщан з мечомъ. И были у шное панны два браты, шдин над нею старшыи, а другии молодшыи; тотъ молодшыи завжды, коли хотѣлъ, тогды мовилъ сестрѣ, але старшыи не смѣлъ. И рече еи молодшыи брат: Панно, нехай узму шного витеза сестру старшую за брата, а молодъшую за себе. Она ему рече: Если ми будеш ш том большей мовити, розлучу та з душою. И он пошолъ вонъ и виделъ Женибру и Ижоту, а они стоат, велми цудне убрали са; и рече со всего сердца: Коли бы хотела пойти за мене таа молодшана, га бых еще мовилъ сестре своеи! И прышолъ к ним и рече Ижоте: Панно, если га упрошу сестре моее, хочеш ли пойти за мене, а можем пустити брата вашого? Ижота рекла: Паницу, намъ нѣт ничего милеи брата нашого, который въ темницы вашой. А носила Ижота под сукнею мѣчь Трыщанов; и шныи паниц рече: Могу га дати вам видети брата вашого, але шткажы ми ш милости, што га тобѣ мовилъ. Ижота рече: Одно ты проси сестры своее. В тот часъ Ижота вкинула мѣчь в темницу, и взалъ пан Трыщанъ мѣчь въ свое руки, а шолъ ку воротамъ темничнымъ, а за нимъ тые витези вышли с темницы; и коли их узрѣли тамошние витези, и пустили са к ним улицами хватаючы копѣя в руки и мечучы гелмы на головы, што тѣж и первѣи добывали са с темницы витези, нижли шпатъ

ихъ загонивали. И одинъ отъ нихъ весьма храбрыи перво иныхъ прыбѣгъ къ Трыщану, хотечы его угнати у темницу; тому витезю полетѣла голова далеко отъ трупя. Панъ Трыщанъ почаль чынити жестокие (стр. 106) вдарцы, и в когоколвекъ увиделъ копье в рукахъ або гелмъ на голове, того каждого забилъ. А былъ обычай тое панны, иж ни противъ одного витеза не рушыла са з мѣстца, коли ей чоломъ вдарыгъ. А кгда ей споведали о Трыщану, а она на золотомъ узголовю посмыкала са якъ змига на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла весьма прудко, стретила его на середъ паладу, а вода по ногамъ текла, и поклакънула передъ Трыщаномъ. И панъ Трыщанъ ухватилъ ее за верхъ головы и сталъ голову, кинулъ вонъ далеко говоречы: Нехай са не деръжытъ злыи законъ у томъ острове. И погледѣлъ Трыщанъ по паладу, ест ли тутъ витези, але не было никого, разве одно пана, еще не былъ поставленъ витеземъ. И прышло ему на умъ, какъ его увидѣлъ, рече: Чы не тое то панны брат, што хотелъ взати Ижоту? И пошолъ с нимъ вонъ. И рече Женибре и Ижоте: Пани, годенъ ли тотъ паницъ голову стратитъ? Ижота рече: Пане, мы не ради ни одной смерти, але просилъ тотъ паничъ мене. И Трыщанъ ему сталъ голову. Женибра рече: Пани, чому то еси учынила? Ижота рече: Почстенама пани, та вижу теперъ натуру пана Трыщана, коли быхъ ему правды не поведала, не вѣмъ што бы са з нами учынило. А потомъ са витези собрали ув-обецный палацъ, и панъ Трыщанъ велелъ привести к собѣ вси кони и зброи тое панны и даровалъ тыхъ витезей, которыхъ засталъ у темницы, каждого конемъ и зброєю, и еще имъ рече: Витези, вы ждали выйти на свѣтъ отъ неколка лѣтъ, а теперъ хто што хочеть, нехай собѣ беретъ. Тые витези весьма покорно подаковали пану Трыщану и мовили ему: Рыцарю, коли ты насъ опростилъ отъ смерти, мы хочемъ пойти с тобою и хочемъ вамъ служыти. И Трыщанъ рекъ: Витези, будь вамъ дака отъ витезей и отъ паней, што ма частуете межы собою, але са мною не печалуйте, пойдите в дома вапы, а которыхъ з васъ усхочетъ назвати са пану Анцолоту слугою, а мною Тры-

паном данъ, хочу того вчинити тому замку и тому пристанищу паномъ. И рече с них ѡдин витез именовъ Амодоръ: Пане, га хочу быти слугою пану Андолоту тобою паномъ Трыщаном дан. И панъ Трыщан тот замокъ и пристанищу ему даль для того, абы са (стр. 107) звал на милейшого товариша его слуга. И говорыли тые витези: Ѡ наш милый боже, гакъ много мыслить пан Трыщан повышенемъ Андолотовым! Помилуй его бог. А потом пан Трыщан пусти са на море до короля Самсича велми поспешно, и пристал в другое пристанище, которое то пристанище велми хорошо, а градъ красен и вси ѡбычай добрые мѣль, толко ѡдин зрадливыи крыжняк, тот былъ много добылъ зрадою и был ви-ненъ ганбою витезем и паннам, а таковыи ѡбычай мѣль: каждого госта зрадне забивалъ и статки его брал. И коли са приставилъ пан Трыщан с тыми панами, взял у руки лютню и почалъ играти велми пекне. Пришли витези того града слухати того весела и тое красоты, и прииде з ними зрадливыи крыжнякъ, и говорыли: Тотъ витез не на зло создан, але ку вытежеству створен. Нихто былъ сыт слушаючы тое лютни, а ѡныи зрадливыи крыжнякъ помышлалъ, гакъ бы убил того витезя пры тых двух паннахъ, и говорылъ: Гя мам злота и сребра и всякое красоты, што есми добылъ зрадою и безпечностью моею, и еще коли бым тому витезю пры ѡных паннахъ голову стал, то бы ми досыт бог учинил. Ѡт того часу и до ночи ходил зрадный крыжняк ѡколо Трыщана, хотечы абы его могъ забити, але того не мог довести и рече: Может по рану поити на мшу, а га его дождчу за муром и такъ ему хочу главу стати. Аж идет пан Трыщан на мшу к той цѣркви, а за нимъ Ижота мѣч несла, а кролевага Женибра щытъ, а витези, которые их видели, говорыли: То ест наболшыи витез и нацуднейшыи панны, А коли были близко церкви, Ижота рече Трыщану: На ти мѣч. витезю, варуй са удару другого витеза. Трыщанъ первей меча добыл вижли са ѡбернул, ажъ стоит витезь з нагимъ мечомъ за муром, хотачы тати Трыщана. Пан Трыщан наскочылъ на него, и ѡт ѡдного вдару спала голова крыжняку. Трыщан рекъ: гакъ

есми стал витеземъ, ни зъ однимъ витеземъ такъ простого бою есми не простер, гакъ з симъ витеземъ; того ми жалъ. Рекли ему витези того града: Нехай шнъ болшь того не будетъ зражати, и тобѣ хотѣ тымъ жо послужити. Трыщану то было немилу што его вбиль, мнимал ижъ бы его тутошние витези вызывати на битву мѣли за крыжнака, бо са поспешалъ къ королю (стр. 108) Самсижу. И кгда Трыщанъ пришолъ в цѣрковь, пришли къ нему витези града того с паньнами и мовили ему: Рыщѣру, зафалено ти будь всими витезми, што еси намъ выкинулъ злыи законъ шт доброго пристанища. Пойди з нами, подадимъ тобѣ все имене его, бо тое имѣнье вамъ пригожо, а никому иному да тому, кому ты даси, бо ты над тымъ воленъ, иж есмо такъ рекли: шт кого ему смерть будет, тому имѣне его. Пошол панъ Трыщанъ с тыми витезми, шны ему указали шдны склепы и штомкнувшы рекли: Рыщѣру, то ест твое.

Видель Трыщанъ у тѣхъ склепехъ много всакого добра розличного, золота и серебра и перель и дорогого камня, и всякого розличного камѣнья и товару. Панъ Трыщанъ почалъ делети тое добро рыщѣромъ и паннамъ и комуколвекъ годно было. А такъ и его даровали витези того града говоречы: Повышенъ будь витезю, што еси загубилъ зрадливаго крыжнака. Трыщанъ тутъ шпочинулъ неколко дней и рече королеви Женибре и красной Ижоте: Почтенные панне, што видите прыгоды нашы на сей дорозе; а если тымъ шбычаемъ приидемъ къ королю Самсижу к Чорному шстрову, не вѣмъ што са ш насъ учынит, а не толко што быхмо короля Артиуша и его витези шпростили. Шные панне рекли: Пане Трыщане, хотя быхомъ ходили моремъ и сухомъ, не нашли быхомъ такого порадьцы, гакъ тебе. Панъ Трыщанъ велель собѣ скройти латынские шаты и Говорнару своему, а тымъ панамъ шбема мнишьские шаты, и наклалъ у судно всакого розличного товару и учынилъ са латынникомъ и пустилъ са на море, и рече морнаромъ: Везите насъ к Чорному шстрову. И штопѣхнули са, и коли шли по мору гдѣ далеко шт пристанища, тогда Трыщанъ завжды у лютню игралъ, а тымъ панамъ серца веселил. А потомъ присталъ к Чорному шстрову штоку.

И вышедшы витези корола Самсижовы, шли к нему што наборзден, бо такия обычай кроль Самсиж мѣлъ: ѡт кого бы колвек судно прышло, тогда прыходечы витези брали што хотели, а тотъ купец, што оповедает што в него взято, то король платит за витези. (стр. 109) И рече Трыщан морнару: Ѡтпхни са ѡт краю, бо га вѣдаю корола Самсижов обычай, а если хто в мене ѡзмет Женибру або Ижоту, не мает мнѣ король Самсиж чым заплатить, а злота и сребра и га досыт маю. А за тым закликвал говоречы Говорнаръ: То ходит ѡдин купец, а хотелъ бы свои товар продати, нехай ему квалту не будет. И ѡни рекли: Купче, шлюбует господар король и вси витези, если бы не было твоее доброе воли, а квалту ти не будет. И напотом прысталъ пан Трыщан, и распали шатер и росклали перед нимъ розличного товару много; и прышел ѡдин витез къ Трыщану, мовечы: Рыщѣру добрыи, дла чога са еси учинил латынникомъ? Рече Трыщан: Много людей подобных витезем, га бых радъ, абых тот витез былъ, кого ты мѣнишь, але га латыненинъ; если ти чога потреба, купи, мам ти што продати. И ѡн рече: Рыщѣру, га тебе знам, ты тот рыщѣр, што ѡно побилъ тры витези, племенниковъ корола Бана Банецкаго въ дворе корола Ленвиза ув-Ѡрлендѣи, тобѣ нѣтъ ровни добротою близко ни далеко. Рече Трыщан: Ни што такъ не ѡмылаеть, якъ парсуна чововеческа; колиб ты узложыл зброю, га бых мнималъ што ты витез, але га бачу, што еси блазѣнъ, а хочеш ѡт мене дару. Ѡному витезю было соромъ велми и говорыл: Ничого есми такъ прыличного не виделъ, якъ тот купец ко ѡному витезю доброму. И пытали его иншы витези: Латынине, што естъ тобѣ тые пание? Трыщан рекъ: То ми сестры, ѡдна старшаа, а другаа молодшаа. И ѡни поведали королю Самсижу говоречы: Пане, которыи купец шлюбу просил, естъ с нимъ двѣ девки сестры, але быхмо на крыж свѣтъ прошли, цуднейшых быхмо не нашли, але што молодъшаа бѣла якъ паперъ и красна якъ рожа; если бы-с хотел, мог бы их купити. И шол самъ король Самсиж, абы ихъ виделъ, и прыде къ шатру Трыщанову и рече: Здоров, латынине. Трыщан потек

к нему и поздоровил его, и дивилися са королевы витези, як мистерне тот латынинин до крола кинул; з нас бы того никто такъ не вчынил. Король пошь в шатер и зосталъ шныя панне в шахи играючи, которые шахи были крышталовы велми пекны. И пытал (стр. 110) король: Латынинне, што тобѣ ест тые панны? Рече Трыщан: Сестры ми ест. Крол рече: Продай ми тые шахи. И шн рекъ: Не можеш ми заплатити. И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, га бых тобѣ дал за кожного пѣшка еждчалого витеза, а за корола того крола Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што са не продаст, того не можеш купити. И крол рекъ: Продай ми сестру молодшую, а хочу тобѣ золотом тры крот ее отмѣрыты, а серебромъ колко самъ усхочеш. И шн рек: Пане, рек ми еси, чого быхъ не хотел продати, в томъ квалту не будет, а коли бых сестру свою хотѣлъ продати, в первымъ же пристанищу большую бых цѣну взял. И рекъ корол: Играймо-ж в шахи ш нее и ш третюю часть моего королевства. И Трыщан рекъ: На што бы ми не было моеи воли, рекъ ми еси, на то квалту не чынит, а га не знаю, як в шахи играют; га поставлю попа в старшомъ местцу, а иншыи шахи гдѣ маем поставити? Рек король: Правыи ест латынинин, у нихъ поп начеснейшыи. И зась рече король: Латынинне, збодаймо са-ж ш тую панну и ш пол моего королевства. Трыщан рече: Рек ми еси, на што моеи воли не будет, квалту быти не мело, а га не знаю, як на кона усѣсти и якъ у зброю убирати са. И шн рекъ: Рубаймо са-ж ш нее ш все мое королевство, с того троига шберы себе, што хочешъ, а коли не всхочешъ, га и даром шзму. Трыщан рече: Коли нѣт у первой речы, не може быти и у последней, бо есми не видал большое битвы, шдно коли са почнут бити играючи латынские дѣти текучы по улицах древнаными мечыками; так ли и мы маемъ? Король рече: Так, латынъниче, але мы будем железными; добре еси учынилъ, што ми еси тую цудную панну привелъ.

И назавтреи прынесли шт корола Трыщану двою зброю говоречы: Убирай са, латынниче. Трыщан почалъ класти левую наруч на правую руку, а правую на лѣвую, а правую на нож

на лѣвую, а левую на правую, и рекъ: Понесите тую зброю паву вашому, иж не може прыстати свѣтлаа зброа на латынские плечи. И они повесли зброю и говорили: Милостивыи королю, не вмѣст вбирати са, а наша пани, позираючы на него, смеет са, тым са веселит, не жалуючы смерти брата своего для твоего почтеныа. А межы тым (стр. 111) Трыщан рекъ Женибре и Ижоте: Справуйте лѣкарство до ран, занюж поведу къ наболшому витезю сего свѣта, а вберите са в налепшые шаты. И вышол панъ Трыщан в зуполной зброи, а на гелму в него велии пудного цвѣту венокъ, а за нимъ собе панне. Аж стоит корол Самсиж изъ своими витезми, и коли обачыл Трыщана, не радъ бы с нимъ мѣлъ битвы, але коли видел Ижоту пекне убраную, хотаб ему и шлюб втратити, взал бы ее без кождое битвы, такъ са ему хороша видела. И рече крол: Латынничэ, ѿ што еси со мною прыналь битву? Ѿ мое королевство? И он рек: Королю, ты-с то мовиль, а за того не прыималь, занюж вижу близко себе смерть свою, але мушу прынати с тобою сечу. Я много ходилъ морем и сухом, а коли маю умерети, волѣлъ бых тамъ, гдѣ видать болшь смерть мою. Чулъ есмь, што есть в тебе много добрых людей в темницы, вели ихъ вывести, нехай видат смерть мою. Король рек своим: Што то ему поможе, ижъ кроль Артиушъ з витезми своими увидятъ смерть его? Велите ихъ вывести с темницы. И когда кроль Артиушъ з витезми своими вышли, и видевши их Артиушовы витези дванадцат и пан Анцолот, розсмеяли са, ѿкром Паламидежа, наибольшого непрыателя Трыщанова. Король Артиушъ рече: Чому са смеете? Не дивлю са иншым, але дивую са Анцолоту, што са смеет смерти наибольшого витеза а намилшого товариша своего, а нашон и своей погибели. Паламидеж рече: Если маем быти просты Трыщаном, лепей бы нам умерети в сей темницы в Чорномъ ѿстрове. Анцолот рече: Не смею са за его смерти, але ми ест мила свобода наша, иж вемъ, коли ест тут Женибра королевая а Ижота, укажэт пан Трыщан кунштъ.

Король Самсиж прыступил и рече Трыщану: Би са, ла-

тыниче. Трыщан рече: Пане, навчы ма. Король вынал мечъ и почал бразкати по зброи его говоречи: Так тыни, а так са укрьи, и заса рече: Хочеш ли, латынине, оставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыли добре, яко пан великий, але коли бых са мог уложыти от твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И он рече: Если можеш, укрьвай са, але не уможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? (стр. 112) Король рече: Тви. Трыщан рече: Кролю, научыли ма еси, варуй са-ж ма.

(Битва Трыщанова зъ Самсижом королем) И почали са говати, яко лвы по полю, один на другого насакага, яко тым витезем, которымъ не было ровни близко ни далеко. Прыбивал Самсиж Трыщана, и он са заметал мечомъ и щытом и на колени падалъ перед мощными ударцами Самсижовыми, а коли Трыщан прыбивалъ Самсижа, он са заметал мечомъ и щытом и на колени падалъ перед мощными ударцами Трыщановыми. Витези короля Самсижовы говорили: Дива великие! Не мог са наити ни одинъ витезь, который бы са могъ противити нашому пану, а оныи латынник такъ чынит, скаче яко левъ. И прыскочы Самсиж и почалъ рубати што наболеи мог по зброи Трыщановой; дабы ихъ зброи не удержали, оба бы были мертвы. На конецъ битвы повзрел панъ Трыщан, аж Ижота з лица ступила, и для того панъ Трыщанъ откинулъ щытъ и взял мѣчь у обе руки и почал чынити жестокие ударыцы без укладаны и талъ короля Самсижа по обеюх руках, и отпали ему руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметай са королю, абых ти рукъ не окрвавилъ, але болшь того не умѣю. И ухватилъ мѣчь свои за конец и понес Самсижу говоречи: Чого для еси покинул мѣчь твой? Если тажок, на-жь ти мой мечъ, а тот дай мне. И повзрел кроль Самсиж на Трыщана гнѣвным обычаем. Рече Трыщан: Чому на ма так сердито смотришь? Што есми тебе победил хитре и мистѣрне, инак есми не вмелъ с тобою поити, ено такъ. Кроль рек: Почтенныи витезю Трыщане, по шырмеръству есми тебѣ позналъ и просил есми бога, абыхъ не вмер наг-

лою смертью ѡт жестоких вдарцовъ твоихъ и ѡт ѡстрога меча твоего. И тобѣ говорю вѣроу витезскою, бы ми еси того послалъ кто бы ми ѡ тебе поведалъ, ꙗ быхъ тобѣ пустилъ корола Артиуша и его витези, бо вижу ижъ ми дла ихъ прыщла смерть. Видельъ то король Артиушъ изъ своими витезми, пошоль до Трыщана и сполнилъ серцѣ веселемъ, и почали са съ Трыщаномъ привитати велими ласкаво и въздали фалу господу богу, а даковали пану Трыщану: Навышшыи рыцѣру, зафалено ти будъ всеми витезми, ижъ еси насъ ѡсвободилъ ѡтъ темницы Самсижовы. И кождый рекъ: Богъ помилуй Трыщана, ижъ такъ много працовалъ дла корола Артиуша и его витезми своею доброю волею. (стр. 113) Панъ Трыщанъ казалъ принести тое веселе, которымъ са Самсижъ веселилъ, трубы, дуды, лютни, арфы, арганы, шахи, варцабы велими цудне украшено ѡбычаемъ господскимъ, и почали веселити са. Того веселья мило было слухати королю Артиушу и его витеземъ; и коли панъ Трыщанъ самъ узалъ лютню и почалъ играти велими строинно, королю Артиушу и его витеземъ исполнило са серцѣ весельемъ слухаючы ноты лютни Трыщановы, и ни кто зъ витезми не бы сътъ слухаючы. Тогда Ижота ухватила королевую Женибру и даровала королю Артиушу: Пани, даруетъ ти панъ Трыщанъ тую панию, ачьколве котораѧ легкостьъ вамъ стала, нехай са почестностю направитъ. И каждого витеза даровала конемъ и зброею, и еще рече витеземъ: По што са чья рука хватитъ, не будетъ ему заборонено. Анцолоту рече Ижота: Рыцѣру, даруетъ ти Трыщанъ штоколвекъ добылъ имѣней зрадцы крыжнака, а даруетъ ти витеза Амодара изъ замкомъ тое дѣвки, што была пониженый законъ поставила у своемъ пристанищу. Кроль Артиушъ уздалъ фалу господу богу и даковалъ Трыщану, говоречы: Ѡ навышшыи витезю Трыщане, захвалено ти будъ великое твое рыцѣрство всеми витезми и всеми людьми по всихъ чотырохъ сторонахъ! Доброти твоее нѣтъ друга ни близко ни далеко на земли.

Тутъ приехалъ ѡдинъ витезь изъ Францѣи ѡтъ корола Перемонта и вѣдалъ ѡ тыхъ витезахъ в тогѣ пристанища и велими хотѣлъ съ ними ровни пытати. Видельъ то Трыщанъ, ижъ ѡнъ на то

приехалъ, рече кролю Артиушу: Велможный королю, всим королем коруно, за част божую дай ми один даръ. Артиушъ рекъ: Надо всимъ еси воленъ, одно не дамъ ти говити с тым витеземъ. Трыщан рече: Я того прошу, а иного всего досыт мам. И крол: Даа того-мъ то рек, што еси спрацоваа, але и тымъ будь воленъ. И подаковааъ ему Трыщан, и витез Францѣйский рек ему: Рыцѣру, за свою великую легкост дакуеш ему. И Трыщан рекъ: Поглядишь того.

(Битва Трыщанова з витезем Францѣйским) И всели оба на кони а вдарыли са мощно, копа строщыли на много штукъ, а сами са вдарыли щытами и плечыма. Витезъ Францѣйский полетелъ на одну сторону, а конь его на другую, (стр. 114) и никто не мог познати, штобы са Трыщану а нога в стрымени рупшыла. И другие были витези прышли ровни пытати, а кгда видели Францѣйского витеза збитого, и не хотѣли са коштовати, вдарыли чолом Артиушу и поехали там откуа были прыехали. И в том прыстанищы корол Артиушъ и его витези отпочынули нѣколко дней. И отопѣхнули са з великим веселемъ на море отъ Чорного острова, а с ними панъ Трыщан.

И в первомъ прыстанищы отлучы са от них пан Трыщан, а Анцолоть много просилъ корола, абы пустилъ его с Трыщаном. Король рече: Добрыи рыцѣру Анцолоте, коли прыидемъ до дому, оттоль можешъ поехати къ Трыщану, бо завѣжды его можешъ найти, гдѣ витези ровни пытають.

А за тым прыехало къ Трыщану сем витезеи и vzdali фалу богу, што нашли Трыщана, и рекли ему: О навышшыи рыцѣру, ты повиненъ почтеньемъ витезскимъ. Прыехали есмо на величество славы твоа, иж и иншые витези о твоеи милости са пытают. Рече Трыщан: Говорыте, што потреба? Они рекли: Славу тыи рыцѣру, таковыи обычаи маат Смердодугии поганин: хто у его прыстанищы прыстанет, кожного витеза велии ласкаве будеть прыимовати, а коли будет перва стража нocy, укинеть витеза на острые муки, и ни один витез не может поехати без легкости. И мысмо были у его прыстанищы и терпели тое, што и

другие витези. За част божаю, пожалуй наше легкости, поиди с нами ко оному пристанищу, бо если не будем тобою повишоны, то вже нам конецъ, ачеи бы еси з божей ласки тот злыя закон сказал. Трыщан рече витеземъ: И мнѣ есть жалъ тое ганбы ваше, ꙗ хочу пойти з вами, але штобы ма никто не знал, хто есми и откуд до часу.

И коли пришлоъ Трыщанъ с тыми витезми у пристанищу Смердодуга поганина, и вышли против ихъ с того замку витези и вели их ласкаве привитали и розлучыли их зъ оружьем и вели их ув-обецными палац. И прииде Смердодуга поганин у ложницу къ жоне своей и рече дочцѣ своей: Возми лютню и поиди в чорныи палацъ и весели оныхъ витезей, которые не чували играючи, поки будет час вкинути их на муку. И она взавшы лютню пошла к нимъ и почала играти велии хорошо. Тые витези, которые не чували (стр. 115) играючи пана Трыщана, мнимали иж бы никто так чудне не мог играти якъ таа панна. Трыщан рече: Панна, нехан бы са не спросил о што та пожедам. Она рекла: Не спросишь са. И он рекъ: Позыч ми тое лютню, видимъ иж велии пекне играешъ, а мы хожалые витези, ачеи хто з насъ троха на лютню уместъ. Она ему дала лютню, и Трыщанъ не ударыл у лютню, первей почал строити и настроил и почалъ играти велии чудне. Каждому витезю исполнило са серцѣ весела, и таа дѣвка приступила ближей, абы могла ноту перенати. И говорила к себе: Коли бых ꙗ такъ умѣла, што бы ми стоило за все имене отца моего! Трыщанъ познавшы то, отдал ей лютню, и она тут не хотела ни ударыти и пошла къ отцу своему и рече отцу: Отчѣ, если бы еси хотелъ тых витезей соромотити, жыв не будешъ, занюж есть межы ними пан Трыщан, который не даст соромотити. Смердодугии поганин рече: Якъ ты можеш познати пана Трыщана? А тые витези, которые его видали, чы не познали бы, а ты его николи не видевши знаеш? Она рекла: По том ꙗ знаю, иж ни один витез не вмѣеть на лютню так якъ а, кром один Трыщан, а есть межы ними один витез,

што лепшеи нижли ѣ на лютни играет. И поганин самъ пошол гледѣти и прышодшы к ним почалъ с ними розмовлати. Ино по правде пудные рѣчы походили ѡт того витеза, которого ему дочка поведала, и по его добротѣ позналъ и почал с ними дворыти, што налепен умѣлъ, и далъ имъ на ноч добрый покой на ихъ волю. А назавтреи ихъ ѡтпустилъ и после ихъ ворота граду затворыли и узводы узвели, и ѡдин витез з города рече: Вы семъ витезеи дакуите пану Трыщану за упокои сего прыстанища, а мѣли бы-сте легкость, а кгда з вами Трыщан, ничего са не боите. Трыщан самъ рекъ: Мы быхмо ради абы з нами был пан Трыщанъ, икъ которому быхмо колвекъ прыстанищу прыстали, везде быхмо были повышени с Трыщаном. Он рекъ: Заисте ты еси самъ Трыщан. ѡтехавшы ѡт того града розсталъ са з ними пан Трыщанъ, и они ему даковали, што в том прыстанищу почтены им были.— Смердодугии поганин говорыль: Много есми рыцѣровъ ѡсромочалъ, а коли бых могъ еще Трыщана ѡсромотить, (стр. 116) то бых доковал своего умыслу. И поехал за Трыщаном а догонил его, рече: Навышны рыцѣру и славныи по всихъ чотырох сторонах, мыслил есми по свету ездити, а ни с ѡдным витезем а ни с королем не хотѣлъ бых ездити, ѡдно с тобою, и назвати са хочю твои слуга. Прошу та, пане, поедъ в дом мой, абых поручыль замокъ князю, а поеду с тобою. Пан Трыщан на его слово поехалъ самъ. И кгда прыехалъ къ прыстанищу, вышли напотивъ Трыщану с многим веселемъ мовечи: Возвелично има твое, а мы слуги твое. И з ним розлучыли ѡруже его и вышли с палацу. Почали тут межы собою радити; и былъ тут ѡдин витез з далека и рекъ пану Трыщану: Рыцѣру, ѣ не знаю хто естѣсь а ѡткули, нижли бачу васъ доброго рыцѣра и красную ѡсобу; мнѣ жаль твоее легкости: ѡ томъ радать, которою-бъ смертью мѣли тебе вморыти. И Трыщанъ погледѣлъ по палацу и не видель гѣлму а ни меча ни копѣа, и велми ѡтчал са, што не было пры немъ меча его. Витези того града прышли в палацъ и поимали Трыщана, а рекли: Которою смертью хочем его вморыти? Смердодугии поганин рече: Поведите его и сотните. А того-ж дня

былъ прѣехал храбрыи витез Паламидеж Ануплитич з двумя мечы и с чорнымъ щытомъ, наибольшыи неприятель Трыщанов ѿ двора корола Артиуша. И он рекъ: Не слушит так доброму витезю без битвы главу стати, добудьте его битвою рыцэрскимъ ѿбычаем. То есми видал, што витез витезю главу сотнетъ, але рыцэрскимъ ѿбычаемъ, а того не видалъ, какъ вы хотите. — Они ему ѿказали: Мы видали што тать за тата вступае са. Видечи то Паламидеж, што ѿбеюх поганьбили, скочыль и подал ѿдинъ мѣчь Паламидеж Трыщану, и сам з другим мечом; и Трыщан скочыль какъ лютыи, а почаль рубати мощно на право и на лѣво, и в когоколевек увидель копе в рукахъ и на голове гелмъ, тых стинал. И пошол к палацу вбити поганина, и ввидел его бегучи велми рыхло, и догонил его Трыщан, и он вскочыл в цэрковъ свою, гдѣ не годит са рыцэру з мечом воити. Трыщан рече: Пойди вон, зрадцо, и борони са битвою. И онъ рече: Вѣдая запэвне, покуль еси тутъ, не выиду ѿтселе, какож и не выходилъ докуль въ его замку былъ. Трыщан пошолъ ѿ тое цэркви, бо вѣдалъ тотъ закон, што ему (стр. 117) тут не годит са з голым мечом стоять, и пошол на палац Смердодугов и въздал фалу господу богу, што его збавил наглое смерти. И рече Паламидежу: Витезю, зафалено ти будь витезми и паннами, што ми еси не допустил згинути. Паламидеж рече Трыщану: Рыцэру, за всю мою службу, што ти есми послужыл и еще ти мышлю послужити, дай ми ѿдну реч, которое буду тебе просити. Трыщан рече: Чого просишь, дамъ ти, ѿкром Ижоты. Паламидеж рече: Будь ми наибольшыи неприятель, какъ еси перво был. Трыщанъ рече: Не хай того витезю, ты мнѣ великое почстенье учынилъ, а га тѣж могу мыслити ѿ твое почстенье. Паламидеж рече: Иншого не хочу, нижли ѿдно того.

И коли видел Трыщан ижъ мусит мѣти битву с Паламидежом, и рече Трыщан: Рыцэру, если маю бити са, волю моимъ мечом, нижъ тымъ мечомъ. И прынесли пану Трыщану его мѣчь, и убрали са ѿба витези у зброн.

(Битва Трыщанова с Паламидежомъ) И скочыль ѿдинъ

на другого велми храбро, и почали са гонити якъ два лвы, и такъ са мощно рубали, абы их зброа не одержала, оба были мертвы. Прибивалъ Паламидеж Трыщана, он са укрывал мечом и щытом, уступаа перед удары Паламидежовыми, а потом Трыщан кинулъ штъ себе щытъ и взял мѣчь у обе руке и почал рубати не укрываючи са, Паламидеж са заметалъ мечом и щытом на обе колени падаа, надѣючи са смерти штъ мощного удару Трыщанова. Витези того града говорыли: Тот витез погубилъ много витезеи, а тепер добывает красного Паламидежа. Трыщан тал Паламидежа по гелму и ростал ему гелмъ и далъ ему великую рану на голове. Трыщан рече: Витезю, если ма добудешъ, не дадут ти витези пофалы, бо еси виделъ такую есми битву мѣль с оными витезми; понехаимо тое битвы, а положимо собѣ рок, где-ль бы колвек который з нас был, нехаи са становит на тот рок пры той църкви, гдѣ са витези збирают. И положили рок патнадцат ден. Дла того то вчынил Трыщанъ, иж хочет вчынити его шстрыи мѣчь тажку смерть Паламидежу; и ростали са шдин штъ другого, Паламидеж поехал до двора корола Артиуша и поведал ш прыгоде Трыщановой, говоречы: (Ш) витези нашего доброго пана корола Артиуша, помените добротъ пана Трыщанову, як он много (стр. 118) витеземъ почтенн чынил, а тепер не может собѣ добра вчынити. Король Артиушъ и его витези рекли: Дла чоѣ? И он рекъ: Подступил его Смердодугии паганин, вбавил его в град свои зрадн и шковалъ, и та с поганиномъ бил са есми шб него и взял рану на главу свою, дла которое болшеи не могъ са есми бити з нимъ. И положили есмо рок патнадцат дни пры той църкви—поведилъ ее именемъ. Если буду мочы, та буду бити са за него, а если ми таа рана до того року не згойт са, тогды вы его выпростаите. Королю Артиушу и его витеземъ было велми жалъ, Анцолот рекъ: Йкъ са таа легкост стала моему товаришу? И заса стал веселъ с королем: Смердодугии выидет, мало будет со мною мистровства простирати.

И коли рокъ прышол, прыехал пан Трыщан к той църкви, а с ним Ижота и Говорнар, и была над дверми тое църквы написъ

тыми словами: Утъ са маест бити лев зъ змиемъ сего дна. Трыщан рече: Если га лев, а Паламидеж не змиѣи, а если га змиѣи, тогда Паламидеж не левъ; буду га ѡдинъ з нихъ, а Паламидежъ не будет. А в том пан Анцолотъ прыехаль у зброи и мнималь, абы то его ждал Смердодугии поганинъ. А Трыщан былъ того доумманга, абы то прыехал Паламидеж. Анцолот скочил прудко и храбро, а Трыщан его ждалъ смѣло и умѣло.

(Битва Трыщанова зъ Анцолотомъ) И коли са вдарыли, копъга скрушыли и вдарыли са плечыма и щытами, и под ѡбема кони пали. Трыщанъ спал с кона и вхвятигъ мѣчь и рече: Нихто болшеи с копемъ на кони, а нихто з мечомъ на земли. И скочыли ѡдинъ къ другому и почали са гонити якъ два лвы, ѡдинъ другого наскакывага якъ тые, которым не было ровни близко ни далеко. Пребивал Анцолот Трыщана, а ѡн са закрываль щытом и мечом и вступаа перед ударцы Анцолотовыми; а коли почаль панъ Трыщан рубати велми жестоко без укрывана, Анцолот закрывал са мечомъ и щытом, на колени падаючы перед мощными ударцы Трыщановыми. И рек Говорнаръ Трыщановъ: Велико диво, доселе не могъ найти са ни ѡдин витезь з великих витезей ѡт корола Артиушова двора и ѡт Бэнока племени корола Банова из далеких стран, который бы мог так з мечомъ трывати против моего пана Трыщана, толко его намиленшыи (стр. 119) товариш Анцолот, сынъ До[мо]лота корола з Локви. А Говорнаръ Анцолотов говорыл: Много есми ходилъ морем и сухом, а не видал есми ни ѡдного з великих рыцѣров корола Артиушовых, а ни з-ыншихъ далеких сторон, который бы могъ такъ з мечом трывати противъ пану моему Анцолоту, толко пан Трыщанъ. Ижота такие рѣчы выслушавшы и рекла витеземъ: У добрые витези, розберыте са, абы того вамъ не было жалъ. И снали гелмъ и познали са и почали са ѡблапати велми ласкаве; и пытал ѡдинъ другого, яковые прыгоды мѣль якъ са с нимъ рostal. Хвалигъ са ему Трыщанъ и рече: Колкоколвекъ витезей еждчалых, которые добрые витези ездечы ровни искали, и племени корола Бана Венецкого и ѡт корола Перемонта Францэйского,

нихто са не мог мѣ спротивити. И Анцолотъ рече: Которыа колвек милуют нашего пана корола Артуша, тым всимъ га есми коруна. А за тым рече Анцолот: Рыцѣру, узложы гелмъ на голову и рубаймо са, толко есмо тепер зранили са, а ни ѡднои битве не можем ѡдин перед другимъ повышон быти; лепей нехай умрет ѡдин ѡт другого. Трыщанъ рече: Помилуй га бог, рыцѣру, што бити са хочешъ? Нѣтъ ни ѡдного витеза на свете, с кимъ быхъ га рад так битву мѣль гакъ с тобою, занюжъ если ма добу-деш, то ма добыль наибольшыи витезъ а наимеищыи товаришъ, а коли га тебе добуду, то есми добылъ всимъ витеземъ коруну, наибольшого витеза и наимеишого товариша. Але, рыцѣру, волѣлъ быхъ га не знати, ижъ быхъ радней с тобою билъ са, нижли знаючы тебе. Ижота рече: Будьте здрови, рыцѣры, а можете быти здрови за патнадцать днии, а битве дайте покой. А побрала ихъ Ижота, и ѡни поехали у зброяхъ, а раны имъ под зброями прѣли. А стрѣтилъ ихъ ѡдинъ ѡправца в чорномъ знамени, а за нимъ везутъ мертвого витеза в колесехъ, и тотъ ѡправца къ пану Трыщану рекъ: Рыцѣру, мой пан Паламидежъ с тобою змовилъ рыцѣрскимъ словомъ: в которомъ имѣню гдѣколвекъ будетъ, же бы са на тотъ змовныи рокъ становилъ в той цѣркви. ѡнъ бы волѣлъ живымъ быти, але нехай мертвого витеза речъ права будетъ. Трыщанъ рече: Дла тое умовы хотѣлъ са есми убити з моимъ наимеищымъ товаришомъ! И поехалъ пан Трыщанъ и Анцолотъ, и стрѣтила ихъ ѡдна дѣвка (стр. 120) носечы листъ писанъ до пана Трыщана, и дала листъ Трыщану, и ѡнъ прочотшы розсмеялъ са. И рекъ ему Анцолотъ: Чому са смеешъ? И ѡнъ рекъ: Тому са смею: ездитъ дѣвка по народу такъ говоречы: Береть са турнай на дворе корола Перемонта Францѣйскаго ѡтъ семи лѣтъ, хто хочетъ свою сестру або дочку королевую поставити, поедъ безъ мешкана; а мы тамъ не можемо ехати, бо есмо ведми ранны. Анцолотъ рече: Витезю, можемъ мы тамъ ехати, хочемо видети, с которой стороны витезъ турнай добудеть, ачеи быхмо могли ѡпосле копѣе в руки взати и гелмъ на голову напротивъ того витеза. И прѣехали у ѡдно село, а тое село было полно витеземъ и паненъ, и ни ѡдинъ витезъ не хотѣлъ

имъ господа поступити, а ихъ была вжо ночь застала. И взяли древа у руки, хотечы битвою господа искати, и ехали от того села и видели на переде одны дворы, што были добры але спали, а перед ними стоала панна велми з малою дружиною. Трыщан рече: Панно, есть ли у тебе гдѣ стати? Она рекла: Може быти—и ухватила за руку Трыщана, а за другую Анцолота и увела их в один палац, а тот палацъ былъ велми цудне украшон; и заса пошла у другий палацъ, и тот унутры украшонъ господскимъ обычаемъ. Рекла панна: Витези добрые, вам тут станы, вамъ самым у том палацу, а у другомъ вашимъ конемъ. Трыщан рече: какъ намъ добръ стан, такъ и конемъ нашимъ. И прынесла имъ ести двѣ птицы, одну печоную, а другую вароную, вина а хлѣба; и конемъ дано ести. И рече имъ: Витези, честуйте са, занюж вамъ мыслити обо мнѣ и о собѣ. И они са посумнѣли, иж были ранены, а она имъ велит себе королеву поставити.

А потомъ пан Трыщан рекъ: Панно, не рачъ подивити о што та буду пытал. И она рекла: Рыцѣру, таковъ тутъ обычаи, нѣтъ с того диву, чого рыцѣръ попытает, занюж если бы вѣдал, и он бы не пыталъ. Трыщанъ рече: То добрыи обычаи, прошу та, поведь ми, што то за пташечки? И она рекла: То ест два скока, а та есмь дочка одного короля, который вальчыл напротивъ короля Перемонта, и звалчылъ его Перемонт и взял землю его и отогнал от него вси слуги его, толко ему мене оставилъ с тыми скоками; и та какъ могучи кормила есмь отца своего, што убила на обѣдъ, того бывало и на вечеру, а што къ вечеру, того и на снадане. Пан Трыщан рече: (стр. 121) Панно, то са еси кинула на великую вагу, што еси для нас убила тое, чым бы еси мѣла кормити отца своего. Она рекла: Витези, та того не жалую, што есмь убила два скока двумъ соколомъ, иж вижу васъ доброе особы и цудное парсуны. Витези, вамъ мыслить о мнѣ и о собѣ. А на завтрее поехали проч ни одинъ другому не мовачы, и Анцолот рече: Рыцѣру, што мыслиш, ижъ со мною не мовишь? Трыщанъ рѣкъ: А ты што мыслишь? И онъ рекъ къ Трыщану: Але ты ест старший, мнѣ годит са васъ пытати. И Трыщанъ рече: И мнѣ

шлию, тако быхмо оную панну королевою поставили. И Анцолоть рекъ: О добрыи рыцѣру Трыщане, бог же вам заплат, што мыслиш о почестномъ тоѣ панны за ее учту! Оба есмо одное мысли. И вернули са ку оной панне, и пан Трыщан рече: Панно, вбирая са и вкраси са што налепей можеш, если бог даст, маешъ быти сего дна кролевою. И она рекла: Рыцѣру, так ми богъ поможы, не мам большого вбирана, толко то што на мнѣ естъ, да один венец цудного цвѣту цыприсова, который принесен от двора корола Артиушова. И взяла венчык и узложила на голову свою, и они рекли: Добре ти пристои тот венец. А затымъ поехали с тою панною к тому турнаю и наехали витеза у зброн едучы, а з ним везут у возе панну велии у коштовныхъ шатахъ убранную. Трыщанъ спыталъ слугъ: Которыи то ест витезь? И она рекла: То ест витезь Амодор, пана Анцолотов слуга, а славным рыцѣром Трыщаном дан. И Трыщан к нему рек: Заисте тут ест Трыщан и Анцолоть. Слышалъ то Амодор, скочылъ с коня и сналъ гелмъ з головы и покланнул перед ними и рече: Мои панове, куды едете? Трыщан рече: Едемо у турнай вашого пана корола Перемонта, ачеи быхмо могли нашу сестру кролевою поставити. И онъ им рекъ: Для бога верните са, ачеи бых мог я свою сестру поставити кролевою; я вѣмъ, што у васъ сестри нѣт. Трыщан рече: Витезю, хто бы насъ не вернулъ копемъ, а прозбою нас никто не может унати. Амодор рече: Я вемъ, што умѣеть чинити пан Трыщан з мечом на земли, а не толко з дровом на кони; я мушу вернути са. Трыщанъ рече: Амодоре, нам бы удачно штобы ты с нами поехалъ, але коли са ворочаешъ, наша панна не мает доброе шаты: позычь намъ шат своее панны. Амодор рече: Пана, беры што ти треба. (стр. 122) Пан Трыщан взял оныи шаты, у которых сестра Амодарова хотела королевою стати, и рек панне своей: Убирая са у шаты.

Коли ее видели у шатах, велии са имъ подобала, хотя бы и сестра ихъ была, не соромели бы са ею. Анцолот рече Трыщану: Рыцѣру, дай ми один дар, чого у тебе попрошу. Тры-

щан рече: Все еси воленъ у мене взати, шкром красное Ижоты. Анцолот рек: Будь ты ныне мой пан, а а твой шправца. И онъ рек: Нехая того, рыцэру, ты старшый и болшыи рыцэръ нижъ я, ты будь мой пан, а я твой шправца. И Анцолоть рекъ: То быти не може.

А того турнаи был шбычан: который витез шпосле прыедет, тот свою панъну мает нижеи посадити. И они прыехали к тому турнаю къ воротамъ, гдѣ был коловорот затворен, и витези вже гонили, и Анцолот скочыл через коловорот и штворылъ, а Трыщан с панною въехал. Ажъ седат два рады панен шт воротъ шранковыхъ до судей; панъ Трыщанъ посадил свою панъну в навышшомъ мѣстцу. А коли видель сын корола Перемонтов Трыщана и рек: Ия бым зычыл, коли бы того витеза панна королевою была. А кгда видела дочка королева шную панъну, не зычыла, абы ее витез турнаа добыл; и дивуючы са мовили: То витез естъ упрамый, прыехалъ в турнаи шпосле и свою панну вышней всех посадил. Трыщан рекъ своей панне: Даи ми тот венець. И она вскочыла и зхватила венець зъ себе и взложыла своими бѣлыми руками на его свѣтлый гелмъ, рече: Добрыи рыцэру, почестне его носи по турнаи и шборонившы мне, заса его верни. А ныие панны мовечы смѣтали са ей: (О) глупата дѣвка, якъ може не шборонившы вернути тот цудный венець! А коли он всадет на конь, его блѣдое лицо и свѣтлый гелмъ мают наши витези змешати с прохомъ.

Услышал витезь Дивданъ, а был болшеи вдачон дѣвкам, нижеи рыцэромъ, и жедал потъкати са с Трыщаном. Пан Трыщан вселъ на конь, Анцолот ему за стрыма прынял. Витезь Дивдан рек: Рыцэру, варуи са вдарцу моего; Трыщан рече: Кгда того хочешъ, будемъ мѣти.

(Битва Трыщанова зъ Дивданомъ) А коли са вдарыли, Дивдан пал на одну сторону, а конь его на другую. (стр. 123) А панны смотрели, што са межы ними мает чынити, але не могли познати абы нога Трыщану въ стрымени рушыла са, не толко штобы в седла рушыло са. А Анцолот

попалъ Дивдана и кинулъ черезъ шранокъ и рече: Я поведаю каждому рыцэру: мой панъ свободно по турнаю ездит. Видевшы то ихъ панна исполнила серцэ весельемъ и почала погладовати смѣло межы паннами. И видевшы витези того турнаю, што Трыщан смѣло ездить по турнаю, богаи са его удару, а онъ ездечы чынилъ жестокие удары на право и на лево, икъ которому витезю пришол, поставилъ его за конем, а Анцолот беручы и метал за шранокъ, а мовилъ великимъ голосомъ: Витези, мой пан по турнаю свободно ездит. И рекли судьи: Тот витезь турнаю добывает, с кимъ ходит добрый шправца.

И былъ тутъ одинъ король отъ многихъ лѣтъ и рече: Не тот, але шныи витезь добываетъ, который свободно по турнаю ездит. А тогды свободно по турнаю ездилъ Ящор Мадерым, братъ Анцолотов, сынъ Домолота короля Локвенского. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тутъ и памет; и еще рекли судьи: Тот витезь добываетъ, за кимъ онъ добрый шправца ходит; не дивно, што рыцэръ рыцэрски чынит, бо естъ рыцэр, але диво, што его шправца велико рыцэрство чынит, у зброгахъ рыцэровъ черезъ шранки мечет. А шныи король предъ са мовит, ижъ шныи рыцэр добываетъ, што свободно по турнаю ездит. И панна Трыщанова рече: Охъ мой боже, добрый шбычай у нашой стороне, не дадутъ скомороху добрые люди зъ собою розмовлати, дадутъ ему дуду, нехай ихъ веселит. И коли виделъ панъ Трыщан, ш чомъ судьи говорать, и слышалъ своее панны смѣлую речъ, и рече: Рыцэру, который свободно по турнаю ездит, варуй са вдарцу моего. Ящоръ рече: Ходи да видишь.

(Битва Трыщанова зъ Ящорем) И коли са вдарыли, Ящор полетѣлъ на одну сторону, а конь его на другую сторону. Трыщан рече: Охъ моего товарища намлиейшого брата, не хотелъ есми абы са то надъ тобою стало, але не збитъ еси отъ иного рыцэра, толко отъ Трыщана, або отъ пана Анцолота. Ящоръ скочылъ на конь и прысталъ к нимъ, и поехали тые три рыцэры, Трыщан, Анцолотъ и Ящор на крыж по турнаю, и не могъ имъ противна наити са. Который витезь виделъ ихъ

трех, метал копе з рукъ и гелмъ з головы, а не хотели з ними коштовати са.

(Стр. 124) Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцърским: Доколь конь не падет, не хочу зъести для того, ачен будет рыцър издалека ехал, а не прыспель, хочу его дождати. Анцолот видежь ѡдного травника, а ѡн траву несеть и рече рыцъру: Ѡно едетъ рыцър рыцърскимъ ѡбычаем, трещыт ему конь копытомъ, а твои конь спрацоважь са. И ѡн ѡбротил такъ мощно, аж ему конь пал; а для того то Анцолот вчынилъ, абы са рыцърское слово спользнилъ. Рече Трыщан своеи панне: Ѡ добрага панна, которые панны намъ смегали са, тепер ты надо всеми тыми кролица, волна еси которую хочешъ куды послати.

И тут панъ Трыщан заволажь во услышанье всему турнаю: Панна, ѡзми крогула на руку, а поступи и садъ на столцы позлочоном. И ѡна сѣла и была королевою корунованою. И корол Перемонт што былъ взалъ у ѡтца тое панны имѣнье, все ему вернул до конца, бо тую панъну взал за сына своего.

Тое рыцърство учынившы тые два рыцъры, пан Трыщан а панъ Анцолот, и поехали ѡдними чыстыми дубровами и прыехали под ѡдин город велми великии и велми богатое мѣсто над иные города, а то была ѡтчына ѡдних трех братьов, силных рыцъров, што перед тым были на земли наймоцнейшые рыцъры; имена имъ Либрун, Игрун, Марко, и два их были умерли, а Либрун былъ жыв и держалъ тот город, а има тому городу Кесарыа, а велми былъ город давныи. А тому витезю Либруну было сорок лѣт якъ кона ѡпустил для старости, а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом ѡбросла. А была в него жона велми хороша, има еи было Цвытажиа.

И Трыщан и Анцолотъ стали под городом, а послали к той панне его говоречы: Выиди вон зъ замку, маемъ ѡдин зъ нас с тобою мѣти любовь. Ѡнаи пани с того была велми смутна и пошла къ Либруну и рекла: Дождали есмо жалости и легкости: прыехали два рыцъры, а стали передъ городом, а шлют ко мне

говоречы: Выиди вон из града, имаат с тобою ѡдинъ з насъ любовь мѣти. Витезь Либрун послалъ к ним, (стр. 125) мовечы: Витези, поедте з богом; и ѡни не внали са. Послали еще къ паней прыказуючы: Выиди изъ замку. И Либрун заса послалъ к нимъ мовечы: Витези, поедьте з богом. И ѡни еще послали къ паней. Витез Либрунъ рече: Дайте ми зброю и сулицу и конь. Коли сулицу взяли, аж ѡна мхом поросла, и ѡбвили ее ручниками. И ѡнъ вбралъ са и всѣлъ на конь и выехал к ним на поле и рече им: Тецѣте, витези. И ѡни подворыли межы собою: Который перво хочемъ? И похотѣлъ Анцолот. Рече Либрун: Под шлюбом не хочу с однимъ, леч ѡба поспол, бо га первых витезен витез.

(Битва Либрунова зъ Трыщаном и з Анцолотомъ) И ѡни ѡба вмѣсте пустили к нему и вдарыли его ѡба ровно, аж сулицы поломали на много зломковъ. А Либрун схватилъ их с конем ѡдного ѡдною рукою, а иного иною рукою и положыл ихъ митус перед собою на кони и потрепал ихъ каждого рукою по челюсти и рекъ: Едьте з богом, вы есте ѡба добрые витези. И ѡни поехали з одное стороны велми смутны, а з другое смедали са. И поехали ѡдными дубровами и поткали ѡдного витеза, а ѡн едет велми цудне. И рекли ему: Рыцѣру, не едь не бив са з нами. И ѡн рекъ: Не вмѣмъ са колоти; и ѡни рекли: Утоимем вамъ коня; и ѡн рекъ: Але не вмѣмъ. И ѡни ему взяли коня и зброю, и ѡнъ рек: Коли инакъ не може быти, дайте ми мой конь и зброю. И вбрал са на конь, а захав ему против Анцолотъ, ѡн збилъ Анцолота, и было Трыщану велми жаль.

(Битва Трыщанова и Анцолотова зъ Галецомъ) И скочы против его велми прудко, и гакъ са вдарыли, ѡборвали са в седла Трыщанова попруги, и полетѣлъ къ земли, и летечы выхватил мѣчь с пошвов, а сталъ на ногахъ, гакъ бы не рупшонны. И ѡн познал Трыщана велми сердитого и закликалъ: Йа еси Галець Анцолотович. И Трыщан и Анцолот были тому велми веселы, а Галець велми смутен, иж своего ѡтца и Трыщана зболъ, и ѡт такъ великое жалости пострыг са въ мнихи, а

ωпосле не слыхали есмо ω немъ жадное повести, если (стр. 126) жыв або вмер. А Трыщан зъ Анцолотом поехали до двора корола Артиуша, а коли прыехали, король ихъ з великимъ веселем прыналь. А потом панъ Трыщанъ взалъ прощене корола Артиуша, и король его ωтпустиль з многимъ веселиемъ и з многими дары. И вси паны и добрые люди ωтправили его с поздравенемъ и дворностью. И поехал Трыщан и Ижота въ Корновалу къ королю Марку.

И коли прыехали, Трыщан даровал Ижоту королю Марку и рече: Королю, маешъ ми за нее даковати, што есми тебе ее други разъ мечом добыл. Кроль Марко даковалъ ему, говоречы: Мои милыи сестрѣнче Трыщане, ты много доброго вчынилъ, а га твой и все твое, што га маю, будь на твою волю. Трыщан поклекнулъ на колени и vzdalъ фалу госпуду богу и потом даковалъ королю Марку велми покорне. И тутъ была вса Корновала вмѣсте, и не был ни старъ ни молодъ, хто бы не игралъ а не танцовалъ и не веселилъ. И такъ были ради, гакъ бы имъ самъ бог прышол, иж были такъ веселы, лепей нижъ тогды, коли имъ перво Ижоту прынесъ из Урлендѣи.

Коли довѣдала са Ижота вѣры и правды Брагинины, ωна ей дала ласку большую нижъ первей, и был король тому велии весель и весь двор его. И дал король Трыщану ключы своего королевѣства и рече: Сестрѣнчѣ, волен еси моимъ королевствомъ, иж есми тебе верного нашол, бо ми еси сполнилъ вѣру и правду. И был тут Трыщан чостован кролем Маркомъ и всими добрыми людьми, гакъ и сам кроль. И прышла Корноваль ку тому, што ее богали са вси земли и вси королевства для пана Трыщана.

И в тот часъ чути было, иж берет са турнай у Пазаранской земли подъ городом Барохом. Волала его ωдна панна на имя Ижота з белыми руками, ωдного корола дочка, и на тот турнай поехалъ пан Трыщан. Коли прыехал къ турнаю, ажъ прышло много витезеи ωт многихъ земель, и тут былъ взалъ (стр. 127) ωдин витез ωдну сторону турнаа, а пан Трыщан другую сто-

рону. Тогда Трыщанъ закликалъ витезю Лвова знамена у шюю зубы: Поткаи са со мною.

(Битва Трыщанова с Климъберком) И ударыли са так мощно и жестоко, Климберко зламал сулицу на много штук, Трыщан его вдарыи всею мощю што мѣлъ у себе. Климберко палъ с кона на землю, а Трыщан скочыгъ к нему. Климберко кликнул: Рыцѣру, мѣи сюю битву за добытую. Трыщан всѣлъ шпат на конь и поехал по турнаю, велико чудо чынечы на право и на лево, ништо не смѣлъ его дождати, бо збил былъ патнадцат витезей пасаных и шемнадцат бановъ. И кликалъ Трыщан: Если ещо хто хочет, нехай са готует къ колбе. И закликал шдин витезь, который был великое доброты, именованъ Ёрдинъ, брат тое Ижоты, што з бѣлыми руками, и кликнул: Рыцѣру, жди ма. Трыщан его дождал.

(Битва Трыщанова зъ Ёрдином) И коли са вдарыли, сулицы поломали и ударыли са щытами и плечыма, и пали шба с конми, и ухвативъ са почали са рубати якъ два лвы. Трыщан велии много умѣлъ, нижли раны были его знали шт многих вдаров, а шднакож в томъ недбалъ и талъ на шстаток Ёрдина всею мощю што мог, а шнъ палъ мертвъ.

И вчинившы тое рыцѣрство добрый рыцѣр панъ Трыщан и поехал до цѣрки в опатию. А в тотъ часъ пришол ему лист шт красное Ижоты говоречы: Пανε, так рыба безъ воды не може быти жыва, так га без тебе не могу жыва быти. И Трыщан шт великого смутку и шт ран сомлѣлъ, занюжъ было дивно, якъ мог терпети такыы раны, бо кров с него велии шла. И штправил до корола Марка с тымъ: Пανε дадко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ ма несли; если-и вамъ добре послужыгъ, еще може мене вам потреба быти, пошли ми кролевою Ижоту, ачеи бы ма злечыла, иж она лѣкаръство добре умѣет, а га лежу в Пазарейской земли под градом Бароком. Корол Марко штпустилъ Ижоту вдачне, и она пошла велии з веселымъ серцемъ, а прышодшы почала его лечыти, што могучы. И не вѣм, если с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль ш нем писано.

Исторыя ѡ княжати Кгвидоне.

(Стр. 129) Яко писмо говорыт: Добрыи мужу, бог ти будь на помоч и вховаи та ѡт смерти и ѡт злое прыгоды! Хочу вам поведати добрую повесть ѡ Кгвидоне Антонскомъ княжати и ѡ его сыне, ѡ великом и славномъ рыцэру Бове. Тотъ Кгвидонъ храбрыи конникъ былъ, але ѡдну речъ зле вчынилъ, иж в час жоны не поважъ, але коли вже старъ былъ, тогды понал жону з великого племени, и ѡна его не мела ни за ѡдин пѣнез. И в первую ночь коли с ним спала, почала ѡт него сына. А коли вышли мѣсецы дней, и ѡна родила сына цудного створена, и коли его крестили, дали има ему Бово. И гакъ почалъ рости, и ѡн его поручыл ѡдному служебнику своему Симбалду, и ѡнъ его ховал болшеи нижли семъ годъ. И ѡное дитя за тую семъ годъ възросло немало, а былъ велми пекное ѡсобы, парсуна ему была гакъ рожа, а волосы мѣлжъ жолты гакъ злото, и лепшее дитя над него не могло са знати. Тутъ верно са.

Поведаймо ѡпат гакъ жона Кгвидонова згубила пана своего доброго Кгвидона, а ей было има меретрысь.

Ѣнагъ пани ѡдного часу по рану вставшы и убрала са у добрые шаты и умыла са водкою рожаною и погледѣла са в зеркало и рече: Беда ми, што мои ѡтец и мои род покинули ма, иж ма за того старого мужа дали, иж ѡн не может ми ку воли вчынити. И призывала ѡдного своего служебника, которому было има Рычардо, и рече ему: Поедь къ городу Маганцу до княжати Додона, до моего милого, и поздрови его ѡт мене, бо

ми ест велии милъ не пуцей отца и матери; и хотѣла есми за него пойти, але не хотелъ мой отецъ и мой родъ. Але ти говорю: послужи ми в томъ с правого сердца и мовъ ему: нехай зберетъ своихъ людей пятнадцать тысячеч доброго люду зброинного, а нехай прыидуть взати Антонъ градъ, а стали бы в лузе отъ Склоравена, а га в тотъ часъ пошлю (стр. 130) Къвидона в лов; онъ не ѡзметъ зъ собою жадное зброи и слугъ не ѡзметъ болшъ двадцати юнаковъ, а тамъ можеть отца своего смерть помстити; и ѡзметъ градъ своими людьми и все мое панство тобѣ будетъ, а мене собѣ ѡзметъ за жону.

И коли Рычардо выслухавшы тыхъ рѣчей и ѡтказалъ ей: Зле ты мовиши и великъ грѣхъ маешъ; не помози ми богъ если быхъ тамъ поехалъ. И она сѣ розгнѣвала и рече: Курвинъ сыну злодею, если ми того посѣльства не справишь, роздеру на собѣ вси шаты а буду мовити княжати што ма еси зачепалъ, и онъ та велитъ ѡбеситъ за горло. Чулъ то Рычардо, былъ велии жалостен и рече: Пани, могу га вчинити на твою волю. И вскочылъ на ѡдного иноходника и поехалъ къ Маганцу нигде не замешкиваючы, и прыехалъ на дворъ Додоновъ и вшолъ у палацъ и вдарылъ чоломъ Додону. И онъ ему рекъ: Добре ли еси прышолъ, добрыи друже? Ѳтколе едешъ и до кого еси прышолъ, прыателю? Рычардо рече: До тебе есми прыехалъ з добрыми речми изъ доброго города Антона, посолъ есми доброе панее жоны Къвидоновы. Мною тобѣ послала поздравленье и прыказнь; она хотѣла за тебе пойти, але того не хотѣлъ отецъ и племя ея; она велела тобѣ мовити, абы еси собралъ своего войска патнадцатъ тисечъ конныхъ и прыехалъ взати Антонъ градъ. И мовилъ ему вси тые рѣчы, што ему пани казала.

Коли чулъ Додон тые рѣчы отъ Рычарда, почалъ ему говорить: Курвыи сыну, богъ дай тебе лихо, Къвидонъ естъ добрыи рыцаръ на кони у зброи, коли онъ убилъ отца моего, и мнѣ тое-жъ можеть учинити. Онъ тебе послалъ на лазучьстве; не помози ми богъ, если та не велю ѡбеситъ. Рычардо рече: Пане, выслухай ма: если ми не вѣрышъ што га говорю, вели ма ѡсадитъ у темницу

до того часу, пока са того добре довѣдаеш; если так не найдеш, того-ж часу вели ма убѣсит. Коли Додон тое ѿ посла чул и рече: Вере так мушу вчиняти. И велель его вкнуги в темницу.

Собралъ вси свои люди, и было ихъ патнадцат тисеч, и взложы на себе добрую зброю и вскочыль на боръздыи конь и за стрыма се не прыналъ, а копье узалъ в руки а шытъ на плечы, (стр. 131) и поехал зо всеми людьми, а гѣтманом Дан Албрыго, брат Додонов муж удалый. Прышли ко Антону граду и угѣзли у лугъ ѿт Скларавена. Пани Кгвидонова ѿдное ранины уставшы и ушла у комору, и прышел к ней Кгвидон; она рекла: Пане, послухай мене, заступила есми детем и велми жедаю зверынного маса, покорне та прошу, пане, поедь у ловы, ачеи гзкого зверя можеш уловити. Он ей рече: Вели ми дати зброю. И всѣдъ на конь и поехал, а с ним десет юнаковъ. И уехал Кгвидон у луг ѿт Скларавена и почалъ искати усюда зверей и добыль зверыны досыт. И перво нижи выехал з лова Кгвидонъ доброе княжа, а Додон почал волати: Кгвидоне Антонский, тобѣ прышел нине последний ден. Кгвидон почувшы почал плакати и вдарыл са пастью в груди мощно и рече: Бѣдныи Кгвидон и злочастен, то есть учынила моя жона Бландоа. А Додон заболъ коня и вдарыль Кгвидона копемъ у перси; онъ в себе не мѣлъ никакого оружа, чым са боронити, же ѿт такого вдару пал мертвъ на землю, а его добрые юнаки того-ж часу побито. И поехалъ къ городу борздо и нашолъ ворота ѿтворены, а узвод ѿпущон, и уехал у град и пошолъ у палац Кгвидонов. А курва жона Кгвидонова против ему вышла и рече ему: Добре еси прышел, воиниче, погубил ли еси Кгвидона, которые мнѣ не мил был а ни вдачон? Он рече: Убил есми его, пани, за то хочю дат на девет десат молитов. И она его узала за руку и увела его у ѿдну комору. А тые люди Кгвидоновы, которые были у городе, вси вышли з города, не хотели тут жыти; то вчинили з великое жалости, што их пан добрыи погублен.

Видель то Додон и поставил сторожу, абы ништо не смѣлъ поити з города, говоречы: Гяк есте служыли Кгвидону, так слу-

жыте и мне Додону, ꙗ хочу вас ховати; верните са шпат вси. А Бово был побѣгъ вонъ; и коли его не видел дада его Симбалдо, шол его искати, не мог его найти нигде и рече: О беда мнѣ, штец мертвъ, а сына нѣтъ. И пошол у конюшню и погледель под асли и увидел Бова, а он тут крыет са, и почал его звати: Сыну, поиди сам ко мнѣ. (стр. 132) Бово ему рече: Даде, што са то вчынило? А он рече: Сыну, твои штець мертвъ, убилъ его бѣзѣцныи Додон из Маганца зрадне. Сыну, можешъ ли на кони ехати? Хотем поехати во сватыи градъ Семишн, которого мидал штець твои; такъ трыдцат год ꙗкъ ми его дал, и если быхъ мог тебе донести до того граду, и ꙗ бых воевалъ Додона. Бово рече: Могу ехати добре на кони, и поедьмо борздо до сватого Семишна града. И Симбалдо тотчасъ пошолъ по замку, ищучы хто быхотель з ними ехати, и нашол прыятелей Кввидоновыхъ шестдесать конныхъ добрыхъ юнаковъ въ зброахъ, и взал сына своего Терыза и поехали ко сватому граду Семишну, а Бова из собою понесли. И один з нихъ вернулъ са шпат ку Антонию граду и почал кликати: Додоне з Маганца, велии твердо спиш, изъ Антониа града уехали шестдесать конныхъ, а мають прыходечы валчыти подъ Антонъ, и взали зъ собою Бова сына Кввидонова; а если он прыидеть к лѣтомъ, будет на тебе валчыти а всхочет тобѣ мстити смерт штца своего. Устанъ и верни ихъ назад, а можеш ухватити дита и погубити.

А коли кром Додон то услышал, встал, войско собрал и рекъ: Дайте ми мое оружье; и вбралъ са и поехалъ за Симбалдомъ. И в тот час зрадца Бововъ прыехал Рычардо, и пытал его Симбалдо: Чому еси там замешкал? И онъ штказалъ: Не мовилъ есмь зъ жоною ничого. И Симбалдо пред са ехал из своими людьми, а Бово з нимъ. Потомъ Симбалдо шгленулъ са назад и узрел з далека много людей едучы за собою. И в тот часъ служебникъ Симбалдовъ вгонилъ его; он пытал: Што то за люди? И служебникъ его рекъ: Не вѣмъ. И почалъ мовити зрадливыи Рычардо: И на добромъ кони и въ зброи поеду и довѣдаю са, што то за люди. И рече Симбалдо: Поедь, богу та полецамъ, — бо не знал, што на

зраде ходил. А Рычардо поехалъ velmi борздо и прыехалъ къ Додону, мовечы: Пане, едь борздеи, бо Симбалдо и его люди не могутъ борзздо ехати, можеш Бова ухватити и згубити; а если он доидетъ лѣтъ, коли узможеть въ зброи на кони ехати, будетъ тобѣ велико зло чынити прыхода подъ Антонъ, и шца своего будетъ (стр. 133) мстити смерти. И то рекъ, шпатъ назадъ скочылъ, што конь можетъ. И коли догналъ Симбалда, виделъ его Терызъ Симбалдовичъ и рече: Шче, то ми са видитъ лазука, поеду я, вчыню его мертва. И заболъ коня, скочылъ къ нему и вдарылъ его копемъ, шцитъ ему пробилъ; и прышло ему копе в сердце, и спалъ с коня мертва. А Терызъ вернулъ са ко своимъ и поехали къ граду Семишну.

И тутъ са имъ нефортуна стала, Бово с коня спал, и Додон прыболъ конемъ и вхвятилъ Бова и понесъ его у Антонъ. Ш боже великии, якаа болестъ нашла са!

Видель то Симбалдо, што Додонъ взялъ Бова, и штъ великое жалости сомгълъ и не могъ ни з мѣста рушыти са штъ седла, и виделъ што его Додонъ несетъ и почалъ кликати што можетъ, говоречи: Юначе, верни его шпятъ, хочэмъ его шткупити, шзми за него што хочеш, а если не вшчочеш, Додоне, подъ божию прысагою первой хочэм помрѣти, ниж его дати на сромоту. .

И ехали шпятъ за нимъ, ажъ до воротъ городовыхъ. Крол Додонъ уехавшы з Бовомъ в городъ, и велель ворота затворити и узводъ узвести, и они вернули са и ехали къ сватому Семишну.

И штъ того часу почалъ Симбалдо збирати войско и на каждыи денъ воевати подъ Антономъ, и не смели люди из города выхидати къ църкви помолети са богу, поки третая часть дна выидетъ.

И шдного часу таа курва маретрыс рече Додону: Пане, доколе будемъ такъ безъ покоа жыти? бо покуль тотъ злоден старыи буде живъ, не можемъ штъ него впокоа мѣти. Шнъ привелъ зъ собою десеть тисечей войска подъ Антонию, а в тебе в городе естъ трыдцатъ тисеч. И подобала са ему ее речъ, и тотъ часъ велель у рогъ трубити, и собрала са ихъ трыдцать тисечъ конныхъ и добрыхъ зброинныхъ. И с тыми людьми ехалъ про-

сто до сватого Семишна и прытагнулъ там, послалъ до Симбалъда посла и добываг города.

А Симбалъдо з города боронилъ са, и тамъ было мертвых на ѡбе стороне много. И коли ночовали первую ночь под замкомъ, король Додон Маганецкии тое ночи виделъ во сне, яко бы Бово у зброи проколол ему серцэ и утробу; и вѣставшы ѡт сна, позвал своего брата Дан Альбрыга и рече ему: Уберы са у зброю и возми зъ собою сто пахолковъ и поедь до жоны моее и ѡтъ мене (стр. 134) ее поздрови и мов ей, абы ми прыслала сына своего Бова, хочю его згубити, занюж есми сее ночи во сне видел Бова у зброи, проколол ми серцэ и утробу. И Дан Альбрыго того-ж часу убрав са и вѣавшы сто юнаков поспешал са до Антониа града, и нашодшы панию Бландю и поздровилъ ее Додоновым поздровением и мовил ей въ речы Додоновой. Она рекла: Дла ласки ѡтца Бовова, не пошлю его къ Додону, але хочю его тутъ ѡтругити заисте. И Дан Альбрыго с тым поехалъ къ Додону, а пани велела Бова замкнути в ѡдну комору. И был тамъ Бово пать дней не еда а ни пила, и почалъ крычати: О мати, маеш великии грѣхъ иж ма хочеш такою смертью уморити. И она тое учувшы, не могла стерпѣти и позвала ѡдну дѣвку и дала ей велии злую трутизну и рече: Замеси у тесте, испечы ѡдин хлѣбець и понеси моему сыну Бову и мов ему: Поздровлаеть та матка и велела тобѣ мовити: За жалост, которую маю со смерти твоего ѡтца, забыла есми тебе, и коли достреш, дам ти твоего ѡтца зброю и конь.

А дѣвка с тою трутизною спекла два хлѣбы и взола ѡбрусь с хлѣбом и шла къ Бову в комору, а за нею прышли двое щенат, которые были велии голодны. И рекла Бову: Устань, прынесла ти есми досыт ести и пити ѡт твоеи матеры, велела та поздровить; небои са ни ѡдное рѣчы, иж если тебе давно не вѣспоменула, але коли будеш могъ зброю носити, тогда дам ти зброю. Давшы ему хлѣбъ пошла вон, и почала мыслити и рече: Бѣда ми, если га тое дита умору. И вернула са ѡпат борздо в комору и рече Бову: Не еж того хлѣба, бо ест трутизна. И

Бово рече: Дай ми скибу; и она рекла: Чыни-ж пак, такъ хочеш. И вышла с коморы; Бово один хлѣбъ розрѣзал на полы и кинул половицу одному выжлу, а другую другому выжлу; и еще псы хлѣба не зели, а бежа учы выскакали. И видевшы то Бово, вышел с коморы у палац, а с палацу побѣгъ из замку великими вороты.

Кгды былъ на поли, никто его не поткал, а бралъ са ко сватому Семишну граду, нижи заблудил з дороги и влезъ у великий лугъ и тамъ ходилъ тры дни ничего не кушаа, кромъ только (стр. 135) корены травного и воды. И увидел одно пристанище у мора и пошел к тому пристанищу на берегъ мора, и почал говорыти: Ухъ мой Боже, хотя-м къ пристанищу прышел, а не могу за море добыти са и назад не ведаю. Боже дай мнѣ милост, абых утекъ з моимъ жывотом и мстилъ быхъ смерти отца своего. И смотрѣл на море и увидел одно судно на моры и не мог са докликати ихъ; и увидел его один морнаръ и вказал его всемъ купцом; они вси его увидели. И мовилъ тот морнаръ купцомъ: Панове, от сорока годъ туды по мору хожу и самъ и тамъ, а жадного-м человека тут не видалъ, кромъ одно двое скота а одного лва, а тепер видимъ одно дитя мало. Поедьмо и погледимо, если будет хрестанин, можемъ его взати, а коли поганин, мы не берымо. И пошли судномъ къ берегу; где увидели Бова, мовили ему: Отколе еси, хрестанин або ли поганинъ? Бово отказал: Я по Бозе хрестанинъ и от хрестанина рожон, одного млынара сын, а мати моя богатимъ жонам кошули мыет за пенази и тым са кормить такъ убогаа жона. Оногды есми заблудил, ест асмыи ден такъ есми ничего не елъ ни пилъ, для Бога дайте ми ести. И тымъ торговцомъ его было велии жал, и взали его в судно и повезли зъ собою, а дали ему ести и пити, и поднали парус и пошли по другому мору, и за трыдцат дней перешли море.

Бово мѣлъ достатокъ ести и пити и вчынил са шпат хорош, ижъ лѣпшое дитя не могло быти на вѣки. И почал один торговецъ говорыти Бову: Служы мнѣ за страву; а други рекъ: Мнѣ

служы, а тебе напервей увидал и а всимъ споведал. А за тымъ межы собою посварыли са и добыли мечовъ, хотели са рубати. И Бово имъ рек: Панове, хочу вам служыти, одному пры шбеде, а другому пры вечеры; и торговцы на томъ перестали и рекли: Добре мовит. А в тот час судно прыстало у Армению градъ. Армениа увидел древо на прыстанищы и велель слугам довѣдати са, што за люди; и такъ слуги к ним прышли, почали ихъ купцы пытати, есть ли тут король арменеискии. И король самъ до них прышол, и увидел Бова стоечы (стр. 136) серед судна так цудного, яко бы намалеван. Корол почал говорыти: О сватаа Марыа, бы ты был з моими дворенни або з моими хлопаты! И пошол у город. Морнары судно къ берегу прытагнули, король арменеискии шпат до нихъ вернулъ са и видеа Бова, а он стоит услонив са на судно, прыступилъ король, почал на него смотрѣти. Рекли торговцы: Панае, кажы, што ти треба? Корол рече: Пытам васъ, што то за хлопец, што его вижу? Чы з вашого города? Они рекли: Панае, нашли есмо его на прыстанищы у мора, а ради быхмо его продали. И корол имъ рече: Хочу вам тое дита добре заплатити, дамъ вамъ двадцать литръ злота. И велель его изъ судна вывести. И вышол Бово, поклонилъ са королю; и рече ему король: Храбрыниче, хто твой штец, хто ли твоя матка, поведати ми. И рече Бово: Мои штец шдин млынар, а мати моя ходечы богатымъ жонамъ мыеть кошули за пенази и тым са кормить, такъ убогаа жона. Рече ему король: Храбрѣниче, послужы ми добре, маеш пойти у конюшню, тамъ тебе годно быти, занюжъ еси самъ поведалъ себе простого роду. А коли было такъ, такъ писмо говорыть, был Бово чотыры годы у конюшни служечы машталеромъ, и такъ было цудное хлопа, ижъ там лепшого не могло быти. И почали витези ш немъ королю говорыти, не шдно витези, але и люди ившие и пание. А коли тые повести чула дочка королева Друженна, што витези и пание ш его красѣ говорат, и почала мыслити, которым бы шбычаем могла его насмотрѣти са. И коли са домыслила, шдного дна пошла на гору у палац до корола, и

видевшы ея витези и юнаки пошли против ея, и самъ король противъ ея рушыи са на ноги: Дочко, поведай што ти треба? Не мѣла еси того обычаю сюда ходити. Королева Друженна рече: Утче, ꙗ ти повѣмъ: позвала еси к собѣ на обѣдъ шестьдесятъ невѣсть добрыхъ, а треба тѣжъ доброго слуги хто бы имъ служил. Рече король: Дочко, возми кого хочешъ. Друженна пошла къ Бову и почала его пытати: Храбрениче, тебе поити со мною, маешъ послужити двадцатма невестамъ добрымъ. Рече Бово: ꙗкъ твоя воля есть. И коли была Друженна с тыми панями за столомъ, не могла ничого ести гледечы на Бово, и не могла з него ѡчю знести и взяла (стр. 137) у руки хлѣбъ и нож, и режучы хлѣбъ упустила нарочкомъ под столъ нож, и Бово нагнулъ са под столъ поднати нож, племенида Друженна прыгнула са, ухватила Бова и поцаловала его под столемъ. И въ тотъ часъ ѡба усклонили са. Бово са покраснелъ болшеи нижъ рожѣ, а племенида панна не могла ѡчю насытити гледечы на Бова.

И коли ѡныя панне устали ѡбѣдавшы, поклонившы са пошли кожда до своео господы, а Друженна шла у свою ложницу, а Бово сѣлъ за столомъ ѡбѣдати, и еще былъ ѡт стола не встал, панъна Друженна послала по него абы шолъ къ ней у ложницу, и Бово до нее пошолъ. Нашол ея седа на лавѣ и поклекнулъ предъ нею на колени свое; ѡна ему рекла: Устанъ. И почала его пытати ѡ роду его, ѡтколе ест. Бово ея отказал: Ты зло говоришь, великую ми кривду чыниши, чому тобѣ моего роду довѣдовати са? а коли ты того хочешъ, ꙗ тобѣ повемъ: мой ѡтець былъ ѡдинъ млынар, моя мати богатымъ жонамъ кошули мыеть за пенази и тымъ са кормить, ꙗкъ убогая жона. Панна ему ѡтказала: Младенъче, не поведаешъ правды, бо парсуна твоя того не вказуетъ. И Бово рекъ: ѡпусти ма, маю ехати у поле травы конемъ жати. И повернулъ са, скочылъ на дворъ, уселъ на коня и поехалъ, и нашолъ у поля свою дружину, а ѡни вси траву жали. Бово купилъ травы береме и вскинулъ на коня и вчынылъ с травы венець и взложылъ на главу и вскочылъ на коня и поехалъ къ городу. И коли в городе вбачылъ ѡдно войско стоечы на поли; а в томъ войску король

Маркобрунъ пришол красну Друженну за себе взати и з нимъ двадцат тисецъ войска конного збройнаго люду. А былъ турнай справленъ, и сам корол Армениль у томъ турнаи, а племениди Друженна того гледѣла на кганку стоечы. Бово покинул траву, прыехал и видель войско на поли, а они у турнаи бьютъ. И захотело са ему у тот турнай ехати и скочыл на конь и поехал у поле и стрѣтилъ одного витеза, а он едет зъ щытомъ позлочным, и рече: Рыцэру, поэчы ми того щыта ехати у турнай, и хочю людем чынити смехъ. И он ему щытъ далъ, и Бово узложыль его на мышцу и поехал говоречы: Бых могъ копье наити! И убачыл жердь пры одныхъ воротех, и взял Бово тую жердь у руки и пошолъ ку войску на турнай, (стр. 138) и стретилъ одного пахолка конного и того с кона збил, и другого поткал и того с кона скинулъ, и скоро их шести с коней позметал и поехал у войско. А племениди Друженна тое видечы велии са веселила. Бово уехалъ у великий турнай и много бою учынилъ. И стретилъ корола Маркобруна и тот час скинул его с кона велии сромотно. А еще у Бова таа жердь была тажка, изметалъ с коней болшей ста юнаковъ, а Маркобруна шпаты всади на конь. Кроль Маркобрунъ призывалъ к собѣсто витезеи и почалъ имъ говорити потаи: Моя витези, которыи ма скинулъ с кона, прошу васъ, учыните его або жыва або мертва. Кролевна Друженна гледѣла, што с того маецъ быти, и велела у рог трубити. И того часу витези розобрали са и Бово вернул са с турнаи и отдал витезю щытъ, а жердь прыслонилъ къ тымъ воротамъ, и шол опать в конюшню, носечы на голове с травы венець. Кроль Маркобрун рече: Я мам великий гнѣвъ на тую панну, што ма ее юнак с кона скинулъ на оном турнаи, не могу з жалости жив быти. А панна Друженна пошла в конюшню и нашла Бова, а он легъ на траве, што са бы спрацовал на турнаю. А парсуна его была лепшей нижли одни цветъ. И она ему рекла: Даи ми тот венек, абых его с твоее ласки носила; и Бово рече: Панно, не добре мовиши велик грѣхъ маеш, коли ты сакни венець хочеш шт мене носити, веро-тъ его не дам. Панна еще ему рекла: Даи ми его; а Бово рек: Не дам

ти его; а панна велми са розгневала и почала говорити: Курвыи сыну, так ми прыкро мовишь, знать по тебе заисте, што еси млынарчыкъ, ижъ ти не вдача милост налепное панны; а если ми того венца не даси, теперь уизрышь на мнѣ шаты розодраиые, и буду жаловати са ѡтцу, што ма еси хотель кгвалътовати, ѡнъ та велит ѡбесити. Бово тое чул, не могъ инакъ учынити, снал венець зъ своей главы и кинул его на землю перед нею и рече: *Што-ж* его возми, иначе ти его не хочу дати. Племенида панна почала на его гледѣти, бо ѡнъ такъ си был мил, ижъ не могла з него ѡчю знести, и прышла ей великаа жалост з милости, и рече ему: Дай ти богъ зло, курвинъ сыну, если ми его не узложыш на голову, (стр. 139) уизрыш на мнѣ вси шаты розодраиые. — И Бово тое чул, не могъ инакъ учынити, взял венец и взложыгъ си на голову, и она его руки прынемшы и узложила на себе и велми его модно поцаловала. И еще Бово был з Дружною не ростав са, прышли Сарацѣны къ прыстаницу изъ за мора, Лукапер великого солдана сын. Тотъ Лукаперъ мелъ межы ѡчю великое пади, а с ним прышло сто тисечей зброинного люду; и прыехал къ воротам городовым з двадцатма тисечема людеи и почаль модно кликати: Гдѣ кроль ест Арменигъ?

Коли Арменигъ чулъ и рече ему: Кто-с ест, што так кличеш? Рече Лукапер: Я из за мора, приве гъ есми з моим ѡтцом сто тисечей войска, а хочу Дружноу взати. И рече ему король Арменигъ: Перво бых та всего розсекъ, нижи ю дам. И велель в рог трубити, и собрало са десет тисечей добрых людеи войска конных, и кроль Арменигъ згодившы са з Маркобруном и пошли на поле.

(Битва корола Аръменила зъ Лукаперомъ) И коли са зъехали са, корол Арменигъ вдарыл самъ на Лукапера и трафлягъ его под щыт и не могъ ему зашкодити, бо щыт был добръ, але гвоздье выпадало, а копе са зламало, а Лукапер не рушыл са в седле ни мало; а ѡнъ вдарыл корола велми модно, щыт ему розбилъ, але зброиа была добра, не дала его погубити. И скинул его велми далеко ѡт кона и заса его ухватил и дал его двадцатма Сарацѣномъ повести къ солдану ѡтцу своему.

(Битва Маркобруна зъ Лукапером) А Маркобрун таке-жь прышолъ его вдарыти Лукапера и вдарыл его у щыт позлоцони не могъ его пробити, а копье зламал, а Лукаперу ни нога в стрымени не рушыла са. Лукапер его вдарыл вельми мощно и скинул его на землю, и того звезавшы послалъ до солдана. И поехал Лукаперъ у бой, на когоколвек прышол, того мертва учынилъ. Агулиц, которыйи хоруггов носил, тотъ побѣгъ, и коли прыехал у городъ, аж Бово зъ Друженною в конюшни стойтъ. А первеи того якъ еще Агулицъ не прыехал был, тогда Бово слышалъ глас, што кони рязали, и взышол Бово на щдин кганокъ и вбачыл гэрбъ сарацэнский, там жо виделъ и арменейский. И взышол Бово на стену бронную и почалъ гледѣти у поле, и увиделъ щдного хлопца и спыталъ его рекучы: Што то, брате? што плачуть (стр. 140) люди? И рече ему хлопец: Мы вси втекли, а корола поймали, и таки-сь добрыи Маркобрун также поведен. И Бово опат пошол у конюшню и еще там нашол панъну Друженну и рече ей: Панно, твоего щтца поймано, и Маркобрун твой паницъ и болшей тисечы иныхъ рыцэров. И рече ему Друженна: А мы можем градъ затворыти и взводъ узвести, ты будеш панства сего коруну носити. И щн рече: Якъ то може чоловіекъ учынити, коли его пан за пѣнези купил на роботу? Але щдначе мушу там быти, коли не мамъ зброи, га и без зброи, а коли не мамъ кова, га и пѣш пойду, и хочу понести щдно великое древо, а кого вдару, тот не будетъ болшей бит са. И Друженна рекла ему: Ты пѣшъ не пойдешь, хочу тобѣ дати зброю и доброго кова гальца, и дам ти добрыи мечъ кглядяцью, которыйи был доброго Аливера, и хочу ти дать доброго кова, которого лепшыи не можетъ быти: щн был щдин щтчотырох, и не могла на нем жаднаа душа ехати.

И Бово рече: Дай ми того истого кова. И щна ему указала, и убрал са Бово у зброю и взложыл гелмъ на главу, а добрыи мѣчь ущенилъ на шыю, и взалъ щыт на плечо и копье в руки, и скочыл на кова и за стрыма не прынал са. Панна Друженна пытала Бова: Чому са мечомъ не щпасалъ? И щн

рече: У моеи земли таковъ обычай, ни одинъ юнакъ не упадетъ са мечомъ, только витезь. Друженна рекла: Садь с коня, та еси дочка короля коронованого а у венцы еси корунском, та могу одного витеза поставити, а звлѣща у тотъ час. И Бово скочыль с коня, а панна Друженна рекла: Я тебе не могу витезем поставити, докол ми не споведаешъ родины своее. И онъ рекъ: Панно, та ти повѣмъ: та сынъ одного короля, который держалъ добрый городъ Антонию, а има ему было Кгвидонъ. Коли она чула, што онъ не з малого роду, прытекшы к нему и трѣжды его поцаловала сладко и рече: Я твоа Друженна, могу та поставити добрымъ витезем. И такъ ему подала заупнищу и мечомъ его спасала и рекла ему: Не обци же з лихими и зрадивыми. И ухватила его рукою за горло и великии его облапила. А в тотъ часъ Игулинъ прышолъ з битвы (стр. 141) и увидѣлъ Друженну, а она цалуетъ Бова, и рече ей: Курво, дай ти богъ зло, што то чынишъ, а твои отецъ пойманъ и Маркобрунъ, который та хотѣлъ понати, а ты стоишь у конюшни а молодцы цалуетъ. Але коли они с темницы втекутъ, и они та сотнуть.

Бово тое чул, розгневалъ са на него и шодшы ударыл Агулина у стегно, и онъ спалъ с коня на землю, и одинъ рукавъ розорвалъ ему. А панна Друженна прыказала чотырыста коннымъ, абы ехали за Бовомъ, штобы инакъ не было, и они выехали за Бовомъ з города, а Бово ехалъ на томъ великомъ кони мощномъ.

И прыѣхалъ до Сарацѣнъ, а подъ нимъ земля тресла са с переду и з заду, а панна Друженна гледела коньца и великии са веселила, ижъ видѣла Бова великии доброго витеза. И видѣлъ его Лукапер, выехалъ противъ ему и почалъ великии говорить: Кто естъ ты? Поедь назадъ, не естъ твоа Друженна, дай ми Армению безъ крови пролитьа и веруи у Махомѣта бога моего, а та хочу Друженну взати.

Витезь Бово рекъ: Мысль та заводитъ, первей са хочу дати розсечы, ижли бы ты Друженну взалъ.

(Битва Бовова зъ Лукаперомъ) И забол борздо кона и скочылъ къ Лукаперу и рече: Варуи са мене, ты тепер погыбъ. И Лукапер к нему пустилъ; и вдарылъ Бово Лукапера в щыт позлацонъ, щыт ему пробилъ, а бенди шпали, и прошло копе в серцэ, и мертвого его скинул на землю с кона, и почал Бово кликати: Бийте ювацы свободно. И чотыры ста конников пошли къ битве, и кождый своего скинул, и был велик бой межы шбоими, а кролевна Дружненна велѣла у рогъ трубити, и собрало са добрых конъниковъ десет тысячей, и послала на помощ Бову, а шчъ былъ у бой уступил, и всю тую двадцат тысяч побили, которые прышли з Лукапером подъ Армению град, разве шдин Сарацэнии утекъ старый, што не могъ бити са. Бог дан ему лихо, што утекъ и тры копа у хрыбте штнес, и прыбѣгъ къ солъдану у заставу, и солъдан его видел, речэ ему: Што за вѣсти поведашъ шмоемъ сыну? Шн рекъ: Злые вѣсти ношу, выехал шдин витезь из Армениа града и велми добрый, шт первого удару Лукапера с кона мертвого скинул и двадцат тисеч, которые з Лукаперомъ были, всехъ погубилъ. То рекъшы здохъ падшы (стр. 142); а солданъ шт тых речей сомгѣлъ и пал на землю, такъ мертвыи. И потом, коли ку намети прышол и всталъ, почалъ тужыти велми грозно и шпат рече: Панове, коли Лукапер загыбъ, а надо мною што будет? А так солъдан улезъ у корабль, а другие Сарацэни почали бѣгати гдѣ хто могъ. И в тот час Бово витез за ними прыгналъ на прыстанищо и тут ихъ большеи двадцати тисечей убил, засъ вернулъ са къ шатру и наехал корола Арменила и Маркобруна, гдѣ были повазаны, и штвезал ихъ шбѣюхъ и усадил ихъ на добрые кони, а шни были у зброахъ. И кроль Арменилъ пошол за Сарацэны, абы са помстилъ, и зашол з другого мора и погубилъ всехъ, которые были на прыстанищы. И витез Бово рече королю: Пане, што тому человеку слышеть учынити, которого его пан за пенези купил, если ему на потребу не поидет? Королю, ты мене купилъ за двадцать литръ злота, а тебе хочу дати за шдну литру сто литръ: шзми тую землю, которую есми добылъ.

И все войско на кони усѣли и поехали до замку. Коли прыехали къ городу, а королевна Друженна, стоечы на кганку, смотрела якъ ехали; и уехали у город, а з ними Маркобрун з левое руки, а Бово по правой рудѣ. Королевна Друженна вышла противъ отца и рекла: Пане, Бово есть большын витезъ на свете, и га его поставила витезем, иже-мъ са доведала того, што он сынъ доброго корола Кгвидона от доброго города Антона. Мои ласкавыи отче, дай ми его за мужа. И рече кроль: Ид тое, дочко, и самъ мыслилъ. А в тотъ часъ прышолъ Агулинъ и рече: Кролю пане дадку, и мене Бово ударыль у стегно и нагавицу ми роздрал, га хочу с ним умрети и мовлю то, абы он не былъ витезем, а ты свою дочку можеш дати за которого корола велможного и богатого, а се крол Маркобрун маеть венец корунский, он водит трыдцат тисечей войска: за того можеш свою дочку отдати, а за Бова можеш отдати одну сестру мою. З витеземъ Бовом га хочу бити са, але не веимъ, если он похочеть. И казалъ кроль войску розехати са (стр. 143), и каждый поехал до господы, а витез Бово пошел ув-одну комору и легъ спати. Агулинъ пошелъ у одну комору и легъ спати, и вышедшы с коморы, пошел по городу искати юнаков, которые бы з ним Бова забили, и собралъ ихъ добрых шест десат, и запысегалъ ихъ на эвангелеи, абы Бова у коморе на постели забили. И улезшы у комору увидели Бова, а он лежыт прыкрывшы са колдрою, а добрыи его мечъ и вса зброа пры немъ лежала. Агулин скрылъ колдру с него, аж Бово нагъ якъ от матеры рожен. Агулин почал говорить юнаком: Верните са шпат, можем его потом убити; а они зъглянули са один з другим и рекли: Привел насъ Агулин на зло, если есмо его теперь не згубили, а шпосле он нас всих побъеть, занюж Бово велии добрыи витез на кони. Агулин шпат его шпанул и вышол с коморы у палац. И рече один старец Агулину: Ид есми твой чоловѣкъ, хочу ти добре порадити, если усхочеш мене слухати. Ид велии парсуною къ королю трафи са и хочу поити у комору и лагу и велю прыправити много

свеч, абы около мене горѣли, и нехай будет пры мне много людей, и пошлю по Бова говоречи: Зовет та корол, и он мусит ко мнѣ прыйти; а ты того пилюи, штобы он не въ зброи прышол, и пошлю его до солдана. А ты справ лист до солдана, пишучы ему поздровлене и прыазнь, и еще напишы: Хто ти тот лист прынесет, то ест витез истый Бово, который твоего сына доброго Лукапера убил; учыни над ним, што хочешъ, або вели его шбесити.

И тогды Агулинъ написал лист и послал по Бова, и он того-ж часу пошол и вошолъ в комору и пал перед старцѣм на колени и рече: Пане, што велишь? И рече ему старец: Велии збит есми в той битве и не вемъ, буду ли живъ, для того хочу, абы ты поехалъ до солдана: ѡт мене его поздрови и проси его, абы ма простилъ ѡт смерти сына его Лукапера; а што тѣж ѡнъ учынилъ моим людем, то га ему прощаю. Витезь Бово внималъ, иж бы то корол Арменил, (стр. 144) и старец далъ Бову лист и рече: Тот лист дай солдану и мов ему: Цару солдане, што ти тот лист укажет, то учыни.

Витез Бово узал лист и заховал и рече: Могу-ль повести зброю зъ собою? И ѡн рече: Не треба, поедь на иноходнику. Ѡ боже небеский, и того Бово ничого не познал, а панна Друженна ни корол того не вѣдали! И Бово поехал. А коли такъ было, якъ писмо говорить, ехал витезь Бово тры дни ни еда ни пил, кром зѣльа и корена што по земли растет. Ѡ боже, сватаа Мариа, matka божа, прыими Бова иж велии у злую дорогу входит! И почал перед себе гледѣти и увидел на ѡдном поли, аж стоять ѡдин дуб, а под тым дубом стоял ѡдин богорадникъ, а перед ним лежалъ бохон хлѣба и вино. Витезь Бово к нему прыехал и зселъ з [и]находника и рече богораднику: Помози ти бог, если бы-сь хотѣлъ, рад бых с тобою елъ. Ѡтказалъ ему пельгрим: Если рачыш, ежъ; и Бово почалъ ести и взал ѡдинъ збанокъ пияти, и пельгрим ему дал другии и рече: Пане, лепшей сее вино пии.

И коли Бово того вина напил са, тот час заснул, занюж тое вино было з одним зѣльемъ змешано. Витез Бово тутъ спал цать

дней не пробуждался, а богорадникъ зналъ з Бова его мечъ добрый и вселъ на Бовова коня и поехал проч и оставил своего поездежка, который уже был устал. И у патыи день Бово пробудилъся и почал искати того богорадника и не нашол его и коня своего и доброго меча и почал тужыти: То ми далека дорога пѣшому ити, то есми у злыи час рожон. И вселъ на того поездежка, ѿн конь под нимъ пал, иж не могъ его поднати. А небог Бово пошол пѣшъ день и другии и дошол города Задонии и вошол в город и на палац ушолъ; и увидел солъдан на кганку стоечы и бороду скубучы, велми плачучы, бо не давно прышол с под Армении, а своего сына великого Лукапера мертва оставил и сорок тисечеи своих людеи.

И прышед Бово, поклонилъся ему покорно и почал говорыти: Ваш панъ Махомет ховаеть великихъ и малых, которые суть в том городе, а звлаца цара солъдана. И цар ѿтказалъ: Добре-сь прышол (стр. 145), после, ѿтколе и которые вѣсти носиш? Рече Бово: Пане, га из Армении ѿт корола Арменила, мною тобѣ послалъ поздравление и прыгазнь и жедает, абы еси ему дал прощене ѿ смерти сына своего Лукапера; а король арменеиский тебе прощает на его побитых людеи, бо ѿн тѣжъ у битве велми съ збилъ и велми съ боит смерти и хочет с тобою змирити съ первей смерти за живота. И дал ему лист; и солданъ узавшы лист, казал его чести, аж тое писано: То ест тот истый, который забилъ твоего сына Лукапера своею рукою, послал есми его к тебе, абы еси казал ѿбесити.

Коли солъдан выслушал листа, и почал смотрети у виденѣ Бову: Ия та мало могу любити, што ты моего сына Лукапера убил; а хто тебе сюда послал, не маеть та ни за ѿдин пѣнезь. И рече своим юнаком: Имите его. И Бово тое чулъ зъжавшы пасть и вдарыл ѿдного сарацѣнина перед солданом, ѿнъ мертвъ пал на землю. И прыскачыли многие сарацѣни и ухватили Бова и завезали ему назад руки и вкинули ему на ѿчы хусту, абы не виделъ куды его ведутъ.

(Солъдан Бова казал ѿбесити) И казалъ его солданъ

обесити, и повели Бова до шыбеницы чотырыста сарацэнов. И была в солдана дочка на има Малгарыя, таа прышла къ солдану и рече ему: Государу шче, выслухай мене, Бово так добрый витезь, иж на свете болшыи не може быти над него, коли он убил Лукапера брата моего; а коли оставит бога своего а увърят у Махомета, который ему может помочы, ты ми его дай за мужа, иж не маешъ такого чоловѣка во всей своей державе, который бы мог твою земли здержати коли ты умреш, а Бово может царство твое здержати. И он казал привести Бова перед себе; и рекла Малгарыя: Я сама пойду и верну его. И шла до шыбеницы, велела его вернуть, и они вернули, инакъ не смели учинити, и привели Бова перед солдана, и рече ему солдан: Брате, я бых рад с тобою миръ учинилъ, если ты усхочеш своего бога оставити а вѣрyti Махometу, который может тобѣ добре помочы, а хочю ти дати свою дочку за жону, а коли я умру, ты всего моего царства коруну взмеш (стр. 146) и будеш государь болшъ трыдцати городов. Рече Бово: Того я не хочю вчинити, Господа Бога оставити а панну взати, которая у твоей земли росла. И велѣлъ солдан опат Бова обѣсити. И еще Малгарыя почала шцу говорыти: Шче, дай его мнѣ, а а вкину его у свою темницу, а не дамъ ему ести и пити, бо знаю, иж его Махomet обернетъ у нашу вѣру, а не дам его погубити.

(Солданъ казалъ Бова в темницу усадити) И рече солданъ: Впустите его в турму. А таа турма была болшеи сорока ступеневъ въ шырки, и ни однаа душа в ней не была, толко шцерыцы и змии. Небог Бово седелъ ни еда ни пива; а такъ вышло дней пать, царовна сама понесла ему ести и пити. И видел Бово у турми одну змею, и просветила таа; он шзрѣв са и увидель ув-угле мѣчь, который тутъ шт давных дней стоялъ, и взалъ тотъ мечъ, помыслилъ забити Малгарыю. И она тое видечы рекла Бову: Што чыниш? Я хочю, штобы ты обѣгъ, а принесла есми тобѣ ести и пити. И Бово томъ са урадовал и мѣчь кинул и почал ести и пити. Потом царевна Малгарыя по-

чала ему мовити: Брате Бово, послухай мене: пудънейшее панъны над мене не знаидешъ, если хочеш, отступи от бога своего, возмеш коруну всее державы моего отца. И рече Бово: Панно, того я не могу вчинити, с того везена мене бог мой вызволить, але перво са хочу дати розсечы, нижли от бога отступити и взати панну сее земли за жону, и не спущу Друженны, которую велми милую. Коли она тое чула, розъгневала са велми и за малымъ не поведала отцу, и она почала мыслити: Если повѣмъ, он велить его обесити, и не буду его мѣти у своей коморе. И пошла от него, а солъданъ рече: Того важна выимите и приведите ко мнѣ, хочу са доведати, хочет ли своего бога оставить вѣру, а вѣрять у Махомэта; а если не хочетъ, велю его обѣсать. А Бова стерегли у турме двадцат сарацѣнинов; и впустили их семи у турму, штобы Бова вывели.

(У двадцати сарацѣнинов, которых Бово в турме будучы позабивалъ) Коли они прышли къ земли, почали кликати: Гдѣ ты, темничнику? велель тебе солдан вести вонъ и обесить. И Бово скочыл и вдарыл одного, и он пал мертвъ на землю; и Бово и тых шести побилъ, а тые, которые на верху стоали, почали говорыти: Што там чынити, чому не ведете? (стр. 147) И они не отказали, иж были мертвы. И пошли другая сем, витез Бово и тых побилъ на смерть и рече: У Боже и сватаа Марыа матко божа, час и годъ тот, коли ма солдан дал стеречи двадцатма рыцѣромъ сарацѣном, буду споминати, то есми их чотырнадцати забил; а коли быхъ вышол вон, и тым быхъ головы постиналъ. И всѣлъ на коловорот, а сарацѣны его почали тагнути; як вытагнули, выналъ мечъ и тымъ шестма головы постиналъ, кром одинъ втек и почалъ верещати поведаячы, иж Бово утекъ, деветнадцати ставшы.

И довѣдалъ са того солдан, иж Бово утек, и мовиль тот сторож: Коли бых я не втекъ, и мене бы стал, и помог ему Махомэт втечы. И были у солдана два дадковичы братенки, одному има Транкацын, а другому Абрам, были добрые витези и скоро стали у зброю и побѣгли за Бовомъ на конехъ, а с ними

две тисечи войска. А Бово подем бѣгъ, што может наборздеи, имѣлъ погинути.

(Бово забил Абрама) И догонилъ его Абрам у зуполнои зброи и прыбол к нему, хотечы его погубити, а Бово взалъ мечъ ув-обе рущэ и скочылъ к нему и тал Абрама по гелму и ростал ему гелмъ и голову, и выпалъ мозок з головы. Абрам палъ с кона мертвъ, и Бово инал кона и борздо на него ускочылъ, и еще щыт на плечы вѣскинул и копе его взалъ у руки. И догонил его Транкацын, братъ Абрамов, тот был витезъ велии хвалебныи, и виделъ своего брата мертва, забол к нему, мнимаючы осветити смерть брата своего.

(Бово забилъ Трамкацына) И витез Бово забол кона и вдарылъ Трамкацына копем, и он пал с кона мертвъ. А Бово поехал борздо къ мору и увиделъ едно судно, ано хочеть ити за море, и вжо торъговцы шдопъхнути са хотѣли. И прышомъ Бово и почалъ кликати говоречы: Панове, та есми хрестъанинъ, а втек с темницы от солдана, держалъ мене годъ и тры мѣсецы. Дла бога вас прошу, повезите ма, хочу поити у сватое крѣщение. И торговцы вчынили дла спасеня, упустили его в судно к собѣ и штопхнули са на море. А сарацынское войско прытагнуло къ прыстанищу, и почали кликати купцом говоречы: Верните того млоденца, што утек с темницы от цара солдана; (стр. 148) если-ж его не выдасте, не бывайте у нашу землю ни купити ни продавати. Купцы хотѣли Бова выдати, и Бово видечы што его хотать выдати, а там его шбесать, взал меч и забилъ одного купца. Видечы то другие купцы, мѣли великую жалость и пали ему на колени говоречы: Пане, не чыни зла, хочем та повезти гдѣ ты велиш. И Бово рече: Повезите ма под город Армению; и они рекли: На твою волю. И подѣнали парус и шли до Армении, нигде не станова са. И коли хотѣли у прыстанища ку краю прыстати, вѣтръ великии штихал их ден и ноч, и не могли прыстати ку краю и шпат вернули са. А была великаа фортувина, и Бово на поду стогад, и назавтреи великии вѣтръ; и купцы прыставшы на край, и пошли купцы на потребу свою.

Бово погледѣлъ по мору и видел одного рыбака по мору ездечы; Бово его призывалъ к себе, и онъ прыпль, и рече Бово: Маешъ ли рыбы, што нам продати? И онъ рекъ: Ест, пане, досыт. Бово почал говорыти рыбаком: Котораа то земля и хто ее держыт?— Пане, тому городу има Момбрадъ, и в немъ корол Маркобрун, а тотъ нине чынить великое веселие в городе, узал дочку корола Арменила, красную Друженну. А коли она тутъ с нимъ приехала, она просила его, абы не спал с нею до году; для того она учынила, покул Бова забудет. Крол на томъ еи шлюбил, а то вже от того дна до нынешнего дна годъ. И Бово удохнул и рече: То ест нине тот день, што са мають сойти; и рекъ рыбаку: Повези ма ку краю у своєї лоди, на том шру хочу быти, бо не можеть лепшого скомороха над мене быти. И рече торговцом: Платите за рыбу рыбаку. Они рекли: Што ему платити? Рече Бово: Дайте ему двадцать литръ злота. И они дали.

И убрал са Бово у золотые шаты и улез у лодю к рыбаку и пошолъ морем. И торговцы узрадовали са, што его збыли. А рыбак его привез на край, и Бово хватил у свою калиту и нашол пать болванцовъ золотых и далъ рыбаку и рече: Добре-ль ти плачно? И онъ (стр. 149) рече: Добре, пане, бог ти помож, покул есми жив, не буду рыбами торговати.

Витезь Бово шол по край мора и почал мыслити: Як а могу увоити у городъ Момбрад, а а в цудных шатах? Если ма стрѣтитъ крол Маркобрун, можеть ма познати, а за то, што есми его збил, кажэ ма обесити такъ злодеа. И узрыть на поли дуб, а под нимъ стоять богорадникъ один, што са зоветь пельгрым; и прышед к нему и рече: Даи ми свое шаты роздраны, а возми мое золотые. И рече ему пельгрым: Того не хочу вчынити, иж не могу хлѣба выпросити у тых шатахъ, а змовать ми люди: Украд еси ихъ. Бово прыступил к нему и възвернулъ ему гуню на голову и убачыл под гунею мечъ, познал свои мѣчь добрый кларенцю и вынал его, огледал и рече ему: То ест мой мечъ, дала ми его племенида Друженна коли ма витеземъ поставила. Ты-сь пельгрым, который ма очаровал злымъ питьемъ, коли есми шол

к солдану в посельство. Курвинъ сыну, даи ти бог зло, тепер еси вспоменулъ, ты мнѣ дал ести и пити и ѡкормилъ ма ѡдним ѡкормом и взял ми еси мечъ, которым бых ѣз тисечу сарацѣнов мог постинати. Ѡг тебе ѣз у солдана у темницы седел, дла того твоего учинку добрым ти хочю платити. И вдарыл его больдицю и тым ударомъ пробилъ ему, тры ребра. Пельгрим пал предъ Бовом и рече ему: Пане, дла бога не вчини ми зла, даи ти ѡдно зѣлье бѣло ѣкъ снѣгъ, а хто бы сѣ имъ умыль, будет чорным ѣкъ уголь; и еще ти дамъ другое зѣлье: хто бы его размешавшы з вином хотя мало укусилъ, три дни не пробуждася сѣ будетъ спал. Витез Бово рече: Даи ми тые зѣлья. И пельгрим далъ; Бово взял и рече: Будеть ми его потреба ув-одишь час; и сховаль тое корѣнье и ѡболокъ сѣ в розодранные свиты, а свои ему дал и мечъ свои под гуню припоесалъ и вчини сѣ чорнымъ и пошолъ къ городу и влез у город. И видел трех гражан, а ѡни стоѣтъ в ѡдном угле, и видевшы почали межы собою говорыти: Видель ли хто так великого пельгрима ходечы? И ѡдин с нихъ рече: Ѡткуле еси и с которое земли и куды идешь, (стр. 150) поведь намъ. И Бово ему рече: Я еси из Франци, а было нас сем тисеч, шли есмо через море и вси погинули, разве ѣз втекъ; дла бога, будте на ме ласкавы и за милость доброго витеза Бова даите ми. И прыступил ѡдин гражанин, вдарыл его за вхо и рече: Пельгриме, ты не ведаеш тутѡшнего ѡбычаю: нашъ кроль Маркобрун взял кролевну Дружненну из Арменни града, ѡна его на то привела, абы сѣ заклал на эвангелея, коли будетъ в семъ местцу, абы сѣ нею Маркобрунъ не спалъ до году ѡт того дла, в которыхь тут прышла, дла милости того Бова, которого еси перед нами успоменулъ; а то еси зле рек, ѣкъ за его милость просишь, а нине ѡни мають злучыти сѣ на любовь. Пойди-ш собѣ у палац, тамъ чынатъ великие прыправы к обѣду, бо звано каждого чоловѣка на ѡбѣдъ, и кождым тобѣ даст по пѣнезю. Бово имъ подаковал и пошол на двор и вполъ в кухню, гдѣ стоѣли кухары; Бово прыступил, почал говорыти: Даите дла бога и за милость доброго витеза Бова.

(Бово забил кухара) И встал один кухарь и взял головню горячую и вдарыл Бово по голове и всю гунию ему спалилъ; и Бово был велики жалостен, а взял головню и вдарыл кухара по голове, он пал мертвъ, а мозок и очи ему выскочыли; и другого вдарыл, один оцталъ, и вси вонъ побегли, а тому бок выбилъ.

И пошел Бово на палац и стретил одного дворянина и рече Бову: Дай ти Бог зло, чому еси убил кухара? И рече Бово: Пане, выслухай ма: я в них просилъ для бога, а онъ ма вдарыл головнею и всего ма зъжогъ, а я са ему боронил. Не мей ми за зло.

И он рече: Брате богораднику, бог та ухавай, а я тобѣ ражу: поиди в комору, бо в коморе Друженна и иныхъ великих паней много, а проси в нихъ про бог. Бово вполъ в комору и виделъ паней, а они седать на обѣде за столом; и Бово прыступил ближе и вслонилъ са на посохъ, рече панизмъ: Для бога вас прошу и за милость доброго витеза Бова. Коли чула Друженна именуочы Бова, не могла болшеи ести ни пити и пошла къ пелгрыму и рекла ему: Видел ли еси гдѣ Бова? Икъ его знаеш, што его для просиш? Не вѣдаешъ обычаи, которые тут уставлен: хто Бова поманеть, (стр. 151) мает быти обешон. Але гдѣ ты, пелгрыме, Бова видел? И рече Бово: И я ти хочу тут поведати, так ми бог помози. Седѣл есми у солъдана въ темницы годъ и три мѣсецы. Будучи племенида Друженна з Бовом в той розмове, и услышал конь Бововъ и познал голос пана своего, почал ръзати так мощно, мало са весь град не рострасть, и мало семерых желѣзъ не розбил: онъ был от чотырох наболшихъ, которые у граде хованы. И рече Бово: Што то за конь? И она рекла: То ест конь, которого есми дала витезю Бово, и его зброю прынесла есми зъ собою, иж былъ Бово в один часъ мой чоловікъ; а купил его отецъ мой за пенези, и поведал са млынаровичом, а он былъ сын одного корола, которому было имя Кввидон, з города Антона. И в тот час прышли сарацѣны из за мора, царь солдан и сын его Лукаперъ з великого града Задонни, и болшеи ста тисечъ войска зброинного. И прышел мой отецъ и Маркобрун, и поймали моего отца и Маркобруна, а я, злочаст-

ница, поставила Бова в тот час витезем и тогда са есми довѣдала, хто его отец. И забил Бово поганого Лукапера и большеи тисечи сарацынов головы стал и моего отца и Маркобруна освободил, и опат тое-ж нocy невѣмъ куды пошел, и до сего часу есми его не видала. А Маркобрун выпросил ма у отца моего, але бог вѣдаетъ, што на то не была вола моя, што ми отец мой его за мужа дал. И от того часу и до нынешнего дня невесела есми ни день ни нocy для милости Бововы, которого велми милую, а сын мене. А коли быхъ его видела, я бых с ним пошла; для того есми привела коня его и зброю его зъ собою принесла; а конь не дает са ни одному чоловѣку повести, кромѣ мнѣ, злочастницы, а вже убил семнадцати юнаков, докуль в той стаини поставлен. А все то чынить для своего пана Бова.

Вроженая панна то говорить, а сама плачетъ. И в тот час увошел Маркобрун и рече: Пелгриму, дай ти бог зло, што ты говориш моей жоне иж сына велми плачетъ. И рече Друженна: Пана, недивно што я плачу, сын ест прышел здвора отца моего и поведаетъ ми, што моя matka умерла. И рече кроль панен: Дай ему ести. А добрый конь все рѣзал, чуючы своего пана. (стр. 152) И рече пелгримъ: Могу я прыйти к тому коню, а могу его злечыти до трех ден, занюж лѣкара лепшого над мене не може быти на свѣте: можетъ на немъ кождый хлопец ехати, судно ма к тому коню поведи. И потом прышел опат Маркобрун, и Друженна ему рекла: Выслухай, королю, што тот пелгримъ говорить: поведаетъ са наилепшымъ коньскимъ мистромъ, не можетъ быти жадный пудкий конь ни дикий, которого бы сын не могъ укротити. И рече кроль: Если бы то была правда, як сынъ говорить, хочу ему дати четвертую част Момбрада, а две тисечи конников, штобы ему служыли.

И взалъ пелгрима за руку, а Друженна за руку за другую, и пошли до коня в конюшню. Конь вчынилъ велико рѣзане и ланцухи покрышил; а кроль Маркобрунъ упалъ и не хотель тут столѣти и пошел з стаини, а ворота са за ним затворыли, и сын мнималъ, иж его конь хочеть забити. А Друженна

с пелгримом встали са въ стайни, и корол пошолъ с паны у палаца. И што то вчынил конь добрый? И всталъ на задние ноги, а передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорить, рекъ бы ему: Добре еси прышол, пане. И шпат са спустил на землю.

И Друженна рекла: Учаровал еси, шатане, его, такъ борздо к тобѣ привыкѣ! Рече Бово: Не дивно то, што конь мене позналъ: гдѣ ест Бово, которого ты жалееш. И она рекла: Бог вѣ, ты лъжеш, а где-ж пакъ добрый мечъ, которымъ та еси шпаса-сала? И Бово възналь гуню, выналь меч кгларенцю, и она рекла: Соими кlobук, укажы тот знак, што еси лечыла тебе ув-шца своего, коли еси был с шдное скалы спал. И Бово кlobук знал, и она его познала. Аи боже! Почали са велми цаловати, и рече Друженна Бову: Хочеш ли у дворе зостати, чы-ли хочемо ехать? Рече Бово: а хочу в дорогу, дай ми мою зброю. И она пошла на палацъ. И коли ее увидел Маркобрун, пошол к ней и рече: Гдѣ ест пелгримъ? чы-ли его конь зъел, або убил? Она рекла: Ест у стайни пры коню, а хочеть его нине злечыти и укротити, хочу ему велѣти дати постель, нехай и спить пры кони у стайни, нехай к нему привыкаеть и в дни и в нocy. И рекъ кроль: Учыни по твоей воли. И она взала (стр. 153) в коморе всю зуполную зброю и увезала в постелю и велела понести до стайни, а сама в тот час шла в комору до ложки. И прышолъ к ней кроль, бо вжо было час до ложки, а Друженна борздо змыслила и чашу забытнoгo питья дала ему, и он скоро ее выпил, тот час заснулъ. А Друженна шла борздо до стайни, аж витез Бово в зуполной зброи и гелмъ на голову прыправил и мечом са шпасал, шчыт взложыл на руку и взял толъстое копъе под паху и скочыл на кова и за стрыма са не прынал и не розминул са бы с тисачою витезеи. А Друженна на прудца усѣла и выехали с твердого Момбрада, а в тую ночь двадцать миль переехали. А назаутрѣи, такъ зора узашла, Друженна не могла ехать, што была велми спрацовала са, и рече Бову: Хотѣла бых га зъсѣсти, иж не могу ехать; для бога, положи ма тут близко сту-

денца. И Бово ее зъсадилъ, она умыла руки, а Бово коня пры-
везалъ и наполнил его, умыл руки, и прышодъ къ Друженныи
и ухватил ее за груди и спал с нею трейчы. И на томъ месте
почала Друженна два сыны, яко писмо говорить: один хо-
четъ быти кроль, а другии княже. Бово тот час заснулъ, за-
нюжь не ведалъ, што маеть на него прыити, а коли бы ведал,
он бы не становил сѧ. Але сѧ опат вернимо.

Коли сѧ пробудил Маркобрун и не нашол подле себе Друж-
ненны, зменила сѧ ему парсуна, и пошол до стаини, гдѣ конь
стоил, и не нашол тамъ ни коня ни пелгрима, и сѣлъ у великом
плачу, а велел у рог трубити. И прышло великое войско людства
к нему, и рече имъ: Мое витези, тепер ми вас потреба: прышол
Бово зъ Антониа, пелгримом сѧ учинил, ѡтвелъ ми красную
Друженну и доброго коня. Прысегам богу, хочу за ним поити
с трыдцатма тисечми войска конного, которые суть у граде. И
тут был у корола один мудрый чоловѣкъ, именов Мамродо, он
завжды королю добре радил и рече: Кролю, тое нocy Бово двад-
цать миль уехал, а нине можеть другую двадцать миль уехати, а
в тебе ест одинъ чоловѣкъ, именовъ Пулкан, ѡкии сѧ чоловѣкъ
не можеть найти над него: он можеть на трыдцат тисечен кон-
ных ударити. Маеть ѡбразъ чолочевьи и руки и перси (стр.
154) шыроки, до пояса чоловѣкъ, ано ниже як пес, ѡт пса и
ѡт жоны рожон ест, а нвоколи на коня не вседал, завжды пѣшь
хожывал, и нѣт на свете коня, которого бы он не втекъ. А коли
он идеть за двѣ мили, звукъ его чутъ; а он естъ твой чоловѣкъ,
а ты его даруй ѡт твоего имени, он ти может прывести Бова
и Друженну. И рече крол: Добре ми еси радилъ, занюж коли бы
войско великое пошло, не перешло бы болшеи трех миль за ден,
иж войско почываючы идеть. И послал корол по Пулкана, а он
прышол и рече: Пане, што велиш? Король рече: Иѧ ти повѣмъ:
прышол Бово из Антониа, ѡтвелъ ми Друженну и кова; а ели
ми их ты можеш прывести, Бова хочу повѣсити, а Друженну
зъжечы, а тебе хочу ѡсвободити и дам тобѣ четвертую часть
Момбрада и тисечу конниковъ, абы тебе служыли, и хочу ти дати

одну паньну за жону. И Пулканъ тому са узрадовал и рече: **Пане**, могу тобѣ ихъ привести перво, нижъ три дни выйдут. И почал са радити и взялъ три жерди, якъ всегда звыкъ, и пошел за Бовом, и виделъ са якъ дзыбол с пекла, побегъ по-лемъ. И третего дня почал догонати Бова; то была великая охота Пулканова за Бовомъ, а его звукъ за две мили было чуть. Племенида Друженна тое чувшы рекла Бову: **Пане**, улѣзмо в тот луг, иж за нами один дзыболъ авный, има ему ест Пулкан, от пса и от жоны рожон ест и много конников погубил, и нетъ чловѣка на свете, который бы са ему спретивилъ; и тебе прощу, улезмо у тотъ луг. И рече Бово: Не помози ему бог и светал **Марыа** matka божа, если и мам от одного чловѣка погинути. И скочыл на своего коня и взял сулицу у руку и щыт на плечо и стал серед дороги. И в тот час прышол Пулканъ и почал волати: Не можешъ утечы, ты будешъ обешон, а Друженна сожжена. Бово ему отказал: Прыптелю, мысль та заводить, перво са дамъ розсечы, нижъ быс ма повел.

(Битва Бовова с Пулканом) А Пулканъ прыскочылъ и кинул на него одну жердь, и коли-б Бово щытомъ не заложыл са, на том же бы мѣстцу его пробил; а з другое стороны богъ ест защытилъ, што его не вдарылъ. И рече: То ест один дзыбол, што с пекла выгнанъ. И почали са бити копьями; (стр. 155) Пулканъ вдарыл Бова по гелму, гелмъ был моцон, пробити не могъ, а Бово прыгнул са на седельныи лук; и велми смутен был Бово, не мог Пулкана ударыти никакож, и скинул копье и скочыл с коня и вскинул узду на седло, а щыт обернулъ на плечы, и взял мѣчь въ обе рупа, внимал вдарыти Пулкана и прыскочы к нему, а Пулкан скочыл через мечъ, а мечъ са в землю забилъ, а Бово мало не здох от жалости, а Пулкан ему далъ одинъ удар у щыт. Великъ былъ удар, што Пулкан учынилъ, от того вдару Бово упал на колени, весь изблѣдъ и рече: Аи боже створытелю небескии, ухован ма, пане, от смерти. Еще то вамъ скажем, што вчынил добрый конь: коли тот конь виделъ своего пана зле падшы на землю, пошел къ Пулкану велми боръздо и вдарыл его всеми

ногами чотырма; а Пульканъ с тым велми умѣлъ и вскочы на коня у седло, и добрый конь познал, што на нем не его пан, и почаль валати са по земли, а Пулкан не спал с коня, и конь шол под ним у наигущый дуг и содраль ему всю парсуну и не мог скинути и вернулъ са шпат к тому мѣстцу. Племенида Друженна видела, што учинил добрый конь, и мела велику жалость и пала на колена, с правого сердца почала бога просити: Боже, который еси прынал муки за насъ грѣшных, который еси створыл свѣтъ, небо и землю и море, и Адама еси сотворыл и его жону Евъву учинил еси их з глины, и подал еси им все створене, крома шдного овоща, што было напретив имъ; онаа Евъва ела и мужу дала, и дѣябол на них вражду учинил, иж по свету ходечы зло чынить; тамъ был кождый згинул, злый и добрый, ты еси зъшол за нашы грехи, который еси в блгословенъную панну вступилъ, шдъ нее еси рожен! Мы вѣдаем дванадцать учеников твоих, которых еси мѣлъ, и шдин з нихъ тебе выдал за трыдцать пенезек зрадне; и за насъ еси муки терпѣлъ, и так тебе Логвин ударыл под правую пазуху, и вышла кров и вода, и таа кров ему злила са на парсуну, и он прозрѣлъ на светъ шчыма и виделъ, што зло учинилъ, почаль тебе просити; и в третии день з мертвых еси всталъ (стр. 156) и вказаль са ученикомъ и шпол еси на небеса; а мы то добре знаем. Иа тебе прошу, учыни милость, уховая моего друга Бова, абы не вмер, а ни поведен у темницу соромотно. А добрый конь идеть против своему пану. И рече Пульканъ: Аи боже и светаа Марыа! такъ добрый конь своему пану вѣренъ! А Друженна почала говорыти: Пулкане, послухай ма, чому са не хочеш домыслити? Коли тебе Маркобрун привелъ зъ собою у двор штца моего, тогда еси тебе ховала, и узрос еси у моего штца дворе и злым ми хочешъ то платити! А коли бы еси з Бовом зъедналъ са мир деръжати и з ним товаришыти, на всем бы свѣте не нашли са лѣпшые товаришы надъ вас. Рече Пулкан: Иа са рад велми хочу змирити, але не вѣмъ, если Бово усхочеть; если бы он хотѣлъ, та бых пошол с нимъ, иж таких двух друзей не може быти: та Пулкан не видел еси ни шдного

чоловѣка, хто бы са мнѣ спротивилъ. А Бово вже велми спрацовав са и не мог больше бити са. И рече Пулкан Бову: Панае, хочеш ли ты со мною зъеднати са? Не хочу шт тебе штлучыти са, хочу пойти с тобою.

Бово ему штказалъ: Пулкане, нехай будетъ на твою волю, а я хочу с тобою змирыти са. И тот часъ оба кинули мечы на землю и вложили шлюб межы собою и ухватили са за горло и почали са цаловати. И змирывшы Бово всѣлъ на коня, а Друженна на иноходника, а Пулкан пѣшъ пошол; и прышли ку вдной горе и убачыли на ней замок вдного великого княжати; има тому городу Костел, а княжати има Урыл. И рече Бово Пулкану: Чый то город? И рече Пулканъ: То ест город Маркобруна, и взял ему вдинъ витез, княжа Урыл, маеть в себе унутры города пать тисечей витезей и иных юнаков, все на добрых коняхъ зброинныхъ, и сам в городе жыветь и на кождыи ден они мають бѣгати на конех воюючы Маркобруна. И рече Бово Пулкану: У тот город добро нам пойти, можетъ нам княже Урыл великую честь учынити. Рече Друженна: То ест моя штчызна. Пулкан рече: Правду говорыш. И коли были перед городомъ, (стр. 157) рече Пулкан воротному: Штворы ворота, хочем пойти у город. И воротный рече: Не пуцу вас. А Пулкан скочыл через стену и штворыл ворота и шпустил узвод, и Бово з Друженною уехали у город и поехали по городу никому зла не чынечы, и увидели, гдѣ седел княжа на кганку, а не было з ним никого, толко вдна жона его.

Коли княже видел Пулкана, и рекла ему жона: Ходить Пулкан, а с ним едеть вдинъ витез и пани, а надевам са, што ест витез Бово, который взял Друженну у корола Маркобруна. А они шли до палацу, княже Урылъ пошолъ против Бова, жона его противъ Друженны, и рече ей: Родичко, што са тебе поткало? А Друженна почала поведати все по раду, такъ ее Бово украл у Маркобруна, нарадившы са пелгрымом, и такъ са с Пулканом бил, а ни вдин другого не добыл, и они са змирыли. И было потом час пойти къ обѣду, и селъ Бово за стол из своею

Друженною; и в тот час Маркобрун прышолъ под замок, и з ним трыдцать тисечей воиска, все на добрых конях и въ зуполных зброях, и велелъ шатры поставити и сам вселъ на конь безъ зброи, узложым на себе один плащъ и поехал до города Костела, и прыехавшы близко, вызвал к собѣ воротного и рече: Пойди до княжати, нехай прыидеть ко мнѣ и говорить со мною. И воротный пошел и нашолъ княже Урыла, а он з Друженною за столом сидеть, и рече: Княже, король Маркобрун прыехал к воротамъ и зоветъ та говорить зъ собою, а он ест самъ один и без зброи. И встал Урыл, рече витезю Бову: Што велиш? Мов. — Як са бога боиш, пойди, але вѣдаю, чого онъ прышолъ.

Княже Урыл шолъ к воротамъ и видел корола и рече: Добре еси прышолъ, королю, што кажеш? Рече король: Брате, то добре вѣдаеш, иж то городъ мой, а ты ми его держышь квалтом; але мнѣ он не стоить ни за пенез, але ты не хочешъ со мною змирити са и воюеш ма ходечы под мой город, и я бых са с тобою хотел зъеднать, коли бы ми ты выдал Пулкана и Бова и Друженну. И рече Урыль: Пане, я того не могу вчинити, такое зрады двум витезем. А так княжа Урыль шпаты вернулъ са и рече Маркобруну: Велю та слонами убить. А Маркобрунъ поехалъ шпаты к войску до шатровъ и велелъ войску у зброи (стр. 158) убирати са, а Урыль прышол на палац, и почал его Бово пытати, што говорыл Маркобрун, и он ему все поведал. И рече Бово Пулкану: Вбираймо са. И Бово и Пулкан стали у зброи, и рече Бово Пулкану: Я хочу поити на тое войско, а ты тут стережы Друженны, абы ея така зрада не стала. И рече Пулканъ: Нехая будетъ на твою волю, брате. Витез Бово скочыл на свой конь и рече княжати: Пошли со мною свое войско, хочу са ш корола покусити, если буду мог.

(Битва Бовова з войском корола Маркобруна) Витез Бово выехал з войскомъ з города и пошел на корола Маркобруна и стрѣтилъ воеводу королева. И вдарыли са древы, Бово вдарыл воеводу у щыт и щытъ ему шбилъ и зброю ему пробилъ, а воевода палъ мертвъ на землю, и копи поломали на много уруш-

ков. И тот час Бово патнадцать витезей добрых мертвыхъ учынил и тут великую битву учынилъ. Витезь Бово добыл меча и многим головы постинал; и коли виделъ княже Урыл храбрость Бовову, он уружы са и патъ тисеч войска вывелъ из города противъ войску кролеву.

(Битва корола Маркобруна с княжатеми Урыломъ) И увидел их Маркобрун, обернул до них и забол кона, ударыл княжа копемъ у щыт, щытъ ему пробил, а зброа была добра, шт смерти его уховала, и скинул его с кона на землю, и королевы к нему прыбегшы ухватили его. И казал у рог трубити и пошел своею дорогою из своимъ войском, а княжа Урыла повел звезаного.

И коли витезь Бово войско побилъ и поле взалъ, а того не вѣдалъ, што корола княже ухватил. Витезь Бово прыехал у городъ Костел, ажъ ворота городовые штворены, а жона княжати седеть з Друженною плачучы. Бово рече: Бог вѣ, не вѣмъ чого плачете. Они рекли: Пане, кроль Маркобрун штелъ княже.

Витезь Бово рече: Тепер же иду за ним. Рече пани: Пане, для бога не иди, ховаимы города Костела. И тые сто конников вошли в город, которые з Бовомъ ходили къ битве, а Маркобрун всадил княже в темницу и шпатъ велел его перед себе прывести и рече ему: Брате, послухай, хочу с тобою умову вчынити, хочу ти дати Костель град и на кождый год десеть литръ злата, а ты ми дай Бова и Пулъкана и Друженну. А хочу та завѣтра пустити. (стр. 159) Рече Урыл: Пане, того га не могу вчынити, первей са хочу дати на розсечене, нижли бых мѣлъ тым двум витезем зраду вчынити. И велелъ на поли кол убити и к нему прывезалъ княже и велелъ позвати двадцать добрых молодцовъ, абы ножи боли княже. И король шпат ему рекъ: Хочу ти водлуг первое умовы вчынити, иж тебе пуцу, а ты зберы в городе тисечу молодцов, а нехай на постели убьють Бова и Пулъкана, а ты ми дай своих сыновъ в закладе, а га хочу поехать с тобою до Костела и хочу в лузе скрыти са, поки ми то справить.

Видечы то княже, што иначе не може быти, ку тому приз-

волил и послал по свои два сыны и дал ихъ в заставе. Княже вшоль у город, а корол у луг; и вшодшы княже в город и рече: Втекъ есми; и шол по городу в нocy и собрал сто юнаков збронных и велѣлъ имъ пойти у великии палац, а сам шол у свою комору. И Пулкан почув много людеи ходечы по палацу, гдѣ Бово спалъ, и заса Пулканъ шоль до ложницы, где княже спало изъ своею жонною, и почувъ, што княже говорить жоне, такъ с королемъ умовил и такъ собрал сто юнаков; и хочу сее нocy Бова и Пулкана и Друженну ухватити и хочу дати ихъ Маркобруну; але коли быхъ я (не) замешкалъ, бо есми ему своихъ два сыны далъ у поруцѣ, а коли ихъ [не] выдам, ѿ нихъ маеть повешати. И рече ему жона его: Пане, нехай тое рѣчы, лепей хочу, абы мои сыны померли, нижли бы тые два рыцѣры погинули. И за тое ее княже вдарыл по виденю, и кровь еи линула са з носа.

И Пулкан чуючы княжатские рѣчы, и мѣлъ смертнующую жалость и вдарыл у дvery и розбил ихъ и шол борздо къ постели Орылове, а не мѣлъ пры собѣ ничого, толко ѿдин ножъ, и ухватил его сонного за волосы и вдарыл его трыкратъ ножомъ и кинул его мертва. А Пулкан шол в палац и взял мѣчь и увидель конники, шол на нихъ з мечом, и ѿни вси розбегли са и поховали са, куды хто мог. А Пулкан шол до коморы, гдѣ Бово спал, и поведалъ ему все по раду. И с тое повести Бово убрал са у зброю и всѣлъ на конь, а Друженна на пнаходника всела, и поехали з города. И едучы ѿт того города Костела и увидели войско корола Маркобруново; Друженна не могла ехати занюжь была (стр. 160) ѿт бремени тажка, а Пулкан в той земли бы не свѣдом; и рече Пулканъ: Бово брате, поиди ты с панею тою дорогою, а я хочу пойти тое войско пробити. Витез Бово поехал с панею тою дорогою, которою Пулкан велел, а Пулкан взял мѣчь у ѿбе руцѣ и прыбег къ войску и почалъ чыинити жестокие вдарцы на право и на лево: комуколлекъ дал ѿдин вдар, тотъ пал мертвъ на землю; и розбил войско на двѣ части и ѿвернул са ку ѿдной стороне, и стретилъ его ѿдин полкъ корола Маркобруна, и побил ихъ и повезал ихъ, кони погнал передъ собою.

И догонишь Бово и рече: Мы есмо добре дошли в той земли. Пулкан велми са здобыл; и рече Бово: Подмо тамъ, гдѣ еси гуфъ побил. И прышли къ шатром и не нашли в шатрех ничего и побрали шатры; а Друженна не могла больше ехати, иж была в девети мѣсецов вступила; и они въехали у один лугъ и тут распали шатер.

(Порожене королевны Друженны двухъ сынов) И тут королевна Друженна родила два сыны и нарекла одному има Симбалдо, а другому Кгвидон, и мають прыити на великую добротъ, иж на свете больших витезей над нихъ не будет. Пулкан тых ѡбое детеи прынал, а Друженъне дал ести и пити, иж он был тут усюды свѣдомъ усюды ходечы.

И былъ слухъ по всемъ свѣте, иж взаль Бово Друженну королю Маркобруну, и прышолъ тот слухъ у Армению до корола Арменила.

И слышалъ то корол Армениль, велель десеть голеи направити и послал по всех городех искати, гдѣ бы хто могъ чуть Бова и Друженну, и прыказаль абы войско збирало са. А витез Бово рече: Брате Пулкане, повти хочу до прыстанища къ мору, а тобѣ полецамъ жону мою и дѣти: ты стережы; ачеи прыидеть крол Армениль з войском на прыстанище з мора, аз быхъ войско розогнал, и пошли быхмо у Армению. Рече Пулкан: Поедь, брате, богу та полецамъ. Бово поехал, а Пулкана пры Друженне и пры дѣтах ѡставил. И коли Бово на одну дорогу был прышол къ мору до прыстанища, и коли Пулкан ѡсталъ с панею в шатре, и Друженъна сидела держечы дѣти перед шатром, и в тот час выбегла кошуба с краи луга через поле (стр. 161) мимо шатры близко, а за нею два львы. И увидела Друженна львы, и они близко к ней идуть, и она мѣла смертныи страх и крикнула всимъ голосом: Помагаи, Пулкане; а он спал под однимъ дубомъ. Они Боже, сватаи Марыа, такое зло учывила пани, иж закрычала; а коли бы молъчала, лвы ничего не чынили.

(Пулканъ умеръ отъ львовъ) И пробудил са Пулкан и видел лвы, а они из шатра вышли; он скочыль и вдарыль

лва по голове мечом, и ѿп палъ мертвъ на землю; а други лвъ скочыль къ Пулкану и вдары его ногтями у перси и пробил зброю и вси ногти у сэрца его угрузил, а Пулкан тал лва по голове мечом, и ѿба в тот час пали мертвы. А Друженна в тот часъ мѣла великую жалость и почала тужыти и мѣла великий страх, не смѣла тут быти и взяла свои сыны в руки и пошла тым лугом ѿдною стежкою, которага вела къ мору, искати Бова. Коли прышла на прыстанище и не нашла Бова, и тамъ его не нашедшы пошла, ищучы Бова по свету и по городех. А Бова искаль войска у прыстанищы и не нашедшы вернул са ѿпат къ шатру къ Пулкану и к Друженне и къ дѣтамъ, и нашолъ Пулкана мертва и два лвы мертвых и мнимал, иж бы тые лвы зѣли Друженну и дѣти, а Пулкан за их бил са, и ѿны и Пулкана загубили. И мель Бово великую жалость и не вѣдал, што зѣ собою чынити, и почал велми тужыти, ѿж и памети ѿбыль. И ѿпат коли са въспомнел, зѣселъ с кона и взял Пулкана перед себе на конь и понес ку ѿдной ѿпатни и положыл его в цэркъви в добромъ гробе.

И поехалъ ѿттуле ко светому Семиѿну и уехал увѿдин город, а нашол в городе сто конников зброиных, которыхъ собралъ ѿдин витез, готуючы са некуды прочь. И Бово не смѣль своего кона ѿтыити и привезаль его велми коротко, абы иных коней не бил. Таковыи был конь у Бова: жадному не дал к собѣ прыступити, толко самому Бову; и привезал кона, вшолъ у палацъ городовии, а в нем было много добрых людей. И видел са им Бово велми добрыи рыцэр, и вси против его встали; и был тут ѿдин чоловѣкъ добрыи Рычардо (стр. 162) и рече Бову: Добре еси прышол, добрыи чоловече, можеш тут много добра добыти; аз хочу мовити тым людям, штобы ты был гетманомъ над сто конниками. Витез Бово рече: То ест на твоеи воли. Рычардо рече: Ижкъ тебе има? Бово рече: Има мнѣ ест Ангось; да куды ма пошлешъ? Рече Рычардо: Подь въ Антонию град. А повѣмъ ти: был тамъ ѿдин господарь великий, именем Кввидон, уже ест сем годъ ижкъ умер, а звал са великим княземъ, и

был в него сынъ великии цудный, именованъ Бово, и тотъ згинулъ безъ вѣсти; и послалъ одинъ добрый человекъ, именованъ Симбалдо, искать его по свѣту, и естъ семь годъ, такъ его ищутъ, и нигдѣ его не могутъ найти; а такъ тѣж его ищу и не могу его найти. А колижъ есмь его не могъ найти, такъ хочу опять вернутьъ ся, а Симбалдо маеть пять тысячъ войска конныхъ, а хочеть пойти воевати подъ Антонию, хочеть помстити смерти своего пана. Если хочешъ со мною пойти а быти воеводою надъ тыми сто конниками, за десеть иныхъ зброинныхъ хочу тобѣ платити. Бово рече: То на твоеи воли, а такъ пойду радъ. И назавтреи собравшы ся вси и шли на пристанищу нигдѣ не замешкивая къ мору, нигдѣ не становя ся до сватого Семишона. И коли прыехали ко сватому Семишону, увиделъ Рычардо Симбалдо, прешолъ къ нему и обляпилъ его за горло; и рече Рычардо Симбалду: Пана, не могъ есмь Бова найти и привелъ есмь сто человекъ конныхъ и наполъ есмь одного витеза большого надъ иныхъ витезен, ни одного человека не виделъ есмь такъ великого, великое пади болшъ иныхъ людей, а маеть зброю добрую, коня доброго; если на него трафитъ ся Додон, приметь великое зло отъ него. И Симбалдо и Терызь сынъ его видели Бова с тыми людьми на моры, пошли къ нимъ.

И взялъ Симбалдо Бова за руку, а Терызь зъ другое стороны, и пошли в городъ, и вси тые люди с ними пошли, которыхъ Рычардо привелъ. И спыталъ Симбалдо Бова: Ижъ тобѣ има? Рече Бово: Има мнѣ естъ Ангосъ. Симбалдо рече: Мусишъ ты быти добрымъ витезомъ, и парсуна твоя такъ указуеть. И Рычардо рече: Не стойтъ пеназа.

Коли тое Бово услышалъ, рече ему: За што, брате, ганишъ? такъ с тобою не хочу турнаи коштovati, а ни в битве на поли. (стр. 163) И рече Рычардо: Ижъ с тобою хочу на турнай ити. Витезъ Бово рече: Хочу с тобою умову мѣти, нехай ся иные за то не бьютъ; если такъ тебе с коня зобю, нехай мое юнацы твоимъ наплюють, а коли ты мене скинешъ, нехай твое также моимъ учинать. Рече Рычардо: Добре мовишъ. Назавтреи вси юнацы конники оружыли ся, каждый з собою повелъ сто конниковъ; тые оба витези взяли сулицы и пошли одинъ къ другому.

(Бово Рычарда збил с кона) Витез Бово вдарыль Рычарда и тот час его скинулъ с кона на землю; и рекли Бововы конники Рычардовымъ: Видите, што умееть чыинити нашъ витез? А они ничего не отказали. Рычардо рече: Коли бы онъ видел мой мѣчь, што бы умѣлъ вчыинити, не смѣлъ бы его ждаты. Витезь Бово рече: Рычардо, послухай, брате, ты можеш видети мои мѣчь пытаючы перво, нижли от города отеду. За тым вси конники вернули са шпат къ городу; витезь Бово взял Терыза за руку и рече: Коли хочем поити добывати Антъонию городъ? И рече Терызь: Завтра у первую зору, коли почнетъ свитати. Рычардо усталъ и справилъ себе и свое конники, а Бово Терыза взялъ у свое товаришство; и шли под добрый город Антонию. Бово былъ свѣдомъ много Антониа в кождомъ месте; и прышод ко Антонию шыховали са; а былъ обычай того города: докуль не выидеть третага часть дна, ворот городовых не отворать.

(Бово забрал добыток) И коли был часъ ворота отворыти, тогда отворыли и узвод опустили и выгнали многие добыток из града на поле; и видел тое Бово, выехал з луга, отвернулъ весь добыток и подал его своим юнакомъ, и они отогнали на перед. И прышла Додону вѣсть, и он мѣлъ великую жалость и тот час у зброю убрал са и велѣлъ в рог трубити. Тот часъ собрало са войска патнадцать тисеч зброинныхъ на конехъ, а гѣтманомъ Дан Албрыго. А Додон въ зуполной зброн и ехал перед войскомъ один далей нижъ стрельбище; и тут витез Бово споведал са Терызу, призвавъ его к себе и рече: Я есмь, брате, витез Бово, вкажы ми, если познаешъ у войску, хто загубил нашего пана. И сталъ с того Терыз велии весель и рече: Брате, тепер же ти (стр. 164) его вкажу: оно, што перед всеми едетъ, то ест Додон, который загубил нашего доброго корола Кгвидона. Витезь Бово рече: Ест ли то правда? Рече Терызь: Так ест. Бово рече: Нехай же са ему такъ отбротить. Рече Терыз: То ест войско великое, не можемъ противъ ихъ трывати. Витез Бово рече: Нехай тое речы, тепер же узрыш моего меча, коштуючы

са на Додоновом войску зрадцы злого; перво бых умер, нижи бых не потькал са с тым зрадцою.

(Битва Бовова з Додоном) И забол кона, а древо взял под паху, як добрый витез, и вдарылъ Додона у щытъ позлацон, щыгъ ему пробил, а сулица прошла всю зброю, и прокололъ ему какъ былъ кротокъ долгъ, и скинул его с кона на землю, и его юнацы прыскочывшы и вскинули его на конь и побегли с ним. Бово витез похватил добрый мечъ кларенцьню и тал гетмана Дан Албрыга по гелму, до зубов ему мѣчь пробѣгъ. Видѣлъ тое Терыз и вельми его похвалилъ; и тое войско витез Бово прогнал и пошел ко сватому Семисну. А Додон был вельми немощен от раны на смерть и почал говорить: Кто ми можетъ помочы от тое раны, дам ему злота колко сам усхочеть. И чуючы Бово тот слухъ, што Додонъ говорить, почал Симбалду говорить: а хочу пойти Додона лечыти, а возму з собою Терыза. И рече ему Симбалдо: Якъ ты можеш тое учынити, занюж Додон познаеть Терыза и повелить вас ѡбесити? Бово рече: Дан покой той рѣчы, знаю из таковое зѣлье, што не можетъ насъ жаден чоловѣкъ познати; и понесемъ тое зѣлье з собою. И призвал Бово Терыза, и пошли в комору и помазали са ѡба тым зелемъ и стали черные, черней угольа, и пошли къ Симбалду, и ѡнь видел ихъ и почал дивити са, якъ са пременили, и рече: Панове, можѣте пойти, ано и из вас не могу познати ѡдного з другим. Бово рече Симбалду: Зберы-ж ты сто тисеч войска, а из поеду Додона лечыти до ѡсеми дней, а ѡсемого дня будь готовъ з войскомъ подъ Антонию, и коли вчуѡшь (стр. 165) трубечы в рог, будь готовъ пры воротех, маеш ми в городе помочы. И рече ему Симбалдо: Пане, пнеси тот лист, который еси тобѣ написалъ, и дай его Глиберту, брату моему, бо ѡн тамъ воротнымъ естъ. Витезь Бово взял тотъ листъ и учынили са с Терызомъ пелгрымами, Бово мечъ свой подъ гуню прыпасалъ, и пошли до Антониа и прышли къ воротамъ городовымъ и нашли Глиберта пры воротех. Бово са з нимъ прывитаъ, и рече Глибертъ: Што есте за люди? Рече Бово: Мы есмо лѣкары с чужое земли, прышли есмо лечыти До-

дона. И ѡн рече: Я вас не могу до свое господы прынати. И Бово ему лист дал и рече: Тотъ лист послалъ тобѣ Симъбалдо; и ѡн взявши лист прочол, ажъ пишеть: Кто тобѣ тот лист дастъ, то есть Бово, а другое Терызъ, сын мой. И ѡнъ увелъ ихъ у свои домъ; Бово Глиберту поведалъ все, какъ са зъ Симъбалдом змовил на Додона. И борздо пошла вѣсть по городу, што прышли знаменитые лѣкары и хотать Додону раны лечыти. И чулъ тое Додон и тотъ часъ по нихъ послалъ, и ѡни прышли. А коли Бово видель Додона, иступилъ з лица а вчынил са блѣд, какъ пупава. Коли видель Терыз, што Бово зменилъ са, и рече: Коли то лекар идеть лечыти ран, не любить, штобы его жонка стрѣтила, але тепер его жонки стречали; бог даи имъ лихо. И рекла пани Додонова: Поидите-ж, панове, до господы, а завтра прыидите лечыти. А ѡни пошли. Видель ихъ Глибертъ, шолъ противъ имъ, и ѡни ему поведали, што са чынило и какъ видели своего зрадцу Додона, а ѡн сидеть на постели. И потом ѡсмого дна прышли къ Додону, и ѡн имъ рече: С которое есте земли? И ѡни рекли: С твердого города Момбрада. Рече Додонъ: Если можете злечыти, хочу са вамъ злотом ѡтважыти. И ѡны ѡгледавши рану, рекли: Послухай, Додоне, тот витез, который ти тую рану дал, мыслить тебе загубити. Рече Додон: Бог вѣ, ты даеш ми знати, иж не могу ѡт тое раны выздоровети, але за тому витезю могу помстити.

(Бово Додона выпровадил з города своего Антонъ.) И Бово и Терызъ в тот часъ скинули зъ себе гуни и ухватили мечы, Бово почалъ велми говорыти: Додон, злый зрадца, за есми Бово твой неприятель смертныи, (стр. 166) ты-сь забил ѡтца моего, а а тобѣ дал тую рану, а тепер не хочу вдарыти, занюж мати моя тебе навела забити ѡтца моего; и встанъ и поиди з моего города. Додон встал с постели, а Бово в рогъ затрубилъ; тотъ часъ Симбалдо прыспѣлъ къ городу з войскомъ, а Додон всѣлъ на конь и ехал з города, а Симбалдо уехалъ в город. А Бово посѣлъ свои город и велелъ перед себе привести свою матер; а коли ѡна прышла, велелъ Бово ѡгонь скласти

и ее жечы, або коньми волочыти. И рече ему Симбалдо: Не чыни того великого греха, вели ее межы двухъ стень замуровати, нехай са своихъ греховъ касть, нехай на нее всака мокрота и студен падаеть, а нехай са ее похоть гасить.

(О смерти матери Бововы) И Бово такъ вчынилъ, какъ Симбалдо велель, и велель си давати на ден по тры еицы и хлѣба и по малу воды въ уста пускати; и тутъ она висечы умерла. Такъ Бово помстилъ отца своего и добылъ своего города Антониа, а Додона выгналъ отъ своего добра, што мель в городе.

И коли Додон вышолъ изъ Антониа, былъ ему боль отъ раны, и ехалъ у Францыю къ королю Пипину и жаловалъ са ему, какъ его витезъ Бово выгналъ зъ его державы, и просилъ короля, абы ему далъ на помоч, и король того не хотѣлъ вчынити, и онъ его почалъ ещо болшей просити. И король ему далъ на помочъ трыдцать тысячъ войска, и самъ король с нимъ пошолъ, и пошли подъ Антонию.

И коли прышли ко Антонию, король и Додон велѣлъ шатры распати передъ градомъ, и зрадца Додонъ пожогъ все предмѣсте. Витезъ Бово то видель и мель великую жалость и рече: Дайте ми мою зброю и конь; и дали ему. Бово воруужылъ са и скочылъ на конь и взалъ щыт и сулицу и заболъ коня а пошолъ у войско Додоново, а Симбалдо и сынъ его Терызъ зъ своими патнадцатьма тысячы войска велели ворота отворыти и взводъ отпустити, и все войско з города вышло.

(Битва Бовова съ Додономъ) Витезъ Бово увидель пропоръ Додоновъ и заболъ конь и скочылъ какъ левъ голодный, и стретилъ первого и другого и скинулъ ихъ с коней (стр. 167) и вдарылъ Додона у щыт позлацон, щыт ему пробилъ, и зброю прошла сулица, и трафилъ его подъ сэрце и скинулъ его мертва на землю. И видечы Додона мертва, и шолъ внутрь войска, и когоколвек ударыл, тые мертвы падали на землю.

(Битва Бовова с Пипиномъ) Витезъ Бово поткалъ са у войску с королемъ Пипиномъ и вдарылъ его у щыт позлацон и

пробил щыт, а зброя была добра, не дала его погубити; и скинул его с коня, и ухватили его витези Бововы.

И видечы Бово Додона мертва, а корола Пипина ухвачена у своихъ руках, а онъ вернулъ са противъ воиска, а корола повелъ зъ собою звазаного; и въехавшы в город, ушолъ в палаць и велель привести корола и рече ему: Королю Пипине, ты маєшь великии грѣхъ и много еси злого учынилъ, што ма еси в моем городе заступилъ и села мои показилъ. И рече ему корол: Правду говорыш, а я тобѣ шлюбую, занюж ми иначе не може быти, хочу тобѣ прысагнути на эвангелеи, што ѡт сего часу на веки не хочу воевати твоего панства. Рече Бово: Якъ тому могу върыти? Рече корол: Дам ти у закладе моего сына и будешъ безпечон. И рече Бово: Вели его привести.

Корол послалъ по своего сына до воиска, и пошолъ его посыл а е нимъ ѡдин граженниа, и прышодшы къ королевичу, рекли ему, што королъ велель; а пры немъ были два чоловеки знаменитые, ѡдин Солумон, которыйи его ховал, а другии Кгвидон, которыйи его учыл, тые ѡба пошли с ним у Антонию. А коли прышли, корол Пипинъ прыказал Бову у закладе своего сына, а сам взалъ прощене ѡт Бова и пошол до своего воиска и почал поведати, якъ са з Бовом змирыл, абы кождыйи вѣдал, и якъ своего сына у поруцѣ дал Бову, и рушылъ са до дому з воиском. А Бово собралъ собѣ великии дворъ витезееи и юнаковъ на добрыхъ коняхъ.

И послышал, што Друженъна прышла ув-Ормению и жыветь у дворе ѡтца своего корола Арменила. А Друженна чула, што Бово вернул са у свои город Антонию и якъ помстилъ смерти ѡтца своего, и не мѣла своего жывота, если не наидеть своего пана Бова. (стр. 168) И розмешавшы ѡдно зѣлье и намазала са им и стала чорна, якъ уголь, и взяла гусли и взяла злота и сребра, колко могла понести, и повела зъ собою ѡба свое сыны и пошла з города, вчынившы са скоморошницю, и шла по свету и по городехъ играла у гусли, а сынове скакали, а тым было семъ год. У которое мѣсто прышла, або кого на

дорозе стрѣтила, нигдѣ са не нашол, хто бы еи злое слово рек. Племенна Друженна видела са людемъ доброе шсобы про то, што мѣла твар хорошу; а то дла того чыни[ла], заняжь еи стоало за великое кролевство, коли бы Бова нашла. Але тут вернимо са до Бова.

Бово часто прыпоминал ш Друженне, и прышол к нему посол зъ сарапэнское земли шт града Задонни шт царевны Малгорѣи, дочки цара солдана, сестры великого Лукапера. И нашол Бова, а шн с однимъ витеземъ в шахи играет и свое серцэ веселить; и поздоровилъ Бова и рече ему: Бово, здоров будь. — Прыятелю, добра еси прышол, ис которое еси земли? И шнъ рекъ: Пане, я посолъ шт царевны Малгарыи, котораа тебе велии милуетъ, дочка цара сольдана, которыи тебе в темницы держалъ в Задонни граде. А стоить школо города корол угорскии и хочеть ее силою взати, а шна его не маеть ни за шдинъ пѣнезь, а штец ее цар сольдан умер; и до тебе послала, што бы-сь еи помогъ. Успомени ее великую добротъ, што тобѣ шна чынила, коли ты был в темницы у ее штца. И хочеть панна Малгарыи крестити са у твоего бога вѣру, а ты ее поими за жону, и будеш господар трыдцатьма и двум мурованым городамъ. И Бово росмеал са и рече: Панове, што са вамъ видить в той рѣчы? Нарадимо са поити там, ачеи можемо ее шпростити шт тое печали. И рече Симбалдо: Помозимо еи што наболеи можем.

Витез Бово того-жь часу послалъ по всех своих землях, абы прышли зброины на конех, и собрало са конных патнадцать тисеч, а пѣшых сто тисеч, и вышли з города Антона, гетманом Терызь, и шли два дни, а третего дня дошли. И видел Бово на поли войско (стр. 169) и пошол к нимъ.

(Бово побилъ войско угорьское) Тое войско видевшы, што не могутъ терпѣти против Бова, и побѣгли. Витез Бово гонилъ за ними и побил их, прышол къ городу Задонию и нашол ворота штворены и вѣехалъ в город и шолъ на палац со всеми витезми. И прышла к ним панна Малгарыи и покорне подако-

вала витезю Бову. Велѣлъ Бово стати добрымъ людемъ у великни круг и казалъ позвати ѿднаго бискупа и велелъ крестити красную Малгарью и для ея цудности не хотѣлъ ей имени ѿменить и велелъ ея Малгорѣтою звати. Бово почалъ прыправлати са къ весэлю, хотечы ея понати за себе; и тотъ часъ прышла Друженна в городъ Задонию и видела Бова, а ѿнѣ стоить на ѿдномъ кганку, а с нимъ его витези и царевна Малгорѣта. Друженна почала у гусли играти велми пекне, а ея два сына танцовали; и почала Друженна прыпевати ѿ короли французскомъ и ѿ Бову антъонейскомъ, а витези и юнацы слухали до конца, што ѿна прыпевала, а ѿна прыпевала ѿ Друженне цудной, такъ ея Бово втратилъ близко мора на пристанищы.

Коли Бово тые пѣсни порозумелъ, прыподшы къ ней и рече: Пани, поведати ми, што за пѣсни? И ѿна ѿпять почала прыпевати; и рече Бово: У злыи часъ есми рожен, што таа скоморашка ходечы по городомъ прыпеваеть ѿ мнѣ и ѿ Друженне. Рече: Пани, прыиди сюды къ намъ, маешъ быти честована и добре дарована. Коли пани то познала и не хотѣла болшен играти; и пошла Друженна на стан, а витези и юнацы велми са дивили, што ѿна говорыла играючы въ гусли. Коли былъ часъ къ обѣду, Друженна ѿба сыны вѣбрала в шаты и рече: Поидите у двор, коли усхочеть тотъ пан умывати руки, вы ему ѿдин воду даи, а другии ручникъ, а якъ садеть за столомъ, стоите передъ нимъ, а коли васъ спытаеть, где вашъ ѿтецъ, и вы мовте: Не вѣдаемъ, не видели есмо его такъ и родившы са, ищемъ его ходечы по чужыхъ замлахъ. Ёсть тутъ наша мати, можэмъ ея попытати. Такъ ихъ навчыла.

(Стр. 170) И ѿни стали передъ Бовомъ. Виделъ ихъ Бово и спыталъ Симбалда, который подле него седѣлъ: Знаешъ-ли, што то за дѣти? Рече Симбалдо: Не вѣдаю а ѿтколе суть; и вси почали са дивити. Витезь Бово рече: Дѣти, прыступите ближеи, ѿткуль есте вы? Рекли дѣти: Мы не виѣемъ того поведати, не вѣдаемъ ѿтца своего, не видели есмо его такъ и родившы са, але вѣдаеть наша мати, што има ему Бово з добраго города

Антонья, а мы его ищемъ ходечы по чужыхъ земляхъ; а наша мати дочка корола армяненисского, а има еи Друженяна.

Коли витез Бово позналъ тые рѣчы, што дѣти говорятъ, и скочыл черезъ стол, прышолъ къ своимъ дѣтемъ, почал ихъ целовати и ѿт великое милости сомлѣлъ. И коли са успоменул и рече: Сынове, гдѣ есми тот, кого вы ищете; гдѣ ест ваша мати? дла бога поведаяти ми! Рече Квгидонъ: Тамъ естъ на стану. И рече Бово: Пойдимо, гдѣ ваша мати. И дѣти пошли, а Бово за ними, витези и юнацы вси пошли за ними ѿставившы потравы на столе. Привели ихъ дети до стану, гдѣ седить Друженна, а ѿна была чорна якъ уголь. И видевшы ее дѣти, ѿна седить на земли, рекли: Уто наша мати. Бово рече: Нешлахѣтницы, вы мноу кунштуете! Замахнулъ рукоу, хотечы ихъ вдарыти; и видечы то Друженяна скочыла и рече: Пани, пожди тутъ мало, пани естъ в другомъ [домѣ], гдѣ велю выйти. И влѣзла в другии домъ, умыла са водкою пудною лицѣ и руки, ѿпять стала по первому пудна, и вбрала са у велми коштовное платье у злогоглава, и възложила на голову венецъ велми пудный, и вчынила са такъ красна, якъ ни ѿднана рѣчь на свете.

И вошелъ Бово у комору и ввиделъ Друженну у красной парсуне, и прыступилъ к ней борздо и велми милостиво поцаловал, и много са з нею миловавшы пошелъ с нею на палацъ. И пошла повесть по городу, што Друженна прышла; (стр. 171) и вчувыши то Малгарыа прышла на палацъ и нашла Бова з Друженяною и з сынми; тые панее ѿбе велми ласкаве са привитали, и рече Малгарыа: У добрыи часъ еси прышла, пани! И почала Бову говорить: Господару, гдѣ тебе прошу, коли тобѣ прышла пани Друженна, и ты мнѣ дай которого своего витеза вроженого и доброго, штобы могъ рыцарство носити и добрую зброю, штобы могъ царства моего коруну, трыдцать и два городы, што держалъ ѿтець мой царъ солгдан. Бово рече: Теперъ гдѣ тебе могу вчынити. И призывалъ Терыза и рече ему: Хочу, штобы еси поналъ панну Малгарыю за себе. Витез Терыз прыналъ ее велми вдачно и сталъ господаремъ всеи его державе. И тутъ перво взялъ Бово панну

Друженну, и тутъ было многое веселье, тут витези танцы играли. Тутъ веселившы сѧ витез Бово з Друженною и зъ своими сынами до города и з своимъ войскомъ ѿ города Задонни выпши у свою ѿчизну в град Антонию, и там было великое веселе, што сѧ злучы зъ своею панею и з дѣтми. А Терыза Симбалдовича ѿставилъ у сарацынской земли. А юнацы Бововы кожды у дом свои; а витез Бово з Друженною и з своими сынами был у великой mocy и славе, а з великое ласки и милости ѿба сыны свое поставил витезми, а даровал каждому з них по сто витезен на добрых конех, а за жывота своего нарече своего сына, которому было има Кгвидон, королем, а которому има Симбалдо, тому речеть великий княз. И в той силе жывучы, были храбрые витези конъные и зброинные, и вси ѿкольные земли боги сѧ их и служыли им, бо были великое доброты и рыцарства; а Терызу в Задонии в сарацынской земли дал богъ сына ѿ царевны Малъгорэи, има ему Кгвидон, и тот былъ у великом панстве, а у Кгвидона ещо был сынъ, има ему было дѣдово Терыз, а matka его была Спэрра. А такъ сѧ dokonчыло писанье ѿ Бове ¹⁾.

¹⁾ Страница 172 не записана.

Исторыя ѿ Атыли короли угарьскомъ (стр. 173).

Глава ѧ.

Кгды перед давными часы гуннове, або так ихъ нине посполите зовут угрове, из своими княжаты Белем, Кэвом и Надыком положили са были шбозом надъ рекою Тисою, тогды в тот часъ в Панънонѣи, то есть в том краю, который теперь угорскимъ зовемо, мешкали разные народы, а украинные мѣстца для наездовъ неприятелей сторожу держечи и до шбороны готовъ будучы держалъ с тое стороны Дунаа некаки Матэрнус, албо такъ его некоторые зовуть, Матрынусъ. Тот не толко тые крайны, которые тепер угорскою землею зовемы, але тэж и Далмацью, шбою сэрбъскую землю, Ахаю, Трацью и Мацэдонию у своен владности мѣлъ; а такъ коли ему его люд дал справу, иж великое множество гунновъ або угров в земли его великою моцю над рекою Тисою шбозом са положило, умысли просити ѿ помоч Дэтрыка, который на тот часъ не малую часть немецкое земли под своєю владностью мѣлъ, поневаж самъ шбавал са давать штпор такъ великому множству неприятел. Тот тогды зобравшы борздо зо всичъ пограничныхъ народовъ великое войско, такобы до угашенья всичъ догарающее пожоги, прытагнувшы до угорское земли положили са не далеко ѿ Дунаа къ полудневой стороне на том мѣстцу, которое теперь Лазагалемъ зовуть. Штъ того мѣстца недалеко было мѣсто, которое звано Потэнцыана, межы тымъ преречонымъ полемъ а мѣстомъ Тэтэс, которое на берегу тое-ж

реки лежало, годно вечное пометки для osobного мѣстца и иныхъ пожитковъ. Тамъ кгда Матэрнусъ мешкал, а воеско до давана шпору такъ наглому неприятелю по готову мѣль, ехал до него Дѣтрыкъ абы з нимъ порадил, гакъ бы в той (стр. 174) мѣре поступовать мѣли, а иж бы межы собою постановили, если бы было лепей перепровадившы са черезъ Дунай на угры въ шбозе неготовые ударить, чы-ли найти инъшую дорогу, котораа бы ихъ пожить, або пакъ гакимъ бы способомъ з неприателемъ такимъ несподеванымъ а незнаемымъ битву сточить мѣли, што скоро шпѣгове угромъ шзнаимили. Кгда са она ихъ рада должеи нижли прыстоало межы гетманы проволокла, зоставившы у войску для бороненя жонъ и всехъ речей своихъ нешто люду, сами з другимъ множествомъ жолнеровъ перепровадившы са черезъ Тису прытагнули на мѣстца близко Дунаа лежачые. А ачъковѣ Дѣтрыкъ и Матэрнусъ мѣли тую справу шт сторожы, ижъ са неприятель прыближаеть, ведъже розумели то бытъ межы собою а межы угры великий муръ Дунай, маючы за тое абы черезъ него угровѣ неладно перебить мели; спустившы са тогды на тое, кгда лениве а нечуине въ своихъ справахъ поступовали, угровѣ розумѣючы то собѣ быти малую працу, по перееханю шныхъ высокихъ а до переезду трудныхъ горъ и глубокихъ рѣкъ черезъ Дунай перепровадить са, ужываючы до того мѣховъ скураныхъ, которыхъ до таковое потребы у войску вели много мели, надъ надѣю неприателей нижеи Бузыни перепровадили са черезъ Дунай на томъ мѣстцу, на которомъ теперъ ест местечко, которое для того перепроваженя зовуть по угорску Кѣленфеуульдэ, то естъ земля переезду або перепроважена; а тамъ справившы жолнеры свое, ударили знагла а безъ вѣсти ш полночы на Матэрна а на Дѣтрыка у мѣста Потэнцыи в шатрахъ, а шня в тотъ часъ будучы на впокою спали; которые будучы не-звычайнымъ шкрыкомъ угровъ на знакъ татарского шт нихъ учыненымъ шбужоны, не вѣдали што бы чынить, гакъ бы са вымкнути або неприятелю шпор дати мѣли. Жолнеры тѣж и товаришы ихъ также гакъ и гѣтманове, будучы такъ наглымъ неприятельскимъ

вторгнемъ перестрапоны, занедбавшы зброи и шбозу почали утекати. Угрове утекаючых гонили, цѣлую ночь били, сѣкли а забивали и все гдѣ могли мечом трапили. (стр. 175) Назавтрае угрове, абы сами собѣ и жолнеры их зѣ шное поражки въ неприятелю ночи прошлое учыненное будучы спрацованы шпочынули, положили са шбозом в долине Тарнокъ недалеко шт Потѣпцы. Тою поражкой люду своего Дѣтрык и Матѣрнѣ будучы непомаду засмучоны, мыслили ш томъ у дни и в ночи какъ бы шную подынатую соромоту зацным таким учынкком затерли. Зобравшы тѣды шстатки шного войска, которые были шт поражки зостали, взавшы к тому жолнеры для боронена мѣста зоставленые, и другие на иншыхъ мѣстахъ будучые, справившы их первей, нишли бы угрове зѣ шного упрарованья поправити а покрепить са могли, ударили на них в оной долине Тарнокъ. Угрове частью с поражки прошлое ночи шкром великое працы в неприятелю учыненное смѣлость взавшы, частью теж множеству люду своею уфачучы, смѣле противко неприятелю шли и мужне са боронили, гѣтмане поделившы са войскомъ кождыи частью напоминаемъ а намовленемъ, частью тѣж неприятелскую неможност и троха люды лжучы чынили пилностъ, абы жолнеры их тым шстреи и мужней на неприятела натирали, а где бы тѣж неприятель набольшен налегалъ, сами надбегали, мужне собѣ в битве починали а мужства своего знаки шказовали. З другое стороны тѣж рымляне неленивей штпор угром давали, себе и горла своего боронили а в люду угорскомъ великую поражку чынили, паметаючы на то, же в той битве ш их маестностъ, панство и ш здорове игра шла ¹⁾).

Была тѣды быстра и великаа битва и поражка з шбѣюх сторон, поле шбоеи стороны трупами положоно было, шт поранку аж до вечора битва са точыла, по чом ладно бы кождыи шбачыти мог мужство шбойга люду, какъ хто много рукою и мужством а дужостью тѣла могъ. Але кды са вже солнцѣ

¹⁾ На поляхъ отмѣчено: Битва Дѣтрыкова зѣ угры.

хилило къ вечеру, почали угрове слабити для невыспана прошлое ночи, вешпочынку и працы, почали тогда порхати, которых, иж вже битвою спрацованы были, Дэтрыкъ и Матэрнь не могли гонити. Угрове перепровадившы са так прудко тако и первей через Дунай, вернули са до своего шбозу, которыхы были за рекою zostавили.

(Стр. 176) Поведають ижъ в той битве сто двадцать и пать тисечей угров побитыхъ легло, межы которыхыи тэж Кэво шдин гетманъ былъ забить; а рымановъ поведають же бы мѣло полечы два кротъ сто тисечей и десеть тисечей шкром тых, которые въ шбозе были побиты ¹⁾). Заправду быстра то битва, а вечное памети годна. На завтрэе Дэтрыкъ и Матэрнь ачюлковъ битвы выиграли, ведъже шднакъ не хотели на том мѣстцу верненьа угровъ шкдати а битвы с такою великою люду своего небезпечношю, которое са певне сподевали давать. А такъ рупшывшы са тагнули спѣшно зъ остатком люду до мѣстечка Тулны, которое было педалеко шт Вєдна а тепер есть до ракуское земли прылучоно.

Глава б̄.

Угрове, довѣдавшы са иж непрытатель утек, вернули са на шное поле, на котором битва была, на котором позбиравшы трупы свое, а набольшей Кэвы гэтмана з великою шбычаемъ татарскимъ погребли их подле дороги, на которомъ мѣстцу поставили столпъ каменны, абы былъ шных речей, которые са там стали, у людей потомныхъ паметкою, и дали тому мѣстцу има Кэвегаза, то ест дом Кэвы, которые тепер штменившы и штнавшы нѣкоторые литэры зовуть Кэазо. Потомъ коли угрове водле шбычаю своего трупы свои поховали ²⁾, не за долъгии час всю долънюю угорскую землю, которая ест над

¹⁾ На поляхъ помѣтка: Личба з обудвух сторон побитых.

²⁾ На поляхъ: Трупы похованые.

Дунаем, частью моцю, частью тѣж черезъ подане подъ свою моц подѣбили, в которой зоставившы жоны, дѣти и все домовство, хочечы дадеи щаста своего досвѣтчыти, з великим войскомъ, которое были заса зо всего посполства досыть не малое пописали, надувшы са с прошлого звѣтажства тагнули до Тулни мѣстечка. Дѣтрыкъ и Матрын по прошлой битве зобравшы новое войско зашли им дорогу на поли, которое зовуть Кэсмау.

Угрове умыслили первей умереть, нижли са битвы зборонать а мѣсца уступить а славу першого своего мужь(стр. 177)ства так великими прадами и небезпеченствы вже набытую зельжить. Первей тогды, нижли непрятель, справившы войско, на пострах непрятелю учинили шгромный а страшливый шкрыкъ, бѣючы по свонску въ бубны, стреляючы здалека на непрятеля розною бронею, мешали им гуфѣцы, а коли видели у них великую мешанину, учинившы поткане чынили з ними вруч. Дѣтрыкъ также зъ своими не ленивей собѣ почынал, тамъ где nagyobbей налегаль непрятель шпор даваль, а себе и своихъ мужне боронил, але угрове гдѣ шдно наперли, всюды великую поражку чынили. Почавшы шт свитанѣа аж до деватое години на день быстра битва трывала, на шстаток рымаше поднавшы велии много ран, подали тыль, угрове пустившы са по них кого догонити могли забивали.

Матэрнѣ в той битве забит ¹⁾, Дѣтрыкъ будучы в чоло з луку постреленъ, ледво ушол, с которое раны потомъ ледве жыи шсталъ, для которое раны поднатое угрове его назвали нешмертѣльнымъ, которого и нинешнихъ часов угрове въ своихъ песнахъ исторыею шбываемъ кгреков в собѣ замыкаючыхъ Дѣтрыкомъ нешмертѣльнымъ зовуть. Поводають иж половицу тое стрелы, которую был пострелен, абы шное раны близною и стрелы половицею у цэсара ш собѣ сведѣцтво дагъ, до Рыму был зъ собою занес. Так много крови на томъ мѣстцу битвы текло, иж

¹⁾ На поляхъ: Матэрнѣ забитъ.

Сборникъ П Отд. И. А. Н.

мало не все поле было криваво, якожь и угром тое звитажство неледажкь прышло, бо сорокь тисечей ихъ полегло, межы которыми Бэла, Кэвэ и Кадыка гэтманы побиты, которых тѣла у того столпа каменого, што есми ѿ нем вышеи поведал, в гробе Кэвы поховано. Рыманов велии много полегло, ѿкромь троха, которые утечы могли. По той битве ни ѿ што са не кусили противъ угром а ни немцы, а ни иншыя народове; так двух битвъ поражкою знадзоны сила ихъ была зъутьгѣла и упала.

Глава ҃.

Удержавшы угрове тое звитажство, почали заразом всеи той земли, (стр. 178) што ее тепер угорьскою зовуть, и всеи крайнам, которые под Матэрномъ были, волне росказовати а жаден не был хто бы са противку их ѿбурыл, такъ же ѿное великое панство наглою шаста ѿтмѣною за короткии час з рук до рук перешло. Стратившы тогды, яко-иъ поведалъ, угрове чотырохъ гэтманов, того унимана были, абы тое так великое панство працами, небезпечностями и моцю набыто крепчеише напотом было, коли бы над ним якого великого мужа переложыи, бо паметали на тое, иж не меншого мужства надоби до захована королевствъ, нижли до набывана. Долго тое тогды первеи межы собою розъбирали, хто бы налепей тому спростати, а такъ великое множество людей великим шастем большеи нижли первеи вынеслые с посполитым добромъ мог радити. Потом за сполным всехъ заволенемъ року ѿт нароженьа сына божого чотырыста первого ѿбрали королем Атылю, который з личбы ѿных угорскихъ гэтманов толко самъ вже был з братомъ Будюю зостал, ѿ которого прыроженю, ѿбычаех и знаку тела видить ми са быти не з дороги нешто поведать ¹⁾. Атыльа тогды, которого по угорски зовуть Этале, был середнего узросту, персеи и плечей шыроких, головы водле инъшых члонков померное,

¹⁾ На поляхъ: Взростъ и ѿбычачи Атылевы.

шбѣлича чернавого, шчю свѣтлых, на взгляде быстрость якую-сь в собѣ маючой, борода рѣдкое, носа закрывленого, походу гордого, до вѣнуса велми склонѣныи, на працу телесную, на голодъ, на спанье, на студень и на горячость велми терпивиы, великого сердца, рады доброе и смѣлыи, руки хисткое и мужное, в рѣчах рыцѣрскихъ учоныи, до славы велми хотливыи, въ шглуменю непрятела, в нараженю..... и зрады велми ростропныи и хитрыи, в битве всего доглядуючыи, часомъ мужного жолнера, часом справного гѣтмана повинности досыть чынечы, противко пышнымъ крнобрныи, а против покорныхъ лацныи и милосердныи. Тое тогда мужство и сердечное и телесное в собѣ маючы, взавшы под свою моц панство што далей тым болшей за..... хутю розшырана панства своего хотачы са на тые люди, за которыхъ помочю Матѣрнъ против ему и против его люду войну велъ, шбурыти а кривды поднатое помстити са, (стр. 179) умыслил тогда што наборзден ударыть на словенскую землю и на сербѣские шбѣдѣ, на Ахаю, Мацѣдоню и Трацью, которые перед тым посылали Матѣрнови жолнеров на помоч. Але абы в небытности его шному панству его на чом не сходило, а иж бы был тот, который бы на его мѣстцу королевством владнул, про то Буду брата своего переложыл надъ усею шною крайною, которая и деть шдъ Тысы реки аж до другое реки Танаис ку полночной стороне. Росказалъ тогда всим шнымъ грубого народу крайнам, которые были под панованемъ угорским, абы ему послушны были, а он сам з мѣста Сыкамбрые, которое был собѣ столицю шбрал, вытагнул в поле з войском, в котором было десеть кротъ сто тисечей люду боевого, бо так кровника угорска свѣтчыть, же так великое войско мѣл, шкром шныхъ народов, которые са были шт усюль до него зошли. Свѣтчатъ исторыкове, ижъ такаа его была выправа военная: шатры мѣл розмаитые водле шбычаю тыхъ королевствъ, которые был перед тым под свою моц подѣбил, дивнымъ мистерствомъ робленые; тотъ, в которомъ самъ мешкалъ, былъ шолковыи, золотомъ гафтованыи и дорогимъ камѣнемъ насажаныи; жерди, на которыхъ

стола, были золотые, а споење их было перлами шсажово, а другие, в которых кони стоали, вси были шолковыє; ложа, на которомъ лежал, столы, начыне кухонное, седъла, рады, иншыє конскіє уберы золотом и дорогими каменъми были шсажовы. А так борздо скоро на початку панована своего, иж велии был хотливый до всихъ рѣчей на войну потребных, про то справил велии много дѣл иншого начына военного до ламана муров и на шкоповане шбозу; справил тѣж былъ десетъ тысячей возов косами шсажовыхъ, абы ими шбоз свои такъ муромъ шточыл; мечъ носил, такъ шн сам мнимал, шт бога посланыи, бо кгда некоторое нocy во сне видал такъ бы его Марсъ у зброю убиралъ, назавтреи некоторый его войска жолнерыи принесь ему мѣчь, которыйи с трафунку напол на просторномъ поли, коли шол слѣдом раненое, котораи реч не помалу его в томъ подтвердила, абы сыну своему прошлomu вѣрылъ. Гѣрбъ такъ на тарчы так на хоругвахъ носил шрла, коруну (стр. 180) на голове маючую; жолнеры его мѣли бронь с татарское земли принесеную, тарчы шкурою поволоканыє а желѣзомъ гладкимъ шкованыє, луки зъ стрелами, древца, а шабли у боковъ. Узрост ихъ был не велии великии, але шблича на погледенъю велии грозны, бороды долгиє, волосы не стрыжовы, шдѣныє было с косматыхъ шкур шбычаєм татарскимъ; тымъ уберомъ всимъ людемъ были на пострахъ, которого угрове в каждой потребе военной ужывали ажъ до часу Кгеиса сына Торонового; за бога хвалили: Швиша, Марса, Мѣркурыуша и Вѣнуса, которыхъ справою мнимали, иж са имъ мѣло на всемъ шчастить. Тытул Атыли, которымъ са писал, тотъ был: Атыла сынъ Бѣндѣкгѣчов, внукъ великого Немрота, въ Энкгадзе выхованыи, з божей ласки королъ угорскіи, медскіи, кротскіи и датскіи, страхъ свѣта; до которого тытулу потомъ для словъ пустошниковыхъ прыдал: Бичъ божий, ш чомъ иижеи повѣмъ шырей¹⁾. А тымъ способомъ забравшыи и прыготовавшыи войско не только своимъ, але тѣж и всимъ иншимъ людемъ былъ Атыльла на див и на страхъ.

¹⁾ На поляхъ: Тытулъ Атыли.

Глава Д.

Паметаючы тогды на тое Атыла, иж словаки, сэрбове, ахачыки, мацэдоны и траконове против ему и против его народу Матэрнови передь тымъ на великой помочы были, а иж за их помочю великаа са была поражка в люду угорском стала, про то вторгнувшы з великою охотою у их землю пустошы ихъ всаким способом, вже и до Костантынопола з надѣю звитѣжства прыближал са, кгда часу на тую войну готована новина прышла, иж Тэодозыусъ цэсар умер. Сабэзьликъ исторык задныи пишет, иж бы угрове от гэтманов Тэодозыусовыхъ одною битвою были звитажоны, але стараа угорска кроинника свѣтчють, иж угрове не отнесшы жадное поражки а ни шкоды, звитажство одержавшы з радостю и з великою корыстю зъ Атылем вернули са до Сыкамбрыи.

По Тэодозыусе на цэсарство наступил Мартинъ, который обовла(стр. 181)ючы са силы Атыллы много королевствъ розшыронныи, абы его чотыри насильнейшыи народы: от усходу слонца пэрсове, от заходу висиготове, от Африки вандалеве, от полночное стороны угрове заразомъ одного часу войною про то зъ Кгэнъсэрыкомъ вандалскимъ королемъ и с пэрсы до пэвного часу перемире взалъ, такъ розумѣючы, же колибы тые утихнули, ладней бы са угромъ шпирати мог. Кгда Атыла, або боечы са жебы Марцыянъ цэсаръ противко ему зъ Азии не выгганул, какъ нѣкоторые поведаяють, або тэж перепужавшы са тое злое ворожки, же шатер его кгда повѣтрэ тихое было и небо гасно нагле са обвалил, до Сыкамбрыи са вернулъ, роспустившы войско на тые угорские мѣстца, которые был имъ на то роздал, абы в нихъ собѣ по тыхъ працахъ черезъ нѣакый часъ отпочынули а в часъ собѣ учынили, онъ самъ абы того часу, который мѣлъ от войны волныи, марне а оокромъ посполитого подданныхъ своихъ пожитку не травил, умыслилъ королевство свое уставленемъ правъ укрѣпити, уважаячы то у себе, же до укреплена королев-

ства так много надобѣ прав гакъ и зброи, а такъ, кгда на томъ засѣлъ, абы права, которые бы съ посполитымъ люду его добрымъ были, списалъ, становечы межы поддаными порадокъ, водле которого бы жить мѣли. Много королевъ и народовъ, будучы до того приведены частью имена его славою, которое са вже мало не по всемъ свете было славило, частью тѣж такъ мнимаючы, же онъ зложывшы зъ себе шное першѣе шкрутное прырожене, удал са до скромнейшыхъ а людемъ прыстойнейшыхъ шобычаевъ и хоче королевство свое правъ уставленемъ укрепити, а тою речю шказалъ бы по собѣ нѣякий знакъ скромности, повстагливости своее, з розмаитыхъ свѣта краины што день до него са зъездчали, которыхъ абы собѣ постороннихъ людеи с прыпазньо хуть зъездчалъ, ласкаве ихъ прыимуючы великие имъ дары давалъ.

Межы которыми Валамира готовъ на всход слонца мешкаючыхъ кроль, Гэръдэрык, кроль крѣпидовъ велми можный и валечный а для зацныхъ справъ велико славный, к тому тѣж Дытмар и Витмар шстроготские княжата, к тому маркоманънове, шварове, гэрولة, (стр. 182) швабове и иншыя народы с Турынкгиеи и Рукгиеи вси для рыцэрскихъ справъ великозацныи кролю Атыли доброволне са поддали а до него прылучыли.

Атыла змоцнившы са такъ много звитажствъ а поднесшы са в пыху панствомъ такъ много королевствъ и много народовъ, былъ того мнимана, жебы вже лацно вѣвесь заход слонца шаблею могъ под свою моцъ подбитъ, а ижъ бы частью шказованьемъ богатствъ своихъ, частью укладностю, добродѣйствыи и шпелакою гоинностю нахилил ку собѣ тыхъ, которые его еще такъ собѣ велико не важыли, а ни у нихъ былъ в подивъ, уставилъ день, которого бы не толко его подданые, але тѣж и посторонные, которые бы то учынити хотели, прырекшыи имъ за покой и безпеченство до нихъ, волне ходили, для которое прычыны много людеи з далекихъ краин до него са з доброе воли своее зъездчало. Дэтрыкъ вэронѣчык, ш которомъ вышеш поведало-м, ижъ з Матэрномъ против угромъ нещастливе вальчыл, з многими пановъ земли немецкое, которую под своею владностю мѣл, слышечы ш той

добротливости Атыли, з доброе воли своее до него прыехал, которымъ Атыла великую хуть и склонность указавшы и ласкаве их прынавшы, великие дары им дал. Дзэтрыкъ, видечы Атылла так хутливого и ласкавого противъ собѣ и против тымъ, што з ним прыехали, намовил его съ прыроженна его до войны и до таких забавъ хутливого, абы против немецкое напервен, а потом и французское земли шаблю поднесъ, до чого тым его латвей намовил, ижъ ему за пэвную рѣчь поведал, иж в Нѣмцах и у Франци людю жадного поготову до ѡбороны нѣтъ.

А так Атылла зобравшы великое войско з людю и своего и постороннего, которые са были до него зѣехали, а ѡ которых разумѣлъ, иж ихъ против собѣ хути и верности дознал, рушыл са зъ Сыкамъбрыей. Пишэть Сабэзльикъ зацныи исторыкъ, ижъ на тотъ час войска его было пать кротъ сто тисечей до бою людей годных. Ведучы тогды войско через ракускую, баворскую, швабъскую землю и через тые немецкие крайны, которые лежат межы тыми мѣстцы, гдѣ са Рэн и Дунай почываэть, а в тагненю вси мѣстечка, которые ему на дорозе были, частью для ѡтпорности, частью жэ ему живности боронено (стр. 183) и тѣсноэ дорогы ему заважала, з кгрунту вывернувшы, частью тэж некоторые в ласку прынавшы тагнулъ з войском до Констанци.

Жыкгимонт ¹⁾ король будучы на тотъ часъ ѡное земли паном недалеко ѡт Базылей, мѣста надъ Рэномъ лежачого, з великим войском дорогу ему зашол, которого Атыла зо всим его войском латво поразил и ѡтгромилъ. Онъ будучы пораженный а ѡною битвою зутленыи, видечы са быть и щастемъ и моцю Атыли делеко неровным, подѣдал са ему и с королевствомъ своим, а ѡттуль же, кгда што ден Атыли прыбывало и силы и богатствъ, ѡблегъ место Аръкэгэнтину, лежачее над Реном. Того мѣста жаден бы еще аж до того часу моцю не взалъ, але кгда его Атыла за короткии час добыл, все подал на лупъ жольнером, все будоване, для ѡбороны учыненое, казал показити и порозвалать,

¹⁾ На поляхъ: Жыкгимонт корол у Базылей поражен.

муры на много местцах зъ землею зровнано, абы на паметку имена Атылевого всем людемъ волныи до мѣстца шного быи прыступ; и казал то возному шболать, абы шных муров розваленыи за его жывота шбывателе не смѣли поправоват, а для тогож шное мѣсто по немецку названо Страшпуркгъ, што са выкладаеть замокъ дорогии ¹⁾. Потом перепровадившы са через Рэн, тагнул з войском через тулинкги, гэдви и сэкуаны, которое за нашего вѣку буркгундыичыками зовут, Кгундыкара корола их, которыи вже в тотъ часть з великою силою хотѣлъ са до Аэцзуса и Тэшдорыка прылучити, зо всеми его войски в битве поразил.

Которое зацное звитажство шдержавшы, много шборонных мѣстъ сэкванскихъ и французскихъ велми богатыхъ и зацныхъ, межы которыими личать Лировъ, Бэсон, Матышкон, Люкдунъ, Кабилен и Линкгон з кгрунту вывернул и збурыл. Сабэллик так поведаеть, иж у французской земли на первей са на ремэнсы шбурыл, тамже и Никазы того мѣста бискуп, ш которомъ шведеаю нижеи, чоловікъ для шсобныхъ шбычаевъ и сватобливости жывота великославныи и зацныи, там забить, але кроиники угерские свѣтчатъ, иж збурене Рэму и смерть Некажого аж са по каталанонской битве стала.

Глава ѳ.

Атыла мало перед тым нижли на посредку земли французское дотагнулъ, видечы ижъ шцасте всехъ рѣчей пан, где бы са шдно шбернулъ, звитажство ему шбецовало, заразомъ тѣж то передъ себе внимане (стр. 184) беручы, жебы у французской земли жаден ему дороги не зашол, которыи бы шцастю и силы его штиор могъ дати, почаль собѣ во всем надъ звычайи недбалей почынати а множеству люду своего болшей, нижли прыстойтъ, уфати. А для того-ж, иж еще ш войску Аэццусовомъ противъ себе зобранымъ нишкое пэвное вѣдомости не мѣлъ, мнималъ абы меншого войска

¹⁾ На поляхъ: Аркгэнтыву, чому Страшпуркомъ зовуть.

мог мѣть досыть до указана того, што был умыслил, послагъ тогда третью част войска своего на пустошане границ испанскихъ. Поводают кроиники угерские, ижъ тые жолнеры Атылевы, звоевавши огнем и мечом неакую част Ишпаней, дошли были аж до корола бѣтыцкое стороны, которому было има Мироман, который велми улакнувши са угров, вси мѣстца в должъ и в шырыну велми воюющихъ, зъ Ишпала, гдѣ мешкал, через теснины мора кгадытанского аж до Африки утекъ¹⁾; ведже га пѣвне того твердити не смѣю, кдыжъ то ест реч гзна, ижъ французскую землю, аквитанскую и испанскую на тот час висяготове были посели. А кгда еси тепер учинил змѣну о А[э]цдысе, про то о его початку и повоженью водле тое вѣдомости, которую ѡ нем маю, нѣшто коротюхно споведаю.

Тотъ напервей для ѡсобного мужства и в рѣчах рыцѣрскихъ бѣглости ѡт Гонорыуса цесара на мѣстцо Костанцыусово надъ всеми вошки будучи преложон, много мужства своего знаковъ против буригундом, франкомъ, галаном ѡказовал; потом иж галаномъ, ванъдалемъ и швабамъ, которые са были положили у Эмэрыты над Арою рекою лежакою, моцю неровен будучи, до далшее Ишпаней албо боечы са непрятел, або тѣж розумеючы же са не годило войска своего против так великому множству людей сквалливе ставит, войско свое был назад увель, про то Гонорыусъ ѡтнал ему был гѣтманство, на которого местцѣ далъ былъ неакого Кастына татарского народу человекка. Аэцдысъ, ѡтнесшы тую зальжывост, вернувши са до Рыму умыслил на. спокойныи жывот вести, в котором ѡднак ѡт ѡскаржжена непрятел своих не мог быти безпечон. А так коли эго ѡскаржжон, якъ бы ѡн што нового. мѣл, смерти инак увоити не мог, ѡдно иж таемне до Угор утек, гдѣ за жывота ещѣ Гонорыусового мешкаючы у Атыли и ув-угров был в ласцѣ, частью для ѡсобливое годности, частью тѣж для того, ижъ са всихъ влоскеи земли справ и поступковъ ѡт него угрове довѣдали.

1) На поляхъ: Мироманъ бѣтыцкий король.

Тотъ тогда, кгда Говорыусъ умер а на мѣстцѣ его Валентинаа настал, вернул са до Рыму, шткуль коли его приведено до цѣсара за радюю Плаццдѣи матки, былъ прынат в ласку, а Кастына, ш котором поведало-м вышеи, (стр. 185) зѣ земли выволаано. Тому Аэццусови Валентинаа поручыл был французскую землю, абы ее боронилъ, бо ему то был шбецал, же латвей могъ загамовать угры абы зѣ границъ вгорьскихъ выступить не смѣли.

А так Атыла с тыми, которые а вышеи поменил, королии и людии на французскую землю, которою Аэццусъ справовал, на-первей шбурыт са умыслилъ, частью для того, ижъ Аэццусъ шбетницъ, которые был угром ш влоской земли учинил, не держалъ, частью а радше подобно для того, ижъ звальчывшы французскую землю сподевал са латвей потомъ влоскеи достати, которое вже му са давно было за намовою Аэццусовою захотѣло.

Забившы тогда Кгундыкара корола и вывернувшы, тако-мъ поведал мѣстечка бургундыиские, тагнучы подле Родану реки а збурывши вси мѣстца, которые му са на дорозе трафлали, тагнул до Ауралиэ мѣста, лежачого над Ликгером, шблегъ его¹⁾. Которого кгда великою силою добывал, в тотъ часъ тепер до-ведалъ са, ижъ Аэццусъ намовлал королии и народы, 'абы великою силою против ему тагнули. То са Атыли над надѣю прыдало; про то, абы Аэццусъ, што са вже шднакъ было стало, Тэщдорыка заходныхъ гкотов корола, с которымъ вже былъ давно великую войну зачал, ку собѣ не наклонил, умыслил Тэщдорыка на тотъ часъ Ишпаней и Францѣи аквитанское пануючого намовлати, абы его мог до себе наклонит²⁾. Послалъ тогда послы до него, шзнаимуючы ему, жэ он до французской земли прытагнулъ большъ для того, абы королевъ и народовъ прыазнь, нижли неприязнь собѣ зъеднал, маючы за то, же ничого знаменитшого а до захована панства на долгии часъ безпечнейшого быти не може, шдно добродейством а прыазнью, поки са може стать, сэрца королев

1) На поляхъ: Аураля шблежона.

2) На поляхъ: Послове Атыли до Тэщдорыка корола.

собѣ еднать а ку собѣ скланать, и для того-ж велцэ того прагне, абы з нимъ прыазнь, прэмирэ взалъ, не хотечы жадное войны възрушати, одно-ж толко зъ самими рыманы прычыну войны масть, которые еще с початку угром завжды неприятелми бывали.

Кгды то Тэодорыкови попрожницы поведано, послове, не справившы ничего, вернули са, бо вжо перед тым Аэцыусъ, будучи тое надѣи, жэ Атыла мѣлъ прагнути прыазни Тэодорыковой, самъ первей наклонил его былъ собѣ¹⁾ и на войну са з ним стоварышылы, тагнучы его к собѣ частью шбетницами, частью прыпоминаемъ старое вазни межы угры а кготами, поведаячы же кготове за давных часов штнесл были шт угровъ кривду (стр. 186) и зэльжывост, продкове его зъ столиц своих шт угров были выгнаны, угрове тое были справили, иж кготтове, будучы з штчизны выгнаны мужством штчыстым мусели собѣ нового мешкана искати у Францаи и въ Ишпаней, а тепер са зас ш то старают, абы их зогнали с тыхъ мѣстцъ, которые они собѣ за давных часов мужствомъ своимъ зготовали. Къ тому тэж и тое прыдавал, же тепер прытагнули угрове до французское земли тым умысломъ, абы и кготское и римское панство з великою их зэльжывостю, если бы са на то сполне не шгледели, мечом посполъ посѣлгъ, а про то-ж тепер богъ дал до того дорогу, абы стародавнаа кривда кготом шт угров учынена была помщона, а пыха и быстрост ихъ погамована быт могла, што бы велики латво учынити, коли бы Тэодорык силу свою до силы римское прылучил, а он всаким способом хочет са ш то старати, если собѣ не хочет ни в чом винен зостат, абы за его справою стародавних продковъ своих кривдъ за помочю божю помстил са, а французкую землю шт шкрутенства шного грубого народу вызволил. Тэодорык король, будучы тыми словы и прыпоминаемъ давное неприязни велики рушонны, шбецал са стоварышыты зъ Аэцыусом на войну против угромъ, а под тою умовою з ним са збратилгъ,

¹⁾ На поляхъ: Рѣчь до Тэодорыка Аэцыусова

иждь одинакою силою и с полнымъ накладомъ войну противъ угромъ вести и кончыти мѣли.

Глава 5

Кгды са Атыла ш товаришстве Тэодорыка зъ Аэцыусомъ шт послон своихъ довѣдал, такъ розумѣл, иждь прожде мѣлъ даленъ шжыдати, але ничого не мешкаючы умыслилъ вытагнути противъ неприятелей, абы за его штволокою сила неприятельская с пограничныхъ людей што дален то болшеи на кождыи ден не прыростала. А так шттагнувши шт Аурелиси поспешилъ са з воискомъ противъ неприятель, ищучы тое рады, абы их нешпарныхъ а не поготову здыбал.

Коли вже з воискомъ тагнулъ, жолнеры его нашли над прервою некоторое горы велми высокое нѣякого пустынника ¹⁾, которыи, абы будучы волен шт забавокъ того свѣта мог на послузе божои вов-покою животъ вести, збудовалъ былъ собѣ подлюю кучку на шдномъ мѣстцы, и привели его до Атыли. Король зъ его (стр. 187) прыитѣя велми са урадовавши пыталъ его, што бы за чоловікъ былъ, которого бы бога хвалилъ и чому бы на мѣстцы такъ трудномъ и прыкромъ животъ свой вести умыслил, и што бы за щасте ему на войне богъ шбецалъ? Шныи пустынникъ молгчавшы долго, а потомъ какъ бы духомъ божымъ надъхненныи, штказалъ королю, же естъ француз, а хвалитъ шного бога, которого хрестане хвалать, а шн на томъ мѣстцы, шткуль его приведено, шбравъ себе мешканье, абы будучы шт земскихъ забавокъ штлучоныи, богу тому, которого има вызнавал, поддавши тѣло под силу розумови а не досыпанемъ и недоеданьемъ спокоинѣишею мыслею служыти, законъ его розмышлавати и прыказане ховати мог.

Потомъ мовилъ ²⁾: А иждь мене, ш наможнейшыи межы корольми, до того прыневолаеш, абыхъ тобѣ волю божю шзнаимилъ и рады

¹⁾ На поляхъ: Пустынника до Атыли жолнеры привели.

²⁾ На поляхъ: Пророцтво пустынниково Атыли; далѣе другая пометка: Пустынниковы слова; и: Атыла бичъ божьи.

твоее повожене, ачко левек шного, которыи вси людские рѣчы в рупцѣ своеи мает, естѣ есмь наменьшим робачком, ижъ не ест реч подобнаа, абы хто нескончонныя рады его мѣлъ порозумѣти; а так, абы еси не мнималъ, абыхъ га воли бога моего, которого ты не знаеш, которого вѣру и люди его хвалечыи преследовати умыслили еси, поты поки его ласка мнѣ дает хота троха ведати не мѣл, вѣдаи ш том, ижъ бог будучыи злостами люду своего роздражненныи, которыи видечыи ижъ шт справедливости и шт правдивое вѣры до непобожности са наклонили пыхою, лакомством, несправедливою панована хутю ест зажжены, убогие утискают, до жадное рѣчы болшеи са не скланаютъ, шдно до внутрнее войны, роскошей телесных, занедбавшы розуму, ищут, зыску спросного прагнут, добрыи людми гордаты в похлебѣцахъ, которые ничого иншого не чынат, одно короли и без охиленья королевства с корена выворачают, и в иншом ушы роскошыванью болшь са кохают, нижли в правде и в учтивыхъ забавах, к тому тѣж иншыи учынкыи спросныи сут силюгавени, а до кождое речы непобожное склонны, хотечыи их до скромности, покоры, мѣрности, справедливости, милости сполной и сполного покою, повстагливости, против убогимъ гоинности, до розознавана добрыхъ, до слухана правды, котораа короли и панства их в цѣлости заховывають, до учтивое забавки и до иншыхъ цнот, до правдивого хвалена себе, которое набольшеи въ вѣры а в милости ку нему а ку ближнему належить, и до справедливого живота за твоимъ побуженемъ привести — мѣчь свой тепер в руки твои дал, бо ты естѣ бичъ божьи на каране выступковъ люду хрестанского посланныи. Тотъ заса кгда са люд его упаметають, коли будет хотѣти, шт тебе шзме, а другому водле воли своее дасть, (стр. 188) тобѣ дотуль тое можности земское ужывати допуститъ, поки ему будетъ са здало. Которыи абыс пѣвне вѣдалъ, ижъ мысль, рада и можностъ шкромъ воли божое жадное моцы не будетъ мѣти, а ижъ вси рѣчы не толко земские але тѣжъ и небескыи у его воли суть положоны ¹⁾, маю за тое, же еси шбачыи знаки звѣздочныи; в тои

¹⁾ На полякѣ отмѣтка: Божа моц панства воюе.

битве, которую з рыманы будеш мѣль, упустиш перо, але суднакъ не вжо зараз мужность твою и панство твое з рук твоихъ ѡтшидет, леч дотуль его ужывати будешъ, покуль бог, абы са его люд за твоимъ..... полешшы, тобѣ назначы.

Атыла кгда тые слова пустѣльниковы учул, здивившы са ѡного челоуѣка такъ мудрой вымове, ведѣже з несподеваного посальства прелекнувшы са, казалъ его ѡт себе ѡтвести а для знаменитое мудрости его въ учтивои сторожы ховать дотуль, ажъ бы са ѡт своихъ практыкаров, которыхъ на тотъ часъ пры собѣ велии много мѣл, довѣдал са чого пѣвней того ѡкою повоженѣа своихъ рѣчей. Призывавшы ихъ тогда до себе, пыталъ ихъ, што бы ѡ прышлой битве розумѣли; тые гледѣвшы на тыхъ мествъ водле науки своее на черова быдлачые повѣдили пустѣниково пророчество быти правдивое, тое тѣжъ прыдали, же мѣль гетманъ непрыательскии в той битве полечы. Про то, хотя Атыла фрасовал са ѡ нефортуной прышлой битве повожене, ведѣжъ волѣль пустит са на щасте а всакого нещаста дознати, нежли тыль подати а мужства своего славу спроснымъ утеканемъ зѣльжыт. Потомъ даровавшы ѡного пустѣльника, ѡдославшы его до его кучьки, с которе было его приведено, рушыль са гакъ наборздеи мог зо всемъ своимъ войскомъ ку полю каталянницкому, гдѣ [А]ѣцыусъ и Тѣѡдорыкъ зъ Санкгибаномъ аланскимъ и Мѣровѣусомъ французскимъ королемъ з розмантыми людьми буркгунды, французы, которыхъ королемъ былъ Мѣровѣусъ, з люцыяны, арморыки, сароны, рыпарыѡлами, брыкгоны, ламбрыѡны, сарматами, лютѣцыяны и брытанны, которые большеи з вазни противъ Атыли, нижли з милости противъ [А]ѣцыусови з великими войски зѣехали са были. А кгда тамъ прытагнулъ, довѣдавшы са войско непрыательское быти далеко болшое, нижли первей мнимал, почалъ того велии жаловать, ижъ третюю частъ войска своего до Ишпанѣи былъ послалъ, умыслилъ тогда битву зволочиваючи дотуль, жѣбы са ѡное его войско до него вернути могло, и ѡбваровавшы ѡбозъ свой ѡныими десетма тисечми возовъ косами ѡсажонныхъ, ѡ которыхъ поведало-мъ вышеи, подъ заслоною сполное ѡколо покою

намовы, послал до [А]эцыуса послы ¹⁾ просечы станьа або короткого прэмира, але [А]эцыусъ частю для того ижъ рады Атылевы добра былъ свѣдом, частью тѣж ижъ так много (стр. 189) королев и розмаитых народов моцы збытне уфал, не хотѣл жадного примѣра дать. Атыла, ачъколвекъ са межы страхомъ и надеєю розмышлалъ, розважаючы собѣ частокрот, же его войско перед непримательским менъшою было, к тому тѣжъ и шное пустѣликово и вѣщъков своихъ практыку, ведъже уднакъ згиненемъ гетмана непримательского, ш котором поведали практыкаре, сам себе тѣшыль, а сэрце боазливое неакою надѣєю тешылъ, будучы тою надѣи, яко бы в той битве [А]эцыусъ без шхилена згинути мѣль, а так хота бы тѣж не вѣдаю зъ якою войска своего небезпачностю пред са умыслил то штнести, што бы нещасте военное прынесло, бы удно, яко са сподевал, А[э]цыуса забитого видель. Много знаков небескихъ тою битвы назначало срокгость: два разы того року было затмѣнье мѣсеца, много мѣст наглым тресеньемъ земли упало, небо са кривавыми вороты штворыло а шщепы огнистыя з обополне са через него пробивали. Надъ то еще черезъ колко ночей видено комѣту, стегающую полома свое ку западной сторонѣ, которыхъ дивовъ много са люди лекало, а не толко Атыла, але и [А]эцыусъ зъс Тѣодорыком велики са клопотали, готуючы са до прышлое битвы яко налепей могли, кдыжъ шбоа сторона тушыла собѣ выиграти. Тагнул тогды Атыла з великою прудкостю на поле каталанницъкое, на которое кды прытагнуль, зобравшы до себе жолнеры, учынил до нихъ напоминанѣ тыми словы.

Глава 3. ²⁾

Сама рѣчь мене до того ведет, жолнеры а товаришы мои намужнейшыя, абыхъ винешнего дна до васъ нѣшто мовил, або

¹⁾ На полѣ отмѣтка: Послове Атылевы до [А]эцыуса.

²⁾ На поляхъ: Рѣч Атыли до жолнеров.

вѣдаю ест так великаа и потребьнаа, иж если не хочѣм богатствѣ, маестности и здорова нашего въ авную небезпечност удать, мусим ѡ ней велии пилное старане мѣти, бо а которую через вси вѣку нашего часы срожшую, пилнейшую а небезпечнейшую потребу мѣли есмо передь собою, како теперь, кгда ѡ королевство, ѡ маестности и ѡ горла нашы игра идетъ? Не вонтилю ничего ѡ вашем, жолнеры шлахѣтныи а товаришы навернейшыи, в потребахъ мужстве, статѣчности и во всаких прыгодах невыповеданое терпливости, бо на што-м очыма моими в много трудностях и небезпечностяхъ гледѣль, ѡ том не пристоит мнѣ намиѣи вонтипит, (стр. 190) або вѣдаю, пустившы на сторону вси иныишы ваши мужныи учынки, которых есте прошлых лѣт досыт мужне доказали, а которые есте трудности а небезпечности во всеи немецкой земли и в-ыншых непрыятельскихъ землях, через которыя есмо зброино тагнучы мѣли, мужным сэрцѣмъ не перемили, а ачколвек есте того з вашого мужства доказали, ведъжѣ моа тѣж прытомност и рѣченъ всих трудныхъ сполне зношене такую колвек побудку вамъ до ѡказована мужства дала; бо а которое трудности, которое працы, которое небезпечности, если на насъ всихъ прышла, а з вами сполне ѡднакимъ сэрцѣмъ не зносил, а котораа мене коли рѣчъ щастлива выпшѣи вынесла? Не гьрекладаю са надъ васъ како са ѡднак учинити годить гѣтманови, але в каждомъ щастливомъ и нещастливомъ положеню показовал са есми ѡдного стану бытъ з вами, для которыхъ прычынъ видит ми са иж не потреба и часъ тѣж того не несет, абыхъ многими словы мѣль васъ до того намовлати, до чого васъ сама потреба, ѡстрыи народу людского ѡстенъ, с прыроженъа вашого попихатъ маест. Видите како можлиого непрыятеля, товаришы намужнейшыи, тепер на себе маесте, зъ акимъ множествомъ люду а како прыготованымъ, што за снадность до битвы непрыятель нашъ маест на ѡко видите, жѣ ему у его королевстве, у ѡчиызне, а како посполите моват, на домовыхъ сметѣахъ, а заса противъ тому, што за личба насъ естъ противъ имъ, како небезпечно в земли непрыятельской битву давать потреба, абы то кождый з васъ у себе пилне уважал, нинешнего

дна або звитажство значу за помочю божю шдержати маем, если не хочем прыйти в неволю, котораа далеко срожшаа естъ нижли смерть, або вси аж до шдного погинут мусим. Прышли есмо на тое мѣсто, жолнерэ мои шлахэтныя, иж штсколь не можэмъ иначе выйти, шдно черезъ мужъство и черезъ мѣчь: с переду нас непрыатель налетает, река Лигеръ с правое стороны заважасть, з лѣвое Родан, а за ними мѣста и инъшыи французского народу.... дороги, черезъ которые есмо прышли, тѣсны нам залегъ а скончена тое битвы ждеть, чыгаючы на нашъ лупъ, а если быс мы умыслили въ шбозе са замкнути а гуфъцэ наши добре справившы и шбъваровавшы по малючку назад уходити, а што бы было над то подобенство утекана соромотнейшого нашои славе розмайтими а велии великими звитажствы набытое, а што бы было неучствившого, а што намъ спроснейшого, што народу татарскому всему свѣту страшливому непрыстойнѣишого, што продковъ нашихъ мужству противнейшого ¹⁾? Завжды то за рѣч лѣпшую и хорошшую почытано зачне а славне умереть, а старшыхъ нашихъ гробы наведит, нижли шбыхаем люду ничемного а не валечного перед непрыателемъ нашимъ спросне утекаючы (стр. 191) соромотныи а зэльжывости полныи вести живот. Если са мужне поставимъ вытагнувшы против непрыателю, можем тое надѣи быти, же Марсь, шсобливии нашего народу бог, нам допоможе; если же звитажство рукою а шаблею нашою шдержемы, а которого пожытку з него не будемъ мѣти? Напервей лупъ непрыательсккии намъ са достане, к тому тѣж королевство французское велии богатое и шбфитое нам прыбудеть, на шстатокъ славу неоследнейшую наши мужные справы шздобимъ. Над то, кгда тых еще поразим, вже са нам во всей Эуропе жадеи иншыи непрыатель не укажетъ, хто бы намъ до богатствъ и панована всего свѣта мѣл перекажати. Королевство французское кгда прылучоно будет до нашего угорского и немецкого панства, которое вже под гармо наше прышли, гакъ великии прынесет бо-

¹⁾ Отмѣтка на поляхъ: А тыла сам народом татарским зовет.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

гатствамъ нашимъ придатокъ, такъ великое живота нашего счастья! А што намъ богъ лѣпшого, пожиточнейшого и счастлившого може дати надъ тою? Нехай васъ не страшить множество неприятелъ, а ни чужое крайны невѣдомость, бо а штожъ есмо ажъ до того часу иншого чынили, ѡдно же есмо в ѡбчюи земли много королевъ и много народовъ мужне звитажыли? Тыя неприятели, на которые теперъ гледите, не суть вамъ незнаемыя; тыхъ, што на мужнейшую и на потужнейшую частъ вже передъ тымъ вы, на мужнейшыя жолнеры, восполкъ зо мною зъ домовъ ихъ выгналы есте, вашого мужства и шабэль вже давно дозналы, тыхъ напервей скоро зъ домовъ нашихъ свичыстыхъ выпедьшы первей подъ Эмэрыкомъ, потомъ подъ Винитаромъ королемъ спросне розгроменыя всего есмо королевства збавили. Не суть тыя надъ продки свои кготы а ни зацнейшыя, а ни мужнейшыя: всю силу кготскую вже гъ давно за вашымъ мужствомъ, на мужнейшыя жолнеры, звутылы, зничылы и выгладылы, а тыя ѡстатки, которые еще суть подъ Тѡддорыкомъ княжатею кготскимъ, не будутъ ждати вашого натрапа, а ни шаблы, а ни силы вашею, если ѡбачать, ижъ са на нихъ мужне ѡбурыте, маючы еще передъ ѡчыма, жолнеры милые, ѡное прошлое пораженкы а надзы своею ѡтъ предковъ первей нашихъ, а потомъ ѡтъ васъ подынатое паметку, которая не мало сэрца и мужства, если его еще што маюте, имъ ѡдымте. А ѡ [А]эцыусе волю передъ вами ничего не мовити, розуму, ѡбычаевъ и стану его вже давно такъ вы сами свѣдоми есте, ако и А, который будучы для гнѡсности а ничѡмности своей зъ влоское земли выгнанъ до нашего панства утекъ, у войцѣ напномъ досытъ черезъ долги часъ межы вами жолнѣрскую службу, а никгды предъ са большыхъ мужства своего (стр. 192) не ѡказалъ знаковъ, нижли которыи наменьшыи зъ васъ, и ѡвшемъ если чого коли доказалъ, тогды то учынилъ маючы уфностъ, ѡборону и смѣлостъ съ товаришства вашого¹⁾. Лечъ нехай будетъ ижъ маеть такую годность рыцѣрскую в собѣ, ѡтъ васъ са ее безъ ѡхиленья научылы, звать вашу незвита-

¹⁾ Отмѣчено на поляхъ: Мужство [А]эцыусово.

жоную шаблю знает, мужство знает, в каждой справе мудрост, трывалост и статѣчност, не своим са будеть перед вашою шаблею пописовалъ, если узрат же вы за мою справою против имъ вытагнете. На остаток и то у себе уважьте, што за жолнерѣ ведет? Французы, которые са не так до меча, яко до пороженевана годат; ачь суть узросту высокого, але на праду нетерпимы, а заразы за першым потканемъ рады слабѣют. Поневаж тогды, товаришы а сполне зо мною жолнеры нашлахэтнейшыя, в той битве ѿ честь, ѿ славу и ѿ горла всихъ васъ игра идеть, поневаж королевство велики великое а зацное ивнешнего дна до нашего панства латво прылучоно быть може, поневаж с тым неприятелем битву мѣть маете, которого продки зъ ихъ мешкана латве есте выгнаши, а к тому тѣж з людьми болшь покою, нежли войне привыклыми чинити маете, которых гѣтман не мѣи нежли которых з вас ест вам знаемыи: про то годит са, абы есте были сталого сѣрца, а всего доброго и щастливого сподевали са, за богомъ напервей, которого есте справою на местцѣ тоѣ здоровы прышли, а потомъ за мною, гетманом и сполным жолнером вашим, подѣте. Допоможе бог щастю вашему, додаст мощы, славы и богатствѣ, а а нигдѣ вас не выдам, абыхъ з вами вси небезпечности, если до того прыидеть, стальым сѣрцемъ зноси, з вами восполнок и жыл и умер. Мене тогды собѣ берите передъ учы, а а то учыню, иж первей шаблю мою у крови неприятельской согрѣтую, нежли зброи ваши кровю скропленные ѿгледаете, а вы моих учыньков наследуйте, а кгда ѿбачыте, же я собѣ мужне буду починал, тогды вы тѣж ѿхотным, а не лакъливым сѣрцем на неприятеля натираите, ломите а поражаите. Не з великою небезпечностю звитажство ѿдержымъ, если ѿднаким мужствомъ и ѿднаким сѣрцемъ з неприятелемъ са потыкати будемъ.

Кгда то Атыла домовилъ, такъ много сѣрца жолнером его прыбыло, такъ великаа хуть в них са просачых битвы зажгла, и такъ са великое ѿтусюль мовенье стало, иж того прагнули, абы з доброе воли своеѣ в неприятеля первей ударыли. Але

Атыла нешто жолнеров напродъ выславшы, абы первей легкые утарчки чынили, сам часу а снадности до сточены волное битвы искал, которую умыслне штвлочал ажъ ку вечеру, для того если бы, какъ ему пракътыковано, (стр. 193) неприятель в битве гору мѣлъ, абы вжды ноч прыходачую собѣ и своим мог мѣти на помочы.

Кгды са тогды слонцѣ ку заходу склонало са, вывел Атыла войско свое на мѣстцѣ, которое розумелъ до того быти способное, и ушыковал его тым способом: шстрокготы и част товарышов своих на правом рогу поставил, Валамира корола над ними преложыл, лѣвыи рогъ засадила кгепами и шстатком товарышовъ своихъ, над которыми Ардарыка корола преложыл; на чоле поставил другие дробнейшыи короли з людомъ зброиным, а сам з людом што начольнейшимъ своим подле хорутви стал; шстаток войска справил в гуфъ валныи, в котором люд был пребраныи для того, абы неприятель множество люду своего уфачуы с тылу нань не ударыл або его не шгорнулъ. З другое стороны [А]эцыусъ з римскимъ людом на лѣвом рогу сталъ, Тѣшдорык з висѣгготами на правом, а Санкгибана корола аланского, иж вжо давно на него мѣли подоизрѣне, какобы до Атыли прыстати а Аурѣлию столечное мѣсто свое ему подати мѣл, в середнемъ гуфе поставили. А кгды тым способомъ шбѣдвѣ войска были справлены, Атыла, скоро са почало к вечеру хилити, казал затрубити ку потканю. Гуфъцѣ з обу сторон по легку поступовали; кгды вже были шт себе на стрелене з лука, угрове з луков, с которыми добрѣ умѣли ¹⁾, з далека велми робыли, неприятеля конем и людем много ран задали, римане тым са прудчей поспешали, абы шт стрѣль и иных потысков будучы волны, могли з угры зблизка чынити вручъ мѣчми, которым велми уфали. Валамир с правого рогу зъ шстрокготами [А]эцыуса и римский чольнейшыи людъ шстре нагрѣвалъ, также тѣж и Арѣдарык король кгепидов на Тѣшдорыка и на висѣгготы мужне натиралъ; потом кгды вже вси шбоеи стороны силы мужне

¹⁾ Отмѣтка на поляхъ: Луки у угров давно.

бороначыя чсти, щаста и горла своего поражкою а кровю змешали са, так великаа з ѡбу сторон была поражка, так срогга и кривава ¹⁾, иж не вѣдаю, бы которыи вѣкъ срожшую паметати могъ. Трупов по полю такъ много было, иж на ѡстатокъ на трупех битва са точыла; так великое крови и людское и конское было пролитье, иж струга малючка, котораа была посеред поля, нагле забравшы якъ поток трупы забитых за собою ѡтносила.

Поведают за пѣвное иж ѡ сто и ѡсидесат тисеч людей з ѡбу сторонъ в той битве полегло ²⁾. Тѣодорык король, Тразымундов ѡтец, кгда на коню ездечы своихъ до битвы напоминалъ, ѡт некоторого угрына стручонии с кона на землю был в битве потоптаныи. (стр. 194) Поведают некоторые, же его нѣакии Аудагъ ѡстрогот пробилъ ѡщѣпом. Тразымундъ, Тѣодорыков сынъ, кгда в нocy заблудившы трафил на войско угорьское, ѡтменивши потребу в мужество секъ са з ними мужне, которого кгда у голову ранено такъ иж с кона спал, ледве его свои ратовали. А[э]цѣусъ тѣж зафрасовавши са ѡ поражку люду своего, блукаючы са ледво са до своихъ вернулъ. Тут исторыкове не згожают са хто битвы выграл, если угрове чыли рымане; нѣкоторые пишут, жѣ А[э]цѣусов людь доведавшы са ѡ Тѣодорыковой смерти первей почал пирхать, але другие инак пишут поведаючы, же ѡбоа сторона долго ѡднакое щастье в битве мела, аж на ѡстаток Атыла будучы поражен, утекъ до ѡбозу возми косами ѡсажонными заточоного. Иакоколвекъ са стало, то ест пѣвнаа рѣчь, иж таа битва стала са з великою ѡбоое стороны небезпечною, з великою поражкою и згубою.

Глава Ѣ.

Тразымундъ Тѣодорыка ѡтца своего смерти велми жалуючы, назавтреи нашодъшы межы трупы побитых тѣло его, учинил ему з великою почестностью яко королеви ѡбход, на што угрове

¹⁾ На поляхъ: Битва великаа.

²⁾ На поляхъ: Личъба побитых.

з обозу своего гледели. Потом умыслил зъ остатком люду своего, угледевшы до того час погодныи, ударыти на обозъ Атылев, а смерть шцовъскую угорскою кровю шплатити. А Атыла, утра- тившы прошлого дна всю моц, праве ш своих речах звонтпившы, призвал до себе своих жолнеров, просил и напоминалъ ихъ, по- неваж так много воен поднали, великие сведѣцтва мужства своего усюды шказали а много королев и королевствъ з великою мужства и можности своее славою звитажыли, а того рыманина непрыателя, который тепер роспышневшы налегает на его обозъ, хочечы на него ударыти, а котораго вчорашнего дна великою поражкою уруднили, абы са покрепили а сэрцэ лепшее взяли, паметаючы на продки свои и своего через так много лѣт шказаного мужства и звитажства; еслиж бы непрыатель выта- гнулъ а на них са шбурыти смѣлъ, поневаж жадное (стр. 195) иншое надѣи здорова нѣтъ, абы славы працами а небезпеченно- стами набытое рукою, шаблею а мужствомъ охотне боронили а в цѣлости ее доховали, то им тѣж прекладаючы, же першаа сила непрыательскаа ест преломена, шдна ночь немного им силы або сэрца прыдати могла, а с тыми битву мают мѣти, которыхъ дна вчорашнего непомалу звутлили, розгромили а тако быдло подавили, а шни еще мают сэрцэ незвитажоной силы и небез- печности до вытрывана всаких трудностей давнымъ рыцѣрскимъ звычаемъ утвержены. А тымъ еще ихъ речъ ест безпечнейшаа, иж шбозомъ всакими потребами шбварованымъ, тако накрепчеишымъ муромъ шточоны сут, а такъ не мают са чого богати; шцасте бу- дут мѣли по собѣ, абы за нимъ тако за гѣтманомъ смѣльшыи шли, а шчы свое на него шборочали, а шн того дна хочет то роспра- вити, иж албо непрыательское войско угорскимъ войскомъ и муж- ствомъ за божию помочю поразить, албо шбычаемъ предковъ своихъ, которые завжды звыкли звитежать а не звитажоны быти, хва- лебною и славною перед ихъ шчыма подоиме смерть. Тымъ на- поминанемъ потѣшывшы и покрепившы нѣяко жолнеры свои, шн самъ са предъ са намышлал, шпатруючы передъ часомъ свое рѣчы, если бы такаа прыгода прыпала, а призвавшы до себе

колько способ, которым большею частью, поведал имъ правдиве, иж угорская реч велми у великомъ вонтпеню¹⁾, а иж са шбовлает множества непрятел, абы если бы мужне а потужне налегали, сила люду его прошлого дна звутлена не была преломена; але поневаж фортуна славу военную и повожане в рупцэ своей масть, он пред са хочет за нею ити а з ними восполк всакую пилност и старане чинити, працу поднати а мужства рушыти, абы непрятель звитажства не шдержаль; меч если же так шчасье прынесет, которое неуставичное и вонтпливое ест а не завжды лѣпшимъ звыкло зычливо быти, жебы шбозу его непрятель добыл, тогды волить згинути з руки своих жолнеровъ, нижли прыити в моц непрятелскую, а будучы з многозацныхъ за их мужством справ так зацныхъ з великою соромотою в посмевиску быти. Росказал тогды седла и иншыя спраты, которые напрудчей поготову были, на шдну громаду скласти а з них могли учыинити; прыятелом, которым наболшею уфал, штведъшы са з ними на сторону, раду свою таемне шзнаимиль, иж еслибы непрятел добывшы шбозу гору взал, он шхочеть (стр. 196) на шную могилу зъ седел учыиненую вступити, а прото-ж просил их, намавлал и напоминаль, абы в тот час под него шгонь заложыли, поневаж вжо волит за справую своих умереть, нижли з великою соромотою прыити до непрятела в неволю²⁾. Кгды имъ такъ росказал учыинити, казалъ тѣж трубачом трубити, абы якого подобенства улакнена по собѣ непрятелю не давал, але абы са знал быть пилнымъ а битвы з нову прагнучым, ждал вторгненъа непрятель не спечы цѣлую ноч, не мненъ тѣжъ товарышы и жолнерѣ его были пилны а готовы все, штоколовекъ бы шчасье прынесло, мужне зносить.

Кгды и угрове въ шбозе и Тразымундъ зъ своими намышлал са радечы межы собою, што бы имъ было пожыточней учыинити, [А]эцыгусъ, будучы свѣдом рады Тразымундовой, шбавал са еслибы кготове добыли шбозу угорского, а Тразымундъ

¹⁾ На поляхъ: Атыла собѣ вонтпиль.

²⁾ На поляхъ: Звонтпенс Атыли.

мѣлъ бы гору над угры, абы ѡн, млоденець быстрын, надавши са з ѡного свѣжого звитажства, выкореневшы угры не зламал ему прѣмира а всеи силы своеи противъ ему и против рымскому люду не ѡбернулъ; про то казавшы всим выити, учинил до Тразымунда рѣчь тыми словы.

Прѣмире, прыязнь и стоварышѣне на воину, которое-м с Тѣодорыкемъ ѡтцом твоим мѣлъ, потом мужство твое, которого-мъ и перед тымъ у многих рѣчах дозналъ и вчора против тым грубым людем сполныхъ всихъ добрых непрыятелом, на што есмо вси гледѣли, смѣлымъ а нелакливым сэрцѣм ѡказалесь, ведет мене до того, Тразымунде королю, абых чога ты для млодости твоеи и сэрца, хотя еси прырожена дофѣтпного, ведже тою свѣжою ѡтца твоего пораждкою большеи застроного а бы-строга так далецѣ ѡбачыти не можэш, ꙗ тобѣ на паметь пры-вель: ударыт на непрыятела, ѡбозу его добывать, штурмовати на него а хотѣть его выкорѣнити — суть то знаки великого муж-ства и уродивого сэрца, и ни ѡ што са иншого ѡбема старать и усиловати не годит, ѡдно кривды поднатои мстити са на не-прыятела, кгда са до того погода укажѣт, ударыть, добывати, выкорѣнити его, а славу зацными справами поки можэшъ рос-шырати. Леч если пилне у себе розважыши, сила наша, котораа прошлое битвы надзою ест велми звутлена, если са тѣж прыгле-диши щастю военному, которое не мужнейшим албо смѣльшимъ, але тымъ, которымъ (стр. 197) ѡно хочет звитажство давати звыкло; если на ѡстаток угланеш в рѣчы твои властныи, ꙗко са тепер по смерти ѡтца твоего мают, трудно у себе становити, штобы лепей або пожиточней чынити: если тепер намъ са ѡ што кусити и почати што, а ѡстатки войска нашего долгою вои-ною звутленого нерозмыслне на щасте пустит, чы-ли на иншимъ чась тую воину заховать. Непрыятель, ач естъ непомалу и ѡн дна вчорашнего звутлен, ведже ѡднакъ имо его великие и зац-ные рѣчы, которых аж до того часу доказал, тѣж з учорашнее великое люду нашего пораждки ѡт него поднатои можемъ познать: естъ то народ быстрын, дужыи, мужныи, а волит наболшыи не-

безпечности поднати, нижли са дати звитажыти ¹⁾). Если еси умыслили ударыть на угры, тогда або выиграют битвы, чого боже ухаваи, або до одного вси полагауть на плацу, але смерть их не сухо са нам одерет; а если выиграют битвы, тогда нашы рѣчы сполне прыидут в такую трудност, иж ѿ твое и римское панство будет са потреба непомагу боати, бо будет у великой небезпечности. Завжды то бывало великое мужство и не леда рада прышпылы рѣчы наперед углядывати, небезпечностям, которые бы прыити могли, розумом забегати, раду водле потребности како час прынесет одменити. А коли маешъ час и коли можешъ все у себе розважат, абы потом упавшы у небезпечност не здало са иж прожне розуму ужывати або раду одменати хочеш, та заправду пры тобѣ спрыазливе, вѣрне и статѣчным сэрцем буду стоагъ а како на мужного чоловѣка належыт умыслилъ есми в каждую небезпечност смѣле са удати, если одно может што славы достать з упору а з нерозмыслности, але видело бы ми са же быо мы не только большыи пожыток, але тѣж и большую славу отнесли, если быс мы, поневаж непрятел будучы поражоньи и роззгроменьи до шбозу зъ соромотою великою дна вчорашнего утекъ, шстатки жолнеров нашихъ на потом сховали, а панства нашего шборону в цѣлости заховали.

К тому еще, Тразымунъде королю, видит ми са быти рѣч велими пожыточнаа твоимъ властным потребам, которые абы были цѣлы зъ стороны прыазни и товаришства нашего сполного, не миѣи ми ѿ них идеть, нижли ѿ мои властныи, если их будешъ над вси чужыи прѣкладагъ, а здоровье твоихъ жолнеровъ, (стр. 198) которые еще позостали, а тобѣ и справам твоим пожыточни быти могут, неледа како собѣ важыи. Штец твой тебе а Валамира брата твоего дома тепер мешкаючого зоставил королевства своего дѣдичми; брат, порушоньи хутю панована, довѣдавши са ѿ смерти штцовской, што он дома в небытности твоеи мыслит, або въщынает, ты не вѣдаеш; мало ест

¹⁾ На поляхъ: Розважане.

тых людей, которые бы кривост над хуть панована прекладали. А если он, будучи хутью панована звитажоныи, до чого са нового склонить, панство шцовское тебе выгубившы собѣ при-
 влащит, богатства домовые заберет, сэрца люду своего на вса-
 кую штиѣну щаста склонные добротливостью, гоинностью и инь-
 шыми таковыми выбавами до себе нахилить, што-ж тобѣ щасте
 зоставит, до чого-ж тобѣ приидет? ¹⁾ (Шдно до того, абы са права
 твоего шт брата воиню допиралъ, панства а королевства и бо-
 гатствъ з великою для неуставичности щаста небезпечною ме-
 чом доставал, а знищывшы тепер або толко звутлившы жолне-
 ров твоихъ силы, што-жъ за шборону будеш мѣлъ, албо чого
 са дома сподевати можешъ? Ну-жъ тэды, Тразымунде, намы-
 шлаи са, што ест пилнейшого а наглешого, если брата твоего
 радамъ забезетъ а королевство шцовское в моц твою взати,
 маючи еще жолънерэ в цэлости, чы-ли на угры з вонтпливымъ
 щастемъ в речы так небезпечнои ударыти. Если мое здание хо-
 чеш вѣдати, а ражу войска нашего остатки в цэлости заховати,
 а ты, абыс радшей ш своих рѣчах, поки маешъ час и можешъ,
 мыслил а радил, нижли са на новые войны щастэ пушчалъ, абыс
 хотечы болшей достати и того, чого предкове твои с працою ве-
 ликою набыли, спросне не утратил. Кгды непрятель шбачыть,
 жэ есмо ещо цэло зостали, ничого против намъ, тэко внимаю, не
 узъновить; а заса против тому, коли моц наша будет цэла, зав-
 жды штокольвек будет мѣл перед шчыма, чого са будетъ шба-
 вал, лекалъ и выстерегалъ. — Тразымундъ тою [А]эцъусовою
 шблудною прыказню и намовою ладно са давши намовити, по-
 нехавшы рады ш добываню шбозу 'Атылевого, призывавшы до
 себе своихъ, которые пры его штцу стоечы стоварышили са были
 з ним на воиню, вернулъ са до Толезы, за которого штеханемъ
 [А]эцъусъ и тые, которые са были рыманомъ на помоч зъехали,
 гдѣ хто хотѣл розехали са. Новина ш той битве каталауницкой
 такъ срокое и кровавое вже са была по всемъ свѣте розышла,

¹⁾ На поляхъ: Домовые заизрости.

и которой тѣж и одна третья часть воиска Атылевого, (стр. 199) которую был до Испании послалъ, добре вѣдала; про то боечы са жолънеры гневу Атылевого, которого дивнаа речъ какъ се бояли, не вернули се до него до Угор николи, абы для смешканна не были караны, але по его с поль каталауницкихъ судтаненю положили се были и засели пры границахъ тыхъ поль. И того мниманна суть угрове, але не вѣдаю, с чого то мають, ижъ одъ презвища гѣтмановъ угеръскихъ, которые угерскимъ языкомъ зовуть ишпаны, какъ кроиника угерскаа свѣтчыт, не згажаючи се з другими, королевству ишпанскому прозвищо дано Испаниа, хотя Трогкусъ Помпѣюсъ нишѣтъ, ижъ тую землю, которую передъ тымъ Иберысю отъ Ибѣра звано, названо отъ Ишпала Испаниею. [А]ѣцѣуса в борзде потомъ з розказанна Валлетынана цѣсара в Рымѣ забито частью для того, же былъ в-подозрѣнню якобы са на панство касати мѣл, частью тѣжъ а радшеи для того, ижъ его обѣмовлено, якобы онъ причыну до того дал, же Атыла, который зо всеми воиски своими по той прошлой битвѣ велики латвей могъ быти выкорѣнен, ушолъ рукъ римскихъ.

Глава ѳ.

Кгды Атыла довѣдал са, же [А]ѣцѣусъ и Тразымундъ и иншые неприятели где хто хотѣлъ розехали са, дивнаа речъ какъ са с того болшеи нижи прыстало пышнилъ, розумѣючи, ижъ вжо римское воиско на потомъ не мѣло смѣти выходити противъ ему, а за разомъ шные пышные слова почалъ мовити, ижъ звѣзды передъ ними падають, земля дрыжыть, а ижъ естъ молотомъ всего свѣта. Потомъ з великое хлѣбы а и собѣ мниманна, розказалъ яко былъ пустѣльникъ рѣк, абы его звано бичомъ божымъ, а тотъ тытуль до листовъ прыкладано. Тагнувши тогды на тое мѣсто, гдѣ битва была, мешкалъ тамъ колко дней, абы жолънере его в покою собѣ вытхнули, тамъ учынившы водѣ звычайю народу своего Марсови ѿфары и иншые обходы для щастливого в рѣчахъ его повожена, вытагнулъ з воискомъ до другихъ французскихъ

мѣст, абы на себе не з большим, нижели первей, страхомъ ѡбурыль. Напервей тѣды до Трекашу мѣста, кото(стр. 200)рое тѣж Треками и Троею часомъ зовуть, на границахъ сѣнонскихъ над рекою Сѣкъваною лежачого прытагнул. Кальлимахъ поведает, же первѣи до тунгров тагнул и столечного их мѣста добыл, а мещаны его, не маючы жадного на плоть и на вѣкъ бачена, вси аж до ѡдного позабывал; леч если са хто тому пилне прыгледить, тунгрове суть люди збуренского народу не далеко ѡт реки Моса в земли лешдынской, далеко ѡт тое дороги Атылевон лежачої. Прожна бы то тѣды его праца ѡт тунгров вочачать са до трековъ, гакъ Кальлимахъ поведаетъ. Тыхъ тѣды Трековъ албо Троеи бискуп, што его звано Люпус, то ест волкъ, чоловікъ сватобливого жывота, убравшы са ув-одѣнье бискупе, з множествомъ духовныхъ ѡсобъ вышол противъ Атыли прыездчаочому ¹⁾).

Тотъ учынившы прыстойное поздравене пытал Атыли, што бы былъ зач, иж так много королевъ звитажывшы, народы и люди поразившы, мѣста збурывшы все моцью подъ свою моцъ подбиваетъ. Которому Атыла ѡтказалъ: И естѣмъ король угорскии, бичъ божьи. Которыхъ словъ Люпусъ улєкнувшы са рекль: А хто-ж са бичови бога моего ѡпреть, абы са над кождымъ, над кимъ хочеть, гнѣвити не мѣлъ? Подъ же тѣды, гакъ поведаетъ, бичу бога моего, едь гдѣ хочеш, все тобѣ гакъ слуге божьому, чому са га зборовати не буду, послушно будетъ.

Казалъ потомъ браны местьскіе ѡтворить а Атыли держечы подъ нимъ кона за поводы з великою учтивостью впровадил, которыи албо поволностю а укладностью ѡного бискупа будучы звитажонныи, або тѣж з воли божье не учынившы жадное шкоды и кривды никому, зо всими войски своими черезъ мѣсто едучы другою броною з мѣста выехал. Кроиника угорскаа поведает, же там ѡттуль до Толесу мѣста тагнуль, которо[е] му са доброволне подало, але не вѣдаю, если то може быти правде подобно,

¹⁾ На поляхъ: Люпус бискупъ противъ Атыли вышолъ.

бо Толеса, будучи на шнѣ час столицою Тразымундовою на границахъ Францїи нарбоненской недалеко отъ горъ пиренейскихъ, надъ Кгарумною рекою лежала; мѣсто было людное, архыбискупомъ, кольтекъгами студентскими и купецкими гандлами велицѣ зацно и славно, котораа дорога отъ предсезатѣа Атылевого была, бо шнѣ былъ умыслилъ, добывшы нѣкоторыхъ мѣстъ французское земли, ку польночной стороне лежащее, вернуть са до Сыкамъ-брыей столечного мѣста своего. Кгды тѣды отъ Треков до Ремовъ тагнулъ, великое милосердѣе и ласку всюды на дорозе оказывал, бо (стр. 201) кгды не мѣлъ трецкихъ обывателей, которые отъ страху зѣ жонами и з дѣтми до лѣсовъ близскихъ хотечы здоровѣе свое обваровать утекали, на дорозе убачы, казавшы имъ быти доброе мысли а не боити са, допустил имъ до дому ити ¹⁾). Межы которыми привели до него жольнерѣ нѣкоторую невѣсту отъ реки, до которе хотѣла отъ страху вѣскочыти, котораа была дѣвочку малючкую, абы руки тымъ волнейшые мѣла, у шыи собѣ на хусткахъ увезала, а двое меньшихъ всадила на быдла, которе передъ собою гнала. Потомъ тѣжъ инъшыхъ дѣвочокъ семъ большихъ мѣла около себе осадившы са ими водле порядку гѣт ихъ. Рушыло Атыли непомалу плачливое шное невѣсты надзное до ногъ его паднене и такъ много дѣтокъ личба, и казавшы ей встати самъ ее руками своими подвигнулъ, которую потомъ великими дары, абы дѣвочки выховала и за мужъ выдала даровавши, казал са ей до дому вернуть ²⁾). В борзде потомъ Атыла облегъ Рѣмы мѣсто, маючы на него давно вазнь, иж кгды на пола катауницкие, яко-и вышней поведал, спешно тагнулъ, реманъсове жольнеромъ его много злого вдѣлали. Паметаючы тогды на то все, выпустошывшы шгнемъ и мечомъ всю краину реманъсомъ прылеглую, а мѣсто ихъ тажкимъ облежнѣемъ шточывшы, казалъ дѣлы муры бити а розвалати такъ иж для густости куль и

¹⁾ На поляхъ: "Злитоване Атыли надъ утекаючыми и над невѣстою, дѣтми штажкою.

²⁾ На поляхъ: За божею волею милосердѣе королевское хота шкрутника.

инъшыхъ пострѣловъ, частю тѣжъ дла частыхъ а потужныхъ великого люду штурмовъ, жадѣн чоловѣкъ до бороненъ муру прыступити не смѣлъ, а дла тогожъ мещане не толко са богаи и лекали, але и вси надзы, которые въ облеженю прыпадаютъ, терпели. Невѣсты, дѣти и дѣвочки плакали, кричали, голос до неба выносечы, другие розмышляючы собѣ шкрутностъ звитажцы, которое са чуючы до себе што Атылевымъ жолънеромъ передъ тымъ выражали, сподеваючы са ее на себе велми боали, всихъ до того дорогъ искали и досветчали, абы небезпечности уити могли¹⁾. Был на тотъ часъ в томъ мѣстѣ бискупомъ блогославеныи Никазыи, чоловѣкъ справедливостю, сватобливостю жывота и обычаевъ зацныи. Тотъ зъ Эутропею сестрою своею паненкою, еще з молодыхъ лѣтъ до клаштора даною, котораа такъ цудностю гакъ тѣжъ иншыи душныи дары была шздобена, черезъ весь шныи облеженя часъ уставичне са молитвами бавили, абы ублагали гнѣвъ божьи, дла которого розумели, же Атыла мѣлъ мещаны велми утискати, а его (стр. 202) милосердье до всихъ покорныхъ прыходачые шдержали до того, коли Атыла срокимъ облеженемъ былъ велми тажкыи. А вжо не мели жадное надѣи здорова своего мещане, шдны тажко въздыхаючы, другие плачучы, с покорою утекли са, до которого в тотъ часъ богу молащаго такъ мовили: Быс мы того не вѣдали, зацныи мужу, иж богъ всемогущыи тую ласку и милосердье свое тобѣ дал, иж твое молитвы суть ему вдачны, а тую всю надзу дла нашихъ злостей на насъ допустил, а кгда са мы до лепшого способу жыта наверхнем, богъ заса непрыятела шт шныи нашихъ або штпудит, або его ласкавшымъ противъ намъ учынить: не мѣли быс мы того у своей моцы розмышлатъ са, если са до тебе утечы, чы-ли з деспѣрацѣи; котораа са насъ розмаитыи надзми велми утисненыхъ срокго держыть, инакъ ш собѣ мыслить; леч ижъ и милосердье боже мимо вси иншые людскыи речы завжды важнейшые быти розумѣемъ и тебе з много знаковъ ему быти прыемнымъ вѣдаемъ, не штегали

¹⁾ На поляхъ: Никазыи бискуп; и: Речь рѣмансовъ до Никазого.

са есмо прыити до тебе, за которого радою або ѡбороною и жыть и умерети давно есмо вже умыслили. Што за множество ест неприятель видишь, што за ѡкрутенство против всим и ты вѣдаеш и мы вѣдаем, чога много ѡколичныхъ мѣст трупов явнымъ сведѣтельствомъ ест; такъ великому того грубого народу множеству должи силами нашими ѡпираться са жаднымъ способомъ не можемъ, мусимъ або доброволне са неприятелю поддаться, а вѣрности, которою есмо пописовали са боечы са смерти, ѡтступить, або не хочечи мощы а ѡкрутности ихъ досвѣтчыть, сами собѣ смерть задать. Одно с того двоига подыняти мусимъ, если або насъ Богъ не ратуе, або за твоею радою надѣякое не будемъ мѣти ѡтдаленна ѡт себе тое небезпечности. Почтивость сама вела бы насъ до того, абыс мы до ѡстатнего тыхнена ѡпираючы са такъ ѡкрутному неприятелю ѡт статѣчности, мужства и верности наше для страху смерти не ѡступовали, коли бы есмо мѣли такую надѣю ѡборонена; бо теж ѡднак вѣдаемъ, же бы намъ было пожиточней тое ѡблежена надзы вытерпѣть, абыс мы потомъ покою а вольности пожеданое зъ жонами и дѣтми ужывали, нижи для гнѣсности и ничемности не даваючы ѡтпору неприятелю вдать са в спросную а вечную неволю. Але што за лѣкарство на тое зло найти маемъ? Што маемъ чынити, будучы вже долгими працами, невысыпанемъ и голодомъ знадзены, абыс мы са смерти передъ часомъ прыходачое устерегли? З гола невѣдаемъ, якъ тые, которые вже ѡкромя того (стр. 203) тыху, для долгого непокою ледве ѡтдыхаючого, а скуры давнымъ голодомъ зморщоное, ледве звать яко видишь, иж есмо въжды люди. Ты, ѡ которомъ розумѣемъ же вѣдаешъ воли боже, нѣшто порады намъ¹⁾, што маемъ с того двоига злого над нами висачого ѡбратъ. Если подамо неприятелю мѣсто, безъ похибы маетности и горла, всихъ насъ в небезпечность удамо, а ѡпатъ если насъ кваломъ а чога злого над нами не будетъ а якога ѡкрутенства, в которомъ тотъ твой людъ не естъ терпливый, над нами тотъ грубый народъ брѣити

¹⁾ На поляхъ: Рады жадають.

не будет, нехай такъ будетъ, жэ некоторые межы нашими суть на тую надзу и на муку терпимыя, але далеко большеи тыхъ есть, которые, будучы звитажоны кривостью чоловѣчою, страхомъ и муками бога са запрутъ, вѣры, которую визнали, отступать, а души своей ущербене учынять. Твоа то тэды рѣчъ ест, мужу божьи, абысь тому злему насъ вельцэ утискаючому забѣгъ а отъ твоеи громаде отъ страху дрыжачои радил а в часъ лекарство гакое, если можеш, даль, абыс мы са отъ учтивости и побожности надзою прымушоны не одорвали а отъ воли Божое не отступили.

Глава I.

Никазыи маючы еше передъ докончѣньемъ того шбавенья отъ бога, короткими словы такъ имъ отповѣдал¹⁾: Ачъколевекъ не такъ много, гакъ вы внимаєте, мои милые мещане, бачу в собѣ годности, ведже штоколевекъ есть даровъ божьихъ мнѣ данныхъ, то га все прыписую его ку мнѣ милости, милосердыю и добродейству, которые не для моихъ заслугъ, але зъ властное свое добротливости хотель мене ласки своее а нешпацованныхъ добръ своихъ участникомъ мѣтъ, которому штоколевекъ у мнѣ есть, все прыписую, а того што даромъ божьимъ ест, не маєте для чого силамъ моимъ прывлащать: онъ моц, можностъ и добротъ свою во мене выставил, га его духу, надхненью и воли мушу быти послушон, которого если розказанью иле можемъ досытъ чынити будемъ, а шбѣтницъ жывота небеского пэвною надѣю шжыдати будемъ, ничего на насъ в тыхъ речахъ свецкихъ такъ тажкого не прыидеть, чого бы есмо у его вѣре статочне зносить а вытерпети не могли, ничего такъ трудного а непрятельского, што бы намъ легкого а ку вытерпеню ладного быти не мело. Множество а шкрутность того грубого народу, мещане (стр. 204) рэмэнсы, вже давно и вѣдаю, ижъ надзы в суседстве близкихъ народовъ дознал есми того, кото-

¹⁾ На поляхъ: Отповѣдь Никазого; рѣчь бискупа.

раа заправду з божого допущена походить. А тыла не могъ бы вамъ шкодить а ни моцы своее против вам вытагнути, быс мы были грехами нашыми бога на себе не розгнѣвали, которые то вже постановилъ у себе, што мнѣ вже давно ѡзнаимилъ, иж тое мѣсто на штатокъ в руки непрыательские прыидеть, а вы зо мною восполок на шкрутност того грубого народу естѣсте на готовани, абыс мы за выступки телесные, которых есмо винѣни, короткие а дочасные муки утерѣпевшы, достали са до жывота небеского а были его участниками. Ну-жъ тѣды, намилейшыи брата, штож кольвекъ за надза и небезпечност на васъ прыидеть, стальым а мужным сэрцэм терпите, за мною идите, пастэром и штцом вашим, мене собѣ передъ шчы покладайте, абысте вы на духу здорови были, та са напередъ в непрезпечност уфамъ: короткие то будутъ муки, которые шт того грубого люду будем терпѣти; шныи небеские заплаты, которые бог тымъ, што его у вѣре а въ милости визнавають, шт початку постановил, яко суть не шгарнены смысломъ людскимъ, такъ заса суть шчастливы, несмертэлны а на жадные вѣки никгды нескончоны. Нехай же васъ тѣды ничого не страшыть, телеснаа або надза або мука, а ни са годить тымъ, которые васъ преслѣдують, злого не зычыть, але наследуючы Хрыстуса Езуса и науки и учынку за непрыатели ваши, абы са до правдивое знаемости божое и до правдивое дороги навернули, зо мною восполокъ уставичне са молите.

Также тѣж и онаа Эутропиа панна смеле намовлала мещаны ку мужному знощенью того, што вже праве перед шчыма видела, даючы то по собѣ знати, же хотя бы непрыатель тѣлу ее муки задавалъ, пред са серцу статѣчности, абы пры добром зостать а в нем не мѣло трывати, штнати не будет могъ. С тыхъ тѣды людеи побожных напоминана мещане нешто боазни на сторону штложывшы, шхотнейшым вже сэрцэмъ ждали всаких прыгод. А в тотъ часъ угрове збурывшы муры а через нихъ перешедшы а иншыи шбороны розметавшы, до мѣста нагле вторгнули и внутры са всюды по мѣсту почали полны шаленое запальчывости

росходити, забіаючы кого поткали, так дорослыя такъ недорослыя, не фольгуючы жадному вѣку а ни плоти¹⁾.

(Стр. 205) Никазыи и Эутроня здивившы са так великою неприятельскою шкрутности, спеваючы набожныя пѣсни до костела панны Марыи, которыхь был тот цныи бискуп збудовал, утекли в тот способ, абы гдѣ за часу щасливого повожена богу са молили, там тѣж часу набольшого нещаста а праве щатного красу богу душу дали. Угрове з великою пошудливостью збегли са тѣж до того-ж костела, которыхь кгда Никазыи узрал, киваючы на них рукою а даючы знать, абы помолѣчаш, так до них в коротцѣ мовил: Вижу га, жолнере намуженшыя, же есте вы щт правдивых а мужных жолнеров крови далеко щтродили, а намней не паметаєте на скромност, которую много диких зверат с прырожена мевають, которое кгда бы есте абы на меншую троха мѣли, не так бысте са роспусне срожыли въ звитажстве, которое звитажоним частокротѣ фольговати а на самыѣ пышныя срожыть са звыкло, а ни бысте такое шкрутности ужывали, жебы есте все мечомъ выкоренить, нижли на ваш пожиток шбернути волѣли, такъ бы тоє чые иншое, а не ваше было, чога есте не так далецѣ силами вашыми, яко божымъ допущенем, достали. Щт великое а шаленое быстрости и пошудливости не бачыте, иж и увесь люд в неволю и маєтности а вси нашы рѣчы ку вашой шздобѣ, кгда есте мѣсто взали, прышло. Люд хрестанскый с покорою падаючы до ног ваших просить, абы былъ щт вас горломъ дарован, а вы кождого, кого поткаете, яко быдло забиваете над вси шобычай побожности людской. Еслиж есте умыслили быстрости вашой не погамовать, але запомневшы побожности и пожитковъ ваших вси мѣстца шкрутенством наполнити хочете, на мене, щ жолнере, которыхь есть есми ихъ пастыром, вапу гадовитост шберните, щт трачена тых повстегните ваши руки, фольгуйте покорнымъ перед вами па-

¹⁾ На поляхъ: Мордь; смерть люта; слова Никазого до угровъ; Никазыи забить.

даючим, пышные а ѡтпорные, которые са вамъ противать, громите, мене, бискупа их, если вас болшъ ѡкрутностъ нижли побожность рушает, мене мовлю, которы-м ажь дотуль ваше звѣтажство зволочывал, забите, на мене са ѡбуръте, поневаж са такъ богу здадо, душу выдрыте, а тые мои ѡвцы, которые ничего злого не заслужили, горломъ даруйте. — Кгды тым напомианемъ быстростъ угоръскаа ничего са не гамовала, але са на всехъ срожыли, и на тых, которые са были до костела зобрали, тотъ побожный бискупъ Никазыи почалъ тако и передъ тымъ молитвы плачу пыльные до бога чынити, а скоро ѡнъ псалмъ Давыдовъ заспевалъ: Душа моя до земли прыльнула, тѣды нѣкоторые воевода, добывшы шабли, сталъ его, (стр. 206) которого голова хотя ѡт тѣла ѡтпала, такъ поведаютъ, ижъ предъ са спевати не перестала, але предъ са тые слова Давыдовы вымовила: Ужыв мене, пане, водле слова твоего. Тымъ то способомъ тотъ блокгославеный мужъ хвалечы бога з того свѣта зышол.

Потомъ угрове срожачы са безъ мѣры, улакомившы са на хорошество ѡное Эутропей панны, хотѣли ея кгвалтъ учынити, котораа яко са здавна статѣчне научыла чыстости своее стечечы¹⁾, такъ и в тотъ часъ ѡбернувшы са до того, што Никазого забилъ, рекла ему: Наѡкрутнейшыи зо всехъ, которыхъ земля уродила, або не вѣдаешъ на якого-сь мужа божого невинностыю а сватобливостыю живота зацного руками са своими торгнулъ, которого-сь, хотя-ть ничего злого не учынилъ, незбожне горла забавилъ? Слушне тебе за такий злостивый учынокъ справедливый судъ божый будетъ ждати. Мало маешъ на томъ, же-сь человека сватобливого в костеле божемъ забилъ, але и мене до того прыневолаешъ, абыхъ твоеи спросной хути поволна была, але богъ, который цноты и чыстости боронить, того твоего сквапливого а незбожного учынку за мою послугою незомщного не пустить. А домовлаючы того Эутропѣ торгнула са ему до волосов, а потомъ схватившы его крепко за горло, выбила ему ѡчы²⁾. Другие

¹⁾ На поляхъ: Эутропейи статѣчность.

²⁾ На поляхъ: Мужество дѣвочы; знаки дивныс; видане дивное.

жолнере, которые гледѣли на мужство тое бѣлое головы, будучы рушоны прыгодою товарыша своего, торгнули са на шную панну и на иншыя хрестаны, которые были в костеле, а позабывали их.

Пишуть нѣкоторые так, ижъ утrove кгда вже над всеми, так тыми, што въ костеле были, тако тѣж и надъ тыми, што на иншых мѣстцах по мѣсте, досытъ срокгости ужывали, а до маѣтности са кинули, небескими страхаы были преражоны. Видели на повѣтрыю войска потыкающѣ ся, слышали в костеле гакки-сь дивный а страшливый шум, кгромот, которыми знаки будучы престрашоны дали лудови покой, а на розные мѣстца з великим страхом з мѣста повтекали. А потомъ шное мѣсто долго пусто стоало, походни гораючыє надъ мѣстом часто и долго видано, спеване гакое-сь з неба слыхано. Много мещанов, которые были боачы са неприятела повтекали, узревшы так много чудов и знаков, довѣдавшы са ш штагненю неприятельскомъ, вернули са шпат до мѣста, а Никазого и Эутропию и иншых лудей цютливых тѣла з великим плачом поховали.

Глава ѡ.

То кгда ся въ реманскомъ мѣсте дѣяло, Атыла нѣкоторого гѣтмана своего (стр. 207) Кгюлу, албо такъ его нѣкоторыє зовуть, Юлюса, давшы ему немалую часть войска своего, послалъ до Колна, которое зовуть Агрышьпина, абы его добывал, которое мѣсто, гакъ тепер, такъ и на шн часъ было запное и великое. В тот часъ Этѣреусъ, сын корола ангельского, млоденец хороший, цютливый и добрых шбычаев почалъ са старать в малженство ш Уршулю, британского корола дѣвку шдиначку, пославшы з великою хутью послы до штца ее, которого коли не вѣдал, што бы за штповедъ дати, Уршула смутного и троскливого напомнела, абы давшы фрасунъком покой заручыл ее за Этѣреуса, поведаячы иж маѣть тое обѣавенъе шт бога, абы са не зборонала малженства того в тот способ, иж бы ей еще дано

вольные три лѣта, через которые бы отправила дорогу свою, на которую са была обещаала, то ест абы шла до Рыму, маючы пры собѣ десеть тисечей панен. А про тож того са домовлала, абы и шнъ и Этэреусъ паниц ее старали са сполне, какъ бы еи нашли десеть панен особное чыстости и статэчности, а кождаа з них абы мѣла пры собѣ тисечу панен, и шна сама абы тэж также пры себе тисечу мѣла, шдно же бы вси были особливое цноты и чыстости. Послове, взавшы шд отца Уршули тую шт-поведь, з радостю штехали.

Этэреусъ и брытанскій король, штец Уршули, зобравшы водле змовы такъ много панен, дали их Уршули в товаришство, котораа прынавшы тое шлахэтное товаришство а справившы шдиннадцать великих кораблей и другие рѣчы на так далекую дорогу потребные, пустила са морем з Брытанѣи аж до того мѣстца, гдѣ Рэнъ в море упадаеть, гдѣ тепер естъ часть Гольландѣи, шткуль шпат рекою против воды прыехала до Кольна з великою радостю мещановъ, а с Кольна до Базылѣи. Тамъ зоставившы корабли и иншэ спраты шла пѣша до Рыму, котораа потомъ, шбходившы и шгледавшы местца и сватости вси в Рыме, яко была обещаала, вернула са до Базылѣи, а папезъ Цырымак проводил ее з великою почестностью ажъ до мѣстца. Всѣвши тѣды у Базылеи у корабль Рэномъ рекою на дол ехала до Кольна, котораа выседшы на берегъ ничего са непрыштелла не сподешаючы, але такъ внимаючы, абы все безпечно было какъ первеи, кды са до мѣста прыближати почала, тогды ее угрове зо всех сторон шбскочыли а з оными всеми паннами шкрутне позабывали¹⁾. Так тогды шнаа шлахэтнаа панна зъ Этэреусомъ паницэмъ своим, которые довѣдавшы са же Уршула назадъ едетъ, з маткою и з сестрою Флюрентыною и з-ыншыми нѣкоторыми бискупы аж до Кольна противъ ее был выехал, и з оным Цырымаком папезом и зо всеми шными паннами с того свѣта зошла, а чыстость свою Хрыстусу (стр. 208) правдивому девицства

¹⁾ На поляхъ: Шдиннадцать тисечей девиц.

ублюбенцови ѡфаровала. Тых панен тѣла лежать въ Колне; исторыкове не згожають са ѡ часе того побитьа, але иж кроиника угорскаа старала тот час побитьа тых панен быти поведасть, подобна реч ест къ вѣрѣ, иж в тотъ час, кгда Атыла у Францѣи был, Уршула с паннами своими была ѡт угров забита. Атыла добывшы Рѣмов, переехавшы францускую землю а Фландрыю злупившы и звоевавши, тагнулъ до Турынкгии; тамъ хотечы ѡказати, ижъ всю францускую землю и увесь заход слонца звитажыл, умыслилъ в мѣсте Изынацѣ зъездъ мѣти а великкии фѣсть учынити. А про тож много пограничныхъ королевъ и народовъ частю з боазни, частю иж и его самого и его пыху рады бы были видели, зѣехали са до него, которые Атыла гоине ударовавши вольно пустил.

Было не мало народовъ над берегами мора брытанского и бальтыцкого або немецкого мешкаючых, которымъ еще неправе страшна была можность Атылева. Про то абы и тые шабли почули, ѡбрал колко гѣтманов, абы тагнувши войскомъ калетаны, нортманы, морыны, тункгры, фрызы, цымбры и прусы воевали, а все если не будутъ его панованыя послушны, ѡгнемъ и мечомъ пустошыли. Тые вси народове злукнувши са тагнучыхъ непрятелъ добровольне са поддали угром; а в тотъ час Атыла довѣдавшы са иж рымлане и кготове пописують жолнерѣ, збирають войско а воину противъ ему хотать възновити, ѡбаваючы са абы ѡнъ самъ и его жолнере такъ великими прадами, войнами и звитажствы розмаитымъ повоженемъ ѡдержаными будучы велми спрацованыи не былъ ѡтъ непрятела..... ѡпустившы францускую землю вернулъ са до Сыкамбрые столечного ув-Угрехъ мѣста своего, гдѣ былъ Буду брата своего зоставилъ.

Глава бѣ

Атыла, кгда са на войне француской забавил, Буду братъ его частью для того, иж ѡ звитажестве и ѡ жывоте Атылевымъ ничего пѣвного не вѣдалъ, частью тѣж радшеи для того, иж ко-

ролевство двух панов мевать не може, умыслил панство угорское вылучаючи от того брата сам посѣсти, которое для тое причыны водле воли своее дома справовати почал. Которое речы (стр. 209) были великие знаки, иж замок шныи, которыйи Атыла почавшы недалеко Сыкамбрые будовать казалъ был Атылемъ прозвати, шн узгордившы волею брата̀рскою от своего имени назвал Будую¹⁾. Для тых причынъ будучы шмовлении Буда, кгда Атыла для того змоцненъ не смѣл са на него гвие кинути, на зраде на него ударившы поймалъ его и забил и казал вкинути у Дунай, над которомъ Сыкамбрыа и Буда албо Будзынь столечное коруны угорское мѣсто лежыть. Нѣкоторые такъ поведають, иж Буда еще передъ битвою каталауницкою был забит, але га держачы са кроиники угорское, держу ш том, же са то по той битве стало. Забившы Буду казал шволати тот вырок, абы кождый тот замок Атылем звалъ, а Будзына не вспоминал; ведже иж посполите прыроженя людские бывають разные, а большеи са до речей заказаных горнуть, про то много их было, которые тому росказаню не чынили досыть: угрове тот замок и мѣсто еще и тепер Будую албо Будзынем, а нѣмцы Эцэльбургкъ, то есть замок Атылин зовуть, теперь от цѣгельнеи, бо там перед тымъ много вапна жыгано, зовуть Офѣэн, откуль значыт са, иж нѣмцы, гакобы через мѣчь от угровъ достаты, на шнъ часъ тѣжъ Атыли послушни были.

По забитю Буда, кгда са вси рѣчы ув-Угрех въспокоили и порадне постановили, Атыла пать лѣт в Сыкамбрыи мешкал, а через тот часъ жолнерэ его, привыкшы лупу, сэрбьскую землю, Мапѣдоню, Ахаю, Тэсалию и Трацю наездчали, лупили и пустошыли, а на шстаток тѣжъ мѣста и люди угорские Атылевы подданые велми утискали и шкоды им чынили, так ижъ много его подданных, не могучы терпѣти такого лупежства, отбѣгышы добытку и быдла, упросившы са первѣи у Атыли на иншое мѣсто переносити са мусели, гдѣ хто волѣлъ, а сам

¹⁾ На поляхъ замѣчено: Тепер то Будзынемъ зовуть.

Атыла абы мог вѣдати што са по всихъ краинахъ свѣта дѣеть, постановил на чотырох мѣстцах своихъ посты албо подводы ¹⁾, судну в Кольне, што их зовуть Акгрыппина, другую въ Бдоре, мѣсте далматскомъ, третью в Литфе, четвертую у реки Танаж: с тых мѣстцъ каждое мало не всего свѣта справы через штифненые на мѣстцах своихъ посты до Сыкамбрыи до него доношно, а он шпаты шным всемъ волю свою ознаимовалъ. Кгды то постановил, тот мѣлъ с того пожиток, иж частью снадности а погоды на непрытела, гакъ бы против ему справил, искалъ и пильновал, частью тѣж ш всемъ в час, што они против ему почать хотѣли, пѣвную вѣдомость мевалъ.

Глава 61. (Стр. 210).

Сыкамбрыю мѣсто, ш которомъ чынил часто възмѣнку, поведають исторыкове, иж французове збурывшы за справою Антэнора тронского Паннонию, которую теперь угорскою землею зовуть, на паметку имена своего перед давными часы збудовали, через много лѣт в нимъ мешкали. Того мѣста Атыла, коли угрове Паннонию, гак-м вышей поведал, посѣли, поправилъ а столицою собѣ ку мешканю шбралъ, которое если шт сыкамбровъ, людей немецкого народу, над Рэном мешкаючых, которое передъ тымъ французове войнами утискали, если тѣж для которое ишлое прычыны Сыкамбрыею названо, не маю достаточное ш том пѣвности. Тамъ хотя шособою своею Атыла умыслил былъ мешкати, ведже будучы велии хутливыи до славы, уставичне ш том мыслил, гакъ бы панѣство розшырыгъ, королевство до королевства прылучил, кождый народ под свою мол подбилъ а славы собѣ войною примножал. К тому тѣж, росломинаючы собѣ поражку люду своего каталауницкую, ш том розмышлявал, на том увесъ был, усихъ дорогъ а фортзев до того искал, гакъ бы са кривды шное поражки помстити могъ. В тотъ

¹⁾ На поляхъ: Подводы Атылевы.

часть услышавшы пѣвную о смерти А[э]ццусовой новину, разумѣючи же на доказане того, што былъ вжо давно умыслил, дорога ему са шть Бога подала, а къ тому ништо вже не былъ, который бы его силамъ ровень могъ быти, умыслилъ напервен на землю влоскую шбурьити са, абы звитаженемъ ее жалосное на каталауницъкихъ поляхъ битвы паметку новымъ мужствомъ а новою военною славою затер. А такъ призвавши до себе королевъ и народовъ, которые черезъ тотъ часъ подъ его хоруговою воину служыли ему кг воли, учинилъ до нихъ рѣчь тыми словы¹⁾.

Кгды ваше мужство а сэрцэ до справъ военныхъ шхотно, мои милые гэтманове шлахэтные и жольнерэ мужные, самъ у себе уважаю, а к тому тэжъ то, како-мъ много людей, народовъ, краю, королевствъ мужствомъ вашымъ, силами и товаришествомъ ратованыи подъ мою моцъ подбилъ, како-мъ на шстатокъ много звитажствъ по всехъ земляхъ шдержалъ, зда ми са речъ не потребнаа, абыхъ васъ многими словы до того, до чого сами съ прырожена своего склонъни естѣсте, або напоминалъ, albo побужалъ, поневажъ до кождыхъ мужныхъ а рыцэръскихъ справъ, которые прыстоатъ мужнымъ людямъ, какъ еще сперву склонни а шхотни были есте, до свѣтчылъ есми самъ того; толко о то са намъ потреба шильне старати, абыс мы са (стр. 211) дороги до учыненя чого зацного, што ест у людей в такой потребе рѣчь напереднейшаа скоро са подаст, не лениве а хутливе хватали, которое если са держать будемъ, товаришы милые, тэды все намъ поготову будетъ, лечъ если ее занедбаемъ, а какъ много працы, старана и фрасунку первой поднать мусимъ, нижли бы са намъ зась подала.

Сила рымъскаа, великое панство, шырокое, вельможное а паметное завжды было, маючи подъ своею моцю увесь свѣтъ, вже вамъ давно естъ свѣдомы. Тое панство, ижъ просторнейшэ, шыршэ и заднейшэ передъ тымъ бывало, тымъ большому упадку а небезпечности теперъ подъданы естъ, если шильне угланемъ в тое,

¹⁾ На поляхъ: Рѣчь Атылева до королевъ и жольнеровъ своихъ, кгды на влоскую землю воину поднести шѣлъ.

гакъ са тепер ихъ рѣчы мають, а чого злого они тепер за нашего часу, або з божого допущенья, або тѣж зъ якого силъ ихъ звонтленья а нахилена не утерпели. Вандалове, висикготове, британнове и нѣмцы, которые панство римское водле воли своее наеждчали, давають то нам знать гакъ силы ихъ тепер суть слабы, звонтлены и вынадзоны; Афрыку, Ибэрыку, Францѣи не малую часть, Брытангчию, которые земли перед тымъ под римскимъ панованемъ были, тепер неприятель маеть; Паннониа, сэрбскаа земля, Трация; Мацэдониа, словенскаа земля и иншыя въсходу слонца крайны мужствомъ, жолнере мои милые, вашымъ рыманомъ отнатые, под нашимъ панованемъ суть. Чогож тогды вже иншого не доставаетъ? Одно, абыс мы на влоскую землю обурывшы са, которая ест над вси помененые крайны преднепшаа, подбили ее под свою силу, чого если же дороги намъ от бога до того даное, жолнере милые, з рукъ спросне а недбале упустить не будете хотѣли, ладно доказать будете могли, бо а которые мѣстечка и великие мѣста, которые на остатокъ народовъ, которые королевства шабли ваше не боали са, не почули, не дознали ¹⁾? Што са коли, жолнере намужнейшые, такъ трудного вамъ видело, чого бы ваше мужство и во всехъ речахъ статѣчностъ ладнымъ не учинила? А если же римане в королевствахъ и в крайнахъ помененыхъ, которые перед тымъ подъ ихъ панованемъ были, не могли са ваше шабли, вашему мужству и моцы жаднымъ способомъ отнати, штожъ розумѣете, што теперъ противъ вамъ, силы зуполные маючимъ, долгимъ отпочываньемъ змоцненымъ, много товаришства розмноженемъ заможнымъ, панство римское вже звонтленое будетъ могло? Битва каталауницкаа, абыхъ тѣж и наше поражение въспоминаючы чужую надзу не запомналь, ачолвекъ нѣякою товаришпов нашихъ исполныхъ (стр. 212) жолнеровъ за мужствомъ [А]эцыусовымъ прынесла, ведже если личбу неприятелъ побитыхъ до нашихъ прыровнаете, обачыте, же то што есмо мы терпели, будетъ смѣхомъ а игыршомъ передъ

¹⁾ На поляхъ: Выславаетъ людъ свои.

ихъ упадкомъ, а ни на еще тое прошлое битвы надзу, если есте которую поднали, гнѹсности а ничѣмности ваше приписовати могу, бо а хто з вас не мѣлъ рукъ у крови неприятельскихъ ѡмочныхъ, або хто з вас неприятелеви горла не выдралъ? Але што колвек тамъ злого на насъ прышло, то прышло з розного и никгда не ѡднакого повожена войны а ѡблудного щаста, которое такъ люди мужные, тако тѣж гнѹсные а ничемные ѡднако без браку много кротъ утискать упадкомъ звыкло. Тепер тѣды, товаришы а жолнере мои мужные, час ест абыс мы са ѡной давно поднатое поражки новымъ мужъствомъ помстили, што будеть без похибы, если не будемъ волѣди ничѣмне естъ въ гнѹсности, нижи са тое дороги а снадности, котораа се тепер подала, держать. Сърдцѣ мое будучы тыхъ речей, которые мають прыити, пророкомъ, миѣ дасть знати, ижъ влоскаа земля в короткомъ часе не з великою працою наша будеть, котораа кгда под нашу моцъ прыидеть, шго-жъ вжо зостанеть въ Эуропе, што бы не лацно мусело подъ ваше гармо прыити?

Нуж тѣды, мои милые товаришы, тако са есте до иныхъ рѣчей аж по нынешний день ѡхотне брали, так са тѣжъ и на тую выправу до Влох берыте, не зоставайте собѣ винни в щастю, въ богатствахъ и в зацности вашой, чога потреба на войну вже тепер готуйте, зо мною восполк пуцайте са за щастемъ, вѣрьте миѣ, жѣ не праца, не небезпечность и не нишые, которые са на войне трафають, надзы або трудности не ѡдорвуть мене ѡт розъмножана вашихъ богатствъ, ѡт захованъа прыязни и помоганью товаришъства а ѡт боронена здорова вашого. Все хочу з вами сполне подыимовати и ѡвшемъ всего передъ вами хочу первѣи коштовать, только за мною за щастьемъ а за снадностью або погодою, которые двѣ рѣчы на войне суть напреднейшые, идите. Постараю са ѡ тое за помочю божею, ижъ влоское земли не малаа часть первой будеть под вашимъ панованемъ, нижи рымскаа сила противъ вамъ выидеть.—Тыми словы гетмане и жолнере Атылевы такъ были рушены, ижъ з великою радостью кликали, же не толко до влоское земли з нимъ потагнути, але до

каждое части свѣта, до которое Атыла каже, за его хоруговою смѣле пойдуть а розказане чынить будутъ ¹⁾.

Зобравшы тѣды Атыла своих ²⁾ и шстрокготов, эрулев, турцыминкгов, швадовъ, рукгов, которых спереду в товаришестве на войне зъ собою мѣль войско, кгда зготовавшы са в дорогу на конь вседал, поведает же крукъ ³⁾ (стр. 213) шт усходу слонца прылетевшы усѣль на правомъ плечы его, а потомъ възлетѣль къ горе и летель так высоко, же его потом жадѣн дозрѣть не мог. С тое ворожки Атыла будучы вѣсол, заразом тагнул в дорогу, напервей тѣды до Стырыи, Карынтыи, словенской и долмацкое земли вторгнуль, которые звоевавшы а Салону и Спалат мѣста зъжогъшы до берегов адриатыцкаго мора прытагнул; потом Тракгур, Скардону, Сыбиник, Йдору, новую Сэкгнию, Потѣнцию, Поле, Тэркгестъ, Капифѣрью, мѣста велии богатые и велии хорошие збурыль а на луп своимъ жолнером шбернулъ ⁴⁾.

На самым до волоское земли втаганю нѣшто люду Валентинанина цѣсара засело было теснины або ужыны дорог, хотечы Атыле назад; але кгда са там прыближалъ, тогды вси шт страху повтекали.

Рокъ ⁵⁾, которого Атыла шбурыл са на вѣлоскую землю, был шт нарочени божого чотырыста патъдесатыи. Эузэбиусъ прыкладаеть до того шдинъ рок, а Сыкгѣбартъ чотыры.

Вѣнѣтове, ш которых исторыкове поведаетъ, ижъ згубившы под Троєю Пилимона корола, маючы вожѣм Антѣнора до внутрної адриатыцкаго мора шдноги были прышли, на тот часъ школо Адрыи мешкали; тые зъ многими мешцаны аквилеепскими и шт иныхъ близних мѣст шбыватѣльми, боачы са Атыли,

1) На поляхъ: Позволене вальки.

2) На поляхъ: Выправа Атыли до Влохъ.

3) На поляхъ: Крук знак.

4) На поляхъ: Панства и мѣста збуроные.

5) На поляхъ: Рок, которого Атыла на вѣлоскую землю шбурыль са.

шпустившы свое властное мешкане напервей утекли были до нѣкоторое выспы недалеко от Аквилей мѣста, потомъ домниваяучы са, жебы и там Атылева сила досагнути мѣла, перенесли са до инное выспы, от навалности морское безпечнейшее, которую зовуть Рыуусъ альтус, на котором мѣстцу почали будовать тое мѣсто, которое теперь Вэнэцэю зовуть ¹⁾).

Глава дѣ.

По збуреню мѣст преречонных, кгда Атыла ку Аквилѣи тагнул, зашло ему дорогу от тэръкгестынское отноги римское войско досыть великое, которое поразившы а выкоренившы шблегъ Аквилю мѣсто ²⁾, которое ач трудное было ку добытью, частью для того, иж мешчане довѣдавшы са ш тагненью Атыли, шгледѣли са были на всакые потребности ку вытрываню шблежена и ку шбороне мѣста потребных, частью тѣж (стр. 214) для того, иж не мало люду мужного ку шбороне в ним мѣли, ведже абы толко тое шдно мѣсто не было прожно от того так великого сэрца корола можности и потужности, хотѣлъ под ним всакого нещаста досвѣтчыти. А так добываючы его дѣлы, которых не мало зѣ собою мевалъ, кгда ему са не водле мысли шанъцовало, тры лѣта по прожницы под нимъ ставил а в тот час вси пола вколо повоевал, котораа рѣч была того прычыною, иж въ шбозе Атылевым велми трудно было ш живность, а для тогож так люди, гко и быдлата, мусели едать незвыклые потравы, розмаитые хоробы прыносачые. До того вже было прышло, же са былъ Атыла пры том шблеженю велми стошнил, и жолнере частью надзами долъгого шблежена, частью недостатком речей потребныхъ, велми были стрывожоны и на телѣ звонтылены; вже всуды по шбозе слыхать было шамрене и нарекане жолнеров,

¹⁾ На поляхъ: Початок Вэнэцэи.

²⁾ На поляхъ: Аквилля шд Атыли шблежена; Аквилля тры лѣта добывалъ; фортэль.

гнѣвающихъ са, ижъ не з людьми пристойною воиню, але с каменьями а муры и баштами недобытыми справу мѣли, с которе прады и терпливости а ни славы а ни нагороды жадное мѣть не мѣли, поведаячы, жебы то было им учтивей и пожыточней до Рыму влоское земли головы заразом тагнучы, если бы са Атыла въ ѡблеженю мѣст кохаль, которого добывшы лацно бы са другие мѣста поддали а все влоское земли богатств угром са достали; к тому еще, взавшы Рим, мѣли бы вечную своих справ славу. Тое жолнеров нарекане ачѣколвекѣ Атыли было велии прыкрое, ведже, абы толко того ѡднаго мѣста мощность славы его с так много зацныхъ справ по всем свѣте квитнуное не нищыла, благаючы жолнере свое частю надѣю ѡдержена звѣтажства, частю великими ѡбѣтницами, а их хуть против собѣ еднаючы, умыслил так долго ѡт ѡблежена не ѡтступовать, аж бы того мѣста якоколвек достал, што абы што рыхлей справити мог, про то и сам у небезпечност удавал са, ездечы часто ѡколо муров мѣстских, ѡгледаючы а нищычы, с которе стороны лацней добыть; а такъ кгда нѣкоторые молчанье ѡблеженных а муры пустыя вабили его до того, абы близко под мур заехал, нѣкоторые жолнере местцы вытекшы таемне через рынштоки и инъшыя подкопаныя проходы под муром для угров учыненые, нагле са до него торгнули. Атыла, видечы же а ни утеканю а ни в иншых своих помочей надѣи здорова не мѣлъ, ѡдно у своеи дужости а мужстве, абы ѡднак без помсты не умерѣ, смѣле на них ударыл а забившы двух, кгда другие видечы его смѣлость не такъ сквалливе натирали, здорово до своих вернулъ са ¹⁾).

(Стр. 215) Поведаяють, ижъ тые жолнере мѣстцы поведали ѡпат своимъ, иж зѣ ѡчю того жолънера, хтоколвекѣ былъ, бо не вѣдали же бы то Атыла был, искры якъ бы ѡгнистыя блискали са, кгда на них заѡдовитившы са гледел. Другого потом дна, кгда прожно розмаите до мѣста штурьмовавшы Атыла

¹⁾ На поляхъ: Дужост Атыли.

Фрасунку полонъ водле своего обычаю школо мѣста ездилъ, уви-
дел иж бусел на верху нѣкоторое высокое вежы гнездо мѣл, с
которого дѣти свои еще голые шдно по другом до троснагу, ко-
торая была не далеко мѣста, в губе по шдному носилъ; на што
Атыла заглядѣвши са, кгда долго стоал мыслечы, потом рекъ
до своих, же тот птах, чуючы мѣста того вже велми близкий
упадок, беспечное дѣтамъ своим мѣстцѣ готуе, бо иж са до тро-
снагу з дѣтми переносил, значыло са иж в коротком часе мѣсто
до его рук прыити мѣло, а протож бусель, чуючы прышлыми
упадок, хотѣлъ дѣти свои мѣтъ на волности, абы потом восполок
з мѣстом в борзде не згорѣли, або са з вежою не шбвалили. А
про тож Атыла, будучы тою ворожкою напоменены, того-ж
дна почаль места лепей и потужней добывать, але коли в тот
час тако и первей не повело са ему водле мысли, на завтрѣе ка-
зал седла кождого четвертого коня зо всего войска своего зо-
брати и в перекоп накласти по той стороне, гдѣ мур былъ слаб-
шыи, и зажечы, абы мур, будучы шгнемъ звонтленыи, або самъ
са шбвалилъ, або са потом дѣламъ лацней дал збитъ¹⁾). В тот час
Атыла, наготовавшы начыне до биты муру, а жолнере до штурму
напоменушы, ждал часу абы скоро бы шгонь утихъ, муръ ла-
малъ а до мѣста штурьмовалъ, але его таа рада не шмылила, бо
муръ будучы великим а квалтовным шгнем звонтленыи лацно
са дал розвалить. Атыла видечы тую снадность до взатя места,
напоминал жолнере, абы каждый водле мужства своего старал
са через мур перебити а до мѣста воити. Шни з великою шхо-
тою беручы са до того кинули са на жолнере, мѣста бороначые,
будучы готовы всакие раны подымовати, а ни зброини мещане
а ни жадна небезпечност не могла их шт предсавзатя гамовати,
але смѣле а нелакliwe через мур са перебивал. Не меньшым
тѣжъ серцѣмъ мещане мѣста себе а своего и жон и дечи своих
горла боронили, видечы иж жадное иншое надѣи здорова не
мѣли, шдно коли бы неприятела долгою працою и надзами вже

¹⁾ На поляхъ: Ворожка зъ бусла; Мур вонтлен.

спрацованого штогнати, а мѣсто моцю и мужствомъ своимъ захватить могли; што Атыла видечы, казал ранные до шобозу штоводить, а свѣжымъ на тое мѣсто наступовать; самъ, котораа речъ тѣж и гнюснѣ або недбалые жолнере в рѣчы вонтпливои побужать а мужными (стр. 216) чыинити звыкла, пры нихъ былъ, кожного са мужству прыглядывалъ, на кожного властнымъ его прозвискомъ кликалъ, напоминалъ, просилъ, абы того што почали не переставали, поведаячы же вжо болшою працою трудностъ и небезпечностъ поднали а до шдержана мѣста меншаа зостала, за которое подыинмоване каждому з нихъ великую нагороду наготовалъ¹⁾. А такъ жолънере велми потужные силы прыложывшы а школо муру пилне са забавившы, за тры години мѣсто взяли²⁾, молодые и старые шднако забивали, а ни вѣкови, а ни плоти не фолькговали, хйба троха, бѣлыхъ головъ што хорошшыхъ зоставили³⁾; все што было в мѣсте на лупъ жолънеромъ подано, а трыдцать и семь тисечей людей тамъ забито. Была на тотъ часъ в мѣсте бѣлаа голова такъ набожностю шко чыстостю и роду зацностю славна, а такъ хороша, ижъ шуднейшее в мѣсте надъ нее не было; звано ее Дикгъна⁴⁾. Таа довшдавшы са, ижъ угрозе кожного забивали, хйба бѣлые головы што хорошгышые зоставали, утекла на верхъ дому своего, умыслившы первен умерети, если бы ее который угрынъ хотель квалт учыинити, ижъли чыстость свою сѣтрати⁵⁾. А такъ кды нѣкоторый жолнѣр улакомившы са на ее хорошество гонилъ ее, хотечы ей учыинити квалт, она ускочыла в реку Натысону, котораа подъ ее домъ текла, и утопила са; такъ онаа статѣчнаа невѣста жолнера спросного спросной хути смертю своею ушла.

1) На поляхъ: Мужство королевское.

2) На поляхъ: Аквилла взята.

3) На поляхъ: Тыя не бывають забиваны.

4) На поляхъ: Дикгна бѣлаа голова.

5) На поляхъ: Цнота бѣлая головы.

Глава еі.

Кгды вже Аквилла была збурана, а через тот час ѡблежена ее поддалъ са за справою Гельмунъда бискупа Гарвижъ и Вэрона за Дыадэрыковою справою; Утынъ тэж Атыла збудовал, абы паметку имена своего, еслибы Аквилли достати не могъ, у людеи потомных зоставил; тагнуа ку Конкордыи, у которой дорозе хорошыи мужного сэрца знак ѡказалъ. Нѣкоторые хлопи зъ села, што са кукглѣрствомъ бавили, люди уродивые и дужого тѣла, в надѣю гакого пожитку прышли до Атыли и чынили штуки дивныи, скачучы велми хипко и мистэрне межы мечми¹⁾. Кгды другие што на то гледѣли, смегали са с того, Атыла мѣл то за реч спросную а не прыстойную, ижъ ѡныи дужыи тѣла, которые са борздеи на жолнерскую працу нижли на кукгларство згодити могутъ, такъ са ледачым бавать а животь порожнюючыи а непожиточныи ведутъ, казалъ их (стр. 217) у зброю убратъ и казал имъ абы так на конь вседали у зброи ако и ѡнъ, чога кгды ѡни тому не прывыкли, учынить не могли, а ни з луку стрелати а ни стрѣлы на тетиве положить не вмѣли, казалъ ѡныи тѣла ихъ, збытне перед тым в порожневанку розтылыи, скромным покормомъ такъ выхудити, иж потом мерностю и цвичэньемъ неледа в каждой рѣчы мистромъ будучы выучоны, ѡбоеи рѣчы велми лацно досыть учынили²⁾; которыхъ потом послуги и дужости у многих рыцэрских рѣчах ужывал. А такъ кгды до Конкордыи прытагнулъ згубившы семнадцать тисечей угровъ добылъ мѣста, на которого муръ самъ первей вѣскочыль³⁾, потом другие мѣста близкии, частю через силу взавшы и збурывшы, частю через подане ѡдержавшы, на первей Падву, гдѣ Марульюса калабрыичыка поэты виршы ему к воли написаныи до ѡгна вкинути

1) На поляхъ: Атыла кукглѣры цвичыть.

2) На поляхъ: Наука скочкомъ.

3) На поляхъ: Конкордыи добылъ, сам король на мур вскочыль.

казалъ ¹⁾, иж водле волности поэтыцкой назбыт его выславаючы написал какъ бы Атыла от богов пошол, поведаючы то быти великую невстыдливость, кгда люди смертѣльные змышляючы са мѣти початок от богов несмертѣльныхъ. Потом Вэнэцью, Мантуу, Брыѣию, Бэркгамъ, Кремону, Фэрраръ, мѣста крепкие и богатые моцью взалъ ²⁾ а на луп жолнером подаль, которые вси частю для хорошого а коштовного ихъ будованья, частью тѣж для прозбы прыатель цѣло зоставил а не жог ихъ, хибя самую Брыѣию для раны в бране мѣсткой, кгда са квалтом до неи вдирал, поднатое восполокъ з мещаны замкнувшы их в нимъ до кгрунту зъжечы был умыслилъ, але его прыатели такъ же прозбами от того отвели. Добываючы тѣж Винценцьи знаменитое мужства своего сведѣцтво оказал, бо кгда жолнере его для потужности облежоных и глубокости воды до муру звлочали ближеи са шанцовать, самъ у перекоп прудко вскочывшы а через воду ³⁾ аж до персеи брынучы до муру прышол, которым его учынок жолнере побужоны за встыдомъ мусели са до муру убегать, а нѣкоторые з них потонули. Тамъ оттуль до Равэнны тагнулъ. Бы там на тот часъ бискупом того мѣста Гѣнъ, аррыанской сѣкты великий оборонца; тот здавна зобравшы великие богатства, так велико наследуючы в том папежа римского, гко тѣж на злост и на зельжывост, учынил был дванадцать бискупов тое-жъ сѣкты вызнавцовъ, абы за их послугою и помочью оную сѣкту свою шырей по влоской земли розмножил. Тотъ коли са Атыла до Равэнны прыближал, з множествомъ духовныхъ особъ и мещан вышедшы против ему просил его покорне абы гнѣвъ свой на сторону отложыл, обещаючы ему того довести, еслибы его вѣру прынал, а тых которые костела римского слухаютъ пренаследовал, иж в короткомъ часе Рыму и всее влоское земли и Афрыки оокром працы а небезпечности достати можѣ; которому Атыла

¹⁾ На поляхъ: Атыла виршы зъжогъ.

²⁾ На поляхъ: Мѣста, которые побрал.

³⁾ На поляхъ: Зацвыи учынок Атыли.

отповедалъ, же поневаж са в по(стр. 218)кору вдали, он имъ ничего злого не учинить, а ѡбетниц, если имъ досытъ учинити будетъ мог, рад ждати будетъ; вшакже абы ѡднакъ потомъкове твоихъ мещанов не пышнили са тымъ, же-м ѣа того мѣста за ѣкими умовами а не моцью достал, про то хочу абы вси браны мѣстские зараз были поѡбвалены, а черезъ нѣкоторую част муру розваленую а копытами конии нашихъ утлочую зо всимъ войскомъ зброино хочу до мѣста ѣакъ звитажца уехати ¹⁾).

Іанъ бискупъ и мещане вырозумевшы волю Атылеву, ѡтворившы браны местские з радостю росказане чынили а корола до мѣста упровадили, в которомъ Атыла зо всими своими войски потуль мешкалъ поки хотѣлъ. Потомъ Тыцын, которыи теперъ Папиею зовуть, Пладэнцыю, Парму и Мурыны збурывшы, Мэдышлан ²⁾ взалъ моцю, мещаны позабывал, мѣсто збурылъ и з землею зривналъ. Тамъ ѡттуль прытагнувши на тое мѣстцо, гдѣ Мынцъ до Паду впадаетъ, почалъ собѣ розмышлять если мѣлъ з войскомъ тагнути до Рыму, будучы рушонныи прыгодою Аларыка корола кротского, ѡ которомъ поведано ему, ижъ кгда тѣжъ былъ первей того мѣста добылъ и вылупилъ его, нагле умер. А такъ кгда въ ѡбозе розмышлявалъ собѣ што бы мѣлъ чынить, панове преднейшыи римские, ѡбавляючи са абы са Атыла до ѡблеженія Рыму не поспешылъ, шли до Лева папежа и просили его абы ехалъ с покорою до Атыли, гнѣвъ его ублагалъ а горла риманомъ упросилъ, маючи тую надѣю, жебы то у него лацно упросилъ, поневажъ тѣжъ также Іана равэннэнского арцыбискупа кгда пал до ногъ его в ласку прыналъ. Лев папежъ частю прозбою римановъ, частю костела своего небезпечною прыведенныи, умыслилъ такъ учинить. Поведаетъ Сабэлликъ ижъ Валентынанъ цэсаръ Лева папежа на то былъ намовилъ. Кгда са то дѣлало, тогды Атыла абы его жолнере, которые працамъ а уставичнымъ справамъ прывыкли, не зничэмнели у прожневаню а

¹⁾ На поляхъ: Знакъ звитажства.

²⁾ На поляхъ: Мэдышлан.

в покою, нѣякого Зовара воиска своего гетмана ѡбрал, которыи, взавшы немалую часть воиска, тагнул до Апулии, Калабрыи а до тыхъ влоское земли мѣстцъ, которые лежать надъ моремъ адрыатыцкомъ, и пустошым ихъ, которыи кгда вжо з великимъ лупомъ ворочал са назад, в тот час Лев папеж, яко бы умыслилъ, з великимъ множествомъ духовенства убравшы са в костельные уберы, взавшы зъ собою, яко пишеть Сабэлюикъ, ѡдного бурмистра и немало ѡсобъ з рады рымской, прыехал до Атыли ¹⁾, которого кгда Атыла вышедшы противъ ему з великою учтивостю прыналь, тыми словы до него мовиль ²⁾.

(Стр. 219) Великаа перед тымъ, не звитажонныя королю, рыманов всего свѣта звитажцов слава была, рымане звыкли бышъ звитажоннымъ ѡтпущати, у покору са даваючыє в ласку прышмовать а звитажство милосердьемъ макъчыть, которыми речами панство и богатства розмножали, а славу имена своего чынили несмертэлную. Таковыє кгда того час былъ рымане мѣли ѡбычай, але кгда час ѡтмѣны прышолъ, што нам щасте ѡтнало, то тобѣ тепер, Атыла королю, дало, колько намъ убыло славы, толко его твоему мужству прыбыло. Ачъколвекъ еси много мѣсть, много народов и королевъ звитажылъ, зацнэ-сь трыумпы рѣчы ѡ тебе доказаныхъ справилъ, мало не вси крайны свѣта мужства твоего а моцы твоеє слава перешла, ведъже еси са тому шиле прыгледимъ, тыє вси рѣчы не большую славу тобѣ, нишли тот сегоднешний день уво всихъ людей на потомъ будучыхъ зъеднать можеть. Людъ рымъский, которыи передъ тымъ всего света паномъ былъ, которого правомъ ³⁾ много са королевъ и народовъ передъ тымъ судило, теперъ прыведены твоею возможностью с покорю до тебѣ прышолъ, просечы у тебе покою а хочечы вси способы покою, которые са тобѣ сподобаютъ, добровольне прынати, толко абыс насъ розумѣль быти годные твоего милосердья, ласки и

1) На поляхъ: Папеж до Атыли.

2) На поляхъ: Речъ Лва папежа до Атыли.

3) На поляхъ: Права рымские.

прыязни. Не потреба тобѣ шаблю римского мѣста и тых мѣстцъ, которые суть ему послушны, доставать: з доброе воли своее твои естъ Рим, мы твои естасмы, твое ест все што естъ нашо, все чыни водле воли твоее, ужывай твоих правъ, все твоему росказню будетъ послушно¹⁾, мѣсто шабли словъ ужывай.

Нужь тѣды, наможнейшыи королю, которыи еси аж до нынешнего дна иных звитежати звык, теперь сам себе звитаж, сэрца шбражное погамуи, гневъ повстагни, которымъ подобно умыслигь еси быи срокго са з нами шбходить. Жадною речью до несмертѣльности ближии прыступити а богу подобным быти не можеш, шдно штпущаючы покорным а милосердѣ просащым уделать. Потом и бурмистръ и сэнат римский с плачомъ пали до ногъ Атыли, которым Атыла казавшы повстать а не фрасовать са, поведал же им покой шбецуе²⁾, а к тому их в ласку, въ шборону, в товаришство и в прыязнь шзме, учынившы такое постановенье ш податокъ, абы римане напотом на кождый рок Атыли податокъ давали. Лев папеж все, ш што просил и чога хотѣль, у него шдержалъ. Кгды вже штшол папеж и шн римский сэнат, гетманы пытали Атыли, дла чога бы надъ звычай так са ладнымъ а макъким против риманом ставил, (стр. 220) а давшы са их прозбам и плачу увестъ так пѣвное звитажство з рук упустигь и всеи Эуропы панство, которое во всемъ здает са на волю папезову. Которымъ Атыла штповедил, иж так учынить и прыстало и потреба была, досыть на томъ же до него с покорою прышли а до ногъ его всего свѣта панове пали. Рим, которыи всему свѣту перед тымъ пановал, вызнавшы са быти звитажонымъ, теперь са поддал под его пановане, податок римане на себе вложоньи доброволне прынали и все росказанье чынити мають. А што ест наибольшого, поведал, иж над голову³⁾ папезову видел чоловѣка в шыроком шдѣнью, поважного, шивого, з добрым мечомъ грозечы его забити если бы на его хуть

1) На поляхъ: Покора Риманов.

2) На поляхъ: Ласка Атыли.

3) На поляхъ: Видене.

не позволилъ. Оттуль же уросла была кунштгъливаа прыповесть у его жолнеровъ ¹⁾, ижъ Атыла большеи са боить дикихъ зверат самых толко прозвищъ, нижли зброинного войска, поневаж у Францыи над волкомъ а въ Влохахъ надъ ильвом не ужывал своего панованья.

Глава 51

Вернушы са до Равэнны Атыла казал Гйна арцыбискупа всадити до везэнья, а от него и от мещанов равэнгненскихъ взавшы шестдѣсат тисечеи гривен золота, его самого и всех, которые арърыанскую вѣру держали, казал погубити, або для того, иж то был у него Лев папез упросил, або тѣж радшеи для того, иж подобно в небытности его што нехорошого против ему въщынали. Потомъ призвавши до себе оных королев и гѣтманов, которые у его войсцѣ были, выличал у кротцѣ, которое войны за их мужством скончыль, гакъ можные короли, народы, мѣста и мѣстечка под свою моц подбил, гакіе працы и небезпечности, абы им несмертѣльную славу зъєднал, частокротъ подымоваль, а тепер вжо то собѣ розмышливасть, ижъ вси люди для того працують, абы доставшы вечное славы по тѣжких а долгихъ працах колко бы могли тѣжъ нѣшто покою ужывали а вытхнули гѣлу короткии вѣкъ маючому. А про тож если бы розумѣли иж досыть мели на той славе, которое до того часу достали, умыслилъ до Угор, до назначоного ему и имъ ку отпочыненью мѣстца, вернути са, поневаж вжо досыть (стр. 221) богатствъ, досыть трыумфов и славы, досыть зацности уво всех народов достал. Годить са абы по працах прышло отпочынене, а на их мѣсто наступило, поневаж вжо зъ великою славою своею справили; вси люди по великих а тѣжких працах звыкли са держать покою и отпочывана гакъ нагороды за працу, трудности, фрасунки и непокои перед тым поднатые. Кгды его гѣтманы тую раду похвалили, спешыл са абы са борздо до Угор вернул. Валентынанъ

¹⁾ На поляхъ: Прыповесть.

цэсар, ш котором чынил есми вышей възмѣнъку, мѣлъ сестру Гонорыю ¹⁾, которая шкром вѣдомости брата своего пославшы до Атыли просечы, если бы са мѣлъ шженити, абы ее понал, а если бы ему са видело, жебы або вернул са назад, або послал до Валентынана брата ее посла своего, просечы абы ему сестру свою в малженство дал. Вже бы Атыла з влоских границ вытагнулъ, кгда посол до него прышол, а ачколвекъ тое посэльство было у него вдачно ш малженстве тое бѣлое головы, которая была шсобное чыстости и зацности, ведже розумѣл то собѣ быти рѣч трудную, шбтажливую а нѣако зэльжывую, войско свое вже далеко шт влоской земли будучое а такъ далекими дорогами спрацованое, звлача будучы вже ближе угорское нижли вѣлоское земли, розмиловавшы са шдное бѣлое головы назад вернуть. А так пославшы посла своего до Валентынана цэсара просил, абы ему дал в малженство Гонорыю сестру свою а в посагу половицу панства своего, чого если бы не учынил, теды са зараз хочеть до влоское земли вернуть а ему все панство штавшы сестру квалтом взати. Штправившы тѣды посла сам са вернулъ до Угор. Кгда в Сыкамбрыи столечномъ мѣсте своем мешкал, ачколвек, гак-м вышей поведал, умыслил был по так великих войнах водле своее мысли справленых и скончоныхъ собѣ шпочынуть, ведже то трудно быти маеть, абы сэрцэ, которое са на то народило, жебы завжды што справовало, будучы готовы до войны а до великих рѣчей хутливые; про то не переставаячы на той славе, которое был так многих справъ достал, против тому, што был первей с похвалением своих жолнеров учынити умыслил, мыслил ш том во дни и в нocy, абы звитажывшы вжо Эуропу силы свои на Азыю, Асырыю и Эгипт шбернулъ, будучы того мнимана, же мало еще славы и панства достал, если бы тѣж шные крайны свѣта силы и шабли его не дознали а ему послушны не были. Кгда са тѣды, гак-м поведалъ, Атыла а намышлалъ што бы чынити мѣлъ, нетерпливостю милости

¹⁾ На поляхъ: Гонорыа сестра цэсарова.

будучи звѣтажонныи, не ждучи ѡтповеди Валентыиановы ѡ малъженство Гонорыи, поналъ Микольту, дочку корола бактрыанскаго, (стр. 222) паненку вельми хорошую, на которой вэсэлю правѣ по королевску учыненным, кгда большеи надъ ѡбычаи жарлъ вина, потом в нocy назбыт болпъ нижли прыстойтъ малъженством са бавил, которые двѣ рѣчы, то ест вино и вэнусъ, поневаж не толко старым, але и молодым за збытным ужыванем суть небезпечныи, кгда кров во всемъ тѣле его узварыла а ѡн твердо заснул, пустила са ему кров носомъ и удусила его, року божого, гак угорскаа кроиника свѣтчгытъ, чотыры ста чотырдесатаго патого.

Микольта ¹⁾ почула же горачаа кров си на перси текла, а ѡчутывшы са почала мужа и будить, которого тѣло кгда почула быти студеное а без души, злкнувшы са несподеваное прыгоды, почала великимъ голосомъ кликати на тых, што у дверей ѡное ложницы спали, которые, очнувшы са зъ ѡного кликана королевой, розсветившы свечу а вшедшы до покою Атылевого, нашли иж с кровю душа з него давно вышла. Тогда са стало великое всих кликанье и верещанье ку небу идучое, по всеи Сыкамбрыи было полно плачу и жалостного нареканя, кождыи так великого корола смерти велми плакал. Новина ѡ смерти его в коротком чаче по всеи угорской земли розышла са, кождыи жалобу на себе ѡболок, а всюды так было полно жалости, иж через долгии чач жадного знаку весела такого або доброе мысли не было видать. Кгда ему учынено угорскимъ ѡбычаем ѡбход а пры теле гонитвы чыненои спеване жалобное з выславленем зацныхъ его справ спевано, потом его з великою а королю такому надлежакою гордостью в гробе предков его поховано на долине Кэазо, не далеко ѡт столъпа каменого, где Кэву, Кэму, Каыка и Бэла, гак-мъ вышеш поведал, были похованы.

Тое нocy, которое Атыла умер, поведають же Марцыианови цсарови константинопольскому снило са гак бы са лук Атылев

¹⁾ На поляхъ: Смерть Атылева.

замалъ. Пишутъ исторыкове, иж Атыла уродилъ са был того два, которого Юлиусъ Цэсар, а умер петнадцатого дня марца, которого тотъ Юлиусъ въ главе рымской двадцатьма и тремя ранами был забит, а был жив, яко кронника угорскаа свѣтчытъ, сто двадцать и чотыры лѣта. Сабэзлик поведаетъ¹⁾ жебы Атыла мѣлъ умереть року вѣку своего патьдесат шестого, але са то не видить быти къ речы, бо то ест речъ асна, же Атыла межы иншыими гетманы угорскими был шдным в тот час, коли угрове выпнали кготы з мешкана их а потом вошли до Паннонии, которую шт их прозвища угорскою землею прозвано; а то не ест речъ здорожнаа вѣрытъ, же он вже в тот час был чоловѣком дорослым и статочным, поневажъ с так много тисечей шт народовъ на войну наражоных для мудрости и в речах рыцэрскихъ бѣглости и тѣла дужости в личбу инших гетманов был поличонъ. А угрове ушли были до Панонии, яко-м вышеш поведат, року шт нарожена Хрыстусового трыста (стр. 223) семдесат третего, по котором року шбран был Атыла королемъ року двадцать шмого, которыи был шт нарожена божого чотырыста першыи, шт которого королеваъ лѣт сорок чотыры. А если Атыла, яко Сабэзлик поведаетъ, умер патдесат шстого року вѣку своего, тогды в тот час, коли его шбрали королем, мѣлъ дванадцать лѣт, што ест против розуму, бо бы был он людъ валечныи а многими зацныхъ справъ и на тот час славныи, корола так молодого а не толко рѣчей посполитых, але тѣж и своих властных справовати не умѣющого, а звлаща на початку, кгда королевства шаблею доставали а войною са все бавили, собе не шбрал.

А так водле преречоного рахунку, которое са до правды болшей стосует, коли Атылю королем шбрано, в тот часъ ему было семдесат лѣт и двѣ; шттуль са тѣды значить, иж он в тот часъ, коли угрове с татарское земли вышли, патьдесат мѣлъ лѣт и двѣ, што все если въ шдну личбу зложыш, покажетъ са

¹⁾ На поляхъ: Вѣкъ Атылев а Сабэзликкова ш нем шмылька.

же Атыла быи живъ лѣтъ сто двадцать и чотыры, не яко Сабальлик поведаетъ, патьдесат шесть. А иж ѿ немъ пишуть, же так много лѣтъ мѣль, може са то дивно не здать, бо межы много иншими, которыхъ са тут умыслне спущаю, тѣж Эмэрык вискиготскіи корол мало тѣж не такъ много лѣтъ быи живъ. Над то ещѣ меншь будем са дивовать так много лѣтъ Атылевых, ели тѣж и то у себе уважим, же тѣжъ угрове могли рокъ коротшныи личыти, нишли мы, яко аркадове, трыхарове и акарнанове шесть, а эгиптчане чотыры толко мѣсецы спродку у год личыли, або тѣж еше и то, иж Атыла до дужости прырожена своего а доброго умеркована тела такъ много лѣтъ наших, якъ их мы мѣрым, пережыти мог.

Его смерть много чудов перезначыло. Того дня, которого вѣселе его было, конь што налепшныи и навернейшныи, которыхъ в битвахъ под собою мевал, не маючы в собѣ жадного уперезающее хоробы знаку, нагле здох.

Микольта тѣж пани моладаа, входечы до ложницы, так са вельми в правую ногу ѿ порог ударыла, иж ѿт великого болю через немалую филю усѣсти мусела. Перед его смертью на двадцать дни комѣту ку всходу слонца видено; надъ то поведаятъ, иж некотораа невѣста вѣщаа, Атыла кгда назадь тагнул з Влохъ до угорское земли, на перепроваженю черезъ реку Ликусъ межы реты а виндэликами текучое, прыехавшы к нему на кони трыкротъ ядовитым а гнѣву польнымъ голосомъ река: Назадь Атыли.

Глава 31.

По смерти корола Атыли два властныи сынове, невластныи сыны сэрдэмъ и мужствомъ далеко преходачыи, ѿдинъ Хаба зъ Геррыхи Гонорыуса кгрецкого цесара дочки, а другии Аладарык зъ Крэйнгъикъдэ княжати баварского дочки уроженныи, вели спор з собою ѿ панство. Дэтрык вэронэнъчык, которыхъ сестреницу Атылеву за собою мѣль, ѿ котором (стр. 224) была

вышеи възмѣнка, гѣтман войска Атылевого з-ыншими немецкими и другихъ постороннихъ народовъ паны, которые са пры Атыли бавили, зостали пры Аладарыку тако пры томъ, который однакъ зъ народу ихъ немецкого пошол, Хаба большую частъ угровъ зычлившую собѣ мѣлъ. Тые два Атылевы сынове хутю пановаца побужоны кождыи хотел на себе панство посѣсти; зобравшы тѣды зъ обудву сторонъ великое войско, положили са шбозом на поляхъ сыкамбрейскихъ, гдѣ учынивши поткане, так са великаа поражка стала, иж вода в Дунаю почавшы шт Сыкамбрыи аж до Потэнцыи мѣста на полы с кровю текла. Таа битва трывала аж до патнадцатого дна¹⁾, а не первей са скончыла, аж болшая частъ постороннихъ жолнеровъ шт угровъ побита была, Аладарык в той битве забит; первей выиграл битвы Хаба, а шстатокъ будучы Дѣтрыковыми фортѣлыми поражен, зъ шестмадесатъ братьевъ своихъ, невластныхъ сыновъ Атылевыхъ, и зъ двадцатьма патыма тисечей угровъ, которые с поражки еще были позостали, утекъ до Кгрецыи до Гонорыуса цэсара своего, у которого мешкавши трынацать лѣтъ, шпустившы тую частъ королевства, котораа по матцѣ на него прыходила, до татарское земли за рокъ вернул са. Еще Бэндэгузъ, тако кроинника поведаетъ, которой мусимъ верыти, дѣдъ его по штцу былъ живъ, за которого вжо велии старого радою поналъ былъ жону зъ народу коросмановъ, с которою мѣлъ дву сыновъ, Эдэмэна и Эда; которые, паметаючи на шбѣитостъ земли угорьской, частокротъ сыны свои напоминал, абы коли доростуть, угорское земли шпат доставали. Которому напоминаню потомкове его потомъ досыть чынили, бо по смерти Атылевой у трыста лѣтъ угрове с татарское земли зъ нову вышпедшы, повторе землю угорскую были посѣли. Тотъ Хаба не долго в татарской земли будучы живъ умер. Нѣкоторые, што са с кроинникомъ угорскою не згожають, поведаетъ иж по смерти Атыли угрове в Паннонѣи, то ест в той земли, которую тепер угорскою зовемо, пановали аж до часу

¹⁾ На поляхъ: Битва двѣ недели:

Маурыцого цэсара, ведъже поневаже-м а ничего дадеи писати на тот час не умыслилъ, шдно до смерти Атылевы, про то хто бы што дадеи ш справах угорских вѣдати хотѣл, нехан въ ихъ кронницэ чытасть.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Слово о некоемъ храбромъ витязе и о славномъ богатыре о Бове Королевиче.

Бысть нѣкій королъ Гвидонъ в славномъ граде Онтоне. Коли онъ былъ младъ и в доброе поре, тогда къ собѣ избиралъ во дворъ храбрыхъ витязей в златоконныхъ доспѣсахъ и на быстрыхъ коняхъ и охочъ былъ с ними ѣздитъ в чистое поле тешитца на ловлю, съ соколы и съ ястребы на птицы, и съ выжлоки на звѣри. И какъ бысть в болшемъ возрастѣ, и тогда рече королъ витяземъ своимъ, гдѣ-бъ ему приискалъ невѣсту от великаго племени; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича есть тщи прекрасная Милитриса. Королъ же Гвидонъ не утерпѣ о повѣсти той и скоро посылаетъ своего конюшого именемъ Личарду свататься за добраго короля Гвидона. Королъ же Кирбичъ хотяше дать тщи свою прекрасную Милитрису за добраго короля Гвидона, прекрасная-жъ Милитриса не хотѣла вѣнчаться за добраго короля Гвидона; королъ же Кирбичъ далъ синопщи свою прекрасную Милитрису за добраго короля Гвидона, и бысть радость великая. Королъ же Гвидонъ любя жену свою прекрасную Милитрису паче мѣры, а она-жъ ево не любя и не имѣя его ни за единъ пенясъ; королъ же Гвидонъ спяше съ прекрасною Милитрисою на единой постели .ḡ. года, и прекрасная Милитриса понесе чрево и носила .ḡ. мѣсяць и родила сына и нарекоша имя ему Бова. Бова-жъ имѣя очи свѣтлы а власы желты аки шелкъ, а лице румяно аки злато; прекрасная-жъ Милитриса нача во умѣ своемъ злую мысль держати, какъ бы могла бы извѣсти мужа своего добраго короля Гвидона. И здумавъ злую мысль и призвала

к собѣ королевскаго конюшег[о] именем Личарду: Ѡ Личарда, поиди от меня во град Молгаѣнскъ к доброму королю Додону и поздравствуи ему отъ меня многолѣтіе, великое здравіе, чтоб он собрал войска своего .ѣ. тысящъ и шел бы под град нашъ Онтонъ и стал бы въ лугу в С[к]иаріне, и яз вышлю мужа своег[о] добраго короля Гвидона в луг [С]киаран для ради зверя а рку ему такъ: Понесла еси чрѣво, не вѣм сын, не вѣм тщер, и захотися ми мяса свежег[о] звериногo. И онъ да поидеть, а велю ему взятъ с собою .ѣ. отроковъ и тѣх без оружія, и он бы погубилъ мужа моего с могалцы добраго короля Гвидона, не любимъ ми бысть. И рече ей Личарда: Ѡ г[оспож]е прекрасная Милитриса, како ми холопу на государя своег[о] такая великая пакость навести? Прекрасная-ж Милитриса рече Личарде: Ѡ злодею Личарда, аще сего не сотвориши, то на тебя наведу мужу своему великую пакость, и он тебя может злои смерти предат. Личарда же ся пакости велми убоихся и взявъ грамоты запечатленны и поидоша во град Молга[н]скъ послом. И придоша во град Молга[н]скъ и подасть королю грамоты, Личарда же королю от прекрасныя Милитрисы поздравствоваше великолѣпное здравіе; корол же Додон прочтеть грамоты, велми посмѣявся и рече Личарде: Ѡ Личарда, что мя госпоже прекрасная Милитриса велми прелщает? велить мнѣ погубити мужа своег[о] добраго короля Гвидона, а уж она с королемъ Гвидоном прижила дѣтище Бову королевича, а се король Гвидон добръ воин и войско у нег[о], и яз против его стояти не могу. И рече ему Личарда: Ѡ государь мой, корол Додон, вели, государь, меня посадити в темницу и вели поят и кормит довольно, а сам поиди под град Онтон; аще слово мое не збудетца, и тогда меня злои смерти предат вели. Корол же Додон рече Личарде: Ѡ Личарда, слово твое паче меда устом моимъ. И повелѣ въ рог трубити и собра войска своег[о] .ѣ. тысящъ и поидоша под град Онтон и стаха в лугу в С[к]иаріне; и увиде его ис королевскихъ полатъ прекрасная Милитриса и придоша к мужу своему к доброму королю Гвидону: Ѡ королю Гвидоне,

понесла еси чрево, не вѣм сынъ, не вѣм тщер, и захоти ся ми мяса свежег[о]. Корол же Гвидон тотчасъ повелѣ себѣ оседлатъ ослия и всѣдъ на ослия и взялъ съ собою .ѣт. юноковъ и взялъ с собою теньята и поѣхалъ в лугъ в Сквярянъ для ради зверя. И какъ будетъ среди лугу С[к]вяряня, и увиде его королъ Додон и напустиша на нег[о] королъ Додон; королъ же Гвидонъ нача от него бежати, а самъ говоритъ таково слово: Ɱ сыну мой ̑милонъ Бова королевичъ, о чемъ ми еси не повѣдалъ злыя мысли матери своей? И самъ говорить таково слово: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, а язъ зле погибаю отъ жены своей. И достиже до него королъ Додон и удариша ево мечемъ по главе, королъ же Гвидонъ паде мертвъ на землю. И королъ Додонъ поѣхалъ ко граду Онтону. Прекрасная-жъ Милитриса увиде его исъ королевскихъ полатъ, что королъ Додонъ мужа еѣ добраго короля Гвидона с моголцы погубилъ, и повелѣ врата градныя отворити и мосты спустити, и встрече ег[о] прекрасная Милитриса во вратѣхъ градныхъ и взя его за руже и нача его любезно целовати и поведе ево въ королевскія полаты и нача съ нимъ пити и ясти и веселитися. Бова-жъ в тѣ поры младенецъ не смысляше и вниде во едину хлѣвину и сяде во яслехъ. Дядка-жъ ево Синбалда нача искати и не обретѣ ево нигде и вниде во едину хлѣвину, ажъно тутъ и виде Бову во яслехъ сидяща велики плачущася. Бова-жъ рече ему: О дятка Синбалда, поиди ко мнѣ, повеждь ми что во граде нашемъ трубе и стужение великое? Дядка-жъ Синбалда рече ему: Ɱ государь мой Бова королевичъ, прииде, государь, под нашъ градъ Онтонъ королъ Додонъ и отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона съ моголцы погубилъ, а мати твоя злая прелесница та погубила отца твоего добраго короля Гвидона и возлюбила короля Додона. Ты, государь мой Бова королевичъ, можешъ ли на конѣ сидеть и со мною бежатъ во градъ Суминъ, конимъ меня отецъ твой пожаловалъ за мою великую службу? Бова-жъ ему рече: Язъ радъ съ тобою бежатъ во градъ Суминъ. Дядка Синбалда прибравъ тое нощи .ѣт. юноковъ оруженыхъ вѣрныхъ и оседла Бове коня а собѣ другово, и поехали из града вонъ не вемъ никому. И единъ отъ нихъ переметчикъ возвратился вспятъ и побѣже ко граду Онтону и нача

вопити гласомъ великим и рече: **Ѡ** королю Додоне, твердо спиш, не вѣдаете, что сеѣ ноци выехали из града вон Бова да дятка Синбалда да .н. юноковъ вооруженных, и коли Бова будет гѣт своих во граде Сумине, и тогда тебѣ отомстит смерть отца своег[о] добраго короля Гвидона. Корол же Додон возбнув от сна своево и повелѣ в рогъ трубити и собра войска своег[о] вскоре .д. ты- сящы из града вон за Бовою и за дяткою Синбалдою. И настѣже их корол Додон; Бова-ж в тѣ поры дряхль и млад, не может на конѣ сидет и спаде с коня на землю; Синбалда же убеже во свой град Сумин и затворился. Корол же Додонъ хватиша Бову и сам возвратися во свой градъ Онтонъ. Дятка-ж Синбалда во своем граде Сумине повелѣ в рогъ трубити и собра войска своег[о] .к. тысящъ и поиде под град Онтонъ, и стаха под градом Онтоном и нача бити во градную стѣну пушки и пищальми безотступно, и тако рекъ: **Ѡ** королю Додоне, выдаи ми государя моег[о] Бову королевича; аще не выдаш государя моег[о] Бовы королевича, и яз от града Онтоня не отступлю и до своея смерти. Прекрасная-ж Милитриса рече мужу своему королю Додону: **Ѡ** королю Додоне, что то нам сиі злодеи не дадут упокоя? Корол же Додон повеле в рогъ трубити и собра войска своег[о] вскоре .м. тысящ и поиде против дятки Синбалды, дятка-ж Синбалда много с ним бився и не может против ег[о] стояти, и нача от него бежати ко граду Сумину. Корол же Додон гна за ним и до Сумина града и ста под градом Суминым и нача бити во град Сумин пушки и пи- щальми безотступно день и ношь. И в первую ему ношь явися сон велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен, а носит в руке своей щит и копіе и мечъ кладенец и прободает ему сердце и утробу. Корол же Додон возбнув от сна своего велми устрашися и призва к собѣ брата своег[о] Амбругустима и по- вѣда ему сон свой велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу весь вооружен а носит в руке своей щитъ и копіе и мечъ клас- нец и прободает мне сердце и утробу. И скоро посылает брата своег[о] Амбругустима во град Онтон к прекрасной Милитрисе и повелѣ у нее взят Бову; и за тот сон хочет ево злои смерти

предат. Амбругустим же приѣхав к прекрасной Милитрисе и поздравствовал великолѣпное здравие и повѣда ей сон королевской велики страшенъ, что ему видѣлос, кабы Бова ходит по побойщу вес вооружен а носит в руке своей щит и копье и меч кладенец и прободает ему сердце и утробу; и за тот сон хочет его злои смерти предать. И нача у ней просит Бовы. Прекрасная-ж Милитриса рече Амбругустиму: Яз за любовь государя своег[о] добраг[о] короля Додона могу сына своего Бову и сама уморит. Амбругустим же возвратився вспят х королю Додону, прекрасная-ж Милитриса посадила Бову своег[о] в темницу и не даст ему пити и ясти .ѣ. дней и .ѣ. нощей. И не в который день увиде Бова матерь свою прекрасную Милитрису по двору ходящу и возопи Бова гласом великим и рече: Ѡ госпожа мати моя прекрасная Милитриса, про што мя еси посадила в темницу и моришь гладом неповинног[о], не даеш мне пити и ясти .ѣ. дней и .ѣ. нощей? Она-ж отвеща к нему лживыми словеси: Я, свет, поминачи любов прежнюю отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона забыла во умѣ своем послати к тебѣ. И в тот час удолив змиина яду и замѣсив .г. хлѣбца и испече и з девицею послаша тѣ хлѣбцы к Бове в тѣмницу; девица-ж придоша в темницу и дастъ тѣ хлѣбцы; Бава-ж взяв тѣ хлѣбцы и хотя их ясти, прекрасная-ж девица рече Бове: Ѡ государь мой Бова королевич, не вкушай, государь, их хлѣбцовъ, аще вкушиш не можеш жив быти, потому что мати твоя месила хлѣбцы на змиину яду. И за девицею вскочили в темницу .б. выжлока, Бова-ж уломив тѣх хлѣбцов и вдасть выжлоком, выжлоки-ж яд и умре. Бова-ж виде матери своей немилосердие, велики прослезився; прекрасная-ж девица много тут плаковъ смотря на Бовино лѣпообразие и неизмѣрную красоту лица его, и поиде вон ис темницы и не затворила дверей темничных. Бова-ж выде вон ис темницы и изыде из града вон не вѣмъ никому и выде за город и нача во умѣ своем мыслити: Куды мнѣ пойти? итить мнѣ ко граду Сумину, и там попаду в руке королю Додону, и он меня злои смерти предасть. И самъ государь Бова говоритъ таково слово: Милостивый Спасъ, зри и

виждь, аще не ты наставиш на пут стопы моя, то не вем от града куды путем потещи. И поиде на луки морские и ходяше по лугам морским .г̃. дни и .г̃. нощи не вкушая от хлѣба ничег[о] же, разве коренія травнаго, и не видал от человекъ живущих развсе ѡвов. И не в который день увиде Бова корабль по морю плавуше и возопи гласом великим и рече: Ѡ гости корабленицы, возмите меня на корабль къ себѣ. Гости-ж корабленицы не слышат, что корабль далече от града пловуше, и повеле парусы спустити и послаша человекъ в плаволоке ко берегу: Поед, проведая, что нам мнитца на берегу за дѣтища будет; тако рабиченок крестьянские вѣры, и он у насъ служити, или будет татарченокъ, и мы ег[о] продадим. Человекъ же тот приѣхав ко берегу и вопрошал его: Отроча, какова еси роду и коеи земли и како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Бова-ж ему рече: Аз есмь хрестиянские вѣры, рабиченок, пономарев сынъ, а мати моя грешная жена на добрых людей платье мыла, тем ся и кормила, а имя ми бысть Бова. Человекъ же тот взяша его в плаволокъ и привезоша ег[о] на корабль; гости-ж корабленицы нача Бову учит грамоте, Бова-ж у них на карабле аки цвет цветет, лице его возсияет яко солнечная луча. Гости-ж корабленицы хотят о Бове мечи ся сѣчь. Бова-же им рече: Ѡ гости корабленицы, не чините меж себя брани, яз ваш рабиченокъ вопчеи, яз вамъ служу по розчету, единому служу от утра, а другому от обѣда до вечера а в нощи по тому же. Гости-ж корабленицы послушели Бовы, унелися от брани, Бова-ж им нача служити по прежнему своему совѣту и плавал с ними на море в карабле том .ѳ. лѣт. И приплы корабль их под нѣкии град Армен, а царствует в нем королъ Зинзовеи Андорович. И увиде королъ Зинзовеи, что под его град пришел корабль, и скоро посылает провѣдыват, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром. И послаша провѣдывать .к̃. юноков; юноки-ж приѣхали ко берегу и хотя вопрошати, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на карабле отрока велми лѣпообразна, и зря на (его) [не]измѣрную красоту лица ег[о] и смутися во умѣ своем и забы

воспрошати. И самъ говоритъ таково слово: $\hat{\Omega}$ гости корабленицы, возмите у меня за сего отрока цену. Гости-ж корабленицы рече ему: $\hat{\Omega}$ государь наш король Зинзовей Андорович, емли у нас много множество злата и сребра, а отрока нам невозможно дат, потому что рабиченок нашъ вопчеи и взяли мы его на берегу у смертного моря. Король же Зинзовей рече им: $\hat{\Omega}$ гости корабленицы, аще у меня за сег[о] отрока не возьмете цены, то из моег[о] царства и с товаром не можете живы выехать. Гости-ж корабленицы учинив меж собою совѣтъ, и здаша Бову с корабля и взяша за него .л. литръ злата; король-же Зинзовей посадиша Бову к собѣ на коня и едучи вопрошаше его: Отроча, повеждь ми како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Он же рече: Имя ми бысть Бова, пономарев сынъ, а мати моя грешная жена на добрыхъ людей белье белила, темъ ся и кормилас. Король же Зинзовей рече ему: Бова, коли еси ты такова роду, поиди-ж ты на конюшню и буди над конюхи староста, большеи конюхъ. Бова-ж поиде на конюшню. И у короля Зинзовея бысть тщер прекрасная Дружнена, и неким ухищрением увиде Бову велми лепообразна, и нарядишася в драгоценное портище и поидоша с плачем к отцу своему. И услышал король Зинзовей, что к нему грядетъ любимая ево тщер, прекрасная Дружнена, и встречаетъ еѣ король сам и говоритъ таково слово: Поиди госпоже, дочь моя милая, прекрасная Зинзовеевна. Она-ж ему рече: $\hat{\Omega}$ государь мой батюшка, король Зинзовей Андоровичъ, твоимъ государь жалованьем много у себя имѣю дѣвиць чистых, а не имѣю у себя ни единого отрока, нѣкому предо мною и перед девицами стряпоти. Пожалуй ми сего отрока, которог[о] еси купил у гостей у кораблениц и дал еси за него .л. литръ злата. Король же Зинзовей рече ей: Буди госпожа, на твоей воле. Король же Зинзовей повелѣ Бове ходити к прекрасной Дружнене в полату; и в первый день прекрасная Дружнена послаше по Бову дѣвицу на конюшню, Бова-ж поиде в полату къ прекрасной Дружнене, полата-ж от лица его просветися; прекрасная-ж Дружнена не могла въ мѣсте усидѣтъ и з девицами и сама говоритъ таково слово:

Бова, стряпоти ты передо мною и перед девицами. Бова-ж нача стряпоти перед прекрасною Дружною и перед девицами; прекрасная-ж Дружна зря на Бавино лѣпообразие, велики усумнився и сама уронила ножик под стол и рече: Бова, подаи ножик си. Бова-ж наклонився под стол по ножикъ, прекрасная-ж Дружна наклонилас под стол же и ухватила Бова за горло и начаша ег[о] целовати. Бова-ж у неѣ урвался и сам говорит таково слово: Ѡ госпоже прекрасная Дружна, не подобает тебѣ против холопа вставати и холопа целовати. И в тѣ поры было у прекрасныя Дружны болши трехсот дѣвиць, и всякая девица у себя у рукъ палцы переобкутали зря на Бавино лѣпообразие и неизмерную красоту лица его, прекрасная-ж Дружна посадиша Бову за стол и нача пред ним сама стряпоти и перед девицами. Бова-ж яд и пив и поиде вон ис полаты на конюшню, ажно конюхи съѣхали в поле по траву; Бова-ж себѣ оседлал коня и поехал въ поле по траву-ж, ажно конюхи и ево урокъ травы везуть, Бова-ж едучи выбрал из травы различныхъ цветов и сплел себѣ венокъ и положил на главу свою. Прекрасная-ж Дружна послаше по Бову дѣвицу на конюшню; Бова-ж приде в полату, прекрасная-ж Дружна рече Бове: Бова, дай ми венокъ с своей главы на мою главу. Бова-ж ей рече: Ѡ госпожа прекрасная Дружна, не подобает мнѣ дат с своей главы на твою главу, потому что же мне имат от Бога грѣх велик. Прекрасная-ж Дружна рече Бове: Ѡ Бова, аще ми не даш венца с своей главы на мою главу, то яз наведу на тебя отцу своему великую пакость, и он тебя можетъ злои смерти предат. Бова-жъ шибѣ венокъ на землю, прекрасная-ж Дружна воста от мѣста своего и взя венокъ, никако-ж на Бову сердца не имѣет. Бова-ж побѣже вон ис полаты и шибѣ дверми полаты тоя, полата-ж оттово потрясес[я], и упаде камен полаты тои и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружна нача рану Бове сама лечит. И в тѣ поры приде под град Армен ис помор[ь]я корол Маркобрун а с ним воиска своего двести тысящъ, и скоро посылает х королю

Зинзовею посланные титла: чтоб корол Зинзовей дал за меня тцѣр свою прекрасную Дружену; аще не дашь тцѣри своей, царство твое все поплению, а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружену во свою волю возму. Корол же Зинзовей слышав тѣ посланные титлы и прочитавъ самъ грамоты, и не может против его стояти. И нарече его корол Зинзовей короля Маркобруна себѣ зятемъ и зва его к себѣ хлѣба есть и войску ево повелѣ по слободам стати. И после стола поѣхал корол Маркобрун з дворяны своими на поле тешитца; и приде Бова от конюшни своей х королю Зинзовею: **Ѡ** государь мой корол Зинзовей Андорович, отпусти, государь, меня холопа своего посмотри какъ ся тешит корол Маркобрун з дворяны своими. Корол же Зинзовей повелѣ Бове ехать на поле; Бова-ж себѣ оседлал своего доброго коня надежнаго и поехал в поле смотрит, какъ ся тешит корол Маркобрун з дворяны. И напустиша на Бову по два и по три, Бова-ж их мечет с коней, что снопов. Прекрасная-ж Друженена все зрит на Бовину храбрость; и напустиша на Бову по .к. и по .л., Бова-ж их всѣх мечет с коней что снопов. Корол-же Маркобрун велми возрявися и повелѣ Бову убити на смерть и сам на него напустил, Бова-жъ и самого короля скинул с коня. Прекрасная-ж Друженена виде Бову велми истомна и повелѣ в рогъ трубити, чтоб ся войско унелос ото рванья конского. И в тѣ поры войско унелос ото рванья конского, Бова-ж приѣхал на конюшню и нача спати по .г. дни и по .г. ноци не просыпаяся. И в тѣ поры приде из Задония града царь Сагтан Сагтанович да с ним сынъ его Лукапер, а войска с ними .р. тысяць. Лукапер же славный богатыр вышину имѣя .г.-хъ сажен, промеж очима пяд, и скоро посылает х королю Зинзовею посланные титлы: чтоб корол Зинзовей дал тцѣр свою прекрасную Дружену за моего сына Лукапера; аще не дашь тцѣр свою, то царство твое все поплению а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружену во свою волю возму. Корол же Зинзовей, слышав тѣ посланные титлы и прочитав самъ грамоты, и призва к себѣ нареченного зятя своего короля Маркобруна и рече ему: **Ѡ** королю

Маркобруне! у тебя есть войска своего . \bar{r} . тысящъ, а у меня столько же, и сложимся обое вмѣсте и будет войска нашего . \bar{z} . тысящъ и поидемъ противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Корол же Маркобрун рече королю Зинзовею: Слово твое паче меда устом моим. И повелѣ в рогъ трубити и собра войска своего . \bar{z} . тысящъ и поидоша противъ царя Салтана и сына его Лукапера; Лукапер же не допущая до царскихъ знаменей войско их все побил и короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих в полон полонил. Бова-жъ послышав за градом зукъ и топот конской приде к прекрасной Дружнени и рече ей: $\hat{\omega}$ госпожа прекрасная Дружнена, что есть за градом нашимъ зукъ велик и топот конской? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Тогднес приде из Задония града царь Салтан Салтанович да сынъ ево Лукаперъ, а войска с ними . \bar{r} . тысящъ, отца моего короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих полонил и войско наше все побил. Бова-ж рече: $\hat{\omega}$ госпожа прекрасная Дружнена, аз еду на помощь отцу твоему и королю Маркобруну. Прекрасная Дружевна рече Бове: Господине Бова, не ѣзди на бои, отбѣи силу от града проч, а сами затворимся во граде своем: уже тебѣ батюшкове смерти, королю Зинзовею и королю Маркобруну не пособит; и меня возми женою себѣ и буди батюшкове душе поминокъ а царству его здержател. Бова-ж рече-ей: $\hat{\omega}$ госпоже прекрасная Дружнена, что же ми будетъ? Никако Бовы не может уняти и сама говорит таково слово: Господине Бова, не ускори ехати по помедли, аз тебѣ дам мечъ кладенец, от того-ж меча не может никакое желѣзо стоять; аз тебѣ дам колчюгу добраго короля Молганского, тое-ж колчюги не может никакое железо пробить. Прекрасная-ж Дружнена принесе Бове меч кладенец и щит и копье; и садитца на кон Бова в стремя не вступая, и в тѣ поры тут прекрасная Дружнена сама Бове в стремяна кладет ноги и говорит такъ: Господине Бова, уже ты едеш на смертное дѣло, любо ми с тобою судит Богъ видетца, любо и нѣтъ; повеждь ми какова еси отца сынъ? Бова-ж ей рече: $\hat{\omega}$ госпожа прекрасная Дружнена, аз есмь от града Онтоня, сынъ добраго короля

Гвидона и матери госпожи Милитрисы. Прекрасная-ж Дружнена виде Бовино отчество, велики прослезися; и в тѣ поры тут прилучися кралевской дворецкой короля Маркобруна и говорить такъ: Ѡ госпожа прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ холопа на кон сажати и на ратное дѣло отпущати. Бова-ж ево ударилъ мечем тупым концом, дворецкой же паде аки мертвъ на землю и лежа .г. дни и три нощи без языка. Бова-ж поехал вонъ из града против царя Салтана и сына его Лукапера. И с[ъ]езжаютца .б. богатыря, Бова и Лукапер; прекрасная-ж Дружнена все зрит, как съѣжаюца .б. богатыря, Бова и Лукапер. Бова-ж ему рече: Господине Лукапере, ты надеежся на силу и на величество, а яз надеюся на Спаса и на Пречистую и на небесные силы. Лукапер же ему рече: Бова, ты ли хочеш град Армен отстояти и прекрасную Дружнену? со мною-ж никто не может стояти от челоувѣкъ. Бова-ж рече ему: Господине Лукапере, помяни пророка Давида. Глаголаша и оба сразипаша вмѣсто; Бова-ж ево ударилъ мечемъ по главе и разсече ему главу надвое, Лукапер же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по войску его аки по глѣсу; уж у Бовы в трупѣ челоувѣчском кон не скочит а вес въ крови ходит и добиваетца до царских знаменей. И един богатырь Кухаз имянем много з Бовою бишася и не может против его стояти и нача от нег[о] бежати, а на немъ бысть .д. раны мечевых да .е. ран коушних, и прибѣже в шатры и повѣда царю Салтану: что выехал из града витяз имянем Бова, сына твоего Лукапера убил и войско твое все побил. Царь же Салтан побѣже по морю в карабле а с ним бысть войска .н. челоувѣкъ; Бова-ж приехал к шатру, ажно корол Зинзовей лежит связан, и он ево развезал и посадил ево на кон; и поехал Бова к другому шатру, ажно корол Маркобрун лежит связан же, и онъ ево развезал и посадил ево на кон, и поехали ко граду Арменю и едучи говорит в слух таково слово: Нѣкки господин купил собѣ холопа и дал за нег[о] .л. лятръ злата, а ныне ему холопъ такову службу сслужил, избавил его от смерти; и ныне бы ево государь пожаловал, свободилъ на свою волю. Корол же Зинзовей рече ему: Еще тот хо-

лопъ не вѣдает, чем его государь хочет пожаловат. И приехали во град Армен, и встрѣчает ево короля Зинзовея доч ево прекрасная Дружна: Ѡ государь мой батюшка, корол Зинзовей Андорович, не давай, государь, меня за короля Маркобруна, и дай меня за Бову королевича, вет он отца сынъ добраг[о] короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Онтоня. Корол же Зинзовей рече ей: О госпожа доч моя прекрасная Дружна, буди на твоей воле. Бова-ж приѣхал на конюшню, нача спати по .г. дни и по .г. ноци не просыпаяся; и в те поры приде королевской дворетцкой короля Маркобруна на конюшню, которог[о] Бова ушиб мечем тупым концом, а с нимъ бысть .к. юнокъ, и хотят Бову сонново мечем посечи. Бова-ж разметався спит, аки младенец; дворетцкой же наднесе на нег[о] меч и хотя его посеч, и обратися меч на его шею; дворетцкой-ж и до трижды подымал меч, и не может Бове никакие пакости сотворити. И поидоша вонъ ис конюшни и сами говорят такъ промеж себя: Не похвала нам будет такова славнаго и силнаго богатыря сонново убит, а сево и меч не сечет. И мы над ним сотворим иную пакость: есть у короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлоп, приличен х королевскому зраку; и какъ Арлопъ поидет по королевскому двору, и многне дворяня покланяютца ему, чаючи его короля Зинзовея; и мы сотворим с нимъ совѣт и положим его на королевскомъ одрѣ и пошлем Бову в Задон град к царю Салтану, и он ему отомстит смерть сына своего Лукапера. И в тот час сотвориша со Орлопом совет и положиша ег[о] на королевскомъ одрѣ и писаша грамоты, а в грамоте писали такъ: От короля Зинзовея Арменсково в Задон град к царю Салтану. Приехал, господине, службы не размогъся, а твоег[о] супостата Бову головою х тебѣ послал, и ты ему отомсти смерть сына своего Лукапера, и не моги ево жива пустити. И написаша грамоты и запечаташа королевскими печатми и положиша у Орлопа в головах и поставиша у него многне свечи вожженны, и повеле Орлопу обратитися к стене лицом, чтоб его Бова не опознал, и сами говорят так: как Бова Орлопа познает, и может нас всѣх злои

смерти предати. И в тот часъ послаша по Бову на конюшню. Бова-ж приде в полату и поклонися Урлопу до земля, чаючи его королем Зинзовеем; и рече ему Урлопъ: Бова, поиди от меня в Задон град к царю Салтану и вдай ему грамоты. Бова-ж взяв грамоты и поиде на конюшню и оседлал себѣ добраго коня надежнаго [о] и взя свои меч кладенец и поехаша из града вон, не явяс госпоже своей прекрасной Дружнине. Корол же Зинзовей искаша Бовы и не обрете ег[о] нигде и начаелся, что от нег[о] Бова от[ъ]ехал; прекрасная Дружнена мног[о] тут плаков по Бове, корол же Маркобрун нача прошати у короля Зинзовея за себя прекрасныя Дружнены. И корол же Зинзовей отдал тщер свою прекрасную Дружнену, и прекрасная Дружнена не хотя иттит за нег[о] и уверилас с ним, что год ждати, не женитися на прекрасной Дружнине; и поехала с ним в поморе в землю его. А Бова-ж ехал .ѣ. дни и .ѣ. нощен не вкушая хлѣба ничего же, и приехал под дубъ, ажно под дубом сидит старец пилигрим, вкушает укругу сядя. И рече ему Бова: Ѡ старче пилигриме, дай ми сея укруги вкусит. Старец же, приполнивъ полон сосуд спяцаг[о] зеляя, Бова-ж выпив вес и заспе твердо; и взя у Бовы старец пилигримъ златую свиту и меч кладенец и добраг[о] коня, а ему покинул худую свою раздранную старческую ризу, и кон Бовин у старца урвался и прибѣже кон к прекрасной Дружнине в поморе со всею збруею его. Прекрасная-ж Дружнена опознала, что кон Бовин, и нача велми плакати по Бове. А Бова спал .г. дни и .г. нощи не просыпаяся; и воста от сна своег[о] и не обрете своег[о] доброг[о] коня и златыи свиты и меча кладенца, и воздеже на себя худую старческую раздранную ризу, и сам Бова говорит так: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, уже меня калагир избиди; и какъ ми появитца к царю Салтану? и велит меня повѣсит, и мнѣ нечем поборонитца от царскихъ юноков. И сам Бова говорит так: Хотя яз положу в клубукъ камен и тѣм ся яз от них поборонюс. И прославиша Бога, и поиде путем своим, и приде в Задон град к царю Салтану, ажно царь стоит у мши и у обедни. И приде к нему Бова и вдасть ему грамоты; царь же Салтан про-

чет грамоты и тако рече: Ū злодею Бова, мало ты перед собою могу видѣти. И повелѣ Бову повѣсити; и взяша Бову .л. юноков, Бова-ж сняв з главы клубукъ и положил в него камен, и всѣх тѣхъ он тут побил. Царь же Салтан велми возрявсья и повелѣ приступат .т. юноков, и взяша Бову с великою силою и поведоша ег[о] на виселицу. И у царя Салтана бысть тцдер прекрасная Малгирия; и увиде Бову велми лѣпообразна и придоша к отцу своему: Ū государь мой батюшка, царь Салтан Салтановичь, не вели, государь, Бовы повѣсит, но дай мне ег[о] на волю, и яз ево превращу от крестьянские вѣры в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета; уж тебѣ Лукаперове смерти не пособит, и дай меня за нег[о]: вет он отца сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Оптона. Царь же Салтан рече: Буди, госпоже, на твоеи воле. Прекрасная-ж Малгирия прибѣже на седалище, ажно Бову хотят повѣсит. Прекрасная-ж Малгирия взяше его к себѣ в полату и нача его превращати и не может его превратит. Царь же Салтан приде к ней и рече: Ū госпожа доч моя Малгирия, ужли еси превратила? Она-ж ему рече: Еще, государь, не превратила. Царь же Салтан посадиша Бову в темницу, прекрасная-ж Малгирия нача Бове сама носити пити и ясти и превращает его от крестьянские вѣры и не может превратит. Бова-ж в темнице заспе мало и воста от сна своег[о] и бысть печален велми, и нача ходит по тѣмнице и молитися Богу: Милостивый Спасъ, избави мя от смерти сеи. И приде Бова в угол, ажно в углу просветивсья мало. И приде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, кабы от многих лѣт положен тут. Бова-ж взяв в руде свои и прославиша Бога: Милостивъ Спасъ, благодарю тя Бога моег[о], уж мне есть чем попротивитца от царских юноков. Прекрасная-ж Малгирия приде к Бове в темницу и нача его превращати: Господине Бова, не изнури красоты лица своего в такове младе юности, но отверзися вѣры крестьянские и вѣруи в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета, а меня возми женою себѣ, и буди батюшкове душе поминок а царству ег[о] здержател. Бова-ж рече еи: Ū гос-

поже прекрасная Малгиря, что яз Богу своему нарекуся, како ми отверхтися от крестьянские вѣры и вѣроват в вашу вѣру в латынскую и в вашей[о] Бога Бахмѣта? И сам ея хотя мечем посеши; прекрасная-ж Малгиря одва у него уклонила. И приде к отцу своему и повѣда ему: Не могла, государь, превратит Бовы. Царь же Салтан повелѣ Бову повѣсит; и придоша по Бову в темницу .т. юноков, Бова-ж тѣх всѣх побил, и подмостяс мертвыми людьми и выде вон ис темницы, и приде на царев двор. Салтан виде Бову по двору ходящу, и возопи царь Салтан глазом великим, повелѣ Бову убити на смерть, Бова-ж тут многих витязей побил и побеже на луки морские. Царь же Салтан повелѣ в рог трубити и собра войска своего .р. тысящъ и рече им: **Ѡ** витязи мои и юноки, уиде у меня ис темницы мои супостат Бова, найдите ег[о] и поймайте его, и могу Бову повѣсити. И у царя-ж Салтана бысть .в. брата родные, богатыри Ахан да Онбан. И рече царю Салтану: Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .в. нас. И взя с собою войска по .н. тысящъ, Онбан пошел на юсть моря, а Оханъ пошел на луки морские; и тут наехал Охан Бову на луках морских и напустиша на Бову. Бова-ж разбежеся к Охану и скокѣнул к нему на конь и ударил его мечем по главе и рассече ему главу на двое, Ахан же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по войску ег[о] аки по лѣсу и войско его все побил и ни единого[о] жива не отпустил. И приде другой брат с устья моря і виде брата своего[о] побитого со всем войском, а Бовы нигде не обрете и нача мыслити во умѣ своем: Поехат мне к царю Салтану, и он меня может злои смерти предат, а поехали мы .в. насъ на похвале, что было нам Бову привести на жезле; ино яз умру от Бовина плеча богатырсково, ино мне будет честнее. И напустиша на Бову и тот брат, Бова-ж и тог[о] побил со всем войском, ни единого[о] жива не отпустил. Бова-ж увиде по морю корабль плывуще з гостями; Бова-ж воспросил сетчи на корабль и поиде по морю; и в тѣ поры приде царь Салтан и виде своих братьев обоих славных богатырей побитых со всем войском, а Бовы тут не обрете. И увиде царь Салтан Бову на корабле плывуще з гостями

и возопи гласом великим и рече: **Ѡ** гости корабленицы, зданте Бову с корабля. Гости-ж корабленицы не смѣют здат Бовы; царь же Салтан рече им: **Ѡ** гости корабленицы, яз вам за то повелѣваю во своих градех торгавати безданно и безошплинно. Гости-ж сотвориша меж собою совет и хотя Бову сонново здат с корабля; Бова-ж послышав и побил гостей всѣх, на корабле том остался один. Бова-ж наехал рыбалова, рыбу ловит, и воспроша его: Брате рыболов, которого еси царства? Он же ему рече: Аз есмь ис поморя короля Маркобруна. Бова-ж ему рече: Господине рыболов, еще ли жива прекрасная Дружнена? Он же ему рече: Еще, господине, жива. Бова-ж ему рече: Ужли на ней женился корол Маркобрун?—Еще, господине, не женился корол, потому что его госпоже прекрасная Дружнена уверилас такову заповед, что с нею не совокупитца до году, а все она ждет к себѣ друга своего милово Бову королевича; а уж та пора идет блиско, что женитися имат корол Маркобрун на прекрасной Дружнене. Бова-ж рече ему: Господине рыболов, уже колко нѣт Бовы? Рыболов же ему рече: Уже нѣт Бовы год и три мѣсяца. Бова же ему рече: Господине рыболов, возми у меня много множество злата и сребра и доведи меня до Маркобруна короля. Рыболов же у него взяша злата и сребра и жемчюгу пол лотки, Бова-ж сяде к нему в лотку, а корабль собѣ пошол; и восташа на море волнование великое и разбиша лотку, злато и сребро все потопѣ и жемчюг, и рыболов потонул и Бовин мечь кладенец, а Бова-ж выплыл на берегъ и поиде пеш путем своим. И приде Бова под дуб, ажно под дубом сидит старец пилигрим, кои у Бовы увел его добраг[о] коня и меч кладенец и златую свиту. Бова-ж его нача мучити и подня ризы его, ажно под ризою у нег[о] мечь кладенец; Бова-ж его нача зле мучити, старец же пилигрим повинився Бове: Господине Бова, не моги меня замучити, яз тебѣ дамъ свое зелие, единым умоешя и ты будешъ аки угол чернѣ, а другим умоешъся зелиемъ, и ты аки цвет процветеш а лице твое просияет аки солнечная луча. Бова-ж облегчиша старцу і взяше у него двое зелие и потеряся черным зелием, и бысть аки угол чернѣ, и в тѣ поры потеряся белым зелием,

и бысть аки цвет процвел. И взя Бова свои меч кладенец и поиде в поморе х королю Маркобруну. И приде во град и тут стоят .г. юноши, иже бяше при единой стране, Бова-ж приде к ним пилигримом и рече им: Дайте ми про Бога, про Христа и для вашег[о] витязя Бовы королевича милостину. И един выверниас удари его по лицу: **Ѡ** старче пилигриме, ты сеи заповеди у нас не вѣдаеш! Здес заповед такова: хто про Бову помянет, тот имат повешен бысть. Бова-ж ему поклонився и поиде на королевской двор и приде на поварню и рече Бова поворам королевским: Дайте ми для Бога и для вашег[о] витязя Бовы королевича милостину. И един повар выхвата головню горящую и удариша ег[о] по главе и опалиша ему голову; старец же пилигрим взя его за ногу и удариша ег[о] о стену. И восташа на нег[о] многие повары, он же и тѣх поворов всѣх побил. И приде тут королевской дворецкой, коего Бова ушиб мечем тупым концомъ: **Ѡ** старче пилигриме, про что еси побил поворов королевскихъ? Он же ему рече: Яз, господине, у них попрошал для Бога и для Христа и для витязя Бовы королевича милостины, и оне меня опалили всего, и яз от них побороился. Дворецкой же рече ему: **Ѡ** старче пилигриме, поиди под комору, там сидит прекрасная Дружнена, она тебѣ дастъ для Бовы милостину; он же ему поклонився до земля и поиде под комору и возопи гласом великим и рече: **Ѡ** госпоже прекрасная Дружнена, дай ми для Бога, для Христа и для витязя Бовы королевича милостину. Прекрасная-ж Дружнена высунулас по плеча в окно и рече: Поиди старче пилигриме ко мнѣ в комору. Бова-ж приде к ней; и рече ему прекрасная Дружнена: **Ѡ** старче пилигриме, где еси про Бову слышал, или где его видал, что для его просиш? Он же рече ей: Какъ мне его не знати? яз з Бовою у царя Салтана сидѣл в одной темнице. Прекрасная-ж Дружнена нача плакоти; и приде в полату корол Маркобрун и рече: **Ѡ** госпожа прекрасная Дружнена, что си за старецъ? с нимъ глаголеш а сама все плачеш? Она-ж ему рече ложными словесы: То, господине, старец от отца моег[о], повѣдает

ми, что мат моя умерла. Корол же Маркобрун рече еи: Вели, госпоже, ему дат поестъ. И сам поиде вон ис полаты. И в тѣ поры нача кон велми ржати, и кои тут звездочетцы сами говорят промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышит кон государя своего Бову королевича. Прекрасная-ж Дружна нача велми плакати, Бова-ж у нее вопрошал: *Ů* госпоже прекрасная Дружна, чей то кон ржет велми? Она-ж ему рече: То, господине, кон друга моего любимаг[о] Бовы королевича, а держу яз коня тог[о] для того, любо государя своего Бову заслышу и яз на нем до него доеду, или он ко мне приедет и мы от короля Маркобруна на нем увидем; а по ся мѣста все яз сама его и пою и кормлю, а уже он побил болши .*ѣ*^х. юноков. Бова-ж рече еи: Яз вамъ коня сего излечу, что на нем станет сидет .*ѣ*^х. лѣт дѣтище. И приде в полату корол Маркобрун и рече: Пойди, старче, вон ис полаты. Прекрасная-ж Дружна рече ему: *Ů* королю Маркобруне, ещо хочет старец нашего коня излечит, что на нем учнет ездит .*ѣ*^х. лѣт дѣтище. Корол же Маркобрун рече: Добро, госпожа прекрасная Дружна. Бова-ж поиде х конюшне и взяв короля за руку, а прекрасную Дружену за другую, и поиде х конюшне; кон же Бовин нача велми ржат, корол же Маркобрун трепетен бысть ото ржания консково и не возможе итит и возвратися вспят, прекрасная-ж Дружна поиде з Бовою на конюшню. Бова-ж приде на конюшню и отворил двери конюшни тоя; кон же Бовин был привязан на .*ѡ*^ѡ-ти чепях и то все оборвал и скокнул Бове на горло а пережние копыта положил ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а токобъ кон имел у себя язык и он такъ рек: Откуды еси пришол и гдѣ еси был? Прекрасная-ж Дружна рече Бове: Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашег[о] прелстиг? Бова-ж рече еи: Госпоже прекрасная Дружна, для тог[о] меня кон скоро опознал, занеже еси сам Бова. Прекрасная-ж Дружна скоро уѣмнився и рече ему: Коли еси ты Бова, покажи мнѣ меч кладенец, коим яз тебя опоясала. Бова-ж подняв ризы своя и показал меч. Прекрасная-ж Дружна рече ему: Господине старче пилигриме, то еси з Бовою

сидѣл в одной темнице у царя Салтана и ты еси у Бовы меч украл. И рече ему: Господине, покажи мнѣ язву, кою яз у тебя сама лечила. Бова-ж подняв клябукъ з главы своея и показал ей язву. Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Господине Бова, гдѣ еси ты узнурил красоту лица своег[о]? Бова-ж скоро потерял бѣлым зелиемъ и бысть аки цвет процвел, лице ег[о] просияло аки солнечная луча; прекрасная-ж Дружнена рече ему: ⁰ государь мой милон Бова королевич, откуда еси аки солныце возсияло ко мнѣ? И нача ег[о] любезно целоват и рече ему: Здѣ-ли хотим быт или проч ехат? Бова-ж рече ей: Поедем, госпоже, проч.—Добро, господине, седлай себѣ коня а мнѣ другою, а яз к тебѣ твое оружие тот часъ к тебѣ сошлю з девицею. И приде прекрасная Дружнена х королю Маркобруну, корол же Маркобрун рече ей: Жив ли, госпоже, нашъ старец? Она-ж ему рече: Жив, господине, нашъ старец, ходит блиско коня нашег[о] а кон ево познавает. И хочю к нему послат постелку. И въ тот часъ шед завертеша в постелю щит и колчюгу и послаше з девицею к Бове в конюшню, а сама поиде х королю Маркобруну и принесе к нему кубокъ забвенного вина: Испей, господине, за любов нашу. Корол же рече: Испей, госпожа, ты за любов. Она-ж испив мало и поднесе ему; он же испив все и заспе твердо. Прекрасная-ж Дружнена поиде к Бове в конюшню и приде к нему, Бова-ж ходит весь вооружен а носит в руде своей щит и коп[ь]е и мечкладенец. И сяде Бова на кон а прекрасная Дружнена на другою и поехали вон из града не вем никому и переехали болши .,р̄. верстъ и доехали нѣкоего кладезя, и тут Бова учал шатер ставити и почив держати, и тут Бова с прекрасною совокупилсѣ трижды, и с тое поры прекрасная Дружнена понесе чрево. И воста от сна своего и поехаша путем своим, и рече Бове прекрасная Дружнена: Господине Бова, будет за нами погоня от короля Маркобруна: есть у него наспех именем Полкан, сидит в погребѣ, славный богатыр, от пояса до главу челоуѣкъ, а от пояса к ногам пес, и та ему .,р̄. верстъ за .г̄. верстъ он может добыт. И воста корол Маркобрун от сна своег[о], не обрете своей госпожи прекрасные Дружнены

и повеле в рог трубити и собра войска своего .,І. тысячь и рече им: Ѡ витязи мои и юноки, приде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня госпожу прекрасную Дружнену, подите и поймайте их, и могу Бову повѣсит а прекрасную Дружнену рострелят. И рече ему витязи и юноки: Ѡ государь нашъ корол Маркобрун, уже Бова сси ноци переехал болши .,р. версть и нам его не сугнати, войско идет опочиваяся на ден по .н. версть; ино есть у тебя наспех именовем Полкан, сидит в погребѣ, и та ему .,р. версть за .І. версть, он тебѣ может добыт Бову и Дружнену. Маркобрун послаше по Полкана; Полкан же приде х королю Маркобруну, рече ему: Господине Полкане, приде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня прекрасную Дружнену, поиди и поймаи их, и могу Бову повесит, а прекрасную Дружнену рострелят. Полкан же рече ему: Яз тобѣ добуду их Бову и Дружнену. И побеже Полкан за ними; Бова-ж и Дружнена зрит, ажно Полкан бежит пеш, что конем же, Бова-ж уготовя меч свои и хотя ег[о] мечем посеци и пореше мимо, и шибе меч его по черен в землю, Полкан же выломив дубину ис корени и удариша Бову, Бова-ж бысть дряхль; Полкан же и вторицею шибе о него, Бова-ж паде на землю, Полкан же сяде на кон Бовин, кон же нача ег[о] мыкат по лесу и по деревью и по пустому лѣсу, слыша не государя своего[о] на себе, и нача кон тертися и валятися и одрал на Полкане всю кожу его. И побеже кон с ним мимо Дружненина шатра, и рече ему прекрасная Дружнена: Господине Полкане, не чините меж собою з Бовою бою и побратайтеся, ино вас богатырен славнее и сильнее и на свету не будет. Полкан же рече ей: Ѡ госпоже прекрасная Дружнена, яз рад з Бовою братство восприят. Кон же Бовин стал кротко, Полкан же приехал к Бове и слезе с коня и з Бовою братство восприят и меж себя уверишася. Бова-ж всед на кон а прекрасная Дружнена на другой и поехали путем своим, а Полкан за ними побеже пеш, что конем же. И приехали под некии град Костел, а царствует в нем царь Урил. И послышав царь Урил гѣх дву витязей славных богатырен и град Костел о них запер. Полкан же розбежеся и скочил через стену градную

и отпер врата градные, Бова-ж не поехал во град и стал под градом. Царь же Урил повеле в рог трубити и собра войска своего .ѣі. тысящъ и взя дву сынов своих и встрече Бову королевича; Бова-ж приде во град и в палаты царские и нача пити и ясти и веселитись. И в тѣ поры приде под град Костел корол Маркобрун, а войска с ним .ѣі. тысящъ, и облегал войском своим круг града. Царь же Урил поиде з детми своими и с войском своим против короля Маркобруна, корол же Маркобрун войско у царя Урила побил и его в полон полонил и з детми ег[о]. Царь же Урил рече королю Маркобруну: Господине королю Маркобруне, отпусти меня во град свой, а возми у меня в закладе .ѣв. сынов моих, яз тебѣ здам з города сонных Бову и Полкана и Дружнену. Корол же Маркобрун рече ему: Господине царю Уриле, слово твое паче меду устом моим; и отпустил его во град и рече ему: Зда-ж Бову и Полкана и Дружнену, яз тебѣ из своег[о] царства стану давати дан и оброки. Царь же Урил приде во град к своей царице и лег с нею спати во своей ложнице в полате, а корол же Маркобрун отпустил с царем Урилом выборных витязей .ѣв., кому имат Бову и Полкана и Дружнену. И леже царь Урил с своею царицею и говорит ей: Госпоже царица, яз у короля Маркобруна оставил в закладе дву сынов своихъ в том, что мнѣ себѣ ноци здат з города Бову и Полкана и прекрасную Дружнену. А Полкан же то все слышит, что про них царь Урил говорит. Царица-ж рече: Господине царю Уриле, невозможно тебѣ здати з города таких славных и силных богатырей. Царь же Урил удариша царицу свою по лицу, Полкан же скочив в полату и ухватил его за бороду и шибѣ его о середу, царь же бысть мертвъ. Полкан же посмотрив на царев двор, ажно полон двор войска; Полкан же взяв Бовин меч и выскочил вон и всѣх тут побил и град Костѣл до утра запер. Бова-ж воста от сна своег[о], и приде к нему Полкан и поведи ему все по ряду, и Бова нача его любезно целовати, что о нем Полканъ велми радеет. И тако Бова вооружися итти против короля Маркобруна, да Полкан с ним. Корол же Маркобрун нача с ним битис и не может против их стояти, и

нача от них бежати. Бова-ж и Полкан, отбив у короля Маркобруна .ѡ. сынов царя Урила, и приведоша их во град и повелѣ им царствовати в отчине отца их, Бова-ж и Полкан поиде вон из града. Бова-ж всяде на кон, а прекрасная Дружнена на другой, а Полкан за ними побеже пеш что конем же. И доехаша Бова нѣкоего луга и тут Бова поставил шатер, а Полкану другой. И тут Бове прекрасная Дружнена родила два сына. Бова-ж поехал на пицу зверей добывать и заблудився, прекрасная-ж Дружнена вышла за шатер, ажно бежат на нее два лва; прекрасная-ж Дружнена возопи гласом великим: Господине Полкане, бежат на меня .ѡ. лва. Полкан-же ухватя Бовин меч и выскочил за шатер и ударил мечем лва, лев же бысть мертвъ. И напусти на Полкана другой лев, Полкан же хотя и тово мячем посети, и оба сразишася виѣсто, лев Полкану прорва шрев, а Полкан его мечем розсѣче, и бысть оба мертвы, Полкан и лев. Прекрасная-ж Дружневна много тут ждав Бовы начаелась, что звери съѣли, и взяв дѣтище на руку, а другое на другую и поидоша з горкими слезами пеша путем своим и заблудилас. Бова-ж приблудился к шатру и виде брата своего названого мертва да два лва, а прекрасные Дружнены нигдѣ не обрете и дѣтищ своих, и начаелся что их лвы съели, и взя свои меч кладенец, и много тут плакав Бова о прекрасной Дружнене и поехал путем своим и наехал в поле витязя велми возрачна. Бова-ж вопрошал его: Кто еси ты, откуда и коег[о] града и како ти есть имя? Он-же ему рече: Яз езжу из Сумина града от дятки Синбалды, а имя ми бысть Личарда, послан есми провѣдыват по многим городам и по многим ордам про Бову королевича. Бова-ж рече ему: Да слышал-лы еси гдѣ, господине, про него? Личарда же рече: Лише, господине, слышал про него, что де его в Задоне царь Салтан убил. Бова-ж ему рече: Господине Личарда, принимает ли государь твой к собѣ во двор служит? Личарда же ему рече: Приимает, господине. Бова-ж поехал с ним к городу Сумину, и приехали во град. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: Ѡ Личарда, обрел ли еси гдѣ Бову королевича? Личарда же ему рече: Исках, господине, и не обретох

его, лише, господине, слышел про него, что его в Задоне граде убиа царь Салтан. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: Ѡ Личарда, хто с тобою приехал, что за витяз велими возрачен? Он же ему рече: То, господине, витяз приехал к тебѣ служит. Синбалда же рече Бове: Кто еси ты, откуда? Он же ему рече: Яз есмь ис Празни града; было нас .Ѡ. тысяч, идох по морю, и разбися нашъ корабль, злато и серебро все потопе, а яз есмь един остахся и ишу себѣ ласковог[о] государя благоприятна. Дятка-ж Синбалда принял Бову к собѣ во двор служит и посадил Бову за столом выше Личарды. Личарда же бысть Бове грубител и досадител: Личарда же его привел, а дятка Синбалда выше его Бову посадил. И рече Личарда дятке Синбалде: Яз рад с новым слугою о мѣсте своем на поле дратца. Бова-ж рече дятке Синбалде: Яз с ним рад дратца. И поехали оба на поле; дятка-ж Синбалда отпустил за ними сына своего Тереза смотрит как ся учнут дратца и с конен рватца. И как будут на поле, Бова-ж охавив Личарду за горло и ударил его о землю и рече ему: О злодею Личарда, грубител и досадител отца моегог[о] доброго короля Гвидона, почто еси ходил во град Молганскъ х королю Додону, наводил еси на отца моего великие пакости? ныне же отмещаю смерть отца своего доброго короля Гвидона! И отсеке ему главу. И поехал Бова во град Сумин к дятке Синбалде и потеряся бѣлым зелием и бысть аки цвет процвел. Дятка-ж Синбалда Бову опознал подлинно и рече ему: Ѡ государь мой, Бова королевич, гдѣ еси был, откуда еси ко мнѣ пришол? яз тебѣ, государю, холоп старинной, возми к себе меня въ холопи и сына моегог[о] Тереза. Бова-ж рече Синбалде: Пойдем до вотчины отца моего доброго короля Гвидона под град Онтон. Дятка-ж Синбалда повеле в рог трубити и собра войска своегог[о] .Ѡ. тысяч и поидоша под град Онтон и нача бити во градную стену пушки и пищальми безотступно. И тако рече Бова: Грубител и досадител отца моегог[о] доброго короля Гвидона, выди из вотчины отца моегог[о] из града Онтон вон; аще не выдеш из вотчины нашей, и яз не отступлю от града и до своая смерти, и нигдѣ можеш у меня скрытися. Корол же Додон

слыша, что под градом его стоит Бова королевич, и не знаша ег[о]; что онъ храбръ и силен, и чаючи его младенствующа и повелѣ в рог трубити. И собра войска своег[о] . . . тысяч и поиде против Бовы королевича; Бова-ж напустилъ на царское знамя, а войска не замал ни единого[о] человекѣ, и прибѣгоша х королю Додону и удариша его мечем по главе и расече главу его. И рече им Бова: Ѡ витязи мои и юноки, возьмите своег[о] короля Додона и свезите к матери моеи к прекрасной Милитрисе. Витязи-ж и юноки взяше ег[о] и понесоша ег[о] во град Онтон и свертеша главу его, а Бова-ж поиде во град свои Сумин. Корол же Додон нача главу свою лечити и лекарей пыгати по многим градом; Бова-ж то слышел, что супостат его корол Додон ещо жив, лекарей пытается, Бова-ж рече дятке и поиде х королю Додону. и поведи ему: Господине королю Додоне, пришли лекара из Празни града, хотят голову твою излечит. Корол же Додон повелѣ их пустит во град; Бова-ж и Терез прииде к нему в полату, корол же Додон рече им: Господине лекари, можете-л главу мою излечит? Бова-ж прииде к нему и взяв его за бороду и рече ему: Кто сию рану дал, тот ты и может докончат. И нача у него очи вертет и рече ему: Грубител и досадител отца моего[о], доброг[о] короля Гвидона, почто еси погубил отца моего[о]? пался еси, злодею, на женскую прелесть, душегубицу детей своихъ. Корол же ему отвѣту не дал, Бова-ж его ударил о середу, корол же бысть мертвъ. Прекрасная-ж Милитриса побеже вон из полаты, Бова-ж еѣ ухватил за руку и рече ей: Ѡ госпоже матери моя прекрасная Милитриса, про што еси погубила отца моего[о], доброг[о] короля Гвидона, и про што еси возлюбила короля Додона? И про што еси посадила меня в темницу и морила еси голодом? Про што еси меня кормила зминым ядом? Прекрасная-ж Милитриса сыну своему Бове не могла отвѣту дат, Бова-ж повелѣ ее обковать в бочку дубову. Бова-ж повелѣ в рог трубити и собра войска своего . . . тысяч и послаша своег[о] дятку Синбалду в Задон град к царю Салтану: чтоб за меня царь Салтан выдал тщер свою прекрасную Малгирю. Дятка-ж Синбалда прииде во град

Задон к царю Салтану и поздравствоваше царю Салтану от Бовы великолѣпное здравие: чтоб еси за нег[о] дал тщер свою прекрасную Малгирию. Царь Салтан рече Синбалде: Господине дятка Синбалда, поеди поведая Бове королевичю, токоб приехал государь мой Бова королевич сам, и яз бы за нег[о] дал тщер свою от великия радости; а ныне мнѣ кому дат в руже? Дятка-ж Синбалда возвратился вспят ко граду Онтону. Прекрасная-ж Дружнена приблудишася ко граду Арменю, ажно во Армени царствует отца ея короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлопъ, а отца ея короля Зинзовея в животе нѣтъ; и потихонку вопрошала от пути, куды пут ко граду Онтону, и поиде путем своим и приде на луки морские и поставила себѣ шатер. Дятка-ж Синбалда приде из Задония града и поведаше Бове, что ему царь Салтан говорил: тако бы де приехал государь мой Бова королевич сам, и яз бы де за него дал от великие радости тщер свою прекрасную Малгирию, а ныне мнѣ кому дат в руже? И в тѣ поры прекрасная Дружнена отпустила дву сынов своих во град Онтонъ. Детища-ж приде в полату к Бове и сташа перед ним; Бова-ж возре на них и вопрошал витязей своихъ: Которог[о] моего витязя детища велии возрачны? Они-ж рече ему: Мы, господине, их не вѣдаем. Бова-ж их вопрошал: Ѡ дѣтища, хто вы есте, откуда? Они-ж ему рече: Мы, господине, пришелцы бысть в сем граде: отецъ у нас был Бова королевич. Бова-ж вскочил и нача их любезно целовати и вопрошал их: О дѣтища мои, где-ж мати ваша? Они-ж рече ему: Ѡ государь мой батюшко, Бова королевич, матушка наша стоит на луках морских. Бова-ж повеле себѣ в тот час оседлати коня, а дѣтищам по коню-ж, и поехаша на луки морские, ажно его прекрасная Зинзовѣвна стоитъ на луках морских в шатре. Бова-ж вниде в шатер и нача еѣ любезно целовати, Бова-ж взяв прекрасную Дружнену с великою честию, и поехаша ко граду Онтону, и нача с нею и з детьми своими пити и ясти и веселитися и нача жаловат своих вѣрных раб: дятку пожаловал опят Суминым градом, а Огения брата Синбалдина пожаловал на кралевство во Армени. И послаша Синбалду Арлопа воеват, и велѣл

Бова Арлопа перед собою поставит. Синбалда-ж приде под град Армен и нача бити во градную стѣну пушки и пищальми безотступно; Арлоп же не может против его стояти и повеле град отворити, дятка-ж Синбалда приде во град и взяв Орлопа по приказу государя своего Бовы королевича, а на королевство оставиша брата своего Агения а сам возвратился во град Онтонъ. И поставиша Орлопа перед Бовою. Бова же рече ему: Арлопъ, ты еси злодею, про што меня посылал без увѣдания доброго короля Зинзовѣя в Задон град к царю Салтану и навадил еси на меня великие пакости? Ныне же еси заповинен мечю моему. Арлопъ же пав поклонився перед Бовою и не может против его отвѣту дат, Бова-ж повеле его повѣсит. И потом Бова нача пити и ясти и веселитися во своей отчине и дѣтине отца своег[о] доброго короля Гвидона и многими грады владѣти. Во вѣки аминь.

Ся повесть разбойного приказу под[ъ]ячего Ивана Яковлева, писалъ своима рукама.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XLIV, № 4.

СИМБИРСКАЯ МОЛВЬ.

ЕЪ МАТЕРІАЛАМЪ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ОБЛАСТНЫХЪ НАРѢЧІЙ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

А. МОТОВИЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.

Непрерывный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СИБИРСКАЯ МОЛВЪ ВЛАДИМИРСКАГО ГОВОРА

по наблюдениамъ въ Симбирскомъ и Буинскомъ уѣздахъ

(А. Метовилова).

Отличія Владимирскаго говора вообще (по Далю):

«1) Звукъ *o* произносится низко и еще звучнѣе, нежели въ Новгородскомъ говорѣ, вездѣ гдѣ пишется; письменное *a* сохраняетъ свой звукъ лишь при удареніи.

2) Звукъ *i* произн. твердо.

3) Дзеканья почти не встрѣчается, но мѣстами цоканье и чваканье.

4) Частица *что* произн. всегда чисто: *што*.

5) Никогда зв. *ѣ* не замѣняется звуками *x* и *xв*.

6) Никогда *y* и *e* не замѣняютъ другъ друга.

7) Никогда не откидыв. оконч. *тз* въ 3 л. глагола и произн. твердо (*тз*)».

Замѣтка В. Даля о гов. Симб. губ.: «Въ гов. Симб. губ., вообще на *o*, нѣтъ ничего особеннаго; слышно *e* вмѣсто *a*, *я*, *и*: ряды, часы; онъ имѣтъ, съ того время, теѣ; мѣстами, у Ардтова симбир. цокають; вообще же не картавятъ».

Замѣчаніе Даля о замѣнѣ зв. *a*, *я*, *и* звукомъ *e* ошибочно: ничего подобнаго на дѣлѣ не замѣчается; въ произношеніи напротивъ того ясно слышно: *ряды*, *часы*.

1. Произношеніе гласныхъ.

Вообще отличительной чертой Симб. молви является отчетливое произношеніе (въ противоположность москов. гов.) всѣхъ гласныхъ при плавномъ, пѣвучемъ растягиваніи всѣхъ слоговъ, кромѣ послѣдняго, который произносится коротко, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, особенное произношеніе нѣкоторыхъ гласныхъ въ послѣднемъ слогѣ. Такъ, между прочимъ, глаг. возвр. оканчив. яснымъ звукомъ я или ъ: *принимайся, удивилась* (а не: -са, -сз какъ обыкн. въ Моск. г.); но послѣ *т* частица *ся* обращается въ *ца*: *отставляйца*.

Звукъ *о* произносится ясно вездѣ, гдѣ пишется, кромѣ того случая, когда онъ находится въ послѣднемъ слогѣ и произносится, какъ *а*; письменное *а* сохраняетъ свой звукъ, какъ при удареніи, такъ и внѣ его (за немногими исключеніями): *тараканъ, такой, сапокъ* (сапогъ), *стаканъ, артель, мала* (мало), *мнуцонакъ* (внученокъ), *большова*.

Подобно тому, какъ звукъ *о* въ послѣднемъ слогѣ переходитъ въ *а*, звукъ *е* въ этомъ случаѣ переходитъ то въ *и*, то въ *я* (послѣднее бываетъ обыкновенно послѣ гласныхъ, кромѣ случая уподобленія, а также въ окончаніи имен. пад. имень ср. р.): *восьми, близки, пишишь, пишимъ, будишь* (будеть), *днѣишь, ночуишь, жалѣти* (жалѣете); *двѣя* (двое), *поля-та* (поле-то), *ихня* (ихнее); иногда же *е* сохраняетъ свой звукъ и въ послѣднемъ слогѣ, напр.: *утрь* (завтра утромъ), *отбѣле, фз поряткъ* (въ порядкѣ).

Оканье выражается не только яснымъ произношеніемъ буквы *о*, но иногда и замѣною ею другихъ буквъ, напр. буквы *е*: *топѣръ, топѣрча, робѣнокъ, робята, доржатъ, доржѣи* (это *о* можетъ усиливаться въ *а*: *подарживай*), *доржитъ*; также *а* безъ ударенія въ нѣкоторыхъ словахъ иностраннаго происхожденія: *онисъ* (анисъ — особый сортъ яблоковъ), *Ондрѣй, Олѣксѣй, торѣлка, конатъ*; и въ русскихъ словахъ: *робота, роботать, узелокъ* (узелокъ), *останавливать, порохотъ* (пароходъ, вслѣд. непониманія состава слова), *столовѣръ* (старовѣръ; въ послѣднемъ

примѣръ сначала послѣдовала смѣна *р* на *л*, такъ какъ два *р* въ одномъ словѣ противны свойствамъ русскаго народнаго языка, а затѣмъ первая часть слова сближена со словомъ *столъ*); также *о* замѣняетъ *а* во всѣхъ словахъ, имѣющихъ приставку *раз*: *россыпаты*, *роздѣлитъ* и пр. и въ выраженіи: *все равно* (произн.: *фсѣ...*)

Впрочемъ реченіе *теперь* можетъ считаться древнѣе реченія теперь (отъ др.-русск. то-перво черезъ теперво. «Учебн. русск. грам.» Бусл.). Также и реченія *робота* и *робѣнакъ* весьма древн. происх. (отъ робъ = рабъ. «Слово о вѣрѣ лат. и варяжск.» Θεод. Печер.; др. робя = ребенокъ, др.-ц.-сл. роба). Какъ рѣдкая противоположность указаннымъ формамъ является форма: *о́лики* (уменьш. отъ воля).

Ѣ въ произношеніи не отличается отъ *е*; при удареніи *ъ* не переходитъ въ *ѣ*, кромѣ случаевъ общихъ съ языкомъ литературнымъ и слѣд. двухъ формъ: *бѣкъ*, *убѣкъ* (т. е. бѣгъ = бѣжалъ, при неопр. накл. *бѣчи*, *убѣчи*) и *вѣшка* (снопъ соломы, ставимый для обозначенія зимней дороги; уменьш. отъ вѣха).

Звукъ *ѣ* слышится часто и внѣ ударенія, замѣняя собой *ъ* и *е* въ слогѣ предшествующемъ ударяемому: *Лѣксáндра* (Александръ), *Ѣáбрь*, *унѣсú*, *ѣмú*, *Пѣтрóвъ*, *мѣдóй* (гнѣдой), *сѣдóй* (сѣдой), *би-чѣвá*, *двѣна́дцать*, *лѣго́нька* (легонько), дер. *Недрѣмáловка*, *сѣмóй* (седьмой, отъ русск. формы *семь*), *черѣдá* (раст. *Bidens tripartita* и *serpua*, поповы собачки), *бѣго́мъ* (бѣгомъ), *надѣвáтъ*, *сѣдло́*, *дѣнѣ́къ* (денѣкъ). Но *еѣ* (вин. и род. п.: *ее* и *ея*) обыкновенно выговаривается чисто.

Эта особенность говора первая теряется отъ вліянія на отдѣльныя личности литературнаго языка. Такое же ѣканье встрѣчается также во Владим. губ. и Горбат. уѣздѣ. («О нарѣчіяхъ» Даля).

Въ словѣ *смѣртнай* (смертный; напр. *смѣртна пятно́* — черное пятно на тѣлѣ, считающееся дурнымъ знакомъ) ударяемое *е* лит. яз. обращается въ *ѣ*.

Замѣняя звукъ *е* послѣ шипящихъ, *ѣ* переходитъ въ *о* (какъ и вообще въ великорусск.): *чохóлъ*, *човó* (чего), *чотѣ́ри*, *жонá*.

Но вѣ ударенія въ этомъ случаѣ ѣ переходить иногда и въ а: *жалать* (желать), *какъ-жа* (какъ-же), *фчарá* (вчера), *фчарáсь*; въ Буин. у. даже: *жанá* (жена).

Въ предл. пад. мѣстоим.: *мой, твой свой, весь е* не произносятся, какъ ѣ; *о своёмъ, во всёмъ* (а не во всёмъ); также говорятъ: *дёрнуть*, а не: *дёрнутъ*.

Звукъ *е* замѣняетъ собою *о* въ предл. пад. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоименій, а также и прилагат. съ основой на гортанную: *въ тѣмъ* (произн. *фъ тѣмъ* = въ томъ), *въ ѣфтѣмъ, на кѣмъ* (на комъ), *въ однѣмъ, на самѣмъ, въ другѣмъ, въ такѣмъ, въ какѣмъ, а мучѣмъ, въ Сибирскѣмъ* (Сибирскáя = Сибирскъ), *на Волжскѣмъ* (на Волжскомъ пароходѣ, общества пароходства по Волгѣ); также звукомъ *е* замѣняется *и* въ твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р. мѣстоим. и прилаг. съ основой на горт.: *такѣмъ* (такимъ), *своѣмъ* (своимъ); такая же замѣна существуетъ во всѣхъ пад. мн. ч. мѣстоим.: *такѣ* (иногда: *такѣи* = такіе, такія), *какѣ, другѣ, чѣ* (чь), *самѣхъ, такѣхъ, другѣми, моѣ, (мои), твоѣ, своѣ, всяке*: *«хлѣбъ-солъ на столъ, а руки своѣ», «во всякемъ случаѣ», «до кѣхъ поръ»* (до конхъ поръ).

Нѣчто подобное см. «Русск. Хрест.» Бусл., Старопечат. Апост. 1564 г.: «в грекехъ». «Тацѣхъ бо есть царствіе Божіе». Мар. X, 14. «... И дастъ виноградъ ииѣмъ». Мар. XII, 9. «Измите злаго отъ васъ самѣхъ». 1 Кор. V, 13. Предл. пад. др.-ц.-сл. «динѣмъ».

Мѣстоим. *онъ*, подобно прочимъ мѣстоим., имѣетъ одинаковую форму для предл. и твор. пад.: *объ нѣмъ, подъ нѣмъ, за нѣмъ*.

Одинакому окончанію предл. и твор. пад. муж. р. мѣстоим. соотвѣтствуетъ одинакое окончаніе этихъ падежей и въ склоненіи прилагательныхъ, у которыхъ предл. и твор. пад. одинаково кончаются на *ымъ*: *во вторымъ годѣ, на Крутымъ вѣмъ* (въ Крутомъ оврагѣ), *въ яровымъ*.

Одинъ имѣетъ во множественн. ч. для всѣхъ родовъ: *однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми, объ однѣхъ*. Также употребляется во всѣхъ родахъ множ. ч.: *они́* = они, онѣ.

Оба и обѣ имѣютъ въ косвен. падежахъ одинаковыя формы: *обѣхъ, обѣмъ, обѣми, обѣ обѣхъ*.

Родит. пад. сущ. женск. р. оканч. на *е (ѣ)*: *у рыбѣ, изъ Туль* (изъ Тулы).

Предл. п. 4 склон. им. сущ. (женск. р. на *ѣ*) оканч. на ударяемое *е (ѣ)*: *на лошади, въ кровѣ, на моей памяти, въ грязѣ, внутри* (послед. впроч. м. б. объясн. формою: *внутри* = *внутри*), *позади*.

Также *е* вм. *и* находимъ въ слѣд. словахъ: *фатѣра* (или, при большемъ вліяніи лит. яз.: *квартира*), *мундѣръ*.

2. Звукъ г.

Звукъ *г* произносится всегда твердо: *Господѣ* (а не: *господь*, какъ въ моск. гов.), *когда* (а не: *когда*).

Несмотря на такое произн., звукъ *г* переходитъ то въ *х*, то въ *к* такъ же, какъ и въ московск. говорѣ: *Богъ* (Богъ) и *другъ* (другъ).

3. Дзеканья, цоканья и чвананья въ Симбирск. и Буинск. уѣздахъ вовсе нѣтъ.

4. Реченіе что произносится всегда чисто: *што*. «Ни зѣпта, ни прѣпта» = ни за что, ни про что; *нѣшта* и *нѣшта* = зачѣмъ; *нѣшта* = развѣ; *ништѣ* = да, конечно; «ништѣ ѣму» = по дѣломъ. Впрочемъ «нешто» по объясненію Даля есть не: нечто, а нешто, неужто.

5. Звуки ф, х и хв.

Никогда зв. *ф* не замѣняется звуками *х* и *хв*, кромѣ случаевъ сходныхъ съ этой замѣной, но свойственныхъ всѣмъ говорамъ великорусскаго нарѣчія, напр.: *Хаврѣня* = *Февронія*, обратно: *драфѣ* (Буинск. у.) = *драхва*, *фатѣра* = *квартира*.

6. Звуки *у* и *в* никогда не замѣняютъ другъ друга.

7. Окончаніе 3 лица глаголовъ.

Никогда не откидывается окончаніе *тъ* въ 3 лицѣ глаголовъ и произносится твердо (тъ).

8. Устраненіе стеченія гласныхъ.

Одна изъ особенностей Симбирской молвы состоитъ въ опущеніи звука *e* безъ ударенія послѣ гласныхъ: *a*, *я*, *ъ*, *e*, а иногда и послѣ *o*.

Такъ въ настоящемъ времени изъяв. накл. глаголовъ 1 спр. 3 разл. и нѣк. глаг. 2-го разл. съ суфф. *ов-а* соединительная гласная *e* опускается: *гуляшь*, *гулятъ*, *гуляемъ гуляти* (гуляете), при чемъ глаголы 2-го разл., имѣющіе въ неопр. накл. суфф. *ов-а* (произносимый: *ыва*), сохраняютъ его и въ настоящемъ вр. изъяв. н., слѣдов. приравниваются къ глаг. 3 разл. съ суфф. *ыв-а*: *жалыватъ* (жалуетъ), *слѣдыватъ* (слѣдуетъ). Глаголь 2 разл. *бáйтъ* (баять) опускаетъ *e* въ 3 лицѣ. Глаг. 1 разл. *знатъ* спрягается подобно глаг. 3-го: «*что ѣ знатъ*». Глаголы же 2 разл. съ суфф. *ев-а*, а также глаголы съ суфф. *ов-а*, имѣющіе удареніе на *a*, спрягаются правильно: *юрюитъ*, *ночүитъ*, *ворүитъ*, *зорүитъ* (*зоровáтъ* = озорничать). (О различіяхъ см. «Русск. и Церк.-сл. этим.» Поливанова).

Впрочемъ иногда можно услышать и полныя формы глаголовъ: *дүматъ* и *дүмаитъ*, *батъ*, *байтъ* и *бáйтъ* (баеть).

Сопоставленіе формъ *бáйтъ*, *байтъ* и *батъ* невольно наводитъ на мысль, что сокращеніе соединительной гласной *e* произошло не посредствомъ уподобленія, какъ это обыкновенно объясняютъ, а черезъ переходъ *и* (вм. *e*) въ *й* и выпаденіе послѣдняго звука. Но съ другой стороны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской губ. въ этихъ случаяхъ слышно дѣйствительно долгое, какъ бы вдвоенное *a* или *e*: *думаатъ*, *гуляать*, *краснѣать*. Впрочемъ возможно, что въ различныхъ говорахъ это сокращеніе произошло различнымъ образомъ. Выпаденіе соедин. гласн. *e* встрѣчается также: въ Устюгѣ Волог. губ., во Влад. губ. Костром. губ., Казанск. губ., Уфимск. губ., Оренб. губ., Астрах. губ., Пензенск. губ. и въ Сибири. (См.: Даль «О нарѣчіяхъ»).

Принимая во вниманіе, что въ Симб. говорѣ выпаденіе звука *e* послѣ гласныхъ составляетъ правило не только въ спряженіи глаголовъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ, думаемъ, что оно

во всѣхъ этихъ случаяхъ совершалось одинаково, подобно тому, какъ изъ «моему» образовалось «тому» (черезъ мойму). (См. «Обзоръ зв. и форм. особ. русск. народн. яз.» Колосова, стр. 195).

Во множ. ч. слова *хозяинъ* во всѣхъ пад. звукъ *е* опускается: *хозяы, хозяфъ, хозявамъ, хозявами, о хозявахъ*.

Также: *копѣкъ* = копѣекъ, *знама* = извѣстно (знаемо).

Въ род. и дат. пад. ед. числа мѣстоим.: *мой, твой, свой, е* выпадаетъ: *мово, твоово, свово* (моего, твоего, своего), *мому, твоуму, свому*.

Сравнительная степень прилаг. и нарѣчій не имѣеть на концѣ зв. *е*, также и звука *й*: *скорѣ, живѣ, болѣ*.

Изрѣдка можно услышать и: *скорѣя*. Происхожденіе реченія *болѣ* впрочемъ можетъ быть объяснено не отпаденіемъ *й* (-*е*), а отсутствіемъ его въ др.-ц.-сл. формѣ: болк; также: менк, далк.

Въ прилагат. притяж. на *ево е* выпадаетъ послѣ гласныхъ: *а, я, ѣ* и *е*. Напр. фамилія «Николаевъ» произносится: *Микулаѣвъ* (*Микулаѣй* = Николай, *Микѣта* = Никита), фам. *Кириѣвъ* (т. е. Киряевъ, Киряѣй — уменьш. отъ: Кирилъ), село *Вырыпаѣвка* (Вырыпаевка), *Одрѣвичъ, Олѣксѣвичъ* (Андреевичъ, Алексѣевичъ; впрочемъ вѣроятнѣе, что двѣ послѣднія формы образовались не вслѣдствіе выпаденія звука *е*, а вставкою благозвучнаго *е* въ формы: Андрѣичъ, Алексѣичъ; общепринято въ разговорѣ: Андревна, Николаевна вм. Андреевна, Николаевна), *Гордѣвъ* (Гордѣевъ). Въ формѣ *Мѣтрѣвъ* (Дмитріевъ) выпаденію подверглось не *е*, а *і*.

Замѣчательно сокращеніе: *пожѣѣй* (поѣзжай). (Буинск. у.).

Древность сокращенія звука *е* послѣ гласныхъ явствуетъ изъ старинныхъ актовъ (собственность автора): «Се азъ кирила михевъ сынъ»... (промѣнная запись 1675 г., писана въ Арзамасѣ); «... Да вдову агашку микулаву зъ детми»... (духовное завѣщаніе 1685 г., село Чуфарова ныне Саранск. у. Пенз. губ.).

9. Краткія формы прилагательн.

Вслѣдствіе той же нелюбви къ стеченію согласныхъ, которая дѣлаеть невозможнымъ для простаго человѣка произнесеніе имени «Георгій» (въ передѣлкѣ: *Ё́гору* и *Ё́гори́и*), имена прилагательныя по большей части употребляются въ краткой формѣ, а именно такую форму прилагательныя принимаютъ въ имен. пад. женск. и сред. р. ед. ч., въ вин. п. женск. р. и въ им. п. множ. ч.; при этомъ прилаг. сохраняютъ то же удареніе, какъ и въ полной формѣ: *хоро́ша ло́шадь, хоро́ши ло́шади* (служба сказуемымъ: *ло́шадь хоро́ша*).

Иногда въ этихъ случаяхъ можно встрѣтить и полныя формы: *дорога́я, ярово́я* (яровое), *роди́мый* (для всѣхъ родовъ).

Краткія и полныя формы прилагат. можно услышать отъ одного и того же человѣка; то же надо сказать и о глагольныхъ формахъ съ опущеннымъ *e* и безъ этого опущенія.

Такое сокращеніе окончаній прилагательныхъ свойственно также Сибири.

10. Мѣна звуковъ а и ы.

А слышится вмѣсто ы въ окончаніи им. п. муж. р. прилагат.: *толста́й* (толстый). Эта замѣна впрочемъ можетъ быть объяснена переходомъ ы въ о, что свойственно всему великорус. нар., при чемъ о, находясь въ послѣднемъ слогѣ, произносится какъ а. Такая же замѣна слышна въ окончаніи отчествъ: *Стѣпа́начъ*.

Обратно: *туда́, сюда́*; иногда эта же замѣна слышна въ послѣднемъ слогѣ отдѣльн. словъ, употребляемыхъ, какъ междометія: *на́ды!* (вм. на́да = надо), *пра́вды!* и даже: *бѣ́ды!* (бѣ́да).

11. Мѣстоим. этотъ.

Мѣстоим. «этотъ» имѣеть въ Симбирской молви слѣдующія формы: *ѣфтатъ* (т. е. евтогъ) — для указанія на предметъ близкій; *ѣнтатъ* — для указанія на предметъ болѣе удаленный; третья форма, со вставнымъ *с*, употребляется только послѣ предлоговъ *съ* и *безъ*: *съ эстемъ*. Вм. *ѣфтатъ* употребляется

также *этатъ* (начальное *e* отвердѣваетъ послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ). Послѣ предлоговъ, оканчивающихся на гласную, начальное *e* мѣстоимѣнія образуетъ съ этой гласной дифтонгъ и даже переходитъ въ *й*: *пѣтому* и *пѣйтому*, при чѣмъ удареніе переходитъ на предлогъ. Предлогъ *объ* обыкновенно сливается съ мѣстоим. *этатъ*: *обѣтемъ*; также говорятъ: *вонѣтатъ* (вонъ этотъ).

12. Звукъ ч.

Ч передъ *н* согласной произносится, какъ *ш*: *конѣшна* (конечно), *ношнѣй* (ночной), *обрѣшникъ*, *сѣрдѣшникъ* (шворень).

Также произносится *ч* въ окончаніи сравн. степени: *лѣкши*, *крѣпши* (отъ *лѣгкай*, *крѣпкай*; ср. тоньше отъ тонкій). Подобно этимъ формамъ употребляется: *тяжелши*.

13. Заключительныя частицы.

Въ Сибирской молви къ нѣкоторымъ нарѣчіямъ часто представляется частица *ти*, которая служитъ только, чтобы удлинить слово (обыкновенно употребляемое отдѣльно), не придавая ему другого значенія: *нѣтутти*, *тѣтутти*, *надатти* (и *надаты*).

Частица *съ* (изъ указат. мѣст. «сей») служитъ для означенія прошедш. времени: *лѣтасъ* (прошлымъ лѣтомъ), *утрасъ* (прошедшимъ утромъ; между тѣмъ какъ *утръ* и *заутра* = завтра утромъ). При нарѣчіи «вчера» эта частица, какъ бы только усиливаетъ выраженіе: *вчарасъ* (произн.: *вчарась*).

Особенно любима въ Сибирск. молви частица *та* (то), служащая такъ же, какъ и въ литературномъ языкѣ, такъ сказать, для подчеркиванія словъ. Частица эта въ Сибирской молви употребляется конечному звуку слова (но отнюдь не согласуется съ послѣднимъ), вслѣдствіе чего эта частица употребляется въ трехъ видахъ: *та*, *те* и *тѣ*; напр.: *богаты-те* (богатые-то), *поля-та* (поле-то), *ходитъ-та*, *по-мѣнши-те*, *на конць-те*, *то-та* (то-то), *стара-тѣ* (старый-то, кот. произн.: *старай*), *старинька-тѣ* (старенькій-то).

14. Приставка, вставка и мѣна звуковъ.

Приставка гласной въ началѣ слова: *аржаной* (ржавой), *овторникъ* (вторникъ), *окромъ*, *опосль*, *ишблз* (шелъ), *огромадной* (по аналогіи съ огромный), *онамедни* (намедни, впрочемъ м. б. мѣстная форма древнѣе; изъ: оными дни).

Съ приставнымъ согласнымъ звукомъ можно замѣтить только: *смѣрка* (мѣрка, напр. для шитья платья).

Вставка и мѣна звуковъ:

Обыкновенной (обыкновенный), *сусѣдъ* (собственно форма болѣе древняя, чѣмъ «сосѣдъ», др.-ц.-сл. сжсѣдъ, сжпругъ = супругъ), *сумлѣнья* (сомнѣніе; кромѣ указаннаго выше, въ этомъ словѣ произошла мѣна н = л, какъ плавн.), *кажиннай* (каждый), *скусъ*, *скуснай* (вкусъ, вкусный), *берѣжа* (= жереба, черезъ перестановку звуковъ), *манѣнка* (маленько), *склѣскай* (скользяй), *андель* (ангелъ), *глубкай*, *глубка* (глубокій, глубоко), *бытта* (будто), *поздорѡвкаться* (поздороваться), *тама* (тамъ), *здѣсь* (здѣсь), *гречѣха* (гречиха, греча), *пымать*, *сымать* (поймать, снимать), *слобода* (стобода), *ослобонить* (освободить), *нагинаться* (нагибаться), *али* (или), *Давыдъ* (Давидъ), *колдовѣя* (кладовая), *претензѡвать* (претендовать, быть въ претензіи), *Ятѣня* (Евгенія), *зафтри* (завтра), *сичасъ* (сейчасъ), *пондрѣвиться*, *самѣш* (шалашъ), *уждѣть* (ж = жд; напр.: вождѣнный, иждивеніе), *сошитъ* (спитъ), *мнукъ* (внукъ), *мырѣть*, *мырнѣть* (нырѣть, нырнуть), *сурѣзнай*.

15. Опущеніе звуковъ.

Кстѣться (креститься, откуда *окстѣть* = окрестить, а также сильно ударить; послѣдняго значенія нѣтъ въ Словарѣ Даля), *масленца* (масляница), *пергонѣть* (перегонять), *перѣсло* (перѣвѣсло; ручка у ведра, котелка и пр.), *баушка* (бабушка), *не знай* (не знаю), *чай* (чаю), *чатъ* (неопр. н.: чаять; стар. чати), *вишь* (видишь), *хощъ* (хочешь, какъ «бишь» изъ: баешь), *рай* (развѣ), *въ самъ-дѣль* (въ самомъ дѣлѣ), *пра* (право), *дѣ?* (гдѣ?), *руть*, *журафъ* (рубль, журавль), *тъ*, *тѣ* (послѣд. форма употр. въ

Буинск. у.; но форма сокращен. род. и вин. падежей не употребительна; *тѣ* = *тебѣ*), *тыща* (тысяча), *оврагъ* (оврагъ, отъ гот. *augahi* «Русск. Правоп.» Я. Грота), *не замáтъ*, *не замáй* («вм.: не занимай, какъ и вымать вм. вынимать въ был. объ Ильѣ Мур.» «Ист. Хрест.» Бусл.; «не займайте». «Послѣд. Запор.» Давилевск.), еще болѣе сокращенная форма отъ «не замай» — *незómъ*, *перóсы* (при полной формѣ: *наперóсы*), *тыòдaтъ* (пробовать; сокр. изъ: отвѣдать), также употребляется: *протъòдaтъ*, *котóры* (которые-нибудь, нѣкоторые), *кто* (кто-нибудь), *встрѣтѣся* (встрѣтятся; *встрѣлись* — встрѣтились). Замѣчательно: *чалѣкъ* (человѣкъ, Буинск. у.).

16. Особенности въ склоненіяхъ.

Особенности въ окончаніяхъ имен. падежа ед. и мн. ч. имёнъ существительныхъ: *яблáкъ* (яблоко, ц.-сл. *яблокъ*), *цѣрква* (церковь), *тылесá* (понимается какъ множ. число, но употребляется вм. ед. ч.: тѣло), *плечá* (вм. плечи), *пальты* (вм. разговорн.: пòльта), *кустѣя* (кусты), *три рублѣи*, *уркѣи* (уроки; род. п. ед. ч.: *уркá*; по аналог. съ: *курóкъ* — *курки*, *шнурóкъ* — *шнурки*).

Окончаніе род. п. мн. числа им. сущ.: *овъ* и *евъ*, встрѣчается во всѣхъ родахъ: *рублѣовъ* (выгов. *рублѣфъ*), *ножѣовъ* (ножей), *сѣмянѣовъ* (сѣмянъ), *дѣлѣовъ* (дѣлъ), *сборкаевъ*. Однако это окончаніе свойственно не всѣмъ словамъ: *дѣнъ* (дней), *сажѣнъ* (саженей).

Мѣстоим.: *та*, *одна*, *вся*, *самá* имѣютъ въ род. и вин. пад.: *тоѣ*, *одноѣ*, *всеѣ*, *самоѣ*.

По восьмѣи по десятии (по 80) и: *по вóсемьдесятъ*.

Когда женщины называютъ по одной фамиліи, не прибавляя имени и отчества, то оканчиваютъ фамилію на *иха*: *Черкасиха* (Черкасова), *Бѣлячиха* (Бѣлякова).

Форма род. пад. *човѣ* въ Сибир. молви часто употр. вмѣсто *што*; напр.: *човѣ тѣ нада?* *Човѣ?*

17. Особенности въ спряженіи глаголовъ.

Особенныя формы неопр. накл.:

Глаголы, оканчивающ. въ литер. яз. на *чь*, въ Сибирской

чія; но при этомъ онъ приписываетъ всей сѣвер-
 ности, которая свойственна одному только
 юру. (Напр. переносъ ударенія въ имен. сущ.
 енной слогъ: рѹчей, дрѡва, пѣстухъ, спи́на и
 ударенія въ им. прилагат. на послѣдн.
 , гладко́й и т. п.; всѣ эти формы совершенно не-
 ны владимирскому говору; въ Сибирск. молви эти слова
 нносятся: *ручѣй, дрѡва́, пѣстухъ, спи́на, крѣпкѣй, гладка́й*
 и т. д.).

Приводимое Далемъ различіе въ удареніи двухъ вѣтвей
 великорусскаго нарѣчія (состоящее въ томъ, что во всякомъ
 словѣ, употребляемомъ въ литературн. языкѣ съ двойнымъ уда-
 реніемъ, первое удареніе принадлежитъ сѣверной, а второе юж-
 ной вѣтви), на самомъ дѣлѣ не даётъ средства познавать эти двѣ
 вѣтви. Въ Сибирской молви многія слова употребляются съ
 удареніемъ, свойственнымъ, по Далю, южной вѣтви; напр.: *со-
 ко́лъ, воротá.*

Однако есть одна особенность, отмѣчаемая между прочимъ
 проф. Колосовымъ въ упомянутомъ выше трудѣ, проводящая
 границу между двумя вѣтвями великорусск. нарѣчія. Эта особен-
 ность говора замѣчается не только въ рѣчи простолюдина, но и
 среди образованнаго слоя общества и заключается въ большей
 подвижности ударенія въ сѣверной вѣтви. Эта подвижность уда-
 ренія заключается въ томъ, что:

I. Въ глаголахъ сложныхъ съ предлогами удареніе часто
 переносится на предлогъ въ прошедш. врем. изъяв. накл. и въ
 причастіи прош. страд. залога: *завѣилъ, по́звалъ, собралъ, отнялъ,
 обнялъ, обмилъ, рѡзорвалъ, не пилъ, не далъ; завитъ, облитъ* и пр.
 (Въ южномъ великорусск. между тѣмъ: *завѣ́лъ, позва́лъ, со-
 бра́лъ, не пи́лъ, не да́лъ* и т. п.)

II. Предлоги, управляя существительными, часто прини-
 маютъ удареніе на себя: *по́ полю, по́ морю, по́ двойни* (по двѣйнѣ),
за́ мостамъ (за мостѣмъ).

III. Въ сѣверной вѣтви соблюдается (принятый нынѣ въ грамматикѣ) переносъ ударенія въ прошедш. врем. женск. род. на послѣдн. слогъ: *позвала́, отняла́, разорвала́* (въ южной вѣтви: *позва́ла, отня́ла, разорва́ла* и пр.)

Кромѣ того замѣчательны слѣдующія ударенія: *сѣмнадцатой* (хотя колич. числ. *сѣмнадцатъ*), *шбснадцатой, пѣтнадцатой* (числгт. колич. *шоснадцатъ, пятнадцатъ*); *тащитъ, тащитъ* (отъ глаг.: *тащитъ*), *дотронуться, отпрети* (отпрѣте), *прбснется* (проснѣтся), *подбйдетъ* (подойдѣтъ), *отдохнетъ* (отдохнѣтъ), *рыбаки* (рыбакѣ), *бурлаки, идутъ, сажонъ* (саженъ или саженѣй, р. п. множ. ч.), *должонъ* (долженъ), *кошона* (кбшено), *случай, оставшии* (оставшіеся).

Молви, въ которыхъ встрѣчаются звуковыя особенности, свойственныя Симбирской молви. (См. Даля «О нарѣчїяхъ»).

Устюгъ, Волог. губ.: знать, бывать, тѣ (тебѣ), дѣнь (дней).

Владимирск. губ.: челѣкъ, баить, печи, стеречи, дѣлать, дѣлать, дѣламъ, кочень (кочанъ), жомочки, сѣло, ёво, мнукъ.

Ковровъ, Владимирск. губ.: тѣ, пушай, испужался, въ первомъ, во второмъ, куды, глыбоко, всеё, своё, твоё.

Муромъ, Влад. губ.: бѣда, пѣсокъ, ёда, на лошаде, на печѣ,

Костромск. губ.: ломатся, хватать.

Горбат., Нижегород. губ.: чово, Ондрей, ёво, ёму, Стѣпанъ, другей, сухей.

Казанск. губ.: кидать, мѣшать.

Оренбургск. губ.: туды, сюды, добрай, сѣрай, пнѣвъ, умнѣ, теплѣ, обѣдашь, знать, сядись, ляжись.

Астраханск. казаки: доржи, доржать, знать, дѣлать.

Сибирь: работа, робѣнокъ, робята, торелка, знать, гулямъ, кака быстра рѣка, ершовъ, рублевъ, мужьевъ, тоё, обѣмъ, обѣхъ.

ОБЛАСТНЫЯ СЛОВА СИМВИРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Слова, не занесённые въ Словарь Даля вовсе или же записанные въ другомъ значеніи, обозначены звѣздочкой; слова, общіе восточн. (владимирскому) говору — знакомъ *вост.*

Правописаніе принято литературное.

Айдá, айдáти вост., (иногда произн.: *айдáте*, но приставка здѣсь имѣеть то же значеніе, какъ и въ: тутути, вѣтути и пр.) пойдёмъ.

*Аржанѹха** трава мятликъ, *rosa pratensis*.

Арканъ вост., веревка, захлестнутая петлей для ловли лошадей.

Ахтительный прекрасный; болѣе употребл. съ отрицаніемъ: *не-ахтительный*. плоховъкій.

*Ашáть** (татарск. слово на русскій ладъ) въ разговорѣ съ татарами: ѣсть, кушать; подобно тому, какъ «чайкá пуцáть» = пить чай.

Бáить вост., говорить.

Бакланъ болванъ, чурбанъ.

Бакланникъ, баклажникъ тостые, неколотые дрова.

Балагурить вост., весело разговаривать, шутить на словахъ.

Балагуръ шутникъ, весельчакъ.

Балакуръ молочный горшокъ.

Баландá родъ ботвиньи.

Балахтаться плескаться въ водѣ.

Балдакъ кубокъ, стопа. *Балдашка* деревянн. чашка. ставчикъ.

*Барщина**. Донуиѣ такъ называется въ деревняхъ и селахъ часть крестьянъ, принадлежавшая одному барину; каждая барщина составляетъ одно земельное общество, т. е., владѣетъ своей землей отдѣльно отъ другихъ барщинъ.

Барокъ воткнутая въ землю толстая палка, на кот. надѣта крѣпкая втулка отъ колеса, приспособленная къ повороту рычагомъ; употребл. при гнугиіи полозьевъ.

Бастрыкъ дрючокъ, рычагъ, стягъ, которымъ сѣно и солома притягиваются къ возу.

Батѣня отецъ, также братъ, пріятель.

Безпремѣнно непремѣнно.

Белиберда чушь, чепуха.

Бельмесъ: «ни бельмеса не знаетъ». Слово татарск. бельмемъ = не понимаю.

Бережь бережливость; «доржѣть у бережи = въ сохранности.

Берѣзка раст. повилка, вьюнъ, *Convolvulus*.

Вибѣнка остатки или выжимки при выдѣлкѣ растительнаго масла: коноплянаго и пр.

Вирюкъ (отъ тат. бури = волкъ). Въ Симб. губ. обыкновенно такъ называютъ волка, но Даль говорить, что мѣстами такъ называютъ медвѣдя.

Благой плохой, дурной: «дорога больно благо»; *блажнѣй* безпкойный, неугомонный, своенравный; то же самое означаетъ и *блаженнѣй*.

Божница кіотъ для образовъ.

Бокоушка боковая комнатка.

*Болонитъ** Буинск. у., приставать, надоѣдать; *болонѣ** человѣкъ надоѣдающій.

Болтушка мѣсиво для скота съ мукой.

Бѣнда звонокъ на шеѣ скота.

Бѣндарь бочарь, обручникъ.

*Бѣровъ** самецъ свиньи, можетъ быть кладеный и некладеный; слово-же *кабанъ* въ Симб. губ. означаетъ только дикую свинью.

Борщовики раст. пучки, бодранъ, роженецъ, стебли котораго
ѣдятъ сырѣемъ, а чуваши варятъ изъ нихъ щи.

Ботать вост., сильно стучать, ударять тяжело и не торопясь;
стучать сапогами.

Братѣльникъ братъ (выраженіе вѣжливости).

Брѣдень сѣть меньше невода, которую люди тянуть на шестахъ,
идя бродомъ.

Брыкать лягать.

Бурбъ вост., всякое возвышеніе въ степи, холмъ, горка.

Бударка долбленая лодка, однодеревка, душегубка.

Будылка берцо, голень, часть ноги отъ колѣна до подъема;
иногда говорятъ: *будышка*.

*Будылястый** длинный и при томъ худой.

*Буженіна** свѣжая свинина (не копченая, не соленая и пр.).

Бумъ тревога, суета, безпокойство.

Будыжникъ буянъ и безпокойный пьянчуга.

Бултыхать болтать жидкость.

Бурить лить черезъ край, лишнее.

Буркать бросать, кидать, швырять.

Бурлакъ вост., такъ назывались рабочіе, тянувшіе (до введенія
пароходовъ) суда бечевою.

Бурьяны всякая высокая, сорная трава: крапива, репейникъ и пр.

Бутырить, перебутырить переворачивать, приводить въ безпо-
рядокъ.

Бутырки изба, домъ - особнякъ.

Бѣль мелкая рыбка, бѣлявка, мальга.

Бѣланка верховодка, верхоплавка; рыба, кот. весной по болѣзни
дѣлается верховодкой, ходитъ по верху воды, на виду, и
её ловятъ руками.

Бякать, бякнуть бухать, ронять со стукомъ.

*Важъ** (франц. *valise*) чемоданъ, прикрѣпляемый на крышку ка-
реты, возка.

Вадить играя въ попа (особ. видъ игры въ чушки) и нѣк. др.
игры, быть на очереди.

Валандаться что-либо мѣшкотно дѣлать, возиться.

Валенки валеные сапоги.

Варанить дѣлать что-нибудь кой-какъ.

Варенѣцъ вост., топленое молоко, заквашенное сметаной.

Верейя витой столбъ у крестьянск. крыльца, столбъ у воротъ; также воротная скоба.

Вертухъ соединеніе головки бедренаго мосла съ гнѣздомъ таза, суставъ на кот. обращается ляжка.

Вершá буинск. у., рыболовный снарядъ изъ прутьевъ въ видѣ воронки.

Вечеря́ть ужинать.

Взапра́вду вправду, кромѣ шутокъ.

Взопрѣ́ть вспотѣть.

Вѣны карт. масть: пики.

*Взы-езы!** крикъ которымъ настраиваютъ собакъ.

Витѣушка родъ сайки или калача, свитаго въ три полосы или . кольцомъ.

Вихля́ться ломаться, дѣлать неестественныя движенія туловищемъ; *извихля́ться* привыкнуть къ вихлянью.

Вича́ть кричать, визжать, какъ ребенокъ или щенокъ.

Вобла небольшая волжская рыба, *Surginus grislagine*.

Возжа́ться (съ кѣмъ) знаться, дружиться, водиться, возиться.

Во́лжжа вост., всякій боковой рукавъ или протокъ Волги, образующій островъ.

Воло́дка нить, жилка, волокно растит. или животн.

Волоку́ша метель снизу.

Восѣ́йка давеча, вчера вечеромъ.

Вло́паться попасть въ бѣду, попасться въ чемъ.

Волосни́къ головная повязка, надѣваемая бабами подъ платокъ.

*Волѣцкѣй орѣхъ** орѣхъ, весьма сходный съ русскимъ, но нѣсколько крупнѣе послѣдняго и съ болѣе хрупкой скорлупой.

Волѣтнѣй удобный, свободный, легкій.

Вопи́ть (*вопѣтъ*) выть, громко плакать, причитать.

Вороня́жки раст. и съѣдобная его ягода пзника, *Solanum nigrum*.

Вотмалъ засызранская степь, представляющая широкія плато.
Выменить (о коровѣ) быть близкой къ отѣлу, за 6 недѣль до
 кот. вымя припухаетъ и крѣпнетъ.

Выструкивать, выструкать, выстручить вылуцать сѣмя изъ
 стручковъ, напр. гороха.

Вычужать придумывать что затѣйливое, прихотничать, чудить.
Вънѣкъ уступъ плоской возвышенности, окружающей низменности, раздолы рѣкъ.

Вѣстимо извѣстно, понятно, вѣдомо.

Вязальная спица вяз. игла.

Вѣнки небольшія двурогія, тупыя вилы, для перебоя сноповъ на
 току, при молотьбѣ.

Вѣтери буинск. у., рыболовный снарядъ въ видѣ мѣшка изъ
 обручей и мочалъ, въ озерахъ, или нитокъ, въ рѣкахъ, съ
 двумя крыльями.

Гамазѣй (испор.: магазинъ) хлѣбный магазинъ.

Гамить шумѣть, кричать; *гамъ* шумъ.

Гаркнуть громко закричать.

Гарь всё горѣлое «пахнетъ гарью» — жженымъ, особенно за-
 пахъ на погорѣвшемъ мѣстѣ, послѣ пожара.

Гачиникъ (отъ гачи-бедра) ремень у брюкъ.

Гладкій жирный, полный, здоровый.

Глохтать (*глохнутъ*) жадно глатать; *наглохтаться* напиться
 пьянымъ.

Гнуткій гибкій.

Гоголь * нечистый; въ разказѣ о томъ, какъ гоголь помогалъ
 Господу творить землю, при чемъ укралъ часть земли и
 спряталъ её за щеку; по травѣ, выросшей у гоголя на
 щекѣ, Господь узналъ объ обманѣ и велѣлъ выплюнуть
 землю, отчего и образовались горы и другія неровности.

Гожий, ѡже пригожий, хороший, дѣльный.

Голанецъ * голышъ, мелкій, круглый камешекъ; игра «въ го-
 ланцы» состоятъ въ подкидываніи и ловлѣ этихъ камеш-
 ковъ.

Голдѣть шумно разговаривать, кричать, шумѣть.

Голѣиз мелкая рыбка безъ чешуи со слизистой кожицей.

Голѡвка всё отборное; противополож. *ухѡбѡстьѡ*.

Голомѡ давно, но въ тотъ же день.

Голосѣть причитать на распѣвъ, по обряду, надъ покойникомъ или, какъ невѣста на дѣвичникѣ и пр.

*Грѣчка** черныя крапинки по бѣлой (обыкновенно вылинявшей изъ сѣрой) лошади; бываетъ какъ признакъ старости.

Грѣчица жнивю, съ кот. снята греча.

*Грѣчѣшникъ** (вслѣд. сходства по формѣ съ печеньемъ изъ гречневой муки) валеная шляпа, имѣющая видъ усѣченного копуса; нынѣ почти вездѣ уступила мѣсто картузу.

Грѣдки созвѣздіе Плеядъ.

Грѣмза старый хрычъ, дрянной старикашка.

Гузѡвѣ низъ снопа.

Гутѡритъ говорить, разговаривать.

Дай срокъ погоды; употребл. болѣе, какъ угроза.

Дѣкуша греча, гречиха.

Дѡнце доска, въ кот. вставляется гребень для пряжи.

Дѡмовѣна гробъ.

Дѡнникъ растеніе *Melilotus officinalis*.

Душѣица раст. синявка *Origanum vulgare*.

Дылятъ хромать, ковылять.

*Евѡникъ** бунск. у., высокая бурьянист. трава, также назыв. *вѡлчій хвостъ*, *Verbascum*.

*Ербулызнуть** пропустить по единой (рюмкѣ).

Ерзатъ ерзать.

Ерникъ безпутный, развратникъ.

Ерундѡ вздоръ, чепуха.

Жабѣна, *жабѣка* ямка, выбоина, лунка, дыра въ исподнемъ жерновѣ.

Жамѡкъ, *жамкѣ* пряники, скатанные въ рукахъ и расплюснутые нажимомъ въ обѣ ладони.

Желтѣуха раст. чистотѣль *Chelidonium majus*.

Жеребѣека выниманіе жеребѣевъ при наборѣ въ солдаты.

Живіка прядь льна, не отлежавшаяся въ разстилкѣ.

Жилить присвоивать себѣ что-нибудь неправильно, дѣлать на-
тяжки въ игрѣ.

Жила охотникъ присваивать себѣ чужое.

Жлуди карт. масть: трефы.

Жохъ бывалый, дока, плуть.

Жушерить ѣсть, жевать, жрать, ушисывать.

Забавляться промышлять.

Завалинка земляная присыпка у основанія избы, придерживае-
мая плетнемъ; прежде завалинки были навозныя, кот. нынѣ
воспрещены.

Заварка чаю сколько его идетъ на одинъ разъ.

Завѣкать * затаскать, засалить, замазать.

Завѣнчать зазнаться.

Забѣнз бунск. у., узкая полоса пахотной земли, менѣе десятины.

Загунить, загунуть утихнуть, уняться.

Задѣвъ коряги, пни и хворостъ на днѣ рѣки, за которые задѣ-
ваетъ неводъ.

Задора доска на окраинѣ русской печи; за эту доску держатся,
влѣзая на печь.

Зажилить присвоить себѣ чужое, отнять, и затѣмъ упрощивая,
или не возвращая взятаго на поддержаніе.

Замусолить замуслить, запачкать.

Замуровать заложить камнемъ, задѣлать накрѣпко.

Запасть пропасть, оврагъ.

Застрять, застрѣнуть (также и: *застрѣнуть*) засѣсть, завяз-
нуть, запропасться.

Захирить хворать часто, сдѣлаться слабымъ, хилымъ.

Зачинать, зачатъ, починать, почать (прош.: *зачиналъ, зачалъ,*
почалъ) начинать.

Защурить (глаза) зажмурить; *защуриться* — зажмуриться; *при-*
щуриться слегка сжать вѣки.

Зѣбри нижняя челюсть.

Зинька гайка, видъ синички, *Parus minor*.

Зоровать озорничать.

Зыбка колыбель, люлька.

Ирять пѣсни пѣть.

Извинѣться повиниться.

Изморось * самый мелкій, едва видимый дождь; отъ глаг. *моросить* (накрапать).

Инда такъ что.

Исподъ низъ; *подъ исподъ* внизъ.

Исполу пополамъ; обыкновенно такъ выражаются о сдачѣ земли крестьянамъ за половину урожая въ снопахъ и съ возвратомъ сѣмянъ, которыя обыкновенно даетъ помѣщикъ.

Исполный (напр. овёсъ и пр.); обрабатывать землю *исполно* или *исполу*.

Кабы если бы.

Кадочка конецъ палки цѣпа, къ которому прибиваютъ на ремнѣ цѣпникъ.

Кажисъ, кажется.

Казаться нравиться.

Калякать вост., (отъ чувашск. кала = говорить) бесѣдовать, разговаривать, болтать.

Карбанизъ, *карбаиизъ* кротъ.

Карда вост., загородъ для скота.

Картюшка картофель.

Кать-кать! (чув. качага = коза) междомет., служащее для призыва козъ.

Кизякъ формованный навозный кирпичъ для топлива; готовится впрочемъ только чувашами; русскіе же въ безлѣсныхъ мѣстахъ топятъ прямо соломой.

Кичка прежде означало праздничный бабій головной уборъ съ рогами; нынѣ-же, когда и дѣвки и бабы кромѣ платка никакихъ головныхъ уборовъ не носятъ, этимъ именемъ иногда называютъ волосникъ, сборникъ. Повязываясь плат-

комъ, бабы сводятъ концы его на затылкѣ, а дѣвки подъ подбородкомъ.

Кликѹша женщина, одержимая нервной болѣзнью, имѣющей сходство съ падучею.

Клохатѣ (*клохчутѣ*; о курахъ) особымъ крикомъ проситься на яйца и тѣмъ же крикомъ сзывать цыплятъ.

Клушка насѣдка.

Кнутовице рукоять кнута.

Князь шуточная кличка татарина.

Кобылка кузнечикъ, насѣк. Cicada.

Кожанъ кожаный кафтанъ, надѣваемый въ дождливую погоду.

Козны игра въ бабки.

Кокѹрка вост., сдобная лепешка, особенно съ запеченнымъ въ ней яйцомъ.

Колѣятка послѣдній хлѣбъ изъ квашни.

Коли, *коль* если; *коли* когда. *Колі нѣтъ* вост., *когда нѣтъ* какъ не быть, конечно да.

Колки (мн. ч., въ ед. не употр.) вост., отдѣльная роща, также всякій невысокій лѣсъ.

Колода большое корыто грубой обдѣлки для мѣсива и поила.

Колупатѣ ковырять, отдирать ногтями или какимъ-нибудь орудіемъ.

Конникъ прилавокъ у дверей съ подъемной крышкой.

Конитѣ болѣть, нить, мозжить или томить.

Коновитѣся конатѣся, метать жребій, мѣряться для жеребья руками по палкѣ, веревкѣ, или выходить по счету.

Копна скирдъ (по преимущ. круглый); но «копной» назыв. также кучу сѣна, въ которыя оно сметывается передъ собираніемъ въ стога.

Корявый вост., сильно рябой; также: неуклюжій, неповоротливый, негибкій.

Коромысѣ буврск. у., созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Косѹшка мѣра жидкостей, 2 шкалика; *шкаликъ* = $\frac{1}{5}$ бутылки; *бутылка* = $\frac{1}{2}$ штофа.

Коститъ повосить, ругать.

Костяника раст. и ягода каменика, *Rubus saxatilis*.

Кочанъ вилокъ; *кочень* кочерыжка, капустный стволъ.

Кочетъ пѣтухъ.

Кошѣл плетеная изъ лыкъ корзина съ крышкой; иногда называется *котомкой*, но такъ называется больше сума холщевая.

Кошма вост., войлокъ.

Коштанъ вост., мироѣдъ, живущій на мѣрской коштѣ, горланъ и коноводъ на сходкахъ.

Краля (въ карт.) дама; также: красавица.

Крестецъ копѣшка хлѣба на жнивѣ, сложенная въ видѣ креста.

Кресты (въ карт.) трефы.

Крупá снѣгъ въ видѣ крупинокъ.

Куканъ бечевка, на которую надѣваютъ подъ жабру и въ ротъ пойманную рыбу, пуская ее на привязи въ воду.

Кúкомъ раст., *Agrostema Githago*, путикъ, сорная трава и сѣмя въ хлѣбѣ; при вѣяніи отлетаетъ ото ржи, но въ овсѣ остается.

Курѣнъ калачная пекарня, изба, въ кот. пекутъ калачи; *калачъ* пшеничный хлѣбъ русскаго печенья (а не нѣмецкаго).

Курмыизъ рядъ избъ, одна сторона улицы.

Кутёнокъ, ласк. *кутка*, *кутяшка* вост., (отъ мѣстн. тат. *кутукъ* собака) щенокъ.

Ледянка лукошко или рѣшето съ подмороженнымъ дномъ для катанья съ горъ.

Лихой конская болѣзнь, гнойные желваки, ночной топотъ.

Лихоманка лихорадка.

Ловкачъ ловкій, расторопный парень.

Лодаръ лѣнтыя, бездѣльникъ, *лодарничать* бездѣльничать.

Лохматый мохнатый, косматый, долгошерстый.

Лубяникъ телѣга съ лубянымъ постельникомъ или кузовомъ, обшитая лубкомъ.

Лукать, *лукнуть* бросать, швырять.

Лутѡшка липка, съ которой снята кора, содрано лыко; она сохнетъ и вся чернѣеть.

Люситъ хитрить въ дѣлѣ, обманывать въ игрѣ; *люса* кто люситъ.

Мазѡрки вост., кладбище.

Малахѡй мѣховая шапка съ ушами; въ старое время её носили священники; нынѣ нигдѣ не употребляется.

Мѡритъ (безл.) вост.; *мѡритъ* печать передъ дождемъ.

Мартѡшка птица чайка, рыболовъ.

Мамѡня уменьш. отъ *мать*.

Махѡнина вост., конина.

Машинитъ верховой купецъ, скупающій лучшіе сорта сызранскаго пшена.

Мѡять мучить; *мѡяться* мучиться; *мѡята* мученье; *измѡяться* устать, измучиться.

Мизѡкатъ шуриться, присматриваться, шурясь.

Мозжѡтъ мозжить, болѣть, нить.

Мокрѡцъ * трава мокрица, растущая въ мокрыхъ мѣстахъ.

Мѡрда см.: верша.

Мордѡвѡнникъ колючее раст. чертополохъ.

Мотня мѣшокъ посрединѣ невода.

Мотроситъ моросить.

Мусѡтъ огниво, кресало.

Мутѡвѡзка завязка, бечевка или тесьма, шнурокъ, обрывокъ для завязки чего-либо.

Мушкарка * мошка; *мушкарѡ* тоже собир.

Мызгатъ чмокать, какъ манять собаку и покупаютъ лошадь.

Мыкальникъ ящикъ, куда бабы кладутъ разную мелочь.

Мякѡшка гнилое яблоко.

Нѡволокъ пасмурное состояніе неба.

Нагишѡмъ голю, безъ всякой одежды.

Назѡла досада, огорченье; также: человекъ досаждающій, надѡдающій.

Наизвѡротъ наоборотъ, иначе; не такъ, какъ обыкновенно.

- Нáры** лавка вдоль стѣны съ помѣщеніемъ подъ нею, куда кладуть разные вещи и сажаютъ насѣдокъ.
- Насóвышки* кофта безъ рукавовъ, которую носятъ мужики и бабы; холщевая куртка съ рукавами для стряпки.
- Настъ* отвердѣвшій снѣгъ, по которому можно ходить, не проваливаясь.
- Насромлѣть, насромѣть* корсунк. у., накладывать высокими ворохомъ, нагромозжать.
- Насу́противъ* напротивъ.
- На часъ* на минутку.
- Нашибáтъ* (безл.) находить, нападать временно (о припадкахъ какой-нибудь болѣзни).
- Ная́нливый* надоѣдливый, нахальный.
- Несурáзный* некрасивый, неуклюжій, дурной нравомъ.
- Нѣха* нелюдимъ.
- Ншикну́тъ, ншикнѣи* не шикнуть, не пикнуть, тсъ, цыцъ; обыкн. такъ унимають ребятъ.
- Ночóвка* лотокъ.
- Обдеклѣшить** обобратъ, надуть.
- Обнѣва* корсунк. у., нахлестка, прогонъ на мостовыхъ сваяхъ.
- Оглоу́шить* ударить по головѣ, по затылку.
- Ополтѣлый* шальной, озорникъ, повѣса.
- Ожога* (мячомъ въ играхъ) запятнанье.
- Омалю́дный* безлюдный, пустынный.
- Омѣха* кошель, котомка.
- Опѣчекъ* деревянный пристрой къ печи, голбець.
- Опóрки* башмаки, сдѣланные изъ сапогъ обрѣзкою голенищъ.
- Осно́въ* остовъ, костякъ, скелеть.
- Остамѣтъ** поразиться, остолбенѣть.
- Острáмка* возишко сѣна или соломы, полвоза.
- Оторопѣтъ* растеряться, сконфузиться.
- Охальникъ* нахаль, наглець.
- Оцумѣтъ* вост., одурѣть, быть въ безпамятствѣ временно.
- Ошпáрить* обварить кипяткомъ.

Па́зьмо поземь, поземельный пахотный участокъ.

Паскѹда мерзавецъ, пакостникъ; *паскѹдный* скверный.

Па́хта * оставшееся отъ битья масла молоко.

Пере́четырживать перебивать чью-либо рѣчь.

Печѹрка углубленіе на лицевой стѣнѣ печи, куда кладутъ разныя вещи для просушки.

Пешня́ желѣзный ломъ съ деревянною рукоятюю.

Пѣщуръ большая корзина, плетеная изъ лыкъ, кошель.

Плетѣнка * тележка въ видѣ корзины на дрогахъ.

Пово́йникъ нѣкогда особый бабій головной уборъ; нынѣ тоже, что и волосникъ.

Поворъ обвязка для удержанія чего-либо на своемъ мѣстѣ, веревка для увязки воза.

Подвѣски съѣмныя украшенія, надѣваемые на серьги.

Подоплѣка подкладка на крестьянской рубахѣ на спинѣ и груди.

Подлопка (испорч.: подволока) чердакъ.

Поды подати, денежные повинности.

Полѹца * отвалъ у сохи; трехугольная полка между судною и большою лавками для установки ручнаго жернова.

Полка Промзиво, 2 десятины сѣнокоса.

Помогъ холстъ, служащій для перевозки и просушки зернового хлѣба.

Поло́вня сарай для мякны, соломы, сѣна, иногда для сноповъ.

Полыха́тъ * горѣть яркимъ пламенемъ.

По-человѣчно всѣ, сплошь, поголовно, каждый.

Помочь работа міромъ за угощенье; «Богъ помочь» привѣтствіе работающимъ; стирающихъ бабъ привѣтствуютъ словами: «бѣленько вамъ».

Похѣритъ уничтожить.

Пошаба́шитъ кончить дѣло, перестать работать.

Присту́покъ доска для постановки ногъ при взлѣзаніи на печь.

Прикурнѹтъ прилечь свернувшись, скорчась; уснуть на короткое время.

Прокура́тъ шутникъ, забавникъ.

- Прóлубь* прорубь (искаженіе, вслѣдств. свойства русск. нар. яз., недопускающ. двухъ *р* въ одномъ словѣ).
- Проскѹрникъ* буинск. у., раст. просвирнякъ.
- Прóсарь* время, когда снимають недоспѣвшіе арбузы, назначенныя для вывоза.
- Простóй* пустой, порожній; *опростáть* опорожнить.
- Простока́ша* кислое, густое молоко.
- Прохолопѹть* сдѣлаться кому-нибудь холодно.
- Прочертáть* написать.
- Пря́мь* впрямь, правда, истинно, подлинно.
- Пѹрить* таранить, тащить что-н. громоздкое, тяжелое.
- Пѹще* хуже.
- Пы́ринъ, пырѹшка, пырѣнокъ* вост., индюкъ, индѣйка, индюшѣнокъ; призывная кличка индѣекъ: *пырь-пырь!*
- Пы́рять* бодать, тыкать.
- Пѣ́хій* пѣшій.
- Ра́юза* сварливый, неживчивый человекъ.
- Радѣ́тельный* старательный, усердный, ретивый.
- Ра́жій* вост., дюжій, дородный, крѣпкій, плотный, здоровый, сильный, хорошій, видный, красивый.
- Разма́лить* распотѣть, вспотѣть.
- Разсо́ха* (у сохи) доска съ двумя концами, загнутыми впередъ въ видѣ роговъ, на которую надѣваются сошники.
- Ражѹша* вост., гречневая мякина или шелуха, лузга.
- Расповѣ́тчить* раздѣлить на выти, по частямъ, надѣламъ.
- Расчѹ́хать* распознавать чувствами (кромѣ зрѣнія), особ. вкусомъ.
- Рачѹна* верблюжина, армячина, ткань изъ верблюжьей шерсти.
- Рачнѹ** снарядъ для ловли раковъ.
- Рвѣ́тъ изъ него* = его рветъ.
- Росомáха* разиня и неряха.
- Ручнѹкъ* утиральникъ, полотенце.
- Рѹскій* (гусь, утка и пр.) домашній, обыкновенный.
- Рѹса* овинъ.

Рѣчи́ть говорить, молвить, сказать.

Рѣшка * сторона монеты, на которой обозначается ея стоимость; обратная сторона: *орѣль*.

Рѣма плакса, хмыкса, рева.

Рѣха неудача, промахъ; рюха-же, если кто развалить грудку чушекъ, не выбивъ ни одной съ кона.

Сабанъ большая соха, употребляемая для поднятія нови.

Салма́ (тат.; употребляется и русскими) родъ похлебки съ клѣцками.

Сборникъ см. волосникъ.

Сбѣндить стянуть, украсть.

Сбрѣндить соврать.

Свербігуза или *дикая рѣдька* раст. острошишникъ, *Bunias orientalis*; стебли ея ѣдятъ сырьемъ.

Свистъ палка въ аршинъ для киданья.

Свиноходъ иноходъ (испорч. вслѣдствіе непониманія состава).

Свѣтѣцъ деревянный столбъ съ желѣзной развилою на верху, куда вкладывается лучина.

Сельцъ деревня съ барскимъ дворомъ, но безъ церкви.

Семитникъ 2 копѣйки серебромъ.

Сѣкать, сикну́ть брызгать, пускать воду струей, брызгами.

Сѣличъ сирѣчь, то есть, а именно.

Скирдъ общее названіе хлѣбныхъ кладей и копенъ; *кладю* же обыкновенно называютъ длинный скирдъ; въ *стоги* собирается сѣно; въ *омѣты*— солома, но ометомъ зовутъ также иногда долгій стогъ сѣна.

Склизкій скользкій.

Скрѣбать скрести, шаркать обувью.

Скуча́ть (наст.: *скучи́тъ*; прош.: *заскуча́лъ* началъ скучать) о собакахъ: жалобно выть.

Скупердѣй скряга.

Сноха́чъ живущій незаконно со снохою.

Снѣгуръ * снегирь, *Pyrghula*; птица появляющаяся у насъ съ первымъ снѣгомъ.

Собачій любитель собакъ.

Собинка кому-нибудь одному принадлежащее животное, а не всей семьѣ; скотина работника въ стадѣ хозяина.

Содомъ шумъ, крикъ (отъ назв. библейск. города); *содомить* шумѣть, кричать.

Солѡщій (о скотѣ) жадный, прожорливый; легко толстѣющій.

Сосенки родъ хвоща, растущій на пашняхъ.

Сошникъ лемехъ (у сохи).

Сотня 100 сноповъ, сложенныхъ вмѣстѣ; *десятокъ*, *сачокъ* 9 сноповъ, покрытыхъ 10-мъ.

Спасібо! — *Нѣ на чемъ!*

*Сперѣтъ** стащить, украсть.

Сполѡкъ набать.

Старшій старшій.

Стригачъ цырюльникъ.

Суволока выпашки, сорная трава, которая сволокивается борной съ поля.

Сунѡзая доска задористая, зацепистая.

Сусѣка закромъ.

Сѣтолка давка, толкотня.

Сѣрзывать сползать, сѣзжать.

Сосѡкаты шепелявить.

Таерѡ рубецъ, знакъ отъ раны, отъ болѣзни.

Тайй верзила, большой болванъ; мордовская женская верхняя рубаха.

х кустовая ива.

вост., дорожная повозка на зыбучихъ дорогахъ.

т. полевая мальва.

· языческій праздникъ; канунъ новаго года.

ткущая.

пасется скоть.

трой по бокамъ желтенькія полоски, то-

бой ткани.

Торыкѣть торкать, толкать будить.

Трусѣ! вост., кликъ для призыва лошадей; *трусѣя!* * кликъ для призыва коровъ.

Трупѣрда * человекъ толстый и неповоротливый.

Трѣшникъ 1 копейка серебромъ.

Трусѣя вост., рысца, тихая рысь лошади.

Тумашѣ суматоха, суета; чепуха.

Турѣть, турнѣть гнать, выгонять.

Тъѣтъ, тъѣсти цвѣтъ, цвѣсти.

Тъль вещество, матерія.

Тѣжень тяжесть въ членахъ.

Тѣтя (ласкат. *татаня*) отецъ.

Убѣтъся ушибиться; *убѣтъся до смерти*.

Увѣжить сдѣлать одолженіе, одолжить.

Угорный маленькій, малый, крошечный, ничтожный.

Улѣшъ (или *уляшъ*) 2 казенныя десятины (80 саж. × 60 саж.; каз. дес. = 80 с. × 30 с.).

Усынокъ рыболовный снарядъ, ванда.

Утемный маленькій крохотный.

Утрѣ завтра утромъ.

Фаутъ худшій сортъ бревенъ, кот. кладутъ внизъ плота.

Фѣбѣла простофиля, разиня; толстая баба.

Хабѣлитъ ругаться, буяннить, озорничать.

Хѣитъ вост., хулить, порицать.

Хвѣстатъ лгать, врать.

Хворѣ нервная горячка.

Хланъ (въ картахъ) валеть.

Хлудина жердь, долгая хворостина.

Хлѣнутъ хлынуть.

Хорошѣяка вост., сортъ яблоковъ, идущій въ мочку, бѣль.

Храпкѣ вост., ноздри.

Хрѣстатъ грызть, раскусывать.

Хуторъ барская усадьба, стоящая отдѣльно отъ деревни.

Цѣрка церковь.

Цѣпка тростниковая палочка, на которую наматывают нитки.

Цѣпникъ часть цѣпа, которою бьютъ.

Чабѣръ (род. п.: *чабрá*) богородская трава, *Thymus scorillonum*.

Чапáнь кафтанъ халатомъ изъ домашняго сукна съ большимъ воротникомъ; надѣвается поверхъ полушубка или зипуна; обыкновенно бываетъ, подобно зипуну, темно-коричневаго цвѣта; *зипу́нь* кафтанъ по талию изъ такого-же сукна; *чу́йка* чапанъ изъ тонкаго сукна, надѣвается поверхъ шубы; *сиби́рка* кафтанъ съ борами и не на мѣху, покрытый казинетомъ (полушерстян. ткань) или сукномъ; *тулу́нь* шуба въ видѣ халата; *полушубо́къ* шуба по талию.

Часту́ха сѣтъ съ частыми ячейками для ловли стерлядей.

Чеба́га ордынская шерсть, привозимая киргизами.

Чевѣ́ка чечевича.

Чекма́сы пшеничныя клецки, колобки.

Человѣ́чный могучій, здоровенный.

Чепла́шка или *тибетѣ́йка* шапочка, носимая татарами подъ верхней шапкой.

Чка́лить *, *учка́лить* (въ играхъ) бить мячомъ.

Чудно́й странный, смѣшной.

Чула́нь стряпная въ избѣ, за перегородкой.

Чула́нный бру́съ перекладина отъ печи до противной стѣны, для укрѣпленья чуланной переборки.

Чупру́нь подолъ юбки, сорочки, сарафана.

Чуні́й пеньковые лапти, носимые дома; зимніе, теплые лапти изъ начеси.

Чухна́ свинья. *Чухъ-чухъ!* призывн. кличка свиней.

Чу́шка свинья, свинка; отрѣзокъ жерди для игры въ *чу́шки* (городки).

Шабáль! конечно дѣло! баста!

Шабѣ́ръ (род. п.: *шабрá*, уменьш. *шабрѣно́къ*) сосѣдь; *шабрѣ́нка*, *шаблѣ́нка* буинск. у., сосѣдка.

Шабольникъ тряпичникъ.

Шандаль подсвѣчникъ.

Шайтанъ (съ тат.) чортъ, дьяволъ, сатана.

Шалбѣрничать баклушничать, бездѣльничать.

Шассать (за Волгой) подсѣвать хлѣбъ.

Шашка * 2 хозяйственные десятины (80 саж. × 80 саж.; сорочковая или хоз. десятина = 80 саж. × 40 саж.).

Швырять, швырнуть метать, кидать, бросать.

Шевырять ковырять, копаться, рыться въ чемъ, перерывать.

Шептунъ * крупная порода домашнихъ утокъ, которыя могутъ жить безъ воды.

Шерститъ царапать, драть по тѣлу, подобно шерстяной ткани.

Ширинка платочекъ, вышитое полотенце.

Шишъ! окрикъ на домашнюю птицу.

Шишъ родъ самаго простаго овина; яма съ шалашомъ надъ нею; на этотъ шалашъ кладутъ снопы для просушки; такимъ образомъ сушатъ всякій хлѣбъ.

Шмонничать, шмоняться шататься безъ дѣла.

Шмякнуться шлёпнуться.

Шнырять соваться, метаться тишкомъ, высматривать.

Шнырь пролазь, пройдоха.

Шня ровня, дружка, товарищъ.

Шобонъ ветошь, истасканная одежда.

Шобуры жеребейки изъ прѣснаго тѣста во щи; колобки, клецки.

Шу! окрикъ на хищныхъ птицъ.

Шурать, шурнуть пугать, прогонять.

Шуркать, шуркнуть швырять, бросать.

Шустрый бойкій, расторопный, проворный, ловкій.

Шушпанъ мордовскій балахонъ, мужской и женскій холщевый кафтанъ съ красною оторочкой, обшивкой, иногда вышитый гарусомъ.

Шуя плева коноплянаго сѣмени, которая подъ лузгой или шелухой.

Щенетъ вырѣзка у сарафана сзади на крыльцахъ, къ коей пришиваютъ мышки, помочи, проёмы.

*Шурята** молодыя щуки.

Этта тутъ, тамъ, тогда.

Ядрёный полный, здоровый, крѣпкій, матерой.

Ятрак шуба съ мѣхомъ внутрь и наружу; носить его впрочемъ не крестьяне, а по преимуществу помѣщики.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ

ВЪ XLIV ТОМЪ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цифра означаетъ номеръ статьи; арабскія же цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго номера.

Агнеллусъ (Agnellus). Разсказъ о появленіи подъ Равенной гуннскихъ полчищъ. III. 317.

Александръ, болгарскій царь. По его порученію, переведена на церковно-славянскій языкъ хроника Манассія. III. 28.

Алексѣй человекъ Божій. Житіе его. См. **Владимировъ**.

Апокрифы. Замѣтки въ исторіи ихъ. См. **Веселовскій**, А. Н.

Аполлинарій Сидоній. Указаніе его на Кавказскія горы. III. 349.

Аполлоній Тіанскій. Филостратово житіе. III. 89.

Арманино. Его легенда о Парисѣ. III. 45. 46. 51. 53. 59. 60. 319. 320.

Арсеніе (Arsenie). Noua colectiune de Basme san istorii populare. Эпятеъ Елены. III. 24.

Аттила. Повѣсть о немъ. III. 307—350.

Афанасьевъ. Народныя русскія сказки. III. 23. 245.

Базилікъ, Книр., польскій переводчикъ Олая. III. 339.

Баранскій. Списывалъ изъ Познанскаго сборника повѣсть о Бовѣ. III. 125.

Барсовъ. Слово о Полю Игоревѣ. III. 96.

Бартоли. Storia della letteratura italiana. III. 221.

Барчъ. Denkmäler der provenzalischen Literatur. III. 65. 68.

Беда. De divisionibus temporum. III. 326.

Бедье. La mort de Tristan et d'Iseut. III. 132. 134. 135. 208. 209.

Безсоновъ. Книга Пчела. Злословіе на женщинъ. III. 6. 7.

- Бенуа де Сентъ-Моръ**, подражатель Дарета. III. 26. 41. 65. 67.
- Бёттигеръ**. Der Tristan des Thomas. III. 133.
- Бехтольдъ и Феттеръ**. Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen, Mönchs und Leutpriesters zu Stein und Rhein. III. 227.
- Бехштейнъ, Р.** Издание его: Heinrich von Freiberg Tristan. Характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ. III. 20. 21. 209.
- Библия Скоринны**. Матеріалъ для изученія литературнаго бѣлорускаго языка. III. 127.
- Биографія Пушкина**. Хронологическая канва для нея. См. Гротъ, Я. К. и Пономаревъ, С. И.
- Бово**. Повѣсть о немъ. III. 229—305.
- Бодянский, М. О.** О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библиотекѣ. III. 125.
- Бракельманъ**. Его генеалогія французскихъ прозаическихъ романовъ, къ которымъ относится первоисточникъ познанскаго Тристана. III. 133. 134.
- Бронницкй**. Русскія народныя сказки. III. 245.
- Брюкнеръ, А.** Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyńskichen Bibliothek in Posen. III. 125—129. — Указаніе его на оригиналъ бѣлорусской повѣсти объ Аттилѣ. III. 339.
- Бугге**. Его гипотеза, открывающая въ мнелогіи скандинавскаго сѣвера слѣды знакомства съ глоссарной литературой. III. 27.
- Будинская лѣтопись**. См. Кеза.
- Буславъ, О. И.** Въ его «Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и древняго русскаго языка» помѣщенъ небольшой отрывокъ славянской повѣсти о Троѣ. III. 29. — Учебникъ русской грамматики. IV. 3. 4. — Былина объ Ильѣ Муромцѣ въ Исторической хрестоматіи. IV. 11. — Суды Соломоновы, въ томъ же трудѣ. IV. 12.
- Былина о Садкѣ**, — статья. См. Веселовскій, А. Н.
- Бѣлорусская повѣсть объ Аттилѣ**. Оригиналъ ея. См. Брюкнеръ, А.
- Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ** въ Познанской рукописи конца XVI вѣка. См. Исторія романа и повѣсти.
- Вакернагель**. Kleine Schriften. Das Schachspiel im Mittelalter. III. 227.
- Ванъ-Гамель**. Издакъ «Li romans di Carité et Miserere du Renclus de Moliens». Мысли о бракѣ. III. 10.
- Варке**. Die Lais de Maria de France. III. 234.
- Ваттенбахъ**. Ganumed und Helena. Описаніе Елены. III. 18. 96.
- Волькеръ**. Der epische Cyclus. III. 2.
- Веселовскій, А. Н.** Южно-русскія былины. III. 4 — 20. 23. 73. 228. 316. — Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. III. 6. 67. 68.

140. 199. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** III. 7. — **Новыя книги по народной словесности** (Ж. М. Н. Пр. 1886 г.). III. 16. — **Статья: Былина о Садѣ.** III. 23. — **Статья: Мелкія замѣтки къ былинамъ и Отчетъ о сборникѣ Кремницъ.** III. 23. — **Статья: Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ.** III. 26. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** III. 68. 70. 73. 88. 96. 98. 137. — **Сказки объ Иванѣ Грозномъ.** III. 68. — **Отчетъ объ изданіяхъ Сырку.** III. 70. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха.** III. 96. 234. 333. — **Замѣтки къ исторіи апокрифовъ.** III. 96. — **Zum russischen Bovo d'Antona.** III. 125. — **Статья: Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Грѣвномъ Радо.** III. 227. 321. — **Die Rolandsage in Ragusa.** III. 227. — **Статья: Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ.** III. 245. — **Замѣтка: Киевъ — градъ Днѣпра.** III. 345.

Веселовскій, А. Н. Изъ исторіи романа и повѣсти. Вып. второй. Славяно-романскій отдѣлъ. III. 1—361. — **Приложенія.** III. 1—262.

Византійскій эпосъ. Отрывки его въ русскомъ эпосѣ. См. **Веселовскій, А. Н.**

Виллани, средневѣковой писатель. Наименованія имъ троянскихъ влѣстителей. III. 31. 242. — **Его хроника.** III. 318. 319.

Владимировъ. Житіе св. Алексѣя челоуѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка. III. 128. — **Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія в языкъ.** III. 128.

Власлоцкій. **Статья: Die Episode des Gottesgerichtes in «Tristan und Isolde» unter den transilvanischen Zeltzigeunern und Rumänen.** III. 199.

Волоцкій, Іосифъ. Мысли его о бракѣ. III. 10.

Востоковъ. Мнѣніе его объ источникѣ пересказовъ легенды о юности Париса. III. 65.

Газаховъ, А. Д. **Исторія русской словесности.** III. 11. 95. 125.

Гаспари. *Geschichte der italienischen Literatur.* III. 137.

Гастеръ. Мнѣніе его о румынскомъ Бовѣ. III. 128. 129.

Гейнцель, Рич. *Ueber die Hervararsaga.* III. 340. 341. 343. 345—350.

Герардо (Gherardo), народный поэтъ XV вѣка. Пересказалъ дѣянія Бово въ пространной поэмѣ. III. 244.

Гольтеръ. *Die Sage von Tristan und Isolde.* III. 132. 134. 162. 195. 207. 208.

Горра. *Testi inediti di Storia troyana preceduti da uno studio sulla leggenda troyana in Italia.* III. 38. 41. 46. 47. 50. 51. 59. 65.

Гортисъ (Hortis). *Studi sulle opere latine del Boccaccio.* III. 31.

Грамматика Ломоносова. IV. 12.

Грейфъ, Вильг. Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. III. 26—28. 32. 37. 41. 63. 66. 67. 73. 81. 82. 90.

Григоровичъ, профес. Его рукопись Троянской повѣсти. III. 60. 96.

Гриммъ. Heldensage. III. 332.

Гротъ, Я. К. Русское Правописаніе. IV. 11.

Гротъ, Я. К. и **Пономаревъ**, С. И. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. I. 1—24.

Губачъ (Hubatsch). Die lateinischen Vagantenlieder. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5.

Гутсманнъ и **Янежичъ**, словенцы. Словарь ихъ. III. 226.

Гюмеръ (Huemer). Lateinische Rhythmen des Mittelalters. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5. — Ein Trojanerlied aus dem Mittelalter. III. 96.

Даль. О нарѣчійхъ. IV. 1. 3. 6. 13. 14. — Его словарь. IV. 10. 16.

Дамасцій. Разсказъ объ Атилѣ. III. 316. 339.

Давидъ Заточникъ. Мысли его о женской физической красотѣ. III. 15.

Д'Анкона. Статья: La leggenda d'Attila Flagellum Dei in Italia. III. 301. 310. 311. 315. 319—322. 324. 339.

Даретъ и **Диктисъ**. Разсказы ихъ какъ основа всѣхъ средневѣковыхъ поэмъ о Троѣ. III. 25—28. 31. 32. 40. 43. 51. 56. 58. 67. 78. 79. 88.

Де-Трессанъ, графъ. Его пересказъ старопечатнаго французскаго романа о Трѣстанѣ. III. 135.

Диверзисъ. См. Филиппъ De Diversis.

Диктисъ. См. Даретъ и Диктисъ.

Доминиъ. Служилъ для Малала источникомъ его отдѣла о Троѣ. III. 27.

Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. III. 96.

Дунгеръ. Die Sage vom trojanischen Kriege. III. 25. 33. 34. 39.

Дѣи Римскія, бѣлорусскій памятникъ. III. 128.

Дю-Мериль. Разсказъ его о паденіи Трои и судьбахъ Энея. III. 40.

Дюранъ. Romansego general. III. 42. 52. 66.

Житіе св. Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV в. См. **Владимировъ**.

Жоли. Benoît de Ste More et le roman de Troie. III. 25. 41.

Замѣтки къ исторіи апокрифовъ. См. **Веселовскій**, А. Н.

Замѣтки по литературѣ и народной словесности. См. **Веселовскій**, А. Н.

Зингеръ. Статья: Graf Rudolph. III. 240.

Ингольдъ. Das Guldin-Spiel. III. 227.

Истоминъ, Ф. М. Сообщилъ нѣсколько извлеченій и разночтеній рукописной повѣсти о Бовѣ, найденной въ Охонецкой губерніи. III. 287.

Историческая хрестоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка. См. Буславъ, Ф. П.

Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. См. Недешевъ.

Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. См. Дубровинъ.

Исторія объ Аттилѣ, королѣ Угорскомъ. III. 1.

Исторія романа и повѣсти А. Н. Веселовскаго. Славяно-романскія повѣсти. III. 1—24. — Южно-славянская повѣсть о Троѣ. 25—121. — Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ въ Познанской рукописи конца XVI вѣка. 125—350. — Поправки и дополненія. 351—361. — Приложенія. III. 1—262.

Исторія русской церкви. См. Макарій.

Иорданъ. Разказы его о готскихъ вождуняхъ. III. 310. — О разрушеніи Аттилой Милана. III. 324. 347.

Юсифъ Флавій. Разказъ его о пришествіи Александра Великаго въ Іерусалимъ. III. 316.

Кайзеръ. Его изданіе Flavii Philostrati Opera. III. 2.

Каланъ, Юлій Цесарь. Исторія Аттилы (1502 г.). III. 339.

Каллимахъ. Experientis Attile Vita (1489 г.). III. 337. 339.

Карскій. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. III. 128.

Кеза. Его Будинская лѣтопись. III. 332. 334. 338. 347.

Келлеръ, А. Издаеъ Der Trojanische Krieg. III. 5. 17. 60. — Напечаталъ отрывокъ Chanson de geste о Bueves d'Hanstone. III. 229. 230.

Кельбнигъ. Die nordische Tristansage. III. 162. 210.

Книгель, Год. Его изданіе Lycophronis Alexandra. III. 2.

Кирничниковъ, проф. Указаніе въ его рефератѣ на среднеболгарскую версию Троянской повѣсти. III. 60.

Кирѣвскій, П. В. Собранныя имъ пѣсни. III. 245.

Кіевъ — градъ Дѣвира, — замѣтка. См. Веселовскій, А. Н.

Клаотта (E. Cloetta). Poëme moral. О женской красотѣ. III. 15.

Книга Пчела. См. Безсоновъ.

Колларъ, Фр. Nicolai Olahi metropolitano Strigoniensis Hungaria et Atila. III. 339.

Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго народнаго языка. IV. 7. 12. 13.

Конрадъ Вюрцбургскій. Его поэма о Троянской войнѣ, изданная А. Келлеромъ. III. 60. 63. 64. 66. 70. 71.

Косквинъ (Cosquin). Contes populaires de Lorraine. III. 231.

Крауссъ. Sitte und Brauch der Südslaven. Южно-славянскія пословицы въ этомъ трудѣ. III. 11.

Ланге, Р. О. Доставилъ извлеченія изъ изданій о Тристанѣ 1489 и 1520 годовъ. III. 135.

Лангебекъ. Chronicon Erici regis. III. 343.

Лахманъ. Издавъ поэму о Нибелунгахъ. III. 332.

Левъ, папа. Разсказъ объ удержаніи имъ Аттилы на берегахъ Мин-чио силою своего слова. III. 316. 318. 319.

Лейзеръ. Напечаталъ отрывокъ латинской Илиады, который воспроизводитъ нѣсколько стиховъ Илиады Симона. III. 40.

Ленуаръ. Le livre de Beuves de Hantonne et de la belle Josianne (1502). III. 229.

Липоманъ, Алонз. Вывезенный имъ изъ Польши портретъ Аттилы. III. 310.

Литовская хроника. Языкъ этого памятника. III. 127.

Литовскій статутъ. Матеріалъ для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка. III. 127.

Лихтенштейнъ. Изданіе его: Eilhard von Oberge. Характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ. III. 20. 21. 162. 209.

Ломоносовъ. Его Грамматика. IV. 12.

Лугославскій. Статья: Les folies de Tristan. III. 199. 208.

Макарій. Исторія русской церкви. III. 9.

Малала, глава подражателей Диегиса. III. 26. 27. 58. 70. 340.

Малесинни. Наименованія имъ троянскихъ влстителей. III. 31.— Разсказъ объ Аттилѣ. III. 318. 319.

Манаесія. Въ Ватиканскомъ спискѣ его хроники помѣщенъ латинскій переводъ славянской повѣсти о Троѣ. III. 28.

Маркзали. Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. III. 314. 331. 333. 334. 338.

Марцари. Historia di Vicenza. Упомянется о портретѣ Аттилы, вывезенномъ изъ Польши. III. 310.

Марцеллинъ. Въ его памятникѣ XV в. упоминается объ аланскихъ или гуннскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ. III. 346.

Мейеръ (Paul). Plaidoyer en faveur des femmes. — Стихотвореніе Du bounté des femmes. III. 6. — Замѣтка о рукописи Chanson de geste о Bueves d'Hanstone. III. 229. 240.

Мейстеръ, Ф. Обратилъ вниманіе ученыхъ на латинскій переводъ славянской повѣсти о Троѣ, сдѣланный Миклошичемъ. III. 28.

Менчикъ (F. Menčík). Кнѣжку о hře šachové. III. 227.

Миклошичъ. Перевелъ на латинскій языкъ славянскую повѣсть о

- Троф. III. 28. 73. 108. 109. 220.— Мнѣніе его о сербскомъ словѣ «оглас». III. 226.
- Миладиновы.** Идеаль красоты въ ихъ болгарской пѣснѣ. III. 16.
- Миллеръ, Вс.** Осетнскіе этюды. III. 349.
- Мишель, Tristan.** Характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ. III. 20—22. 162. 187. 209.
- Морель-Фацие (Morel Fatio).** Издаде Liber Faceti. Увлеченіе чтеніемъ Овидія на Западѣ. III. 13.
- Мотовиловъ, А.** Симбирская молвь. Симбирская молвь Владиміроваго говора. IV. 1—14.—Областные слова Симбирской губерніи. IV. 15—34.
- Муссеоля.** Ueber die spanischen Versionen der Historia Trojana. III. 41.—Lorenzo de Sepulveda. III. 42.—Ueber eine altfranzösische Hs. der königlichen Universitätsbibliothek zu Pavia. III. 135.
- Мюллеръ, Хр. Г.** Его изданіе объ Ахиллѣ. III. 2.
- Мюре, Эрн.** Статья: Eilhart d'Oberg et sa source française. III. 133. 162. 190.
- Народныя русскія сказки.** См. Леонасьевъ.
- Недешевъ.** Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. III. 128.
- Никодимово евангеліе,** памятникъ бѣлорусскій. III. 128.
- Ниронъ.** Storia dell' eroica francese. III. 235.
- Новати.** Статья: Un nuovo e un vecchio frammento del Tristano di Tommaso. III. 133.
- Новгородско-Софійская рукопись XVI вѣка.** См. С.-Петербургская духовная академія.
- Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ,**—статья. См. Веселовскій, А. Н.
- Новыя книги по народной словесности,**—статья. См. Веселовскій, А. Н.
- Ногмовъ, кабардинецъ.** Указанія его на черкесскія пѣснѣ. III. 314.
- Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей русскаго народнаго языка.** См. Колосовъ.
- Обзоръ хронографовъ.** См. Поповъ, А.
- Областные слова Симбирской губерніи.** См. Мотовиловъ, А.
- Олай.** Vita Attilae. III. 332. 333. 337. 339.
- Осетнскіе этюды.** См. Миллеръ, Вс.
- Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ,**—статья. См. Веселовскій, А. Н.
- Отчетъ объ изданіяхъ Сырку.** См. Веселовскій, А. Н.
- Отчетъ о сборникѣ Кремницъ.** См. Веселовскій, А. Н.

Очерки сѣверо-западной Монголіи. См. Потанинъ.

Очеркъ литературной исторіи старинныхъ новѣстей и сказокъ русскихихъ. См. Пышнѣй, А. Н.

Павелъ Діаконъ. Его версія легенды о встрѣчѣ Аттилы съ свв. Петромъ и Павломъ. III. 316.

Пажекъ. Črtice iz duševnega žitka štajerskih Slavencev. III. 329.

Пари (G. Paris). La poésie du moyen âge. Увлеченіе чтеніемъ Овидія на Западѣ. III. 13. — Les romans en vers du cycle de la Table ronde. III. 132. 133. 168. 200.—Статья: Note sur les romans relatifs à Tristan. III. 133. 134.—Merlin, roman en prose du XIII siècle. III. 200.—Мнѣніе о времени появленія Chanson de geste о Voeves d'Hanstone. III. 229.—Le récit Roma dans les Sept Sages. III. 326.

Паскуале Пана. Conti di antichi cavalieri. III. 192.

Педро Дельгадо. Crónica Troyana. III. 41.

Петритцъ. Обработка имъ поэмы о Дигенисѣ. III. 17.

Петръ Альфонсъ (XII в.). Его «Disciplina Chriscalis», въ которомъ имѣется поученіе отца сыну относительно женщинъ. III. 6.

Повѣсть о трехъ царяхъ-волхвахъ, памятникъ бѣлорусскій. III. 128.

Подхрацкій (Podhraszky). Chronicon Budense. III. 347.

Познанскій сборникъ. Значеніе его въ литературной исторіи Западной Руси. III. 128.—Содержаніе его, мѣсто написанія и время, когда онъ могъ попасть въ семью Униховскихъ. III. 129—131.

Полливановъ. Русская и церковно-славянская этимологія. IV. 6. 12.

Полидори. La Tavola Rotonda, переводъ французскаго прозаическаго Тристана. III. 134—136. 137. 142. 146. 147. 153. 162. 168. 174. 177. 190. 195. 214. 216.

Пономаревъ, С. И. См. Гротъ, Я. К. и Пономаревъ, С. И.—Пушкинъ въ родной поэзіи. II. 1—16.

Поповъ, А. Въ его «Обзорѣ хронографовъ» помѣщено описаніе находящагося въ Новгородско-Софійской рукописи XVI в. списка славянской повѣсти о Троѣ. III. 28. 29. 71. 80. 284.

Поправки и дополненія къ статьѣ: Изъ исторіи романа и повѣсти. III. 351—361.

Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Легенды о Чингисѣ. III. 312. 313.

Приложенія къ статьѣ: Изъ исторіи романа и повѣсти. III. 1—269.

Пташницкій, С. Л. При его посредничествѣ списаны изъ Познанскаго сборника повѣсть о Бовѣ и друг. III. 125.—Письмо его съ свидѣніями о Г. П. Униховскомъ, первомъ владѣльцѣ Познанскаго сборника. III. 130. 131.

Пушкинъ. См. Биографія Пушкина.—Пушкинъ въ родной поэзіи. См. Пономаревъ, С. И.

Поэаъ, Фр. *Tristan und Isolda, Prosaroman des XV Jahrhunderts.* III. 209.

Пчела, книга. См. Безсоновъ.

Пыпинъ, А. Н. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказовъ русскихъ. III. 6. 7. 29. 74—77. 86. 88. 245. 246. 285. 287.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. III. 245.

Радловъ. *Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens.* III. 312.

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. См. Веселовскій, А. Н.

Райна. Мнѣніе его о Ланделотѣ Палатинской рукописи. III. 135.—*Un' iscrizione peresina del 1131.* III. 137.—*Издавъ Cantare quando Tristano e Lancelotto combatetero al petrone Merlino.* III. 204.—Напечаталъ въ книгѣ *I Reali di Francia* пересказъ древней поэмы о *Bueves d'Hamstone.* III. 229. 241. 242. 244. 246. 249. 253. 271. 287. 292. 304. 305.

Ренье. *Il tipo estetico della donna nel medio evo.* Замятка А. Н. Веселовскаго по поводу этой книги. III. 16.

Ровинскій. Русскія народныя картинки. III. 245. 285.

Роскоханый, Янъ. Его словарь. III. 227.

Русская и церковно-славянская этимологія. См. Поливановъ.

Русскія народныя картинки. См. Ровинскій.

Русскія народныя сказки. См. Бронницкый.

Русское правописаніе. См. Гротъ, Я. К.

Саболякъ. Его Девады Венеціанской исторіи. III. 339.

Садовниковъ. Сказки и преданія Самарскаго края. III. 23.

Саксонъ Грамматикъ. Разсказъ о войнѣ между датчанами и гуннами. III. 342. 343.

Самбукъ. Издавъ сочиненіе Олая объ Аттигѣ. III. 339.

Саррацинъ (Sarrazin). *Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman.* III. 132. 162.

Свида. Упоминаемая имъ Илиада Коринна, ученика Паламедова. III. 27. — Разсказъ объ Аттигѣ въ Миланѣ. III. 324.

Седерскіѣльдъ (Gustav Cedersciöld). *Fornsbögur Suðrlanda.* III. 232. 240.

Сиверсъ. *Mittelhochdeutsches Schachbuch.* III. 227.

Сигурдссонъ. Его *Trójumanna saga.* III. 54. 58. 60. 68. 70.

Сизифъ Косскій. Служилъ для Малалы источникомъ его отдѣла о Троѣ. III. 27.

Симбирская молвь. См. Мотовиловъ, А.

Симонъ Ауреа (Simon Carpa Aurea). Написалъ (1152) Илиаду. III. 40. 60. 66.

Сказки и преданія Самарскаго края. См. Садовниковъ.

Сказки объ Иванѣ Грозномъ. См. Веселовскій, А. Н.

Скорина. Библія его, какъ матеріалъ для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка. III. 127.

Славяно-романскія повѣсти. См. Исторія романа и повѣсти.

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. См. Веселовскій, А. Н.

Слово (болгарское) о ветхомъ Александрѣ. Роль Кассандры. III. 69. 97.

Слово о Полку Игоревѣ. См. Барсовъ. — Новый взглядъ на Слово.

См. Веселовскій, А. Н.

Снегиревъ. Упомянутое его объ Атилѣ. III. 339.

С.-Петербургская духовная академія. Въ принадлежащей ей Новгородско-Софійской рукописи XVI в. находится текстъ славянской повѣсти о Троѣ. III. 28.

Судръ (Sudre). Les allusions à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge. III. 132.

Суды Соломоновы, статья. См. Буслаевъ, Ѳ. И.

Сырку. Издалъ средне-болгарскую версию Троянской повѣсти. III. 60. — Отчетъ о его изданіяхъ. См. Веселовскій, А. Н.

Тасси. Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa. III. 204. 221.

Тоблеръ. Статья его: Proverbia quae dicuntur super natura feminarum. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5. 6.

Тристанъ. Повѣсть о немъ. III. 132—228.

Троя. Южно-славянская повѣсть о ней. См. Исторія романа и повѣсти.

Троянская притча по рукописи Новгородско-Софійской № 1497. III. 101—121.

Трызны, паны. Родословная ихъ въ Познанскомъ сборникѣ. III. 129.

Тысяча и одинъ день. Изданное въ Букурештѣ собраніе повѣстей. III. 129.

Тьерри, Ам. Histoire d'Attila et de ses successeures. Легенды и сказанія объ Атилѣ. III. 307. 311. 316. 317. 335.

Унховскіе, владѣльцы Познанскаго сборника. III. 129. 130.

Унховскій, Г. П. Свѣдѣнія о немъ С. Л. Пташицкаго. III. 130. 131.

Усова, А. С. Доставила копію съ повѣсти о Бовѣ изъ Истоминскаго сборника XVII вѣка. III. 286.

Учебникъ русской грамматики. См. Буслаевъ, Ѳ. И.

Феттеръ. La légende de Tristan. III. 133.

Филиппъ De Diversis. Извѣстія его о бракѣ въ Дубровникѣ. III. 11. 12.

Форезе дед Донати, средневѣковой писатель. Его номенклатура троянскихъ влстителей. III. 31.

Франке. Zur Geschichte der lateinischen Schulproesie. Нападки на женщинъ въ средневѣковой литературѣ. III. 5.

Франческино делли Альбизци (Franceschino delli Albizzi), средневѣковой писатель. Его номенклатура троянскихъ влстителей. III. 31.

Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и италианскія поэмы о гвѣвномъ Радо. См. Веселовскій, А. Н. *

Хронологическая канва для биографіи Пушкина. См. Гретъ, Я. К. и Пономаревъ, С. И.

Цеднеръ. Hebraische Bibliographie. III. 129.

Целлеръ. Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karlsruos. III. 227. 258.

Чихакъ. Dictionnaire d'étymologie daco-romane. III. 226.

Шаде. Visio Tungdali. III. 86.

Шеферъ-Боахоретъ. Взглядъ его на подлинность лѣтописи Рикордано Малеспини. III. 318. 319.

Шоттъ. Walachische Märchen. Эпитеть Елены. III. 24.

Штеггель. John Gower's Minnesang u. Ehrzuchtbüchlein. III. 8.

Шульцъ. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger. Преимущество грамотности на Западѣ въ средніе вѣка — на сторонѣ женщинъ. III. 14.

Шухардтъ. Замятки его: Slawo-deutsches und Slawo-italienisches. III. 137.

Эллинискій лѣтописецъ. Въ немъ сохранилось единственное русское болѣе древнее упомнаніе объ Аттілѣ. III. 339.

Этлендеръ. Pièces inédites du roman de Tristan. III. 176.

Южно-русскія былины. См. Веселовскій, А. Н.

Южно-славянская новѣсть о Троѣ. См. Исторія романа и новѣсти.

Ягичъ, Н. В. Издаде два хорватскихъ глаголическихъ текста славянскои новѣсти о Троѣ: «Priměri staroherv. jezika» и «Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga». III. 29. 72. 220. 270.—Статья: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung. III. 32. 99.—Отчетъ въ Archiv f. slav. Philologie. III. 137.—Мнѣніе о сербскомъ словѣ «оружатъ». III. 226.

Яковъ de Cessole. Solatium ludi scaccorum. III. 227.

Явсжичъ. См. Гутсманнъ и Явсжичъ.

Феодосій Печерскій. Слово о вѣрѣ латинской и варяжской. IV. 3.

